

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2021. 16(4)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ (г. СЫКТЫВКАР, РОССИЯ)
гл. редактор – д-р ист. наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. СОЧИ, РОССИЯ)
канд. ист. наук

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

Г. ЧЖАН (г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель и издатель – Cherkas Global University, США

Адрес для писем:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Подписано в печать 01.12.2021 г.

Заказ № 68.

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

На обложке слева направо:

Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Север Российской империи. Село Кереть»

BYLYE GODY. 2021. 16(4)
HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

I. L. ZHEREBTSOV (SYKTYVKAR, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE) Deputy
Editor in Chief – Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Publisher – Cherkas Global University, USA

Postal Address:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Approved for printing 1.12.2021

Order № 68.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo «The North of the Russian Empire. Keret village»

CONTENTS

ARTICLES

The Polish-Lithuanian Power and Orthodox Rus as Portrayed in the Works of Polemicists at the end of the 16th – first third of the 17th centuries Yu.A. Chupryna	1583
Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries O.A. Plotskaya, L.V. Sokolskaya, E.N. Kaliakperova, D.G. Alekseeva	1594
Descriptions of the City of Tara in Archival Documents of the late 17 th – early 18 th centuries A.A. Krikh	1602
Shipbuilding in the Voronezh Region during a Petrovsky Epoch and Its Influence on Growth of Enterprise Activity N.A. Dushkova, L.I. Maslikhova	1615
On the Issue of Reforming Public Education in the Russian Empire O.I. Artemenko, S.P. Anzorova, S.A. Moskvicheva, D.V. Petrukhnina	1624
Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733 B.A. Aznabaev, A.I. Kortunov	1638
Ukrainian Cossack and Noble Family Kostenetsky: the Historiographic and Source Analysis S.I. Degtyarev, A.I. Ziakun, J. Gut, L.G. Polyakova	1650
Political and Public Activity of the Institute of Batyrs of Western Siberia as Part of the Russian Empire (XVIII-XIX centuries) Y.T. Kartabayeva, G.S. Bedelova, A.A. Toktagan, N.N. Akpanbet	1661
Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries) A.A. Cherkasov	1672
The Policy of the House of Romanov and the Russian Government on the Development of Scythian Archaeology Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov, V.A. Rogozhkin	1683
The History of the Study and Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Caucasus at the end of the 18th – first third of the 20th centuries: Source Study and Historiographic Review L.P. Ermolenko, M.E. Kolesnikova	1692
Socio-Political Aspects of the Evolution of Scientific Medical Societies of Great Britain and Russia O.Y. Zhukovets, E.K. Sklyarova, Yu.A. Sidorenko, E.N. Butova	1701
To the Question of the Spread of Plague in Circassia in the first half of the 19th century T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1710
Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century A.E. Lebid, N.A. Shevchenko	1716
Economic and Political Development of the Grand Duchy of Finland (1809–1917) I.S. Denisov	1728
Civilization Mission of the Russian Empire in Central Asia in the 19th century (Based on Materials from the State Archive of the Orenburg Region) V.L. Muzykant, G.N. Trofimova, V.D. Takazov, A. Kalimoldaev	1737

“Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya” as a Source on the History of Public Education in the Caucasus E.N. Malyuga, B. Tomalin	1751
The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 4 A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.G. Zimovets	1762
To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) I.A. Ermachkov, A.A. Baibarın, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk	1779
To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1 O.V. Natolochnaya, R.M. Allalyev, Alexey V. Dyuzhov, S.V. Petrova	1789
The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 A.M. Mamadaliev, V.V. Bogdan, N.V. Svechnikova, A.N. Volkov	1800
Formation of a System of Excise Taxes in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries) Yu.A. Lysenko	1814
The City and the Intellectual Class: Socio-Political Interconditionality in North Kazakhstani Region on the cusp of the XIX–XX c. G.Zh. Sultangazy, L.K. Mukatayeva, Zh.Ye. Nurbayev	1826
Professionalization, Democratization, and Nativization of the Justice of the Peace Corps in the South-Western Provinces in the Late Imperial Russia I.I. Verniaev	1835
Text Analysis of the Yenisei Provincial Administrations and the Yenisei Provincial Court documents about officials’ abuse in Siberia in the second half of the 19th century T.G. Karchaeva, A.G. Gryaznukhin, G.M. Lushchayeva, O.G. Alekseev	1849
Socio-Economic Significance Orenburg-Tashkent Railway in the Syrdarya Region of the Turkestan General Government L.S. Dinasheva, M.M. Tastanbekov, G.Y. Sabdenova, T.S. Kalenova	1857
The Land Issue on the Territory of Modern Kazakhstan and Its Reflection in Legislative Documents (1870–1890s) N.Y. Yessetov, A.I. Kortunov	1867
Folk Readings as one of the Forms of Organization of Rural Extracurricular Education in the Orel Province in the second half of the XIX – early XX centuries O.V. Klevtsova, N.A. Zhirov	1877
Sport Societies and Leisure Time in Rostov-on-Don at the turn of the 19 th –20 th centuries M.V. Bratolyubova	1886
The Image of China and the Chinese in Late Imperial Russia (based on Materials from the “Niva” Journal) A.A. Avdashkin, T.V. Raeva, I.V. Sibiryakov	1898
From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province) A.E. Epifanov, E.M. Pavlenko	1910
Publicists of the “Russkoe Bogatstvo” about the Experience of Parliamentarism in Western Countries (late 19th – early 20th centuries) S.N. Kastornov, Yu.Y. Ponomareva, A.P. Chervinskaya, O.V. Leonova	1922

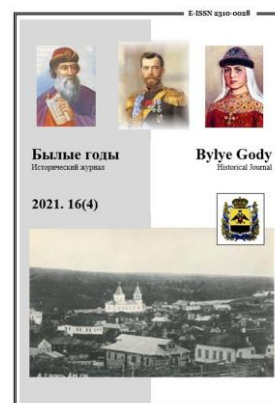
The “Truth” and the “Falsehood” of the Suworov Soldier: The Problem of Authorship of Ilya Popadichev's Memoirs T.A. Volodina, K.A. Podrezov	1935
Implementation of the Experience of the Elberfeld System in the Cities of Siberia in the 19 th – early 20 th centuries (on the Example of Tomsk) T.A. Kattsina, N.V. Pashina, L.E. Mezit, N.A. Goncharevich	1947
The Peoples of the Russian Empire’s North in the Regional Press of the late XIX century D.S. Pchelkina, K.A. Degtyarenko	1955
Discussion of the Issue of Obtaining an Ice-Free Port in the Far East by the Leadership of the Russian Empire at the end of the 19th century V.V. Suworov, L.V. Klimovich	1964
Popular Scientific Book for Children “Peoples of Russia” as a Historical Source N.N. Sereckina, N.N. Pimenova, A.A. Shpak	1972
Unknown Project of the Reform of Governance of the Russian Cossack Hosts: Report by General N.A. Maslakovets to A.N. Kuropatkin in 1900 A.Yu. Peretyatko	1981
The Reflection of the Initial Period of the Russian-Japanese War in the Journal “Ogonek” (January – March 1904) D.S. Sknarev, Z.S. Zyukina, E.S. Kozlovskaya, N.M. Suzdalova	1996
Evolution of the Views of Russian Monarchists on Ensuring Political Stability in the period 1905–1917 S.E. Prokofiev, P.S. Seleznev, A.V. Fedyakin, V.V. Titov	2005
Areas of Concern of “the Russian Policy” in the Reports of the German Naval Attaché P. Hintze in 1905–1908 S.N. Sinegubov, S.P. Shilov	2014
Philanthropy in the Field of Guardianship and Care of Children in the Town of Tsaritsyn of the early 20th century I.N. Litvinova, O.A. Karagodina, E.O. Danilova	2026
Sources on the History of the Yenisei Peoples of the Russian Empire (on the Example of the Analysis of Materials from the Newspaper "Krasnoyarets") E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova, Yu.S. Zamaraeva	2034
The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 N.P. Koptseva, K.V. Reznikova, Yu.N. Menzhurenko	2043
Crafts and Hiring for Agricultural Work of Settlers of the Tomsk Province According to the Results of an Economic Survey Conducted Under the Leadership of V.Ya. Nagnibeda in 1911–1912 D.N. Belyanin, V.N. Razgon, A.V. Razgon	2053
Patriotic Moods of 1914 as a Mobilization Resource of Social Transformations P.A. Merkulov, S.V. Bukalova, O.V. Leonova, N.V. Mironenko	2062
Identification of the Steamer “Granata”, acquired by Izhevsk Factories during the First World War N.W. Mitiukov	2073

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1583-1593
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1583

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

The Polish-Lithuanian Power and Orthodox Rus as Portrayed in the Works of Polemicists at the end of the 16th – first third of the 17th centuries

Yulia A. Chupryna ^{a, *}^a St. Petersburg State University, Russian Federation**Abstract**

This paper concerns the construction of the image of Polish-Lithuanian power in the context of religious polemics at the turn of the 16th – 17th centuries. Debates between Orthodox and Uniate Christians in the Polish-Lithuanian Commonwealth generated polemical texts which were created in the context of Orthodoxy's struggle for rights and freedoms. In the 19th and 20th centuries, polemical literature as an historical source was viewed through the prism of a national project or through a preexisting national narrative. When researching the relationship between Ukraine and Russia, historians found evidence in the polemical writing of the 17th century to justify oppression, explain distinctive culture, and account for national struggle. Contemporary historiography, however, offers new angles through which to view these texts, through the lens of intellectual history and memory studies. In this vein the historical worldview of a 17th century person becomes especially interesting.

At the center of our study are the views of Orthodox polemicists, who represent the “Ruthenian” populace in the Polish-Lithuanian Commonwealth, concerning the history of the rule of Lithuanian princes and Polish kings. The acceptance of the Union of Brest caused greater interest and reflection in this population to “one’s own” past, legal situation, loyalty to the king; as a result, the image of Polish and Lithuanian rulers became more complicated. Aiming to legalize Orthodoxy, church leaders actualized historical images of princes and kings, presenting them as givers and guarantors of the rights and freedoms of Rus. Fighters for Orthodoxy were not repulsed by the fact that the king was Catholic; rather, they agitated for equality between the Greek and Roman faiths. We find justification for this equality given through an appeal to a glorious past, to the history of the annexation of Rus’ lands to Lithuania, the Union of Lublin, and the granting of privileges by the Polish king.

Keywords: Orthodox polemicists, image of power, the Polish-Lithuanian Commonwealth, Rus, Brest Union.

1. Введение

Историческое мировоззрение человека раннего Нового времени в наши дни все чаще и чаще обсуждается в рамках международных конференций и форумов, на страницах научных исследований и научно-популярных проектов. Особенную актуальность этот вопрос получил на рубеже XX–XXI вв. на постсоветском пространстве. Исследователи стремятся определить роль исторического наследия в XVI–XVII вв.: обращаются к этноконфессиональным проблемам, вопросам идентичности, нациестроительства, «местам памяти», образам «своего»/«чужого». Весьма актуальны и остры эти вопросы в связи с судьбами русского населения Речи Посполитой XVI–XVII вв. после принятия Брестской унии 1596 г. Это время для

* Corresponding author

E-mail addresses: chupryna.yulya@mail.ru (Yu.A. Chupryna)

православной церкви проходило под эгидой оживленной полемики с униатами. Конец XVI – начало XVII веков можно назвать рубежным моментом для православного русского народа, когда перед ним встали новые вызовы: раскол церкви, попытки осмысления своей общности, поиск своего места в новых условиях существования, борьба за свои права и т.д.

Православная полемическая литература стала ответом на унию, в ней отразились не только идейные искания и религиозные споры, но и историческое мировоззрение, которое претерпевало определенную ломку в связи с унией. Если образы древнерусской истории (князя Владимира, княгини Ольги, крещения Руси) затрагиваются в историографии, то восприятию польско-литовской власти и истории ВКЛ в контексте антиуниатской полемики почти не уделяется должного внимания. Однако, исключая обозначенный аспект, мы ограничиваем историческое мировоззрение православных духовных деятелей Речи Посполитой. Таким образом, в центре внимания данного исследования находятся взгляды церковных деятелей «русского» народа на польско-литовскую власть, на историю правления литовских князей и польских королей.

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования стали труды православных полемистов конца XVI – первой трети XVII веков. Наиболее обширными и информативными источниками можно назвать «Апокрисис» Христофора Филалета, «Перестрогу» анонимного автора, «Obrona Verificacye» Мелетия Смотрицкого, «Палинодию» Захарии Коспыстенского, «Synopsis» и «Supplementum Synopsis» виленских братчиков. Большинство источников было издано Киевской археографической комиссией в «Архиве Юго-Западной России» (АЮЗР, 1887; АЮЗР, 1914), Петербургской археографической комиссией в «Актах, относящихся к истории Западной России» (АЗР, 1851) и в «Русской исторической библиотеке, издаваемой Археографической комиссией» (РИБ, 1878; РИБ, 1882). Отдельно П.Н. Жуковичем была опубликована «Протестация» Иова Борецкого (Протестация, 1909).

В основу изучения исторических взглядов, распространенных в церковной элите, были положены общенаучные методы исследования: историко-критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический. В работе анализируются, сравниваются и обобщаются упоминания православных церковных деятелей рубежа XVI–XVII вв. об исторических событиях, связанных с польско-литовской властью и историей Великого княжества Литовского. Также в исследовании прослеживается хронологическое развитие исторических образов от момента принятия Брестской унии до легализации православия в Речи Посполитой. Кроме того, особое значение имеет имагология, которая подразумевает анализ восприятия «своего» и «чужого» – в данном случае восприятия образа «своего»/«чужого» правителя и «своего прошлого» в контексте антиуниатской полемики.

3. Обсуждение

Рубеж XVI–XVII вв. связан с серьезными изменениями в положении православного населения Речи Посполитой. В государстве вводится уния, запрещается православие, а следовательно, усиливается интерес к «своему» прошлому, настоящему и будущему, встает вопрос правового положения и лояльности к правителю. Polemica по поводу Брестской унии велась церковными деятелями с обеих сторон на страницах печатных книг, получивших в историографии обобщающее название «полемическая литература». Она имела хождение в основном в интеллектуальной читающей среде, заинтересованной в изучении работ своих соратников и оппонентов.

Полемическая литература как источник использовалась историками чаще всего в качестве вспомогательного материала для подтверждения уже имеющейся концепции характера взаимоотношений малороссов с поляками. Так, в XIX столетии – веке рождения русского национализма – полемическая литература изучалась в контексте обоснования права Российской империи на земли Малороссии и Западного края (Барсуку, 2014). Общерусский национальный проект включал в себя малороссийский и белорусский народы (Миллер, 2000), поэтому Брестская уния не могла рассматриваться положительно российскими историками. Православная полемическая литература использовалась для доказательства угнетения православных со стороны поляков. Именно благодаря росту национального самосознания, значительная часть полемической литературы оказалась изданной археографическими комиссиями Российской империи к концу XIX века (АЗР, 1851; РИБ, 1878; РИБ, 1882; АЮЗР, 1887; РИБ, 1903; Студинский, 1906; Протестация, 1909). К полемической литературе обратились авторы «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» (Словарь исторический, 1827а; Словарь исторический, 1827б), кратко характеризуя церковных деятелей и их печатные труды. О судьбах малороссийского народа писали такие историки, как Н.Н. Бантыш-Каменский (Бантыш-Каменский, 1830), М.О. Коялович (Коялович, 1863; Коялович, 1864), Н.И. Костомаров (Костомаров, 1888), В.З. Завитневич (Завитневич, 1883), П.Н. Жукович (Жукович, 1901), Н.А. Скабаланович (Скабаланович, 1873), И.П. Житецкий (Житецкий, 1890) и др.

В начале XX века интерес к этим источникам проявили уже украинские и белорусские исследователи, внесшие вклад в зарождение «своих» историографий и национализмов.

Они рассматривали униатство как проявление самобытности народа (Барсуک, 2014). В данном случае стоит обратить внимание на работы М. Довнар-Запольского, В. Ластовского, А. Станкевича, В. Игнатовского и др. Вспомним и труд М.С. Грушевского «История украинской литературы» (Грушевський, 1995; Грушевський, 1996) в шести томах. Польские же историки излагали обстоятельства унии пропольски (П. Бобровский, Я. Ярошевич, З.Я. Доленга-Ходаковский и др.), что опять же отражает национальную повестку рубежа XIX–XX вв. – строительство польского национального проекта «Польша – от жога и до жога».

В XX веке в работах советских и польских историков дискуссия продолжалась, лишь приобретая новые оттенки в рамках новой идеологии. Прогрессивность, как отмечает С.В. Савченко, связывалась с работами православных деятелей, а реакционность – с униатами и католиками. Богословская литература была необходима для изучения социальных проблем (Савченко, 2007: 162). Однако можно отметить труды В.Н. Перетца (Перетц, 1962), А. Белецкого (Білецький, 1963; Білецький, 1965), И. Еремина (Еремин, 1946).

На рубеже XX–XXI веков исследователи в основном отошли от оценочных характеристик и транслирования взгляда одной из сторон как верной или предпочтительной. Полемическая литература все чаще оказывается в центре внимания как источник в работах о ментальности, национальном самосознании, этничности, памяти, она продолжает использоваться в контексте построения национального нарратива. Кроме того, возобновилось издание и переиздание некоторых трудов полемики литературы, сборники выходили в США (Frick, 1987; Lev Krevza's..., 1995; Frick, 2005), где особое внимание уделяется полемике М. Смотрицкого, Л. Кревзы и З. Копыстенского. К нашему времени относится творчество достаточно крупных исследователей как за рубежом, так и на постсоветском пространстве. В частности, американская историография пополнилась работами И.И. Шевченко, Д. Фрика, С.Н. Плохия, Ф. Сисина, польская – трудами Т. Хинчевска-Хеннель, Я. Страдомского, Т. Ходаны. В контексте конструирования образов представляет особый интерес исследование Томаша Ходаны (Hodana, 2008), поскольку им предпринимается попытка примирения разных историографических школ и направлений. В отечественной историографии стоит отметить работы Б.Н. Флори, М. Дмитриева, О.Б. Неменского и их учеников, в украинской и белорусской историографиях – Н.Н. Яковенко, Н.А. Синкевича, С.В. Савченко, С. Сеника, И. Бортника, В.Г. Короткого. Названные историки в разной степени обращаются к этноконфессиональным вопросам и к историческим взглядам полемистов. Не менее значимы результаты и международных конференций в рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV – середине XVIII в. в контексте зарождения современных наций в Европе» (Доронин, 2017; Доронин, 2018; Доронин, 2019; Доронин, 2020). Данный проект объединил исследователей из Белоруссии, Украины, России, Польши и Литвы. Вопросы конструирования «своего прошлого» относятся к магистральным темам дискуссий конференций.

4. Результаты

Конструирование «своего прошлого» православными духовными лицами Речи Посполитой было вызвано принятием Брестской унии. Она вступала в противоречие с восприятием «русским» народом своего места в государстве, вызывала недовольство из-за ограничения прав и свобод по причине вероисповедания. Это было связано с решением польского короля подтвердить передачу униатам прав и привилегий, которые ранее принадлежали православной церкви. По сути, нарушалось религиозное равновесие, установленное благодаря Генриховым артикулам (1573), акту Варшавской Конфедерации (1573) и более ранним привилегиям, полученным от польско-литовских правителей во время присоединения земель Руси. Именно поэтому вопрос положения православных в Речи Посполитой для полемистов стал принципиальным. В этой связи особую роль играет образ власти, ведь именно монарх наделяет народ правами или же ограничивает их. В критический момент обычно происходит изменение в восприятии образа государя, он получает новые интерпретации, его образ актуализируется и конструируется более отчетливо и с определенной оптикой.

Несомненно, богатый материал для изучения обозначенной проблематики дают старые хроники и летописи, воспринятые духовной православной средой XVII века. Необходимо понять, что полемика публицистика – это результат кропотливой работы по отбору, переработке, анализу и компиляции уже имеющихся исторических концептов и образов, что, конечно, не умаляет значимости полемики трудов как образцов конструирования «своего прошлого».

Началом полемики о необходимости заключения унии можно считать еще 1577 год, когда иезуит Петр Скарга написал книгу «О единстве церкви божией под властью единого пастыря» (Барсук, 2014: 13). Появление такого произведения после Люблинской унии вполне логично: многим тогда казалось, что после политического объединения необходимо объединение религиозное. Ответ с православной стороны последовал не сразу, да и первые работы были скромными – анонимные произведения «Послания до латин из их же книг» (1582) и «На богомерзкую, на поганую латину» (1582). Далее дискуссия набирает обороты.

Обращаясь к ранней полемике конца XVI века – к анонимным работам (Послание до латин, 1903) и трудам Герасима Смотрицкого (Ключ Царства, 1887), Стефана Зизани (Казанье святого

Кирилла, 1906) – можно отметить некоторые особенности. Дело в том, что сначала православные полемисты редко затрагивали образ литовского князя или польского короля, а в каких-то случаях и вовсе не проявляли интереса к аспекту подданства, увлекаясь религиозными догматами и историей церкви. Подобная ситуация наблюдается и у сторонников унии, где упоминания о польских королях тоже немногочисленны. К этой категории памятников можно отнести следующие работы: «Ключ Царства Небесного» (1587), «О единой истинной православной вере» (1588), «Ответ клирика острожского Ипатию Потю» (1598), «Вопросы и ответы православному с папезником» (1603), «Ектезис» (1597), «История о разбойничьем флорентийском соборе» (1598). Сюжетная взаимосвязь вполне естественна, т.к. полемический труд предполагает, что оппонент прочтет текст и ответит на него, а следовательно, круг заданных тем ограничен самим собеседником. Конечно, полемист может не следовать тексту своего оппонента, а приводить новые аргументы, но привлечение исторических событий и светских персон для доказательства своей точки зрения будет позже. Именно поэтому в полемических трудах отчетливо наблюдается постепенное расширение использованных аргументов, источников и апелляции к историческим событиям и правителям.

В конце XVI – начале XVII вв. упоминания сводились в основном к нескольким фигурам: Сигизмунда II, Генриха III Валуа, Стефана Батория и Сигизмунда III. Они возникали в контексте дарования или подтверждения прав и свобод для «русского» населения Речи Посполитой. Так, «Апокрисис» Христофора Филалета (1597–1599) и «Антиграфи» Мелетия Смотрицкого (1608) дают нам многочисленные обращения к польским королям. В «Апокрисисе» Сигизмунд II Август упоминается в контексте получения привилегий Волынскими и Киевскими землями, когда те «шли под руку» польского короля (имеется в виду Люблинская уния). В привилегиях гарантировалось, что православная религия не будет ущемляться и уничтожаться – эти гарантии даны на Люблинском сейме, (Апокрисис, 1882: 554), также король подтверждал уже имеющиеся права «Руси» (Апокрисис, 1882: 565). Генриха III Валуа связывают с присягой над артикулами (Апокрисис, 1882: 558), а Стефан Баторий упоминается в связи с королевскими привилегиями 1581, 1584, 1585, 1586 гг. (Апокрисис, 1882: 569–574). Мелетий Смотрицкий в «Антиграфи» приводил обширные выдержки из королевских грамот о введении нового календаря, упоминая Стефана Батория (Антиграфи, 1903: 607–608). А польский король Сигизмунд III актуализируется, конечно, как действующий правитель, который занимается правовыми проблемами.

Светская власть, как и позиция самого короля, выступают как бы на заднем плане, сам он присутствует в кратких упоминаниях. Князь или король не выступает центральной фигурой, деяния которого вызывают интерес, но зримо, а иногда и незримо присутствует при дарении и гаранте всех привилегий. На начальном этапе полемики для доказательства своей правоты полемисты обращались к относительно поздней истории, к времени польско-литовских королей XVI столетия, причем именно в контексте дарования и подтверждения прав «русского» народа греческой религии. Это и неудивительно, т.к. на тот момент правовой статус православного «русского» народа являлся самым важным. Далее риторика изменится не очень значительно, добавятся лишь новые события, имена королей и князей. Круг вопросов до 1632 года по-прежнему ограничивался тематикой прав и свобод, а упоминания о правителе служили подтверждением и гарантом законности положения православных.

Тем не менее интересные замечания мы находим в антиуниатском труде «Перестрога» (1605), в котором речь идет о более ранней истории, связанной с образованием государства и политикой польских и литовских князей. Анонимный автор «Перестроги» объяснял присоединение Руси к польским и литовским землям скорее как присоединение хитростью: литовцы и поляки помогали князьям Руси бороться друг с другом, а потом, воспользовавшись ослабленным положением Руси из-за междоусобных войн, покорили их (Перестрога, 1851: 204). Здесь представлен неоднозначный взгляд на литовскую и польскую власть. Несколько иной взгляд на эти древние события представлен в более позднем труде З. Коспыстенского «Палинодия» (1621). Он тоже упоминал о междоусобицах «русских» князей, об ослаблении княжеств, о помощи польских королей. Однако присоединение к Польше или Литве происходило на добровольной основе по причине ослабленного положения Руси и желания спастись от «поганского ярма» (Палинодия, 1878: 492). Процесс присоединения мог пониматься по-разному, но в целом в полемике не звучат идеи об угнетении и порабощении польской властью, которые выдвигала историография XIX–XX вв.

На 20-е годы XVII века приходится пик полемики. Мелетий Смотрицкий в числе первых заговорил о древней истории, когда Русь существовала отдельно от Великого княжества Литовского. Он обратил внимание оппонентов на то, что права русскому народу даны задолго до польско-литовских правителей. В «Obrona Verificaciey» (1621) полемист заявил, что светские письменные права даны еще при древнерусских князьях Владимире и Ярославе. Затем, вступив в Польско-Литовское государство, Русь получила все те же права и свободы, что и литовцы, и поляки (Obrona Verificaciey, 1887: 392). Образы Владимира и Ярослава Мудрого имели большую популярность в 1620–1630-е годы в православной среде, в том числе благодаря «Палинодии» З. Коспыстенского, «Synopsis» и «Supplementum Synopsis» (1632). Нужно признать, что эти исторические образы интересовали и сторонников унии, которые не раз апеллировали к Владимиру и Ярославу (Савченко, 2007: 126).

Постепенно аргументация полемистов наполняется новыми историческими деталями, связанными с периодом Древней Руси, временем раздробленности и затем объединения с ВКЛ. Происходит более глубокое осмысление «своего» прошлого. Полемисты оперируют доступным материалом из хроник Й. Бельского, М. Кромера, М. Стрыйковского, воспроизводя отдельные фрагменты из их работ (Дернович, 2018: 81). В западнорусских землях наибольшее распространение получило краковское издание 1611 года «Kronika sarmacji europejskiej» А. Гваньини на польском языке, которое стало источником для кириллических изданий (Дернович, 2018: 81).

Возвращаясь к полемическим сочинениям и историческим взглядам, в них отразившимся, отметим, что деятели православной церкви не уделяют значительного внимания Люблинской унии. Четких разграничений между ВКЛ и Речью Посполитой не прослеживается, в том смысле, что полемисты не разделяют историю на «до» и «после» образования Речи Посполитой, хотя, конечно, они знают об этом событии, отличают литовских князей и польских правителей. Однако история в их представлении скорее плавно течет своим чередом, т.е. продолжается постепенное развитие «старинны». Люблинская уния мыслится как очередной этап подтверждения прав Руси. Так, в «Палинодии» Захарии Копыстенского говорится, что Жигимонт (Сигизмунд) Август в 1569 году объединил княжество Литовское, Киев и Волынь с Польским королевством. При этом права и свободы сохраняются для представителей римской и греческой религий, а тяготы, оборона государства и сам король теперь становятся общими для Польши, Руси и Литвы (Палинодия, 1878: 531-532). Этот же вопрос затрагивается в «Synopsis» 1632 года (Synopsis, 1887: 546-547), где тоже заявляется о равных правах и вольностях. В более позднем труде Афанасия Филипповича «Диариуш» (1646) о Люблинской унии есть схожая запись о том, что Сигизмунд II Август привел Волынские и Киевские земли к польской короне и обещал сохранять права православных (Диариуш, 1878: 73). Риторика в отношении Люблинской унии, как можно заметить, за 20 лет не сильно изменилась. Полемистов намного больше интересует Брестская уния, которая повлияла на привычный порядок вещей, в то время как Люблинская уния, во всяком случае по их мнению, не сказалась на положении православия.

Вновь встречаем упоминания о польских королях в трудах М. Смотрицкого, который значительно расширил поле исторических персонажей, причем во многом за счет обращения к Кромеру и Стрыйковскому. У Смотрицкого мы наблюдаем апелляцию к древнерусским, литовским и польским правителям – это Ярослав, Изяслав, Ольгерд (вместе с его двумя женами и историей принятия христианства), Ягайло, Витовт, Мешко I, Болеслав, Казимир II, короли XVI столетия и т.д. В целом делается два акцента: либо правитель как-то был связан с христианством греческого образца (крестился, поощрял строительство храмов), либо правитель дарует привилегии православному народу. В «Палинодии» З. Копыстенского, где исторические подробности тоже берутся из работ Кромера и Стрыйковского, мы наблюдаем обилие отсылок к правителям: Болеславу III Кривоустому, Ольгерду, Ягайло, Ядвиге, Казимиру II, Казимиру III, Казимиру IV, Стефану Батории, Сигизмунду I, Сигизмунду II, Сигизмунду III и многим другим, т.е. все те же фигуры, что и в работах М. Смотрицкого.

Белорусский историк В.А. Воронин отмечает, что в это время были особенно важны как «места памяти» Витовт и Ольгерд: Витовт как герой Литвы – могущественный правитель, полководец, креститель Литвы и Ольгерд как герой Руси – крупный полководец, государственный деятель, принявший православие (Воронин, 2019). Что касается Витовта, то православные церковные деятели в своих трудах не уделяли особого внимания его деяниям, даже несмотря на то, что князь один раз был крещен в православие. Ольгерд как поборник православия вызывал больше интереса и симпатий, поэтому в нарративе его образ дополняется событиями прошлого.

Все названные исторические личности, конечно, в разной степени освещены в текстах: кто-то лишь упомянут без излишних пояснений, а кто-то выступает благодетелем православия. О чем может говорить такое обилие имен? Помимо того, что полемисты просто активно работали с историческими сочинениями, мы можем предположить, что они все чаще актуализировали не только древнерусских персонажей (Ольгу, Владимира, Ярослава) и польских королей XVI столетия, но и проявили значительный интерес к ранним литовским и польским князьям и королям, к судьбе Руси в составе ВКЛ.

Еще одним важным источником является «Synopsis» 1632 года и дополнение к нему «Supplementum Synopsis», подготовленные виленскими братчиками на сейм того же года. В этих трудах делался упор на исторические факты, доказывающие право на православную веру и наличие равных прав и свобод для участия в управлении Польско-Литовским государством. Здесь важно заметить, что одновременно с этим происходила еще большая актуализация исторических образов правителей ВКЛ и Речи Посполитой, которые выступали дарителями и гарантом прав и свобод для православного населения. Они утверждали, что права, свободы, вольности, привилегии были даны с 980 по 1510 г. народу «русскому». Их дали князь Владимир, Ярослав Владимирович, Мечислав (Мешко III Старый), король польский Казимир III, князь литовский и король польский Ягайло (Владислав II Ягелло), король польский и венгерский Владислав III Ягеллович, князь литовский и король польский Александр Казимирович и т.д. (Synopsis, 1887: 543) В «Synopsis» наблюдается уже знакомая схема апелляции к правителям. Так, под 1340 годом фигурирует запись о присоединении земель. Описывается, как Казимир III захватил Львов, но обещал сохранить православную веру и не чинить православию злодеяний (Synopsis, 1887: 540). Далее в «Synopsis» актуализируется

исторический образ литовского князя Ягайло, который заключил Кревскую унию. После католического крещения и женитьбы на Ядвиге он становится польским королем под именем Владислав II Ягелло. Братчики, вспоминая об этом, акцентируют внимание на том, что вместе с князем крестились его советники и братья, но не «русский» народ. Они остались в подчинении патриарха, а Владислав II запретил людям латинской веры вступать в браки с православными, чтобы они не отошли от римской церкви (*Synopsis, 1887: 541*).

Таким образом, присоединение земель к Литве и Польше подразумевало закрепление прав православного народа, который должен был стать равноправной частью Речи Посполитой. Эти взгляды, по сути, говорят нам о характере понимания одного из аспектов подданства, т.е. отношения с властью – они выстраивались на основе дарения и подтверждения прав. Конечно, обоснование равенства делалось не только на основе прав, но и на основе апелляции к воинской доблести «русского» народа в настоящем (*Неменский, 2013*) и к славному историческому прошлому Руси до присоединения к Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой.

Однако, как было сказано выше, православное население было недовольно ограничением своих прав. И здесь встает вопрос, как это могло отразиться на проявлении лояльности к «своему» правителю? А следовательно, можно ли говорить о негативном образе? С одной стороны, интересно, что в первой половине XVII века православное духовенство еще продолжало проявлять лояльность по отношению к польскому правительству, даже в условиях религиозной борьбы с униатством. Мы не находим призывов к отделению от Речи Посполитой в полемических трудах, хотя католики обвиняются во всех бедах православной церкви: упадке образованности, отходе знатных родов от православия (*Тренос, 1995: 313*), но это не касается королевской власти. До середины XVII века альтернативные идеи не обсуждались среди православных интеллектуалов, хотя, как отмечает О.Б. Неменский, впервые идея о присоединении к Москве высказана посольством из Малой Руси уже в 1620-е годы (*Неменский, 2013: 294*), но дальнейшего развития не получила.

С другой стороны, сложность и неоднозначность этого вопроса обусловлена актуализацией образа Московского царства в православной западнорусской элите и появлением альтернативы в лице «праведного» московского царя. Апелляция к своему соседу началась не сразу, а в первой половине XVII в. Наибольший интерес проявляли Иван Вишенский, Иов Борецкий, Захария Копыстенский. В этом плане можно согласиться с такими историками, как М.В. Дмитриев (*Дмитриев, 2008*), С.М. Савченко (*Савченко, 2006: 21-32*), Е.В. Русина (*Русина, 2008*), Т. Ходана (*Hodana, 2008: 102*), которые считают, что актуализация образа Москвы как благочестивого государства произошла именно в XVII веке. Ведь ранее просто не вставало острой необходимости осмысления себя и своей общности, культуры, истории. После принятия Брестской унии обстоятельства изменились, православным интеллектуалам пришлось обратиться к своему соседу. Это было спровоцировано политикой, которую проводили польские короли.

5. Заключение

Однако, несмотря на трудности, которые испытывали религия и церковь, мы не наблюдаем в домогилянкой полемической литературе мыслей и призывов к объединению с Московским царством. Да, в его главе видели защитника православия, благотворителя, праведного царя и авторитет его был велик. Но польско-литовские князья и короли предстают дарителями прав и свобод, в них видели гарантов правового положения православной Руси. Эти правители воспринимались как свои собственные, и законность власти польского короля не подвергалась сомнению. Русинское население считало себя полноценной частью ВКЛ, а затем и Речи Посполитой, подданными короля, так как их права постоянно подтверждались на коронациях и были уравнены с правами других народов. Вот почему православное духовенство пыталось решить проблемные вопросы на сеймах и с королем, не прибегая к внешней помощи московского монарха. Православные интеллектуалы, принимавшие участие в полемике и борьбе за права, в первой половине XVII века старались демонстрировать лояльность королевской власти для подтверждения своей благонадежности, ведь католики относились к ним с подозрением. Они конструировали и использовали «свое прошлое», вплетая в создаваемый нарратив важные, по их мнению, события. Для полемистов литовские и польские правители такие же свои, как и древнерусские князья.

Конечно, с одной стороны, православные интеллектуалы преследовали свои цели, поэтому им необходимо было убедить поляков в своей лояльности. И было бы с их стороны опрометчиво создавать в литературе негативный образ «своего» короля, ведь от него зависела их судьба, поэтому традиционно виновниками бед выступали скорее католики, а потом униаты. Мы рассмотрели образ власти, созданный в полемической литературной традиции, что не исключает и другие, возможно в некотором отношении противоположные, взгляды на «своего» правителя среди шляхты, простого «русского» народа или казачества. Можно допустить, что в некоторых случаях полемисты целенаправленно осторожно высказывались о власти для достижения своих целей. С другой стороны, полностью опровергать искренность намерений и утверждений православных церковных деятелей было бы также неправильно. В противном случае мы бы чаще фиксировали интерес иерархов к Московскому царству как к «своей» близкой общности, к православному монарху, а также куда активнее должны были быть контакты с

Москвой. Однако подобные тенденции можно проследить не на рубеже XVI–XVII вв., а уже позднее, когда борьба происходила не только на листах бумаги, но и на полях сражений.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда («Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Проект РНФ № 19-18-00073).

Литература

- АЗР, 1851** – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб.: В типографии Эдуарда Прана, 1851. 584 с.
- Антиграфы, 1903** – Антиграфы // Русская историческая библиотека. Т. 19. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 593-668.
- Апокрисис, 1882** – Апокрисис // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, у Обуховского моста, по Фонтанке, 93, 1882. С. 520-928.
- АЮЗР, 1887** – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, Михайловская улица, собств. дом, 1887. 800 с.
- АЮЗР, 1914** – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 8. Ч. 1. Киев: Лито-типогр. Акц. Об. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1914. 798 с.
- Бантыш-Каменский, 1830** – *Бантыш-Каменский Н.Н.* История Малой России. Ч. 1–3. М.: В типографии Семена Селиванского. 1830.
- Барсук, 2014** – *Барсук Е.Е.* Этноконфессиональные отношения на белорусских и украинских землях в Речи Посполитой: историографический обзор // *Современная научная мысль*. 2014. № 6. С. 12-20.
- Білецький, 1963** – *Білецький О.І.* Письменник і епоха. К.: Держлітвидав, 1963. 538 с.
- Білецький, 1965** – *Білецький О.І.* Зібрання праць: У 5-ти т. Т. 1. К.: Наукова думка, 1965. 527 с.
- Воронин, 2019** – *Воронин В.А.* Витовт – герой Литвы, Ольгерд – герой Руси // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. / Отв. ред. А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 88-102.
- Грушевський, 1995** – *Грушевський М.С.* Історія української літератури: В 6 т. 9 кн. Т. 5. Кн. 2 / упоряд. О.В. Дідух; приміт. С. К. Росовецького. К.: Либідь, 1995. 352 с.
- Грушевський, 1996** – *Грушевський М.С.* Історія української літератури: В 6 т. 9 кн. Т. 6. Кн. 1. / упоряд. С. К. Росовецький. Київ: Либідь, 1996. 262 с.
- Дернович, 2018** – *Дернович О.И.* Конструирова «Другую Русь»: Образы «Руси» в историописании Великого княжества Литовского XVI–XVII веков // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем // Материалы Международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 октября 2018 г.) / Под ред. Е.В. Кодина. Вып. 4. Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2018. С. 74-89.
- Диариуш, 1878** – Диариуш // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Типография и Хромофотография А. Траншеля, Стремянная, № 12, 1878. С. 35-88.
- Дмитриев, 2008** – *Дмитриев М.В.* О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // Украина и Россия: история и образ истории. М.: [Б. и.], 2008.
- Доронин, 2017** – Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства / Отв. ред. А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 399 с.
- Доронин, 2018** – Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / Отв. ред. А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 430 с.
- Доронин, 2019** – «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. / Отв. ред. А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 518 с.
- Доронин, 2020** – Религия и Русь, XV–XVIII вв. / Отв. сост. А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2020. 447 с.
- Еремин, 1946** – *Еремин И.П.* Борьба за национальную независимость в украинской литературе XVI–XVII вв. // Труды юбилейной сессии: Секция филологических наук. Л.: Изд. Лен. гос. университета, 1946. С. 226-244.
- Житецкий, 1890** – *Житецкий И.П.* Литературная деятельность Иоанна Вишенского. К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. 50 с.
- Жукович, 1901** – *Жукович П.Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901. 610 с.

- Завитневич, 1883** – *Завитневич В.З.* Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI и XVII вв. Варшава: Ип. Варшавского учебного округа, 1883. 492 с.
- Казанье святого Кирилла, 1906** – Казанье святого Кирилла // Памятки полемічного письменства кінця XVI і поч. XVII в. Т. 1. Львів: Археогр. коміс. Наук. т-ва ім. Шевченка, 1906. С. 31-200.
- Ключ Царства, 1887** – Ключ царства небесного // *Архив Юго-Западной России*. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, Михайловская улица, собств. дом, 1887. С. 232-265.
- Костомаров, 1888** – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7, 1888. 728 с.
- Коялович, 1863** – *Коялович М.О.* Люблинская уния или последнее соединение литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. СПб.: Газ. «Рус. инвалид», 1863. 87 с.
- Коялович, 1864** – *Коялович М.О.* Лекции по истории Западной России. М.: В типографии Бахметева, 1864. 394 с.
- Миллер, 2000** – *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
- Неменский, 2013** – *Неменский О.Б.* Русско-польские войны в восприятии православных и униатских полемистов в Речи Посполитой первой половины XVII века // *Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности*. Кн. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 287-296.
- Палинодия, 1878** – Палинодия // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Т. 4. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, Стремянная, № 12, 1878. С. 167-610.
- Перестрога, 1851** – Перестрога // *Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 4. СПб.: В типографии Эдуарда Прана, 1851. С. 203-236.
- Перетц, 1962** – *Перетц В.Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII вв. М.-Л., 1962. 255 с.
- Послание до латин, 1903** – Послание до латин из их же книг // *Русская историческая библиотека*. Т. 19. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 580-592.
- Протестация, 1909** – Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов / Ком. П.Н. Жукович. СПб.: Тип. Академии наук, 1909. 19 с.
- РИБ, 1878** – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, Стремянная, № 12, 1878. 882 с.
- РИБ, 1882** – Русская историческая библиотека. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Тип. А.М. Котомина и Ко, 1882. 930 с.
- РИБ, 1903** – Русская историческая библиотека. Т. 19. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1903. 872 с.
- Русина, 2008** – *Русина Е.В.* Проблемы политической лояльности православного населения Великого княжества Литовского в XIV–XVI ст. // «Украина и Россия: история и образ истории». М.: [Б. и.], 2008.
- Савченко, 2007** – *Савченко С.В.* Полемічна література XVI–XVII ст. в українській історіографії // *Український історичний журнал*. 2007. № 5. С. 158-174.
- Скабаланович, 1873** – *Скабаланович Н.А.* Об Апокрисисе Христофора Филалета. СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1873. 225 с.
- Словарь исторический, 1827a** – Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 1. СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1827. 351 с.
- Словарь исторический, 1827b** – Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 2. СПб.: В типографии Ивана Глазунова и его иждивением, 1827. 418 с.
- Студинський, 1906** – Памятки українсько-руської мови і літератури. Т. 5: Памятки полемічного письменства кінця XVI і поч. XVII в. / вид. К. Студинський. Львів: Коміс. Археограф. Наук. Тов-ва ім. Шевченка, 1906. 314 с.
- Тренос, 1995** – Тренос, тобто Плач... (фрагменти) // *Українські гуманісти епохи Відродження*. Антологія. У 2-х ч. Ч. 2. Київ: Наук. Думка; Основи, 1995. С. 284-332.
- Frick, 1987** – *Collected Works of Meletij Smotryc'kyj* / intr. by D.A. Frick. Vol. 1, Cambridge, Mass.: Harvard Ukr. research inst., 1987. 860 p.
- Frick, 2005** – *Rus' Restored. Selected Writings of Meletij Smotryc'kyj, 1610-1630*. Transl. by D.A. Frick. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005, 810 p.
- Hodana, 2008** – *Hodana, T.* (2008). Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Pzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia). Kraków: "Scriptum". 262 p.
- Lev Krevza's..., 1995** – *Lev Krevza's A defense of church unity and Zaharija Kopystens'kyj's Palinodia*. Texts / transl. with a forew. by Bohdan Struminski / ed. by R. Koropec'kyi, D.R. Miller, W.R. Veder. Harvard: Harvard Ukr. research inst., 1995. 911 p.
- Obrona Verificaciey, 1887** – *Obrona Verificaciey* // *Архив Юго-Западной России*. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, Михайловская улица, собств. дом, 1887. С. 345-442.

Synopsis, 1887 – Synopsis // Архив Юго-Западной России. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, Михайловская улица, собств. дом, 1887. С. 533-576.

References

Antigrafi, 1903 – Antigrafi. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Т. 19. Кн. 3. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1903. Pp. 593–668. [in old Polish]

Apokrisis, 1882 – Apokrisis. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Т.7. SPb.: Tipografiya A. M. Kotomina i Ko, u Obukhovskogo mosta, po Fontanke, 93, 1882. Pp. 520-928. [in old Ukrainian]

AYuZR, 1887 – Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi vremennoi komissiei dlya razbora drevnikh aktov, sostoyashchei pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore [Archive of South-Western Russia, published by the temporary commission for the study of ancient acts, consisting of the Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General]. Т. 7. Ч. 1. Киев: Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo, Mikhailovskaya ulitsa, sobstv. dom, 1887. 800 p. [in Russian]

AYuZR, 1914 – Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi vremennoi komissiei dlya razbora drevnikh aktov, sostoyashchei pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore [Archive of South-Western Russia, published by the temporary commission for the study of ancient acts, consisting of the Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General]. Т. 8. Ч. 1. Киев: Ligo-tipogr. Akts. Ob. N.T. Korchak-Novitskogo, 1914. 798 p. [in Russian]

AZR, 1851 – Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoi Rossii [Acts relating to the history of Western Russia]. Т. 4. SPb.: V tipografii Eduarda Prana, 1851. 584 p. [in Russian]

Bantysh-Kamenskii, 1830 – *Bantysh-Kamenskii, N.N.* (1830). Istoriya Maloi Rossii [The History of Little Russia]. Ch. 1-3. М.: v tipografii Semena Selivanskogo. [in Russian]

Barsuk, 2014 – *Barsuk, E.E.* (2014). Etnokonfessional'nye otnosheniya na belorusskikh i ukrainskikh zemlyakh v Rechi Pospolitoi: istoriograficheskii obzor [Ethno-confessional relations in the Belarusian and Ukrainian Lands in the Polish-Lithuanian Commonwealth: a historiographical review]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 6: 12-20. [in Russian]

Bilets'kii, 1963 – *Bilets'kii, O.I.* (1963). Pis'mennik i epokha [Writer and era]. Киев: Derzhlitvidav. 538 p. [in Ukrainian]

Bilets'kii, 1965 – *Bilets'kii, O.I.* (1965). Zibrannya prats': U 5-ti t. [Collection of works: in 5 volumes]. Т. 1. Киев: Naukova dumka. 527 p. [in Ukrainian]

Dernovich, 2018 – *Dernovich, O.I.* (2018). Konstruiruya «Druguyu Rus'»: Obrazy «Rusi» v istoriipisanii Velikogo knyazhestva Litovskogo XVI–XVII vekov [Designing the "Other Rus": Images of "Rus" in the Historiography of the Grand Duchy of Lithuania of the 16th–17th centuries]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i v nastoyashchem: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rossievedenie i belorusovedenie v XXI veke: traditsionnye i novye tendentsii v nauchnykh issledovaniyakh» (Smolensk, 11–12 oktyabrya 2018 g.)*. Pod red. E.V. Kodina. Vyp. 4. Smolensk: SmolSU. Pp. 74-89. [in Russian]

Diariush, 1878 – Diariush. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Т. 4. SPb.: Tipografiya i Khromolitografiya A. Transhelya, Stremyannaya, №12, 1878. Pp. 35-88. [in old Ukrainian]

Dmitriev, 2008 – *Dmitriev, M.V.* (2008). O formirovanii diskursov obshcherusskogo samosoznaniya v ukrainsko-belorusskoi kul'ture kontsa XVI–XVII vv. [On the formation of discourses of the All-Russian self-consciousness in the Ukrainian-Belarusian culture of the late 16th–17th centuries]. *Ukraina i Rossiya: istoriya i obraz istorii*. М.: [B. i.]. [in Russian]

Doronin, 2017 – Drevnyaya Rus' posle Drevnei Rusi. Diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva [Old Rus after Old Rus. The Discourse of East Slavic (non-) Unity]. Otv. red. A. V. Doronin. М.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. 399 p. [in Russian]

Doronin, 2018 – Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii [Narratives of Rus of the late 15th – mid 18th century: in search of one's own history]. Otv. red. A. V. Doronin. М.: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. 430 p. [in Russian]

Doronin, 2019 – «Mesta pamyati» rusi kontsa XV – serediny XVIII v. ["Places of memory" of Rus at the end of the 15th – the middle of the 18th centuries]. Otv. red. A. V. Doronin. М.: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. 518 p. [in Russian]

Doronin, 2020 – Religiya i rus', XV–XVIII vv. [Religion and Russia, the 15th - 18th centuries]. Otv. sost. A. V. Doronin. М.: ROSSPEN, 2020. 447 p. [in Russian]

Eremin, 1946 – *Eremin, I.P.* (1946). Bor'ba za natsional'nuyu nezavisimost' v ukrainskoi literature XVI–XVII vv. [The Struggle for National Independence in Ukrainian Literature of the 16th–17th centuries]. Trudy yubileinoi sessii: Sektsiya filologicheskikh nauk. L.: Ed. Len. State University. Pp. 226-244. [in Russian]

Frick, 1987 – Collected Works of Meletij Smotryc'kyj / intr. by D.A. Frick. Vol. 1, Cambridge, Mass.: Harvard Ukr. research inst., 1987. 860 p.

- Frick, 2005** – Rus' Restored. Selected Writings of Meletij Smotryc'kyj, 1610-1630. Transl. by D.A. Frick. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005, 810 p.
- Grushevs'kii, 1995** – *Grushevs'kii, M.C.* (1995). Istorija ukrains'koï literaturi: V 6 t. 9 kn. [History of Ukrainian literature: in 6 volumes 9 books.]. T. 5. Kn. 2. Uporyad. O.V. Didukh; primit. S.K. Rosovets'kogo. Kiev: Libid'. 352 p. [in Ukrainian]
- Grushevs'kii, 1996** – *Grushevs'kii, M.C.* (1996). Istorija ukrains'koï literaturi: V 6 t. 9 kn. [History of Ukrainian literature: in 6 volumes 9 books.]. T. 6. Kn. 1. Uporyad. S.K. Rosovets'kii. Kiev: Libid'. 262 p. [in Ukrainian]
- Hodana, 2008** – *Hodana, T.* (2008). Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Pzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia). Krakow: "Scriptum". 262 p. [in Polish]
- Kazan'e svyatogo Kirilla, 1906** – *Kazan'e svyatogo Kirilla.* [The Legend of St. Cyril]. Pamyatki polemichnogo pis'menstva kintsya XVI i poch. XVII v. T. 1. L'viv: Arkheogr. komis. Nauk. t-va im. Shevchenka, 1906. Pp. 31-200. [in old Ukrainian and in old Polish]
- Klyuch Tsarstva, 1887** – *Klyuch tsarstva nebesnogo.* [The Key of the Kingdom of Heaven]. Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii. T. 7. Ch. 1. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo, Mikhailovskaya ulitsa, sobstv. dom, 1887. Pp. 232-265. [in old Ukrainian]
- Kostomarov, 1888** – *Kostomarov, N.I.* (1888). Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. [Russian history in the biographies of its main figures] T. 1. SPb.: Tipografiya M. M. Stasyuevicha, Vas. Ostr., 2 l., 7. 728 p. [in Russian]
- Koyalovich, 1863** – *Koyalovich, M.O.* (1863). Lyublinskaya uniya ili poslednee soedinenie litovskogo knyazhestva s Pol'skim korolevstvom na Lyublinskom seime v 1569 godu. [Union of Lublin or the last union of the Lithuanian principality with the Kingdom of Poland at the Lublin Diet in 1569]. SPb.: Gaz. «Rus. invalid». 87 p. [in Russian]
- Koyalovich, 1864** – *Koyalovich, M.O.* (1864). Lektsii po istorii Zapadnoi Rossii [Lectures on the history of Western Russia]. M.: v tipografii Bakhmeteva, 394 p. [in Russian]
- Lev Krevza's..., 1995** – *Lev Krevza's* A defense of church unity and Zaharija Kopystens'kyj's Palinodia. Texts transl. with a forew. by Bohdan Struminski. Ed. by R. Koropecky, D.R. Miller, W.R.Veder. Harvard: Harvard Ukr. research inst., 1995. 911 p.
- Miller, 2000** – *Miller, A.J.* (2000). «Ukrainskii vopros» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). [The "Ukrainian problem" in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the 19th century)]. SPb.: Aleteiya. 260 p. [in Russian]
- Nemenskii, 2013** – *Nemenskii, O.B.* (2013). Russko-pol'skie voyny v vospriyatii pravoslavnykh i uniatskikh polemistov v Rechi Pospolitoi pervoi poloviny XVII veka [Russian-Polish Wars in the Perception of Orthodox and Uniate Polemicists in the Polish-Lithuanian Commonwealth of the first half of the 17th century]. Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii. K 1150-letiyu slavyanskoi pis'mennosti. Kn. 1. M.: Institute of Slavic Studies of the RAS. Pp. 287-296. [in Russian]
- Palinodiya, 1878** – *Palinodiya.* Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. T. 4. SPb.: Tipografiya i Khromolitografiya A. Transhelya, Stremyannaya, №12, 1878. Pp. 167-610. [in old Ukrainian]
- Perestroga, 1851** – *Perestroga.* Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoi Rossii. T. 4. SPb.: V tipografii Eduarda Prana, 1851. Pp. 203-236. [in old Ukrainian]
- Peretts, 1962** – *Peretts, V.N.* (1962). Issledovaniya i materialy po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI-XVII vv. [Research and materials on the history of old Ukrainian literature of the 16th – 17th centuries] M.; L. 255 p. [in Russian]
- Poslanie do latin, 1903** – *Poslanie do latin iz ikh zhe knig.* [A message to the Latins from their own books]. Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 19. Kn. 3. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1903. Pp. 580-592. [in old Ukrainian]
- Protestatsiya, 1909** – *Protestatsiya mitropolita Iova Boretskogo i drugikh zapadnorusskikh ierarkhov.* [Protest of Metropolitan Iova Boretsky and other Western Russian hierarchs]. Kom. P. N. Zhukovich. SPb.: print. at the Academy of Sciences, 1909. 19 p. [in Russian]
- RIB, 1878** – *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission] T.4. SPb.: Tipografiya i Khromolitografiya A. Transhelya, Stremyannaya, №12, 1878. 882 p. [in Russian]
- RIB, 1882** – *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. T. 7. Kn. 2. SPb.: Tip. A.M. Kotomina i Ko, 1882. 930 p. [in Russian]
- RIB, 1903** – *Russkaya istoricheskaya biblioteka.* [Russian Historical Library]. T. 19. Kn. 3. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1903. 872 p. [in Russian]
- Rusina, 2008** – *Rusina, E.V.* (2008). Problemy politicheskoi loyal'nosti pravoslavnogo naseleniya Velikogo knyazhestva Litovskogo v XIV-XVI st. [Problems of political loyalty of the Orthodox population of the Grand Duchy of Lithuania in the 14th – 16th centuries]. Ukraina i Rossiya: istoriya i obraz istorii. M.: [B. i.]. [in Russian]

Savchenko, 2007 – *Savchenko, S.V.* (2007) Polemichna literatura XVI-XVII st. v ukrains'kii istoriografii. [Polemical literature of the 16th – 17th centuries in Ukrainian historiography]. *Ukrainian Historical Journal*. 5: 158-174. [in Ukrainian]

Skabalanovich, 1873 – *Skabalanovich, N.A.* (1873). Ob Apokrisise Khristofora Filaleta [On the Apokrisise of Christopher Philaletus]. SPb.: tip. K.V. Trubnikova. 225 p. [in Russian]

Slovar' istoricheskii, 1827a – Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisatelyakh dukhovnogo china greko-rossiiskoi tserkvi. [The historical dictionary about the writers of the spiritual rank of the Greek-Russian church who were in Russia]. T. 1. SPb.: v tipografii Ivana Glazunova, 1827. 351 p. [in Russian]

Slovar' istoricheskii, 1827b – Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisatelyakh dukhovnogo china greko-rossiiskoi tserkvi [The historical dictionary about the writers of the spiritual rank of the Greek-Russian church who were in Russia]. T. 2. SPb.: v tipografii Ivana Glazunova i ego izhdiveniem, 1827. 418 p. [in Russian]

Studins'kii, 1906 – Pamyatki ukrains'ko-rus'koi movi i literaturi. [Sights of Ukrainian-Russian language and literature]. T. 5: Pamyatki polemichnogo pis'menstva kintsya KhVI i poch. KhVII v. Vid. K. Studins'kii. L'viv: Komis. Arkheograf. Nauk. Tov-va im. Shevchenka, 1906. 314 p. [in Ukrainian]

Trenos, 1995 – Trenos, tobtto Plach... (fragmenti). [Trenos or Lamentation... (fragments)]. Ukraïns'ki gumanisti epokhi Vidrodzhennya. Antologiya. U 2-kh ch. Ch. 2. K.: Nauk. Dumka; Osnovi, 1995. Pp. 284-332. [in Ukrainian]

Voronin, 2019 – *Voronin, V.A.* (2019). Vitovt – geroi Litvy, Ol'gerd – geroi Rusi [Vitovt is the hero of Lithuania, Olgerd is the hero of Rus]. «Mesta pamyati» rusi kontsa XV – serediny XVIII v. Otv. red. A.V. Doronin. M.: Politicheskaya entsiklopediya. Pp. 88-102. [in Russian]

Zavitnevich, 1883 – *Zavitnevich, V.Z.* (1883). Palinodiya Zakharii Kopystenskogo i ee mesto v istorii zapadno-russkoi polemiki XVI I XVII vv. [Palinode of Zachary Kopystensky and its place in the history of Western Russian polemics in the 16th and 17th centuries]. Warsaw: ip. Varshavskago uchebnago okruga. 492 p. [in Russian]

Zhitetskii, 1890 – *Zhitetskii, I.P.* (1890). Literaturnaya deyatelnost' Ioanna Vishenskogo [Literary activity of Ioanna Vishensky]. K.: tip. G.T. Korchak-Novitskogo. 50 p. [in Russian]

Zhukovich, 1901 – *Zhukovich, P.N.* (1901). Seimovaya bor'ba pravoslavnogo zapadnorusskogo dvoryanstva s tserkovnoi uniei (do 1609 g.) [Diet struggle of the Orthodox Western Russian nobility with the church union (until 1609)]. SPb.: tip. Gl. upr. udelov. 610 p. [in Russian]

Польско-литовская власть и православная Русь в трудах полемистов конца XVI – первой трети XVII вв.

Юлия Алексеевна Чупрына ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются особенности конструирования образа польско-литовской власти в контексте религиозной полемики рубежа XVI–XVII вв. Результатом дискуссии православных и униатов в Речи Посполитой стала полемическая литература, которая создавалась в контексте борьбы православия за свои права и свободы. Полемическая литература как исторический источник в XIX–XX века рассматривалась через призму национального проекта или уже существующего национального нарратива. Исследуя особенности взаимодействия Украины и России, историки находили в полемике XVII века подтверждения для обоснования угнетения народа, самобытной культуры и национальной борьбы. В современной историографии предлагаются новые ракурсы, сконцентрированные на интеллектуальной истории и memory studies. Наибольший интерес в этой связи представляет историческое мировоззрение человека XVII века.

В центре внимания находятся взгляды православных полемистов как представителей «русского» народа Речи Посполитой на историю правления литовских князей и польских королей. В условиях принятия Брестской унии усилился интерес к «своему» прошлому, правовому положению, лояльности к королю, усложнилось восприятие польских и литовских правителей. Стремясь к легализации православия, церковные деятели актуализировали исторические образы князей и королей, представляя их дарителями и гарантантами прав и свобод Руси. Борцов за православие не отталкивало то, что король относился к католической религии, они скорее выступали за равенство греческой и римской веры. Обоснование равенства мы находим в апелляции к славному прошлому, к истории присоединения земель Руси к Литве, Люблинской унии, даровании и подтверждении привилегий.

Ключевые слова: православные полемисты, образ власти, Речь Посполитая, Русь, Брестская уния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chupryna.yulya@mail.ru (Ю.А. Чупрына)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1594-1601
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1594

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Lyudmila V. Sokolskaya ^b, Elena N. Kaliakperova ^c, Diana G. Alekseeva ^{a, d}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^b State Humanitarian and Technological University, Russian Federation

^c East Kazakhstan State University named after S. Amanzholova, Kazakhstan

^d Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russian Federation

Abstract

Today, the interest of researchers in regional history has increased all over the world, especially to the history of the peoples of the Arctic zone of Russia. The purpose of this work is to study the regulatory potential of the positive and customary law of the Zyryans and Samoyeds in the use of land, water and forest resources in the XVII–XVIII centuries. The authors formulate the conclusion that the Arctic peoples under consideration have not lost their own identity, traditions and managed to preserve the regulatory force of customary law. In the XVII–XVIII centuries positive and customary law functioned in parallel on the territory of settlement of these peoples. The regulation of the sphere of nature management was aimed at preserving not only natural objects, but also the traditional system of life of ethno-local societies, as well as the established model of nature management. This trend appeared in the XV century. Since the XVII century, the legislator began to impose restrictions on the use of natural resources, legislatively allocating a list of protected, sovereign and other territories where the principle of freedom of use did not apply. By the end of the XVIII century, there is a tendency of mutual influence of the norms of positive and customary law in the field of environmental management. At that time, the customary law of the Arctic peoples supplemented the norms of positive law. The authors studied various historical documents, national folklore, mythological prose. An important source is archival documents, systematized in collections. Publications in the periodical press and pre-revolutionary normative legal acts of the Russian Empire systematized in the «Complete Collection of Laws of the Russian Empire» (PSZ), are attracted.

Keywords: Komi, Nenets, positive law, customary law, commercial law, Zyryans, Samoyeds.

1. Введение

В современных условиях нарастающей глобализации исследование значения и роли обычного права различных народов России, его соотношения с нормами позитивного (писаного) права представляется актуальным. Определенный научный интерес вызывает проблема познания обычного права финно-угорских (коми) и самодийских (ненцы) народов XVII–XVIII вв., так как, кроме историко-правового аспекта, важное значение данная тема приобретает для понимания существующих современных тенденций сохранения культуры природопользования, традиционных социокультурных аспектов развития, характерных не только для ненцев (самоедов – дореволюционное название) и коми (зырян – устаревшее название, применявшееся до революции), но и для других народов, постоянно проживающих на территории Европейского северо-востока России (Арктической зоны России) и Зауралья (Sokolskaya, Valentonis, 2020).

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), cokol4512@yandex.ru (L.V. Sokolskaya), elenamanina@mail.ru (E.N. Kaliakperova), alekseeva.dg@yandex.ru (D.G. Alekseeva)

В связи с этим исследование особенностей регулятивного потенциала позитивного и обычного права зырян и самоедов в сфере природопользования в XVII–XVIII вв. как историко-правового явления, наделенного традиционным национальным обычно-правовым колоритом, а также выявляющего элементы правовой культуры и этнического менталитета, имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение.

Важно исследовать традиционный, складывавшийся на протяжении многих веков обычно-правовой опыт в системе природопользования у зырян и самоедов, проживавших в значительной отдаленности от центральных регионов России в суровом климате. Эти народы вели традиционное хозяйство (многие из них до сих пор занимаются охотой, рыбалкой, оленеводством), сохранили своеобразие и неповторимость этнической правовой культуры, которая частично проявляется в самобытном обычном праве. Весомое место в нем всегда уделялось «промысловым» обычно-правовым нормам.

В настоящее время в российской историко-правовой доктрине все больше внимания привлекается перспективам развития приполярных арктических и полярных районов России. Русский Север привлекает ученых своей традиционностью, которая сохранилась, благодаря в том числе и обычному праву, являвшемуся нормативно-стабилизирующим фактором, обеспечивавшим функционирование этнолокальных общностей северных народов.

2. Материалы и методы

Эмпирической основой исследования являются найденные авторами и введенные в научный оборот архивные документы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), Национального архива Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация), содержащие сведения о нормах и институтах обычного права, применявшихся в процессе жизнедеятельности этнолокального общества в рассматриваемый хронологический период. Документы официального делопроизводства, находящиеся на хранении в указанных архивах, являются важнейшими носителями исторической и этноправовой информации о функционировании норм обычного права. Кроме того, важным источником при раскрытии регулятивного потенциала позитивного и обычного права у исследуемых народов являются систематизированные сборники, содержащие не только архивные документы, но и памятники права (например, Коми край в XVIII веке, Историко-филологический сборник, Абдорский край и Мангазея в XVII веке). Особое значение имеет исследование законодательных актов Российской империи, систематизированных в «Полном собрании законов Российской империи».

К сожалению, до нас не дошли систематизированные писанные источники обычного права этих народов. О существовании «зырянского судебника» XVI в. упоминается в работе М. Михайлова (Михайлов, 1850: 242). Возможно, речь шла об источнике права, содержавшем зырянские правовые обычаи, но, к сожалению, его текст не найден. Поэтому обычно-правовой эмпирический материал исследуется «...благодаря сохранившимся русским документам» (Вершинин, Визгалов, 2004: 4), созданным в конкретный исторический период; правовым обычаям, отраженным в национальном фольклоре, мифологической прозе, ритуалах, играх. Процесс взаимовлияния действовавшего в то время законодательства и обычно-правовых норм, а также этнографический материал, раскрывающий правовые воззрения исследуемых народов, представлен в периодической печати. Поэтому в данной работе используются публикации из периодической печати в таких журналах, как «Вятские губернские ведомости», «Вологодские губернские ведомости», «Журнал министерства народного просвещения».

Методологический инструментарий проведенного исследования представлен в виде взаимосвязанных и взаимообусловленных научно-методических подходов, методов и принципов. Применение методов анализа и синтеза позволило исследовать эмпирическую основу и выделить закономерности функционирования норм позитивного и обычного права. Использование историко-правового и системного методов обеспечили возможность рассмотрения объекта исследования, учитывая исторические события и факты, существовавшие в обозначенных хронологических рамках, а также систематизировать их, выделяя общие тенденции. Герменевтический метод позволил представить толкование используемых в работе источников права, а также исторических архивных материалов.

3. Обсуждение

Среди дореволюционных исследователей, знакомивших читателей на страницах периодических изданий с элементами крестьянского этноправового мира, необходимо назвать О. Ежова, П. Ефименко, М. Михайлова и др. (Ежов, 1857; Ефименко, 1874; Михайлов, 1850).

В современной российской науке обычно-правовой быт, этнокультурное пространство отдельных приарктических народов, этноправо, а также особенности обычно-правовой культуры у различных этносов рассматриваются в рамках гуманитарных исследований. В этой связи необходимо отметить имена М.Б. Аверина, Н.С. Авдониной, Н.А. Алимбая, С.В. Березницкого, И.И. Галечко, К.С. Зайкова, П.В. Никитина, А.В. Поповой, С.А. Правкина, П.В. Примака, Б.К. Смагулова, В.В. Смирнова, В.В. Титова, Р.В. Шагиевой, М.А. Хватовой, А.Б. Храмцова и др. (Аверин и др., 2020;

Алимбай, Смагулов, 2021; Березницкий, 2020; Зайков, Авдонина, 2019; Правкин и др., 2021; Титов, 2021; Храмцов, 2021 и др.).

В представленной литературе исследуются различные историко-теоретические аспекты жизнедеятельности народов России, однако фактически отсутствует анализ регулятивного потенциала позитивного и обычного права зырян и самоедов в сфере природопользования в XVII–XVIII вв.

Среди исследователей, внесших научный вклад в изучение обозначенной проблемы, важно отметить следующих: Е.В. Вершинина, Г.П. Визгалова, А.В. Головнева, В.А. Зибарева, П.А. Колесникова, Н.Д. Конакова (Вершинин, Визгалов, 2004; Головнев, 1995; Зибарев, 1986; Колесников, 1982; Конаков, 2004) и др. Несмотря на предпринятые попытки анализа некоторых обычно-правовых промысловых институтов и отношений, сведения о взаимодействии и сосуществовании позитивного и обычного права зырян и самоедов в сфере природопользования в XVII–XVIII вв. не систематизированы.

Поэтому целью настоящего исследования является изучение регулятивного потенциала общераспространенного позитивного и локализованного обычного права зырян и самоедов в сфере использования земельных, водных, лесных ресурсов в XVII–XVIII вв.

4. Результаты

Обычное право приарктических народов в сфере природопользования формировалось постепенно, так как российский законодатель предоставил им возможность регулировать возникавшие правоотношения нормами обычного права, «исходящего от самого народа». Так, в редких архивных источниках, относящихся к XV в., встречается информация о свободном пользовании автохтонными народами водными, лесными, земельными ресурсами. Статус земель традиционного проживания регламентировался обычным правом, и, кроме того, российский законодатель защищал эти земли, ограничивая их гражданский оборот (Жалованная..., 1958: 247; Жалованная грамота..., 1958: 255).

В XVI веке центральная власть предоставляла свободу в природопользовании исследуемым народам. Например, российский законодатель зафиксировал не только особые права в сфере пользования землями, на которых традиционно проживали самоеды, после принятия ими российского подданства, но и защиту со стороны государства «...от всяких людей оберегали..., в обиду не давали» (Жалованная грамота..., 2004: 10). Это способствовало увеличению регулятивного потенциала обычного права, которое регламентировало различные аспекты природопользования, в том числе и правонарушение, совершавшиеся в рассматриваемой сфере. Эмпирические источники свидетельствуют о появлении различных обычно-правовых правонарушений в сфере природопользования. Так, зырянская мифологическая проза упоминает о различных кражах, прежде всего объектов промысла, носивших характер товарного продукта, ввиду того, что Коми край с конца XIV века уже был включен в общероссийские рыночные отношения, в которых пушнина и объекты промысла приобретали характер товара (Электронная...); самоедская мифология раскрывает особенности регулирования обычно-правовыми нормами оленеводческих отношений (Головнев, 1995: 289).

Еще путешественник Джильс Флетчер в XVI в. упоминал о том, что у зырян права собственности на земельные ресурсы не существовало, так как каждый мог трудиться на любом, не занятом другим человеком участке (Флетчер, 2007: 123). Эта тенденция, закрепленная нормами обычного права, сохранялась вплоть до н. XX века (НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 572. Л. 3; Д. 471. Л. 1-2; Ф. 130. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-1 об.; РГАДА. Ф. 647. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Д. 6. Л. 1) и была описана М.А. Большаковым: «...Имелось ...одно основное убеждение: каждый имеет право приступать к труду на любом участке, не занятом трудом другого» (Большаков, 1907: 2).

Российский законодатель в XVII веке продолжил взятый в предыдущие века курс, но с некоторыми ограничениями. Он санкционировал свободное использование лесных, водных пространств, не относящихся к «засечным и в и(ы)нныя заповедныя леса» (Соборное...) (Гл. VII ст. 23), к чужой собственности «но на чужей земле лесу не росчищати...» (Соборное...) (Гл. X ст. 239), к государственной собственности: «...в государевых прудех и в озерах рыбы на себя не ловити..., ему наказание учинити, что государь укажет» (Соборное...) (Гл. III ст. 8).

Обычное право, существуя параллельно с позитивным, также регламентировало вопросы природопользования. Оно касалось «процесса урегулирования взаимоприемлемых норм совместного природопользования в тундровой зоне...» (Конаков, 2004: 153).

В обычном праве даже существовали следующие императивные нормы: «если по вине пастуха происходила потеря оленей, то хозяин был вправе взыскать с него часть или половину убытка...» (Иванова, 2009: 31). Если происходил падеж оленьего стада, то пастуху дозволялось употребить мясо, возвратив оленьи шкуры хозяину; если пастух потерял оленей, то он обязан компенсировать убыток хозяину (Иванова, 2009: 31). Обычное право регулировало наемные отношения в сфере оленеводства. Часто заключаемые в устной форме обычно-правовые договоры найма ижемцами (коми) (собственниками оленей) ненцев-пастухов для выпаса оленеводческого стада обязательно выполнялись.

«Народное» право регламентировало детали распределения промысловых территорий. У ненцев в XVII веке происходили даже драки по причине неравномерного распределения промысловых территорий, которые закреплялись, исходя из норм обычного права, за определенными представителями различных родов и семей: «...в леших промыслах почали у них быть меж себя драки...» (Челобитная аманата..., 2004: 38).

Промысловые территории, оленеводческие пастбища, собаки (Отписка..., 2004: 18) и особенно олени («животина») (Из грамоты..., 2004: 24) имели важное значение в жизни приарктических народов. Олени являлись транспортом (Отписка тобольского..., 2004: 34; Отписка березовского..., 2004: 46), одним из важнейших пищевых компонентов, из их шкур изготавливали одежду и чум (дом), рыночным товаром (Челобитная торгового..., 2004: 20). Исторические источники отражают процесс борьбы за оленей: «... карачейская самоядь и остяки... побрали... и самоядок, со всеми их животами и с оленьми» (Отписка пустозерского..., 2004: 45); за обладание иными промысловыми предметами, использовавшимися в охоте, рыбной ловле, включая «...неводы, и сети, и лотки..., и якори...» (Из грамоты..., 2004: 23).

Рыболовство являлось достаточно важным занятием в жизни исследуемых народов (НА РК. Ф. 292. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). Существовали своеобразные рыболовные угодья, которые находились на небольших реках. Так, В.А. Зибарев отметил, что «лов рыбы на таких водоемах был свободным... Однако у каждой семьи имелись свои постоянные, привычные места» (Зибарев, 1986: 177). Также функционировал простой правовой обычай: «Где остановился, там и добывай» (Зибарев 1986: 177). Но, если человек вложил труд в расчистку этой промысловой территории «или ставил постоянно ловушки..., то получал право на владение ими, которое могло передаваться по наследству» (Зибарев, 1986: 177). Данный процесс регулировался исключительно нормами обычного права. Ж.Б. Иванова отмечает, что в персональном индивидуальном пользовании находились речные участки, «...если там сооружались рыболовные запруды» (Иванова, 2009: 22-23). Кроме того, законодатель санкционировал этот процесс: «также кто будет бить челом о старых рыбных ловлях, о переоброчке или вновь на оброк: и те рыбные ловли отдавать на оброк из наддачи, справясь с прежними откупщиками, или владельцами, для того, чтобы старые откупщики и владельцы при переоброчке тех рыбных ловель и про новую отдачу ведали» (Статьи...).

Самоедов даже искали по месту расположения их рыболовных угодий. В зимнее время они перекочевывали, «переходя на оленях с места на место...» (Отписка березовского..., 2004: 46), а в летнее время находились на территории рыболовных угодий, принадлежащих роду: «...тое самоядь... выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам» (Отписка березовского..., 2004: 46).

Охота также повсеместно была распространена у северных народов. О ее масштабах свидетельствуют фразы, сохранившиеся в исторических документах: «лешие промыслы, беличья охота, мягкая рухлядь, птичьи шутики, лесно-звериный промысел» (Челобитная..., 2004: 21) и др. Лесная добыча не только употреблялась в пищу, но и продавалась либо обменивалась (Грамота из..., 2004: 12-13), ею также уплачивали ясак (подати, сборы) (Челобитная торгового..., 2004: 20). Ненцы даже особо ценную пушнину «...рухлядь многую – соболи добрые и лисицы и бобры...» (Челобитная..., 2004: 40) использовали, выкупая своих сородичей из заложников.

Обычное так же, как и позитивное право, защищало интересы и права охотника и «собственника добычи», так как добытый объект промысла считался неприкосновенным. Законодатель особенно отстаивал права охотника на пойманную добычу. Такая норма была закреплена даже в Соборном Уложении 1649 г.: «А будет кто такую птичью чужую приваду испортит, измажет дехтем... или куропотную сетку украдет..., за то, что он ту птичью приваду испортит, учинить ему наказанье, бить батоги нещадно...» (Гл. X ст. 217) (Соборное...).

Обычное право, в отличие от позитивного, регулировало нормы-табу. В промысловых обычно-правовых отношениях часто применялись табуированные нормы. Это касалось особенностей поведения охотников и рыбаков на промысле. Его действия регулировались обычно-правовыми нормами, синкретизированными с религиозно-моральными и магическими нормами. В итоге весь комплекс этих норм закреплялся в табу и подлежал обязательному исполнению. Считалось, что за его нарушение последуют не только наказание со стороны членов этнолокального общества, но и сверхъестественные проклятия, что в свою очередь закреплялось принципом неотвратимости наказания. Так, к примеру, запрещалось уничтожать лишние деревья, неуважительно относиться к добыче, ругаться на промысле, произносить слова, неприятные духам-хозяевам леса, воды и т.д.

Необходимо отметить, что обычное право зырян и самоедов в XVII–XVIII вв., регулируя промысловые отношения, не противоречило нормам писаного права, оно дополняло позитивное право в тех вопросах, которые не были последним детально урегулированы. Российский законодатель в XVIII веке не устанавливал запретов на применение этнического обычного права, наоборот, он даже защищал естественные права самоедов на ведение промысловой деятельности в их родовых угодьях: «... и мне Самоядцов... всех пожаловать, дати б им на те рыбные ловли и на звериные ухожьи, Своя грамота жалованная, чтоб у них в те рыбные ловли и звериные ухожьи Печеряне и Пермьяки впредь не вступались...» (Грамота...).

Автохтонным народам, проживавшим в приарктической зоне, позволялось осуществлять процедуру судопроизводства, в том числе и по вопросам природопользования, используя «собственное право». Возникавшие споры предлагалось рассматривать старожилыми, которые вполне могли руководствоваться нормами обычного права: «...при размежевании земель от владельцев учинятся споры... и тот спор разбирать старожилыми...» (*Инструкция межевщикам...*). Они руководствовались, «во-первых, собственным рассуждением, во-вторых, порядком, оставленным от прежде бывших родоначальников, в-третьих, наставлениями и внушениями по сей части земского начальства» (*Зибарев, 1986: 76-77*).

С конца XVIII века крестьянам законодательно было запрещено беспрепятственно распоряжаться земельными участками. Связано это было с осуществлением процесса Генерального межевания (*Инструкция межевщикам...*; *Инструкция Межевым...*). Несмотря на запрет, крестьяне, руководствуясь обычно-правовыми представлениями (*НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 492. Л. 9; Д. 156. Л. 1; Д. 71. Л. 60; Ф. 273. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.; Ф. 100. Оп. 1. Д. 953. Л. 1*), относились к земле как к своему имуществу: «По доношению Яренского уезда Койгородской волости от крестьян... имеют на собственных их деревенских участках...» (*Коми край, 2012: 60*). Территориальная отдаленность от центральных органов власти, незначительный государственный контроль позволяли, к примеру, зырянам, применявшим, прежде всего, нормы обычного права, свободно владеть и пользоваться не только земельными ресурсами (*РГАДА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 4. Л. 1*), но и охотничьими, рыболовно-промысловыми угодьями. Подобные земли в архивных документах получили даже особое название – «дедины и отчины», или «вековечные дедовские» (*Рапорт в Яренскую, 2012: 68*), так как из века в век передавались по наследству.

Однако законодатель понимал важность земельных, водных, лесных объектов в жизнедеятельности рассматриваемых народов, поэтому в 1789 г. были законодательно санкционированы послабления для государственных крестьян, так как им предоставлялась возможность «променивать и покупать... земли...» (*О наблюдении...*), в 1797 г. решилась проблема «малоимения» (*Наказ крестьян..., 2012: 45*) земель у государственных крестьян (*О наполнении...*) и др.

Наметившуюся тенденцию во второй половине XVIII в. П.А. Колесников обозначил как «...взаимовлияние и определенная взаимозависимость между государственным законодательством и общественным сознанием крестьянства» (*Колесников, 1982: 166*).

5. Заключение

Таким образом, в XVII–XVIII вв. на территории расселения коми и ненцев параллельно функционировало позитивное и обычное право. В обычном праве промысловые нормы систематизировались в «неписанный кодекс» обычно-правовых, табуированных и морально-нравственных установок. Регулирование сферы природопользования было направлено на сохранение не только природных объектов, но и традиционной системы жизнедеятельности этнолокальных обществ, а также устоявшейся модели природопользования. Эта тенденция появилась еще в XV веке. Начиная с XVII века, законодатель начал вводить ограничения пользования природными ресурсами, законодательно выделяя перечень заповедных, государевых и иных территорий, на которых не распространялся принцип свободы пользования. К концу XVIII века появляется тенденция взаимовлияния норм позитивного и обычного права в сфере природопользования. В это время обычное право приарктических народов дополняло нормы позитивного права.

Литература

- Большаков, 1907* – *Большаков М.А.* Община у зырян. СПб.: Типография М.П.С. (Т-ва И.Н. Кушнерев и К), 1907. 107 с.
- Вершинин, Визгалов, 2004* – *Вершинин Е.В., Визгалов Г.П.* Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: Издательство «Тезис», 2004. 200 с.
- Головнев, 1995* – *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1995. 600 с.
- Ежов, 1857* – *Ежов О.* Личность и отличительные качества зырян // *Вятские губернские ведомости.* 1857. № 22. С. 134-137.
- Ефименко, 1874* – *Ефименко П.* Юридические знаки // *Журнал министерства народного просвещения.* СПб., 1874. № 10. С. 53-170.
- Зибарев, 1986* – *Зибарев В.А.* Из истории обычного права народов Севера // *Советская этнография.* 1986. № 2. С. 73-79.
- Иванова, 2009* – *Иванова Ж.Б.* Религиозные и обычно-правовые традиции народов Северной России в охране среды обитания // *Актуальные вопросы образования и науки.* 2009. № 1–2. С. 30-31.
- Историко-филологический..., 1958* – *Историко-филологический сборник.* Вып. 4. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1958. 272 с.
- ПСЗ РИ – IV* – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2007. С. 276-278.

- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2139. С. 369-374.
- ПСЗ РИ – XIV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XIV. СПб., 1830. №10237. С. 104-161.
- ПСЗ РИ – XVII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVII. СПб., 1830. № 12659. С. 716-734.
- ПСЗ РИ – XXIII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIII. СПб., 1830. № 16813. С. 89-93.
- ПСЗ РИ – XXIV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIV. СПб., 1830. № 18256. С. 807-808.
- Колесников, 1982** – Колесников П.А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII–XVIII вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): Межвузовский сборник научных статей. Пермь, 1982. С. 158-174.
- Конаков, 2004** – Конаков Н.Д. Традиционная система природопользования и хозяйственные занятия коми // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 65-181.
- Михайлов, 1850** – Михайлов М. Усть-Вымь // Вологодские губернские ведомости. 1850. № 22. С. 242-243.
- Коми край в XVIII веке...** – Коми край в XVIII веке: Сб. документов / Под общ. ред. А.К. Гагиевой. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 115 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Коми.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Соборное...** – Соборное Уложение 1649 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 23.09.2021).
- Флетчер, 2007** – Флетчер Д. О государстве Русском или образ правления русского царя с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // Савельева Э.А., Королев К.С. Письменные известия о народе коми. Сыктывкар: Эском, 2007. С. 119-124.
- Электронная...** – Электронная библиотека «Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми» / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (дата обращения: 08.05.2014).
- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V. The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagiёva R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.
- Sokolskaya, Valentonis, 2020** – Sokolskaya L., Valentonis A. The history of the acculturation concept // *Journal of Intercultural Communicationthis*. 2020. 20(3): 31-43.
- Titov, 2021** – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.
- Khramtsov, 2021** – Khramtsov A.B. Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74-84.
- Zaikov, Avdonina, 2019** – Zaikov K.S., Avdonina N.S. Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 29-40.

References

- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.
- Bolshakov, 1907** – Bolshakov, M.A. (1907). Obshchina u zyryan [The community of the Zyryans]. SPb. [in Russian]

- Efimenko, 1874** – *Efimenko, P.* (1874) Yuridicheskie znaki Legal signs [Legal signs]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 10: 53-170. [in Russian]
- Elektronnaya...** – Elektronnaya biblioteka «Enciklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi» [Electronic library "Encyclopedia of Ural mythologies. Komi Mythology". IYALI Komi NC UrO RAS]. [Electronic resource]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (date of accessed: 08.05.2014).
- Fletcher, 2007** – *Fletcher, D.* (2007). O gosudarstve Russkom ili obraz pravleniya russkogo carya s opisaniem nravov i obychaev zhitelej etoj strany [Russian state or the image of the rule of the Russian tsar with a description of the customs and customs of the inhabitants of this country]. *Pis'mennye izvestiya o narode komi*: 119-124. [in Russian]
- Golovnev, 1995** – *Golovnev, A.V.* (1995). Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg. [in Russian]
- Istoriko-filologicheskij..., 1958** – Istoriko-filologicheskij sbornik [Historical and philological collection]. Syktyvkar, 1958. [in Russian]
- Ivanova, 2009** – *Ivanova, Zh.B.* (2009). Religioznye i obychno-pravovye tradicii narodov Severnoj Rossii v ohrane srede obitaniya [Religious and customary legal traditions of the peoples of Northern Russia in the protection of the habitat]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*. 1-2: 30-31. [in Russian]
- Khramtsov, 2021** – *Khramtsov, A.B.* (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.
- Kolesnikov, 1982** – *Kolesnikov, P.A.* (1982) Vozdejstvie narodnyh mass na gosudarstvennoe zakonodatel'stvo Rossii XVII – XVIII vv. [The impact of the masses on the state legislation of Russia of the XVII–XVIII centuries]. *Problemy istorii krest'yanstva Evropejskoj chasti Rossii (do 1917 g.)*: 158-174. [in Russian]
- Komi Krai..., 2012** – Komi Krai in the XVIII century: collection of documents (2012). [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Syktyvkar. [in Russian]
- Konakov, 2004** – *Konakov, N.D.* (2004). Tradicionnaya sistema prirodopol'zovaniya i hozyajstvennye zanyatiya komi [The traditional system of nature management and economic occupations of Komi] Zyryanskij mir. Oчерki o tradicionnoj kul'ture komi naroda: 65-181. [in Russian]
- Mikhailov, 1850** – *Mikhailov, M.* (1850). Ust'-Vym' [Ust-VYM]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 22: 242.
- ON the RK** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV., SPb. Pp. 369-374. [in Russian]
- Pravkin et al., 2020** – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A.* (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.
- PSZ RI – IV** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. № 2007. Pp. 276-278. [in Russian]
- PSZ RI – IV** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. № 2139. Pp. 369-374. [in Russian]
- PSZ RI – XIV** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIV. SPb., 1830. №10237. Pp. 104-161. [in Russian]
- PSZ RI – XVII** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XVII. SPb., 1830. № 12659. Pp. 716-734. [in Russian]
- PSZ RI – XXIII** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXIII. SPb., 1830. № 16813. Pp. 89-93. [in Russian]
- PSZ RI – XXIV** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXIV. SPb., 1830. № 18256. Pp. 807-808. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Sokolskaya, Valentonis, 2020** – *Sokolskaya, L., Valentonis, A.* The history of the acculturation concept. *Journal of Intercultural Communication*. 20(3): 31-43.
- Titov, 2021** – *Titov, V.V.* (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.
- Titov, 2021** – *Titov, V.V.* (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.
- Vershinin, Vizgalov, 2004** – *Vershinin, E.V., Vizgalov, G.P.* (2004). Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Yekaterinburg. [in Russian]
- Yezhov, 1857** – *Yezhov, O.* (1857). Lichnost' i otlichitel'nye kachestva zyryan [Personality and distinctive qualities of zyryans]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 22: 134-137. [in Russian]
- Zaikov, Avdonina, 2019** – *Zaikov, K.S., Avdonina, N.S.* (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye Gody*. 51(1): 29-40.

Zibarev, 1986 – Zibarev, V.A. (1986). Iz istorii obychnogo prava narodov Severa [From the history of customary law of the peoples of the North]. *Sovetskaya etnografiya*. 2: 73-79. [in Russian]

Регулятивный потенциал позитивного и обычного права зырян и самоедов в сфере природопользования в XVII–XVIII вв.

Ольга Андреевна Плоцкая^{a, *}, Людмила Викторовна Сокольская^b, Елена Николаевна Калиакперова^c, Диана Геннадьевна Алексеева^{a, d}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^b Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Российская Федерация

^c Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан

^d Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация

Аннотация. Сегодня во всем мире возрос интерес исследователей к региональной истории, особенно к истории народов арктической зоны России. Целью данного исследования является изучение регулятивного потенциала позитивного и обычного права зырян и самоедов в сфере использования земельных, водных и лесных ресурсов в XVII–XVIII вв. Авторы формулируют вывод о том, что рассматриваемые приарктические народы не утратили собственной самобытности, традиционности, сумели сохранить регулируемую силу обычного права. В XVII–XVIII вв. на территории расселения этих народов параллельно функционировало позитивное и обычное право. Регулирование сферы природопользования было направлено на сохранение не только природных объектов, но и традиционной системы жизнедеятельности этнолокальных обществ, а также устоявшейся модели природопользования. Эта тенденция появилась еще в XV веке. Начиная с XVII века, законодатель начал вводить ограничения в пользовании природными ресурсами, законодательно выделяя перечень заповедных, государственных и иных территорий, на которые не распространялся принцип свободы пользования. К концу XVIII века появляется тенденция взаимовлияния норм позитивного и обычного права в сфере природопользования. В это время обычное право приарктических народов дополняло нормы позитивного права. Авторами были исследованы различные исторические документы, национальный фольклор, мифологическая проза. Важным источником являются архивные документы, систематизированные в сборники. Привлекаются публикации в периодической печати и дореволюционные нормативные правовые акты Российской империи, систематизированные в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ).

Ключевые слова: коми, ненцы, позитивное право, обычное право, промысловое право, зыряне, самоеды.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), cokol4512@yandex.ru (Л.В. Сокольская), elenamanina@mail.ru (Е.Н. Калиакперова), alekseeva.dg@yandex.ru (Д.Г. Алексеева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1602-1614
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1602

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Descriptions of the City of Tara in Archival Documents of the late 17th – early 18th centuries

Anna A. Krikh ^{a, *}

^a Dostoevsky Omsk State University, Russian Federation

Abstract

The modern city of Tara, located in the northern part of the Omsk region, is one of the early Russian settlements in Siberia. As a Southern Siberian frontier fortress with a specific military organization of life, Tara is well-known in Russian historical urban studies. However, there still exist many unclear details and contradictory data in its history. In the context of an archaeological study of Tara that began in 2007, it is important to consult and use archival materials to identify fortification buildings of the fortress proper and the settlement, which constituted the Tara fortress. Many records and documents from the 17th – beginning of the 18th centuries begin with their description: inventory books, city records, the inventory book of the Tara settlement and fortress. Blueprint drawings from the same time, provided by Semyon Remizov in Chorographic Drawing Book of Siberia and A Drawing Book of Siberia, which correlate with the inventory book of 1688, play an important role in the visualization of the image of Tara. Source criticism analysis that is performed in the present study shows the heuristic potential of the sources and a possibility of juxtaposing inventory documentation with early blueprints of Tara, which makes it possible to reconstruct blueprints of military fortifications for different periods of Tara fortress's existence, street layout of the end of the 1680s, and also to trace the changes of the toponymy of urban environment.

Keywords: Tara, planigraphy, toponymy, fortress, city, fort, settlement, towers and walls.

1. Введение

Тара являлась одним из ранних русских поселений в Сибири, которое длительное время, с конца XVI в. по начало XVIII в., существовало в качестве южносибирского фронтального города со специфическим военным укладом. В этом качестве Тара хорошо известна в отечественной историографии сибирского городоведения, а в 2000-х гг. в связи с начавшимся археологическим изучением исторического центра Тары количество исследований резко увеличилось. Несмотря на повышенный научный интерес к начальному периоду существования Тары, в ее истории остается много неясных моментов и противоречивых сведений. В частности, до сих пор не проведена идентификация фортификационных сооружений Тарской крепости, открытым остается вопрос о специфике застройки и планиграфии Тары. Дефицит информации по ее ранней топонимике привел к необоснованным предположениям и домыслам насчет наименования тарских улиц и военных укреплений в XVII–XVIII вв. (*Археологическая летопись*, 2019: 264).

2. Материалы и методы

Описания сибирских городов XVII – начала XVIII вв. содержатся в таких видах учетной и отчетной документации, как дозорные книги и городские списки. Поскольку предметом составления в дозорных книгах выступали земельные владения сибирского населения (*Бережнова, Кабакова, Корусенко, 2014: 62-69*), то описания городских укреплений и значимых построек в этом виде документов отличаются краткостью. Самая ранняя из сохранившихся, дозорная книга Тарского уезда

* Corresponding author

E-mail addresses: krikh_aa@mail.ru (A.A. Krikh)

датируется 132 г. (1623/24 г.) и применительно к данному исследованию интересна в плане создания алгоритма описания городских сооружений, который воспроизводится в более поздних документах конца XVII – начала XVIII вв., в частности в городских списках Тары. В дозорной книге Тарского уезда 1701 г. описание города занимает чуть больше двух страниц, но оно несет в себе ценную информацию, ориентирующую по сторонам света укрепления деревянного кремля, которые становятся точками отсчета для географической привязки административных и религиозных сооружений (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4-5).

По подсчетам Н.Н. Оглоблина, по Таре сохранилось десять городских списков, шесть из которых относятся к началу XVIII в. (Оглоблин, 1895: 289). Городовые списки создавались в качестве годовых отчетов сибирских воевод о состоянии подчиненных им городов и содержали как описания военных укреплений и перечень «наряда», т.е. вооружения и боеприпасов, перечни доходов и расходов города, описи денежной, хлебной и ясачной казны, так и поименные списки населения, получающего «государево жалованье». В 1701 г. на основе отдельных городских списков был составлен сводный список по всем сибирским городам, опубликованный новосибирскими исследователями в 1996 г. (Ведомость, 1996: 136-161). Однако неточное прочтение названий некоторых башен Тарского острога в опубликованной версии этого списка заставило обратиться к оригинальным документам начала XVIII в. По городскому списку Тары 1702 г. острожные ворота, поставленные вместо сгоревшей в 1669 г. Пятницкой башни, именовались Прокопьевскими (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л. 3), как и шатровая церковь во имя Святого Прокопия Праведника, расположенная на посаде недалеко от этих ворот (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4). В опубликованном сводном списке всех сибирских городов эти ворота ошибочно названы Покровскими (Ведомость, 1996: 160).

К городским спискам Н.Н. Оглоблин причислил и описную книгу Тарского города и острога, составленную в 1688 г. при стольнике и воеводе князе Гавриле Степановиче Волконском (Оглоблин, 1895: 289), хотя она содержит описание военных укреплений и перечень дворов и незастроенных дворовых мест тарских жителей, что в большей степени сближает данный вид источника с дозорными книгами, нежели с городскими списками. От дозорных книг XVII – начала XVIII вв. описную книгу отличает игнорирование социального принципа построения списков жителей, при котором перечисление дворов излагалось иерархически – в соответствии с родом военной службы и занимаемым чином: от детей боярских и атаманов через категории казаков литовского и черкасского списков до рядовых конных и пеших казаков, стрельцов и пушкарей.

В описной книге Тары дворы перечисляются по принципу последовательного расположения на разных сторонах улиц, с указанием, откуда и куда улица ведет, с привязкой к городским военным или церковным сооружениям. Источник, таким образом, позволяет установить географическую привязку индивидуальной застройки города к объектам, длительное время составляющим его доминанты.

Социальная принадлежность владельцев дворов и незастроенных мест указывалась при занятии дворохозяином значимых чинов или должностей. В описной книге 1688 г. фигурируют дети боярские, атаманы, сотники и пятидесятники, ротмистр и голова татарский, ясаул юртовских служилых татар, толмачи, подьячие, городничий, каморник, палачи, попы и пономарь, в отдельных случаях упоминались рядовые стрельцы и дети казаков, а также должностные лица, вышедшие в отставку. Этническая принадлежность носила групповой характер и указывалась применительно к компактному поселению на правом берегу р. Аркарки бухарцев, служилых и захребетных татар. Для маркирования границы расселения инородцев в описной книге специально оговаривалось, где начинались «дворы русских людей», хотя до момента описания бухарских и татарских дворов таких пояснений в тексте не наблюдалось (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 137).

В категорию «русских людей» попадали крещеные калмыки, проживавшие в разных частях острога (два двора) и за его пределами (9 дворов) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 970б., 116а, 1370б., 1390б.). Из 11 дворов, принадлежащих крещеным калмыкам и их потомкам, 7 дворов располагались позади «бухарских и татарских дворов» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1370б.-1390б.).

Описная книга Тары составлялась спустя 19 лет после сильнейшего пожара, в результате которого выгорела вся центральная часть города и острога. По данным Е.Н. Евсеева (с отсылкой к отчету тарского воеводы Ф.Н. Мещерского), пожар произошел в ночь на 8 сентября 1669 г. «...от топившейся бани конного казака Дениса Вяткина» (Евсеев, 1994: 240). В нем погибли оборонительные сооружения, которые тарчане к моменту составления описной книги восстановили лишь частично. В силу специфики своего содержания именно описная книга 1688 г. является основным источником для изучения ранней планиграфии Тары.

Описная книга Тары сохранилась в составе корпуса документов 1680-х гг. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925), связанных с конфликтом и последующим судебным разбирательством между тарскими служилыми людьми, проживавшими в с. Усть-Тара на землях местных ясачных и служилых татар, а также с озабоченностью воеводской власти ростом земельных владений бухарцев в Тарском уезде (Kabakova, Korusenko, 2020: 418). В связи с последним обстоятельством в 1688/89 г. был осуществлен дозор бухарских земельных угодий ротмистром Яковом Чередовым (Оглоблин, 1895: 56) и, видимо,

составлена описанная книга Тары, где, помимо прочих, перечислялись дворы бухарцев, поселившихся на берегу р. Аркарки.

Важную роль в визуализации облика Тары играют рисунки-чертежи, приведенные С.У. Ремизовым в «Хорографической чертежной книге Сибири», составленной в 1697–1711 гг., и «Чертежной книге Сибири», созданной в 1699–1701 гг. (Гольденберг, 2011: 463, 469). Известно, что на заре своей служебной карьеры, в 1682 г., С.У. Ремизов ездил в Тару, поскольку был послан в Бергамакскую слободу «...для доправки на крестьянх хлеба и денег» (Гольденберг, 2011: 396), а его деятельность в качестве чертежника началась в 1683–1685 гг. (Гольденберг, 2011: 399). Потому в Хорографической книге помещен рисунок Тарского города (Хорографическая книга, 1697–1711: 1660б.), который был скопирован С.У. Ремизовым либо в Сибирском приказе во время его длительного пребывания в Москве в 1698 г., либо в Тобольске, куда стекались делопроизводственные материалы со всей Сибири (Оглоблин, 1891: 4-5).

О времени создания исходного рисунка Тары можно лишь предполагать, исходя из косвенных данных. Хотя в литературе можно встретить мнение о том, что С.У. Ремизов скопировал «чертеж» 1623–1624 гг., выполненный Василием Жирковым, являвшимся письменным головой при тарском воеводе И.Н. Сумбулове (Ляликов, 2013: 90). Сравнение ремизовских «чертежей» с описанием Тары в дозорной книге 1623/24 г. свидетельствует в пользу более позднего по времени происхождения исходного рисунка Тары. Например, в дозорной книге 1623/24 г. в системе Тарского кремля Княжья башня являлась угловой (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 316), в то время как на рисунках С.У. Ремизова (Рисунок 1, 2) и в описании 1688 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 82) стены (городни), создающие угол кремля, не замыкаются на Княжьей башне. Е.Н. Евсеев предположил, что в основу «Чертежа земли Тарского города» легли рисунки Тары, составленные и высланные в Москву в 1697 и 1698 гг. Эти чертежи не сохранились, но о них есть упоминание в описании дел Тарской приказной избы (Евсеев, 1981: 90).

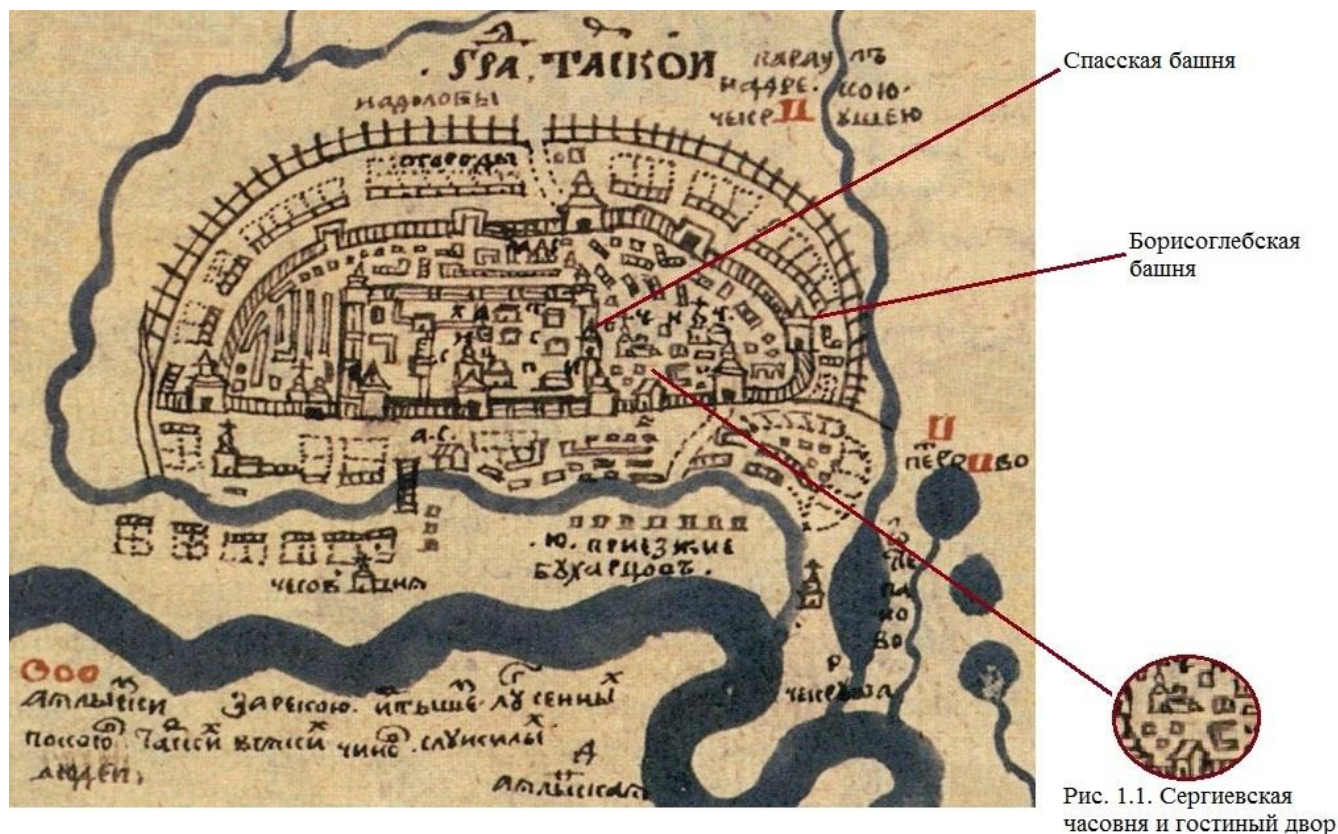

Рис. 1.1. Сергиевская часовня и гостиный двор

Рис. 1. Город Тара из Хорографической чертежной книги Сибири
Источник: Хорографическая книга, 1697–1711: 1660б.

Изображение Тарского кремля и острога С.У. Ремизовым в общих чертах соответствует описанию 1688 г., в котором отмечены восстановленные после пожара укрепления. Однако на рисунке присутствуют Пятницкая и Никольская башни, являвшиеся частью острожной системы военных сооружений, которые, судя по источникам 1688 г. и 1702 г., восстановлены не были, вместо них были поставлены проезжие ворота (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 84, 85-85об.; Д. 1339. Л. 3-3об.). С другой стороны, изображение бухарских юрт (условно называемых в научной литературе Бухарской слободой), сопровождаемое соответствующей подписью, скорее всего, принадлежало исходному варианту рисунка, а не было привнесено Ремизовым, поскольку на рисунках-чертежах

других сибирских городов, помещенных в ремизовских атласах, подобных надписей не имеется, хотя бухарско-татарские слободы были в Тобольске и Тюмени. Это подводит нас к мысли об одновременности и общности происхождения изначального, скопированного С.У. Ремизовым «чертежа» Тары и описной книги 1688 г., поскольку оба документа фиксируют разрастание Тары, выход поселения за границы системы военных укреплений с особым указанием места проживания бухарцев и татар.

При сравнении изображений Тары из Хорографической книги и Чертежной книги несложно заметить существенную разницу в характере рисунков, присущую «черновому» и «беловому» вариантам соответственно. На рисунке Тары из Чертежной книги тщательнее изображены постройки воеводского двора, приказной избы и других административных зданий в границах городских стен. Детальнее прорисованы изображения церквей (в частности апсиды), но при этом Сергиевская часовня в остроге приобрела вид крупного храма (Чертежная книга, 1882: 6). С Никольской башни исчезло изображение проезда, в результате чего на рисунке из Чертежной книги эта башня выглядит глухой, но со стороны нижнего посада, от р. Аркарки, к ней ведет дорога, обозначенная пунктирными линиями (Рисунок 2).

Претерпели изменения и изображение юрт приезжих бухарцев: если в Хорографической книге они были нанесены схематично, то в Чертежной книге бухарские жилища возвышаются над берегом Аркарки, в отличие от по-прежнему условного обозначения остальной частной застройки (Рисунок 1, 2). Сама частная застройка внутри острога и на посаде приобрела в Чертежной книге более регулярную планировку, чем на рисунке Тары из Хорографической книги. С подобными изменениями и неточностями изображение Тары из Чертежной книги было перерисовано и опубликовано в 1705 г. Н. Витсенем в книге «Северная и Восточная Тартария» (Witsen, 1705: 823).

Рис. 2. Город Тара из Чертежной книги Сибири
Источник: Чертежная книга, 1882: 50б.-6.

Для изучения описаний Тары в архивных материалах рубежа XVII – XVIII вв. использовались источниковедческие методы, связанные с выявлением исторических условий возникновения рассматриваемых текстов, интерпретации и содержательного анализа источников. Применение диахронно-исторического метода сравнения описаний Тары из разных источников позволило выявить динамику изменений тарских крепостных сооружений в конце XVII – начале XVIII вв.

3. Обсуждение

В рамках исторического городоведения ранние периоды существования Тары освещались преимущественно в общих трудах по истории градостроительства в Сибири (Кочедамов, 1978; Резун, Василевский, 1989; Градостроительство в Сибири, 2011), а также в краеведческих публикациях, приуроченных к юбилейным датам (Июффе, 1945; Тарская мозаика, 1994; Евсеев, 1994; Тара в XVI–XIX веках, 2014; Тобольск и вся Сибирь, 2014). В работах по истории градостроительства, в которых

использовались в качестве источников дозорные книги и городовые списки, а также рисунки из атласов С.У. Ремизова, описывались прежде всего военные укрепления. Вопросы, связанные с частной застройкой, освещались применительно ко второй половине XVIII в. в связи с появлением регулярных планов городов и каменного строительства ([Формирование архитектурного облика, 2017: 175-210](#)).

Сформировавшаяся в Новосибирске в 1970-х гг. школа исторической урбанистики включила в орбиту своих интересов и редкие исследования по ранней истории Тары, которые, с одной стороны, опирались на новые архивные материалы, преимущественно XVII в., а с другой – отличались отсутствием строгой тематической выдержки ([Евсеев, 1981](#)). Очерковая форма исторического исследования позволила представителям барнаульской школы сибирского городоведения сгладить эту наметившуюся тенденцию, связанную с нехваткой введенных в научный оборот архивных источников по тарской истории XVII–XVIII вв. ([Гончаров, Ивонин, 2006](#)).

Формирующийся в недрах сибирского городоведения интерес к ранней истории Тары был усилен начавшимися в 2007 г. археологическими раскопками исторического центра города ([Гуменюк, Ляликов, 2013](#); [Пузанов, 2015](#); [Черная, 2018](#); [Носкова, 2019](#) и др.). На основе полевых археологических исследований рассматривались частные вопросы организации системы военных сооружений Тарского города и острога, формирования посада и Бухарской слободы, специфика индивидуальной застройки Тары ([Татауров, Черная, 2015](#); [Черная, Татауров, 2015](#); [Тихонов, 2016](#); [Татауров, Тихонов, 2017](#) и др.). Итоги археологического изучения Тары были изложены в коллективной монографии ([Археологическая летопись, 2019](#)). Попытки сопряжения археологических источников и делопроизводственных документов XVII – начала XVIII вв. нельзя назвать успешными в силу ограниченности привлекаемых архивных материалов, что в свою очередь привело к неверной идентификации раскопанной в 2010 г. одной из башен Тарского кремля ([Татауров, 2011: 245, 248](#)).

4. Результаты

В преамбуле описной книги Тары сообщалось, что источник составлен по указу великих государей и великих князей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича и царевны и великой княжны Софьи Алексеевны, являвшейся на тот момент регентом при братьях, и за приписью дьяка Михаила Прокопьева ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 80](#)). Прописывались требования к документу: «...книга описная Тарского города и острогу в длину и ширину в скольких сажнях от города и острогу... поселились всяких чинов служилые люди и много ли за острогом на полевой стороне дворов поселилось позади рва...» ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 80](#)).

Начинается документ со стандартной фразы: «Тарский город рубленой стоит над Аркаркою рекою от Иртыша с версту» ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 80об.](#)). Точкой отсчета описания Тарского кремля или непосредственно «города» является проезжая восьмиугольная башня, ведущая из острога в город, – Спасская. Аналогичным образом начинается обзор Тары в дозорной книге 1623/24 г. ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 316](#)). Приводятся замеры высоты башни, которая делится от основания до обломов, т.е. выступов над поверхностью стены, и от обломов до кровли (всего 6 саженей). Указывается ширина башни – 4 сажени. Ценным является указание, когда и при каком воеводе возводились описываемые строения, пострадавшие от пожара в 1669 г. В частности, Спасская башня была срублена в 1683/84 г. при стольнике и воевода Гавриле Елагине ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 80об.](#)).

Крепостные стены измерялись одновременно в двух параметрах – городнях и сажнях. Например, часть стены между Спасской башней и угловой Сполошной башней составляла 5 городней или 10 саженей ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 80об.-81](#)). Описание городских укреплений следует по периметру крепости от Спасской башни по часовой стрелке, что позволяет представить расположение башен, идентифицировав их с изображением Тарского города в Хорографической книге С.У. Ремизова ([Хорографическая книга, 1697–1711: 166об.](#)) ([Рисунок 1](#)). Городовые военные укрепления – стена с башнями Сполошной, Водяной и Княжьей – в источнике четко ориентированы относительно р. Аркарки. Их постройка датирована 1672/73 г. ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 81об.](#)), т.е. после пожара 1669 г. именно эти укрепления восстанавливались первыми. Точность датировок восстановления военных сооружений, приведенных в описной книге Тары 1688 г., не соотносится с выводами исследователей, опирающихся на археологические материалы о том, что после упомянутого пожара «Княжья башня поставлена только в 1701 г...» ([Татауров, Черная, 2015: 90](#)). Отсылку к дозорной книге 1701 г. и городовому списку 1702 г. как источникам установления даты строительства Княжьей башни в цитируемой статье нельзя считать правомерной ([Татауров, Черная, 2015: 90](#)), т.к. в упомянутых документах не содержится сведений о времени восстановления после пожара 1669 г. крепостных сооружений Тары.

Водяная башня была проезжей и именовалась в описной книге 1688 г. так: «Водяные ворота, а на воротах башня» ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 81](#)). Она выводила к спуску к р. Аркарке, через которую был перекинут мост. Городовая стена с башнями стояла от реки в 30 сажнях, столько же Аркарка была в ширину (около 64 м).

Следующая после Водяных ворот башня называлась Княжьей и не являлась угловой, поскольку на этот счет имелось точное указание в описной книге: от Княжьей башни до острожных Водяных ворот 2 городни или 3 сажени, а уже от этих городен была выстроена стена в 25 саженей,

заканчивающаяся угловой Востовой башней (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 82). Эта специфика Тарского детинца хорошо видна на рисунках из ремизовских атласов (Рисунок 1, 2) и является дополнительным фактором в идентификации военных сооружений Тары конца XVII в. Стена, соединяющая Княжью башню с Востовой, была построена в 1682/83 г.

Далее шла сплошная стена между Востовой и Вешняковой башнями, имеющими шестиугольную форму в плане и являющимися угловыми. Эта стена была возведена последней из городских военных укреплений, в 1683/84 г. при воеводе Карпе Федоровиче Павлове (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 82об.). Заключительным звеном в городской системе укреплений была стена, соединяющая угловую Вешняковую и проезжую Спасскую башню.

В преамбуле описной книге оговаривалось, что учитываться должны только частные дворы, поэтому источник не содержит сведений о «государевых дворах», расположенных внутри крепости-города и известных по дозорной книге 1623/24 г. Внутри городских стен перечислено лишь несколько локаций, ориентированных относительно башен: «А против Вешняковы башни двор толмача колмыцкого Микишки Зелени в семи сажнях. Дворовое место стрельца Ивашки Пелымского в осми сажнях» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 82об.-83). В 11 сажнях от стены, соединяющей Вешняковую и Спасскую башни, находился двор переводчика с татарского языка Ивашки Евгашты, а в 7 сажнях от той же стены располагались дворовые места умершего сына боярского Федора Харламова и стрельца Тимошки Галкина (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 83).

Государственные служебные здания указаны в дозорной книге 1701 г. и представлены на «чертежах» Тары, включенных в состав «Хорографической чертежной книги» (Хорографическая книга, 1697–1711: 166об.) и «Чертежной книги» Сибири (Чертежная книга, 1882: 5об.-6). В начале XVIII в. пространство внутри Тарского кремля было разделено на две части, одну из которых составлял государев двор, «...где стоят воеводы со всяким строением», два амбара – питейный и пороховой, эта часть имела отдельный выход в острожную часть Тары – через «калитку» в стене неподалеку от Княжьей башни (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4). Во второй части кремля, куда можно было попасть с нижнего посада, пройдя через ворота Водяной башни или из острога – через Восьмиугольную (Спасскую) башню, располагались приказная изба с перерубом и сенями, хлебный и соболинный амбары, «изба караульная стрелецкая», тюрьма и Соборная Успенская церковь (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4; Хорографическая книга, 1697–1711: 166об.). Кремль имел собственный источник воды: на рисунках Тары неподалеку от хлебного амбара указан колодец (Рисунок 1, 2; Хорографическая книга, 1697–1711: 166об.; Чертежная книга, 1882: 6).

По схожей схеме описывалась в 1688 г. острожная система военных укреплений, состоявшая на тот момент из «стоячего острога», ворот и двух восстановленных башен (Таблица 1). Описание острога начинается от Водяных острожных ворот, находившихся в трех сажнях от Княжьей башни, которые не являлись проезжими, т.е. не использовались для проезда транспорта. Далее в источнике перечисляются существовавшие ранее, но сгоревшие в 1669 г. и не восстановленные башни: Малая глухая, Пятницкая, Крестьянская, Маланина, Никольская и еще одна Малая глухая (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 83об.-85об.).

Вместо Пятницкой башни были построены проезжие ворота шириной в две сажени. Напротив этих ворот, в двух сажнях от них, находилась церковь во имя устюжских чудотворцев Прокопия Праведного и Иоанна Юродивого (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 83об.-84), в связи с чем впоследствии ворота стали называться Прокопьевскими (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л. 3).

К 1688 г. восстановлены были лишь две острожные башни – Чацкая с раскатом для помещения артиллерии и имеющая ворота (Чаунины) и некогда находящаяся между Крестьянской и Маланиной башнями, и проезжая Борисоглебская башня, располагавшаяся между Маланиной и Никольской башнями. По городским спискам 1701–1702 гг. известно, что в 1686/87 г. Борисоглебская башня пострадала от очередного пожара и верх башни был «...разломан и за скудостью служилых людей не построен» (Ведомость..., 1996: 160; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л. 30б.). Однако никаких упоминаний о пожаре в 1686 г. и плачевном состоянии главной острожной башни Тары в описной книге 1688 г. не имеется. На ремизовских рисунках Борисоглебская башня показана с шатровым завершением (Рисунок 1, 2).

От Никольской проезжей башни, по данным 1688 г., были восстановлены лишь ворота, от которых шел спуск к р. Аркарке длиной в 100 сажень (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 85об.), изображенный на рисунках С.У. Ремизова (Рисунок 1, 2). В трех сажнях от городской угловой Сплошной башни располагались Острожные ворота.

Сопоставление наименований военных укреплений Тарской крепости из дозорной книги 1623/24 г., описной книги 1688 г. и городского списка 1702 г. представлено в таблице, из которой заметно, что к началу XVIII в. некоторые башни Тарского города сменили свои названия. Изменения наименований затронули только городские сооружения. Например, Пятницкая башня в городском списке Тары 1702 г. соответствует Востовой угловой глухой башне дозорной книги 1623/24 г. и описной книги 1688 г. Видимо, после пожара 1669 г., уничтожившего все городские и острожные военные укрепления, Пятницкую проезжую башню восстанавливать не стали, ограничившись

возведением ворот на ее месте. Название же перешло в конце XVII в. на ближайшую к ней башню кремля, ранее известную как Вестовая.

Таблица 1. Военные укрепления Тарского города и острога (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 316-321об.; Д. 925. Л. 80-86; Д. 1339. Л. 1а-4.)

Город	1623/24		1688		1702	
	название	вид	название	вид	название	вид
Город	Спасская	проезжая башня	Спасская	восьмиугольная проезжая башня	Восьмиугольная	восьмиугольная проезжая башня
	Осиновая	угловая башня	Сполошная	угловая башня	Вестовая	угловая башня
	Водяная	проезжая башня	Водяная	проезжая башня	Спасская	проезжая башня
	Княжья	глухая башня	Княжья	глухая башня	Княжья	глухая башня
	Вестовая	угловая башня	Вестовая	шестиугольная угловая башня	Пятницкая	шестиугольная угловая башня
	Вешнякова	угловая башня	Вешнякова	шестиугольная угловая башня	Вешнякова	шестиугольная угловая башня
Острог	Крестьянские	ворота	Водяные	ворота	Крестьянские	ворота
	-	-	Малая глухая*	глухая башня	-	-
	Пятницкая	глухая башня	Пятницкая*	башня с проезжими воротами	Прокопьевские	ворота
	Крестьянская	глухая башня	Крестьянская*	глухая башня	-	-
	Ильинская	проезжая башня	Чаунины	ворота с башней и раскатом	Чацкая	шестиугольная раскатная башня
	Маланьина	глухая башня	Маланьина*	глухая башня	-	-
	Спасская	проезжая башня	Борисоглебская	проезжая башня	Борисоглебская	проезжая башня без верха
	Никольская	проезжая башня	Никольская*	ворота	Никольские	ворота
	-	-	Малая глухая*	глухая башня	-	-
	-	-	Острожные	ворота	Острожные	ворота

Знаком * отмечены башни, сгоревшие в 1669 г. и либо не восстановленные к 1688 г., либо перестроенные в проезды.

Материалы дозорной книги Тарского уезда 1701 г., содержащие краткую информацию о городе, свидетельствуют о том, что на рубеже XVII–XVIII вв. еще только происходила смена наименований городских укреплений. Дозорная книга 1701 г. составлялась откомандированным в Тару московским дворянином И.Р. Качановым, и, поскольку в его задачи не входила подробная фиксация городских сооружений, в описании Тары из этого источника фигурируют лишь значимые, с точки зрения дозорщика, объекты. Но и в этом случае описание города начинается традиционно с большой проезжей башни в западной городской стене, на которой были размещены две часовни: с городской стороны – «...в часовне образ Софии Премудрости слова Божия...», а с острожной стороны – «...в часовне Спасов Нерукотворный образ» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4). Таким образом, в дозорной книге 1701 г. речь шла о Спасской проезжей башне, соединяющей острожную и городскую части Тары. Далее, следуя устоявшейся дескриптивной традиции, перечислялись глухая Вестовая башня и башня на Водяных воротах. Ценным в дозорной книге 1701 г. является упоминание о том, что в год составления дозора на башне над Водяными воротами были установлены «часы боевые» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4). По ведомости сибирских городов 1701 г. часы с боем имелись на Спасских башнях Тобольска и Красноярска, а также в Нерчинске, но без указания названия башни (Ведомость, 1996: 136, 146, 153). Примечательно, что в городском списке Тары 1702 г., в котором описывалась система военных укреплений, не было отмечено наличие часов на какой-либо из башен Тарского детинца (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л. 1).

После пожара 1669 г. отстраивающийся Тарский кремль сохранял пропорции неправильного четырехугольника, примыкавшего самой длинной стороной к берегу Аркарки. Позади острога,

место; «...от Пятницкой башни до Борисоглебской в остроге на проезжей улице». На улице, ведущей от Пятницкой башни к Спасскому монастырю, в 1,5 сажнях от острога располагался двор вдовы Офимицы Немчиновой (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 93), напротив самого монастыря располагались дворы детей боярских Василия и Семена Костелецких (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 92). От кремля к Спасскому монастырю и рядом с ним расположенной площади вела улица Спасская (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1020б.).

Большую проезжую улицу пересекала улица Скворцова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 930б.), получившая название по фамилии одного из жителей – Ивана Скворцова, чье имущество сгорело в 1669 г. На территории острога имелось несколько небольших улиц и проулков, чьи названия происходили от фамилий старожил, в основном служилых людей: с Николаевской улицы шла улица Трухина, со Спасской на Николаевскую улицу вела улица Зборщикова, с площади на Базарную улицу вел переулочек Савки Косули, а с Большой проезжей улицы к городу вела небольшая улочка Ефтина; улицы Волокитина и Емцова соединяли площадь и Большую проезжую улицу. В остроге располагались переулочки Хохлова, Козленкова и Ватулина.

Примечателен Колачников переулочек, примыкавший к острогу в районе Спасского монастыря, в котором, по официальной воеводской версии, начался пожар 1669 г., т.к. именно здесь находился сгоревший двор Дениса Колмака, известного по окладной книге тарских служилых людей 1635 г. под именем «колмак Дениско Вяткин» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 77. Л. 1900б.). Ставший причиной пожара двор на территории острога так и не был отстроен к 1688 г. Семейство Дениса Вяткина (Колмака) перенесло усадьбу в более безопасное место – в заострожную часть Тары, на вновь построенную улицу позади бухарских и татарских жилищ, на которой располагалось шесть дворов, принадлежавших крещеным калмыкам (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1390б.).

На территории острога, несмотря на тесноту, разместилось несколько площадей: одна – у городских Спасских ворот и Сергиевской часовни (Рисунок 3), ее зеркальным отражением была площадь на другом конце острога – у острожных Водяных ворот рядом с улицей Ефтина и Пятницкой церковью; рядом со Спасским монастырем располагалась еще одна площадь в 10 сажень (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 96, 1060б.). Совмещая сведения описной книги 1688 г. и дозорной книги 1701 г. узнаем, что на Пятницкой улице, выходящей к площади у одноименной церкви, находился двор атамана Матвея Шарапова, в котором в начале XVIII в. его средний сын, служивший в чине сына боярского, Степан Шарапов имел «лавки два затвора под избой у торга...» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 104; Д. 1182. Л. 133). Остальные лавки, принадлежавшие тарским жителям, находились «в рядах», т.е. непосредственно в торговых частях площадей, и были стандартными в один затвор (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 1310б.-133).

Перечень дворов, находящихся за рвом, начинается с тех, что были расположены «на бугре» рядом с Борисоглебской башней. В непосредственной близости от башни, отступив от нее две сажени, располагался двор казачьего сотника Ивана Юрьева Шатова. Примечательно, что по другую сторону башни, на территории острога, находился двор его брата – Андрея (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 920б., 110). Через двор от сотника Шатова проживал сын боярский Александр Чередов; далее, ниже, «на увале» находился двор сотника Петра Седельникова, через два двора от которого располагалось жилье литовского ротмистра Степана Немчинова и его родни (четыре двора принадлежали Немчиновым и были расположены по соседству на одной стороне улицы) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 110, 1110б.).

Описание дворов, находящихся за рвом, шло от Борисоглебской башни до Чауниных ворот (12 дворов), затем – от раската до Пятницких (Прокопьевских) ворот (19 дворов), от которых вверх по холму в сторону Аркарки располагалось 66 дворов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 116а-122). Под бугром на лугу у Аркарки располагались недавно построенные 22 двора. Напротив Княжьей башни и Водяных ворот вновь было построено два двора (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 122). От Никольских острожных ворот в сторону Аркарки проживали кузнецы, дворы которых с кузнями располагались в непосредственной близости от острога на расстоянии от двух до пяти сажень (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1220б.). Позади кузниц начиналась улица Кузнецова, на которой стояли как дворы с кузнями, так и «...дворы тарских воинских чинов русских людей» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 123). От Кузнецовой улицы к р. Аркарке вела улица Шмаковская (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1260б.). На взвозе, расположенном у Сполошной башни, располагались дворы по улице Винокуровской (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1250б.-126).

Позади Кузнецовой улицы размещались жилища инородцев: 53 двора, принадлежащих бухарцам, 44 двора юртовских служилых татар и 10 дворов захребетных татар (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1300б.-137). Позади татарских юрт находилось еще 38 усадеб русских людей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 137-1390б.), а замыкали описание заострожной части 14 дворов русских людей, расположенных на Постниковом взвозе (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 140-1400б.).

С Бухарской слободы 21 августа 1709 г. начался очередной опустошительный пожар: «...в четвертом часу дня волею божию загорелись юрты и от тех юрт город и острог и святые церкви и приказная изба и воевоцкой двор и таможня и гостиный двор и анбары и посады погорели, а осталось дворов за острогом малое число» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1856. Л. 10б.). Однако слобода вновь

отстроилась на старом месте и была показана на плане Тары 1747 г. (Тобольск и вся Сибирь, 2014: 38-39). Ее дальнейшее исчезновение с правого берега р. Аркарки исследователи связывают с изменением уровня вод Иртыша в весеннее время, из-за которого жители многих пойменных деревень были вынуждены переселиться в другие места (Тихонов, 2016: 36-37).

Таким образом, в конце 1680-х гг. большая часть жителей Тары проживала в заострожной части, где располагалось 433 двора и 13 дворовых мест, из которых 24,7 % дворов принадлежали бухарцам и татарам. В этой же части Тары, поближе к р. Аркарке, располагалось 12 кузниц. Как правило, часть города, располагавшуюся за военными укреплениями, называли посадом, однако в источниках XVII – начала XVIII вв., содержащих описания Тары, этот термин не использовался. Возможно, это было связано с незначительным количеством непосредственно посадского населения, проживающего в Таре. Так, по отписке тарского воеводы Ивана Васильевича Черкасова после пожара 1709 г. в подведомственном ему городе насчитывалось всего шесть дворов посадских людей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1856. Л. 180б.). Приведенные данные не соотносятся с мнением исследователей археологической истории этого поселения относительно отсутствия в Таре посада вплоть до начала XVIII в. (Археологическая летопись, 2019: 267).

В городе и острожной части Тары имелось 233 частных двора и 66 дворовых мест, не застроенных после пожара 1669 г. В общей сложности в Таре находилось 666 частных дворов и 79 дворовых мест, что не соответствует итоговым данным, приведенным в конце документа его составителями – 690 дворов и 74 дворовых места (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 141). В том виде, в котором Тара была зафиксирована в описной книге 1688 г., она просуществовала недолго. Три пожара подряд – в 1709, 1710 и 1711 гг. – вновь изменили характер городской застройки, но отстроенные улицы придерживались тех же ориентиров – башен Тарского кремля и острога, просуществовавших до начала XIX в. Из-за частых пожаров и длительной военной угрозы к началу XIX в. Тара выросла незначительно и насчитывала 686 деревянных домов и один каменный дом обывателей (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 44. Л. 14).

5. Заключение

Сопоставление нарративных источников с изображениями Тары позволили пересмотреть степень информативности рисунков Тары, размещенных С.У. Ремизовым в своих атласах, и идентифицировать расположение крепостных сооружений, церквей и других значимых городских построек. Сведения из описной книги 1688 г. о расположении улиц, проулков, площадей, взвозов и других городских объектов позволяют детализировать планиграфию Тары рубежа XVII–XVIII вв. и прояснить раннюю историю топонимии ее городской среды.

6. Благодарности

Автор выражает свою благодарность С.Н. Корусенко за возможность публикации чертежа части Тарского острога 1704 г. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

Литература

- Археологическая летопись, 2019 – Археологическая летопись земли Тарской / С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов. Омск, 2019. 412 с.
- Бережнова и др., 2014 – Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2014. № 1. С. 62-69.
- Гольденберг, 2011 – Гольденберг Л.А. С.У. Ремизов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. // Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова: В 2 т. Т. 2. Тобольск, 2011. С. 285-690.
- Гончаров, Ивонин, 2006 – Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул, 2006. 188 с.
- Ведомость..., 1996 – Ведомость сибирских городов 1701 г. // Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 136-161.
- Градостроительство Сибири, 2011 – Градостроительство Сибири / Под общ. ред. В.И. Царева. СПб., 2011. 784 с.
- Гуменюк, Ляликов, 2013 – Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. Градостроительное развитие города Тары в XVIII – XIX вв. // Омский научный вестник. 2013. № 5. С. 239-240.
- Евсеев, 1994 – Евсеев Е.Н. Как начиналась Тара (к 400-летию со времени основания) // Иртыш: альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ. 1994. № 1. С. 231-244.
- Евсеев, 1981 – Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX вв.: Сборник статей. Новосибирск, 1981. С. 78-109.
- Иоффе, 1945 – Иоффе М.К. Тара: К 350-летию основания. Омск, 1945. 40 с.
- Кочедамов, 1978 – Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. 190 с.

- Ляликов, 2013** – Ляликов И.В. Градостроительство малых городов юга Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX века // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2013. № 2. С. 87-94.
- Носкова, 2019** – Носкова В.Н. Тара. Уличная история. Омск, 2019. 260 с.
- Оглоблин, 1891** – Оглоблин Н.Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремизова. СПб., 1891. 12 с.
- Оглоблин, 1895** – Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1. М., 1895. 421, VIII с.
- Оглоблин, 1900** – Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М., 1900. 394, III с.
- Пузанов, 2015** – Пузанов В.Д. Город Тара – русская крепость на юге Сибири XVI–XVII вв. // *Исторический формат*. 2015. № 3. С. 14-24.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Резун, Василевский, 1989** – Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 304 с.
- Тара в XVI–XIX веках, 2014** – Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Отв. ред. С.А. Алферов. Омск, 2014. 332 с.
- Тарская мозаика, 1994** – Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск, 1994. 200 с.
- Татауров, 2011** – Татауров С.Ф. Город Тара – с чистого листа // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии / Сб. науч. ст.* Омск, 2011. С. 242-250.
- Татауров, Тихонов, 2017** – Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2017. № 3 (38). С. 41-50.
- Татауров, Черная, 2015** – Татауров С.Ф., Черная М.П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // *Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований / Сборник статей, посвященных 70-летию проф. Ю.Ф. Кирюшина*. Барнаул, 2015. С. 86-91.
- Тихонов, 2016** – Тихонов С.С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. № 8. С. 32-41.
- Тобольск и вся Сибирь, 2014** – Тобольск и вся Сибирь: Альманах. Кн. XVI: Тара. Тобольск, 2014. 640 с.
- Формирование архитектурного облика, 2017** – Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX веков и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Мариинск) / В.П. Бойко и др. Томск, 2017. 324 с.
- Хорографическая книга, 1697–1711** – Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова // Harvard University Library. [Электронный ресурс]. URL: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$2131](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$2131) (дата обращения: 26.04.2021).
- Черная, 2018** – Черная М.П. Историко-культурный облик Тары: археологическая версия // *Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века / Материалы международной научной конференции*. М., 2018. С. 104-108.
- Черная, Татауров, 2015** – Черная М.П., Татауров С.Ф. Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // *Вестник ТГУ. История*. 2015. № 6 (38). С. 100-107.
- Чертежная книга, 1882** – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. 48 л.
- Kabakova, Korusenko, 2020** – Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2020). «Strasti po Kirgapskoy luke»: The struggle for land resources in Tarskli Irtysh land at the close of the XVII century. *Bylye Gody*. 56(2): 417-427. DOI: 10.13187/bg.2020.2.417
- Witsen, 1705** – Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Tweede druk. Tweede Deel. Amsterdam, 1705. [2], 503–968, [16] p.

References

- Arkheologicheskaya letopis', 2019** – Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoi [Archaeological chronicle of the Tara land]. S.F. Tataurov, F.S. Tataurov, L.V. Tataurova, S.S. Tikhonov. Омск, 2019. 412 p. [in Russian]
- Berezhnova i dr., 2014** – Berezhnova, M.L., Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2014). Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 g.: k voprosu o prichinakh sostavleniya i soderzhanii [The Dozornaya kniga of the Tara district of 1701: on the question of the reasons for the compilation and content]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Istoricheskie nauki»*. 1: 62-69. [in Russian]
- Chernaya, 2018** – Chernaya, M.P. (2018). Istoriko-kul'turnyi oblik Tary: arkheologicheskaya versiya [Historical and cultural appearance of Tara: archaeological version]. *Zhizn' v Rossiiskoi imperii: novye*

- istochniki v oblasti arkhologii i istorii XVIII veka: materialy mezhdunar. nauch. konf.* M. Pp. 104-108. [in Russian]
- Chernaya, Tataurov, 2015** – *Chernaya, M.P., Tataurov, S.F.* (2015). Ograzhdeniya v bytovom kontekste gorodskoi usad'by (po materialam Tomska i Tary) [Fences in the everyday context of an urban estate (based on materials from Tomsk and Tara)]. *Vestnik TGU. Istoriya.* 6(38): 100-107. [in Russian]
- Chertezhnaya kniga, 1882** – *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* [Chertezhnaya kniga of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar son Semyon Remezov in 1701]. SPb., 1882. 48 l. [in Russian]
- Evseev, 1981** – *Evseev, E.N.* (1981). Tara v svoi pervye dva stoletiya [Tara in its first two centuries]. *Sibirskie goroda XVII – nachala XX vv.: sb. st. Novosibirsk.* Pp. 78-109. [in Russian]
- Evseev, 1994** – *Evseev, E.N.* (1994). Kak nachinalas' Tara (k 400-letiyu so vremeni osnovaniya) [How Tara began (to the 400th anniversary of its foundation)]. *Irtysk: al'manakh Omskoi pisatel'skoi organizatsii Soyuz pisatelei RF.* 1: 231-244. [in Russian]
- Formirovanie arkhitekturnogo oblika, 2017** – *Formirovanie arkhitekturnogo oblika gorodov Zapadnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov i mestnoe kupechestvo (Tobol'sk, Tyumen', Tomsk, Tara, Omsk, Mariinsk)* [Formation of the architectural appearance of the cities of Western Siberia in the 17th – early 20th centuries and local merchants (Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Tara, Omsk, Mariinsk)]. V.P. Boiko i dr. Tomsk, 2017. 324 p. [in Russian]
- Gol'denberg, 2011** – *Gol'denberg, L.A.* (2011). S.U. Remizov i kartograficheskoe istochnikovedenie Sibiri vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v. [S.U. Remizov and the cartographic source study of Siberia in the second half of the 17th – early 18th centuries]. *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova: v 2 t. T. 2. Tobol'sk.* Pp. 285-690. [in Russian]
- Goncharov, Ivonin, 2006** – *Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R.* (2006). Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI - nachala XX vv. [Essays on the history of the city of Tara at the end of the 16th – beginning of the 20th centuries]. Barnaul. 188 p. [in Russian]
- Gradostroitel'stvo Sibiri, 2011** – *Gradostroitel'stvo Sibiri* [Urban planning of Siberia]. Pod obshch. red. V.I. Tsareva. SPb., 2011. 784 p. [in Russian]
- Gumenyuk, Lyalikov, 2013** – *Gumenyuk, A.N., Lyalikov, I.V.* (2013). Gradostroitel'noe razvitie goroda Tary v XVIII – XIX vv. [Urban development of the city of Tara in the 18th – 19th centuries]. *Omskii nauchnyi vestnik.* 5: 239-240. [in Russian]
- Ioffe, 1945** – *Ioffe, M.K.* (1945). Tara: K 350-letiyu osnovaniya [Tara: To the 350th anniversary of the foundation]. Omsk. 40 p. [in Russian]
- Kabakova, Korusenko, 2020** – *Kabakova, N.V., Korusenko, S.N.* (2020). «Strasti po Kirgapskoy luke»: The struggle for land resources in Tarskli Irtysk land at the close of the XVII century. *Bylye Gody.* 56(2): 417-427. DOI: 10.13187/bg.2020.2.417
- Khorograficheskaya kniga, 1697-1711** – *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova* [Chorographic drawing book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov]. Harvard University Library. [Electronic resource]. URL: [https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$213i](https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$213i) (date of access: 26.04.2021). [in Russian]
- Kochedamov, 1978** – *Kochedamov, V.I.* (1978). Pervye russkie goroda Sibiri [The first Russian cities of Siberia]. M. 190 p. [in Russian]
- Lyalikov, 2013** – *Lyalikov, I.V.* (2013). Gradostroitel'stvo malykh gorodov yuga Zapadnoi Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX veka [Urban planning of small towns in the south of Western Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke.* 2: 87-94. [in Russian]
- Noskova, 2019** – *Noskova, V.N.* (2019). Tara. Ulichnaya istoriya [Tara. Street story]. Omsk, 260 p. [in Russian]
- Ogloblin, 1891** – *Ogloblin, N.N.* (1891). Istochniki «Chertezhnoi knigi Sibiri» Semena Remizova [Sources of the «Chertezhnoi knigi of Siberia» by Semyon Remizov]. SPb. 12 p. [in Russian]
- Ogloblin, 1895** – *Ogloblin, N.N.* (1895). Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768)]. Ch. 1. M. 421, VIII p. [in Russian]
- Ogloblin, 1900** – *Ogloblin, N.N.* (1900). Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768)]. Ch. 3. M. 394, III p. [in Russian]
- Puzanov, 2015** – *Puzanov, V.D.* (2015). Gorod Tara – russkaya krepost' na yuge Sibiri XVI – XVII vv. [The city of Tara is a Russian fortress in the south of Siberia of the 16th – 17th centuries]. *Istoricheskii format.* 3: 14-24. [in Russian]
- Rezun, Vasilevskii, 1989** – *Rezun, D.Ya., Vasilevskii, R.S.* (1989). Letopis' sibirskikh gorodov [Annals of Siberian cities]. Novosibirsk. 304 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archives].
- Tara v XVI–XIX vekakh, 2014** – *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiiskaya krepost' na beregu Irtysya* [Tara in the 16th – 19th centuries – a Russian fortress on the banks of the Irtysk]. Otv. red. S.A. Alferov. Omsk, 2014. 332 p. [in Russian]

Tarskaya mozaika, 1994 – Tarskaya mozaika (istoriya kraya v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917 gg.) [Tara mosaic (history of the region in sketches and documents 1594–1917)]. Omsk, 1994. 200 p. [in Russian]

Tataurov, 2011 – *Tataurov, S.F.* (2011). Gorod Tara – s chistogo lista [Tara city – from scratch]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii: sb. nauch. st.* Omsk. Pp. 242–250. [in Russian]

Tataurov, Chernaya, 2015 – *Tataurov, S.F., Chernaya, M.P.* (2015). Zemlyanaya letopis' Tary: arkheologicheskii kommentarii k istorii goroda [The Tara Earth Chronicle: An Archaeological Commentary on the City's History]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sb. st., posvyashch. 70-letiyu prof. Yu.F. Kiryushina.* Barnaul. Pp. 86–91. [in Russian]

Tataurov, Tikhonov, 2017 – *Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S.* (2017). Osobennosti planigrafii i blagoustroystva sibirskogo goroda v XVI – XVIII vv. [Features of planning and landscaping of a Siberian city in the 16th – 18th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 3 (38): 41–50. [in Russian]

Tikhonov, 2016 – *Tikhonov, S.S.* (2016). Bukharskaya sloboda Tarskoi kreposti: issledovaniya topografii i istoricheskikh raionov goroda [Bukhara settlement of the Tara fortress: studies of the topography and historical districts of the city]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva.* 8: 32–41. [in Russian]

Tobol'sk i vsya Sibir', 2014 – *Tobol'sk i vsya Sibir': al'manakh* [Tobolsk and all Siberia: almanac]. Kn. XVI: Tara. Tobol'sk, 2014. 640 p. [in Russian]

Vedomost'..., 1996 – *Vedomost' sibirskikh gorodov 1701 g.* [Bulletin of Siberian cities 1701]. *Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek.* Novosibirsk, 1996. Pp. 136–161. [in Russian]

Witsen, 1705 – *Witsen, N.* (1705). Noord en Oost Tartarye [Northern and Eastern Tartary]. Tweede druk. Tweede Deel. Amsterdam. [2], 503–968, [16] p. [in Dutch]

Описание города Тары в архивных документах конца XVII – начала XVIII веков

Анна Алексеевна Крих ^{a, *}

^a Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Аннотация. Современный город Тара, расположенный на севере Омской области, является одним из ранних русских поселений в Сибири. В качестве южносибирской фронтальной крепости со специфическим военным укладом Тара хорошо известна в российском историческом городоведении, однако в ее истории остается еще много неясных моментов и противоречивых сведений.

В связи с начавшимся в 2007 г. археологическим изучением г. Тары актуальным является привлечение архивных материалов для идентификации фортификационных сооружений «острога» и «города», составлявших Тарскую крепость. С их описания начинаются многие учетные документы XVII – начала XVIII вв.: дозорные книги, городовые списки, описная книга Тарского города и острога. Важную роль в визуализации облика Тары играют рисунки-чертежи этого же времени, приведенные С.У. Ремизовым в «Хорографической чертежной книге Сибири» и «Чертежной книге Сибири», которые коррелируются с описной книгой 1688 г.

Приведенный в исследовании источниковедческий анализ позволяет раскрыть эвристический потенциал источников и возможности сопоставления учетной документации и ранних чертежей г. Тары, благодаря которым можно реконструировать план военных укреплений для разных временных отрезков существования Тарской крепости, уличной планировки конца 1680-х гг., а также проследить изменения в топонимике городской среды.

Ключевые слова: Тара, планиграфия, топонимика, крепость, город, острог, посад, башни и стены.

* Корреспондирующий автор

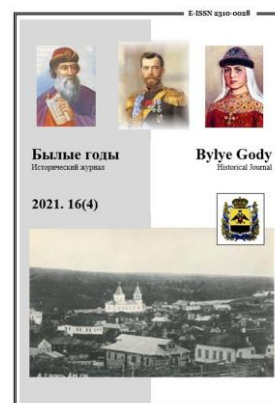
Адреса электронной почты: krikh_aa@mail.ru (А.А. Крих)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1615-1623
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1615

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Shipbuilding in the Voronezh Region during a Petrovsky Epoch and Its Influence on Growth of Enterprise Activity

Natalia A. Dushkova ^{a, *}, Larisa I. Maslikhova ^a

^aVoronezh state technical university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of the growth of entrepreneurial activity in Voronezh region as the result of shipbuilding. It manifested itself primarily in the construction of private metallurgical plants, cloth factories. The authors disclose state measures to support private owners, characterize the advantages of private enterprises over the state. Some attention is paid to the identification of the reasons for the conservation and further development of a wide range of fisheries along with manufacturing.

A large place in the article is devoted to the process of expanding the entrepreneurial layer in trade. The social composition of Voronezh merchants was investigated, the fact of the increased specialization of the trading layer in the Petrine period was noted.

The authors emphasize the special importance of agriculture during shipbuilding in Voronezh, which becomes the main branch of the economy of the Voronezh Territory. They identify three categories of the population that have shown entrepreneurial activity in this area and have significantly succeeded in their work.

The work shows positive results from entrepreneurial activity, indicates the advantages gained by different categories of the population from this activity, shows the economic effect.

Keywords: shipbuilding, entrepreneurship, production, manufacturing, metallurgy, crafts, artisans, merchants, agriculture.

1. Введение

В текущем году Россия отмечает 325-ю годовщину начала строительства собственного военно-морского флота. Отдавая дань памяти русскому императору Петру I, который стал инициатором кораблестроения, важно также подчеркнуть значимость социально-экономических преобразований, которые затем последовали. Речь идет о подъеме мануфактурного производства, развитии сельского хозяйства и животноводства, расширении торговли, распространении товарно-денежных отношений, активизации предпринимательской деятельности среди различных слоев населения. Все эти процессы особенно заметны были в Воронежском крае, так как Воронеж являлся объектом повышенного интереса Петра I в связи с начавшимся здесь в конце XVII века строительством флота.

События тех времен убедительно свидетельствуют о том, что строительство военно-морского флота имело значение не только для решения внешнеполитических задач, но и послужило драйвером для активизации предпринимательской деятельности даже в условиях сохранения феодального строя.

В связи с этим есть смысл обратиться к прошлому опыту петровской эпохи и на примере Воронежского края рассмотреть, как повлияло кораблестроение на экономическую жизнь региона, на предпринимательскую деятельность.

* Corresponding author

E-mail addresses: dushkova12@mail.ru (N.A. Dushkova)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена документами Государственного архива Воронежской области (Воронеж, Российская Федерация), из которых в основном были проанализированы материалы Воронежской казенной палаты (Фонд И-18), Воронежского наместнического правления (Фонд И-14), Азовской приказной палаты (Фонд И-5), Павловского городского магистрата (Фонд И-257), Приказа адмиралтейских дел (Фонд И-171). Привлеченные к работе документы позволили выяснить, какие категории населения проявляли наибольшую предприимчивость, за счет кого пополнялись их ряды, каким образом они взаимодействовали между собой и какую часть населения края они составляли. Исследование архивных материалов дало возможность также получить информацию о рабочей силе первых металлургических заводов, о наличии тех или иных промыслов, о роли государства в деятельности предпринимательского слоя, о положении крестьян и их конфликтах с помещиками, бегстве крестьян.

Решение исследовательских задач осуществлялось с помощью принципа историзма. Он позволил проанализировать процесс развития предпринимательского слоя в Воронежском крае, выявить его сильные и слабые стороны, оценить характер его взаимодействия с различными экономическими, социальными и политическими институтами.

В стремлении реализовать принцип научной объективности была предпринята попытка избавиться от односторонних взглядов на деятельность предпринимателей, их роль в экономическом развитии региона.

Кроме того, при исследовании темы использовался сравнительный метод, который позволял сопоставлять факты и их анализировать. Статистический метод способствовал выявлению количественных показателей, определению численности различных категорий населения. Все это дало возможность осуществить исследование темы, обобщить материал и сформулировать выводы.

3. Обсуждение

Тема о предпринимательской деятельности в Воронежском крае в Петровскую эпоху по-прежнему остается малоизученной, хотя ее исследование началось еще в дореволюционный период. Труды первых воронежских краеведов Г.М. Веселовского ([Веселовский, 1866](#); [Веселовский, 1886](#)) и Л.Б. Вейнберга ([Вейнберг, 1885](#); [Вейнберг, 1890](#)) в большей мере имели информационный характер и основаны были на документах статистического комитета. Авторы, не делая каких-либо выводов и тем более не выдвигая цели исследования истории предпринимательства, дали большой объем фактического материала, касающийся торгово-промышленной и сельскохозяйственной деятельности воронежцев. Главную задачу они видели в том, чтобы накопить статистические сведения для создания в будущем обобщающих трудов.

В советское время заниматься исследованием истории российского предпринимательства было не принято. Выходили работы, посвященные или истории края, или развитию отдельных отраслей экономики: например, «Очерки истории Воронежского края» под ред. Е.Г. Шуляковского ([Шуляковский, 1961](#)), публикация В.И. Недосекина, посвященная металлургической промышленности Черноземного Центра России в XVIII в. ([Недосекин, 1960](#)), труд В.М. Проторчиной о развитии суконной промышленности в Воронеже в XVIII веке ([Проторчина, 1961](#)).

Некоторое оживление интереса к исследованию предпринимательства произошло в конце XX века, что было обусловлено возрождением в России товарно-денежных отношений. Был опубликован обобщающий труд в двух книгах под редакцией А.В. Семеновы, посвященный истории российского предпринимательства ([История предпринимательства..., 2000](#)).

Активизировалась работа в данном направлении и в Центральном Черноземье. Вышел в свет труд Ю.А. Мизиса, в котором раскрываются характерные особенности зарождения рыночных отношений в данном регионе, показана роль посадского и служилого населения в ходе формирования купеческого слоя ([Мизис, 2006](#)). Была опубликована монография В.А. Григоровой, где анализируется процесс создания первых металлургических предприятий на Черноземном Юге на основе кустарных промыслов, дается оценка роли кустарей в качестве мастеровых людей на крупных заводах ([Григорова, 2011](#)). Целую серию статей опубликовала О.И. Павличенко, в которых анализируется процесс зарождения и развития предпринимательского слоя в Воронежском крае. Особый интерес представляет ее статья, где рассматриваются вопросы становления мануфактурного предпринимательства в Воронежском крае, дается оценка мероприятий государственной поддержки ([Павличенко, 2014](#)).

На Западе исследованию Петровской эпохи уделяют достаточно большое внимание. С конца XIX в. американские и английские ученые сосредоточили свое внимание главным образом на изучении и написании подробной биографии Петра I. К их числу относятся Б. Саммер, М. Рэфф, М. Андерсон, Н. Рязановский, Л. Люттер и др. ([Summer, 1950](#); [Raeff, 1963](#); [Anderson, 1978](#); [Riasanovsky, 1985](#); [Lewitter, 1991](#)). Все они восхваляли Петра I, одобряли его стремление направить Россию по европейскому пути развития.

Исследование деятельности Петра I продолжается в наше время в том же русле, что и прежде. Но некоторые авторы пытаются демонстрировать новые подходы, не ограничиваясь детальным

изложением фактов из жизни Петра I. В Англии к их числу относится Линдсей Хьюз. В своей монографии о петровской России она не только показывает огромный масштаб личности Петра I, но и раскрывает результаты деятельности русского царя, характеризуя его нововведения во всех сферах жизни российского государства (Hughes, 2002).

В США определенной новизной отличается работа Пола Бушковича (Bushkovitch, 2001). В отличие от предшественников, он больше внимания уделил реформам Петра I, чем его личности, при этом справедливо подчеркивая, что царь достиг бы гораздо большего, если бы действовал последовательно, целеустремленно и решился бы на кардинальные преобразования государственного устройства.

Таким образом, как в России, так и на Западе ученые всегда проявляли большой интерес к Петровской эпохе, с той лишь разницей, что в Европе и США больше внимания уделяли личности Петра I, а у нас – результатам его деятельности.

4. Результаты

В истории Воронежского края, в его экономическом развитии большую роль сыграло начавшееся здесь строительство военно-морского флота в конце XVII века. И связано это событие, как известно, с именем императора Петра I.

Исходя из государственной целесообразности, Петр I считал необходимым обеспечить России выход к морям. В первую очередь он планировал вернуть Азов, захваченный турками еще в XV веке, и сделать его опорным пунктом дальнейшей борьбы за Черноморское побережье. Одновременно была бы решена и задача по защите южных границ России. Сухопутный поход на Азов в 1695 г. завершился неудачей. Стало ясно, что без флота не обойтись. И тогда Петр I принимает решение заложить верфь в Воронеже и начать здесь строительство военно-морского флота. Его намерение поддержала Боярская дума в октябре 1696 г.

Всего на Воронежской верфи в Петровскую эпоху было построено и спущено на воду более 100 военных судов (Лавринов, 1981: 78). Из-за мелководности рек Воронеж и Дон кораблестроение было перенесено в Тавров и продолжалось до начала 40-х годов XVIII в.

Судостроение оказало существенное влияние на социально-экономическое развитие Воронежского края, активизировало предпринимательскую деятельность. Новым явлением стало формирование здесь фабрично-заводской промышленности, которая наиболее широкое воплощение получила в металлургической и суконной отраслях.

Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение флота всем необходимым, государство стало строить соответствующие мануфактуры за счет казенных средств. В 1700 г. началось создание Липецкого комплекса, состоявшего из трех металлургических и металлообрабатывающих заводов. Кроме того, государство выкупило Романовский металлургический завод (около города Романова), принадлежавший московским купцам Борину и Аристову (Павличенко, 2014: 53).

К металлургическому и металлообрабатывающему производству подключились и частные предприниматели. Государство такую инициативу всячески поощряло, так как рассматривало ее как дополнительную силу в ходе реализации поставленных задач. Оно снабжало их инструментами и орудиями производства, ссужало капиталом без процентов для строительства предприятий, выписывало мастеров из-за границы, освобождало заводчиков от государственной службы и т.п. Как правило, частные металлургические предприятия создавались на основе кустарных промыслов. Некоторые кузнецы, развивая свой профессионализм и активно торгуя на рынке, смогли сосредоточить в своих руках небольшие капиталы, что позволило им расширять производство и создавать мелкие и средние металлургические заводы. Только в Елецком уезде в первой четверти XVIII в. действовало до 20 таких заводов (Душкова, Августин, 2002: 26-27).

Но полноценными заводами они так и не смогли стать из-за слабой рудной базы. Районы с богатыми полезными ископаемыми осваивали казенные предприятия, поэтому частные заводы не смогли достигнуть уровня крупного вододействующего производства и оставались по большей части полукустарными.

Более крупные заводы были построены выходцами либо из Москвы (Василий Озеров), либо из Тулы (Василий Арехов), которые обладали гораздо большими капиталами.

Частные заводы, создаваемые с большим трудом, тем не менее продемонстрировали большую устойчивость по сравнению с казенными, которые по мере ослабления активности внешней политики России и истощения рудных запасов стали работать с перебоями и вскоре закрылись. Частные заводы просуществовали до конца XVIII века, переключившись на выпуск изделий для населения и реализацию ее по доступной цене.

В самом Воронеже также были металлургические предприятия, например, завод по литью медных пушек, колокольные заводы. Но насколько они были крупными, судить об этом сложно. Существуют различные оценочные высказывания, поэтому данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным. А производственных дворов в Воронеже и его пригороде было достаточно много: токарного дела, якорных, пумповый, бочарный с кузницей, мозжерный и др. Всего в Воронеже и его окрестностях по переписи 1724 г. было 1 532 двора, где проживали и строили свою деятельность

ремесленники, купцы, однодворцы и пр. (Кретова, 1986: 35). Помимо кузнечного дела и металлообработки, они осваивали и другие виды предпринимательства, поэтому были также дворяне горшечного дела, запасный, канатный, корабельный, кожевенный, прядильный, столярный, хамовный и др.

Немаловажную роль играли мастерские и лаборатории по изготовлению огнестрельного оружия, гранат, бомб и ядер. По-прежнему работало большое количество кузниц, в том числе медного котельного дела, якорные и др. Самые богатые и предприимчивые кустари-металлурги пытались все же создать свои предприятия, но не у всех это получалось.

Наряду с металлургической, успешно развивалась и суконная промышленность. Благоприятными сопутствующими факторами для этого являлись накопленные производственные навыки у жителей края, а также наличие дешевого местного сырья в виде шерсти. Первые казенные суконные фабрики были построены в с. Липском, а также в Таврове. Их продукция полностью шла на нужды военного ведомства. Впоследствии фабрика в Таврове была передана группе лиц из числа дворян и купцов – Ф. Веневитинову, П. Гарденину, П. Лосеву, М. Плотникову, М. Тулинову и др. – в совместное частное содержание на льготных условиях, что отражало направленность правительственной политики на поддержку предпринимательской инициативы (Веселовский, 1886: 88).

При этом новые владельцы суконной фабрики должны были взять на себя обязательство закупать дополнительное оборудование, расширять производство и, самое главное, продолжать поставлять продукцию для военных нужд по государственным подрядам. А преимущество для них заключалось в том, что они могли производить дополнительную продукцию и беспопытно ее продавать (ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 23. Л.16-18, 34).

В данном случае примечателен интерес дворянства к предпринимательству. Вложение ими средств в промышленное производство свидетельствовало о наличии у них довольно больших капиталов, стремлении их значительно увеличить и по возможности соответствовать новому времени.

К середине XVIII в. частных суконных мануфактур в Воронеже станет так много, что они образуют целые улицы: Левая Суконовка, Правая Суконовка. Первые собственники суконных фабрик дали начало целому ряду богатейших династий, к числу которых относятся Тулиновы, Гарденины и др. (Проторчина, 1961: 59-61).

На предприятиях в большинстве случаев применялся неэффективный и малопродуктивный ручной труд. Работали в основном покупные и приписные крестьяне. Исключение составляли частные заводы и фабрики, где использовался вольный найм из числа бывших кустарей. Рабочий день часто превышал 12 часов в сутки. Работали в сырых, грязных и холодных помещениях. За нарушение трудовой дисциплины применялись телесные наказания. В качестве борьбы с произволом владельцев предприятий использовался саботаж. Но, как правило, он был безуспешен. Иногда работные люди убегали с заводов, их ловили и вновь возвращали хозяину. Со временем воронежцы выбрали путь спасения от социальных и экономических бедствий через переселение, самовольный уход с насиженных мест дальше на юг, на реки Хопер, Битюг, Икорец, Дон. Наиболее отважные люди уходили даже на Кубань. Но не всем в этом случае сопутствовал успех (ГАВО. Ф. И-290. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Ф. И-14. Оп. 1. Д. 107. Л.1-2).

Кораблестроение, возросшая потребность в различной продукции для него способствовали сохранению и дальнейшему развитию в Воронежском крае широкого круга промыслов, самыми распространенными из которых являлись металлургические. Они сосредоточены были в местах залежи железной руды. Крестьяне добывали ее ручным способом и затем плавил в небольших «домницах» с помощью древесного угля. Полученное железо кустари продавали скупщикам. А те в свою очередь реализовывали его кузнецам, которые из него производили уже готовые изделия. В петровское время в Воронежском крае насчитывалось несколько десятков подобных «домниц». Владельцами этих примитивных кустарных металлургических предприятий могли быть представители из числа дворян, купцов, посадских людей и даже крестьян (Августин, 2007: 33-34).

Довольно успешно развивалось из-за возросшего спроса кожевенное дело. Производство кожи было издавна распространено в России, но способы обработки были весьма примитивны. Указ Петра I 1715 года ориентировал кожевников использовать передовой западный опыт. Данный указ распространился и на воронежцев, которых обучали приглашенные иностранные специалисты. Качество кожевенной продукции значительно возросло, и она стала востребованной не только по всей России, но и за ее пределами. С кожевенным производством напрямую связано сапожное дело. Как правило, кто возделывал кожу, тот изготавливал и обувь. Эти виды промыслов были особенно прибыльными и позволяли кустарям накапливать капиталы, исчисляемые десятками тысяч рублей (Вейнберг, 1890: 87, 89).

Особую значимость в период кораблестроения в Воронежском крае приобрел мукомольный промысел. Он играл решающую роль в решении продовольственной проблемы в условиях резко возросшего числа населения. К концу XVIII в. здесь будет действовать более тысячи ветряных и водяных мельниц. Их владельцами обычно являлись или зажиточные крестьяне оброчных вотчин, или однодворцы (ГАВО. Ф. И-263. Оп. 1. Д. 316. Л. 1).

Таким же прибыльным и распространенным был винокуренный промысел. Им издавна занимались повсеместно, изготавливая хмельные напитки разных сортов. При этом использовались рожь, ячмень, хмель, которые выращивались по берегам рек Воронеж и Дон. Увеличенный спрос на винокуренную продукцию способствовал созданию в течение непродолжительного времени винных заводов во многих городах края. Эти предприятия были оснащены современным по тем временам оборудованием и построены с использованием передового западного опыта, принадлежали они помещикам, а также состоятельным крестьянам (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 180-182).

Большим спросом пользовалась готовая продукция кустарей и в других промыслах: гончарном, столярном, плотническом, токарном, кирпичном, бочарном, дегтярном, канатном, портном, чулочным и др. Для многих крестьян-кустарей промыслы становились основным занятием, а сельское хозяйство – второстепенным.

Строительство флота в Воронеже дало мощный импульс торговле, что в свою очередь привело к росту товарно-денежных отношений, оживления предпринимательской деятельности. Торговали преимущественно продукцией сельского хозяйства, животноводства, кустарных промыслов, но добавилась продукция металлургических и суконных мануфактур, а также горного промысла – медь и железо.

Торговля осуществлялась на ярмарках, торгах и в лавках. Излишки производства вывозились в другие города, а ввозились недостающие товары. Это могли быть промышленные изделия, нарядная ткань, хрустальная, фарфоровая и серебряная посуда, галантерейная продукция, зеркала и прочие предметы роскоши.

В связи с правительственным указом 1711 г., разрешающим торговать представителям всех сословий, контингент желающих заниматься торговлей значительно расширился. В основном это происходило за счет сельских жителей, торговая деятельность которых способствовала накоплению капитала и стимулировала предпринимательскую активность. Однако по своему правовому положению они по-прежнему оставались крестьянами, что, безусловно, сковывало их инициативу.

В условиях жесткой сословной стратификации купеческий слой мог пополняться формально только за счет бывших служилых людей «по прибору», однодворцев, посадских людей. И даже в этом случае численность купцов была внушительной. В петровские времена в Воронеже их насчитывалось более полутора тысяч, что составляло почти половину мужского тяглого населения города (ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 23. Л. 68-69; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 108. Л. 116-118). Из их среды стала выделяться наиболее зажиточная часть купечества, сумевшая обеспечить успех в делах и для своих последователей. Таким путем получили известность семьи Кривошеиных, Сахаровых, Русиновых и др. (ГАВО. Ф. И-171. Оп. 2. Д. 56. Л. 2-3).

Характерно, что в петровский период в связи с активизацией торговли воронежское купечество все больше и больше стало отходить от совмещения торговой и производственной деятельности и концентрироваться на продаже товаров, тем самым оно стало в большей мере соответствовать своему предназначению и сословию.

К расширению торговой деятельности подталкивал и рост населения в Воронеже. Работные люди прибывали сюда из разных городов России. Это были плотники, кузнецы и другие мастерские люди, которые были задействованы в кораблестроении. Только в 1701 г. по указу Петра I в Воронеж было направлено 20 тысяч работников корабельного и стругового дела вместе с семьями из близлежащих регионов (Воронежский край в XVIII веке, 1980: 17-18). В результате увеличилась потребность в продуктах питания и бытовых предметах, что в свою очередь стимулировало торговлю.

Особую значимость в период судостроения в Воронеже приобретает сельское хозяйство. Увеличение численности населения вызвало небывалый рост производства сельхозпродукции. Возрастала площадь посевных угодий, увеличивалось количество огородов и садов, получило развитие животноводство и птицеводство. Сельское хозяйство становится основной отраслью экономики Воронежского края, и сюда активно проникают товарно-денежные отношения.

В качестве предпринимателей в сфере сельского хозяйства выступали дворяне, организовывая в своих поместьях производство растительной или животноводческой продукции на продажу. Другой категорией предпринимателей являлись представители купечества, мещанства, посадских людей. Их деятельность была связана с выращиванием бахчевых, садовых и огородных культур, созданием пасек. Третьей категорией были однодворцы, а также представители крестьянства (Болховитинов, 1800: 20).

Важным условием для расширения посевных площадей стали военные успехи Петра I на юге. После взятия русскими Азова и создания Азовского флота началось освоение левого берега Дона, а также плодородных земель к югу от Воронежа по берегам рек Хопер, Битюг, Икорец, Толучеева, Осереда. К занятию сельским хозяйством активно подключались служилые люди, по мере того как надобность в их функциях отпадала. Тем самым увеличивалось число занятых в аграрном секторе.

На продажу оптом в основном шли пшеница, рожь и другие зерновые культуры. Для их транспортировки необходимы были достаточно большие средства, которых не было у производителей. Эту функцию выполняли купцы-скупщики, накапливая тем самым значительные капиталы (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 21 об., 31).

Постепенно элементы предпринимательства и рыночных отношений внедряются и в сферу животноводства: разведение крупного рогатого скота, овцеводство, свиноводство. Достаточно прибыльным направлением стало коневодство. Первые конезаводы были созданы по указу Петра I в селах, расположенных по реке Битюг. Здесь стали разводить тяжеловозную породу лошадей. Но всемирную славу приобрел Хреновской конный завод графа А.Г. Орлова, построенный в Бобровском уезде чуть позже. На орловских рысаков был огромный спрос как в России, так и за рубежом (Кузнецов, 1978: 156).

Развитие предпринимательства среди крепостных крестьян позволило им накопить немалые капиталы. Это дало возможность некоторым из них впоследствии выкупиться на волю и даже стать основателями целых династий российской буржуазии. Так поступят, например, почти 3 тысячи крестьян графини А.А. Бутурлиной, выкупив себя с семьями и землей; а также более 4 тысяч крестьян помещицы А.Н. Стрекаловой (ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1287. Л. 3-4).

В обобщенном виде результаты предпринимательской деятельности в Воронежском крае представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Основные показатели государственной и частной предпринимательской деятельности в Воронежском крае в первой четверти XVIII века (составлено по: ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 23. Л. 6-18; Павличенко, 2014: 53; Кретьова, 1986: 35; Веселовский, 1886: 88; Григорова, 2011: 82; Очерки истории Воронежского края, 1961: 76)

Торговое предпринимательство	Мануфактурное и кустарное предпринимательство	Предпринимательство в сельском хозяйстве
Сформировался купеческий слой. В Воронеже насчитывалось более 1,5 тыс. купцов, или 37,9 % от общей численности населения.	3 металлургических и металлообрабатывающих завода – казенных; 1 завод по литью медных пушек – казенный; 3 металлургических завода – частных; 2 колокольных завода – частных; 2 суконные фабрики – казенные; 1 кожевенный завод – казенный; 7 винокуренных заводов – частных; 6 крупных центров кустарной металлургии. Расширение спектра кустарных промыслов: мукомольного, столярного, токарного, кирпичного, канатного, дегтярного и т.д.	Товарными видами производства становятся выращивание зерновых культур, развитие овощеводства, производство табака, разведение пчел. Прибыльными направлениями товарного животноводства выступали коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота, свиней, коз.

Приведенные данные в таблице свидетельствуют об активизации предпринимательской деятельности в Воронежском крае в первой четверти XVIII века. Тем более если учесть, что в предшествующем веке были созданы лишь предпосылки для нее, такие как рост городов; развитие местной и донской торговли, кустарных промыслов; переориентация ремесленного производства на изготовление изделий не на заказ, а на продажу; появление такой категории населения, как оптовые скупщики. И формировались предпосылки для предпринимательства в условиях продолжавшегося процесса заселения края. При этом большинство населения составляли служилые люди, преимущественно служилые люди «по прибору», которые несли военную службу и одновременно занимались сельским хозяйством. А Воронеж только к концу XVII века стал превращаться из типичного пограничного города-крепости в центр ремесла и торговли.

Дальнейшему развитию предпринимательства и проникновению товарно-денежных отношений во все отрасли экономики препятствовало господство феодальной системы в стране. Дворянство рассчитывало в основном на усиление эксплуатации, а предприимчивые крестьяне не могли в полной мере развернуть свою деятельность, так как были ограничены крепостным правом.

5. Заключение

Таким образом, кораблестроение в Воронежском крае оказало существенное влияние на активизацию предпринимательской деятельности. Несмотря на сдерживающий фактор, каковым являлся феодализм, в его недрах стал формироваться предпринимательский слой. Этот процесс имел определенные особенности в данном регионе, хотя в целом проходил в русле общегосударственных тенденций.

Главным достоянием этого периода явилось возникновение и развитие местной промышленности. Ведущая роль в строительстве заводов и фабрик принадлежала купечеству. Несмотря на то, что первые мануфактуры просуществовали недолго, первый опыт был получен.

Успехи в развитии промышленности, рост потребительского спроса оказали позитивное влияние на торговое предпринимательство. Правительство оказывало ему существенную поддержку, защищая его интересы.

В предпринимательскую деятельность были вовлечены и все категории сельского населения, но возможности у каждой из них были разные.

В хозяйственной жизни Воронежского края предпринимательство выглядело новым явлением, несвойственным феодализму. Но оно демонстрировало явное преимущество товарно-денежных отношений и начинало подрывать основы феодально-крепостнической системы.

Строительство военно-морского флота явилось значимым событием в истории России. Оно послужило локомотивом для экономического развития не только отдельных регионов, но и в целом всей страны, пусть даже феодальной. Доходы государства выросли в 3 раза, вывоз в 2 раза превышал ввоз, количество мануфактур увеличилось более чем в 10 раз, была заложена основа для горной, металлургической, перерабатывающей текстильной и военной промышленности, укрепился авторитет России среди европейских государств.

Литература

Августин, 2007 – Августин Е.А. Кустарная металлургия Елецкого и Воронежского уездов в XVIII веке // *Вестник Воронежского государственного технического университета*. Т. 3. № 3. Воронеж, 2007. С. 33-36.

Болховитинов, 1800 – Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из истории, архивных записок и сказаний Е.А. Болховитиновым. Воронеж, 1800. 228 с.

Вейнберг, 1885 – Вейнберг Л.Б. Воронежский край: Исторический очерк. Вып. 1. Воронеж, 1885. 126 с.

Вейнберг, 1890 – Вейнберг Л.Б. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии. Вып. 1. Воронеж, 1890. 126 с.

Веселовский, 1866 – Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. С подробным планом города и его окрестностей. Воронеж, 1866. 316 с.

Веселовский, 1886 – Веселовский Г.М. Исторический очерк города Воронежа. 1586–1886. Воронеж, 1886. 298 с.

Воронежский край в XVIII веке – Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. Сост. В.М. Проторчина. Воронеж, 1980. 176 с.

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

Григорова, 2011 – Григорова В.А. Роль кустарных промыслов в создании заводской металлургической базы Черноземного Юга России. Середина XVII – середина XVIII вв. Воронеж, 2011. 96 с.

Душкова, Августин, 2002 – Душкова Н.А., Августин Е.А. Металлургическая промышленность Черноземного Юга России. История и современность // *Инженер. Технолог. Рабочий*. 2002. № 10. С. 25-29.

История предпринимательства..., 2000 – История предпринимательства в России // Под ред. А.В. Семеновой. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. 479 с.

Кретьева, 1986 – Кретьева О.К. Русский город Воронеж. Воронеж, 1986. 239 с.

Кузнецов, Рождественская, 1978 – Кузнецов И.А., Рождественская Г.А. Конный завод и порода: 200 лет Государственному конному заводу, родине орловского рысака. М., 1978. 156 с.

Лавринов, 1981 – Лавринов Ю.М. Работники Воронежских верфей: К истории воронежского кораблестроения 1696–1711 // *Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.)*. Воронеж, 1981. С. 75-83.

Мизис, 2006 – Мизис Ю.А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. 815 с.

Недосекин, 1960 – Недосекин В.И. Металлургическая промышленность Черноземного Центра России в середине XVIII в. // *Вестник ВГПИ*. Т. 31. Воронеж, 1960. С. 75-125.

Очерки истории Воронежского края, 1961 – Очерки истории Воронежского края // Под ред. Е.Н. Шуляковского. В 2-х т. Т. 1 Воронеж, 1961. 521 с.

Павличенко, 2014 – Павличенко О.И. Зарождение и развитие фабрично-заводского предпринимательства в Воронежском крае (конец XVII – XVIII вв.) // *Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия*. № 5. Самара, 2014. С. 51-55.

Проторчина, 1961 – Проторчина В.М. Суконная промышленность в Воронеже в XVIII веке // *Из истории Воронежского края*. Воронеж, 1961. С. 57-71.

Anderson, 1978 – Anderson, M.S. (1978). Peter the Great. London, 276 p.

- [Bushkovitch, 2001](#) – *Bushkovitch, P.* (2001). Peter the Great. Lanham, Boulder, New-York, Oxford. 346 p.
- [Hughes, 2002](#) – *Hughes, L.* (2002). Peter the Great. A Biography. New Haven and London, 405 p.
- [Lewitter, 1991](#) – *Lewitter, L.R.* (1991). Peter the Great and contemporary world. London, 347 p.
- [Raeff, 1963](#) – *Raeff, M.* (1963). Peter the Great: Reformer or Revolutionary? Lexington (Mass), 247 p.
- [Riasanovsky, 1985](#) – *Riasanovsky N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New-York-Oxford: Oxford Press. 1985. 153 p.
- [Summer, 1950](#) – *Summer B.H.* Peter the Great and the emergence of Russia. New-York, 1950. 187 p.

References

- [Anderson, 1978](#) – *Anderson, M.S.* (1978). Peter the Great. London. 276 p.
- [Avgustin, 2007](#) – *Avgustin, E.A.* (2007). Kustarnaya metallurgiya Eletskego i Voronezhskogo uezdov v XVIII veke [Handicraft metallurgy of Yelets and Voronezh districts in a XVIII-th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. T. 3. № 3. Voronezh. pp. 33-36. [in Russian]
- [Bolkhovitinov, 1800](#) – *Bolkhovitinov, E.A.* (1800). Istoricheskoe, geograficheskoe i ehkonomicheskoe opisaniye Voronezhskoi gubernii, sobrannoe iz istorii, arkhivnykh zapisok i skazaniya E.A. Bolkhovitinovym [Historical, geographical and economic description of the Voronezh province, collected from the history, archival notes and legends by E.A. Bolkhovitinov]. Voronezh. 228 p. [in Russian]
- [Bushkovitch, 2001](#) – *Bushkovitch, P.* (2001). Peter the Great. Lanham, Boulder, New-York, Oxford. 346 p.
- [Dushkova et al., 2002](#) – *Dushkova, N.A., Avgustin, E.A.* (2002). Metallurgicheskaya promyshlennost' Chernozemnogo Yuga Rossii. Istoriya i sovremennost' [Metallurgical industry of the Chernozem South of Russia. History and modernity]. *Inzhener. Tekhnolog. Rabochii*. 10: 25-29. [in Russian]
- [GAVO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti [State archive of the Voronezh Region].
- [Grigorova, 2011](#) – *Grigorova, V.A.* (2011). Rol' kustarnykh promyslov v sozdanii zavodskoi metallurgicheskoi bazy Chernozemnogo Yuga Rossii. Seredina XVII – seredina XVIII vv. [The role of handicrafts in the creation of a metallurgical plant base in the Chernozem South of Russia. Mid-XVII – mid-XVIII centuries]. Voronezh. 96 p. [in Russian]
- [Hughes, 2002](#) – *Hughes, L.* (2002). Peter the Great. A Biography. New Haven and London. 405 p.
- [Istoriya predprinimatel'stva..., 2000](#) – Istoriya predprinimatel'stva v Rossii (2000) [The history of entrepreneurship in Russia]. Pod red. A.V. Semenovoi. (2000). V 2-kh KN. Kn. 1. M. 479 p. [in Russian]
- [Kretova, 1986](#) – *Kretova, O.K.* (1986). Russkii gorod Voronezh [Russian city of Voronezh]. Voronezh. 239 p. [in Russian]
- [Kuznetsov et al., 1978](#) – *Kuznetsov, I.A.* (1978). Rozhdestvenskaya G.A. (1978). Konnyi zavod i poroda: 200 let Gosudarstvennomu konnomu zavodu, rodine orlovskogo rysaka [Stud farm and breed: 200 years of the State Stud Farm, the birthplace of the Orel trotter]. M. 156 p. [in Russian]
- [Lavrinov, 1981](#) – *Lavrinov, Yu.M.* (1981). Rabotniki Voronezhskikh verfei: K istorii voronezhskogo korablestroeniya 1696-1711 [Employees of Voronezh shipyards: On the history of Voronezh shipbuilding 1696-1711]. Voronezhskii krai na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII-XVIII vv.). Voronezh. Pp. 75-83. [in Russian]
- [Lewitter, 1991](#) – *Lewitter, L.R.* (1991). Peter the Great and contemporary world. London. 347 p.
- [Mizis, 2006](#) – *Mizis, Yu.A.* (2006). Formirovanie rynka Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroi polovine XVI – pervoi polovine XVIII vv. [Formation of the Central Chernozem Region market in the second half of the XVII – first half of the XVIII centuries]. Tambov. 815 p. [in Russian]
- [Nedosekin, 1960](#) – *Nedosekin, V.I.* (1960). Metallurgicheskaya promyshlennost' Chernozemnogo Tsentra Rossii v seredine XVIII v. [Metallurgical industry of the Chernozem Center of Russia in the middle of the XVIII century]. *Vestnik VGPI*. T. 31. Voronezh. Pp. 75-125. [in Russian]
- [Ocherki istorii Voronezhskogo kraja, 1961](#) – Ocherki istorii Voronezhskogo kraja (1961). [Essays on the history of the Voronezh Region]. Pod red. E.N. Shulyakovskogo. (1961). V 2-kh t. T. 1 Voronezh. 521 p. [in Russian]
- [Pavlichenko, 2014](#) – *Pavlichenko, O.I.* (2014). Zarozhdenie i razvitie fabrichno-zavodskogo predprinimatel'stva v Voronezhskom krae (konets XVII – XVIII vv.) [The origin and development of factory entrepreneurship in the Voronezh Region (late XVII-XVIII centuries)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*. 5. Samara. Pp. 51-55. [in Russian]
- [Protorchina, 1961](#) – *Protorchina, V.M.* (1961). Sukonnaya proimyshlennost' v Voronezhe v XVIII veke [Cloth industry in Voronezh in the XVIII century]. Iz istorii Voronezhskogo kraja. Voronezh. Pp. 57-71. [in Russian]
- [Raeff, 1963](#) – *Raeff, M.* (1963). Peter the Great: Reformer or Revolutionary? Lexington (Mass). 247 p.
- [Riasanovsky, 1985](#) – *Riasanovsky, N.V.* (1985). The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New-York-Oxford: Oxford Press. 153 p.
- [Summer, 1950](#) – *Summer, B.H.* (1950). Peter the Great and the emergence of Russia. New-York. 187 p.

Veinberg, 1885 – *Veinberg, L.B.* (1885). Voronezhskii krai: Istoricheskii ocherk [Voronezh Region: A historical essay]. Vyp. 1. Voronezh, 126 p. [in Russian]

Veinberg, 1890 – *Veinberg, L.B.* (1890). Ocherk sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti Voronezhskoi gubernii [An essay on the agricultural industry of the Voronezh province]. Vyp. 1. Voronezh, 126 p. [in Russian]

Veselovskii, 1866 – *Veselovskii, G.M.* (1866). Voronezh v istoricheskom i sovremenno-statisticheskom otnosheniyakh. S podrobnym planom goroda i ego okrestnostei [Voronezh in historical and modern-statistical relations. With a detailed plan of the city and its surroundings]. Voronezh, 316 p. [in Russian]

Veselovskii, 1886 – *Veselovskii, G.M.* (1886). Istoricheskii ocherk goroda Voronezha. 1586-1886 [A historical sketch of the city of Voronezh. 1586-1886]. Voronezh, 298 p. [in Russian]

Voronezhskii krai v XVIII veke – Voronezhskii krai v XVIII veke. Dokumenty i materialy po istorii kraja, 1980 – Voronezhskii krai v XVIII veke. Dokumenty i materialy po istorii kraja (1980) [Voronezh Region in the XVIII century. Documents and materials on the history of the region]. Sost. V.M. Protorchina. Voronezh, 176 p. [in Russian]

Кораблестроение в Воронежском крае в Петровскую эпоху и его влияние на рост предпринимательской активности

Наталья Александровна Душкова^{a, *}, Лариса Ивановна Маслихова^a

^a Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме роста предпринимательской активности в Воронежском регионе под воздействием кораблестроения в Петровскую эпоху. Она проявилась прежде всего в строительстве частных металлургических заводов, суконных фабрик. Авторы раскрывают государственные меры поддержки частных владельцев, характеризуют преимущества частных предприятий перед казенными. Определенное внимание уделено выявлению причин сохранения и дальнейшего развития широкого круга промыслов, наряду с мануфактурным производством.

Большое место в статье уделено процессу расширения предпринимательского слоя в торговле. Исследован социальный состав воронежских купцов, отмечен факт произошедшей усиленной специализации торгового слоя в петровский период, что привело впоследствии к формированию купеческого сословия в полном смысле слова.

Авторы подчеркивают особую значимость сельского хозяйства в период судостроения в Воронеже, которое становится основной отраслью экономики ёкрая. Они выделяют три категории населения, которые проявили предпринимательскую активность в данной сфере и значительно преуспели в своем деле.

Постепенно элементы предпринимательства и рыночных отношений внедряются, как подчеркивают авторы, и в сферу животноводства. В статье рассматриваются самые прибыльные направления товарного животноводства, а также самые распространенные виды предпринимательства в данной отрасли.

В работе отмечаются положительные результаты от предпринимательской активности, указаны преимущества, полученные разными категориями населения от этой деятельности, показан экономический эффект.

Все это свидетельствует о том, что судостроение послужило хорошим стимулом для предпринимательской деятельности, экономического подъема Воронежского края.

Ключевые слова: кораблестроение, предпринимательство, производство, мануфактура, металлургия, промыслы, кустари, купечество, сельское хозяйство.

* Corresponding author

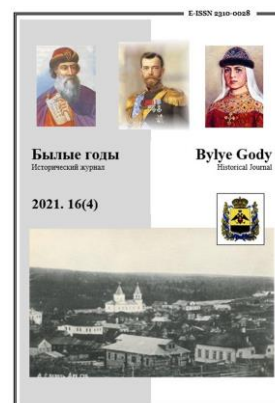
E-mail addresses: dushkova12@mail.ru (Н.А. Душкова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1624-1637
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1624

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of Reforming Public Education in the Russian Empire

Olga I. Artemenko ^a, Svetlana P. Anzorova ^{b,*}, Svetlana A. Moskvicheva ^c, Daria V. Petrukhina ^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

^b Synergy University, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation

Abstract

The work shows the objective nature of the pre-revolutionary reform of school education, dictated by the need to educate the population of Russia as an indispensable condition for the democratic restructuring of society and its economic development. The main historical reason that caused the emergence of the general school as a new institution of socialization, in addition to the existing ones – the family and the church, was modernization. The school of the church parish was focused on teaching children literacy in order to independently read the Bible translated into their native languages, for religious and moral education of students, ensuring the unity of faith. And this meant the universal, extraterrestrial nature of such a school. In the future, as the most important socio-cultural institution of society, as the institution of state policy, the school receives its main tasks from the state in order to modernize society, providing universal compulsory primary education. At the end of the XIX century (1906), political parties and socio-pedagogical organizations of Russia proposed the introduction of universal primary education. However, in pre-revolutionary Russia, such a bill was never adopted. Soviet power inherited 73 % of the population (over 9 years old) elementary illiteracy.

Keywords: school, reform, pre-revolutionary Russia, society, modernization, literacy, financing, universal compulsory primary education.

1. Введение

Одним из базовых процессов модернизации общества является реформирование системы образования, наряду с другими фундаментальными процессами. Именно степень развития системы образования обеспечивает уровень грамотности, образованности населения, формирует определенные качества личности, что способствует экономическому и социальному росту. В этом контексте в государстве, имеющем полиэтнический состав, исторически сформированный не мигрантами, а местными жителями, особого внимания заслуживают вопросы организации образования для народов, населяющих Российскую империю, и реализации их в рамках доктрины государственно-охранительного просвещения.

Результатом реорганизации всего школьного образования Российской империи предполагалось повышение грамотности многонационального населения, получение детьми, независимо от национальной принадлежности, как минимум начального образования.

2. Материалы и методы

Выявление документов для статьи определялось стремлением авторов представить широкий спектр мнений государственных, политических, общественных, национальных деятелей по стратегически важной проблеме – гармонизации государственных и национальных интересов в области образования,

* Corresponding author

E-mail addresses: anzorova@inbox.ru (S.P. Anzorova)

нашедших отражение в реформировании этой сферы Российской империи. Реализация данной задачи требовала комплексного выявления как архивных, так и опубликованных источников.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве РФ (ГАРФ), Российской государственной библиотеке (РГБ) просмотрены фонды Министерства народного просвещения и его департаментов, стенографические отчеты Государственной Думы, личные фонды министров просвещения (В.Г. Глазова, П.М. фон Кауфмана, И.И. Толстого, А.Н. Шварца). Так, например, Письмо министра внутренних дел П.А. Столыпина министру народного просвещения А.Н. Шварцу с предложением созвать межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого населения. 30 января 1909 г. ([Письмо министра, 1909: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 517. Л. 3-6](#)); Из Доклада председателя особого совещания по вопросам образования восточных инородцев тайного советника А.С. Будиловича министру народного просвещения В.Г. Глазову с изложением хода работы и решения совещания. 15 августа 1905 года. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев ([Из Доклада председателя особого совещания, 1905: VI-IX, XII-XIV, XXI-XXII, XXXVI-XXXIX, XL-XLII, LI-LII, LIII](#)); Воспоминания И.И. Толстого ([Воспоминания И.И. Толстого, 1916: Отдел рукописей РГБ. Ф. 218. К. 1290. Л. 149-156](#)); Доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» ([Толстой, 1870: Отдел рукописей РГБ, 1890: 1555-1566](#)); Распоряжение Временного правительства «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомство Министерства народного просвещения» (Распоряжение Временного правительства, 1917: 1014); Справка особого отдела Департамента полиции «О деятельности панисламистов в империи» вице-директору Департамента полиции. 16 марта 1910 ([Справка особого отдела, 1910: ГАРФ. Ф. 102. Оп. ДОО 1910. Д. 74. Л. 38-460б.](#)); Докладная записка директора Департамента духовных дел Министерства внутренних дел А. Харузина директору Департамента народного просвещения С.И. Анциферову с предложением схемы вопросов для межведомственного совещания по вопросу образования инородцев ([Докладная записка, 1910: РГИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-13](#)); Переписка министра народного просвещения Л.А. Кассо и председателя Совета министров В.Н. Коковцова по вопросу о некоторых изменениях в Правилах 1 ноября 1907 года о начальных училищах для инородцев ([Переписка Министра, 1913: РГИА. Ф. 773. Оп. 227. Д. 114. Л. 118-126](#)).

Циркуляр Министерства народного просвещения «Об утверждении Правил о начальных училищах для инородцев восточной и юго-восточной России» ([Циркуляр Министерства народного просвещения, 1906: 267-274](#)); Закон, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой «Об отпуске средств» ([Закон «Об отпуске средств», 1908: 996](#)).

В научном архиве Российской академии образования (РАО) документы выявлялись в коллекции исторических документов и фондах видных педагогов, общественных деятелей В.П. Вахтерова, Н.В. Чехова и др. ([Вахтеров, 1999: 77](#))

Перечисленные материалы впервые вводятся в научный оборот и помогают восстановить этапы становления образования в Российской империи. Данные разнохарактерных источников, дополняя и уточняя друг друга, помогают восстановить достаточно цельную картину становления народного образования в Российской империи, содержат ценный материал для изучения вопросов развития образования дореволюционного периода.

Использованный авторами принцип историзма позволяет учитывать особенности изучаемого дореволюционного периода и дает понимание причинно-следственных связей тех или иных событий, в большей степени определяющих экономическое развитие государства. Принцип объективности предполагает использование только неискаженных и проверенных фактов и источников. Такой метод позволил рассматривать народное образование Российской империи, ее реформирование во всей совокупности исторического развития.

Принцип историзма помог изучить события и явления дореволюционного периода, исторические факты с точки зрения современников той эпохи ([Филимонов, 1893: 4-9](#)).

При решении конкретных исследовательских задач использовались сравнительно-исторический, биографический, синхронный и диахронный методы.

3. Обсуждение

Начиная с середины XVIII века, особое внимание отводилось вопросам образования мусульманских народов. Практически в России основной системой народного просвещения мусульманских народов была мусульманская конфессиональная школа: почти при каждой мечети действовали начальные школы (мектебы), в городах и крупных селах – медресе. В 1708 году была образована Казанская губерния и Казань стала одним из важных административных, промышленных и образовательных центров Российской империи. Как следствие этих процессов, началась насильственная христианизация коренных народов Поволжья. В середине XIX века возникла необходимость создания особой модели школьного образования.

Исследованиями, посвященными реформированию системы народного образования Российской империи, занимались многие авторы в различные периоды становления

государственности. В дореволюционный период – это работы Д.Ф. Филимонова (Филимонов, 1893: 12) и епископа Никанора о Николае Ивановиче Ильминском (Епископ Никанор, 1892: 93-94) и др. В них раскрываются методология и методы реформирования системы школьного образования, разработанные Николаем Ивановичем Ильминским. Предложенная им организация образования для инородцев легла в основу государственной политики Российской империи и практически реализовывалась до 1990 года с небольшими изменениями.

Такой длительный срок определялся тем, что «сохранялись естественные процессы и потенциал, которые противостояли распаду веками складывавшейся государственности, содержащей в себе особые, целостные системные свойства от многих, вошедших в ее состав культур» (Артеменко, 2011: 124-131).

Предложенные Н.И. Ильминским методы организации обучения способствовали повышению уровня грамотности нерусского населения восточной части России. В основе его системы лежит «дело умственного, религиозного и нравственного воспитания» нерусских народов Поволжья путем использования родного языка, местного быта и обычаев. О необходимости реформы медресе отмечал в своих работах в 1862 году и Х. Фаизханов (Реформа медресе. Ислах мадарис, 1862: 54). В проекте реформ мусульманского конфессионального образования, подготовленном Х. Фаизхановым, была сделана первая системная попытка создания особой модели образования с учетом необходимости изучения не только восточных языков, но и русского. Он всерьез размышлял о европеизации обучения в татарских школах, понимая необходимость обновления консервативного мусульманского сообщества. Проблемы образования инородческого населения Казанского царства до 1762 года описывались в работе «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г.» (Фирсов, 1869: 448). К 1905 году только в Казанской губернии значительная часть населения (50 тыс.) обучалась в 845 мектебах и медресе. К 1913 г. их количество увеличилось до 967 и обучалось в них около 80 тыс. учащихся.

Значение системы образования в экономическом развитии государства в дореволюционный период отмечалось в работе «Народное образование в России» (Левассера, 1899), в которой на примере цивилизованных стран показывалась значимость процессов реформирования образования, способствующего развитию деятельностной личности. Создание условий для обеспечения права на образование является обязанностью государства, поскольку через него осуществляется право на достоинство, на развитие потенциала человека, что восходит еще к идеям Л. Дюги, который писал: «Мало того, чтобы государство не приносило никакого ущерба своими законами свободному развитию деятельности личности, нужно еще, чтобы каждый мог развивать свою личную деятельность» (Дюги, 1908: 911).

К 1914 в Российской империи функционировало свыше 1 тыс. земских и около 50 городских начальных школ. Кроме того, действовало более 400 церковно-приходских школ. Охват детей начальным образованием составлял более 50 %. Одновременно с этим расширялась сеть министерских русско-национальных школ, инородческих школ, в образовательной-просветительской основе которых лежала миссионерская система Н.И. Ильминского. Она предусматривала использование в образовательной деятельности родных языков и культур инородцев. Миссионерские учебные заведения способствовали формированию национальной интеллигенции коренных народов региона и развитию их образования, интегрируя в российский социум.

В советский период для процесса изучения образования дореволюционного периода было характерно несколько направлений: обучение и воспитание в национальных школах (Волков, 1986: 105); актуальные вопросы преподавания русского и родного языков в национальной школе (Черников, 1973: 224); исследование среднего образования в России в XIX веке (Днепров, 1981: 90); история средней школы (Константинов, 1947: 247); грамотность и образование в дореволюционной России (Богданов, 1964: 195); анализ существовавших до 1917 г. форм образования (Звягинцев, 1918: 88); изучение становления женского образования в России: (Львов, 1956: 39-48); история женского образования в России (Филиппова, 1963: 209-218).

В современном российском дискурсе основными трендами выступают также исследование вопросов образования и грамотности населения в дореволюционный период: неизученные проблемы образования и педагогики дореволюционной России (Днепров, 2014: 87); развитие грамотности населения и модернизация общества (Кузьмин, 2008: 120-126); становление и развитие системы образования и борьба с неграмотностью в России в XVIII – первой половине XX веков: тенденции, препятствия, итоги (Зубов, 2018: 7); становление отечественного педагогического образования и вклад династии Романовых в его развитие (Джуринский, 2016: 8-38); роль коллегиального попечительства в развитии общего образования в дореволюционной России (Крюкова, 2014: 30-35).

Работы, посвященные образованию инородцев в Российской империи, делятся на два основных блока: первый – труды о национальных школах и просвещении нерусских народов, такие как «Национальная школа России: традиции и современность в контексте модернизации» (Кузьмин, 1993: 252); «Система просвещения нерусских народов в период контрреформ Александра III» (Феонычев, 2019: 399-404); «Вопросы просвещения мусульманских народов в деятельности органов местного самоуправления Южного Урала в 1870–1917 гг. (Петрич, 2019: 30); «Этнопедагогические

аспекты концепций развития национальной школы – исторический экскурс» (Стручков, 2021: 37-40); «Реализация политики в области образования для нерусских народов в дореволюционной России на рубеже XIX–XX вв.» (Иванова, 2016: 243-250); «Просвещение нерусских народов Поволжья во второй половине XIX – начале XX века (историография проблемы)» (Анохина, 2006: 38).

Второй блок: изучение наследия и роли Н.И. Ильминского в организации образования нерусских народов – «О роли Н.И. Ильминского в просвещении народов Поволжья в конце XIX – начале XX века» (Пупышев, 2019: 80-83); «Деятельность сторонников Н.И. Ильминского в поддержку системы просвещения нерусских народов Востока России в начале XX века» (Павлова, 2017: 121-128); «Научные труды Н.И. Ильминского по вопросам просвещения нерусских народов» (Павлова, 2019, 112-119); «Научные труды Н.И. Ильминского по вопросам просвещения нерусских народов» (Павлова, 2020: 150-157).

4. Результаты

Общие подходы к реформированию образования в Российской империи

Анализ прошедшего позволяет понять общие подходы к реформированию образования в Российской империи.

На определенном этапе развития общества потенциал традиционных исторических институтов социализации – семьи и церкви – оказывается для этих процессов недостаточным (Церковные школы, 1903–1916: 138), и тогда рождается еще один институт социализации, ранее не существовавший – всеобщая начальная школа. Нужно отметить, что философия Просвещения (Кларин, 1989: 416) постулирует первостепенное (наряду с наукой) значение просвещения как фактора общественного прогресса.

В эти процессы модернизации общества, когда требовалась реализация всеобщего обучения, Россия была вовлечена во второй половине XIX века. Первая российская перепись 1897 года (Первая перепись населения, 1897) показала всего 21,1 % грамотных среди населения от 9 до 49 лет.

В России доля учащихся в 1905 г. составляла всего 3,5 % от всего населения страны. По грамотности в этот исторический период Россия была на последнем месте среди европейских государств: в большинстве из них данный показатель колебался от 12 до 17 % (Кузьмин, 1993: 227-230).

В дореволюционной России (с конца XVIII до начала XX вв.) единого руководства начальным (как и средним) образованием не было, практически не было единой системы образования. Образование курировали сразу несколько ведомств: наряду с Министерством народного просвещения, это были Святейший правительствующий синод, Военное министерство, Министерство внутренних дел и т.д.

К началу 1897 г. в стране действовало 78,7 тысяч начальных общеобразовательных учебных заведений. Из них в ведении Святейшего синода находилось 34,8 тыс. (44 %), Министерства народного просвещения – 32,7 тыс. (42 %), Военного министерства – 10,3 тыс. (13 %) и т.д. (Днепров, 1985: 17).

Наибольшие вливания государство делало в так называемые «министерские», или образцовые, училища, находившиеся в исключительном ведении Министерства народного просвещения, а также в школы на национальных окраинах и в местностях с «инородческим» населением. Такой подход диктовался политическими соображениями. Школы для инородцев поволжских мусульман государство финансировало почти на 48 %, а еврейские начальные – почти на 52 %. Наряду с государством, в расходах на содержание министерских образовательных организаций принимали участие крестьянские общества. За период с 1889 по 1893 гг. ежегодно в среднем возникало 1 280 начальных школ и лишь 475 училищ. В таком отношении к начальной школе русскоязычного населения была известная (хоть и небезупречная) логика: подавляющее большинство подданных Дома Романовых составляли крестьяне. Однако к концу XIX века стал несомненным промышленный подъем, который переживала Россия, что потребовало не только притока новых, желательно грамотных работников на заводы и фабрики, но и развития сельского хозяйства, которое грозило остаться утопией без овладения крестьянской массой элементарной грамотностью. А ее уровень в стране, по переписи 1897 г., едва превышал 20 % (Население России последние 100 лет, 1998: 222). Кроме того, идея интеграции национальных окраин империи, ставшая центральной для политической элиты страны с начала 1860-х гг., предполагала повышение культурного уровня большинства населения страны. Нужно отметить, что русские вовсе не являлись самым образованным народом империи (читать умели чуть более 29 %, для сравнения: среди финнов этот показатель составлял более 98 %). Они заметно отставали в этом от некоторых народов России, кроме украинцев и белорусов, которые в то время тоже считались частью единого русского народа (Левассера, 1899: 264).

Без передачи ценностей аристократической культуры XIX века крестьянским массам говорить о создании современного государства не приходилось.

Первые изменения общей школьной реформы для всего населения

Подвижки реформирования школы в России в положительном направлении, пусть и весьма скромные, начались с 1897 года, когда финансирование начального образования увеличилось на

250 тысяч рублей. Расходы в этой сфере возрастали ежегодно: в общей сложности с 1896 по 1903 годы – более чем в два раза. В управление Н.П. Боголепова (1898–1901) внимание ведомства просвещения стало смещаться с окраин империи на великорусский центр. Распределение новых средств начали связывать с численностью населения учебных округов и долей детей школьного возраста, оставшихся без образования. Этот процесс положил начало всеобщему образованию. Заслуга перевода этого вопроса из области благих, абстрактных пожеланий в практическое русло принадлежит земствам (Чарнолуский, 1910: 56-57), которые придавали большое значение развитию народного образования. В 1890–1907 годы «школьный» бюджет всех земств вырос в 3,6 раза, а его доля в общеземском бюджете – в 1,3 раза.

Планировалось, что всеобщее обучение, по примеру стран Запада, должно охватить детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет, то есть 15 % населения империи, но к таким расходам государство не было готово. В 1894 г. выдающийся педагог В.П. Вахтеров предложил более реалистичский вариант: ориентироваться пока на контингент детей 8–11 лет, причем в сельской местности – только на 20 % девочек. В этом направлении и стала в дальнейшем развиваться начальная школа (Распоряжение Временного правительства, 1917: 1014). Именно земский тип школы был признан государством основой для реформы, что связано прежде всего с тем, что он требовал меньшего финансирования, и с наличием активной земской интеллигенции, готовой работать на этом поприще не покладая рук.

Земские школы некоторых уездов Министерство народного просвещения субсидирует с 1901–1903 годов, где по условиям, выдвинутым ведомством, эти деньги шли на содержание учителей. «Нормальным» признавался оклад в 360 рублей в год, тогда как среднее жалование земского учителя составляло 276 рублей, что полностью должно было освободить от расходов на школу сельские общества (Сучков, 1995: 62-77).

Таким образом, государство впервые обозначило введение всеобщего начального обучения в качестве своей приоритетной задачи. В 1904 г. данный вопрос был поднят, но русско-японская война помешала практическим шагам по его воплощению.

Первоочередной государственной задачей всеобщее обучение стало только после революции 1905 г. Важная роль в этом принадлежит министрам народного просвещения графу И.И. Толстому (1905–1906) и П.М. Кауфману (1906–1908) (Воспоминания И.И. Толстого, 1870). Кроме того, всеобщее обучение являлось одной из важнейших составляющих программы реформ премьер-министра П.А. Столыпина, делавшего ставку на создание широкого слоя мелких и средних собственников в деревне, который, конечно же, должен был быть грамотным. Несмотря на то, что «либералов» Толстого и Кауфмана в дальнейшем сменили «реакционеры», задача перехода на всеобщее образование (проект закона) обсуждалась третьей Государственной Думой.

Так как значимость проекта закона была очень велика, мы приводим некоторые выдержки его содержания:

- всем детям обою пола должна быть предоставлена возможность, по достижении школьного возраста, пройти полный курс обучения в правильно организованной школе;
- забота об открытии достаточного числа училищ соответственно числу детей школьного возраста лежит на учреждениях местного самоуправления, а также все вопросы финансирования относятся на местные источники.

Закон так и не был принят, но, тем не менее, деятельность Министерства народного просвещения в данной сфере с 1908 года продолжалась. Был принят закон об увеличении субсидий начальной школе, предусматривавший ежегодный дополнительный отпуск 6,9 миллиона рублей для выплаты жалования учителям в размере 390 рублей (в расчете 1 учитель на 50 учеников), для постройки и оборудования училищных зданий (Закон «Об отпуске средств», 1908).

Реформы образования инородцев в Российской империи

Организация образования «инородческого» и «иноверческого» населения Российской империи в реформировании представляла собой отдельную сложную задачу. Политика центральной власти в этом вопросе не была единой ни в отношении разных национальных окраин Российской империи, ни для различных внутренних областей России. Это касалось как целей образования, в том числе проектов русификации инородческого населения в векторе интеграции, так и вопросов, связанных с выбором языка образования, которым мог быть как родной язык учащихся, так и русский. В области просвещения и образования нерусских подданных восточных окраин империи и центральной России создание и модернизация именно начальной школы являлись первоочередными задачами, на решение которых были направлены силы как правительства, так местного самоуправления и национальной интеллигенции. (Епископ Никанор, 1892: 93-94).

В организации образования нерусского населения Российской империи можно выделить два этапа: первый – с 1864 по 1906 гг., второй – с 1906 по 1917 гг. Для удобства анализа выделим следующие аспекты: идеологию в области образования, собственно образовательную политику и связанную с ней законодательную базу, а также планирование в области образования, то есть внедрение решений в жизнь (Фирсов, 1869: 37-38).

Первый этап реформирования (1864–1906 гг.).

На первом этапе реформ в области начального образования инициатива и ведущая роль принадлежала государству. Это, безусловно, были реформы «сверху» для «более прочного сближения инородцев с коренным русским народом путем постепенного распространения между ними знания русского языка» (Толстой, 1870: Отдел рукописей РГБ, 1890: 1555-1566). Как представляется, речь здесь идет не столько об ассимиляции, сколько об интеграции нерусских народов в православие российского общества, культуру большинства, вставшего на путь демократических преобразований. Именно в этом смысле стоит толковать часто используемое в документах слово «обрусение». Политика просвещения в полной мере относилась и к русскому народу, но в данном случае она не встречала препятствий ни в виде языкового барьера, ни в виде конкурирующих систем традиционного религиозного образования (мектебов и медресе при мечетях), как это было в случае татарского населения.

Начиная с 1864 года, выходит целый ряд положений Министерства народного просвещения, регламентирующих организацию образования на уровне начальной школы (14 июля 1864, 26 марта 1870, 25 мая 1874).

В положении 1864 года о начальных народных училищах регламентируется их общая деятельность, 1870 года – описываются конкретные правила образовательной деятельности школ для инородцев и в 1874 г. – принимаются уточненные правила организации образовательной деятельности начальных народных училищ.

По правилам 1870 года для нерусского населения создается особый тип школы, получивший название русско-инородческие училища. Согласно этим «Правилам», отдельно создавались училища для христианизированных народов и училища для «татар-магометан» Казанского, Одесского учебных округов и Крыма. В русско-инородческих училищах языком обучения был русский. Данный тип училищ должен был составить конкуренцию и заменить традиционные мектебы, однако этого не произошло. Во-первых, такие училища были малочисленны, так для почти 60 000 татарского населения Нижегородской губернии была открыта в 1871 году по инициативе И.Н. Ульянова одна русско-татарская школа (Сабиров, 1982). Однако и она не имела популярности, не пользовалась доверием местного населения и была закрыта в 1915 году.

В 60-е годы начинается реформаторское движение среди самого татарского населения. В 1862 г. вышла работа Х. Фаизханова «Реформа медресе» (Фаизханов, 1862), где уже были изложены все основные идеи, получившие развитие в рамках реформаторского движения джадидизм и воплотившиеся в так называемых «новометодных» школах И. Гаспринского. Х. Фаизханов и представители джадидизма выступали за образование на родном языке при обязательном преподавании русского языка. Новометодные школы, первая из которых была открыта в Бахчисарае в 1884 году, были основаны на последних достижениях педагогики и психологии того времени. В них широко использовались звуковая методика обучения чтению и методика А.О. Чернявского, которые являлись передовыми для своего времени и давали хорошие результаты, но были дорогими в содержании.

Результаты первого этапа реформы образования инородцев Российской империи, возможно, нельзя назвать впечатляющими, так как до сколь-нибудь значительного охвата начальным образованием было еще очень и очень далеко. Однако в это время были опробованы модели земских и частных школ, был наработан педагогический опыт преподавания для нерусских учащихся и, как следствие, появилось ясное понимание проблемных зон в данной области.

Второй этап реформирования (1906–1917)

Второй этап связан с реформами после революционных событий 1905 года. В области законодательной деятельности следует перечислить документы Министерства народного просвещения 1906, 1907 и 1913 годов, касающиеся организации образовательной деятельности для инородцев и получивших название «Правил...». Их целями было «содействовать нравственному и умственному развитию инородцев и таким образом открывать им путь к улучшению их быта, а с другой стороны – распространению между ними знания русского языка и сближения их с русским народом на почве любви к общему отечеству» (Правила о начальных училищах, 1913: 79).

Пункт 3 данных Правил определял, что «орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть природное его наречие» (Правила о начальных училищах, 1913: 79). Это было важнейшее дополнение, свидетельствующее о смене идеологии в области начального образования.

В заключении к этому разделу нужно сказать следующее. В период реформ с 1864 по 1917 годы шла напряженная работа по определению оптимальной модели «инородческой» школы, причем пристальное внимание уделялось анализу конкретных ситуаций, что позволило учитывать специфику каждого региона. Образовательная идеология первого периода реформ (1864–1906) определялась властью, была направлена на «обрусение» нерусского населения империи, которое правильно было бы понимать в современной терминологии не как ассимиляцию, а как инкультурацию и интеграцию в общероссийский социум. Реформа проходила на фоне широкой просветительской деятельности как внутри самих народов, в частности движения джадидизма, так и на фоне миссионерской деятельности церкви (труды Братства Святого Гурия), при поддержке демократически настроенной интеллигенции.

Во второй период, начиная с 1906 года, происходит демократизация как образовательной идеологии, так и образовательной политики, что нашло выражение среди прочего в признании приоритета светской школы и необходимости обучения в начальной школе на родном языке.

5. Заключение

Таким образом, вопреки реализации образовательных реформ Российская империя закончила свое существование, так и не решив проблему введения всеобщего (а уж тем более обязательного) начального образования.

С большой долей уверенности можно предположить, что, не будь войны и революций, обязательное всеобщее обучение в Российской империи было бы введено к началу 1920-х годов. Это предположение подтверждается проектами законов, которые регулярно, с 1911 по 1916 годы, обсуждались на уровне законодательной власти (Государственной Думы) Российской империи. Они предусматривали, в частности, обязательность начального образования; минимум ежегодного повышения пособия школам, направляемого Министерством народного просвещения (10 миллионов рублей); явочный, а не разрешительный порядок открытия училищ; также упрощенную процедуру назначения учителей; расширение прав органов самоуправления в формировании училищных советов и выработке программ; введение в учебную программу кратких курсов геометрии, географии, истории России, природоведения. Нужно отметить, что положения образовательной реформы Российской империи в дальнейшем были частично реализованы.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Литература

[Анохина, 2006](#) – *Анохина И.А.* Просвещение нерусских народов Поволжья во второй половине XIX – начале XX века (историография проблемы) // *МИТС-НАУКА: международный научный вестник: сетевое электронное научное издание.* 2006. № 5. С. 39-44.

[Артеменко, 2011](#) – *Артеменко О.И.* Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // *Евразийский юридический журнал.* 2011. № 8 (39). С. 124-131.

[Богданов, 1964](#) – *Богданов И.М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР: историко-статистические очерки. М.: Статистика, 1964. 195 с.

[Вахтеров, 1999](#) – *Вахтеров В.П.* Всеобщее начальное обучение. Москва, 1999. 77 с.

[Волков, 1986](#) – *Волков Г.Н.* Нравственное воспитание учащихся IV–VIII классов сельской национальной школы: Пособие для учителя. М.: НИИ нац. школ, 1986. 105 с.

[Ганелин, 1950](#) – *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века / Под ред. Н.Г. Казанского. М.: Учпедгиз, 1950. 274 с.

[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[Демидов, 1914](#) – *Демидов П.А.* Об улучшении татарских школ в Нижегородской губернии. Доклад Нижегородской губернской земской управы 50-му очередному губернскому земскому собранию 1914 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/1302> (дата обращения: 19.07.21).

[Джуринский, 2016](#) – *Джуринский А.Н.* Становление отечественного педагогического образования и вклад династии Романовых в его развитие // *Художественное образование в дореволюционной России // Сборник научных трудов / Сост. В.П. Демин, Е.М. Акишина, Д.В. Польш.* Российская академия образования, Отделение образования и культуры. М.: ФГБНУ "ИХОиК РАО". 2016. С. 8-38.

[Днепров, 1981](#) – *Днепров Э.Д.* Советская историография отечественной школы и педагогики (1913–1977 гг.): Проблемы, тенденции, перспективы. М.: АПН СССР, НИИ ОП, 1981. 90 с.

[Днепров, 1985](#) – *Днепров Э.Д.* О разработке методологических, историографических и источниковедческих проблем истории педагогики // *Школа России накануне и в период революции 1905–1907 гг.* М., 1985. С. 59-73.

[Днепров, 2014](#) – *Днепров Э.Д.* Образование и педагогика дореволюционной России: неизученные проблемы. Справочное пособие для исследователей. М.: Мариос. 2014. 87 с.

[Доклад об улучшении татарских школ, 1913](#) – Доклад об улучшении татарских школ в Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1913. С. 3-18.

[Дюги, 1908](#) – *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. Москва: Типография Товарищества И.Д. Сытина. 1908. 911 с.

[Епископ Никанор, 1892](#) – *Епископ Никанор.* Николай Иванович Ильминский (Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений). Казань, 1892. С. 93-94.

[Закон «Об отпуске средств», 1908](#) – Закон, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой «Об отпуске средств». 6 июля 1908 г. СУ 1908. Ст. 996.

- Звягинцев, 1918** – *Звягинцев Е.А.* Полвека земской деятельности по народному образованию. 2-е изд. М., 1918. 88 с.
- Зубков, 2012** – *Зубков И.В.* Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Из-во «Новое литературное обозрение». 2012.
- Зубов, 2018** – *Зубов В.В.* Становление и развитие системы образования и борьба с неграмотностью в России в XVIII – первой половине XX вв.: тенденции, препятствия, итоги // *Гуманитарный вестник*. 2018. № 12 (74). С. 7.
- Иванова, 2016** – *Иванова И.П.* Реализация политики в области образования для нерусских народов в дореволюционной России на рубеже XIX–XX вв. (на примере Чувашского края) // *XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства* / Сборник статей. Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. 2016. С. 243-250.
- Из Доклада председателя особого совещания, 1905** – Из Доклада председателя особого совещания по вопросам образования восточных инородцев тайного советника А.С. Будиловича Министру народного просвещения В.Г. Глазову с изложением хода работы и решения совещания. 15 августа 1905 года. Труды Особого Совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. VI-IX, XII-XIV, XXI-XXII, XXXVI-XXXIX, XL-XLII, LI-LII, LIII.
- Ислах мадарис, 1862** – Ислах мадарис – реформа просвещения. СПб., 1862. 54 с.
- Кларин, 1989** – *Кларин В.М., Каменский Я.А., Локж Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г.* Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1989. 416 с.
- Константинов, 1947** – *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы (Гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 года). М.: Госучпедиздат. 1947. 247 с.
- Крюкова, 2014** – *Крюкова А.А.* Роль коллегиального попечительства в развитии общего образования в дореволюционной России // *Гуманизация образования*. 2014. № 6. С. 30-35.
- Кузьмин, 1993** – *Кузьмин М.Н.* Национальная школа России: традиции и современность в контексте модернизации // Труды института национальных проблем образования. М.: ИНПО. 1993. № 1. 252 с.
- Кузьмин, 1993** – *Кузьмин М.Н.* Российская педагогическая энциклопедия: Т. 1. М.: БРЭ. 1993. С. 227-230.
- Кузьмин, 2008** – *Кузьмин М.Н.* Развитие грамотности населения и модернизация общества // *Мир образования – образование в мире*. 2008. № 2 (30). С. 120-126.
- Кузьмин, 2015** – *Кузьмин М.Н.* Российская модернизация и некоторые проблемы историзма человека / Форум педагогического мастерства. Учебно-методическое пособие по материалам Всероссийского мастер-класса учителей родных, включая русский, языков 2011–2013 гг. / Под общ. ред. О.И. Артеменко. М.: ИНПО. 2015. С. 7-12.
- Кулбахтина, 2017** – *Кулбахтина А.З.* Политический курс государства в мусульманском образовательном сегменте на рубеже XIX–XX вв.: задачи, проблемы, решения // *Образование и духовная безопасность*. 2007. № 1. С. 56-64.
- Лебедева, 1988** – *Лебедева Р.Л.* Социальное положение учителей России в канун Великой Октябрьской социалистической революции // *Педагогическая интеллигенция: социально-политические проблемы* / Межвуз. сб. научн. трудов Ленин. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1988. С. 56-61.
- Левассера, 1899** – *Левассера Э.* Народное образование в России // Народное образование в цивилизованных странах. Издание О.Н. Поповой / Ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого. СПб., 1898–1899. Т. 2. 1899. 264 с.
- Львов, 1956** – *Львов К.И.* Борьба П.Ф. Лесгафта за женское образование // *Советская педагогика*. 1956. № 6. С. 39-48.
- Население России последние 100 лет, 1998** – Население России за 100 лет (1897–1997). Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 1998. 222 с.
- Никольский, 1898** – *Никольский Н.М.* Николай Иванович Ильминский. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1898. 108 с.
- О введении всеобщего..., 1995** – О введении всеобщего начального обучения // *Законотворчество думских фракций. 1906–1917 годы: Документы и материалы*. М., 2006.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Ососков, 1982** – *Ососков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М.: Просвещение. 1982. 208 с.
- Очерк развития, 1914** – Очерк развития земского хозяйства. Н. Новгород: Типолит. «Нижегородское печатное дело». 1914. VI. 228 с.
- Павлова, 2016** – *Павлова А.Н.* Деятельность сторонников Н.И. Ильминского в поддержку системы просвещения нерусских народов Востока России в начале XX века // *XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного*

- строительства / Сборник статей. Чебоксары. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. 2016. С. 312-317.
- Павлова, 2017** – Павлова А.Н. Опубликованные и документальные материалы по истории развития школьного образования нерусских народов среднего Поволжья в 70–90-х годах XIX века // *Вестник Чувашского университета*. 2017. № 2. С. 121-128.
- Павлова, 2019** – Павлова А.Н. Научные труды Н.И. Ильминского по вопросам просвещения нерусских народов // *Вестник Чувашского университета*. 2019. № 2. С. 112-119.
- Павлова, 2020** – Павлова А.Н. Государственная национальная политика в области образования народов Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века // *Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа / Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 2020. С. 150-157.
- Первая перепись населения** – Первая перепись населения в России в 1897 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/pervaaya-perepis-1897.html> (дата обращения: 29.10.2021).
- Петрич, 2019** – Петрич Л.В. Вопросы просвещения мусульманских народов в деятельности органов местного самоуправления Южного Урала в 1870–1917 гг. И.З. Шаяхметова // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. № 8 (82). С. 30.
- Правила о начальных училищах, 1913** – Правила о начальных училищах для инородцев: Утвержденные Министерством народного просвещения 05.06.1913 г. Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещенотатарской школе. Казань, 1913. 79 с.
- Путьшев, 2019** – Путьшев И.В. О роли Н.И. Ильминского в просвещении народов Поволжья в конце XIX – начале XX века // *Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики / Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием*. ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Чебоксары. Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда». 2019. С. 80-83.
- Распоряжение Временного правительства, 1917** – Распоряжение Временного правительства «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомство Министерства народного просвещения». 3 марта 1917 г. СУ. 1917. Ст. 1014.
- Распоряжение Министерства народного просвещения, 1907** – Распоряжение Министерства народного просвещения «Об утверждении «Правил о начальных училищах для инородцев». 1 ноября 1907 г. № 11. С. 461.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сабиров, 1982** – Сабиров С. Некоторые материалы из истории школьного образования татарских школ Пильненского района Нижегородской области. Записки краеведа. 1982. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/1305> (дата обращения: 19.10.21).
- Спаский, 1900** – Спаский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара, 1900. 132 с.
- Стручков, 2021** – Стручков А.Г. Этнопедагогические аспекты концепций развития национальной школы – исторический экскурс // *Социокультурное развитие в условиях трансформации образования / Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции*. Якутск, 17 апреля 2021 года. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании. 2021. С. 37-40.
- Толстой, 1870** – Доклад министра Народного Просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870). [Электронный ресурс]. URL: <http://inprogus.ru/14/> (дата обращения: 19.10.21).
- Труды Особого Совещания, 1905** – Труды Особого Совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. VI-IX. XII-XIV. XXI-XXII. XXXVIII-XXXIX. XL-XLII. LI-LII, LIII.
- Фаизханов, 1862** – Фаизханов Х. Реформа медреса (Ислах мадарис). Перевод И.Ф. Гимадеева. СПб., 1862. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/1297> (дата обращения: 19.10.21).
- Феоньчев, 2019** – Феоньчев В.В. Система просвещения нерусских народов в период контрреформ Александра III // *Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения*. Ульяновск. Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина. 2019. С. 399-404.
- Филимонов, 1893** – Филимонов Д.Ф. О Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1893. 12 с.
- Филиппова, 1963** – Филиппова Л.Д. Из истории женского образования в России // *Вопросы истории*. 1963. № 2. С. 209-218.
- Фирсов, 1869** – Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. Казань. 1869. 448 с.
- Церковные школы, 1903** – Церковные школы Российской империи. Статистические сведения. СПб., 1903–1916. 138 с.

Циркуляр Министерства народного просвещения, 1906 – Циркуляр Министерства народного просвещения «Об утверждении Правил о начальных училищах для иностранцев восточной и юго-восточной России» 31 марта 1906 г. № 6–7. С. 267–274.

Чарнолуский, 1910 – *Чарнолуский В.И.* Земство и народное образование // *Русская школа*. 1910. № 9. С. 56–57.

Черников и др., 1973 – *Черников Р.К., Сабаткоев Р.Б., Сукунов Х.Х.* Актуальные вопросы преподавания русского и родного языков в национальной школе / *Сборник материалов науч.-практ. конф.* М.: Педагогика. 1973. 224 с.

References

Anokhina, 2006 – *Anokhina, I.A.* (2006). Prosveshchenie nerusskikh narodov Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (istoriografiya problemy) [Enlightenment of non-Russian peoples of the Volga region in the second half of the XIX – early XX century (historiography of the problem)]. *MITS-NAUKA: mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik: setevoe elektronnoe nauchnoe izdanie*. 5: 39–44. [in Russian]

Artemenko, 2011 – *Artemenko, O.I.* (2011). Udobletvorenije etnokul'turnykh obrazovatel'nykh potrebnosti narodov Rossii: gosudarstvennost', etnicheskaja identichnost' [Meeting the ethnocultural educational needs of the peoples of Russia: statehood, ethnic identity]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 8(39): 124–131. [in Russian]

Bogdanov, 1964 – *Bogdanov, I.M.* (1964). Gramotnost' i obrazovanie v dorevoljutsionnoi Rossii i v SSSR: istoriko-statisticheskie ocherki [Literacy and education in pre-revolutionary Russia and the USSR: historical and statistical essays]. М.: Statistika, 195 p. [in Russian]

Charnoluskii, 1910 – *Charnoluskii, V.I.* (1910). Zemstvo i narodnoe obrazovanie [Zemstvo and public education]. *Russkaya shkola*. 9: 56–57. [in Russian]

Chernikov i dr., 1973 – *Chernikov, R.K., Sabatkoev, R.B., Sukunov, Kh.Kh.* (1973). Aktual'nye voprosy prepodavaniya russkogo i rodnogo yazykov v natsional'noi shkole [Topical issues of teaching Russian and native languages in the national school]. *Sbornik materialov nauch.-prakt. konf.* М.: Pedagogika. 224 p. [in Russian]

Demidov, 1914 – *Demidov, P.A.* (1914). Ob uluchshenii tatarskikh shkol v Nizhegorodskoi gubernii. Doklad Nizhegorodskoi gubernskoi zemskoi upravy 50-mu ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniju 1914 g. [On the improvement of Tatar schools in the Nizhny Novgorod province. Report of the Nizhny Novgorod provincial zemstvo council to the 50th regular provincial zemstvo assembly in 1914]. [Electronic resource]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/1302> (date of access: 19.07.21). [in Russian]

Dneprov, 1981 – *Dneprov, E.D.* (1981). Sovetskaya istoriografiya otechestvennoi shkoly i pedagogiki (1913–1977 gg.): Problemy, tendentsii, perspektivy [Soviet historiography of the domestic school and pedagogy (1913–1977): Problems, trends, prospects.]. М.: APN SSSR, NII OP, 90 p. [in Russian]

Dneprov, 1985 – *Dneprov, E.D.* (1985). O razrabotke metodologicheskikh, istoriograficheskikh i istochnikovedcheskikh problem istorii pedagogiki [On the development of methodological, historiographic and source study problems of the history of pedagogy]. *Shkola Rossii nakanune i v period revolyutsii 1905–1907 gg.* М. Pp. 59–73. [in Russian]

Dneprov, 2014 – *Dneprov, E.D.* (2014). Obrazovanie i pedagogika dorevoljutsionnoi Rossii: neizuchennye problemy. Spravochnoe posobie dlya issledovatelei [Education and pedagogy of pre-revolutionary Russia: unexplored problems. A reference book for researchers]. М.: Marios. 87 p. [in Russian]

Doklad ob uluchshenii tatarskikh shkol, 1913 – Doklad ob uluchshenii tatarskikh shkol v Nizhegorodskoi gubernii [Report on the improvement of Tatar schools in the Nizhny Novgorod province]. N. Novgorod, 1913. Pp. 3–18. [in Russian]

Dyugi, 1908 – *Dyugi, L.* (1908). Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva [Constitutional law. General theory of the state]. Moskva: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina. 911 p. [in Russian]

Dzhurinskii, 2016 – *Dzhurinskii, A.N.* (2016). Stanovlenie otechestvennogo pedagogicheskogo obrazovaniya i vklad dinastii Romanovykh v ego razvitie [Formation of domestic pedagogical education and the contribution of the Romanov dynasty to its development]. *Khudozhestvennoe obrazovanie v dorevoljutsionnoi Rossii*. Sbornik nauchnykh trudov. Sost. V.P. Demin, E.M. Akishina, D.V. Pol'. Rossiiskaya akademiya obrazovaniya, Otdelenie obrazovaniya i kul'tury. М.: FGBNU "IKhOiK RAO". Pp. 8–38. [in Russian]

Episkop Nikanor, 1892 – Episkop Nikanor. Nikolai Ivanovich Il'minskii (Il'minskii N.I. Izbrannye mesta iz pedagogicheskikh sochinenii) [Bishop Nikanor. Nikolay Ivanovich Ilminsky (Ilminsky N.I. Selected passages from pedagogical works)]. Kazan', 1892. Pp. 93–94. [in Russian]

Faizkhanov, 1862 – *Faizkhanov, Kh.* (1862). Reforma medresa (Islakh madaris) [Reform of madras (Islam Madaris)]. Perevod I.F. Gimadeeva. SPb. [Electronic resource]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/1297> (date of access: 19.10.21). [in Russian]

Feonychev, 2019 – *Feonychev, V.V.* (2019). Sistema prosveshcheniya nerusskikh narodov v period kontrreform Aleksandra III [The system of enlightenment of non-Russian peoples during the counter-

reforms of Alexander III]. *Agrarnaya nauka i obrazovanie na sovremennom etape razvitiya: opyt, problemy i puti ikh resheniya*. Ul'yanovsk. Ul'yanovskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet im. P.A. Stolypina. Pp. 399-404. [in Russian]

Filimonov, 1893 – *Filimonov, D.F.* (1893). O Nikolae Ivanoviche Il'minskom [About Nikolai Ivanovich Ilminsky]. Kazan', 12 p. [in Russian]

Filippova, 1963 – *Filippova, L.D.* (1963). Iz istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii [From the history of women's education in Russia]. *Voprosy istorii*. 2: 209-218. [in Russian]

Firsov, 1869 – *Firsov, N.A.* (1869). Inorodcheskoe naselenie prezhnego Kazanskogo tsarstva v novoi Rossii do 1762 g. [Non-Russian population of the former Kazan kingdom in new Russia until 1762]. Kazan'. 448 p. [in Russian]

Ganelin, 1950 – *Ganelin, Sh.I.* (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Essays on the history of secondary schools in Russia in the second half of the 19th century]. Pod red. N.G. Kazanskogo. M.: Uchpedgiz, 274 p. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The state archive of the Russian Federation].

Islakh madaris, 1862 – *Islakh madaris* – reforma prosveshcheniya [Islam Madaris – the reform of education]. SPb., 1862. 54 p. [in Russian]

Ivanova, 2016 – *Ivanova, I.P.* (2016). Realizatsiya politiki v oblasti obrazovaniya dlya nerusskikh narodov v dorevolutsionnoi Rossii na rubezhe XIX–XX vv. (na primere Chuvashskogo kraja) [Implementation of educational policy for non-Russian peoples in pre-revolutionary Russia at the turn of the XIX–XX centuries. (on the example of the Chuvash region)]. XX vek v istorii Rossii. Grazhdanstvennost' i patriotizm naroda v gody velikikh potryaseni i mirnogo stroitel'stva. Sbornik statei. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova. Pp. 243-250. [in Russian]

Iz Doklada predsedatelya osobogo soveshchaniya, 1905 – Iz Doklada predsedatelya osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev tainogo sovetnika A.S. Budilovicha Ministru narodnogo prosveshcheniya V.G. Glazovu s izlozheniem khoda raboty i resheniya soveshchaniya [From the Report of the Chairman of the Special Meeting on the Education of Oriental Foreigners, Privy Councilor A.S. Budilovich to the Minister of Public Education V.G. Glazov outlining the course of work and the decisions of the meeting]. 15 avgusta 1905 goda. Trudy Osobogo Soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev. SPb., 1905. S. VI-IX, XII-XIV, XXI-XXII, XXXVI-XXXIX, XL-XLII, LI-LII, LIII. [in Russian]

Klarin, 1989 – *Klarin, V.M., Kamenskii, Ya.A., Lokk, D., Russo, Zh.-Zh., Pestalotsti, I.G.* (1989). *Pedagogicheskoe nasledie* [Pedagogical heritage]. M.: Pedagogika, 416 p. [in Russian]

Konstantinov, 1947 – *Konstantinov, N.A.* (1947). Ocherki po istorii srednei shkoly (Gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX veka do Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda) [Essays on the history of secondary schools (gymnasiums and real schools from the end of the 19th century to the February Revolution of 1917)]. M.: Gosuchpedizdat. 1947. 247 p. [in Russian]

Kryukova, 2014 – *Kryukova, A.A.* (2014). Rol' kollegial'nogo popechitel'stva v razvitii obshchego obrazovaniya v dorevolutsionnoi Rossii [The role of collegial guardianship in the development of general education in pre-revolutionary Russia]. *Gumanizatsiya obrazovaniya*. 6: 30-35. [in Russian]

Kulbakhtina, 2017 – *Kulbakhtina, A.Z.* (2017). Politicheskii kurs gosudarstva v musul'manskom obrazovatel'nom segmente na rubezhe XIX–XX vv.: zadachi, problemy, resheniya [The political course of the state in the Muslim educational segment at the turn of the XIX–XX centuries: tasks, problems, solutions]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'*. 1: 56-64. [in Russian]

Kuz'min, 1993 – *Kuz'min, M.N.* (1993). Natsional'naya shkola Rossii: traditsii i sovremennost' v kontekste modernizatsii [National school of Russia: traditions and modernity in the context of modernization]. Trudy instituta natsional'nykh problem obrazovaniya. M.: INPO. 1: 252. [in Russian]

Kuz'min, 1993 – *Kuz'min, M.N.* (1993). Rossiiskaya pedagogicheskaya entsiklopediya [Russian Pedagogical Encyclopedia]: T. 1. M.: BRE.. Pp. 227-230. [in Russian]

Kuz'min, 2008 – *Kuz'min, M.N.* (2008). Razvitie gramotnosti naseleniya i modernizatsiya obshchestva [The development of literacy of the population and modernization of society]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 2(30): 120-126. [in Russian]

Kuz'min, 2015 – *Kuz'min, M.N.* (2015). Rossiiskaya modernizatsiya i nekotorye problemy istorizma cheloveka [Russian modernization and some problems of human historicism]. Forum pedagogicheskogo masterstva. Uchebno-metodicheskoe posobie po materialam Vserossiiskogo master-klassa uchitelei rodnykh, vklyuchaya russkii, yazykov 2011–2013 gg. Pod obshch. red. O.I. Artemenko. M.: INPO. 2015. Pp. 7-12. [in Russian]

Lebedeva, 1988 – *Lebedeva, R.L.* (1988). Sotsial'noe polozhenie uchitelei Rossii v kanun Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Social status of Russian teachers on the eve of the Great October Socialist Revolution]. *Pedagogicheskaya intelligentsiya: sotsial'no-politicheskie problem*. Mezhevuz. sb. nauchn. trudov Lenin. gos. ped. in-ta im. A.I. Gertsena. L. Pp. 56-61. [in Russian]

Levassera, 1899 – *Levassera, E.* (1899). Narodnoe obrazovanie v Rossii [Public education in Russia]. Narodnoe obrazovanie v tsivilizovannykh stranakh. Izdanie O.N. Popovoi. Red. G. Fal'borka i V. Charnoluskogo. SPb., 1898–1899. T. 2. 1899. 264 p. [in Russian]

- L'vov, 1956** – *L'vov, K.I.* (1956). Bor'ba P.F. Lesgafta za zhenskoe obrazovanie [The struggle of P.F. Lesgaft for female education]. *Sovetskaya pedagogika*. 6: 39-48. [in Russian]
- Naselenie Rossii poslednie 100 let, 1998** – Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997). Statisticheskii sbornik [Population of Russia for 100 years (1897-1997). Statistical collection]. M.: Goskomstat Rossii. 1998. 222 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1898** – *Nikol'skii, N.M.* (1898). Nikolai Ivanovich Il'minskii. Ocherk ego zhizni i deyatel'nosti [Nikolai Ivanovich Il'minsky. Sketch of his life and work]. SPb., 108 p. [in Russian]
- O vvedenii vseobshchego..., 1995** – O vvedenii vseobshchego nachal'nogo obucheniya [On the introduction of universal primary education]. Zakonotvorchestvo dumskikh fraktsii. 1906–1917 gody: Dokumenty i materialy. M., 2006. [in Russian]
- Ocherk razvitiya, 1914** – Ocherk razvitiya zemskogo khozyaistva [Sketch of development of the zemstvo economy]. N. Novgorod: Tipolit. «Nizhegorodskoe pechatnoe delo». 1914. VI. 228 p. [in Russian]
- OR RGB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of manuscripts of the Russian state library]. [in Russian]
- Ososkov, 1982** – *Ososkov, A.B.* (1982). Nachal'noe obrazovanie v dorevolutsionnoi Rossii (1861–1917) [Primary education in pre-revolutionary Russia (1861–1917)]. M.: Prosveshchenie. 208 p. [in Russian]
- Pavlova, 2016** – *Pavlova, A.N.* (2016). Deyatel'nost' storonnikov N.I. Il'minskogo v podderzhku sistemy prosveshcheniya nerusskikh narodov Vostoka Rossii v nachale XX veka [The activities of the supporters of N.I. Il'minsky in support of the education system of the non-Russian peoples of the East of Russia at the beginning of the XX century]. XX vek v istorii Rossii. Grazhdanstvennost' i patriotizm naroda v gody velikikh potryaseni i mirnogo stroitel'stva. Sbornik statei. Cheboksary. Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova. Pp. 312-317. [in Russian]
- Pavlova, 2017** – *Pavlova, A.N.* (2017). Opublikovannye i dokumental'nye materialy po istorii razvitiya shkol'nogo obrazovaniya nerusskikh narodov srednego Povolzh'ya v 70–90-kh godakh XIX veka [Published and documentary materials on the history of the development of school education of non-Russian peoples of the middle Volga region in the 70s – 90s of the XIXth century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2: 121-128. [in Russian]
- Pavlova, 2019** – *Pavlova, A.N.* (2019). Nauchnye trudy N.I. Il'minskogo po voprosam prosveshcheniya nerusskikh narodov [Scientific works of N.I. Il'minsky on the education of non-Russian peoples]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2: 112-119. [in Russian]
- Pavlova, 2020** – *Pavlova, A.N.* (2020). Gosudarstvennaya natsional'naya politika v oblasti obrazovaniya narodov Povolzh'ya i Priural'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [State national policy in the field of education of the peoples of the Volga and Ural regions in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskii opyt natsiistroitel'stva i razvitiya natsional'noi gosudarstvennosti chuvashskogo naroda*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. Pp. 150-157. [in Russian]
- Pervaya perepis' naseleniya** – Pervaya perepis' naseleniya v Rossii v 1897 godu [The first population census in Russia in 1897]. [Electronic resource]. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/pervaya-perepis-1897.html> (date of access: 29.10.2021). [in Russian]
- Petrich, 2019** – *Petrich, L.V.* (2019). Voprosy prosveshcheniya musul'manskikh narodov v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya Yuzhnogo Urala v 1870–1917 gg. I.Z. Shayakhmetova [Issues of enlightening Muslim peoples in the activities of local self-government bodies of the Southern Urals in 1870-1917. by I.Z. Shayakhmetova]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 8(82): 30. [in Russian]
- Pravila o nachal'nykh uchilishchakh, 1913** – Pravila o nachal'nykh uchilishchakh dlya inorodtsev: Utverzhennye Ministerstvom narodnogo prosveshcheniya 05.06.1913 g. Il'minskii N.I. O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i o Kazanskoi tsentral'noi kreshchenotatarskoi shkole [Rules on primary schools for foreigners: Approved by the Ministry of Public Education on 06/05/1913. Il'minsky N.I. About the education system of foreigners and about the Kazan central Epiphany Tatar school]. Kazan', 1913. 79 p. [in Russian]
- Pupyshev, 2019** – *Pupyshev, I.V.* (2019). O roli N.I. Il'minskogo v prosveshchenii narodov Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX veka [About the role of N.I. Il'minsky in the enlightenment of the peoples of the Volga region at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Paradigmy rossiiskoi istorii skvoz' prizmu biografistiki. Sbornik trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. FGBOU VO «Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova». Cheboksary. Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'skii dom «Sreda». Pp. 80-83. [in Russian]
- Rasporyazhenie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1907** – Rasporyazhenie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya «Ob utverzhdenii «Pravil o nachal'nykh uchilishchakh dlya inorodtsev» [Order of the Ministry of Public Education "On the approval of the" Rules on primary schools for foreigners"]. 1 noyabrya 1907 g. № 11. P. 461. [in Russian]
- Rasporyazhenie Vremennogo pravitel'stva, 1917** – Rasporyazhenie Vremennogo pravitel'stva «Ob ob"edinenii v tselyakh vvedeniya vseobshchego obucheniya uchebnykh zavedenii raznykh vedomstv v vedomstvo Ministerstva narodnogo prosveshcheniya» [Order of the Provisional Government "On unification

for the purpose of introducing universal education of educational institutions of different departments into the department of the Ministry of Public Education". 3 marta 1917 g. SU. 1917. St. 1014. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Sabirov, 1982 – Sabirov, S. (1982). Nekotorye materialy iz istorii shkol'nogo obrazovaniya tatarskikh shkol Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti. Zapiski kraevedy [Some materials from the history of school education in Tatar schools in the Pilnensky district of the Nizhny Novgorod region. Notes of a local historian]. 1982. [Electronic resource]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/1305> (date of access: 19.10.21). [in Russian]

Spasskii, 1900 – Spasskii, H.A. (1900). Prosvetitel' inorodtsev Kazanskogo kraia Nikolai Ivanovich Il'minskii [Nikolai Ilminsky, an educator of foreigners in the Kazan Krai]. Samara, 132 p. [in Russian]

Struchkov, 2021 – Struchkov, A.G. (2021). Etnopedagogicheskie aspekty kontseptsii razvitiya natsional'noi shkoly – istoricheskii ekskurs [Ethnopedagogical aspects of the concepts of the development of the national school - a historical excursion]. *Sotsiokul'turnoe razvitie v usloviyakh transformatsii obrazovaniya*. Sbornik trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Yakutsk, 17 aprelya 2021 goda. Kirov: Mezhhregional'nyi tsentr innovatsionnykh tekhnologii v obrazovanii. Pp. 37-40. [in Russian]

Tolstoi, 1870 – Doklad ministra Narodnogo Prosveshcheniya D.A. Tolstogo «O merakh s obrazovaniem naselyayushchikh Rossiyu inorodtsev» [Report of the Minister of Public Education D.A. Tolstoy "On measures with the education of foreigners inhabiting Russia"]. (1870). [Electronic resource]. URL: <http://inpo-rus.ru/14/> (date of access: 19.10.21). [in Russian]

Trudy Osobogo Soveshchaniya, 1905 – Trudy Osobogo Soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev [Proceedings of the Special Meeting on the Education of Oriental Foreigners]. SPb., 1905. Pp. VI-IX. XII-XIV. XXI-XXII. XXXVIII-XXXIX. XL-XLII. LI-LII, LIII. [in Russian]

Tserkovnye shkoly, 1903 – Tserkovnye shkoly Rossiiskoi imperii. Statisticheskie svedeniya [Church Schools of the Russian Empire. Statistical information]. SPb., 1903–1916. 138 p. [in Russian]

Tsirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1906 – Tsirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshcheniya «Ob utverzhdenii Pravil o nachal'nykh uchilishchakh dlya inorodtsev vostochnoi i yugovostochnoi Rossii» 31 marta 1906 g. [Circular of the Ministry of Public Education "On the Approval of the Rules on Primary Schools for Foreigners in Eastern and Southeastern Russia" March 31, 1906]. № 6–7. Pp. 267-274. [in Russian]

Vakhterov, 1999 – Vakhterov, V.P. (1999). Vseobshchee nachal'noe obuchenie [Universal elementary education]. Moskva, 77 p. [in Russian]

Volkov, 1986 – Volkov, G.N. (1986). Nravstvennoe vospitanie uchashchikhsya IV–VIII klassov sel'skoi natsional'noi shkoly: Posobie dlya uchitelya [Moral education of pupils of IV–VIII grades of a rural national school: A manual for a teacher]. M.: NII nats. shkol, 105 p. [in Russian]

Zakon «Ob otpuske sredstv», 1908 – Zakon, odobrennyi Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoi Dumoi «Ob otpuske sredstv» [A law approved by the State Council and the State Duma on the Leave of Funds]. 6 iyulya 1908 g. SU 1908. St. 996. [in Russian]

Zubkov, 2012 – Zubkov, I.V. (2012). Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody.) [Schedule of changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s.)]. M.: Iz-vo «Novoe literaturnoe obozrenie». [in Russian]

Zubov, 2018 – Zubov, V.V. (2018). Stanovlenie i razvitie sistemy obrazovaniya i bor'ba s negramotnost'yu v Rossii v XVIII – pervoi polovine XX vv.: tendentsii, prep'yatstviya, itogi [Formation and development of the education system and the fight against illiteracy in Russia in the 18th – first half of the 20th centuries: trends, obstacles, results]. *Gumanitarnyi vestnik*. 12 (74): 7. [in Russian]

Zvyagintsev, 1918 – Zvyagintsev, E.A. (1918). Polveka zemskoi deyatelnosti po narodnomu obrazovaniyu [Half a century of zemstvo activity in public education]. 2-e izd. M., 88 p. [in Russian]

К вопросу о реформировании народного образования в Российской империи

Ольга Ивановна Артеменко ^a, Светлана Петровна Анзорова ^{b, *}, Светлана Алексеевна Москвичева ^c, Дарья Валерьевна Петрухина ^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

^b Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anzorova@inbox.ru (С.П. Анзорова)

Аннотация. В работе показан объективный характер дореволюционного реформирования школьного образования, диктуемого необходимостью просвещения населения России как неперемennого условия демократического переустройства общества и его экономического развития. Главной исторической причиной, вызвавшей появление всеобщей школы как нового института социализации в дополнение к уже существующим – семье и церкви, была модернизация. Школа церковного прихода была ориентирована на обучение детей грамоте с целью самостоятельного чтения переводной на родные языки Библии для религиозно-нравственного воспитания учащихся, обеспечивая единство веры. А это означало всеобщий, внесловный характер такой школы. В дальнейшем как важнейший социокультурный институт общества, как институт государственной политики школа свои главные задачи получает от государства с целью модернизации общества, обеспечивая всеобщее обязательное начальное образование. В конце XIX – начале XX веков политические партии и общественно-педагогические организации России предлагали введение всеобщего начального обучения. Однако в дореволюционной России такое реформирование образования не было осуществлено. Советская власть в наследство получила 73 % населения (старше 9 лет) элементарно неграмотное.

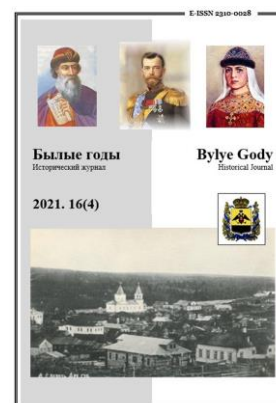
Ключевые слова: школа, реформа, дореволюционная Россия, общество, модернизация, грамотность, финансирование, всеобщее обязательное начальное образование.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1638-1649
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1638

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733

Bulat A. Aznabaev ^{a,*}, Aleksey I. Kortunov ^b

^a Bashkir State University, Russian Federation

^b M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

In the literature, there are conflicting interpretations of the Russian citizenship of the Bashkirs of the XVI-XVIII centuries caused by the assertion that the Bashkirs did not have a political structure, which was understood exclusively as a form of chieftdom or state. At the same time, a number of researchers at the end of the XX century noted that the political unity of the people is not always achieved through the formation of rigid forms that alienate the sovereignty of the communities. Bashkir society of the middle of the XVI – first third of the XVIII century is an example of the creation of a military polity without the power vertical that is customary for nomads. In the middle of the XVI century the tribal formations of the Bashkirs united into a horizontal structure, which in Russian official documents of the XVIII century received the name “Bashkir Horde”. The absence of an institutional elite in Bashkir society, represented by the Chingizids, who have the right to state power, determined the democratic character of the Bashkir polity. All decisions related to political existence (declaring war or concluding peace) were made at the *yiyyn* – “worldly gatherings” of Bashkir clans. The unification of the Bashkir clans into a single military structure was the result of an agreement with the Russian state, which obliged the Bashkirs to guard the southern border of their lands. In the south, the Bashkirs were opposed by nomadic chieftdoms and states (Kalmyks, Nogai, Kazakhs, Karakalpaks), then the Bashkirs were forced to create a single military structure, taking into account their specific social structure. The protection of its southern border is becoming a common concern of the entire Bashkir people, therefore, the most economically valuable territories located in the border zone have become the property of all Bashkir clans.

The main test of the military polity of the Bashkirs passed during the massive invasion of the Kalmyks in the 20s and 30s of the XVII century. If the former rulers of Bashkiriya, the Nogai and Siberian Sheibanids, were forced to recognize the power of the Kalmyks, then the Bashkirs, even having lost the steppe estates behind the Yaik, not only managed to repel the onslaught of a numerically superior enemy, but went on the offensive. In the early 60s of the XVII century Kalmyk leaders conditioned the acceptance of Russian citizenship by the cessation of the raids of the Bashkirs and the return of prisoners. However, in the 20s of the XVIII century, the military organization of the Bashkirs faced the threat of disintegration for the first time. The southern clans, who lost their estates beyond Yaik as a result of the advance of the Kazakhs to the north, supported Russia's intention to build a city on the border of the Ufa province. However, the majority of the Bashkirs saw the intentions of I.K. Kirilov's desire of the state to take control of the southern border. The Bashkirs took this step by the authorities as an intention to terminate the citizenship agreement of the middle of the XVI century, which guaranteed the Bashkirs unprecedented privileges in the Russian state.

Keywords: Russian citizenship of the Bashkirs, the Bashkir Horde, the southern border of the Ufa district, the Orenburg expedition.

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov)

1. Введение

В настоящее время становятся особо актуальными вопросы истории российской государственности. Исходя из анализа этой проблемы, мы можем говорить о том, что она создавалась и развивалась, в том числе и на основе договора. Показательным историческим примером здесь может стать Башкирия, где договорные отношения играли важную роль. При этом стоит отметить, что развитие государственности на территории башкирских племен необходимо исследовать в контексте их отношений с Русским государством, которые, как показало время, складывались на договорной основе.

Эта проблема нашла свое отражение в отечественной и зарубежной научной литературе, где отмечается, что Башкирская орда, будучи негосударственной политией, сплотила башкирские родоплеменные структуры в военную организацию, предназначенную для защиты южных рубежей Башкирского края. Это военное образование возникает в середине XVI в. и прекращает свое существование в 1735 г. Ликвидация башкирской политики привела к изменению характера подданства башкир России. Исходя из этого, авторы определяют актуальность исследования, опираясь на ряд неопубликованных и опубликованных материалов.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Основными источниками, на которые опирались авторы при подготовке исследования, являются неопубликованные документы, извлеченные из фондов: 119 (Калмыцкие дела – (коллекция) фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии), 248 (Сенат и его учреждения), 1324 (Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Оренбургской губернии 1750–1910 гг.) Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация) и фонда И-10 (Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие) Национального архива Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация). Также в исследовании использованы и опубликованные материалы ([Материалы..., 1936](#); [Материалы..., 1949](#); [Материалы..., 2002](#); [Документы..., 2012](#); [Полное собрание..., 1830](#)).

2.2. Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. При проведении исследования авторы использовали такие методы, как хронологический и проблемно-исторический. Также методологической основой исследования является положение, согласно которому государство не является универсальной формой политической организации народа. Как отметили авторы работы «Альтернативные пути цивилизации», есть основания предполагать, что одинаковый уровень сложности социально-политической (и культурной) системы, позволяющий решать равные по трудности задачи, встающие перед социумами, может достигаться не только в разнообразных формах, но и на различных эволюционных путях ([Альтернативные пути..., 2000: 39](#)).

3. Обсуждение

Характер российского подданства башкир в XVI–XVIII вв. в современной отечественной и зарубежной литературе не имеет однозначной оценки. Б.Э. Нольде, исследовавший процесс формирования имперских структур на национальных окраинах, считает, что башкиры не могли быть субъектом соглашения с Российским государством, поскольку у них отсутствовала какая-либо политическая организация ([Нольде, 2013: 316](#)). А. Каппелер отрицает не только договорный характер подданства башкир в середине XVI в., но и подвергает сомнению сам факт подвластности башкир России до середины XVIII в. ([Каппелер, 2000: 31](#)).

В советской историографии с 50–60-х гг. XX в. утвердилось мнение, что российское подданство башкир с середины XVI в. имело добровольный и даже договорный характер, но субъектом соглашения с российским государством выступала башкирская феодальная знать, а сами российско-башкирские отношения следует трактовать в дискурсе феодального вассалитета ([Устюгов, 1947: 30-110](#); [Демидова, 1956: 14-16](#)).

В контексте клиентских отношений рассматривает российское подданство башкир и Мехмет Тепеюрт. В докторской диссертации «Башкирия между двумя мирами 1552–1824» он доказывает, что у России отсутствовала возможность установить прямое правление в далекой Башкирии. Это обстоятельство побудило российские власти признать автономию башкир. Автор категорически отрицает у башкир наличие какой-либо единой политической структуры. Общество раздиралось многочисленными межродовыми конфликтами, что препятствовало возможности установить разумные вассальные отношения. Россиянам пришлось иметь дело с таким количеством различных башкирских группировок, что единственно приемлемым решением для государства было оставить башкир в покое до тех пор, пока они не придумают какой-либо эффективный способ решения вопроса ([Тепеюрт, 2011](#)).

Чарльз Стейвдел, как и Мехмет Тепеюрт, не отрицает договорный характер российского подданства башкир, но расходится с ним в оценке причин, побудивших башкирских лидеров добровольно признать власть русского царя. По мнению Тепеюрта, приобретение российского подданства было выгодно башкирской знати, которая таким образом укрепляла свою власть над рядовыми общинниками.

Стейнведел доказывает, что башкиры стремились закрепить за собой земли, оставленные ногаями, и получить от России защиту от прежних властителей края (Steinwedel, 2016).

Утверждение, что башкиры получили от России военную защиту от ногаев и сибирских шибанидов, имеет давнюю историю (Рычков, 2002: 150). Если принять этот тезис, то следует согласиться с тем, что Российское государство не спешило выполнять свои обязательства. Военное присутствие русских в Башкирии, за исключением рейда казаков на Сарайчик в 1573 г. и двух походов в Башкирию стрелецких голов Турова и Волохова в 1585–1586 гг. (Корецкий, 1968: 65-71), было эпизодическим и незначительным. Но главным аргументом против концепции протектората является тот факт, что Уфимский уезд выпал из орбиты государственной защиты степной границы. В начале 70-х гг. XVI в., т.е. через 20 лет после принятия подданства башкирами, формируется всероссийская система по охране южных рубежей страны от нападений кочевников. Однако в нее не вошло левобережье Волги и южные границы Башкирии. Закамская черта, возведение которой началось в середине XVII в., прошла по западным рубежам Уфимского уезда, отделив Башкирию от центральных областей. Гарнизон Уфы до середины XVII в. состоял из 350 служилых людей, а ближайший русский город с более солидным служилым населением находился в 650 верстах. При этом площадь Уфимского уезда в XVII в. составляла 366,8 тыс. квадратных километров, т.е. равнялась современной территории Германии.

Отметим, что и сами ногаи к началу XVII в. уже не представляли серьезной угрозы для башкир. Последний ногайский наместник Башкирии – мурза Кара Кель-Мухаммед – в 1611 г. отказал России в военной помощи на том основании, что основные его силы стояли на заставах против калмыков и башкир (Трепавлов, 1997: 24). Тем не менее, большинство западных исследователей отрицает добровольный и договорный характер российского подданства башкир.

Однако, если соглашения башкир с Российским государством не было, как объяснить беспрецедентные привилегии башкир в XVII – первой половине XVIII вв.? Еще в XIX в. казанский профессор Н.А. Фирсов заметил, что ни один из народов, подвластных Романовым, не имел таких щедрых пожалований земельными владениями, никто не платил в казну так мало податей и налогов и никто не имел такой свободы в делах внутреннего самоуправления и религии, как башкиры (Фирсов, 1871: 297-401).

В литературе объяснение уникального положения башкир в Российском государстве выглядит неубедительно. Наиболее спорная трактовка принадлежит Б.Э. Нольде. Он считал, что Москва не видела здесь перспективы для себя, так как не ощущала никакой угрозы своим интересам, понимая, что Башкирия так или иначе будет освоена русскими. Поэтому, в отличие от Сибири, московское правительство препятствовало крестьянской колонизации Башкирии, опасаясь, что это может привести к конфликту с башкирами, – русские власти вообще старались никогда не ссориться с инородцами (Нольде, 2013: 287). Таким образом, Б.Э. Нольде полагал, что российская экспансия в Азии мотивировалась исключительно сопротивлением со стороны аборигенов.

М. Тепеюрт объясняет беспрецедентные права башкир неспособностью российских властей найти эффективный способ управления полукочевыми родами. А. Каппелер также отмечает ограниченность средств государства, не имеющего возможности установить прямое правление на юго-восточной окраине.

Необходимо констатировать, что основная причина противоречий в оценке характера подданства башкир заключается в игнорировании факта наличия у башкир политической организации. Следует отметить, что эта структура отнюдь не является научным концептом. В делопроизводственных источниках начала XVIII в. она официально именуется Башкирской ордой (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201; РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 351; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 750. Л. 224; Добросмыслов, 1900: 28). Мы утверждаем, что российские власти имели дело не с враждующими между собой родоплеменными структурами, а со сплоченной политической организацией башкирского народа. Именно этим обусловлен договорный характер подданства, привилегии и сравнительно высокий уровень организованности башкирских восстаний XVII–XVIII вв.

Ошибочное отрицание у башкир политической структуры объясняется тем, что под политическим единством народа исследователи понимают исключительно институт государства. Вместе с тем К. Шмитт доказал, что понятие «политической организации» не может быть сведено к государству (Шмитт, 2016). Особенно в том случае, если речь идет о демократическом устройстве общества.

В конце XX в. исследователи негосударственных обществ обратили внимание на то, что, наряду с развитием жестких политических структур в форме государства, существует вариант в виде развития гибких межплеменных структур, не ущемляющих самостоятельность общин. При этом безгосударственные политии отнюдь не являются менее сложными в отношении структуры социума и уровня культуры, нежели стратифицированные государства (Альтернативные пути..., 2000: 35).

4. Результаты

Ч. Стейнведел заметил, что сценарий принятия башкирами подданства России в середине XVI в. в терминологии и практике совпадает с процедурой установления власти Монгольской империи над

башкирами. Действительно, сохранение власти родовой знати, согласие башкир платить ясак и участвовать в военных кампаниях Российского государства не вносили ничего нового в привычные отношения башкир с монгольскими ханами (Steinwedel, 2016: 119). Однако американский исследователь не учел того, что в середине XVI в. башкиры взяли на себя еще одно обязательство, которое не было заимствовано из практики подчинения башкир монголам. Требование царя защищать рубежи своей территории являлось историческим новшеством для башкир. В империи монголов башкирские земли занимали внутреннее положение. Вторжение в их пределы останавливали не войска, а законы империи, запрещавшие чингизидам включать земли башкир в свою улусную систему. Ситуация кардинально изменилась в конце 80-х гг. XV в., когда Башкирию оккупировали ногаи. Их правители игнорировали ясу, поскольку ногайская элита создала свою собственную легитимацию государственной власти. В период господства Ногайской орды маршруты башкирских кочевий регламентировались ногайскими боями, а имперский ясак собирал ногайский наместник Башкирии. Будучи самым мощным в военном отношении государством региона, Ногайская орда не нуждалась в военной службе башкир.

Положение башкир в Казанском ханстве было несколько иным. Здесь немногочисленные башкирские роды, находившиеся в зависимости от казанских ханов, несли военную службу в обмен на пожалование родовой знати тарханских ярлыков. Вместе с тем есть основания полагать, что башкирские тарханы Казанского ханства не участвовали в охране восточных границ Казанского ханства. Согласно исследованию В.В. Трепавлова, ногаи считались союзниками Казани и охранять границу с ними не было смысла. Летние кочевья ногайских мурз доходили до Казани (Трепавлов, 2001: 216). Башкирские тарханы были необходимы казанским ханам для войн со своим западным соседом. Не случайно пожалование ярлыков датируется временем обострения русско-казанских отношений. Башкирские тарханы в Казанском ханстве не имели своей политической организации. Их служба носила личный характер, они были инкорпорированы в татарское служилое сословие, о чем свидетельствует наличие у башкирских тарханов суюргалов на территории Казанского ханства (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1328. Л. 263, 269об.).

Обязанность охранять юго-восточные рубежи государства принципиальным образом повлияла на политическое устройство башкирского общества. Все другие условия подданства башкир – выплата ясака и участие в военных кампаниях России – относились к сфере, которая не выходила за рамки интересов отдельных родоплеменных структур. Так, субъектом землевладения в башкирском обществе являлся отдельный род. Глава рода выступал ответственным плательщиком ясака. Область местного самоуправления также ограничивалась родовыми судами. Даже в войнах, которые вела Россия, башкиры участвовали в составе своих родовых ополчений. В 1733 г. башкир Енейской волости Апас мулла доносил в Сенат: «...Велено было по указу отправить из всех четырех дорог 1000 человек и в то число и Казанской дороги мы, нижайшие, трижды 250 человек, а из нашей Енейской волости отправил я, нижайший, братьев своих всего 31 человек, дав им лошадей и деньги» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 351).

Возложение на весь народ обязанности по охране границы не означало интеграцию башкирского ополчения в структуру вооруженных сил России. В деле организации пограничной службы башкиры не осуществляли координацию действий с российскими властями. Маршруты пограничных разъездов, места застав, характер участия в службе каждого родового подразделения определяли сами башкиры. Таким образом, российские власти не вмешивались в организацию пограничной службы на южной окраине Уфимского уезда. Башкирам лишь предписывалось предупреждать российские власти об угрозе нападения на внутренние области больших масс кочевников. В грамоте 1722 г., пожалованной всем башкирам после возобновления их российского подданства, указывалось: «...дабы они, видя е.и.в. милость, когда каракалпаки и киргис-кайсаки в российские города возымеют намерение приходить для воровства, и они бы того предостерегали и приходить в российские пределы не допускали и в таких случаях свойски на них ходили и о том заблаговременно на Уфу и другие города, куда надлежит, к воеводам ведомости подавали и в прочем во всем е.и.в. служили верно» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 297).

Что представляла собой южная граница Уфимского уезда? В середине XVII в. она проходила от реки Самары по низовьям рек Большой и Малый Узень, далее по среднему течению Яика и по его притоку Илеку, верховьям Ори к верховьям Тобола (История..., 2011: 81). Фактически южная граница Уфимского уезда определяла территорию, с которой башкиры платили ясак. В дипломатической документации эти пограничные области так и назывались «государевых ясажных людей вотчинные земли» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. 1630. Д. 1. Л. 4). Например, о том, что башкиры платили ясак и со своих вотчинных угодий на реке Эмбе свидетельствует документ Посольского приказа от 1649 г. (РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. 1630. Д. 2. Л. 12). Однако уже к 1649 г. эти территории были захвачены калмыками. С этого времени граница России смещается более чем на 300 км северней до среднего течения реки Урал. Общая протяженность границы Уфимского уезда от реки Самара до реки Тобол составляла чуть менее полутора тысяч километров.

Обладали ли башкиры военным потенциалом, необходимым для обеспечения безопасности южной границы Уфимского уезда? До конца XVIII в. государство не располагало данными о

численности башкир. Кунгурский бургомистр Юхнев, под видом купца побывавший в башкирских волостях в 1725–1726 гг., насчитал 11655 башкирских дворов. По его расчетам, каждый башкирский двор мог выставить трех мужчин, готовых воевать. Общее количество башкир обоего пола, по оценке Юхнева, составляло чуть менее 86 тыс. человек. Однако он не посчитал башкир некоторых волостей Сибирской дороги, которые не пропустили его в свои селения (*Материалы...*, 1949: 484). Таким образом, в 20-е гг. XVIII в. башкиры располагали войском в 40–42 тыс. человек. В.Н. Татищев, управлявший уральскими заводами и Оренбургской комиссией, писал, что до восстания 1735–1740 гг. башкир, только годных к войне, могло собраться до 60 тыс. (*Татищев, 2005: 273*).

Хорошее знание края и отработанная веками тактика ведения войны в горно-лесной местности позволяли башкирам не создавать непрерывной линии охраны границы. Караулы размещались на традиционных маршрутах преодоления кочевниками бродов. Так, в начале XVIII в. башкиры Казанской и Ногайской дорог Уфимской провинции доносили в Сенат: «...Мы, нижайшие башкирцы, стоим в своей стороне в четырех местах на карауле, чтоб от кайсацких и от каракалпакских набегов не пришло всяким обывателям и нам, нижайшим, разорения, а именно по рекам Самаре, Кинеле, а другой караул в вершинах Темескей реки, третий караул в вершине Ик реки, четвертый караул в вершине Садеф и Чермасан рек» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 325*). В случае появления конницы неприятеля у бродов башкиры, предварительно разделившись на две партии, не препятствовали началу переправы. Нападение начиналось в момент наибольшей уязвимости, когда половина войск неприятеля уже перешла брод, а другая только начинала преодолевать реку. К примеру, так был разгромлен калмыцкий отряд Чокула на реке Армынте в 1648 г. (*РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1648. Л. 17-19*). По-видимому, это очень древняя тактика, которую использовали башкиры. Секретарь миссии аббасидского халифа в Булгарию Ибн Фадлан в 922 г., описывая переправу через реку Чеган, отметил, что больше всего охрана посольства боялась нападения башкир. Сначала следовало переправить отряд бойцов, имеющих при себе оружие, прежде чем переправится что-либо из каравана. Они – авангард для людей, (следующих) за ними, (для защиты) от башкир, (на случай) чтобы они (т.е. башкиры) не захватили их, когда они будут переправляться (*Путешествие...*, 1939: 66).

Непосредственной организацией сторожевых пунктов занимались тарханы разных волостей. Они же первыми встречали противника. В 1733 г. Мулла Тохчуря сообщал российским властям: «...От неприятельских набегов стоим на карауле, как тарханы, так и ясачные, служим денно и ночью с детьми своими, а ежели на городов и на селех и на деревни неприятельские люди набегать тотчас извещаем и ежели по нашей силе то их побиваем, а ежели не по нашей силе то оные неприятельские люди побивают» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 297*). В последнем случае башкирам приходилось встречать неприятеля уже на своей территории, что предполагало объединение ополчений отдельных родов в крупные военные отряды численностью от 500 до 3 тысяч человек. Необходимость в создании отрядов, превышающих это количество воинов, возникала только в ходе восстаний, когда башкирам приходилось иметь дело с хорошо организованными и вооруженными полевой артиллерией регулярными войсками русской армии. В 1733 г. башкиры в Уральских горах разгромили десятитысячный корпус хана Среднего жуза Семенеке, но на деле местному ополчению пришлось иметь дело с тремя отдельными группами казахских воинов, каждая из которых была уничтожена в разное время отрядами численностью 2–3 тысячи человек. Горно-лесной ландшафт исключал введение в сражение крупных масс конницы. Однако сбор даже тысячного отряда предполагал объединение ополчений нескольких родовых подразделений. Судя по расчетам бургомистра Юхнева, 60 волостей могли собрать 30000 воинов. На деле же даже небольшие отряды башкир, участвовавшие в отражении противника, состояли из башкир разных родов. В 1648 г., когда 150 калмыков напали на крестьян около Соловарного городка, их разгромил башкирский отряд из 560 воинов. После сражения тарханы 7 волостей подали челобитные, прося власти о денежной награде за полученные раны (*РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. 1648. Д. 1. Л. 13*).

Участие всех башкир в защите южной границы Уфимского уезда обусловило появление феномена общешкирской владения угодьями в приграничных территориях. Охотничьи угодья за Якомом и соляные месторождения на Яике считались собственностью всех башкирских родов. Для зимней охоты на тарпанов и сайгаков за Якомом, на Илеке, Уиле, Кииле и Оре в XVII–XVIII вв. составлялись партии башкир различных дорог и волостей. В 1648 г. на реке Уй были пленены 20 башкир, представлявших 7 волостей Сибирской, Казанской и Ногайской дорог, среди которых были и башкиры Гайнинской волости, родовые владения которой находились в 800 километров от мест охоты (*РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1648. Л. 156*).

Владением всех башкирских родов считались соляные промыслы на Илеке. Судя по рапорту уфимского дворянина Матвея Аничкова 1718 г., башкиры не пропускали на Илек никого, кроме своих соплеменников. Они отказались показать месторождения даже представителю администрации под тем предлогом, что «...они е.и.в. верные слуги и в такую землю, где неприятели всегда бывают и воюются не могут отвезти» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 544*). Обычно за солью отправлялся отряд численностью не менее 3000 человек. Из этого числа только 300 человек загружали солью подводы. Основная же часть отряда занимала круговую оборону (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 544*). Сами участники подобных акций сообщали властям: «...От набегу воровских каракалпак и

киргиских кайсаков многие бывают побиты и в полон взяты и от лошадей лишены и за роспутием не дошед до домов своих от стужи позябают и от голоду помирают» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 678).

Таким образом, в середине XVI в. родоплеменные структуры башкир столкнулись с необходимостью создания единой политической организации, поскольку только подобная сплоченная структура могла эффективно справляться с задачей охраны южной границы их территории и обеспечить всем башкирам доступ к природным ресурсам приграничных областей. Вместе с тем объединение башкирских родов в военно-политическую организацию не привело к появлению жестких надобщинных структур по типу вожества или раннего государства. При этом аналогичные вертикальные властные формы имелись у всех степных соседей башкир – казахов, калмыков, каракалпаков и ногаев.

Почему башкиры уклонились от традиционного для кочевых сообществ Северной Евразии пути создания политий по типу вожества или государства? Ответ следует искать в исторически сложившихся отношениях башкир с правителями монгольской империи. Башкирские земли Приуралья не вошли в улусную систему, получив от империи автономный статус, гарантировавший башкирским родам владение своими землями в обмен на выплату ясака и участие башкирского ополчения в военных акциях (Азнабаев, 2009: 154-161). В результате в башкирском обществе не сложилась институциональная элита (белая кость) в лице чингизидов, имеющих монопольное право на государственную власть. Поскольку в башкирском обществе не было сакрализованного лидера, родовые структуры не образовывали иерархическую вертикаль. Все родоплеменные структуры башкир независимо от численности населения и величины территории находились в отношении равенства по отношению друг к другу.

Тем не менее, отказ от государственного права монголов не помешал, к примеру, ногаям создать свое государство. В данном случае следует согласиться с объяснением А.В. Коротаяева о том, что в определенных условиях (горные сообщества, островные или оазисные цивилизации) безгосударственные социумы способны более эффективно аккумулировать и расходовать ресурсы, чем централизованные государства (Коротаяев, 2003: 64). В подобных обстоятельствах доля политического участия в контроле за ресурсами несравненно выше, нежели в традиционных государствах. К примеру, войска южных соседей башкир – калмыков, казахов и каракалпаков – состояли из дружины правителя и племенного ополчения. Гвардии ханов и князей состояли из иноэтнических групп профессиональных воинов, лично зависимых от своих предводителей. Так, основу дружины хана Абулхайра составляли калмыки и башкиры. Именно ханские дружины играли роль войск быстрого реагирования. Племенное ополчение собиралось только с санкции родовых старейшин, и ханы не имели возможности быстро собрать большие массы войск (Бобров, 2015: 54-61).

У башкир при отсутствии ханских и княжеских дружин отряды родоплеменного ополчения постоянно находились в состоянии боевой готовности. О высоком уровне милитаризации башкирского народа, в частности, писал губернатор Казанской губернии Петр Апраксин: «Народ их проклятый, многочисленный и военный» (Материалы..., 1936: 257). Кунгурский бургомистр Юхнев в 1725 г. подтверждает эту характеристику: «Оной народ военной, по их маниру, почитай, в каждом дворе есть пансер, копьё, лук и сабель, також де ружье, которое “турки” зовут» (Материалы..., 1949: 486). История столкновений башкир с калмыками, каракалпаками и казахами в XVII–XVIII вв. показывает, что крупные сражения с привлечением более 1000 человек с обеих сторон имели место крайне редко. С калмыками за период с 1620 по 1661 гг. башкиры участвовали только в трех значительных столкновениях. С 1708 по 1735 гг. казахи и каракалпаки большими силами приходили в Уфимскую провинцию также три раза. Однако почти ежегодно имели место рейды небольших отрядов с целью угона скота и захвата пленных. И в этой малой войне башкиры не знали себе равных. В 1644 г. тайша Дайчин признавался послу Ивану Черникову-Онучину, что все нападения калмыков на башкир были неудачны, приводя к значительным потерям (История..., 2005: 364). В конечном счете тайши Дайчин и Мончак обусловили принятие российского подданства прекращением нападений башкир на калмыцкие кочевья.

Следует отметить, что военный потенциал калмыков многократно превосходил возможности башкирского ополчения. По оценке С.К. Богоявленского, численность войск калмыков в 20-е гг. XVII в. составляла 80 тысяч человек (Богоявленский, 1939: 87). После того как калмыкам в 40-е гг. XVII в. удалось подчинить себе ногаев и сибирских царевичей, объединенная мощь их войска значительно возросла. Тем не менее даже в начале 60-х гг. XVII в., в период наибольшего военного могущества калмыков, тайша Дайчин жаловался послу Ивану Горохову: «Злее всех башкирцы: всегда всякое зло калмыкам от башкирцев» (Соловьев, 1961: 224). Иоган Готлиб Георги, побывавший в южной Башкирии в начале 70-х гг. XVIII в., отмечал, что небольшой отряд башкир, в течение долго времени находясь в казахских степях, всегда одерживает победу над большим количеством казахов (Георги, 1799: 95).

Тем не менее не стоит преувеличивать возможности военной организации башкир. В открытой местности, допуская применение больших масс конницы, башкиры уступали калмыкам и казахам по причине их многократного численного преимущества. Так, к 60-м годам XVII в. башкиры утратили

свои вотчинные угодья не только на Эмбе, но и в среднем течении Яика. В 20-е гг. XVIII в. казахи Младшего жуза вытеснили башкир со степных территорий по рекам Яик, Илек и Орь.

Отсутствие единого центра принятия решения также негативно влияло на эффективность действий башкирского ополчения. Политические решения, в том числе санкции на начало военных действий, принимались только на «мирских сходах», или, как их называли сами башкиры, «йыйынах». Официальная коммуникация уфимской администрации с башкирским народом осуществлялась на «собраниях башкирской орды» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 452). Традиционно они проходили на седьмой четверг после пасхи в 16 верстах от Уфы на реке Чесноковке, отделявшей городскую округу от башкирских вотчинных земель. И.К. Кирилов писал, что у властей отсутствовала возможность обратиться к конкретным ответственным представителям, но приходилось адресоваться «ко всем башкирцам, чего взыскать ни на ком нельзя» (Материалы..., 2002: 100). Он писал, что вместо того, чтобы советоваться с властями о «мирских нуждах» или подавать челобитные, собравшиеся с утра начинали ругать воевод, приказных толмачей, называли их грабителями, ворами и разорителями. Только после щедрого угощения вином и мясом и вручения подарков (некоторые особо запальчивые критики воевод привозили домой до 50 рублей) башкиры писали похвальные письма, называя в них воевод добрыми и правдивыми (Материалы..., 2002: 101).

Отмеченные Кириловым отсутствие конструктивности и определенная ритуализированность чесноковских йыйынов обуславливались тем, что главные претензии башкир к российским властям выходили за рамки полномочий уфимских администраторов. В первой трети XVIII в. башкир возмущали захваты их земель яицкими казаками и крестьянами сибирских слобод. Башкиры были недовольны отказом правительства вернуть им вотчинные угодья, изъятые по указу Ингерманландской канцелярии в период петровских реформ, и остановить поток незаконных мигрантов из других уездов. Эти вопросы решались только в столице. Для таких случаев практикой управления башкир предусматривались отправки в столицу башкирских посольств. Как выяснила Н.Ф. Демидова, в XVII в. периодически башкирские делегации прибывали в Москву для урегулирования спорных ситуаций, не предусмотренных соглашением середины XVI в. о добровольном подданстве (Демидова, 2003: 180).

Следует отметить, что право контролировать южную границу государства предоставляло башкирам статус субъекта в международных делах. На протяжении XVII – первой трети XVIII вв. башкиры договаривались с калмыками, отправляли послов в Крым и Турцию, приглашали чингизидов из казахских степей.

А. Каппелер, отрицающий договорный характер башкирского подданства, отмечает, что до 1730-х гг. башкиры не подчинялись российским властям (Каппелер, 2000: 37). Однако отсутствие прямой власти государства над народом еще не означает полного суверенитета последнего. Американский историк и социолог Ч. Тилли заметил, что любая империя характеризуется тем, что центр связан с периферией непрямым способом (Tilly, 1997: 1-11). Обычно имперская политика предполагает наличие договора между центром и местной властью или осуществление власти центра через посредника, пользующегося значительной автономией в обмен на выплату дани и военное сотрудничество.

Интересно, что понятие «непрямое управление» Тилли дословно совпадает с терминологией официальной документации начала XVIII в. Казанский губернатор Петр Апраксин в 1712 г. призывал правительство привести башкир «в прямое подданство и учинить данниками прямыми» (Материалы..., 1936: 277). Следовательно, расторжение договорных отношений между Россией и башкирами в середине 30-х гг. XVIII в. означало ликвидацию почти двухсотлетней практики имперского управления регионом. С этого времени договорный характер российского подданства становится привилегией южных соседей башкир – казахов Младшего жуза.

Утрата башкирами контроля за южной границей своих земель началась до организации Оренбургской экспедиции. В ходе приема башкирских представителей в Санкт-Петербурге в 1733 г. был заявлен протест против возведения яицким казаком Василием Араповым крепости на устье реки Сакмары. Башкиры доказывали, что устье Сакмары является общей вотчиной семи башкирских волостей. Действительно, в российских актах данная территория была закреплена за семью волостями еще в 1628 г., т.е. после вторжения калмыков (РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 2247. Л. 122). Челобитчики в 1733 г. указали на то, что новая крепость препятствует охране границы и лишает всех башкир доступа к илецким месторождениям (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 412-415). Однако центр илецких промыслов находился южнее на 114 километров. Дело в том, что через устье Сакмары проходила единственная дорога на Илек и в казахские степи. В оберегательной грамоте 1628 г. отмечен «тележный путь на реку Узык». Как отмечено в уфимских станичных книгах 1643 г., именно до устья реки Сакмары доходили разезды башкирских тарханов (Документы..., 2012: 47). Но не только за солью ездили башкиры через Сакмарское устье. Здесь находился так называемый Царев брод, который традиционно использовали калмыки, казахи и каракалпаки для нападений на российские владения. Несмотря на наличие актов, подтверждающих права башкир на устье Сакмары, Военная коллегия поддержала инициативу атамана Арапова. Более того, российские власти узаконили казачий форпост на Сакмаре и даже прислали крепостную артиллерию (Дорофеев, 1994:

8-10). В указе Военной коллегии отмечено: «Построить крепость для оберегания границы на заставах по Яику, выше Яицкого городка, на устье реки Сакмары, близ башкирцев, где переправляются, ходят в Россию неприятельские каракалпаки и киргис-кайсаки» (Буканова, 1997: 42). И.К. Кирилов считал Сакмарскую крепость ключевым пунктом для обуздания башкир: «Сакмарск в таком удобном месте стоит, что на самом горле башкирском» (Материалы..., 2002: 104).

Потеряв важнейшую позицию в приграничном регионе, башкиры были готовы к дальнейшему наступлению России на их права контролировать южную границу Уфимской провинции. В 1733 г., когда проект И.К. Кирилова об основании города на реке Орь еще не был окончательно утвержден Анной Иоанновной, участник посольства Токчура Алмяков в своем зашифрованном письме, адресованном всем башкирам («на общее лицо»), призвал готовиться к восстанию. По всей Башкирии прошли йыйыны (Материалы..., 2002: 365).

При этом проект Оренбургской экспедиции не предусматривал отторжения собственно башкирских земель. И.К. Кирилов подчеркивал, что место будущего города должно находиться на границе башкирских и казахских земель. По его словам, хан Абулхаир хотел, чтобы город был построен «на меже» (Буканова, 1997: 94). Однако уже в начале 20-х гг. XVIII в. граница башкирских земель вновь сместилась к северу. В 1725 г. после джунгарского нашествия «немалое собрание» казахов Младшей орды подходит к рекам Орь, Илек, Уй и Тобол, выдавив башкир со своих охотничьих угодий (Таймасов, 2009: 49). Башкиры, чьи владения были захвачены казаками, поддержали план строительства города, надеясь с помощью российского присутствия вернуть вотчинные угодья. Этот факт был замечен и самым Кириловым. В своем проекте он указал, что на Эмбе и Яике казахи Младшей орды немало башкирской земли захватили (Полное собрание..., 1830: 309). Хан Абулхаир, по утверждению Кирилова, признал, что «...та земля башкирская и владелец здесь, которой сам того желает» (Буканова, 1997: 97).

В 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. Башкирская орда, призванная защищать южные рубежи башкирских земель, не смогла противостоять захвату вотчинных угодий по Илеку, Яику, Ори и Тоболу. В период казахского натиска мы уже не видим былой солидарности родоплеменных структур. В конце августа 1733 г. один из самых влиятельных казахов Младшего жуза Букембаев предупредил зауральских башкир о готовящемся нападении на них десяти тысячного корпуса Средней орды во главе с ханом Шемякой. Лидеру зауральских каратабынцев Таймасу Шаимову пришлось положиться только на сородичей, а также своих соседей – башкир Куваканской, Кушинской и Катайской волостей. В итоге казахи были разгромлены, но и башкиры понесли существенные потери (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1191. Л. 57-61). В этой ситуации лидеры башкирских родов, испытавших наибольший ущерб от казахов, оказали помощь в военном утверждении России на своей южной границе. Именно Таймас Шаимов предоставил И.К. Кирилову свои вотчинные угодья для заведения хлебной пристани в верховьях Яика (РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Кн. 1524. Л. 1-4). Без этой перевалочной базы Оренбург лишился бы поставки продовольствия из сибирских уездов.

В 1732 г. в другом стратегическом пункте Уфимской провинции, на территории Табынских соляных промыслов, тархан Алдар Исекеев передает промышленнику Утятникову часть своей вотчины. В 1735 г. на этих землях была заложена Табынская пристань, сыгравшая важную роль в снабжении новых крепостей провиантом. Один из руководителей восстания 1735–1740 гг. Кильмяк Нурушев заявил на допросе, что именно этот поступок Алдара стал причиной башкирского бунта (Материалы..., 2002: 365). В 1725 г. И.К. Кирилов прямо указал на связь между лояльностью отдельных башкир и местоположением их вотчинных угодий: «Многие башкирцы служат и рачат, чтоб быть Оренбургу, да еще те самые, чья земля по Орь реке, а другие воры, у которых никакого владения здесь нет, открылись в нападении на идущия роты» (Добросмыслов, 1900: 24). Произшедший раскол башкирского общества на «верных» и «воровских» был настолько кардинальным, что на заключительном этапе башкирского восстания 1735–1740-х гг. карательные акции проводились в основном силами лояльных башкир.

5. Заключение

После строительства Оренбурга и почти трех десятков крепостей башкиры полностью утрачивают контроль за южной границей Уфимской провинции. В итоге происходит трансформация всей системы отношений башкир с русским государством. С 30-х гг. XVIII в. башкиры уже не предстают перед государством в форме военной структуры. Прежнее единство распадается, возникает широкий слой так называемых верных башкир, готовых к вооруженному усмирению своих единоплеменников. Эти социальные и политические процессы обусловили и институциональные перемены в отношениях с российским государством. В 1736 г. власти запрещают родовые йыйыны, которые являлись центрами принятия политических решений в башкирском обществе. Принципиально меняются характер и цели башкирских посольств, прибывающих в столицу после 1733 г. Участники этих миссий уже не избираются на йыйынах, а назначаются местными властями из числа новых лояльных старшин. Прием башкирских делегаций утрачивает переговорный формат, превращаясь в ритуальную демонстрацию лояльности монархии. Когда в 1742 г. на коронацию Елизаветы Петровны была направлена делегация башкир, то в ее состав входили только

«доброжелательные» старшины, отобранные председателем Башкирской комиссии Л.Я. Соймоновым. В ходе башкирских посольств XVII – первой трети XVIII вв. представители подавали челобитные о «мирских нуждах», но делегация 1742 г. ограничилась монаршей аудиенцией, участием в коронации и получением подарков. В 1745 г. уфимский вице-губернатор П.Д. Аксаков так характеризовал поездку в столицу старшин: «...были в Москве... якобы от народу и, оболгав, испросили себе грамоту и получили награждение» (Рахимов, 2001: 34-43).

История возникновения и распада политики башкир (Башкирской орды) являет собой конкретно-исторический пример государственно-правового принципа, описанного Карлом Шмиттом: «Если некий народ страшится трудов и опасностей политической экзистенции, то найдется именно некий иной народ, который примет на себя эти труды, взяв на себя его защиту против внешних врагов» и тем самым политическое господство (Шмитт, 2016: 328-329).

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №20-09-42053: «Трансформация отношений центра и этнической окраины в период Петровских преобразований (на примере нерусского населения Уфимской провинции первой четверти XVIII в.)»).

Литература

- Азнабаев, 2019 – Азнабаев Б.А. Апология племенной знати в «Дефтер-и-Чингизнаме» / Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 154-161.
- Альтернативные пути..., 2000 – Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. 368 с.
- Бобров, 2015 – Бобров Л.А. Военная организация казахских кочевников от Абулхаира до Кенесары (XVIII – первая половина XIX вв.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2015. № 7. С. 54-61.
- Богоявленский, 1939 – Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 5. С. 48-101.
- Буканова, 1997 – Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 253 с.
- Георги, 1799 – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российской империи народов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1799. Ч. 2. 634 с.
- Демидова, 2003 – Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От древней Руси к России Нового времени. М.: Наука, 2003. С. 179-187.
- Добросмыслов, 1900 – Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. Вып. XVIII. 104 с.
- Документы..., 2012 – Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа: Гилем, 2012. 561 с.
- Дорофеев, 1994 – Дорофеев В.В. Сакмарский городок // Оренбургский край. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1994. Вып. 2. С. 8-10.
- История..., 2011 – История башкирского народа. Уфа: Гилем, 2011. Т. 3. 476 с.
- История..., 2005 – История Казахстана в русских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. 721 с.
- Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.
- Корецкий, 1986 – Корецкий В.И. Летописец с новым известием о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 62-77.
- Кортаев, 2003 – Кортаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. 278 с.
- Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с.
- Материалы..., 1949 – Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. III. 691 с.
- Материалы..., 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа: Китап, 2002. Т. VI. 644 с.
- НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан.
- Нольде, 2013 – Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 637 с.
- Полное собрание..., 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IX. № 657. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1022 с.
- Путешествие..., 1939 – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л.: АН СССР, 1939. 124 с.
- Рахимов, 2001 – Рахимов Р.Н. «Были в Москве... якобы от народу...»: Поездка башкирских и мишарского старшин в 1742 г. на коронацию императрицы Елизаветы I // Ядкяр. 2001. № 2. С. 34-43.

- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
 Рычков, 2002 – *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской комиссии. Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 2002. 195 с.
 Соловьев, 1961 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1961. Кн. 6. Т. 11–12. 682 с.
 Таймасов, 2009 – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. 317 с.
 Татищев, 2005 – *Татищев В.Н.* История Российская. М.: Ермак, 2005. 578 с.
 Трепавлов, 2001 – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
 Трепавлов, 1997 – *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с.
 Устюгов, 1947 – *Устюгов Н.В.* Башкирские восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 24. С. 30–110.
 Фирсов, 1871 – *Фирсов Н.Н.* Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // *Ученые записки Казанского университета.* Казань, 1871. Т. VI. С. 297–401.
 Шмитт, 2016 – *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.
 Steinwedel, 2016 – *Steinwedel Ch.* Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 398 p.
 Tepeyurt, 2011 – *Tepeyurt M.* Bashkirs between Two Worlds, 1552–1824. Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports. West Virginia University. 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/230465305.pdf> (дата обращения: 10.05.2021)
 Tilly, 1997 – *Tilly Ch.* How empires end // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.).* Boulder: Oxford: Westview press, 1997. Pp. 1–11.

References

- Aznabaev, 2019 – *Aznabaev, B.A.* (2009). Apologiya plemennoi znati v «Defter-i-Chingizname» [The apology of the tribal nobility in "Defter-i-Chingiznam"]. Kazan. [in Russian]
 Al'ternativnye puti..., 2000 – *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii (2000)* [Alternative paths to civilization]. Moskva. [in Russian]
 Bobrov, 2015 – *Bobrov, L.A.* (2015). Voennaya organizatsiya kazakhskikh kochevnikov ot Abulkhaira do Kenesary (XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [Military organization of Kazakh nomads from Abulkhair to Kenesara (XVIII – first half of the XIX centuries)]. Moskva. [in Russian]
 Bogoyavlenskii, 1939 – *Bogoyavlenskii, S.K.* (1939). Materialy po istorii kalmykov v pervoi polovine XVII v. [Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the XVII century.]. Istoricheskie zapiski. 5: 48–101. [in Russian]
 Bukanova, 1997 – *Bukanova, R.G.* (1997). Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII v. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii [Fortress cities of the south-east of Russia in the XVIII century. The history of the formation of cities on the territory of Bashkiria]. Ufa. [in Russian]
 Georgi, 1799 – *Georgi, I.G.* (1799). Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov [Description of all the peoples living in the Russian state]. SPb. [in Russian]
 Demidova, 2003 – *Demidova, N.F.* (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. Moskva. [in Russian]
 Dobrosmyslov, 1900 – *Dobrosmyslov, A.I.* (1900). Bashkirskii bunt v 1735, 1736 i 1737 gg. [Bashkir revolt in 1735, 1736 and 1737]. Orenburg. [in Russian]
 Dokumenty..., 2012 – *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (1574-1798) (2012)* [Documents and materials on the history of the Bashkir people (1574-1798)]. Ufa. [in Russian]
 Dorofeev, 1994 – *Dorofeev, V.V.* (1994). Sakmarskii gorodok [Sakmarsky town]. Orenburg. [in Russian]
 Istoriya..., 2011 – *Istoriya bashkirskogo naroda (2011)* [History of the Bashkir people]. Ufa. [in Russian]
 Istoriya..., 2005 – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh (2005)* [The history of Kazakhstan in Russian sources]. Almaty. [in Russian]
 Kappeler, 2000 – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – a multinational empire: The Emergence. History. Disintegration]. Moskva. [in Russian]
 Koretskii, 1986 – *Koretskii, V.I.* (1986). Letopisets s novym izvestiem o vosstanii Bolotnikova [Chronicler with new news about the Bolotnikov uprising]. Istoriya SSSR. 4: 62–77. [in Russian]
 Korotaev, 2003 – *Korotaev, A.V.* (2003). Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii [Social evolution: factors, patterns, trends]. Moskva. [in Russian]

[Materialy..., 1936](#) – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. (1936). [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

[Materialy..., 1949](#) – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR (1949) [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

[Materialy..., 2002](#) – Materialy po istorii Bashkortostana. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v. (2002). [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 30s of the XVIII century]. Ufa. [in Russian]

[NA RB](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan [National Archive of the Republic of Bashkortostan].

[Nol'de, 2013](#) – *Nol'de, B.E.* (2013). Istoriya formirovaniya Rossijskoj imperii [History of the formation of the Russian Empire]. SPb. [in Russian]

[Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1830) [The complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb. [in Russian]

[Puteshestvie..., 1939](#) – Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (1939) [Ibn Fadlan's Journey to the Volga]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

[Rakhimov, 2001](#) – *Rakhimov, R.N.* (2001). «Byli v Moskve... yakoby ot narodu...»: Poezdka bashkirskikh i misharskogo starshin v 1742 g. na koronatsiyu imperatritsy Elizavety I ["We were in Moscow ... allegedly from the people...": The trip of Bashkir and Mishar elders in 1742 to the coronation of Empress Elizabeth I]. *Yadkyar*. 2: 34-43. [in Russian]

[RGADA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

[Rychkov, 2002](#) – *Rychkov, P.I.* (2002). Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoi komissii [Orenburg history on the establishment of the Orenburg Commission]. Ufa. [in Russian]

[Solov'ev, 1961](#) – *Solov'ev, S.M.* (1961). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [The history of Russia since ancient times.]. Moskva. [in Russian]

[Steinwedel, 2016](#) – *Steinwedel, Ch.* (2016). Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington: Indiana University Press. 398 p.

[Taimasov, 2009](#) – *Taimasov, S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v. [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Moskva. [in Russian]

[Tatishchev, 2005](#) – *Tatishchev, V.N.* (2005). Istoriya Rossijskaya [Russian History]. Moskva. [in Russian]

[Tepeyurt, 2011](#) – *Tepeyurt, M.* (2011). Bashkirs between Two Worlds, 1552-1824. Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports. West Virginia University. [Electronic resource]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/230465305.pdf> (date of access: 10.05.2021).

[Tilly, 1997](#) – *Tilly, Ch.* (1997). How empires end. After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder: Oxford: Westview press. Pp. 1-11.

[Trepavlov, 2001](#) – *Trepavlov, V.V.* (2001). Istoriya Nogaiskoj Ordy [The history of the Nogai Horde]. Moskva. [in Russian]

[Trepavlov, 1997](#) – *Trepavlov, V.V.* (1997). Nogai v Bashkirii, XV-XVII vv. Knyazheskie rody nogaiskogo proiskhozhdeniya [Nogai in Bashkiria, XV-XVII centuries. Princely families of Nogai origin]. Ufa. [in Russian]

[Ustyugov, 1947](#) – *Ustyugov, N.V.* (1947). Bashkirskie vosstanie 1662-1664 gg. [The Bashkir Uprising of 1662-1664]. *Istoricheskie zapiski*. 24: 30-110. [in Russian]

[Firsov, 1871](#) – *Firsov, N.N.* (1871). Inorodcheskoe naselenie prezhnego kazanskogo tsarstva v novoi Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya Zakamskikh zemel' [The foreign population of the former Kazan Kingdom in the new Russia before 1762 and the colonization of the Zakamsky lands]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. VI: 297-401. [in Russian]

[Shmitt, 2016](#) – *Shmitt, K.* (2016). Ponyatie politicheskogo [The concept of political]. SPb. [in Russian]

Ликвидация договорного подданства башкир в 1725–1733 гг.

Булат Ахмерович Азнабаев ^{a, *}, Алексей Иванович Кортунов ^b

^a Башкирский государственный университет, Российская Федерация

^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulattt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев), kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов)

Аннотация. В литературе противоречивые трактовки российского подданства башкир XVI–XVIII вв. вызваны утверждением о том, что башкиры не имели политической структуры, под которой понималась исключительно форма вожества или государства. Вместе с тем ряд исследователей в конце XX в. отметил, что политическое единство народа не всегда достигается путем образования жестких форм, отчуждающих суверенитет у общин. Башкирское общество середины XVI – первой трети XVIII вв. являет собой пример создания военной политики без привычной для кочевников властной вертикали. В середине XVI в. родоплеменные образования башкир объединились в горизонтальную структуру, которая в российских официальных документах XVIII в. получила название «Башкирская орда». Отсутствие в башкирском обществе институциональной элиты в лице чингизидов, обладающих правом на государственную власть, обусловило демократический характер башкирской политики. Все решения, связанные с политической экзистенцией (объявление войны или заключение мира), принимались на йыйынах – «мирских сходах» башкирских родов. Объединение башкирских родов в единую военную структуру было следствием соглашения с Российским государством, которое обязало башкир охранять южную границу своих земель. На юге башкирам противостояли кочевые вожества и государства (калмыки, ногаи, казахи, каракалпаки), в результате башкиры были вынуждены создать единую военную структуру, учитывающую их специфическое социальное устройство. Защита своей южной границы становится общим делом всего башкирского народа, поэтому наиболее ценные с хозяйственной точки зрения территории, находящиеся в приграничной полосе, стали собственностью всех башкирских родов.

Главное испытание военная политика башкир прошла в ходе массированного вторжения калмыков в 20–30-е гг. XVII в. Если прежние властители Башкирии – ногаи и сибирские шейбаниды – были вынуждены признать власть калмыков, то башкиры, даже утратив степные вотчины за Яиком, не только сумели отразить натиск превосходящего численно противника, но и перейти в наступление. В начале 1660-х гг. калмыцкие лидеры обуславливали принятие российского подданства прекращением набегов башкир и возвращением пленных. Однако в 1720-е гг. военная организация башкир впервые столкнулась с угрозой распада. Южные роды, потерявшие свои вотчины за Яиком вследствие продвижения на север казахов, поддержали намерение России построить город на границе Уфимской провинции. Однако основная часть башкир увидела в намерениях И.К. Кирилова стремление государства взять под свой контроль южную границу. Башкиры восприняли этот шаг властей как намерение расторгнуть соглашение о подданстве середины XVI в., гарантировавшее башкирам беспрецедентные привилегии в Российском государстве.

Ключевые слова: российское подданство башкир, Башкирская орда, южная граница Уфимского уезда, Оренбургская экспедиция.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1650-1660
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1650

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ukrainian Cossack and Noble Family Kostenetsky: the Historiographic and Source Analysis

Sergey I. Degtyarev ^{a,b,*}, Alla I. Ziakun ^a, Jasmin Gut ^c, Lyubov G. Polyakova ^{b,d}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c University of Geneva, Geneva, Switzerland

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the possibilities for researching the history of the family of the ancient Ukrainian cossack and noble family of the Kostenetsky. Thus, the work has both a historiographical and a source study character.

The authors analyzed the developments of scientists of the XIX – early XXI centuries on the specified topic. They are all largely fragmentary. There are no comprehensive studies about the Kostenetsky clan or about its individual representatives. At the same time, there is a large array of published and unpublished historical sources. The most informative of them are archival documents. They are also the least studied by scientists. The overwhelming majority of these documents are kept in the state archives of the Sumy and Chernigov regions, the Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky (Ukraine) and the Russian State Historical Archives (Russia). These documents contain information about personal/family life, education, career of members of the Kostenetsky family.

When working with sources on this topic, the need to use a critical method was emphasized. This will make it possible to obtain the most reliable historical data about the representatives of the Kostenetsky family.

Keywords: Kostenetsky, genealogy, biography, bureaucracy, judicial system, education, historical source, historiography, Ukraine, Russian Empire.

1. Введение

Исследования биографического или генеалогического характера позволяют не только реконструировать жизненный или профессиональный путь одного человека или группы людей – представителей одного рода, но и определить их роль и значение в жизни того или иного региона, страны или всего мира.

Предлагаемая работа посвящена изучению возможностей для исследования истории рода старинного украинского казацко-старшинского и дворянского рода Костенецких. История этой семьи теснейшим образом связана с Конотопщиной (регионом, который в разное время был частью Гетманщины, Конотопским уездом Черниговской губернии Российской империи, районом Черниговской и Сумской областей Украины советского периода, а ныне находится в составе Сумской области), хотя отдельные представители рода Костенецких известны далеко за пределами своей малой родины.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

2. Материалы и методы

Предлагаемая работа имеет одновременно историографический и источниковедческий характер. Таким образом, в статье учтены наработки современных ученых и исследователей прошлого, касающиеся предмета нашего исследования. Источники, лежащие в основе работы, относятся к опубликованным и архивным (неопубликованным) материалам. В числе опубликованных: энциклопедии и другие справочные издания, источники мемуарного характера (воспоминания представителей рода Костенецких или их современников), статистические материалы. Неопубликованные источники представлены архивными материалами Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (Киев, Украина), документами государственных архивов Сумской (Сумы, Украина) и Черниговской областей (Чернигов, Украина).

При написании данной работы нами был использован ряд общенаучных и специальных принципов и методов познания. Принципы историзма и объективности позволили учесть конкретно-исторические обстоятельства изучаемой эпохи, а также критически подойти к анализируемому историографическому материалу и источникам. Поскольку центральным ориентиром в нашей работе были как род Костенецких в целом, так и отдельные его представители, одним из ключевых стал принцип исторического антропологизма. Благодаря принципу системности, удалось достичь целостности исследования. С учетом источниковедческого характера исследования важную роль сыграл критический метод, позволивший избежать субъективных оценок при анализе некоторых источников.

3. Обсуждение

В свет вышло уже много научных поисков, посвященных известным или малоизвестным личностям, в частности представителям левобережных украинских земель (бывшей Гетманщины и Слободской Украины), входивших в состав Российской империи. Многие из этих исследований носят биографический характер или посвящены отдельным эпизодам из жизни этих людей, некоторые работы являются археографическими. Например, статьи, посвященные семье Разумовских (Дегтярьов, Тютюнник, 2011), Драгомировых, Лазаревских, Герасимовских, Семеновых, Колчевских, Куниц (Євтушенко и др., 2006; Дегтярьов, 2008a; Degtyarev et al., 2021), Тарновских (Коваленко, 1996) и многих других.

В то же время о казацко-старшинском, а со временем помещичьем роде Костенецких до сих пор не существует большого комплексного исследования. При этом есть работы об отдельных членах этой семьи. В основном именно публицисту Якову Ивановичу и генералу Василию Григорьевичу Костенецким посвящены отдельные труды ученых или воспоминания современников. О В.Г. Костенецком писали В. Галайко, Я. Костенецкий (Галайко, 1990; Костенецкий, 1875: 407-413), о Я.И. Костенецком – С. Дегтярев и др. (Дегтярьов, 2008b: 170-174; Degtyarev et al., 2019: 1067-1077).

Учитывая, что многие представители рода Костенецких занимали различные государственные гражданские должности, определенную методическую помощь при написании данной работы нам оказали исследования, посвященные изучению источниковой (Degtyarev, 2015) и историографической (Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020) базы для истории гражданского чиновничества периода Российской империи, а также другие труды современных ученых.

4. Результаты

Статьи о наиболее известных представителях семьи Костенецких вошли в ряд справочных и энциклопедических изданий. Это, в частности, «Русский биографический словарь» (РБС, 1903: 303-304), «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (ЭСБЕ, 1895: 389; ЭСБЕ, 1905: 954), «Энциклопедия истории Украины» (Ромінський, 2008: 220; Томазов, 2008: 221; Усенко, 2008: 220-221), «Сумщина в именах» (Сумщина в іменах, 2004: 223), тематические справочники (например, о писателях – Я.И. Костенецкий был автором ряда произведений публицистического и научного характера) (Венгеров, 1914: 211-212; Языков, 1888: 83-84) и др. Следует отметить, что большинство таких справочных статей посвящено именно публицисту Якову Ивановичу и генералу Василию Григорьевичу Костенецким как самым известным представителям своего рода.

Но существуют и исключения. Некоторые справочные издания, посвященные казацкой старшине Гетманщины, содержат статьи (как правило, очень незначительные по объему и информационному потенциалу) и о других, менее знаменитых Костенецких. Из таких изданий выделяются работы В. Кривошеи (Кривошея и др., 2009; Кривошея, 2010). В целом, в обоих изданиях речь идет об одних и тех же людях. Лишь книга за 2010 год дополнена статьями об Иване (отчество неизвестно), Иосифе Григорьевиче и Федоре Иосифовиче Костенецких. Таким образом, в книгу за 2009 год помещены статьи о 12 членах семейства Костенецких, имевших казацко-старшинские чины и живших в XVIII веке (Кривошея и др., 2009: 186-187). В энциклопедическое издание за 2010 год ученый поместил статьи уже о 15 представителях этого рода (Кривошея, 2010: 431).

Отдельное внимание стоит обратить на труды известного украинского историка и археографа Александра Лазаревского и воспоминания его отца Матвея Лазаревского.

В трехтомной работе «Описание старой Малороссии» А. Лазаревский упоминает Костенецких. В частности, в той части второго тома, которая посвящена Конотопской казацкой сотне Нежинского полка (Лазаревский, 1893: 198-203). Эти несколько страниц достаточно информативны. Ученый здесь приводит краткую историю происхождения Костенецких (от малороссийского шляхтича Корсунского полка Назария Костенецкого), описывает историю переселения семьи из правобережных украинских земель на левобережные. Особое внимание А. Лазаревский уделил экономическому и карьерному росту семьи Костенецких в течение первой половины XVIII ст. При этом ученый использовал семейные документы, предоставленные ему в 1860-х годах Андроником Костенецким, бывшим конотопским предводителем дворянства (Лазаревский, 1893: 203). В этой работе можно найти некоторые сведения об имуществе отдельных представителей семьи Костенецких в XVIII веке (Лазаревский, 1893: 228, 236-237, 242-243). В части этой работы А. Лазаревского, посвященной Батуринской сотне того же Нежинского полка, содержится также краткая информация и об Иване Костенецком, занимавшем пост батуринского сотника примерно до 1745 года (Лазаревский, 1893: 251-252).

В своих воспоминаниях о земляках из Конотопского уезда А. Лазаревский писал еще о нескольких представителях семьи Костенецких. Отдельный сюжет этих воспоминаний посвящен уже упоминавшемуся выше Андронику Костенецкому (семья Лазаревских с ним дружила) и его семье. Автор привел уникальные факты о повседневной жизни этой семьи, судьбе ее членов и даже личных привычках самого А. Костенецкого (Лазаревский, 2004а: 93-94). В воспоминаниях также упоминаются и другие члены этого рода и некоторые события из их жизни (Михаил, Яков, Иван, Василий Васильевич и Василий Григорьевич Костенецкие) (Лазаревский, 2004а: 97, 101-102, 105-106).

Справедливости ради следует отметить, что некоторые современники А. Лазаревского считали, что его работы, особенно в тех местах, где он рассказывал о других людях, «отличаются довольно резкою предвзятостью суждений и какою-то личной озлобленностью» (Модзалевский, 1908: 2).

Кроме того, в конце XIX века А. Лазаревский собрал материалы для изучения истории дворянства Черниговщины за 1783 год, которые опубликовал в 1890 году. Приводя биографические сведения о некоторых дворянах Конотопского уезда, он упоминает и нескольких представителей семьи Костенецких – отставного бунчукового товарища Григория Костенецкого (отца знаменитого генерала В. Костенецкого), военного товарища Алексея Костенецкого, вдов Марфу Костенецкую, Параскевию Костенецкую (в издании Кролевецкая, но это явно описка при наборе текста, поскольку ее мужем был умерший Иосиф Костенецкий [подчеркивание наше – Авт.], после смерти которого за ней оставалась его фамилия), Анну Костенецкую, Марию Костенецкую, бывшего канцеляриста Федора Костенецкого. Кроме того, А. Лазаревский привел краткие сведения и о двух родных братьях Федора Костенецкого – Якове и Петре (Лазаревский, 1890: 10-13). Но эти сведения слишком фрагментарны и включают лишь данные об их семейном положении, имена детей (с указанием их возраста) и количество крепостных мужского и женского пола в их имениях. Неизвестно даже, какого возраста были сами Костенецкие по состоянию на 1783 год. В целом данную работу А. Лазаревского более целесообразно использовать в исключительно генеалогических исследованиях.

Известна еще одна работа А. Лазаревского, которая тесно связана с упомянутым выше Яковом Костенецким. Она посвящена дневнику, который вел Я. Костенецкий в течение 34 лет, в 1851–1885 годах. А. Лазаревский вспоминает этот документ как ценный источник по истории провинциальной жизни второй половины XIX века. Объем записей составлял 13 томов. Ученый предполагал, что дневник был передан автором дочке и находился в ее семье. Сама же дочь Я. Костенецкого со временем навсегда покинула Конотопский уезд (Лазаревский, 1899: 140).

В других исторических и археографических публикациях А. Лазаревского можно также встретить краткие данные о тех или иных представителях рода Костенецких (Лазаревский, 1892: 65).

Упоминались Костенецкие и в мемуарах отца А. Лазаревского – Матвея (Лазаревский, 2004b), который приводит малоизвестные факты из биографии знаменитого генерала В.Г. Костенецкого, в частности о его многочисленных судебных тяжбах с соседями на почве земельных конфликтов (Лазаревский, 2004b: 60, 67-68).

В изданиях конца XIX – начала XX вв., посвященных родословным элит Левобережной Украины, содержатся, вероятно, наиболее богатые списки представителей семейства Костенецких на момент их составления. Кроме уже упомянутой выше работы А. Лазаревского (Лазаревский, 1890), обращают на себя внимание труды Г. Милорадовича и В. Модзалевского (Милорадович, 1901а; Милорадович, 1901b; Модзалевский, 1910).

В частности, Г. Милорадович в своей двухтомной работе «Родословная книга черниговского дворянства» приводит несколько списков Костенецких. Так, в первом томе, в части о родах, удостоившихся дворянского статуса вследствие военной службы, содержатся данные о семи ветвях этого рода (Милорадович, 1901а: 271-275). Более обширную информацию Г. Милорадович приводит только о тех представителях рода, которые стояли у истоков своей ветви: Иосиф Григорьевич и его сын Моисей Костенецкие (первая ветвь), Федор Федотович Костенецкий (вторая ветвь), Андроник Моисеевич Костенецкий (третья ветвь), Алексей Федорович Костенецкий (четвертая ветвь), Григорий Иванович Костенецкий (пятая ветвь), Василий Иосифович Костенецкий (шестая ветвь) и Иосиф Иванович Костенецкий (седьмая ветвь).

Во втором томе работы Г. Милорадовича в разделе, посвященном лицам, приобретшим дворянство вследствие государственной службы («дворянство бюрократическое») или пожалования ордена, содержатся данные о семействе коллежского секретаря Александра Федотовича Костенецкого (Милорадович, 1901b: 154). О нем информация представлена расширенная, так как благодаря ревностной государственной службе он был награжден орденом св. Владимира IV степени, что и позволило ему претендовать на права потомственного дворянства, а его потомкам пользоваться ими. Кроме того, здесь упомянуты его дети (два сына и три дочери) и шестеро внуков.

Фундаментальная многотомная работа В. Модзалевского «Малороссийский родословник» содержит значительно больший массив информации о Костенецких. В первую очередь речь идет о втором томе этого труда (Модзалевский, 1910: 496-514), в котором автор представил данные о 104 представителях рода Костенецких мужского пола, а также об их женах, сестрах, дочерях (еще около 90 человек). В. Модзалевский не ограничивается исключительно описанием рода Костенецких по восходящей и нисходящей линиям. Он обязательно приводит любую информацию биографического характера, которой располагал на момент составления родословной. Часто это всего лишь дата рождения или смерти, короткая справка о материальном состоянии, чине и т.п. Но иногда это значительно более обширные биографические данные, хотя часто и весьма отрывочные (например, о Григории Назарьевиче Костенецком, его сыне Иване, генерале Василии Григорьевиче Костенецком и других).

Несколько выпусков «Малороссийского родословника» увидели свет уже после смерти автора и состояли из не опубликованных в свое время материалов. Здесь в описании казацко-старшинского, а позднее дворянского рода Троцин была упомянута и представительница рода Костенецких, дочь бунчукового товарища Анна Афанасьевна, которая была женой дворянина Я.Н. Троцины (Модзалевский, 1998: 21). Встречаем также упоминание и о дочери конотопского сотника Татьяне Осиповне Костенецкой, супруге бунчукового товарища И.И. (старшего) Чарныша (Модзалевский, 2004: 13).

Судя по специфике приведенных В. Модзалевским данных о некоторых членах рода Костенецких, с высокой долей вероятности можем предположить, что автор в то время активно использовал метрические книги. Пытаясь сделать свой труд максимально информативным, он, приводя данные о рождении, часто указывал и восприемников родившихся. Это, безусловно, повышает ценность сведений о представителях семейства Костенецких, так как позволяет восстановить круг их общения, контакты с другими семьями и т.п. Сам же В. Модзалевский отмечал, что при написании этой работы он использовал материалы Департамента герольдии, наработки других авторов (П.Я. Дорошенко, П.В. Новицкого и др.), семейные архивы представителей некоторых старинных украинских дворянских родов, добровольно переданные автору.

В 1914 году В. Модзалевский в соавторстве с В. Лукомским издали геральдическое исследование «Малороссийский гербовник» (репринт издания был сделан в наше время) (Лукомский, Модзалевский, 1914). Здесь можно найти изображение и краткое описание герба Костенецких с указанием родоначальника (Назария Костенецкого) (Лукомский, Модзалевский, 1914: 81, LI).

За последние два столетия свет увидело большое количество литературы, посвященной представителям высших эшелонов гражданской или военной государственной власти. Единственный, кто недолгое время относился к этой категории лиц из рода Костенецких, безусловно, был уже упомянутый выше генерал Василий Григорьевич Костенецкий. Его военной биографии посвящен один из многочисленных очерков А. Михайловского-Данилевского в сборнике «Император Александр I и его сподвижники» (Михайловский-Данилевский, 1845: Вып. 21, 1-4). В конце очерка автор описывает человеческие качества генерала, вероятно, опираясь на устные воспоминания его современников, так как со времени смерти того прошло не так много времени.

Исследуя историю кадетских корпусов Российской империи, В. Крылов особое внимание уделил высшим военным чиновникам и отдельные страницы своей работы посвятил также генералу В.Г. Костенецкому (Крылов, 1998: 513-516). Здесь ученый полностью сосредоточился на описании военной карьеры этого деятеля, его участия в различных военных кампаниях.

Некоторые работы содержат в себе своеобразные информационные отпечатки по изучаемой нами проблеме. Это исследования, посвященные какой-либо проблеме, в контексте которой могут встретиться очень незначительные по своему объему и, на первый взгляд, информационному потенциалу упоминания о роде Костенецких. Но они иногда все же могут сыграть очень важную роль в реконструкции биографии того или иного представителя этого рода, положительно повлиять на воссоздание целостной картины жизни человека или ее отдельного отрезка. Вероятно, к таким работам следует отнести некоторые исследования ученого в области генеалогии украинского казачества В. Кривошеи. Так, описывая казацко-шляхетский род Черниговского казацкого полка Бутовичей, он указывает на их родственные связи с Костенецкими (некий Афанасий Иванович Костенецкий приблизительно в середине XVIII в. был женат на Евдокии Бутович) (Кривошея, 2012a: 83). И подобные упоминания о таких связях с другими родами Черниговского полка встречаются неоднократно (Кривошея, 2012a: 288-289, 373; Кривошея, 2012b: 83).

Другой украинский ученый В. Свєрбигуз посвятил свое исследование проблеме функционирования шляхетского парламентаризма на украинских землях (Свєрбигуз, 2021). В разделе о светских парламентских интригах начала XIX века он описал уже известную в историографии (по работе А. Лазаревского) историю о попытке не дать возможности отставному генералу В.Г. Костенецкому принимать участие в выборах в Конотопское дворянское собрание (Свєрбигуз, 2021: 123). В «Историко-статистическом описании Черниговской епархии» архиепископа Филарета (Гумилевского) процитирован документ, из которого следует, что несколько представителей семьи Костенецких имели отношение к строительству одной из церквей города Конотоп (Филарет, 1874: 283-284). Этот же факт повторяется и в одной из работ О. Корниенко (Корниенко, 2009: 117).

В целом, такие упоминания можно найти в достаточно большом количестве различных исследований, справочной литературы и т.п. Вероятно, большое внимание таким «отпечаткам» уделять все же не стоит, тем более что их обнаружение, как правило, происходит случайно.

О некоторых представителях рода Костенецких можно найти упоминания также в источниках мемуарного характера. Например, описывая деятельность тайных кружков, общественно-политических движений первой половины XIX в., А. Герцен в своем знаменитом произведении «Былое и думы» и Т. Пассек в своих мемуарах упоминали Я.И. Костенецкого, в частности его участие в так называемом Сунгуровском кружке (Герцен, 1956: 107, 136, 147; Пассек, 1963: 423, 510-511). Еще более информативным источником о Якове Ивановиче и его семье являются его собственные мемуары, охватывающие хронологически 1828–1833 годы (Костенецкий, 1887а; Костенецкий, 1887б; Костенецкий, 1887с; Костенецкий, 1887д; Костенецкий, 1887е).

Ценными являются опубликованные источники статистического характера. Наиболее ярким примером здесь могут служить так называемые Месяцесловы или адрес-календари с перечнем всех чиновников империи. Это издание Императорской академии наук (издавалось в 1765–1917 годах), которое составлялось из ежегодно присылаемой из губернских (наместнических) канцелярий в Герольдмейстерскую контору информации о служащих чиновниках. Сюда вносились лишь следующие данные: фамилия, имя и отчество чиновника, его должность, чин по Табели о рангах и факт награждения орденами (если таковой имел место). Например, из Месяцеслова за 1825 год становится известно о службе губернского секретаря Александра Яковлевича Костенецкого в должности заседателя Конотопского земского суда и коллежского секретаря Михаила Алексеевича Костенецкого в должности Конотопского же уездного (поветового) хорунжего (Месяцеслов, 1825: 341).

Данный источник становится значительно более информативным, если исследователь изучит не отдельные его выпуски, а комплексно. Это иногда позволяет более детально отследить карьерный путь различных представителей семейства Костенецких.

Исследовательская ценность подобных источников заключается также в том, что они создавались на основе официальной информации, которая имеет довольно высокий уровень достоверности (хотя здесь также встречаются неточности, опечатки и т.п.).

Но самыми богатыми в плане сведений о различных членах семейства Костенецких однозначно являются архивные источники. Многие из них до сих пор не обнаружены и не введены в научный оборот. При этом о многих таких документах известно. Условно их можно разбить на несколько тематических блоков.

1. *Внутренняя документация государственных учреждений.* Многие Костенецкие занимали различные казацко-старшинские должности, служили в судебных и правоохранительных органах и других учреждениях Российской империи. Таким образом, об этих людях отложились документы, связанные с их приемом на службу или увольнением, формулярные (послужные) списки, свидетельства об образовании, прошения о повышениях или переводе на другое место службы, справки о подтверждении дворянского происхождения, различная делопроизводственная документация (прошения, рапорты, ведомости и др.).

Например, в фондах конотопских уездного, поветового земского судов и других таких материалов большое количество. Конкретными примерами могут служить указ Малороссийского Черниговского губернского правления Конотопскому уездному суду и выписка из журнала этого суда о принятии на государственную службу в уездный суд 16-летнего Александра Ивановича Костенецкого на должность канцеляриста (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 556: 157-158), аттестат ученика второго класса Конотопского уездного училища Дмитрия Костенецкого с результатами его учебной успеваемости для принятия решения о зачислении на государственную службу (ГАСО. Ф. 586. Оп. 1. Д. 121: 56), постановление суда о приступлении после выздоровления 1-го разряда канцеляриста суда Костенецкого к своим обязанностям (ГАСО. Ф. 582. Оп. 2. Д. 42). Список служащих Конотопского уездного суда состоянием на июль 1835 года фиксирует данные о коллежском регистраторе Александре Костенецком (29 лет) и канцеляристе также Александре Костенецком (17 лет). В нем также содержатся данные о начале их карьеры, кем были их отцы и другая служебная информация (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 556: 183-184об.).

2. *Судебные дела о земельной и другой собственности, наследственные, долговые и прочие дела, где фигурантами были представители этого рода.* Эти архивные дела являются достаточно

информативными источниками для изучения отдельных эпизодов истории рода Костенецких или биографий конкретных его представителей. Это объясняется тем, что каждый документ, который входит в состав таких дел, посвящен ситуациям, в которых непосредственно принимали участие члены этого семейства. А в комплексе эти документы достаточно полно описывают такие ситуации (эпизоды).

К данной категории архивных источников можно отнести хранящееся в Государственном архиве Сумской области судебное дело Конотопского городского магистрата по иску Алексея Костенецкого о долговом обязательстве (ГАСО. Ф. 584. Оп. 1. Д. 2), дело 1843–1844 годов по обвинению Костенецкого в незаконном присвоении части казенной земли и вырубке леса (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 45), дела о назначении опекунов имениям Костенецких или Костенецких – опекунами имений их родственников (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 200, 265), о выдаче свидетельств на право владения крепостными (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 201, 220), о денежных и имущественных спорах (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 228-229, 259, 317, 345) и множество других.

3. *Личные документы, переписка Костенецких.* Этот источниковый блок, вероятно, является самым малочисленным. В качестве примера таких материалов можем привести письмо от 8 декабря 1858 года ученому-энциклопедисту, а со временем члену-корреспонденту Петербургской академии наук, профессору М.А. Максимовичу, которое хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ИР НБУВ. Ф. III. Д. 6173: 1).

Наибольшее количество архивных источников, которые можно использовать для изучения рода Костенецких, вероятно, находится именно в Государственном архиве Сумской области. Это объясняется тем, что наиболее концентрированно Костенецкие в XVIII–XIX веках проживали в Конотопском уезде, территория которого ныне входит в состав Сумской области, а поэтому и соответствующие материалы были переданы в указанное архивное учреждение (в 1939 году во время создания Сумской области и после Второй мировой войны, когда происходила доукомплектация архивных фондов).

При этом следует помнить, что учреждения Конотопского уезда, где служили многие из Костенецких, относились к институциям низшего уровня. Следовательно, многие документы утверждались в высших инстанциях, в которых также издавались различные постановления и с которыми велась служебная переписка. Дела, где фигурантами выступали члены этой семьи, также часто передавались на рассмотрение (например, апелляционное) в высшие государственные учреждения, к которым относились на губернском уровне Черниговское губернское правление (Конотопский уезд относился к этой губернии), палаты уголовного или гражданского суда, верхний земский суд и т.д. Таким образом, большой массив документов, касающихся семьи Костенецких, хранится в соответствующих фондах Государственного архива Черниговской области (ГАЧО). Не стоит также забывать о богатых фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). Именно в Петербург направлялась отчетная документация государственных учреждений со всей империи, решения о награждениях или повышениях конкретных чиновников принимались или утверждались в Сенате, сюда стекались статистические данные о государственных служащих, Правительствующий сенат был также высшей судебной инстанцией в государстве. В других российских архивных учреждениях также могут содержаться сведения о упомянутых выше В.Г. Костенецком, который долгое время провел в Москве, о Я.И. Костенецком, который также жил в Москве, служил на Кавказе, и, возможно, других представителях этого многочисленного рода.

5. Заключение

Опираясь на вышеизложенные факты, следует отметить, что историография, посвященная роду Костенецких или отдельным его членам, довольно скудна. К наиболее информативным авторским работам стоит отнести труды генеалогического характера, где представлена информация сразу о многих представителях этого семейства и показаны связи между поколениями. При этом существует большой массив архивных материалов, касающихся обозначенной тематики. Эти документы содержат большие объемы информации о личной/семейной жизни, образовании, карьере и т.д. многих членов семейства Костенецких. В некоторых архивных документах те или иные данные дублируются, что позволяет сравнивать и уточнять повторяющийся фактологический материал, добываясь максимальной объективности полученных исторических знаний о представителях рода Костенецких. Такие сравнения и уточнения крайне необходимы в реконструкции истории этой семьи, так как имеют место разночтения даже на уровне уже существующих исследований о Костенецких. Например, А. Михайловский-Данилевский называет 1768 – годом рождения генерала В.Г. Костенецкого (Михайловский-Данилевский, 1845: Вып. 21: 1). Более современный исследователь военной истории В. Крылов датой рождения генерала называет 1769 год (Крылов, 1998: 514). При этом не ясно, какой источник он использовал для такой датировки (примечательно, что 1769 год указывается сразу после цитирования А. Михайловского-Данилевского). Но, возможно, год рождения В.Г. Костенецкого может датироваться 1766 годом, поскольку в материалах А. Лазаревского за 1783 год он упоминается как сын Григория Костенецкого, который обучается в Петербургском инженерном кадетском корпусе и имеет возраст 17 лет (Лазаревский, 1890: 10). Мы больше

склоняемся именно к этой версии, так как А. Лазаревский в своих исследованиях часто опирался на официальные документальные источники.

Исследования в определенной степени усложняются тем, что документальные материалы хранятся в разных архивных учреждениях Украины и России (в ГАСО, ГАЧО, ИР НБУВ, РГИА и, возможно, других).

Таким образом, дальнейшее изучение генеалогии старинного казацко-старшинского и дворянского рода Костенецких и биографий отдельных его представителей является перспективным тематическим полем для исследователей-историков. Дополнительным подтверждением актуальности таких исследований является большой массив неопубликованных архивных источников, касающихся Костенецких, и отсутствие комплексных научных работ по этой теме.

Литература

- Венгеров, 1914** – Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. III: Карамышев – Ломоносов. Петроград, 1914. С. 211-212.
- Галайко, 1990** – Галайко В. Ему вечно хотелось сражаться: Историко-документальная повесть. М.: Молодая гвардия, 1990. 112 с.
- ГАСО** – Государственный архив Сумской области.
- ГАЧО** – Государственный архив Черниговской области.
- Герцен, 1956** – Герцен А. Собрание сочинений в тридцати томах. Том восьмой. Былое и думы. 1852–1868. Части I–III. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 519 с.
- Дегтярьов, 2008a** – Дегтярьов С.І. Матеріали до генеалогії Лазаревських, Герасимовських, Семенових та Колчевських з фондів Державного архіву Сумської області // *Сумський історико-архівний журнал*. № IV-V. 2008. С.160-177.
- Дегтярьов, 2008b** – Дегтярьов С.І. До біографії письменника і публіциста Якова Івановича Костенецького (1811-1885 рр.) // *Історичні науки: Збірник наукових праць*. Суми: СумДПУ ім. А.С.Макаренка, 2008. С. 170-174.
- Дегтярьов, Тютюнник, 2011** – Дегтярьов С.І., Тютюнник В.В. Майнові документи родини Розумовських (за матеріалами Державного архіву Сумської області) // *Сумський історико-архівний журнал*. № XII-XIII. 2011. С.43-53.
- Євтушенко и др., 2006** – Євтушенко О.В., Дегтярьов С.І., Звагельський В.Б. Вшанування пам'яті генерала М.І.Драгомирова // *Сумська старовина*. 2006. №XVIII-XIX. С. 7-12.
- ИР НБУВ** – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.
- Коваленко, 1996** – Коваленко О.Б. Родовід Гарновських // *Хроніка-2000*. 1996. Вип. 16. С. 173-174.
- Корнієнко, 2009** – Зруйновані храми Сумщини. Мартиролог знищених святинь / О.М. Корнієнко. Суми: ПП «Ніконоров І.І.», 2009. 368 с.
- Костенецький, 1875** – Костенецький Я. Генерал Костенецький. 1780–1831 // *Русская старина*. 1875. № 2. С. 407-413.
- Костенецький, 1887a** – Костенецький Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть I // *Русский архив*. 1887. Книга первая. С. 99-117.
- Костенецький, 1887b** – Костенецький Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть II // *Русский архив*. 1887. Книга вторая. С. 229-242.
- Костенецький, 1887c** – Костенецький Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть III–V // *Русский архив*. 1887. Книга третья. С. 321-349.
- Костенецький, 1887d** – Костенецький Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть VI // *Русский архив*. 1887. Книга пятая. С. 73-81.
- Костенецький, 1887e** – Костенецький Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. Часть VII–VIII // *Русский архив*. 1887. Книга шестая. С. 217-242.
- Кривошея и др., 2009** – Кривошея В.В., Кривошея І.І., Кривошея О.В. Неурядова старшина Гетьманщини. Київ: «Стилос», 2009. 432 с.
- Кривошея, 2010** – Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщині. Енциклопедія. Київ: «Стилос», 2010. 792 с.
- Кривошея, 2012a** – Кривошея В.В. Українське козацтво в національній пам'яті. Чернігівський полк: монографія: у 2 т. Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2012. Т. I. 516 с.
- Кривошея, 2012b** – Кривошея В.В. Українське козацтво в національній пам'яті. Чернігівський полк: монографія: у 2 т. Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2012. Т. II. 508 с.
- Крылов, 1998** – Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. 672 с.
- Лазаревский, 1890** – Лазаревский А. Списки черниговских дворян 1783 года. Материалы для истории местного дворянства. Чернигов: Типография Губернского Правления, 1890. 186 с.
- Лазаревский, 1892** – Лазаревский А. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. Т. I. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1892. 130 с.
- Лазаревский, 1893** – Лазаревский А.Л. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том 2. Полк Нежинский. Киев: Типография К.Н. Милевского, 1893. 521+XXV с.

- Лазаревський, 1899** – Лазаревський А.Л. Дневник Я.И. Костенецкого // *Киевская старина*. 1899. Т. 65. № 6. Отд. 2. С. 137-140.
- Лазаревський, 2004a** – Лазаревський О.М. Спогади про конотопців // *Спогади Матвія та Олександра Лазаревських*. Київ-Самара, 2004. С.93-108.
- Лазаревський, 2004b** – Лазаревський М.И. Памяти мои // *Спогади Матвія та Олександра Лазаревських*. Київ-Самара, 2004. С.43-92.
- Лукомский, Модзалевский, 1914** – Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб.: Издание черниговского дворянства, 1914. XXIX+213+LXVIII+12 с.
- Месяцеслов, 1825** – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1825. Часть вторая. СПб.: При Императорской Академии Наук. Б/г. VII+483 с.
- Милорадович, 1901a** – Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. Т. 1. Части 1 и 2. СПб., 1901.
- Милорадович, 1901b** – Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. Т. 2. Части 3, 4, 5 и 6. СПб., 1901.
- Михайловский-Данилевский, 1845** – Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Том первый. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1845.
- Модзалевский, 1908** – Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 1. А–Д. Киев, 1908.
- Модзалевский, 1910** – Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 2. Е–К. Киев, 1910.
- Модзалевский, 1998** – Модзалевський В.Л. Малоросійський родословник. Т. V. Вип. 2. Київ, 1998.
- Модзалевский, 2004** – Модзалевський В.Л. Малоросійський родословник. Т. V. Вип. 4. Київ – Санкт-Петербург, 2004.
- Пассек, 1963** – Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. Том первый. Государственное издательство художественной литературы, 1963. 520 с.
- РБС, 1903** – Русский биографический словарь. Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. С. 303-304.
- Ромінський, 2008** – Ромінський Є.В. Костенецький Василь Григорович // *Енциклопедія історії України*: Т. 5: Кон-Кю. Київ: В-во «Наукова думка», 2008. С.220.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Свербигуз, 2021** – Свербигуз В. Старосвітське панство. Київ: Центр учбової літератури, 2021. 250 с.
- Сумщина в іменах, 2004** – Костенецький Василь Григорович // *Сумщина в іменах: Енциклопедичний довідник*. 2-ге вид. Суми, 2004. CLXVIII+608 с.
- Томазов, 2008** – Томазов В.В. Костенецькі // *Енциклопедія історії України*. Т.5: Кон-Кю. Київ: В-во «Наукова думка», 2008. С. 221.
- Усенко, 2008** – Усенко І.Б. Костенецький Яків Іванович // *Енциклопедія історії України*. Т. 5: Кон-Кю. Київ: В-во «Наукова думка», 2008. С. 220-221.
- Филарет, 1874** – Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Книга шестая. Уезды: Новгородсеверский, Сосницкий, Городницкий, Конотопский и Борзенский. Чернигов: Земская типография, 1874. 439 с.
- ЭСБЕ, 1895** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том XVI: Конкорд – Коялович. СПб.: Типолипография И.А. Ефрона, 1895. С. 389.
- ЭСБЕ, 1905** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том 1а: Гагская конференция – Кочубей. СПб.: Типография Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1905. С. 954.
- Языков, 1888** – Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Выпуск пятый. Русские писатели, умершие в 1885 году. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. С. 83-84.
- Degtyarev, 2015** – Degtyarev S.I. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2). Pp.254-259.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Yehorova O.I., Gut J., Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1067-1077.
- Degtyarev et al., 2021** – Degtyarev S.I., Nazarov M.S., Polyakova L.G., Gut J. Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family) // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. Is. 1: 56-63.
- Lebid et al., 2019** – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1490-1505.
- Lebid et al., 2020** – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1: 115-129.

References

- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Yehorova, O.I., Gut, J. (2019). Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1067-1077.
- Degtyarev et al., 2021** – Degtyarev, S.I., Nazarov, M.S., Polyakova, L.G., Gut, J. (2021)

Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family). *Bylye Gody*. 16(1): 56-63.

Degtyarev, 2008a – *Degtyarev, S.I.* (2008). Materialy do henealohiyi Lazarevs'kykh, Herasymovs'kykh, Semenovykh ta Kolchevs'kykh z fondiv Derzhavnoho arkhivu Sums'koyi oblasti [Materials for the genealogy of Lazarevsky, Gerasimovsky, Semenovskiy and Kolchevskiy from the funds of the State Archives of Sumy region]. *Sums'kyy istoryko-arkhivnyy zhurnal*. IV-V: 160-177. [in Ukrainian]

Degtyarev, 2008b – *Degtyarev, S.I.* (2008). Do biohrafii pysmennyka i publitsysta Yakova Ivanovycha Kostenetskoho (1811-1885 rr.) [To the biography of the writer and publicist Yakov Ivanovich Kostenetsky (1811-1885)]. *Istorychni nauky: Zbirnyk naukovykh prats*. Sumy: SumDPU im. A.S. Makarenka, pp. 170-174. [in Ukrainian]

Degtyarev, 2015 – *Degtyarev, S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254-259.

Degtyarev, Tyutyunnyk, 2011 – *Degtyarev, S.I., Tyutyunnyk, V.V.* (2011). Maynovi dokumenty rodyny Rozumovs'kykh (za materialamy Derzhavnoho arkhivu Sums'koyi oblasti) [Property documents of the Razumovskiy family (based on the materials of the State Archives of Sumy region)]. *Sums'kyy istoryko-arkhivnyy zhurnal*. XII-XIII: 43-53. [in Ukrainian]

ESBE, 1895 – Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona. Dopolnitel'nyy tom XVI: Konkord – Koyalovich [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Supplementary Volume XVI: Concorde – Koyalovich]. SPb.: Tipolitografiya I.A. Yefrona, 1895. P. 389. [in Russian]

ESBE, 1905 – Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. Dopolnitel'nyy tom 1a: Gaagskaya konferentsiya – Kochubey [Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron. Additional Volume 1a: The Hague Conference – Kochubey]. SPb.: Tipografiya Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1905. P. 954. [in Russian]

Filaret, 1874 – *Filaret (Gumilevskiy)* (1874). Istoriko-statisticheskoye opisaniye Chernigovskoy yeparkhii. Kniga shestaya. Uyezdy: Novgorodseverskiy, Sosnitskiy, Gorodnitskiy, Konotopskiy i Borzenskiy [Historical and statistical description of the Chernigov diocese. Book six. Counties: Novgorodseverskiy, Sosnitskiy, Gorodnitskiy, Konotopskiy and Borzenskiy]. Chernigov: Zemskaya tipografiya. 439 p. [in Russian]

GACHO – Gosudarstvennyy arkhiv Chernigovskoy oblasti [State archives of the Chernihiv region].

Galayko, 1990 – *Galayko, V.* (1990) Yemu vechno khotelos' srazhat'sya: Istoriko-dokumental'naya povest' [He always wanted to fight: Historical and documentary story]. Moskva: Molodaya gvardiya. 112 p. [in Russian]

GASO – Gosudarstvennyy arkhiv Sums'koy oblasti [State archives of Sumy region].

Herzen, 1956 – *Herzen, A.* (1956). Sobranie sochineniy v tridsati tomakh. Tom vos'moy. Byloe i dumy. 1852–1868. Chasti I-III [Collected Works in thirty volumes. Volume Eight. Past and thoughts. 1852–1868. Parts I-III]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 519 p. [in Russian]

IR NBUV – Instytut rukopysy Natsionalnoy biblioteky Ukrayiny imeni V.I. Vernadskoho [Institute of Manuscript of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky]. [in Russian]

Korniyenko, 2009 – Zruynovani khramy Sumshchyny. Martyroloh znyshchenykh svyatyn' [Destroyed temples of Sumy region. Martyrologist of destroyed shrines]. O.M. Korniyenko. Sumy: PP «Nikonorov I.I.», 2009. 368 p. [in Ukrainian]

Kostenetskiy, 1875 – *Kostenetskiy, Ya.* (1875). General Kostenetskiy. 1780-1831 [General Kostenetskiy. 1780-1831]. *Russkaya starina*. 2: 407-413. [in Russian]

Kostenetskiy, 1887a – *Kostenetskiy, Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' I [Memories from my student life. Part I]. *Russkiy arkhiv*. Kniga pervaya, pp. 99-117. [in Russian]

Kostenetskiy, 1887b – *Kostenetskiy, Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' II [Memories from my student life. Part II]. *Russkiy arkhiv*. Kniga vtoraya, pp. 229-242. [in Russian]

Kostenetskiy, 1887c – *Kostenetskiy, Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' III-V [Memories from my student life. Part III-V]. *Russkiy arkhiv*. Kniga tret'ya, pp. 321-349. [in Russian]

Kostenetskiy, 1887d – *Kostenetskiy, Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' VI [Memories from my student life. Part VI]. *Russkiy arkhiv*. Kniga pyataya, pp. 73-81. [in Russian]

Kostenetskiy, 1887e – *Kostenetskiy, Ya.I.* (1887). Vospominaniya iz moey studencheskoy zhizni. Chast' VII-VIII [Memories from my student life. Part VII-VIII]. *Russkiy arkhiv*. Kniga shestaya, pp. 217-242. [in Russian]

Kovalenko, 1996 – *Kovalenko, O.B.* (1996). Rodovid Tarnovs'kykh [Pedigree of Tarnowski]. *Khronika*-16: 173-174. [in Ukrainian]

Krylov, 1998 – *Krylov, V.M.* (1998). Kadetskiye korpusa i rossiyskiye kadety [Cadet corps and Russian cadets.]. SPb. 672 p. [in Russian]

Kryvosheya et al., 2009 – *Kryvosheya, V.V., Kryvosheya, I.I., Kryvosheya, O.V.* (2009). Neuryadova starshyna Het'manshchyny [Non-governmental foreman of the Hetmanate]. Kyiv: «Stylos». 432 p. [in Ukrainian]

Kryvosheya, 2010 – *Kryvosheya, V.V.* (2010). Kozats'ka starshyna Het'manshchyni. Entsyklopediya [Cossack foreman of the Hetmanate. Encyclopedia]. Kyiv: «Stylos». 792 p. [in Ukrainian]

Kryvosheya, 2012a – *Kryvosheya, V.V.* (2012). Ukrayins'ke kozatstvo v natsional'niy pam'yati. Chernihivs'kyy polk: monohrafiya: u 2 t. [Ukrainian Cossacks in national memory. Chernihiv Regiment: monograph: in 2 volumes]. Kyiv: DP «NVTS «Priorityety». T. I. 516 p. [in Ukrainian]

- Kryvosheya, 2012b** – *Kryvosheya, V.V.* (2012). Ukrayins'ke kozatstvo v natsional'niy pam'yati. Chernihivskyy polk: monohrafiya: u 2 t. [Ukrainian Cossacks in national memory. Chernihiv Regiment: monograph: in 2 volumes]. Kyiv: DP «NVTS «Priorytety». T. II. 508 p. [in Ukrainian]
- Lazarevskiy, 1890** – *Lazarevskiy, A.* (1890). Spiski chernigovskikh dvoryan 1783 goda. Materialy dlya istorii mestnogo dvoryanstva [Lists of the Chernigov nobles in 1783. Materials for the history of the local nobility]. Chernigov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 186 p. [in Russian]
- Lazarevskiy, 1892** – *Lazarevskiy, A.* (1892). Ocherki, zametki i dokumenty po istorii Malorossii [Essays, notes and documents on the history of Little Russia]. T. I. Kiyv: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo. 130 p. [in Russian]
- Lazarevskiy, 1893** – *Lazarevskiy, A.* (1893). Opisanie staroy Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladieniya i upravleniya. Tom 2. Polk Nezhinskiy [Description of the old Little Russia. Materials for the history of settlement, land tenure and management. Volume 2. Regiment Nezhinsky]. Kiyv: Tipografiya K.N. Milevskogo, 521+XXV p. [in Russian]
- Lazarevskiy, 1899** – *Lazarevskiy O.M.* (1899). A.L. Dnevnik Ya.I. Kostenetskogo [Diary of Ya.I. Kostenetsky]. *Kievskaya starina*. T.65. №6. Otd.2, pp. 137-140. [in Russian]
- Lazarevskiy, 2004a** – *Lazarevskiy, O.M.* (2004). Spohady pro konotopstiv [Memoirs about konotopians]. *Spohady Matviia ta Oleksandra Lazarevskiykh*. Kyiv-Samara, pp. 93-108. [in Ukrainian]
- Lazarevskiy, 2004b** – *Lazarevskiy, O.M.* (2004). Pamyati moi [In my memory]. *Spohady Matviia ta Oleksandra Lazarevskiykh*. Kyiv-Samara, pp. 43-92. [in Russian]
- Lebid et al., 2019** – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.
- Lebid et al., 2020** – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2020) The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(1): 115-129.
- Lukomskiy, Modzalevskiy, 1914** – *Lukomskiy, V.K., Modzalevskiy, V.L.* (1914). Malorossiyskiy gerbovnik [Little Russian coat of arms]. SPb.: Izdaniye chernigovskogo dvoryanstva. XXIX+213+LXVIII+12 p. [in Russian]
- Mesyatseslov 1825** – Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1825 god [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1825]. Part 2, St. Petersburg, 1825, VII+483 p. [in Russian]
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy, 1845** – *Mikhaylovskiy-Danilevskiy, A.I.* (1845). Imperator Aleksandr I i yego spodvizhniki v 1812, 1813, 1814, 1815 godakh [Emperor Alexander I and his associates in 1812, 1813, 1814, 1815]. Tom pervyy. SPb.: V tipografii Karla Krayya. [in Russian]
- Miloradovich, 1901a** – *Miloradovich, G.A.* (1901). Rodoslovnaya kniga chernigovskogo dvoryanstva [The genealogical book of the Chernigov nobility]. T. 1. Chasti 1 i 2. SPb. [in Russian]
- Miloradovich, 1901b** – *Miloradovich, G.A.* (1901). Rodoslovnaya kniga chernigovskogo dvoryanstva [The genealogical book of the Chernigov nobility]. T. 2. Chasti 3, 4, 5 i 6. SPb. [in Russian]
- Modzalevskiy, 1908** – *Modzalevskiy, V.L.* (1908). Malorossiyskiy rodoslovnik [Malorossian genealogy]. T. 1. Kiev. [in Russian]
- Modzalevskiy, 1910** – *Modzalevskiy, V.L.* (1910). Malorossiyskiy rodoslovnik [Malorossian genealogy]. T.2. Kiev. [in Russian]
- Modzalevskiy, 1998** – *Modzalevskiy, V.L.* (1998). Malorossiyskiy rodoslovnik [Malorossian genealogy]. T. V. Vyp. 2. Kiev. [in Ukrainian]
- Modzalevskiy, 2004** – *Modzalevskiy, V.L.* (2004). Malorossiyskiy rodoslovnik [Malorossian genealogy]. T. V. Vyp. 4. Kiev – St. Petersburg. [in Ukrainian]
- Passek, 1963** – *Passek, T.P.* (1963). Iz dal'nikh let. Vospominaniya [From distant years. Memories]. Tom pervyy. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 520 p. [in Russian]
- RBS, 1903** – *Russkiy biograficheskiy slovar'*. T.9: Knappe – Kyukhel'beker [Russian biographical dictionary. V.9: Knappe – Kuchelbecker]. SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1903, pp. 303-304. [in Russian]
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian state historical archives].
- Romins'kiy, 2008** – *Romins'kiy, Ye.V.* (2008). Kostenets'kiy Vasyl' Hryhorovych [Kostenetsky Vasyl Hryhorovych]. *Entsyklopediya istoriyi Ukrayiny*: T. 5: Kon-Kyu. Kyiv: V-vo «Naukova dumka». P. 220. [in Ukrainian]
- Sumshchyna v imenakh, 2004** – Kostenets'kiy Vasyl' Hryhorovych [Kostenetsky Vasyl Hryhorovych]. *Sumshchyna v imenakh: Entsyklopedychnyy dovidnyk*. 2-he vyd. Sumy, 2004. CLXVIII+608 p. [in Ukrainian]
- Sverbyhuz, 2021** – *Sverbyhuz, V.* (2021) Starosvit-s'ke panstvo [Old World nobility]. Kyiv: Tsentr uchbovoyi literatury. 250 p. [in Ukrainian]
- Tomazov, 2008** – *Tomazov, V.V.* (2008). Kostenets'ki [Kostenetsky]. *Entsyklopediya istoriyi Ukrayiny*. T. 5: Kon-Kyu. Kyiv: V-vo «Naukova dumka». P. 221. [in Ukrainian]
- Usenko, 2008** – *Usenko, I.B.* (2008). Kostenetskiy Yakiv Ivanovych [Kostenetsky Yakiv Ivanovich]. *Entsyklopediya istoriyi Ukrayiny*. T. 5: Kon-Kiu. Kyiv: Naukova dumka, pp. 220-221. [in Ukrainian]
- Vengerov, 1914** – *Vengerov, S.A.* (1914). Istochniki slovarya russkikh pisateley. T.III: Karamyshev – Lomonosov [Sources of the dictionary of Russian writers. T.III: Karamyshev – Lomonosov]. Petrograd, pp. 211-212. [in Russian]

Yazykov, 1888 – Yazykov, D.D. (1888). Obzor zhizni i trudov pokoynykh russkikh pisateley. Vypusk pyatyy. Russkie pisateli, umershie v 1885 godu [Review of the life and works of the deceased Russian writers. Vol.5. Russian writers who died in 1885]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, pp. 83-84. [in Russian]

Yevtushenko i dr., 2006 – Yevtushenko, O.V., Degtyarev, S.I., Zvahel's'kyu, V.B. (2006). Vshanutannya pam'yati henerala M.I. Drahomyrova [Honoring the memory of General M.I. Dragomirov]. Sums'ka starovyna. № XVIII-XIX. Pp. 7-12. [in Ukrainian]

Украинский казацко-старшинский и дворянский род Костенецких: историографический и источниковедческий анализ

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Алла Ивановна Зякун ^a, Ясмин Гут ^c, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, d}

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Университет г. Женева, Женева, Швейцария

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению возможностей для исследования истории рода старинного украинского казацко-старшинского и дворянского рода Костенецких. Таким образом, работа имеет одновременно историографический и источниковедческий характер.

Авторы проанализировали наработки ученых XIX – начала XXI веков по указанной теме. Все они в значительной мере фрагментарны. Комплексных исследований о роде Костенецких или об отдельных его представителях не существует. В то же время есть большой массив опубликованных и неопубликованных исторических источников. Наиболее информативными из них являются архивные документы. Они же и наименее исследованы учеными. Подавляющее большинство этих документов хранится в государственных архивах Сумской и Черниговской областей, Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (Украина) и Российском государственном историческом архиве (Россия). Эти документы содержат информацию о личной/семейной жизни, образовании, карьере членов семейства Костенецких.

При работе с источниками по этой теме подчеркнута необходимость использования критического метода. Это даст возможность получить максимально достоверные исторические данные о представителях семейства Костенецких.

Ключевые слова: Костенецкие, генеалогия, биография, чиновничество, судебная система, образование, исторический источник, историография, Украина, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

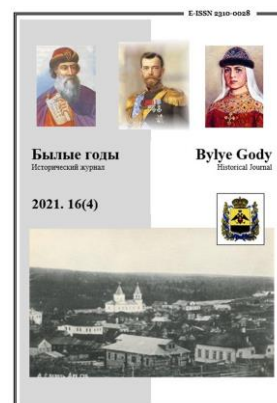
Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1661-1670
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1661

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Political and Public Activity of the Institute of Batyrs of Western Siberia as Part of the Russian Empire (XVIII-XIX centuries)

Yerke T. Kartabayeva ^{a, *}, Gulzhan S. Bedelova ^a, Aitolkyn A. Toktagan ^b, Nurgul N. Akpanbet ^c

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

^b Kazakh National University of Arts, Nur-Sultan, Kazakhstan, Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract

The proposed scientific article, based on the data of Kazakh and Russian archives, examines the political and social activities of the institute of batyrs who served in Western Siberia as part of the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries. After joining the Russian Empire, there were a number of changes in the structure and direction of development of the institute of batyrs of Kazakh society. First of all, it is necessary to pay attention to increasing the political and diplomatic missions of the batyrs. The tsarist government intensified the political activity of the Kazakh batyrs of the West Siberian Steppe, involving them in various state and border issues. It must be recognized that at the previous stage, the activities of the Batyr Institute were limited exclusively to military purposes. In the XVIII-XIX centuries, Russian researchers who were in the Kazakh steppe for various reasons characterized the comprehensive development of the role of batyrs in society. During the analysis of the Russian archival data, we were convinced that the position of the Batyr institute in the system of power has changed. They successfully carried out a connecting activity between the common people and the ruling khan-sultans. Representatives of the Batyr Institute were able to effectively interact with the tsarist administration to resolve conflicts that occurred in the districts of the fortress lines. Also, state initiatives to resolve intertribal conflicts in Kazakh society and their elimination were significantly influenced by the authority of the batyrs in the public environment. Such batyrs as Bogenbai, Kabanbai, became advisers to the khan-sultans. One of the changes that took place in the institute of batyrs during this period can be called their ascent to the rank of the ruling elite of society. Having gained the trust of the tsarist government, the batyrs achieved the position of foreman, tarkhan.

Keywords: batyrs, Russian Empire, Kazakh society, Western Siberia, Institute of batyrs.

1. Введение

В конце XVIII века роль института батыров по политико-общественным вопросам в казахском обществе Западной Сибири существенно изменилась что в первую очередь тесно связано с вхождением казахского общества в состав Российской империи. В этот период проявилась самостоятельность института батыров в системе власти и наблюдалось явление отделения от ранее сложившихся рамок. Для более глубокого понимания сути исследования необходимо дать оценку содержанию понятия «батыр». Батыр – это звание, которое присваивалось воинам, вступавшим в бой и побеждавшим своих соперников. С нашей точки зрения, деятельность батыров в кочевом обществе до конца XVIII века характеризуется двумя действиями: 1) совершать грабительские набеги на караванные дороги или другие регионы и тем самым обеспечивать социальные потребности своего рода; 2) осуществлять предводительство над степными отрядами в борьбе с внешним врагом.

* Corresponding author

E-mail addresses: madina.imanbaeva@mail.ru (Y.T. Kartabayeva),
gg_researcher@yahoo.com (A.A. Toktagan)

В дальнейшем в связи с изменением общественно-политических условий деятельность и роль батыров в обществе претерпели изменения. Если в XV–XVIII веках для политической власти батыры были инструментом грабительских и военных целей, то в конце XVIII века изменилась направленность их деятельности.

Царское правительство поддержало представителей института батыров, чтобы снизить влияние абсолютного правления ханов и султанов в обществе. Это изменение привело батыров к их вмешательству в политико-дипломатические отношения.

2. Материалы и методы

Исходя из направления исследования и характера материалов, источники можно разделить на три группы: архивные материалы, сборники опубликованных документов и источники личного происхождения.

1. Архивные материалы. Основная часть архивных материалов, относящихся к теме, представлена Центральным государственным архивом Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), Государственным историческим архивом Омской области (Омск, Российская Федерация), а также Государственным архивом Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). В них в основном хранится ведомственная переписка между Оренбургской пограничной комиссией и правителями казахских племен, приказы по урегулированию перекочевки казахских аулов XVIII–XIX веков. Документы данных архивов содержат также сведения о деятельности казахских батыров в пограничных зонах.

2. Сборники опубликованных документов представлены двумя работами: «Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов» (Из истории, 2019) и «Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.). Сборник документов» (Из истории, 2020).

3. Источники личного происхождения. К ним относятся воспоминания и дневники чиновников и путешественников. Среди них можно назвать труды А.К. Гейнса «Киргизские очерки» (Гейнс, 1866), Б. Залесского «Путешествие в казахские степи» (Залесский, 1991), И.И. Крафта «Из киргизской старины» (Крафт, 1900), а также записки Е.К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (Мейендорф, 1975).

Рассмотрим эти работы по отдельности. В материалах, собранных экспедицией А.К. Гейнса, занимавшейся изучением быта казахского общества на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства второй половины XIX века, собраны актуальные данные о деятельности института батыров (Гейнс, 1866). В частности, уделено внимание процессу вмешательства батыров в политическую власть и ее предпосылкам. По мнению А.К. Гейнса, роль батыров в решении политико-социальных проблем в обществе является значительной. Однако наиболее активно они проявили себя в решении межплеменных конфликтов (Гейнс, 1866: 159).

В 1851 г. оренбургский генерал-губернатор и командир Отдельного корпуса В.А. Обручев организовал геологоразведочную экспедицию по территории Уральской, Тургайской областей. Большое значение имеют воспоминания Б. Залесского, участвовавшего в данной экспедиции (Залесский, 1991). Б. Залесский описал, что в казахском обществе батыры были политическими лидерами определенного рода или аула. Одним из них является Есет Котибарулы (Залесский, 1991: 54). Необходимо понимать, что в период экспедиции Б. Залесского изменилась структура и деятельность института батыров.

В исследовании Е.К. Мейендорфа (Мейендорф, 1975), написанном на основе воспоминаний о его путешествии из Оренбурга в Бухару в первой половине XIX века, собраны ценные сведения, касающиеся военного искусства народов Центральной Азии и его представителей, в том числе и о роли батыров в общественно-социальных процессах. С точки зрения Е.К. Мейендорфа, одной из групп, заинтересованных в процветании торговли рабами в Туркестанском крае, являются батыры (Мейендорф, 1975: 42). В его труде проанализирована война между хивинцами и казахами и ее последствия. Кроме того, он обратил внимание на традицию «барымта» (кровная месть), характерную для кочевых обществ Центральной Азии. По мнению автора, активными ее приверженцами являются батыры (Мейендорф, 1975: 38).

В работе мы опирались на историко-типологический метод с целью выявления отличия института батыров от других общественно-административных институтов. Особенно важно было определить отличия от институтов биев и султанов. Кроме того, был использован принцип критического анализа в контексте объективной оценки совокупности взглядов и позиций авторов исследуемых трудов о деятельности института батыров. Причиной тому часто становятся факты того, что батыр, ставший объектом исследования, является потомком или земляком автора. Сложилось различные исторические концепции о развитии и значении института батыров в государственном устройстве. Их формированию способствовали историко-идеологические факторы. Особенно это заметно отразилось в советской и современной науке, в связи с чем широко использовался проблемно-хронологический метод в выявлении нераскрытых сторон данной темы.

3. Обсуждение

Историография института батыров в рамках хронологического принципа может быть разделена на три периода: дореволюционный, советский и современный.

В историографии дореволюционного периода роль батыров была подробно проанализирована применительно к области военной истории. Известный русский исследователь А.И. Левшин, изучая ход казахско-джунгарских войн, дал оценку признанным в них отдельным батырам (Левшин, 1996). Например, в его исследовании были названы имена казахских батыров Богенбая, Кабанбая, Жанибека и др. (Левшин, 1996: 75).

В историографии советского периода образ батыров описан однозначно. По принципам идеологии тех лет батыры признавались одной из главных движущих сил обострения классовой борьбы: историки характеризовали деятельность института батыров как силу, противоположную абсолютной власти ханов и султанов. В трудах исследователей (Вяткин, 1947; Апполова, 1948; Ибрагимов, 1961) ханов и султанов изображали как эксплуататоров общества, батыров как сторонников противоположного класса.

По словам историка М.П. Вяткина, батыром является человек, хорошо владеющий военным искусством, обладающий интеллектом, благородством, мужеством. Звание батыра не предполагало преемственности, каждый человек обладал им благодаря личному подвигу. М.П. Вяткин в своем исследовании объясняет, что «широкое распространение титула батыров – одна из отличительных черт кочевого общества» (Вяткин, 1947: 110). Историк Е. Бекмаханов отмечал, что на становление батыров как социальной, политической силы повлияли явления несправедливости и неравенства в обществе (Бекмаханов, 1947: 62-64).

С точки зрения Н.Г. Апполовой, большую роль играли батыры в сохранении стабильности кочевого общества. Они служили механизмом, поддерживающим баланс между политической властью и простым обществом (Апполова, 1948: 95).

С.К. Ибрагимов провел сравнительный анализ деятельности института батыров в Средневековье и в Новое время. В новые времена сближение батыров с угнетенным классом способствовало развитию общества (Ибрагимов, 1961: 176).

В современной историографии всесторонне рассматриваются военно-политические и культурно-социальные аспекты деятельности данного института. В ряде из работ встречаются факты приукрашивания образа отдельного батыра.

По мнению Т.К. Алланиязова, в начале XIX века в обществе начал формироваться процесс восприятия батыров как личностей, признанных в решении актуальных политико-социальных проблем. Например, будущий батыр может быть замечен в мирном урегулировании земельно-водных конфликтов между племенами (Алланиязов, 1997: 12-20). Новые данные о политико-исторической деятельности казахских батыров в период Российской империи можно найти в работе И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 2001: 39-43), объектом ее исследования была в основном история казахских ханов Младшего жуза. Одним из ученых, обращавших внимание на деятельность института батыров как на самостоятельную политико-социальную систему, является А.К. Кушкумбаев. С его точки зрения, военные конфликты в Центральной Азии несколько затихли в связи с вхождением казахского общества в состав Российской империи. Эти факторы способствовали изменению функции батыров в обществе: спрос на их военную службу начал снижаться (Кушкумбаев, 2001: 15). Ценным является и труд А. Сейдимбека (Сейдимбек, 2002), стремящегося через изучение устного народного творчества дать научное объяснение образам батыров. В его работе дана разносторонняя оценка творчества Дины Нурпеисовой, воспевавшей батыров.

Большое значение имеет труд Т.И. Султанова в обобщении нарративных и письменных первоисточников о батырах и их классификации по характерам (Султанов, 2001). Г. Кайргалиева изучала процессы изменения структуры и деятельности института батыров в начале XIX века (Кайргалиева, 2009).

4. Результаты

Благодаря новым архивным документам, вернулись многие забытые имена, оставившие свой след в истории казахов Западной Сибири на рубеже XVIII–XIX веков. Например, в результате исторических исследований были восстановлены имена батыров Агатая, Доскары и др. Они сыграли значительную роль в политико-социальных преобразованиях Казахской степи, осуществленных после присоединения к Российской империи. Материалы, хранящиеся в архивах и относящиеся к казахским батырам, в основном иллюстрируют их деятельность в степной и пограничной зонах Западной Сибири и Оренбурга.

Политические факторы в Казахской степи в это время были тесно связаны с именем султана Абылая и близких к нему батыров. Он стремился сохранить мир казахского общества, опираясь на помощь Российской империи. Особенно успешные результаты принесла его политическая позиция с империей Цинь. Абылай считался казахским правителем, признанным политической властью России (Из истории, 2020: 15). В отношениях с царской администрацией Абылай-султан часто прибегал к использованию батыров в качестве послов. Ведь во время джунгарского нашествия их подвиги по

защите народа принесли им популярность в обществе. Возросла роль института батыров в политико-социальном плане. Раньше они участвовали в военных действиях и набегах, а после джунгарских войн в истории находят отражение даже факты участия батыров в дипломатических миссиях. Пример этого мы видим в 1760-х гг., когда Кабанбай-батыр совершил посольский визит в Китай ([Из истории, 2020: 145](#)).

В середине XVIII века в Прииртышье с укреплением военных линий Российской империи участились пограничные конфликты между кочевыми казахами. Нарушение пограничных зон казахами Западно-Сибирского региона часто фиксировалось в архивных документах. По этим вопросам Абылай также часто переписывался с представителями Российской империи в Сибири. Главной его целью было осуществление подчинения казахов пограничным правилам и контроль за недопущением конфликтов с российскими военными гарнизонами. Например, 15 июня 1748 года Абылай пишет письмо начальнику Иртышского военного рубежа Я. Павлуцкому о возвращении семьи и людей знаменитого батыра рода атыггай Алимбета: «Нашей Всемиловитвейшей Государыни Самодержицы милости Ея ожидаем. И для того г-дину полковнику Якову Степановичу Средней Орды Аблай-салтан поклон пишу. И притом прошу: сорок восемь человек взяты в плен, и из оных одинатцать умерли, дватцать четыре голов *скота* отогнаты, из тринадцати юрт живот увезли, тысяча двести лошадей угнато; обратно отдано четыреста, а достальныя все у вас. Мы люди все всемиловитвейшей г-дарыни подданные были, и просим по многим прозбам наших людей, *скот* и лошадей отдать. А чего ради не отданы – не знаю» ([ЦГА РК. Ф. 11. Кн. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 47](#)).

Абылай совместно с русскими властями проделал большую работу по решению приграничных вопросов. Следует отметить, что царская администрация также придерживалась принципов добрососедских отношений. Причина в том, что на миграционных маршрутах ряда родов наблюдались проявления нарушения пограничных линий. По вопросам контроля за порядком пограничных укреплений султан Абылай поддерживал тесные контакты с представителями царской администрации.

Одним из самых значимых событий XVIII века для казахских батыров стала казахско-джунгарская (калмыцкая) война и возникшие в связи с ней внешнеполитические противоречия. В 50-е годы XVIII века происходил последний этап казахско-джунгарской войны, длившейся полтора века. С одной стороны, в это время Джунгарское государство начало разрушаться из-за борьбы за власть и внутренних раздоров. Эффективно воспользовавшись этим положением, империя Цин вторглась в джунгарские владения и подчинила их себе. В 1756 г., после ликвидации Джунгарского государства империей Цин, ее народ стал переселяться на казахскую землю, которая была в составе Российской империи. Китайцы, преследовавшие джунгарского вождя Амурсану, также перешли на землю Центральной Азии. В это время султан Абылай пытался удержать джунгар не на казахской земле, а на казахско-китайской границе ([Ерофеева, 2001: 66](#)).

Казахские батыры во главе с Абылай-султаном сумели вмешаться во внутренние споры джунгарских правителей и использовать их в своих интересах. Одним из документов, свидетельствующих о действиях Абылая в отношении джунгар, является фрагмент устава, направленный царицей Российской империи Елизаветой Петровной И.И. Неплюеву 31 мая 1755 года: «...По рапортам с Иртышской линии от командующих штап-офицеров, объявлено о показании выбежавших из плену киргис-кайсаков зенгорским бухарцами одной зенгорской женкою, что оные киргисцы пошли на войну в десяти тысячах человеках на Зенгорскую землицу и с ними Аблай-салтан. И от многих-де они слышали, что по раззорении зенгорцов, на новой год, имеют на российския границы нападение учинить. И то-де в крепостях и форпостах, как оная женка показала, людей весьма малое число, и взять тех можно. И, как оной бухаретин, так и женка, пожелали восприть святое крещение» ([ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 20-200б](#)).

Аблай-султан установил стабильные отношения с Российской империей, а также направил в посольство своих надежных партнеров. Российские власти также были намерены поддерживать тесные отношения с казахскими султанами. Соратниками Абылая были в основном батыры, и он привлек их к дипломатической службе. Например, он послал Кулеке-батыра из рода атыггай в русские крепости, расположенные на правом берегу Иртыша. Цель заключалась в том, чтобы добиться от них соглашения о покупке боеприпасов ([ЦГА РК. Ф. 11. Кн. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 76](#)).

Такой аргумент можно найти в следующем рапорте премьер-майора Тирияна полковнику фон Лориху от 2 октября 1757 года: «...Присланы от Аблай-салтана, старшина Куляка-батырь, с таким разведыванием: китайское-де войско мирно ль с нами или нет? На что от него, порутчика, объявлено: у нас с китайцами мирно и ссоры никакой не имеетца. И притом он, Куляка, спрашивал же: много ли прошло калмык, и нет ли с ними старшины батыря Амурсаная? На что им объявлено ж: калмык не видали и про Амурсаная не слыхали. А только манием-де чрез проезжавших слышно, якобы оной Амурсана под станцем Белым камнем, при перевозке его чрез реку Иртыш в нер... что он, Амурсана, нечаенно, с другим еще с ним пришедшим азиатом и русским казаком, которой их перевозил, утонули. ... и Аблай-де салтан разстоянием оттоль езды дней с восемь у Белого камня. И при тех разговорах объявлено: от них, киргисцов, от Аблай-салтана» ([ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 82-820б](#)).

Большая часть общественно-политической деятельности батыров того времени была напрямую связана с политикой султана Абылая. С признанием Российской империи он стремился к эффективному использованию деятельности института батыров в период правления Средним жузом. Царское правительство также оказало значительную поддержку его действиям. Ряд батыров достигли должности тархана. Один из них – Жанибек-батыр – в 1742 году стал первым среди казахских батыров тарханом (Даланын, 2001: 175). В 1742 г. генерал-губернатор Оренбургской губернии И. Неплюев в письме в Коллегию иностранных дел упоминает Шакшака Жанибека-батыра: «Своим авторитетом и влиянием он превосходит даже ханов и султанов. Казахский народ прислушивается к каждому его слову. Он не из чингизидов, но он очень умный, поэтому он считает себя лучшим» (Даланын, 2001: 176).

Большой удачей можно назвать близость Среднего жуза к России, в том числе к Оренбургу и Орску, что повлияло на сохранность сведений, относящихся к истории казахов в архивохранилищах этих городов. В этот период военно-политический авторитет института батыров достиг небывалого уровня. Их действия ярко проявились в военных противостояниях с Цинь и Джунгарским ханством. Для скорейшей победы над джунгарами и урегулирования политической ситуации в округе представители царства Цинь задумали объединить и привлечь на свою сторону казахские военные отряды во главе с Абылаем.

Но Абылай не позволил своим отрядам казахских батыров вступить в союз с Китаем: так как опасался, что Китай, пришедший уничтожить остатки джунгарских войск, разбросанных по казахским степям, подчинит себе казахов и начнет укрепляться. Это же обстоятельство можно наглядно увидеть в рапорте, написанном 5 декабря 1757 г. представителем канцелярии Ямышевской крепости командиру-бригадиру Сибирского корпуса К.Л. Фрауендорфу: «Да между разговорами чрез за толмача татарина Лазырева объявляют, что Аблай-салтан стоит на степи вверх Иртыша реки, где и Кулсара с улусы стоит же. А китайское-де войско ж еще намерено итти на оставшую зенгорского владения одну волость на калмык, кои-де состоят в камню. Да и к Аблаю от китайского войска писано, чтоб и он еще с ним, китайским войском, к походу был готов. Только-де им, киргисцам, еще от Аблая об том приказу нет. А более не объявили и обратно от того форпоста в западную сторону за реку Иртыш отъехали» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 214-215об.).

Из этого рапорта видно, что китайские войска хотели атаковать бежавших джунгар возле казахских отрядов. А чтобы быстрее победить калмыков, китайская армия агитировала казахов присоединиться к ним. Но, исходя из умелой и рациональной системы управления Кульсары батыра и Абылая, ни один казахский батыр не присоединился к китайской армии. Батыры, предвидя возможное нападение со стороны Китая, начинают оборонять свою землю, организуя отряды, которые немедленно идут в контратаку на приближающуюся китайскую армию (Из истории, 2019: 98).

Эту подготовку организовал и возглавил Кульсары-батыр. Когда китайская армия вступала на казахские земли под властью России, Абылай тоже пошел против них со своей армией. Но военные отряды не совершали никаких действий без приказа султана. Об этом говорится в следующем документе – рапорте начальника Семипалатинской крепости полковника И. фон Лориха, написанном 9 декабря 1757 года начальнику Сибирского корпуса К.Л. Фрауендорфу: «По которым разговорам оной старшина ему, поручику фон Фолькману, объявил, что-де ныне ему, старшине, тех аманатов без согласия своей брата-старшины, и без позволения Аблай-салтана дать не можно. Сверх-де того, по прибытии ево, старшины, в улусы хотел отправить от себя для совету о даче аманатов к прочим старшинам киргис-кайсака. И о том представлять к главному старшине Кулсаре. И пока-де откуда ему его повеление последует, то он на российскую сторону табунов перегонять не будет. Ибо-де показанному старшине Кулсаре от Аблай-салтана над всем киргиским войском на время команда поручена. А Аблай-де салтан и с ним десять старшин в том-де числе и ево, старшины, брат Сертамбай, и несколько сот выбранных киргис-кайсаков, поехали в китайское войско. Понеже-де оное китайское войско за неимением в степи корму намеренно итти в свою землю, то-де и Аблай-салтан поехал их провожать» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 329).

Как указано в этом документе, казахские старшины и батыры, переселившиеся на правую сторону Иртыша, указом Абылая не нарушили линии русских военных укреплений. Еще раз подчеркивается, что в кругу Абылая группировавшуюся армию возглавил Кульсары-батыр. Также сообщается о том, что Кульсары-батыр, считавшийся военачальником, не будет гнать стадо на российскую сторону до тех пор, пока не поступит приказ. В свою очередь Абылай-султан разрешил Кульсары-батыру выполнять приказ, порученный от имени всей казахской армии. Описывается отправление султана Абылая в китайскую армию вместе с десятью старшинами, с братом Сертимбаем, а также несколькими сотнями избранных казахов (Из истории, 2019: 61).

Есть информация о том, что китайские войска были вынуждены вернуться на свои земли из-за нехватки продовольствия, а Абылай-султан сам пошел провожать их (Лобысевич, 1872: 52). Отсюда видно, что султан выслеживал и контролировал китайцев своим воинским отрядом, пока не добрался до казахско-китайской границы. Российская администрация также контролировала ход движения казахских войск, в связи с чем они тактически не отдавали приоритет китайским войскам.

Среди батыров были и люди, умеющие вести переговоры. Сначала они командовали армией, затем вели переписку между султанами, а затем доставляли письма Абылая другим султанам и передавали им информацию, не подлежащую разглашению. Примером тому служит письмо, Кульсары-батыром доставленное сибирскому пограничному начальнику генерал-поручику Ивану Александровичу Деколону (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 29-32об.). При этом Кульсары-батыр обладал дипломатическими способностями вести переговоры с соседними народами: башкирами, татарами. Отмечается, что он участвовал в ряде переговоров в крае во время пугачевского восстания в 1775 году. Действительно, во время пугачевского восстания между народами региона происходили споры о взаимном объединении или присоединении к пугачевскому восстанию, но присоединения в планах казахской знати не было (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 55-58).

Вполне справедливо отметить, что в конце XVIII века общественная деятельность батыров, живших в пограничных зонах казахских степей и русских крепостей, была достаточно высокой. Стоит назвать имена батыров, которые в это время служили в Петропавловской, Усть-Каменогорской крепостях. Особо отличился Кулебакы-батыр, живший в Петропавловской крепости. В 1775 году он попросил у бригадира Петропавловской крепости С.В. Суморокова пастбище. Об этом говорится в письме руководства крепости начальнику Сибирского корпуса генерал-поручику Ивану Александровичу Деколону. Сын Кульсары-батыра Кулебак-батыр выступил с предложением расширить пастбища в районе крепости Лебяжье в пограничном районе, где получил одобрение крестьян данного региона (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 268-268об.).

Так, в Усть-Каменогорской крепости проживал Мамбет-батыр, общественная деятельность которого была очень активной. В 1775 году командир Усть-Каменогорской крепости комендант А. Самарин направил командиру Сибирского корпуса генерал-лейтенанту И.А. Деколону рапорт о том, что через Мамбет-батыра, находившегося в крепости, он отправил письмо Абылфис-султану. Мамбет-батыр поддерживал связь с ташкентскими купцами, что предотвратило споры в сфере торговли (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 223-223об.).

При переезде из Джунгарии в Калмыкию калмыки, оказавшиеся в ауле, занимались воровством в пограничных зонах. Казахские батыры не переставали самостоятельно бороться с ними. Так, Урус-султан написал в письме командиру Сибирского корпуса генерал-лейтенанту И.А. Деколону о заслугах Жанузака-батыра, служившего в его подчинении. Опасаясь столкновения с Жанузак-батыром, калмыки отказались перегонять скот (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 186-188об.).

В то время отношения между казахами Среднего и Младшего жузов и Россией были хорошими, что было связано с межгосударственной границей. Часть казахов, живших на казахско-русской границе и в районе военных укреплений, построенных российской администрацией, признала власть Российской империи в регионе (Тылахметова, 2020: 52). Процесс присоединения западносибирских казахов к России продолжался медленными, но стабильными темпами. К концу XVIII века местные казахские батыры и старшины стали признавать российскую власть. Все это было сделано для обеспечения единства в регионе под лозунгом, что народы приграничных регионов должны объединяться под одной властью и жить мирно (Abdukadyrov, 2020: 611).

В связи с такими политическими позициями некоторые казахские батыры в последней четверти XVIII века добровольно признали российскую власть в Западной Сибири и Приаралье (Алланиязов, 1999: 84). В их числе были батыры Токтагул Сеитов, Казахбай Дербисалиев, Сугир Кулниязов, Сагы Мырзакулов, которые обратились с просьбой о признании царской администрации. Таким образом, признание российской власти получило широкое распространение и среди батыров. Многие из них, хотя и неизвестные всем жузам или всем казахам, были очень известны среди своих соплеменников. У правителей казахских родов, осознавших эффективность присоединения к российской власти, роль батыров оказалась высокой (Кайргалиева, 2009: 74).

В начале XIX века жизнь батыров в казахском обществе постепенно изменилась, однако их институт сохранил свои степные традиции. После того как население части Казахской степи стало подданными Российской империи, произошли изменения во всех областях, чему способствовало уничтожение старого ханства в Среднем и Младшем жузах. Административно-политические реформы, проведенные в 1822–1824 гг., привели к упразднению на казахской земле института ханства в Среднем жузе, а также присоединению султанской власти к местному аппарату колониального управления (Крафт, 1900: 84). Так, в ходе административной реформы казахский Средний жуз был разделен на административные районы, возглавляемые старшими султанами (ага-султанами), а Младший жуз – на три: западный, средний и восточный, возглавляемые султанами (Липец, 1984: 119).

После этой реформы были внесены изменения и в военную систему, когда лица, ранее считавшиеся батырами, но не имевшие на руках ни единой бумаги об окончании учебного заведения, не признавались ни государством, ни обществом. Поэтому для решительных, смелых людей, претендующих на получение государственных званий, возникла необходимость в создании учебного заведения.

Постепенно начало уходить в прошлое понимание того, что можно заслужить внимание и уважение общества с помощью рукопашного боя или побед в военных сражениях или набегах. Так,

в столице генерал-губернаторства – городе Оренбурге – 2 января 1825 г. было создано Неплюевское военное училище, в котором находилась делегация знатных казахов. На открытие была приглашена делегация во главе с ханом Младшего жуза Шергазы Айшуаковым (Залесский, 1991: 38). Эта школа была в основном военной, она готовила офицеров для армии, но обучающиеся также получали всестороннее образование по гражданским дисциплинам.

Аналогичная военная школа открылась и в городе Омске – центре Западно-Сибирского генерал-губернаторства, где стали принимать детей знати Среднего жуза. В 1826–1845 гг. она была известна как Сибирское линейное казачье училище, а в 1845–1866 гг. – Сибирский кадетский корпус (Басаев, 2003: 23-32). После окончания учебных заведений Омска и Оренбурга выпускники получали всестороннее европейское образование, осваивали язык делопроизводства, изучали письменный русский и арабский, иностранный и восточный языки, а также военные и гражданские специальности (Batyrbekkyzy et al., 2017: 128). Кроме того, выпускники получали воинские звания с правом поступления на военную или гражданскую государственную службу.

По имеющимся данным, Омское военное училище окончили несколько выдающихся казахских деятелей: Чокан Валиханов, его брат Махмут и Гази-Булат Губайдуллин (Алимбаева, 2014: 65). Все они были на государственной службе и имели офицерские звания. Особое место среди них занимает Чокан Чингизович Валиханов, выдающийся путешественник, ученый, внесший значительный вклад в изучение истории, географии и этнографии Центральной Азии и Восточного Туркестана. Также из стен Неплюевской военной школы Оренбурга вышли братья Альмухаммед и Тлеумухаммед Сейдалины, Мухамбет-Салык Бабажанов и другие, ставшие известными личностями в казахской истории и культуре (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 18). Выйдя из династий казахских ханов и султанов Младшего жуза, они после окончания учебы в Неплюевском кадетском корпусе оставались на государственной службе с дальнейшим карьерным продвижением и внесли значительный вклад в изучение истории и этнографии казахов Младшего жуза (ГИАО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 87. Л. 2-20б.).

Общественно-политическая деятельность батыров по-прежнему сохранялась в некоторых областях. Несмотря на то, что они не имели квалификационного документа об окончании специального учебного заведения, их авторитет и влияние в обществе были высоки. Это, конечно, было связано с традицией, хранящейся в народной памяти. А вот деятельность военных специалистов, получивших образование в военных учебных заведениях Российской империи и получивших специальные чины, была иной. Они также служили среди населения и выполняли все работы в рамках закона, став связующим механизмом между российской властью и казахским народом.

5. Заключение

В результате исследований о батырах Западной Сибири в составе Российской империи появляются новые имена. В ходе нашей исследовательской работы были сделаны новые выводы, касающиеся общественной деятельности ряда батыров. В частности, из забвения были возвращены имена таких батыров, как Шерубай Биболды, Байгозы Наймантайулы. Направления деятельности института батыров претерпели значительные изменения после присоединения к Российской империи. Батыров стали привлекать к делам, решающим политико-социальные проблемы общества, а не только как средство боевой миссии. Администрация Российской империи награждала отличившихся в общественно-полезных делах батыров государственными наградами и представляла им новые направления деятельности. Например, доказательством этому служит присвоение звания хорунжего батыру Ердуну Сандыбаевичу в 1856 году.

Изменения в системе деятельности казахского института батыров, как это было отмечено выше, привели к устранению социального неравенства в обществе. Авторитет ханов и султанов, ранее бывших источником авторитарной власти в обществе, ослабел, и институт батыров взял на себя ряд обязанностей административного управления.

Литература

Алимбаева, 2014 – Алимбаева Б.Б. Роль Оренбургских учебных заведений XIX века в подготовке казахской интеллигенции / *Международная научно-практическая конференция «Народы сопредельных государств России и Казахстана на евразийском пространстве: диалог и сотрудничество»*. Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Уральск, 25 ноября 2014 г.

Алланиязов, 1997 – Алланиязов Т.К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1997.

Апполова, 1948 – Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата: АН ССР, 1948.

Басаев, 2003 – Басаев В.Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск: Ом. дом печати, 2003.

- Бекмаханов 1947 – Бекмаханов Е. К вопросу о социальной природе батыров (XIX век) // *Вестник АН КССР*. 1947. № 1. С. 62-64.
- Вяткин, 1947 – Вяткин М.П. Батыр Сырым. М.: Издательство АН СССР, 1947.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- Гейнс, 1866 – Гейнс А.К. Киргизские очерки // *Военный сборник*. 1866. № 1. С. 145-178.
- ГИАО – Государственный исторический архив Омской области.
- Даланын, 2001 – Даланын дара ділмарлары. Алматы: ЖШС Қазақстан баспа үйі, 2001.
- Ерофеева, 2001 – Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Алматы: Аркаим, 2001.
- Залесский, 1991 – Залесский Б. Путешествие в казахские степи. Алматы: Онер, 1991.
- Ибрагимов, 1961 – Ибрагимов С.К. К истории Казахстана в XV в. Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961.
- Из истории, 2019 – Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов / Сост.: Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2019.
- Из истории, 2020 – Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.). Сборник документов / Под. ред. З.Е. Кабульдинова. Составитель: В.А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2020.
- Кайргалиева, 2009 – Кайргалиева Г. Исследование Института батыров в казахском обществе // *Вестник ЗКГУ*. 2018. № 2 (70). С. 220-230.
- Крафт, 1900 – Крафт И.И. Из киргизской старины. Оренбург: Тип. Ф.Б. Сачкова, 1900.
- Кузембайулы, 2019 – Кузембайулы А. Институт батыров: теоретические и методологические проблемы // *Вестник Евразийского гуманитарного института*. 2019. № 4. С. 21-27.
- Кушкумбаев, 2001 – Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
- Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996.
- Липец, 1984 – Липец Р. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.
- Лобысевич, 1872 – Лобысевич Ф. Главные начальники Оренбургского края. 1734–1870 // *Военный сборник*. 1872. № 5. С. 41-68.
- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
- Першиц, 1976 – Першиц А.И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников скотоводов. М.: Наука, 1976.
- Сейдимбек, 2002 – Сейдимбек А. Казахское искусство кюя. Астана: Култегин, 2002.
- Султанов, 2001 – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
- Тылахметова, 2020 – Тылахметова А.С. Некоторые аспекты внутренней и внешней политики Абылай хана в архивных данных России (1748–1772 гг.) // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2020. № 3 (23).
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Abdukadyrov, 2020 – Abdukadyrov N.M. Ottoman Empire and Russia on the Way to the Independence of Serbia in the 'Eastern Question' // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2020. Vol. 4. Is. 33: 608-620.
- Batyrbekkyzy et al., 2017 – Batyrbekkyzy G., Mahanuly T.K., Tastanbekov M.M., Dinasheva L.S. Latinisation of Kazakh alphabet history and prospects // *European Journal of Science and Theology*. 2017. Vol. 1. Is. 14: 125-134.

References

- Abdukadyrov, 2020 – Abdukadyrov, N.M. (2020). Ottoman Empire and Russia on the Way to the Independence of Serbia in the 'Eastern Question'. *The Journal of Slavic Military Studies*. 4(33): 608-620.
- Alimbayeva, 2014 – Alimbayeva, B.B. (2014). Rol' Orenburgskikh uchebnykh zavedeniy XIX veka v podgotovke kazakhskoy intelligentsii [The role of the Orenburg educational institutions of the 19th century in the training of the Kazakh intelligentsia]. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Narody sopredel'nykh gosudarstv Rossii i Kazakhstana na yevraziyskom prostranstve: dialog i sotrudnichestvo». Zapadno-Kazakhstanskiy gosudarstvennyy universitet im. M. Utemisova, Ural'sk, 25 noyabrya. [in Russian]
- Allaniyazov, 1997 – Allaniyazov, T.K. (1997). Oчерки voyennogo dela kochevnikov Kazakhstana. [Essays on the military affairs of the nomads of Kazakhstan]. Almaty: Fond «XXI vek». [in Russian]
- Appolova, 1948 – Appolova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-h godah XVIII v [The accession of Kazakhstan to Russia in the 30s of the XVIII century]. Alma-Ata: AN SSR.
- Basayev, 2003 – Basayev V.R. (2003). Omskiy kadetskiy korpus: istoriya i sovremennost' [Omsk cadet corps: history and modernity]. Omsk: Om. dom pechati. [in Russian]
- Batyrbekkyzy et al., 2017 – Batyrbekkyzy, G., Mahanuly, T.K., Tastanbekov, M.M., Dinasheva, L.S. (2017). Latinisation of Kazakh alphabet history and prospects. *European Journal of Science and Theology*. 1(14): 125-134.

- Bekmakhanov 1947** – *Bekmakhanov, E.K.* (1947). Voprosu o sotsial'noy prirode batyrov (XIX). [On the question of the social nature of batyrs (XIX)]. *Vestnik AN KSSR*. 1: 62-64. [in Russian]
- CGA RK** – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dalanyin, 2001** – Dalanyin dara dilmarlary. (2001). Almaty: ZSHS Kazahstan baspa uyi. [Kazakh]
- GAOO** – Gosudarstvennyy Arkhiv Orenburgskoy oblasti [State Archives of the Orenburg Region].
- Geins, 1866** – *Geins, A.K.* (1866). Kirgizskie ocherki [Kyrgyz essays]. *Voennyj sbornik*. 1: 145-178. [in Russian]
- GIAOO** – Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv Omskoy oblasti [State Historical Archive of the Omsk Region].
- Ibragimov, 1961** – *Ibragimov, S.K.* (1961). K istorii Kazahstana v XV v. Voprosy filologii i istorii stran sovetskogo i zarubeznogo Vostoka [On the history of Kazakhstan in the XV century. Questions of philology and history of the countries of the Soviet and foreign East]. Moskva. [in Russian]
- Iz istorii, 2019** – *Iz istorii kazakhsko-rossiyskikh otnosheniy. XVIII vek. Sbornik dokumentov.* (2019). Sost.: Sirik V.A. [From the history of Kazakh-Russian relations. XVIII century. Collection of documents]. Almaty: Litera-M. [in Russian]
- Iz istorii, 2020** – *Iz istorii velikoy stepi (poslednyaya chetvert' XVIII v.) Sbornik dokumentov* [From the history of the great stage (the last quarter of the XVIII century.) Collection documents]. (2020). Pod red. Z.Ye. Kabul'dinova. Sostavitel': V.A. Sirik. Almaty: «Litera-M». [in Russian]
- Kayrgaliyeva, 2009** – *Kayrgaliyeva G.* (2018). Issledovanie Instituta batyrov v kazahskom obshchestve [Research of the Institute of Heroes in the Kazakh society]. *Vestnik ZKGU*. 2(70): 220-230. [in Russian]
- Kushkumbayev, 2001** – *Kushkumbayev, A.K.* (2001). Voennoye delo kazakhov v XVII-XVIII vv. [Military affairs of the Kazakhs in the XVII-XVIII centuries]. Almaty: Dayk-Press. [in Russian]
- Kuzembayuly, 2019** – *Kuzembayuly, A.* (2018). Institut batyrov: teoreticheskie i metodologicheskie problemy [Institute of Heroes: theoretical and methodological problems]. *Vestnik Evraziiskogo gumanitarnogo instituta*. 4: 21-27. [in Russian]
- Kraft, 1900** – *Kraft, I.I.* (1900). Iz kirgizskoi stariny [From the Kyrgyz antiquity]. Orenburg: Tip. F.B. Sachkova. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat. [in Russian]
- Lipec, 1984** – *Lipec, R.* (1984). Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose [Images of Batyr and his horse in the Turkic-Mongolian exposure]. Moskva: Nauka. [in Russian]
- Lobysevich, 1872** – *Lobysevich, F.* (1872). Glavnye nachal'niki Orenburgskogo kraya 1734–1870 [The chief chiefs of the Orenburg Region 1734–1870]. *Voennyj sbornik*. 5: 41-68. [in Russian]
- Meiendorf, 1975** – *Meiendorf, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M.: Nauka. [in Russian]
- Pershits, 1976** – *Pershits, A.I.* (1976). Nekotoryye osobennosti klassoobrazovaniya i ranneklassovykh otnosheniy u kochevnikov skotovodov. [Some features of class formation and early class relations among the nomads of pastoralists]. M.: Nauka. [in Russian]
- Seidimbek, 2002** – *Seidimbek, A.* (2002). Kazahskoe iskusstvo kyuya [Kazakh art of kuy]. Astana: Kultegin. [in Russian]
- Sultanov, 2001** – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnyatyie na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana [Raised on a white felt. Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Dayk-Press. [in Russian]
- Tylakhmetova, 2020** – *Tylakhmetova, A.S.* (2020). Nekotorye aspekty vnutrennej i vneshnej politiki Abylaj hana v arhivnykh dannykh Rossii (1748–1772 gg.) [Some aspects of Abylai Khan's domestic and foreign policy in Russian archives]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «edu.e-history.kz*. 3(23). [in Russian]
- Vyatkin, 1947** – *Vyatkin, M.P.* (1947). Batyr Syrym [Batyr Syrym]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. [in Russian]
- Yerofeyeva, 2001** – *Yerofeyeva, I.V.* (2001). Simvoly kazahskoy gosudarstvennosti (pozdneye srednevekov'ye i novoye vremya) [Symbols of Kazakh statehood (late Middle Ages and modern times)]. Almaty: Arkaim. [in Russian]
- Zalesskii, 1991** – *Zalesskii B.* (1991). Puteshestvie v kazahskie stepi. Almaty: Oner. [in Russian]

Политико-общественная деятельность института батыров Западной Сибири в составе Российской империи (XVIII–XIX вв.)

Ерке Тамабековна Картабаева^{a, *}, Гульжан Сейдуалиевна Беделова^a,
Айтолкын Айтжанкызы Токтаган^b, Нургул Нурланкызы Акпанбет^c

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

^b Казахский национальный университет искусств, Нур-Султан, Казахстан

^c Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. В предлагаемой научной статье, исходя из данных казахстанских и российских архивов, рассматривается политико-общественная деятельность института батыров, служивших в Западной Сибири в составе Российской империи в XVIII–XIX веках. После вхождения в состав Российской империи произошел ряд изменений в структуре и направлении развития института батыров казахского общества. В первую очередь необходимо уделить внимание увеличению их политико-дипломатических миссий. Царская власть активизировала политическую деятельность казахских батыров Западно-Сибирской степи, вовлекая их в различные государственные и пограничные вопросы. Необходимо признать, что на предыдущем этапе деятельность данного института ограничивалась исключительно военными целями. В XVIII–XIX веках российские исследователи, находившиеся в Казахской степи по разным причинам, характеризовали всестороннее развитие роли батыров в обществе. В ходе анализа российских архивных данных мы убедились в том, что положение института батыров в системе власти изменилось: они успешно осуществили связующую деятельность между простым народом и правящими ханами и султанами. Представители института батыров смогли эффективно взаимодействовать с царской администрацией по урегулированию конфликтов, происходивших в окрестностях крепостных линий. Также на государственные инициативы по урегулированию межплеменных конфликтов в казахском обществе и их ликвидации существенно повлиял авторитет батыров в общественной среде. Такие батыры, как Богенбай, Кабанбай, стали советниками ханов и султанов. Одним из изменений, произошедших в институте батыров в этот период, можно назвать их восхождение в разряд правящей элиты общества. Завоевав доверие царского правительства, батыры добились должности тархана.

Ключевые слова: батыры, Российская империя, казахское общество, Западная Сибирь, институт батыров.

* Корреспондирующий автор

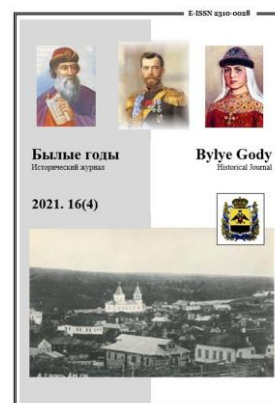
Адреса электронной почты: madina.imanbaeva@mail.ru (Е.Т. Картабаева),
gg_researcher@yahoo.com (А.А. Токтаган)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1671-1682
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1671

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

Abstract

The work examines the history of the Cherkasov family from Keret. The attention is paid to the founder of the surname, nine generations, as well as ancestral ties and other genealogical materials.

The author used the following documents as materials: the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow, Russian Federation), in which the documents of the 3rd revision of 1763 for the village of Keret were postponed; the State Archive of the Arkhangelsk region (Arkhangelsk, Russian Federation), in which the materials from the 4th to the 10th revision (1782-1858) were postponed; the National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation), in which the metric books for the village of Keret were postponed; The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Podolsk, Russian Federation), thanks to which the fate of several representatives of the genus who took part in World War II was established.

In conclusion, the author states that the ancestor of the Cherkasovs was a certain Prokofy (Prokofy), born around 1685. Prokofy, in all probability, belonged to the Cherkasy – Cossack ethnic group on the territory of modern Ukraine. Prokofy's son Cherkas Isak, who arrived in Keret in the late 1720s, was recorded as Isak Cherkasov and assigned to the peasant class. From the late 1720s to the mid-1950s (until the closure of the village of Keret during the Soviet era) Cherkasov and the village of Keret will be inextricably linked. During this time, 7 generations of Cherkasovs were born in Keret (it should be recalled that the first two generations were newcomers – Prokofy and his son Isak). The Cherkasovs' main occupation in Keret was fishing. During the years of their life in the village Cherkasov performed state duties (recruited into the Russian army as recruits, took part in the First and Second World Wars), paid taxes. Among the Cherkasovs were industrialists before the revolution, engineers, officials, teachers, inventors, entrepreneurs in the Soviet and modern Russian periods. Among them were victims of political repression in the USSR and Soviet laureates of the state prize...

Keywords: Cherkasovs (Keretskys), Cherkas Prokofy, Isac Cherkasov, revisions, Keret village, Russian Empire.

1. Введение

Черкасовы – достаточно распространенная фамилия на постсоветском пространстве. К примеру, только по данным сайта «Подвиг народа», в Великой Отечественной войне приняли участие и были награждены не менее 5 тыс. мужчин – носителей этой фамилии. Именно поэтому мы решили добавить к фамилии и место проживания, а именно село Кереть (современной республики Карелия), так получилось название Черкасовы (Керетские).

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

Важно отметить, что Кереть являлась одним из старейших населенных пунктов русского севера, которое отсчитывало свою историю с периода конца XV – начала XVI вв. (Черкасов, 2013а: 15). Село находилось на берегу Белого моря, поэтому местные жители назывались поморами и занимались преимущественно рыбным промыслом. С момента основания села история населенного пункта была связана с историей рода Черкасовых. Сегодня родовое древо рода Черкасовых из Керети насчитывает около 250 имен, из них 81 человек приходился на первые 9 поколений с 1685 по 1954 г. Важно пояснить, что последняя 9-я генерация началась в 1910 г. и закончилась в 1954 г., то есть началась последняя из изучаемых нами генераций еще в дореволюционный период.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы документы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), в котором отложились документы 3-й ревизии 1763 г. по селу Кереть; государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация), в котором имеются материалы с 4-й по 10-ю ревизии (1782–1858 гг.); Национального архива республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация), в котором хранятся метрические книги по селу Кереть; Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Подольск, Российская Федерация), благодаря которым установлена судьба нескольких представителей рода, принявших участие во Второй мировой войне.

Важно сразу пояснить, что материалы в метрических книгах по Керетскому приходу Николаевской церкви представлены довольно эпизодично (церковь относилась к Архангельской духовной консистории по Керетской церкви, 3-го Кемского благочиния). Так, самые ранние метрические книги по Керетскому приходу имеются за 1861–1865 гг., потом до 1874 г. книг нет. В то же время с 1900 по 1919 г. записи представлены в полном объеме.

В методологическом плане в работе широко применен генеалогический метод исследования, благодаря которому удалось проследить девять поколений рода Черкасовых из Керети, выявить их родовые связи, а также высчитать генетическую силу рода. Инструментом для генеалогического анализа, таким образом, стал сбор информации о разных поколениях (генерациях) рода. Помимо этого, нами был использован ретроспективный метод, благодаря которому удалось рассмотреть события в их хронологической последовательности.

3. Обсуждение и результаты

Ввиду специфичности данной темы историография представлена только нашими работами, изданными в 2013 и 2021 гг. Среди работ 2013 г. можно указать труды по истории рода Черкасовых (Черкасов, 2013) и по истории села Кереть (Черкасов, 2013а). В 2021 г. были опубликованы статьи о двух представителях рода Черкасовых: выдающемся советском и российском изобретателе Павле Ивановиче Черкасове (Cherkasov, 2021a), участнике Первой мировой войны и жертве политических репрессий Феофане Ивановиче Черкасове (Cherkasov, 2021). В настоящее время ведутся работы по подготовке биографических исследований и о других представителях рода. Однако обо всем по порядку...

Самым ранним документом о происхождении рода Черкасовых в селе Кереть стали материалы 3-й ревизии, которая проводилась в Российской империи в 1763 г. Первичные материалы ревизии назывались ревизскими сказками. Согласно сказкам о государственных и монастырских крестьянах (русских и лопарях) Кольского уезда, вотчины Соловецкого монастыря, Керецкого села были зафиксированы следующие представители рода (выписку из этого документа мы решили представить полностью):

Таблица 1. Черкасовы в материалах 3-й ревизии 1763 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 1479. Л. 870б.–88)

		По последней ревизии в подушный оклад написаны	Из оных после ревизии ныне разными случаями выбыли	Ныне состоит налицо и с прибылыми и вновь рожденными
Лета				
981	Исак Прокофьев сын Черкасов	35		52
	У него жена Параскева, 55 лет взята у бывшего Керецкого села крестьянина Григория Морозова			
	У них дети, написанные в бывшую ревизию			
982	Андрей	14		31

983	Григорий	5	Отдан в рекруты в 1757 г.	
984	Петр	1,2 (6 месяцев – Авт.)		17 1/2
	Рожденные после ревизии			
	Мокей			13
	Дочери			
	Марина, 25 лет, отдана в замужество Двинского уезда Кемского городка за крестьянина Алексея Попова			
	Катерина, 15 лет			
	У Андрея жена Домна, 25 лет взята у керенчанина Ивана Петрова			

Первая генерация (поколение). Согласно данным таблицы 1, мы можем видеть, что о родоначальнике Черкасовых из Керети известно сравнительно немного – звали его Прокофий. Достоверно известно, что сын у него родился в 1711 г., исходя из этого мы можем предположить, что Прокофий родился не позднее 1685 г. Так как жена его сына Исака была крестьянкой, то, вероятно, и род Черкасовых в Керети был крестьянским. Имя Прокофий в XVIII веке отождествляли с именем Прокопий, что в переводе с греческого языка означало Преуспевающий. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что Прокофий не был местным, скорее всего, он был из черкас (казачьей этнической группы на территории правобережной Украины), с которыми у русского фронта, коим являлся Соловецкий монастырь в то время, были весьма напряженные отношения. Стремясь облегчить эти отношения, русская администрация подготовила инструкцию для русских воевод, в которой рекомендовалось «черкасов добрых, семейных записывать на службу и наделять их пахотными землями, сеножатиями и всякими выгодами» (Дикий, 1960–1961). Для лучшей визуализации мы представили родоначальника Черкасовых из Керети на [Рисунке 1](#).

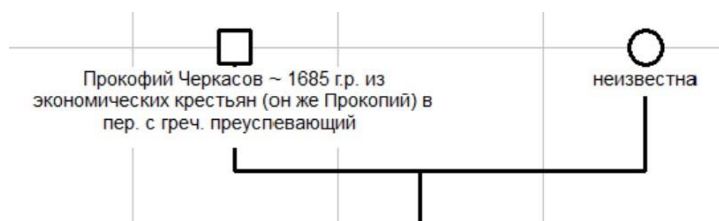

Рис. 1. Первая генерация ~1685 г.

Вторая генерация. В Керети из детей Прокофия был только один ребенок – его сын Исаак. По всей вероятности, отпрыск казачьей вольницы Исаак прибыл в Кереть в конце 1720-гг. как переселенец, где ему и дали фамилию Черкасов, так 18-летний черкас по имени Исаак стал крестьянином Исаком Черкасовым. В это время в деревне была на выданье дочка местного крестьянина Григория Морозова – Параскева (она же Парасковья). Примерно в 1730 г. Исаак и Параскева обвенчались, ему в то время было 19 лет, а Параскеве – 22. О том, что Исаак жил в Керети с конца 1720-х гг., свидетельствует его женитьба на местной крестьянке. Также на это указывает учет его предыдущей ревизией (2-й) 1744 г. Кстати, 4-й ревизией в 1782 г. отчество Исака уже было записано как Прокопьевич.

Возраст: Исаак скончался в 1776 г. в 65-летнем возрасте, его жена пережила его всего на 5 лет и умерла в 1781 году в возрасте 73 лет (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2674. Л. 189-189об.). Очень странно, но ни в 1-й ревизии 1719–1720 гг., ни во 2-й ревизии 1744–1745 гг. Черкасовы в селе Кереть не были обнаружены. Скорее всего, учет был неполным или же документы сохранились не полностью.

Рис. 2. Вторая генерация (1711 г.)

Третья генерация (6 человек) (1731–1749 гг.). У Исака и Параскевы было 6 детей (4 сына и 2 дочери): первым ребенком был Андрей, родившийся в 1731 г., потом Марина 1737 г.р., Григорий 1741 г.р., Петр 1746 г.р., Катерина 1747 г.р. и последним был Мокей (он же Моисей) 1749 г.р. Мы можем видеть, что между первыми детьми был значительный временной интервал по 5–6 лет, а уже с 4-го ребенка между детьми был интервал 1–2 года. Последнего ребенка Параскева родила уже в возрасте 41 года. Судьба этого потомства складывалась достаточно успешно: так, все дети смогли пережить младенчество, то есть среди них лиц, умерших в детском возрасте, не было. Трое из четверых сыновей (Андрей, Петр и Мокей) впоследствии женились и имели потомство. Что касается Григория, то в 16-летнем возрасте в 1757 г. он был отдан в рекруты и в Кереть больше не возвращался, как сложилась его судьба, неизвестно. Катерина же, согласно материалам 4-й ревизии, к своим 34-м годам продолжала оставаться в девках (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2674. Л. 189-189об.).

Браки: Старший сын Исака Андрей женился на дочери керетского крестьянина Ивана Петрова – Домне (она же Домника) 1734 г.р. (жених был старше на 3 года). Петр в свою очередь женился на дочери керетского крестьянина по имени Евдокия 1745 г.р. (невеста была старше на 1 год), Мокей также женился на дочери керетского крестьянина по имени Акилина 1749 г. (жених и невеста были ровесниками). Старшая дочь Марина в 18-летнем возрасте в 1780 г. вышла замуж за крестьянина Алексея Попова (Двинской уезд Кемский городок) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 1479. Л. 870б.-88).

Возраст: Андрей достиг преклонных лет, скончался в возрасте 73 года в 1804 г. (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 3261. Л. 550б.) Петр погибнет в результате несчастного случая в море в 1791 г. вместе с двумя старшими сыновьями (ГААО. Ф. 51. Оп. 1. Т. 2. Д. 2711. Л. 116-116об.). Мокей умрет в 1807 г. в возрасте 58 лет (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 3261. Л. 550б.).

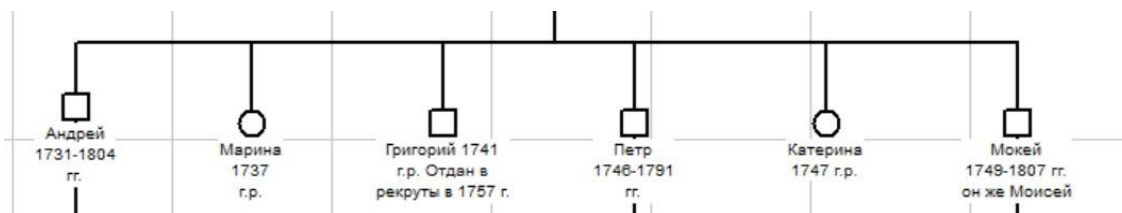

Рис. 3. Третья генерация (1731–1749 гг.)

Четвертая генерация (13 человек) (1764–1789 гг.). Уже в четвертом поколении по мужской линии Черкасовых возникают три ветви. Первая ветвь – дети Андрея и Домны (один сын и три дочери): Антон 1764 г.р., Наталья 1769 г.р., Фекла 1770 г.р. и Ксения (она же Оксенья) 1775 г.р. Вторая ветвь – дети Петра и Евдокии (четыре сына и одна дочь): Антон 1776 г.р., Семен 1777 г.р. Демид (он же Дмитрий) 1779 г.р., Емельян 1786 г.р. и Неонила 1789 г.р. Третья ветвь – дети Мокея и Акилины (один сын и три дочери): Корнило (он же Корнило) 1772 г.р., Марфа – примерно 1775 г.р., Евдокия 1777 г.р. и Неонила 1780 г.р. (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 22. Л. 610б.-62).

Судьба Черкасовых четвертого поколения будет складываться по-разному. Из детей Андрея единственный его сын (Антон) женится на дочери керетского крестьянина Ирине 1767 г.р. (жених старше на 3 года), а его старшая дочь Наталья умрет в 10-летнем возрасте, о судьбе двух других дочерей сведений не обнаружено. Что касается детей Петра, то двое старших сыновей (Антон и Семен) погибнут вместе с отцом на промысле в 1791 г. (Антону было в то время 15 лет, а Семену – 14) (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2711. Л. 116-116об.). Емельян погибнет 10-летнем возрасте в 1796 г. Последний сын Петра Демид в самом начале 1800-х гг. женился на дочери керетского крестьянина Параскеве 1785 г.р. (жених старше на 6 лет) (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 4. Д. 8437. Л. 329об.-330). Сын Мокея Корнило женился в Керети на крестьянской дочери Анне 1777 г.р., его старшая дочь умрет в младенчестве в возрасте около 5 лет. Судьба других дочерей (Евдокии и Неонилы) также неизвестна.

Возраст: Антон умрет в возрасте 54 лет в 1818 г., Демид умрет в 1823 г. в возрасте 44 лет (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12870. Л. 1460б.-147). Корнило переживет своих двоюродных братьев и умрет в возрасте 65 лет в 1837 г. (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 310. Л. 750б.-76).

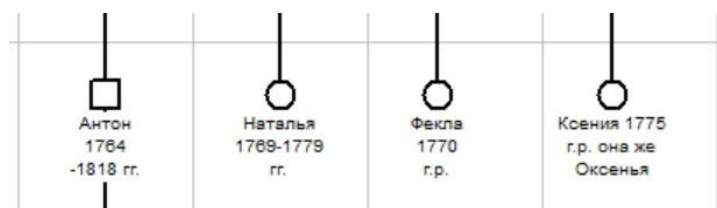

Рис. 4. Четвертая генерация. Первая (Андреевская) ветвь

Рис. 5. Четвертая генерация. Вторая (Петровская) ветвь

Рис. 6. Четвертая генерация. Третья (Мокеевская) ветвь

Пятая генерация (8 человек) (1793–1818 гг.). Пятая генерация также была представлена тремя ветвями. Первая ветвь – дети Антона и Ирины: Параскева 1793 г.р., Иван 1796 г.р., Елена 1800 г.р.; вторая ветвь – дети Демиды и Параскевы: Устина 1805 г.р., Настасья 1809 г.р., Екатерина 1814 г.р. и Илья 1818 г.р.; третья ветвь – дети Корнило и Анны: одна дочь Настасья 1801 г.р.

Браки: Иван Антонович женится на Матрене 1802 г.р., Илья Демидович женится на Марине 1813 г.р. (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12870. Л. 146об.-147). Помимо этого, оставит потомство, ставшее Черкасовыми, Настасья Демидовна, родившая четырех детей вне брака.

Возраст: Мужчины 5-й генерации умрут в возрасте до 40 лет. Так, Иван Антонович умрет в 1833 г. в возрасте 37 лет (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12870. Л. 146об.-147), а Илья Демидович умрет в 1857 г. в возрасте 39 лет (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 421. Л. 20об.-22). Что касается Настасьи Демидовны, то она умрет в 1884 г. в почтенном возрасте – 75 лет (Черкасов, 2013: 48).

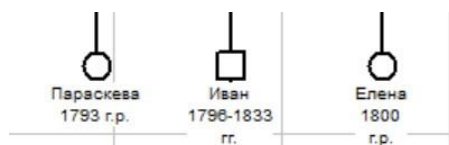

Рис. 7. Пятая генерация. Первая (Антоновская) ветвь

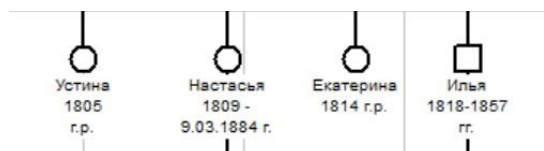

Рис. 8. Пятая генерация. Вторая (Демидовская) ветвь

Рис. 9. Пятая генерация. Третья (Корниловская) ветвь

Шестая генерация (10 человек) (1822–1850 гг.). Шестая генерация также представлена тремя ветвями. Первая ветвь – дети Ивана и Матрены (два сына и дочь): Филипп 1822 г.р., Степан (он же Стефан) 1825 г.р. и Мария 1830 г.р.; вторая ветвь – дети Ильи и Марины (три дочери): Степанида 1844 г.р., Просковья 1847 г.р. и Васса 1848 г.р.; третья ветвь – дети Настасьи, рожденные вне брака (три сына и дочь): Демьян 1836 г.р., Марк 1839 г.р., Евдокия 1845 г.р. и Агапит (он же Агафон) 1850 г.р. (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 421. Л. 20об.-22)

Браки: Филипп Иванович женился на Устине Даниловне 1826 г.р. (жених был старше на 4 года). Агапит женился на Параскеве Семеновне 1853 г.р. (жених был старше на 3 года) (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 421. Л. 20об.-22).

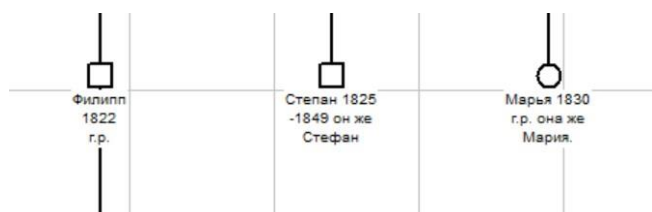

Рис. 9. Шестая генерация. Первая (Ивановская) ветвь

Рис. 10. Шестая генерация. Вторая (Ильинская) ветвь

Рис. 11. Шестая генерация. Третья ветвь (внебрачное потомство Настасьи)

Ввиду отсутствия мужчин вторая (Ильинская) ветвь затухла. Однако первая (Ивановская) и третья (потомство Настасьи) дали потомство.

Седьмая генерация (14 человек) (1848–1897 гг.). Седьмая генерация представлена двумя ветвями. Первая ветвь – дети Филиппа и Устины Даниловны (4 дочери и три сына): Параскева 1848 г.р., Елистримия 1851 г.р., Катерина 1853 г.р. Иван 1856 г.р., Иван 1859 г.р., Яков 1861 г.р. и Александра 1864 г.р.; вторая ветвь – дети Агапита и Параскевы Семеновны (5 сыновей и 2 дочки): Леонтий 1875 г.р., Алексей 1877 г.р., Евдокия 1881 г.р., Михаил 1884 г.р., Анна 1886 г.р., Петр 1888 г.р. и Семен 1897 г.р. (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 400. Л. 553-5530б.). Из трех сыновей Филиппа двое не дожили и до 5 лет (Иван, родившийся в 1859 г., и Яков), а из пяти сыновей Агапита в возрасте до 11 лет умерли трое (старшие сыновья Леонтий, Алексей, Михаил). Важно пояснить, что в 1880-е гг. в Керети свирепствовала скарлатина, которая и стала причиной высокой смертности среди детей в Керети (Черкасов, 2013: 49).

Браки: Иван Филиппович женился на Гликерии Сергеевне (в девичестве Дворникова) 1857 г.р. (невеста была старше на 1 год) (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 510. Л. 9120б.-913). Семен Агапитович женился на Таисии Андреевне (в девичестве Оборина) 1896 г.р. (невеста была старше на 1 год) (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 478. Л. 5830б.-584).

Возраст: Иван Филиппович скончался 20 января 1900 г., в возрасте 44 лет (Черкасов, 2013: 49), его жена Гликерия умерла 9 марта 1918 г. на 63-м году жизни (Черкасов, 2013: 52). Что касается Семена Агапитовича, то в годы Второй мировой войны он был призван в армию и пропал без вести в октябре 1941 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 960. Л. 81).

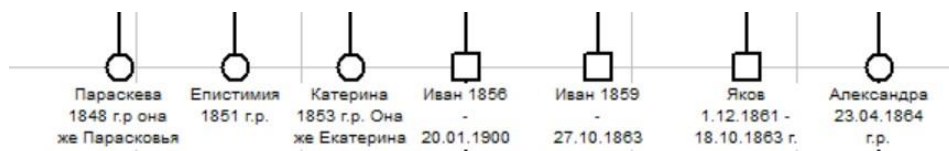

Рис. 12. Седьмая генерация. Первая (Филипповская) ветвь

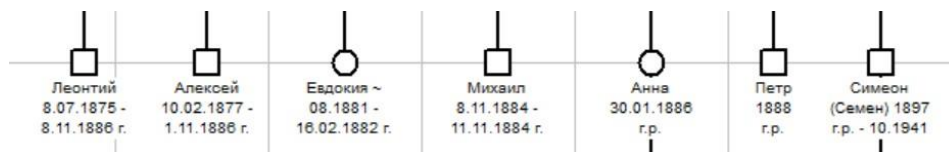

Рис. 13. Седьмая генерация. Вторая (Агапитовская) ветвь

Восьмая генерация (14 человек) (1879–1925 гг.). Восьмая генерация представлена также двумя ветвями. Первая – дети Ивана и Гликерии (10 человек – 8 сыновей и 2 дочки, последний из сыновей родился вне брака уже после смерти отца семейства): Александр 1879 г.р., Анна 1881 г.р., Павел 1882 г.р., Филипп 1885 г.р., Феофан 1886 г.р., Степан 1889 г.р., Павла 1893 г.р., Алексей в

начале 1890-х гг., Петр 1896 г.р. и последний Иван 1902 г.р.; вторая ветвь – дети Семена и Таисии (три дочери и сын): Апфия 1916 г.р., Августа 1918 г.р., Федор 1922 г.р. и дочь (имя начинается на букву А., полное имя установить не удалось) 1925 г.р.

Браки: Павел Иванович женился на Марии Андреевне 1888 г.р. (жених был на 6 лет старше), Феофан Иванович женился на Наталии Ефимовне (в девичестве Савина) 1893 г.р. (жених был на 7 лет старше) (Черкасов, 2013: 50), последний сын Иван Иванович женился в первый раз на Анастасии Ивановне 1904 г.р. (жених был старше на 2 года), а позднее – на Анастасии Андреевне (в девичестве Кемова) 1909 г.р. (жених был старше на 7 лет). Семен Агафонович женился на керетской крестьянке Таисии Андреевне Обориной 1896 г.р. (невеста была на 1 год старше) (Черкасов, 2013: 51).

Возраст: много детей восьмой генерации умерли в младенчестве от родимца. Анна Ивановна прожила всего 3 месяца, Филипп – только 6 дней, Алексею не было и 6 лет, не достиг 18 лет старший сын Александр Иванович. Феофан был расстрелян в период политических репрессий в 1938 г. (Cherkasov, 2021: 79). В семье Семена Агапитовича Апфия умерла в возрасте 3 месяцев, а Федор погиб в концентрационном лагере в 1942 г. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 960. Л. 81). Иван Иванович прожил 67 лет и скончался в 1969 г., сказались 5 ранений, полученных в годы Второй мировой войны (Черкасов, 2013: 57).

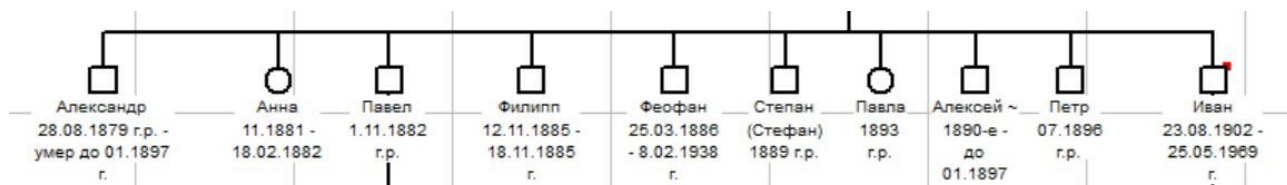

Рис. 14. Восьмая генерация. Первая (Ивановская) ветвь

Рис. 15. Восьмая генерация. Вторая (Семеновская) ветвь

После гибели на войне Федора вторая (Семеновская) ветвь по мужской линии затухла, но первая (Ивановская) ветвь дала большое потомство.

Девятая генерация (14 человек) (1910–1954 гг.). Представлена генерация тремя ветвями. Первая ветвь – дети Павла Ивановича и Марии Андреевны (5 дочерей и 2 сына): Алексей 1910 г.р., Петр 1913 г.р. (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 684. Л. 539), Анна 1916 г.р., Клавдия 1919 г.р., Евгения 1921 г.р., Маргарита 1926 г.р. и Александра примерно 1930 г.р.; вторая ветвь – дети Феофана Ивановича и Наталии Ефимовны: дочь Анна 1912 г.р. (Черкасов, 2013: 50); третья ветвь – дети Ивана Ивановича и Анастасии Ивановны (первый брак): дочь Валентина 1931 г.р. и сын Леонид 1934 г.р., а также от второго брака с Анастасией Андреевной (два сына и две дочери): Федор 1936 г.р., Павел 1938 г.р., Клавдия 1949 г.р. и Людмила 1954 г.р. (Cherkasov, 2021a: 24).

Браки по мужской линии: Алексей Павлович женился на Ульяне Федоровне (в девичестве Прокопьева) 1916 г.р. (жених был старше на 6 лет), Петр Павлович также был женат, но имя жены установить не удалось, Леонид Иванович был женат первым браком на Наталье, а вторым браком на Зое 1935 г.р. (жених был на 1 год старше), Павел Иванович был женат на Марии 1940 г.р. (жених был старше на 2 года).

Возраст: Алексей Павлович умер в возрасте 59 лет в 1969 г., сказались ранения в годы Второй мировой войны, Петр Павлович погиб в годы Второй мировой войны в 1942 г. в возрасте 29 лет, Павел Иванович скончался в 2010 г., прожив 72 года (Cherkasov, 2021a: 34).

Рис. 16. Девятая генерация. Первая (Павловская) ветвь

Рис. 17. Девятая генерация. Вторая (Феофановская) ветвь

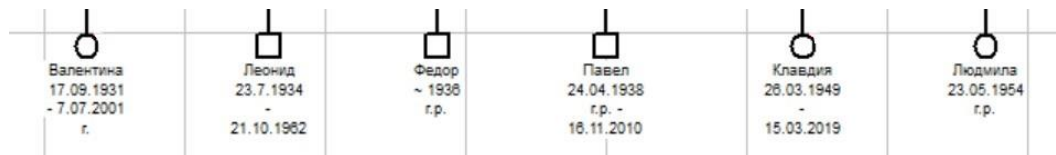

Рис. 18. Девятая генерация. Третья (Ивановская) ветвь

Вторая (Феофановская) ветвь затухла, но первая (Павловская) и третья (Ивановская) ветви дали в последующем большое потомство.

Таблица 2. Генерации (поколения) рода Черкасовых из Керети (1685–1954 гг.)

Генерация (поколения)	Годы	Ветви	Количество людей
Первое	1685	одна	1
Второе	1711	одна	1
Третье	1731–1749 гг.	одна	6
Четвертое	1764–1789 гг.	три	13
Пятое	1793–1818 гг.	три	8
Шестое	1822–1850 гг.	три	10
Седьмое	1848–1897 гг.	две	14
Восьмое	1879–1925 гг.	две	14
Девятое	1910–1954 гг.	три	14

Важным источником генеалогического характера являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года (28 января) по селу Кереть Керетского сельского общества и волости Кемского уезда Архангельской губернии. По данным на 1897 г., в Керети проживали две семьи Черкасовых:

1. Семья Агафона (незаконнорожденный) Черкасова, проживавшая в собственном дворе (построено и крыто деревом).

Состав семьи:

- **Черкасов Агафон** (н.з.) – хозяин, 45 лет, женат; крестьянин из государственных; родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; неграмотный; главное занятие, которое доставляет средства для существования, – рыбопромышленник, хозяин.

- Черкасова Параскева Семеновна – жена, 46 лет; крестьянка из государственных; родилась, приписана, обыкновенно проживает – здесь; православная; родной язык – русский; неграмотная; главное занятие – при муже.

- Черкасова Анна Агафоновна – дочь, 10 лет; крестьянка из государственных; родилась, приписана, обыкновенно проживает – здесь; православная; родной язык – русский; грамотная, обучалась в церковноприходской школе; главное занятие – при родителях (ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 28. Л. 100–101).

2. Семья Ивана Филипповича Черкасова, прожившая в собственном дворе (во дворе жилых строений – 1, построено и крыто деревом).

Состав семьи:

- Черкасов Иван Филиппович – хозяин, 41 год, женат; крестьянин из государственных; родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; грамотный, обучался в 1-классном училище Министерства народного просвещения; главное занятие, которое доставляет средства для существования, – рыбопромышленник, хозяин; побочное занятие – рабочий поденщик.

- Черкасова Гликерия Сергеевна – жена, 40 лет; крестьянка из государственных; родилась – Архангельская губерния, Кемский уезд; приписана, обыкновенно проживает – здесь; православная; родной язык – русский; неграмотная; главное занятие – при муже.

- Черкасов Павел Иванович – сын, 14 лет; крестьянин из государственных; приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; грамотный, обучался в церковноприходской школе; главное занятие – при родителях.

- Черкасов Феофан Иванович – сын, 10 лет; крестьянин из государственных; приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; неграмотный; главное занятие – при родителях.

- Черкасов Степан Иванович – сын, 8 лет; крестьянин из государственных; приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; неграмотный; главное занятие – при родителях.

- Черкасов Петр Иванович – сын, 6 месяцев; крестьянин из государственных; приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; главное занятие – при родителях.

- Черкасова Павла Ивановна – дочь, 4 года; крестьянка из государственных; приписана, обыкновенно проживает – здесь; православная; родной язык – русский; при родителях (ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 28. Л. 149-150).

Первая Всероссийская перепись 28 января 1897 г. оставила подробные сведения о грамотности в роду Черкасовых. Так, на момент переписи грамотным был Иван Филиппович Черкасов, которому к этому времени было уже 41 год (по всей вероятности, грамоте он обучен был еще ранее). Примечательным является то, что по переписи 1897 г. грамотными были лишь 13 % населения Российской империи.

В немногочисленных материалах по рекрутской повинности встречается Григорий Исакович Черкасов 1741 г.р., который был отдан в рекруты в 16-летнем возрасте, то есть в 1757 г. В Первую мировую войну в армии служил Феофан Иванович Черкасов, по всей вероятности, в битве под Танненбергом в составе 2-й армии генерала Самсонова он попал в плен и до 1918 г. находился в австрийском лагере для военнопленных. Установить полк, в котором служил Феофан, не удалось.

Род Черкасовых был из экономических, то есть лично свободных крестьян. Род проживал достаточно дружно. В поддержку этого тезиса может служить то, что практически все Черкасовы принимали участие в бракосочетаниях в качестве поручителей, а также становились восприемниками (крестными) на крещениях детей. Так, например, 10 декабря 1861 г. на крестинах Якова сына Филиппа Иванова Черкасова крестной была крестьянская девка Степанида Ильина Черкасова. 24 января 1874 г. на бракосочетании крестьянской девицы Прасковьи Ильиничны Черкасовой и крестьянина Ивана Антонова Пайкачева поручителями со стороны невесты были Агапит Черкасов и Иван Филиппов Черкасов.

Что касается из (незаконнорожденный), то их количество в с. Кереть было значительным – около 10 %. Из были не только в семьях Черкасовых, но и Михниных, Лангуевых и даже дочь почетного гражданина купца Савина родила ребенка вне брака.

Помимо этого, имеется несколько семей Черкасовых в городе Кемь и Тунгудском приходе (Лаврентий и Василий, начало XX века), а также в Прионежском районе (Степан и Стаф, начало XX века). Однако говорить о родственных связях здесь преждевременно.

Подробно обследованы каботажные книги по судам, имеющим место приписки к селу Кереть. Среди судовладельцев Черкасовых нет. Рассмотрены также материалы мировых судов по участкам Кемского уезда, находящихся под следствием или судимых Черкасовых не обнаружено.

Средний возраст жизни в роду Черкасовых. Уделим некоторое внимание статистике в расчете генетической силы рода, а соответственно и продолжительности жизни в роду. Для этого сделаем выборку по лицам дат рождения и смерти, которые известны. Период, который охвачен статистическим исследованием, составляет 307 лет, то есть с 1711 по 2019 гг. В список мы включили Черкасовых обоих полов без их жен и мужей. Таким образом, мы выявили 39 человек (Таблица 3).

Таблица 3. Даты жизни представителей рода Черкасовых (1711–2019 гг.)

№ пп	Имя	Годы жизни	Количество прожитых лет
1	Исак	1711–1776 гг.	65
2	Андрей	1731–1804 гг.	73
3	Петр	1746–1791 гг.	45
4	Мокей	1749–1807 гг.	58
5	Антон	1764–1818 гг.	54
6	Наталья	1769–1779 гг.	10
7	Антон	1776–1791 гг.	15
8	Семен	1777–1791 гг.	14
9	Демид	1779–1823 гг.	44
10	Емельян	1786–1796 гг.	13
11	Корнил	1772–1837 гг.	65
12	Иван	1796–1833 гг.	37
13	Анастасия	1809–1884 гг.	75

14	Илья	1818–1857 гг.	39
15	Демьян	1836–1857 гг.	21
16	Агафон	1841–1919 гг.	78
17	Иван	1857–1900 гг.	43
18	Иван	1859–1863 гг.	4
19	Яков	1861–1863 гг.	2
20	Леонтий	1875–1886 гг.	11
21	Алексей	1877–1886 гг.	9
22	Евдокия	1881–1882 гг.	2
23	Анна	1881–1882 гг.	2
24	Михаил	1884–1884 гг.	1
25	Филипп	1885–1885 гг.	1
26	Феофан	1886–1938 гг.	52
27	Семен	1897–1941 гг.	44
28	Иван	1902–1969 гг.	67
29	Алексей	1910–1969 гг.	59
30	Петр	1913–1942 гг.	29
31	Анна	1912–1912 гг.	1
32	Апфия	1916–1916 гг.	1
33	Анна	1916–1917 гг.	2
34	Клавдия	1919–2009 гг.	90
35	Федор	1922–1942 гг.	20
36	Леонид	1933–1963 гг.	30
37	Валентина	1931–2001 гг.	70
38	Павел	1938–2010 гг.	72
39	Клавдия	1949–2019 гг.	69

Общий возраст перечисленных в списке лиц – 1387 лет, что в пересчете на одну душу составляет всего 35,5 лет. Основная доля дат жизни приходится на дореволюционный период. В результате вот она – мифическая цифра среднего возраста человека в царское время: дескать, много не жили! На самом же деле 8 человек в роду не достигли и 3 лет, причинами этого были как природная слабость, так и болезни, эпидемии. Если исключить детей и начать отсчет от совершеннолетних с 21 года до 59 лет, то в этой возрастной группе в роду имеется 10 человек умерших (из них точные данные есть по 4, так Леонид погиб, Феофан был расстрелян, Петр и Семен погибли на войне). Помимо этого, скоропостижную смерть Петра Черкасова и двух его сыновей в 1791 г. мы склонны связывать с гибелью в море. То есть из указанных 12 человек данной возрастной группы минимум 5 погибли от внешних факторов, а не от старости. Если исключить тех, кто умер в младенческом или детском возрасте, а также погибших в результате войн или несчастных случаев, то в нашем списке останется всего 17 человек (Таблица 4).

Таблица 4. Лица, умершие по естественным причинам

№ пп	Имя	Годы жизни	Количество прожитых лет
1	Исак	1711–1776 гг.	65
2	Андрей	1731–1804 гг.	73
3	Мокей	1749–1807 гг.	58
4	Антон	1764–1818 гг.	54
5	Демид	1779–1823 гг.	44
6	Корнил	1772–1837 гг.	65
7	Иван	1796–1833 гг.	37
8	Анастасия	1809–1884 гг.	75
9	Илья	1818–1857 гг.	39
10	Агафон	1841–1919 гг.	78
11	Иван	1856–1900 гг.	44
12	Иван	1902–1969 гг.	67
13	Алексей	1910–1969 гг.	59
14	Валентина	1931–2001 гг.	70
15	Клавдия	1919–2009 гг.	90
16	Павел	1938–2010 гг.	72
17	Клавдия	1949–2019 гг.	69

Иными словами, из умерших по естественным причинам в 30–39 лет – 2 человека, 40–49 лет – 2 человека, 50–59 лет значится 3 человека, в возрасте 60–69 лет – 4 человека, 70–79 лет – 5 человек, 80–89 лет – нет и 90–99 лет – 1 человек.

Таким образом, средний возраст в роду Черкасовых (за последние 300 лет) составляет 62,2 года. Однако необходимо понимать, что в XVIII – первой половине XX вв. смертность была высока и по не зависящим от генетики причинам (например, голод и эпидемии). В результате, как нам представляется, сегодня максимальный возраст можно увеличить как минимум на 10 лет. Это, на наш взгляд, и является генетической силой рода. При этом для женщин средняя продолжительность жизни в период 1809–2019 гг. составляет 76 лет, а для мужчин в период 1711–2010 гг. – 52 года (резкое понижение связано со странными смертями четырех мужчин Черкасовых в XIX веке в возрастном диапазоне от 30 до 40 лет включительно, помимо этого, двое Черкасовых вернулись со Второй мировой войны получившими ранения, что также способствовало их преждевременному уходу). Данные цифры не являются окончательными, так как с введением в работу новых материалов они могут корректироваться, что, вне всякого сомнения, придаст точности статистическому учету.

4. Заключение

Завершая работу, мы хотели бы подвести следующие итоги:

1. Согласно документам Российского государственного архива древних актов, родоначальником Черкасовых был некто Прокофий (Прокопий), родившийся примерно в 1685 г. Прокофий, по всей вероятности, относился к черкасам – казачьей этнической группе на территории современной Украины. Сын Прокофия черкас Исак, прибывший в конце 1720-х гг. в Кереть, был записан как Исак Черкасов и определен в крестьянское сословие.

2. С конца 1720-х гг. и до середины 1950-х гг. (вплоть до закрытия села Кереть в годы советской власти) Черкасовы и село Кереть будут неразрывно связаны. За это время в Керети родилось 7 поколений Черкасовых (нужно напомнить, что первые два поколения были пришлыми – Прокофий и его сын Исак). Главным занятием Черкасовых в Керети был рыбный промысел. За годы своей жизни в селе Черкасовы исполняли государственные повинности (набирались в русскую армию в качестве рекрутов, принимали участие в Первой и Второй мировых войнах), платили налоги. Среди Черкасовых были промышленники до революции, инженеры, чиновники, учителя, изобретатели, предприниматели в советский и современный российский периоды. Среди них были жертвы политических репрессий в СССР и советские лауреаты государственной премии... Мы полагаем, что на совокности судеб представителей рода Черкасовых вполне можно изучать историю России. В крайнем случае материалов по истории рода Черкасовых вполне достаточно, чтобы написать эту работу – историю Черкасовых из Керети, историю Черкасовых (Керетских).

Литература

ГАОО – Государственный архив Архангельской области.

Дикий, 1960–1961 – Дикий А. Неизвращенная история Украины – Руси. В 2 т. Нью-Йорк, 1960–1961.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Черкасов, 2013 – Черкасов А.А. Из истории рода Черкасовых (1685–1954 гг.). Издание 4-е дополненное. Сочи, 2013.

Черкасов, 2013а – Черкасов А.А. Из истории российской северной деревни: Кереть // *Русская старина*. 2013. № 1(7). С. 15–35.

Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938)

// *European Researcher. Series A*. 2021. 12(2): 75–80.

Cherkasov, 2021a – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1938–2010)

// *Gardarika*. 2021. 8(1): 23–35.

References

Cherkasov, 2013 – Cherkasov, A.A. (2013). Iz istorii roda Cherkasovykh (1685–1954 gg.) [From the history of the Cherkasov family (1685–1954)]. Izdanie 4-e dopolnennoe. Sochi. [in Russian]

Cherkasov, 2013a – Cherkasov, A.A. (2013). Iz istorii rossiiskoi severnoi derevni: Keret' [From the history of the Russian northern village: Keret]. *Russkaya starina*. 1(7): 15–35. [in Russian]

Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938). *European Researcher. Series A*. 12(2): 75–80.

Cherkasov, 2021a – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1938–2010). *Gardarika*. 8(1): 23–35.

Dikii, 1960–1961 – Dikii, A. (1960–1961). Neizvrashchennaya istoriya Ukrainy – Rusi [The unperverted history of Ukraine – Rus]. V 2 t. N'yu-Iork. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region].

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].

TsAMO RF – Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

**Черкасовы (Керетские): историко-генеалогическое исследование
(на материалах второй половины XVIII – первой половины XX вв.)**

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

Аннотация. В работе рассматривается история рода Черкасовых из Керети. Уделено внимание основателю фамилии, девяти поколениям, а также родовым связям и другим материалам генеалогического характера.

В качестве материалов автором были использованы документы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), в котором отложились документы 3-й ревизии 1763 г. по селу Кереть; государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация), в котором имеются материалы с 4-й по 10-ю ревизии (1782–1858 гг.); Национального архива республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация), в котором хранятся метрические книги по селу Кереть; Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Подольск, Российская Федерация), благодаря которым установлена судьба нескольких представителей рода, принявших участие во Второй мировой войне.

В заключении автор отмечает, что родоначальником Черкасовых был некто Прокофий (Прокопий), родившийся примерно в 1685 г. Прокофий, по всей вероятности, относился к черкасам – казачей этнической группе на территории современной Украины. Сын Прокофия черкас Исак, прибывший в конце 1720-х гг. в Кереть, был записан как Исак Черкасов и определен в крестьянское сословие. С конца 1720-х гг. и до середины 1950-х гг. (вплоть до закрытия села Кереть в годы советской власти) Черкасовы и село Кереть будут неразрывно связаны. За это время в Керети родилось 7 поколений Черкасовых (нужно напомнить, что первые два поколения были пришлыми – Прокофий и его сын Исак). Главным занятием Черкасовых в Керети был рыбный промысел. За годы своей жизни в селе Черкасовы исполняли государственные повинности (набирались в русскую армию в качестве рекрутов, принимали участие в Первой и Второй мировых войнах), платили налоги. Среди Черкасовых были промышленники до революции, инженеры, чиновники, учителя, изобретатели, предприниматели в советский и современный российский периоды. Среди них были жертвы политических репрессий в СССР и советские лауреаты государственной премии...

Ключевые слова: Черкасовы (Керетские), черкас Прокофий, Исак Черкасов, ревизии, село Кереть, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

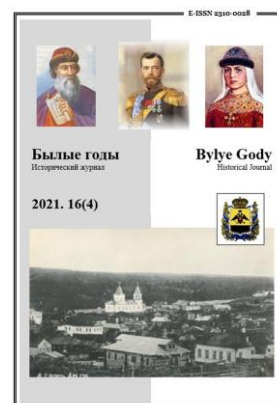
Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1683-1691
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1683

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Policy of the House of Romanov and the Russian Government on the Development of Scythian Archaeology

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^a, Vasily A. Rogozhkin ^a

^a Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract

In this article, based on the consideration of a diverse set of literature, a systematic description of the policy of the House of Romanov and the Russian government in the XVIII – early XX centuries on the development of Scythian archaeology is given. The entire range of literature and sources used in this article is divided into three groups, which include works on the history of archaeological knowledge, works on state policy in the field of archaeology and directly works on Scythian archaeology. A review of the literature shows that despite the increased interest in the history of archaeological knowledge, the policy of the House of Romanov and the Russian government on the development of Scythian archaeology has not been specifically investigated. Under the "Scythian archeology" in this work, the study of the European Forest-Steppe, Steppe, Crimea and the Kuban is considered, although if we interpret this concept in the perspective of "Scythian-Siberian unity", it is necessary to expand the scope of the study and analyze the expeditions of Russian scientists to Siberia and the fate of the Siberian collection of Peter I.

The attention of the Romanov House to Scythian archaeology was expressed in the personnel policy, which dictated the principles of choosing the leaders of the excavations of the richest Scythian mounds. They were initially military, and later – major scientists who occupied a high social position. The main role in the study of the Scythian mounds was played by the Archaeological Commission, called the Imperial Commission. The Russian government and the Imperial House personally spared no expense to research the Scythian mounds, archaeologists received government awards and ranks. An ambiguous situation developed with attempts to suppress predatory excavations of Scythian mounds by landowners, peasants and impostor archaeologists. In general, the experience of the development of Scythian archaeology on the part of the reigning dynasty and the Russian government seems useful today, when "black archeology" is flourishing on the territory of modern Russia and Ukraine.

Keywords: Romanovs, historiography, history of archeology, Scythians, state policy, Imperial Archaeological Commission.

1. Введение

«Ни Бурбон, ни Грегорианский музей, ни коллекция Кампана, за исключением двух–трех великолепных вещей, не представляют такого собрания, как скифские вазы, золотые серьги, массивные короны и т.д. <...> Наша скифская ваза и рисунки некоторых из наших подлинных "бриллиантов" произвели в Риме такое же впечатление, как в Париже и Лондоне» (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 64. Л. 290б.). Эти слова Ф.А. Жилия, начальника I Отделения Эрмитажа, написанные в 1843 году, свидетельствуют об отношении к археологическим находкам как фактору государственного престижа, что стало причиной пристального внимания Императорского Дома и российского правительства к развитию скифской археологии.

* Corresponding author

E-mail addresses: i.verniaev@spbu.ru (I.I. Verniaev)

Целью данной работы является анализ деятельности Дома Романовых и российского государства по развитию археологии скифов – народа, внесшего весомый вклад в мировую культуру и, возможно, повлиявшего на формирование славянской культуры. Под «археологией скифов» в данной работе подразумевается изучение памятников Европейской Скифии в XVIII–начале XX веков. После 1917 года политика в отношении археологии вообще, и скифской археологии в частности, изменяется (Мозолевский, 1983).

2. Материалы и методы

Нами использованы материалы, хранящиеся в архиве Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург, Российская Федерация), архиве Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и других. Также использованы законодательные и справочные материалы («Полное собрание законов Российской Империи» (ПСЗ), «Список гражданским чинам первых трех классов» и другие).

В данной работе применены такие общеисторические методы, как дескриптивный (описание событий), сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений), описательный (название метода говорит само за себя). Мы следовали общеисторическим принципам: историзма (выделение структуры и развития явления, подходя к нему конкретно-исторически) и объективности (всестороннее рассмотрение явления без сокрытия и замалчивания фактов).

3. Обсуждение

История изучения данной проблемы распадается на несколько составляющих: в первую группу входят работы по истории археологии обобщающего характера (Лебедев; Пряхин 2005; Формозов, 1986; Тихонов, 2008а) и освещающие закономерности развития археологической теории (Клейн, 2011; Клейн, 2014; Платонова, 2010; Скрипкин, 2020). Полезную для раскрытия данной темы информацию содержат биографии российских археологов.

Вторую группу составляют труды, посвященные государственной политике России в области развития археологии в целом (Тункина, 2002; Императорская, 2009; Смирнов, 2011). В них делается акцент на отношении российского государства к античной или славяно-русской археологии, политических воззрениях российских археологов.

К третьей группе материалов относятся труды по скифской археологии.

В работах, посвященных раскопкам выдающихся скифских курганов, часто содержится информация об истории их открытия и исследования (Ростовцев, 1925; Артамонов, 1966; Piotrowscy et al., 1986; Брашинский; Гуляев, 2005; Манцевич, 1987; Алексеев и др., 1991; Полин, Алексеев, 2018; Галанина, 1997 и др.).

Роли представителей Дома Романовых в развитии российской археологии посвящены работы И.Л. Тихонова (Тихонов, 2008) и В.Ф. Кернер (Кернер, 2020). В них описывается формирование Сибирской коллекции Петра I, делается акцент на внимании Николая I к находкам в кургане Куль-Оба. Они были опубликованы на средства императорского Кабинета вместе с другими находками в роскошном издании «Древности Боспора Киммерийского», использовавшемся в качестве дипломатического подарка и сразу же ставшем библиографической редкостью. И.Л. Тихонов сообщает о выделении 6 000 рублей Александром II для покупки находок из скифского кургана Хохлач, упоминает посещение Николаем II выставки, организованной Императорской археологической комиссией, в состав экспонатов которой входили находки из кургана Солоха (Тихонов, 2008: 154-156). Прорисовки наиболее эффектных находок из этого кургана были выполнены для Вильгельма II, но из-за начавшейся Первой мировой войны не попали по назначению (Манцевич, 1987: 15). В.Ф. Кернер упоминает интерес императора к материалам из Солохи, но концентрируется в своей работе на проблеме охраны прежде всего древностей Урала. Специально развитию скифской археологии в этих работах внимание не уделялось. Примечательна дневниковая запись А.А. Бобринского о Николае II: «Многим интересовался и выказал знания по многим отраслям нашей археологии» (Мурзанова, 1928: 148).

Однако, несмотря на возросший интерес к истории археологии, применительно к археологии скифов данная работа проводится впервые, в чем видится ее новизна.

4. Результаты

Российская археология в научном ее понимании берет свое начало в эпоху Петра I. Если подразумевать под «скифским» все «скифо-сибирское единство», то необходимо будет сказать об указе Петра I о создании Кунсткамеры, экспедиции докторов Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа и других ученых в Сибирь, инструкции для геодезистов, разработанной В.Н. Татищевым и усовершенствованной позже М.В. Ломоносовым (Формозов, 1986: 220-22). Происхождение каждой вещи из Сибирской коллекции Петра I не установлено, хотя ее состав неоднократно анализировался (Руденко, 1962). Ряд исследователей указывает на наличие в коллекции не только сибирских, но и скифо-сарматских памятников (Тункина, 2002; Клейн, 2014: 35). Видимо, это обусловлено

отсутствием в современной археологии единого мнения о семантике этнонима «скифы», под которым часто понимают названное «скифо-сибирское единство». Начало государственной политике в области археологии положено указом Петра I 1718 года: «...ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи, а именно: каменя необыкновенны..., какие старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, – також бы приносили, за что будет довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видав, нельзя положить цены» (ПСЗ-1, № 3159).

Необходимо отметить политику власти в выборе руководителей раскопок скифских курганов. Прежде всего, это военные: в 1763 г. по поручению генерал-поручика А.П. Мельгунова был раскопан Литой курган. Екатерина II писала, что губернатор Новороссийского края – «человек, очень и очень полезный государству» (Трефолеев, 1865: 931). О завершении раскопок он издает специальный ордер, и «для раздела тем работным людям за рытьё того кургана из тех работников купцу Алексею Батракову семьдесят из сербского ведомства кригс-цалмейстера Бреилова суммы выдать, записав в расходе с роспискою» (Отдел рукописей V, 264. Л. 103-103об.), что указывает на управленческую мудрость губернатора: это позволило избежать сокрытия находок (Тункина 1998: 19). Находки было приказано передать коменданту крепости Святой Елисаветы для дальнейшего препровождения в Петербург Екатерине II, по распоряжению которой вещи были помещены в Кунсткамеру, а потом в Эрмитаж (Придик, 1911: 3). Впоследствии «важные открытия, сделанные при разрытии Луговой Могилы, побудили Археологическую комиссию распространить исследования и на окрестные курганы, рассеянные во множестве в тамошних степях» (ДГС, 1872: 29).

Сложна и запутана история раскопок кургана Куль-Оба, подробно изложенная И.В. Тункиной (Тункина, 2002). Раскопками руководили военные и официальные лица: керченский генерал-губернатор И.А. Стемпковский и офицер П. Дюбрюкс. Именно благодаря Военному ведомству, сообщение о находках в Куль-Обе дошло до Главного штаба, и главноначальствующий всех военных поселений генерал от инфантерии граф Петр Толстой доложил о них Николаю I. Поскольку царь ничего не знал об этом, он был весьма разгневан. Немедленно началось расследование причин «недонесения» о находке. Когда вещи из кургана были доставлены вместе с отчетом о раскопках для «высочайшего обозрения и распоряжения», Николай I приказал вернуть расхищенные находки и «запретить открывать впредь подобные вещи без особого на то разрешения правительства: ибо разрытие гробниц всегда было воспрещено» (РА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 22-27). Д.В. Карейша, доставивший в Эрмитаж находки, получил в награду бриллиантовый перстень с гранатом и 2 тыс. рублей на раскопки в окрестностях Керчи (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1831. Д. 19. Л. 37).

Именно военные становятся теми официальными лицами, которым доставляют обнаруженные в курганах находки. По имени капитан-лейтенанта Н.Ю. Патиниотти назван курган, который содержал богатое скифское погребение VI в. до н.э. (Ростовцев, 1925: 387).

В развитии скифской археологии определяющую роль играли созданные по инициативе императоров государственные органы. В 1850 г. правительством России создается Комиссия по исследованию древностей, которую возглавляет граф Л.А. Перовский (1792–1826), участник Отечественной войны 1812 г., министр, который поручает коллежскому советнику А.В. Терещенко исследовать Александропольский курган, выделив для этого необходимые денежные средства. Однако А.В. Терещенко не хватало образования, и в 1855 г. работы по исследованию кургана поручили директору Керченского музея древностей А.Е. Люценко (1807–1884). Он и довел раскопки до логического конца, что обеспечило богатые находки. Государство высоко оценило усилия ученого: он вышел в отставку в чине действительного статского советника, имел ордена Св. Владимира 4-й и 3-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, бронзовую медаль в память о Крымской войне и Знак отличия беспорочной службы за 30 лет (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9/1871. Л. 2-3).

В 1859 г. создается Императорская археологическая комиссия (ИАК), которая подчиняется Министерству императорского двора. Руководителем ИАК назначается граф С.Г. Строганов – боевой генерал, участник Бородинской битвы, во время Крымской войны начальник ополчений Нижегородской и Московской губерний, член Государственного совета, генерал-губернатор Московской губернии, воспитатель цесаревичей (Кушцов, 2017).

«Высоко оценив покойного [С.Г. Строганова. – Н.П.] как организатора, он [И.Е. Забелин. – Н.П.] сделал одно любопытное замечание: у него был «редкий талант <...> охранять людей науки от антинаучных нападений и невзгод. Это верно: боевой генерал, участник Бородинской битвы, далекий от науки, волею судеб оказался в роли «организатора науки». Он не был к ней подготовлен, но чутье подсказало ему наиболее правильный путь – не командовать учеными, <...> а дать им возможность спокойно работать, оберегая от нападков извне» (Платонова, 2010: 55). Главным археологическим учреждением России при Николае I формально был Императорский Эрмитаж, подчиненный Министерству двора. Обратим внимание: в 1859 г. Археологическая комиссия создается при Министерстве двора и носит имя «Императорской» с бюджетом 17 764 рубля в год, располагается во дворце графа Строганова по адресу: Невский проспект, 17 (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-15).

Практически все самые яркие произведения скифского искусства пополняют коллекции Эрмитажа именно в результате деятельности Археологической комиссии. «Скифское золото

превратилось в ценнейшее из научных сокровищ России; и в дальнейшей деятельности петербургской АК исследования скифских курганов занимали главенствующее место» (Лебедев). «Отчеты Археологической комиссии» (ОАК), содержащие основные публикации скифских памятников, перечислены в работе М.И. Артамонова (Артамонов, 1966: 89-93). Сводные публикации – «Материалы по археологии России» (МАР), начинавшиеся изданием «Древности Геродотовой Скифии», – заложили основу скифской археологии как научной дисциплины, как и «Известия Археологической комиссии».

Изучение курганов Украины граф Строганов поручает действительному члену ИАК И.Е. Забелину. Исследование Чертомлыка он начинает совместно с титулярным советником Вольским, проректором Новороссийского университета, но впоследствии оно сосредоточивается в руках И.Е. Забелина (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1862. Д. 2. Л. 9), и, как рапортовал обер-камергер и гофмаршал А.П. Шувалов (Список, 1872: 7-11) в Министерство императорского двора, «найденные в Чертомлыком кургане древности до той степени драгоценны и редки, что присоединение их к единственной в мире коллекции Эрмитажа могло бы почтяться крайне счастливым для императорского Музеума событием» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5-1865. Д. 10. Л. 38). Исследователь получает в награду орден Св. Станислава II степени, в отставку уходит в чине статского советника (Клейн, 2014: 441).

Раскопки Семибратних курганов АК поручает барону В.Г. Тизенгаузену, прошедшему путь от делопроизводителя до заместителя председателя Археологической комиссии, члену многих европейских археологических обществ, признанному авторитету в области восточной нумизматики.

Оценка деятельности этих исследователей скифских курганов в трудах современных скифологов неоднозначна, но необходимо учитывать, что главной задачей археологов того времени был поиск эффектных вещей, отсюда «отчеты о раскопках во многих пунктах не ясны и чрезвычайно суммарны» (Ростовцев, 1925: 351).

Примечательна личность председателя ИАК и будущего руководителя раскопок знаменитого кургана Солоха, о чем оставил воспоминания сын археолога (Бобринский, 2003). Род А.А. Бобринского восходит к незаконорожденному сыну Екатерины II, граф – губернский предводитель дворянства, обергофмейстер императорского двора, впоследствии – депутат Государственной Думы, высокопрофессиональный (по тому времени) полевой исследователь и организатор (Тихонов, 2004).

Раскопки скифских курганов в Лесостепи проводит генерал-лейтенант, директор Артиллерийского музея Н.Е. Бранденбург, среди драгоценных находок которого – горит «чертомлыкской серии» (Клейн, 2014: 370).

Раскрытие наибольшего числа богатейших скифских памятников связано с именем Н.И. Веселовского, происходившего из рода дворян Петровской эпохи, профессора-ориенталиста Санкт-Петербургского университета, известного раскопками Афрасиаба. Анализ его методики и места в скифской археологии – тема специального исследования (Клейн, 2014: 467-481), однако необходимо отметить, что ИАК руководствовалась в своем выборе весьма вескими формальными причинами.

Действуя в соответствии с циркулярным письмом начальника Кубанской области, власти предотвратили разграбление разрушенного богатого скифского кургана Карагодеуашх, исследованного Е.Д. Фелицыным. «По мнению г. Фелицына, в данном кургане был похоронен скифский царь с царицею» (Кавказ, 1888: № 183: 3), что подтвердил анализ материалов кургана (Лапко-Данилевский, Мальмберг, 1894).

Раскопки Рыжановского кургана были поручены потомственному военному, участнику Крымской войны и обороны Севастополя, Г.О. Оссовскому, известному по геологическим исследованиям Волыни и раскопкам в Польше (Археологические известия, 1898).

По инициативе Николая I издаются указы, важной частью которых являлось создание археологических обществ. В отечественной литературе основное внимание уделено деятельности возглавляемого графом А.С. Уваровым, а затем его супругой, графиней П.С. Уваровой, Московского археологического общества (МАО), его сложным отношениям с Императорской археологической комиссией (ИАК) (Смирнов, 2011). Будущий император Александр III поддержал инициативу московских археологов по созданию Исторического музея, который получил его имя. В залах музея, наряду с археологическими коллекциями, были помещены копии с росписей керченских склепов, воспроизводящие кочевой быт степных скифов.

В 1825 г. открыт городской музей древностей в Одессе. В 1846 г. был открыт музей при Одесском обществе охраны и любителей древностей. Сейчас его коллекции являются одними из крупнейших в мире и легли в основу Одесского археологического музея (Скрипкин, 2020: 34). Из местных археологических обществ именно Одесское отличалось наиболее высокой активностью, опубликовав 32 тома «Записок ООИД», содержащих информацию и о скифских древностях. Так, первый том издания открывается статьей Н.И. Надеждина с его поэтичными и эмоциональными словами: «Скифия! Одно это имя побуждает какой-то панический страх, приводит в отчаянное любопытство. Сколько веков, сколько тысячелетий повторяется изобретенная еще современниками Геродота поговорка о непроницаемых мраках киммерийских, о глубокой мгле скифской!» (Надеждин, 1844: 8-9).

Довольно противоречивым моментом является проблема законодательства о земельной собственности и судьбе скифских курганов. На примере исследования Чертомлыка видна вся сложность ситуации. В 1862 г. ИАК обратилась к вдове генерал-майора Зейфарта с просьбой о разрешении производства раскопок кургана. Помещица согласилась, но потребовала предоставить ей треть находок. После обнаружения в Чертомлыке драгоценных находок госпожа Зейфарт не согласилась продать свою треть Эрмитажу, и Археологическая комиссия была вынуждена передать ей оговоренную часть. Впоследствии было выделено 3 000 рублей на покупку вещей у помещицы и получено личное разрешение Александра II на приобретение, но из-за бюрократических проволочек покупка не состоялась (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1865. Д. 10. Л. 48).

Примечательным является щедрое финансирование раскопок скифских курганов со стороны государства, поскольку речь шла о государственном престиже. Так, на раскопки Чертомлыка от Министерства императорского двора И.Е. Забелин получил в общей сложности 14 тыс. рублей (РА ИИМК, Ф. 1. Оп. 1-1862. Д. 2. Л. 9). На раскопки Семибратних курганов Археологическая комиссия выделила 5 850 рублей – почти половину своего годового бюджета. При А.Е. Люценко Керченскому музею была утверждена из Государственного казначейства ежегодная прибавка в размере 1 500 рублей серебром «собственно для археологических разысканий, производимых около Керчи, вдобавок к 1428 руб. 57 коп. серебром, ассигнованным <...> на тот же предмет и на содержание Керченского Музеума» (РА ИИМК, Ф. 1. Оп. 1. Д. 6/129. Л. 22). ООИД ежегодно получало от Государственного казначейства 1 428 руб. 57 коп. серебром (около 5 тыс. руб. ассигнациями) (Смета, 1897: 50). На раскопки Ф.А. Брауна у с. Нижние и Верхние Серогозы и с. Большая Белозерка Археологическая комиссия выдела 1 800 рублей (Браун, 1906: 114-156).

Императорская археологическая комиссия вела активную борьбу с разграблением скифских древностей. Когда выяснилось, что ведший раскопки у станицы Келермесской техник Шульц переплавляет и продает найденные в курганах золотые вещи, АК немедленно поручает Н.И. Веселовскому срочно выехать в Ростов, выяснить все обстоятельства дела и, если подозрения в отношении Шульца подтвердятся, разыскать его, отнять Открытый лист и возбудить против него судебное преследование «по обвинению в утайке древностей, добытых путем раскопок» (Брашинский).

Однако официальные лица не всегда были последовательны в своих действиях. Вот рассказ одного из участников разграбления скифских Воронежских курганов: «Увидели, как на „линии“ копают, давай и мы попробуем, что в наших курганах есть, – вспоминают старожилы с. Мастогино (совр. Острогжский район Воронежской обл.). – Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; землю выбрасывали в противоположную от села сторону. Но продолжалось это недолго, дознался урядник и воспретил раскопки. Затем приехал пристав, осмотрел начатые работы и разрешил копать дальше, но предупредил: „Не задавило бы“. Грабеж тогда пошел открытый» (Гуляев, 2005).

На правительственном уровне шла борьба с профессиональными грабителями скифских курганов – «бугровщиками» эпохи Петра I и «счастливыми» эпохи Николая I (Полин). Указы 1834 и 1835 гг. устанавливали, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных» (ПСЗ-1. № 29105). В недокопанных Н.И. Веселовским курганах (Александрополье, Чертомлыке, Огузе) при обвалах открывались не найденные им неграбленные погребения, благодаря чему вспыхивала «золотая лихорадка», когда перекапывались сотни окрестных курганов (Мозолевский, Полин, 2005: 435-438).

4. Заключение

Итак, представители Дома Романовых и российское правительство уделяли значительное внимание развитию скифской археологии. Напомним, что под скифской мы понимаем археологию Европейской Скифии. Все Романовы стремились обеспечить блеск сокровищнице Эрмитажа, созданного Екатериной II, что было актом государственного престижа. Газеты сообщали о передаче императору Николаю II золотого сосуда из скифского погребения: «Раскопщики, нашедшие воронежский сосуд, выразили «верноподданническое пожелание поднести найденную вазу, как весьма редкую вещь, его императорскому величеству государю императору Николаю II», пребывавшему в то время в Ялте. Вскоре оттуда пришла телеграмма от таврического губернатора графа Апраксина, сообщавшего «о величайшем счастье: государь император всемилостивейше соизволил согласиться на принятие вазы при личном вашем участии». Нашедшие вазу выслушали это «радостное известие стоя, с глубоким вниманием». Некоторое время ваза хранилась в Ливадийском дворце, а затем по достоинству заняла свое место в Эрмитаже среди других скифских сокровищ» (Брашинский).

Хотя, как отмечают отечественные историки археологии, представители Дома Романовых интересовались в основном античной археологией в период освоения Новороссии (Тункина, 2002) или уделяли внимание славяно-русской археологии как своеобразному выражению теории официальной народности (Смирнов, 2011), они способствовали развитию и скифской археологии. Кроме внимания непосредственно царственных особ, это выражалось в создании Императорской

археологической комиссии и возглавлении, пусть номинальном, археологических обществ, также в направлении на руководящие должности в ИАК крупных государственных деятелей, в награждении археологов, открывавших богатые захоронения в скифских курганах, государственными наградами и в выделении значительных средств на раскопки курганов, на покупку у помещиков ценностей, обнаруженных в скифских курганах. Это выражалось в законодательной борьбе с разграблением курганов, в том числе и скифских. Все вышеизложенное особенно впечатляет в наши дни, когда разграбление скифских курганов, как и вообще так называемая «черная археология», достигли ужасающих размахов. Украинский археолог С.В. Полин отмечает: «После развала Советского Союза и обретения Украиной независимости грабеж курганов и всех прочих видов археологических памятников повсеместно приобрел грандиозные, абсолютно неконтролируемые размеры. В стране сложился черный рынок древностей, добытых грабительскими раскопками, вполне легально действуют интернет-аукционы, часть вещей контрабандой вывозится за рубеж и сбывается на различных антикварных аукционах. На современном этапе грабеж ведется на высоком организационном уровне с помощью современной поисковой аппаратуры. Среди представителей финансовой и политической элиты стало модным коллекционирование древностей. Появились и частные музеи древностей, состоящие из вещей, скупленных у грабителей» (Полин). Опыт России XVIII – начала XX веков в этой связи представляется ценным и поучительным.

Литература

- Алексеев и др., 1991 – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
- Артамонов, 1966 – Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л.: «Артия», «Советский художник». 1966. 120 с.
- Бобринский, 2003 – Бобринский А.А. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце // *Культурное наследие Российского государства*. СПб., 2003. Вып. 4. С. 479–532.
- Браун, 1906 – Браун Ф.А. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // *Известия ИАК*. СПб., 1906. Вып. 19. С. 81–116.
- Брашинский – Брашинский В.И. В поисках скифских сокровищ [Электронный ресурс]. URL: <https://itexts.net/avtor-iosif-benjaminovich-brashinskiy/255072-v-poiskah-skifskih-sokrovishch-iosif-brashinskiy/read/page-1.html> (дата обращения: 04.01.2021)
- Археологические известия, 1898 – Г.И. Оссовский: Некролог // *Археологические известия и заметки Императорского Московского археологического общества*. 1898. № 9–10. С. 337–341.
- Галанина, 1997 – Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: 1997. (Степные народы Евразии. Т. I). М.: «Палеограф». 1997. 316 с.
- Гуляев, 2005 – Гуляев В.И. Скифы – расцвет и падение великого царства. М., Алтейя, 2005.
- ДГС, 1872 – Древности Геродотовой Скифии // *Известия Императорской Археологической комиссии*. 1872. Выпуск 2. 118 с.
- Кавказ, 1888 – Ж. Из Тифлиса пишут // *Кавказ*. 1888. № 183. С. 2–3.
- Императорская..., 2009 – Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2009. 1192 с.
- Кернер, 2020 – Кернер В.Ф. Династия Романовых и археология в России // *Церковь*. Богословие. История. 2020. № 1. С. 24–34.
- Клейн, 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.
- Клейн, 2014 – Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Купцов, 2017 – Купцов И.В. СТРОГАНОВ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4169226 (дата обращения: 11.12.2020)
- Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894 – Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В. Древности южной России: Курган Карагодеуашх. СПб., 1894. 192 с. / *Материалы по археологии России*. № 13.
- Лебедев – Лебедев Г.С. История Отечественной археологии. 1700–1917. [Электронный ресурс]. URL: <https://kronk.spb.ru/library/lebedev-gs-1992.htm> (дата обращения: 25.10.2021).
- Манцевич, 1987 – Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, Ленинградское отделение. 1987. 144 с.
- Мозолевський, 1983 – Мозолевський Б.М. Скифський степ. Київ: Наукова думка, 1983. 198 с.
- Мурзанова, 1928 – Мурзанова М. Дневник А.А. Бобринского // *Красный Архив*. 1928. Т. 1. С. 127–150.
- Надеждин, 1844 – Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // *ЗООИД*. 1844. Т. 1. С. 3–114.
- Отдел рукописей – Отдел рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины.
- Платонова, 2010 – Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Полин – Полин С.В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье [Электронный ресурс]. URL: <http://archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli/polin-s.v.-ob-ograblenii-skifskikh-kurganov-v-severnom-prichernom-more> (дата обращения: 25.10.2021).

Полин, Алексеев, 2018 – Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев, Берлин: «Видавець Олег Філок». 2018. 930 с.

Придик, 1911 – Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 года / Материалы по археологии России. 1911. № 31. 24 с.

Пряхин, 2005 – Пряхин А.Д. История отечественной археологии. Ч. I. Русская дореволюционная археология. Воронеж, ВГУ, 2005. 185 с.

ПСЗ-1 – Полное собрание Законов Российской Империи. Серия 1.

РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ростовцев, 1925 – Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг, [Б.и.] 1925. 621 с.

Руденко, 1962 – Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников. Выпуск Дз-9. М.-Л.: 1962. 52 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kronk.spb.ru/library/rudenko-si-1962a.htm> (дата обращения: 25.10.2021)

Скрипкин, 2020 – Скрипкин А.С. История отечественной археологии. Учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 171 с.

Смета, 1897 – Смета прихода и расхода денежных сумм Императорского Одесского общества истории и древностей на 1897 г. // *ЗООИД*. 1897. Т. 20. С. 50.

Смирнов, 2011 – Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи: (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.

Список, 1872 – Список гражданским чинам первых трех классов. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1872. 349 с.

Тихонов, 2004 – Тихонов И.Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // *Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию А.А. Формозова*. СПб., 2004. С. 151-161.

Тихонов, 2008 – Тихонов И.Л. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»: Российские монархи и археология // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2. 2008. Выпуск 4. Часть 1. С. 151-161.

Тихонов, 2008а – Тихонов И.Л. Историография археологии: программа курса и методическое пособие. СПб.: Издательство ВВМ, 2008. 21 с.

Тункина, 1998 – Тункина И.В. Первый исследователь скифских курганов. К биографии А.П. Мельгунова (1722–1788) // *Очерки истории отечественной археологии*. Выпуск II. М.: 1998. С. 12-26.

Тункина, 2002 – Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Формозов, 1986 – Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Piotrowscy et al., 1986 – Piotrowscy B., Galanina L., Gratsch N. Scythian Art. Leningrad. 1986.

References

Alekseev i dr., 1991 – Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle, R. (1991). Chertomlyk [Chertomlyk]. Kiev: Naukova dumka, 416 p. [in Russian]

Arkheologicheskie izvestiya, 1898 – G.I. Ossovskii: Nekrolog [Obituary]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1898. 9-10: 337-341. [in Russian]

Artamonov, 1966 – Artamonov, M.I. (1966). Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Treasures of the Scythian mounds in the collection of the State Hermitage Museum]. Praga-L.: «Artiya», «Sovetskii khudozhnik». 120 p. [in Russian]

Bobrinskii, 2003 – Bobrinskii, A.A. (2003). Graf Aleksei Aleksandrovich Bobrinskoi (1852–1927). Syn ob ottse [Count Alexey Alexandrovich Bobrinskoy (1852–1927). The son about the father]. *Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva*. SPb. Vyp. 4. Pp. 479-532. [in Russian]

Brashinskii – Brashinskii, V.I. V poiskakh skifskikh sokrovishch [In search of Scythian treasures] [Electronic resource]. URL: <https://itexts.net/avtor-iosif-benyaminovich-brashinskiy/255072-v-poiskah-skifskikh-sokrovishch-iosif-brashinskiy/read/page-1.html> (date of access: 04.01.2021). [in Russian]

Braun, 1906 – Braun, F.A. (1906). Otchet o raskopkakh v Tavricheskoï gubernii v 1898 g. [Report on excavations in the Tauride province in 1898]. *Izvestiya IAK*. SPb. 19: 81-116. [in Russian]

DGS, 1872 – Drevnosti Gerodotovoï Skifii [Antiquities of Herodotus Scythia]. *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*. 1872. Vyp. 2. 118 p. [in Russian]

Formozov, 1986 – Formozov, A.A. (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the History of Russian archeology]. М.: Nauka, 240 p. [in Russian]

Galanina, 1997 – *Galanina, L.K.* (1997). Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoi epokhi. (Stepnye narody Evrazii. T. I) [Kelermessky mounds. "Royal" burials of the Early Scythian epoch. Moscow: 1997. (Steppe Peoples of Eurasia. Vol. I)]. M.: «Paleograf». 316 p. [in Russian]

Gulyaev, 2005 – *Gulyaev, V.I.* (2005). Skify – rastsvet i padenie velikogo tsarstva [Scythians – the rise and fall of the great kingdom]. M., Alteiya. [Electronic resource]. URL: https://www.koob.ru/gulyaev_v/ (date of access: 25.10.2021). [in Russian]

Imperatorskaya..., 2009 – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859-1917). K 150-letiyu so dnya osnovaniya [Imperial Archaeological Commission (1859-1917). To the 150th anniversary of its foundation]. St. Petersburg: "Dmitry Bulanin". 2009. 1192 p. [in Russian]

Kavkaz, 1888 – Zh. Iz Tiflisa pishut [They write from Tiflis]. *Kavkaz*. 1888. 183: 2-3. [in Russian]

Kerner, 2020 – *Kerner, V.F.* (2020). Dinastiya Romanovykh i arkheologiya v Rossii [The Romanov Dynasty and Archaeology in Russia]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya*. 1: 24-34. [in Russian]

Klein, 2011 – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkheologicheskoi mysli [History of archaeological thought]. In 2 vol. SPb.: SPbGU. T.1. 688 p. [in Russian]

Klein, 2014 – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya rossiiskoi arkheologii. Ucheniya, shkoly i lichnosti. T.1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya [The history of Russian archaeology. Teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb.: EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]

Kuptsov, 2017 – *Kuptsov, I.V.* (2017). STROGANOV. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia] (2017). [Electronic resource]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4169226 (date of access: 11.12.2020). [in Russian]

Lappo-Danilevskii, Mal'mberg, 1894 – *Lappo-Danilevskii, A.S., Mal'mberg, V.* (1894). Drevnosti yuzhnoi Rossii: Kurgan Karagodeuashkh [Antiquities of Southern Russia: Kurgan Karagodeuashkh]. St. Petersburg, 192 p. Materialy po arkheologii Rossii. № 13. [in Russian]

Lebedev – *Lebedev, G.S.* Istoriya Otechestvennoi arkheologii. 1700–1917. [The history of Russian archeology. 1700–1917]. [Electronic resource]. URL: <https://kronk.spb.ru/library/lebedev-gs-1992.htm> (date of access: 25.10.2021) [in Russian]

Mantsevich, 1987 – *Mantsevich, A.P.* (1987). Kurgan Solokha. Publikatsiya odnoi kolleksii [Solokha mound. Publication of one collection]. L.: Art, Leningrad branch. 144 p. [in Russian]

Mozolev'skii, 1983 – *Mozolev'skii, B.M.* Skifs'kii step [Scythian Steppe]. Kiiiv: Naukova dumka, 198 p. [in Ukraine]

Murzanova, 1928 – *Murzanova, M.* (1928). Dnevnik A.A. Bobrinskogo [Diary of A.A. Bobrinsky]. *Krasnyi Arkhiv*. 1: 127-150. [in Russian]

Nadezhdin, 1844 – *Nadezhdin, N.* (1844). Gerodotova Skifiya, ob'yasnennaya cherez slichenie s mestnostyami [Herodotus' Scythia, explained through comparison with localities]. *ZOOID*. 1: 3-114. [in Russian]

Otdel rukopisei – Otdel rukopisei Tsentral'noi nauchnoi biblioteki NAN Ukrainy [Department of Manuscripts of the Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Ukraine].

Piotrovsciy et al., 1986 – *Piotrovsciy, B., Galanina, L., Gratsch, N.* (1986). Scythian Art. Leningrad.

Platonova, 2010 – *Platonova, N.I.* (2010). Istoriya arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka [The history of archaeological thought in Russia. The second half of the XIX – the first third of the XX century]. SPb.: Nestor-Istoriya, 316 p. [in Russian]

Polin – *Polin, S.V.* Ob ograblenii skifskikh kurganov v Severnom Prichernomor'e [About the robbery of Scythian burial mounds in the Northern Black Sea region]. [Electronic resource]. URL: <http://archo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekro-poli/polin-s.v.-ob-ograblenii-skifskikh-kurganov-v-severnom-prichernomore> (date of access: 25.10.2021). [in Russian]

Polin, Alekseev, 2018 – *Polin, S.V., Alekseev, A.Yu.* (2018). Skifskii tsarskii Aleksandropol'skii kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'e [The Scythian royal Alexandropolsky mound of the IV century BC in the Lower Dnieper]. Kiev, Berlin: «Vidavets' Oleg Filyuk». 930 p. [in Russian]

Pryakhin, 2005 – *Pryakhin, A.D.* (2005). Istoriya otechestvennoi arkheologii. Ch. I. Russkaya dorevolutsionnaya arkheologiya [History of Russian archeology. Part I. Russian pre-revolutionary archeology]. Voronezh, VGU, 185 p. [in Russian]

Rostovtsev, 1925 – *Rostovtsev, M.I.* (1925). Skifiya i Bospor [Scythia and Bosphorus]. Pg. 621 p. [in Russian]

Rudenko, 1962 – *Rudenko, S.I.* (1962). Sibirskaya kolleksiya Petra I. Svod arkheologicheskikh istochnikov [The Siberian collection of Peter I. A set of archaeological sources.]. Vol. 3-9. M.-L.: 52 p. [in Russian]

Skripkin, 2020 – *Skripkin, A.S.* (2020). Istoriya otechestvennoi arkheologii [The history of Russian archeology]. Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 171 p. [in Russian]

Smeta, 1897 – Smeta prikhoda i raskhoda denezhnykh summ Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei na 1897 g. [Estimates of the arrival and expenditure of monetary sums of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities for 1897]. *ZOOID*. 1897. 20: 50. [in Russian]

Smirnov, 2011 – Smirnov, A.S. (2011). Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii: (oчерki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX). [The Power and organization of Archaeological Science in the Russian Empire: (Essays on the Institutional History of Science of the XIX – early XX)]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 592 p. [in Russian]

Spisok, 1872 – Spisok grazhdanskim chinam pervykh trekh klassov [A list of civilian ranks of the first three classes]. SPb.: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata, 1872. 349 p. [in Russian]

Tikhonov, 2004 – Tikhonov, I.L. (2004). Poslednii predsedatel' Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii graf A.A. Bobrinskoi [The last chairman of the Imperial Archaeological Commission, Count A.A. Bobrinskaya] // Nevsky Archaeological and historiographical collection: To the 75th anniversary of A.A. Formozov. SPb., 2004. p.151-161 [in Russian]

Tikhonov, 2008 – Tikhonov, I.L. (2008). «Eto neobkhodimo sdelat', chtoby ne proslyt' za varvarov»: Rossiiskie monarkhi i arkheologiya [This must be done so as not to pass for barbarians": Russian monarchs and archeology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Vyp. 4. Part 1.* Pp. 151-161. [in Russian]

Tikhonov, 2008a – Tikhonov, I.L. (2008). Istoriografiya arkheologii: programma kursa i metodicheskoe posobie [Historiography of archeology: course program and methodological guide]. SPb.: Izd. VVM, 21 p. [in Russian]

Tunkina, 1998 – Tunkina, I.V. (1998). Pervyi issledovatel' skifskikh kurganov. K biografii A.P. Mel'gunova (1722–1788) [The first researcher of the Scythian mounds. To the biography of A.P. Melgunov (1722–1788)]. *Oчерki istorii otechestvennoi arkheologii.* Vypusk II. M. Pp. 12-26. [in Russian]

Tunkina, 2002 – Tunkina, I.V. (2002). Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.). [Russian Science of Classical Antiquities of the South of Russia (XVIII – mid XIX centuries)]. SPb: Nauka, 676 p. [in Russian]

Политика Дома Романовых и российского правительства по развитию скифской археологии

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Василий Алексеевич Рогожкин ^a

^aМосковский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе на основе рассмотрения разностороннего комплекса литературы и источников дается системное описание политики Дома Романовых и российского правительства в XVIII – начале XX веков по развитию скифской археологии. Весь комплекс используемой литературы и источников в данной статье разделяется на три группы, в которые входят труды по истории археологического знания, работы, посвященные государственной политике в области археологии и непосредственно труды по скифской археологии. Рассмотрение литературы показывает, что, несмотря на возросший интерес к истории археологического знания, политика Дома Романовых и российского правительства по развитию скифской археологии специально не исследовалась. Под «скифской археологией» в данной работе понимается изучение Европейской Лесостепи, Степи, Крыма и Прикубанья, хотя, если толковать данное понятие в ракурсе «скифо-сибирского единства», то необходимо расширить рамки исследования и проанализировать экспедиции российских ученых в Сибирь и судьбу Сибирской коллекции Петра I.

Внимание Дома Романовых к скифской археологии выразилось в кадровой политике, диктовавшей принципы выбора руководителей раскопок богатейших скифских курганов: ими становились поначалу военные, а впоследствии – крупные ученые, занимавшие высокое социальное положение. Главную роль в исследовании скифских курганов играла Археологическая комиссия, не случайно получившая название Императорской. Российское правительство и Императорский Дом не жалели средств на исследование скифских курганов, археологи получали правительственные награды и чины. Неоднозначная ситуация складывалась с попытками пресечения грабительских раскопок скифских курганов помещиками, крестьянами и археологами-самозванцами. В целом опыт развития скифской археологии со стороны царствующей династии и российского правительства представляется полезным в наши дни, когда процветает «черная археология» на территории современных России и Украины.

Ключевые слова: Романовы, историография, история археологии, скифы, государственная политика, Императорская археологическая комиссия.

* Корреспондирующий автор

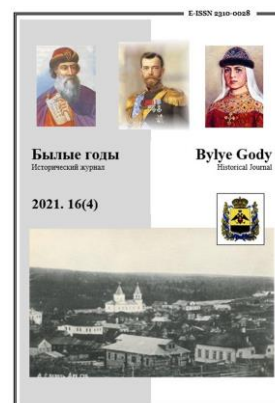
Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), dmitrow16@yandex.ru (В.А. Рогожкин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1692-1700
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1692

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of the Study and Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Caucasus at the end of the 18th – first third of the 20th centuries: Source Study and Historiographic Review

Liudmila P. Ermolenko ^{a, *}, Marina E. Kolesnikova ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The history of the study and preservation of the historical and cultural heritage of the Caucasus in the history of Russian Caucasian studies is a constituent component. The subject of the research is the source study and historiographic concepts of Russian historians who consider the key problems of the history of the study and preservation of the historical and cultural heritage in the late 18th – early 20th centuries. This article analyzes a significant amount of sources of various species, stored in archival, museum and library funds, characterizing the process of formation and development of Russian Caucasian studies. The historical-descriptive tradition of interdisciplinary Caucasian studies is viewed as an evolutionary model that integrates various research practices addressing local lore discourse, theoretical and applied regional studies, intellectual historical reflection and biographical reconstructions. Particular attention is paid to the so-called "new stories": economic, social, political, cultural, gender, intellectual, local, economic. National Caucasian studies are the result of the collective work of professional scientists (archaeologists, anthropologists, ethnographers, historians, philologists) and amateur local historians. They made a huge contribution to the study of the North Caucasus and to the preservation of various sources. Local historians-amateurs, military, travelers stood at the origins of the formation of historical knowledge about the region, the organization of historical research in the region. Professional scientists have recreated the history of academic Caucasian studies, the history of scientific institutions and societies, reconstructed the biographies of researchers and analyzed their creative heritage. The article shows the process of development of Caucasian studies and historical local history. The organic synthesis of differentiated cognitive developments made it possible to form a comprehensive picture of regional development, which in the sectoral dimension is an objective result of the practical development of modern Caucasian studies.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, historical and cultural heritage, historiographic tradition, source tradition, Caucasian studies.

1. Введение

История изучения и сохранения историко-культурного наследия Кавказа в истории отечественного кавказоведения является составляющим компонентом. С комплексными академическими экспедициями второй половины XVIII – начала XIX вв. связывают начало становления историографической традиции, корни же письменной традиции уходят во времена античности. На протяжении столетий шел процесс накопления исторической информации о Кавказе, с XVII в. объектом пристального внимания стали народы Кавказа. В XVIII в. включение Кавказского региона в российское политико-правовое и культурное пространство интенсифицировало его всестороннее изучение, способствовало формированию отечественного кавказоведения как научного направления.

* Corresponding author

E-mail addresses: gutik77@bk.ru (L.P. Ermolenko), kolesnikovam2017@mail.ru (M.E. Kolesnikova)

2. Материалы и методы

В рамках исследовательской практики доминировал историко-сравнительный метод, позволяющий учесть реальное многообразие привлеченной источниковой базы и историографии. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что сравнительный анализ позволил установить отчетливое соотношение между содержательными характеристиками изучаемых нарративов и реальной ситуацией, складывающейся в региональном пространстве в определенный исторический период. Опираясь на традиционное представление о предшествующем развитии человеческого общества как сложной цепочке последовательных событий и взаимосвязанных явлений, авторы обращались к историко-генетическому методу, позволившему органично реконструировать длительный генезис административных и научных практик, связанных с кавказоведческими исследованиями, в том числе посвященными сложной проблематике охраны культурного наследия в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве. Абсолютно естественным для нас стало использование и культурологического метода. Необходимо заметить, что рассматриваемые историописательные концепты изучались в культурном контексте выделенной эпохи, что позволило предоставить оригинальные оценки реального вклада отдельных авторов в общий исследовательский процесс.

3. Обсуждение

Ключевыми понятиями, используемыми в статье, является кавказоведение и историографическая традиция. Смысловая нагрузка термина «кавказоведение», применяемого исследователями, неоднозначна. Констатируя разнообразие трактовок относительно содержания понятия «кавказоведение» и отождествляя в научной литературе его с историей народов Кавказа, ученые отмечают синонимичность таким понятиям, как «родиноведение», «краеведение» или «регионоведение» (Кузьминов, 2009: 177). Следует отметить и другой подход к пониманию кавказоведения как совокупности таких исторических дисциплин, занимающихся исследованием различных сторон жизни кавказского социума, как этнология, археология, источниковедение, история. Нам представляется более убедительной характеристика кавказоведения, позволяющая выявить типологию и специфику исторического процесса в конкретном регионе (Шеуджен, 2000: 84; Кузьминов, 2009: 177), рассмотреть региональный «срез» единого процесса развития исторической науки, раскрывающий неповторимые качественные характеристики региональной историописательной модели, детерминированной разнообразными эпистемологическими и коммуникационными факторами.

Понятие «историографическая традиция» нашло широкое применение в научных исследованиях на современном этапе развития исторического познания (Мохначева, 1999: 6-8). В процессе исторического изучения региона зародилась и развивалась историографическая традиция. С самого начала региональная историографическая традиция была многообразной, многоуровневой, многофункциональной. С одной стороны, она отражает специфику авторских задач и способов их реализации кавказоведами: профессионалами и любителями, интерпретационных концептуальных подходов. С другой – неразрывно связана как с общероссийской, так и с классической европейской историографической традицией. Именно ее рассмотрению в контексте истории изучения и сохранения историко-культурного наследия региона в конце XVIII – начале XX вв. и посвящена данная обзорная статья.

4. Результаты

Историко-культурное наследие Кавказа чрезвычайно богато и разнообразно. Это и памятники древности, памятники архитектуры, произведения искусства, памятники устного народного творчества, традиции, обряды, обычаи, народные промыслы и ремесла, архивные и библиотечные фонды и коллекции, памятные знаки, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого. На территории Кавказа на протяжении многих тысячелетий существовали, сменяя друг друга, различные культуры и государства, формировались и развивались различные этносы и народы, богатейшие традиции межкультурного и межэтнического взаимодействия, обуславливая сложнейшие процессы этнополитического развития региона. С началом процесса инкорпорации (вторая половина XVIII в.) Северного Кавказа в состав России начинается и процесс его систематического изучения: шло накопление исторических знаний и фактов, вырабатывались приемы и методы изучения и сохранения памятников древности, формировались научные концепции и научные традиции в изучении исторического прошлого региона. Осмысление историографического опыта изучения Северного Кавказа, выявление источниковой базы, особенностей ее формирования, специфики становления и развития региональных исследовательских практик является объективным условием дальнейшего системного развития историописательных практик, обращенных к региональной проблематике.

Источники по истории изучения и сохранения историко-культурного наследия региона с конца XVIII в. до 1917 г. разнообразны. Значительная часть их представлена документами, хранящимися в фондах центральных и местных архивов, в музейных и библиотечных собраниях. В арсенале

архивных фондов сквозь столетия до нас дошли сведения, свидетельствующие о военно-административных, общественно-политических и культурно-просветительских мерах российского правительства, а также содержатся сведения о начальных этапах научного изучения Кавказа.

Значительный пласт архивных документов представлен материалами делопроизводства. Среди них следует отметить предписания, инструкции, рапорты, донесения, доклады и ведомственные записки представителей военных и гражданских властей на Северном Кавказе, в которых содержатся сведения по изучению различных аспектов исторического развития региона, отражена позиция, суждения их авторов относительно различных сторон жизни местного социума. Фонды центральных архивов включают комплекс законодательных актов, касающихся процесса организации научного изучения региона: подготовки и осуществления научных экспедиций, особенностей сбора, формирования, обработки, хранения комплекса разнообразных исторических, археологических и этнографических данных. Архивы донесли до нас ценнейшую информацию о деятельности научных центров и обществ, занимавшихся изучением истории Северо-Кавказского региона и охраной его историко-культурного наследия. О памятниках древности, методах работы с источниками, системе аргументации представителей научных сообществ, исследователей-кавказоведов хранят уникальные сведения источники личного происхождения (дневники, письма, автобиографии), а также их статьи, описи собранных коллекций, регистрационные карточки, планы и т.п.

Так, в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) хранятся важнейшие материалы, среди которых указы, отчеты научных экспедиций, инструкции и переписка, содержащие распоряжения и суждения властей и представителей научных сообществ, касающиеся сферы охраны памятников старины и их изучения, рапорты и донесения о наличии и состоянии памятников древности на территории края. В материалах фондов РГАДА сохранились уставы научных обществ, в том числе Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских, биографические сведения об исследователях истории региона, позволяющие воссоздать этапы и специфику становления и развития истории научного изучения Северного Кавказа (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1–2, 30, 37; Ф. 18. Оп. 1. Д. 173; Ф. 23. Оп. 1. Д. 1, 3, 11, 31; Ф. 115. Оп. 1. Д. 1; Ф. 121. Оп. 1. Д. 1; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2; Ф. 1385. Оп. 1. Д. 981–984; Ф. 1628. Оп. 1. Д. 6, 12, 22, 24, 44, 62, 67).

Интерес представляют документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА). В них нашли отражение сведения о создании и практической работе Центрального, северокавказских губернских и областных статистических комитетов, Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, провинциальных научных обществ (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1284. Оп. 60. Д. 21; Оп. 185. Д. 11–12, 21, 31, 242; Оп. 186. Д. 1–2; Оп. 187. Д. 1–2; Оп. 188. Д. 3; Ф. 1290. Оп. 1. Д. 49, 121, 304, 310; Оп. 2. Д. 16, 87, 91, 212, 855, 968, 970). В фондах РГИА аккумулирована информация по военно-административному и культурному устройству Кавказа, которая позволяет проследить исследование Кавказского края в XIX в., в том числе в сфере научного изучения и решения проблем сохранности памятников древности (РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 1; Ф. 472. Оп. 27. Д. 66; Ф. 797. Оп. 54. Д. 1; Ф. 799. Оп. 1. Д. 1; Ф. 834. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1268. Оп. 1. Д. 721, 4029; Оп. 2. Д. 360; Оп. 10. Д. 80, 168), археологических и этнографических источников (РГИА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1; Ф. 776. Оп. 14. Д. 41; Ф. 794. Оп. 1. Д. 19; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 696, 709, 4029; Ф. 1286. Оп. 1. Д. 237; Ф. 1297. Оп. 1. Д. 1). Сведения об археологическом изучении Северо-Кавказского региона сохранились в переписке епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора со Святейшим правительствующим синодом, раскрывающей роль учрежденного в 1894 г. Ставропольского церковно-археологического общества в изучении и спасении памятников церковной археологии (РГИА. Ф. 796. Оп. 165. Д. 1290; Оп. 178. Д. 1427; Оп. 187. Д. 3076).

Документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранят уникальные свидетельства вклада военных специалистов и военных историков в изучение Северо-Кавказского региона на этапе начала его включения в состав Российской империи (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1; Оп. 64. Д. 224; Ф. 400. Оп. 12. Д. 5390; Ф. 414. Оп. 1. Д. 52, 300–303, 305, 307; Ф. 482. Оп. 1. Д. 47, 57, 89, 94, 103–106, 118, 121–122, 127, 129, 132, 134–135, 141–142, 145–146, 151–152, 154, 158–159, 194), документальные материалы, коллекции офицерских сказок, смотровых и формулярных списков военных (РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 1). Военными историками собраны ценнейшие материалы по истории изучения региона. Среди них и описи документов, и архивные выписки, записки различных ведомств, многие из которых не дошли до наших дней или отложились в документальных коллекциях Главного архива Кавказа в Тифлисе. Интерес представляют источники личного происхождения: записки и письма Н.Н. Раевского (начальника Черноморской береговой линии) и Г.Г. Гагарина (художника), оставивших свое видение специфики исторического развития народов региона и проблемы сохранения их историко-культурного наследия в XIX столетии (РГВИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1–2). Ценный материал, содержащий собранные исследователем, инженером-топографом И.Ф. Бларамбергом разнообразные сведения историко-этнографического плана о населении региона, хранится в его личном фонде за 1830–1878 гг. (РГВИА. Ф. 289. Оп. 1. Д. 1–2, 4–6, 13). В фонде генерала от инфантерии А.П. Ермолова за 1817–1857 гг., уделявшего внимание организации изучения региона, также находятся материалы (РГВИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4–5, 7, 15).

В фондах РГВИА собраны материалы о военно-исторических исследованиях, проводимых в

регионе, и подготовке на основе исследований обобщающего труда по описанию народов Кавказа (РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 113, 6164, 6177, 6204, 6222, 6528, 8457; Оп. 3. Д. 18508; Оп. 16. Д. 6164–6166, 6171, 18178, 18473, 18474, 18483, 18502, 18507, 18511–18512, 19046, 19047–19052, 20510). Ряд документов является копиями, сделанными еще в XIX в. в архивах разных ведомств (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 47, 57, 89, 94, 103–106, 118, 121–122, 127, 129, 132, 134–135, 141–142, 145–146, 151–152, 154, 158–159, 194). Материалы Военно-ученого архива РГВИА в части социокультурной деятельности российских военных на Северном Кавказе проанализированы в работе Т.А. Колосовской (Колосовская, 2017: 10–24).

Длительный поиск, последующее научное описание и использование документальных памятников северокавказских этносов и социумов XIX в. рассматриваются в работе С.Г. Гулиевой (Гулиева, 2016: 36–47). Документальные материалы за 1831–1856 гг. о территориальных изменениях и политике России на Северо-Западном Кавказе, о конфессиональной ситуации в регионе, наличии памятников старины, в том числе и христианских, сохранились и в других фондах РГВИА (РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1; Ф. 14719. Оп. 1. Д. 60; Ф. 14949. Оп. 1. Д. 14).

В 2019 г. был опубликован комплекс исторических материалов, хранящихся в РГВИА и Государственном архиве Краснодарского края (Западный Кавказ..., 2019). Хронологически они охватывают период с 1834 по 1842 гг. и отражают ситуацию на Западном Кавказе в первой трети XIX в. в условиях продолжающейся Кавказской войны. Разнообразные по характеру документы так или иначе связаны со службой на Западном Кавказе, в частности в Абхазии, русских офицеров Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина (Авидзба, Колесникова, 2020: 223–226). В 2020 г. вышел сборник документов «Черкесские невольничьи повествования», отражающий социально-экономическую и социально-политическую жизнь региона первой половины XIX века (Cherkasov, 2020: 1415–2266). Подробно данные вопросы по истории Кавказа освещаются на страницах журнала «Slavery: Theory and Practice» (Slavery, 2016–2020).

Значительное внимание следует уделить документальным комплексам ГАРФ, в которых сосредоточены материалы, характеризующие процесс формирования системы охраны памятников древности, относящийся к началу XX в. Это прежде всего законодательные акты, отражающие деятельность Временного правительства и его Комиссариатов, Советов и Особых совещаний в сфере организации музейного дела, охраны памятников искусства и старины, организации их учета и предотвращения их хищения (ГАРФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Ч. II; Д. 2. Ч. I; Д. 2. Ч. II; Д. 2. Ч. III; Д. 5; Д. 9; Д. 41. Ч. I; Ф. 1907. Оп. 1. Д. 11, 13; Ф. 6834. Оп. 1. Д. 2–3, 5, 8, 10–11, 14). В фондах ГАРФ представлены материалы, позволяющие проанализировать процессы этнополитических изменений в регионе, а также выявить особенности процесса формирования представлений о роли России в истории народов Кавказа (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1; Ф. 930. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1788. Оп. 1. Д. 1).

В Архиве института истории материальной культуры РАН сохранились ценные материалы делопроизводственной документации ведущих научных обществ: Императорской Археологической комиссии (ИАК) и Императорского Московского археологического общества (МАО). Среди них отчеты и деловая переписка с местными властями о проведении археологических разысканий на территории Северо-Кавказского региона конца XIX – начала XX вв., весьма подробные и обстоятельные журналы археологических раскопок, содержащие сведения как о создании и деятельности этих научных обществ, так и о системе организации и проведения полевых исследований в регионе. Сохранилась книга регистрации «Открытых листов» на археологические исследования с 1859 по 1918 гг., содержащая номера «Открытого листа» и дела архива, места проведения раскопок, ходатайства общества или лица, запрашивавшего «Открытый лист», источник финансирования, отметки о доставлении отчета. Материалы фонда свидетельствуют о формировании собственно методики археологических исследований, не потерявшей актуальность и в современных археологических исследованиях. В фондах архива в форме отчетов, картографического и изобразительного материала (планов и зарисовок) представлены материалы о результатах изучения древних кладов, курганов и памятников материальной культуры на территории региона (Архив ИИМК РАН. Ф. 1; Ф. 4; Ф. 14).

Перечень материалов экспедиций и полевых исследований памятников археологии, отложившихся в фонде ИАК, был систематизирован, охарактеризован и опубликован в 2009 г. отдельным приложением к юбилейному изданию по истории Археологической комиссии (Приложение, 2009). Перечень построен по хронологическому принципу, внутри разделов – по алфавиту исследователей, членов комиссии и лиц, связанных с ее деятельностью. В конце погодных разделов приводится перечень памятников по территориям Российской империи, которые были исследованы. В перечень включены и провинциальные научные общества, которые присылали в комиссию материалы и сведения о памятниках древности и случайных археологических находках. Ряд документов Архива ИИМК РАН, касающихся различных аспектов истории изучения археологического наследия региона в начале XX в., проанализирован в трудах Л.П. Ермоленко (Ермоленко, 2017: 58–64).

Необходимо обратить внимание на материалы Отдела письменных источников Государственного исторического музея. Среди них отметим источники личного происхождения:

дневники и письма выдающегося знатока северокавказских древностей археолога В.А. Городцова, письма известного исследователя истории Северного Кавказа Г.Н. Прозрителева. Письма позволяют раскрыть «изнутри» процесс вызревания исследовательских идей, процесс их практического воплощения, в частности применительно к изучению в ходе археологических экспедиций 1906–1907, 1907–1908 гг. уникального памятника древности – Маджарского городища, расположенного на территории Ставропольского края на месте современного г. Буденновска (Колесникова, 2013: 384-395). В фондах Московского археологического общества и его председателя графа А.С. Уварова находится информация, позволяющая выявить специфику процесса изучения истории региона во второй половине XIX века (ОПИ ГИМ. Ф. 17; Ф. 104).

Значительный объем самых разнообразных по видовому составу источников представлен на страницах периодической печати (Периодическая печать..., 1981–1991; Периодическая печать..., 2006; Абхазия..., 2005–2008). Эти материалы разноплановы и охватывают практически все стороны жизни общества. Важнейшее значение в процессе познания особенностей функционирования провинциального научного сообщества, в понимании специфики восприятия провинцией себя и своей роли в истории региона принадлежит анализу историографических источников второй половины XIX – первой трети XX вв. Системный анализ оригинальных нарративов дает представление об исследовательской «лаборатории»: методах и позициях исследователя, его системе аргументации, позволяет реконструировать процесс накопления исторических сведений и знаний о Северо-Кавказском регионе, совершенствовать методику источникового анализа в российской провинции; сделать срез социокультурной среды северокавказской провинции второй половины XIX – начала XX вв.

Труды северокавказских исследователей размещались на страницах местных периодических изданий (газет), столичной журнальной периодики, периодических изданий центральных и региональных научных учреждений и обществ (Попов, 1904; Никольский, 1907; Трутовский, 1915; Хорув, 2003), что позволяет определить роль этих учреждений в становлении северокавказской историографической традиции. В 2002 г. опубликован каталог северокавказских дореволюционных изданий, вышедших в 1853–1917 гг. (Ставропольская книга..., 2002). Это уникальное издание не просто комплексный ретроспективный анализ истории книги дореволюционного периода и книгоиздательства на Ставрополье, но и первая попытка воссоздания забытого вида библиографии – репертуара. Составители каталога стремились с максимальной полнотой представить все издания, сопроводив их аннотациями. К числу наиболее распространенных изданий северокавказских исследователей относятся описания населенных мест региона историко-топографического, историко-статистического, статистико-этнографического характера (Колесникова, 2011: 16-25).

Значительный информационный пласт по историко-культурному наследию народов Северного Кавказа содержится в масштабных сочинениях известных представителей северокавказского интеллектуального и просветительского сообщества XIX столетия (Дагестанские..., 1993; Лайпанова..., 2008).

Несколько слов об источниках личного происхождения. Они в большей степени позволяют воссоздать процесс познания истории Кавказа. Это прежде всего источники мемуарного характера – дневники, записки, а также эпистолярное наследие ученых, общественных деятелей, литераторов и путешественников, гражданских лиц и военных, оставивших свои впечатления об исторических событиях и процессах, от «встречи» с иной культурой. Среди них И.Ф. Бларамберг, А.П. Ермолов, М. Ольшевский, Ф.Ф. Торнау, М.М. Ковалевский, П.С. Уваров, И.П. Фальк, И. Фон дер Ховен и др. (Записки А.П. Ермолова, 1991; Торнау, 2008; Русские на Кавказе..., 2004).

Особое внимание следует уделить комплексной оценке содержательных характеристик путевых дневников, представляющих собой значимый источник личного происхождения. Дневниковые записи включают дифференцированную информацию, имеющую внутреннюю хронологическую сетку. Качественный анализ путевых дневников позволяет не только сформировать маршрутную карту, но и описать внеплановые встречи и эмоциональные дорожные переживания, важные для системного восприятия регионального пространства. Как и многие источники личного происхождения, дневниковые записи не всегда ориентированы на синхронного читателя, а потому сохраняют важные эмпирические фрагменты, не рассчитанные на цензурные ограничения и передающие авторскую творческую и человеческую индивидуальность. Интересные факты реконструированных путевых дневников способствуют последовательному формированию реалистичных портретов выдающихся представителей исследовательского сообщества, обращенных к региональной проблематике. Дневниковые записи позволяют воспроизвести социокультурные условия общественного и интеллектуального генезиса конкретного ученого, системное становление авторских концептуальных построений, реальное влияние внешних факторов на индивидуальную творческую активность. Путевые дневники дают живую картину окружающей действительности, полезную для комплексной исторической реконструкции изучаемого периода или явления. Среди многообразных нарративов избранного типа следует отметить дневниковые записи известного медика, натуралиста и путешественника И.А. Гильденштедта (Гюльденштедта) (Дневник..., 1879: 180-229); почетного члена Петербургской академии наук К.М. Бэра (Каспийская экспедиция..., 1984),

известного археолога, основоположника отечественной археологической науки В.А. Городцова, подробные оригинальные заметки других известных исследователей регионального прошлого, среди которых необходимо выделить А.В. Верещагина, Н.И. Воронова, К.Т. Живило, М.З. Кипиани, В.А. Потто, В. Сидорова, П.С. Уварова, М.Ф. Федорова и др. ([Верещагин, 1874](#); [Из путевых заметок..., 1904](#); [664-684](#); [Кипиани, 1884](#)).

5. Заключение

В отечественной научной литературе собран бесценный материал по изучению Северо-Кавказского региона и проживающих в нем народов, отдельных элементов их культур, а также биографические сведения исследователей, которые изучали Северный Кавказ и занимались сохранением его историко-культурного наследия. Ретроспективный анализ историографических обзоров по истории изучения и сохранения историко-культурного наследия Кавказа в конце XVIII – первой трети XX вв. показал особенности смены историографических направлений при изучении истории Северо-Кавказского региона. Российское кавказоведение отличалось гуманитарной направленностью исследований, влиянием академической науки, совокупностью применяемых исследователями подходов к изучению Кавказа как единого историко-культурного региона. История научного познания Кавказа является итогом деятельности столичных и провинциальных исследователей, научных обществ, отражает интеллектуальный потенциал провинциального научного сообщества в XVIII – начале XX вв.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50147.

Литература

- [Абхазия..., 2005–2008](#) – Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–XX вв.) / Сост. Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум, 2005–2008. Кн. 1–2.
- [Авидзба, Колесникова, 2020](#) – [Авидзба А.Ф., Колесникова М.Е.](#) О деятельности пристава Цебельды Ф.Я. Лисовского в 1837–1841 гг.: по материалам сборника архивных документов «Западный Кавказ в первой половине XIX века» // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 4. С. 223–226.
- [Архив ИИМК РАН](#) – Архив института истории материальной культуры РАН.
- [Верещагин, 1874](#) – [Верещагин А.В.](#) Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. 204 с.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Гулиева, 2016](#) – [Гулиева С.Г.](#) Историко-документальное наследие народов Северного Кавказа: собрание и использование в XIX в. // *История и архивы*. 2016. № 4 (6). С. 36–47.
- [Дагестанские..., 1993](#) – Дагестанские исторические сочинения / Сост., пер., коммент. А.Р. Шихсаидова, Т.М. Айтберова, Г.М.-Р. Оразаева. М., 1993. 298 с.
- [Дневник..., 1879](#) – Дневник путешествия в Россию академика Гильденштедта в 1773–1774 г. // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1879. Т. 11. С. 180–229.
- [Ермоленко, 2017](#) – [Ермоленко Л.П.](#) Развитие региональной археологической науки во второй половине XIX – первой четверти XX столетия (по материалам Северного Кавказа) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2017. № 1. С. 58–64.
- [Западный Кавказ..., 2019](#) – Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. М., 2019. 190 с.
- [Записки..., 1991](#) – Записки А.П. Ермолова 1798–1826 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Федорова. М., 1991. 462 с.
- [Из путевых заметок..., 1904](#) – Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886 г. // *Русский архив*. 1904. № 4. С. 664–684.
- [Каспийская экспедиция..., 1984](#) – Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / Сост. Т.А. Лукина. Л., 1984. 557 с.
- [Кипиани, 1884](#) – [Кипиани М.З.](#) От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1884. 47 с.
- [Колесникова, 2011](#) – [Колесникова М.Е.](#) Краеведческие и топографические описания как историографический источник // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2011. Вып. 72 (1). С. 16–25.
- [Колесникова, 2013](#) – [Колесникова М.Е.](#) Архивные материалы по истории изучения Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX в. // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева*. М., 2013. Т. 2. С. 384–395.
- [Колосовская, 2017](#) – [Колосовская Т.А.](#) Архивные источники об изучении Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны // *Вестник архивиста*. 2017. № 2. С. 10–24.
- [Кузьминов, 2009](#) – [Кузьминов П.А.](#) Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009. 235 с.

- Лайпанова, 2008** – Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. Черкесск, 2008. 120 с.
- Мохначева, 1999** – Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. 511 с.
- Никольский, 1907** – Никольский С.Я. Указатель статей неофициальной части кавказских «Ставропольских епархиальных ведомостей» за тридцатипятилетний период времени их издания 1873–1907 годы. Ставрополь, 1907. 109 с.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Периодическая печать..., 1981–1991** – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали, 1981–1991. Кн. 1–5.
- Периодическая печать..., 2006** – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Ир, 2006. Кн. 6. 488 с.
- Попов, 1904** – Попов И.Г. Систематический указатель содержания «Владикавказских епархиальных ведомостей» за шесть лет их издания (1895–1900 гг.). Владикавказ, 1904. 29 с.
- Приложение, 2009** – Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009. 206 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Русские на Кавказе, 2004** – Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича / Сост. А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. СПб., 2004. 352 с.
- Ставропольская книга, 2002** – Ставропольская книга 1853–1917 годов: материалы к репертуару дореволюционной книги Ставрополя 1853–1917 годов / Сост. М.В. Агаркова и др. Ставрополь, 2002. 271 с.
- Торнау, 2008** – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. 456 с.
- Трутовский, 1915** – Трутовский В.К. Список изданий Императорского Московского археологического общества за 50 лет его деятельности с указанием их содержания (1864–1915). М., 1915. 55 с.
- Шеуджен, 2000** – Шеуджен Э.А. Проблемы северокавказской историографии // *Наука о Кавказе: проблемы и перспективы / Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 авг. 1999 г.)*. Ростов-на-Дону, 2000. С. 81–86.
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Slavery, 2016–2020** – Slavery: Theory and Practice. Scientific E-journal. 2016–2020. [Electronic resource]. URL: <http://ejournal43.com/en/index.html>

References

- Abkhaziya..., 2005-2008** – Abkhaziya i abkhazy v rossiiskoi periodike (XIX–XX vv.) [Abkhazia and Abkhazians in Russian periodicals (XIX–XX centuries)]. Sost. R.Kh. Aguazhba, T.A. Achugba. Sukhum, 2005–2008. Kn. 1–2. [in Russian]
- Arkhiv IIMK RAN** – Arkhiv instituta istorii materialnoi kultury RAN [Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. [in Russian]
- Avidzba, Kolesnikova, 2020** – Avidzba, A.F., Kolesnikova, M.E. (2020). O deyatel'nosti pristava Tsebel'dy F.Ya. Lisovskogo v 1837–1841 gg.: po materialam sbornika arkhivnykh dokumentov «Zapadniy Kavkaz v pervoi polovine XIX veka» [About the activities of the bailiff Tsebel'dy F.Ya. Lisovsky in 1837–1841: based on the materials of the collection of archival documents "The Western Caucasus in the first half of the XIX century"]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 4. Pp. 223–226. [in Russian]
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 3-1 (57-1): 1415–2266.
- Dagestanskie..., 1993** – Dagestanskie istoricheskie sochineniya [Dagestan historical writings]. Sost., per., komment. A.R. Shikhsaidova, T.M. Aitberova, G.M.-R. Ozaeva. M., 1993. 298 p. [in Russian]
- Dnevnik..., 1879** – Dnevnik puteshestviya v Rossiyu akademika Gil'denshtedta v 1773–1774 g. [Diary of a trip to Russia by academician Guldenstedt in 1773–1774]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1879. T. 11. Pp. 180–229. [in Russian]
- Ermolenko, 2017** – Ermolenko, L.P. (2017). Razvitie regional'noi arkheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti KhKh stoletiya (po materialam Severnogo Kavkaza) [Development of regional archaeological science in the second half of the 19th - first quarter of the 20th century (based on materials from the North Caucasus)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 58–64. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gulieva, 2016** – Gulieva, S.G. (2016). Istoriko-dokumental'noe nasledie narodov Severnogo Kavkaza: sobiranie i ispol'zovanie v XIX v. [Historical and documentary heritage of the peoples of the North Caucasus: collection and use in the 19th century]. *Istoriya i arkhivy*. 4(6): 36–47. [in Russian]

Iz putevykh zametok..., 1904 – Iz putevykh zametok episkopa Vladimira o Severnom Kavkaze. 1886 g. [From the travel notes of Bishop Vladimir about the North Caucasus. 1886 g.]. *Russkii arkhiv*. 1904. 4: 664-684. [in Russian]

Kaspiiskaya ekspeditsiya..., 1984 – Kaspiiskaya ekspeditsiya K.M. Bera 1853-1857 gg. Dnevnik i materialy [Caspian expedition K.M. Baer 1853-1857 Diaries and materials]. Sost. T.A. Lukina. L., 1984. 557 p. [in Russian]

Kipiani, 1884 – *Kipiani, M.Z.* (1884). Ot Kazbeka do El'brusa. Putevye zametki o nagornoj polose Terskoi oblasti [From Kazbek to Elbrus. Travel notes about the upland strip of the Terek region]. Vladikavkaz. 47 p. [in Russian]

Kolesnikova, 2011 – *Kolesnikova, M.E.* (2011) Kraevedcheskie i topograficheskie opisaniya kak istoriograficheskii istochnik [Local history and topographic descriptions as a historiographic source]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*. 72(1): 16-25. [in Russian]

Kolesnikova, 2013 – *Kolesnikova, M.E.* (2013). Arkhivnye materialy po istorii izucheniya Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v. [North Caucasian historiographic tradition: the second half of the 18th – early 20th centuries]. *Istoriograficheskie chteniya pamyati professora Viktora Aleksandrovicha Murav'eva*. M. T. 2. Pp. 384-395. [in Russian]

Kolosovskaya, 2017 – *Kolosovskaya, T.A.* (2017). Arkhivnye istochniki ob izuchenii Severnogo Kavkaza rossiiskimi ofitserami v period Kavkazskoi voiny [Archival sources on the study of the North Caucasus by Russian officers during the Caucasian War]. *Vestnik arkhivista*. 2: 10-24. [in Russian]

Kuzminov, 2009 – *Kuzminov, P.A.* (2009). Epokha reform 50-70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolyutsionnom kavkazovedenii [The era of reforms in the 50-70s of the XIX century among the peoples of the North Caucasus in pre-revolutionary Caucasian studies]. Nalchik. 235 p. [in Russian]

Laipanova, 2008 – *Laipanova, Z.K.* (2008). Prosvetiteli Karachaya i Cherkessii [Enlighteners of Karachai and Circassia]. Cherkessk, 120 p. [in Russian]

Mokhnacheva, 1999 – *Mokhnacheva, M.P.* (1999). Zhurnalistska i istoricheskaya nauka. V 2 kn. Kn. 2: Zhurnalistska i istoriograficheskaya traditsiya v Rossii 30-70-kh gg. XIX v. [Journalism and Historical Science. In 2 books. Book. 2: Journalism and Historiographic Tradition in Russia in the 1930s and 1970s. XIX century] M. 511 p. [in Russian]

Nikolskii, 1907 – *Nikol'skii, S.Ya.* (1907). Ukazatel' statei neofitsial'noi chasti kavkazskikh «Stavropol'skikh eparkhial'nykh vedomostei» za tridsatipyatiletnii period vremeni ikh izdaniya 1873 – 1907 gody [Index of articles of the unofficial part of the Caucasian "Stavropol Diocesan Gazette" for the thirty-five-year period of their publication 1873 – 1907]. Stavropol, 109 p. [in Russian]

OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].

Periodicheskaya pechat..., 1981-1991 – Periodicheskaya pechat Kavkaza ob Osetii i osetinakh [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Sost. L.A. Chibirov. Tskhinvali, 1981–1991. Kn. 1–5. [in Russian]

Periodicheskaya pechat..., 2006 – Periodicheskaya pechat Kavkaza ob Osetii i osetinakh [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Sost. L.A. Chibirov. Vladikavkaz: Ir, 2006. Kn. 6. 488 p. [in Russian]

Povov, 1904 – *Popov, I.G.* (1904). Sistemicheskii ukazatel sodержaniya «Vladikavkazskikh eparkhial'nykh vedomostei» za šest let ikh izdaniya (1895–1900 gg.) [A systematic index of the contents of the "Vladikavkaz Diocesan Gazette" for six years of their publication (1895–1900)]. Vladikavkaz, 29 p. [in Russian]

Prilozhenie, 2009 – Prilozhenie: Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859-1917): k 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya [Supplement: Imperial Archaeological Commission (1859-1917): to the 150th anniversary of its foundation. At the origins of Russian archeology and protection of cultural heritage]. Pod obshch. red. E.N. Nosova. SPb., 2009. 206 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Russkie na Kavkaze, 2004 – Russkie na Kavkaze. Epokha Ermolova i Paskevicha [Russians in the Caucasus. The era of Ermolov and Paskevich]. Sost. A.G. Makarov, S.E. Makarova. SPb., 2004. 352 p. [in Russian]

Sheudzhen, 2000 – *Sheudzhen, E.A.* (2000). Problemy severokavkazskoi istoriografii [Problems of North Caucasian historiography]. *Nauka o Kavkaze: problemy i perspektivy: Materialy I sezda uchennykh-kavkazovedov (27-28 avg. 1999 g.)*. Rostov n/D. Pp. 81-86. [in Russian]

Slavery, 2016–2020 – Slavery: Theory and Practice. Scientific E-journal. 2016–2020. [Electronic resource]. URL: <http://ejournal43.com/en/index.html>

[Stavropolskaya kniga, 2002](#) – Stavropolskaya kniga 1853–1917 godov: materialy k repertuaru dorevolyutsionnoi knigi Stavropolya 1853–1917 godov [Stavropol book of 1853-1917: materials for the repertoire of the pre-revolutionary book of the Stavropol region of 1853-1917]. Sost. M.V. Agarkova i dr. Stavropol, 2002. 271 p. [in Russian]

[Tornau, 2008](#) – *Tornau, F.F.* (2008). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memories of a Caucasian officer]. M., 456 p. [in Russian]

[Trutovskii, 1915](#) – *Trutovskii, V.K.* (1915). Spisok izdaniy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva za 50 let ego deyatelnosti s ukazaniem ikh soderzhaniya (1864–1915) [List of publications of the Imperial Moscow Archaeological Society for 50 years of its activity with an indication of their content (1864–1915)]. M., 55 p. [in Russian]

[Vereshchagin, 1874](#) – *Vereshchagin, A.V.* (1874). Putevye zametki po Chernomorskemu okragu [Travel notes for the Black Sea region]. M. 204 p. [in Russian]

[Zapadnyi Kavkaz..., 2019](#) – *Zapadnyi Kavkaz v pervoi polovine XIX veka: po materialam F.Ya. Lisovskogo i V.L. Churkina. Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Western Caucasus in the first half of the 19th century: based on the materials of F.Ya. Lisovsky and V.L. Churkina]. Sost. L.I. Tsvizhba. M., 2019. 190 p. [in Russian]

[Zapiski..., 1991](#) – *Zapiski A.P. Ermolova 1798–1826* [Notes A.P. Ermolova 1798–1826]. Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. A. Fedorova. M., 1991. 462 p. [in Russian]

История изучения и сохранения историко-культурного наследия Кавказа в конце XVIII – первой трети XX в.: источниковедческий и историографический обзор

Людмила Павловна Ермоленко ^{a, *}, Марина Евгеньевна Колесникова ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. История изучения и сохранения историко-культурного наследия Кавказа в истории отечественного кавказоведения является составляющим компонентом. Предметом исследования явились источниковедческая и историографическая концепции отечественных историков, рассматривающих узловые проблемы истории изучения и сохранения историко-культурного наследия в конце XVIII – начале XX вв. В данной статье анализируется значительный объем самых разнообразных по видовому составу источников, хранящихся в архивных, музейных и библиотечных фондах, характеризующих процесс становления и развития отечественного кавказоведения. Историописательная традиция междисциплинарного кавказоведения рассматривается как эволюционная модель, интегрирующая разнообразные исследовательские практики, обращенные к краеведческому дискурсу, теоретической и прикладной регионалистике, интеллектуальной исторической рефлексии и биографическим реконструкциям. Особое внимание уделяется так называемым «новым историям»: экономической, социальной, политической, культурной, гендерной, интеллектуальной, локальной, экономической. Отечественное кавказоведение – результат коллективного труда профессиональных ученых (археологов, антропологов, этнографов, историков, филологов) и краеведов-любителей. Они внесли огромный вклад в изучение Северного Кавказа и сохранение разнообразных источников. Краеведы-любители, военные, путешественники стояли у истоков формирования исторического знания о регионе, организации исторических исследований в крае. Профессиональные ученые воссоздали историю академического кавказоведения, историю научных учреждений и обществ, реконструировали биографии исследователей и анализировали их творческое наследие. В статье показан процесс развития кавказоведения и исторического краеведения. Органичный синтез дифференцированных когнитивных разработок позволил сформировать комплексную картину регионального развития, которая в отраслевом измерении является объективным результатом практического развития современного кавказоведения.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, историко-культурное наследие, историографическая традиция, источниковедческая традиция, кавказоведение.

* Корреспондирующий автор

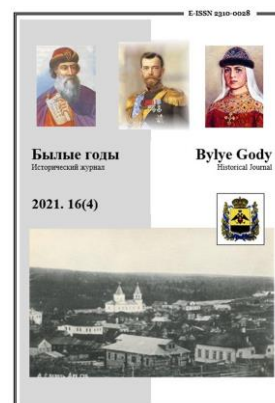
Адреса электронной почты: gutik77@bk.ru (Л.П. Ермоленко), kolesnikovam2017@mail.ru (М.Е. Колесникова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1701-1709
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1701

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Political Aspects of the Evolution of Scientific Medical Societies of Great Britain and Russia

Olga Y. Zhukovets ^{a, *}, Elena K. Sklyarova ^b, Yulia A. Sidorenko ^c, Elena N. Butova ^c

^a Admiral Ushakov Maritime State University, Russian Federation

^b South Federal University, Russian Federation

^c Rostov State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article considers socio-political aspects of the evolution of scientific medical societies of Great Britain and Russia in the XIX – XX centuries. The authors investigate different socio-political processes and effects of the formation of scientific medical societies of Great Britain and Russia in the XIX – XX centuries using the comparative and historical-genetic methods of scientific research. The rise of the most scientific medical societies in Great Britain happened during the period of the epidemics, urbanization and the reign of Queen Victoria. The founders of the most of societies were the members of parliament, the representatives of medical profession of the United Kingdom. In the XX century, scientific medical societies of Great Britain united in The Royal Society of Medicine, and then got royal confession and support. Their progressive socio-medical ideas during the period of urbanization and epidemics were developed in Russian Empire, where progressive Russian doctors created the “Pirogov`s Society”. However, socio-political events of the period of Russian Revolution 1917 brought to the liquidation of Russian monarchy and this scientific medical society. Only after the disintegration of the USSR and communist system the “Pirogov`s Society” was reestablished in Russia.

Keywords: urbanization, epidemics, scientific societies, Great Britain, Russia, USSR, Queen Victoria, Russian Revolution.

1. Введение

Эволюция ведущих научных медицинских обществ Великобритании началась в эпоху эпидемий, урбанизации и промышленного переворота в XIX в. Этот процесс был обусловлен последствиями резкого роста количества городов и населения страны, эпидемий, смертности, заболеваемости и неконтролируемой миграции. В этих условиях шел процесс становления научных медицинских обществ, которые взяли на себя решение важнейших социально-медицинских проблем государства. В Российской империи промышленный переворот и урбанизация последовали после отмены крепостного права, что стало толчком к становлению здравоохранения на государственном уровне. Эти проблемы не исследовались в отечественной и зарубежной историографии в сравнительно-историческом аспекте, выявляя ряд социально-политических факторов и особенностей эволюции научных медицинских обществ Британии и России. Актуальность изучения становления и развития научных медицинских обществ определена научно-практической, медико-социальной и политической значимостью темы, необходимостью более широкого использования междисциплинарного подхода к проведению сравнительного анализа. В работах российских и британских ученых эти проблемы, став объектом научного анализа, отражали национальные аспекты развития научных медицинских обществ той или иной страны. Актуальность сравнительного анализа

* Corresponding author

E-mail addresses: seal_mail@mail.ru (O.Y. Zhukovets), affina18@mail.ru (E.K. Sklyarova), rostgmufdo@mail.ru (Y.A. Sidorenko), abutova@yandex.ru (E.N. Butova)

определяется также недостаточно изученным вкладом врачей и их возрастающей роли в социальной и политической жизни различных стран мира, их влиянием на принятие важнейших законов, отвечающих потребностям развития государства. Сохраняются различные оценки основоположников общественного здравоохранения, ставшего новой сферой медицинского знания в эпоху урбанизации. Научных исследований, сравнивающих особенности становления и развития ведущих научных медицинских обществ Великобритании и России пока недостаточно.

Цель исследования: сравнительно-исторический анализ социально-политических особенностей эволюции ведущих медицинских обществ Великобритании и России в XIX–XX вв.

2. Материалы и методы

Для сравнения эволюции и специфики становления научных медицинских обществ Великобритании и России использовались парламентские и законодательные документы, периодическая печать, работы выдающихся и малоизвестных деятелей медицины и общественного здравоохранения, а также общественных деятелей этих стран. Анализ исторических источников викторианской эпохи и периода правления династии Романовых дал возможность сравнить особенности эволюции научных медицинских обществ Британии и России, динамику проведения медико-социальных реформ, вклад представителей медицинской профессии в развитие городов и общества.

Историко-сравнительный подход дал возможность определить эволюцию становления научных медицинских обществ Великобритании и России, системы государственной медицинской помощи и соответствующего образования. На основе историко-генетического метода исследования выявлены основоположники и пионеры становления научных медицинских обществ Великобритании и России, медико-социальных реформ и общественного здравоохранения. Использование междисциплинарного подхода обусловило определение ряда социально-политических и медико-социальных идей, имеющих большое значение для развития стран мира, что также позволило сравнить эволюцию и типологию становления научных медицинских обществ, актуальные проблемы развития Великобритании и России. На основе использования широкого круга научных методов исследования выявлены медико-социальные и социально-политические особенности развития Великобритании и России в эпоху эпидемий и урбанизации.

3. Обсуждение

Становление научных медицинских обществ Великобритании и России занимает особое место в истории социальной политики стран мира. Эти проблемы, малоизученные в России и Британии, не получили должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. Исторических исследований, сравнивающих комплекс этих социально-политических и медицинских процессов стран Европы, недостаточно. В зарубежной и отечественной историографии эти аспекты рассматриваются, отражая специфику и динамику становления научных медицинских обществ Британии или России, вклад их основоположников и представителей медицины собственных стран. В исследованиях указывается, что «становление научных медицинских обществ Соединенного Королевства явилось медико-социальным феноменом эпохи, следствием промышленного переворота и урбанизации, а также деятельности ведущих врачей и общественных деятелей Великобритании» (Склярлова и др., 2019: 67). Отмечалось, что «следствием урбанизации и вхождения Ирландии в состав Соединенного Королевства стала выработка новых идей социального развития городов. Они ...разрабатывались научными и общественными организациями для преодоления нищеты, здравоохранения городов, муниципализации, передела частной собственности, имеющей общественное значение. Формирование новых идей решения социальных проблем шло на основе бентамизма, обеспечения благосостояния и здоровья горожан, пересмотра актов о бедных и налогообложения» (Апрыщенко, 2020: 262).

Проблема становления общественного здравоохранения анализируется также в контексте Крымской войны, при этом отмечается, что, «став составным элементом истории медицины, викторианизма, международной политики стран мира, в годы Крымской войны общественное здравоохранение отделилось от клинической медицины» (Sklyarova et al., 2019: 1629). Часть исследований рассматривает проблему становления научных медицинских обществ в контексте Русской революции 1917 года (Дработа и др., 2017: 25). Идеи представителей медицины Великобритании и России как основоположников создания научных обществ не рассматривались комплексно в контексте выработки основ общественного здравоохранения и социальной политики, а также междисциплинарных исследований.

Таким образом, анализ эволюции научных медицинских обществ Великобритании и России как части социальной политики Великобритании и Российской империи представляется актуальным.

4. Результаты

Эпоха урбанизации Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, а также резкий рост смертности населения, миграции и эмиграции, массовых городских эпидемий стали объективными

факторами создания ряда научных медицинских обществ. Этот процесс начался в начале XIX века параллельно со становлением статистики как новой формы анализа развития королевства. «XIX век вошёл в историю, как начальный период промышленного переворота, урбанизации, становления социальной политики и общественного здравоохранения стран мира. Эти процессы проходили одновременно в странах Европы, имея общие позитивные и негативные тенденции» (Sklyarova et al., 2019a: 1112). Инициатором первых переписей населения Великобритании стал Джон Рикман, который обосновал идею создания государственной статистики. После унии с Ирландией в 1800 году правительство Соединенного Королевства одобрило новый билль о проведении первой государственной переписи населения королевства. В ходе очередной парламентской сессии отмечалось, что до этого государственная перепись населения Англии, Уэльса и Шотландии не проводилась (Hansard's, 1812: 177-185). В дальнейшем статистические сведения о развитии королевства стали собираться каждые десять лет, сменив устаревшую религиозную систему регистрации. В Российской империи подобная перепись населения осуществлялась в 1897 году – почти на столетие позже Британией.

Согласно официальной статистике, в начале XIX века Лондон стал крупнейшим мегаполисом мира. В 1801–1851 гг. количество его населения выросло почти в три раза (на 1,5 млн человек), став к середине XIX века единственным городом мира с числом жителей, превышающим 2,3 млн человек (Weber, 1976: 9). Столица Великобритании в эпоху урбанизации стала первым городом мира по количеству населения, мигрантов и пациентов. А в крупнейших городах и столицах Российской империи, даже в Санкт-Петербурге и Москве, в 1890 году численность населения была значительно меньше, что составляло соответственно – 822 тыс. и 1 003 тыс. человек (Lampard, 1973: 9).

Значительным стимулом решения медико-социальных проблем Соединенного Королевства стало создание «Статистического общества Лондона», в состав которого вошли британские врачи и ученые, а также члены парламента. Президент Статистического общества Лондона, профессор и врач Уильям Гай в своей статье, опубликованной в журнале статистического общества, подчеркнул, что, «несмотря на медленное развитие», британская статистика «превращается в науку, имеющую социальные и политические черты» (Guy, 1865: 492). В дальнейшем «Статистическое общество Лондона» сыграло роль фундамента создания уже «Королевского Статистического общества».

Все эти социально-политические и медико-социальные процессы стали факторами, которые обусловили прогрессивное развитие городов, становление социальной политики и общественного здравоохранения Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, а также инициацию создания ряда ведущих научных и медицинских обществ королевства, которые в эпоху промышленного переворота и урбанизации оказали значительное влияние на прогрессивное развитие страны.

«Медицинское и хирургическое общество Лондона» впервые было основано в 1805 году в Великобритании. Основателем этого научного общества и его первым избранным президентом стал Уильям Сандерс. Известно, что в 1807 году он являлся ведущим врачом, состоя на службе в семье британских монархов. Он получил медицинское образование у себя на родине в Шотландии, где окончил медицинский факультет университета Эдинбурга. Затем У. Сандерс разработал курс лекций по основам фармацевтической науки и химии, который стал преподавать студентам Колледжа хирургов. В дальнейшем, продолжая работать в Шотландии, ученый стал избранным «членом Королевского научного общества Эдинбурга», деятельность которого отражалась на страницах европейских изданий (*The European Magazine*, 1817: 295).

Знаменитая больница Лондона – Госпиталь Гая (Guy's Hospital) – расположившаяся в центральной части столицы Великобритании с 1721 года, стала местом дальнейшей научно-практической деятельности создателя «Медицинского и хирургического общества Лондона». У. Сандерс долгое время работал хирургом в этой больнице в столице королевства, где также продолжил свою научную и преподавательскую деятельность. Доктор У. Сандерс, расширяя сферу своей медицинской и научной деятельности, вошел в состав «Анатомического общества» Великобритании.

«Основателями «Медицинского и хирургического общества Лондона» также стали известные врачи и общественные деятели Британии – Дж. Йеллоули, первый казначей общества – Э. Купер, А. Марсет, П. Роджет» (Склярова и др., 2019: 65). Примечательно, что А. Марсет не был уроженцем Великобритании. Выходец из Швейцарии, получив медицинское образование, как и У. Сандерс, также в университете Эдинбурга, он переехал в Шотландию из Женевы. Ученый занимался проблемами диабета, работал, как и У. Сандерс, в Колледже хирургов и в больнице Лондона в Guy's Hospital (*Clinical Chemistry*, 2001: 785). В 1815 году этот эмигрант и уже известный английский ученый вошел в состав «Королевского общества Лондона» одновременно с П. Роджетом, который также был выпускником медицинского факультета университета Эдинбурга и в дальнейшем стал основателем «Общества по распространению полезных знаний». Постепенно деятельность «Медицинского и хирургического общества Лондона» получила королевское признание и новое официальное название – «Королевское медицинское и хирургическое общество Лондона». Это произошло в 1834 году согласно королевскому указу в эпоху урбанизации и короля Уильяма IV.

Расширяя свою научную, практическую и издательскую деятельность, в 1809 году «Медицинское и хирургическое общество Лондона» инициировало новое научное издание, которое получило название «Медико-хирургические известия». ([Medico-Chirurgical Transactions, 1809](#)). Одним из новых научных и медицинских изданий эпохи урбанизации также стал журнал, освещающий и сравнивающий особенности развития медицины Великобритании и других зарубежных стран ([British and Foreign Medical Review, 1844](#)).

Знаменитый научный журнал Великобритании – «Ланцет» – был основан еще в эпоху урбанизации в 1823 году. Это произошло благодаря инициативе и авторитету депутата парламента Великобритании, известного врача Томаса Уокли. Хирург являлся также членом «Королевского общества хирургов». Журнал «Ланцет», как новое научное издание, на своих страницах анализировало превентивные меры по здравоохранению городов, предотвращению эпидемий, которые стали острой медико-социальной проблемой городов Великобритании и мира в XIX веке, поддерживая «совместные действия правительства и представителей медицины» для решения новых санитарных проблем ([The Lancet, 1846: 52](#)). Став редактором научного издания, хирург Т. Уокли пытался привлечь внимание парламента Соединенного Королевства к медико-социальной проблеме загрязнения Лондона ([Hansard`s, 1848](#)).

В современном мире английский журнал «Ланцет» продолжает свою научно-издательскую деятельность. Его представительства появились в XXI веке в Китае (Пекине), США (Нью-Йорке). «Новыми научно-исследовательскими и издательскими направлениями стали «The Lancet Neurology», «The Lancet Oncology», «The Lancet Student» ([Склярова и др., 2015a: 58](#)).

В столице Ирландии в Дублине началось издание журнала медицинской науки Дублина ([Dublin Journal, 1843](#)). На страницах этого нового научного издания Ирландии отражались задачи развития здравоохранения городов всей Ирландии, а также Англии, Шотландии, Уэльса. В эпоху эпидемий «идея здравоохранения городов» стала интеллектуальным фактором и обоснованием становления «социальной политики Соединенного Королевства, новых научных медицинских обществ» ([Sklyarova, 2016: 18](#)).

В эпоху урбанизации и эпидемий, в период правления королевы Виктории в столице Великобритании в Лондоне был основан «Журнал общественного здравоохранения», который стал важным «фактором становления социально-гигиенических идей и социальной политики Великобритании в эпоху урбанизации» ([Сидоренко и др., 2018: 111](#)).

Ряд ведущих научных медицинских обществ Великобритании был создан в XIX веке в период правления королевы Виктории. Эти общества были основаны в следующей последовательности: «Фармацевтическое общество» (1841), «Патологическое общество Лондона» (1846), «Эпидемиологическое общество Лондона» (1850), «Одонтологическое общество Великобритании» (1856), «Акушерское общество Лондона» (1858), «Клиническое общество Лондона» (1867), «Дерматологическое общество Лондона» (1882), «Британское гинекологическое общество» (1884), «Неврологическое общество Лондона» (1885)» ([Склярова и др., 2019: 69](#)). Их названия отражают последовательность решения медико-социальных проблем государства, развитие здравоохранения на новом научном уровне.

Важным шагом в развитии науки и общества стало создание в 1841 г. «Фармацевтического общества». «Новая научная организация определяла программу, организацию и план обучения студентов. Ее целью было объединить людей этой профессии в единый орган – общество защиты интересов его членов и развития научных знаний. В 1843 г. королева Виктория пожаловала обществу Королевскую хартию» ([Склярова и др., 2015b: 210](#)). В отличие от других медицинских обществ, оно до конца XX в. развивалось, не имея статуса «Королевского». С момента образования это была профессиональная организация фармацевтов и аптекарей Англии, Шотландии, Уэльса. Основателями общества стали выдающиеся химики и фармацевты – У. Аллен, Джейкоб Белл и Джон Белл, Э. Уре, Даниэль Хэнбери, Дж. Марвуд Хаклебридж ([Smith 1885: 162](#)). Первым президентом общества был избран У. Аллен. Основной задачей общества стало развитие фармацевтической науки, всей этой медицинской отрасли. С середины XIX в. фармацевты Британии должны были быть зарегистрированы в обществе для осуществления научно-практической деятельности. Для того чтобы стать членом общества, каждый, кто занимался аптечным делом, должен был получить степень магистра или бакалавра, сдав экзамен. Для приготовления и продажи в аптеках лекарственных средств необходимо было получить специальное образование, что давало возможность стать членом «Фармацевтического общества» Великобритании. Эти новшества давали юридическое право осуществлять практическую фармацевтическую деятельность. «С 1869 года публиковался ежегодный перечень всех фармацевтов-химиков и фармацевтов и аптекарей» ([Склярова и др., 2015b: 210](#)).

В конце XX века королева Елизавета II утвердила статус «Королевский», который был предоставлен уже «Королевскому фармацевтическому обществу». Неотъемлемым элементом его деятельности, начиная с эпохи королевы Виктории, была юридическая защита интересов фармацевтов, предотвращение фальсификации продуктов питания и лекарств, издательская деятельность, медицинское музееведение.

В 1846 г. в Великобритании впервые было создано «Патологическое общество Лондона». Факторами его организации стали городские эпидемии, необходимость научных вскрытий и исследований причин смертности населения в эпоху урбанизации. Это научное общество также инициировало издание научного медицинского журнала, на страницах которого можно было найти список и социальный состав этого общества, а также научные статьи, посвященные патологическим изменениям человека, последствиям сифилиса, рака, тифа, туберкулеза, гепатита ([Transactions of the Pathological Society, 1862](#)). Первым президентом общества был избран доктор С. Дж. Уильямс. В состав общества вошли Р. Брайт, У. Гулл, У. Дженнер, Г. Джонс, Р. Квейн.

В 1850 г. было создано «Эпидемиологическое общество Лондона». Доктор Б. Бабингтон, работавший также в центральной больнице Лондона в Guy's Hospital, был избран первым президентом этого общества. Идеи его создания появились в 1830-х годах в разгар первой эпидемии холеры. Целью новой организации стало проведение научных исследований, взаимодействие с правительством для предотвращения эпидемий, получивших новый размах в период урбанизации. Общество использовало медицинскую статистику, публикуя итоги своих научных исследований на страницах журналов «Ланцет», «Британского медицинского журнала», «Медикал Таймс», «Санитари ревью». Ведущим изданием общества стали «Известия Эпидемиологического общества Лондона» («Transactions of the Epidemiological Society of London»). *Основателями общества стали также врачи Guy's Hospital – Эддисон и Брайт, а также Дж. Сноу, санитарный врач Сити Лондона – Дж. Симон* ([The influence, 1973: 30](#)). *Общество учредило медаль Э. Дженнера в память о создателе первой вакцинации.*

В XX веке произошло объединение ведущих научных обществ Лондона – «Королевского медицинского и хирургического общества Лондона», «Патологического общества Лондона», «Эпидемиологического общества Лондона». Они стали фундаментом создания единого «Королевского медицинского общества». Это стало новым уровнем развития британской науки и медицинской практики – клинической медицины, общественного здравоохранения, эпидемиологии урбанизованного общества, которое должно было быстро реагировать на рост медико-социальных проблем.

В Российской империи в 1881 году, в год смерти знаменитого русского хирурга Н.И. Пирогова, было создано «Хирургическое общество». Как и в Великобритании, общество первоначально стало профессиональным объединением хирургов. Затем для «привлечения врачей других специализаций» оно «стало называться Московско-Петербургским медицинским обществом, три года спустя его назвали Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Позже «Пироговское общество» ([Склярова и др., 2015а: 186](#)). Общество расширялось, объединяя исследователей представителей клинической медицины и общественного здравоохранения городов Российской империи. «Пироговские съезды врачей» стали научно-практическим форумом российской медицинской науки. Съезды врачей проводились в столице Российской империи – в Санкт-Петербурге, а также в Казани и в Москве. В тот период развития Российской империи в этих городах существовали и проводили научные исследования первые университеты и медицинские факультеты России.

Общество было основано благодаря инициативе выдающихся деятелей медицины Российской империи – гигиениста Ф. Эрисмана, терапевта С. Боткина, патолога В. Пашутина, хирурга Н. Склифосовского, бактериолога Г. Габричевского. Научным изданием этого общества стал новый «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова», который затем получил новое название – «Общественный врач», занимаясь изучением проблем «оздоровления городов» Российской империи и зарубежных стран ([Общественный врач, 1916](#)). В период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в разгар эпидемий общество критиковало организацию общественного здравоохранения армии на фронтах и в тылу ([Общественный врач, 1918: 556](#)).

В деятельности этого научного общества и Пироговских съездов принимали участие хирург Н.И. Напалков, психиатр К.С. Агаджанянц. Профессор Н.И. Напалков «заведовал кафедрой факультетской хирургии медицинского факультета Варшавского, а затем Ростовского мединститута. В 1921 году он основал «Донское хирургическое общество» ([Наследники, 2016: 22](#)). Известный в России и за рубежом профессор, доктор медицинских наук, психиатр К.С. Агаджанянц после Русской революции 1917 года по политическим соображениям эмигрировал из советской России, продолжив свою научную и педагогическую деятельность в Болгарии в Софийском университете, в ведущем университете Турции в Константинополе, во Франции в Сорбонне ([Reshetnikova et al., 2018: 44-45](#)). В России в Ростове-на-Дону в годы Первой мировой войны он являлся основателем кафедры психиатрии Варшавского университета после его эвакуации.

В период Февральской революции и Октябрьского переворота социально-политические изменения Российской империи отразились и на судьбе «Пироговского общества». В его состав входили кадеты, октябристы, большевики. Значительную часть Правления общества составляли уже не хирурги, а земские деятели (П.И. Куркин, А.В. Мольков и др.). В состав общества вошли октябристы (В.К. Анреп, С.В. Шидловский и др.). Затем в руководство Правления общества, а также Пироговских съездов вошли кадеты (Ф.А. Рейн, А. Шингарев, А. Салазкин и др.). В период Февральской революции общество поддержало Временное правительство. После Октября 1917 года часть руководства общества отказалось сотрудничать с большевиками. После Русской революции в

журнале «Общественный врач» появилась новая политическая рубрика: «Врачи в стане большевиков» (*Общественный врач, 1918*).

В период создания СССР и строительства большевистского государства в 1922 г. общество прекратило свое существование по политическим соображениям. В первые годы советской России был закрыт также и научный журнал «Общественный врач». «Лидер большевиков В.И. Ленин считал, что до V Пироговского съезда руководство общества «принадлежало реакционерам... Члены правления первых четырех съездов – это влиятельные профессора Петербурга, связанные с верхами дворянства и отчасти крупным капиталом». Так он назвал учредителей общества – А.Я. Крассовского, Н.В. Склифосовского. Общество подверглось критике большевиков за то, что его руководители старались придать деятельности общества академический, узкопрофессиональный характер» (*Дроботя и др., 2017: 31*). Сопратник В.И. Ленина, революционер и первый Нарком здравоохранения советской России Н.А. Семашко, возглавив систему здравоохранения, обосновал организацию советской медицины. Научное медицинское общество Российской империи распалось и было закрыто в первые годы становления СССР по политическим мотивам.

В постсоветской России после распада СССР и коммунистической системы в 1995 г. Пироговские съезды начали свое возрождение. «В 1995 г. состоялся I Всероссийский Пироговский съезд врачей, в ходе которого, после долгих лет забвения, были восстановлены традиции этой общественной организации, заявлено о неотъемлемом праве врачей самостоятельно решать важнейшие профессиональные проблемы» (*Харламов и др., 2016: 73-75*).

5. Заключение

Таким образом, эволюция научных медицинских обществ Великобритании и России началась в XIX веке в эпоху эпидемий и урбанизации. Их становлению способствовали ведущие врачи и политические деятели, работавшие в различных сферах медицины, общественного здравоохранения. Инициаторами этого движения стали хирурги, благодаря которым произошло объединение различных направлений медицины для выработки социальных реформ и здравоохранения городов. Важным направлением стала издательская деятельность, выработка новых законов, регламентирующих деятельность врачей и фармацевтов. Издательская деятельность врачей России и Великобритании стала форумом прогрессивных медицинских идей, а также социально-политических дискуссий. Большинство научных медицинских обществ Великобритании было основано в период правления королевы Виктории, получив королевское признание и государственную поддержку. В Российской империи становление общественного здравоохранения и научных медицинских обществ произошло в переломный период истории династии Романовых, правление которых было ликвидировано в период Русской революции. Политические события 1917 года, многопартийность привели к расколу и ликвидации ведущего научного медицинского общества. В советский период «Пироговское общество» было ликвидировано не по научному принципу, а по политическим соображениям, поскольку в его состав в Российской империи с момента его основания вошли октябристы, кадеты, большевики. Лишь в постсоветский период научное медицинское общество было возрождено. В XXI веке научные медицинские общества мира должны стали синтезом прогрессивных медицинских идей, общественного здравоохранения для решения насущных проблем человека и государственного развития.

Литература

Апрыщенко, Склярова, 2020 – *Апрыщенко В.Ю., Склярова Е.К.* Формирование идей социального развития в Шотландии и Ирландии в первой половине XIX века // *Диалог со временем*. 2020. № 70. С. 251-264.

Дроботя и др., 2017 – *Дроботя Н.В., Склярова Е.К., Жаров Л.В.* Пироговское общество и Русская революция 1917 г. // *1917–2017. Уроки истории. Материалы Областного научно-образовательного форума*. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2017. С. 25-31.

Общественный врач, 1916 – *Общественный врач*. 1916. № 10.

Общественный врач, 1918 – *Общественный врач*. 1918. № 1. С. 556.

Сидоренко и др., 2018 – *Сидоренко Ю.А., Склярова Е.К., Бутова Е.Н.* Формирование социогигиенических идей в эпоху урбанизации Великобритании // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2018. № 2 (99). С. 109-114.

Склярова и др., 2015 – *Склярова Е.К., Жаров Л.В., Камалова О.Н.* История медицины. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 346 с.

Склярова и др., 2015a – *Склярова Е.К., Макарова В.Н., Столяров В.В.* Роль медицинской профессии в Англии и Ирландии в эпоху урбанизации // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. № 4 (83). С. 55-59.

Склярова и др., 2015b – *Склярова Е.К., Жаров Л.В., Дергоусова Т.Г.* История фармации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 317 с.

Склярова и др., 2019 – Склярова Е.К., Гончарова З.А., Камалова О.Н. Становление научных медицинских обществ Великобритании в эпоху урбанизации // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2019. № 5 (108). С. 64-68.

Харламов и др., 2016 – Харламов Е.В., Склярова Е.К., Сависько А.А., Сидоренко Ю.А. Наследники духовных традиций медицины. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2016. 188 с.

Харламов и др., 2016 – Харламов Е.В., Склярова Е.К., Сидоренко Ю.А. Профсоюз Ростовского государственного медицинского университета. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2014. 116 с.

British and Foreign Medical Review, 1844 – *British and Foreign Medical Review: or Quarterly Journal of Practical Medicine and Surgery*. 1844. Vol. XVII.

Clinical Chemistry, 2001 – *Clinical Chemistry*. 2001. № 47 (4). Pp. 784-792.

Dublin Journal, 1843 – *Dublin Journal of Medical Science*. 1843. №1.

Guy, 1865 – Guy W.A. On the Original and Acquired Meaning of the Term Statistics, and on the Proper Function of Statistical Society // *Journal of the Statistical Society of London*. 1865. Vol. 28. Pp. 492-493.

Hansard's Parliamentary Debates, 1812 – Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1812. Vol XXI. Pp. 177-185.

Hansard's Parliamentary Debates, 1848 – Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1848. Vol. XCVI. p. 414.

Lampard, 1973 – Lampard T. The Urbanizing World // In: *The Victorian City: Images and Reality* / Ed. by H. Dyos, M. Wolff. L.: Routledge, 1973. Vol. 1. Pp. 3-9.

Medico-Chirurgical Transactions, 1809 – *Medico-Chirurgical Transactions*. London: Longman, Hurst, Rees and Orme, 1809. № 1.

Reshetnikova et al., 2018 – Reshetnikova E., Sklyarova E., Kamalova O. Stambul and Sofia Universities in the Destiny of the Scientists-biochemists and the doctors of the world // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2018. № 2 (14). Pp. 41-47.

Sklyarova et al., 2019 – Sklyarova E.K., Sidorenko Y.A., Safronenko A.V., Butova E.N. The Evolution of Public Health during the Crimean War // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1623-1631.

Sklyarova et al., 2019a – Sklyarova, E.K., Gutieva, M.A., Kamalova, O.N., Zaseeva, L.T. The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1106-1114.

Sklyarova, 2016 – Sklyarova E.K. Comparative aspects of scientific research of the urbanization problem // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2016. № 2 (6). С.17-21.

Smith, 1885 – Smith G.B. Bell Jacob. Dictionary of National Biography. London: Smith, Elder & Co. 1885. Vol. 4. P. 162.

The European Magazine, 1817 – *The European Magazine and London Review*. 1817. Vol. 72. P. 295.

The influence, 1973 – *The Influence of the London Epidemiological Society*. *Yale Journal of Biology and Medicine*. 1973. № 46 (1). Pp. 29-31.

The Journal of the Royal Society of Medicine, 1978 – *The Journal of the Royal Society of Medicine*. 1978. № 71 (1).

The Lancet, 1846 – *The Lancet*. 1846. Vol. II.

Transactions of the Pathological Society of London, 1862 – *Transactions of the Pathological Society of London*. 1862. Vol. 13.

Weber, 1976 – Weber, A.F. (1976). Urban Growth in England and Wales in the Nineteenth Century // *The Urbanization of European Society in the Nineteenth Century*. Ed. by A. Lees, L. Lees. Lexington, Massachusetts, London, 1976. Pp. 8-15.

References

Aprishenko, Sklyarova, 2020 – Aprishenko, V.Y., Sklyarova, E.K. (2020). Formirovanie idei socialnogo razvitiya v Shotlandii i Irlandii v pervoi polovine XIX veka [The Formation of the ideas of social development of Scotland and Ireland in the first half of the XIX century]. *Dialog so vremenem*. 70: 251-264. [in Russian].

British and Foreign Medical Review, 1844 – *British and Foreign Medical Review: or Quarterly Journal of Practical Medicine and Surgery*. 1844. XVII.

Clinical Chemistry, 2001 – *Clinical Chemistry*. 2001. 47(4): 784-792.

Drobot et al., 2017 – Drobot, N.V., Sklyarova, E.K., Zgarov, L.V. (2017). Pirogovskoe obchestvo i Russkaya revolutia 1917 g. [Pirogov's society and Russian revolution 1917]. 1917–2017. Uroki isyorii Materialy oblastnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma. Rostov-na-Donu: Donskoi gosudarsjvenyi tehnicheski universitet. Pp. 25-31. [in Russian]

Dublin Journal, 1843 – *Dublin Journal of Medical Science*. 1843. 1.

Guy, 1865 – Guy, W.A. (1865). On the Original and Acquired Meaning of the Term Statistics, and on the Proper Function of Statistical Society. *Journal of the Statistical Society of London*. 28: 492-493.

Hansard's Parliamentary Debates, 1812 – Hansard's Parliamentary Debates. 1-st Series. 1812. XXI: 177-185.

- [Hansard's Parliamentary Debates, 1848](#) – *Hansard's Parliamentary Debates*. 3-rd Series. 1848. XCVI: 414.
- [Harlamov et al., 2014](#) – *Harlamov, E.V., Sklyarova, E.K., Sidorenko, Y.A.* (2014). Profsoyz Rostovskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta [Trade Union of the Rostov State Medical University]. Rostov-na-Donu: Mini Tayp, 116 p. [in Russian]
- [Harlamov et al., 2016](#) – *Harlamov, E.V., Sklyarova, E.K., Savisko, A.A., Sidorenko, Y.A.* (2016). Nasledniki duhovnyh tradicii medicine [Heirs of spiritual traditions of medicine]. Rostov-na-Donu: Mini Tayp, 188 p. [in Russian]
- [Lampard, 1973](#) – *Lampard, T.* (1973). The Urbanizing World. In: *The Victorian City: Images and Reality*. Ed. by H. Dyos, M. Wolff. L.: Routledge. Vol. 1. Pp. 3-9.
- [Medico-Chirurgical Transactions, 1809](#) – *Medico-Chirurgical Transactions*. London: Longman, Hurst, Rees and Orme, 1809. 1.
- [Obchestveni vrach, 1916](#) – *Obchestveni vrach*. 1916. 10. [in Russian]
- [Obchestveni vrach, 1918](#) – *Obchestveni vrach*. 1918. 1: 556. [in Russian]
- [Reshetnikova et al., 2018](#) – *Reshetnikova, E., Sklyarova, E., Kamalova, O.* (2018). Stambul and Sofia Universities in the Destiny of the Scientists-biochemists and the doctors of the world. *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya*. 2(14): 41-47.
- [Sidorenko et al., 2018](#) – *Sidorenko, Y.A., Sklyarova, E.K., Butova, E.N.* (2018). Formirovanie sociogigienicheskikh idey v epohu urbanizatsii Velikobritanii [The formation of the sociogygienic ideas during the epoch of urbanization of Great Britain]. *Humanitarnye i socialno-ekonomicheskie nauki*. 2(99): 109-114. [in Russian]
- [Sklyarova et al., 2015](#) – *Sklyarova, E.K., Zgarov, L.V., Kamalova, O.N.* (2015). Istoria mediciny [History of medicine]. Rostov-na-Donu: Fenix, 346 p. [in Russian]
- [Sklyarova et al., 2015a](#) – *Sklyarova, E.K., Makarova, V. N., Stolyarov, V. V.* (2015). Role medicinskoj professii v Anglii i Irlandii v epohu urbanizatsii [The role of medical profession in England and Ireland during the period of urbanization]. *Humanitarnye i socialno-ekonomicheskie nauki*. 4(83): 55-59. [in Russian]
- [Sklyarova et al., 2015b](#) – *Sklyarova, E.K., Zgarov, L.V., Dergousova, T.G.* (2015). Istoria farmacii [History of pharmacy]. Rostov-na-Donu: Fenix, 317 p. [in Russian]
- [Sklyarova et al., 2019](#) – *Sklyarova, E.K. Sidorenko, Y. A. Safronenko, A.V., Butova, E.N.* (2019). The Evolution of Public Health during the Crimean War. *Bylye Gody*. 54(4): 1623-1631.
- [Sklyarova et al., 2019a](#) – *Sklyarova, E.K., Gutieva, M.A., Kamalova, O.N., Zaseeva, L.T.* (2019). The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1106-1114.
- [Sklyarova et al., 2019](#) – *Sklyarova, E.K., Goncharova, Z. A., Kamalova, O.N.* (2019). Stanovlenie nauchnih medicinskih obchesyv Velicobritanii v epohy urbanizatsii [The rise of the medical societies of Great Britain during the period of urbanization]. *Humanitarnye i socialno-ekonomicheskie nauki*. 5(108): 64-68. [in Russian]
- [Sklyarova, 2016](#) – *Sklyarova, E.K.* (2016). Comparative aspects of scientific research of the urbanization problem. *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya*. 2(6): 17-21.
- [Smith, 1885](#) – *Smith, G.B.* (1885). Bell Jacob. Dictionary of National Biography. London: Smith, Elder & Co, 1885. Vol. 4. P. 162.
- [The European Magazine, 1817](#) – *The European Magazine and London Review*. 1817. 72: 295.
- [The influence, 1973](#) – *The Influence of the London Epidemiological Society*. *Yale Journal of Biology and Medicine*. 1973. 46(1): 29-31.
- [The Journal of the Royal Society of Medicine, 1978](#) – *The Journal of the Royal Society of Medicine*. 1978. 71(1).
- [The Lancet, 1846](#) – *The Lancet*. 1846. Vol. II.
- [Transactions of the Pathological Society of London, 1862](#) – *Transactions of the Pathological Society of London*. 1862. Vol. 13.
- [Weber, 1976](#) – *Weber, A.F.* (1976). Urban Growth in England and Wales in the Nineteenth Century. The Urbanization of European Society in the Nineteenth Century. Ed. by A. Lees, L. Lees. Lexington, Massachusetts, London. Pp. 8-15.

Социально-политические аспекты эволюции научных медицинских обществ Великобритании и России

Ольга Юрьевна Жуковец ^{a,*}, Елена Константиновна Склярова ^b,
Юлия Андреевна Сидоренко ^c, Елена Николаевна Бутова ^c

^a Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Российская Федерация

^b Южный Федеральный университет, Российская Федерация

^c Ростовский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются социально-политические аспекты эволюции научных медицинских обществ Великобритании и России в XIX–XX вв. На основе историко-сравнительного и историко-генетического методов исследования авторы анализируют социальные и политические особенности эволюции научных медицинских обществ Великобритании и России в XIX–XX вв. Становление большинства научных медицинских обществ Великобритании произошло в период эпидемий, урбанизации и правления королевы Виктории. Основатели большинства обществ были членам парламента, представителями медицинской профессии Соединенного Королевства. В XX веке научные медицинские общества Британии объединились в «Королевское общество медицины», получив королевское признание и поддержку. Их передовые медико-социальные идеи в период урбанизации и эпидемий были развиты в Российской империи, где прогрессивные русские врачи создали «Пироговское общество». Однако социально-политические события краха Российской империи и Октябрьского переворота 1917 года привели к ликвидации не только российской монархии, но и научного медицинского общества. Только лишь после распада СССР и коммунистической системы «Пироговское общество» было воссоздано в постсоветской России.

Ключевые слова: урбанизация, эпидемии, научные общества, Великобритания, Россия, СССР, королева Виктория, Русская революция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: seal_@mail.ru (О.Ю. Жуковец), affina18@mail.ru (Е.К. Склярова), rostgmufdo@mail.ru (Ю.А. Сидоренко), abutova@yandex.ru (Е.Н. Бутова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1710-1715
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1710

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of the Spread of Plague in Circassia in the first half of the 19th century

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The work considers the sanitary and epidemiological state of Circassia in the first half of the XIX century. The attention is paid to the causes of plague outbreaks in the region, as well as the factors that ensure its spread.

There were used as sources the documents of the regional archive – the State Archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation), which were introduced into scientific circulation for the first time. The documents of 5 funds were used in the work: Fund 249 “Office of the command (military) ataman of the Kuban Cossack army, Yekaterinodar, Kuban region, 1787–1917”; Fund 250 “Military Office of the Black Sea Cossack army, Yekaterinodar, 1794–1842”; Fund 324 “Yekaterinodar private quarantine, Yekaterinodar, 1801–1861”; Fund 329 “Yekaterinodar exchange yard of the Black Sea Cossack army, Yekaterinodar, 1830–1846”; Fund 687 “Ust-Labinsk barter yard of the chief trustee of Caucasian barter relations with the Highlanders”.

The principle of historicism is of great importance in the work, thanks to which the outbreaks of plague on the territory of Circassia were considered in the context of the current historical situation throughout the Caucasus. In the course of the work, general scientific methods were also used: logical, classification, factor analysis, etc., as well as such special research methods as comparative, statistical and typological. During the work, the general scientific methods were also used: logical, classific, factor analysis, etc., as well as such special research methods as comparative, statistical and typological.

In conclusion, the authors state that outbreaks of plague on the territory of Circassia were not uncommon, they were recorded in 1796, 1801–1802, 1820, 1822–1823, 1830, and 1835–1836. Both in Georgia and in Circassia, the population's protective reaction to the outbreak of the plague was flight from the epidemic area, which contributed to the spread of the plague to new areas not yet covered by it. It was possible to minimize the risk of infection with the plague of the region in Circassia only by quarantine measures on the Black Sea coast for all visitors. However, it was impossible to do it at that stage of development of Circassian society due to its decentralization, as well as a high degree of dependence on trade with the Ottoman Empire.

Keywords: plague, Circassia, the Caucasus, the first half of the 19th century, the Russian Empire, quarantines, exchange yards, the Ottoman Empire, the highlanders.

1. Введение

Проблема инфекционных заболеваний на Кавказе в XIII–XIX веках стояла достаточно остро. Причинами этому были как оживленные торговые связи, так и ведение боевых действий различными противоборствующими сторонами. Скученность большого количества людей,

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

антисанитария, а также передвижение источников заболевания по торговым путям на большие расстояния приводили к быстрому распространению болезней и созданию условий для возникновения эпидемий. В данной работе мы хотели бы рассмотреть вспышки чумы на территории Черкесии в первой половине XIX века.

2. Материалы и методы

В качестве источников привлечены документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), которые впервые введены в научный оборот. В работе были использованы документы 5 фондов: 249 «Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области, 1787–1917 гг.»; 250 «Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794–1842 гг.»; 324 «Екатеринодарский частный карантин, г. Екатеринодар, 1801–1861 гг.»; 329 «Екатеринодарский меновой двор Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1830–1846 гг.»; 687 «Усть-Лабинский меновой двор главного попечителя кавказских меновых сношений с горцами».

Важное значение в работе имеет принцип историзма, благодаря которому были рассмотрены вспышки чумы на территории Черкесии в контексте сложившейся исторической обстановки на всем Кавказе. В ходе работы применялись также общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Обсуждение

Тема распространения инфекционных заболеваний на Кавказе в дореволюционный период, благодаря введению в научный оборот новых архивных документов, в последние годы активно обсуждается. Большая работа по изучению различных аспектов медико-санитарного дела на территории Кавказа была проведена исследовательской группой И.А. Ермачкова. Так, авторы обращались к изучению санитарно-эпидемиологической деятельности русской армии на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. (Ermachkov et al., 2017), рассматривалась также традиционная грузинская медицина и борьба ее со вспышками чумы в начале XIX в. (Ermachkov et al., 2017a), а также военно-санитарное дело на Кавказе в начале XIX века (Ermachkov et al., 2017b). Отдельно авторы обратились к теме «Чума на Кавказе в 1801–1815 гг.», где в большинстве случаев затрагивалась территория Грузии (Ermachkov et al., 2018; Ermachkov et al., 2018a). Не обошли они вниманием и тему роли генерала Ермолова в эволюции санитарного дела на Кавказе (Ermachkov et al., 2018b), а также обратили внимание на особенности санитарной обстановки в условиях русско-персидской войны 1826–1828 гг. (Ermachkov et al., 2018c).

Вопросы распространения чумы в период русско-турецких и русско-персидских войн нашли отражение в трудах А.А. Черкасова с авторским коллективом (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a). Делались попытки анализа эпидемий чумы на Северном Кавказе и другими учеными. Так, например, авторский коллектив с Е.С. Котеневым рассматривал историю этого явления (Котенев и др., 2016).

Из краткого историографического обзора видно, что в большинстве случаев при изучении темы инфекционных заболеваний рассматривались территории Грузии, Дагестана, Кабарды. В свою очередь исследователи редко обращались к изучению этого явления на черноморском побережье и на территории Черкесии. Мы постараемся восполнить этот пробел.

4. Результаты

Как известно, в 1792 г. на российско-черкесской границе по реке Кубань появились черноморские казаки. Практически с первых дней своего расселения на этой территории казаки занимались и созданием условий для борьбы с инфекционными заболеваниями. Дело в том, что уже в 1796 г. в Черкесии была зафиксирована крупная вспышка заболевания чумой (Туренко, 1887: 41). Для этой цели по всей границе с черкесами создавались специальные карантинные пункты, где все въезжающие в Россию обязаны были находиться в течение 14 дней. Помимо этого, русская администрация собирала информацию об эпидемиологической обстановке на территории Черкесии.

Одна из первых вспышек заболевания в Черкесии в XIX веке произошла уже в 1801 г., она была характерна для всей территории Кавказа, а ее эпицентром стала Османская империя, откуда собственно ее и завезли на Кавказ (Ermachkov et al., 2018: 121). Интересно отметить, что когда в Грузии возникала вспышка чумы до прихода русских на Кавказ, то население разбегалось, кто куда хотел (Ermachkov et al., 2018: 122), тем самым создавались условия для распространения чумы.

12 декабря 1801 г. чиновник Бугазской карантинной конторы Линтварев доносил в канцелярию Черноморского войска в Екатеринодар, что прибывший на карантин анапский житель еврей Берко Исакович утверждал о наличии в Анапе заразной болезни, от которой, по его словам, заболевшие умирали на второй–третий день по два и более человек ежедневно. Эта болезнь была завезена турецкими янычарами из Трапезунда, где в то время она сильно свирепствовала. О наличии данной болезни в горах у черкесов сведений не было, но было известно, что черкесы воздерживались от поездок в Анап (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 1-10б.). Своим сообщением Линтварев предостерегал администрацию войска и карантинные заставы о возможной опасности.

Важно пояснить, что получение таких сигналов перепроверялось при ближайшей возможности, для чего активно использовались мирные горцы. Так уже через 6 дней на этот же карантин прибыл ногайский мурза Бахтигирей, который проживал в закубанской деревне Адалы. Он подтвердил, что в Анапе свирепствует моровая язва (она же чума – Авт.), в связи с чем ни ногайцы из Адалы, ни горские черкесы в Анап не ездят. Мурза подтвердил, что болезнь была завезена янычарами из Трапезунда (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 20-200б.).

30 декабря 1801 г. чиновник Екатеринодарского менового двора Константинов доносил, что прибывший в этот день закубанский житель деревни Тычмирз черкес Тлимаф объявил, что слышал с неделю назад, что в Анапе усиливается заразная болезнь и что она уже появилась на хуторе черкеса Фужело Мефоатх, который находился в 20 верстах от Анапы, и от этой болезни вся семья из пяти человек вымерла. О других случаях заболевания у черкесов Тлимаф ничего не слышал (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 25-250б.).

Спустя два месяца, 21 февраля 1802 г. Константинов сообщил канцелярии Черноморского казачьего войска, что прибывший закубанский черкесский дворянин Начу Шеретлук Оглу сообщил, что, согласно его сведениям, в Анапе опасная заразительная болезнь продолжает свирепствовать и что эта болезнь уже распространилась по черкесским аулам в 30 верстах от Анапы по реке Шим (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 46).

Уже 26 февраля появились сведения о распространении чумы и новых жертвах от болезни у черкесов. Так, 26 февраля Константинов получил сведения от нахичеванского мещанина Александра Хачадурова, который торговал за Кубанью, о том, что в черкесском селении Нарткач, в 60 верстах от Анапы, свирепствует заразительная болезнь, от которой за одну неделю из 5 дворов вымерло 30 человек. При этом источник сообщил, что заразились эти люди от выменянного ими из Анапы товара. Хачадуров также сообщил, что о болезни в других черкесских селениях он ничего не слышал (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 53).

Чума продолжала свирепствовать в Черкесии всю весну и лето. Так, 28 июля 1802 г. Константинов в своем рапорте в Черноморскую войсковую канцелярию сообщал, что приехавший 26 июля от подполковника Султана Алли Шеретлуга оглу его родной брат Начу объявил, что во владении шапсугов на реках Боундуре, Абин и Шип между жителями была опасная заразная болезнь, от которой две недели назад до 5 дворов людей вымерло (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24. Л. 184). В августе болезнь пошла на спад, а в сентябре–октябре сведения о чуме из Черкесии перестали поступать.

Таким образом, чума просуществовала в Черкесии в период с начала декабря 1801 г. по август 1802 г. Однако на территории Грузии, Кабарды, Дагестана эпидемия продолжалась вплоть до 1804 г., и только потом количество зараженных стало сокращаться. О масштабах этой эпидемии в некоторых районах Кавказа имеются такие сведения: население Кабарды во время эпидемии сократилось на 80 % (Ermachkov et al., 2018: 128).

Все случаи поступления информации о заразных болезнях у черкесов будут тщательно проверяться и держаться на контроле и в последующее время. Так, командир казачьего полка майор Дыдымов 5 августа 1820 г. писал в Усть-Лабинский карантин и меновый двор, что «торгующий в Усть-Лабинской станице армянин Осип Хиндамов сего августа 4-го числа объявил мне, что якобы на речке Лабе во владении Мисоуста бек Айтекова в двух аулах, первом Цугус Хабле, где живут армяне, расстоянием от крепости Усть-Лабинской в 5-ти верстах, а во втором Чамо Хабле узденина Чора в 20-ти верстах существует на людях заразительная болезнь, почему благоволит оный карантин и меновой двор обстоятельно узнать, что действительно ли имеется в помянутых аулах заразительная болезнь, то с какого месяца и числа открылась, сколько померло и сколько находится больных или такой не имеется в самоскорейшем времени обстоятельно с сим нарочным меня уведомить для донесения... От какой прошу взять должную предосторожность...» (ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 12. Л. 20-200б.).

Летом 1822 г. вспышка чумы была зафиксирована у натухайцев. Так, в начале июня 1822 г. командир Навагинского пехотного полка подполковник Урнежевский доносил в канцелярию войска, что в натухайском владении у реки Пшишь, в деревне Султановой и Бураны, около двух недель назад началась заразительная болезнь и несколько человек от этой болезни умерло (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 30. Л. 490б.-50). В непосредственной близости от русской границы по рекам Лаба и Белая, в ауле Хатузука, вымерло 13 семей, а в ауле Каплан Чирея – 20 семейств. Пытаясь спастись от чумы, население, бросив свои жилища, стало скрываться в лесах и каждое утро до восхода солнца купалось в реке Кубань и купало собственный скот. После подтверждения этой информации по всей Кордонной линии были усилены меры предосторожности, а все меновые дворы были закрыты (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 30. Л. 570б.-580б.). Иными словами, как в Грузии, так и в Черкесии для поведения населения в условиях чумы была характерна одна и та же практика – бежать от чумы, тем самым способствуя распространению этого заболевания.

Для борьбы с чумой было принято не только применять частое купание, но и окуривать товары и одежду на кострах, это приводило к обеззараживанию вещей. Так или иначе, но чума пошла на убыль, а уже в марте 1823 г. эпидемиологическая обстановка была в норме – чума не фиксировалась ни в Анапе, ни в черкесских аулах (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 34. Л. 13-14).

В начале XIX века действовал Карантинный устав, согласно которому велось карантинное очищение лиц и товаров, пересекавших государственную границу. Устав распространялся не только

на торговцев и путешественников, но и на части русской армии, которые решали те или иные задачи на территории Закубани (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 34. Л. 70б.-160б.).

О важности наблюдения за санитарной обстановкой в регионе свидетельствовал и тот факт, что переписка по этому вопросу доходила до самого верха в иерархической системе Российской империи. В 1830 г. в связи с появившимися случаями заболевания чумой за Владикавказом, в селениях Казбек и Гургетт, был опубликован высочайший указ императора Николая I о мерах предосторожности на всей государственной границе. В результате Екатеринодарская карантинная контора рекомендовала служащим карантинных застав при переговорах с горцами быть с ними на как можно дальнем расстоянии и при том «разведывать, не появилась ли или не появится ли помянутая опасная болезнь где-либо за Кубанью близ границ наших» (ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-2).

В январе 1830 г. ограничительные меры коснулись и закубанских жителей, которые проживали на русской территории в Гривенском черкесском ауле: на время чумы им разрешено было общаться с закубанцами только по личному распоряжению войскового атамана Черноморского казачьего войска (ГАКК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 9. Л. 8).

В 1835 г. на Кавказе снова была обнаружена чума. В результате по распоряжению начальника Кавказской области были приняты меры предосторожности, которые вновь остановили меновую торговлю с горцами. Так, смотритель Усть-Лабинского менового двора 1 марта 1835 г. доносил коменданту Усть-Лабинской крепости, что «получив ныне предписание от Екатеринодарской карантинной конторы, что по открывшемуся сомнению о неблагополучном состоянии от чумной заразы в горах, господин начальник Кавказской области впредь до благополучного времени мену с горцами на меновых дворах даже на казенную соль воспретил. О чем, уведомляя ваше высокоблагородие, честь имею присовокупить, что я по случаю сему доставки дров для здешнего военно-временного госпиталя мены производить на оные не могу и оных у меня тем более в наличности нисколько не состоит» (ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 79. Л. 1-10б.).

В октябре 1836 г. стало известно о чуме у убыхов и шапсугов. Так, 29 октября от закубанского армянина Мелкона Хачедурова, прибывшего на Екатеринодарский меновый двор, стало известно, что в черкесских владениях – убыхском на речке Шаше и Вае и шапсугском на реке Недожепсухо – два месяца назад началась чумная болезнь и что в продолжении этого времени умерло от этой болезни скоропостижно девять семейств, но, сколько человек, ему не известно. Чума и в настоящее время продолжается в этих селениях, а наиболее сильно на реке Недожепсухо, которая находилась на расстоянии в 70 верст от Екатеринодара. О существовании этой болезни на меновом дворе подтвердили и другие черкесы. В результате вновь были приняты строгие меры, меновая торговля прекращена (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1495. Л. 11).

Эта же информация была донесена смотрителем Усть-Лабинского менового двора в рапорте на имя главного смотрителя меновых дворов Кавказской линии статского советника Дудышкина от 21 октября 1836 г. В результате и на этом меновом дворе обмен товарами с горцами был прекращен (ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 105. Л. 1-10б.).

Тем временем чума быстро распространилась по черкесской территории. И уже в ноябре 1836 г. этот вопрос стал обсуждаться в Министерстве внутренних дел Российской империи. 24 ноября чиновники ведомства в письме к наказному атаману Черноморского войска констатировали: «Известия о существовании чумной заразы между горскими народами подтверждаются. Военный министр от 22 сего месяца уведомил меня, что по сведениям, доставленным генерал-лейтенантом Вельяминовым, чумная зараза, оказавшаяся на восточном берегу Черного моря, перенесена чрез хребет Кавказских гор в землю натухайцев. Из прежних отношений Вашего Превосходительства мне известно, что вы уже изволили распорядиться на счет принятия надлежащих мер предосторожности, против распространения чумной болезни и внесения оной чрез Карантинную линию, но, при предстоящем ныне возвращении действующего за Кубанью отряда войск, я обязываюсь опять сообщить Вам, Милостивый Государь, о необходимости усугубить меры предосторожности по всей Карантинной линии. В особенности нужным считаю строжайше подтвердить всем Карантинным Чиновникам, чтобы они неослабно исполнили все предписанные в карантинном Уставе правила, чтобы никто из приходящих и из приезжающих из-за Кубани не был пропущаем без выдержания предписанного законом срока обсервации; чтобы все вещи, заразе подверженные, очищаемы были, сообразно их роду и качеству, приличными способами в Карантинном Уставе изложенными, а животные обмываемы, как в том же Уставе предписано. От строгого и точного исполнения сих правил зависит безопасность края, на счет вторжения чумной заразы. Касательно возвращающихся из-за Кубани войск Карантинные меры должны быть также соблюдаемы со всею возможною строгостию» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1495. Л. 124).

Нужно также отметить, что фиксировались случаи поступления недостоверной информации о вспышке чумы в регионе. Так, 30 октября 1842 г. сотник Котляров донес на Усть-Лабинский меновый двор, что в мирном ауле князя Дженгирея Карканукова свирепствует заразная болезнь, от которой в короткое время умерло более 30 человек (ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 186. Л. 1-10б.). После перепроверки этой информации было выяснено, что вспышка являлась лишь слухом. В результате работа менового двора не была остановлена, а продолжалась в штатном режиме.

Так или иначе, но, стремясь защитить свою территорию от занесения чумы, русская администрация на границе занималась мониторингом ситуации в Черкесии, сбором и перепроверкой информации о возникновении чумных очагов, а также созданием карантинных пунктов и разработкой методов очищения товаров и скота от инфекции. Все это в целом приводило к тому, что методика борьбы с чумой перенималась и горское население, что создавало условия для более эффективной борьбы с чумой.

5. Заключение

Таким образом, вспышки заболевания чумой на территории Черкесии не были редкостью: они фиксировались в 1796 г., 1801–1802 гг., 1820 г., 1822–1823 гг., 1830 г., а также 1835–1836 гг. Как в Грузии, так и в Черкесии защитной реакцией населения на вспышку чумы было бегство из района эпидемии, чем оно способствовало распространению чумы на новые, еще не охваченные ею районы. Минимизировать риск заражения чумой региона в Черкесии можно было только карантинными мероприятиями на Черноморском побережье для всех приезжающих. Однако это на данном этапе развития черкесского общества было невозможно сделать ввиду его децентрализации, а также высокой степени зависимости от торговли с Османской империей.

Литература

Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.

Туренко, 1887 – Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.

Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304–309.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1315–1321.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Rusin*. 2017. № 50(4). С. 38–60.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 // *Bylye Gody*. 2018. 44(2): 428–437.

Ermachkov et al., 2017a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years) // *Bylye Gody*. 2018. 45(3): 836–846.

Ermachkov et al., 2017b – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities // *Bylye Gody*. 2018. 46(4): 1252–1260.

Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 120–129.

Ermachkov et al., 2018a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 558–569.

Ermachkov et al., 2018b – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1037–1045.

Ermachkov et al., 2018c – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828 // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1566–1574.

References

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Bratanovskii, S., Valleau, A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. 46(4): 1315–1321.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Valleau, A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. 50(4): 38–60.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V. (2017). The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801. *Bylye Gody*. 44(2): 428–437.

Ermachkov et al., 2017a – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2017). The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years). *Bylye Gody*. 45(3): 836–846.

Ermachkov et al., 2017b – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2017). Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities. *Bylye Gody*. 46(4): 1252–1260.

- Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. 47(1): 120-129.
- Ermachkov et al., 2018a – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II. *Bylye Gody*. 48(2): 558-569.
- Ermachkov et al., 2018b – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus. *Bylye Gody*. 49(3): 1037-1045.
- Ermachkov et al., 2018c – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828. *Bylye Gody*. 50(4): 1566-1574.
- Khaidarov, 2017 – Khaidarov, T.F. (2017). Epidemii chumy v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. 10: 304-309. [in Russian]
- Kotenev i dr., 2016 – Kotenev, E.S., Dobyanskii, V.M., Volynkina, A.S., Zaitsev, A.A., Kulichenko, A.N., Kravtsova, S.L. (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyi epidemicheskiy potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. 11(4): 612-616. [in Russian]
- Turenko, 1887 – Turenko, A.M. (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev. [in Russian]

К вопросу о распространении чумы в Черкесии в первой половине XIX века

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается санитарно-эпидемиологическое состояние Черкесии в первой половине XIX века. Уделено внимание причинам возникновения очагов чумы в регионе, а также факторам, способствующим ее распространению.

В качестве источников привлечены документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), которые впервые введены в научный оборот. В работе были использованы документы 5 фондов: 249 «Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области, 1787–1917 гг.»; 250 «Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794–1842 гг.»; 324 «Екатеринодарский частный карантин, г. Екатеринодар, 1801–1861 гг.»; 329 «Екатеринодарский меновой двор Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1830–1846 гг.»; 687 «Усть-Лабинский меновой двор главного попечителя кавказских меновых сношений с горцами».

Важное значение в работе имеет принцип историзма, благодаря которому были рассмотрены вспышки чумы на территории Черкесии в контексте сложившейся исторической обстановки на всем Кавказе. Кроме того, в ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

В заключении авторы отмечают, что вспышки заболевания чумой на территории Черкесии не были редкостью, они фиксировались в 1796 г., 1801–1802 гг., 1820 г., 1822–1823 гг., 1830 г., а также 1835–1836 гг. Как в Грузии, так и в Черкесии защитной реакцией населения на вспышку чумы было бегство из района эпидемии, чем оно способствовало распространению чумы на новые, еще не охваченные ею районы. Минимизировать риск заражения чумой Черкесии можно было только карантинными мероприятиями на Черноморском побережье для всех приезжающих. Однако это на данном этапе развития черкесского общества было невозможно сделать ввиду его децентрализации, а также высокой степени зависимости от торговли с Османской империей.

Ключевые слова: чума, Черкесия, Кавказ, первая половина XIX века, Российская империя, карантин, меновые дворы, Османская империя, горцы.

* Корреспондирующий автор

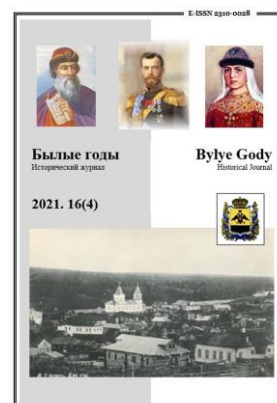
Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1716-1727
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1716

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article reveals the influence of representatives of Ukrainian «enlightened bureaucracy» on the processes of formation and development of higher education system of the Russian Empire in the XIX century, in particular, legal education on the example of the Moscow and St. Petersburg Imperial Universities. To this end, an attempt was made to systematically examine the life and career of P.G. Redkin, a native of Romny (Sumy Region), who was one of the representatives of Ukrainian «enlightened bureaucracy».

Redkin's contribution to the development of higher education system, as well as his influence on the intellectual life of the Russian Empire is considered in this manuscript in several aspects. Firstly, it is educational activity of P.G. Redkin as an Extraordinary and Ordinary Professor, Head of the Chair of Encyclopedia or General Review of Law System of the Moscow Imperial University (1835-1848); Chair of Encyclopedia and History of Law Philosophy of the Saint Petersburg Imperial University (1863-1873), Rector of the Saint Petersburg Imperial University (1873-1876); Honorary Member of this University (1878).

Secondly, it is public and state activity of P.G. Redkin as a founder and publisher of the first law journal in the Russian Empire, founder of educational community, popularizer of universal literacy and professional education of teachers, etc.

Thirdly, it is the scientific activity of P.G. Redkin, the author of fundamental works on the history and philosophy of law, an honorary member of the Imperial Academy of Sciences.

It is shown that scientific, social, state and pedagogical activity of Redkin, Varadinov and other representatives of Ukrainian «enlightened bureaucracy» significantly affected not only the sphere of higher education and science in the Russian Empire, but also the system of state and public relations.

Keywords: enlightened bureaucracy, higher education, pedagogy, history of philosophy of law, legal journalism, educational journalism, Moscow Imperial University, St Petersburg Imperial University, Imperial Academy of Sciences.

1. Введение

История российской науки периода империи богата выдающимися именами, внесшими свой вклад в развитие не только отечественной, но и мировой науки. Достаточно лишь упомянуть М.В. Ломоносова, Н.И. Лобачевского, Д.И. Менделеева и многих-многих других. Существенный вклад в становление и развитие российской имперской науки внесли уроженцы Украины – родины многих выдающихся ученых и культурных деятелей, чей неоценимый вклад в развитие мировой науки и культуры имеет отклики и сегодня ([Bezdrobnyi et al., 2012](#)). Среди них как известные, с мировым именем ученые, имя которых, что говорится «на слуху», так и малоизвестные широкой публике

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

интеллектуалы, о которых знают разве что специалисты узких научных областей. Много и таких, чьи имена несправедливо забыты.

Данной статьей мы продолжаем серию публикаций о представителях украинской «просвещенной бюрократии», внесших значительный вклад в историю российской имперской науки и образования. Еще одним поводом к подготовке данной работы был тот факт, что лица, о которых идет речь в ней, напрямую связаны с малой родиной одного из авторов – Сумщиной.

В частности, нами и другими исследователями ранее уже были подготовлены и опубликованы материалы об уроженце г. Ромны (Сумская область, Украина), докторе права и философии, меценате и просветителе Н.В. Варадинове ([Degtyarev et al., 2018](#); [Degtyarev, 2014a](#); [Degtyarev, 2014b](#); [Lebid et al., 2021a](#); [Lebid et al., 2021b](#)), в которых проанализированы результаты его научной и государственной деятельности.

Еще одним роменчанином, представителем украинской «просвещенной бюрократии», был основатель российской юридической науки, доктор права Петр Григорьевич Редкин – «человек, каких не много», как о нем писал известный историк Т.Н. Грановский. Именно ему и его вкладу в развитие системы высшего образования Российской империи XIX в. посвящена эта статья.

2. Материалы и методы

В качестве материалов при подготовке рукописи были использованы библиографические материалы, а также документы и материалы из репозитариев Санкт-Петербургского и Московского университетов, раскрывающие особенности развития системы высшего образования Российской империи и связанной с ней научной, педагогической и государственной деятельностью Петра Григорьевича Редкина ([Редкин, 1889a–1891b](#); [Редкин, 1841b–1860](#)).

В основу данной работы был положен системный метод научного исследования, использование которого дало возможность комплексного и всестороннего рассмотрения и анализа деятельности П.Г. Редкина как ученого-юриста, педагога, общественного и государственного деятеля.

Кроме того, при подготовке работы нами был использован биографический метод, позволивший упорядочить и увязать факты биографии П.Г. Редкина с конкретными результатами его жизнедеятельности. Этот метод также был полезен для понимания основных принципов и подходов при подготовке ученым фундаментального исследования по истории философии права.

Кроме того, данный метод, наряду с использованием исторического метода научного исследования, сделал возможным проследить становление личности П.Г. Редкина по должностной вертикали в сфере образования и науки, высшим проявлением которого стала занимаемая им должность ординарного профессора Московского и Петербургского университетов, а также ректора последнего, почетного члена Императорской Академии наук.

Все это, по нашему мнению, предопределило в некотором роде как проблематику, так и методологию научных исследований Петра Григорьевича Редкина.

3. Обсуждение

«Просвещенная бюрократия» – понятие, твердо устоявшееся, наравне с понятием «либеральная демократия», в отечественном и зарубежном историческом дискурсе. Среди многочисленных его коннотаций мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой к просвещенной бюрократии принадлежали представители прогрессивно мыслящей интеллигенции, для которых общим был взгляд на их миссию и задачи государственного реформирования на принципах гуманизма, прогрессизма и просвещения.

В этом контексте следует отметить ряд научных работ, в которых раскрывается основное содержание понятия «просвещенная бюрократия», в том числе на конкретных примерах ее представителей ([Дегтярьов, 2014](#); [Долгих, 2006](#); [Ружицкая, 2008](#)) и др.

Что касается жизни и творчества П.Г. Редкина, как одного из представителей украинской «просвещенной бюрократии», его вклада и влияния на интеллектуальную жизнь российского государства XIX в., в научной литературе существует несколько одностороннее представление о нем, исключительно как о «замечательном, но забытом педагоге» ([Помелов, 2018](#)), как «основоположнике русской теоретической педагогики» ([Помелов, 2020](#)), «как педагоге-общественнике» ([Заварзина, 2013](#); [Супонина, 2010](#)) и др.

По нашему представлению, это несколько ограниченный взгляд на проблему, поэтому необходим комплексный, системный подход, учитывающий не только педагогическую, но и научную, государственную, просветительскую и др. деятельность П.Г. Редкина, поскольку именно в ее разнообразии и разносторонности выражен глубинный смысл прогрессизма и просвещенчества Петра Григорьевича.

Исследований его творческого наследия не так уж и много, в большей степени – жизненного пути, в привязке к творчеству. В основном это материалы энциклопедического характера ([Биографический словарь, 1898](#); [Княжнин, 1915](#); [Рябухин, Брянцева, 2005](#); [Ткачук, 2002](#)) и др.

Достаточно велико число научных работ общего характера, в которых жизнь и творчество П.Г. Редкина вскользь упоминается в контексте исторических событий в Российской империи.

К таковым, к примеру, можно отнести научные работы об академической мобильности студентов российских вузов (Андреев, 2005), функционировании Академии наук (Басаргина, 2008), традициях философского образования в российских университетах (Осипов, 2016; Пустарнаков, 2003), особенностях развития академической среды в Российской империи (Ростовцев, 2017; Цыганков и др., 2020; Цыганков, 2008), социального и историко-культурного контекста (Омельченко, 2000; Супронюк, 2009; Курилов, 1898) и др.

Значительный интерес как историографический источник представляют воспоминания о П.Г. Редкине его современников (Модзалевский, 1891; Семенов, 1891; Шимановский, 1891).

Но наибольшую ценность при подготовке данной рукописи представляли работы самого П.Г. Редкина (Редкин, 1889а–1891b; Редкин, 1841а–1860), а также архивные материалы и документы, на основании анализа которых был сформирован комплексный портрет этого представителя украинской «просвещенной бюрократии» (Обозрение, 1873; Обозрение, 1874; Памятная книжка, 1874; Устав, 1836).

4. Результаты

Личность Петра Григорьевича Редкина (1808–1891 гг.) – уроженца г. Ромны Полтавской губернии (ныне Сумская область, Украина) – интересна с точки зрения того потенциала и свершений на поприще научно-педагогической и государственной деятельности, с какими прошел свой жизненный путь П.Г. Редкин, известный в большей степени как юрист, один из первых профессоров права в Российской империи. Но его деятельность намного разностороннее и исключительно плодотворна во всех сферах ее приложения.

В рамках данной статьи предлагается обобщенный взгляд на наследие Петра Григорьевича как ученого, педагога, государственного и общественного деятеля, представителя «просвещенной бюрократии», почетного мирового судьи, орденоносца (Памятная книжка, 1874). Для начала немного биографической справки, дабы понимать контекст и особенности формирования П.Г. Редкина как выдающегося ученого своего времени. Родился в семье помещика. Выпускник Нежинской гимназии высших наук князя Безбородько, где учился параллельно с Н.В. Гоголем, с которым сохранил теплые дружеские отношения и в дальнейшем (Супронюк, 2009: 153).

Примечателен тот факт, что Петр Григорьевич досрочно окончил данное учебное заведение в 1826 г., пройдя 9-летний курс всего за 6 лет. Успехи его в учебе были настолько выдающимися, что его имя как лучшего учащегося было занесено в специальную книгу лучших учеников – «Liber honoris». Обучение в гимназии заложило фундамент для дальнейшей как научной, так и публицистической деятельности П.Г. Редкина. Он вместе со своими единомышленниками основал интеллектуальный кружок, в котором юные дарования изучали труды Гуго Гроция, И. Канта, И.-Г. Гердера и др., проводя время за дискуссиями и обсуждением прочитанного.

В общем, разносторонность занятий молодого Редкина в стенах Нежинской гимназии благотворно сказалась на развитии его энциклопедического ума и общей начитанности. В частности, в гимназии имелась довольно большая библиотека, в особенности книги по истории на английском и французском языках. Будучи принятым в помощники местного библиотекаря (в том числе благодаря хорошему знанию французского языка), П. Редкин (Рис. 1) имел свободный доступ ко всем фондам и, более того, даже предпринял (вместе с другими участниками кружка) попытку краткого изложения многотомной Всеобщей истории, изданной английским научным сообществом. Все это и многое другое способствовало становлению П.Г. Редкина как ученого-энциклопедиста, педагога, общественного деятеля.

Рис. 1. Петр Григорьевич Редкин (1881 г.)

После окончания Нежинской гимназии Редкин стал студентом Московского Императорского университета (хотя в мечтах было обучение в Дерптском), поступив на отделение нравственных и политических наук юридического факультета. Учитывая высокие достижения во время учебы в гимназии, его освободили от занятий на подготовительных курсах. Именно обучение в Московском университете сформировало у Петра Григорьевича устойчивое желание построить профессорскую карьеру (*Биографический словарь, 1898: 161*).

С 1830 г. после отправки из Дерпта и зачисления в середине января 1841 г. в течение 4 лет П.Г. Редкин среди прочих «способных и талантливых молодых людей» (*Исаев, 1947: 33*) являлся слушателем Берлинского университета (*Андреев, 2005: 306*).

В Германии он слушает лекции по философии права, философии истории, логике, истории философии, посещает лекции Г.В.Ф. Гегеля, что впоследствии сказалось на его научных предпочтениях. В матрикулах Берлинского университета запись о нем была следующей: «19.01.1831, Петр Григорьевич Редкин, Полтава, Ю., коллежский ассессор, Дерпт, 30.04.1834» (*Андреев, 2005: 355*).

Помимо Берлина, П.Г. Редкин, вероятно, слушал лекции и в Гейдельбергском университете, оставив о нем «сладостнейшие впечатления и воспоминания» (*Редкин, 1841b: 277-280; Андреев, 2005: 341*).

Бытует мнение, что П.Г. Редкин зарекомендовал себя как «ярый гегельянец», использовавший гегелевскую триадную модель диалектического развития применительно к своим лекциям. Действительно, он был одним из тех, кто популяризировал идеи Гегеля в России, опубликовав, в частности, статью по логике Гегеля (*Редкин, 1841a*). Тем не менее со временем произошли некоторые как мировоззренческие, так и методологические пертурбации в сторону О. Конта (1865 г.), Э. Гартмана (1872–1873 гг.) и Ч. Дарвина (1874–1875 гг.).

Один из его студентов, уже в Санкт-Петербургском университете, М.В. Шимановский, оставивший воспоминания о своем учителе, упоминает о лекции, на которой Петр Григорьевич «развенчал своего учителя, свой идеал» (*Шимановский, 1891*). Но тем не менее П.Г. Редкину так и не удалось избавиться от гегельянского «флера» и стать «настоящим» позитивистом. Он никогда «не мог вполне освободиться от усвоенных им в школе Гегеля понятий и приемов» (*Биографический словарь, 1898: 166*).

В 1835 г., по возвращении из Берлина, П.Г. Редкин получает степень доктора права (повторно в 1844 г. – защита проходила согласно учрежденной Высочайшим повелением программе на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, на которой присутствовали члены комиссии – профессора юридического факультета, чиновники II Отделения по особой программе. В качестве материалов для защиты были использованы тезисы по различным разделам юридической науки).

Вместе с тем П.Г. Редкин получил и профессорскую должность в Московском Императорском университете (сначала – экстраординарного профессора, а потом – и ординарного профессора), которую занимал ближайšie несколько лет. Параллельно с профессорской должностью П.Г. Редкин выполнял функции инспектора Александровского сиротского института И Москве, где, помимо прочего, также преподавал юридические дисциплины.

Московский период П.Г. Редкина закончился в 1847 г., когда он вынужден был, как и его соратники по профессорской корпорации – историки Т.Н. Грановский и К.Д. Кавелин, журналист и переводчик Е.Ф. Корш, отказаться преподавать в Московском Императорском университете «вместе с человеком, запятнавшим нравственные ориентиры профессорской корпорации», ...и которому «ставилось на вид негуманное отношение к жене, взяточничество» (*Цыганков, 2008: 77*). В данном случае речь идет о «грязной истории» с профессором кафедры римской истории и деканом юридического факультета Московского Императорского университета Н.И. Крыловым (*Цыганков и др., 2020*). Прошения об их увольнении, кроме Т.Н. Грановского, были удовлетворены. Последнему было отказано ввиду того, что он не отслужил положенные 12 лет, согласно обязательствам «заграничную командировку».

Почти 20 лет (до 1863 г.) П.Г. Редкин не занимался педагогической деятельностью, находясь на чиновничьей службе в Удельном ведомстве, получив там место по рекомендации В.И. Даля. Только в 1863 г. он вернулся к преподаванию, возглавив кафедру энциклопедии и истории философии права в Санкт-Петербургском Императорском университете, где он читал студентам 1 курса юридического факультета энциклопедию юридических и политических наук «по шести лекций в неделю» (*Обозрение, 1872: 119*).

На существовавших в то время 12 кафедрах факультета работали признанные гении юриспруденции, включая «апологета либерализма» П.Г. Редкина, возглавлявшего сначала кафедру, а позднее, в 1873–1876 гг., ставшего ректором Санкт-Петербургского Императорского университета в чине тайного советника и ординарного профессора, продолжая читать студентам 1 курса лекции по энциклопедии юридических и политических наук «по три лекции в неделю», а студентам 4 курса – курс «История философии права» «по две лекции в неделю» (*Обозрение, 1873: 116-117*). Также он читал курсы «Русские государственные законы», «История философии права и права иностранных государств» и др.

Работа П.Г. Редкина на юридическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета пришлась на «Золотой век» факультета (1863–1919 гг.), когда Университетский устав 1863 г. расширил полномочия и возможности университетов в части образования и управленческих функций, а на сам факультет вернулись не только научно-педагогические кадры и студенты, но и курсы политэкономии, философии права, статистики и др. В 1878 г. П.Г. Редкин прекратил свою преподавательскую карьеру, поступив на службу председателем Департамента уделов. В 1891 г. его не стало.

Проследив вкратце жизненный и творческий путь П.Г. Редкина, остановимся на его достижениях как педагога, ученого и общественного деятеля. Петр Григорьевич Редкин получил высокое признание своей научной, педагогической, государственной и общественной деятельности: с 1882 г. он – член Государственного Совета, с 1890 г. – почетный член Императорской Академии наук (Басаргина, 2008: 539). Такой почет, согласно §82 Устава Императорской Академии наук 1836 г., могут нискать только знаменитые личности, «известные своими познаниями и любовью к наукам, из русских ученых, приобретших особенную славу сочинениями, относящимися к какой-нибудь из наук, коими Академия занимается» (Устав, 1836). Кроме того, П.Г. Редкин имел чин действительного статского советника (с 1856 г.), тайного советника (с 1864 г.), а с 1880 г. – действительного тайного советника (Волков, 2016). Орденосец (св. Анны III ст. – 1845 г., св. Анны II ст. – 1852 г.).

Середина XIX ст. в истории Российской империи ознаменовалась растущим влиянием общественности на социальные, культурные, политические и др. процессы внутренней жизни страны, связанные в первую очередь с реформированием государства. Не обошел этот процесс и вопросов педагогики и образования, которые уже не мыслились как исключительно забота государства. Во многом силами общественности вопросы воспитания и образования стали приоритетами ее всесторонней опеки. Активную позицию в этом занимал и П.Г. Редкин.

По его мнению, существовало несколько способов актуализации педагогических проблем и вопросов, среди которых был выпуск педагогических журналов и альманахов, а также создание профессиональных сообществ. Что касается первого, то здесь П.Г. Редкин сыграл значительную роль в развитии педагогической журналистики. В частности, он был соучредителем журнала «Библиотека для воспитания», позднее – «Новая библиотека для воспитания», издававшихся в 40-х гг. XIX. В двух отделениях: для детского чтения и для воспитателей. Именно второе отделение курировал П.Г. Редкин. После переезда в Санкт-Петербург он инициировал издание «Журнала для воспитания», где максимально продуктивно печатался сам. Не менее активное участие П. Редкин принимал и в журнале «Учитель».

Публицистическая деятельность П. Редкина носила прогрессивный характер в том отношении, что он перенимал передовой педагогический опыт европейских стран: летние вакации он, как правило, проводил за границей, изучая особенности организации учебного процесса, читал специальную литературу и проч. Все это нашло свое отражение в тех идеях и мыслях, которые были опубликованы им на страницах педагогических журналов и альманахов (Редкин, 1958).

П.Г. Редкин активно выступал за создание условий и возможностей профессионального развития самих педагогов, имея непосредственный опыт интроспекции проблем учительского сословия во время обучения как в гимназии, так и в университете. С этой целью им предлагалось создание учительских семинарий с целью развития и саморазвития учительских кадров.

Эти идеи выносились Петром Григорьевичем на обсуждение в кругу единомышленников, в частности известного педагога К.Д. Ушинского и других. Практически это реализовалось в создании педагогического сообщества в Санкт-Петербурге, целью которого было объединение педагогов, промоция и внедрение передовых педагогических идей и опыта. Изначально это собрание единомышленников носило частный характер, но позднее, не без протекции попечителя Петербургского учебного округа, Педагогическое общество получило официальный статус, расширяя численность своих членов, в том числе и в провинции. 15 лет кряду П.Г. Редкин избирался председателем данного общества, что было выражением признания его заслуг в деле продвижения педагогических инноваций.

Не менее выдающимся был вклад П.Г. Редкина и в преподавание. Его неизменное «милостивые государи», с чего он начинал всякую свою лекцию, запомнилось студентам, которые очень тепло отзывались о своем учителе как об истинном педагоге, чье призвание – учительство. Петр Григорьевич – «замечательный образец соединения глубоких познаний, трудолюбия, высокой честности и деятельной любви к просвещению»; никто из преподавателей Московского университета не производил на студентов «такого глубокого впечатления, как профессор законовещения и государственного права, в его чтениях было именно то, что могло увлечь молодых людей, – был юношеский жар и глубокое убеждение»; «на лекциях П.Г. Редкина студенты приучались к логической последовательности мысли, к внутренней связи философских понятий»; П.Г. Редкин «любил щегольнуть начитанностью и потому, указывая на источники своей науки, всегда исчислял нам бесконечное количество сочинений на всевозможных языках. Он проповедовал, что так как наука едина, то для того, чтобы знать основательно один предмет, – необходимо изучать и все другие» (Заварзина, 2013).

Как ученому-юристу П.Г. Редкину вменялось чтение на юридическом факультете базовой дисциплины «Энциклопедия законоведения», введенной как обязательная в университеты в период Николая I. Эта нормативная дисциплина заменила собой более общую энциклопедию права. Такая замена произошла в контексте формирования нового свода законов, порученного М.М. Сперанскому и в некотором роде определившего не только структурные, но и содержательные изменения юридических наук и курсов. В новой, несколько упрощенной системе преподавание сводилось к изучению системы законов, «Свода законов Российской империи» (в начале 1833 г. был издан манифест о введении его в действие, начиная с 1835 г.).

Приоритет в обучении отдавался изучению российского законодательства. Это несколько противоречило практике чтения данного курса П.Г. Редкиным, привыкшим к компаративистике отечественного и европейского законодательства и выстраивавшего свои лекции на разборе конкретных кейсов, прецедентов в широком историко-философском и правовом контекстах. Таким образом, фактически им был разработан и внедрен в практику преподавания системный подход к чтению юридических и философских дисциплин.

Успех и харизма П.Г. Редкина как преподавателя несомненны. Об этом свидетельствуют не только отзывы о нем его слушателей, но и тот факт, что посещать его лекции стремились не только студенты-юристы, которым он, собственно, и читал свои курсы, но и студенты других факультетов. Мало того, были случаи, когда студенты специально переводились с других факультетов на юридический, дабы систематически, на постоянной основе посещать занятия, проводимые П.Г. Редкиным.

Отдельно заслуживает внимания вклад П.Г. Редкина в становление и развитие российской юридической науки. В этом контексте рассмотрим его деятельность, связанную с изданием первого научного юридического журнала в Российской империи – «Юридические записки», – планировавшегося издаваться «бессрочно» (Редкин, 1841; Редкин, 1842; Редкин, 1859; Редкин, 1860), хотя имеет место мнение, что Записки по большей части являлись научно-юридическим альманахом, нежели научным журналом в классическом его понимании (Омельченко, 2000).

«Юридические записки» – периодическое издание в 5 томах, выпускавшееся доктором права, профессором П.Г. Редкиным в Москве и Санкт-Петербурге: первые два тома были выпущены непосредственно Петром Григорьевичем; тома 3 и 4 – при сотрудничестве с военным юристом, действительным тайным советником К.К. Яневичем-Яневским; 5 том был выпущен последним в 1862 г. без участия П.Г. Редкина.

Миссией журнала, как и в случае с другими проектами П.Г. Редкина, в частности педагогическими, было распространение юридического знания не только среди специалистов-юристов, но и ориентация его на непрофессиональные группы с целью популяризации и формирования у обывателей осознанного чувства законности и долга. К примеру, из этой группы в журнале были помещены статьи В. Тарновского «Юридический быт Малороссии» (Редкин, 1841: 30-49), С. Баршева «О влиянии народных предрассудков на определение наказания» (Редкин, 1841: 78-83) и др.; сам П.Г. Редкин написал специальную статью «Об уголовной кодификации» (Редкин, 1841: 409-491). В журнале публиковали свои материалы видные на то время ученые: юрист, криминалист С.В. Баршев; историк, социолог и публицист К.Д. Кавелин; юрист, историк, профессор истории русского права, действительный член Санкт-Петербургской академии наук Н.В. Калачов и др.

Следует отметить, что до появления издаваемого П.Г. Редкиным журнала в российской юридической науке отсутствовали фундаментальные периодические издания. Имели место, конечно, единичные издания, но как таковой системной работы в этом направлении не проводилось. Ситуация изменилась с появлением «Журнала правоведения» И. Беллинсгаузена и «Юридических записок» П.Г. Редкина.

Последний заложил в некотором роде стандарты такого типа периодических изданий, после чего уже со второй половины XIX в. количество изданий по юриспруденции существенно увеличивается: «Журнал Министерства юстиции», «Юридический вестник» (Н.В. Калачов), «Юридический журнал» (П.А. Салманов) и др.

Принимая во внимание и научный, и практический опыт П.Г. Редкина, Записки в большой степени содержали материалы историко-правового, философско-правового характера, значительной была практика освещения западноевропейского законодательства (Редкин, 1841: 1-30).

Еще одной сферой непревзойденного гения П.Г. Редкина была его научная деятельность. Его круг научных интересов составляли вопросы истории и философии права, истории философии, истории педагогики, педагогике, правоведения (Ростовцев, 2017: 184).

Как уже было сказано, одно время П.Г. Редкин слыл апологетом гегелевской философии и методологии, триадичной структуры диалектического развития. Именно ему принадлежит одна из первых статей по логике Гегеля. И даже в те периоды, когда он в той или иной степени пересматривал свое научное кредо и принципы, методологическое влияние Гегеля все же заметно прослеживалось как минимум в структуре его курсов: ему принадлежит концепция трех способов преподавания науки права, которые он называл (по степеням важности) генетическим, диалектическим и органическим.

В его исследованиях по философии права заметны диспозиции российского либерализма конца XIX – начала XX вв. В 1878 г., после выхода в отставку, П.Г. Редкин работает над своим основным сочинением – изданием прочитанных им лекций по истории философии права, результатом чего стало издание в Санкт-Петербургской типографии М.М. Стасюлевича семи томов «Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще» (Редкин, 1889а–1891b).

Смерть П.Г. Редкина в 1891 г. фактически поставила крест на издании последующих его лекций: при жизни ученого были изданы 6 из 7 томов лекций – 7-й том уже вышел после кончины Петра Григорьевича. Таким образом, при его жизни удалось опубликовать лишь первую из четырех частей его лекций – по «истории древней философии права в связи с древней философией вообще».

Что касается части 2-й, 3-й и 4-й частей лекций (лекции по «средневековой, новой и новейшей истории философии права в связи с философией вообще»), то издатель указывал, что они автором «приведены в такой порядок, что ...для окончательной обработки и выпуска в свет ...не предвидится особенных затруднений и в непродолжительном времени наследники приступят к этому изданию» (Редкин, 1891b: III-IV). Но, как оказалось, случиться этому было не суждено.

Что же касается изданных 7 томов лекций, то они охватывают период от древних теогоний и орфизма до эллинизма. Что примечательно, автор посвящает это издание «бывшим моим слушателям Московскою и Петербургского университетов».

Концептуально П.Г. Редкин предлагает такое рассмотрение древней истории философии права:

- a) общество, государство и право неотделимы друг от друга; они по факту соотносятся с человеческим поведением, изучаемым общей для всех них наукой – этикой;
- b) этика дифференцировалась на два направления: собственно, этику как науку об этосе (ἦθος – навык, обычай, душевный склад, нрав, характер) и этос как политическую конструкцию;
- c) право не было самостоятельным предметом ни у греков, ни у римлян: оно не имело юридического смысла, а исключительно этический, в широком его значении;
- d) общество и государство не мыслятся в категориях бинарных оппозиций; наоборот, первое суть элемент второго.

Заслуга П.Г. Редкина в том, что он одним из первых в Российской империи систематически изложил методологию истории философии права. В этом отношении он был последователем гегелевской триадичной формулы развития, рассматривая эту науку в системе координат общеправового контекста ее развития, в контексте общественно-государственного обустройства и в контексте общеисторического прогресса. В связи с этим резонной является мысль П.Г. Редкина о том, что правоведение следует рассматривать как триединую науку, фундаментальной для которой выступает юридическая, философская и историческая ее составляющая.

5. Заключение

В свете сказанного необходимо отметить универсализм, системность и междисциплинарность в работе П.Г. Редкина. По нашему мнению, он не был, как отмечают некоторые исследователи, «прежде всего, педагогом-общественником». Наоборот, его педагогическая деятельность, в которой он, несомненно, преуспел, о чем говорят оставленные о нем воспоминания, органично отражала и дополняла другие аспекты и направления его жизни и творчества: научные, общественные, государственные, просветительские и т.д.

Действительно, П.Г. Редкин – выдающийся педагог, организатор и учредитель педагогических профессиональных сообществ. Своей деятельностью он немало способствовал развитию системы женского образования, неформального образования детей, внедрению системы дошкольных образовательных учреждений и проч. Все это он совмещал с активной публицистической деятельностью по актуальным и злободневным проблемам и вопросам педагогики и права, учитывая опыт европейских стран в системе юридического и общего образования.

Не менее амбициозными были и цели П.Г. Редкина относительно системы высшего образования в Российской империи: подготовка фундаментальных по своему замыслу и охвату читаемых им курсов, работа по изданию научного юридического журнала и др.

Работа Петра Григорьевича на государственной службе также снискала высокую оценку в виде полученных им чинов генеральского ранга, орденов и проч.

Следует также отметить и значительный научный вклад П.Г. Редкина в развитие российской юридической, философской и исторической науки, отразившийся в том числе и в его работе на должности профессора, ректора, почетного члена Императорской Академии наук, доктора права.

Литература

Андреев, 2005 – Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половине XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.

Басаргина, 2008 – Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории). М.: Индик, 2008. 656 с.

- Бездробний и др.** – *Бездробний, Ю., Козирський, В., Шендеровський, В.* (2012). Видатні українські вчені у світовій науці: Стиглий довідник. – Київ: ТОВ «Праймдрук», 2012. 107 с.
- Биографический словарь, 1898** – Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1894. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1898. С. 155-168.
- Волков, 2016** – *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.
- Дегтярьов, 2014** – *Дегтярьов, С.І.* (2014). Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст. Суми: ТОВ Друкарський дім «Папірус», 2014. 472 с.
- Долгих, 2006** – *Долгих Е.В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. 344 с.
- Заварзина, 2013** – *Заварзина Л.Э.* Педагог-общественник Петр Григорьевич Редкин // *Историко-педагогический журнал.* 2013. № 4. С. 30-42.
- Исаев, 1947** – *Исаев М.М.* К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии. М.: Типография В.Ю.А, 1947. 36 с.
- Княжнин, 1915** – *Княжнин В.* Редкин Петр Григорьевич. *Русский биографический словарь:* в 25 т. Т. 18. СПб.-М., 1915. С. 326-328.
- Курилов, 1898** – *Курилов И.А.* Роменская старина. Исторические, статистические и бытовые записки о городе Ромен и его обывателях. Ромны: Типография Б. Ционсона, 1898. 345 с.
- Модзалевский, 1891** – *Модзалевский Л.Н.* Памяти Петра Григорьевича Редкина // *Русская школа.* 1891. № 4. С. 50-63.
- Обозрение, 1873** – Обзорение преподавания наук в Санкт-Петербургском императорском университете за 1872–1873 академический год. СПб., 1873.
- Обозрение, 1874** – Обзорение преподавания наук в Санкт-Петербургском императорском университете за 1873–1874 академический год. СПб., 1874.
- Омельченко, 2000** – *Омельченко О.А.* «Юридические записки» – первый научный юридический журнал России // *ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения.* 2000. № 1. С. 211-218.
- Осипов, 2016** – *Осипов И.Д.* Традиции философского образования в Петербургском университете // *Вестник СПбГУ.* 2016. № 3. С. 54-64.
- Памятная книжка, 1874** – Памятная книжка Полтавской губернии за 1874 год. Полтава: Типография Губернского Правления. 1875.
- Помелов, 2018** – *Помелов В.Б. П.Г. Редкин:* замечательный, но забытый педагог (к 210-летию со дня рождения) // *Педагогика. Вопросы теории и практики.* 2018. № 2 (10). С. 37-41.
- Помелов, 2020** – *Помелов В.Б. П.Г. Редкин* – основоположник русской теоретической педагогики // *Вестник Вятского государственного университета.* 2020. № 3 (137). С. 170-179.
- Пустарнаков, 2003** – *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. 919 с.
- Редкин, 1958** – *Редкин П.Г.* Избранные педагогические сочинения. М.: ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1958. 314 с.
- Редкин, 1889a** – *Редкин П.Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 442 с.
- Редкин, 1889b** – *Редкин П.Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 2. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 403 с.
- Редкин, 1890a** – *Редкин П.Г.* (1890). Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 3. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. 475 с.
- Редкин, 1890b** – *Редкин П.Г.* (1890). Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 4. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. 515 с.
- Редкин, 1890c** – *Редкин П.Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 5. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. 492 с.
- Редкин, 1891a** – *Редкин П.Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 6. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. 498 с.
- Редкин, 1891b** – *Редкин П.Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Том 7. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. 495 с.

- Редкин, 1841a** – Редкин П.Г. Обзорение Гегелевой логики. *Москвитянин*. 1841. № 4 (8). С. 410.
- Редкин, 1841b** – Редкин П.Г. Юридические записки. Том 1. М.: Университетская типография, 1841.
- Редкин, 1842** – Редкин П.Г. Юридические записки. Том 2. М.: Университетская типография, 1842. 551 с.
- Редкин, 1859** – Редкин П.Г. Юридические записки Том 3. СПб.: Типография Департамента уделов, 1859. 432 с.
- Редкин, 1860** – Редкин П.Г. Юридические записки Том 4. СПб.: Типография Департамента уделов, 1860. 665 с.
- Ростовцев, 2017** – Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
- Ружицкая, 2008** – Ружицкая И.В. (2008). «Просвещенные бюрократы» – новый тип российских чиновников: опыт характеристики // *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2008. № 1. С. 36-43.
- Рябухин, Брянцева, 2005** – Рябухин А.Г., Брянцева Г.В. Профессора Московского университета. 1755–2004 г. Биографический словарь. В 2 т. М.: Изд-во МГУ, 2005.
- Семенов, 1891** – Семенов Д.Д. Петр Григорьевич Редкин как педагог // *Женское образование*. 1891. № 5. С. 481-487.
- Супонина, 2010** – Супонина Е.Г. Общественно-педагогическая деятельность и педагогические взгляды П.Г. Редкина: Дисс. ... канд. пед. наук. Пенза, 2010. 206 с.
- Супронюк, 2009** – Супронюк О.К. Н.В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Библиографический словарь. Киев: Академперіодика, 2009. 252 с.
- Ткачук, 2002** – Ткачук М. (2002). Редкін Петро Григорович. *Філософська думка в Україні: Біобібліографічний словник*. Київ, 2002. С. 168.
- Устав, 1836** – Устав 1836 г. *Уставы Академии наук* / Ред. Г.К. Скрябин. М., 1975.
- Цыганков и др., 2020** – Цыганков Д.А., Андреев А.Ю., Наумов П.Ю. Крыловская история: формирование этики профессорского служения // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 2 «История. История Русской православной церкви». 2020. № 94. С. 112-130.
- Цыганков, 2008** – Цыганков Д.А. Старое и новое в университетских конфликтах 1830–1840-х гг. / XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. Том 2. С. 74-78.
- Шимановский, 1891** – Шимановский М.В. Петр Григорьевич Редкин: (биографический очерк). Одесса, 1891. 33 с.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S., Zavorodnia V., Polyakova L. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1530-1537
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S. Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of «Enlightened Bureaucracy»: Bureaucrat's Biography // *Russkaya Starina*. 2014. 9(1): 4-10.
- Lebid et al., 2021a** – Lebid A., Kostenko A., Shevchenko N. N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian empire of the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 118-125.
- Lebid et al., 2021b** – Lebid A., Shevchenko N. Some aspects of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian empire in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 629-640.

References

- Andreev, 2005** – Andreev, A.Yu. (2005). Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII – pervoj polovine XIX veka [Russian students at German universities in the 18th and first half of the 19th centuries]. Moskva: Znak, 432 p. [in Russian]
- Basargina, 2008** – Basargina, E.Yu. (2008). Imperatorskaya Akademiya nauk na rubezhe XIX-XX vekov (Ocherki istorii) [The Imperial Academy of Sciences at the Turn of the Twentieth and Twentieth Centuries (Historical Review)]. Moskva: Indrik, 656 p. [in Russian]
- Bezdrobnyi y dr.** – Bezdrobnyi, Yu., Kozyrskiy, V., Shenderovskiy, V. (2012). Vydatni ukraïnski vcheni u svitovii nautsi: Styslyi dovidnyk [Prominent Ukrainian scientists in world science]. Kyiv: TOV «Praidruk», 107 p. [in Ukrainian]
- Biograficheskij slovar', 1898** – Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya: 1869-1894 [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of St. Petersburg University in the Third Quarter of a Century of its Existence: 1869-1894]. V 2-h t. T.2. SPb.: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1898. Pp. 155-168. [in Russian]
- Volkov, 2016** – Volkov, S.V. (2016). Vysshee chinovnichestvo Rossijskoj imperii. Kratkij slovar' [The higher officials of the Russian Empire. A Concise Dictionary]. Moskva: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 800 p. [in Russian]

Dehtiarov, 2014 – *Dehtiarov, S.I.* (2014). Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsi XVIII – pershii polovyni XIX st. [The Ukrainian civil service in the late 18th century and the first half of the 19th century]. Sumy: TOV Drukarskyi dim «Papirus», 472 p. [in Ukrainian]

Dolgiĭ, 2006 – *Dolgiĭ, E.V.* (2006). K probleme mentaliteta rossijskoj administrativnoj elity pervoj poloviny XIX veka: M.A. Korff, D.N. Bludov [To the Mentality Problem of the Russian Administrative Elite of the First Half of the 19th Century: M.A. Korff, D.N. Bludov]. Moskva: Indrik, 344 p. [in Russian]

Zavarzina, 2013 – *Zavarzina, L.E.* (2013). Pedagog-obshchestvennik Pyotr Grigor'evich Redkin [Community educator Pyotr Grigorievich Redkin]. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal*. 4: 30-42. [in Russian]

Isaev, 1947 – *Isaev, M.M.* (1947). K voprosu o politicheskoy ocenke idej klassicheskoy shkoly ugolovno go prava v pervoj polovine XIX veka. Doklad, sdelannyj v Voенno-Yuridicheskoy Akademii [On the Political Assessment of the Ideas of the Classical School of Criminal Law in the First Half of the Nineteenth Century. Report delivered at the Military Legal Academy]. Moskva: Tipografiya V.Yu.A., 36 p. [in Russian]

Knyazhnin, 1915 – *Knyazhnin, V.* (1915). Redkin Petr Grigor'evich [Redkin Pyotr Grigorievich]. *Russkij biograficheskij slovar'*: v 25 t. T. 18. SPb., Moskva. Pp. 326-328. [in Russian]

Kurilov, 1898 – *Kurilov, I.A.* (1898). Romenskaya starina. Istoricheskie, statisticheskie i bytovye zapiski o gorode Romen i ego obyvatel'nykh [Romain antiquity. Historical, statistical and household notes on the town of Romain and its inhabitants]. Romny: Tipografiya B. Cionsona, 345 p. [in Russian]

Modzalevskij, 1891 – *Modzalevskij, L.N.* (1891). Pamyati Petra Grigor'evicha Redkina [In memory of Pyotr Grigorievich Redkin]. *Russkaya shkola*. 4: 50-63. [in Russian]

Obozrenie, 1873 – Obozrenie prepodavaniya nauk v Sankt-Peterburgskom imperatorskom universitete za 1872–1873 akademicheskij god [Review of the teaching of science at the Imperial University of St Petersburg for the academic year 1872–1873]. Sankt-Peterburg, 1873. [in Russian]

Obozrenie, 1874 – Obozrenie prepodavaniya nauk v Sankt-Peterburgskom imperatorskom universitete za 1873–1874 akademicheskij god [Review of the teaching of science at the Imperial University of St Petersburg for the academic year 1873–1874]. Sankt-Peterburg, 1874. [in Russian]

Omel'chenko, 2000 – *Omel'chenko, O.A.* (2000). «Yuridicheskie zapiski» – pervyj nauchnyj yuridicheskij zhurnal Rossii ["Yuridicheskie Zapiski – Russia's first academic law journal]. *FEMIS. Ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*. 1: 211-218. [in Russian]

Osipov, 2016 – *Osipov, I.D.* (2016). Tradicii filosofskogo obrazovaniya v Peterburgskom universitete [The tradition of philosophy education at the University of St Petersburg]. *Vestnik SPbGU*. 3: 54-64. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1874 – Pamyatnaya knizhka Poltavskoj gubernii za 1874 god [Commemorative book of Poltava province for 1874]. Poltava: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 1875. [in Russian]

Pomelov, 2018 – *Pomelov, V.B.* (2018). P.G. Redkin: zamechatel'nyj, no zabytyj pedagog (k 210-letiyu so dnya rozhdeniya) [P.G. Redkin: a remarkable but forgotten educator (on the 210th anniversary of his birth)]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 2(10): 37-41. [in Russian]

Pomelov, 2020 – *Pomelov, V.B.* (2020). P.G. Redkin – osnovopolozhnik ruskoj teoreticheskoy pedagogiki [P.G. Redkin – founder of Russian theoretical pedagogy]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(137): 170-179. [in Russian]

Pustarnakov, 2003 – *Pustarnakov, V.F.* (2003). Universitetskaya filosofiya v Rossii. Idei. Personalii. Osnovnye centry [University philosophy in Russia. Ideas. Personalities. Main centres]. SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 919 p. [in Russian]

Redkin, 1958 – *Redkin, P.G.* (1958). Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works]. Moskva: GUPI Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1958. 314 s. [in Russian]

Redkin, 1889a – *Redkin, P.G.* (1889). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 1 [From lectures by Emeritus Professor, Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 442 p. [in Russian]

Redkin, 1889b – *Redkin, P.G.* (1889). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 2 [From lectures by Emeritus Professor, Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 403 p. [in Russian]

Redkin, 1890a – *Redkin, P.G.* (1890). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 3 [From lectures by Emeritus Professor, Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 475 p. [in Russian]

Redkin, 1890b – *Redkin, P.G.* (1890). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 4 [From lectures by Emeritus Professor, Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 515 p. [in Russian]

Redkin, 1890c – *Redkin, P.G.* (1890). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 5 [From lectures by Emeritus Professor,

- Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 492 p. [in Russian]
- Redkin, 1891a** – *Redkin, P.G.* (1891). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 6 [From lectures by Emeritus Professor, Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 498 p. [in Russian]
- Redkin, 1891b** – *Redkin, P.G.* (1891). Iz lekcij zaslužennogo professora, doktora prav P.G. Redkina po istorii filosofii prava v svyazi s istoriej filosofii voobshche. Tom 7 [From lectures by Emeritus Professor, Doctor of Law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 495 p. [in Russian]
- Redkin, 1841a** – *Redkin, P.G.* (1841). Obozrenie Gegelevoj logiki [A review of Hegelian logic]. *Moskvityanin*. 4(8): 410. [in Russian]
- Redkin, 1841b** – *Redkin, P.G.* (1841). Yuridicheskie zapiski. Tom 1 [Legal Notes]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. [in Russian]
- Redkin, 1842** – *Redkin, P.G.* (1842). Yuridicheskie zapiski. Tom 2 [Legal Notes]. Moskva: Universitetskaya tipografiya., 551 p. [in Russian]
- Redkin, 1859** – *Redkin, P.G.* (1859). Yuridicheskie zapiski Tom 3 [Legal Notes]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departamenta udelov, 432 p. [in Russian]
- Redkin, 1860** – *Redkin, P.G.* (1860). Yuridicheskie zapiski Tom 4 [Legal Notes]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departamenta udelov, 665 p. [in Russian]
- Rostovcev, 2017** – *Rostovcev, E.A.* (2017). Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchyonoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX -nachalo XX v.) [The Metropolitan University of the Russian Empire: academia, society and power (second half of the nineteenth and early twentieth centuries)]. Moskva: Politicheskaya enciklopediya, 903 p. [in Russian]
- Ruzhickaya, 2008** – *Ruzhickaya, I.V.* (2008). «Prosveshchennye byurokraty» – novyj tip rossijskikh chinovnikov: opyt kharakteristiki ["Enlightened bureaucrats" – a new type of Russian officials: experience of characterisation]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. 1: 36-43 [in Russian]
- Ryabuhin, Bryanceva, 2005** – *Ryabuhin, A.G., Bryanceva, G.V.* (2005). Professora Moskovskogo universiteta. 1755-2004 g. Biograficheskij slovar'. V 2 t. [Professors of Moscow University. 1755-2004 Biographical dictionary]. Moskva: Izd-vo MGU. [in Russian]
- Semyonov, 1891** – *Semyonov, D.D.* (1891). Petr Grigor'evich Redkin kak pedagog [Pyotr Grigorievich Redkin as a teacher]. *Zhenskoe obrazovanie*. 5: 481-487. [in Russian]
- Suponina, 2010** – *Suponina, E.G.* (2010). Obshchestvenno-pedagogicheskaya deyatelnost' i pedagogicheskie vzglyady P. G. Redkina [P.G. Redkin's social and pedagogical activities and pedagogical views]: dis. ... kand. ped. nauk. Penza, 2010. 206 s. [in Russian]
- Supronyuk, 2009** – *Supronyuk, O.K.* (2009). N.V. Gogol' i ego okruzhenie v Nezhinskoj gimnazii. Biobibliograficheskij slovar' [N.V. Gogol and his entourage at Nizhyn Gymnasium. Biobibliographical dictionary]. Kiev: Akademperiodika, 252 p. [in Russian]
- Tkachuk, 2002** – *Tkachuk, M.* (2002). Redkin Petro Hryhorovych [Redkin Petro Grygorovych]. *Filosofska dumka v Ukraini: Biobibliografichniy slovnyk*. Kyiv. P. 168 [in Ukrainian]
- Ustav, 1836** – Ustav 1836 g. [Statute of 1836.]. Ustavy Akademii nauk. Red. G.K. Skryabin. Moskva, 1975. [in Russian]
- Cygankov i dr., 2020** – *Cygankov, D.A., Andreev, A.Yu., Naumov, P.Yu.* (2020). Krylovskaya istoriya: formirovanie etiki professorskogo sluzheniya [Krylovian history: shaping an ethos of professorial service]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi*. 94: 112-130. [in Russian]
- Cygankov, 2008** – *Cygankov, D.A.* (2008). Staroe i novoe v universitetskih konfliktah 1830-1840-h gg. [Old and new in the university conflicts of the 1830s and 1840s]. *XVIII Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2: 74-78. [in Russian]
- Shimanovskij, 1891** – *Shimanovskij, M.V.* (1891). Pyotr Grigor'evich Redkin: (biograficheskij ocherk) [Peter Grigorievich Redkin: (Biographical sketch)]. Odessa, 33 p. [in Russian]
- Degtyarev, 2014a** – *Degtyarev, S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian historiography of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 34(4): 554-558.
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev, S., Zavorodnia, V., Polyakova, L.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537
- Degtyarev, 2014b** – *Degtyarev, S.* (2014). Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of «Enlightened Bureaucracy»: Bureaucrat's Biography. *Russkaya Starina*. 9(1): 4-10.
- Lebid et al., 2021a** – *Lebid, A., Kostenko, A., Shevchenko, N.* (2021). N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian empire of the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(1): 118-125.
- Lebid et al., 2021b** – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). Some aspects of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian empire in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(2): 629-640.

Украинская «просвещенная бюрократия» в системе высшего образования Российской империи XIX в.

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Наталья Александровна Шевченко ^{b, c}

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается влияние представителей украинской «просвещенной бюрократии» на процессы становления и развития системы высшего образования Российской империи XIX в., в частности юридического образования на примере Московского и Санкт-Петербургского Императорских университетов. С этой целью предпринята попытка систематического рассмотрения жизненного и творческого пути одного из представителей украинской «просвещенной бюрократии», уроженца г. Ромны Сумской области П.Г. Редкина.

Вклад П.Г. Редкина в развитие системы высшего образования, а также его влияние на интеллектуальную жизнь Российской империи рассматривается в представленной статье в нескольких аспектах. Во-первых, это педагогическая деятельность П.Г. Редкина на должности экстраординарного и ординарного профессора, заведующего кафедрой энциклопедии или общего обозрения системы законовещения Московского Императорского университета (1835–1848 гг.); кафедры энциклопедии и истории философии права Санкт-Петербургского Императорского университета (1863–1873 гг.), ректора Санкт-Петербургского Императорского университета (1873–1876 гг.); почетного члена этого университета (1878 г.).

Во-вторых, это общественная и государственная деятельность П.Г. Редкина как учредителя и издателя первого юридического научного журнала в Российской империи, основателя педагогического сообщества, популяризатора всеобщей грамотности и профессионального образования педагогов и т.д.

В-третьих, это научная деятельность П.Г. Редкина – автора фундаментальных работ по истории и философии права, почетного члена Императорской Академии наук.

Показано, что научная, общественная, государственная и педагогическая деятельность представителей украинской «просвещенной бюрократии», таких как П.Г. Редкин, Н.В. Варадинов и других существенно повлияла не только на сферу высшего образования и науку в Российской империи, но и систему государственных и общественных отношений.

Ключевые слова: просвещенная бюрократия, высшее образование, педагогика, история философии права, юридическая журналистика, педагогическая журналистика, Московский Императорский университет, Санкт-Петербургский Императорский университет, Императорская Академия наук.

* Корреспондирующий автор

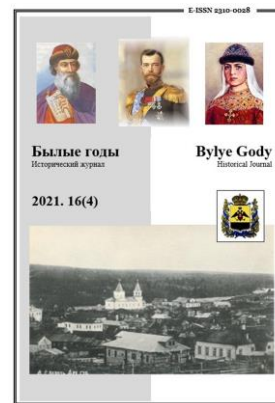
Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1728-1736
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1728

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Economic and Political Development of the Grand Duchy of Finland (1809–1917)

Ivan S. Denisov ^{a, b, *}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the economic and political development of the Grand Duchy of Finland from 1809 to 1917. The authors consider the political and economic situation of the region throughout the entire period of the existence of the Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire, as well as the prerequisites for Finland's accession to the empire. The article describes the political structure, as well as the procedure for the formation and implementation of governance in the Grand Duchy. The powers of the legislative, executive and judicial authorities, including and the forms of their actual performance of their functions, are also examined in detail. The article formulates the main four stages of the economic policy of the Grand Duchy of Finland: the first stage – from 1809 to the 1830s, the second stage – from the 1830s to the end of the 1850s, the third stage – from the late 1850s to the mid-1880s and the fourth stage – from the mid-1880s to the end of the First World War. The study includes a detailed analysis of each of these stages, as well as consideration of key reforms and historical events that have had a significant impact on the economic and political development of the region. Special attention is paid to the reforms of Alexander II, known as the reformer emperor, who made a significant contribution to the successful development of the region. Conclusions are formulated regarding the high importance of the so-called "Russian period" in the history of Finland. The empirical study of the article was conducted in accordance with the method of comparative historical research based on secondary sources, including pre-revolutionary literature.

Keywords: the Russian Empire, the Grand Duchy of Finland, reforms, economic development, political development.

1. Введение

История Великого княжества Финляндского как генерал-губернаторства Российской империи берет свое начало в 1809 году (эпоха императора Александра I). До присоединения к России Финляндия на протяжении шестисот лет входила в состав Швеции, однако по итогам последней русско-шведской войны (Финляндской войны) 1808–1809 гг. шведская провинция Суоми перешла под власть Российской империи. Как отмечает ряд авторов, «до присоединения к России у финнов не было своей государственности, территория Финляндии являлась провинцией Швеции и жила по шведским законам» (Гинзбург, Хащина, 2019: 130).

Предысторией русско-шведской войны является завоевательная политика Наполеона I Бонапарта. Согласно Тильзитскому договору (1807 г.) Россия должна была оказать давление на Швецию в целях введения эмбарго против Англии.

Война началась в феврале 1808 года и с самого начала была невыгодной для Швеции. Основная тактика финских войск заключалась в том, чтобы замедлить продвижение России и дожидаться вспомогательных войск из Швеции. Несмотря на победу на реке Сийкайоки, морские форты финского региона (Свартхольма, Виापори) сдались почти без боев. Договор о прекращении огня был

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

подписан в ноябре 1808 в Олькйюки (Финляндия). Согласно Фридрихсгамскому мирному договору от 05 (17) сентября 1809 года, территория Финляндии вошла в состав России.

Присоединение Финляндии к Российской империи является одним из ключевых моментов развития этого края. Тема экономического и политического развития Великого княжества Финляндского представляет немалый научный интерес. Одна из основных целей данного исследования – проследить путь Финляндии от шведской провинции к независимому государству в период нахождения в составе Российской империи.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы исследования был привлечен комплекс источников, включающий в себя: нормативные правовые акты, регламентирующие общественные отношения края, архивные материалы, в частности Основного русского фонда НСБ РГИА (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а именно Сборник постановлений Великого княжества Финляндского узаконений и правительственных распоряжений 1913 года, а также материалы периодической печати – журнал «Мирской вестник».

В разработке исследования использован принцип историзма, при помощи которого была проведена комплексная оценка источников и историографии по заданной теме, а также сформулирована периодизация политического и экономического развития Великого княжества Финляндского. Также были использованы сравнительно-правовой метод, который дал возможность исследовать механизмы осуществления административного управления регионом, и структурный метод, позволивший выявить ключевые мотивы и обстоятельства развития Великого княжества Финляндского.

3. Обсуждение

Историографии Великого княжества Финляндского посвящено немало работ. Среди дореволюционных авторов в первую очередь необходимо отметить фундаментальное исследование историка и военного юриста, родившегося в Финляндии, М.М. Бородкина: «История Финляндии. Время императора Александра II». По мнению М.М. Бородкина, период правления Александра II составляет важнейшую эпоху в истории Финляндии (Бородкин, 1908: 2).

В исследованиях советских ученых по данной теме наибольшее значение придается влиянию экономических факторов на политическое развитие края. А некоторые авторы, в частности П.А. Зайончковский, стремились отразить как влияние экономического развития страны на государственный аппарат, так и обратный процесс – как государственный аппарат отражал интересы экономического развития России (Зайончковский, 1970: 5).

Современные ученые благодаря большому объему источников, введенных в научный оборот, стараются более детально рассмотреть и проанализировать ключевые предпосылки для изменения направления политики Российской империи в отношении Великого княжества Финляндского, а также влияние русского периода на последующее развитие Финляндии как независимого государства. По мнению современных исследователей, положение Финляндии в составе империи на протяжении более чем ста лет претерпело существенные изменения (Новикова, 1997: 130). Как отмечает С.Н. Погодин, «лишь после вхождения в состав русского государства началось формирование финской политической нации, политическое воспитание финского народа и его национального сознания» (Погодин, 2015b: 348).

Доктор философии, доцент Хельсинкского университета Марина Витухновская-Кауппала уделяет отдельное внимание периоду правления Александра II: «Инициированные императором либеральные экономические реформы, призванные прежде всего компенсировать ущерб, нанесенный прошедшей войной, стали толчком к ускоренной модернизации края» (Витухновская-Кауппала, 2012: 262). А.В. Звонарев справедливо отмечает также важность решения Александра II о созыве финского парламента после длительного перерыва: «Созыв в 1863 году Сейма, не собиравшегося с 1809 года, завершил так называемый «бессеймовый период» в истории Великого княжества Финляндского и положил начало целому ряду либеральных реформ, проведенных в княжестве в правление Александра II» (Звонарев, 2016: 67).

По мнению Т.В. Андреевой, одну из ключевых ролей в развитии Великого княжества Финляндского сыграл так называемый «Николаевский период»: «Николаевское царствование занимает особое место в «русском периоде» истории Финляндии: оно стало «мостом» между «дней Александровых прекрасным началом» и утверждением либерального курса в эпоху Александра II, проявив и сфокусировав многочисленные проблемы и противоречия, вытекавшие из уникального юридического, политического и экономического статуса княжества» (Андреева, 2015: 52).

В целом нельзя не согласиться с А.В. Филоновым, который называет взаимодействие Великого княжества Финляндского с Российской империей «...достаточно сложным и многоаспективным процессом, научное осмысление которого остается актуальным до настоящего времени» (Филонов, 2019: 60).

4. Результаты

Важнейшим структурным фактором, определявшим политику в тот период, было вхождение Финляндии в состав Российской империи. Фридрихсгамский договор положил конец войне 1808–1809 годов. В ходе боевых действий Россия оккупировала большие территории Финляндии и нанесла поражение шведам. По мирному соглашению оккупированные территории (Финляндия и Аландские острова) перешли под контроль Российской империи. В результате подписания документа было образовано Великое княжество Финляндское, вошедшее в состав Российской империи.

В составе Российской империи Великое княжество Финляндское образовало автономию со своими законами и администрацией. Политика Финляндии стала частью национальной политики России. Формально Финляндия была независимой политической единицей как Великое княжество во главе с российским императором, решения которого принимались отдельно от принятия решений на национальном уровне, хотя на практике финская политика согласовывалась с национальной политикой Российской империи (*Мирской вестник*, 1872: 4).

Решение всех дел Великого княжества Финляндского передавалось непосредственно императору, минуя административный аппарат Российской империи, то есть российский парламент никак не мог вмешиваться в дела Финляндии.

Основным законом княжества был «Высочайший Его Императорского Величества Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского» (фин. Keisarillisen Majesteetin Armollinen Valtioapäiväjärjestys Suomen Suuriruhtinanmaalle, Hans kejsarliga majestäts nåd.landtdagsordning för storfurstendömet Finland). Функции органа исполнительной власти выполнял Сенат, в состав которого входили экономический департамент и департамент юстиции. Экономический департамент включал в себя в том числе канцелярию, финансовый, военный и церковный комитеты, а департамент юстиции представлял судебную власть в качестве Верховного суда Финляндии. Сенатом в качестве председателя руководил генерал-губернатор Великого княжества, назначаемый императором на определенный срок исполнения полномочий. Сенаторы, являющиеся членами Сената, были гражданами Финляндии. Деятельность экономического департамента и департамента юстиции контролировали вице-председатели Сената. Система органов местного самоуправления не была столь развита вплоть до конца XIX века, когда были созданы основы городского и муниципального управления.

Сенат долгое время исполнял на практике в том числе и функции органа законодательной власти, хотя был наделен только полномочиями законотворчества. Предполагалось, что законопроекты, предложенные Сенатом, после одобрения императором должны были приниматься или отклоняться после обсуждения финским сеймом (парламентом). В то же время стоит заметить, что ни при Александре I, ни при Николае I парламент не созывался ни разу. Поэтому в тот период законопроекты Сената становились законами сразу же после одобрения императором. Таким образом, в отсутствие парламента администрация, возглавляемая дворянством, управляла регионом единолично, что не предполагало собой становление политической конкуренции. Однако с приходом к власти императора Александра II в 1855 году ситуация изменилась. Император поручил созывать сейм, в результате чего первое собрание финского парламента после столь длительного перерыва произошло в 1863 году. В дальнейшем сейм стал созываться на регулярной основе, что послужило становлению политической конкуренции путем формирования политических партий Великого княжества Финляндского. В то же время необходимо отметить, что власть императора оставалась неограниченной. Великий князь Финляндский был вправе не подтвердить решения, принятые парламентом или вовсе распустить его.

В 1809 году указом Александра I была образована Комиссия финляндских дел (фин. Suomen asian komissiolla), которая два года спустя была преобразована в Комитет по делам Финляндии (фин. Suomen asiain komitea). Данный Комитет представлял из себя административный орган власти, расположенный в Санкт-Петербурге. В его задачи входила подготовка дел Великого княжества для передачи их императору. Функционировал данный орган под председательством государственного секретаря Российской империи. Как отмечает финский историк и политолог О. Юссила, «это произошедшее в 1811 г. изменение имело большое значение для повышения статуса Финляндии до положения, близкого к положению Польши после 1815 г. Помимо Финляндии только Польша имела в Российской империи своего отдельного статс-секретаря для доклада дел императору» (*Юссила*, 2009: 115).

В период автономии Финляндия имела собственное таможенное управление. Однако у Великого княжества не было собственной внешней политики и вооруженных сил. Православная церковь и некоторые школы действовали под управлением Российской империи.

В целом можно заключить, что Великое княжество было автономным государством со своим законодательством и администрацией. У страны был также свой бюджет и таможенная граница с империей.

В 1810 году население России превысило 40 млн, в то время как население Финляндии составляло менее 900 тыс. (*Хьерппе, Хьерппе*, 2017: 11). Жители Финляндии делились на различные сословия, что определяло социальный статус и особые права. В XIX веке большинство жителей Финляндии проживало в сельской местности. Однако уже к 1820–1830 гг. был ярко выражен рост числа государственных служащих в центральных учреждениях и уездных администрациях. Между 1860 и

1890 годами общее число чиновников центрального правительства увеличилось с 4 700 до 11 100 человек. К 1880 году центральная администрация Великого княжества Финляндского стала больше, чем провинциальная администрация, унаследованная от шведского периода. К 1914 году количество чиновников выросло до 27 тыс. человек. Если первоначально состав государственных служащих в большей степени состоял из дворян, в особенности в отношении наиболее высоких политически важных должностей, то к концу периода автономии доля дворянства существенно снизилась.

Анализируя экономическую политику Великого княжества Финляндского, можно в целом выделить четыре основных этапа: первый – с 1809 по 1830-е годы; второй – с 1830-х до конца 1850-х годов; третий – с конца 1850-х до середины 1880-х годов; четвертый – с середины 1880-х до конца Первой мировой войны.

Наиболее значимым для будущей экономической политики и экономического развития Великого княжества Финляндского по праву считается первый этап, который начинается с момента вхождения Финляндии в состав Российской империи в 1809 году. Его значимость обусловлена в первую очередь присоединением к Российской империи, что стало началом для новой таможенной, транспортной, денежно-кредитной, а также фискальной политики Великого княжества. Не менее значимым элементом является формирование собственного административного аппарата.

Спустя три года после образования Великого княжества Финляндского, а именно 12 апреля 1812 года, его столица по решению Александра I была перенесена из города Турку, расположенного на юго-западе Финляндии, в Хельсинки.

В 1812 году Хельсинки представлял из себя маленькую финскую деревню с довольно скромной численностью населения (около 4 тыс. человек) по сравнению с крупным административным и торговым центром Турку. Первостепенным мотивом решения о переносе столицы являлось близкое расположение бывшей столицы к Швеции, причем как географически, так и ментально. В качестве основных преимуществ Хельсинки можно назвать близость к Санкт-Петербургу (300 км), а также наличие важной в военном отношении морской крепости Виборги. В дальнейшем Хельсинки стремительно рос и уже к концу XIX века превратился в современный европейский город.

Еще одно значение первого периода – создание собственной администрации Финляндии. Важнейшей его особенностью было то, что в сформированном административном аппарате большую часть занимали финские чиновники. Этот период также ознаменовал для Финляндии начало самостоятельного управления экономической политикой. Страна получила собственный независимый бюджет, расходы которого можно было использовать исключительно на благо Великого княжества и который покрывался доходами страны, важнейшими из которых были таможенные пошлины.

Безусловно, такие крупные политические изменения, как вхождение Финляндии в состав Российской империи, не могли не вызвать волну переживаний и волнений у финнов. Для некоторых слоев населения перспектива быть отрезанными от шведского рынка представлялась как политической, так и экономической катастрофой. Важным соглашением для подавления подобных настроений и для долгосрочного экономического развития Финляндии стал Фридрихсгамский мирный договор, который поддерживал торговые соглашения между Финляндией и Швецией. Как отмечает Тетерина Е.Е., император Александр I в целях обеспечения безопасности северных границ принял решение об определении особых льготных правил регулирования торговли со Швецией, которые заключались в беспрепятственном товарообмене между Великим княжеством Финляндским и Швецией (Тетерина, 1995: 110).

Таким образом, торговля между Финляндией и Швецией была практически беспошлинной. Для предотвращения беспошлинного ввоза иностранных товаров из Швеции через Финляндию в Россию потребовалось установить отдельную таможенную границу между Финляндией и Россией. Это означало, что у Финляндии появилась собственная таможенная территория. В тот период наибольшую часть доходов Великого княжества составляли таможенные сборы.

Финляндия экспортировала сельскохозяйственную продукцию в Швецию, а финским металлургическим заводам, которые испытывали нехватку внутреннего сырья, разрешили продолжить импорт железной руды и кованого железа из Швеции. Большая часть товаров, импортируемых из Швеции, была освобождена от ввозных таможенных пошлин. В 1822 году Великое княжество ввело превентивный импортный тариф в соответствии с российским тарифом, который действовал до 1850-х годов. В 1821 г. были введены таможенные пошлины на зерно, которые действовали до конца 1850-х гг.

Рассматривая внутреннюю и внешнюю политику того периода в целом, можно согласиться с учеными М.С. Белоусовым и Я.С. Абдуллаевым в том, что основной политической целью императора Александра I было «укрепление стратегического положения во всех регионах страны» (Белоусов, Абдуллаев, 2020: 554).

Второй этап экономической политики Великого княжества Финляндского, начавшийся в 30-х годах XIX века, характеризуется большим отдалением от Швеции и более глубокой интеграцией в Российскую империю. 1844 год ознаменован концом беспошлинного экспорта из Финляндии в Швецию и беспошлинного импорта Швецией сельскохозяйственной продукции. Потеря шведского

рынка была компенсирована освобождением животноводства и продуктов животноводства от экспортных сборов в 1834 г. и уплатой экспортных надбавок за масло и другие продукты животноводства при условии, что они экспортировались не в Швецию. Были приняты меры по расширению посевов и развитию внутренней торговли зерном.

В целях снижения влияния Швеции был принят такой документ, как «Положение о торговых сношениях империи с Великим Княжеством Финляндским» 1835 года (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 486. Л. 16; Сборник постановлений..., 1913). Таким образом, таможенные пошлины стали основным источником доходов бюджета Великого княжества на протяжении всего периода автономии. Положение 1835 года положило начало финско-российским торговым отношениям на более чем два десятилетия и значительно расширило беспошлинный экспорт Финляндии в Россию, в результате чего к началу 1840-х годов доля Швеции в финском экспорте упала до одной десятой, а импорт сократился до одной шестой. Россия стала важнейшим торговым партнером Финляндии: в начале 1840-х годов ее доля превысила долю Швеции в импорте в два раза, а в экспорте в два с половиной раза.

Еще одной задачей того периода был вывод шведских денег из оборота в Великом княжестве Финляндском. Несмотря на то, что российский серебряный рубль официально был основной валютой Финляндии, шведские деньги были самой распространенной валютой до конца 1830-х годов. В 1840 году, в период проведения Денежной реформы в России 1839–1843 годов, была запущена программа реализации денег в Великом княжестве Финляндском, которая заменила старые банкнотные рубли депозитными банкнотами Банка Финляндии и серебряными рублями. Банк Финляндии получил право выпускать банкноты и производить обмен российских банкнот, а также выкуп из обращения шведских банкнот (Анисимова, 2019: 158). В то же время была проведена девальвация, которая снизила стоимость денег почти на две трети. Реализация денег означала создание собственной финской денежной системы и собственного центрального банка, хотя основной государственной валютой оставался российский рубль.

Политика правления императора Николая I характеризуется ужесточением цензуры Российской империи в отношении Великого княжества Финляндского. В качестве самого жесткого проявления цензуры многие авторы называют Высочайший рескрипт, принятый в 1850 году (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 486. Л. 16; Сборник постановлений..., 1913), который налагал запрет на публикацию любой литературы на финском языке, за исключением книг религиозного и экономического содержания. По мнению Д.Е. Колесникова, цензурные запреты стали основной отправной точкой финского национализма (Колесников, 2009: 66).

Третий этап экономической политики связан в первую очередь с реформами императора-реформатора Александра II. Как справедливо отмечает С.Н. Погодин, «вступление Александра II на престол определило во многом проведение преобразований, затронувших все стороны жизни населения, от отмены крепостного права, до военной, судебной и университетской и школьной реформ» (Погодин, 2015а: 314).

Император, благодаря проведению масштабных либеральных реформ, заслужил весомый авторитет у финского народа. С 1894 года и по сегодняшний день именно его бронзовая статуя украшает Сенатскую площадь в Хельсинки. Третий этап экономической политики Великого княжества Финляндского берет свое начало в 1856 году, так как в марте этого года император лично председательствовал на заседании финляндского Сената, где были определены основные реформы в Великом княжестве (Бородкин 1908: 25). На данном заседании был представлен всеобъемлющий план развития финской промышленности. Было предложено около 60 мер, часть из которых была направлена на переход от меркантилизма к системе экономического либерализма, а другая часть – на независимое от империи экономическое развитие.

Железная дорога Хельсинки–Хямеэнлинна, открытая в 1862 году, положила начало строительству железнодорожной сети. В 1870 году железная дорога соединила Великое княжество с Санкт-Петербургом. В 1856 году было открыто судоходное движение по Сайменскому каналу между озером Сайма в Финляндии и Выборгским заливом в России. Как отмечает историк П.О. Морозов, открытие данного канала оказало существенное положительное влияние на развитие путей сообщения, результатом чего стало усиленное развитие лесной промышленности и торговли лесом (Морозов, 1895: 14).

Финляндия получила право взимать импортные пошлины с российской продукции. Таким образом, беспошлинный импорт российских иностранных товаров снизился. Увеличилось количество товаров, беспошлинно экспортируемых в Россию. Пошлины на зерновые были отменены в 1864 году.

Частный коммерческий банкинг начался с учреждения в 1862 году Финляндского объединенного банка (фин. Suomen Yhdyspankki). Позднее, в 1873 году, начал свою деятельность Банк северных стран. Всего же в период с 1862 по 1913 годы было создано 15 коммерческих банков, 12 из которых продолжали осуществлять свою деятельность в 1913 году.

В конце 1850-х годов была начата реформа технического образования. Хельсинкская техническая реальная школа (фин. (Helsingin Teknillinen reaalikoulu) к 1872 году была преобразована в политехническую школу (фин. Polyteknillinen koulu), затем в 1879 году – в политехническое училище (фин. Polyteknillinen Opisto), а в 1908 году – в Финскую высшую техническую школу

(фин. Suomen Teknillinen Korkeakoulu). Данное образовательное учреждение действует до сих пор и на сегодняшний день именуется как Технологический институт университета Аалто (фин. Aalto-yliopiston teknillinen korkeakoulu). Указом 1885 года были также учреждены промышленные школы в городах Хельсинки, Турку, Вааса, Куопио, Тампере и Виипури (Выборг).

Влияние Швеции на финское общество было по-прежнему существенным, в том числе по причине преобладания шведского языка. Постепенно произошел некий политический раскол, разделивший общество на свекоманов (поддерживающих шведский язык) и фенноманов (сторонников движения, направленного на переход со шведского языка на финский). Идеи данных политических движений были во многом полярны, за исключением одного – стремления обретения независимости по отношению к Российской империи. Вопрос о государственном языке стал особенно острым, начиная с 1880-х годов. Император Александр II, осознавая опасность влияния Швеции, принял решение поддержать фенноманов, таким образом финский язык стал государственным.

Четвертый этап экономической политики Великого княжества Финляндского связан с эпохой правления Александра III, а также его сына – Николая II. По мнению авторов, в качестве более точного указания года начала четвертого периода справедливо считать 1885 год. В этом году был издан указ, повышающий таможенные тарифы на ввоз товаров из Финляндии в Россию (Титов, 2021: 140), таким образом привилегии финских продуктов на российском рынке были существенно сужены.

Данный этап экономической политики характеризуется ростом русского национализма, в рамках которого были реализованы действия по снижению особого положения Финляндии, на что Финляндия отреагировала мерами, находящимися в ее распоряжении. Как отмечает А.В. Сосновских, Александр III и его сын Николай II изменили национальную политику всего государства, придав первостепенно важное значение так называемому «русскому» интересу (Сосновских, 2016: 126).

В 1890 году деятельность финской почтовой, денежной и таможенных систем были гармонизированы и интегрированы в систему Российской империи. В качестве еще одного фактора усиления интеграции Финляндии можно назвать активное строительство железнодорожной сети в Восточной Финляндии с целью улучшения дорожного сообщения с империей, в то время как участок, соединяющий Финляндию и Швецию, считался политически нежелательным.

Одним из ключевых событий, оказавших значительное влияние на экономическую ситуацию в стране в конце XIX века, можно назвать аграрный кризис, который нанес существенный удар по сельскому хозяйству (речь идет в первую очередь о зерне). Основным проявлением аграрного кризиса является существенное падение цен на зерно и ужесточение конкуренции между странами-экспортерами. В результате рентабельность отечественного производства зерна существенно снизилась. В 1890-е годы Россия уступила Германской империи свои позиции на рынке зерна в Великом княжестве Финляндском. В итоге это привело к тому, что Российская империя стала требовать уплаты таможенных пошлин. Конец беспошлинной торговли ослабил условия работы российских экспортных отраслей, что привело к увеличению импортных пошлин в 1886 и 1888 годах. Были введены импортные пошлины на сельскохозяйственную технику, оборудование для молочного производства, а также на прочую технику. Причем тарифы регулярно повышались, и в целом пошлины были увеличены как минимум в три раза. Таким образом, повышение тарифов Россией в 1886, 1887 и 1890 годах и попытки устранить особый статус Великого княжества Финляндского в таможенной политике привели к очередному увеличению таможенных пошлин в 1897 году. Великое княжество отреагировало на данное положение дел увеличением экспорта в страны западной Европы.

В отношении промышленного производства можно говорить о его существенном развитии на данном этапе. Если в 60-х–80-х годах XIX века промышленное производство представляли мелкие и средние предприятия, то в конце XIX – начале XX веков стало появляться все больше крупных заводов и фабрик. Также росли и количественные показатели, выраженные в росте численности самих предприятий, рабочих и общем суммарном производстве. (Бобович, 1968: 50).

В качестве еще одной из ключевых реформ, принятых в Великом княжестве Финляндском, можно назвать так называемую Парламентскую реформу 1906 года, основанную на всеобщем и равном избирательном праве, в результате которой возрастной ценз для избирательных прав составил 24 года, причем право голоса получили в том числе и женщины. Таким образом, число людей, имеющих право голоса, увеличилось в десять раз – со 126 000 до 1 273 000 человек, причем женщины Финляндии первыми в Европе получили право не только голосовать, но и быть избранными. В итоге в 1907 году на первых парламентских выборах после данной реформы было избрано 19 женщин-депутатов.

Политику, проводимую Российской империей по отношению к Великому княжеству Финляндскому в конце XIX – начале XX веков, в целом можно охарактеризовать таким понятием, как «русификация Финляндии». В 1914 году была даже обнародована программа, известная как «широкая программа русификации». Однако она так и не была воплощена в жизнь по причине первой мировой войны и революции в России (Юссилла, 2010: 114). В результате революции 1917 года Финляндия обрела независимость.

5. Заключение

В заключение статьи можно констатировать, что наиболее важным структурным фактором, определяющим политику Великого княжества Финляндского, было его положение в Российской империи. Великое княжество было автономным государством со своим законодательством, парламентом, администрацией, бюджетом и таможенной территорией. Однако политика Финляндии была частью национальной политики России.

Экономическая политика Великого княжества Финляндского разделена на четыре периода. Первостепенное значение представляет первый этап, длившийся с 1809 года по 1830-е годы, когда Финляндия стала частью Российской империи, а также была создана собственная администрация Финляндии. Важным механизмом для экономического развития стал Фридрихсгамский мирный договор от 5 (17) сентября 1809 года, в результате которого Финляндия получила свою собственную таможенную зону.

Значение второго этапа, который продлился с 1830-х до конца 1850-х годов, заключается в первую очередь в преодолении Финляндией экономической зависимости от Швеции и более тесной интеграции региона в Российскую империю. Третий период был начат программой реформ, продиктованной императором Александром II в 1856 году, которая осуществила переход страны от меркантилизма к системе экономического либерализма. Четвертый период начался в 1885 году, когда Россия начала политику, направленную на подрыв достигнутой политической и экономической автономии. В то же время европейский аграрный кризис вызвал реструктуризацию сельского хозяйства. Концом четвертого периода является 1917 год, когда Финляндия обрела независимость.

Литература

- Андреева, 2015 – Андреева Т.В. Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг. // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 2 (06). С. 52-78.
- Анисимова, 2019 – Анисимова Д.В. Монетарные реформы Великого княжества Финляндского в контексте интеграционной политики Российской империи // *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 3. С. 157-166.
- Бобович, 1968 – Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968. 191 с.
- Бородкин, 1908 – Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II / М. Бородкин. СПб.: Гос. тип., 1908. XVIII, 571 с.
- Витухновская-Каушпала, 2012 – Витухновская-Каушпала М. «Он снова с нами!» Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. / Коллектив авторов // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 262-281.
- Гинзбург, Хащина, 2019 – Гинзбург Ю.В., Хащина Э.Э. Выход Польши и Финляндии из состава России: историко-правовые аспекты // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2019. № 2. С. 123-136.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Звонарев, 2016 – Звонарев А.В. Правовое положение финляндского сейма по сеймовому уставу Великого княжества Финляндского 1869 года // *Российское государственное управление*. 2016. № 3. С. 66-73.
- Колесников, 2009 – Колесников Д.Е. Финское национальное пробуждение как политический феномен (в период правления Николая I) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009. № 5. С. 64-68.
- Морозов, 1895 – Морозов П.О. Финляндия в торгово-промышленном отношении / Министерство финансов. Деп. торговли и мануфактур. СПб.: Тип. Б. Брауде. 1895. 91 с.
- Мирской вестник, 1872 – *Мирской вестник*. № 61. 1872.
- Новикова, 1997 – Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // *Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сборник статей* / Отв. ред. Савельев П.И. Московский общественный научный фонд. 1997. С. 130-149.
- Погодин, 2015a – Погодин С.Н. Реформы Александра II в Великом княжестве Финляндском // *Россия в глобальном мире*. 2015. № 7 (30). С. 314-324.
- Погодин, 2015b – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сборник постановлений..., 1913 – Сборник постановлений Великого княжества Финляндского узаконений и правительственных распоряжений. 1913.
- Сосновских, 2016 – Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX – начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*. 2016. № 11. С. 125-129.

Тетерина, 1995 – Тетерина Е.Е. Таможенное законодательство Великого княжества Финляндского в первой половине XIX века // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1995. № 1. С. 108-114.

Филонов, 2019 – Филонов А.В. Особенности правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2019. № 4. С. 60-64.

Хьерппе, Хьерппе, 2017 – Хьерппе Р.Т., Хьерппе Р.Т. Экономика великого княжества финляндского и русская революция 1917 г. // *Экономическая история*. 2017. Т. 13. № 4. С. 9-18.

Юссила, 2009 – Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. 860 с.

Юссила и др., 2010 – Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. М., 2010. 471 с.

Belousov, Abdullaev, 2020 – Belousov M.S., Abdullaev Y.S. The Foreign Context of the Integration Process of Finland into the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 549-557.

Titov, 2021 – Titov V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.

References

Andreeva, 2015 – Andreeva, T.V. (2015). Nikolai I i finlyandskii vopros. 1830–1831 gg. [Nicholas I and the Finnish Question. 1830–1831]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2(06): 52-78. [in Russian]

Anisimova, 2019 – Anisimova, D.V. (2019). Monetarnye reformy Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v kontekste integracionnoj politiki Rossijskoj imperii [Monetary reforms of the Grand Duchy of Finland in the context of the Integration policy of the Russian Empire]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 3: 157-166. [in Russian]

Belousov, Abdullaev, 2020 – Belousov, M.S., Abdullaev, Y.S. (2020). The Foreign Context of the Integration Process of Finland into the Russian Empire. *Bylye Gody*. 56 (2): 549-557.

Bobovich, 1968 – Bobovich, I.M. (1968) Russko-finlyandskie ekonomicheskie otnosheniya nakanune Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii [Russian-Finnish economic relations on the eve of the Great October Socialist Revolution]. Lenigrad. 191 p. [in Russian]

Borodkin, 1908 – Borodkin, M.M. (1908). Istoriya Finlyandii. Vremya imperatora Aleksandra II [History of Finland. Time of Emperor Alexander II]. SPb., 571 p. [in Russian]

Filonov, 2019 – Filonov, A.V. (2019). Osobennosti pravovogo statusa Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sostave Rossijskoj imperii [Features of the legal status of the Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 5: 60-64. [in Russian]

Ginzburg, Hashchina, 2019 – Ginzburg, Yu.V., Hashchina, E.E. (2019). Vyhod Pol'shi i Finlyandii iz sostava Rossii: istoriko-pravovye aspekty [The withdrawal of Poland and Finland from Russia: historical and legal aspects]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs*. 2: 123-136. [in Russian]

Hjerppe, Hjerppe, 2017 – Hjerppe, R.T., Hjerppe, R.T. (2017). Ekonomika velikogo knyazhestva finlyandskogo i russkaya revolyuciya. [The economy of the grand duchy of Finland and the russian revolutions 1917]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 13(4): 9-18.

Kolesnikov, 2009 – Kolesnikov, D.E. (2009). Finskoe nacional'noe probuzhdenie kak politicheskij fenomen (v period pravleniya Nikolaya I) [Finnish National Awakening as a political phenomenon (during the reign of Nicholas I)]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 5: 64-68. [in Russian]

Mirskoj vestnik, 1872 – *Mirskoj vestnik*. 61. 1872. [in Russian]

Morozov, 1895 – Morozov, P.O. (1895). Finlyandiya v torgovo-promyshlennom otnoshenii [Finland in terms of trade and industry]. Ministerstvo finansov. Dep. torgovli i manufaktur. SPb., 91 p. [in Russian]

Novikova, 1997 – Novikova, I.N. (1997). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v imperskoj politike Rossii [The Grand Duchy of Finland in the Imperial Policy of Russia]. Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX veka): Sbornik statei. Otv. red. Savel'ev P.I. Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. Pp. 130-149. [in Russian]

Pogodin, 2015a – Pogodin, S.N. (2015). Reformy Aleksandra II v Velikom knyazhestve Finlyandskom [Reforms of Alexander II in the Grand Duchy of Finland]. *Rossiya v global'nom mire*. 7(30): 314-324. [in Russian]

Pogodin, 2015b – Pogodin, S.N. (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Sbornik postanovlenij..., 1913 – Sbornik postanovlenij Velikogo knyazhestva Finlyandskogo uzakonenij i pravitel'stvennyh rasporyazhenij (1913). [in Russian]

Sosnovskikh, 2016 – Sosnovskikh, A.V. (2016). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Finlyandii v period kontsa XIX – nachala XX vekov i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v gosudarstve

[The national policy of the Russian Empire in relation to Finland during the late XIX – early XX centuries and its influence on the development of the crisis in the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. 11: 125-129. [in Russian]

Teterina, 1995 – Teterina, E.E. (1995). Tamozhennoe zakonodatel'stvo Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v pervoj polovine XIX veka [Customs legislation of the Grand Duchy of Finland in the first half of the XIX century]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 1: 108-114. [in Russian]

Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.

Vituhnovskaya-Kauppalä, 2012 – Vituhnovskaya-Kauppalä, M. (2012) «On snova s nami!» Aleksandr II v istoricheskoy pamyati finnov v nachale XX v. [«He's back with us!» Alexander II in the historical memory of the Finns at the beginning of the XX century]. Group of authors. Aleksandr II. Tragediya reformatora: lyudi v sud'bah reform, reformy v sud'bah lyudej: sbornik statej. SPb., Pp. 262-281. [in Russian]

Yussila, 2009 – Yussila, O. (2009). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1809–1917 [Grand Duchy of Finland, 1809–1917]. Helsinki, 860 p. [in Russian]

Yussila i dr., 2010 – Yussila, O., Khentilya, S., Nevakivi, Yu. (2010). Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–2009 [Political history of Finland, 1809–2009]. M., 471 p. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Zvonarev, 2016 – Zvonarev, A.V. (2016). Pravovoe polozhenie finlyandskogo sejma po sejmovomu ustavu Velikogo knyazhestva Finlyandskogo 1869 goda [The legal status of the Finnish Seimas according to the Seimas Charter of the Grand Duchy of Finland of 1869]. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie*. 3: 66-73. [in Russian]

Экономико-политическое развитие Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.)

Иван Сергеевич Денисов ^{a, b, *}

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена экономическому и политическому развитию Великого княжества Финляндского с 1809 по 1917 гг. Автор рассматривает политическое и экономическое положение региона на протяжении всего периода существования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, а также предпосылки присоединения Финляндии к империи. Статья описывает политическое устройство, а также порядок формирования и осуществления управления в Великом княжестве. Также подробно рассмотрены полномочия органов законодательной, исполнительной и судебной власти, в том числе и формы их фактического исполнения своих функций. В статье определены четыре основных этапа экономической политики Великого княжества Финляндского: первый – с 1809 по 1830-е годы, второй – с 1830-х до конца 1850-х годов, третий – с конца 1850-х до середины 1880-х годов и четвертый – с середины 1880-х до конца Первой мировой войны. Исследование включает в себя подробный анализ каждого из данных этапов, а также в нем рассматриваются ключевые реформы и исторические события, оказавшие значительное влияние на экономическое и политическое развитие края. Особое внимание уделено реформам Александра II (известного как император-реформатор), внесшего значительный вклад в успешное развитие региона. Сформулированы выводы в отношении важного значения так называемого «русского периода» в истории Финляндии. Эмпирическое исследование проводилось на основе сравнительно-исторического метода с опорой на вторичные источники, в числе которых и дореволюционная литература.

Ключевые слова: Российская империя, Великое княжество Финляндское, реформы, экономическое развитие, политическое развитие.

* Корреспондирующий автор

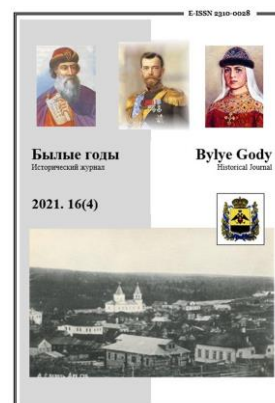
Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1737-1750
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1737

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Civilization Mission of the Russian Empire in Central Asia in the 19th century (Based on Materials from the State Archive of the Orenburg Region)

Valerii L. Muzykant ^{a,*}, Galina N. Trofimova ^a, Valerii D. Takazov ^a, Almas Kalimoldaev ^b

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^b Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The work examines the civilizational mission of the Russian Empire in Central Asia in the XIX century on the basis of archival sources. The attention is paid to the main types of crimes, such as kidnapping, murder, robbery of merchant caravans, sea robbery, barymta, as well as the system of punishment for these crimes.

The inventory No. 10 (1st, 2nd, 3rd and 4th parts) of the State Archive of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation) of the Fund No. 6 was used as materials, which presents the cases of the border department of the office of the Orenburg Governor-General.

In conclusion, the authors state that in the first half of the XIX century, the Russian Empire in Central Asia faced a whole range of serious criminal acts, namely kidnapping and slave trade, murders, robbery of trade caravans and fishing vessels, nomad raids and barymta (abduction of horses and cattle). Only in the state archive of the Orenburg region about 2 thousand archival files were devoted to these issues. The illegal acts involved, especially at the initial stage, not only the nomads of the Kyrgyz steppe, but also the Kyrgyz who are part of Russia (the Inner Horde).

Since 1820, Russia has been working tirelessly to spread literacy in the steppe, provide medical and humanitarian assistance, attract local people to service (first as postmen, then as guards for sultans and caravans, and then until entering the civil service after graduating from Russian educational institutions). Thanks to this, the steppe began to change, this process was long and complicated, but in general, by the 1870s, the number of criminal offenses in the region was minimized, and Central Asia was able to adopt many initiatives proposed by the Russian administration.

Keywords: Central Asia, Khiva, Bukhara, the Inner Horde, nomads, Kyrgyz steppe, Russian Empire, Persia.

1. Введение

К началу XIX века Российская империя вышла на границы с Центральной Азией (значительная часть этой территории сегодня в составе Республики Казахстан). В 1801 г. из части территории Киргизской степи было создано и включено в состав Российской империи Бекеевское ханство, которое также было известно как Внутренняя орда. С этого времени Российская империя вступила в цивилизационный диалог, пытаясь найти точки соприкосновения как с вступившим в состав России населением, так и с кочевниками и центральноазиатскими ханствами (Хивинским и Бухарским). Кочевой образ жизни местного населения, укоренившиеся традиции набеговых практик – все это привело к тому, что практически сразу русской администрацией начало фиксироваться большое количество случаев похищений и продажи русских людей, грабежей и массовый угон лошадей (барымта). В данной работе

* Corresponding author

E-mail addresses: muzykant_vl@pfur.ru (V.L. Muzykant)

делается попытка рассмотреть спектр действий российской администрации, направленный на прекращение асоциального поведения населения Киргизской степи.

2. Материалы и методы

В качестве материалов была использована опись № 10 (1–4 части) фонда № 6 Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), в которой представлены дела пограничного отделения канцелярии оренбургского генерал-губернатора.

В 1-й части 10-й описи – 2 175 архивных дел, которые охватывают период с 28 апреля 1795 г. по 2 января 1819 г.

Во 2-ю часть 10-й описи внесено 2 425 архивных дел. Они охватывают период с 3 января 1819 г., хотя среди документов иногда попадаются и более ранние.

В 3-ю опись включены 2 356 архивных дел. Документы 3-й описи охватывают период с 4 января 1835 г., хотя и здесь есть более ранние исключения.

В 4-й описи 2 369 архивных дел. Документы этой описи охватывают период с мая 1850 г.

Всего в коллекции 10-й описи насчитывается 9 335 архивных дел.

В исследовании в качестве одного из главных методов использована теория модернизации традиционного общества, с помощью которой можно рассматривать процесс трансформации населения Киргизской степи под влиянием русской цивилизации. В работе был также применен метод объективности, который позволил рассмотреть все случаи цивилизационного диалога, в том числе и непопулярные. Важное значение было также уделено хронологическому методу, благодаря которому мы рассмотрели события в их хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Вопросы взаимоотношений Российской империи с центральноазиатскими ханствами периода XVIII–XIX вв. в последнее время активно изучаются. Исследователи обращают внимание на социально-экономические, политические и военные аспекты диалога между Хивинским и Бухарским ханствами, с одной стороны, и Российской империей – с другой.

Так, например, Р.Ю. Почекаев рассматривал особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Центральной Азии (Почекаев, 2015), позднее этот же автор анализировал использование российских войск в среднеазиатских протекторатах (Почекаев, 2020). В то же время Г.Б. Избассарова исследовала сложный процесс интеграции азиатов в российское пространство на примере султана Кайпгали Ишимова (Izbassarova, 2020). S.P. Poullada сделал попытку рассмотреть каспийский фронт до Большой игры (Poullada, 2018).

В последнее время исследователями делались попытки рассмотреть и такую сравнительно слабоизученную проблему, как рабство в Центральной Азии. Так, например, группа авторов – И.А. Ермачков и другие – привлекла в качестве источника дело о возвращении 80 русских пленников из Хивы (Ermachkov, 2021). В то же время другая группа авторов – С.В. Зинковский и другие – сделала попытку рассмотреть азиатское рабство в сравнении его с рабством на Кавказе (Zinkovskii et al., 2021).

Обращались авторы и к сугубо военным аспектам покорения Азии. Так, М.Г. Тарасов рассмотрел поход казаков на Хиву в 1839–1840 гг. (Tarasov, 2021). И.А. Зварцев уделил внимание такому аспекту, как окончательное завоевание Туркестана Российской империей (Зварцев, 2021). Близкая по тематике работа подготовлена Е.В. Годовой – «Присоединение Средней Азии к России: особенности военно-походной повседневности казаков в Хивинском походе 1873 г.» (Годовова, 2019)

С.С. Вдовин и Ж.З. Сыздыкова рассматривали этнический состав и территориальное устройство Хивинского ханства в XVIII–XIX вв. (Вдовин, Сыздыкова, 2021). Р.Т. Ганиев изучал хивинскую проблему Российской империи (Ганиев, 2013). К кризисным явлениям в развитии среднеазиатского направления внешней торговли России на оренбургском направлении в первой четверти XIX века обратился С.В. Любичанковский (Любичанковский, 2017). Вопросами водворения русской государственности в Центральной Азии занималась Ш. Мухамедина (Мухамедина, 2016).

4. Результаты

Весьма примечательно, что уже первое архивное дело от 28 апреля 1795 г. было посвящено переписке о попытках налаживания мирных взаимоотношений с Бухарой и киргиз-кайсацкими ордами, а также борьбе с набегами кочевников на купеческие караваны (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1).

Вызовы, с которыми пришлось столкнуться Российской империи, многочисленны: это и похищения людей, работорговля, грабежи караванов и судов, убийства и наиболее распространенное – барымта (к ней относилось похищение лошадей и крупного рогатого скота). Борьбу с этими укоренившимися в народе преступлениями и пришлось вести администрации Российской империи в Центральной Азии на протяжении почти всего XIX века.

Рис. 1. Карта центральноазиатских территорий в XIX веке

Для представления масштабов преступности в регионе мы свели данные в [Таблицу 1](#). Необходимо пояснить, что здесь речь идет только о преступлениях, зафиксированных в переписке, отложившейся только в Оренбурге (в канцелярии оренбургского генерал-губернатора). Но даже эта неполная картина дает представление о масштабах преступности в регионе.

Таблица 1. Количество дел о преступлениях за 1795–1880 гг.

Годы	Плен, рабство		Грабежи		Барымта
	Захвачено	Освобождены из плена	Караваны	Прочие	
1795	Д.н. ¹	Д.н.	Д.н.	1	Д.н.
1796	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.
1797	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.
1798	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.
1799	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.
1800	Д.н.	Д.н.	Д.н.	1	Д.н.
1801	Д.н.	Д.н.	Д.н.	1	Д.н.
1802	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.	Д.н.
1803	2	-	1	1	2
1804	1	5	-	4	22
1805	4	3	-	9	15
1806	6	-	-	8	8
1807	10	-	-	6	19
1808	7	4	-	3	22
1809	8	7	-	8	31
1810	1	3	-	7	13
1811	4	-	-	7	12
1812	5	9	-	5	15
1813	2	5	-	15	20
1814	6	4	-	9	40
1815	6	2	2	3	22
1816	3	2	-	4	26
1817	5	4	2	10	23
1818	6	7	1	10	24
1819	1	3	2	15	23

¹ Данных нет.

1820	4	9	1	8	29
1821	3	-	1	9	47
1822	15	7	1	16	68
1823	20	9	-	20	44
1824	8	7	-	9	40
1825	7	2	-	1	4
1826	8	2	-	4	3
1827	3	1	-	3	1
1828	2	3	-	6	6
1829	2	6	2	5	5
1830	4	5	1	4	19
1831	2	8	-	9	10
1832	4	6	-	10	20
1833	5	6	1	10	11
1834	1	4	-	10	15
1835	1	11	-	7	23
1836	3	6	-	12	14
1837	-	3	1	13	11
1838	2	6	-	14	13
1839	-	5	1	8	6
1840	2	1	1	8	8
1841	-	5	-	7	8
1842	2	3	-	10	6
1843	1	1	1	10	6
1844	1	-	-	4	5
1845	1	2	2	7	7
1846	-	2	1	11	10
1847	2	3	3	18	9
1848	2	1	1	7	17
1849	2	3	1	8	24
1850	-	5	-	10	6
1851	-	2	-	14	11
1852	-	1	-	14	7
1853	1	8	2	6	6
1854	-	1	-	6	12
1855	-	4	-	10	6
1856	-	-	1	5	3
1857	-	2	2	9	6
1858	-	2	-	6	-
1859	-	1	-	4	2
1860	-	1	1	-	1
1861	-	-	-	1	-
1862	-	2	1	1	-
1863	-	1	-	2	2
1864	-	1	-	1	5
1865	-	-	-	5	1
1866	-	1	-	4	1
1867	-	-	1	2	5
1868	-	-	-	1	2
1869	1	1	-	2	-
1870	-	-	1	-	-
1871	-	1	1	1	-
1872	-	-	-	1	4
1873	-	1	-	-	-
1874	-	-	-	1	-
1875	-	-	-	-	2
1876	-	-	-	-	-
1877	-	-	-	-	1
1878	-	-	-	-	1
1879	-	-	-	-	1

1880	-	-	-	2	-
Итого	186	220	37	503	911

Таблица 1 разделена на три части преступлений: первая – это захват людей в плен, здесь мы выделили также количество дел об освобождении из плена; вторая – грабежи, включает в себя набеги, ограбления, убийства. Отдельно мы выделили информацию об ограблениях торговых караванов; третья и самая массовая часть дел – это барымта, а именно кража лошадей и крупного рогатого скота. Важно отметить, что примерно в 10 % случаев в одном деле содержались и ограбления, и барымта, а иногда и похищение людей, в таких случаях дело указывалось по тяжести преступления – либо в похищении, либо в грабежах. Об объемах уголовных дел по данным преступлениям дает представление часть «Итого» **Таблицы 1**.

Документов в Государственном архиве Оренбургской губернии за период с 1795 по 1802 гг. практически нет, ввиду этого в **Таблице 1** в указанные годы во многих графах мы поставили значение «данных нет».

В начале XIX века Российская империя имела протяженную государственную границу с центральноазиатскими соседями, которая начиналась от Каспийского моря и до границы с Китаем. На протяжении первой половины XIX века большую проблему для русской администрации представляли практически не управляемые племена кочевников, которых в то время называли киргизами или туркменами. На прекращение бесчинств банд рабозахватчиков на русской территории и будет направлена деятельность Российской империи.

Нужно понимать, что похищение (людей и лошадей), а также работорговля существовали в значительных размерах в Центральной Азии. Спрос на пленников был очень высок, так как трудом рабов (персов и частично русских) обрабатывались земельные участки в Хивинском и Бухарском ханствах. Кочевники поставляли этих рабов, а взамен получали необходимые им зерновые товары. По мере усиления России на границе с Центральной Азией встал вопрос и о прекращении набегов на русскую территорию. В начале XIX века Центрально-Азиатский регион представлял собой подобие слоеного пирога, где между границей России, с одной стороны, и Хивой и Бухарой – с другой, были вассальное казахское ханство Внутренняя орда (другое ее название Букеевская орда) в составе Российской империи и децентрализованные кочевники. Особенно на начальном этапе своей цивилизационной миссии русским приходилось изменять мировоззрение как кочевникам, так и представителям Внутренней орды.

Для лучшей визуализации количество дел по конкретным видам преступлений мы представили на **Рисунках 2–5**.

Убийства, похищения, работорговля

Согласно данным **Рисунка 2**, видно, что первые случаи захвата пленников кочевниками, отраженные в документах Государственного архива Оренбургской области, относятся к 1803 г. Пик такой активности кочевников приходится на 1823 г., после чего начинает снижаться, а с 1850-х гг. дела о похищении людей практически прекращаются, исключение составляет только одно дело в 1869 г.

Рассмотрим некоторые случаи этих захватов, а также меры наказания как за захваты, так и за работорговлю.

В 1817 г., по всей вероятности при попытке захвата в плен, на рыбных промыслах были убиты русские крестьяне (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1786). В том же 1817 г. за работорговлю преступников наказывали кнутом (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1897). В 1818 г. был захвачен в плен и убит рыбопромышленник (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6282а). В 1822 г. за незаконный переход русской границы и похищение двух русских крестьян преступников наказывали кнутом и ссылкой на каторгу (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2901).

В 1823 г. в Каспийском море были захвачены в плен русские рыбаки (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3010). Чтобы прекратить налеты и захват рыбаков, в Степь в сентябре 1823 г. была направлена русская военная экспедиция (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3040а).

В 1824 и 1825 гг. произошло 4 захвата русских людей на рыбном промысле (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3199; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3209; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3233; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3275). В 1824 г. за захват русских людей в плен ссылали в Иркутскую губернию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3236).

В 1831 г. за убийство стали также ссылат в Сибирь (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3731/1).

В 1832 г. были вновь захвачены в плен рыбопромышленники (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3836).

В 1834 г. в целях защиты рыбаков был установлен военный пост на берегу Каспийского моря (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4128). Но и это не помогло. Рыбаки были вновь захвачены (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4188). Для задержания разбойников в Степь был сразу же отправлен казачий отряд (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4248).

Захваты русских рыбаков в море в 1835 и 1836 гг. продолжались (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4529; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4546).

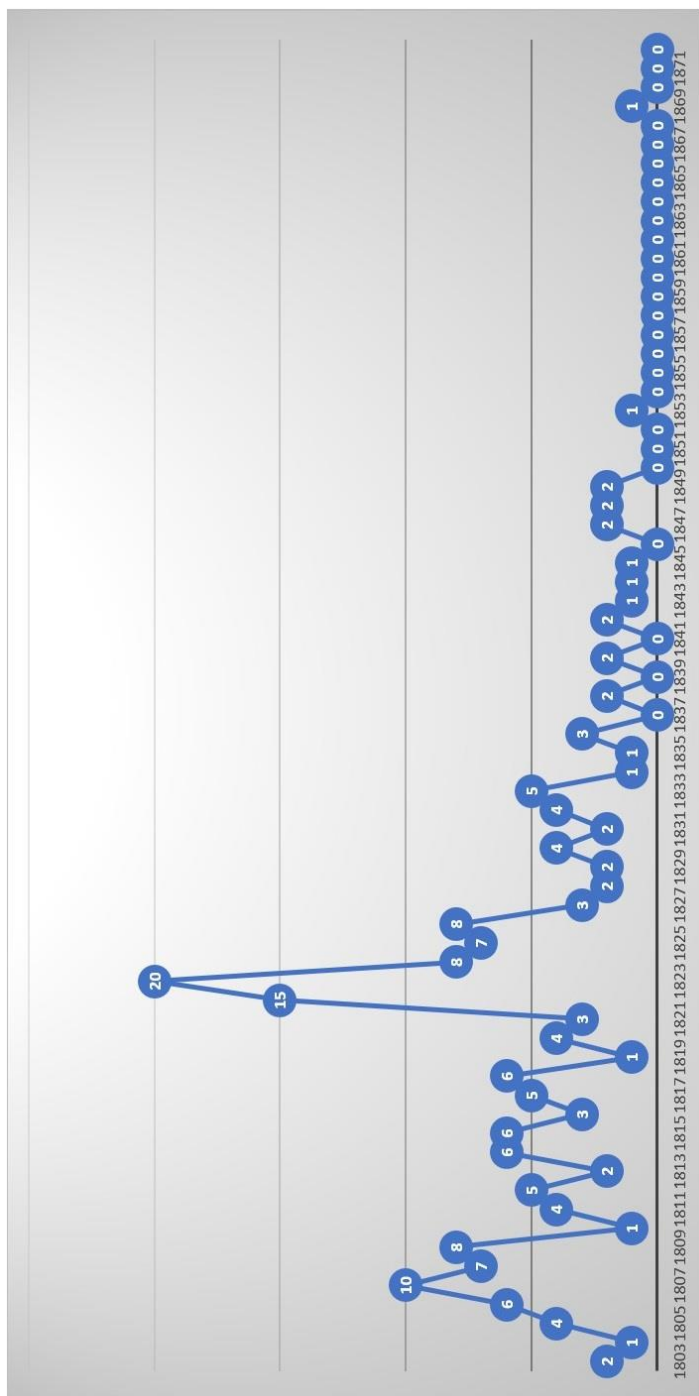

Рис. 2. Количество дел о похищении людей киргизами (1803 – 1871 гг.)

Для предотвращения морского разбоя на Оренбургской линии были задержаны хивинские купцы. Русская администрация требовала возвращения россиян (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4537).

В 1836 г. с целью усмирить киргизов в Степь был отправлен экспедиционный отряд (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4549), и с этого же времени киргизов, виновных в разбое, убийствах, захвате русских людей, начали предавать военному суду (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4564).

В 1838 г. также отправлялись казачьи отряды для усмирения киргизов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875г). В 1839 г. в Степь отправлялась казачья команда для поиска банд (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4970).

В 1839 г. сразу 80 русских пленников были возвращены в Россию из Хивинского ханства (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993).

В 1847 г. на Каспийском море были вновь захвачены рыбаки (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5882), в следующем году захват рыбаков повторялся (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5941). Для пресечения налетов на рыбаков с 1848 г. начал применяться выход в море русских военных шхун (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5960).

В 1850 г. из бухарского плена были освобождены русские пленные (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6380).

Борьба с грабежами

На [Рисунках 3 и 4](#) мы представили количество дел о грабежах торговых караванов (1803–1879 гг.) и количество дел о других тяжких преступлениях, в том числе убийствах (1801–1877 гг.)

Первый случай документальной фиксации грабежа торгового каравана был зарегистрирован в документах Государственного архива Оренбургской области в 1803 г. ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 17](#)), а первый случай грабежа рыбопромышленников в Каспийском море был зафиксирован 3 августа 1811 г. ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 834/15](#)). В декабре 1814 г. был ограблен купец ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1148](#)). В 1815 г. были ограблены сразу два торговых каравана: в июле и в сентябре ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1299](#); [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1342](#)). С целью защиты торговых караванов в Степи с 1815 г. русской администрацией стала применяться вооруженная охрана ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1352](#)) из представителей казахского населения. Под ограбления попадали и служащие почты. В 1817 г. за ограбление почты преступники наказывались плетью ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1561](#)). При отягчающих обстоятельствах их отправляли на каторгу ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1642](#)).

В мае 1817 г. был ограблен еще один торговый караван ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1598](#)). С этого времени за грабежи караванов преступников стали наказывать кнутом и отправлять на каторгу ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1778](#)).

Тем не менее нападения на караваны не прекращались. В июне 1818 г. нападение было совершено еще на один караван ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1877](#)), а в 1819 г. – еще на два ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1949](#); [ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1999](#)). Для освобождения хивинского каравана из плена 29 мая 1819 г. в Киргизскую степь был направлен казачий отряд ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2044](#)).

12 июня 1819 г. кочевники впервые ограбили целое русское рыболовецкое судно, до этого нападения совершались только на рыбацкие лодки ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2065](#)).

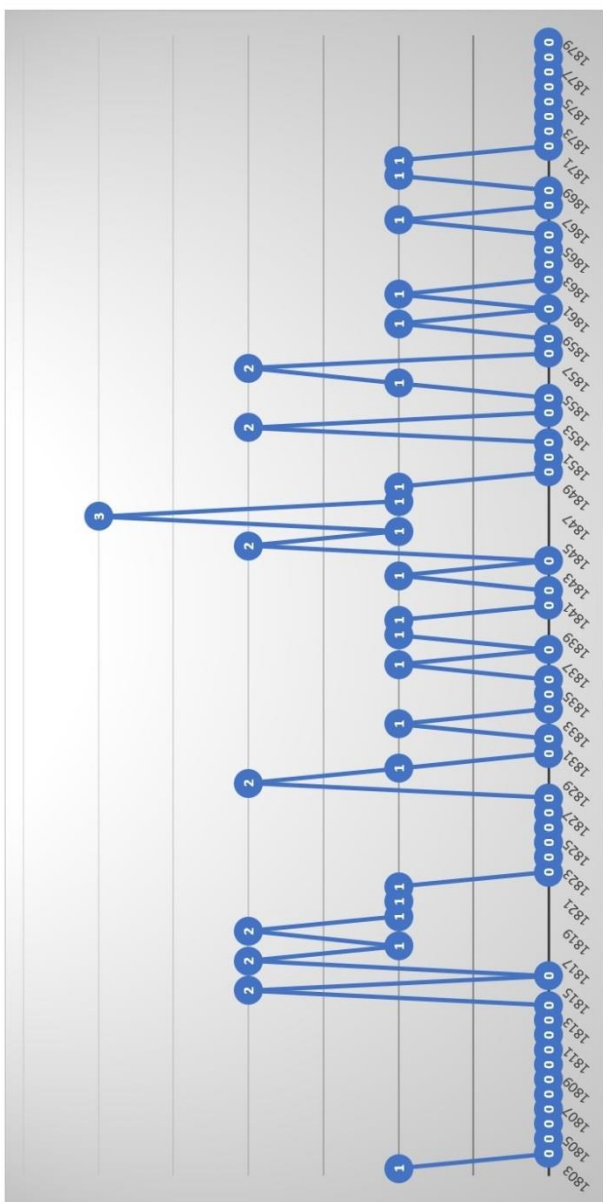

Рис. 3. Количество дел об ограблении торговых караванов (1803–1879 гг.)

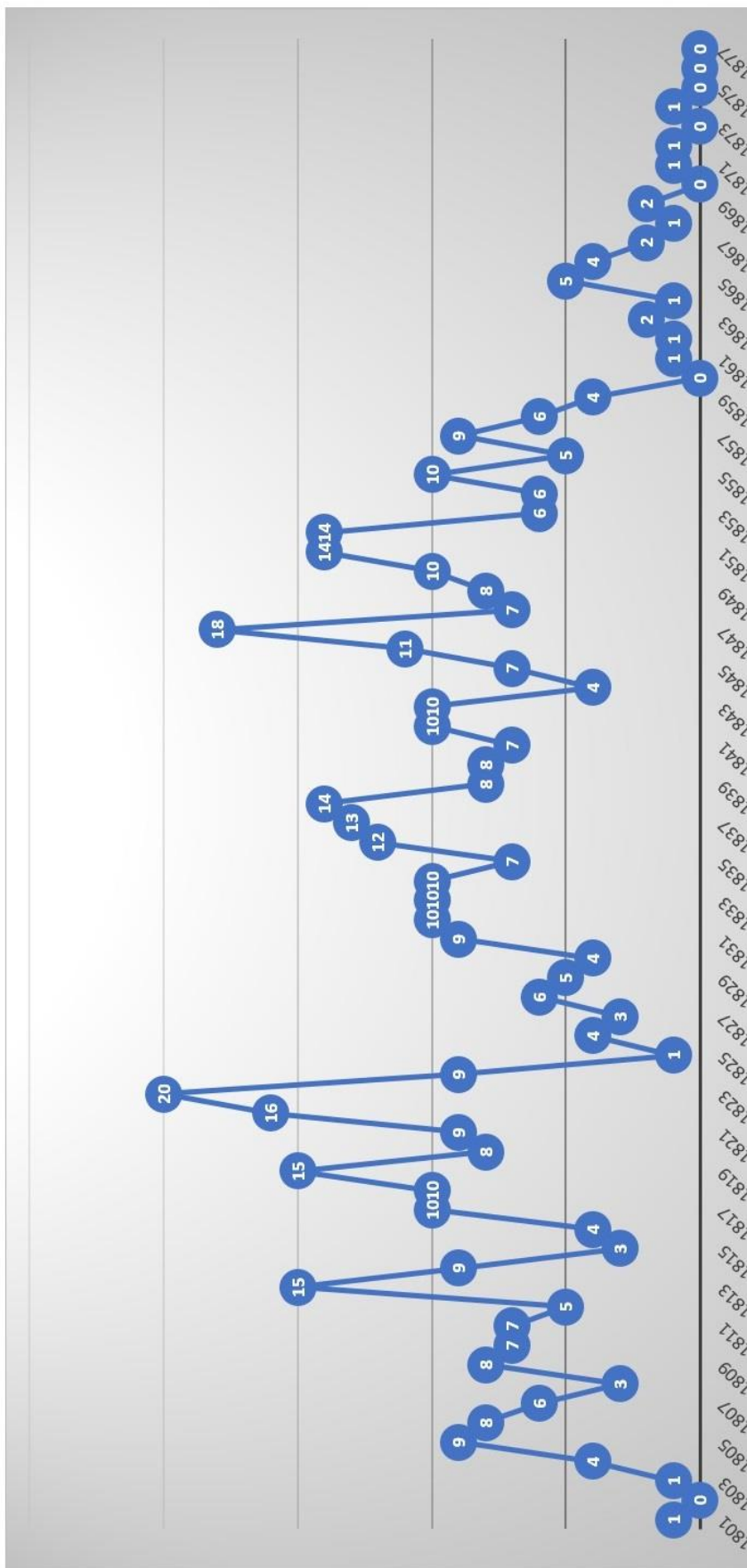

Рис. 4. Количество дел о других ограблениях, в том числе убийствах (1801–1877 гг.)

В 1829 г., в мае и декабре, были ограблены два каравана, один из которых бухарский (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3550; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3566). Важно пояснить, что между Бухарой и Хивой в

рассматриваемое время было соперничество за право ведения торговли с русскими. При этом соперничающие ханства подстрекали кочевников на разграбление конкурентных караванов.

В 1833 г. русскими за ограбление каравана стала применяться мера возмещения ущерба (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4106).

В 1837 г. ограбление торговых караванов повторилось (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4642). Они были ограблены и в 1839 г., и в 1840 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5014; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5089). Грабежи караванов продолжались и в 1843 г., и в 1845 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5377; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5620).

К концу 1840-х гг., понимая, что за похищение рыбаков следует практически неотвратимая кара, киргизы начинают практиковать ограбления рыбаков. Такой случай был зафиксирован в 1847 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5818). В тот же год был вновь ограблен торговый караван (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5866).

В 1849 г. были вновь ограблены киргизы-почтари (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6220), в 1851 г. подобное преступление повторилось (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6554).

В 1853 г. Был ограблен торговый караван (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6844).

В 1854 г. почтари ограблены вновь (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6997), а в 1856 и 1857 гг. ограблены еще 2 каравана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7246; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7280).

В 1866 г. было зафиксировано ограбление на рыбном промысле (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8099), а в 1867 г. шайкой был ограблен торговый караван (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8180).

Ограбление каравана произошло и в 1870-м г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8309), аналогичное ограбление было зафиксировано и в 1871 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8330).

Борьба с барымтой

На [Рисунке 5](#) представлена выборка дел о барымте в период 1803–1879 гг.

Согласно документам Государственного архива Оренбургской области, первые случаи барымты были зафиксированы еще в 1804 г., когда были похищены в двух краях 700 и 1,5 тыс. лошадей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 43; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 86). Уже в 1810-е гг. с целью предотвращения барымты (массового угона лошадей и другого крупного скота) русская администрация начала применять высылку преступников во внутренние регионы Российской империи (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1072), как правило на Русский Север. Годные к военной службе преступники за барымту отправлялись на службу в Киевский гарнизон (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1100). Иногда за этот вид преступления наказывали розгами (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1350), а в случае отягчающих обстоятельств отправка на службу в Киевский гарнизон и розги применялись в качестве наказания одновременно (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1479).

В ноябре 1820 г. с целью прекратить похищение лошадей русская администрация рассматривала идею увеличения количества казачьих пикетов на границе (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2360).

В 1833 г. за барымту наказывали палками (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4088).

В 1836 г. был осуществлен один из самых громких угонов лошадей. За один раз было угнано 4 226 лошадей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4509).

В 1838 г. был зафиксирован случай, когда за похищение лошадей сослали преступника в Лифляндский инженерный округ (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4786).

В 1845 г. киргизы угнали табун из 500 лошадей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5649), а в 1846 г. – 1,8 тыс. лошадей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5744). В 1847 г. было угнано 950 лошадей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5816).

В 1848 г. на барымту отреагировал даже Правительствующий сенат Российской империи, который опубликовал указ от 12.02.1848 г. № 8250 о борьбе с конокрадством (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5996).

В 1849 г. было несколько крупных угонов: 300 (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5944) и 400 лошадей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6224).

В 1864 г. в барымте стали участвовать только шайки известных лиц (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7927; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8060).

Эволюция мировоззрения

На эволюцию мировоззрения серьезное воздействие оказывали как репрессивные, так и поощрительные меры. Рассмотрим эти примеры в хронологическом порядке.

Так, за побег из-под стражи в начале 1820-х гг. провинившихся наказывали плетью (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2565), за ложный донос – палками (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2566). Нужно понимать, что в это время ситуация даже во Внутренней орде была неспокойной. В 1822 г. султан Средней орды просил у оренбургского генерал-губернатора выделить воинский отряд для защиты его самого от набегов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2628).

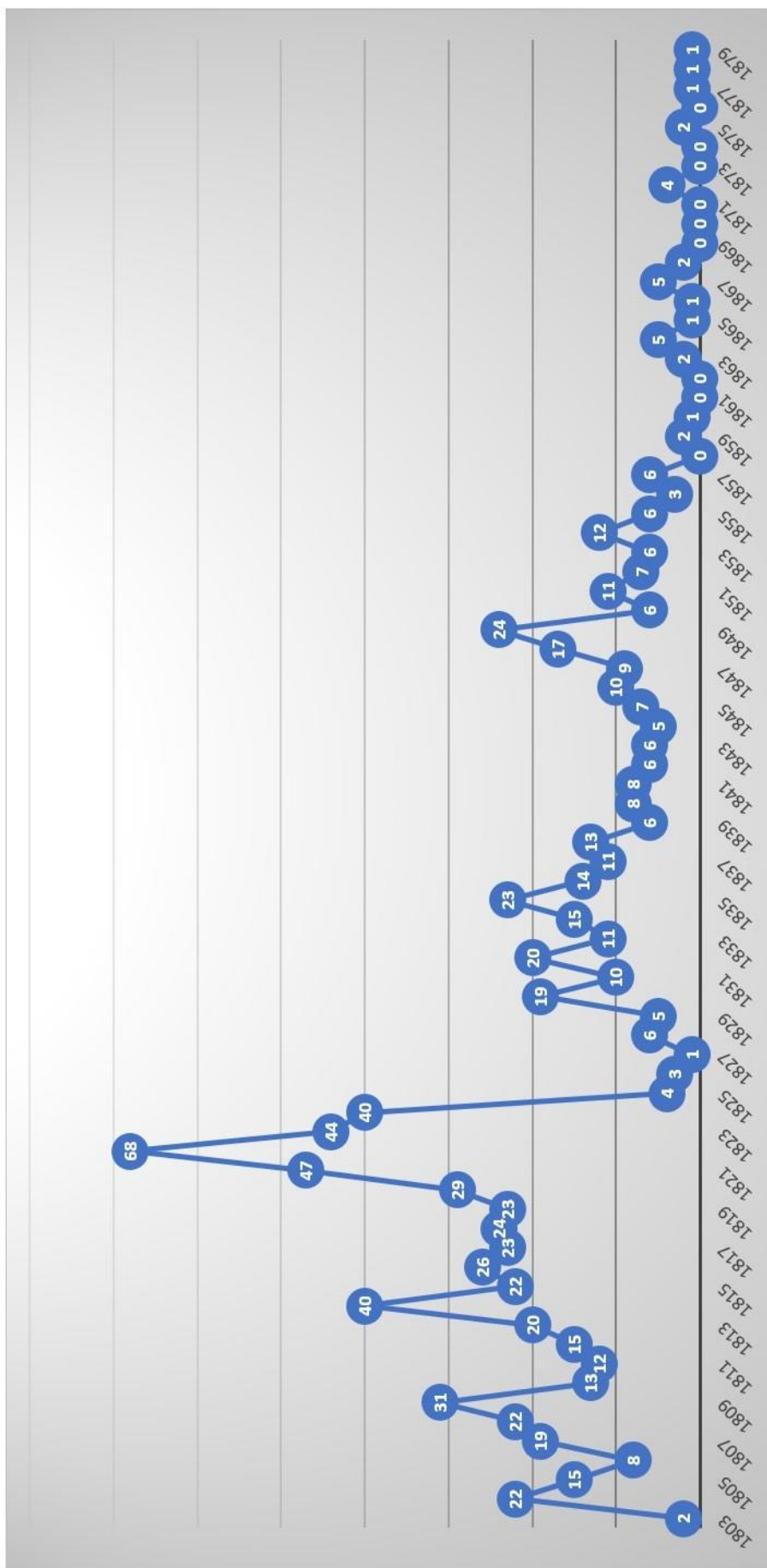

Рис. 5. Количество дел о баранте (похищении лошадей, в том числе домашнего скота) (1803–1879 гг.)

Уже в 1820 г. во Внутренней орде делались попытки начать обучение киргизских детей грамоте (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2254), а в 1824 г. во Внутренней орде правительством была осуществлена покупка киргизских и калмыцких девочек для переселения в Западную Сибирь, где существовала большая нехватка женского населения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3234).

Сильно наказывалось бродяжничество. В 1830-м г. за бродяжничество выселяли в Иркутскую губернию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3688). Необходимо пояснить, что бродяги часто сообщали информацию об увиденном преступникам и, по сути, наводили их на объект грабежа.

26 марта 1831 г. был зафиксирован первый случай изнасилования (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3747). Нужно понимать, что обычно о таких фактах информация не сообщалась, так как была связана с бесчестием женщины. Тем не менее несколько таких случаев было официально зафиксировано.

В 1833 г. начались работы по перенесению пограничной линии дальше в Киргизскую степь (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4290), это должно было резко сократить количество набегов кочевников на русскую территорию.

В 1834 г. жители Григорьевского форпоста получили разрешение развести заповедный лес, а именно ценные породы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4157).

В 1835 г. русская администрация занималась устройством по домам киргизских детей, которых неимущие родители оставили на меновых дворах (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4276). В том же 1835 г. русским правительством были выделены средства на устройство непрерывного рва и вала по новой Зауральской линии с целью обороны русской границы от набегов кочевников (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4570).

С 1837 г. стала применяться ссылка и в Финляндию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663/1).

В 1840 г. ввиду суровой зимы и падежа скота русское правительство выделило 10 тыс. руб. на покупку хлеба для нуждающихся киргизов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5134а).

В 1844 г. стала засчитываться ответственность хозяев за проступки нанятых ими киргизов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5565). В том же году была открыта фельдшерская школа для киргизских детей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5569е), а 1846 г. создана еще одна школа для них (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5633).

В 1847 г. был объявлен запрет на вход в Оренбург киргизским нищим, так как было установлено, что они содействуют киргизским вора́м (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5895м).

В 1848 г. неимущие киргизы были освобождены от кибиточного сбора, то есть от налогов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5919). В том же году в Оренбурге была создана школа для киргизских детей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5924а).

В 1849 г. в ставке правителя Восточной орды была открыта киргизская школа (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6170).

В 1850 г. при школе для киргизских детей была создана больница (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6403). В этом же году принимались меры по обеспечению киргизов медицинскими работниками (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6419).

С 1854 г. началось обеспечение киргизских детей продовольствием в школе (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6925).

В 1856 г. за разбой оренбургские киргизы стали вновь определяться в солдаты (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7213). В этом же году киргизов, бежавших из ссылки, стали предавать военному суду (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7255).

В 1858 г. стали открываться школы для киргизских детей и в военных укреплениях (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7473). В этом же году после отбытия каторги в Сибири на родину стали возвращаться киргизы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7485).

С 1859 г. применялось выселение киргизов с целью предотвращения воровства (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7515), при этом в том же году оказывалась помощь неимущим киргизам из-за морозов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7515). В этом же году киргизов-уголовников, то есть уже наказанных ранее за уголовные преступления, стали отдавать в солдаты (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7531). 1859 г. был богат на события. В это же время начали создаваться киргизские караульные команды (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7565).

В 1861 г. в Киргизскую орду были направлены казачки для обучения киргизских женщин пуховязанию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7691).

В 1862 г. была создана единая система сбора податей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7741). В том же году неимущие больные киргизы получили право бесплатно обращаться в больницы Оренбургского казачьего войска (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7765), в это же время в киргизской школе в ставке хана Внутренней орды была открыта первая библиотека (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7807).

В 1863 г. для предотвращения голода в киргизских аулах Восточной части орды создаются частные хлебные запасы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7926).

В 1864 г. выпускники киргизских школ были определены на службу (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7909). О степени принципиальных изменений в киргизском обществе говорит то, что в том же году киргизы-арестанты попросили книг и учителя (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7957).

В 1865 г. в ставке хана Внутренней орды была создана больница (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8004). В том же году осуществлялась раздача хлеба неимущим киргизам (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8012).

В 1869 г. в Орде создаются хлебные магазины (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8159). Также в этом году запрещается въезд в Степь иностранцам и кавказским горцам (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8265) – таким образом была запрещена религиозная пропаганда.

В 1872 г. были созданы уездные архивы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388з).

В 1873 г. у киргизов были введены метрические книги, что улучшало качество сбора информации о населении (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8399), в том же году была взята Хива – один из оплотов работорговли в Азии (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8406).

Этот краткий обзор наглядно демонстрирует, что вопросы диалога между русскими и киргизами не зависели сугубо от военных мероприятий Российской империи. Стремясь прекратить асоциальное поведение киргизов, Российская империя, наряду с военными, использовала целый арсенал мер, направленных на привлечение на русскую сторону как собственных киргизов (Внутренняя орда), так и киргизов Степи.

5. Заключение

Завершая, мы хотели бы обратить внимание на то, что в первой половине XIX века Российская империя в Центральной Азии столкнулась с целым спектром тяжких уголовных преступлений, а именно с похищением людей и работорговлей, убийствами, ограблением торговых караванов и рыболовецких судов, набегами кочевников и барымтой (похищением лошадей и скота). Только в Государственном архиве Оренбургской области этим вопросам было посвящено около 2 тыс. архивных дел. В противоправных деяниях принимали участие, особенно на начальном этапе, не только кочевники Киргизской степи, но и киргизы, находящиеся в составе России (Внутренняя орда).

Начиная с 1820 г., Россия вела неустанную работу по распространению в Степи грамотности, оказанию медицинской и гуманитарной помощи, привлечению местного населения на службу (сначала почтарями, потом в охрану султанов и караванов, а далее – вплоть до поступления на государственную службу после окончания русских учебных заведений). Благодаря этому, Степь начала меняться, но этот процесс был долгим и сложным, однако в целом к 1870-м гг. количество уголовных преступлений в регионе было сведено к минимуму, и Центральная Азия смогла перенять многие инициативы, предложенные российской администрацией.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН. / This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

Вдовин, Сыздыкова, 2021 – Вдовин С.С., Сыздыкова Ж.С. Этнический состав и территориальное устройство Хивинского ханства XVIII–XIX вв. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. № 7(76). С. 1996–2004.

Зварцев, 2021 – Зварцев И.А. Окончательное завоевание Туркестана (Средней Азии) Российской империей // *Вестник науки*. 2021. № 8(41). С. 32–39.

Почекаев, 2020 – Почекаев Р.Ю. Использование российских войск в среднеазиатских протекторатах Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 3. С. 34–39.

Почекаев, 2015 – Почекаев Р.Ю. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX – начале XX вв. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2015. № 6. С. 38–44.

Ганиев, 2013 – Ганиев Р.Т. Хивинская проблема Российской империи в первой половине XIX в.: амбиции и реальность // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки»*. 2013. № 2(114). С. 107–123.

Годовова, 2019 – Годовова Е.В. Присоединение Средней Азии к России: особенности военно-походной повседневности казаков в Хивинском походе 1873 г. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. № 8(82). С. 6.

Любичанковский, 2017 – Любичанковский С.В. Кризисные явления в развитии среднеазиатского направления внешней торговли России на оренбургском направлении в первой четверти XIX века // *Самарский научный вестник*. 2017. № 2(19). С. 132–135.

Мухамедина, 2016 – Мухамедина Ш. Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865–1886 гг.) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2016. № 1. С. 106–122.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171–1180.

Izbassarova, 2020 – Izbassarova G.B. Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2385–2395.

[Poullada, 2018](#) – *Poullada S.P.* Russian-Turkmen encounters. The Caspian frontier before the Great Game. London, 2018.

[Zinkovskii et al., 2021](#) – *Zinkovskii S.B., Malakhova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Yu.N.* Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 689-698.

[Tarasov, 2021](#) – *Tarasov M.G.* Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1181-1190.

References

[Ermachkov, 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.

[Ganiev, 2013](#) – *Ganiev, R.T.* (2013). Khivinskaya problema Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX v.: ambitsii i real'nost' [The Khiva problem of the Russian Empire in the first half of the 19th century: ambitions and reality]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2(114): 107-123. [in Russian]

[Godovova, 2019](#) – *Godovova, E.V.* (2019). Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii: osobennosti voenno-pokhodnoi povsednevnosti kazakov v Khivinskom pokhode 1873 g. [The annexation of Central Asia to Russia: the peculiarities of the military marching everyday life of the Cossacks in the Khiva campaign of 1873]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 8(82): 6. [in Russian]

[Izbassarova, 2020](#) – *Izbassarova, G.B.* (2020). Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov). *Bylye Gody*. 58(4): 2385-2395.

[Lyubichankovskii, 2017](#) – *Lyubichankovskii, S.V.* (2017). Krizisnye yavleniya v razvitiі sredneaziatskogo napravleniya vneshnei torgovli Rossii na orenburgskom napravlenii v pervoi chetverti XIX veka [Crisis phenomena in the development of the Central Asian direction of Russia's foreign trade in the Orenburg direction in the first quarter of the XIX century]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. 2(19): 132-135. [in Russian]

[Mukhamedina, 2016](#) – *Mukhamedina, Sh.* (2016). Vodvorenіe russkoi grazhdanstvennosti v Tsentral'noi Azii (1865–1886 gg.) [The establishment of Russian Citizenship in Central Asia (1865-1886)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 1: 106-122. [in Russian]

[Pochekaev, 2015](#) – *Pochekaev, R.Yu.* (2015). Osobennosti pravovogo regulirovaniya statusa rossiiskikh torgovtsev v Bukharskom emirate i Khivinskom khanstve vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The features of the legal regulation of the status of Russian merchants in the Bukhara Emirate and the Khiva Khanate in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 6: 38-44. [in Russian]

[Pochekaev, 2020](#) – *Pochekaev, R.Yu.* (2020). Ispol'zovanie rossiiskikh voisk v sredneaziatskikh protektoratakh Rossiiskoi imperii [The use of Russian troops in the Central Asian protectorates of the Russian Empire]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 3: 34-39. [in Russian]

[Poullada, 2018](#) – *Poullada, S.P.* (2018). Russian-Turkmen encounters. The Caspian frontier before the Great Game. London.

[Vdovin, Syzdykova, 2021](#) – *Vdovin, S.S., Syzdykova, Zh.S.* (2021). Etnicheskiі sostav i territorial'noe ustroistvo Khivinskogo khanstva XVIII–XIX vv. [The ethnic composition and territorial structure of the Khiva Khanate of the 18th – 19th centuries.]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. 7(76): 1996-2004. [in Russian]

[Zinkovskii et al., 2021](#) – *Zinkovskii, S.B., Malakhova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Yu.N.* (2021). Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners). *Bylye Gody*. 16(2): 689-698.

[Zvartsev, 2021](#) – *Zvartsev, I.A.* (2021). Okonchatel'noe zavoevanie Turkestana (Srednei Azii) Rossiiskoi imperiei [The final conquest of Turkestan (Central Asia) by the Russian Empire]. *Vestnik nauki*. 8(41): 32-39. [in Russian]

[Tarasov, 2021](#) – *Tarasov, M.G.* (2021). Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840. *Bylye Gody*. 16(3): 1181-1190.

**Цивилизационная миссия Российской империи в Центральной Азии в XIX веке
(на материалах Государственного архива Оренбургской области)**

Валерий Леонидович Музыкант ^{a, *}, Галина Николаевна Трофимова ^a,
Валерий Дзантемирович Таказов ^a, Алмас Калимолдаев ^b

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В работе на основе архивных источников рассматривается цивилизационная миссия Российской империи в Центральной Азии в XIX веке. Уделено внимание основным видам преступлений, таким как похищение людей, убийство, ограбление торговых караванов, морской разбой, барымта, а также системе наказаний за эти преступления.

В качестве материалов была использована опись № 10 (1–4 части) фонда № 6 Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), в которой представлены дела пограничного отделения канцелярии оренбургского генерал-губернатора.

В заключении авторы отмечают, что в первой половине XIX века Российская империя в Центральной Азии столкнулась с целым спектром тяжких уголовных преступлений, а именно с похищением людей и работоторговлей, убийствами, ограблением торговых караванов и рыболовецких судов, набегами кочевников и барымтой (похищением лошадей и скота). Только в Государственном архиве Оренбургской области этим вопросам было посвящено около 2 тыс. архивных дел. В противоправных деяниях принимали участие, особенно на начальном этапе, не только кочевники Киргизской степи, но и киргизы, находящиеся в составе России (Внутренняя орда).

Начиная с 1820 г., Россия вела неустанную работу по распространению в Степи грамотности, оказанию медицинской и гуманитарной помощи, привлечению местного населения на службу (сначала почтарями, потом в охрану султанов и караванов, а далее – вплоть до поступления на государственную службу после окончания русских учебных заведений). Благодаря этому, Степь начала меняться, но этот процесс был долгим и сложным, однако в целом к 1870-м гг. количество уголовных преступлений в регионе было сведено к минимуму, и Центральная Азия смогла перенять многие инициативы, предложенные российской администрацией.

Ключевые слова: Центральная Азия, Хива, Бухара, Внутренняя орда, кочевники, Киргизская степь, Российская империя, Персия.

* Корреспондирующий автор

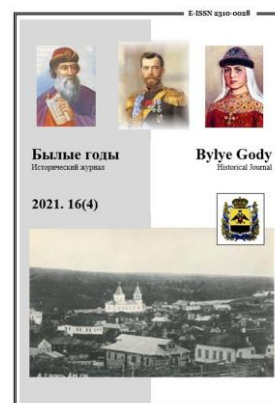
Адреса электронной почты: muzykant_vl@pfur.ru (В.Л. Музыкант)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1751-1761
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1751

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya” as a Source on the History of Public Education in the Caucasus

Elena N. Malyuga ^{a, *}, Barry Tomalin ^b

^a RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russian Federation

^b Glasgow Caledonian University London, British School of Management, London, UK

Abstract

The work, based on the materials of the issue “Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya”, examines the history of the public education system on the territory of the Caucasian Educational District. The attention is paid to the genres of publication used in the journal to disclose this topic.

There were used as materials the publications on the history of public education in the Caucasus published in the “Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya” for the period of its existence. Methodologically, the work is constructed using the system method and the method of content analysis. Thanks to the use of these methods, the authors managed to conduct a qualitative and quantitative analysis of materials from the issue “Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya”, on the stated topic and draw attention to the evolutionary process that took place in the journal when reflecting the system of public education in the Caucasus in the period from 1853 to 1914.

In conclusion, the authors state that “Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya” has repeatedly become a platform for publishing materials about the public education system in the Caucasus. We recorded such publications in the period from 1853 to 1914, and their total number was 79. At the specified time, the following genres of publication were used in the journal: notes on the state of educational institutions, publication of official documents such as regulations, charters and other regulatory documents, reports on the state of the Caucasian Educational District and author's articles on various problems of public education in the Caucasus. The evolution of these genres clearly demonstrated that along with the quality of published materials, the quality of public education in the Caucasus also increased.

Keywords: “Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya”, public education, the Caucasus, historical source, 1853–1914.

1. Введение

«Журнал министерства народного просвещения» – один из старейших ежемесячных журналов Российской империи, который был основан в 1834 г. и просуществовал до 1917 г. включительно. В первые годы своего существования он распространялся по подписке, а его подписчиками были члены императорской фамилии, аристократы, а также известные ученые. Первым редактором «Журнала министерства народного просвещения» был К.С. Сербинович – мемуарист, тайный советник, почетный член Петербургской академии наук. Судя по своему названию и ведомственной принадлежности к Министерству народного просвещения, журнал публиковал материалы сугубо педагогической направленности, включая историю педагогики. В данной работе рассматривается тема народного образования на Кавказе на материалах «Журнала министерства народного просвещения».

* Corresponding author

E-mail addresses: en_malyuga@hotmail.com (E.N. Malyuga)

2. Материалы и методы

Материалами данной работы стали публикации по истории народного образования на Кавказе, опубликованные в «Журнале министерства народного просвещения» за период его существования. Жанр, в котором публиковались материалы о Кавказе, был разным: от заметок, публикаций официальных документов (например, Положений), отчетов попечителя Кавказского учебного округа до статей на педагогическую или историко-педагогическую тему.

Методологически работа построена с использованием системного метода и метода контент-анализа. Благодаря применению им удалось провести качественно-количественный анализ материалов из «Журнала министерства народного просвещения» по выбранной нами теме и обратить внимание на эволюционный процесс, который происходил в журнале при отражении системы народного образования на Кавказе в период с 1853 по 1914 гг.

3. Обсуждение и результаты

Первая публикация, посвященная Кавказу, была размещена в журнале еще в период Кавказской войны, в 1853 г. было опубликовано Положение о Кавказском учебном округе, а последняя – в 1914 г. о деятельности Кавказского учебного округа в период 1908–1914 гг. Всего в этот период было опубликовано 79 статей и сообщений.

Как мы уже отмечали в разделе «Материалы и методы», для публикации материалов о системе народного образования на Кавказе использовались такие жанры, как заметки (в том числе информационного характера), публикации официальных документов (уставов, положений и т.д.), выдержек из отчетов, а также статей. Собственно, само развитие журнала происходило примерно таким же образом: с 1853 г. публиковались преимущественно заметки о состоянии учебных заведений в разных районах Кавказа, с вкраплением официальных документов; с 1865 г. – отчеты о состоянии учебной части на Кавказе, с 1877 г. их стало публиковаться очень много; с 1891 г. в журнале начали появляться уже научные авторские статьи, а с 1904 г. публикуются только статьи.

Рассмотрим эти публикации по жанрам.

3.1. Заметки о состоянии учебных заведений

Всю первую половину XIX века и начало второй половины российское общество с большим вниманием относилось к известиям о Кавказе. Уже в 1857 г. «Журнал министерства народного просвещения» опубликовал первую заметку, которая называлась «Воспоминания о Кутаисе» ([Воспоминания о Кутаисе, 1857](#)). Как и многие материалы того периода, заметка была без авторства и носила информационный характер. В 1859 г. выходит заметка о сухумской школе ([О сухумской школе, 1859](#)), а уже на следующий год публикуется материал о территории Кавказа, включая Черноморское побережье Самурзакань и Натухай ([Территория Кавказа, 1860](#)). В том же 1860 г. выходит расширенная заметка о системе народного образования на Кавказе ([Об образовании на Кавказе, 1860](#)). А в 1862 г. публикуются сведения о сельских училищах, включая территорию Грузии ([Сведения о сельских училищах, 1862](#)). В 1863 г. в свет выходит информационное сообщение о школе для горцев в Закаталах ([Школа для горцев, 1863](#)), а в 1864 г. уделяется внимание такому важному средству самостоятельного обучения, как библиотека, и в журнале публикуется заметка о Тифлисской публичной библиотеке ([Тифлисская публичная библиотека, 1864](#)). Одним из жанров, применяемых в журнале, был жанр переиздания некоторых частей из трудов, в которых затрагивалась интересующая журнал тематика. Так, в 1867 г. была опубликована работа митрополита Евгения «Упоминание о трех грузинских царствах: Кахетинском, Карталинском и Имеретинском» ([Упоминание работы митрополита, 1867](#)).

В 1868 г. вышло сразу несколько заметок. Первой была опубликована заметка о среднем образовании на Кавказе по состоянию на 1866 г. ([О среднем образовании, 1868](#)), потом прошла информация о создании прогимназии в Эривани ([О создании прогимназии, 1868](#)), а затем был опубликован материал о школах на Кавказе, включая Абхазию и Самурзакань ([Школы на Кавказе, 1868](#)).

В 1869 г. вышло два сообщения: первое касалось беспорядков в Тифлисской классической гимназии ([О беспорядках, 1869](#)), а второе – о распространении христианства у калмыков, которое вышло в двух частях ([О распространении христианства..., 1869](#); [О распространении христианства..., 1869а](#)). В 1870 г. редакция ознакомила читателей с планами открытия в Сухуме женской школы-пансиона ([О планах открытия, 1870](#)).

В 1871 г. из регионов поступило сразу несколько сообщений: первое – касалось училища в Раче ([Училище в Раче, 1871](#)), второе – в целом было посвящено школам в Закавказье ([Данные о школах, 1871](#)), третье – о состоянии школ Общества восстановления христианства на Кавказе ([Состояние школ общества, 1871](#)), четвертое – об открытии женской школы в Сухуме ([Открытие женской школы, 1871](#)), пятое – было посвящено высочайшему посещению императором Кутаисской классической гимназии ([О посещении императором, 1871](#)).

В 1874 г. вышла заметка о низших учебных заведениях на Кавказе ([Низшие учебные заведения, 1874](#)), а спустя два года были опубликованы статистические сведения о средних учебных заведениях Кавказского учебного округа ([Статистические сведения, 1876](#)). В 1877 г. в последний раз

публиковались краткие материалы о Кавказе, ими стал список средних учебных заведений Кавказского округа ([Список средних учебных заведений, 1877](#)).

3.2. Официальная информация

Такой жанр, как официальная информация, публиковался небольшой промежуток времени – с 1853 по 1860 г. За этот период были опубликованы Положение о Кавказском учебном округе от 20 октября 1853 г. ([Положение о Кавказском..., 1853](#)), Положение об учреждении горских школ и их устав ([Об учреждении горских, 1859](#)), в 1859 г. был опубликован штат окружных училищ Войска Донского ([Штат окружных училищ, 1859](#)), а в 1860 г. – Положение об управлении учебной частью на Кавказе ([Положение об управлении, 1860](#)) и материалы из устава Общества восстановления православного христианства на Кавказе ([Общество восстановления, 1860](#)).

3.3. Отчеты о Кавказском учебном округе

В период с 1866 г. в журнале начали публиковаться сначала выдержки из отчета о состоянии учебного дела на Кавказе, а потом и сами отчеты. Перестали эти материалы издаваться только в 1899 г., так как вплоть до 1914 г. ежегодно в Тифлисе печатались отчеты попечителя Кавказского учебного округа и в журнале публиковалась фактически перепечатка этих материалов.

Итак, впервые извлечение из отчета главного инспектора учебных заведений на Кавказе и за Кавказом по вверенному ему управлению за 1865 год было опубликовано в 1866 году ([Извлечение из отчета..., 1866](#)). В 1869 г. были изданы материалы, извлеченные из отчета попечителя за 1867 г. ([Извлечение из отчета..., 1869](#)), а в 1870 г. – сразу за два года (1868 и 1869 гг.) ([Извлечение из отчета, 1870](#); [Извлечение из отчета, 1870а](#)).

В 1871 г. в журнале были опубликованы выдержки из отчета за 1870 г. ([Отчет по Кавказскому, 1871](#)), а в 1872 г. предпринята попытка охарактеризовать состояние учебной части на Кавказе и за Кавказом по состоянию на 1871 г. ([Состояние учебной части, 1872](#)).

Названия отчетов в журнале постоянно менялись: и «Учебная часть на Кавказе», и «Извлечение из отчета попечителя», и «Средние заведения в Кавказском учебном округе», и «Учебные заведения Кавказа», и «Кавказский учебный округ», изменялись только годы, за который этот отчет рассматривался. Так, в 1875 г. был опубликован отчет об учебной части на Кавказе за 1874 г. ([Учебная часть на Кавказе, 1875](#)), в 1877 и в 1878 гг., в период русско-турецкой войны, были изданы отчеты «Средние заведения в Кавказском учебном округе» ([Средние заведения, 1877](#)), «Учебные заведения Кавказского округа в 1876 г.» ([Средние заведения, 1877](#)) и «Извлечение из отчета попечителя Кавказского учебного округа» ([Извлечение из отчета попечителя, 1878](#)). После этого до 1887 г. отчеты не печатались, и в 1887–1888 гг. в пяти частях был опубликован отчет об учебной части на Кавказе в 1885 году ([Учебная часть на Кавказе, 1887](#); [Учебная часть на Кавказе, 1887а](#); [Учебная часть на Кавказе, 1887б](#); [Учебная часть на Кавказе, 1887с](#); [Учебная часть на Кавказе, 1888д](#)).

В 1889 г. в трех номерах журнала был напечатан отчет Кавказского учебного округа за 1886 г. ([Кавказский учебный округ, 1889](#); [Кавказский учебный округ, 1889а](#); [Кавказский учебный округ, 1889б](#)). В 1890 г. вышла вновь серия публикаций из отчета о Кавказском учебном округе за 1887 и 1888 гг. ([Кавказский учебный округ, 1890](#); [Кавказский учебный округ, 1890а](#); [Кавказский учебный округ, 1890б](#); [Кавказский учебный округ, 1890с](#); [Кавказский учебный округ, 1890д](#); [Кавказский учебный округ, 1890е](#)).

В 1891 г. в «Журнале министерства народного просвещения» был опубликован в двух частях отчет о Кавказском учебном округе за 1889 г. ([Кавказский учебный округ, 1891](#); [Кавказский учебный округ, 1891а](#)). В 1892 г. в трех частях был издан отчет за 1890 год ([Кавказский учебный округ, 1892](#); [Кавказский учебный округ, 1892а](#); [Кавказский учебный округ, 1892б](#)).

В 1893 г. практика публикации отчетов о Кавказском учебном округе была продолжена и в журнале был опубликован отчет за 1891 г. ([Кавказский учебный округ, 1893](#); [Кавказский учебный округ, 1893а](#)), а через год – отчет за 1892 год ([Кавказский учебный округ, 1894](#); [Кавказский учебный округ, 1894а](#)). За следующий, 1893 г., отчет был опубликован только в 1894 г. ([Кавказский учебный округ, 1896](#); [Кавказский учебный округ, 1896а](#)). После этого практика публикации отчетов в нескольких частях была упразднена и три последних отчета вышли в 1897, 1898 и 1899 гг. в одной части ([Кавказский учебный округ, 1897](#); [Кавказский учебный округ, 1898](#); [Кавказский учебный округ, 1899](#)).

3.4. Статьи

Первая авторская статья, посвященная вопросам системы народного образования на Кавказе, была опубликована в 1891 г., а последняя – в 1914 гг. Всего в этом разделе было 13 публикаций, подготовленных такими авторами, как И. Акопов, Н.Н. Мещерский, А.А. Ильин, С.В. Фарфоровский и А.А. Богоявленский. Публикации хронологически разделялись следующим образом: две в 1890-е гг. (1891 и 1892 гг.) и остальные одиннадцать в период с 1904 по 1914 гг.

Первым начал научный диспут на страницах журнала по проблемам образования на Кавказе И. Акопов, который обратился к теме открытия на Кавказе промышленных училищ ([Акопов, 1891](#)), а уже в следующем году выступил Н.Н. Мещерский с вопросом о сельскохозяйственных отделениях

при низших училищах Кавказского учебного округа ([Мещерский, 1892](#)). Потом после более чем 10-летнего перерыва в трех публикациях вышли аналитические записки А.А. Ильина о состоянии Кавказского учебного округа в 1902–1904 гг. ([А.А.И., 1904](#); [Ильин, 1904](#); [Ильин, 1906](#)).

В 1909 г. на страницах журнала С. Фарфоровский обратился к теме народного образования среди кочующих народов Северного Кавказа на примере Ставропольской губернии ([Фарфоровский, 1909](#)). В 1911 г. А.А. Богоявленский подготовил большой труд о библиотечном деле в начальных учебных заведениях на Кавказе, который публиковался в период с 1911 по 1913 гг. ([Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912](#); [Богоявленский, 1912a](#); [Богоявленский, 1912b](#); [Богоявленский, 1913](#)).

В 1912 г. С.В. Фарфоровский рассмотрел народное образование в Кавказском учебном округе на примере Кубанской области ([Фарфоровский, 1912](#)), а в 1914 автор под псевдонимом Б.К. сделал попытку рассмотреть деятельность Кавказского учебного округа за период 1908–1912 гг. ([Б.К., 1914](#)).

4. Заключение

Подводя итоги, приходится констатировать, что «Журнал министерства народного просвещения» многократно становился площадкой для публикации материалов о системе народного образования на Кавказе. Такие публикации нами были зафиксированы в период с 1853 по 1914 гг., а их общее количество составило 79. В указанное время в журнале применялись следующие жанры: заметки о состоянии учебных заведений, публикации официальных документов, таких как положения, уставы и другие регламентирующие деятельность документы, отчеты о состоянии Кавказского учебного округа и авторские статьи о разных проблемах народного образования на Кавказе. Эволюция этих жанров наглядно демонстрировала, что вместе с качеством публикуемых материалов возрастало качество и народного образования на Кавказе.

5. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН. / This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

[А.А.И., 1904](#) – А.А.И. Кавказский учебный округ в 1902 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1904. № 6. С. 814-822.

[Акопов, 1891](#) – *Акопов И.* По вопросу об открытии промышленных училищ (Кавказский округ) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1891. № 5. С. 281-349.

[Б.К., 1914](#) – *Б.К.* Деятельность Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1914. № 8. С. 421-437.

[Богоявленский, 1911](#) – *Богоявленский А.А.* Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал министерства народного просвещения*. 1911. № 6. С. 251-272.

[Богоявленский, 1912](#) – *Богоявленский А.* Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал министерства народного просвещения*. 1912. № 5. С. 377-394.

[Богоявленский, 1912a](#) – *Богоявленский А.* Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1912. № 6. С. 379-402.

[Богоявленский, 1912b](#) – *Богоявленский А.* Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1912. № 12. С. 353-394.

[Богоявленский, 1913](#) – *Богоявленский А.А.* Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1913. № 1. С. 377-399.

[Воспоминания о Кутаисе, 1857](#) – Воспоминания о Кутаисе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1857. № 8 (95). С. 709-712.

[Данные о школах, 1871](#) – Данные о школах Закавказья // *Журнал министерства народного просвещения*. 1871. № 5. С. 535-539.

[Извлечение из отчета попечителя, 1878](#) – Извлечение из отчета попечителя Кавказского учебного округа // *Журнал министерства народного просвещения*. 1878. № 8. С. 669-689.

[Извлечение из отчета, 1870](#) – Извлечение из отчета попечителя Кавказского учебного округа за 1868 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1870. № 4. С. 911-935.

[Извлечение из отчета, 1870a](#) – Извлечение из отчета попечителя Кавказского учебного округа за 1869 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1870. № 7. С. 357-399.

[Извлечение из отчета..., 1866](#) – Извлечение из отчета главного инспектора учебных заведений на Кавказе и за Кавказом по вверенному ему управлению; за 1865 год, представленного его императорскому высочеству великому князю наместнику // *Журнал министерства народного просвещения*. 1866. № 12. С. 822-838.

[Извлечение из отчета..., 1869](#) – Извлечение из отчета попечителя Кавказского учебного округа за 1867 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1869. № 6. С. 987-1031.

- [Ильин, 1904](#) – Ильин А.А. Кавказский учебный округ в 1903 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1904. № 11. С. 309-315.
- [Ильин, 1906](#) – Ильин А.А. Кавказский учебный округ в 1904 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1906. № 5. С. 413-420.
- [Кавказский учебный округ, 1889](#) – Кавказский учебный округ в 1886 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1889. № 9. С. 257-303.
- [Кавказский учебный округ, 1889a](#) – Кавказский учебный округ в 1886 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1889. № 10. С. 711-737.
- [Кавказский учебный округ, 1889b](#) – Кавказский учебный округ в 1886 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1889. № 12. С. 763-798.
- [Кавказский учебный округ, 1890](#) – Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. № 4. С. 717-748.
- [Кавказский учебный округ, 1890a](#) – Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. № 5. С. 334-356.
- [Кавказский учебный округ, 1890b](#) – Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. № 6. С. 701-722.
- [Кавказский учебный округ, 1890c](#) – Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. № 7. С. 318-343.
- [Кавказский учебный округ, 1890d](#) – Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. № 8. С. 693-734.
- [Кавказский учебный округ, 1890e](#) – Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. № 9. С. 328-363.
- [Кавказский учебный округ, 1891](#) – Кавказский учебный округ в 1889 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1891. № 2. С. 901-930.
- [Кавказский учебный округ, 1891a](#) – Кавказский учебный округ в 1889 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1891. № 3. С. 421-464.
- [Кавказский учебный округ, 1892](#) – Кавказский учебный округ в 1890 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1892. № 9. С. 287-313.
- [Кавказский учебный округ, 1892a](#) – Кавказский учебный округ в 1890 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1892. № 10. С. 589-615.
- [Кавказский учебный округ, 1892b](#) – Кавказский учебный округ в 1890 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1892. № 12. С. 628-668.
- [Кавказский учебный округ, 1893](#) – Кавказский учебный округ в 1891 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1893. № 12. С. 509-542.
- [Кавказский учебный округ, 1893a](#) – Кавказский учебный округ в 1891 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1893. № 12. С. 583-617.
- [Кавказский учебный округ, 1894](#) – Кавказский учебный округ в 1892 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1894. № 11. С. 308-348.
- [Кавказский учебный округ, 1894a](#) – Кавказский учебный округ в 1892 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1894. № 12. С. 759-793.
- [Кавказский учебный округ, 1896](#) – Кавказский учебный округ в 1893 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1896. № 1. С. 377-410.
- [Кавказский учебный округ, 1896a](#) – Кавказский учебный округ в 1893 г. (продолжение) // *ЖМНП*. 1896. № 3. С. 266-300.
- [Кавказский учебный округ, 1897](#) – Кавказский учебный округ в 1894 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1897. № 1. С. 307-328.
- [Кавказский учебный округ, 1898](#) – Кавказский учебный округ в 1896 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1898. № 3. С. 675-706.
- [Кавказский учебный округ, 1899](#) – Кавказский учебный округ в 1897 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1899. № 2. С. 779-797.
- [Мещерский, 1892](#) – Мещерский Н.Н. Сельскохозяйственные отделения при низших училищах Кавказского учебного округа // *Журнал министерства народного просвещения*. 1892. № 4. С. 674-698.
- [Низшие учебные заведения, 1874](#) – Низшие учебные заведения на Кавказе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1874. № 10. С. 743-752.
- [О беспорядках, 1869](#) – О беспорядках в Тифлисской классической гимназии // *Журнал министерства народного просвещения*. 1869. № 3. С. 546-549.
- [О планах открытия, 1870](#) – О планах открытия в Сухуме женской школы-пансиона // *Журнал министерства народного просвещения*. 1870. № 10. С. 781-782.
- [О посещении императором, 1871](#) – О посещении императором Кутаисской классической гимназии // *Журнал министерства народного просвещения*. 1871. № 12. С. 855-856.
- [О распространении христианства..., 1869](#) – О распространении христианства у калмыков // *Журнал министерства народного просвещения*. 1869. № 144. С. 783-840.

- О распространении христианства..., 1869а – О распространении христианства у калмыков (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1869. № 145. С. 779-799.
- О создании прогимназии, 1868 – О создании прогимназии в Эривани // *Журнал министерства народного просвещения*. 1868. № 138. С. 862-863.
- О среднем образовании, 1868 – О среднем образовании на Кавказе в 1866 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1868. № 137. С. 796-800.
- О сухумской школе, 1859 – О сухумской школе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1859. № 104. С. 39.
- Об образовании на Кавказе, 1860 – Об образовании на Кавказе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1860. № 3. С. 884-893.
- Об учреждении горских, 1859 – Об учреждении горских школ и устав // *Журнал министерства народного просвещения*. 1859. № 104. С. 23-42.
- Общество восстановления, 1860 – Общество восстановления православного христианства на Кавказе (из устава) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1860. № 8. С. 441-443.
- Открытие женской школы, 1871 – Открытие женской школы в Сухуме // *Журнал министерства народного просвещения*. 1871. № 10. С. 773.
- Отчет по Кавказскому, 1871 – Отчет по Кавказскому учебному округу за 1870 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1871. № 9. С. 281-309.
- Положение о Кавказском..., 1853 – Положение о Кавказском учебном округе от 20 октября 1853 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1853. № 80. С. 29-107.
- Положение об управлении, 1860 – Положение об управлении учебной частью на Кавказе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1860. № 8. С. 445-446.
- Сведения о сельских училищах, 1862 – Сведения о сельских училищах, включая Грузию // *Журнал министерства народного просвещения*. 1862. № 8. С. 709-710.
- Состояние учебной части, 1872 – Состояние учебной части на Кавказе и за Кавказом в 1871 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1872. № 10. С. 755-776.
- Состояние школ общества, 1871 – Состояние школ общества восстановления христианства на Кавказе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1871. № 7. С. 404-413.
- Список средних учебных заведений, 1877 – Список средних учебных заведений Кавказского округа // *Журнал министерства народного просвещения*. 1877. № 3. С. 363-365.
- Средние заведения, 1877 – Средние заведения в Кавказском учебном округе // *Журнал министерства народного просвещения*. 1877. № 8. С. 800-803.
- Статистические сведения, 1876 – Статистические сведения о средних учебных заведениях Кавказского учебного округа // *Журнал министерства народного просвещения*. 1876. № 10. С. 684-687.
- Территория Кавказа, 1860 – Территория Кавказа, в том числе Самурзакань, Натухай и т.д. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1860. № 3. С. 824-829.
- Тифлисская публичная библиотека, 1864 – Тифлисская публичная библиотека // *Журнал министерства народного просвещения*. 1864. № 122. С. 1592-1593.
- Упоминание работы митрополита, 1867 – Упоминание работы митрополита Евгения о трех царствах: Кахетинском, Карталинском и Имеретинском... // *Журнал министерства народного просвещения*. 1867. № 136. С. 742.
- Учебная часть на Кавказе, 1875 – Учебная часть на Кавказе в 1874 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1875. № 10. С. 707-724.
- Учебная часть на Кавказе, 1887 – Учебная часть на Кавказе в 1885 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1887. № 5. С. 319-330.
- Учебная часть на Кавказе, 1887а – Учебная часть на Кавказе в 1885 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1887. № 6. С. 700-715.
- Учебная часть на Кавказе, 1887b – Учебная часть на Кавказе в 1885 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1887. № 8. С. 723-751.
- Учебная часть на Кавказе, 1887c – Учебная часть на Кавказе в 1885 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1887. № 12. С. 788-805.
- Учебная часть на Кавказе, 1888d – Учебная часть на Кавказе в 1885 г. (продолжение) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1888. № 1. С. 357-378.
- Учебные заведения Кавказского округа, 1877 – Учебные заведения Кавказского округа в 1876 г. // *Журнал министерства народного просвещения*. 1877. № 10. С. 699-709.
- Училище в Раче, 1871 – Училище в Раче // *Журнал министерства народного просвещения*. 1871. № 1. С. 386-387.
- Фарфоровский, 1909 – Фарфоровский С. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с современным их бытом (Ставропольская губерния) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1909. № 9. С. 319-339.
- Фарфоровский, 1912 – Фарфоровский С.В. Народное образование в Кавказском учебном округе (Кубань) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1912. № 4. С. 265-302.

- [Школа для горцев, 1863](#) – Школа для горцев в Закавказье // *Журнал министерства народного просвещения*. 1863. № 5. С. 880-881.
- [Школы на Кавказе, 1868](#) – Школы на Кавказе, в том числе в Абхазии и Самурзакани... // *Журнал министерства народного просвещения*. 1868. № 8. С. 1127-1132.
- [Штат окружных училищ, 1859](#) – Штат окружных училищ войска Донского // *Журнал министерства народного просвещения*. 1859. № 104. С. 45-46.

References

- [A.A.I., 1904](#) – A.A.I. Kavkazskii uchebnyi okrug v 1902 g. [Caucasian educational district in 1902]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1904. 6: 814-822. [in Russian]
- [Akovov, 1891](#) – Akovov, I. (1891). Po voprosu ob otkrytii promyshlennykh uchilishch (Kavkazskii okrug) [To the issue of opening industrial schools (Caucasian district)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1891. 5: 281-349. [in Russian]
- [B.K., 1914](#) – B.K. Deyatel'nost' Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908-1912 gg. [Activities of the Caucasian educational district in 1908-1912]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1914.8: S.421-437. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1911](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6: 251-272. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1912](#) – *Bogoyavlenskii, A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5: 377-394. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1912a](#) – *Bogoyavlenskii, A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued) (Black Sea province including)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6: 379-402. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1912b](#) – *Bogoyavlenskii, A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 12: 353-394. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1913](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1913). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1: 377-399. [in Russian]
- [Dannye o shkolakh, 1871](#) – Dannye o shkolakh Zakavkaz'ya [Data on schools in Transcaucasia]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. 5: 535-539. [in Russian]
- [Farforovskii, 1909](#) – *Farforovskii, S.* (1909). Narodnoe obrazovanie sredi kochuyushchikh narodov Severnogo Kavkaza v svyazi s sovremennym ikh bytom (Stavropol'skaya guberniya) [Public education among the nomadic peoples of the North Caucasus in connection with their modern life (Stavropol province)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 9: 319-339. [in Russian]
- [Farforovskii, 1912](#) – *Farforovskii, S.V.* (1912). Narodnoe obrazovanie v Kavkazskom uchebnom okruge (Kuban') [Public education in the Caucasian educational district (Kuban)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4: 265-302. [in Russian]
- [Il'in, 1904](#) – *Il'in, A.A.* (1904). Kavkazskii uchebnyi okrug v 1903 g. [Caucasian educational district in 1903]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1904. 11: 309-315. [in Russian]
- [Il'in, 1906](#) – *Il'in, A.A.* (1906). Kavkazskii uchebnyi okrug v 1904 g. [Caucasian educational district in 1904]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1906. 5: 413-420. [in Russian]
- [Izvlechenie iz otcheta popechitelya, 1878](#) – Izvlechenie iz otcheta popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga [Extract from the report of the trustee of the Caucasian educational district]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1878. 8: 669-689. [in Russian]
- [Izvlechenie iz otcheta, 1870](#) – Izvlechenie iz otcheta popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1868 g. [Extract from the report of the trustee of the Caucasian educational district for 1868]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1870. 4: 911-935. [in Russian]
- [Izvlechenie iz otcheta, 1870a](#) – Izvlechenie iz otcheta popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1869 g. [Extract from the report of the trustee of the Caucasian educational district for 1869]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1870. 7: 357-399. [in Russian]
- [Izvlechenie iz otcheta..., 1866](#) – Izvlechenie iz otcheta glavnogo inspektora uchebnykh zavedenii na Kavkaze i za Kavkazom po vverennomu emu upravleniyu; za 1865 god, predstavlenno ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu namestniku [Extract from the report of the chief inspector of educational institutions in the Caucasus and beyond the Caucasus on the administration entrusted to him; for 1865, presented to His Imperial Highness the Grand Duke the Governor]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1866. 12: 822-838. [in Russian]

[Iz vlechenie iz otcheta..., 1869](#) – Iz vlechenie iz otcheta popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1867 g. [Extract from the report of the trustee of the Caucasian educational district for 1867]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1869. 6: 987-1031. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1889](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1886 g. [Caucasian educational district in 1886]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1889. 9: 257-303. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1889a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1886 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1886 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1889. 10: 711-737. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1889b](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1886 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1886 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1889. 12: 763-798. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1890](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1887 i 1888 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1887 and 1888 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890. 4: 717-748. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1890a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1887 i 1888 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1887 and 1888 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890. 5: 334-356. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1890b](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1887 i 1888 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1887 and 1888 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890. 6: 701-722. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1890c](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1887 i 1888 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1887 and 1888 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890. 7: 318-343. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1890d](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1887 i 1888 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1887 and 1888 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890. 8: 693-734. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1890e](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1887 i 1888 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1887 and 1888 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890. 9: 328-363. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1891](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1889 g. [Caucasian educational district in 1889]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1891. 2: 901-930. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1891a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1889 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1889 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1891. 3: 421-464. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1892](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1890 g. [Caucasian educational district in 1890]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1892. 9: 287-313. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1892a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1890 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1890 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1892. 10: 589-615. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1892b](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1890 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1890 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1892. 12: 628-668. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1893](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1891 g. [Caucasian educational district in 1891]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1893. 12: 509-542. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1893a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1891 g. [Caucasian educational district in 1891]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1893. 12: 583-617. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1894](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1892 g. [Caucasian educational district in 1892]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1894. 11: 308-348. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1894a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1892 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1892 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1894. 12: 759-793. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1896](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1893 g. [Caucasian educational district in 1893]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1896. 1: 377-410. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1896a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1893 g. (prodolzhenie) [Caucasian educational district in 1893 (continued)]. *ZhMNP*. 1896. 3: 266-300. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1897](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 g. [Caucasian educational district in 1894]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1897. 1: 307-328. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1898](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1896 g. [Caucasian educational district in 1896]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1898. 3: 675-706. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug, 1899](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1897 g. [Caucasian educational district in 1897]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1899. 2: 779-797. [in Russian]

Meshcherskii, 1892 – *Meshcherskii, N.N.* (1892). Sel'skokhozyaistvennyye otdeleniya pri nizshikh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Agricultural departments at lower schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4: 674-698. [in Russian]

Nizshie uchebnye zavedeniya, 1874 – Nizshie uchebnye zavedeniya na Kavkaze [Lower educational institutions in the Caucasus]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1874. 10: 743-752. [in Russian]

O besporyadkakh, 1869 – O besporyadkakh v Tiflisskoi klassicheskoi gimnazii [About riots in the Tiflis classical gymnasium]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1869. 3: 546-549. [in Russian]

O planakh otkrytiya, 1870 – O planakh otkrytiya v Sukhume zhenskoi shkoly-pansion [About plans to open a female boarding school in Sukhum]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1870. 10: 781-782. [in Russian]

O poseshchenii imperatorom, 1871 – O poseshchenii imperatorom Kutaiskoi klassicheskoi gimnazii [About the visit by the emperor to the Kutaisi classical gymnasium]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. 12: 855-856. [in Russian]

O rasprostranении khristianstva..., 1869 – O rasprostranении khristianstva u kalmykov [On the spread of Christianity among the Kalmyks]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1869. 144: 783-840. [in Russian]

O rasprostranении khristianstva..., 1869a – O rasprostranении khristianstva u kalmykov (prodolzhenie) O rasprostranenie khristianstva u kalmykov [On the spread of Christianity among the Kalmyks (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1869. 145: 779-799. [in Russian]

O sozdaniі progimnazii, 1868 – O sozdaniі progimnazii v Erivani [About the creation of the gymnasium in Erivan]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1868. 138: 862-863. [in Russian]

O srednem obrazovanii, 1868 – O srednem obrazovanii na Kavkaze v 1866 g. [About secondary education in the Caucasus in 1866]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1868. 137: 796-800. [in Russian]

O sukhumskoi shkole, 1859 – O sukhumskoi shkole [About the Sukhumi school]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1859. 104: 39. [in Russian]

Ob obrazovanii na Kavkaze, 1860 – Ob obrazovanii na Kavkaze [About education in the Caucasus]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1860. 3: 884-893. [in Russian]

Ob uchrezhdenii gorskikh, 1859 – Ob uchrezhdenii gorskikh shkol i ustav [On the establishment of highland schools and the charter]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1859. 104: 23-42. [in Russian]

Obshchestvo vosstanovleniya, 1860 – Obshchestvo vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze (iz ustava) [Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus (from the charter)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1860. 8: 441-443. [in Russian]

Otchet po Kavkazskomu, 1871 – Otchet po Kavkazskomu uchebnomu okrugu za 1870 g. [Report on the Caucasian educational district for 1870]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. 9: 281-309. [in Russian]

Otkrytie zhenskoi shkoly, 1871 – Otkrytie zhenskoi shkoly v Sukhume [Opening of a women's school in Sukhum]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. 10: 773. [in Russian]

Polozhenie o Kavkazskom..., 1853 – Polozhenie o Kavkazskom uchebnom okruge ot 20 oktyabrya 1853 g. [Regulations on the Caucasian educational district of October 20, 1853]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1853. 80: 29-107. [in Russian]

Polozhenie ob upravlenii, 1860 – Polozhenie ob upravlenii uchebnoi chast'yu na Kavkaze [Regulation on the management of the educational unit in the Caucasus]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1860. 8: 445-446. [in Russian]

Shkola dlya gortsev, 1863 – Shkola dlya gortsev v Zakatalakh [School for Highlanders in Zakataly]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1863. 5: 880-881. [in Russian]

Shkoly na Kavkaze, 1868 – Shkoly na Kavkaze, v tom chisle v Abkhazii i Samurzakani... [Schools in the Caucasus, including Abkhazia and Samurzakani ...]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1868. 8: 1127-1132. [in Russian]

Shtat okruzhnykh uchilishch, 1859 – Shtat okruzhnykh uchilishch voiska Donskogo [The staff of the district schools of the Don army]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1859. 104: 45-46. [in Russian]

Sostoyanie shkol obshchestva, 1871 – Sostoyanie shkol obshchestva vosstanovleniya khristianstva na Kavkaze [The state of the schools of the society for the restoration of Christianity in the Caucasus]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. 7: 404-413. [in Russian]

Sostoyanie uchebnoi chasti, 1872 – Sostoyanie uchebnoi chasti na Kavkaze i za Kavkazom v 1871 g. [The state of the educational unit in the Caucasus and beyond the Caucasus in 1871]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1872. 10: 755-776. [in Russian]

Spisok srednikh uchebnykh zavedenii, 1877 – Spisok srednikh uchebnykh zavedenii Kavkazskogo okruga [List of secondary educational institutions of the Caucasus region]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1877. 3: 363-365. [in Russian]

[Srednie zavedeniya, 1877](#) – Srednie zavedeniya v Kavkazskom uchebnom okruge [Secondary institutions in the Caucasian educational district]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1877. 8: 800-803. [in Russian]

[Statisticheskie svedeniya, 1876](#) – Statisticheskie svedeniya o srednikh uchebnykh zavedeniyakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Statistical information about secondary educational institutions of the Caucasian educational district]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1876. 10: 684-687. [in Russian]

[Svedeniya o sel'skikh uchilishchakh, 1862](#) – Svedeniya o sel'skikh uchilishchakh, vklyuchaya Gruzuyu [Information about rural schools, including Georgia]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1862. 8: 709-710. [in Russian]

[Territoriya Kavkaza, 1860](#) – Territoriya Kavkaza, v tom chisle Samurzakan', natukhai i t.d. [Territory of the Caucasus, including Samurzakan, natukhai, etc.]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1860. 3: 824-829. [in Russian]

[Tiflisskaya publichnaya biblioteka, 1864](#) – Tiflisskaya publichnaya biblioteka [Tiflis public library]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1864. 122: 1592-1593. [in Russian]

[Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1875](#) – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1874 g. [Educational unit in the Caucasus in 1874]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1875. 10: 707-724. [in Russian]

[Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1887](#) – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1885 g. [Educational unit in the Caucasus in 1885]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1887. 5: 319-330. [in Russian]

[Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1887a](#) – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1885 g. (prodolzhenie) [Educational unit in the Caucasus in 1885 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1887. 6: 700-715. [in Russian]

[Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1887b](#) – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1885 g. (prodolzhenie) [Educational unit in the Caucasus in 1885 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1887. 8: 723-751. [in Russian]

[Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1887c](#) – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1885 g. (prodolzhenie) [Educational unit in the Caucasus in 1885 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1887. 12: 788-805. [in Russian]

[Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1888d](#) – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1885 g. (prodolzhenie) [Educational unit in the Caucasus in 1885 (continued)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1888. 1: 357-378. [in Russian]

[Uchebnye zavedeniya Kavkazskogo okruga, 1877](#) – Uchebnye zavedeniya Kavkazskogo okruga v 1876 g. [Educational institutions of the Caucasian district in 1876]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1877. 10: 699-709. [in Russian]

[Uchilishche v Rache, 1871](#) – Uchilishche v Rache [School in Racha]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. 1: 386-387. [in Russian]

[Upominanie raboty mitropolita, 1867](#) – Upominanie raboty mitropolita Evgeniya o trekh tsarstvakh: Kakhetinskogo, Kartalinskogo i Imeretinskogo... [Mention of the work of Metropolitan Eugene about the three kingdoms: Kakheti, Kartala and Imereti ...]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1867. 136: 742. [in Russian]

[Vospominaniya o Kutaise, 1857](#) – Vospominaniya o Kutaise [Memories of Kutais]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1857. 8(95): 709-712. [in Russian]

«Журнал министерства народного просвещения» как источник по истории народного образования на Кавказе

Елена Николаевна Малюга ^{a, *}, Барри Томалин ^b

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b Каледонский университет Глазго в Лондоне, Британская школа менеджмента, Лондон, Великобритания

Аннотация. В работе на материалах издания «Журнал министерства народного просвещения» рассматривается история системы народного образования на территории Кавказского учебного округа. Уделяется внимание применяемым в журнале жанрам публикации для раскрытия данной темы.

В качестве материалов были использованы публикации по истории народного образования на Кавказе, опубликованные в «Журнале министерства народного просвещения» за период его существования. Методологически работа построена с использованием системного метода и метода контент-анализа, благодаря их применению авторам удалось провести качественно-количественный анализ материалов из «Журнала министерства народного просвещения» по заявленной теме и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: en_malyuga@hotmail.com (Е.Н. Малюга)

обратить внимание на эволюционный процесс, который происходил в журнале при отражении системы народного образования на Кавказе в период с 1853 по 1914 гг.

В заключении авторы приходят к выводу, что «Журнал министерства народного просвещения» многократно становился площадкой для публикации материалов о системе народного образования на Кавказе, которые были зафиксированы в период с 1853 по 1914 гг., а их общее количество составило 79. В указанное время в журнале применялись следующие жанры: заметки о состоянии учебных заведений, публикации официальных документов, таких как положения, уставы и другие регламентирующие деятельность документы, отчеты о состоянии Кавказского учебного округа и авторские статьи о разных проблемах народного образования на Кавказе. Эволюция этих жанров наглядно демонстрировала, что вместе с качеством публикуемых материалов возрастало качество и народного образования на Кавказе.

Ключевые слова: «Журнал министерства народного просвещения», народное образование, Кавказ, исторический источник, 1853–1914 гг.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1762-1778
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1762

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 4

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Ludmila G. Zimovets ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

An attempt has been made to conduct a comprehensive historical and statistical study of the long-livers of the Russian Empire in the period of 1836–1914. In this part of the work, the period of 1900–1914 is analyzed, at this time, the male and female population of the Orthodox faith was recorded.

As materials, we used the reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the spiritual department of the Orthodox faith for 1836–1914. The work is based on the basic principles of historicism, consistency and objectivity. The statistical method is of great importance in the work, which allowed us to analyze as fully as possible the available statistical data on mortality in the territory of the Russian Empire in the period of 1836–1914, as well as to reveal the important characteristic features.

In conclusion, the authors state that the analysis of the statistical data for the dioceses made it possible to identify the territories where the maximum number of the long-livers was recorded for every thousand people among the dead. Thus, the most favorable territories were: the territory of the Caucasus (the Georgian exarchate, including the Vladikavkaz diocese, as well as the Astrakhan diocese); the territory of the Ukrainian dioceses (Tauride, Kherson) and the territory of the Asian part of Russia (the Far Eastern territories – the Blagoveshchensk diocese, in addition to the Omsk, Yenisei and Turkestan dioceses). Some other dioceses, for example, Tobolsk, Ufa and Samara, also had high rates. In general, we can say that these territories had a positive (climatic and geographic) effect on human life expectancy.

Besides this, thanks to statistical data for the period from 1836 to 1914, the authors revealed that the maximum value of the long-livers among men was recorded in 1836 – 808 people (the earliest of the analyzed reports), subsequently, the number of male centenarians steadily decreased and by 1874 reached its minimum – 135 people. The minimum values for male long-livers were characteristic until 1881, after which a gradual increase began, which continued until the First World War (the maximum value among men in 1911 was 612 centenarians). The situation was similar for women in the period from 1850 to 1914. Thus, the trend of a decrease in the life expectancy of people in the world, in the Russian Empire, was not confirmed.

Keywords: long-livers, the Russian Empire, the Caucasus, the Holy Synod, 1836–1914, historical and statistical research.

1. Введение

Как мы уже отмечали, наш интерес к теме исследования был вызван публикацией в 1865 г. статьи академика В.Я. Буняковского «О законах смертности и народонаселения в России», в которой

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

он обратил внимание на статистические данные, собранные Святейшим синодом. Из них следовало, что один мужчина православного вероисповедания в 1809 г. достиг почти 160-летнего возраста, а другой – в 1811 г. скончался в возрасте более 200 лет ([Буняковский, 1865: 125](#)). В результате мы обратились к статистическим данным, а именно к материалам Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего синода и в первой части нашей работы мы рассмотрели ситуацию в период 1836–1849 гг. В ходе этого исследования нами обнаружено, что в указанное время один житель империи скончался в возрастном диапазоне от 160 до 165 лет, один – от 150 до 155, два – от 145 до 150, семь – от 140 до 145 лет ([Cherkasov et al., 2021: 166](#)). Важно отметить, что ревизии (переписи) населения в России к этому времени происходили уже более 100 лет, а это значит, что долгожителя должны были указывать в отчетах уже длительное время (напомним, что Указ о проведении первой ревизии населения империи был подписан императором Петром I еще в ноябре 1718 г.).

2. Материалы и методы

В качестве материалов исследования нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг.; в данной же части – отчеты, содержащие статистическую информацию за период 1901–1914 гг.

Под термином «долгожитель» мы понимаем человека, возраст которого в период 1901–1914 гг. превысил 101 год.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1901–1914 гг., а также обнаружить важные характерные особенности. Помимо этого, применение статистического метода дало возможность выявить территории с большим количеством долгожителей.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования не отличается своей обширностью. Более того, конкретно исторических работ очень мало. Здесь можно указать труд В.Я. Буняковского «О законах смертности и народонаселения в России» ([Буняковский, 1865](#)), работу Н.Ю. Лабутина и других «Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века» ([Лабутин и др., 2007](#)), исследование В.П. Пащенко и Е.В. Пащенко «Долгожители европейского севера России» ([Пащенко, Пащенко, 1995](#)). А.В. Алпатов и Е.В. Гройсман предприняли попытку анализа старения населения Волгоградской области ([Алпатов, Гройсман, 2017](#)).

Вопросы старения рассматривались также и в мультидисциплинарных исследованиях. Так, В. Андриановым изучены социально-экономические и философские проблемы старения населения ([Андрианов, 2011](#)). На стыке медицины и социологии анализировали этот вопрос Д.М. Винокурова и другие ([Винокурова и др., 2020](#)).

Однако большинство исследований в сфере долголетия принадлежит специалистам в области медицины. Приведем лишь несколько примеров. Так, Х.Г. Алиджанова и другие рассматривали социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты долголетия ([Алиджанова и др., 2010](#)). Демографическим доказательством адаптивных теорий старения занимался Д.Д. Миттельдорф ([Миттельдорф, 2012](#)). С.М. Кузнецова исследовала социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе ([Кузнецова, 2014](#)).

4. Результаты

Как и до 1850 г., первичная информация о движении православного населения (родившиеся, сочетавшиеся браком и умершие), а также о количестве долгожителей собиралась священнослужителями в своих приходах. Они ежегодно отправляли эти сведения в епархии, а епархиальное начальство – в святейший синод, где данные из епархий обобщались и сводились в общероссийскую статистику.

В 1850 г. сбор статистической информации Духовным ведомством Российской империи расширился за счет включения в эти данные сведений о женском населении. Информацию о лицах, достигших 100-летнего возраста в период 1901–1914 гг. мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Лица умершие в возрасте от 101 года в Российской империи (1901–1914 гг.) (Всеподданнейший отчет, 1905: 22-23; Всеподданнейший отчет, 1905а: 22-23; Всеподданнейший отчет, 1909: 44-45, 52-53; Всеподданнейший отчет, 1910: 42-43, 50-51, 58-59; Всеподданнейший отчет, 1911: 54-55, 66-67; Всеподданнейший отчет, 1913: 42-43; Всеподданнейший отчет, 1913а: 54-55; Всеподданнейший отчет, 1915: 31; Всеподданнейший отчет, 1916: 31)

Годы	От 101 до 105		От 105 до 110		От 110 до 115		От 115 до 120		От 120 до 125		От 125 до 130		От 130 до 135		Общее количество			
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
1901	251	251	51	52	19	12	10	8	6	6	5	6	-	-	342	335	677	
1902	290	297	66	61	18	11	3	4	1	2	3	-	-	-	381	375	756	
1903	292	278	68	38	8	9	9	8	1	-	1	-	-	-	379	333	712	
1904	310	276	59	52	15	10	3	6	3	1	-	-	-	-	390	345	735	
1905	223	177	58	47	11	7	2	5	2	1	2	2	-	-	298	239	537	
1906	259	328	38	44	13	12	4	4	2	1	-	-	-	-	316	389	705	
1907	318	312	72	65	13	9	2	2	-	1	-	-	-	-	405	389	794	
1908	362	386	57	51	16	11	2	5	-	-	-	-	-	-	437	453	890	
1909	287	292	98	99	13	15	5	7	-	2	-	-	1	-	404	415	819	
1910	424	409	93	65	20	15	5	7	1	-	-	-	-	-	543	497	1040	
1911	Детализированных данных нет																	
1912	Детализированных данных нет																	
1913	Детализированных данных нет																	
1914	Детализированных данных нет																	
Итого	3016	3006	660	574	146	111	45	56	16	14	11	8	1	1	5914	5630	11544	

Согласно данным [Таблицы 1](#), в указанное время было 11 544 долгожителя обоего пола. При этом, как и ранее, среди них наблюдался некоторый гендерный дисбаланс (5 914 мужчин и 5 630 женщин). Во все рассматриваемые нами годы количество мужчин-долгожителей было большим, чем женщин. С одной стороны, в 1850–1914 гг. в Российской империи и мужчин рождалось больше, чем женщин ([Таблица 2](#)), но, с другой – женщины-долгожители составляли всего 43,5 % от общего количества долгожителей, тогда как их удельный вес при рождении составлял 48,9 % ([Cherkasov et al., 2021b: 1329](#)). Если сравнивать количество долгожителей с предыдущими периодами, который мы изучали, а именно с 1836 по 1849 гг., то можно сразу обратить внимание на резкое сокращение количества долгожителей. Так, в 1836 г. долгожителей мужчин было 808 ([Cherkasov et al., 2021: 160](#)), тогда как максимальное количество их в этот период было 315 в 1853 г. и 368 в 1900 г. В период 1836–1849 гг. средний показатель долгожителей-мужчин составлял 429 человек в год, в то время как в 1850–1875 гг. этот же показатель был на уровне 224 человек, то есть произошло практически 50-процентное сокращение количества долгожителей среди мужчин, а в период с 1876 по 1900 – 225 человек. Помимо этого, в 1836 г. был поставлен и возрастной рекорд, когда мужчина достиг возрастного диапазона от 160 до 165 лет. В 1850–1875 гг. долгожители достигали возрастного диапазона только от 145 до 150 лет, в 1876–1900 гг. – только от 135 до 140 лет, а в 1901–1914 гг. – не более 130–135 лет.

Таблица 2. Гендерный баланс лиц, родившихся в Российской империи в 1901–1914 гг. ([Всепопданнейший отчет, 1905: 18](#); [Всепопданнейший отчет, 1905а: 18](#); [Всепопданнейший отчет, 1909: 40, 48](#); [Всепопданнейший отчет, 1910: 38, 46, 54](#); [Всепопданнейший отчет, 1911: 41](#); [Всепопданнейший отчет: 1913, 31](#); [Всепопданнейший отчет, 1913а: 49](#); [Всепопданнейший отчет, 1915: 30](#); [Всепопданнейший отчет, 1916: 30](#))

Годы	Мальчики	Девочки	Всего
1901	2 469 122	2 355 017	4 824 139
1902	2 584 944	2 464 566	5 049 510
1903	2 588 403	2 458 277	5 046 680
1904	2 655 907	2 521 584	5 177 491
1905	2 501 805	2 388 088	4 889 893
1906	2 683 429	2 556 333	5 239 762
1907	2 775 973	2 656 498	5 432 471
1908	2 750 894	2 619 719	5 370 613
1909	2 798 683	2 672 899	5 471 582
1910	2 867 810	2 753 049	5 620 859
1911	2 874 670	2 758 846	5 633 516
1912	2 903 496	2 790 055	5 693 551
1913	2 895 314	2 774 389	5 669 703
1914	2 956 454	2 822 120	5 778 574
Итого	38 306 904	36 591 440	74 898 344

Значительный интерес представляют также территории, где фиксировалось большее количество долгожителей. Как мы уже отмечали, в указанное время эти территории назывались епархиями Русской православной церкви, в учет долгожителей включались только лица православного вероисповедания. Для удобства ранжирования мы составили Топ-10 епархий по большому количеству долгожителей на 1 тыс. жителей. Рассмотрим эту динамику по годам.

Таблица 3. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1901 год ([Всепопданнейший отчет, 1905: 16-19](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	11	21 074	0,52
2	Енисейская	29	28 295	1,03
3	Уфимская	29	36 768	0,78
4	Туркестанская	8	5 510	1,45
5	Тамбовская	36	106 801	0,33
6	Владикавказская	11	13 521	0,81
7	Омская	31	34 572	0,91
8	Ставропольская	101	87 924	1,14
9	Таврическая	36	31 285	1,16
10	Тобольская	26	37 222	0,70

Важно дополнить, что в 1901 г. на территории Ставропольской епархии скончались сразу десять православных лиц (по 5 мужчин и женщин), достигших максимального возраста в диапазоне от 125 до 130 лет, помимо этого в том же возрастном диапазоне умерла женщина из Пензенской епархии. Таким образом, на первом месте были сразу 11 человек. На втором месте по долголетию были также жители Ставропольской епархии – 6 мужчин и 5 женщин, возраст которых был в пределах от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1901 г. умерло 677 человека-долгожителя, из них 342 мужчины и 335 женщин. Гендерный дисбаланс наблюдался не только среди долгожителей, но и среди родившихся (2 469 122 мальчика и 2 355 017 девочек), а также среди умерших (1 651 тыс. мужчин и 1 541 тыс. женщин¹) ([Всепопданнейший отчет, 1905: 18-19](#)).

Таблица 4. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1902 год ([Всепопданнейший отчет, 1905а: 16-23](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Таврическая	32	37 397	0,86
2	Благовещенская		5 188	0,40
3	Владивостокская	2	3 622	0,55
4	Енисейская	41	22 173	1,86
5	Забайкальская	11	15 374	0,73
6	Омская	46	38 291	1,21
7	Ставропольская	71	99 776	0,71
8	Тобольская	44	47 146	0,93
9	Туркестанская	6	7 168	0,85
10	Грузинский экз.	18	33 691	0,52

Важно дополнить, что на первом месте по долголетию в 1902 г. были сразу трое мужчин, два из которых из Ставропольской епархии и один из Херсонской, эти люди скончались в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1902 г. умерло 756 человек-долгожителей, из них 381 мужчина и 375 женщин. Гендерный дисбаланс наблюдался не только среди долгожителей, но и среди родившихся (2 584 944 мальчика и 2 464 566 девочек), а также среди умерших (1 673 тыс. мужчин и 1 569 тыс. женщин²) ([Всепопданнейший отчет, 1905а: 18-19](#)).

Таблица 5. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1903 год ([Всепопданнейший отчет, 1909: 38-45](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	13	21 062	0,61
2	Енисейская	23	23 736	0,97
3	Самарская	57	87 824	0,64
4	Таврическая	26	31 328	0,83
5	Благовещенская	5	5 164	0,95
6	Владивостокская	5	3 920	1,25
7	Владикавказская	20	13 305	1,53
8	Забайкальская	12	18 290	0,67
9	Омская	35	34 925	1,00
10	Тобольская	25	39 805	0,62

В 1903 г. рекорд по долголетию был поставлен мужчиной из Херсонской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. На втором месте было 12 жителей (8 мужчин и 4 женщины): мужчины (по одному в Самарской, Харьковской, Омской, два в Донской и три в Херсонской епархиях), женщины (по одной в Харьковской, Тобольской, Екатеринославской и Енисейской епархиях), все эти люди умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1903 г. умерло 712 человек-долгожителей, из них 379 мужчин и 333 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 588 403 мальчика

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

и 2 458 277 девочек), а также среди умерших (1 621 тыс. мужчин и 1 504 тыс. женщин¹) (Всепопданнейший отчет, 1909: 40-41).

Таблица 6. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1904 год (Всепопданнейший отчет, 1909: 46-53)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	22	21 230	1,04
2	Таврическая	22	29 999	0,73
3	Тобольская	29	47 632	0,60
4	Херсонская	57	69 703	0,81
5	Благовещенская	7	4 639	1,52
6	Владикавказская	11	13 730	0,78
7	Кишиневская	72	50 363	1,44
8	Омская	41	42 247	0,97
9	Туркестанская	10	7 015	1,42
10	Грузинский экз.	24	32 221	0,75

В 1904 г. рекорд по долгожительству был поставлен четырьмя долгожителями (трое мужчин и 1 женщина), которые скончались в возрастном диапазоне от 120 до 135 лет (двое мужчин проживали в Екатеринославской епархии, один – в Херсонской; определить, к какой епархии принадлежала женщина, не удалось). На втором месте были сразу девять человек: трое мужчин (два в Херсонской и один в Харьковской епархиях) и шесть женщин (по одной в Херсонской, Таврической, Владикавказской, Астраханской и две в Екатеринославской епархиях), которые умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1904 г. умерло 735 человека-долгожителя, из них 390 мужчин и 345 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 655 907 мальчиков и 2 521 584 девочки), а также среди умерших (1 660 тыс. мужчин и 1 520 тыс. женщин²) (Всепопданнейший отчет, 1909: 48-49).

Таблица 7. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1905 год (Всепопданнейший отчет, 1910: 36-43)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	28	25 855	1,07
2	Таврическая	19	37 099	0,51
3	Уфимская	31	41 636	0,73
4	Херсонская	42	82 442	0,51
5	Владикавказская	12	16 411	0,75
6	Кишиневская	101	54 814	1,83
7	Омская	20	38 299	0,52
8	Тобольская	27	35 977	0,75
9	Ставропольская	66	105 316	0,62
10	Астраханская	4	25 713	0,16

В 1905 г. рекорд по долгожительству был поставлен четырьмя жителями (двое мужчин и две женщины): мужчины из Псковской и Казанской, а женщины из Псковской епархий, которые скончались в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место разделили три человека (двое мужчин и одна женщина): мужчины из Екатеринославской епархии, а женщина из Рязанской, которые умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1905 г. умерло 537 человек-долгожителей, из них 298 мужчин и 239 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 501 805 мальчиков и 2 388 088 девочек), а также среди умерших (1 787 тыс. мужчин и 1 639 тыс. женщин³) (Всепопданнейший отчет, 1910: 38-39).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

³ Цифры округлены нами.

Таблица 8. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1906 год (Всепопданнейший отчет, 1910: 44-51)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	14	24 842	0,48
2	Енисейская	19	25 498	0,76
3	Таврическая	21	39 159	0,53
4	Уфимская	33	38 772	0,84
5	Владикавказская	16	14 616	1,06
6	Омская	34	38 582	0,87
7	Туркестанская	7	8 473	0,85
8	Ставропольская	66	105 316	0,62
9	Херсонская	49	77 649	0,62
10	Забайкальская	55	15 629	3,43

В 1906 г. рекорд по долгожительству был поставлен тремя жителями (двое мужчин и женщина): мужчины были из Екатеринославской, а женщина из Минской епархий, которые скончались в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у восьми долгожителей (четверо мужчин и 4 женщины): мужчины – по одному в Омской, Благовещенской и два – в Херсонской епархиях, женщины – по одной во Владикавказской, Уфимской и две – в Екатеринославской епархиях, которые умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1906 г. умерло 705 человек-долгожителей, из них 316 мужчин и 389 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 683 429 мальчиков и 2 556 333 девочки), а также среди умерших (1 747 тыс. мужчин и 1 605 тыс. женщин¹) (Всепопданнейший отчет, 1910: 46-47).

Таблица 9. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1907 год (Всепопданнейший отчет, 1910: 52-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	29	29 984	0,96
2	Тобольская	18	45 873	0,39
3	Забайкальская	6	17 001	0,35
4	Херсонская	47	75 305	0,62
5	Уфимская	27	39 637	0,67
6	Кишиневская	49	53 267	0,92
7	Омская	25	46 907	0,53
8	Туркестанская	8	8 359	0,98
9	Ставропольская	90	108 150	0,83
10	Таврическая	45	37 485	1,21

В 1907 г. рекорд по долгожительству был поставлен жительницей Херсонской епархии, которая скончалась в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у четырех жителей (двое мужчин и две женщины), которые умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Мужчины были из Полтавской и Енисейской, а женщины из Енисейской и Саратовской епархий. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1907 г. умерло 794 человека-долгожителя, из них 405 мужчин и 389 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 775 973 мальчика и 2 656 498 девочек), а также среди умерших (1 702 тыс. мужчин и 1 567 тыс. женщин²) (Всепопданнейший отчет, 1910: 54-55).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 10. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1908 год (Всепопданнейший отчет, 1911: 52-55)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	76	27 710	2,71
2	Енисейская	15	32 895	0,45
3	Херсонская	61	73 324	0,83
4	Самарская	67	106 132	0,63
5	Кишиневская	32	55 880	0,57
6	Уфимская	41	38 278	1,07
7	Таврическая	41	36 053	1,13
8	Тобольская	29	45 549	0,55
9	Владикавказская	20	17 337	1,17
10	Омская	33	52 584	0,62

В 1908 г. рекорд по долгожительству был установлен семью жителями Российской империи: из них двое мужчин (Самарская и Московская епархии) и 5 женщин (по одной из Астраханской, Омской, Самарской и две из Донской епархий), которые скончались в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Второе место было у 27 жителей (16 мужчин и 11 женщин, которые умерли в возрастном диапазоне от 110 до 115 лет. Мужчины проживали по одному в Харьковской, Самарской, Пензенской, Омской, Минской, Казанской, Енисейской, Донской, Воронежской, Волынской, два в Таврической, четыре в Херсонской епархиях, а женщины по одной в Астраханской, Воронежской, Литовской, Рязанской, Самарской, Таврической, Херсонской и по две в Донской и в Казанской епархиях. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1908 г. умерло 890 человек-долгожителей, из них 437 мужчин и 453 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 750 894 мальчика и 2 619 719 девочек), а также среди умерших (1 798 тыс. мужчин и 1 625 тыс. женщин¹) (Всепопданнейший отчет, 1911: 41, 55).

Таблица 11. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1909 год (Всепопданнейший отчет, 1911: 64-67)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	27 909	0,21
2	Енисейская	23	33 075	0,69
3	Уфимская	23	44 609	0,51
4	Херсонская	53	84 946	0,62
5	Туркестанская	6	12 509	0,49
6	Якутская	18	8 336	2,25
7	Владикавказская	17	17 059	1,00
8	Благовещенская	6	8 335	0,75
9	Кишиневская	29	61 323	0,47
10	Омская	34	54 661	0,61

В 1909 г. рекорд по долгожительству был поставлен мужчиной из Енисейской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Второе место было у двух женщин-долгожителей из Донской епархии, которые умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1909 г. умерло 819 человек-долгожителей, из них 404 мужчины и 415 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 798 683 мальчика и 2 672 899 девочек), а также среди умерших (1 905 тыс. мужчин и 1 742 тыс. женщин²) (Всепопданнейший отчет, 1911: 41, 67).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 12. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1910 год (Всепопданнейший отчет, 1913: 40-43)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	33	27 887	1,17
2	Енисейская	31	34 298	0,91
3	Херсонская	55	99 773	0,55
4	Таврическая	32	40 539	0,78
5	Владикавказская	22	21 092	1,04
6	Благовещенская	19	9 586	2,00
7	Владивостокская	3	6 160	0,50
8	Якутская	6	9 975	0,60
9	Омская	56	62 096	0,90
10	Туркестанская	8	15 355	0,53

В 1910 г. рекорд по долгожительству был поставлен женщиной из Якутской епархии, которая умерла в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Второе место было у мужчины из Енисейской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1910 г. умерло 1040 человек-долгожителей, из них 543 мужчины и 497 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 867 810 мальчиков и 2 753 049 девочек), а также среди умерших (2 061 тыс. мужчин и 1 892 тыс. женщин¹) (Всепопданнейший отчет, 1913: 58-59).

Таблица 13. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1911 год (Всепопданнейший отчет, 1913а: 52, 54)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	25	26 361	0,96
2	Енисейская	20	32 159	0,62
3	Уфимская	54	49 193	1,10
4	Таврическая	30	37 164	0,81
5	Благовещенская	18	9 083	2,00
6	Владикавказская	24	16 491	1,50
7	Ставропольская	61	107 588	0,56
8	Омская	65	65 890	0,98
9	Якутская	17	9 305	1,88
10	Грузинский экз.	26	9 868	2,60

С 1911 г. во «Всепопданнейших отчетах опер-прокурора Святейшего синода» перестала публиковаться детализированная информация о возрасте долгожителей по годам. Ввиду этого выявить долгожителей не представляется возможным. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1911 г. умерло 1 145 человек-долгожителей, из них 612 мужчин и 533 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 874 670 мальчиков и 2 758 846 девочек), а также среди умерших (1 811 тыс. мужчин и 1 636 тыс. женщин²) (Всепопданнейший отчет, 1913а: 51, 54).

Таблица 14. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1912 год (Всепопданнейший отчет, 1913а: 53, 55)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	42	34 293	1,23
2	Херсонская	31	65 886	0,46
3	Таврическая	31	35 293	0,88
4	Уфимская	37	45 955	0,80

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

5	Владивостокская	5	8 504	0,62
6	Благовещенская	11	10 616	1,03
7	Владикавказская	18	17 511	1,00
8	Кишиневская	28	53 721	0,51
9	Омская	52	61 996	0,83
10	Туркестанская	34	15 416	2,26

В 1912 г., как в 1911 г., детализированной статистики не было. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1912 г. умерло 1 021 человек-долгожитель, из них 530 мужчин и 491 женщина. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 903 496 мальчиков и 2 790 055 девочек), а также среди умерших (1 791 тыс. мужчин и 1 614 тыс. женщин¹) (Всепопданнейший отчет, 1913а: 51, 55).

Таблица 15. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1913 год (Всепопданнейший отчет, 1915: 28-31)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	14	22 808	0,60
2	Таврическая	41	39 650	1,02
3	Туркестанская	7	18 776	0,36
4	Владивостокская	4	8 012	0,50
5	Уфимская	45	46 242	0,97
6	Благовещенская	2	11 583	0,18
7	Владикавказская	21	17 269	1,23
8	Кишиневская	46	59 166	0,77
9	Омская	36	76 847	0,46
10	Самарская	78	103 932	0,75

В 1913 г. детализированной статистики по годам долгожителей не было. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1913 г. умерло 812 человек-долгожителей, из них 400 мужчин и 412 женщин. Как обычно, небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 895 314 мальчиков и 2 774 389 девочек), а также среди умерших (1 838 тыс. мужчин и 1 649 тыс. женщин²) (Всепопданнейший отчет, 1915: 30-31).

Таблица 16. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1914 год (Всепопданнейший отчет, 1916: 28-31)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	21	34 493	0,61
2	Астраханская	10	23 693	0,43
3	Ставропольская	68	118 604	0,57
4	Таврическая	41	36 343	1,13
5	Уфимская	35	46 416	0,76
6	Якутская	5	12 779	0,41
7	Владивостокская	2	2 582	0,80
8	Владикавказская	21	18 907	1,10
9	Кишиневская	31	54 640	0,56
10	Туркестанская	14	18 306	0,77

В 1914 г. детализированной статистики не публиковалось. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1914 г. умер 901 человек-долгожитель, из них 477 мужчин и 424 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2 956 454 мальчика и 2 822 120 девочек), а также среди умерших (1 827 тыс. мужчин и 1 643 тыс. женщин³) (Всепопданнейший отчет, 1916: 30-31). Важно пояснить, что в число умерших уже начали включать

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

³ Цифры округлены нами.

погибших в годы Первой мировой войны военнослужащих, то есть смертность в Российской империи возросла за счет боевых потерь.

После сведения Таблиц 3–16 в единую сводную таблицу мы обнаружили, что в рейтинг попали всего 20 епархий Российской империи. 16 епархий были включены в Таблицу 17, как наиболее часто представленные в рейтинге.

Таблица 17. Количество лиц мужского пола православного вероисповедания умерших в возрасте более 100 лет на 1 тыс. среди всех умерших на территории епархии в период 1901–1914 гг.

Годы	Епархии															
	Астраханская	Ставропольская	Херсонская	Владикавказская	Якутская	Благовещенская	Тобольская	Грузин. экзархат	Енисейская	Уфимская	Омская	Самарская	Туркестанская	Таврическая	Владивостокская	Книшневская
1901	0,52	1,14	0,16	0,81	-	0,21	0,70	-	1,03	0,78	0,91	0,33	1,45	1,16	-	0,04
1902	0,44	0,71	0,43	1,35	-	0,40	0,93	0,52	1,86	0,43	1,21	0,34	0,85	0,86	0,55	0,25
1903	0,61	0,14	0,44	1,53	-	0,95	0,62	0,57	0,97	0,58	1,00	0,64	0,46	0,83	1,25	0,59
1904	1,04	0,23	0,81	0,78	-	1,52	0,60	0,75	0,46	0,57	0,97	-	1,42	0,73	-	1,44
1905	0,16	0,62	0,51	0,75	-	-	0,75	-	1,07	0,73	0,52	-	0,30	0,51	-	1,83
1906	0,48	0,62	0,62	1,06	-	0,18	0,46	-	0,76	0,84	0,87	0,20	0,85	0,53	-	0,34
1907	-	0,83	0,62	-	-	-	0,39	Д.н.	0,96	0,67	0,53	-	0,98	1,21	0,21	0,92
1908	2,71	-	0,83	1,17	0,33	0,14	0,55	-	0,45	1,07	0,62	0,63	-	1,13	0,12	0,57
1909	0,21	-	0,62	1,00	2,25	0,75	0,39	0,24	0,69	0,51	0,61	0,21	0,49	0,78	0,28	0,47
1910	1,17	0,45	0,55	1,04	0,60	2,00	0,61	0,23	0,91	0,51	0,90	0,55	0,53	0,80	0,50	0,34
1911	0,96	0,56	0,35	1,50	1,88	2,00	0,71	2,60	0,62	1,10	0,98	0,77	0,35	0,81	0,25	0,43
1912	0,47	0,25	0,46	1,12	0,30	1,03	0,44	0,18	1,23	0,80	0,83	0,52	2,26	0,88	0,62	0,51
1913	0,60	-	-	1,23	-	0,18	0,30	-	-	0,97	0,46	0,75	0,36	1,02	0,50	0,77
1914	0,43	0,57	0,36	1,10	0,41	0,41	0,45	0,30	0,61	0,76	-	0,17	0,77	1,13	0,80	0,56
Среднее значение	0,70	0,43	0,48	1,03	0,41	0,69	0,56	0,41	0,83	0,73	0,80	0,46	0,79	0,88	0,36	0,64

Прежде чем приступить к анализу [Таблицы 17](#), мы хотели бы напомнить, что в предыдущих наших исследованиях наибольшее количество долгожителей было на территории Кавказа, Украины и Сибири (Томская и Енисейская епархии) ([Cherkasov et al., 2021: 165](#); [Cherkasov et al., 2021a: 684](#); [Cherkasov et al., 2021b: 1341](#)). Согласно данным таблицы 18, за 1901–1914 гг. в Топ-5 вошли следующие регионы: первое место – Владикавказская епархия, второе – Таврическая епархия, третье и четвертое – Енисейская и Омская епархии соответственно, а на пятом – Туркестанская епархия. В Топ-10 вошли на шестом месте Уфимская епархия, седьмом – Астраханская, восьмом – Благовещенская, девятом – Кишиневская епархия и десятом – Тобольская. Таким образом, Топ-10 несколько изменился ([Таблица 25](#)).

Таблица 18. Топ-10 епархий по количеству долгожителей православного вероисповедания в 1836–1914 гг.

Топ-10	1836–1849 гг.	1850–1875 гг.	1876–1900 гг.	1901–1914 гг.
1	Кавказская	Грузинский экз.	Енисейская	Владикавказская
2	Картлинская (Груз. экз.)	Томская	Грузинский экз.	Таврическая
3	Томская	Енисейская	Туркестанская	Енисейская
4	Херсонская	Таврическая	Подольская	Омская
5	Кишиневская	Иркутская	Таврическая	Туркестанская
6	Донская	Астраханская	Херсонская	Уфимская
7	Иркутская	Тобольская	Уфимская	Астраханская
8	Новгородская	Херсонская	Астраханская	Благовещенская
9	Тамбовская	Уфимская	Тобольская	Кишиневская
10	Оренбургская	Самарская	Иркутская	Тобольская

Из 10 регионов, попавших в Топ-10 за 1876–1900 гг. в новый список, попали 6, изменения коснулись четырех епархий, из них Подольская была заменена на Омскую, а Иркутская – на Кишиневскую. Немного не хватило Кишиневской епархии, чтобы вновь попасть в рейтинг. Остальные епархии были новыми: Владикавказская выделена из Грузинского экзархата в 1894 г., а Благовещенская была создана в 1898 г., до этого она была Камчатской. При этом, если в 1836–1849 гг. в рейтинге были только две епархии Азиатской России, а в период 1850–1875 гг. их стало три (Томская, Иркутская и Енисейская), в 1876–1900 гг. их также осталось три (вышла из топ-10 Томская епархия и на ее место вошла Туркестанская), а в 1901–1914 гг. в рейтинг попали четыре епархии азиатской части (Енисейская, Омская, Туркестанская и Благовещенская).

Таблица 19. Количество долгожителей в период 1836–1914 гг.

Годы	От 101 до 105		От 105 до 110		От 110 до 115		От 115 до 120		От 120 до 125		От 125 до 130		От 130 до 135		От 135 до 140		От 140 до 145		От 145 до 165		Общее количество		
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	всего
1836–1849	2 703	Д.н.	947	Д.н.	530	Д.н.	290	Д.н.	165	Д.н.	63	Д.н.	15	Д.н.	2	Д.н.	7	Д.н.	4	Д.н.	4 726	Д.н.	4 726
1850–1875	2 788	2 222	1 161	853	437	390	294	214	96	56	53	22	7	9	5	2	3	-	3	1	4 948	3 769	8 657
1876–1900	2 990	2 659	754	673	234	174	115	105	29	20	9	5	-	-	-	1	-	-	-	-	4 142	3 645	7 787

1901–1914	3 016	3 006	660	574	146	111	45	56	16	14	11	8	1	1	-	-	-	-	-	5 914	5 630	11 544
-----------	-------	-------	-----	-----	-----	-----	----	----	----	----	----	---	---	---	---	---	---	---	---	-------	-------	--------

Рассмотрим [Таблицу 19](#) с учетом средней ежегодной численности долгожителей. Так, в период 1836–1849 гг. мы располагаем статистическими данными только за 11 лет (сведений за 1838, 1842 и 1846 гг. не обнаружено). Таким образом, только среди мужчин среднегодовая численность долгожителей составляла 429 человек. При этом лиц от 130 и более лет только среди мужчин было 2,5 человека в год. В период 1850–1875 гг. мы располагаем статданными за 22 года (сведений за 1861, 1862, 1863 и 1864 гг. не обнаружено). Среднегодовая численность долгожителей-мужчин в этот период составляла 224 человека, а вместе с женщинами – 393 человека. При этом лиц от 130 и более лет только среди мужчин было 0,86 человека в год, а вместе с женщинами – 1,36 человека в год. В период 1876–1900 гг. мы располагаем статистическими данными за 21 год (сведений за 1887, 1895, 1896 и 1899 гг. не обнаружено). Среднегодовая численность долгожителей-мужчин в этот период составляла 197 человек, а вместе с женщинами – 370 человек. При этом лиц от 130 и более лет только среди мужчин не было совсем, а среди женщин – 0,04 человека в год. В период 1901–1914 гг. мы располагаем статданными за весь период, однако с 1911 по 1914 гг. сведения о количестве лет у долгожителей перестали публиковаться. В этот период количество долгожителей резко возросло и средний показатель составил для мужчин 422 человека, а вместе с женщинами 824 человека в год.

Таким образом, среднегодовая численность долгожителей в период 1836–1914 гг. носила циклический характер. Если в 1836–1849-е гг. численность долгожителей-мужчин составляла 429 человек в год, то в 1850–1875-х гг. мы можем наблюдать сильное сокращение – 224 человека, в 1876–1900 гг. их число продолжало сокращаться до 197 человек, однако в 1901–1914 гг. их количество резко возросло до 422 человек, то есть практически до значения 1836–1849 гг. Для лучшей визуализации мы составили график количества долгожителей-мужчин в период 1836–1914 гг. (См. [Рисунок 1](#)). За этот же период мы видим сокращение рекордной продолжительности жизни. Так, в 1836–1849 гг. ежегодное количество лиц в возрасте от 130 и более лет было 2,5 человека (только мужчины), в 1850–1875 гг. их количество сократилось до 1,36 человека в год (обоих полов), в 1876–1900 гг. их число сократилось до 0,04 человека (обоих полов) и в 1901–1910 гг. (мы располагаем детализированными данными только за этот период) – 0,2 человека в год (обоих полов).

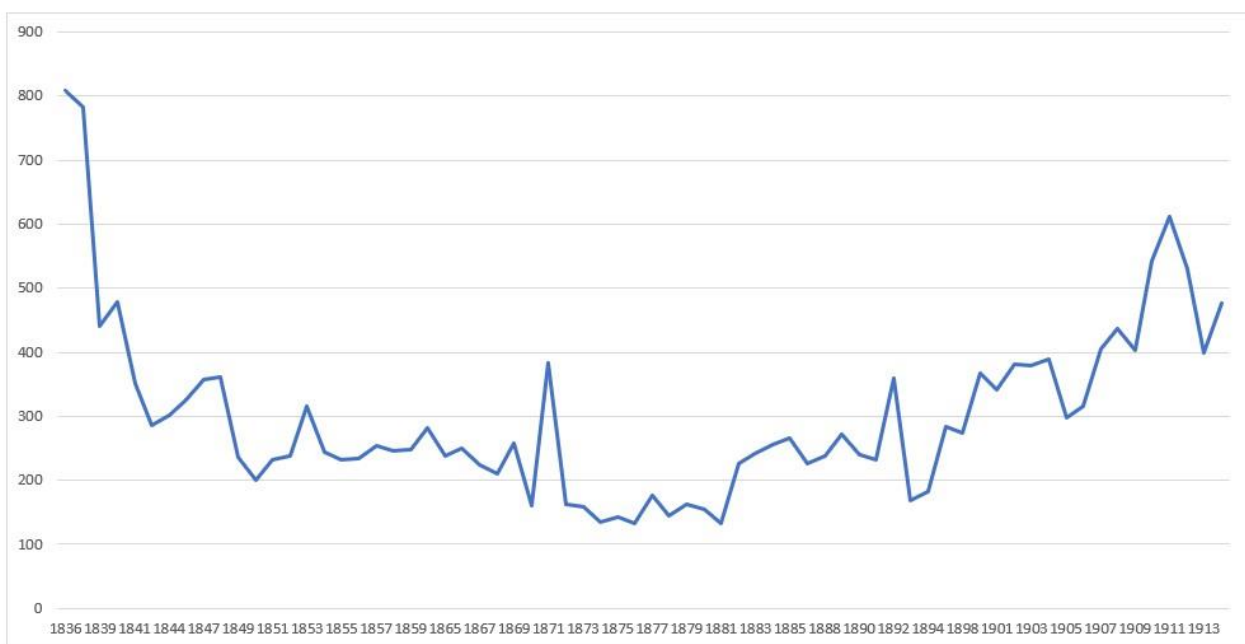

Рис. 1. Количество мужчин-долгожителей православного вероисповедания в Российской империи в период 1836–1914 гг.

5. Заключение

Сделаем некоторые выводы по всей работе:

1. Об источнике. В изучаемый период 1836–1914 гг. Святейшим синодом было подготовлено 68 ежегодных «Всепопданнейших отчетов обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания», на массиве этих статистических данных и было проведено данное

исследование. В 64 отчетах присутствовали детализированные данные о возрасте долгожителей (детализированные сведения перестали публиковаться только в 1911–1914 гг.). В изучаемый период не было подготовлено 11 ежегодных отчетов, а именно: 1838, 1842, 1846, 1861, 1862, 1863, 1864, 1887, 1895, 1896, 1899 гг. Первичным источником для «Всепожданнейшего отчета» были метрические книги, которые начали вестись священниками еще в начале XVIII века. К середине XIX века учет православного населения, а именно данные о рождении, бракосочетании и смерти, в целом осуществлялся на достаточно высоком уровне. В связи с этим качество источника больших сомнений не вызывает.

2. О максимальной продолжительности жизни. Одним из важных аспектов нашего исследования является продолжительность жизни долгожителей. Несмотря на то, что учет православного населения начался еще за 100 лет, до сбора сведений в первый «Всепожданнейший отчет за 1836 г.» определение возраста умершего долгожителя было весьма сложным, так как в момент его рождения метрические книги еще не велись или велись небрежно. Тем не менее нужно понимать, что в XIX веке человек не мог взять и заявить, что ему 100 лет, так как правительство проводило регулярные ревизии населения с целью взыскания налогов. Ревизии собирали сведения не только о главе семейства и его возрасте, но и обо всех членах семьи с указанием возрастов. Иными словами, если человек говорил, что ему 100 лет, то по последней ревизии (20 лет назад) ему должно было быть зафиксировано 80-летие и так далее. Таким образом, если кто-то достигал возраста долгожителя, то об этом знал не только весь населенный пункт, но и вся округа. Согласно нашим данным, в разные рассматриваемые нами периоды максимальный возраст долгожителей отличался. Так, в период 1836–1849 гг. был зафиксирован случай смерти долгожителя в возрастном диапазоне от 160 до 165 лет – 1836 г. В период 1850–1875 гг. было зафиксировано 4 человека, которые умерли в возрастном диапазоне от 145 до 150 лет (по одному в 1850, 1852 гг. и два в 1859 г.). В период 1876–1900 гг. был зафиксирован один человек в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет (1888 г.), и в период 1901–1910 гг. было зафиксировано два человека, умерших в возрастном диапазоне 130–135 лет (1909 и 1910 гг.). Из представленных данных можно увидеть, что максимальная продолжительность жизни в период с 1836 по 1914 гг. постоянно снижалась, в том числе, на наш взгляд, и благодаря повышающемуся качеству учета.

3. О составе долгожителей. В отчетах с 1836 по 1849 гг. учитывалось только мужское православное население, а с 1850 по 1914 гг. в отчеты было включено православное население обоих полов. Всего с 1836 по 1914 гг. православных мужчин долгожителей насчитывалось 20 423 человека, что в среднем составляло по 300,33 человека в год. Для определения гендерного состава долгожителей обратимся к статистике за период с 1850 по 1914 гг., когда в Российской империи учитывалось православное население обоих полов. Эта выборка включает данные за 57 лет. Так, в указанное время было зарегистрировано 15 697 мужчин-долгожителей, возраст которых превышал 100 лет. Среднегодовое их значение составляло 275,38 человек. Что касается женщин, то за эти годы их число составляло 13 044 человека, а среднее значение – 228,84 человека в год. Таким образом, общее количество долгожителей обоих полов насчитывало в 1850–1914 гг. – 28 741 человек (среднегодовое значение составляло 521,77 человека). Среди долгожителей мужчины составляли 54,6 %, а женщины – 45,4. Несмотря на то, что мальчиков рождалось больше, чем девочек, мужчины в Российской империи становились долгожителями чаще, чем женщины.

4. Теперь о географии. Анализ статданных по епархиям позволил выявить территории, где было зафиксировано максимальное количество долгожителей на каждую тысячу человек среди умерших. Так, наиболее благоприятными территориями были: Кавказ (Грузинский экзархат, включая Владикавказскую епархию, а также Астраханская епархия); украинские епархии (Таврическая, Херсонская) и азиатская часть России (дальневосточные территории – Благовещенская епархия, помимо этого Омская, Енисейская и Туркестанская епархии). Высокие показатели были и у некоторых других епархий, например Тобольской, Уфимской и Самарской. В целом можно сказать, что данные территории положительно (климатически и географически) сказывались на продолжительности жизни человека.

5. О демографической цикличности. Анализ статистических данных за период с 1836 по 1914 гг. показывает, что максимальное значение долгожителей среди мужчин было зафиксировано в 1836 г. – 808 человек (самый ранний из проанализированных отчетов), в последующем количество мужчин-долгожителей неуклонно снижалось и к 1874 г. достигло своего минимума – 135 человек. Минимальные значения для мужчин-долгожителей были характерны до 1881 г., после чего начался постепенный рост, который продолжался вплоть до Первой мировой войны (максимальное значение среди мужчин в 1911 г. составило 612 долгожителей). Аналогичная ситуация была и для женщин в период с 1850 по 1914 гг. Таким образом, тренд о снижении продолжительности жизни людей в мире в Российской империи не находил подтверждения.

Литература

Алиджанова и др., 2010 – Алиджанова Х.Г., Кауров Б.А., Артемьева О.В. Долгожительство: 1. Социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты // *Успехи геронтологии*. 2010. № 4 (23). С. 611–620.

Алпатов, Гройсман, 2017 – Алпатов А.В., Гройсман Е.В. Статистический анализ демографического старения населения Волгоградской области // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2017. № 3 (72). С. 66-76.

Андрианов, 2011 – Андрианов В. Социально-экономические и философские проблемы старения населения // *Общество и экономика*. № 4–5. С. 87-121.

Буныковский, 1865 – Буныковский В.Я. О законах смертности и народонаселения в России // *ЖМНП*. 1865. № 7. С. 163-174.

Винокурова и др., 2020 – Винокурова Д.М., Егорова А.Г., Чириков А.В. Долголетие и старость: различия подходов медицины и социологии // *Социология*. 2020. № 3. С. 234-240.

Всепопданнейший отчет, 1905 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1901 г. Санкт-Петербург, 1905.

Всепопданнейший отчет, 1905а – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1902 г. Санкт-Петербург, 1905.

Всепопданнейший отчет, 1909 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1903–1904 гг. Санкт-Петербург, 1909.

Всепопданнейший отчет, 1910 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1905–1907 гг. Санкт-Петербург, 1910.

Всепопданнейший отчет, 1911 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1908–1909 гг. Санкт-Петербург, 1911.

Всепопданнейший отчет, 1913 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1910 г. Санкт-Петербург, 1913.

Всепопданнейший отчет, 1913а – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1911–1912 гг. Санкт-Петербург, 1913.

Всепопданнейший отчет, 1915 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1913 г. Петроград, 1915.

Всепопданнейший отчет, 1916 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1914 г. Петроград, 1916.

Кузнецова, 2014 – Кузнецова С.М. Социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе // *Неврология и нейрохирургия. Восточная Европа*. 2014. № 3 (23). С. 83-89.

Лабутин и др., 2007 – Лабутин Н.Ю., Санников А.Л., Лабутина Н.О. Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века // *Экология человека*. 2007. № 8. С. 47-51.

Миттельдорф, 2012 – Миттельдорф Д.Д. Демографическое доказательство адаптивных теорий старения // *Биохимия*. 2012. № 7 (77). С. 871-875.

Пащенко, Пащенко, 1995 – Пащенко В.П., Пащенко Е.В. Долгожители европейского севера России // *Экология человека*. 1995. № 2. С. 114-117.

Cherkasov et al., 2021 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 159-168.

Cherkasov et al., 2021a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 669-688.

Cherkasov et al., 2021b – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1326-1345.

References

Alidzhanova i dr., 2010 – Alidzhanova, Kh.G., Kaurrov, B.A., Artem'eva, O.V. (2010). Dolgozhitel'stvo: 1. Sotsial'nye, klinicheskie i nekotorye metabolicheskie aspekty [Longevity: 1. Social, clinical and some metabolic aspects]. *Uspekhi gerontologii*. 4(23): 611-620. [in Russian]

Alpatov, Groisman, 2017 – Alpatov, A.V., Groisman, E.V. (2017). Statisticheskii analiz demograficheskogo stareniya naseleniya Volgogradskoi oblasti [Statistical analysis of demographic aging of the population of the Volgograd region]. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*. 3(72): 66-76. [in Russian]

Andrianov, 2011 – Andrianov, V. (2011). Sotsial'no-ekonomicheskie i filosofskie problemy stareniya naseleniya [Socio-economic and philosophical problems of population aging]. *Obshchestvo i ekonomika*. 4-5: 87-121. [in Russian]

Bunyakovskii, 1865 – Bunyakovskii, V.Ya. (1865). O zakonakh smertnosti i narodonaseleniya v Rossii [On the laws of mortality and population in Russia]. *ZhMNP*. 7: 163-174. [in Russian]

Cherkasov et al., 2021 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G. (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 159-168.

[Cherkasov et al., 2021a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G. (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 669-688.

[Cherkasov et al., 2021b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1326-1345.

[Vsepoddanneishii otchet, 1905](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1901 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1901]. SPb., 1905. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1905a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1902 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1902]. SPb., 1905. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1909](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1903-1904 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1903-1904]. SPb., 1909. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1910](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905-1907 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1905-1907]. SPb., 1910. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1911](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908-1909 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1908-1909]. SPb., 1911. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1910]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1911-1912 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1911-1912]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1915](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1913]. Petrograd, 1915. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1916](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]

[Kuznetsova, 2014](#) – Kuznetsova, S.M. (2014). Sotsial'no-sredovye i geneticheskie mekhanizmy formirovaniya fenomena dolgoletiya na Kavkaze [Socio-environmental and genetic mechanisms of the formation of the phenomenon of longevity on the Caucasus]. *Nevrologiya i neirokhirurgiya. Vostochnaya Evropa*. 3(23): 83-89. [in Russian]

[Labutin i dr., 2007](#) – Labutin, N.Yu., Sannikov, A.L., Labutina, N.O. (2007). Sotsial'naya zashchishchennost' pomorov evropeiskogo severa v zavisimosti ot klimatoekologicheskikh faktorov v dinamike istoricheskikh protsessov XX veka [Social security of the Pomors of the european north, depending on climatic and ecological factors in the dynamics of historical processes of the XX century]. *Ekologiya cheloveka*. 8: 47-51. [in Russian]

[Mittel'dorf, 2012](#) – Mittel'dorf, D.D. (2012). Demograficheskoe dokazatel'stvo adaptivnykh teorii stareniya [Demographic evidence of adaptive theories of aging]. *Biokhimiya*. 7 (77): 871-875. [in Russian]

[Pashchenko, Pashchenko, 1995](#) – Pashchenko, V.P., Pashchenko, E.V. (1995). Dolgozhiteli evropeiskogo severa Rossii [Long-livers of the European North of Russia]. *Ekologiya cheloveka*. 2: 114-117. [in Russian]

[Vinokurova i dr., 2020](#) – Vinokurova, D.M., Egorova, A.G., Chirikov, A.V. (2020). Dolgoletie i starost': razlichiya podkhodov meditsiny i sotsiologii [Longevity and old age: differences in the approaches of medicine and sociology]. *Sotsiologiya*. 3: 234-240. [in Russian]

**Долгожители Российской империи (1836–1914 гг.):
историко-статистическое исследование. Часть 4**

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^{d, e},
Людмила Григорьевна Зимовец ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

^f Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка комплексного историко-статистического исследования о долгожителях Российской империи в период 1836–1914 гг. В этой части работы анализируется период 1900–1914 гг., в данное время учет велся мужского и женского населения православного вероисповедания.

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. Работа построена на основе базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1836–1914 гг., а также обнаружить важные характерные особенности.

В заключении авторы отмечают, что анализ статданных по епархиям дал возможность выявить территории, где было зафиксировано максимальное количество долгожителей на каждую тысячу человек среди умерших. Так, наиболее благоприятными территориями были: Кавказ (Грузинский экзархат, включая Владикавказскую епархию, а также Астраханская епархия); украинские епархии (Таврическая, Херсонская) и азиатская часть России (дальневосточные территории – Благовещенская епархия, помимо этого Омская, Енисейская и Туркестанская епархии). Высокие показатели были и у некоторых других епархий, например Тобольской, Уфимской и Самарской. В целом можно сказать, что данные территории положительно (климатически и географически) сказывались на продолжительности жизни человека.

Помимо этого, благодаря статистическим данным за период с 1836 по 1914 гг., авторами было выявлено, что максимальное значение долгожителей среди мужчин было зафиксировано в 1836 г. – 808 человек (самый ранний из проанализированных отчетов), в последующем количество мужчин-долгожителей неуклонно снижалось и к 1874 г. достигло своего минимума – 135 человек. Минимальные значения для мужчин-долгожителей были характерны до 1881 г., после чего начался постепенный рост, который продолжался вплоть до Первой мировой войны (максимальное значение среди мужчин в 1911 г. составило 612 долгожителей). Аналогичная ситуация была и для женщин в период с 1850 по 1914 гг. Таким образом, тренд о снижении продолжительности жизни людей в мире в Российской империи не находил подтверждения.

Ключевые слова: долгожители, Российская империя, Кавказ, Святейший Синод, 1836–1914 гг., историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

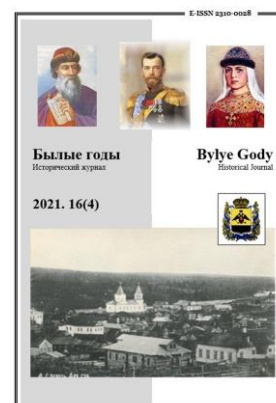
Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1779-1788
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1779

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century)

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Andrey A. Baibarin ^c, Elena K. Mineeva ^d, Leonid L. Balanyuk ^{e, f}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^f Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the capture of 80 Russian prisoners as a phenomenon in the first half of the XIX century, using the example of the case of the return of 80 Russian prisoners from the Khiva Khanate.

There are used as sources the archival documents of the State Archive of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation), namely case No. 4993 “The case of 80 Russian prisoners taken out of Khiva in 1839”. It contains 80 questionnaires about the circumstances of the capture of Russian people, their sale, as well as their stay in captivity. The documents are being introduced into scientific circulation for the first time.

In conclusion, the authors state that, as in the Caucasus, the most expensive living goods were children (boys and girls under 15 years old). The maximum price among them, according to available data, reached 130 gold Khiva coins on the Khiva slave market. It is also important to understand that there were at least two prices for slaves: one when buying at the place of production division (usually in a coastal village), such a price could be 50 % lower than the market price and the price at slave markets in cities. That is why the nomads in the villages on the coast of the Caspian Sea always had a lot of slave traders. Throughout the entire period, with the exception of 1839, the prices for prisoners were quite high. That is why the slaveholders several times thought that it would be more profitable from a financial point of view to quickly sell live goods to slavers at a bargain price and go on a new raid or take a break from raiding activities and go to Khiva themselves to sell the goods. Quite often, the predators chose the second option. In 1839, raids on Russian fishermen became widespread, besides this, the predators captured many prisoners on the Persian coast, all this brought down the prices of live goods and in the villages for 30-39-year-old Russian fishermen began to give from 11 to 16 gold Khiva coins, while previously the cost was from 30 to 50. In terms of a rigid vertical of power of the feudal lord, which was the Khan of Khiva, the permission for raids could be authorized only at the very top. The predators, in turn, were taxed in favor of the khan. If someone wanted to sell the prisoners in Khiva at the maximum price, but this person had to be ready to give the khan 20 % of the live goods first, and after selling the prisoners, give another 10 % of the proceeds to the khan's treasury. Despite such a double tax, the number of persons who want to traffick people did not decrease, and the slave market flourished both in Khiva and in other regions of Central Asia.

Keywords: slave capture, slave trade, Central Asia, the Principality of Khiva, prices for slaves, slave market, nomads, Kyrgyz, Russian Empire, Caspian Sea, sea robbery, captives.

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

1. Введение

Материалы опросов людей, возвратившихся из плена (рабства), являются достаточно редким источником по истории рабовладения в XIX веке. Тем не менее такие материалы вводятся в научный оборот и сегодня, несмотря на значительный хронологический период, отделяющий современников от описываемых событий. Наиболее ярким примером здесь может быть недавно опубликованная крупная коллекция документов под названием «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020). Наша публикация также вполне может быть отнесена к жанру «невольничьих повествований», так как источником информации в ней служат материалы опросов бывших рабов. Ранее нами предпринималась попытка рассмотреть особенности захвата в плен центральноазиатскими кочевниками русских людей (Ermachkov et al., 2021).

2. Материалы и методы

В качестве источников нами вновь были использованы документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а именно дело № 4993 «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году», в котором содержатся 80 опросных листов об обстоятельствах пленения русских людей, где важную для нас часть представляют материалы о торговле пленниками как рабозахватчиками, так и многочисленными посредниками. Материалы опросов интересны и тем, что позволяют значительно расширить представление об азиатском плене и рабовладении. Документы впервые вводятся в научный оборот.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Благодаря принципам историзма и системности нам удалось не только восстановить картину событий в ее исторической последовательности, но и выявить характерные особенности изменения цен на живой товар в разные периоды. Важное значение в исследовании имеет статистический метод, который позволил систематизировать и обобщить разрозненные сведения о ценах на русских рабов в Центральной Азии в первой половине XIX века.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования мы разделили по хронологическому принципу на три периода: дореволюционный, советский и современный российский.

Среди дореволюционных выделяется группа трудов по покорению Средней Азии российских и иностранных авторов. Так, например, необходимо отметить работы М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (Терентьев, 1903) и «Хивинские походы русской армии» (Терентьев, 2010), а также труд Г.А. Мас «Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa» (Мас, 1874). В это время также предпринимались попытки изучения Туркестанского региона: например, сборник статей А.П. Хорошхина (Хорошхин, 1876) и «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска», составленный Ф. Стариковым (Историко-статистический очерк, 1891).

Среди работ советского периода можно назвать «Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг.» (Материалы по истории..., 1940), труд Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974). Также исследовались и торгово-экономические отношения, в качестве примера можно привести «Историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» М.И. Сладковского (Сладковский, 1977).

В современный российский период эту тему затрагивали Е.В. Bebeshko и другие при изучении внешней политики разных стран в Туркестане (Bebeshko et al., 2017). Проблемам безопасности торговых путей в Центральной Азии уделяли внимание Ю.А. Лысенко (Lysenko, 2019), а также В.А. Bulgarova и другие (Bulgarova et al., 2020). Обращались исследователи и непосредственно к теме нашего исследования. Так, например, М. Кирокосьян рассматривал морской разбой в Карибском море (Кирокосьян, 2007). Проблеме возвращения пленных из рабства на Кавказе посвятили свою работу Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян (Klychnikov, Lazaryan, 2018). К теме рабства в Центральной Азии обращался и автор данной статьи (Ermachkov et al., 2021). Ю.А. Лысенко рассматривала дипломатические отношения между Россией и азиатскими ханствами (Lysenko, 2018).

4. Результаты

Приступая к основной части нашей работы, необходимо пояснить, что все 80 русских пленников были возвращены из плена в августе 1839 г. Однако их сроки пребывания там были разными: кто-то попал в плен в течение последнего года, а кто-то и более 25 лет назад. Самый ранний случай захвата в плен относится к 1812 г., когда лезгинами были похищены трое рядовых русской армии в Грузии. С учетом того, что азиатско-кавказский рабовладельческий рынок располагал разветвленной сетью со значительным количеством поставщиков, то «живой товар» мог поставляться не только в Турцию и Персию, но и в Азию (то есть всем заинтересованным в покупке людей лицам).

Как мы уже писали в предыдущей части работы, случаи захвата русских распределяются следующим образом: в 1810-е гг. – 4 случая (по одному в 1812, 1814, 1816 и 1819 гг.), в это время был захвачен 21 человек, из них – трое в Грузии, 6 рыбаков – на реке Урал, а остальные – азиатскими племенами в Каспийском море на рыболовстве.

В 1820-е гг. было пять случаев захвата русских людей: по одному в 1824, 1825, 1826 гг. и два в 1829 г. В этот период было захвачено 22 человека, из них – один во время пахотных работ на русской стороне и 21 – во время рыболовства в Каспийском море.

В 1830-е гг. было 25 случаев захвата, из которых 2 – в 1830 г. (захвачено 13 русских, один рыбак спасся бегством), 4 – в 1833 г. (захвачено 9 русских, 1 убит), 2 – в 1834 г. (захвачено 8 русских, также есть данные о захвате еще 7 человек), 2 – в 1835 г. (захвачено 7 русских, кроме того, есть данные о захвате еще 80 русских рыбаков), 1 – в 1836 г. (захвачено 2 рыбака), 1 – в 1838 г. (захвачен один казак Оренбургского войска) и 13 случаев в 1839 г. (захвачено 64 человека, помимо этого, есть данные о захвате еще 3 русских). Из всех русских людей, захваченных в 1830-е гг., только один казак был захвачен на русской территории, а все остальные люди – в Каспийском море во время рыбного промысла. Всего в 1830-е гг., согласно данным «Дела о вывезенных из Хивы 80 русских пленников», было похищено 104 человека и один в ходе нападения захватчиков был убит, помимо этого, есть данные о захвате еще 90 человек из числа русских рыбаков.

Таким образом, только согласно «Делу о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году» с 1812 по 1839 гг. похищено было 147 человек, также имелись данные о похищении еще 90 человек, в столкновениях был убит один русский рыбак и только один рыбак спасся бегством.

Большая часть захватов происходила в Каспийском море.

Все захваченные кочевниками пленники в последующем были проданы. Цены на рабов зависели от целого ряда факторов: пола, возраста, физического состояния и красоты пленника, а также от дефицита живого товара на рынках в Центральной Азии. Здесь важно упомянуть, что в случае избытка пленников, как, например, в 1839 г., цены на рабов резко снижались. Итак, рассмотрим представленные в деле факты о продаже русских пленников:

1812 год

Лезгинами в Грузии был захвачен в плен 39-летний рядовой Харитон Шеглов. Первые два месяца он жил в лезгинском ауле у рабозахватчиков, потом был продан в Персию, в город Астрабад, где прожил около недели и был отвезен в хивинское владение и продан на невольничьем рынке в городе Гурляне хивинцу по имени Досу за 66 золотых хивинских монет. У Досу пленник проживал 6 лет, после чего по приказу хана был отправлен в Хиву, где использовался на разных работах, трижды бежал, но его каждый раз ловили и избивали, сделав инвалидом (правая рука не действует). Узнав о том, что часть русских пленников будет возвращена на родину, он упрямил хозяина за 12 золотых монет (накопленных в период рабства) отпустить его (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 750б.-76).

1814 год

Был захвачен на Оренбургской линии 10-летний Константин Тарасов. Его продали за 130 золотых хивинских монет хивинскому чиновнику Ахматбею Клычъниязову, и с того времени он работал на его полях вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 144-144об.).

1816 год

В мае на реке Урал, недалеко от Гурьева-городка, был захвачен киргизами 20-летний Василий Ефимов. При разделе добычи он достался предводителю разбойников киргизу Сентаю, у которого находился около 1,5 лет, пас баранов. После этого Василий был отвезен в Ургенч и продан двум хивинцам (Абдрахману и Сеиту) за 140 баранов, хивинцы перепродали пленника Кушбегию Самратъбеку за 60 золотых хивинских монет, где пленник и работал на земледельческих работах вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 77-78).

1817 год

Весьма интересна судьба бывшего рядового 9-го егерского полка Ивана Луткова, который в 26-летнем возрасте был захвачен лезгинами в районе Шуши и продан персидскому беку Алимаметю за 80 золотых монет, от Алимаметя Иван бежал спустя 7 лет, желая достигнуть Тавриза, но по дороге на 7-й день он был схвачен тремя персами и отвезен в город Амадан, где принят в солдаты. В Амадане он прожил 10 лет, во время похода был захвачен туркменами, которые продали его спустя 3 месяца бухарскому купцу Мирадью за 24 золотые бухарские монеты. Тот отвез пленника в Бухару и продал его бухарцу Агамирзе за 26 золотых монет. Через 2 месяца Агамирза продал его другому бухарцу за 24 золотые монеты, который через 10 дней повез пленника в Хиву и продал там за 32 золотые хивинские монеты, а последний отдал пленника хану в качестве подати. После этого Иван работал на ханских полях вплоть до своего возвращения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 149-149об.).

1824 год

Весной во время рыболовства был захвачен в плен 45-летний Савелий Чаплыгин. После раздела добычи пленник достался одному из разбойников, у которого проживал около 6 недель, после этого приехал хивинец и купил пленника за 40 золотых хивинских монет. Важно отметить, что хивинец купил пленника для Маряма Курбанияза и отправил в Хиву с шедшим из Астрахани

хивинским караваном, с которым был доставлен в Хиву и передан Курбаниязу. У него он работал в поле вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 950б.).

В том же году во время похода войск генерала Паскевича в Персию персами был пленен 35-летний черноморский казак Иван Лукьянов. В тот же день он был отправлен в Астрабад, а оттуда его отвезли в туркменские аулы и продали туркмену за 40 золотых хивинских монет. Там Иван прожил год и был отправлен в Хиву для продажи на невольничьем рынке. Новым хозяином стал хивинец Ходжям-Маряму, у которого Иван и работал вплоть до освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 107-1070б.).

1825 год

Александр Иванов – рабочий Илецкого соляного правления – был захвачен в возрасте 37 лет, месяц провел в ауле захватчиков, потом там же был продан работорговцу из Хивы за 120 баранов, который отвез пленного в Хиву и продал уже за 60 золотых червонцев (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 16-160б.).

1826 год

Весной был захвачен на рыбной ловле 22-летний Иван Мартынов. В доме захватчика после раздела добычи он прожил около месяца, а потом был продан за неизвестную сумму приехавшему в дом киргизу. Тот продал пленника хивинцу, который привез его в Хиву и продал местному чиновнику Курбаниязу. Иван работал в поле хозяина вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 88-880б.).

В это же время в Каспийском море был захвачен 17-летний Егор Петров. После раздела добычи Егор достался туркмену Таш Назару, у которого в кибитке и жил около 2 недель, потом тот повез пленника в Хиву и продал на рынке Куш-бегию Атамрату за 60 золотых монет. У Куш-бегия и прожил Егор вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 105 об.-1060б.).

Также на рыбной ловле был захвачен 19-летний Иван Лавров, который при разделе достался хищнику Антазару, который продал Ивана хивинцу Саюнче за 60 золотых хивинских монет. Саюнче отвез Ивана на хивинский невольничий рынок и продал его за 70 золотых монет хивинцу Мамет Ниязбаю, у которого пленник и жил вплоть до возвращения в Россию. Согласно информации Ивана Лаврова, хивинский хан за привезенных в 1839 г. русских пленных денег не платил, а брал в виде подати от пяти человек одного, остальных же приказывал продать и из вырученных денег брал от десяти золотых монет одну себе (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 108 об.-1090б.).

1829 год

Весной был пленен 26-летний Ефим Рудыкин. При разделе добычи он достался одному туркмену, у которого жил около 2 месяцев, после чего был продан хивинскому работорговцу Сеит-Батыру за 40 золотых монет. От Сеит-Батыра Ефим сбежал, но в степи был пойман ордынцами, которые отвезли его в Хиву и там продали хивинцу Сеит-Матъарабу за 60 золотых монет. Все это время Ефим работал у рабовладельца на полевых работах, пока не был освобожден по повелению хана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 98-99).

В июле того же года на рыбной ловле был захвачен в плен 23-летний Василий Беседин. При разделе добычи он достался туркмену Атаназару, который, продержав его в ауле месяц, повез в Хиву и продал там хивинцу беку Юзбаши за 77,5 золотых хивинских монет. Там пленник и жил вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 92 об.-93).

1830 год

В апреле захвачен был в плен 23-летний Герасим Веденюхин, который достался при разделе добычи сразу двум киргизам, у которых он прожил около 4 месяцев. После этого киргизы продали его трем туркменам за 130 баранов, а те в свою очередь через 8 дней продали его какому-то туркмену за 30 золотых хивинских монет. Тот отвез пленника в Хиву и там продал его хивинцу Курбаниязу, у которого пленник находился в рабстве 3 года, после чего был перепродан его родственнику Якупу Хаджиниязову, через несколько лет Герасим был возвращен на родину (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 69-690б.).

В июле были захвачены на рыбной ловле 31-летний Василий Савин и Иван Чигин, оба достались туркмену из числа рабозахватчиков. Тот продал пленников за 110 золотых хивинских монет двум хивинцам, которые отвезли пленников в Хиву и отдали Ходжямъмаряму, у которого Василий жил, занимаясь земледелием (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 83-830б.).

1831 год

Весной во время рыбного промысла был захвачен в плен 16-летний Григорий Павлов. После раздела добычи туркмен продал пленника туркменскому работорговцу Антаназару, который отвез его в Хиву и продал на невольничьем рынке за 61 золотую монету хивинцу Кушбегию Атамрату.

У Атамрата Григорий и жил, занимаясь земледелием вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 103 об.-104 об.).

В сентябре 1831 г. на рыбном промысле был захвачен 16-летний Иван Михайлов. Он жил у захватчика-туркмена около одного месяца, после чего был отвезен в Хиву на невольничий рынок и продан купцу Авяз-Ниязу Джанбабе за 71 золотую хивинскую монету. После этого Иван работал на хозяина вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 120-120 об.).

1832 год

Летом был пленен на рыбном промысле 55-летний Петр Бушуев. При разделе добычи он достался туркмену Назару, который через 10 дней продал пленника за 15 золотых хивинских монет хивинцу по имени Абдула. На следующий день Абдула повез Петра в Хиву, где продал его за 37 золотых монет Диванбегию Бекниязу. Здесь Петр проживал вплоть до возвращения на родину (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 126-126 об.).

1833 год

Осенью захвачен был на рыбном промысле 21-летний Аким Родионов. В кочевьях хищников он прожил 1,5 месяца, за это время они захватили еще трех русских рыбаков и повезли их на продажу в Хиву. По дороге Аким был продан хивинцу Ирниязу Камангерову за 50 золотых хивинских монет, который подарил Акима своему приятелю хивинцу Аллакулу. У него пленник жил и работал в поле вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 96-96 об.).

В этом же году во время рыбной ловли захвачен был 21-летний Степан Яицов. При разделе добычи он достался киргизу Мирлеку, у которого жил 2 месяца, после этого Мирлек отвез пленника в Хиву и отдал хану в качестве подати. Степан занимался земледелием в одной из деревень хана в 10 верстах от Хивы вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 85-86).

Также был захвачен в море 21-летний Абрам Тархунов. После раздела добычи пленник достался туркмену по имени Атаназар, которого пробыл около месяца и был отвезен вместе с другим пленником Ильей Бирюковым в Хиву, где они были проданы хивинцу Веис-пазахи Маряму за 41 и 42 золотые монеты соответственно. У хивинца пленники и жили вплоть до освобождения Абрама (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 91 об.-92).

На рыбном промысле был захвачен и 24-летний Михаил Капканов, который при разделе достался туркмену Атаназару. На следующий день Атаназар повез пленника в Хиву и отдал его в качестве пошлины. С того времени Михаил и работал на полях хана вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 94-94 об.).

1834 год

Весной был захвачен в плен на рыбном промысле 28-летний Гавриил Шапошников, при разделе добычи он достался какому-то киргизу, который тут же его продал хивинцам за 30 баранов. Те отвезли пленника в Хиву и там продали за 36 золотых монет Шаниязу-беку Махряму, у которого Гавриил работал вплоть до своего освобождения в 1839 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 81-81 об.).

Также весной был захвачен и 13-летний Матвей Еремин, который находился на рыбном промысле. При разделе добычи он достался туркмену – одному из захватчиков, у которого прожил три месяца. После этого Матвей был продан хивинцу Клыч-Ниязу, тот привез его в Хиву и продал хивинцу Аллакулу, у которого Матвей проживал до возвращения на родину (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 84-84 об.).

Также на рыбном промысле был захвачен в плен и 47-летний Савелий Чаплыгин. После раздела добычи хищники отвезли Савелия в Хиву, где и продали хивинцу Ходжямъмаряму за 60 золотых хивинских монет. У этого рабовладельца Савелий и жил вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 95-96).

1835 год

В июле на рыбной ловле был захвачен в плен 19-летний Александр Маков. После раздела добычи хозяин-туркмен повез его в Хиву и там продал за 47 золотых монет хивинскому Мариаму Курбаниязу, у которого пленник и жил вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 87-87 об.).

Был захвачен в плен и 16-летний Иван Салопин, который при разделе добычи достался туркмену Тагану, где проживал несколько месяцев. Осенью 1835 года Таган отвез его в Хиву и продал там за 40 золотых монет хивинцу Салабеку, у которого и жил Иван до 1839 г., занимаясь земледелием, поливом садов и претерпевая от хозяина побои и притеснения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 73 об.-74).

1836 год

20 июля во время рыбной ловли был захвачен 41-летний Михаил Семенов. При разделе добычи он достался туркмену Тюрелаю, у которого, пробыв 6 дней, совершил побег. Михаил пытался пойти

до Ново-александровского укрепления, 10 ночей он шел в направлении русской территории, днем прятался в горах без пищи, на 10 день вынужден был зайти в кибитку какого-то туркмена. Тот обошелся с ним ласково, пообещав лично проводить к русскому укреплению, но вскоре приехал хозяин и увез Михаила в аул, где пленник был жестоко наказан за побег. Через 10 дней после этого Тюрелай продал пленника каракалпаку Ишваю за 35 золотых монет. У Ишвая Михаил пробыл около года, а после этого был отвезен в Хиву и продан там за 35 золотых хивинских монет хивинцу Атанязьмаряму, у которого Михаил работал в поле вплоть до своего освобождения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 100).

1838 год

В сентябре. был захвачен раненым в плен 36-летний Алексей Самойлов – казак Оренбургского казачьего войска. Хищники отвезли его в свои аулы, где он находился в течение двух месяцев. За это время его раны зажили, и он был передан хивинским чиновникам в качестве уплаты налога. Хивинцы доставили его в Хиву, где пленник и работал вплоть до своего освобождения в 1839 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 79-79об.).

1839 год

Интересна была судьба пленников, захваченных в этом году: все они по прибытии на хивинский невольничий рынок были изъяты по повелению хана и возвращены в Россию. Все они были проданы в аулах по минимальной цене работорговцам.

14 марта в плен попал 25-летний Осип Кербицков, захватчики на следующий день продали его хивинскому работорговцу Аджи за неизвестную сумму. Тот собрал 7 пленников и отправил их пешком в Хиву, где успел продать трех человек, а остальные, включая Осипа, были изъяты по распоряжению хана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 39-40).

В марте в плен был захвачен 42-летний Василий Громов, который при разделе добычи достался одному киргизу, тот в свою очередь пленника продал за неизвестную сумму хивинскому купцу, который отвез пленника в Хиву. Там по приказу хана он был отобран и возвращен в Россию. Согласно показаниям Василия Громова, в Россию были возвращены не все пленники, захваченные с ним одновременно, некоторые так и остались в Хиве в рабстве (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 22-22об.).

Вместе с Громовым был захвачен 26-летний Филат Денисов, который о стоимости своей во время продажи хивинскому купцу ничего не знал (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 23 об.-24). Также не знал о своей стоимости и 40-летний Василь Михайлов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 24-24об.).

В марте был захвачен в плен 31-летний Данила Зодин, который рассказал, что рабозахватчики, доставив пленников на свой берег, там же продали русских людей кочующим в Хивинском владении туркменам, которые в свою очередь решили продать пленников в Хиве... (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 50об.-51).

3 апреля в плен был захвачен с семью товарищами (на двух лодках) 36-летний Степан Грачев, туркменский рабозахватчик продал его за 20 золотых хивинских монет хивинскому работорговцу Бек-Назару, который повел караван пленников в Хиву, где Грачев был освобожден (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 35-35об.).

Вместе с Грачевым был захвачен 24-летний Егор Еровой, после раздела пленников рабозахватчик-туркмен отвел его в свой аул, который находился в 5 днях пути от пристани, был продержан 6 дней и продан за 20 золотых хивинских монет хивинскому работорговцу Мамед-Агану. Тот отвез пленника в Хиву... (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 37-37об.).

3 апреля в плен был захвачен 50-летний Терентий Ярченко, который пробыл у захватчиков в ауле около 2 недель, а потом был продан туркмену (сумма неизвестна), который в свою очередь отвез его в Хиву. Там по повелению хана его отняли и возвратили в Россию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 19об.-20).

Вместе с Терентием Ярченко были захвачены 40-летний Иван Николаев, который сообщил, что хивинскому торговцу он был продан рабозахватчиками за 15 хивинских червонцев (золотых монет) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 21-21об.), а также 27-летний Федор Павлов, который также был продан захватчиками туркменскому купцу за неизвестную сумму. Дальнейшая его судьба совпадала с судьбой Ярченко (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 21об.).

7 апреля был захвачен в плен 30-летний Василий Романов, после раздела добычи между хищниками Василий достался какому-то киргизу, который продал пленника на следующий день туркменскому работорговцу за 13 золотых монет. Тот в свою очередь повез пленников в Хиву... (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 53-54).

В апреле был захвачен в плен на Каспийском море 26-летний Иван Рудькин, после раздела пленников между рабозахватчиками он достался какому-то туркмену, который в свою очередь продал его за неизвестную сумму уже на второй день хивинскому работорговцу Бек-Назару. Бек-Назар доставил пленника в Хиву, где живой товар был изъят ханом (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 25об.-26об.). Аналогичная судьба была у 35-летнего Петра Петухова (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993.

ОЦ. Л. 260б.-27). Похожей была и 25-летнего Григория Торопова, лишь с одной оговоркой, что его купил не хивинский купец Бек-Назар, а туркменский купец Чатур, который отвез его в Хиву, а там пленник был изъят ханом и возвращен (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 270б.-28). Иными словами, в аулах рабозахватчиков работали не только хивинские купцы, но и местные.

Весной был захвачен 39-летний Никита Шапошников, который при разделе добычи достался одному киргизу, через 13 дней он был продан туркмену Сеит-Ниязу за 11,5 золотых хивинских монет. Тот продал пленника туркмену Котуру за 18 золотых хивинских монет, а Котур через две недели продал его за 23 золотые монеты туркмену Кожемеру. Уже от Кожемера распоряжением хана Шапошников был изъят и возвращен на родину (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 28-30).

Вместе с Никитой Шапошниковым был захвачен и его 16-летний сын Николай, который был куплен у туркмена Сукур-Бердия работорговцем Котуром за 37 золотых хивинских монет. Однако Котур обнаружил на теле раба пятна от оспы и расторг сделку, вернув его Сукур-Бердию. Тот отвез юношу назад в свой аул (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 28-30).

В это же время был захвачен и другой астраханский мещанин – 37-летний Владимир Иванов. После раздела добычи на следующий день рабозахватчики продали Иванова хивинскому купцу Бек-Назару за 16 золотых хивинских монет, с которым он прибыл на невольничий рынок в Хиву, где был изъят и возвращен в Россию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 310б.-32).

Вместе с Владимиром Ивановым был захвачен и 29-летний Григорий Пыхтин, который на следующий день был продан рабозахватчиками хивинскому купцу Альбаю за 17 золотых хивинских монет, тот отвез пленника в Хиву, где его и изъяли (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 320б.-33).

С ними же был захвачен 26-летний Степан Яшников, который так же, как и его спутники, был продан на следующий день за 20 золотых хивинских монет хивинскому купцу Саюнче. После покупки пленника хивинский работорговец вместе со своим братом Аджи повез группу купленных пленников в составе 6 человек в Хиву на продажу. По дороге Степан был продан хивинцу Ахмед-Бею за 42 золотые монеты, а другой пленный Козьма Швецов – за 30 золотых хивинских монет. В Хиве по приказу хана Степан был освобожден и возвращен на родину (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 33-330б.).

В это же время был захвачен и 35-летний Михаил Пантисин. Пантисин был продан через четыре дня захватчиками хивинскому работорговцу Азмамету за 15 золотых хивинских монет, который накапливал в ауле живой товар в течение месяца, после чего, собрав до 20 русских пленников, повез их в Хиву... (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 317-380б.).

В апреле был пленен 33-летний Федор Михайлов, захватчики доставили его в свои аулы на побережье Каспийского моря и в тот же день продали туркменскому купцу (цена неизвестна), а тот повел караван невольников в составе 29 человек на продажу в Хиву. Михайлову повезло: в это время в Хиве действовал мораторий на запрет захватывать русских. В результате у работорговца пленников просто отняли и до возвращения на родину они жили в приусадебном хозяйстве хана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 18-180б.).

В это же время пленен был 35-летний Ермолай Думов, после раздела добычи он достался туркмену по имени Бекашу, у которого проживал около месяца, потом Бекашу продал Ермолая за 25 золотых хивинских монет Бек-Назару. Бек-Назар доставил пленника в Хиву... (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 43 об.-440б.).

В августе 1839 г. 80 русских пленников были возвращены на родину, дома их ждали семьи и родственники, а также двойная свобода – от рабства в Хиве и от крепостной зависимости в России.

Дело в том, что все 80 русских пленников были крепостными. Согласно статье 705 Свода законов Российской империи, все лица крепостного состояния, попав в плен, по освобождении из него не возвращались в крепостное состояние, а получали вместе с женами и детьми право избрать род жизни (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 137). Это означает, что 80 русских пленников, вернувшись на родину, получили еще и свободу от крепостной зависимости.

Таким образом, «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году» является очень ценным источником не только для изучения набеговой деятельности кочевников (Ermachkov et al., 2021), но и для определения цены на живой товар в Центральной Азии, так как дело охватывает около 100 случаев продажи людей в период с 1812 по 1839 гг.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что, как и на Кавказе, наиболее дорогим живым товаром были дети (мальчики и девочки до 15 лет). Максимальная цена среди них, согласно имеющимся данным, достигала 130 золотых хивинских монет на хивинском невольничьем рынке. Также важно понимать, что цен на рабов было как минимум две: одна при покупке на месте раздела добычи (как правило, в прибрежном ауле), такая цена могла быть на 50 % ниже рыночной, и другая цена – на невольничьих рынках в городах. Именно поэтому у кочевников в аулах на побережье Каспийского моря было всегда много работорговцев. На протяжении всего периода, за исключением 1839 г., цены на пленников были достаточно высоки. Именно поэтому хищники несколько раз думали о том, что выгоднее с финансовой точки зрения – быстро продать живой товар работорговцам по бросовой цене и отправиться в новый набег или взять перерыв в набеговой деятельности и самим отправиться в Хиву

для реализации товара. Довольно часто случалось, что они выбирали второй вариант. В 1839 г. набеги на русских рыбаков приняли массовый характер, помимо этого, хищники много пленных захватывали на персидском побережье, все это обрушило цены на живой товар, и в аулах за 30–39-летних русских рыбаков начали давать от 11 до 16 золотых хивинских монет, в то время как ранее стоимость было от 30 до 50. В условиях жесткой вертикали власти феодала, коим являлся хивинский хан, разрешение о набегах могло быть санкционировано только на самом верху. Хищники в свою очередь облагались пошлиной в пользу хана. Если кто-то хотел продать пленных в Хиве по максимальной цене, то этот человек должен был быть готовым отдать хану сначала 20 % живого товара, а после продажи пленников отдать с вырученных денег в ханскую казну еще 10 % средств. Несмотря на такой двойной налог, желающих торговать людьми меньше не становилось и работорговый рынок как в Хиве, так и в других регионах Центральной Азии процветал.

Литература

- Борнс, 1849** – Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831–1832 и 1833 гг. В 2 ч. Ч. 2. М., 1849.
- Вамбери, 1865** – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 157–158.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Иванин, 1874** – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874.
- Историко-статистический очерк, 1891** – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.
- Кирокосьян, 2007** – Кирокосьян М. Пираты Каспийского моря. Астрахань, 2007.
- Косырев, 1898** – Косырев Е. Поход в Хиву в 1839 г. (из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 539–545.
- Материалы по истории..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейендорф, 1975** – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Муравьев-Карский, 1822** – Муравьев-Карский Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: Типография Августа Семена, 1822.
- Назаров, 1968** – Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
- Сладковский, 1977** – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
- Терентьев, 1903** – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 2 т. СПб., 1903.
- Терентьев, 2010** – Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
- Халфин, 1974** – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Хорошхин, 1876** – Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 853–860.
- Bulgarova et al., 2020** – *Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymalieva K.E.* The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093–1100.
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415–2266.
- Ermachkov et al., 2021** – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110–117.
- Klychnikov, Lazaryan, 2018** – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 31–39.
- Lysenko, 2018** – *Lysenko Yu.A.* «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2018. № 50(4). Pp. 1518–1529.
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 138–148.
- Mac, 1874** – *Mac G.A.* Gahan. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiwa. London, 1874.
- Schuyler, 1876** – *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London, 1876.
- Ermachkov et al., 2021** – *Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171–1180.

References

- [Bebeshko et al., 2017](#) – *Bebeshko, E.V., Kryzhko, E.V., Pashkovsky, P.I., Shchevelev, S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century. *Bylye Gody*. 45(3): 853-860.
- [Borns, 1849](#) – *Borns, A.* (1849). Puteshestvie v Bukharu v 1831–1832 i 1833 gg. [Travel to Bukhara in 1831-1832 and 1833]. V 2 ch. Ch. 2. M. [in Russian]
- [Bulgarova et al., 2020](#) – *Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E.* (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.
- [Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117.
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg region].
- [Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891](#) – *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army.]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]
- [Ivanin, 1874](#) – *Ivanin, M.I.* (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839-1840 godu [Description of the Winter campaign to Khiva in 1839-1840]. SPb. [in Russian]
- [Khal'fin, 1974](#) – *Khal'fin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M. 406 p. [in Russian]
- [Khoroshkhin, 1876](#) – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- [Kirokos'yan, 2007](#) – *Kirokos'yan, M.* (2007). Piraty Kaspiiskogo moray [Pirates of the Caspian Sea]. Astrakhan'. [in Russian]
- [Klychnikov, Lazaryan, 2018](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 31-39.
- [Kosyrev, 1898](#) – *Kosyrev, E.* (1898). Pokhod v Khivu v 1839 g. (iz zapisok uchastnika) [Hike to Khiva in 1839 (from the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. 8: 539-545. [in Russian]
- [Lysenko, 2018](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 50(4): 1518-1529.
- [Lysenko, 2019](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 51(1): 138-148.
- [Mac, 1874](#) – *Mac, G.A.* (1874). Gahan. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiwa. London.
- [Materialy po istorii..., 1940](#) – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. 1785–1828 gg.* [Materials on the history of the Kazakh SSR]. M., 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]
- [Meiendorf, 1975](#) – *Meiendorf, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M., 183 p. [in Russian]
- [Murav'ev-Karsskii, 1822](#) – *Murav'ev-Karsskii, N.N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeiskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, by the Guards General Staff of Captain Nikolay Muravyov, who was sent to these countries for negotiations]. M.: tipografiya Avgusta Semena. [in Russian]
- [Nazarov, 1968](#) – *Nazarov, F.* (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii [Notes on some peoples and lands of Central Asia]. M. [in Russian]
- [Schuyler, 1876](#) – *Schuyler, E.* (1876). Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London.
- [Sladkovskii, 1977](#) – *Sladkovskii, M.I.* (1977). Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M. 440 p. [in Russian]
- [Terent'ev, 1903](#) – *Terent'ev, M.A.* (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. V 2 t. SPb. [in Russian]
- [Terent'ev, 2010](#) – *Terent'ev, M.* (2010). Khivinskie pokhody russkoi armii [Khiva campaigns of the Russian army]. M., 448 p. [in Russian]
- [Vamberi, 1865](#) – *Vamberi, A.* (1865). Puteshestvie po Srednei Azii [Journey through Central Asia]. SPb. Pp. 157-158. [in Russian]
- [Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.

К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Андрей Андреевич Байбарин ^c,
Елена Константиновна Минеева ^d, Леонид Леонидович Баланюк ^{e, f}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^f Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на примере дела о возвращении из Хивинского ханства 80 русских пленников рассматривается стоимость живого товара на территории Хивинского ханства в первой половине XIX века.

В качестве источников использованы документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а именно дело № 4993 «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году». В нем содержатся 80 опросных листов об обстоятельствах пленения русских людей, продаже их, а также пребывании в плену. Документы впервые вводятся в научный оборот.

В заключении авторы отмечают, что, как и на Кавказе, наиболее дорогим живым товаром были дети (мальчики и девочки до 15 лет). Максимальная цена среди них, согласно имеющимся данным, достигала 130 золотых хивинских монет на хивинском невольничьем рынке. Также важно понимать, что цен на рабов было как минимум две: одна при покупке на месте раздела добычи (как правило, в прибрежном ауле), такая цена могла быть на 50 % ниже рыночной, и другая цена – на невольничьих рынках в городах. Именно поэтому у кочевников в аулах на побережье Каспийского моря было всегда много работорговцев. На протяжении всего периода, за исключением 1839 г., цены на пленников были достаточно высоки. Именно поэтому рабозахватчики несколько раз думали о том, что выгоднее с финансовой точки зрения – быстро продать живой товар работорговцам по бросовой цене и отправиться в новый набег или взять перерыв в набеговой деятельности и самим отправиться в Хиву для реализации товара. Довольно часто они выбирали второй вариант. В 1839 г. набеги на русских рыбаков приняли массовый характер, помимо этого, хищники много пленных захватывали на персидском побережье, все это обрушило цены на живой товар, и в аулах за 30–39-летних русских рыбаков начали давать от 11 до 16 золотых хивинских монет, в то время как ранее стоимость было от 30 до 50. В условиях жесткой вертикали власти феодала, коим являлся хивинский хан, разрешение о набеге могло быть санкционировано только на самом верху. Хищники в свою очередь облагались пошлиной в пользу хана. Если кто-то хотел продать пленных в Хиве по максимальной цене, то этот человек должен был быть готовым отдать хану сначала 20 % живого товара, а после продажи пленников отдать с вырученных денег в ханскую казну еще 10 % средств. Несмотря на такой двойной налог, желающих торговать людьми меньше не становилось и работорговый рынок как в Хиве, так и в других регионах Центральной Азии процветал.

Ключевые слова: рабозахват, работорговля, Центральная Азия, Хивинское ханство, цены на рабов, невольничий рынок, кочевники, киргизы, Российская империя, Каспийское море, морской разбой, пленники.

* Корреспондирующий автор

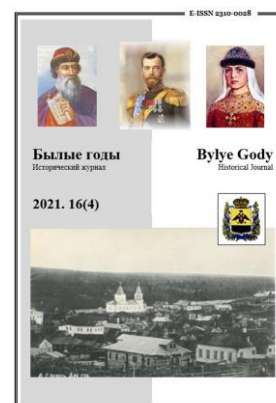
Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1789-1799
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1789

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^{c, d}, Alexey V. Dyuzhov ^{d, e}, Svetlana V. Petrova ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

^f Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The authors attempt to consider the systems of public education on the territory of the Caucasian Educational District in the period from 1848 to 1917. In this part of the work, the attention is paid to the period from 1848 to 1900.

There were used as materials the annual “Reports of the trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions of the Caucasian Educational District”, which were published from 1884 to 1914. These reports published data on the public education system subordinated both to the Ministry of Public Education and, especially at the initial stage, on schools of other departments, for example, the Holy Synod.

Due to the specifics of the work, the statistical method was widely used in methodological terms. Thanks to its application, we managed to systematize a variety of statistical information on different types of educational institutions (primary, lower and secondary), as well as to identify changes in the number of students in the Caucasus and pay attention to their gender balance.

The authors come to the conclusion that the system of public education on the territory of the Caucasian Educational District consisted of secondary, lower, primary and private education. Various parish schools (Orthodox, Armenian-Gregorian, Jewish, Muslim) were not subordinated to the Caucasian School District and data on them were not considered in this work. The Caucasian Educational District, created in 1848, was a territory with scattered centers of public education with the predominance of primary schools. By 1879 there have already been more than 800 educational institutions in the Caucasus, of which 25 are secondary and 32 are lower, together with private ones. By 1900, the number of secondary and lower schools reached 55 and 84, respectively, and the total number of schools reached 1902, with 168 thousand students. Despite the obvious successes in public education, the gender imbalance and the infringement of girls' rights to primary education continued to be a significant problem.

Keywords: Caucasian educational district, 1848–1917, public education system, historical and statistical research.

1. Введение

Кавказ дороссийского периода был одной сплошной территорией геополитических противоречий между разными странами, которые пытались получить ее в качестве сферы своего влияния. Главными претендентами на Кавказ были три империи – Российская, Османская и

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

Персидская. Две последние видели в этой территории и источник человеческих ресурсов, всячески поощряя межплеменную рознь и покровительствуя работоторговле. Понятно, что, когда Россия пришла на Кавказ в самом начале XIX века, он предстал перед русскими чиновниками в высшей степени феодализированным, с полным отсутствием многих государственных институтов. Гражданское общество пришлось создавать, начиная с самых низов, а именно с создания первых начальных школ. С рабозахватчиками и рабовладельцами пришлось воевать на протяжении всей Кавказской войны вплоть до 1864 г. Уже в 1802 г. в Тифлисе было открыто первое двухклассное училище, а в 1829 г., когда было подготовлено значительное количество учащихся с начальным образованием, была открыта и первая на Кавказе Тифлисская гимназия (Shevchenko et al., 2016: 364-366). Еще спустя 19 лет, в 1848 г., император Николай I утвердил положение о Кавказском учебном округе и разрозненные учебные заведения в разных уголках Кавказа обрели систему и были объединены единой сетью. В данной части работы мы хотели бы рассмотреть систему народного образования на Кавказе в период с 1848 по 1900 гг.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы ежегодные «Отчеты попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа», которые публиковались с 1884 по 1914 гг. В них публиковались данные о системе народного образования подведомственной как Министерству народного просвещения, так и, в особенности на начальном этапе, о школах других ведомств, например Святейшего синода.

В связи со спецификой работы в методологическом плане широко применялся статистический метод, благодаря которому нам удалось систематизировать разнообразную статистическую информацию по разным типам учебных заведений (начальных, низших и средних), а также выявить изменение количества учащихся на Кавказе и обратить внимание на их гендерный баланс.

3. Обсуждение

Система дореволюционного народного образования как в масштабах Российской империи, так и Кавказа сегодня активно изучается. Например, анализу системы народного образования на территории украинских губерний посвятил свою работу С.И. Дегтярев (Degtyarev et al., 2020), Т.А. Магсумов рассматривал обучение в период Первой русской революции (Magsumov, 2017; Magsumov, 2018), А.А. Овсянникова – общероссийскую систему народного образования империи во второй половине XIX – начале XX вв. (Овсянникова, 2017). В историографии рассматривались и более частные вопросы, например, муниципальной системе народного образования города Москвы в 1885–1893 гг. уделил внимание К.К. Полещук (Полещук, 2017).

Что касается системы народного образования на Кавказе, то из 15 его регионов изученными считаются около половины – 8. Так, например, А.М. Мамадалиев занимался изучением системы народного образования Тифлисской (Mamadaliyev et al., 2020; Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c) и Кутаисской губерний (Mamadaliyev et al., 2021; Mamadaliyev et al., 2021a; Mamadaliyev et al., 2021b). Т.А. Магсумов обращался к изучению Карской области (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a) и Бакинской губернии (Magsumov et al., 2021; Magsumov et al., 2021a). В.С. Молчанова рассматривала Кубанскую область (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020). В сферу научного интереса А.А. Черкасова входили территории Черноморской губернии (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a) и Терской области (Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2021). О.В. Натолочная обращалась к изучению системы народного образования Ставропольской губернии (Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b), а К.В. Таран уделил внимание коммерческому образованию на территории Кавказского учебного округа (Taran et al., 2021).

4. Результаты

Система народного образования в Российской империи делилась на три ступени: начальное, низшее и среднее образование. В рассматриваемое время на Кавказе были представлены все три типа учебных заведений. Как мы отмечали во введении, первая школа была открыта на Кавказе в 1802 г. Затем школы начали появляться в разных регионах, создавались они достаточно тяжелым путем, так как в кавказском обществе начала XIX века не было понимания, для чего образование может пригодиться отпрыскам. Лишь с развитием госучреждений привлечение на государственную службу стало важным стимулом для обучения детей в стенах учебных заведений. Большую роль сыграло и экономическое развитие региона. Когда количество учебных заведений возросло, перед местной администрацией в середине XIX встала новая задача – унифицировать образование под стандарт Российской империи. И это был весьма сложным процессом, так как привычки формировались годами и отказ от них сопровождался сопротивлением. Тем не менее к концу 1870 гг. на Кавказе сложилась целая сеть учебных заведений, которая насчитывала 24 средних учебных заведений, 26 низших и 2100 начальных, включая частные и приходские.

Рассмотрим ступени народного образования по отдельности.

Среднее образование

К средним учебным заведениям в указанное время относились мужские и женские гимназии и прогимназии, реальные училища, учительский институт и учительские семинарии. Систему среднего образования в период с 1879 г. по 1900 г. мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Средние учебные заведения на Кавказе в 1879–1900 гг. ([Памятная книжка, 1879: XIII; Отчет, 1885: 290, 304; Отчет, 1886: 302, 320; Отчет, 1887: 316, 334; Отчет, 1890: табл. 321, 332; Отчет, 1891: табл. 340, 351; Отчет, 1892: табл. 342, 353; Отчет, 1893: 343, 354; Отчет, 1894: 343, 354; Отчет, 1895: 343, 354; Отчет, 1896: 343, 354; Отчет, 1897: 560, 582-583; Отчет, 1899: 534, 556-557; Отчет, 1900: 584, 607; Отчет, 1901: 582, 604-605](#))

Годы	Количество учебных заведений								Количество учащихся		
	Гимназий		Прогимназий		Реальное училище	Учительский институт	Учительская семинария	Всего	Мальчиков	Девочек	Всего
	Мужских	Женских	Мужских	Женских							
1879	4	5	6	3	3	1	2	24	4 495	2 457	6 952
1883	7	7	3	6	8	1	4	36	6 341	3 426	9 767
1884	7	7	3	9	8	1	4	39	6 360	3 732	10 092
1885	8	8	3	8	8	1	4	40	6 428	3 872	10 300
1886	8	8	3	8	8	1	4	40	6 507	4 085	10 592
1888	8	9	3	7	8	1	4	40	6 025	4 031	10 056
1889	8	9	3	7	8	1	4	40	6 007	4 136	10 143
1890	8	9	3	7	8	1	4	40	6 309	4 308	10 617
1891	8	9	3	7	8	1	4	40	6 604	4 529	11 133
1892	9	10	2	6	8	1	4	40	6 885	4 601	11 486
1893	9	10	2	6	8	1	4	40	7 110	4 942	12 052
1894	9	11	3	5	8	1	4	41	7 597	5 276	12 873
1895	9	11	3	7	8	1	4	43	7 939	5 702	13 641
1896	10	11	4	7	8	1	4	45	9 124	6 307	15 460
1897	11	13	3	6	9	1	4	46	Д.н.	Д.н.	17 008
1898	12	14	2	7	9	1	4	49	10 650	8 151	18 801
1899	12	14	2	8	9	1	4	50	11 336	8 697	20 033
1900	12	17	1	7	10	1	4	52	11 786	9 627	21 413

Анализируя [Таблицу 1](#), мы можем видеть, что количество средних учебных заведений за указанное время возросло более чем в 2 раза, а количество обучающихся в 3 раза – с 7 тыс. до 21 тыс. человек. Данные цифры демонстрируют то, что в это время происходило не только увеличение количества учебных заведений, но и числа учащихся, что свидетельствовало, на наш взгляд, о повышающейся востребованности среднего образования в регионе. При этом положительный эффект наблюдался и в гендерном балансе учащихся: если в 1879 г. девочки составляли 35 % от общего количества учащихся, то в 1900 г. – уже 44,9.

Важной частью образования в средних учебных заведениях было самообразование, и главной роль в нем играли библиотеки. В 1884 г. средние учебные заведения на Кавказе располагали совокупным библиотечным фондом в составе 118 тысяч (118 984) томов, что в среднем составляло по 3 051 том на учебное заведение ([Отчет, 1885: 292](#)). К 1900 г. в библиотечном фонде средних учебных заведений насчитывалось уже 311 тыс. (311 206) томов, что в среднем составляло по 5 985 книг на одно среднее учебное заведение ([Отчет, 1901: 583](#)). Таким образом, библиотечные фонды возросли почти в 3 раза.

Низшее образование

К низшим учебным заведениям относились городские и уездные училища, горские и ремесленные школы, а также созданные в 1890-м г. Мариинские женские училища. Данные о низших учебных заведениях мы свели в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Низшие учебные заведения на Кавказе в 1879–1900 гг. (Памятная книжка, 1879: XIII; Отчет, 1885: 290, 304; Отчет, 1886: 302, 320; Отчет, 1887: 316, 334; Отчет, 1890: табл. 321, 332; Отчет, 1891: табл. 340, 351; Отчет, 1892: табл. 342, 353-354; Отчет, 1893: 343, 354; Отчет, 1895: 343, 354; Отчет, 1896: 343, 354; Отчет, 1897: 560, 582; Отчет, 1899: 534, 556; Отчет, 1900: 584, 607; Отчет, 1901: 582, 604)

Годы	Количество учебных заведений							Количество учащихся ¹
	Уездное училище	Городское училище	Горская школа	Ремесленное училище	Мореходный класс	Мариинское училище	Всего	
1879	6	16	4	-	-	-	26	3 640
1883	1	27	5	2	3	-	38	5 458
1884	1	29	5	3	3	-	41	5 990
1885	1	29	5	3	3	-	41	6 073
1886	1	29	5	5	3	-	43	6 225
1888	-	31	5	6	3	-	45	6 660
1889	-	33	5	7	3	-	48	7 060
1890	-	33	5	7	3	2	50	7 667
1891	-	35	5	7	3	2	52	8 169
1892	-	36	5	7	3	2	53	8 632
1893	-	37	5	7	3	2	54	9 086
1894	-	37	5	7	3	3	54	9 479
1895	-	37	5	8	3	3	56	9 781
1896	-	38	5	10	3	3	59	10 809
1897	-	40	5	14	3	4	66	12 211
1898	-	42	5	16	-	4	67	13 130
1899	-	42	4	17	-	6	69	14 891
1900	-	45	4	17	-	6	72	16 158

Анализируя [Таблицу 2](#), можно резюмировать, что низшее образование на территории Кавказа так же активно развивалось, как и среднее. Количество учебных заведений увеличилось практически в 3 раза, а число учащихся – в 4,5 раза. При этом если количество городских училищ возросло в 3 раза, то количество ремесленных школ испытало свой по-настоящему золотой век, увеличившись в 9 раз. Помимо этого, уже в 1890 г. на Кавказе появились низшие учебные заведения для девочек – ими стали женские Мариинские училища.

Что касается библиотечных фондов, то и здесь было отмечено увеличение фондов для самостоятельного обучения учащихся. Так, 1884 г. низшие учебные заведения на Кавказе располагали библиотечным фондом в составе 59 946 томов или по 1 462 тома на одно учебное заведение ([Отчет, 1885: 292](#)), а уже в 1900 г. в библиотечном фонде низших учебных заведений насчитывалось 177 964 тома, что в среднем составляло по 2 472 книги на одно низшее учебное заведение ([Отчет, 1901: 583](#)). Таким образом, библиотечный фонд вырос в 3 раза.

Начальное образование

К начальным учебным заведениям относились одно- и двухклассные городские и сельские училища, подчиненные Кавказскому учебному округу. Имеющиеся статистические данные о начальных училищах на территории Кавказа мы свели в [Таблицу 3](#).

¹ В числе обучающихся были только мальчики, исключение составляли только Мариинские женские училища.

Таблица 3. Начальные училища на территории Кавказа в 1879–1900 гг. (Памятная книжка, 1879: XIII; Отчет, 1885: 290, 304; Отчет, 1886: 263; 284, 302, 320; Отчет, 1887: 316, 334; Отчет, 1890: табл. 313, 321; Отчет, 1891: табл. 332, 340, 351; Отчет, 1892: табл. 334, 342, 353; Отчет, 1893: 335, 343; Отчет, 1894: 333, 343; Отчет, 1895: 335, 343, 354; Отчет, 1896: 343, 354; Отчет, 1896: 335, 343, 354; Отчет, 1897: 540, 560, 582; Отчет, 1899: 520-521, 534, 556; Отчет, 1900: 570, 584, 607; Отчет, 1901: 570, 582, 604-605)

Годы	Училища		Всего училищ	Количество учащихся		
	Двуклассные училища	Одноклассные училища		Мал.	Дев.	Всего
1879	-	1768	2016 ¹	Д. н.	Д. н.	51 267
1883	Д. н.	Д. н.	782	Д. н.	Д. н.	40 828
1884	89	720	809	33 819	8 432	42 251
1885	101	740	841	36 338	9 623	45 961
1886	118	805	923	38 811	11 898	50 709
1888	Д. н.	Д. н.	876	Д. н.	Д. н.	51 529
1889	101	779	880	42 520	10 619	53 139
1890	99	794	893	44 929	11 430	56 359
1891	105	800	905	46 103	11 672	57 775
1892	110	804	914	46 889	12 919	59 758
1893	119	798	917	47 522	13 377	60 889
1894	127	814	941	50 241	13 951	64 192
1895	160	823	983	54 629	16 269	70 898
1896	190	871	1061	61 828	18 033	79 861
1897	Д. н.	Д. н.	1 234	Д. н.	Д. н.	89 544
1898	258	1 158	1 416	77 856	22 686	100 542
1899	264	1 235	1 499	87 035	27 729	114 764
1900	283	1 338	1 621	93 445	29 370	122 815

В [Таблице 3](#) обращает на себя внимание 1879 г. Дело в том, что в этом году, когда была опубликована «Памятная книжка Кавказского учебного округа», в число учебных заведений были включены все без исключения школы, которые только были в регионе, заканчивая мусульманскими, еврейскими, армяно-григорианскими и церковно-приходскими православными. Ввиду своей специфики конфессиональные школы не включались в состав школ Кавказского учебного округа. Таким образом, реальное же количество школ Кавказского учебного округа в 1879 г. находилось с учетом последующей динамики на уровне не более 700 школ и не более 30 тыс. учащихся. Таким образом, в период с 1879 по 1900 гг. количество начальных учебных заведений возросло с 700 до 1 621, то есть в 2,5 раза. В 4 раза увеличилось количество учащихся с 30 тыс. до 122 тыс. человек. Однако гендерный баланс между девочками и мальчиками на Кавказе в 1883–1900 гг. практически не изменился: в 1883-м г. – девочки составляли 19,9 % всех учащихся, а в 1900-м г. – 23,9. Что касается качества образования, то уже с начала 1880-х гг. на Кавказе появляются двуклассные начальные учебные заведения и количество их неуклонно росло.

Что касается библиотечного фонда начальных учебных заведений, то в 1884 г. он насчитывал 121 236 томов ([Отчет, 1885: 292](#)). В 1900 г. в библиотечном фонде начальных учебных заведений насчитывалось – 930 684 тома, что в среднем составляло по 574 книги на одну начальную школу ([Отчет, 1901: 583](#)). Таким образом, библиотечный фонд увеличился более чем в 7,5 раз.

Частное образование

Частное образование в Российской империи делилось на разряды: 1-й соответствовал среднему образованию, 2-й – низшему и 3-й – начальному. Данные о частном образовании из ежегодных отчетов попечителя Кавказского учебного округа мы свели в [Таблицу 4](#).

¹ В общее количество школ было включено 248 приходских школ всех вероисповеданий.

Таблица 4. Частные учебные заведения на Кавказе в 1879–1900 гг. (Памятная книжка, 1879: XIII; Отчет, 1885: 290, 304; Отчет, 1886: 302, 320; Отчет, 1887: 305, 316, 334; Отчет, 1890: табл. 288, 321; Отчет, 1891: табл. 340, 351; Отчет, 1892: табл. 309, 342, 353; Отчет, 1893: 315, 343; Отчет, 1894: 315, 343; Отчет, 1895: 310, 343, 354; Отчет, 1896: 343, 354; Отчет, 1897: 488, 560, 582; Отчет, 1899: 468, 534, 556; Отчет, 1900: 518, 584, 607; Отчет, 1901: 518, 582, 604)

Годы	Количество учебных заведений				Количество учащихся
	1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Всего	
1879	1	5	4	78	3 210
1883	Д. н.	Д. н.	Д. н.	100	3 917
1884	Д. н.	Д. н.	Д. н.	97	3 530
1885	2	7	87	96	3 785
1886	2	6	90	98	3 589
1888	Д. н.	Д. н.	Д. н.	104	3 813
1889	3	8	87	98	4 011
1890	2	7	94	103	3 978
1891	3	6	88	96	3 738
1892	3	6	80	89	3 807
1893	4	6	82	92	4 275
1894	4	5	85	94	4 505
1895	4	4	91	99	5 351
1896	2	8	118	128	6 958
1897	Д. н.	Д. н.	Д. н.	139	7 304
1898	1	11	125	137	7 286
1899	1	10	137	148	7 801
1900	3	12	142	157	8 265

Данные **Таблицы 4** показывают, что частное образование на Кавказе не отличалось своей стабильностью. Число средних учебных заведений постоянно колебалось от 1 до 4, аналогичный процесс был и среди низших учебных заведений, хотя, начиная с 1895 г., частные низшие учебные заведения вступили в полосу роста, аналогичный рост показали и частные начальные заведения. Всего в указанный период количество частных учебных заведений увеличилось в 2 раза, а количество учащихся – в 2,5 раза. Таким образом, динамика частных учебных заведений была наиболее слабой среди учебных заведений Кавказского учебного округа. Что касается гендерного состава, то количество девочек в частных учебных заведениях было невелико в 1884 г.: 687, или 21,4 %, а в 1900 г. – 2 815, или 34,3 %.

Что касается библиотечного фонда, то информация о нем в частных учебных заведениях в отчетах не публиковалась (**Отчет, 1885: 292; Отчет, 1901**).

Для обобщения всех приведенных данных из **Таблиц 1–4** мы свели все показатели в **Таблицу 5**, что позволило нам создать целостную картину о системе народного образования на Кавказе в 1879–1900 гг.

Таблица 5. Сеть учебных заведений на территории Кавказского учебного округа в 1879–1900 гг.

Годы	Количество учебных заведений					Количество учащихся
	Среднее	Низшее	Начальное	Частное	Всего	
1879	24	26	700	78	828	43 802
1883	36	38	782	100	956	59 970
1884	39	41	809	97	986	61 863
1885	40	41	841	96	1 018	66 119
1886	40	43	923	98	1 104	71 115
1888	40	45	876	104	1 065	72 058
1889	40	48	880	98	1 066	74 353
1890	40	50	893	103	1 086	78 621

1891	40	52	905	96	1 093	80 815
1892	40	53	914	89	1 096	83 683
1893	40	54	917	92	1 103	86 302
1894	41	54	941	94	1 130	91 049
1895	43	56	983	99	1 181	99 671
1896	45	59	1 061	128	1 293	113 088
1897	46	66	1 234	139	1 485	126 067
1898	49	67	1 416	137	1 669	139 939
1899	50	69	1 499	148	1 766	157 490
1900	52	72	1 621	157	1 902	168 651

Анализируя [Таблицу 5](#), мы можем видеть резкое увеличение количества учащихся на Кавказе в конце XIX века. Уже в 1895 г. число учащихся практически достигло 100 тыс. человек, а в следующие 5 лет увеличилось еще на 70 %. В абсолютных цифрах этот рост выразился с 43 тыс. до 168 тыс., или в 3,9 раза, в то время как количество учебных заведений увеличилось только в 2,3 раза. Иными словами, происходило резкое увеличение количества обучающихся на одно учебное заведение. Так, если в 1879 г. на одно учебное заведение приходилось в среднем 53 ученика, то в 1900 г. – уже по 86.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что система народного образования на территории Кавказского учебного округа состояла из среднего, низшего, начального и частного образования. Различные приходские школы (православные, армяно-григорианские, еврейские, мусульманские) не были подведомственны Кавказскому учебному округу, и сведения о них в данной работе не рассматривались. Созданный в 1848 г. Кавказский учебный округ представлял собой территорию с разрозненными очагами народного образования с превалированием начальных школ. К 1879 г. на Кавказе уже было более 800 учебных заведений, из которых – 25 средних и 32 низших вместе с частными. К 1900 г. количество средних и низших заведений достигло 55 и 84 соответственно, а общее количество школ достигло 1 902 при 168 тыс. учащихся.

Несмотря на очевидные успехи в деле народного образования, значительной проблемой продолжал оставаться гендерный дисбаланс и ущемление прав девочек на начальное образование.

Литература

[Овсянникова, 2017](#) – Овсянникова А.А. Система народного образования Российской империи во второй половине XIX века – начале XX вв. // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 95-99.

[Полещук, 2017](#) – Полещук К.К. Муниципальная система народного образования в Москве при городском голове Н.А. Алексееве в 1885–1893 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8 «История». 2017. № 1. С. 54-66.

[Отчет, 1885](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1884 г. Тифлис, 1885.

[Отчет, 1886](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 г. Тифлис, 1886.

[Отчет, 1887](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1886 г. Тифлис, 1887.

[Отчет, 1890](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1889 г. Тифлис, 1890.

[Отчет, 1891](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1890 г. Тифлис, 1891.

[Отчет, 1892](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1891 г. Тифлис, 1892.

[Отчет, 1893](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1892 г. Тифлис, 1893.

[Отчет, 1894](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1893 г. Тифлис, 1894.

[Отчет, 1895](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 г. Тифлис, 1895.

[Отчет, 1896](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1895 г. Тифлис, 1896.

[Отчет, 1897](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1896 г. Тифлис, 1897.

[Отчет, 1899](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1898 г. Тифлис, 1899.

- [Отчет, 1900](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1899 г. Тифлис, 1900.
- [Отчет, 1901](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1900 г. Тифлис, 1901.
- [Памятная книжка, 1880](#) – Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1879 г. Тифлис, 1879.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750–770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067–1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963–970.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211–218.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Gut J. (2020). The Social Background of Functionaries in the Russian Empire’s Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 212–220.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221–234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459–472.
- [Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529–545.
- [Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822–836.
- [Magsumov, 2017](#) – Magsumov, T.A. Family and school in Russia at the beginning of the 20th century: Attempts to bridge the gap // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 837–846.
- [Magsumov, 2018](#) – Magsumov T.A. (2018). Vocational school and studying youth in the Russian revolution of 1905 // *Terra Sebus*. 10: 289–313.
- [Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235–247.
- [Mamadaliyev et al., 2020a](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 56(2): 530–540.
- [Mamadaliyev et al., 2020b](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 57(3): 1065–1084.
- [Mamadaliyev et al., 2020c](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 58(4): 2409–2426.
- [Mamadaliyev et al., 2021](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 16(1): 169–181.
- [Mamadaliyev et al., 2021a](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 16(2): 699–716.
- [Mamadaliyev et al., 2021b](#) – Mamadaliyev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 16(3): 1191–1202.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 53(3): 1049–1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 54(4): 1524–1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 55(1): 88–104.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

[Taran et al., 2021](#) – Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M. (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

References

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

[Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Gut, J. (2020). The Social Background of Functionaries in the Russian Empire's Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 212-220.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529-545.

[Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822-836.

[Magsumov, 2017](#) – Magsumov, T.A. (2017). Family and school in Russia at the beginning of the 20th century: Attempts to bridge the gap. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 837-846.

[Magsumov, 2018](#) – Magsumov, T.A. (2018). Vocational school and studying youth in the Russian revolution of 1905. *Terra Sebus*. 10: 289-313.

[Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

[Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.

- [Mamadaliyev et al., 2021a](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliyev et al., 2021b](#) – Mamadaliyev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Otchet, 1885](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1884 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1884]. Tiflis, 1885. [in Russian]
- [Otchet, 1886](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1885 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1885]. Tiflis, 1886. [in Russian]
- [Otchet, 1887](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1886 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1886]. Tiflis, 1887. [in Russian]
- [Otchet, 1890](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1889 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1889]. Tiflis, 1890. [in Russian]
- [Otchet, 1891](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1890 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1890]. Tiflis, 1891. [in Russian]
- [Otchet, 1892](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1891 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1891]. Tiflis, 1892. [in Russian]
- [Otchet, 1893](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1892 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1892]. Tiflis, 1893. [in Russian]
- [Otchet, 1894](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1893 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1893]. Tiflis, 1894. [in Russian]
- [Otchet, 1895](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1894 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1894]. Tiflis, 1895. [in Russian]
- [Otchet, 1896](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1895]. Tiflis, 1896. [in Russian]
- [Otchet, 1897](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1896 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1896]. Tiflis, 1897. [in Russian]
- [Otchet, 1899](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1898 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1898]. Tiflis, 1899. [in Russian]
- [Otchet, 1900](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1899 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1899]. Tiflis, 1900. [in Russian]

Otchet, 1901 – Otchet popechatelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1900 g. [Report on the status of educational institutions of the Caucasian educational district in 1900]. Tiflis, 1901. [in Russian]

Ovsyannikova, 2017 – *Ovsyannikova, A.A.* (2017). Sistema narodnogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX veka – nachale XX vv. [The system of public education of the Russian Empire in the second half of the XIX century – the beginning of the XX centuries]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2: 95-99. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1880 – Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1879 g. [Commemorative book of the Caucasian educational district for 1879.]. Tiflis, 1879. [in Russian]

Poleshchuk, 2017 – *Poleshchuk, K.K.* (2017). Munitsipal'naya sistema narodnogo obrazovaniya v Moskve pri gorodskom golove N.A. Alekseeve v 1885 – 1893 gg. [The municipal system of public education in Moscow under the mayor N.A. Alekseev in 1885 – 1893]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 1: 54-66. [in Russian]

Shevchenko et al., 2016 – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

Taran et al., 2021 – *Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M.* (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

К вопросу о системе народного образования на территории Кавказского учебного округа в 1848–1917 гг. Часть 1

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^{c, d},
Алексей Владимирович Дюжов ^{d, e}, Светлана Владиславовна Петрова ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

^f Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В работе делается попытка рассмотреть системы народного образования на территории Кавказского учебного округа в период с 1848 по 1917 гг. В данной части работы уделяется внимание периоду с 1848 по 1900 гг.

В качестве материалов были использованы ежегодные «Отчеты попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа», которые публиковались с 1884 по 1914 гг. В них публиковались данные о системе народного образования подведомственной как Министерству народного просвещения, так и (в особенности на начальном этапе) другим ведомствам, например Святейшему синоду.

В связи со спецификой работы в методологическом плане широко применялся статистический метод. Благодаря ему, нам удалось систематизировать разнообразную статистическую информацию по разным типам учебных заведений (начальных, низших и средних), а также выявить изменение количества учащихся на Кавказе и обратить внимание на их гендерный баланс.

В заключении авторы приходят к выводу, что система народного образования на территории Кавказского учебного округа состояла из среднего, низшего, начального и частного образования. Различные приходские школы (православные, армяно-григорианские, еврейские, мусульманские) не были подведомственны Кавказскому учебному округу, и сведения о них в данной работе не рассматривались. Созданный в 1848 г. Кавказский учебный округ представлял собой территорию с разрозненными очагами народного образования с превалированием начальных школ. К 1879 г. на Кавказе уже было более 800 учебных заведений, из которых – 25 средних и 32 низших вместе с частными. К 1900 г. количество средних и низших заведений достигло 55 и 84 соответственно, а общее количество школ достигло 1 902 при 168 тыс. учащихся. Несмотря на очевидные успехи в деле народного образования, значительной проблемой продолжал оставаться гендерный дисбаланс и ущемление прав девочек на начальное образование.

Ключевые слова: Кавказский учебный округ, 1848–1917 гг., система народного образования, историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

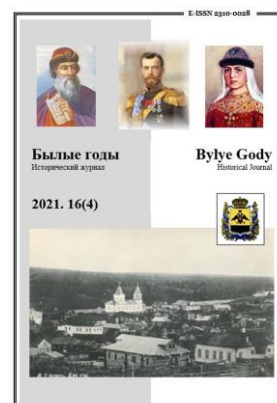
Адреса электронной почты: incfar.natolochnaya@gmail.com (О.В. Натолочная)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1800-1813
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1800

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Varvara V. Bogdan ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Aleksandr N. Volkov ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

A series of three articles is devoted to the study of the education system in the Erivan province of the Russian Empire in the period from 1849 to 1917. This article is the first (and a kind of introductory) part, which analyzes the period from 1849 (the year of the formation of the province) to 1884, as well as the sources and historiography of the issue we are researching.

The article examines the natural and climatic, social and economic features of the region, as well as the process of formation of the education system of the province and its integration into the all-Russian. The types of educational institutions (secondary, lower, primary), as well as the library fund of secondary educational institutions (as one of the important criteria for the development of this type of institution) are analyzed separately.

The main source was the reports of the trustees of the Caucasian Educational District, which provide the detailed statistical material on the activities of each type of institution. Also, the Regulations “On the Caucasian Educational District and educational institutions” of October 29, 1853, Acts of the Caucasian Geographical Commission, the Collection of Laws of the Russian Empire, etc. were used as sources.

The work also provides a brief bibliographic analysis of pre-revolutionary, soviet and modern works devoted to the development of the education system in the Erivan province as part of the Russian Empire.

Based on the research results, it was concluded that before the adoption of the Regulation of 1853, the education system in the Erivan province was objectively extremely weak: only 4 lower-level educational institutions operated. By the end of 1884, there were 3 secondary, 3 lower and 14 primary educational institutions in the province. At the same time, in comparison with the coastal Black Sea provinces (Tiflis, Kutaisi, Black Sea), the number of educational institutions per capita was still small, and the education system, respectively, undeveloped. This can be explained by the prevalence of traditional crafts, which did not place additional demands on learning.

Keywords: system of public education, Erivan province, Caucasian educational district, 1849–1884.

1. Введение

Как известно, развитие и интеграция образовательной системы Кавказа в общероссийское образование следует назвать непростым процессом (более подробно см., напр., [Shevchenko et al., 2016](#); [Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#)) в силу ряда причин, главными из которых было отсутствие письменности у многих коренных народов, а также недавнее вхождение территорий в состав Российской империи (конец XVIII – середина XIX вв.). Важнейшими задачами русского правительства были не только активная русификация региона (т.е. внедрение русскоязычной письменности и соответствующего

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

документооборота), но и сохранение, и даже создание письменности некоторым народам Кавказа – местных этнических орфографических и лингвистических элементов, которые обобщенно в современной науке принято называть «региональным компонентом» (подробно о проблеме см. [Shevchenko et al., 2016](#)). Активная и, безусловно, плодотворная работа образовательной администрации Кавказского учебного округа в лице ее попечителей (Василий Николаевич Семенов, 1848–1852 годы попечительства; Александр Павлович Николаи, 1852–1860 гг.; Януарий Михайлович Неверов, 1864–1878 гг.; Кирилл Петрович Яновский, 1878–1901 гг.; Михаил Ромуальдович Завадский, 1901–1906 гг.; Николай Федорович Рудольф, 1906–1917 гг.) привела к тому, что к «периоду упадка империи процесс интеграции системы образования на Кавказе в общероссийскую фактически был завершен» (см., напр., [Cherkasov, 2011: 148](#)).

В этой (первой) части нашего исследования развития системы образования Эриванской губернии делается анализ становления данной народной образовательной системы после ее выделения в отдельную административную единицу в 1849 году, типов учреждений (средних, низших и начальных), а также библиотечного фонда средних учебных заведений как одного из важных критериев качества получаемого образования.

2. Материалы и методы

Источниками нашей работы стали статистические документы администрации Кавказского учебного округа, указы, положения и прочие нормативные акты, регулировавшие деятельность системы образования. В качестве материалов были использованы дореволюционные статистические сборники, статьи, монографии, так или иначе касающиеся проблемы нашего исследования, а также труды советских и современных ученых.

С учетом того, что данная статья является первой в серии, считаем целесообразным акцентировать внимание на анализе используемых источников.

Основным источником серии работ по исследованию системы образования Эриванской губернии стали отчеты попечителей. В хронологических рамках этой статьи мы использовали оказавшийся в нашем распоряжении отчет за 1884 год, составленный попечителем Кавказского учебного округа Кириллом Петровичем Яновским ([Отчет, 1884](#)).

В целом, отчеты попечителей являются ценным материалом для изучения учебного дела на территории Кавказа. Во-первых, они весьма объемные и глубокие: каждый отчет содержит от 600 до 1200 страниц машинописного текста. Во-вторых, информация в них четко структурирована: в первой части идет текстовое описание состояния всех имеющихся учебных заведений, а также достижений, которые произошли за отчетный год. В-третьих, приложения к каждому отчету содержат таблицы с исчерпывающей информацией по административному, педагогическому и ученическому составу учреждений образования (по сословному, конфессиональному и другим критериям), финансированию и расходам, организации учебной деятельности (вплоть до количества пропущенных уроков) и многое другое. Можно сказать, что каждый из отчетов является фундаментальным трудом, значение которого для историка невозможно переоценить.

«Статистическое описание Закавказского края» О.С. Евецкого, изданное в Санкт-Петербурге в 1835 году, хотя и выходит за хронологические рамки данной работы, тем не менее дает хорошее понимание географии, экономики и этнического состава Кавказа середины XIX века, так как является весьма глубоким для своего времени исследованием ([Статистическое описание, 1835](#)).

Огромное значение для понимания организационных особенностей Кавказского учебного округа в целом имеет Положение от 29 октября 1853 года «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях», подписанное императором Николаем I. Закон был принят прежде всего для централизации управления системой образования на Кавказе, а также для обеспечения ее гармоничного интегрирования в образовательную систему Российской империи в целом, ибо, как указывалось выше, до присоединения к России в образовательной сфере региона имелся целый ряд проблем. Положение создало четкую иерархию не только административного состава системы образования на Кавказе, но и учреждений – их тип (принадлежность к низшему, начальному или среднему ступеням образования), количество классов, пансионов при них (и даже регламентировало деятельность частных репетиторов и гувернеров), возрастной ценз для каждого учреждения (и класса), стоимость платы за обучение, размер зарплат педагогического и административного штата, перечень предметов для каждого класса и типа учебного заведения и мн. др. Положение от 1853 года действовало фактически (и юридически) вплоть до развала империи ([Положение от 29.10.1853](#)).

Для понимания социальной, экономической, этнографической и географической обстановки значительный интерес представляет ряд источников, описывающих указанные сферы.

К таковым следует отнести исследования Н.И. Воронова – фундаментальный труд «Сборник статистических сведений о Кавказе», изданный в Тифлисе в 1869 году ([Сборник статистических сведений о Кавказе, 1896](#)), а также «Черноморские письма», опубликованные в «Русском вестнике» ([Воронов, 1857](#)).

В числе источников хотелось бы отметить и многотомный труд под названием «Акты, собранные Кавказской комиссией», изданные в Тифлисе в 1881, куда вошел пласт ценных этнологических, географических, социальных и экономических сведений о Кавказе (АКАК).

Особый интерес представляет масштабный и очень глубокий труд Н.К. Зейдлица «Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края», также изданный в Тифлисе в 1894 году. Исследование включает в себя 9 томов подробнейшего описания всех сфер жизни Кавказа (Сборник сведений о Кавказе, 1871–1885). В 1894 году в дополнение к нему вышел «Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края» с десятью тысячами наименований населенных пунктов, этносов, терминов и пр. (Зейдлиц, 1894).

Краткую общую информацию как о регионе (Эриванской губернии) может дать известная Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (Брокгауз–Ефрон, 1896).

Важнейшим источником по истории дореволюционной России XX в. является Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., изданная в Санкт-Петербурге Н.А. Тройницким, которая позволяет понять особенности этнических и демографических процессов, происходивших на юге империи на рубеже веков (Всеобщая перепись населения, 1897).

Исчерпывающую информацию о нормативном регулировании сферы образования дают нормативные акты, собранные в «Полном собрании законов Российской Империи». В контексте обозначенных в нашем исследовании хронологических границ мы обращались ко Второму (1825–1881 годы) и Третьему (1881–1913 годы) собраниям (ПСЗРИ).

Из комплексных дореволюционных источников, посвященных исследованию сферы образования, можно упомянуть «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения на протяжении XIX века (1802–1902 годы)», составленный С.В. Рождественским и изданный в 1902 году (Исторический обзор, 1902).

Что касается методологии, то в работе использовался комплекс методов исследования как традиционных исторических, так и нетрадиционных исторических и общенаучных.

Из традиционных методов исторического исследования применялся историко-системный (анализ развития системы образования Эриванской губернии в неотрывной связи с экономической, социальной, демографической и политической обстановкой), историко-типологический (определение типов учебных заведений в соответствии с нормативным регулированием в Российской империи), историко-генетический (выявление результатов внедрения тех или иных положений в образовательную политику региона), историко-сравнительный метод (сравнивалось состояние системы образования в начале и в конце исследуемого хронологического периода; также данный метод использовался при сравнении системы образования Эриванской губернии с аналогичными в других губерниях – Черноморской, Тифлисской, Кутаисской).

Из нетрадиционных методов исторического исследования в нашей работе использовался статистический метод (математический/количественный анализ заведений, учащихся в них, объем финансирования и расходов, количество томов библиотечного фонда и пр.).

Из общенаучных методов исследования применялись синтез, анализ (научной литературы, источников, системный анализ) и др. Комплекс примененных методов позволил всецело и объективно воссоздать картину народного образования в Эриванской губернии и выявить ее характерные и специфические особенности в сфере образовательной деятельности.

3. Обсуждение

Развитие системы народного образования в Эриванской губернии мало освещалось в научной литературе; глубоких научно-исторических трудов по этой проблематике мы не нашли, что, собственно, и обуславливает новизну нашего исследования. Вместе с тем комплексных работ, которые посвящены системе образования на Кавказе в целом, на современном этапе развития исторической науки уже немало, причем такая тенденция появилась именно в последние годы. В частности, отдельно (и достаточно глубоко) анализируются различные дирекции Кавказского учебного округа: Тифлисской губернии (см, напр., Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020c; Mamadaliev et al., 2020d и др.), Кутаисской губернии (см, напр., Mamadaliev et al., 2021e; Mamadaliev et al., 2021f; Mamadaliev et al., 2021g и др.), территории Кубанского казачьего войска (см., напр., Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020 и др.), Ставропольской губернии (см., напр., Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b и др.), Черноморской губернии (см., напр., Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a и др.), Карской области (см., напр., Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a и др.), Терской области (см., напр., Cherkasov et al., 2020b и др.) (хронологические рамки исследований: с момента основания соответствующих административных единиц до распада Российской империи в 1917 году).

Из зарубежных исследований в рамках нашего исследования представляют интерес работы А.А. Богоявленского, посвященные развитию библиотечного дела в начальных училищах Кавказского учебного округа (Богоявленский, 1911; Богоявленский, 1912a; Богоявленский, 1912b), П. Зажаева о работе городских училищ в России и на Кавказе, созданных в соответствии с Положением 1872 года

(Зажаев, 1909), Л. Модзалевского, анализирующего процесс развития образования на Кавказе в 1802–1880 годах (Модзалевский, 1880) и др.

Среди советских работ отметим «Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом», составленные В.С. Гальцевым (Орджоникидзе, 1942) (Материалы по истории, 1942), а также сборник статей «Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники)», вышедший в Москве в 1980 году под редакцией Э.Д. Днепровца (Народное образование, 1980).

Среди комплексных работ современного периода отметим работы А.А. Черкасова, посвященные общероссийской системе основного образования (Cherkasov, 2011), О.В. Натолочной, Н.И. Крюковой, С.И. Бушлаева об общих вопросах процесса развития народного образования на Кавказе в начале XX века (1905–1907 гг.) (Natolochnaya et al., 2016). Т.А. Магсумов, С.Ф. Артемова, О.В. Устинова, Е.В. Видищева дали общую характеристику процессу становления народного образования на Кавказе в 1850-е годы и проанализировали особенности его интеграции в общероссийское образование (Magsumov et al., 2018). Вопросы функционирования высшей школы на Кавказе, в том числе и в дореволюционный период, рассмотрели О.В. Натолочная, Н.В. Мику, Т.Е. Зульфугарзаде, А. Медико (Natolochnaya et al., 2018). Общие вопросы процесса создания системы народного образования на Кавказе освещены Н.А. Шевченко, Е.В. Ведищевой, О.В. Емельяновой (Shevchenko et al., 2016). Е.И. Кобахидзе исследует законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения (Кобахидзе, 2015). Значительный интерес представляет фундаментальный труд Л.С. Гатаговой «Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в.» (Гатагова, 1993).

Как было указано выше, отдельные регионы Кавказа в последние годы были весьма подробно рассмотрены современными исследователями.

А.А. Черкасовым, Л.А. Королевой, С.Н. Братановским, Л.Г. Зимовец была исследована система народного образования на территории Черноморской губернии (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b). Т.А. Магсумов, А.А. Королев, М.А. Пономарева, Т.Е. Зульфугарзаде исследовали процесс создания системы народного образования в Карской области и проблемы ее интеграции в общероссийскую систему образования, проанализировав число учащихся, их конфессиональный, сословный состав и пр. (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a). Нами были исследованы аналогичные элементы системы народного образования в Тифлисской (Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c; Mamadaliyev et al., 2020d) и Кутаисской (Mamadaliyev et al., 2021e; Mamadaliyev et al., 2021f; Mamadaliyev et al., 2021g) губерниях. В.С. Молчанова, Л.Л. Баланик, Е.В. Видищева, И.И. Потапова сделали анализ развития начального образования в дореволюционный период (1803–1917 гг.) на территории Кубанского казачьего войска (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020). Элементы системы образования Ставропольской губернии и процесс ее интеграции в общероссийскую оказался в сфере научных интересов О.В. Натолочной, Л.Г. Зимовец, Р.М. Алалуева, В.А. Свешникова, В.Г. Иванцова, Ю.Н. Макарова (Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b).

Однако фундаментальное исследование системы образования Эриванской губернии осталось за рамками указанных трудов. Наша работа, состоящая из серии трех статей, призвана восполнить этот пробел.

4. Результаты

Географические рамки исследования ограничены Эриванской губернией (1849–1917), которая была образована 9 июня 1849 года указом императора Николая I: «для успешнейшего движения дел и удобнейшего управления образован в Закавказском крае еще новую губернию» (ПСЗРИ, 1881: ст. 23303). Территориально она находилась «в центральной части южного Закавказья, между 41°7' и 38°52' северной широты и 60°56' и 63°54' восточной долготы, образует неправильный, вытянутый с северо-запада на юго-восток параллелограмм; граничит: на севере – с Тифлисской и Елисаветпольской губерниями, на востоке – с Елисаветпольской губернией, на западе – с Карской областью, на юге – с Эрзерумским вилайетом Азиатской Турции и с Азербейджанской провинцией Персии. Длина государственной границы с Персией 246 1/2 верст, с Турцией – 130 верст; общее протяжение границ Э. губернии 1052 1/2 версты. Э. губерния занимает 24454,4 кв. верст или 27830 кв. км (по Стрельбицкому). Жителей 804757. 7 уездов: Новобаязетский, Нахичеванский, Александропольский, Сурмалинский, Эриванский, Эчмиадзинский и Шаруро-Даралагезский; самый большой из них – Новобаязетский, самый малый – Шаруро-Даралагезский» (Брокгауз-Ефрон, 1904: 10).

Административным центром был город Эривань с населением (согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) в 29 006 чел. Следует отметить, что в отличие, к примеру, от Тифлисской губернии, где административная столица региона по численности населения была в разы больше, чем другие города, в Эриванской губернии дело обстояло иначе: наиболее крупным городом был Александрополь с населением в 30 616 чел. На третьем и четвертом местах были г. Нахичевань и г. Ново-Баязет (соответствующие названию административных центров уездов), которые фактически были равны по численности (8 790 и 8 486 чел. соответственно). Далее

располагались г. Вагаршапат Эчмиадзинского уезда – 5 267 чел., селение Игдыр Сурмалинского уезда – 4 680 чел. (современная территория Турции) и селение Баш-Норашен Шаруро-Даралагезского уезда – 867 чел. ([Всеобщая перепись населения, 1897: 1](#)).

Этническое большинство (52,08 %), по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., составляли представители армянской нации ([Всеобщая перепись населения, 1897: 55](#)).

Хронологические рамки всей серии статей, посвященной развитию системы образования Эриванской губернии, составляют 1849–1917 годы: 1849-й – является годом основания губернии, 1917-й – датой развала Российской империи. Однако анализ столь большого периода в рамках одной публикации был бы весьма громоздким, поэтому целесообразным представляется разделение исследования на три части:

1. 1846–1885 годы – период становления системы образования Эриванской губернии и интеграция ее в общероссийскую до демографического «взрыва».

2. 1885–1907 годы – период количественного увеличения образовательных учреждений (так называемое развитие «вширь»). При исследовании сферы образования в данный период особый упор делается на влияние сильнейшего демографического роста в южных регионах России (и особенно на Кавказе).

3. 1908–1917 годы – период как количественного, так и качественного (так называемое развитие «вглубь») улучшения системы образования, связанное с принятием Закона от 3 мая 1908 года, который значительно расширил государственные ассигнования, выделяемые на народное образование и, по нашему мнению, в значительной мере изменил вектор развития образовательной сферы Российской империи (более подробно см. [Mamadaliyev et al., 2020d](#)).

Таким образом, хронологические рамки данной статьи, т.е. первой части в серии работ, ограничены 1849–1885 годами.

В 1850-х гг. образовательные заведения Эриванской губернии административно подчинялись директору Кутаисской дирекции училищ – чиновнику VI класса по «Табели о рангах» с годовой заработной платой в 1 000 руб., к которым прибавлялись с 300 руб. «столовых»¹ и 300 руб. «квартирных»² в год. При директоре находились бухгалтер (чиновник XII класса) и письмоводитель (чиновник XIV класса) с зарплатами в 300 руб./год и 90 руб. «квартирных», но без бюджетных расходов на пропитание.

Положение от 1853 года определяет несколько учебных заведений в губернии, количество и тип которых мы и будем считать отправной точкой ([Положение от 29.10.1853: 30](#)):

1. Уездное училище в г. Эривань (совр. г. Ереван, Армения) с тремя высшими классами. В личном составе заведения находились штатный смотритель – чиновник (гражданский служащий) VIII класса с зарплатой в 700 руб./год, учителя наук и учитель «приготовительного» (подготовительного – Авт.) класса (чиновники XII класса с зарплатой в 400 руб./год), а также законоучителя (преподаватели теологии) православного, армяно-григорианского и мусульманского вероисповедания (чиновники без требования к классу в «Табели о рангах» и с зарплатой в 200 руб./год) ([Положение от 29.10.1853: 87](#)).

Следует отметить, что фактически тарификация заработных плат была едина для всего учебного округа.

2. Уездное училище в г. Александрополь (совр. г. Гюмри, Армения). Руководитель училища совмещал должности смотрителя и одного из двух учителей наук; также имелся учитель «приготовительного» класса и отдельно – учитель греческого языка (чиновник XII класса с зарплатой в 150 руб./год). Должности законоучителей были аналогичными с вышеуказанным училищем ([Положение от 29.10.1853: 88-89](#)).

3. Уездное училище в г. Нахичевань (ныне находится на территории Азербайджана). По штату – 6 сотрудников (без детализации заработных плат и должностей) ([Положение от 29.10.1853: 88](#)).

4. Первоначальное училище в г. Ново-Баязет (совр. г. Гавар, Армения). Штат включал в себя всего двух человек: смотрителя (руководителя заведения) с совмещением должности учителя русского языка и арифметики, учителя армянского языка с совмещением должности законоучителя армяно-григорианского вероисповедания. Смотритель училища с совмещением должности учителя арифметики и русского языка приравнивался к чиновникам X разряда и в год зарабатывал 400 руб., законоучитель армяно-григорианского вероисповедания при совмещении должности учителя армянского языка (без разряда) – 150 руб. ([Положение от 29.10.1853: 90-91](#)). Наем помещения и прислуги обходился бюджету в 300 руб./год.

Как видим, в сравнении с «передовой» Тифлисской губернией (и даже с «непередовыми» другими территориями, в частности Кутаисской или Черноморской губерниями) количество образовательных учреждений было мало, что говорит о весьма отсталой системе образования в нижней точке хронологических рамок исследования.

¹ Т.е. оплата питания.

² Т.е. оплата аренды жилья.

Исследуя систему образования Эриванской губернии, мы не можем обойти вниманием один из фундаментальных историко-статистических трудов – энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, который мог бы дать нам общее представление о развитии образования в губернии к началу XX века (по аналогии с другими регионами, в частности Тифлиской или Кутаисской губерниями). Однако никакой информации об образовании в Эриванской губернии в данном источнике нет! Это очередной раз подтверждает факт того, что сфера образования была здесь развита крайне слабо.

Объяснение этому может дать косвенная информация из той же энциклопедии: «Население Э. губернии (429689 мужчин, 375068 женщин, по переписи 1897 г.) слагается из армян (56 %), азербейджанских татар (37,5 %), курдов (5,5 %) и русских (0,6 %); остальные 0,4 % приходятся на айсоров, греков, грузин, евреев и цыган. 55 % армяно-григориан, 0,9 % армян-католиков, 41 % мусульман (36,7 % шиитов, 4,3 % суннитов), 1,7 % езидов (часть курдов), 0,5 % православных, 0,4 % сектантов и т.п. Армяне живут преимущественно в северо-западной части губернии, татары – в юго-восточной, курды – в юго-западной. Большинство населения живёт оседло; часть татар и в особенности курдов ведёт полукочевой образ жизни. Главные занятия населения – земледелие и скотоводство» (Брокгауз–Ефрон, 1904: 12). Как видим, экономика и промышленность региона тоже были весьма отсталыми и, следовательно, особой нужды в образованности не было – важнее были сельскохозяйственные и животноводческие навыки. Однако для развития экономики и производства требовалось и развитие образования.

Рассмотрим подробнее структуру уездных училищ Эриванской губернии, располагавшихся в городах Эривань, Александрополь, Нахичевань. Целью их, согласно Положению 1853 года, было «1) предоставление детям всех состояний вообще (т.е. всех сословий – Авт.), вместе с средствами нравственного образования, возможности приобрести те сведения, которые, по образу жизни их, нуждам и занятиям, могут быть им наиболее полезны как в общественной жизни, так и для продолжения дальнейшего образования в гимназиях и 2) образование детей лиц всех свободных состояний для занятия должностей учителей первоначальных училищ и частных школ» (орфография и пунктуация источника сохранены – Авт.) (Положение от 29.10.1853: 51). Как видим, еще до отмены крепостного права в систему образования закладывались ее всеословность, а также подготовка педагогических кадров (но только для свободных сословий).

Во главе училища стоял штатный смотритель, который либо назначался из числа учителей данного училища («отличившихся ревностью к службе, хорошим поведением и знаниями»), либо человек с высшим образованием с имеющимся опытом административно-педагогической работы («служившие прежде по учебному ведомству или в таких должностях, где они смогли приобрести нужные для смотрительской должности сведения») (Положение от 29.10.1853: 52). К квалификационным требованиям учителя выдвигались высшее или среднее (гимназическое) образование. В качестве преподаваемых предметов в училище были «Закон Божий, русский язык и русская грамматика, местный язык, арифметика, краткая география всеобщая и русская, краткий очерк всеобщей, русской и местной истории, чистописание и «начальные понятия о геометрии» (Положение от 29.10.1853: 53).

В качестве дополнительных/факультативных предметов в уездных училищах, где учились дети потомственных и личных дворян, в зависимости от возможности финансирования преподавались «формы производства дел и судебного порядка с практическими упражнениями» и бухгалтерия (Положение от 29.10.1853: 53). Положение 1853 года обязывало штатного смотрителя справедливо распределять нагрузку: «все предметы распределяются между преподавателями сколь можно уравнильнее, что и возлагается на обязанность штатного смотрителя и директора училищ» (Положение от 29.10.1853: 53).

Первоначальное училище располагалось только в г. Ново-Баязете. В качестве учащихся допускались только дети мужского пола всех состояний не моложе 8 лет (Положение от 29.10.1853: 58).

Обучение в первоначальных училищах было не только всеословным, но и бесплатным. Этот тип училищ был одно- и двухклассным. В одноклассных училищах учили только основам вероисповедания (того вероисповедания, к которому принадлежали жители населенного пункта) и основам арифметики (первые четыре действия и «действия над отвлеченными и именованными числами»), русскому чтению, письму (включая освоение практических навыков разговорной русской речи), а также чтению и письму местного языка. Двухклассные училища включали в курс к названным дисциплинам еще и «Краткий Катехизис и Краткую Священную Историю» (укороченный курс православной религии и истории ее возникновения), краткую русскую грамматику, чистописание и более углубленно – арифметику (знания «о простых дробях и действиях над ними») (Положение от 29.10.1853: 58-59). Судя по штатному расписанию первоначального училища в г. Ново-Баязете, предполагаем, что оно было одноклассным.

По состоянию на конец 1884 года в Эриванской губернии действовали:

1. Мужская гимназия в г. Эривань (преобразована в гимназию 31 марта 1881 г.). Гимназия была 8-классной, имелся и один подготовительный. Общее число классов было 18 (10 обычных и 8 параллельных) (Отчет, 1884: 241).

К 31 декабря 1884 года в гимназии училось 246 человек. Самыми многочисленными были дети представителей дворянского сословия (88 чел.), однако отрыв от других сословий в Эриванской губернии (в отличие, к примеру, от Тифлисской или Кутаисской губерний; см, напр., Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2021e) был совсем невелик! Городских сословий было 69 учащихся, сельских сословий – 60 (!) чел., то есть превалирование дворян в средних учебных заведениях Эриванской губернии фактически отсутствовало, а крестьяне были представлены весьма сильно (в отличие от двух вышеуказанных губерний). Учеников из сословия духовенства было 32 чел., иностранных граждан – 2 чел. Таким образом, все сословия в целом были представлены одинаково, что выделяет в лучшую сторону Эриванскую губернию в сравнении с другими кавказскими территориями (иностранцы, разумеется, не в счет, так как русскими сословиями не являлись) (Отчет, 1884: 272).

По конфессиональному критерию большую часть учащихся составляют представители армяно-григорианского вероисповедания (141 чел.), что вполне закономерно, учитывая, что половину населения губернии составляли армяне. Вторыми по счету являются представители православного христианства, и количество их меньше почти в 3 раза – 51 чел. Почти столько же представителей ислама – 49 чел. Остальные конфессии почти не представлены – протестанты (лютеране) – 4 чел., католики – 1 чел. (Отчет, 1884: 273).

По этническому критерию (который весьма соответствует конфессиональному) также вполне закономерно лидируют представители армянского этноса – 144 чел. На втором и третьем местах расположились соответственно татары (48 чел., статистические источники (см., напр., Сборник статистических сведений о Кавказе, 1896; Сборник сведений о Кавказе, 1871–1885; Брокгауз–Ефрон, 1896) называют их азербейджанскими татарами, совр. азербайджанцы – Авт.) и русские (43 чел.). Грузин (7 чел.), горцев (1 чел.) и европейцев (3 чел.) было совсем немного (Отчет, 1884: 273).

Фундаментальная библиотека гимназии насчитывала 4 059 томов при 1 824 названиях и стоимостью в 6 435 руб., «подорожав» в сравнении с прошлым годом на сумму в 982 руб. Ученическая библиотека имела 687 томов с 449 названиями и стоимостью в 899 руб., став дороже за последний год на 66 руб. (Отчет, 1884: 242).

Несколько слов скажем о финансовой деятельности учреждения, так как этот критерий косвенно отражает его «ценность» в глазах администрации учебного округа. На содержание учреждения в отчетном году было потрачено 44 716 руб., из них львиную долю составляло бюджетное финансирование в 37 144 руб. (плюс 147 руб. на прибавочное (премиальное – Авт.) жалованье). Доходы от платы за обучение составили 4 513 руб., от содержания частных воспитанников – 1 700 руб., от процентов с капитала 1 212 руб. (Отчет, 1884: 244–245).

Израсходовано в 1884 году было 38 980 руб. Основная статья расходов – содержание личного состава (25 891 руб.). На втором месте – содержание воспитанников пансиона (8 028 руб.). Наем помещений обошелся в 2 445 руб., хозяйственные расходы – в 2 155 руб., приобретение учебных пособий для библиотек – 2 076 руб., приобретение пособий служащим – 1 410 руб., отчисления в Министерство народного просвещения – 517 руб., ремонт помещений – 370 руб., «премиальные» – 147 руб., пособия учащимся – 90 руб., отчисления в Кавказский учебный округ – 89 руб., прочие расходы – 787 руб. (Отчет, 1884: 246–247). Средняя стоимость обучения за весь период составляла 140 руб., воспитания (т.е. с проживанием в пансионе) – 242 руб. (Отчет, 1884: 248). Ежегодная плата за обучение составляла 16–25 руб. (Отчет, 1884: 252).

2. Учительская семинария в г. Эривань (основана 8 ноября 1881 г.).

Семинария была 6-классной (не считая одного подготовительного). По состоянию на 31 декабря 1884 г. в ней имелось 7 классов (Отчет, 1884: 303).

Общее количество учащихся в семинарии к концу 1884 года составляло 78 чел., увеличившись в сравнении с 1883 годом на 11 чел. (Отчет, 1884: 334).

Дворян и представителей сельских сословий было примерно поровну – 30 и 23 учащихся соответственно. Чуть меньше было представителей городских сословий – 16 чел. Детей представителей духовенства было 8 чел., нижних чинов – 1 чел. (Отчет, 1884: 335).

По конфессиональному критерию больше половины составляли представители армяно-григорианского христианства – 44 чел., 21 – представители православной религии, 13 – мусульмане (Отчет, 1884: 335). Представителей других конфессий не было.

По национальному критерию большинство было за представителями армянского этноса – 44 чел. На втором месте с огромным отрывом были татары (азербайджане) – 13 чел., горцев – 8, русских – 7, грузин – 3, европейцев – 3 (Отчет, 1884: 335).

Фундаментальная библиотека имела в своем составе 1 671 том с 941 названием и стоимостью в 3 101 руб., «подорожав» за год на 695 руб. Ученическая имела 1 920 томов с 567 названиями и стоимостью в 1 636 руб., став дороже в 1884 отчетном году на 307 руб. (Отчет, 1884: 304).

3. Женская прогимназия в г. Эривань (основана 9 июля 1884 г.).

Учреждение, в отличие от других прогимназий округа, было трехклассным (не включая один подготовительный класс) (Отчет, 1884: 367). Плата за обучение составляла 36 руб. в год (Отчет, 1884: 376).

Число учениц к 31 декабря 1884 г. составило 72 чел. Среди них преобладали дворянки – 42 чел. На втором месте располагались представительницы городских сословий (26 чел.). Количество остальных сословий было ничтожно малым: духовенство – 1 чел., сельские сословия – 1 чел., нижних чинов – 2 чел. Такая ситуация объясняется, на наш взгляд, во-первых, достаточно высокой платой за обучение (которую не могли себе позволить крестьяне, нижние чины и бедные городские сословия) и, во-вторых, квотами на обучение дворянским детям (для увеличения степени их лояльности) (Отчет, 1884: 392).

Из общего числа учениц больше всего было представительниц армяно-григорианского вероисповедания (43 чел.), на втором месте с достаточно большим отрывом – православные христианки (25 чел.); количество остальных конфессий было крайне невелико – католичек 1 чел., «раскольников» – 1 чел., мусульманок – 2 чел. (Отчет, 1884: 393).

По национальному критерию наибольшее количество мест было у армянок (44 ученицы), на втором месте – русские (22 ученицы), представительниц других этносов было очень мало: грузинок – 2 чел., татарок (азербайджанок) – 2 чел. (Отчет, 1884: 393)

Информация о библиотечном фонде прогимназии отсутствует (Отчет, 1884: 369).

4. Три городских училища:

1) Александропольское (г. Александрополь, 1876 год основания). Обучение включало 3 класса. Подготовительный класс не предусматривался (Отчет, 1884: 423). Число учащихся к концу 1884 года – 156 чел. Детей дворян обучалось 19 чел., духовенства – 10 чел., сельских сословий – 30 чел., больше всего было представителей городских сословий – 97 чел. (Отчет, 1884: 440). По конфессиональному признаку на первом месте и с почти трехкратным отрывом были представители армяно-григорианского христианства – 112 чел., на втором месте – православные христиане – 41 чел.; представителей других конфессий практически нет (мусульман – 2 чел., «евреев» (иудейское вероисповедание) – 1 чел.) (Отчет, 1884: 440). По этническому критерию на первом месте армяне – 112 чел., на втором с огромным отрывом – русские – 38 чел.; других национальностей крайне мало: грузин – 3, татар – 2, евреев – 1.

2) Ново-Баязетовское (г. Ново-Баязет, основано 1 июля 1880 года). Обучение включало 2 класса. Подготовительный класс не предусматривался (Отчет, 1884: 423). Число учащихся к концу 1884 года – 74 чел. Детей дворян обучалось 4 чел., духовенства – 7, сельских сословий – 11, больше всего было представителей городских сословий – 52 чел. (Отчет, 1884: 440). По конфессиональному признаку на первом месте с многократным отрывом шли представители армяно-григорианского христианства – 67 чел., представителей других конфессий крайне мало (православных христиан – 2, мусульман – 5) (Отчет, 1884: 440). По этническому критерию абсолютное большинство у армян – 67 чел. (90 %), татар – 5, русских – 1 (Отчет, 1884: 441).

3) Нахичеванское (г. Нахичевань, основано 6 июля 1879 года). Обучение включало 3 класса. Предусматривался один подготовительный класс (Отчет, 1884: 423). Число учащихся к концу 1884 года – 188 чел. Детей дворян обучалось 29 чел., духовенства – 13, сельских сословий – 32, нижних чинов – 3; традиционно для городских училищ больше всего было представителей городских сословий – 97 чел. (Отчет, 1884: 440). По конфессиональному признаку на первом месте с более чем двукратным отрывом были представители армяно-григорианского христианства – 128, мусульмане на втором месте – 51, православных христиан очень мало – 9 (Отчет, 1884: 440). Безусловно, конфессиональный критерий в Эриванской губернии всецело отражает критерий этнический. Что касается последнего, то армяне на первом месте с 128 учащимися, на втором месте с более чем двукратным отрывом татары – 51 чел., русских – всего 9 чел. (Отчет, 1884: 441).

5. Начальные училища – 14 шт. (к концу 1884 г., увеличившись за отчетный год на 3 шт.). Количество учащихся в них – 586 чел., из которых учащиеся мужского пола – 571 чел., женского – 15 чел. (Отчет, 1884: 492; 512). Подобное гендерное соотношение следует признать традиционным для кавказских регионов, и Эриванская губерния не стала исключением. По сословному критерию преобладают дети представителей сельских сословий (340 чел.), на втором месте с более чем двукратным отрывом – представители городских сословий (132 чел.), на третьем – дети дворян и чиновников (71 чел.), на четвертом – дети духовенства (40 чел.) и совсем малое количество – дети нижних чинов (3 чел.) (Отчет, 1884: 514). По конфессиональному критерию большая часть – представители армяно-григорианского христианства (285 чел.), на втором месте – мусульмане (212 чел.), православных христиан – 88 чел., раскольников – 1 чел. (Отчет, 1884: 514-515). По национальному составу больше всего среди учащихся было армян (285 чел.), на втором месте – татары (азербайджанцы) (212), горцев – 40, евреев – 24, русских – 19, грузин – 5 (Отчет, 1884: 515).

В заключение отметим, что в сравнении с нижней хронологической границей в Эриванской губернии в образовательной сфере был сделан качественный скачок и в количественном, и в качественном выражении. Во-первых, появилось среднее образование (в виде гимназического образования как мужского, так и женского, а также учительские семинарии). Во-вторых, появилась сеть начальных училищ. Однако в сравнении, к примеру, с прибрежными кавказскими губерниями (Тифлисской, Кутаисской, Черноморской) количество учебных заведений на душу населения здесь было значительно ниже. Это, на наш взгляд, объясняется преобладанием традиционных промыслов

(сельское хозяйство и животноводство), которые не предъявляли больших требований к образованности населения, что отличало Эриванскую губернию от активно торгующих и промышленно развивающихся прибрежных губерний, где образование весьма ценилось и было востребовано.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Положение от 1853 года стало юридическим инструментом, который положил начало интеграции системы образования Эриванской губернии в имперскую.

2. В начале 1850-х годов (1853 г.) в губернии действовало только четыре учебных заведения: три уездных училища и одно первоначальное училище. Систему образования губернии объективно следует признать весьма слабой.

По состоянию на конец 1884 года в Эриванской губернии действовали одна мужская гимназия, одна женская прогимназия, одна учительская семинария, три городских училища и 14 начальных училищ.

В сравнении с началом 1850-х годов развитие системы образования имело не только количественный, но и качественный характер, в частности:

- появилась сеть образовательных учреждений среднего образования;
- появилась сеть начальных училищ.

3. По сословному признаку в средних учебных заведениях преобладали дворяне, однако представительство сельских слоев населения было весьма сильным (в отличие от других регионов), даже несмотря на начавшуюся политику контрреформизма с присущим ей ограничением доступа к образованию низшим сословиям. В низших и начальных учебных заведениях закономерно преобладали дети сельских и городских сословий.

4. По конфессиональному критерию было преобладание представителей армяно-григорианского христианства, так как данный критерий был тесно связан с этническим – армян на территории губернии было чуть больше половины населения (52 %). В зависимости от района на втором месте были либо православные христиане со значительным количеством русского населения (к примеру, в Александрополе), в некоторых районах – мусульмане с большим количеством тюркоязычного населения – «татар», т.е. современных азербайджанцев (к примеру, в Ново-Баязете или Нахичевани). Так или иначе конфессиональный критерий был прочно привязан к этническому.

5. Вместе с тем уровень развития образования в Эриванской губернии был значительно ниже, чем, к примеру, в прибрежных регионах Кавказского учебного округа – Тифлисской, Кутаисской, Черноморской губерниях. Количество учебных заведений на душу населения здесь было значительно ниже, то же самое касается и качественного критерия – количество средних учебных заведений было меньше. Такая ситуация, по нашему мнению, объясняется преобладанием традиционных сельскохозяйственных и животноводческих промыслов, которые не предъявляли больших требований к образованности. Прибрежные черноморские губернии активно торговали через морские порты и бурно развивались в промышленном отношении, что объясняет большую востребованность в образованности населения. Однако по тому факту, что библиотечный фонд заведений закупался (и, соответственно, расширялся) значительными темпами, можно предположить, что власть планировала кардинально улучшить ситуацию с образованностью населения.

Литература

АКАК – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.

Богоявленский, 1911 – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.

Богоявленский, 1912a – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.

Богоявленский, 1912b – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.

Брокгауз–Ефрон, 1904 – Эриванская губерния // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XLI (81). СПб., 1904.

Воронов, 1857 – Воронов Н.И. Черноморские письма // *Русский вестник*. 1857. № 1, 3.

Всеобщая перепись населения, 1897 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXXI. Эриванская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

Зажаев, 1909 – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // *На Кавказе*. 1909. № 4.

Зейдлиц, 1894 – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.

- [Исторический обзор, 1902](#) – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.
- [Кобахидзе, 2015](#) – *Кобахидзе Е.И.* Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 10. Ч. 3. С. 87–90.
- [Материалы по истории, 1942](#) – *Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом* / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.
- [Модзалевский, 1880](#) – *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880.
- [Народное образование, 1980](#) – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.
- [Отчет, 1884](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1885 г. Тифлис, 1885.
- [Положение от 29.10.1853](#) – Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1853. № 80.
- [ПСЗРИ, 1911](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. 1908. СПб., 1911.
- [Сборник сведений о Кавказе, 1871–1885](#) – Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н.К. Зейдлица. Т. 1–9. Тифлис, 1871–1885.
- [Сборник статистических сведений, 1869](#) – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.
- [Статистическое описание, 1835](#) – Статистическое описание Закавказского края / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1835.
- [Штат КУО](#) – «Штат Кавказского учебного округа», утв. Повелением ЕВ от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1853. № 80.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. 65 (3): 750–770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. 65 (4): 1067–1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(4): 963–970.
- [Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history.* 2011. № 2 (10): 138–149.
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education.* 2018. 7(3): 598–607.
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(1): 221–234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(2): 459–472.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(1): 235–247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody.* 2020. 56(2): 530–540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody.* 2020. 57(3): 1065–1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody.* 2020. 58(4): 2409–2426.
- [Mamadaliev et al., 2021e](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 169–181.

[Mamadaliyev et al., 2021f](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.

[Mamadaliyev et al., 2021g](#) – Mamadaliyev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191-1202.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(2): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.

[Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. 222-228.

[Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608-614.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. 363-372.

References

[AKAK](#) – Akty, sobrannyye Kavkazskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Commission]. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1911](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912a](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1912. 5. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912b](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued) (Black Sea province including)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Brokgauz–Efron, 1904](#) – Erivanskaya guberniya [Erivan province]. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. XLI (81). SPb., 1904. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.

[Gatagova, 1993](#) – Gatagova, L.S. (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M. [in Russian]

- [Istoricheskii obzor, 1902](#) – Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]
- [Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840–1870s in the field of education as a factor of integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3. Pp. 87-90. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021e](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021f](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021g](#) – *Mamadaliev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Materialy po istorii, 1942](#) – Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom [Materials on the history of the Ossetian people: Collection of documents on the history of the conquest of the Ossetians by Russian tsarism]. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. [in Russian]
- [Modzalevskii, 1880](#) – *Modzalevskii, L.* (1880). Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god [The course of educational affairs in the Caucasian region from 1802 to 1880]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god. Tiflis, 1880. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Narodnoe obrazovanie, 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought in Russia on the eve and the beginning of imperialism (Little researched problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I.* (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – *Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A.* (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473–480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679–688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984–992.

[Otchet, 1884](#) – Otchet popechatelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1885 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1885]. Tiflis, 1885. [in Russian]

[Polozhenie ot 29.10.1853](#) – Polozhenie «O Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh» ot 29 oktyabrya 1853 goda [Regulations “On the Caucasian educational district and educational institutions” of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]

[PSZRI, 1911](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. Tom XXVIII. 1908. SPb., 1911. [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [Collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]

[Sbornik svedenii o Kavkaze, 1871–1885](#) – Sbornik svedenii o Kavkaze [Collection of information about the Caucasus]. Pod red. N.K. Zeidlitsa. T. 1–9. Tiflis, 1871–1885. [in Russian]

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2). 363–372.

[Shtat KUO](#) – «Shtat Kavkazskogo uchebnogo okruga», utv. Povelением EV ot 29 oktyabrya 1853 goda [“Staff of the Caucasian educational district”, approved. By order of the EB of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]

[Statisticheskoe opisanie, 1835](#) – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraja [Statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. SPb., 1835. [in Russian]

[Voronov, 1857](#) – *Voronov, N.I.* (1857). Chernomorskije pis'ma [Black Sea Letters]. *Russkii vestnik*. 1, 3. [in Russian]

[Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897](#) – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Tom LXXI. Erivanskaya guberniya. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb., 1905. [in Russian]

[Zazhaev, 1909](#) – *Zazhaev, P.* (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [Municipal schools according to the 1872 situation in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]

[Zeidlits, 1894](#) – *Zeidlits, N.K.* (1894). Svod statisticheskikh dannykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraja [A set of statistical data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of towns and villages in the region]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Эриванской губернии 1849–1917 гг. Часть 1

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Варвара Владимировна Богдан ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Александр Николаевич Волков ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Серия из трех статей посвящена изучению системы образования в Эриванской губернии Российской империи в период с 1849 по 1917 годы. Данная статья является первой (и своего рода вводной) частью, в которой анализируется период с 1849 (год образования губернии) по 1884 годы, а также источники и историография исследуемого нами вопроса.

В работе рассматриваются природно-климатические, социальные и экономические особенности региона, а также процесс становления системы образования губернии и ее интеграция в общероссийскую. Отдельно анализируются типы учебных заведений (средние, низшие, начальные),

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

а также библиотечный фонд средних учебных заведений (как один из важных критериев развития данного типа учреждений).

Основным источником послужили отчеты попечителей Кавказского учебного округа, в которых приведен подробнейший статистический материал о деятельности каждого типа учреждений. Также в качестве источников были использованы Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года, Акты Кавказской географической комиссии, Собрания законов Российской империи и др.

В работе также сделан краткий библиографический анализ дореволюционных, советских и современных трудов, посвященных развитию системы образования в Эриванской губернии в составе Российской империи.

По результатам исследования были сделаны выводы о том, что до принятия Положения от 1853 года система образования в Эриванской губернии объективно была крайне слабой: действовало лишь 4 учебных заведения низшего уровня. К концу 1884 года в губернии действовали 3 средних, 3 низших и 14 начальных учебных заведений. Вместе с тем в сравнении с прибрежными черноморскими губерниями (Тифлисской, Кутаисской, Черноморской) количество учебных заведений на душу населения все еще оставалось небольшим, а система образования, соответственно, неразвитой. Это можно объяснить превалированием традиционных промыслов, которые не предъявляли серьезных требований к образованности.

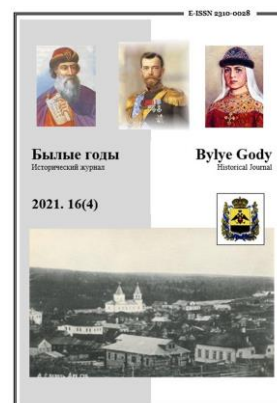
Ключевые слова: система народного образования, Эриванская губерния, Кавказский учебный округ, 1849–1884 гг.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1814-1825
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1814

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Formation of a System of Excise Taxes in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the process of creating a system of excise taxes in the Central Asian outskirts of the Russian Empire on the basis of historical sources of diverse origins, which were introduced into scientific circulation at first. It is noted that the goal of the excise reform in the Steppe Territory and Turkestan was to modernize and integrate this ethnoregion into the Russian economy, to increase its profitability. In the Steppe Territory, an increase in excise receipts to the state treasury in the second half of the 19th century was associated with the development, first of all, of the distillery industry. A number of factors contributed to this situation: permission for the free production of alcohol, unlimited trade in alcoholic beverages, the development of the raw material base of this industry and an increase in demand for products due to a sharp influx of the peasant population into the region. After the introduction of the state wine monopoly, the size of excise taxes in the regions of the Steppe region began to decline at the beginning of the twentieth century. In Turkestan, the introduction of the provisions of the excise reform began later – in the 70–80s of the XIX century. This was due to the later involvement of the region in the modernization processes, the lack of demand for wine and vodka products, the orientation of government circles to the development of cotton farms. Nevertheless, by the end of the 19th century, as a result of the development of the railway network, the distillery industry in Turkestan, oriented towards the Russian market, began to bring significant tax revenues. State wine monopoly did not affect the region at the beginning of the twentieth century.

Keywords: excise reform, distillery industry, state wine monopoly, Russian Empire, Steppe region, Turkestan.

1. Введение

Как известно, одним из направлений модернизации, осуществлявшейся в Российской империи в 1860–1870-х гг., являлась налоговая система. Перед Министерством финансов ставилась задача повышения рентабельности региональных экономик, в том числе за счет роста численности прямых и косвенных налогов. Это в свою очередь требовало пересмотра государственной налоговой политики, ее подходов и принципов. В русле решения данных задач была проведена так называемая «акцизная реформа», законодательно оформленная Положением о питейном сборе от 4 июля 1861 г. ([Положение о питейном сборе..., 1862](#)).

Положение 1861 г. кардинально трансформировало существовавший в стране механизм поступления налогов в государственную казну от производства и продажи спиртных напитков. Как отмечает Л.В. Артемьева, «взамен исключительного права государства на производство и торговлю спиртными напитками, сдаваемого на откуп, предполагалось разрешить свободное производство спирта и ничем не ограниченную торговлю алкогольной продукцией» ([Артемьева, 2011: 57](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

Правительство рассчитывало создать здоровую конкурентную среду на рынке алкогольной продукции и таким образом повысить доходность данной отрасли, обеспечив неизменный рост налоговых поступлений в государственную казну. Налоговый контроль со стороны государства за производством спирта и его продажей стал осуществляться в форме патентного сбора – налога на право производства или торговли алкоголем и акциза – налога на алкоголь как предмет потребления (Мухамедина, 2009: 84).

Несмотря на то, что Положение о питейном сборе 1861 г. регламентировало функционирование вино-водочного производства, объектами акцизного обложения являлся и ряд других продуктов потребления, в том числе акциз с продажи сахара, введенный в стране в 1848 г., с нефтяного масла, используемого в освещении – в 1859 г., с табачных изделий – в 1865 г., с дрожжей – в 1866 г., с керосина – в 1872 г., со спичек – в 1888 г.

Акцизная реформа сопровождалась формированием специализированных органов – акцизных управлений на окружном и губернском уровне. В 1896 г. в составе Министерства финансов было создано Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, что позволило более эффективно осуществлять контроль за поступлением акцизных сборов. Следует также отметить поэтапный характер ввода в действие Положения о питейном сборе 1861 г. на территории Российской империи. Так, акцизная система взимания питейного налога начала вводиться в стране с 1 января 1863 г., в том числе в Сибири и Степном крае. В сентябре 1866 г. ее действие распространили на Царство Польское, в 1869 г. – на Туркестанское генерал-губернаторство, в 1873–1878 гг. – на Закавказье. Последним регионом, где в 1887 г. была введена акцизная система питейного налога, стала Закаспийская область (Борщик, 2017).

В конце XIX в. правящие круги Российской империи пришли к пониманию необходимости введения государственной монополии на продажу алкогольной продукции. Причиной данной ситуации стала необходимость борьбы с частным монополизмом в данной отрасли. Кроме этого, правительство рассчитывало, что «введение государственной винной монополии увеличит «доходы казны за счет извлечения торговой прибыли», сократит «масштабы пьянства» и создаст «более благоприятные условия для поместного землевладения и развития сельского хозяйства за счет поддержки сельскохозяйственного винокурения и гарантированного сбыта спирта в казну по выгодным ценам» (Артемова, 2012: 113). Однако на территории Туркестана и ряда других этнорегионов государственная винная монополия не была введена.

2. Материалы и методы

В статье использовались нормативно-правовые акты, регламентирующие акцизную систему и деятельность специализированных налоговых органов – акцизных управлений в Российской империи: Положение о питейном сборе 1861 г., Положение о казенной продаже питей 1894 г., Устав об акцизных сборах (Нюренбург, 1912). История создания акцизной службы в центральноазиатских окраинах Российской империи реконструировалась на основе материалов делопроизводства региональных налоговых органов. Они представлены отчетами акцизных управлений, их перепиской с Министерством финансов. Ценным источником информации при подготовке статьи стали материалы сенаторской ревизии К.К. Палена Туркестанского генерал-губернаторства (1908 г.), отложившиеся в фонде 1396 РГИА (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428). Материалы ревизии позволяют существенно дополнить историю формирования акцизных управлений в Туркестанском генерал-губернаторстве, выявить проблемы в их деятельности, связать рост акцизных поступлений с развитием отдельных отраслей промышленности в регионе. При подготовке статьи также использовались статистические источники – ежегодные Обзоры областей Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, которые формировали областные статистические управления; в них концентрировалась информация по целому спектру аспектов развития областей, в том числе налоговой системы. В Обзорах представлены суммарные данные по акцизным поступлениям, а также информация о количестве предприятий, занимающихся производством товаров, подлежащих патентному сбору, и продававших товары, облагавшиеся акцизом.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, в рамках которой формирование и развитие системы акцизного налогообложения в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах рассматривается как один из аспектов региональной социально-экономической политики. Для реализации задач исследования применялся историко-генетический метод, позволивший реконструировать причины создания и генезис системы акцизных сборов в данном этнорегионе, выявить взаимосвязь акцизных сборов с развитием определенных отраслей производства. Историко-сравнительный метод использовался для выявления общих и специфических тенденций функционирования акцизной системы в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, причин и факторов, обусловивших особенность протекания данного процесса в каждой из исследуемых административно-территориальных единиц. В рамках историко-системного подхода история формирования и развития акцизной системы в центральноазиатских окраинах рассматривается как составная часть государственной экономической политики Российской империи 60-х гг. XIX – начала XX вв.

3. Обсуждение

История акцизной политики Российской империи достаточно детально представлена в историографии. Значительное количество работ по данной теме нацелено на сравнительный анализ акцизно-откупной системы и государственной винной монополии, выявления их позитивных тенденций и отрицательных последствий для экономики государства. Исследователи подчеркивают, что винокурение и виноторговля как основные источники поступления акцизных сборов в большинстве случаев «рассматривались не как элемент хозяйственно-экономической жизни страны, а как специфическое направление экономической деятельности, область особых (фискальных) интересов государства» (Бочанова, 1976; Шепелев, 1981; Мариупольский, 2000).

Отдельным направлением историографии акцизной реформы в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. следует считать ее региональный аспект (Копылов, 1973; Сметнева, 2006). На местном источниковедческом материале исследователи выявляют локальные особенности реализации реформы, ее последствия для социально-экономического развития регионов. В отношении Западной Сибири, к которой экономически тяготели области Степного генерал-губернаторства, отмечается, что винокурение стало одним из наиболее развитых производств обрабатывающей промышленности региона, составлявших к концу XIX в. около 30 % от общей суммы производства. По мнению ряда исследователей, это было связано с отсутствием спроса на внешних рынках на сибирский хлеб и, как следствие, его переизбыток на местных рынках (Андрющенко, 1980; Тужиков, 1964; Мариупольский, 2000). Следует также отметить, что в исследованиях сибиреведов, посвященных акцизно-откупной системе и государственной винной монополии, как правило, ситуация в степных областях не анализируется. Это объясняется «геоэкономическими, социально-экономическими и культурно-историческими различиями Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей», нахождением их «на более низкой ступени развития» (Мариупольский, 2000: 24).

Среди авторов, так или иначе затрагивающих отдельные аспекты формирования налоговой системы центральноазиатских окраин, следует назвать Е.А. Правилу, Ю.А. Лысенко, А.С. Жанбосинову, Б.А. Алимджанова и др. (Правилова, 2006; Алимджанов, 2015; Лысенко, Жанбосинова, 2019; Lysenko, Chekryzhova, 2021). Исследователи отмечают, что формирование налоговой системы Степного края и Туркестана осуществлялось в рамках общеимперского законодательства, конечной задачей являлась ее унификация и приведение к общероссийским стандартам и нормам. В то же время на данный процесс значительное влияние оказывал ряд факторов, связанных с особенностями цивилизационного развития региона. Среди них – его трансграничность, приоритет геополитических интересов политики России в регионе, господство традиционных экономических отношений, слабая интегрированность региональной экономики в общероссийскую и, как следствие, незначительное присутствие в ней рыночного сектора и соответствующей ему инфраструктуры, замедленные темпы урбанизации и т.д.

Вместе с тем представляется, что распространение на центральноазиатские окраины России акцизной системы и государственной винной монополии выступало важным аспектом их интеграции в социально-экономическое пространство империи. Все это требует детального анализа ситуации, выявления локальных особенностей протекания данного процесса.

4. Результаты

Выше уже отмечалось, что Акмолинская и Семипалатинская области исторически и экономически тяготели к Западной Сибири. Этим объясняется тот факт, что в период проведения акцизной реформы 1861 г. они были включены в состав двух Акцизных управлений, административно входивших в состав Тобольской и Томской губерний – Тобольско-Акмолинского и Томско-Семипалатинского. Таким образом, в Степном генерал-губернаторстве вплоть до конца имперского периода не появилось автономного Акцизного управления.

Поступление акцизных сборов обеспечивалось в Акмолинской и Семипалатинской областях, как и в целом по Западной Сибири, прежде всего благодаря развитию производства винокуренной отрасли, чему благоприятствовал ряд факторов. В первую очередь следует отметить, что акцизная реформа аннулировала практику передачи права торговли алкогольной продукцией на региональном рынке откупщикам. На основе Положения о питейном сборе 1861 г. была сформирована абсолютно новая система винокурения, особенно розничной, основанная на рыночных механизмах. Как отмечают исследователи, частная инициатива обеспечила «резкий рост уровня технического и организационного обеспечения технологического процесса производства алкоголя. Возможность не облагать акцизом сверхнормативное производство спирта заставила заводчиков полностью переоборудовать винокуренные заводы. За несколько лет они не только догнали по уровню технической оснащенности западные заводы, но и во многом превзошли их» (Артемяева, 2011: 124). За двадцатилетний период проведения реформы, с 1861 по 1881 гг., численность частных винокуренных заводов в Западной Сибири (с учетом Акмолинской и Семипалатинской областей) увеличилось в 14 раз, их общая производительность выросла почти вдвое, а казенное производство спирта исчезло полностью (Мариупольский, 2014: 207).

Развитие винокуренной промышленности было связано с массовым крестьянским переселением в Степной край в 70–80-е гг. XIX в. и ростом аграрного производства. В эти годы правительством была сформирована специальная структура – Переселенческое управление – и был принят ряд законодательных актов, что позволило упорядочить переселенческое движение, организовать его централизованные потоки и места расселения крестьян. Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области стали регионами активного выхода мигрантов. За период 1871–1896 гг. в Степной край переселилось 327,8 тыс. человек (Бекмаханова, 1996). Удельный вес коренного казахского населения сократился с 73,4 % от общей численности населения в 70-е гг. XIX в. до 67,7 в 1897 г. Численность славянского населения возросла с 8,2 % до 22,8 соответственно. Крестьянская колонизация Степного края кардинально изменила структуру аграрного производства региона: здесь активно стало развиваться земледелие, быстрыми темпами увеличивались посевные площади, ориентированные на выращивание злаковых культур. Однако в ситуации отсутствия развитой транспортной системы увеличивавшиеся урожаи хлеба не находили спроса на внешних рынках. Его переизбыток на региональном рынке нашел применение в развитии производства спирто-водочной продукции.

Важным моментом в развитии рынка спиртных напитков в Степном крае являлась его исключительная ориентация на местного потребителя – крестьянство. Это отразилось и на формировавшейся структуре виноторговли. Основным типом торгового заведения по реализации крепких спиртных напитков в Степном крае являлись питейные дома и пивные лавки. К концу XIX в. крупнейшим производителем алкогольной продукции в Семипалатинской области стал Торговый дом «Плещеев Ф. и К^о», винокуренное производство которого достигало 60 тыс. ведер вина, или чуть меньше 50 % регионального производства, 150 рабочих – 1/3 занятых в отрасли. В Акмолинской области, как и в соседних Тобольской и Томской губерниях, одним из крупнейших заводчиков был А.Ф. Поклевский-Козелл (Шайдунов, 2013: 92).

Обзоры областей Степного края позволяют выявить количество предприятий по производству алкогольной продукции и, соответственно, размеры патентных и акцизных поступлений от ее реализации. Например, в 1895 г., к моменту принятия Положения о казенной продаже питей 1894 г., под контролем Семипалатинского акцизного округа находились: 1 винокуренный завод, 1 водочный завод, 3 пивоваренных завода, 3 медоваренных завода, 6 оптовых складов вина, 1 оптовый склад русских виноградных вин, 23 ренковских погреба, 5 погребов русских виноградных вин, 11 трактирных заведений, 3 буфета, 3 временных выставки, 46 пивных лавок, 85 питейных домов. Кроме этого, акцизный и патентный сборы в области поступали от 1 спичечной фабрики, 273 табачных лавок с продажей продукции, 93 табачных лавок, работавших на продажу продукции и листов табака, 3 лавок – на развоз табака. Итого, Семипалатинским акцизным округом контролировалась работа 561 предприятия. По сравнению с предыдущим, 1894 г., число заведений, контролируемых чиновниками акцизного ведомства, возросло на 173, а сумма патентного сбора увеличилась на 4 938 руб. Всего по области в 1895 г. патентного сбора поступило 24 689,73 руб., акцизных поступлений от продажи водочной продукции, пива, меда и табака – 501 615,87 руб. (Обзор Семипалатинской..., 1897: 60-61).

Несколько иная ситуация складывалась в Туркестанском генерал-губернаторстве. В отличие от Степного края, к началу проведения акцизной реформы регион был слабо интегрирован в экономическое пространство Российской империи. Кроме этого, здесь крайне медленными темпами формировалось восточнославянское крестьянское население: области Туркестана фактически до начала XX в. были официально закрыты для переселения. Поэтому развитие местного винокуренного и спиртоводочного производства – основной статьи акцизных сборов – здесь не могло активно развиваться по объективным причинам – отсутствию спроса.

Распространение акцизной системы в традиционных обществах Туркестана также было в первое время крайне проблематичным. Известны попытки правителей Кокандского ханства до его завоевания Российской империей введения налогов на отдельные виды продаваемых товаров – соли и угля. Но они взимались непосредственно на базаре, по факту купли-продажи товара. Поэтому с юридической точки зрения их вряд ли можно было бы относить к косвенным налогам. Обложение производства крепких напитков также было невозможно из-за малого количества его употребления коренными народами Туркестана и соответственно малых объемов производства. Поэтому с введением Временного положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством в 1867 г. надзор за акцизными сборами был возложен на чиновников областных правлений, которые непосредственно починались военным губернаторам областей (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 1190б.).

Система акцизных сборов в Туркестанском крае стала принимать общероссийские стандарты в 80–90-е гг. XIX в., когда здесь появились отдельные отрасли промышленного производства. Кроме этого, в регионе в данный период произошел рост предприятий винокуренной промышленности, что было связано с формированием потребительского рынка в лице российских воинских подразделений Туркестанского военного округа и Семиреченского казачьего войска. В соответствии с действовавшими правилами солдаты и офицеры должны были получать винную порцию в определенные дни (9 общепринятых праздников) и по медицинским показаниям. В условиях

отсутствия транспортных коммуникаций производство алкогольной продукции выгоднее было организовать на месте.

Развитие винокуренной отрасли в крае и рост акцизных сборов актуализировали вопрос о создании Туркестанского акцизного управления. Оно было сформировано в Туркестанском генерал-губернаторстве в 1886 г. в составе управляющего, ревизора, секретаря и его помощника, 10 участковых надзирателей, 13 надсмотрщиков (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 120). С 1888 г. в район действия Туркестанского акцизного управления была передана Семиреченская область, с 1900 г. – Закаспийская область, за исключением Мангышлакского уезда, причисленного к Астраханскому акцизному управлению. В 1906 г. в поле деятельности Управления вошли русские поселения Бухарского эмирата.

К 1910 гг. Туркестанское акцизное управление делилось на три окружных управления: в ведомство 1-го – с центром в г. Ташкенте входили Сырдарьинская (кроме Амударьинского отдела) и Ферганская области, Ходжентский уезд Самаркандской области; во 2-е (г. Самарканд) – входили остальные уезды Самаркандской области, Амударьинский отдел и русское поселение Бухарского эмирата; в состав 3-го (г. Верный) – была причислена Семиреченская область. Закаспийская область в территориальной структуре Туркестанского акцизного управления являлась автономной и управлялась акцизным наблюдателем, который располагался в г. Асхабаде. Численность штата Туркестанского акцизного управления составляла 79 человек (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 1460б.).

Производство и продажа алкогольной продукции в Туркестане находилась в частных руках, в большей степени бухарских евреев. Уже с 1868 г. была введена практика выдачи патентов как «туземным», так и «русским» евреям на выкурку вина. В 1870-е гг. они были фактически уравниены в правах с прочим коренным населением Туркестана. В 1874 г. перед Туркестанской казенной палатой был поставлен вопрос о предоставлении евреям возможности заниматься питейной торговлей в крае. Межправительственная дискуссия по данному вопросу завершилась принятием закона 1888 г. «О правах евреев на винокурение и торговлю крепкими напитками в Туркестанском крае», на основании которого разрешалось «производство винокурения и торговли крепкими напитками лишь тем евреям в Туркестанском крае, которые принадлежат к туземному населению, и притом только в пределах Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей». Торговля вином могла производиться только из домов и торговых заведений, владельцами которых были иудеи. Однако, несмотря на то, что бухарским евреям были предоставлены возможности развития винокуренного производства, «к концу XIX в. их присутствие в отрасли было практически свернуто. Об этом свидетельствуют данные ведомственной статистики и переписи 1897 г. Так, в Самаркандской области лишь один еврей самостоятельно занимался производством спиртных напитков» (Bochkareva, Tarasova, 2019).

Следует сказать о и протекционистской политике, которую проводило государство в отношении отдельных групп предпринимателей, занимающихся развитием винокуренной промышленности в Туркестане. Речь идет прежде всего о французском предпринимателе Готье, имевшем в г. Каракуле Бухарского эмирата сеть виноградодовочных и винодельных заводов. На основании особого распоряжения Министерства финансов от 1905 г. ему было разрешено производить «виноградное вино без контрольного снаряда, с учетом спирта по нормам и действительным выходам, и употреблять ежедневную выкурку на сдабривание виноградных вин по мере надобности». Также ему была предоставлена возможность производить сдабривание вин с добавлением безакцизного спирта и доведением их крепости до 21 градуса вместо 12, как это было установлено для остальных туркестанских виноделов (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 121).

Ревизирующая Туркестан сенаторская комиссия К.П. Палена в 1908 г. отмечала, что ситуация с винно-водочными предприятиями Готье не отвечала экономическим интересам Российской империи. Так, при создании компании предполагалось, что она будет осуществлять торговлю производимыми винами только в пределах Бухарского эмирата, без права ввоза собственно на территорию Российской империи. Однако к началу XX в. в результате проводившейся политики интеграции Бухарского эмирата таможенная граница между ним и Россией фактически была аннулирована. Объемы производства продукции предприятий Готье, благодаря предоставленным льготам, неизменно росли, и запрещенный ввоз на территорию империи нарушался. В страну под видом ввоза материалов для купажа и выделки других, более изящных вин – сладких и ликерных – на самом деле ввозили крепленные до 21 градуса вина предприятий Готье. В России они находили наибольший спрос, чем менее крепкие, 12-градусные, вина других российских виноделов. Кроме этого, льготы Готье наносили сильный удар государственной казне. По подсчетам комиссии К.П. Палена они могли составить до 94 500 руб. в год. В своем заключении комиссия К.П. Палена рекомендовала Управлению неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов рассмотреть возможность лишения винно-водочных предприятий Готье всех налоговых преференций (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 1210б.).

В 1897 г. в правительственных кругах было принято решение о переходе от акцизно-откупной системы к государственной винной монополии¹. Новая реформа предполагала поэтапное введение в действие новой системы производства и продажи спиртных напитков, что было связано со стремлением предоставить предпринимательским кругам высвобождение капиталов из данной отрасли производства. В результате территория империи была разделена на 8 очередей. С 1901 г. государственная винная монополия была введена в европейской части России. Западная Сибирь – Тобольская и Томская губернии, а вместе с ними Акмолинская и Семипалатинская области вошли в 8 очередь – действие государственной винной монополии распространилось на регион в 1904 г. (Колокольников, 1914: 4). С введением государственной винной монополии частная винокуренная промышленность в областях Степного края прекратила существование. Концентрация в руках государства права винной торговли привела к резкому сокращению патентных сборов. Акцизные сборы от казенной продажи вино-водочной продукции продолжали расти по некоторым областям Степного края.

Вопрос о введении в Туркестане государственной монополии на производство и продажу водочной продукции возник в начале XX в. Соответствующее ходатайство возбудило Главное управление неокладных сборов Министерства финансов. Однако Туркестанское акцизное управление считало, что существующий порядок винной торговли «вполне отвечает современному положению вещей». Переход от него к казенной продаже питей оно считало преждевременным, так как «подобная реформа, в частности оборудование казенных винных складов, была бы сопряжена, ввиду местных условий, со слишком большими расходами для казны» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 148об.).

Поэтому с начала XX в. и до 1917 г. в Туркестане продолжала функционировать акцизная система. Благодаря ее сохранению в регионе продолжало развиваться свободное производство спирта, торговля алкогольной продукцией ничем не ограничивалась. За этот период площади, занятые под выращивание винограда, неизменно увеличивались. Так, если в Сырдарьинской области в 1895 г. они составляли 340 десятин, то в 1910 г. – 2 310 десятин. Около 40 % выращенного винограда шло на изготовление вина. Из-за более раннего его созревания, по сравнению с другими районами России и Западной Европы, вина Туркестана были очень популярны за пределами региона. Винокуренная промышленность работала в основном на внешний рынок. Этому факту благоприятствовало развитие транспортных коммуникаций и строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Винно-водочное производство обеспечивало неизменный прирост акцизных сборов в Сырдарьинской области, который иногда составлял до 10,4 % в год. При этом акциз с продажи вина и спирта этой области в 1910 г. увеличился, по сравнению с предыдущим годом, на 20,2 %, с пива – 13,3 % (Обзор Сыр-Дарьинской..., 1912: 95, 127).

Несколько иная ситуация складывалась в табачном производстве. Акцизные сборы с этого товара в Туркестане, напротив, сокращались, иногда, по сравнению с предшествующими годами, в три раза. Ситуация объяснялась низким качеством туркестанского табака, который не выдерживал конкуренции с табачными изделиями, поставляемыми из европейской России (Обзор Сыр-Дарьинской..., 1912: 128). Помимо винокуренной и табачной промышленности, акцизы взимались с продажи пива, дрожжей, сахара, нефтепродуктов и спичек. В целом, размеры акцизных поступлений и патентного сбора в Туркестане за период с 1906 по 1908 гг., представленные в материалах сенаторской ревизии К.П. Палена, отражены в таблице 1 (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 148об.).

Таблица 1. Размеры акцизных сборов Туркестана в 1906–1908 гг. (в рублях)².

Наименование дохода	Сырдарьинская область			Ферганская область			Самаркандская область		
	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Акцизы: с хлебного вина и спирта	691091,79	728622,3	726708,3	128949,9	201196,5	253094,2	128560	160076,6	165914,35

¹ Государственную винную монополию в историографии принято рассматривать в двух проекциях: с одной стороны – это фискальная сторона монополии, вид косвенного обложения государством, с другой – огромное предприятие государства, в котором винокурение предоставляется частным предпринимателям, но развитие производства на них и постройка новых заводов ставились в зависимость от Министерства финансов. Цены на продажу спиртной продукции также устанавливались государством.

² Знак «?» в таблице обозначает неразборчивость количественных показателей в документе

Спичечных фабрик	-	-	150	-	-	-	-	-	-
итого	1152307,22	1065061,38	1014011,38	290407,57	289904,23	478806,2	?	208978,86	284708,24

На основании статистических данных, отраженных в Обзорах областей Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, составлен [Рисунок 1](#), отражающий динамику поступления акцизного сбора за отдельные годы.

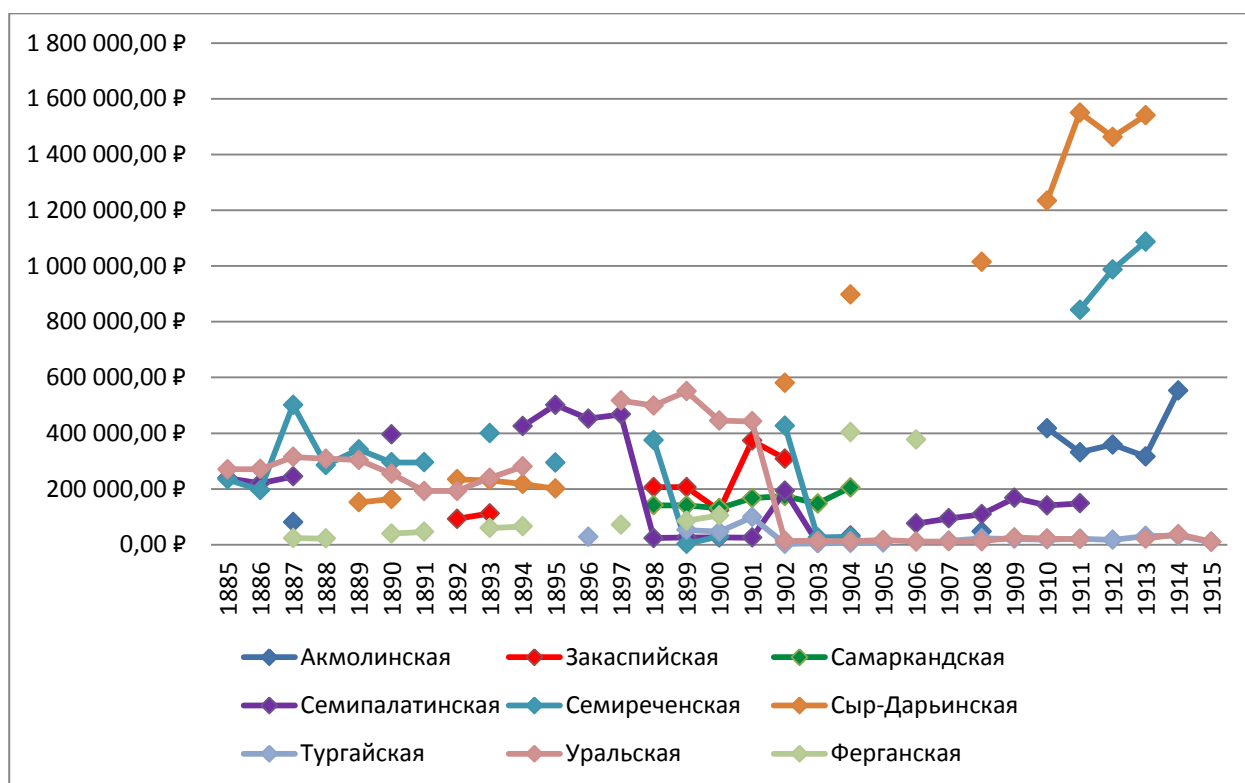

Рис. 1. Объемы акцизных и патентных сборов в областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в 1885–1915 гг. (в руб.)

По данным [Рисунка 1](#) следует, что размеры акцизных сборов в центральноазиатском регионе Российской империи были подвержены значительным колебаниям. В Степном крае в период развития частного предпринимательства в винокуренной отрасли отмечалась достаточно ровная ситуация, связанная с поступлением акцизных и патентных сборов. Они не превышали по отдельным областям 600 тыс. руб. в год. После введения государственной винной монополии в 1902 г. размеры акцизных и патентных сборов в областях Степного края сократились.

В Сырдарьинской, Самаркандской областях Туркестанского генерал-губернаторства в начале XX в. в связи с сохранением винокуренной промышленности в частном секторе экономики, увеличением площадей виноградных плантаций и строительством железнодорожных коммуникаций произошло увеличение акцизных и патентных сборов с производства и продажи вино-водочной продукции.

Низкие патентные и акцизные сборы с других видов производства и продукции в центральноазиатских окраинах Российской империи можно объяснить начальным этапом формирования отдельных отраслей промышленности и незначительными объемами производства, а также низкой покупательской способностью населения региона. По данным Б.А. Алимджанова, акцизные сборы в Туркестанском крае в расчете на одну душу населения составили в 1896 г. менее 0,14 руб., тогда как по России данные сборы в том же году составили на одну душу населения 3,16 руб.

(Алимджанов, 2015: 27-33). В целом, косвенные налоги, собираемые в Степном крае и Туркестане, так и не стали приносить государственной казне существенных доходов.

5. Заключение

Целью акцизной реформы в Степном крае и Туркестане выступила интеграция данного этнорегиона в российскую экономику, повышение его рентабельности. В Степном крае увеличение акцизных поступлений в государственную казну во второй половине XIX в. было связано с развитием прежде всего винокуренной промышленности. Этому благоприятствовал ряд факторов: разрешение свободного производства спирта, ничем не ограниченной торговли алкогольными напитками, развитие сырьевой базы данной отрасли и рост спроса на продукцию, благодаря резкому притоку в регион крестьянского населения. После введения в начале XX в. государственной винной монополии размеры акцизных сборов по областям Степного края стали сокращаться. В Туркестане введение в действие положений акцизной реформы началось позднее – в 70–80 е гг. XIX в. Это было связано с более поздним подключением региона к модернизационным процессам, отсутствием в нем спроса на вино-водочную продукцию, ориентацией правительственных кругов на развитие хлопководческих хозяйств. Тем не менее к концу XIX в. в результате развития железнодорожной сети винокуренная промышленность в Туркестане, сориентированная на российский рынок, стал приносить значительные налоговые поступления. Государственная винная монополия начала XX в. не затронула регион.

6. Благодарности

Подготовка статьи осуществлена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов».

Литература

Алимджанов, 2016 – Алимджанов Б.А. Налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве // *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2015. № 3 (19). С. 27-33.

Андрющенко, 1980 – Андрющенко Б.К. Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма*. Новосибирск, 1980. С. 35-56.

Артемяева, 2011 – Артемяева Л.В. Этапы и механизмы введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX в. // *Транспортное дело России*. 2011. № 5. С. 122-125.

Артемяева, 2012 – Артемяева Л.В. Причины и механизмы введения винной монополии в России в конце XIX в. // *Транспортное дело России*. 2012. С. 114-118.

Бекмаханова, 1996 – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху колониализма. М., 1996. 279 с.

Борщик, 2017 – Борщик Н.Д. К истории акцизных управлений Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. 2017. Том 3 (69). № 3. С. 79-90.

Бочанова, 1976 – Бочанова Г.А. Винокуренная промышленность и казенная винная монополия в Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. // *Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири*. Новосибирск, 1976. С. 60-69.

Кравцова, 2010 – Кравцова Е.С. Опыт организации налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курск, 2010. 303 с.

Колокольников, 1914 – Колокольников К.А. Развитие винной монополии в Томской губернии с Семипалатинской областью, в связи с историей винной монополии в Сибири. Томск, 1914. 233 с.

Копылов, 1973 – Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Свердловск, 1973. 501 с.

Лысенко, Жанбосинова, 2019 – Лысенко Ю.А., Жанбосинова А.С. Система государственного налогообложения городского недвижимого имущества в центральноазиатских окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского госуниверситета*. 2019. № 5 (109). С. 49-54.

Мариупольский, 2000 – Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.). Барнаул, 2000. 158 с.

Мариупольский, 2014 – Мариупольский А.М. Некоторые аспекты формирования рынка спиртных напитков Сибири в период действия акцизной системы во второй половине XIX в. // *Известия Алтайского госуниверситета*. 2014. № 4 (56). С. 206-211.

Мухамедина, 2009 – Мухамедина Ш. Акцизы и винная монополия в Российской империи // *Финансы и кредит*. 2009. № 37 (373). С. 81-88.

Нюренбург, 1912 – Нюренбург А.М. Уставы об акцизных сборах. М., 1912. 1140 с.

- [Обзор Семипалатинской..., 1897](#) – Обзор Семипалатинской области за 1895 год. Семипалатинск, 1897. 93 с.
- [Обзор Сыр-Дарьинской..., 1912](#) – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1910 г. Ташкент, 1912. 233 с.
- [Положение о питейном сборе..., 1862](#) – Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденного 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. М., 1862. 160 с.
- [Правилова, 2006](#) – *Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Сметнева, 2006](#) – *Сметнева Н.В.* Развитие винокурения и виноторговли в Прибайкалье во второй половине XVII – начале XX в. Иркутск, 2006. 238 с.
- [Тужиков, 1964](#) – *Тужиков В.И.* О формировании пролетариата Сибири во второй половине XIX в. (1861–1891 гг.) // *Вопросы истории Сибири*. Вып. 1. Томск, 1964. С. 56-65.
- [Шайдуров, 2013](#) – *Шайдуров В.Н.* О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. № 4. С. 88-97.
- [Шепелев, 1981](#) – *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1981. 275 с.
- [Bochkareva, Tarasova, 2019](#) – *Bochkareva I.B., Tarasova E.V.* Bukhara Jews and Distillation in Turkestan in the late 1860s–1890s // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 677-685.
- [Lysenko, Chekryzhova, 2021](#) – *Lysenko Yu.A., Chekryzhova O.I.* Formation of System of Fishing Fees from Industry and Trade in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1277-1287.

References

- [Alimdzhanov, 2015](#) – *Alimdzhanov, B.A.* (2015). Nalogovaya politika Rossijskoj imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve. [Tax policy of the Russian Empire in the Turkestan General Government]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(19): 27-33. [in Russian]
- [Andryushchenko, 1980](#) – *Andryushchenko, B.K.* (1980). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Sibiri vtoroj poloviny XIX v. [The processing industry of Siberia in the second half of the 19th century]. *Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 35-56. [in Russian]
- [Artemeva, 2011](#) – *Artemeva, L.V.* (2011). Etapy i mekhanizmy vvedeniia v Rossii aktsiznoi sistemy na alkohol vo vtoroi polovine XIX v. *Transportnoe delo Rossii*. [Stages and mechanisms of the introduction of the excise system for alcohol in Russia in the second half of the 19th century]. *Transportnoe delo Rossii*. 5: 122-125. [in Russian]
- [Artem'eva, 2012](#) – *Artem'eva, L.V.* (2012). Prichiny i mekhanizmy vvedeniya vinnoj monopolii v Rossii v konce XIX v. [The reasons and mechanisms for the introduction of the wine monopoly in Russia at the end of the 19th century]. *Transportnoe delo Rossii*. 5: 114-118. [in Russian]
- [Bekmahanova, 1996](#) – *Bekmahanova, N.E.* (1996). Mnogonacional'noe naselenie Kazakhstana i Severnoj Kirgizii v epohu kolonializma. [The multinational population of Kazakhstan and northern Kyrgyzstan in the era of colonialism]. М., 279 p. [in Russian]
- [Bochanova, 1976](#) – *Bochanova, G.A.* (1976). Vinokurennaya promyshlennost' i kazennaya vinnaya monopoliya v Zapadnoj Sibiri. Konec XIX – nachalo XX v. [The distillery industry and the state-owned wine monopoly in Western Siberia. Late 19th – early 20th century]. *Nekotorye voprosy istorii drevnej i sovremennoj Sibiri*. Novosibirsk, pp. 60-69. [in Russian]
- [Bochkareva, Tarasova, 2019](#) – *Bochkareva, I.B., Tarasova, E.V.* (2019). Bukhara Jews and Distillation in Turkestan in the late 1860s–1890s. *Bylye Gody*. 52(2): 677-685.
- [Borshchik, 2017](#) – *Borshchik, N.D.* (2017). K istorii akciznyh upravlenij Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [On the history of excise administrations of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*. Tom 3 (69). 3: 79-90. [in Russian]
- [Kolokol'nikov, 1914](#) – *Kolokol'nikov, K.A.* (1914). Razvitie vinnoj monopolii v Tomskoj gubernii s Semipalatinskoi oblast'yu, v svyazi s istoriej vinnoj monopolii v Sibiri. [The development of a wine monopoly in the Tomsk province with the Semipalatinsk region, in connection with the history of the wine monopoly in Siberia]. Tomsk, 233 p. [in Russian]
- [Kopylov, 1973](#) – *Kopylov, D.I.* (1973). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoj Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX vv. [Manufacturing industry of Western Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Sverdlovsk, 501 p. [in Russian]
- [Kravcova, 2010](#) – *Kravcova, E.S.* (2010). Opyt organizacii nalogovogo dela v Rossii v konce XIX – nachale XX stoletiya. [The experience of organizing the tax business in Russia at the end of the 19th – the beginning of the 20th century]. Kursk, 303 p. [in Russian]

Lysenko, Chekryzhova, 2021 – Lysenko, Yu.A., Chekryzhova, O.I. (2021). Formation of System of Fishing Fees from Industry and Trade in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(3): 1277-1287.

Lysenko, Zhanbosinova, 2019 – Lysenko, Yu.A., Zhanbosinova, A.S. (2019). Sistema gosudarstvennogo nalogooblozheniya gorodskogo nedvizhimogo imushchestva v central'noaziatskikh okrainah Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX v.). [The system of state taxation of urban real estate in the Central Asian outskirts of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Altajskogo gosuniversiteta*. 5(109): 49-54. [in Russian]

Mariupol'skij, 2000 – Mariupol'skij, A.M. (2000). Vinokurenje i vinotorgovlja Zapadnoj Sibiri v period dejstviya akciznoj sistemy (1863–1902 gg.). [Distilling and wine trade in Western Siberia during the period of the excise system (1863–1902)]. Barnaul, 158 p. [in Russian]

Mariupol'skij, 2014 – Mariupol'skij, A.M. (2014). Nekotorye aspekty formirovaniya rynka spirtnyh napitkov Sibiri v period dejstviya akciznoj sistemy vo vtoroj polovine XIX v. [Some aspects of the formation of the alcoholic beverages market in Siberia during the period of the excise system in the second half of the 19th century]. *Izvestiya Altajskogo gosuniversiteta*. 4(56): 206-211. [in Russian]

Muhamedina, 2009 – Muhamedina, Sh. (2009). Akcizy i vinnaya monopoliya v Rossijskoj imperii. [Excise taxes and wine monopoly in the Russian Empire]. *Finansy i kredit*. 37(373): 81-88. [in Russian]

Nyurenburg, 1912 – Nyurenburg, A.M. (1912). Ustavy ob akciznyh sborah [Charters on excise duties]. M., 1140 p. [in Russian]

Obzor Semipalatinskoj..., 1897 – Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1895 god. Semipalatinsk, 93 p. [in Russian]

Obzor Semipalatinskoj..., 1912 – Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1910 god. Tashkent, 233 p. [in Russian]

Polozhenie o pitejnom sbore..., 1862 – Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda, s prisovokupleniem vysochajshe utverzhdennogo 20 marta 1862 goda pravil o vyzskaniyah za narushenie postanovlenij o pitejnom sbore i sudoproizvodstve *po sim delam* [Regulation on drinking collection, the highest approved on July 4, 1861, with the addition of the highest approved on March 20, 1862, the rules on penalties for violation of orders on drinking collection and legal proceedings in these cases]. M., 160 p.

Pravilova, 2006 – Pravilova, E.A. (2006). Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na nac. okrainah, 1801–1917. [Finance of the Empire: money and power in Russian politics at the national level suburbs, 1801–1917]. Moscow, 453 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Shajdurov, 2013 – Shajdurov, V.N. (2013). O nekotoryh osobennostyah formirovaniya i ekonomicheskogo razvitiya pol'skoj obshchiny Zapadnoj Sibiri XIX – nachala XX v. [On some features of the formation and economic development of the Polish community of Western Siberia in the XIX – early XX century]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 4: 88-97. [in Russian]

Shepelev, 1981 – Shepelev, L.E. (1981). Tsarizm i burzhuzaziya vo vtoroj polovine XIX v. [Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the 19th century]. Leningrad, 275 p. [in Russian]

Smetneva, 2006 – Smetneva, N.V. (2006). Razvitie vinokurenija i vinotorgovli v Pribajkal'e vo vtoroj polovine XVII – nachale XX v. [The development of distilling and wine trade in the Baikal region in the second half of the 17th – early 20th century]. Irkutsk, 238 p. [in Russian]

Tuzhikov, 1964 – Tuzhikov, V.I. (1964). O formirovanii proletariata Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. (1861–1891 gg.). [On the formation of the proletariat of Siberia in the second half of the XIX century. (1861–1891)]. *Voprosy istorii Sibiri*. Vyp. 1. Tomsk, pp. 56-65. [in Russian]

Формирование системы акцизных сборов в центральноазиатских окраинах Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе разноплановых по происхождению исторических источников, впервые введенных в научный оборот, анализируется процесс создания на центральноазиатских окраинах Российской империи системы акцизных сборов. Отмечается, что целью акцизной реформы в Степном крае и Туркестане являлась модернизация и интеграция в российскую экономику данного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

этнорегиона, повышение его рентабельности. В Степном крае увеличение акцизных поступлений в государственную казну во второй половине XIX в. было связано с развитием прежде всего винокуренной промышленности. Этому благоприятствовал ряд факторов: разрешение свободного производства спирта, ничем не ограниченной торговли алкогольными напитками, развитие сырьевой базы данной отрасли и рост спроса на продукцию, благодаря резкому притоку в регион крестьянского населения. После введения в начале XX в. государственной винной монополии размеры акцизных сборов по областям Степного края стали сокращаться. В Туркестане введение в действие положений акцизной реформы началось позднее – в 70–80 е гг. XIX в. Это было связано с более поздним подключением региона к модернизационным процессам, отсутствием в нем спроса на винно-водочную продукцию, ориентацией правительственных кругов на развитие хлопководческих хозяйств. Тем не менее к концу XIX в. в результате развития железнодорожной сети винокуренная промышленность в Туркестане, сориентированная на российский рынок, стала приносить значительные налоговые поступления. Государственная винная монополия начала XX в. не затронула регион.

Ключевые слова: акцизная реформа, винокуренная промышленность, государственная винная монополия, Российская империя, Степной край, Туркестан.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1826-1834
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1826

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The City and the Intellectual Class: Socio-Political Interconditionality in North Kazakhstan Region on the cusp of the XIX – XX c.

Gulmira Zh. Sultangazy ^a, Lepuda K. Mukatayeva ^a, Zhaslan Ye. Nurbayev ^{b, *}

^a M.S. Narikbayev KAZGUU University, Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Abstract

City and urban environment as a multifunctional space play an important role in creation of social processes. Since its formation the city has become the focal point for innovations and a place where ideas are generated that change not only the landscape, but also the worldview in general. Kazakhstan cities at the turn of XIX-XX centuries during a long time has played a role of administrative and trade units. Integration of marginal cities into the system of socio-economical relations of empire brought to a formation of conditions where citizens become active not only in economic, but also in social aspect. Political segment of the city developed in the context of all-Russian situation. Systematic crisis of the XIX-XX c. required new formats of fighting for their rights. National intellectual class became one of the main subjects of urban environment and develops their own style of struggle which was expressed through cultural enlightenment and political activity.

Complex study of the city environment through the historical lens allows to grasp the nature of changes occurring with the society and the state and identify possible scenarios of their interaction and development perspectives. The article made an attempt to throw light interconditionality of cityscape and intellectual class in the context of local processes. These processes are related to the formation of political space in the colonial city and the influence of city on social activity of national intellectual class. The article uses the materials of Kazakhstani and Russian archives, document of regional archives, such as the archive of Kostanay city and North-Kazakhstan region. The methodological basis of the research are institutional and frontier approach, which allow to identify the degree of urban environment and city space influence on formation of national intellectual class. Also, it allows to study the evolution and development of political ideas and focus of Kazakh intellectual class in the end of XIX beginning XX c. in the conditions of building relationship system between the empire and national borders. Historical and genetical method is also applied in the present study, which allows to consider the challenges of the development and identify patterns.

Keywords: city, intellectual class, cultural spaces, political space, political activities of the intelligentsia, public spaces, national outskirts, Kostanay, Petropavlovsk, Akmolinsk.

1. Введение

Рубеж XIX–XX веков в истории Казахстана отмечен противоречивыми процессами инноваций номадического общества, охватывающими все сферы социально-экономической и политической действительности. В этот период наблюдается становление новой социальной группы, выполнявшей связующие функции между традиционалистским этносом и имперскими властными структурами. Содержание их деятельности создало предпосылки для формирования интеллектуального поля поиска альтернативных путей адаптации общества к изменившимся реалиям.

* Corresponding author

E-mail addresses: zhaslannurbayev@gmail.com (Zh.Ye. Nurbayev)

Очевидно, что оформление гражданских позиций и активизация политической деятельности казахских интеллектуалов проходили в городской среде. Колониальные города, созданные в результате активного казахского продвижения, выполняли прежде всего административные функции. Значительную часть горожан составляли казачество, купечество, ремесленники и часть населения, занятая в отраслях по переработке сельскохозяйственного сырья.

Город при всей своей функциональности был минимально интегрирован в политический контекст развития империи. Интеллигенция способствовала развитию общественных процессов через открытие библиотек, участие в научных организациях. Политизация городов, несомненно, была связана с бурными событиями начала XX века и содержательной деятельностью интеллектуалов.

В данной статье предпринята попытка осветить процесс влияния города на политизацию интеллигенции и формирование в городах Северного Казахстана политического пространства, под которым мы будем подразумевать среду, способствующую активному вовлечению горожан в политические и гражданские процессы рубежа XIX–XX вв. С одной стороны, исследование позволит проследить генезис взаимоотношений горожан, прежде всего интеллигенции с властью, с другой – мы актуализируем город как пространство в политическом измерении.

2. Материалы и методы

Документальным материалом послужили фонды Оренбургского областного архива (ГАОО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Значительный объем составляют документы, характеризующие деятельность интеллигенции начала XX века. Хронологически обозначенный период совпадает с революцией 1905 г., выборами и работой в Государственной Думе, а также с активизацией национально-освободительного движения: РГИА, ф. 1278 «Государственная Дума I, II, III и IV созывов» и ЦГА РК, ф. 17 «Тургайский областной комиссариат Временного правительства», ф. 18 «Тургайская Управа Временного правительства». Также документальной основой послужили фонды Государственных архивов Костанайской и Северо-Казахстанской областей, детально отражающие материалы по открытию и функционированию городских библиотек, статистических управлений, различных культурных и общественных учреждений. Изучение данного массива документов позволяет проследить динамику качественных изменений общественного сознания и степени вовлеченности горожан в общественные и политические процессы.

Теоретико-методологическая база исследования представляет собой использование различных подходов, методов и оценок, используемых в междисциплинарных исследованиях. В работе применяются такие методы и инструменты, как институциональный, фронтальный подходы, которые позволили определить роль и место социальных институтов, городской среды в формировании национальной интеллигенции, рассмотреть развитие и трансформацию политических взглядов и установок казахской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. в контексте интеграции казахского этноса в общероссийское имперское пространство.

Также в работе были использованы конкретно-исторические методы – историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический, применение которых позволило проанализировать широкий круг источников и историографического материала, определить особенности процессов взаимовлияния и взаимообусловленности города и интеллигенции в начале XX века и факторов, повлиявших на данный процесс.

3. Обсуждение

Город как объект изучения чаще всего рассматривается с архитектурной, экономической точек зрения. В последнее время политическое измерение города, взаимодействие власти и активных акторов становится актуальным в контексте «модели анализа власти на уровне социума». Город постепенно в научных исследованиях стал рассматриваться как пространство, способное создавать условия для политизации человека и его вовлеченности в общественные и гражданские процессы. Е. Трубина, отмечая общественную значимость города, считает, что «это главное пространство, где происходят социальные изменения, и ключевое место, в котором создается социальная теория» (Трубина, 2011: 15).

Город активизирует деятельность человека в данном направлении интенсивнее, чем сельская местность, в которой хозяйственный фактор куда важнее, чем политический. Так, Б. Вальденфельс, обсуждая различные типы понимания повседневности, характеризует город как «место обмена и обмена мнениями» (Плотичкина, 2012: 154). В советской историографии политическое пространство как формулировка и как отдельный объект не использовалось и не изучалось. В казахстанской историографии внимание получила деятельность национальной интеллигенции без привязки к локации. Наиболее политизированным пространством в Российской империи в начале XX века, несомненно, был город. Здесь сформировалось сообщество интеллектуалов, чья деятельность в значительной мере определяла развитие страны. Историография вопроса представлена исследованиями, отражающими развитие города как в экономическом, так и в

политическом контекстах. В них также актуализируются различные аспекты деятельности интеллектуалов города как такового.

В попытках выявления тенденций формирования политических позиций и политической социализации лидеров исследователь О. Протасова выявляет ряд факторов, влиявших на этот процесс, среди которых особое место занимают городские образовательные учреждения (Протасова, 2021: 1410). По мнению Е. Самойловой, важную роль в формировании культурной среды в городах национальных окраин играли представители интеллигенции (Самойлова, 2006: 149), у которой был запрос на эстетику города, выраженный не только в существовании театра, библиотек, но и среды, удовлетворяющей ее интеллектуальные и духовные потребности. При этом автор признает, что возможности интеллигенции были ограничены, отсюда очевидное отставание провинциальных городов.

Проблема взаимодействия города и интеллигенции была поднята коллективом авторов – Т. Нефедовой и др. Город рассматривается ими в качестве «царства несвободы». Он является средоточием бездушной имперской бюрократии с характерным прессингом на индивидуальность (Нефедова, 2016: 154).

Современная казахстанская историография при открытости и доступе к архивным данным заметно расширила проблематику исследовательского поля. Городская тематика все еще является новым направлением, но тем не менее есть работы, которые предопределили его развитие. Это труды таких авторов, как Ж. Касымбаев (Касымбаев, 1990), Н. Алексеенко (Алексеенко, 1981), М. Койгельдиев (Койгельдиев, 1994), Д. Аманжолова (Аманжолова, 2009), Г. Алпыспаева (Алпыспаева и др., 2016) и др. Их работы освещают как городскую историю, так и деятельность интеллигенции, сформировали проблемное поле, но без выявления их взаимосвязи и взаимовлияния.

Роль казахской интеллигенции начала XX века безусловна, она стала ведущей силой на политической арене края. Но имеет место быть не критический подход в оценках ее деятельности. Казахскими исследователями опубликована статья, где обозначена проблематика представленности казахских интеллектуалов в политической и общественной жизни края независимо от их политических предпочтений (Бисенова, Мукушева, 2020). Действительно, несмотря на то, что численность интеллигенции была на критически низком уровне, тем не менее в идейном отношении она была разобщенной, что не есть плохо, а скорее демонстрирует качество. Однако в современной казахстанской историографии большое внимание уделяется ее либеральному крылу.

И. Агеев считает, что городское пространство является совокупностью исторически обусловленных ролей и сценариев взаимодействия социальных и экономических субъектов (Агеев, 2014: 79-84). В этом случае у интеллигенции особая роль по формированию культурной среды.

«Этнизация городских пространств» как важное положение в трудах иркутских ученых (Дятлов, Григоричев, 2013: 573) корреспондируется с ролью казахских интеллектуалов в городах северного Казахстана.

Сегодня взаимодействие города и интеллигенции рассматривается в контексте различных методологических подходов. Например, казахскими учеными предпринята попытка исследовать феномен города через историю повседневности. Использование этого метода позволяет более глубоко рассмотреть сложные процессы городской жизни в исследованиях К. Абдрахмановой (Абдрахманова, 2006), З. Сактагановой (Сактаганова, 2017), К. Медеуовой (Медеуова, 2016; Медеуова, 2018).

Таким образом, казахстанский историографический массив представлен работами, отражающими те или иные аспекты урбан истории. Вместе с тем не в полной мере освещены вопросы взаимовлияния и взаимообусловленности города и социальных институтов или многочисленных социальных групп.

4. Результаты

Политическое развитие Казахстана, в том числе и города, происходило в контексте общероссийской социально-политической ситуации. К обозначенному периоду Казахстан представлял собой окраину российской империи с набором типичных социально-экономических проблем. Ситуация осложнялась остротой нерешенного аграрного вопроса. Традиционный уклад не вписывался в систему капиталистических отношений, в которые экономика Казахстана была полностью интегрирована после ряда административных реформ. Казахи оказались не подготовлены ни в психологическом, ни в материальном аспектах к изменениям экономического порядка. Но земельная реформа 1861 года, впоследствии Положение о переселении 1868 года и более поздние указы ускорили масштабное переселение русских безземельных крестьян в степи. К началу XX века казахское население ведет активную борьбу против колонизации и по восстановлению политических и экономических прав. Однако применяемые инструменты политической борьбы морально устарели. Казахский социум при всей активности, мы имеем в виду протестные настроения конца XVII – начала XX веков, не обладал знаниями и умениями, необходимыми для политической борьбы формата начала XX века. Он ставил, главным образом, перед собой задачу экономического освобождения, не предполагая при этом изменений в политическом оформлении. Родовое деление, сопровождавшееся конфликтами, также является показателем неготовности к системной борьбе с обозримым результатом. Политическая реальность начала XX века требовала новых форм и лидеров.

В этот период наблюдается становление социальной группы, выполнявшей связующие функции между традиционалистским этносом и имперскими властными структурами. Содержание их деятельности создало предпосылки для формирования интеллектуального поля поиска альтернативных путей адаптации общества к изменившимся реалиям. Данная группа граждан, этнически связанная с большинством, генетически оставалась наследницей государственно-управленческой структуры номадов, но уже на основе взаимодополняющих друг друга европейских и восточных ценностей. Интеллигенция обозначила местом своей локации и активной деятельности город. Как правило, молодые люди с определенным образовательным цензом возвращались в уездные города, где были созданы условия для их профессиональной реализации.

Наиболее противоречивым в своем решении был вопрос выбора концепции и инструментов борьбы. Также было очевидным, что традиционный формат открытого протеста стихийных выступлений был не только неэффективным, но и сопряжен с рисками людских потерь. Интеллигенция стояла перед задачей поиска объединяющего начала, которое не только не должно быть аналогом архаического миропонимания степняка, но и не обладать модернизированным смыслом, отдаленным от традиционного восприятия кочевником государства и власти. Для степного пространства характерно органическое существование власти и народа и отсутствие пропасти между ними, а она могла возникнуть ввиду глубокой увлеченности представителями интеллигенции западными идеями и наличием социальных различий между интеллигенцией и кочевым обществом. Другими словами, идеи и правопонимание казахских либералов должны были отражать качественное состояние общества, его духовные, материальные, геополитические основы (Казиев, 2015: 77). В идеале образование государственности, его основ должны были быть результатом обоюдного процесса со стороны казахского социума и творческого меньшинства, представленного либерально настроенной интеллигенцией.

Как выше было отмечено, политическое развитие и формирование политической культуры в Казахстане начала XX века происходили в контексте русской политической мысли и действительности. В этот период Россия переживает пик политической активности: развиваются средства массовой коммуникации, наблюдается рост числа библиотек, что влияло на формирование политической культуры. Библиотеки стали тем общественным пространством, где происходила коллаборация городских интеллектуалов и уездные города постепенно приобретали политическое измерение.

Интеллигенция, таким образом, смогла раскрыть свой потенциал как идейных лидеров в городском пространстве, где были возможности для коллаборации и консолидации общественных сил по схожим признакам, что позволило сформировать политическую платформу. Этот процесс был достаточно сложным и по времени длительным. Просветительская деятельность была приоритетной для интеллигенции обозначенного периода в связи с отрицанием открытого протеста, сопряженного с рисками и угрозами для кочевого населения. Этой позиции казахская интеллигенция придерживалась и в период восстания 1916 года, призывая к мирному разрешению вопроса. Город для казахского интеллектуала стал той средой, где он мог проявить свою конкретную гражданскую позицию. Однако окраинные города отличала политическая индифферентность, скорее это были городские поселения, где преимущественная часть населения занималась сельским хозяйством. Городами в классическом понимании в очень приближенном виде их делали общественные пространства: библиотеки, парки, театры, клубы и т.д., то есть такого рода локации, где общественность могла обмениваться мнениями, обсудить важные новости и др.

Но гораздо больший эффект для общественного развития и социальной активности горожан был получен через развитие средств массовой информации. Первые газеты были направлены на просветительно-информационное содержание, в то же время они представляли собой и канал коммуникации: бизнеса и горожан, общества и власти, что, собственно, и вело к формированию общественной активности, желанию быть вовлеченным в процессы жизни и деятельности города. Так, в Кустанае в начале XX века в связи с остротой земельного вопроса и большого потока переселенцев появился запрос на информацию о сельском хозяйстве и особенностях его развития в условиях Степного края. Появление такого издания, как «Кустанайское степное хозяйство», вполне закономерно, учитывая, что аграрный вопрос касался всех категорий населения, а также стал причиной экономических и межэтнических конфликтов в регионе. Издание по замыслу его создателей должно было не только разрядить напряженность в этом вопросе, но и выполнять образовательную миссию: знакомить читателей с «передовыми статьями по сельскому хозяйству» (ГАКО. Ф. 1762. Оп. 1. Д. 107. Л. 8-12).

Кстати, первым городским изданием Костаная стала газета «Степные отголоски», целью которой была просветительская деятельность и активация общественной жизни города. «Степные отголоски» должны были выходить 2 раза в неделю при незначительном тираже. Но издание не получило поддержки и было закрыто. До 1910 года жители города в информационном отношении зависели от Оренбурга, Троицка и других городов. Выписывались издания также из Санкт-Петербурга и Москвы. Но предпочтение отдавалось местным губернским изданиям. Читательская культура для малочисленного города была довольно высокой, выпускалось около ста печатных

изданий (ГАКО. Ф. 1762. Оп. 1. Д. 107. Л. 11-12). В активно развивающемся в XIX веке Петропавловске выписывались как центральные издания – «Журнал Министерства государственного имущества» (Санкт-Петербург), где можно было прочитать «заметку о развитии земледелия у казахов», так и газеты областного значения. Например, в местном периодическом издании «Тобольские губернские ведомости» можно обнаружить сообщение об открытии в Петропавловске табачной фабрики (ГАСКО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 50. Л. 36).

Среди горожан появилась привычка, узнавать новости через газеты, вот отрывок из статьи о развитии СМИ в крае: «Теперь он чутко прислушивается к вестям, идущим из сердца России, до того не имевший понятия о газете, теперь он первого встречного расспрашивает, что пишут в газетах» (ГАКО. Ф. 1762. Оп. 1. Д. 107. Л. 25).

В XIX веке создавались собственные типографии в крае. Так, в 1869 году было закуплено в Санкт-Петербурге значительное количество типографского оборудования для создания типографии в городе Верном. В.З. Галиев отмечает, что новая типография в городе начала свою работу в 1869 г. (Галиев, 2007: 262).

Формируются новые практики и модели поведения, которых до начала XX века в уездном городе не существовало. Горожанин не только желает узнавать новости, но и готов создавать новости и быть вовлеченным в общественные процессы городской жизни.

Городская тематика также получила отражение на страницах печати, прежде всего отчеты о заседаниях городской думы и хроника общественных событий. Городская дума, ее деятельность и участие в ней горожан являются свидетельством повышения уровня политической культуры. Кустанайская городская дума за все время своего существования смогла не только обозначить, но и решить некоторые городские вопросы.

Газета становится в таком случае инструментом в руках общественности, и через нее решаются проблемы не только города, но и края в целом. Как правило, такие издания не ограничивались узкой проблематикой, а в поле зрения и обсуждений попадали актуальные вопросы (ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 797. Л. 239об.).

Критика действующего режима также имела место. Показательным является следующий факт: в августе 1917 года Кустанайской городской думой было принято решение о переименовании Царской улицы в имени Л. Толстого. Событие вполне ординарное для революционного периода, тем не менее демонстрирует особую актуальность и вовлеченность горожан в общественные процессы (ГАКО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 17. Л. 11).

Политизация городского пространства может проявляться в различных аспектах. Очень важно понимать: какие причины, условия способствовали и какие факторы имели тормозящий эффект для развития политической культуры и формирования политического пространства в городе.

Допустим, удаленность от крупных политических центров и в целом слабые коммуникации являлись сдерживающими факторами в политизации как городского социума, так и города в целом.

Думский период, несмотря на скромную результативность, стал одним из значительных в вопросе оформления политических взглядов казахской интеллигенции. Интегрирование в политическую жизнь российского государства на столь высоком уровне позволило казахам получить опыт ведения дебатов, оппонирования, а также осознать свое место и потенциал в общей картине политической жизни российского государства.

Первые две думы были слишком непродолжительны для того, чтобы решить проблемы, которые накапливались годами. Тем не менее депутаты максимально использовали отпущенное им время и ставили на обсуждение те вопросы, которые не желало рассматривать и решать правительство. Так, А. Беремжанов, Б. Каратаев, Ш. Косшыгулов, Т. Нурекен встретились с главным управителем по делам земледелия и землеустройства князем Б. Васильчиковым по вопросам переселения русских крестьян в степь. Аграрная политика правительства шла вразрез с интересами коренного населения окраин, не считаясь с его обычаями, традициями и хозяйственными особенностями (Озганбай, 2000: 139), тогда как это было важным вопросом, требующим внимания. Актуализация проблемы была связана с новым витком переселенческой политики правительства, против которой выступали не только инородцы, но и крестьяне Сибири. Например, Н. Коншин в одном из своих выступлений в Думе сказал: «Никакие переселения в Сибирь общерусского аграрного вопроса решить нисколько не помогут... Сибиряки с цифрами и фактами в руках могли бы доказать ту крайнюю неточность сведений о свободных для переселения земель, ссылаясь на которую правительство побуждает крестьян двинуться в Азию. В таком громадном общегосударственном деле, как переселение всякие неправильности должны быть моментально исправлены» (Государственная Дума, 1906: 2271-2272).

При этом Н. Коншин не затронул вопросов о незаконном изгнании коренного населения с исконных земель, об экспроприации, проводимой переселенческим управлением. Именно этим проблемам был посвящен запрос на имя председателя Совета министров по поводу незаконного образования переселенческих участков и местных дач в Казахской степи, подписанный 53 депутатами (РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 350. Л. 4).

Таким образом, впервые в столь широких кругах были высказаны позиции казахских интеллигентов по таким значимым проблемам, как земельная, необходимость реформирования судов и др. И ранее интеллигенты проявляли активность: составлялись петиции, прошения в адрес самых высокопоставленных членов правительства, но в данном случае была возможность донести ситуацию по земельному вопросу казахского народа самой широкой публике. Очевидно, вопросы обсуждались и до созыва Дум, так как казахская интеллигенция провела объединенные съезды в Уральске в декабре 1905 года и Семипалатинске в феврале 1906 года, где она вполне могла обозначить общие позиции по такому значительному вопросу, как земельный.

Поиск общественного согласия на фоне острого политического момента стал возможен благодаря съездам, которые стали площадкой для обсуждения актуальных вопросов. В их работе приняли участие не только интеллигенция, но и представители нового класса казахской торговой буржуазии, кочевая знать в лице биев и аксакалов, чиновники старой администрации, а также члены мусульманского комитета из Казани, представители интеллигенции из других регионов, в основном из азиатской части России (Алаш-Орда, 1992: 21). Соборания прошли в городах Тургае, Верном, Омске, Семипалатинске, Уральске, Оренбурге и др. Количество участников варьировалось от 200 до 500 человек. В содержательной части они были схожими: от поддержки Временного правительства, созыва Учредительного собрания, скорейшего решения земельного вопроса, выработки тактических линий до желания в краткие сроки решить региональные проблемы (Алаш-Орда, 1992: 23). Съезды стали некой вехой в формировании политической культуры и сознания казахского этноса. Ситуация складывалась в пользу либералов, поскольку фактически они стали не только инициаторами, но председательствующей силой в проведении съездов. Этот момент стал наиболее благоприятным для реализации идей казахских интеллигентов. Политическая активность общественности требовала систематизации и конструктивной направленности. В целях оптимизации процесса революционных преобразований либеральная интеллигенция инициировала создание общественных комитетов. Было принято решение о формировании таковых при поддержке известных представителей интеллигенции. Так, в Актюбинский уезд поехал А. Букейханов (ЦГА РК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 15. Л. 2).

Еще одним вопросом, который должен был закрепить демократические преобразования, стал вопрос о земстве.

Июльский съезд 1917 года стал переломным моментом в политической жизни Казахстана. Несмотря на то, что в повестке дня стояли вопросы, аналогичные повестке предыдущих областных съездов, тем не менее решения по ним носили исторический характер (Алаш-Орда, 1992: 50). Принятые постановления станут программными установками партии Алаш и разделительной полосой в отношениях с кадетами.

Проблема введения земства в крае стала еще актуальней после февральских событий. В Казахстане в отсутствие земства власть балансировала между общественными организациями и комиссарами. В центральной части России земство было введено во второй половине XIX века. 17 июня 1917 г. было обнародовано постановление Временного правительства о введении земских учреждений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской (ЦГА РК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 29. Л. 25).

В Тургайской области вопрос о введении земства обсуждался на заседании областной управы 28 июня 1917 г. (ЦГА РК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 29. Л. 25).

Организация уездных земств была поручена существующим в уездах гражданским комитетам. Им было предложено создать специальные комиссии из числа компетентных лиц, которые могли бы оказать пользу при организации уездного земства. В Кустанае вопрос о земстве обсуждался на съезде Кустанайского уездного гражданского комитета 27 августа 1917 г. На съезд явились представители 25 волостей, его председателем единогласно был избран А. Беремжанов (ЦГА РК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 91). На повестку дня были вынесены вопросы о выборах в комиссию по введению земства. На этом же съезде путем открытой баллотировки членами комиссии были избраны Шаповалов, Руденко, Мезоненко и другие (ЦГА РК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 91об.). Земство стало еще одним приобретением демократических преобразований.

5. Заключение

Городская интеллигенция, являясь по сути основным субъектом данного процесса, не была монолитна в своей идейной направленности, но это скорее создавало благоприятную основу для политизации и вовлеченности разных ее представителей. Революция 1905 года активизировала национальную интеллигенцию, которая в этот момент пришла к осознанию своей гражданской ответственности за судьбы казахского народа. И ее активность стала проявляться именно в городской среде. Интеллигенция сыграла ощутимую роль в формировании политического пространства. Город в самом начале его зарождения играл прежде всего административную роль. Интеллигентская сущность с ее стремлением к прекрасному и желанию облагородить способствовала появлению библиотек, театральных кружков, проведению музыкальных вечеров и т.д. Таким образом, постепенно в городе создавалось культурное пространство, которое способствовало формированию такой прослойки общества, как интеллигенция.

6. Благодарности

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. АР08857378).

Литература

- Абдрахманова, 2006** – Абдрахманова К.К. «История повседневности» в XX–XXI веках. Историографический аспект. Караганда: Издательство КарГУ, 2006. 252 с.
- Агеев, 2014** – Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 385. С. 79–84.
- Алаш-Орда, 1992** – *Алаш-Орда*. Сборник документов. Сост. Мартыненко Н. Алма-Ата: Айқап, 1992. 192 с.
- Алексеев, 1981** – Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука, 1981. 112 с.
- Алпысбаева и др., 2016** – Алпысбаева Г.А., Саяхимова Ш.Н., Туксаитова Р.О. Культурное пространство Акмолы, Целинограда, Астаны: история становления и развития. Астана: Издательство КАТУ им. С.Сейфуллина, 2016. 206 с.
- Аманжолова, 2009** – Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. 412 с.
- Бисенова, Мукушева, 2020** – Бисенова А., Мукушева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22963/ (дата обращения: 17.07.2021).
- Галиев, 2007** – Галиев В.З. Верненская типография и начало издания «Семиреченских областных ведомостей» / Библиоковедение, библиография, книговедение. Сборник научных статей. Вып. 18. Алматы: Национальная библиотека Республики Казахстан, 2007. 262 с.
- ГАКО** – Государственный архив Костанайской области.
- ГАСКО** – Государственный архив Северо-Казахстанской области.
- Государственная Дума, 1906** – *Государственная Дума*. Стенографические отчеты. 1906. Сессия 2. С. 2271–2272.
- Дятлов, Григоричев, 2013** – Дятлов В., Григоричев К. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Отгиск, 2013. 624 с.
- Казиев, 2015** – Казиев С. Ислам, туркизм и становление казахской этносоциальной идентичности в начале XX века // *Вестник СВФУ*. 2015. Том 12. № 1. С. 75–83.
- Касымбаев, 1990** – Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 г.: (социально-экономический аспект). Алма-Ата: Ғылым, 1990. 184 с.
- Койгельдиев, 1994** – Койгельдиев М. Қазақ демократиялық интеллигенциясының 1905–1917 жылдардағы қоғамдық-саяси қызметі. Тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы. 1994.
- Медеуова, 2016** – Медеуова К.А. Карты памяти Астаны: Очерки и интервью по антропологии города. Астана: ТОО Мастер По, 2016. 84 с.
- Медеуова, 2018** – Медеуова К.А. О чем хотят помнить в городах (Анализ современной коммеморативной политики в Казахстане) / Женщины-ученые Беларуси и Казахстана: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Минск, 2018. С. 307–309.
- Нефедова, 2016** – Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 152–161.
- Озганбай, 2000** – Озганбай О. Государственная Дума и Казахстан. 1905–1917. Алматы: Арыс, 2000. 284 с.
- Плотичкина, 2012** – Плотичкина Н. Город как пространство политической повседневности // *Человек. Сообщество. Управление*. 2012. № 1. С. 154.
- Protasova, 2021** – Protasova O.L. Ideological Self-Determination and Inter-Party Rotations in the Russian Democratic Environment (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1409–1420.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сактаганова, 2017** – Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. 365 с.
- Самойлова, 2006** – Самойлова Е.В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов западной Сибири во второй половине XIX века // *Известия Челябинского научного центра*. 2006. Вып. 4 (34). С. 148–152.
- Трубина, 2011** – Трубина Е.Н. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Abdrahmanova, 2006** – *Abdrahmanova, K.K.* (2006). «Istoriya povsednevnosti» v XX–XXI vekah. Istoriograficheskiy aspekt. [“The history of everyday life” in the XX–XXI centuries. Historiographical aspect]. Karaganda: Izdatel'stvo KarGU, 252 p. [in Russian]
- Ageev, 2014** – *Ageev, I.A.* (2014). Metodologicheskij resurs istoricheskoy urbanistiki v sovremennyh issledovaniyah gorodskih prostranstv [Methodological resource of historical urbanism in modern studies of urban spaces]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 385: 79–84. [in Russian]
- Alash-Orda, 1992** – *Alash-Orda.* (1992). Sbornik dokumentov [Alash-Orda. Collection of documents]. Sost. Martynenko N. Alma-Ata: Ajkap, 192 p. [in Russian]
- Alekseenko, 1981** – *Alekseenko, N.V.* (1981). Naselenie dorevolucionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870–1914 gg.) [Population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870–1914)]. Alma-Ata: Nauka, 112 p. [in Russian]
- Alpysbaeva i dr., 2016** – *Alpysbaeva, G.A., Sayahimova, Sh.N., Tuksaitova, R.O.* (2016). Kul'turnoe prostranstvo Akmoly, Celinograda, Astany: istoriya stanovleniya i razvitiya [Cultural space of Akmola, Tselinograd, Astana: the history of formation and development]. Astana: Izdatel'stvo KATU im. S.Sejfullina, 206 p. [in Russian]
- Amanzholova, 2009** – *Amanzholova, D.* (2009). Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana [On the break. Alash in the ethnopolitical history of Kazakhstan]. Almaty, 412 p. [in Russian]
- Bisenova, Mukusheva, 2020** – *Bisenova A., Mukusheva A.* (2021). Kolonial'nye intellektualy: mezhdru prosveshchencheskoj i predstavitel'skoj rol'yu [Colonial intellectuals: between enlightenment and representative role]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6. [Electronic resource]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22963/ (date of access: 17.07.2021). [in Russian]
- CGA RK** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dyatlov, Grigorichev, 2013** – *Dyatlov, V., Grigorichev, K.* (2013). Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshchestva [Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. Irkutsk: Ottisk, 624 p. [in Russian]
- Galiev, 2007** – *Galiev, V.Z.* (2007). Vernenskaya tipografiya i nachalo izdaniya “Semirechenskikh oblastnyh vedomostej” [Vernenskaya printing house and the beginning of the publication of the Semirechensk Regional Gazette]. Bibliotekovedenie, bibliografiya, knigovedenie. Sbornik nauchnyh statej. Vyp. 18. Almaty: Nacional'naya biblioteka Respubliki Kazahstan, 262 p. [in Russian]
- GAKO** – Gosudarstvennyj arhiv Kostanajskoj oblasti [State Archive of Kostanay region].
- GASKO** – Gosudarstvennyj arhiv Severo-Kazahstanskoj oblasti [State Archive of the North Kazakhstan region].
- Gosudarstvennaya Duma, 1906** – Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety [The State Duma. Verbatim reports]. 1906. Sessiya 2. Pp. 2271–2272. [in Russian]
- Kaziev, 2015** – *Kaziev, S.* (2015). Islam, tyurkizm i stanovlenie kazahskoj etnosocial'noj identichnosti v nachale XX veka [Islam, Turkism and the formation of Kazakh ethno-social identity in the early XXth century]. *Vestnik SVFU*. 12(1): 75–83. [in Russian]
- Kasymbaev, 1990** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861–1917 g.: (social'no- ekonomicheskij aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1861–1917: (socio-economic aspect)]. Alma-Ata: Fylym, 184 p. [in Russian]
- Kojgel'diev, 1994** – *Kojgel'diev, M.* (1994). Қазақ демократиялық интеллигенциясының 1905–1917 жылдары қоғамдық-саяси қызметі [Socio-political activity of the Kazakh Democratic intelligentsia in 1905–1917]. Tarih ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған dissertaciya. Almaty. [in Kazakh]
- Medeuova, 2016** – *Medeuova, K.A.* (2016). Karty pamyati Astany: Oчерki i interv'yuy po antropologii goroda [Memory cards of Astana: Essays and interviews on the anthropology of the city]. Astana: TOO Master Po, 84 p. [in Russian]
- Medeuova, 2018** – *Medeuova, K.A.* (2018). O chem hotyat pomnit' v gorodah (Analiz sovremennoj kommemorativnoj politiki v Kazahstane) [What they want to remember in cities (Analysis of modern commemorative policy in Kazakhstan)]. *Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Kazahstana: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Minsk. Pp. 307–309. [in Russian]
- Nefedova, 2016** – *Nefedova, T.G., Nikolaeva, U.G., Pokrovskij, N.E.* (2016). Intelligenciya v prostranstve vnegorodskoj Rossii [Intelligentsia in the space of extra-urban Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 12: 152–161. [in Russian]
- Ozganbaj, 2000** – *Ozganbaj, O.* (2000). Gosudarstvennaya Duma i Kazahstan. 1905–1917 [The State Duma and Kazakhstan. 1905–1917]. Almaty: Arys, 284 p. [in Russian]
- Plotichkina, 2012** – *Plotichkina, N.* (2012). Gorod kak prostranstvo politicheskoy povsednevnosti [The city as a space of political everyday life]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 1: 154. [in Russian]
- Protasova, 2021** – *Protasova, O.L.* (2021). Ideological Self-Determination and Inter-Party Rotations in the Russian Democratic Environment (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(3): 1409–1420.

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

Saktaganova, 2017 – Saktaganova, Z.G. (2017). Ekonomicheskaya modernizaciya Kazahstana. 1946-1970 gg. [Economic modernization of Kazakhstan. 1946-1970]. Karaganda: Izd-vo KarGU, 365 p. [in Russian]

Samojlova, 2006 – Samojlova, E.V. (2006). Rol' intelligencii v razvitii sociokul'turnogo prostranstva gubernskih gorodov zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka [The role of the intelligentsia in the development of the socio-cultural space of the provincial cities of Western Siberia in the second half of the XIXth century]. *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo centra*. 4(34): 148-152. [in Russian]

Trubina, 2011 – Trubina, E.N. (2011). Gorod v teorii: opyt osmysleniya prostranstva [The city in theory: the experience of understanding space]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p. [in Russian]

Город и интеллигенция: общественно-политическая взаимообусловленность в Северном Казахстане на рубеже XIX–XX веков

Гулмира Жолмагамбеткызы Султангазы ^a, Лепуда Каримкызы Мукатаева ^a,
Жаслан Есеевич Нурбаев ^{b, *}

^a Университет КАЗПЮУ имени М.С. Нарикбаева, Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. Город и городская среда, являясь полифункциональным пространством, играют важную роль в развитии общественных процессов. С момента своего возникновения город стал концентратом инноваций и пространством генерации идей, меняющих не только ландшафт, но и миропонимание в целом. Казахские города рубежа XIX–XX вв. на протяжении длительного времени играли роль административных, торговых единиц. Интегрирование городов национальных окраин в систему социально-экономических отношений империи привели к формированию условий для активности гражданина не только в экономическом, но и общественных аспектах. Политический сегмент города развивался в контексте общероссийской ситуации. Системный кризис периода XIX–XX вв. требовал новых форматов борьбы за свои права. Национальная интеллигенция становится одним из основных субъектов городской среды и вырабатывает свой стиль борьбы, выраженный в симбиозе культурно-просветительской и политической деятельности.

Комплексное изучение городской среды в историческом разрезе позволяет понять природу изменений, в которых находится общество и государство и определить возможные сценарии их взаимодействия и перспектив развития. В статье предпринята попытка осветить взаимообусловленность городского пространства и интеллигенции в контексте процессов, связанных с формированием в колониальном городе политического пространства и влияния города на общественную активность национальной интеллигенции. В статье использованы материалы казахских и российских архивов, документы из региональных архивов, таких как архивы Костанайской и Северо-Казахстанской областей. Методологической основой исследования выступили институциональный и фронтальный подходы, позволившие определить степень влияния городской среды и городского пространства на формирование национальной интеллигенции, а также изучить эволюцию политических идей и ориентиров казахской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. в условиях выстраивания системы взаимоотношений империи с национальными окраинами. Одним из методов данного исследования выступил историко-генетический, позволяющий рассмотреть проблематику в ее развитии и выявить закономерности.

Ключевые слова: город, интеллигенция, культурная среда, политическое пространство, политическая деятельность интеллигенции, общественные пространства, национальные окраины, Костанай, Петропавловск, Акмолинск.

* Корреспондирующий автор

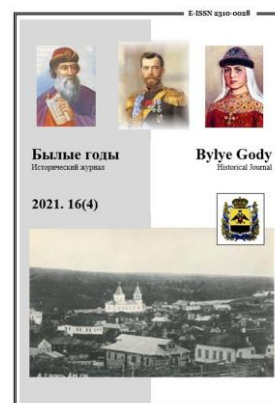
Адреса электронной почты: zhaslannurbayev@gmail.com (Ж.Е. Нурбаев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1835-1848
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1835

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Professionalization, Democratization, and Nativization of the Justice of the Peace Corps in the South-Western Provinces in the Late Imperial Russia

Igor I. Verniaev ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Justice of the Peace (hereinafter referred to as «JP») court existed in the provinces of the South-Western Land (Kiev, Volyn, and Podolsk) for 45 years from 1872 to the end of the empire. Multiethnicity was one of the main factors of functioning of the JP courts there. Staffing of JP courts became a challenge for the imperial judicial powers. JPs had to be professionals in the judicial sphere, to have knowledge of regional specifics, to remain loyal to the imperial center leading the mission of legal integration of the frontier. To what extent was it possible to comply with these criteria? To answer this question, the article turns to official documents and narrative materials, such as personal files of JPs, annual lists of judges, audit materials, memoirs, and periodicals. Their analysis indicates three interrelated processes that took place in the late 19th – early 20th century: 1) the JP's corps was becoming more and more democratic in its composition; more and more representatives of the urban and rural middle and lower classes were being appointed as JPs, while the share of nobles was decreasing sharply; 2) the professional level of the judicial corps was improving, the share of judges with higher legal education was rapidly increasing with regional universities, primarily the Kiev University of St. Vladimir, playing a great role in this process. 3) the share of JPs of Ukrainian origins started to increase in the 1890s; contrary, the share of Russians from inner provinces was on decline; so there was an intensive process of nativization of the judicial corps. Thus, the study demonstrates that at the beginning of the 20th century, a corps of professional judges had formed in the region. The majority of them were connected with the Ukrainian provinces in personal, educational, and career terms. The results of the changes are evaluated by the criterion of the dynamics of the demand for JP courts by the broad strata of the population in the region.

Keywords: The Russian Empire, the South-Western Land, the Justice of the Peace court, changes in the estate, educational, confessional and ethnic composition of the judicial corps, nativization and professionalization of the judicial sphere.

1. Введение

Мировой суд был одним из ключевых элементов судебной реформы 1864 года. Согласно Судебным Устам, компетенция мировой юстиции как местного общегражданского суда распространялась на относительно мелкие уголовные и гражданские дела. Но такие дела, как правило, были массовыми, и их число росло во всех регионах империи (Верняев, 2021: 95-113). Являясь массовым институтом, мировые суды должны были способствовать установлению правового порядка, повышению экономической активности, эффективному разрешению местных конфликтов и в итоге формированию гражданского общества поверх классовых, этнических и религиозных границ. Рассматривая множество судебных дел в своем участке, мировой судья регулярно взаимодействовал с разными категориями жителей. Следовательно, он должен был хорошо знать местное сообщество, условия его жизни, правовые воззрения, язык и культуру. Во внутренних губерниях это обеспечивалось выборной системой. Мировых судей здесь выбирало земство. На окраинах империи,

* Corresponding author

E-mail addresses: i.verniaev@spbu.ru (I.I. Verniaev)

помимо обеспечения правосудия, на мировые суды возлагалась миссия культурной, правовой и институциональной интеграции, объединения имперского пространства. Учитывая эту миссию, отсутствие земств и полиэтнический состав имперских окраин, правительство само назначало здесь судей. Необходимость сочетать такие критерии, как профессиональная юридическая подготовка, имущественный ценз, лояльность центральному правительству и хорошее знание регионального и местного контекста, определяла трудности при отборе персонала для мировых судов окраин.

В этой статье исследуются изменения корпуса мировых судей юго-западных губерний (Киевской, Волынской и Подольской) в сословном, конфессиональном, этническом и образовательном отношении. Кто творил местный имперский суд в Правобережной Украине в конце XIX – начале XX веков? Были ли связаны эти люди с регионом по рождению, месту образования, карьере? Насколько эти судебные должности были доступны для разных категорий коренных жителей украинских губерний? Из каких социальных слоев происходили мировые судьи? Какова была их этническая и религиозная принадлежность? Какую роль играли региональные университеты в формировании судебной общности? Как все эти параметры изменялись?

Анализ количественных и описательных данных позволил ответить на основной вопрос этой статьи: происходила ли в конце имперского периода своего рода региональная «коренизация» имперских кадров на уровне мировой юстиции? Понятие «коренизация» ассоциируется обычно с раннесоветской политикой в национальных регионах страны в 1920-е – начале 1930-х гг., которая предполагала, в частности, формирование профессиональных кадров из числа представителей коренного населения. Но не наметились ли подобные тенденции уже в позднеимперский период и, в частности, в судебной системе?

2. Материалы и методы

В статье использованы, главным образом, списки чинов Министерства юстиции. Они позволили выявить изменения в части религиозной аффилиации, этнической и сословной принадлежности, наличия и места нахождения недвижимости, места получения образования, сроков службы в ведомстве Министерства юстиции и на должности мирового судьи. В качестве дополнительных источников для изучения судебных карьер и характера связи судей с исследуемым регионом использовались их личные дела (формулярные списки), хранящиеся в РГИА, а также другие материалы – отчеты о ревизиях, воспоминания. Используются методы статистической обработки материала и, в частности, осуществлен расчет индекса этнического представительства¹.

3. Обсуждение

Б.Н. Миронов разработал и применил на общеимперском уровне методику исследования представительства этнических групп в управлении и сферах занятости. Полученные результаты он сопоставил с данными об этническом представительстве на разных этапах истории Советского Союза, что позволило изучить представительство и степень дискриминации в динамике. Историк пришел, в частности, к выводу, что этнополитическая дискриминация в империи не была столь существенной, чтобы стать главной причиной распада Российской империи (Миронов, 2020; Миронов, 2021). Разработанные Б.Н. Мироновым подходы и полученные общестрановые результаты позволяют решать более частные вопросы на конкретном региональном материале, на разных уровнях, в разных ветвях структур управления и отраслях занятости, исследовать конкретные механизмы смоделированных исследователем макро-процессов.

В своей работе канадский историк С. Величенко поставил вопрос о том, кто управлял Российской империей на окраинах и, в частности, в украинских губерниях. Назначались ли и в какой мере на административные должности местные уроженцы, или в имперском управлении региона преобладали выходцы из других губерний? В какой мере большевистская политика коренизации административного корпуса была новацией или она имела истоки в имперский период? В поисках ответа автор исследовал этнический состав верхнего и среднего уровня администрации украинских провинций империи в XIX – начале XX вв. Этническая принадлежность чиновников определялась им в основном на основании антропоники. С. Величенко пришел к выводу о том, что на самых верхних уровнях региональных и губернских администраций в течение XIX – начала XX вв. происходило существенное сокращение чиновников украинского происхождения (с 50 % в 1800 г. до 13 % в 1914 г.) при росте доли русских и немцев – выходцев соответственно из внутренних и остзейских губерний. Но на среднем уровне администрации доля украинцев к началу XX в. составляла около половины. Сокращение в этой части администрации также было, но

¹ Индекс вычисляется делением процентной доли представителей той или иной этнической группы в исследуемой сфере (например, город в целом, институты управления, отрасль занятости и др.) на процентную долю представителей этой группы во всем населении административной территории, среди всех занятых, среди избирателей и т.д. (в зависимости от задачи и контекста). Индекс дает сводную количественную оценку, где 1,0 обозначает пропорциональное представительство, более 1,0 – избыточное представительство, а менее 1,0 – недостаточное представительство.

несущественное. С 1905 г. наблюдался небольшой рост этой доли. При этом доля украинцев на средних уровнях администрации была хотя и ниже их доли во всем населении, но соразмерна их доле среди горожан и дворянства (Velychenko, 1995).

Поставленные вопросы в отношении судейского корпуса мировой юстиции Российской империи исследованы недостаточно. Советский историк П.Ф. Щербина в своей работе о судебной реформе в Правобережной Украине уделил внимание принципам и процедуре назначения мировых судей, но не осуществил анализ персонального состава мировых судов. Его оценка мировой юстиции региона отличается тенденциозностью (Щербина, 1974). Современный украинский историк В.С. Панченко исследовал ряд характеристик (сословие, образование, религиозная принадлежность, возраст) мировых судей Волынской губернии в 1872–1917 гг. Свои выводы исследователь основывал на выборочном анализе персональных дел (Панченко, 2013). Однако в работе отсутствует анализ изменений. Автор суммировал данные за разные годы как синхронные, что снижает качество этого исследования.

4. Результаты

Сословный состав корпуса мировых судей региона претерпел существенные изменения. Доступные данные за 1890–1913 гг. представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Динамика сословного состава корпуса мировых судей Юго-Западного края, % (Список чинам, 1890; Список чинам, 1900; Список чинам, 1910; Список чинам, 1913)

Губернии и край в целом	Год	Дворяне	Духовенство	Офицерство	Чиновничество	Специалисты и Служащие	Купечество	Мещанство	Казачество	Крестьянство	Иностранцы	Нет данных	ИТОГО
Киевская	1890	54	21	11	3	2	2	3	2	0	2	0	100
	1900	47	20	8	5	2	8	5	2	5	2	0	100
	1910	29	24	22	6	0	3	10	1	4	1	0	100
	1913	28	23	21	10	0	6	8	0	3	1	0	100
Волынская	1890	47	21	19	0	0	9	2	0	0	0	2	100
	1900	28	35	14	9	0	2	9	4	0	0	0	100
	1910	18	27	18	5	2	5	18	4	4	0	0	100
	1913	17	26	15	9	2	0	17	6	6	2	0	100
Подольская	1890	49	33	9	0	0	4	2	2	0	0	2	100
	1900	43	22	15	0	0	6	7	0	7	0	0	100
	1910	37	21	21	4	0	4	0	0	6	8	0	100
	1913	33	24	20	4	4	2	7	0	4	2	0	100
Юго-Западный край в целом	1890	50	25	13	1	1	4	2	1	0	1	1	100
	1900	40	25	12	5	1	5	7	2	4	1	0	100
	1910	28	24	21	5	1	4	9	2	4	3	0	100
	1913	26	24	19	8	2	3	11	2	4	2	0	100

За рассматриваемый период почти в два раза – с половины до четверти – сократилась доля выходцев из дворянства среди мировых судей. Если в 1890 г. по Юго-Западному краю в целом их было 50 %, то в 1913 г. – 26 %. Особенно существенным было сокращение в Волынской губернии – с 47 до 17 %. Доля выходцев из духовенства среди судей региона оставалась стабильной и значительной – около четверти всех мировых судей. В два раза – до 20 % – по региону выросла доля выходцев из семей офицеров разного ранга (в списках сословная принадлежность определялась как «обер-офицерский сын» и «штаб-офицерский сын»). С 1 до 8 % по региону выросла доля выходцев из семей чиновников. Выходцев из семей военнослужащих и чиновников невысокого чина можно отнести к средним стратам населения региона. Судя по данным персональных дел, судьи, происходившие из чиновничьих и офицерских семей, как правило, не имели недвижимой собственности, и служба была их основным или единственным доходом. В несколько раз выросла доля выходцев из мещан: если в 1890 г. она составляла всего 2 %, то в

1913 – 11 %. Также выросла доля выходцев из крестьян и казаков. Если в 1890 г. их общая доля составляла 1 %, то в 1913 г. – уже 6 % (4 % крестьян и 2 % казаков). Доля выходцев из низших служащих и специалистов (почтальонов, провизоров, учителей и т.п.) составила к 1913 г. 2 %. Особенно значительный рост представителей низших и средних страт сельского и городского населения произошел в Волынской губернии. К 1913 г. их совокупная доля среди мировых судей достигла почти трети (17 % из мещан, по 6 % из крестьян и казачества, 2% из низших служащих и специалистов).

Конфессиональный состав корпуса мировых судей представлен в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Конфессиональный состав корпуса мировых судей Юго-Западного края в 1890–1913 гг., чел. ([Список чинам, 1890](#); [Список чинам, 1900](#); [Список чинам, 1910](#); [Список чинам, 1913](#))

Регион	Год	Православные	Старообрядцы	Католики	Протестанты	Армяно-григориане	ИТОГО
Киевская	1890	56	0	0	5	0	61
	1900	63	0	0	3	0	66
	1910	71	0	0	1	0	72
	1913	70	1	0	0	0	71
Волынская	1890	46	0	0	1	0	47
	1900	55	1	0	1	0	57
	1910	53	1	1	1	0	56
	1913	48	1	1	3	0	53
Подольская	1890	55	0	0	0	0	55
	1900	54	0	0	0	0	54
	1910	46	0	2	1	3	52
	1913	49	1	1	2	1	54
Юго-Западный край в целом	1890	157	0	0	6	0	163
	1900	172	1	0	4	0	177
	1910	170	1	3	3	3	180
	1913	167	3	2	5	1	178

Подавляющее большинство мировых судей региона были православными. За рассматриваемый период их доля несколько снизилась: с 96 % в 1890 г. до 94 % в 1913 гг. Доля старообрядцев выросла до 2 % (3 человека). В 1910 г. среди мировых судей Юго-Западного края было 3 католика (2 %). Доля протестантов (лютеран и евангелистов) за рассматриваемый период немного снизилась – с 4 до 3 % (6 человек в 1890 и 5 в 1913 г.). Представители иудейского вероисповедания мировыми судьями не назначались вовсе.

Приоритет сословной и конфессиональной категоризации в империи, отсутствие в этот период четко выраженной этнической идентичности, отсутствие соответствующих данных затрудняет определение этнического состава судейского корпуса. Полностью отдавая себе отчет в условности этнической категоризации по отношению к рассматриваемому периоду и неизбежности ошибок, тем не менее, мы проанализировали этнический состав корпуса мировых судей региона и представили в [Таблице 3](#) динамику этого показателя. При определении этнической принадлежности использовался ряд сведений: антропонимические данные, религиозная принадлежность, место рождения, сословная приписка к той или иной губернии, место расположения земельной недвижимости, издания по антропонимике и генеалогии ([Модзалевский, 1908–1914](#); [Редько, 1966](#); [Унбегаун, 1989](#)).

В целом по региону мы видим значительную и существенно возросшую в 1890-е – 1910-е гг. долю украинцев («малороссов», по терминологии переписи) среди мировых судей. Они составляли около половины судейского корпуса. С 1872 по 1890 г. происходило снижение этой доли, а затем ее существенный рост, в результате которого был превышен изначальный показатель 1872 г., и доля украинцев в первые два десятилетия XX в. превысила половину (к 1910–1913 гг. – 54–55 %). Обратной была динамика доли русских («великороссов», по терминологии переписи) в судейском корпусе. Она росла до 1890 г., достигнув почти половины, а затем последовательно снижалась вплоть до 1/3

всего состава судей региона в 1910–1913 гг. Особенно значительно доля украинцев выросла в Волынской губернии, достигнув к 1910 г. 63 %. Рост был существенным и в Киевской губернии. В Подольской этот показатель был ниже (44 % к 1910 г.).

Таблица 3. Динамика этнического состава корпуса мировых судей Юго-Западного края, % (Список чинам, 1872; Список чинам, 1880; Список чинам, 1890; Список чинам, 1900; Список чинам, 1910; Список чинам, 1913; РГИА. Ф. 1404. Оп. 517 Лит. «Б». Д. 324; Оп. 522. Д. 1414, 2384; Оп. 523. Д. 823, 2911; Оп. 524. Д. 66, 328, 1270, 2455; Оп. 525. Д. 172; Оп. 529. Д. 13, 137, 168, 181; Оп. 544. Д. 667, 706, 2100, 2662, 2861, 3157, 3223, 3411, 3718, 5002, 5190, 5678, 5814, 6142, 6444, 6546, 7815, 8904, 9119; Оп. 545. Д. 8634, 9549, 9659, 9830а, 10089, 10351, 10830, 11131, 12111, 12421, 12471, 14313, 14061; 14607, 14851, 14933, 14969, 15676).

Губернии и край в целом	Год	Украинцы («малороссы»)	Русские («великороссы»)	Белорусы	Поляки	Немцы	Другие	Не определено	ИТОГО
Киевская	1872	46	46	3	0	3	2	0	100
	1880	49	37	3	0	5	3	2	100
	1890	44	36	11	0	8	0	0	100
	1900	50	35	8	0	5	0	3	100
	1910	54	33	10	0	1	0	1	100
	1913	59	25	13	0	0	0	3	100
Волынская	1872	47	43	4	0	0	0	6	100
	1880	40	51	2	2	0	0	4	100
	1890	43	49	4	0	2	0	2	100
	1900	58	33	2	0	2	0	5	100
	1910	63	27	4	2	2	0	4	100
	1913	60	30	2	2	4	0	2	100
Подольская	1872	47	36	0	0	8	2	8	100
	1880	37	45	4	0	8	0	6	100
	1890	33	56	0	0	4	2	5	100
	1900	41	46	0	0	2	0	11	100
	1910	44	42	2	2	2	6	2	100
	1913	44	43	4	2	0	4	4	100
Юго-Западный край в целом	1872	47	42	2	0	4	1	4	100
	1880	43	44	3	1	4	1	4	100
	1890	40	47	6	0	5	1	2	100
	1900	50	38	3	0	3	0	6	100
	1910	54	34	6	1	2	2	2	100
	1913	55	32	7	1	1	1	3	100

Сопоставим представительство основных по численности этнических групп региона в корпусе мировых судей (данные за 1900 г.) и в сфере управления в целом (администрация, суд, полиция, по данным переписи 1897 г.). Используем при этом сопоставлений индекс представительства (Таблица 4).

В целом по Юго-Западному краю уровень представительства украинцев и русских в корпусе мировых судей был близок к уровню их представительства в управлении в целом (что косвенно подтверждают и оценки этнического состава корпуса мировых судей). На губернском уровне более значимые различия наблюдаются только по Волынской губернии. Здесь представительство украинцев среди мировых судей близко к пропорциональному (то есть доля украинцев среди мировых судей близка к их доле среди всех занятых) и существенно, почти в два раза, выше их представительства в сфере управления в целом. Евреи совсем не представлены среди мировых судей и очень слабо в управлении в

целом. Поляки очень слабо представлены в корпусе мировых судей, но пропорционально и выше уровня пропорциональности – в сфере управления в целом. На основании [Таблицы 4](#) можно констатировать, что «украинизация» корпуса мировых судей несколько опережала этот процесс в управлении в целом. Уровень представительства украинцев среди мировых судей по региону в целом оставался ниже пропорционального примерно на треть, но на Волыни приближался к пропорциональному.

Таблица 4. Индекс представительства этнических групп губерний Юго-Западного края в корпусе мировых судей (1900 г.) и сфере управления (администрация, суд, полиция, 1897 г.) в целом ([Первая Всеобщая перепись. Т. 16, 1904: 168-169, 178-183; Первая Всеобщая перепись. Т. 8, 1904: 154-155, 164-171; Первая Всеобщая перепись. Т. 32, 1904: 164-165, 174-177](#))

	Украинцы		Русские		Евреи		Белорусы		Поляки		Немцы	
	Мир.	Упр.	Мир.	Упр.	Мир.	Упр.	Мир.	Упр.	Мир.	Упр.	Мир.	Упр.
Киевская	0,7	0,7	3,0	4,0	0,0	0,1	15,3	2,2	0,0	1,0	7,8	1,1
Волынская	0,9	0,5	4,6	8,0	0,0	0,1	9,8	3,2	0,0	1,3	0,3	0,1
Подольская	0,5	0,6	7,7	7,9	0,0	0,1	0,0	4,7	0,0	1,8	8,8	0,8
Юго-Западный край в целом	0,7	0,6	4,4	5,8	0,0	0,1	12,5	2,7	0,0	1,3	1,4	0,2

Сопоставим долю украинцев и русских среди мировых судей за 1900 г. с их долей среди всего населения, городского населения и лиц, имеющих образование выше начального за 1897 г. (по данным всеобщей переписи). Это сопоставление, представленное в таблице 5, показывает, что представительство украинцев в мировом судейском корпусе было ниже, чем их представительство во всем населении (50 и 77% соответственно), но при этом в два раза выше, чем их представительство среди городского населения, в три раза выше, чем среди лиц с образованием выше начального.

Таблица 5. Соотношение украинцев и русских среди мировых судей (1900 г.), всего населения, горожан, а также лиц, получивших образование выше начального (1897 г.) в губерниях Юго-Западного края, % (источники данных – см. [таблицы 1, 3, 4](#))

	Мировые судьи		Все население		Городское население		Лица с образованием выше начального	
	Укр.	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.	Рус.
Киевская	50	35	79	6	28	33	15	59
Волынская	58	33	70	4	20	19	18	52
Подольская	41	46	81	3	19	14	18	53
Юго-Западный край в целом	50	38	77	4	24	25	16	56

Полное недопущение евреев (иудеев) к судейским должностям и ограничения в отношении поляков (католиков) было целенаправленной политикой правительства в западных губерниях ([Кузьмин, 2018](#)). Но это не означало полного отсутствия их представительства в том или ином качестве в мировом судопроизводстве в целом. Они участвовали в качестве частных и присяжных поверенных (адвокатов), а поляки, кроме того, и почетных мировых судей. На данный момент у нас нет полных данных по количеству и доле католиков среди почетных мировых судей. Представим некоторые предварительные сведения по этому вопросу.

Мировые съезды своим коллегиальным решением выбирали и представляли в министерство на утверждение кандидатуры почетных мировых судей. Нередко потенциальные кандидаты сами ходатайствовали перед съездом о назначении почетным судьей. По данным по мировым округам Киевской губернии 1913 г., на последующий трехгодичный цикл на должность почетных мировых судей было выдвинуто 11 католиков из общего количества 223 кандидатов. Все кандидаты-католики были утверждены министром. Мотивируя выбор кандидатами братьев Ржевуских, Сквирский мировой съезд отмечал, что они «по высоко нравственным качествам своим и знанию местных условий являются весьма желательными кандидатами на должность почетного мирового судьи» ([РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 17140: 31-43об.](#)).

О стремлении поляков-католиков получить статус почетного мирового судьи и участвовать в мировых съездах имеются сведения также из губерний Северо-Западного края. Активно участвуя в мировом суде, утверждал корреспондент «Руси», «поляки получают известную долю политической власти» в крае ([П.П., 1883](#)). В Юго-Западном крае также видны эти тенденции, хотя и в меньшей степени.

Почетные мировые судьи из числа поляков иногда приобретали значительное влияние в судебном округе. Так, в 1905 г. министру юстиции от группы жителей Бердичева поступила жалоба на участкового мирового судью Бердичевского округа Д.Ф. Подоляку и действовавшего с ним «в сговоре» почетного мирового судью поляка-католика В.Е. Каменского. В жалобе указывалось, что Каменский «состоит прямо на жаловании у местных польских помещиков и, участвуя противозаконно в роли председательствующего, что ему прямо воспрещено Сенатом, всегда разрешает дела в пользу поляков, если участвует в деле». Старший председатель Киевской судебной палаты, собрав сведения о деятельности Каменского, не согласился с жалобщиками и сделал вывод о том, что тот «пользуется среди разноплеменного населения г. Бердичева всеобщим уважением». Из материалов дела трудно сделать окончательный вывод о том, была ли в действительности со стороны Каменского тенденциозность в защите интересов польских участников процессов. Но несомненна большая активность и вовлеченность представителя польского сообщества в дела мировой юстиции (РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 10351).

И. Захарьин в воспоминаниях о своей службе в качестве мирового судьи в начале 1880-х гг. в Литинском уезде Подольской губернии дал яркий образ почетного мирового судьи Килькевича, выходца из местной польской шляхты. Он имел университетское образование и активно участвовал в заседаниях мирового съезда, рассчитывая получить место участкового судьи. Захарьин, который за несколько лет службы хорошо изучил местный социальный и национальный контекст, установил отношения с представителями и польской, и еврейской общин, полагал, что устранение поляков от службы участковыми мировыми судьями наносило вред делу правосудия в регионе. В качестве участковых судей они бы сочетали необходимое для этой должности профессиональное образование с хорошим знанием местности и «различных национальностей – евреев, шляхты и крестьян, – которые населяли собой этот богатейший в России край» (Захарьин, 1900: 94-98, 356-360).

Некоторые мировые судьи православного вероисповедания были связаны с местным католическим обществом тесным общением и родственно-брачными связями. В 1890 г. в Юго-Западном крае было по меньшей мере 9 таких судей. Вероятно, часть из них и сами были польского происхождения. Так, мировой судья Каневского уезда (по данным на 1890 г.) В.А. Колусовский, выходец из мещан, был женат на дворянке-католичке. В одной из жалоб на действия этого судьи он был назван поляком, тесно связанным с другими представителями польского сообщества (РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6142).

В 1903 г. в Министерство юстиции поступила жалоба от группы жителей, крестьян и мещан Владимирволинского уезда Волынской губернии (судья по антропонимике, украинцев и евреев), на мирового судью А.Г. Кранца. В жалобе, в частности, указывалось, что движение большинства судебных дел в участке этого судьи контролировалось письмоводителем мирового судьи Г. Соболевским и частным поверенным Ю. Древновским – двоюродными братьями польского происхождения. Жалобщики отмечали, что «правосудие и все человечество 3 мирового участка Владимирволинского округа состоит в полном распоряжении Соболевского..., вместо одного Кранца имеются в действительности два других мировых судьи – Соболевский и Древновский» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6546).

Мировые съезды своим коллегиальным решением выбирали частных поверенных (адвокатов). Нередко они учитывали этноконфессиональную принадлежность кандидатов. Так, по данным ревизии 1895 г., при Новоградволинском мировом съезде Волынской губернии числилось семь частных поверенных – шесть поляков-католиков и один православный. При этом, отмечал ревизор, съезд «принципиально держится недопущения евреев в число частных поверенных» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 70: 43). Но при многих других мировых судебных округах региона в качестве частных поверенных состояло значительное количество представителей еврейского населения. Так, по данным ревизии 1895 г. мировых округов Волынской губернии, в Житомирском округе 12 из 19 частных поверенных при мировом съезде были евреями, в Овручском – 2 из 4 (РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 70: 9-90б., 72). По данным за 1906 г. по Черкасскому округу Киевской губ., представители еврейского населения составляли более половины корпуса частных поверенных при мировом съезде (РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 17235: 249-309). И. Захарьин особо подчеркивал активное и позитивное для дела правосудия участие поляков в частной адвокатуре при мировой юстиции Юго-Западного края (Захарьин, 1900: 127-135).

В Таблице 6 сопоставлены индексы представительства основных этнических групп региона в сфере частной юридической деятельности (по данным переписи 1897 г.) с индексами их представительства в корпусе мировых судей (за 1900 г.). Как видим, поляки и евреи, слабо или вовсе не представленные в корпусе мировых судей, отчасти компенсировали это ярко выраженным, выше пропорционального уровня, представительством в сфере частной юридической деятельности. Уровень представительства поляков в частной юридической сфере в несколько раз превышал пропорциональный.

Таблица 6. Индекс представительства этнических групп губерний Юго-Западного края в корпусе мировых судей (1900 г.) и сфере частной юридической деятельности (1897 г.) (источники данных – см. [Таблицу 4](#))

	Украинцы		Русские		Евреи		Белорусы		Поляки		Немцы	
	Мир.*	ЧЮ**	Мир.	ЧЮ	Мир.	ЧЮ	Мир.	ЧЮ	Мир.	ЧЮ	Мир.	ЧЮ
Киевская	0,7	0,2	3,0	3,9	0,0	1,1	15,3	0,4	0,0	8,0	7,8	0,7
Волынская	0,9	0,1	4,6	4,2	0,0	1,8	9,8	7,5	0,0	4,2	0,3	0,1
Подольская	0,5	0,1	7,7	5,8	0,0	2,3	0,0	0	0,0	7,2	8,8	2,2
Юго-Западный край	0,7	0,1	4,4	4,5	0,0	1,6	12,5	1,8	0,0	5,9	1,4	0,2

*Мир. – корпус мировых судей; **ЧЮ – занятые в сфере частной юридической деятельности.

Процессы профессионализации корпуса мировых судей Юго-Западного края наглядно отражают данные, приведенные в [Таблице 7](#).

Таблица 7. Динамика состава корпуса мировых судей Юго-Западного края по критерию полученного образования, % (источники данных – см. [Таблицы 1, 2](#))

Губернии и Край в целом	Год	Высшее юридическое Образование в университетах региона (Юго-Западный край, Малороссия, Слободская Украина, Новороссия)				Неюридическое образование в университетах региона	Высшее юридическое образование в других университетах и высших учебных заведениях	Начальное, среднее и высшее Образование в учебных заведениях неюридического профиля				Не обучался в учебном заведении или нет данных	ИТОГО
		Университет Святого Владимира (Киев)	Новороссийский университет (Одесса)*	Харьковский университет	Лицей Князя Безбородко (Нежин)			Высшие гражданские учебные заведения неюридического профиля	Кадетские и пажецкие корпуса, военные учебные заведения	Духовные академии и семинарии	Училища, гимназии, лицеи		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
Киевская	1872	29	5	7	7	0	17	3	12	0	14	7	100
	1880	24	7	5	7	0	24	3	15	0	12	3	100
	1890	25	7	2	13	5	30	5	7	2	5	2	100
	1900	52	3	2	3	3	26	0	5	0	8	0	100
	1910	65	4	1	3	0	21	3	0	0	3	0	100
	1913	65	7	3	1	0	17	1	0	1	4	0	100
Волынская	1872	24	6	8	4	0	16	4	14	6	8	8	100
	1880	21	4	6	4	0	38	2	4	4	9	6	100
	1890	17	6	4	11	2	23	4	11	11	11	0	100
	1900	39	2	5	7	0	28	4	4	5	7	0	100
	1910	70	0	5	2	0	14	0	2	2	5	0	100
	1913	74	2	4	0	0	13	0	2	2	4	0	100
Подольская	1872	21	6	4	13	0	30	0	13	6	6	2	100
	1880	20	2	2	4	0	43	2	10	10	8	0	100
	1890	16	7	4	11	2	36	7	7	7	2	0	100
	1900	24	19	9	4	2	35	0	4	2	2	0	100

	1910	25	27	4	4	0	38	0	0	2	0	0	100
	1913	22	35	2	0	0	41	0	0	0	0	0	100
Юго-Западный край в целом	1872	25	6	6	8	0	21	2	13	4	9	6	100
	1880	22	4	4	5	0	34	3	10	4	10	3	100
	1890	20	7	3	12	3	30	6	8	6	6	1	100
	1900	39	7	5	5	2	29	1	4	2	5	0	100
	1910	55	9	3	3	0	24	1	1	1	3	0	100
	1913	54	14	3	1	0	23	1	1	1	3	0	100

* Включая Ришельевский лицей, на базе которого в 1865 г. создан Императорский Новороссийский университет (Одесса).

В период с 1872 по 1913 гг. доля лиц с высшим юридическим образованием (сумма данных в колонках III–VI и VIII таблицы 7) среди мировых судей Юго-Западного края выросла с 66 до 95 %. При этом юридическое образование в учебных заведениях украинских регионов (университеты в Киеве, Одессе, Харькове и лицей в Нежине) в 1872 г. получили 51 %, а в 1913 г. – 72 % мировых судей Юго-Западного края. В Киевской губернии эта доля выросла с 48 до 76 %, Волынской – с 42 до 80 %, Подольской – с 44 до 59 %.

Более чем в два раза за этот период выросла среди мировых судей Юго-Западного края доля выпускников юридического факультета Киевского университета Св. Владимира (колонка III) – с 25 до 54 %. В Киевской и Волынской губерниях, входящих в округ Киевской судебной палаты, доля выпускников этого университета среди мировых судей выросла более чем в 2 и 3 раза соответственно: с 29 до 65 % и с 24 до 74 %. В Подольской губернии, которая входила в округ Одесской судебной палаты, доля среди мировых судей выпускников юридического факультета Новороссийского университета в Одессе (колонка IV) выросла с 6 до 35 %. Доля выпускников юридического факультета Св. Владимира оставалась здесь достаточно высокой и относительно неизменной – 21 и 22 % соответственно.

Оставалась относительно стабильной (в 1872 г. – 21 %, в 1913 – 23 %) общая доля мировых судей Юго-Западного края, получивших юридическое образование в высших учебных заведениях других регионов империи (Московский, Санкт-Петербургский, Казанский и др. университеты, Демидовский юридический лицей и др.). Выявленное существенное увеличение в Юго-Западном крае доли выпускников юридических факультетов университетов Киева и Одессы происходило не столько за счет доли выпускников юридических факультетов других университетов, сколько за счет уменьшения доли среди мировых судей лиц, не имевших высшего юридического или иного высшего образования.

Изучение конкретных судебных карьер наглядно показывает действие институциональных механизмов, которые приводили к регионализации профессиональных кадров мировой юстиции. После окончания юридических факультетов Киевского или Одесского университетов дипломированные выпускники получали, как правило, должность кандидата на судебные места при судебных палатах, окружных судах и мировых съездах Киевского или Одесского судебных округов. В течение нескольких лет кандидаты командировались на короткие сроки на разные должности – секретарей и их помощников при департаментах и судах, судебных следователей, нотариусов и пр. Переход с должности на должность происходил в рамках судебных округов. Тем самым будущие мировые судьи знакомились одновременно и со спецификой судебно-юридической работы, и с особенностями населения региона. После успешного прохождения этой практики кандидаты объявлялись готовыми для самостоятельной судебной работы и отправлялись в тот или иной мировой округ для замещения вакансий. В дальнейшем перемещения между отдельными мировыми округами происходили, как правило, также в рамках соответствующих округов судебных палат – Киевской и Одесской. Контроль над назначением судей осуществлял преимущественно старший председатель судебной палаты. Все это способствовало пополнению, циркуляции и стабилизации мирового судебного корпуса преимущественно в рамках региона.

Для иллюстрации выявленных тенденций приведем несколько примеров конкретных судебных карьер мировых судей, выходцев в основном из низших сословий.

Дмитрий Федорович Подоляка, родившийся в 1846 г., происходил из малороссийских казаков. После окончания в 1872 г. университета Св. Владимира он в течение четырех лет работал на разных временных позициях при Киевской судебной палате. Характерно, что в 1874 г. Подоляка отказался от предложенной ему министерством должности мирового судьи в Кутаисской губернии, предпочтя оставаться на более низкой позиции в своем регионе. В 1876 г. он ходатайствовал о назначении его мировым судьей в Киевской губернии, «вблизи моей родины». Киевский прокурор поддержал ходатайство, полагая, что «назначение его мировым судьей Западного края может быть сделано с несомненной пользой». В 1876 г. Подоляка был назначен участковым мировым судьей в Радомысльском уезде Киевской губернии. На этой должности он проработал 20 лет, в 1896 г. был переведен на аналогичную позицию в Бердичевский уезд Киевской губернии. В 1905 г. уже очень

опытный судья Подоляка был повышен в статусе, получив место председателя Бердичевского съезда мировых судей. В 1906 г. он был переведен в Житомирский уезд Волынской губернии, где до 1913 г. исполнял обязанности участкового мирового судьи и председателя съезда. В 1914 г. он был вновь переведен в Киевскую губернию, где в течение года прослужил в должности председателя мирового съезда. После увольнения в 1914 г. в отставку по возрасту он получил статус почетного мирового судьи в Радомысльском уезде – там, где начинал свою судейскую карьеру (РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 10351).

Сергей Антонович Храновский, родившийся в 1875 г. и происходивший из крестьян Балтского уезда Подольской губернии, в 1899 г. закончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве, после окончания университета должность кандидата на судебные должности, Храновский в течение 5 лет назначался на короткие сроки на различные низшие служебные позиции при Одесской судебной палате. В 1904 г. он был мировым судьей в своем родном Балтском округе, где и прослужил до революции 1917 г. При этом назначение судьей непосредственно в своей родной местности имело в случае Храновского определенные негативные последствия. Он был обвинен несколькими местными жителями в тенденциозности при вынесении решений в пользу своих родственников (РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14313).

Филипп Антонович Прокопович родился в 1874 г. в Житомире в семье мещанина. После окончания в 1898 г. юридического факультета университета Св. Владимира он 6 лет работал на разных низших должностях при Киевской судебной палате и окружном суде. Пройдя необходимую практическую подготовку, в 1905 г. Прокопович получил постоянное место мирового судьи в Заславо-Острожском мировом округе в Волынской губернии. В 1911 г. Прокопович ходатайствовал перед министерством о назначении членом окружного суда. Прокурор Киевской судебной палаты дал ему положительную характеристику, отметив, что Прокопович – один из выдающихся мировых судей, отличающийся отличным знанием законов и сенатской практики, умением быстро разбираться в судебном материале. Его приговоры «лишены политической окраски». Отмечалось также, что Прокопович – «примерный семьянин, верный сын православной церкви, чужд полонофильских тенденций, состоит братчиком-хозяином и членом совета Острожского Свято-Кирилло-Мефодиевского православного братства, жена и родственники все православные, досуг проводит за чтением статей юридического содержания и научных сочинений». Тем не менее просимой вакансии не было, и Прокопович вплоть до революции прослужил в том же мировом округе участковым мировым судьей (РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 10830).

Николай Дмитриевич Шахнюк, происходящий из крестьян Острожского уезда Волынской губернии, в 1896 г. окончил юридический факультет университета Св. Владимира. Прослужив несколько лет на временных низших должностях при Киевской судебной палате и Киевском окружном суде, в 1903 он стал мировым судьей в Черкасском уезде Киевской губернии, где и служил до конца имперского периода (РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14851).

Выходец из крестьян Житомирского уезда Варфоломей Иванович Пухкий, хотя высшее юридическое образование получил в Санкт-Петербургском университете, его судебная карьера проходила в родной губернии. После нескольких лет службы при судебной палате и окружном суде в Киеве он в 1909 г. получил должность мирового судьи в Овручском уезде Волынской губернии, которую и занимал до конца империи (РГИА. Ф. 1405. Оп. 524. Д. 2455).

Характерно, что судьи рассматриваемого региона, желая сменить по личным или служебным основаниям мировой округ или получить повышение в виде должности члена окружного суда, ходатайствовали перед министерством, как правило, о назначении в географических рамках юго-западных, малороссийских или новороссийских губерний. От предложений со стороны министерства о переводе в другие регионы империи они обычно отказывались (РГИА. Ф. 1405. Оп. 522. Д. 1414; РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3157; РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 12471; РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 15676).

Среди судей местного происхождения – украинцев – выделялись люди «старой закалки». Основным преимуществом этой категории судей было не столько строгое знание законов и юридической техники, сколько прекрасное знакомство с местным населением, по большей части украинским. Нередко они не имели специального юридического образования (Качиони, 1916: 222-225). Но доля таких судей-непрофессионалов патриархального типа из числа региональной дворянской элиты постепенно уменьшалась. Статистические данные и приведенные примеры служебных карьер характеризует постепенно растущий поток судейских кадров нового поколения – выходцев из средних и низших сословий украинских губерний, украинцев по происхождению, получивших профессиональное юридическое образование в университетах региона (реже – в других). Обладая юридическими знаниями, они в то же время, как уроженцы украинских губерний, не испытывали проблем с языковым барьером, хорошо знали местные хозяйственные и социальные условия и обычаи.

Одновременно идущие процессы профессионализации, демократизации и коренизации мировой юстиции выражались, в частности, в росте ее востребованности широкими массами населения. В таблице 8 отражен рост количества обращений с гражданскими исками (количество исков в расчете на 1 тыс. человек) в мировые суды юго-западных губерний.

Таблица 8. Динамика количества поступивших в мировые суды юго-западных губерний гражданских дел (1885–1913 гг.), на тыс. чел. (Верняев, 2021: 101-104)

Губерния	1885 год	1897 год	1909 год	1913 год
Киевская	13,1	16,7	24,5	28,9
Волынская	14,1	14,5	18,4	20,2
Подольская	11,5	13,0	15,4	17,2

За полтора десятилетия – с 1897 по 1913 гг. – прирост судебной активности в части гражданских исков в расчете на 1 тыс. чел. в юго-западных губерниях составил 45 % (в Киевской губернии – 73 %, в Волынской – 39,3 %, в Подольской – 32,3 %). При этом прирост доли городского населения за этот же период составил в юго-западных губерниях в целом 10,4 % (с 9,6 % в 1897 г. до 10,6 % в 1913 г.) (Верняев, 2021: 105). Опережающий прирост судебной активности в сравнении с приростом доли городского населения может свидетельствовать о все большем обращении в мировые суды с гражданскими исками сельского населения. Подтверждение этому находим как в оценочных суждениях судебных деятелей и судебной периодики того времени, так и в материалах ревизий судебного ведомства. Осуществленные в 1895 г. в специальных юридических и общих изданиях анализ результатов 25-летней деятельности мировой юстиции в Западном крае и ревизия ее текущей работы показали существенные достижения. Констатировалось, что среди других пореформенных судебных учреждений мировой суд занимает «почетное положение» как «близкий к народу защитник правды». Отмечалось, что редко встретишь «такую лояльность простого народа и подчинение суду, как здесь, и обратно – недоверие к другим составам власти». Обращалось внимание на то, что мировые судьи здесь назначаются из лиц с высшим юридическим образованием, профессионально подготовленных для службы в судебном ведомстве. Они, как правило, по многу лет служили в своем участке – соответственно были хорошо знакомы с местными условиями (Верняев, 2021: 106-108).

По данным проверки деятельности мировых судов Волынской губ. в 1895 г., ревизор Меркулов отмечал, что в ряде местностей именно судебная власть являлась основной и при этом очень востребованной. Особенно это относилось к тем сельским территориям (как, например, в Овручском уезде), где находились многочисленные поселения мещан, которые занимались сельским хозяйством и владели землей на праве частной собственности, принадлежавшей при этом «не отдельным лицам, а целым обществам». Поскольку это были мещане, у них, в отличие от крестьян, не было своего сословного суда, и огромное количество споров разрешалось в мировом суде. Особенно много исков было по поземельным вопросам: «сервитуты, общая толока, лесные покосы крестьян среди помещичьего леса, закрепление по документам права собственности одной из сторон без указания в натуре, где и что принадлежит одному, а где – другому – все это вызывает частые споры, правонарушения, а иногда и прискорбные столкновения». Мировая юстиция была также особенно востребована у такой многочисленной на Волыни категории крестьян, как чиншевики. Кроме того, отмечал ревизор, многочисленные в Волынской губернии европейские колонисты – «чехи и немцы в числе более 120 тыс. душ, пришедшие сюда со своим жизненным укладом», – также давали немало судебных дел мировой юстиции.

По наблюдению ревизора Меркулова, население обращалось к мировому судье даже с самыми мелкими исками и жалобами: «Так, встречались дела, в которых истец обращался к судье о взыскании с ответчика 70–80 копеек; немало дел у судей, которые по ценности не превышают 10 рублей, самые ничтожные проступки побуждают население обращаться к судье и искать у него защиты от правонарушений». Для крестьян общегражданский мировой суд нередко был привлекательнее своего волостного: «Замечено, что крестьяне иногда определяют цену иска более 100 руб. для того только, чтобы их разобрал не волостной суд, а мировой судья». Состоятельные люди также находили возможность манипулировать подсудностью, переводя ее из окружного суда в мировой. Ревизор отмечает активность не только тяжущихся, но и свидетелей: «...громадное большинство дел мировых установлений, как уголовных, так и гражданских, разрешается на основании свидетельских показаний; свидетели охотно являются на суд, иногда по несколько раз, не возбуждая вопроса о вознаграждении их за путевые издержки и отвлечение от занятий, хотя нередко случаи явки их в камеру судьи из таких местностей, расстояние коих давало бы им по закону право на вознаграждение». Благоприятные отзывы о мировом суде были получены от представителей разных категорий населения. По итогам проверки ревизор резюмировал, что «быть на Волыни судьей далеко не легко, и тем не менее ближайшее знакомство мое с рассмотренными мною судебно-мировыми кругами привело меня к выводу, что мировой институт в здешней местности в общем исполняет возложенную на него функцию добросовестно, что население не только к нему привыкло, но относится с подлежащим доверием и уважением и в случае даже ничтожного правонарушения ищет иногда защиты своих прав у мировых судей» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 70: 1-206.).

5. Заключение

Состав корпуса мировых судей в Юго-Западном крае существенно демократизировался: доля элитных сословных страт существенно сократилась, увеличилась доля представителей средних и низших слоев. К 1913 г. около четверти всех мировых судей были выходцами из крестьян, мещан, казаков, низших служащих и т.п. Расширение доступа в университеты, получение высшего юридического образования позволяли представителям этих слоев общества во все большем числе претендовать на должности мировых судей и получать их.

К концу империи корпус мировых судей стал почти полностью профессиональным, вакансии заполнялись почти исключительно лицами с высшим юридическим образованием. При этом выявлена яркая тенденция регионализации профессиональных кадров мировой юстиции. Во все большей степени этот судейский корпус заполняли профессионалы-юристы, закончившие основные региональные высшие учебные заведения региона, прежде всего Киевский университет Св. Владимира и в меньшей степени одесский Новороссийский университет (был значим, главным образом, для Подольской губернии).

Исследование динамики этнического состава корпуса мировых судей показало, что до 1890-х гг. доля украинцев в целом несколько снижалась. Это прослеживалось по всем трем юго-западным губерниям. Но с 1890-х гг. и до конца империи наблюдалось существенное увеличение доли украинцев среди мировых судей региона. В Киевской и Волынской губерниях к 1913 г. она достигла 3/5 всего состава, по региону в целом – более половины. Это было примерно на треть ниже уровня представительства украинцев среди всего населения в целом, но существенно выше уровня представительства среди городского населения и лиц, имеющих образование выше начального.

Снижение доли украинцев в 1870-е – 1880-е гг. очевидным образом связано с усилением квалификационных требований к судьям, преимущественным заполнением вакансий лицами с высшим юридическим образованием. В эти годы местных кадров соответствующего уровня не хватало. Но затем, с 1890-х гг., региональные университеты выпускали все больше юристов, являющихся уроженцами украинских губерний. Среди них было все больше выходцев из средних и низших сословных групп города и деревни. Проанализированные статистические и описательные данные наглядно показывают, что с конца XIX в. одновременно усиливались процессы демократизации состава судей, увеличивалась доля профессионалов-юристов – выпускников региональных вузов, увеличивалась доля украинцев – выходцев из украинских лево-, правобережных и новороссийских губерний. Отсюда можно сделать вывод о складывании к началу XX в. регионального корпуса профессиональных мировых судей, стабилизации его состава в рамках региона (понимая под регионом все украинские губернии). Судейский корпус во все большей степени сочетал профессиональную и региональную идентичность. Профессиональные коммуникации сочетались с привязанностью к региону, хорошим знанием региональных и местных реалий. Это в свою очередь отражалось на росте востребованности, в том числе городским и сельским простонародьем мировой юстиции как ближайшего и доступного общегражданского суда.

Доступ к судейским должностям был закрыт для крупнейших меньшинств региона – евреев-иудеев и поляков-католиков. Частичной компенсацией этого была активность евреев в качестве частных поверенных, в том числе в качестве адвокатов при мировых съездах. Поляки, кроме активности на адвокатском поприще, могли также занимать места почетных мировых судей и низших служащих при судах. В этом качестве представители польского населения развивали, как правило, значительную активность. Многие из них, как местные уроженцы, знатоки округа и его населения, а также люди с хорошим образованием, оказывали позитивное влияние на местную мировую юстицию. На отмеченных доступных позициях евреи и поляки вносили существенный вклад в процессы взаимной адаптации мировой юстиции и этноконфессиональных сообществ региона.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00353. Выражаю благодарность Г.Ш. Григоряну за консультацию по реконструкции этнического состава на основании антропоники.

Литература

Верняев, 2021 – Верняев И.И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб., 2021. 396 с.

Захарьин, 1900 – Захарьин И.Н. Жизнь, служба и приключения мирового судьи. Из записок и воспоминаний. СПб., 1900. 445 с.

Качиони, 1916 – Качиони С.А. Силуэты прошлого: судебно-бытовые очерки // *Голос минувшего*. № 5–6. М., 1916. С. 189–234.

Кузьмин, 2018 – Кузьмин А.Д. Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. // *Вестник Полоцкого университета. Серия А «Гуманитарные науки»*. 2018. № 1. С. 81–88.

- Миронов, 2021 – Миронов Б.Н. Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11. № 1. С. 149-173.
- Модзалевский, 1908–1914 – Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 1–4. Киев, 1908–1914.
- П.П., 1883 – П.П. О почетных мировых судьях в Северо-Западном крае // *Русь*. 1883. № 8. С. 61-63.
- Панченко, 2013 – Панченко В.С. Мировой судья в Российской империи: профессиональные и личностные характеристики (на примере Волынской губернии) // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2013. № 2 (6). С. 110-119.
- Первая Всеобщая перепись. Т. 16, 1904 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 16. Киевская губерния. СПб., 1904. 288 с.
- Первая Всеобщая перепись. Т. 32, 1904 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 32. Подольская губерния. СПб., 1904. 286 с.
- Первая Всеобщая перепись. Т. 8, 1904 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 8. Волынская губерния. СПб., 1904. 282 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Редько, 1966 – Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966. 216 с.
- Список чинам, 1872 – Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1872 г. Ч. 2. СПб., 1872.
- Список чинам, 1880 – Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1880 г. Ч. 3. СПб., 1880.
- Список чинам, 1890 – Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1890 г. СПб., 1890.
- Список чинам, 1900 – Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1900 г. СПб., 1900.
- Список чинам, 1910 – Список чинам Министерства юстиции за 1910 г. СПб., 1910.
- Список чинам, 1913 – Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1913 г. СПб., 1913.
- Унбегаун, 1989 – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989. 440 с.
- Щербина, 1974 – Щербина П.Ф. Судебная реформа 1864 года на Правобережной Украине. Львов, 1974. 240 с.
- Mironov, 2020 – Mironov B.N. Ethnopolitical Discrimination in the late Imperial and Early Soviet Periods // *Bylye gody*. 58(4): 2798-2808.
- Velychenko, 1995 – Velychenko S. Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *The Russian Review*. 54(2): 188-208.

References

- Kachioni, 1916 – Kachioni, S.A. (1916) Siluety proshlogo: sudebno-bytovye ocherki [Outlines of the past: judicial essays]. *Golos minuvshogo*. 5–6: 189-234. [in Russian]
- Kuz'min, 2018 – Kuz'min, A.D. (2018). Konfessional'nyi i natsional'nyi sostav chinovnichestva belorusskikh gubernii v 1864–1914 gg. [Professional and national composition of the officialdom of the Belarusian provinces in 1864–1914]. *Vestnik Polotskogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 1: 81-88. [in Russian]
- Mironov, 2020 – Mironov, B.N. (2020). Ethnopolitical Discrimination in the late Imperial and Early Soviet Periods. *Bylye gody*. 58(4): 2798-2808.
- Mironov, 2021 – Mironov, B.N. (2021). Etnicheskaya diskriminatsiya pri formirovanii organov gosudarstvennoi vlasti SSSR [Ethnic Discrimination in the Formation of State Bodies of the USSR]. *Modern History of Russia*. 11 (1): 149-173. [in Russian]
- Modzalevskii, 1908–1914 – Modzalevskii, V.L. (1908–1914). Malorossiiskii rodoslovnik [Little Russian Genealogical Directory]. Vol. 1–4. Kiiiv. [in Russian]
- P.P., 1883 – P.P. (1883) O pochetnykh mirovykh sud'yakh v Severo-Zapadnom krae [On Honorary Justices of the Peace in the north-western provinces]. *Rus'*. 8: 61–63. [in Russian]
- Panchenko, 2013 – Panchenko, V.S. (2013) Mirovoi sud'ya v Rossiiskoi imperii: professional'nye i lichnostnye kharakteristiki (na primere Volynskoi gubernii) [Justice of the Peace in the Russian Empire: professional and personal characteristics (by the example of Volynsky province)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(6): 110-119. [in Russian]
- Pervaya Vseobshchaya perepis'. Т. 32, 1904 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Т. 32. Podol'skaya guberniya [The First General Census of the Russian Empire, 1897 Vol. 32. Podolsk province]. Petersburg, 1904. 286 p. [in Russian]
- Pervaya Vseobshchaya perepis'. Т. 8, 1904 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Т. 8. Volynskaya guberniya [The First General Census of the Russian Empire, 1897 Vol. 8. Volyn province]. Petersburg, 1904. 282 p. [in Russian]
- Pervaya Vseobshchaya perepis'. Vol. 16, 1904 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Т. 16. Kievskaya guberniya [The First General Census of the Russian Empire, 1897 Vol. 16. Kiev province]. Petersburg, 1904. 288 p. [in Russian]
- Red'ko, 1966 – Red'ko, Yu.K. (1966) Suchasni ukraïns'ki prizmishcha [Modern Ukrainian surnames]. Kiev. 216 p. [in Ukrainian]
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

- [Shcherbina, 1974](#) – *Shcherbina, P.F.* (1974). Sudebnaya reforma 1864 goda na Pravoberezhnoi Ukraine [Judicial reform of 1864 in Right-Bank Ukraine]. L'vov. 240 p. [in Russian]
- [Spisok chinam, 1872](#) – Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii za 1872 g. Ch. 2 [List of Ministry of Justice officials. 1872. Part 2]. Petersburg, 1872. [in Russian]
- [Spisok chinam, 1880](#) – Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii za 1880 g. Ch. 3 [List of Ministry of Justice officials. Part 3]. Petersburg, 1880. [in Russian]
- [Spisok chinam, 1890](#) – Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii za 1890 g. [List of Ministry of Justice officials. 1890]. Petersburg, 1890. [in Russian]
- [Spisok chinam, 1900](#) – Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii za 1900 g. [List of Ministry of Justice officials. 1900]. Petersburg, 1900. [in Russian]
- [Spisok chinam, 1910](#) – Spisok chinam Ministerstva yustitsii za 1910 g. [List of Ministry of Justice officials. 1910]. Petersburg, 1910. [in Russian]
- [Spisok chinam, 1913](#) – Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii za 1913 g. [List of Ministry of Justice officials. 1913]. Petersburg, 1913. [in Russian]
- [Unbegaun, 1989](#) – *Unbegaun, B.O.* (1989) Russkie familii [Russian surnames]. Moscow. 440 p. [in Russian]
- [Velychenko, 1995](#) – *Velychenko, S.* (1995). Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? *The Russian Review*. 54(2): 188-208.
- [Vernyaev, 2021](#) – *Vernyaev, I.I.* (2021). Istoricheskaya dinamika sudebno-pravovoi integratsii Rossiiskoi imperii [Historical dynamics of judicial and legal integration of the Russian Empire]. Petersburg. 396 p. [in Russian]
- [Zakhar'in, 1900](#) – *Zakhar'in, I.N.* (1900). Zhizn', sluzhba i priklucheniya mirovogo sud'i. Iz zapisok i vospominanii [Life, service, and adventures of the Justice of the Peace. Notes and memoirs]. Petersburg. 445 p. [in Russian]

Профессионализация, демократизация и «коренизация» корпуса мировых судей Юго-Западного края в позднеимперской России

Игорь Иванович Верняев ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В губерниях Юго-Западного края (Киевская, Волынская, Подольская) мировой суд просуществовал 45 лет с 1872 г. до конца империи. Одним из основных факторов функционирования мировой юстиции был полиэтноконфессиональный характер края. В таком контексте имперский центр ввел систему назначения мировых судей, ограничил доступ к этим должностям католикам и закрыл иудеям. Кадровое обеспечение мировой юстиции стало особым вызовом для судебного ведомства. Судьи должны были одновременно соответствовать ряду значимых критериев: быть профессионалами, обладать знанием специфики края, сохранять лояльность имперскому центру. Динамика основных характеристик профессионального корпуса мирового суда исследована на большом объеме статистических и нарративных материалов. Сочетание статистической обработки данных и анализа описательных источников позволило сделать вывод о том, что в конце XIX – начале XX вв. происходило три взаимосвязанных процесса: 1) судейский корпус мировой юстиции становился все более демократическим по составу, в нем появлялось все больше выходцев из средних и низших сословных групп города и деревни; одновременно резко сокращалась доля выходцев из дворянства; 2) судейский корпус становился все более профессиональным, к 1913 г. подавляющее большинство судей имело высшее юридическое образование, большинство из них получили образование в региональных университетах; 3) с 1890-х гг. происходило увеличение доли украинцев по происхождению среди мировых судей, шел интенсивный процесс коренизации судейского корпуса. К началу XX в. сформировался корпус судей-профессионалов, тесно связанных в личном, образовательном и карьерном отношении с регионом (в широком смысле, включая все украинские губернии). В статье выявлены факторы и механизмы изменений и их результаты.

Ключевые слова: Российская империя, Юго-Западный край, мировой суд, изменения сословного, образовательного, конфессионального и этнического состава судейского корпуса, коренизация и профессионализация судебной сферы.

* Корреспондирующий автор

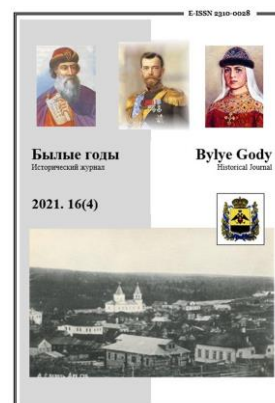
Адреса электронной почты: i.verniaev@spbu.ru (И.И. Верняев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1849-1856
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1849

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Text Analysis of the Yenisei Provincial Administrations and the Yenisei Provincial Court documents about officials' abuse in Siberia in the second half of the 19th century

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Galina M. Lushchayeva ^a, Oleg G. Alekseev ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the facts of the abuse of office by local government officials in Siberia. The article talks about the officials of the Yenisei province, who committed malfeasance in the second half of the 19th century. The source base of the study is documents from 1860 to 1890s. These are documents of the Yenisei Provincial Court and the Yenisei General Provincial Administration. These historical sources are kept in funds No. 141 and No. 545 of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory (Krasnoyarsk). Content analysis of the text of archival documents is the main research method. We obtained the results of the study by analyzing administrative and statistical documents, form lists (personal files of officials). These documents contain hidden and explicit information. Content analysis makes it possible to establish the facts of crimes of local officials of the Yenisei province. The most common crimes are the theft of papers, things from public places, violation of seals, abuse of power, illegal actions of officials in the storage and management of property entrusted to them in the service, forgery at work, injustice, bribes. Punishment for these crimes was carried out according to the norms from the fifth section "On crimes and misdemeanors in the service of the state and public" of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1866. Surveys of the Yenisei province and official statistics indicate a small number of malfeasance – only 1.4–2.5% among others in the province. The biographical data of specific officials cited in the article paint an average portrait of a local civil servant of the district and provincial levels of government brought to justice. However, on the example of one of the criminal cases of the 1860s it has been proven that not all officials were responsible. It was the murder of the treasurer of the Yenisei provincial government and the theft of a sum of 8,085 rubles. 88 ¼ kopeck High-ranking officials in Siberia could avoid punishment for malfeasance in the Russian Empire.

Keywords: officialdom, civil servants, bribery, official crimes, abuse of office, content analysis, provincial court, general provincial administration, Yenisei province, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Вторая половина XIX в. в истории Российской империи – сложный и противоречивый этап, но достаточно хорошо представленный в материалах фондов государственных и муниципальных архивов. В исторической науке доказано, что документы официального делопроизводства органов государственной власти всегда несут в себе явную и скрытую информацию (Ковальченко, 2003: 132-137). Метод формализованного анализа текста уже на протяжении более полувека рассматривается как один из способов повышения информационной отдачи исторического источника. Контент-анализ, приобретший популярность в последнее время у историков, позволяет комбинировать качественные и количественные подходы в анализе текста исторического документа, извлекать из всего разнообразия имеющейся в нем информации специально интересующие

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

исследователя вопросы. Одной из тем рассмотрения в подобной форме архивных документов официального делопроизводства может стать история чиновничества.

Цель статьи – установить факты должностных злоупотреблений местных государственных служащих в Енисейской губернии во второй половине XIX в., используя контент-анализ как метод исследования.

Территориальные рамки работы определены в границах Енисейской губернии – крупнейшей административно-территориальной единицы Восточной Сибири, «простиравшейся до 2 259 562,3 квадратных верст или 46 699,82 квадратных миль», уступавшей по площади в Российской империи только Якутской области (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 5, 13, 14, 20).

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена документами официального делопроизводства Енисейского губернского суда и Енисейского общего губернского управления (далее также – ЕОГУ), хранящимися в одноименных фондах № 141 и № 545 Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Подвергшиеся контент-анализу документы Енисейского губернского суда позволили увидеть подробное содержание дел, участниками которых были местные чиновники (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 1-297).

Распорядительные, статистические документы и документы по личному составу ЕОГУ дали возможность установить посредством контент-анализа закономерности в деятельности данного главного учреждения губернского уровня власти в процессе выявления и внутреннего расследования должностных преступлений:

«Дело ЕОГУ по обвинению чиновников в незаконных действиях по службе за 1889 г.», содержащее справки о чиновниках, привлекаемых к ответственности за упущения по службе (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3162);

«Дело ЕОГУ по обвинению коллежского регистратора Поротова в должностном преступлении за 1891–1892 гг.», включающем в себя выписки из журнала Енисейского губернского совета, относящиеся к вопросам, рассмотренным в деле, а также рапорт Ачинского полицейского окружного управления с подробным описанием совершенного преступления (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3680);

«Дело ЕОГУ об аресте чиновников Енисейской губернии за разные проступки, 1892 г.» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4217).

Среди документов статистического и оперативного учета и отчетности рассмотрены «Обзоры Енисейской губернии за 1882 и 1883 г., хранящиеся в фонде №31 «Енисейский губернский статистический комитет» (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 41, 50), а также «Статистические сведения для составления отчета за 1893 г.» (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 162. Т. 1). Данного вида внешняя и внутренняя документация содержит «ведомости о числе и роде преступлений» по Енисейской губернии и ее округам за указанные годы.

Самостоятельное значение для исследования данной темы имеют документы по личному составу – формулярные списки (аттестаты) и личные дела чиновников (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 116. Л. 5-7; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 68. Л. 106.-2). Они содержат биографические данные и информацию об имевшихся случаях незаконных действий по службе, что позволяет представить портрет среднестатистического чиновника местного органа власти Енисейской губернии 1870–1890-х гг., совершившего противозаконные действия по должности.

Методологическая основа работы предполагает использование общенаучных методов познания (анализ, синтез, сравнение) и специально-исторических (проблемно-хронологический, ретроспективный). Определяющим методом информационного анализа текстов архивных документов был выбран контент-анализ. Использование данного метода работы с историческими источниками позволило извлечь из всего разнообразия сведений необходимые данные, характеризующие положение дел с наличием должностных преступлений местных чиновников Енисейской губернии во второй половине XIX в.

3. Обсуждение

История чиновничества как предмет исследования представляет интерес для многих историков современности (Gentes, 2003; Bloch, 2005; Друзяка, Дударенок, 2018; Чуб, 2018; Плекс, 2019; Degtyarev et al., 2020). В последние годы появилось много научных работ, в содержании которых присутствует информация о деятельности местных органов государственной власти в Сибири и непосредственно их служащих, занимавших важные должности (Дамешек, Дамешек, 2019; Жулаева и др., 2019; Карчаева, 2019; Матханова, 2020; Anisimova et al., 2018; Vititneva et al., 2020; Gryaznukhin et al., 2020; Karchaeva et al., 2018; Karchaeva et al., 2019). Наличие должностных преступлений и проступков в работе органов государственной власти на местном уровне – актуальный вопрос для научного сообщества и широкой общественности (Дамешек, Дамешек, 2020: 103-107; Молнева, 2008; Писарькова, 2002; Dyatlov, Dyatlova, 2020: 624; Maljutina et al., 2019: 1430; Lyubichankovskiy, 2020: 728-230). Деятельность правительственных структур по борьбе с упущениями по службе на примере Енисейской губернии в

дореволюционный период российской истории может быть рассмотрена для проведения исторических параллелей с современностью.

4. Результаты

4.1. Статистика совершенных незаконных действий по службе

Либеральные реформы Александра II, так сильно изменившие российское общество после 1860-х гг., в Сибири введены не были. Сибирское чиновничество, реализовавшее идеи центральной власти на местах, представляло собой совсем «узкий» слой общества, отделенный от основного населения высоким сословным положением, уровнем культуры и образования, более высоким доходом, возможностью иметь досуг и отдых. Разумеется, привилегированное положение государственных служащих и понимание ими своего «важного» положения вызывало случаи должностных злоупотреблений.

Анализ статистических данных по Енисейской губернии за 1880–1890-е гг. показал, что наиболее распространены правонарушения местных чиновников по государственной и общественной службе были действия или бездействия, описанные в пятом разделе «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.

В «Обзорах Енисейской губернии» за 1882, 1883 гг. (раздел «Народная нравственность»), а также в числе статистических сведений, собранных для составления всеподданнейшего отчета губернатора Енисейской губернии в Министерство внутренних дел за 1893 г., присутствуют данные о числе осужденных по сословиям и количестве преступлений и проступков, совершенных «по службе государственной и общественной» (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 26-29; Д. 162. Т. 1. Л. 30 об.-31). Как известно, в Сибири существовали послабления в доступе на государственную службу и выходцы из непривилегированных сословий присутствовали на должностях среднего и низшего рангов (Карчаева, 2017: 242, 248).

Так, в 1881 г. в Енисейской губернии были установлены факты совершения 962 преступлений, по которым были осуждены 2 049 чел., в 1882 г. выявлено 1 026 преступлений, осуждено по ним 1 914 чел. Доля преступлений и проступков по государственной и гражданской службе была совсем невелика: в 1881 г. – 24 преступления (2,5 %), в 1882 г. – 13 преступлений (1,4 %). В совершении неправомερных действий по государственной и общественной службе в 1881 г. судебные наказания с записью в формулярный список получили 37 чел. (дворяне – 20 чел., крестьяне – 16 чел., мещане – 1 чел.), за 1882 г. подобных статистических сведений в отчете не представлено (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 26-27, 43 об.-44). В 1893 г. ведомость о числе и роде преступлений по округам Енисейской губернии свидетельствует о восьми раскрытых случаях нарушения закона в Красноярском округе, среди них четыре – это растрата казенных средств, один – оскорбление, три – потеря служебных бумаг (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 162. Т. 1. Л. 30 об.-31). Процент преступлений чиновников по государственной и общественной службе был все-таки совсем небольшим пропорционально населению губернии. Так, жителей всех сословий в Енисейской губернии, по данным на 1 января 1882 г., было 421 010 душ обоего пола, в 1883 г. – 424 347 (в сравнении с минувшим годом больше на 3 337 чел.), по данным на 1 января 1884 г., – 429 592 души обоего пола (больше на 5 245 чел.) (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 13-14, 20).

4.2. Осужденные чиновники за совершенные упущения по службе

Анализ формулярных списков и официальных документов Енисейского общего губернского управления дал общее представление о должностных лицах, понесших официальное наказание. Например, в 1889 г. выявлено 14 чел., из которых 8 были служащими полиции:

- секретарь Ачинской полиции Лясота и столоначальник того же управления Осипов, преданные суду (Енисейскому губернскому суду) по делу об утрате переписки о незаконной продаже крестьянином Субачевым товаров, то есть по обвинению в таком преступном действии, как «принятие должностным лицом денег или вещей от имени сельского общества», предусмотренном ст. 411 («...важные упущения от нерадения или медленности»);

- земский заседатель первого участка Енисейского округа Кузнецов, осужденный решением Енисейского губернского суда по ст. 411 («...важные упущения от нерадения или медленности») и по п. 6 ст. 416 («...за не высылку с первой почтой из присутственного места дел и бумаг, следующие к немедленному отправлению»);

- бывший помощник Енисейского полицейского пристава Васильев, понесший наказание по ч. 3 ст. 354 (присвоение или растрата казенного имущества и государственных доходов);

- чиновник особых поручений Енисейского общего губернского управления надворный советник Анатолий Иванович Васильев – ст. 343 (превышение власти или незаконное бездействие) и ст. 404 (слабый надзор за подчиненными, нарушение в делах и порядке службы);

- полицейский надзиратель города Канска фон-Францен – ст. 338 (превышение власти и самовольное решение дела), ст. 348 (взятие под стражу без соблюдения на то правил), ст. 356 (промедление в отправке денежных сумм);

- канский полицейский надзиратель Кузнецов – нанесение побоев крестьянину Филиппу Коробченко, наказание по ст. 343 (превышение власти или незаконное бездействие);
- бывший полицейский пристав города Красноярска Знаменский – за утрату подложного векселя;
- бывший полицейский пристав города Красноярска Ложников – ст. 338 (превышение власти и самовольное решение дела), ст. 341 (превышение власти или незаконное бездействие с отстранением от должности, службы);
- помощник горного инспектора Покрассо – за нанесение оскорбления действием казаку Дронину (ст. 400 «Уложения о наказаниях...»);
- статский советник Баршевский – за допущение разного рода злоупотреблений при несении обязанностей Туруханского отдельного пристава;
- Ачинский окружной исправник Смирнов, Ачинский полицейский надзиратель Шабанов, секретарь Ачинской полиции Баранович – ст. 370 (несправедливое решение в гражданском или уголовном деле), ст. 371 (недостаточный надзор за правильностью и законностью судебных решений) (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3162. Л. 2-19).

Архивные материалы характеризуют перечисленных чиновников, обвиненных в незаконных действиях по службе, как должностных лиц, ревностных по службе, но имевших сложные отношения с коллегами.

Среднестатистическим и наиболее интересным примером, подтверждающим вышесказанное суждение, служит биография коллежского асессора Иосифа Ивановича Лясоты, 1832 года рождения, православного, происходившего по сословной принадлежности из не утвержденных герольдией дворян (сын чиновника Нижнеудинского окружного управления Иркутской губернии) (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 209. Л. 15).

Документы из его личного дела свидетельствуют, что секретарь Ачинской полиции шел к должности достаточно долго, был требовательным по отношению к государству, так как из-под его пера уходило много обращений (заявлений, записок) в адрес вышестоящих инстанций, предметом которых были просьбы предоставления права на бесплатное обучение в гимназии его дочери, на собственную досрочную пенсию, получение просроченного следующего классного чина, изменение формулировок записей в его формулярном списке.

И.И. Лясота воспитывался в частном пансионе и впоследствии окончил полный курс Нижнеудинского уездного училища, был женат первым браком, имел одну дочь 1860 года рождения. Государственную гражданскую службу он начал в 1848 г., то есть в 16 лет, с должности канцеляриста второго разряда в Ананьевском уездном суде, через год был утвержден в должности журналиста, затем надсмотрщика крепостных дел, а с 1852 г. «по просьбе и с разрешения Генерал-губернатора Восточной Сибири Адъютанта Графа Муравьева-Амурского» был переведен в Енисейскую губернию исполняющим должность письмоводителя в Канскую полицейскую управу, а через 20 лет, то есть в 1872 г., по собственному желанию был причислен к Енисейскому общему губернскому управлению, не раз командировался исполнять должности (временно замещать) окружных исправников, заседателей в Енисейском, Ачинском и Минусинском округах (ГАКК. Ф. 545. Оп. 1. Д. 209. Л. 15-36).

Возникавшие вопросы о сроках службы, по которым И.И. Лясота писал записки в вышестоящие инстанции, чтобы «добиться справедливости, могли возникнуть у чиновника в связи с его увольнениями из гражданской службы в 1875, 1877 гг. «по домашним обстоятельствам» и последующими поступлениями его на службу в Томскую губернию и обратно в Енисейскую. В собственноручно заполненных И.И. Лясотой записках приведены расчеты его служебного стажа по годам, месяцам и дням, присутствуют написанные красным карандашом формулировки «не знаю, почему так?» и фраза «Почему единовременная выдача пенсии и по 9.07.1879 г., а не к производству таковой впредь до назначения мне жалованья, превышающего размер пенсии? – вопрос Господину Енисейскому гражданскому губернатору / отдельным членам совета Главного управления Восточной Сибири...» (ГАКК. Ф. 545. Оп. 1. Д. 209. Л. 40, 42, 64).

Иосиф Иванович Лясота во время службы заседателем первого участка Мариинского округа Томской губернии в 1877 г. получил благодарность от лица Томского губернатора за раскрытие злоупотреблений со стороны волостных голов и писарей. Однако, вернувшись в Красноярск, уже в ноябре 1877 г. по решению Енисейского губернского суда он, находясь на должности заседателя первого участка Ачинского округа, получил официальный выговор (с внесением в VII графу формулярного списка) за превышение власти по делу о наказании розгами отставного мастерового Гороблагодатских заводов Осипа Черняева. После этого случая он был отстранен от должности, причислен к Енисейскому общему губернскому управлению, но по истечении четырех месяцев срока ожидания и возможного последовавшего назначения, уволен в отставку с 31.05.1879 г. (ГАКК. Ф. 545. Оп. 1. Д. 209. Л. 39 об.-40).

Анализ его личного дела показал, что отставной чиновник с данным решением не был согласен и в записке Красноярскому городскому полицейскому управлению требовал изменить в своем аттестате (формулярном списке) формулировку «уволен в отставку по истечении 4-х месяцев» на фразу «уволен в отставку по прошению», иначе он грозился «принести от куда следует жалобу», так

как принял за личное оскорбление факт того, что для него не нашлось за четыре месяца никакой должности. Он считал себя невиновным и писал объяснение (рис.).

Несмотря на то, что я трудился изо всех сил, чтобы оправдать Ваше доверие при назначении меня в село Покровское, я все-таки лишился места, не знаю за что. Не имея возможности оправдаться, потому что из понятной робости не могу лично объясниться, как бы того желал, я решил обратиться к вашему Превосходительству с моей убедительной просьбой дать мне классную должность. Вы хорошо знаете, что чиновнику без должности есть нечего, и без дела меня скука одолевает.

...Попади я на службу не к Франку, я бы и теперь служил. Но Франк такой человек, с которым я не имел и не могу иметь ничего общего.

Скажу прямо: он не любит Вас и не заботился о Вашей славе. Теперь, вероятно, и Вы сами убедитесь, что Франк во всем Вас обманывал.

Я не сделал ничего бесчестного или преступного, всегда стремился исполнить Вашу волю по чистой совести. С народом я был ласков, всегда доступен и справедлив.

Рис. 1. Записка Красноярскому городскому полицейскому управлению от коллежского асессора И.И. Лясоты о несправедливости наказания, 1879 г.
Источник: ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 209. Л. 2-14.

Иосиф Иванович Лясота после проступка 1877 г. был вновь принят на службу в Енисейскую казенную палату (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 209. Л. 44). И, как свидетельствуют документы Енисейского общего губернского управления, через 10 лет был снова предан суду по делу об утрате переписки о незаконной продаже товаров, находясь на должности секретаря полиции Ачинского округа Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3162. Л. 1).

Формулярные списки других чиновников, в которых были найдены записи о совершенных ими противозаконных действиях по государственной и общественной службе, свидетельствуют о том, что за все проступки по должности наказание определялось Енисейским губернским судом, но не всегда попадало в общую статистику, например указанную в Обзорах Енисейской губернии.

Подобными примерами могут служить формулярные списки далее указанных чиновников 1870–1890-х гг.:

- коллежский советник Владимир Павлович Калинин – Енисейский окружной исправник, хорошо образованный (окончил Императорский Казанский университет со званием действительного студента и чином XII класса), имевший орден Святого Александра 3-й степени за участие в Крымской войне 1853–1856 гг., женатый вторым браком и имевший троих детей (старший сын находился на должности секретаря Енисейского губернского правления), в возрасте 45 лет (в 1877 г.) получивший выговор по делу о розыгрыше его женой лотереи без разрешения Правительства (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 116. Л. 5);

- канцелярский служитель Андрей Матвеевич Постников – 53-летний журналист Минусинского окружного полицейского управления, происходивший из прощенных поселенцев, получивший выговор за медлительность выполнения служебных поручений (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 69. Л. 1 об.-2).

4.3. Чиновники, уклонившиеся от наказания за упущения и противозаконные действия по службе

Анализ архивных документов показал, что некоторые чиновники не получали должного наказания за совершенные преступления и проступки. Ярким примером может служить рассматриваемое в совете Главного управления Восточной Сибири (Иркутск), Енисейском губернском суде (Красноярск) и Правительствующем сенате (Санкт-Петербург) в течение 21 года (с 1866 по 1887 гг.) дело по расследованию убийства казначея Енисейского губернского правления коллежского секретаря Александра Мелисова и произведенной им растрате казенных денежных сумм в размере 8 085 руб. 88 ¼ коп. (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 1-297).

По делу проходило большое количество чиновников, разделенных в процессе рассмотрения советом Главного управления Восточной Сибири на три категории.

В «первую категорию обвиняемых» вошли лекарь Мажаров, красноярский полицмейстер Вахрушев, частный пристав Дурчеев, губернский стряпчий Павлинов, обвиняемые за неправильное установление факта самоубийства казначея Енисейского губернского правления А. Мелисова, которое, как выяснилось позднее, оказалось убийством (утоплен в проруби реки Енисей 31.12.1865 г., что привело к потере денежной суммы в размере 8 085 руб. 88 ¼ коп.) (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 2 об.-8об.).

«Вторая категория обвиняемых» – это чиновники Енисейского губернского правления, а именно бывший председатель правления Гаупт, члены правления Малахов, Павлинов, а также заведующие казначейской частью Виноградов и Пашкевич. Они обвинялись в беспорядках и отступлениях от предписанных в законе правил для ведения счетоводства, упущениях по должности, слабом надзоре за подчиненными, нарушении в делах и порядке службы. Это подразумевало

неправильное хранение в течение 1865 г. убитым А. Мелиссовым в собственной кладовой большой денежной суммы (в документе указана уже другая сумма в размере 8 081 руб. 16 ½ коп. – Авт.), приведшее к постепенной растрате и присвоению казенных средств в течение 1865 г. (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 9-13).

«Третья категория обвиняемых» включила в себя троих высокопоставленных чиновников, непосредственно связанных с убийством А. Мелиссова, произошедшим 31.12.1865 г.: управляющий экспедицией о ссыльных Енисейской губернии Грацианский (самовольное востребование из казначейства 8 085 руб. 88 ¼ коп.); окружной казначей Костинский, а с 1873 г. уже губернский казначей (незаконная выдача данной денежной суммы казначею Мелиссову без надлежащих для того документов); сам убитый казначей губернского правления А. Мелиссов, обвиняемый в растрате потерянных 8 085 руб. 88 ¼ коп. (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 13 об.-14).

Итогом данного громкого дела стало решение совета Главного управления Восточной Сибири освободить от ответственности «первую» и «вторую» категории обвиняемых, так как все они были освобождены от ответственности на основании ст. 410, 417, 429 Уложения о наказаниях, Виноградов умер от горячки в 1871 г. Совет постановил передать на рассмотрение в Енисейский губернский суд только чиновников из «третьей категории». Какое обвинение вынес Енисейский губернский суд – такой информации в документах найдено не было (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 14-38 об.).

Однако в формулярном списке губернского казначея Александра Вавиловича Костинского от 1873 г. указано: «...в штрафах, под судом и следствием не был» (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 42 об.-43). При этом бывшему управляющему экспедицией о ссыльных Енисейской губернии Петру Ивановичу Грацианскому (с 1875 г. – бухгалтеру Енисейской казенной палаты) по решению Правительствующего сената (Санкт Петербург) от 1882 г. был возвращен уплаченный из его жалованья штраф в размере 3 000 руб., а судебные издержки приняты на счет казны (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 204).

Ответственность за растратенную денежную сумму понесла семья убитого казначея Енисейского губернского правления Александра Мелиссова: у вдовы Марфы Степановны Мелиссовой должен был быть конфискован дом и все движимое имущество, но так как она за годы расследования умерла, то дом остался за дочерью чиновника (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659. Л. 66, 203-204).

5. Заключение

Официальная документация Енисейского общего губернского управления и Енисейского губернского суда 1860–1890-х гг. свидетельствует о признании центральной и местной государственной властью несовершенств в деятельности административных и судебных мест по выявлению преступлений со стороны местного чиновничества и определению в подобных случаях справедливого наказания. Конечно же, архивные документы не показывают истинного количества преступлений и проступков по государственной и общественной службе, совершенных на территории Енисейской губернии. Контент-анализ текстов формулярных списков (аттестатов), поименных списков осужденных чиновников, их характеристик и прочей внешней и внутренней распорядительной документации Енисейского общего губернского управления и Енисейского губернского суда показал портрет местного чиновника, совершившего незаконные действия по должности, а также процесс расследования подобных дел.

В официальных документах второй половины XIX в. признавалось, что введение нового судебного устройства могло бы дать вполне правильный ход делам в административном управлении. Обзоры Енисейской губернии за 1882, 1883 г., статистические материалы, подготовленные для всеподданнейшего отчета губернатора Енисейской губернии Министерству внутренних дел за 1893 г. приводят доводы о необходимости введения предлагаемых правительством преобразований «судебной части» в Сибири по реформе 1864 г. Властями и общественностью признавалось, что в связи с отдаленностью от политического центра огромная Сибирь и во второй половине XIX в. представляла определенный интерес для всякого рода преступных элементов, с одной стороны, стремившихся нажиться за счет государственной службы, с другой – столкнувшихся с возможностью совершить ранее не запланированные незаконные поступки, которые вряд ли могут быть раскрыты в связи со слабым контролем и надзором.

Литература

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2020 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84-96.

Друзьяка, Дударенок, 2018 – Друзьяка А.В., Дударенок С.М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 2 (45). С. 76-83.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

Карчаева, 2019 – Карчаева Т.Г. Роль инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов в 1822–1913 гг. (исторический аспект) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 91-99.

Матханова, 2020 – Матханова Н.П. Хабаровские съезды сведущих людей и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в Имперской России // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27 (3). С. 65-71. DOI: 10.15372/HSS20200311

Молнева, 2008 – Молнева М.С. Духовные ценности чиновничества в системе подбора кадров // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2008. № 1. С. 321-325.

Писарькова, 2002 – Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам секретной канцелярии кн. Голицыных в первой половине XIX века // *Отечественная история*. 2002. № 5. С. 37-39.

Плех, 2019 – Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258-272.

Чуб, 2018 – Чуб Н.В. Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343-351.

Bloch, 2005 – Bloch A. Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia // *Cultural Anthropology*. 2005. 20(4): 534-569.

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. DOI: 10.17516/1997-1370-0594

Gentes, 2003 – Gentes A. Licentious girls’ and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // *Sibirica*. 2003. 3(1): 3-20.

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V. Maljutina L.F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.

Karchaeva et al., 2018 – Karchaeva T.G., Garin E.N., Severyanov M.D. Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2018. 49 (3): 1287-1295.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 188-197.

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy S.V. Imperial Acculturation on Russian’s Southeastern Frontier: An International Survey // *RUDN Journal of Russian History*. 2020. 19(3): 727-740.

Maljutina et al., 2019 – Maljutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1429-1438.

References

Chub, 2018 – Chub, N.V. (2018). Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. 2: 343-351. [in Russian]

Dameshek, Dameshek, 2020 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2020). Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoi istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian edge of the Empire as a subject of foreign historiography of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 37(1): 84-96. [in Russian]

Druzyaka, Dudarenok, 2018 – Druzyaka, A.V., Dudarenok, S.M. (2018). Institut notariata na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii (1879–1930-e gg.) [Institute of the notariate in the Russian Far East and Manchuria (1879–1930s)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 45(2): 76-83. [in Russian]

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V. (2020). From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Region].

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. Maljutina, L.F. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.

Karchaeva, 2017 – Karchaeva, T.G. (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Karchaeva et al., 2018 – Karchaeva, T.G., Garin, E.N., Severyanov, M.D. (2018). Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 49(3): 1287-1295.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy, S.V. (2020). Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19(3): 727-740.

Malyutina et al., 2019 – Malyutina, L.F., Gergilev, D.N., Gryaznukhin, A.G., Zhabaeva, L.B. (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438.

Mathanova, 2020 – Mathanova, N.P. (2020). Habarovskie s"ezdy "svedushchih lyudej" i priamurskij general-gubernator A.N. Korf: poiski kanalov kommunikacii mezhdvu vlast'yu i obshchestvom v Imperskoj Rossii [Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: searching of communication channels between the authority and society in Imperial Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 27(3): 65-71. [in Russian]

Molneva, 2008 – Molneva, M.S. (2008). Dukhovnyye tsennosti chinovnichestva v sisteme pod kadrov [Spiritual values of bureaucracy in the system of staffing]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 1. pp. 321-325. [in Russian]

Pisar'kova, 2002 – Pisar'kova, L.F. (2020). K istorii vzyatok v Rossii (po materialam sekretnoy kantselyarii kn. Golitsynkh v pervoy polovine XIX veka [On the history of bribes in Russia (based on materials from the secret office of Prince Golitsyn in the first half of the 19th century)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5: 37-39. [in Russian]

Plekh, 2019 – Plekh, O.A. (2019). Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoi polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century 2019]. *Voprosy istorii* 11: 258-272. [in Russian]

Незаконные действия чиновников в Сибири второй половины XIX в. (контент-анализ документов Енисейского общего губернского управления и Енисейского губернского суда)

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Александр Григорьевич Грязнухин ^a, Галина Михайловна Луцаева ^a, Олег Геннадьевич Алексеев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены ранее неизвестные исторической науке факты должностных злоупотреблений местных государственных служащих в Сибири на примере Енисейской губернии второй половины XIX в. Источниковая база исследования представлена документами официального делопроизводства Енисейского губернского суда и Енисейского общего губернского управления 1860–1890-х гг., которые хранятся в одноименных фондах №141 и № 545 Государственного архива Красноярского края. Контент-анализ текста архивных документов (распорядительных, статистических и по личному составу) позволил выявить скрытую и систематизировать явную информацию, свидетельствующую о совершении местными чиновниками Енисейской губернии противозаконных действий по должности. Наиболее распространенными среди них были упущения от нерадения или медленности, присвоение или растрата казенного имущества и государственных доходов, превышение власти или незаконное бездействие, слабый надзор за подчиненными, нарушение в делах и порядке службы. Наказание за данные преступления осуществлялось согласно нормам, описанным в пятом разделе «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1866 г. Обзоры Енисейской губернии и официальная статистика свидетельствуют о небольшом количестве должностных преступлений – всего 1,4–2,5 % среди прочих по губернии. Приведенные в статье биографические данные конкретных чиновников окружного и губернского уровней власти рисуют среднестатистический портрет местного государственного служащего, привлеченного к ответственности. Однако на примере одного из уголовных дел 1860-х гг. (убийство казначея Енисейского губернского правления и похищение денежной суммы в размере 8 085 руб. 88 ¼ коп.) доказано, что не все чиновники несли ответственность за совершенные преступления и упущения по службе.

Ключевые слова: чиновничество, государственные служащие, взяточничество, должностные преступления, злоупотребления, контент-анализ, губернский суд, общее губернское управление, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

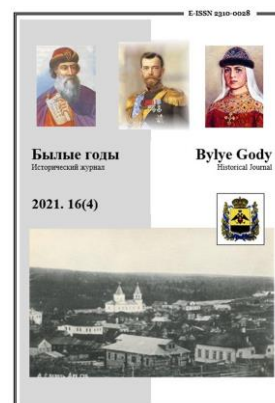
Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1857-1866
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1857

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Economic Significance Orenburg-Tashkent Railway in the Syrdarya Region of the Turkestan General Government

Lazzat S. Dinashева^{a, *}, Murat M. Tastanbekov^b, Gulmira Y. Sabdenova^c, Tengesh S. Kalenova^d

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan

^b Azret Sultan state historical-cultural reserve-museum, Turkistan, Kazakhstan

^c Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

^d L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the analysis of the significance of the Orenburg-Tashkent railway in the socio-economic life of the Syrdarya region of the Turkestan region. This railway line is considered as a mechanism that opened the way for the entry of the region into capitalist relations. Most of the railway line passed through the territory of the Syrdarya region. Among the regions included in the Turkestan Region, the Syrdarya region stands out for its geographical and socio-economic character. This is due to the fact that there were very few cities and industrial centers on the territory of the region.

The vast majority of residents led a semi-nomadic lifestyle. It was difficult for the peasants to get their goods transported to other consumer environments. It can be argued that this development trend has changed dramatically with the construction of the railway. Based on archival materials, an assessment of the activities of new railway stations and industrial facilities formed on the territory of the Syrdarya region is given. In addition, much attention is paid to the phenomenon of diversification of the labor sphere caused by the functioning of the railway. In the course of the research work, an objective approach to the factors of the construction of the Orenburg-Tashkent railway is revealed. As one of them, it is concluded that the factor of highway construction was carried out not because of competition between empires (as noted in many studies), but in order to involve the socio-economic isolated part of the empire in integration processes. Due to the activity of the railway, the export-import potential of the region has increased. The Syrdarya region has received ample opportunities for the export of salt, santonin, wool, dried fruits. In general, the railway line had a significant impact on the transition of the region from the old feudal relations to a partial agrarian-industrial form.

Keywords: Orenburg-Tashkent railway, Turkestan Governor-General, Syrdarya region, Central Asia, socio-economic factor, railway workers.

1. Введение

Вопрос о соединении Туркестанского края железнодорожным путем с центральной частью России был поставлен сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году. В 1874 году была создана специальная железнодорожная комиссия под руководством первого генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана. Главной целью комиссии было изучение маршрута короткого пути, соединяющего Оренбург и Ташкент (Велецкий, 1910: 26). До начала строительства в 1900 году было предложено несколько линий дорог, которые связывали бы Центральную Россию с Туркестаном, в том числе в качестве проекта обсуждалось и Западно-Сибирское направление, которое через Тюмень, Акмолинск будет присоединено к Туркестану

* Corresponding author

E-mail addresses: dinash-lyazzat@mail.ru (L.S. Dinashева), gulmira28@mail.ru (G.E. Sabdenova)

(Безносииков, 1876: 14). Но в итоге железнодорожное сообщение между Оренбургом и Ташкентом было поддержано императором.

На наш взгляд, строительство железной дороги Оренбург–Ташкент предопределялось несколькими факторами, в том числе обеспечением обороноспособности Туркестанского военного округа, а также повышением уровня отстающего в социально-экономическом развитии Туркестанского края. С нашей точки зрения, несмотря на преобладание исследований о первом факторе (Исингарин, 2004: 79; Ахмеджанова, 1984: 15), роль второго – также является высокой.

В 1900 году, когда началось строительство железной дороги Оренбург–Ташкент, в состав Туркестанского генерал-губернаторства вошли 5 областей: Семиреченская, Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская и Закаспийская. Железнодорожная линия проходила в основном по территории Сырдарьинской области. Ход строительства железной дороги на территории Сырдарьинской области и его результаты сыграли большую роль в социально-экономическом плане. Завершение строительства привело к формированию новых населенных пунктов в Сырдарьинской области и диверсификации труда. Эффективность его хозяйственно-экономических и социальных следов можно увидеть и сегодня.

2. Материалы и методы

Исходя из темы исследования и характера источников, материалы можно разделить на несколько групп:

- Основную их часть представляют материалы Центрального государственного архива Казахстана (г. Алматы, Казахстан) и Центрального государственного архива Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан), в основном письма и приказы канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, а также другие документы.

- Были привлечены материалы Туркестанского городского государственного архива (г. Туркестан, Казахстан), в документах которого сохранились сведения о строительстве железнодорожных станций и разъездов. Особенно ценными являются данные о деятельности водонапорных башен, предназначенных для заправки поездов. Также большой интерес представляют архивные источники о строительстве железнодорожных мостов, сооруженных в тот период.

При написании статьи были использованы методы классификации и анализа сведений, содержащихся в приказах и распоряжениях Туркестанского генерал-губернаторства и канцелярии Сырдарьинской области о строительстве в крае новых предприятий и производств. Кроме того, при изучении социально-экономических процессов в обществе, возникших в результате строительства и функционирования железной дороги Оренбург–Ташкент, мы руководствовались современными междисциплинарными методами исторической науки, такими как контент-анализ, полипарадигмальный и др. Также были предприняты попытки проанализировать актуальные вопросы на основе объективного принципа при оценке и изучении последствий труда представителей различных национальностей, принимавших участие в строительстве. В этом важно было отказаться от стереотипных взглядов на национальность и религиозную разобщенность.

3. Обсуждение

Роль железной дороги Оренбург–Ташкент, ставшей одним из первых символов прихода элементов индустриального общества в Центральную Азию, относится к числу слабо изученных тем в историографии. Многие исследователи признают, что строительство данной железной дороги являлось не только политико-идеологическим приоритетом, но и движущей силой социально-экономического развития края (Избасарова, 2019: 1655; Верховский, 1910: 63).

В ходе анализа историографии, посвященной истории данной железной дороги, исследовательские работы можно разделить на 3 периода по хронологическому принципу: дореволюционный, советский и современный. Для историографии дореволюционного периода важное значение имели пути поиска методов управления и принципов развития железнодорожного хозяйства Российской империи. Направления исследований дореволюционных авторов основаны на концепции государственности: то есть железнодорожный транспорт должен функционировать в соответствии с политико-идеологическими интересами государства. Однако в контексте данного вопроса среди авторов преобладают противоречивые взгляды. В них прослеживаются разногласия в сравнении методов ведения железнодорожного хозяйства в Российской империи с другими странами. Например, А. Борзенко (Борзенко, 1888), анализируя возникновение железных дорог в России и принципы государственной железнодорожной политики, показывает ее аналогичные стороны с политикой французского правительства.

Труды И.С. Блюха (Блюх, 1878) и А. Радцига (Радциг, 1896) посвящены анализу влияния путей сообщения на экономику и хозяйство в соответствующих регионах. Они доказали, что ускорение перевозок в регионе, сближение производств и рынков сбыта стимулировали развитие земледелия, скотоводства, ремесел, промышленности. Авторы отметили стратегическое значение железных дорог в сохранении обороноспособности Российской империи.

Одним из первых проанализировал проект маршрута строительства железной дороги Оренбург–Ташкент К.С. Безносиков ([Безносиков, 1876](#)). Он назвал строительство железной дороги через Оренбург в Ташкент более коротким и дешевым проектом.

Одним из исследователей, сформировавших после завершения строительных работ концептуальное мнение о его результатах и перспективах, является М.Л. Юдин ([Юдин, 1895](#)). Он дал оценку первым доходам железнодорожной линии, поступившим в государственную казну, и дал прогноз на ее будущие показатели роста. В целом следует отметить, что М.Л. Юдин является первым исследователем, обосновавшим научное направление, касающееся роли железной дороги Оренбург–Ташкент в социально-экономическом развитии Оренбургского, Туркестанского краев.

П.П. Мигулин утверждал, что все железнодорожные линии в Российской империи строились за счет государственной казны. Автор обосновывает закономерность того, что вкладываемый в железнодорожную отрасль капитал должен служить интересам государства ([Мигулин, 1903](#)).

В обосновании суждений относительно разработки проекта расширения в восточном направлении железной дороги Оренбург–Ташкент и ее перспектив в развитии края следует отметить труд С.Н. Велецкого ([Велецкий, 1910](#)). В своей работе он указывает, что расширение железнодорожной линии в восточном направлении позволит улучшить социально-экономический потенциал нескольких населенных пунктов и малых городов Туркестана.

В анализе экономических аспектов железнодорожной сети Оренбург–Ташкент работы Т.А. Хворостанского имеют особое значение ([Хворостанский, 1916](#)). Исследователь отметил, что на рост экспорта пшеницы, хлеба, мучных изделий, транспортированных через Оренбург в 1910–1911 годах, повлияло строительство Ташкентской железной дороги. Кроме того, он внес ряд предложений по повышению эффективности использования данной железнодорожной сети.

Таким образом, историография дореволюционного периода отличается научно-практическим характером. В трудах подробно проанализированы оптимальные проекты строительства железных дорог, изучены природно-экономические ресурсы, вклад железнодорожных линий в социально-хозяйственное развитие отдельных регионов и государства в целом. При этом необходимо учитывать, что вышеперечисленные авторы являлись не только исследователями происходящих событий, но и их непосредственными участниками.

Очевидно, что на направление исследовательских работ советского периода оказала влияние идеологическая цензура партии. В них прослеживается стремление сопоставить успехи советской железнодорожной деятельности с работой железнодорожной системы в имперский период.

Но стоит отметить и положительные стороны советской историографии. Они отличаются особым вниманием к изучению истории и деятельности отдельных железных дорог, в том числе и железной дороги Оренбург–Ташкент. Что немаловажно, труды советского периода были изданы в виде монографий, учебников, сборник материалов. Одним из них является работа Н.Д. Кондратьева, изданная в 1920-е годы ([Кондратьев, 1922](#)). В ней автором проведен системный анализ экономической значимости транспортного сообщения в отдельных регионах, однако элементы описания недостатков власти прошлого исторического периода относились к обязательной позиции, в том числе злоупотребление властью, эксплуатация труда рабочих, профессиональная некомпетентность и т.п.

Одним из тех, кто непосредственно занимался исследованием хозяйственно-экономического влияния железной дороги Оренбург–Ташкент, является А.В. Аксенов ([Аксенов, 1955](#); [Аксенов, 1958](#)). В соответствии с научной конъюнктурой исследователь, отмечая, что строительство железной дороги вызвало развитие капиталистических отношений, пришел к выводу, что ее последствия привели к эксплуатации населения и богатства Туркестанского края ([Аксенов, 1958: 67](#)). Однако в своей кандидатской диссертации он дал оценку магистрали Оренбург–Ташкент как своего рода предприятия. По мнению автора, строительство железной дороги способствовало разрушению старых производственных отношений и поставило точку в многовековой феодальной и территориальной изоляции Центральной Азии ([Аксенов, 1955](#)).

В работах, опубликованных в 1960–1980-х годах, преобладает политический аспект: проведены комплексные исследования влияния железнодорожного транспорта на политические события, происходившие в государстве, в частности эвакуация красных рабочих из контрреволюционных сил, активность железнодорожников в процессе революции и др.

Во главе исследователей, занимавших критическую позицию в тот период, можно назвать С.Г. Струмилину ([Струмилину, 1975](#)) и Т.М. Китанину ([Китанина, 1975](#)). В своих работах они стремились объяснить тот факт, что железнодорожная политика имперского периода постоянно находилась в экономическом кризисе. По их мнению, строительство железных дорог сопровождалось элементами взяточничества, расточительности и т.д. ([Струмилину, 1975: 34](#); [Китанина, 1975: 59](#)).

Отдельный интерес представляют труды М.Х. Асылбекова ([Асылбеков, 1962](#)), проводившего исследование влияния первой русской революции 1905–1907 гг. на сознание железнодорожных рабочих в Западно-Сибирском и Туркестанском краях.

Анализируя историографию советского периода в контексте проблемы, нужно подчеркнуть, что на нее было оказано сильное политическое и идеологическое влияние. Особенно много исследований

в аспекте участия и вклада железнодорожников в революцию, организации партийных организаций на транспортных путях и модернизации дорог. Однако объем работ относительно роли железной дороги Оренбург–Ташкент и других магистралей в социально-экономическом развитии отдельного региона невелик.

Хотя на третьем этапе историографии не было такой идеологической цензуры, как в советское время, чрезмерная критика принципов прошлой историографии, политики колонизации, национальной эксплуатации и другие факторы привели к искажению объективности.

Можно убедиться в том, что функционирование железной дороги Оренбург–Ташкент и ее различное влияние на обслуживаемую территорию не стали комплексной темой современной историографии. Учеными из России, Казахстана и Узбекистана были изданы исследовательские работы, рассматривавшие данную тему косвенно.

В подавляющем большинстве из них преобладает подход к рассмотрению магистрали как политического инструмента. Особенно важно признать, что это характерно для центральноазиатских авторов.

Казахстанский исследователь Н.К. Исингарин (Исингарин, 2004) в своей монографии рассмотрел политико-экономические аспекты строительства магистрали Оренбург–Ташкент. По мнению автора, эксплуатация магистрали позволила увеличить хозяйственно-производственный потенциал Туркестана.

В исследовании Г.Б. Избасаровой дана объективная оценка деятельности отдельных чиновников царской администрации, внесших вклад в строительство железной дороги Оренбург–Ташкент (Избасарова, 2019). Данная работа проводилась на основе анализа информации из газет, административных постановлений и решений, касающихся строительства железной магистрали.

Исследования узбекских авторов Х. Зиева (Зиев, 2006) и А.З. Тогаевой (Тогаев, 2009) направлены на частичный анализ роли железной дороги в социально-экономическом развитии города Ташкента и Самаркандской области. Однако в указанных работах наблюдаются элементы критического анализа и отклонения от объективной оценки.

В работах российских авторов всесторонне рассмотрены политико-экономические факторы функционирования железных дорог в период империи, в том числе роль железной дороги Оренбург–Ташкент. Основной объект исследований В. Шперлинга (Шперлинг, 2006) обоснован тем, что строительство железных дорог в империи связано с освоением пространства империи. Он также дал весомую оценку интенсивным коммуникациям между местной элитой (купцы, помещики, дворяне и т.д.) и системой власти в контексте строительства железных дорог.

Ф.Б. Шенк (Шенк, 2010) придавал большое значение влиянию строительства железных дорог на межимперское и межнациональное соперничество.

И.В. Волков (Волков, 2013), уделив внимание факторам железнодорожных связей в развитии российского Туркестана, проанализировал различия между имперским и советским периодами. Однако отметим, что в вышеуказанных работах фактор железной дороги Оренбург–Ташкент в социально-экономическом развитии Сырдарьинской области не стал предметом специального исследования.

4. Результаты

В 1867 году был завершён процесс вхождения Центральной Азии в состав Российской империи, произошло образование Туркестанского генерал-губернаторства (Хазретали..., 2018: 185). Перед царской администрацией стояла задача не только провести в крае реформы общественного образования и культуры, но и сформировать механизмы социально-экономического развития. Повышение социально-экономического потенциала Туркестана потребовало регулирования обеспечения внешних связей, ведь Туркестанский край уже много веков переживал цивилизационную изоляцию. В обществе существовали средневековые производственные подходы и социальные слои. На рынке труда сохранялись элементы рабовладельческой формы. Сельское хозяйство и ремесло носили примитивный характер. Пути формирования рабочего класса были закрыты (Волков, 2013: 93).

Вышеуказанные элементы отставания в развитии вызвали спрос на кардинальные изменения. Представители царской администрации ясно понимали, что первым шагом должно стать восстановление связей с европейской частью России. В первую очередь была поставлена задача увеличения экспортно-импортных возможностей региона (Мигулин, 1903: 61). Туркестанский край считался благоприятным для развития хлопка, ковров, животноводческой продукции, но нуждался в импорте металла, леса, муки, промышленных изделий (Радциг, 1896: 44). Несомненно, проблема удовлетворения указанных потребностей подтолкнула к регулированию сферы коммуникации. С 1870-х годов на правительственных заседаниях рассматривался вопрос о строительстве транспортного сообщения, связывающего Россию и Центральную Азию (Фурсов, Тестов, 2013: 28-29).

Первым железнодорожным сообщением, связавшим Россию и Туркестан, стала Закаспийская военная железная дорога, получившая впоследствии название Среднеазиатской. Среднеазиатская железная дорога протяженностью 2 368 километров, полностью введенная в эксплуатацию в

1899 году, вызвала ряд трудностей для транспортного сообщения Центральной Азии и России (Асылбеков, 1962: 56-57). Первая из них заключалась в том, что слишком большая протяженность пути и сложность доставки грузов паромом из Красноводска в Баку были экономически невыгодны.

Царское правительство начало планировать создание экономически выгодного и короткого транспортного сообщения. Его реализация стала возможной в 1906 году. Под личным контролем императора Николая II царская администрация с 1900 года взялась за проект строительства нового железнодорожного сообщения между Туркестаном и Россией (Россия..., 1903: 23). 10 мая 1901 года началось строительство железной дороги со стороны Оренбурга, 9 ноября – со стороны Ташкента. В сентябре 1906 года строительство железной дороги было официально введено в эксплуатацию (Асылбеков, 1962: 57). Протяженность железнодорожной магистрали, соединяющей Оренбург и Ташкент, составила 1 668 км. Вдоль железнодорожной линии были построены новые города и промышленные центры.

Со строительством железной дороги улучшилось социально-экономическое положение населенных пунктов и малых городов – Актюбинска, Шалкара, Аральска, Перовска, Туркестана, Черняева (Велецкий, 1910: 19). Основные строительные работы железной дороги велись в Сырдарьинской области Туркестанского края, на территории которой было построено несколько железнодорожных развязок и вокзалов. По данным архива, в 1901–1906 гг. в связи со строительством магистрали было построено 66 развязок, 34 станции (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. 2. Д. 12. Л. 8). Необходимо отметить, что их деятельность продолжается и по сей день. Строительство вокзалов, станций и развязок сопровождалось решением социально-хозяйственных вопросов той территории. Вместе со строительством новых объектов появились водонапорные башни для заправки поездов (Рисунок 1).

Рис. 1. Водонапорная башня, построенная в 1903 году на станции Туркестан

Они помогли решить проблему питьевой воды местного населения. Самое главное, что ход строительства железной дороги и его результаты сформировали новые профессии в местном обществе Сырдарьинской области и вызвали диверсификацию труда. Наряду с привлечением на строительство железной дороги специалистов и рабочих из России, была сформирована группа рабочих из местных жителей. По данным канцелярии Сырдарьинской области за 1904 год, в строительстве железной дороги было задействовано около 6 000 человек из числа местного населения (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 18). Заработная плата им выплачивалась в виде необходимых продуктов, например сахара, чая, масла, муки и т.д.. В 1905 году в Казалинске было введено в эксплуатацию первое локомотивное депо на магистрали (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 36).

В 1906 году в Перовске была запущена работа депо веерного типа, в которое были приняты на работу 24 человека из числа местных жителей (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 44). В 1906 году,

после окончания основных строительных работ, появились дополнительные разъезды, станции. В 1907 году была запущена станция Сауран, в 1908 году – новый разъезд в селе Чернак близ города Туркестана (ТГГА. Ф. 2. Кн. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 23). Появление новых железнодорожных пунктов усилило процесс консолидации населения региона. Очевидно, что запуск железнодорожного сообщения привел к улучшению социально-экономического положения Сырдарьинской области: на ее территории были увеличены объемы инженерных строительных работ – вокзалов, мостов, водных башен. В 1906–1912 годах на участке дороги между Перовском и Черняевом было введено дополнительно 18 мостов (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 52). Следует отметить, что их цель была сосредоточена на защите железной дороги от стихийных бедствий и обеспечении безопасности жизнедеятельности людей.

Оптимальное дорожное сообщение открыло возможность транспортировки промышленно-хозяйственных изделий из промышленных зон Российской империи в Туркестан. Это явление послужило толчком к открытию новых предприятий и хозяйственных объектов. В 1906–1917 годах на территории Сырдарьинской области было введено около 14 новых предприятий. Большинство из них располагалось в городах Аральске, Черняеве, Перовске. В них работало более 1 700 рабочих (Ахмеджанова, 1984: 115). В окрестностях городов, построенных вдоль железной дороги, процесс урбанизации населения шел медленно и стабильно. Если в Перовске в 1898 году проживало около 3 250 человек, то в 1911 году его число достигло 11 тысяч (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 29). Запуск кирпичного завода в Перовске в 1907 году стимулировал рост строительной отрасли: его продукция была способна обеспечить потребности не только Сырдарьинской, но и других областей. Так, в 1908 году было доставлено 12 вагонов кирпича в города Ташкент, Уральск (ЦГА РУ. Ф. 52. Кн. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 104).

Железная дорога ускорила развитие соляной промышленности в регионе, особенно на озерах близ Илецка и Казалы, в Перовском и Шымкентском уездах Сырдарьинской области. В связи с этим на Илецких промыслах в 1901–1904 гг. в среднем в год производилось 1,6 млн пудов соли, а в 1905–1907 гг. было произведено 2,3 млн пудов соли. Всего по дороге было перевезено: в 1905 году – 1 708 352, в 1906 году – 2 680 480, в 1907 г. – 2 208 029 пудов соли. Крупнейшими пунктами отправки соли стали железнодорожные станции Оренбурга, Илецка, Чумыши, Жана-Кургана и др. (Материалы по Киргизскому землепользованию, 1915: 28). В 1910–1913 гг. по железной дороге было перевезено от 3,2 млн до 3,6 млн пудов соли (Материалы по Киргизскому землепользованию, 1915: 29).

По магистрали Оренбург–Ташкент в большом количестве стали перевозиться сухофрукты и вина. Через дорогу было перевезено: в 1906 г. – 88,6 тыс., в 1907 г. – более 90 тыс., в 1908 г. – около 47,2 тыс., в 1909 г. – около 47 тыс. пудов фруктов и сухофруктов (Исингарин, 2006: 119).

Железнодорожная деятельность способствовала не только увеличению грузоперевозок, сокращению времени в пути, но и ускорению оборота капитала, повышению эффективности работы производства. Большая часть продукции, произведенной в регионе, поставлялась в виде готовых товаров, а местный рынок стал частью общероссийского. На основе данных, по железной дороге в 1906–1907 гг. были перевезены от 3,8 до 5,0 млн пудов зерна, бакалейных и гастрономических товаров, сахара, железа и чугуна, а также машины и инструменты для обработки земли, нефть и керосин, каменный уголь и древесные строительные материалы и др. (Верховский, 1910: 42).

По состоянию на 1913 год парк подвижного состава железной дороги состоял из 531 паровоза, 7 953 товарных и 495 пассажирских вагонов. В Ташкенте были построены депо, железнодорожные мастерские и открылись 25 училищ (ЦГА РУ. Ф. 41. Кн. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 55).

Еще одним эффективным фактором деятельности железной дороги Оренбург–Ташкент стало ускорение внутреннего товаро-пассажирского потока не только Сырдарьинской области, но и Туркестанского края в целом, то есть был упрощен механизм формирования связи расстояний между Югом и Севером области. Например, в 1910 году пассажиропоток между Перовском (северный пункт) и Ташкентом вырос в 2,5 раза по сравнению с 1906 годом. Если в 1906 году показатель пассажирских перевозок между двумя городами составлял 7,5 тыс. человек, то в 1910 году он достиг 19 тыс. (Хворостанский, 1916: 77).

Оренбургский край сыграл большую роль в торгово-экономических отношениях между Туркестаном и Россией. Строительство железной дороги способствовало дальнейшему развитию торгово-экономических связей между Туркестанским и Оренбургским генерал-губернаторствами. Этот фактор положительно отразился и на состоянии Сырдарьинской области. К концу XIX века товарооборот между Туркестаном и Оренбургом составил 3 миллиона рублей, а в 1910 году он вырос до 12,6 миллиона (Верховский, 1910: 41). В 1909 году на строительство водяной мельницы в селе Сайрам и моста через реку Сайрам из Оренбурга были привезены технические материалы и приглашены специалисты-строители. Построенная с их помощью водяная мельница способствовала повышению зернового потенциала региона (ЦГА РУ. Ф. I-1. Кн. 1. Оп. 33. Д. 399. Л. 9).

До строительства железной дороги Туркестанский край и Оренбург связывали два караванных пути (южный и северный) и время в караванном пути длилось несколько месяцев (согласно исследованиям, караваны из Ташкента в Оренбург шли 90–100 дней). Новое транспортное сообщение

позволило сократить его срок в несколько раз: по железной дороге груз из Ташкента в Оренбург поступал за 14–15 дней (Глуценко, 2010: 187).

Функционирование железной дороги увеличило объем регионального товарооборота между центральными районами России и Центральной Азией, что открыло путь к процессу вхождения Туркестана в капиталистические отношения. Железнодорожная линия Оренбург–Ташкент кардинально изменила характер социально-экономического развития изолированного края империи.

С увеличением торгово-экономического потенциала края возросло количество торговых предприятий. В 1908 г. число торговых предприятий составляло около 47 тыс., а товарооборот равнялся 125 млн 885 тыс. руб. (Асылбеков, 1962: 59). Большая часть торговых предприятий принадлежала Сырдарьинской и Ферганской областям. Многие из них занимались хлопководством. Увеличение предприятий, занимающихся производством хлопка в Туркестане, в 1910 г. увеличило объем перевозки грузов в Россию на 16,5 млн пудов. А в 1911 году он составил 24 млн пудов (Волков, 2013: 98).

5. Заключение

Железная дорога Оренбург–Ташкент стала одним из факторов формирования рабочего класса в Сырдарьинской области Туркестанского края. С первых дней строительства казахи, узбеки и другие местные жители приняли активное участие в строительстве железной дороги, многие из которых впоследствии получили возможность работать на дороге.

Строительство железной дороги облегчило услуги межрегиональных перевозок товаров, что способствовало созданию нового этапа в процессах межрегиональной торгово-экономической интеграции.

Деятельность железной дороги Оренбург–Ташкент сыграла значительную роль не только в социально-экономической, но и в образовательно-культурной сферах Сырдарьинской области. Благодаря железной дороге увеличилось количество квалифицированных врачей, инженеров и учителей, прибывающих в регион.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства культуры и спорта Республики Казахстан «Комплексное исследование социально-экономической и культурной истории города Туркестана середины XIX – начала XXI века» (проект № 1016479).

Литература

- Аксенов, 1955 – Аксенов А.В. Оренбургско–Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии: Автореф. дисс. ... анд. ист. наук. М., 1955.
- Аксенов, 1958 – Аксенов А.В. Строительство Оренбургско–Ташкентской ж.-д. 1901–1905 гг. // Ученые записки ОГПИ. 1958. № 13. С. 22–26.
- Асылбеков, 1962 – Асылбеков М.Х. Некоторые вопросы истории строительства Оренбургско–Ташкентской железной дороги // Известия АН КазССР. 1962. № 2 (19). С. 55–62.
- Ахмеджанова, 1984 – Ахмеджанова З.К. Железнодорожное строительство в Средней Азии и в Казахстане (конец XIX – начало XX в.). Ташкент: Наука, 1984.
- Безносиков, 1876 – Безносиков К.С. Описание направлений для предполагаемых железных дорог из г. Оренбурга и г. Челябины в Ташкент // Оренбургский листок. 1876. № 2. С. 8–34.
- Блиох, 1878 – Блиох И.С. Влияние железнодорожного транспорта на экономическое состояние России. СПб., 1878.
- Борзенко, 1881 – Борзенко А. Материалы по железнодорожным вопросам. Железные дороги в Англии, Франции и России. Ярославль, 1881.
- Велецкий, 1910 – Велецкий С.Н. Железная дорога в Семиречье. Верный, 1910.
- Верховский, 1910 – Верховский Н.П. Туркестан в районе Ташкентской железной дороги и грузы этой дороги. СПб., 1910.
- Волков, 2013 – Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития русского Туркестана // Пространство и Время. 2013. № 3. С. 92–98.
- Глуценко, 2010 – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.
- Зиев, 2006 – Зиев Х. Узбекистон мустамлака ва зулм исканжасида (XIX аср иккинчарми – XX аср бошлари). Ташкент: Шарк, 2006.
- Исингарин, 2004 – Исингарин Н.К. Железные дороги Казахстана: становление и развитие. Алматы: Рауан, 2004.
- Китанина, 1975 – Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. М., 1975.
- Кондратьев, 1991 – Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- Материалы по Киргизскому землепользованию, 1915 – Материалы по Киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Перовский уезд. Ташкент, 1915.

- Мигулин, 1903** – *Мигулин П.П.* Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы. 1893–1902. Харьков, 1903.
- Радциг, 1896** – *Радциг А.* Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. СПб., 1896.
- Россия..., 1903** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.
- Струмилин, 1975** – *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966;
- ТГГА** – Туркестанский городской государственный архив.
- Тогаева, 2009** – *Тогаева А.* Из истории железной дороги // *Moziydan sado (Эхо истории)*. 2009. № 2. С. 39-46.
- Фурсов, Тестов, 2013** – *Фурсов В.Н., Тестов В.Н.* Возведение и функционирование транскаспийской магистрали в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика»*. 2013. № 15 (158). С. 26-33.
- Хворостанский, 1916** – *Хворостанский Т.А.* Оренбургский хлебный рынок. Оренбург, 1916.
- Шенк, 2010** – *Шенк Ф.Б.* Imperial inter-rail: влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вильпиус, Алексей Миллер. М., 2010. С. 354-380.
- Шперлинг, 2006** – *Шперлинг В.* Строить железную дорогу, создавая имперское пространство: «местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // *Ab imperio*. 2006. № 2. С. 101-134.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Юдин, 1895** – *Юдин М.Л.* Средне-Азиатская железная дорога и преимущества направления ее от г. Оренбурга на г. Ташкент // *Журнал Оренбургской Городской Думы*. 1895. № 160. С. 1-17.
- Khazretali..., 2018** – *Khazretali T.M., Girtilioglu M., Omarbayev Y.K., Adilbayeva A.S.* The Kazakh nobility in the formation of the state institutions of the Russian Empire in Semirechye // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 183-192.
- Izbasarova, 2019** – *Izbasarova G.B.* Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Turgai region) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1647-1655.

References

- Ahmedzhanova, 1984** – *Ahmedzhanova, Z.K.* (1984). Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Srednej Azii i v Kazahstane (konec XIX – nachalo XX v.) [Railway construction in Central Asia and Kazakhstan (late XIX – early XX century)]. Tashkent: Nauka. [in Russian]
- Aksenov, 1955** – *Aksenov, A.V.* (1955). Orenburgsko-Tashkentskaya zheleznyaya doroga i ee rol' v razvitii kapitalizma v Sredney Azii.: Avtoref. dis. ...kan. ist. nauk. M., 1955. [Orenburg-Tashkent Railway and its role in the development of capitalism in Central Asia: Author. dis. ... candidate of Hist. sciences]. M. [in Russian]
- Aksenov, 1958** – *Aksenov, A.V.* (1958). Stroitel'stvo Orenburgsko-Tashkentskoi zheleznoi dorogi 1901 – 1905 gg. [Construction of the Orenburg-Tashkent railway 1901 – 1905.]. *Uchyonye zapiski OGPI*. 13: 22-26. [in Russian]
- Asylbekov, 1962** – *Asylbekov, M.H.* (1962). Nekotorye voprosy istorii stroitel'stva Orenburgsko-Tashkentskoi zheleznoi dorogi [Some questions about the history of the construction of the Orenburg-Tashkent railway]. *Izvestiya AN KazSSR*. 19(2): 55-62. [in Russian]
- Beznosikov, 1876** – *Beznosikov, K.S.* (1876). Opisanie napravlenij dlya predpolagaemykh zheleznykh dorog iz g. Orenburga i g. Chelyaby v Tashkent [Description of the directions for the proposed railways from Orenburg and Chelyabinsk to Tashkent]. *Orenburgskii listok*. 2: 8-34. [in Russian]
- Blioh, 1878** – *Blioh, I.S.* (1878). Vliyanie zheleznodorozhnogo transporta na ekonomicheskoe sostoyanie Rossii [The impact of rail transport on the economic state of Russia]. SPb. [in Russian]
- Borzenko, 1881** – *Borzenko, A.* (1881). Materialy po zheleznodorozhnym voprosam. Zheleznye dorogi v Anglii, Francii i Rossii [Materials on railway issues. Railways in England, France and Russia]. Yaroslavl'. [in Russian]
- CGA RK** – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- CGA RU** – Centralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Fursov, Testov, 2013** – *Fursov, V.N., Testov, V.N.* (2013). Vozvedenie i funkcionirovanie transkaspiskoj magistrali v 80-h-nachale 90-h gg. XIX v [Construction and operation of the Trans-Caspian highway in the 80s-early 90s of the XIX century.]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 15(158): 26-33. [in Russian]

- Glushchenko, 2010** – *Glushchenko, E.A.* (2010). Rossiya v Srednei Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. M.: Centrpoligraf. [in Russian]
- Hvorostanskii, 1916** – *Hvorostanskii, T.A.* (1916). Orenburgskii hlebni rynek [Orenburg Bread Market]. Orenburg. [in Russian]
- Izbasarova, 2019** – *Izbasarova, G.B.* (2019). Orenburgsko-Tashkentskaya zheleznaya doroga i kazahskoe obshchestvo na rubezhe XIX–XX vv. (na primere Turgaiskoi oblasti) [Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Turgai region)]. *Bylye Gody*. 54(4): 1647-1655. [in Russian]
- Isingarín, 2004** – *Isingarín, N.K.* (2004). Zheleznye dorogi Kazahstana: stanovlenie i razvitie [Railways of Kazakhstan: formation and development]. Almaty: Rauan. [in Russian]
- Khazretali..., 2018** – *Khazretali, T.M., Girtilioglu, M., Omarbayev, Y.K., Adilbayeva, A.S.* (2018). Kazahskaya rodovaya znat' v formirovaniya gosudarstvennykh institutov Rossijskoj imperii v Semirech'e [The Kazakh nobility in the formation of the state institutions of the Russian Empire in Semirechye]. *Bylye Gody*. 47 (1): 183-192. [in Russian]
- Kitanina, 1975** – *Kitanina, T.M.* (1975). Hlebnaya-torgovlya Rossii v 1875-1914 gg. [Grain trade in Russia in 1875-1914]. M. [in Russian]
- Kondrat'ev, 1991** – *Kondrat'ev, N.D.* (1991). Rynek hlebov i ego regulirovanie vo vremena vojny i revolyucii [The bread market and its regulation during the war and revolution]. M. (pervoe izdanie raboty sostoyalos' v 1922 g.). [in Russian]
- Materialy po Kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, 1915** – *Materialy po Kirgizskomu zemlepol'zovaniyu.* (1915). [Materials on Kyrgyz land use]. Syr-Dar'inskaya oblast', Perovskiy uyezd. Tashkent.
- Migulin, 1903** – *Migulin, P.P.* (1903). Nasha novejschaya zheleznodorozhnaya politika i zheleznodorozhnye zajmy. 1893–1902 [Our latest railway policy and railway loans. 1893-1902]. Har'kov. [in Russian]
- Radciq, 1896** – *Radciq, A.* (1896). Vliyanie zheleznykh dorog na sel'skoe hozyajstvo, promyshlennost' i trgovlyu [The impact of railways on agriculture, industry and trade]. SPb. [in Russian]
- Rossiia, 1903** – *Rossiia.* Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. (1903). [Russia. Full geographical description of our Father-land]. T. XYIII. Kirgizkiy kray. Saint-Petersburg. [in Russian]
- Strumilin, 1975** – *Strumilin, S.G.* (1975). Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR [Essays on the Economic History of Russia and the USSR]. M. [in Russian]
- TGGA** – Turkestanskii gorodskoi gosudarstvenni arhiv (Turkestan City State Archive).
- Togaeva, 2009** – *Togaeva, A.* (2009). Iz istorii zheleznoi dorogi [From the history of the railway]. *Moziydan sado (Ekho istorii)*. 2: 39-46. [in Russian]
- Shenk, 2010** – *Shenk, F.B.* (2010). Imperial inter-rail: vliyanii mezhnatsional'nogo i mezhiperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitel'stva v carskoy Rossii [On the influence of interethnic and inter-empire perception and rivalry on the policy of railway construction in Tsarist Russia]. Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917). [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire]. Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vil'pius, Aleksei Miller. M. Pp. 354-380. [in Russian]
- Shperling, 2006** – *Shperling, V.* (2006). Stroit' zheleznuyu dorogu, sozdavaya imperskoe prostranstvo: «mestnost'», «krai», «Rossiya», «imperiya» kak politicheskie argumenty v poreformennoi Rossii [To build a railway, creating an imperial space: "locality", "land", "Russia", "empire" as political arguments in post-reform Russia]. *Ab imperio*. 2: 101-134. [in Russian]
- Veleckij, 1910** – *Veleckii, C.N.* (1910). Zheleznaya doroga v Semirech'e [Railway in Semirechye]. Verni. [in Russian]
- Verhovskii, 1910** – *Verhovskii, N.P.* (1910). Turkestan v raione Tashkentskoi zheleznoi dorogi i gruzy etoi dorogi [Turkestan in the area of the Tashkent railway and the cargo of this road]. SPb. [in Russian]
- Volkov, 2013** – *Volkov, I.V.* (2013). Zheleznodorozhnye kommunikacii kak faktor razvitiya russkogo Turkestana. *Prostranstvo i Vremya*. 3: 92-98. [in Russian]
- Yudin, 1895** – *Yudin, M.L.* (1895). Sredne-Aziatskaya zheleznaya doroga i preimushchestva napravleniya eyo ot goroda Orenburga na gorod Tashkent [The Central Asian railway and the advantages of the direction from the city of Orenburg to the city of Tashkent]. *Zhurnal Orenburgskoj Gorodskoj Dumy*. 160: 1-17. [in Russian]
- Ziyoiev, 2006** – *Ziyoiev, X.* (2006). Uzbekiston mustamlaka va zulm iskanzhasida (XIX asr ikkinchi yarmi – XX asr boshlari) [Uzbekistan in the era of colonization and oppression (the second half of the XIX – early XX centuries)]. Tashkent: Shark. [in Uzb.]

Социально-экономическое значение железной дороги Оренбург–Ташкент в Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства

Лаззат Сарсембековна Динашева ^{a, *}, Мурат Мейрбекович Тастанбеков ^b,
Гульмира Есбатыровна Сабденова ^c, Тенгеш Серикбаевна Каленова ^d

^a Международный Казахско-Турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан

^b Государственный историко-культурный заповедник-музей «Азрет-Султан», Туркестан, Казахстан

^c Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

^d Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу значения железной дороги Оренбург–Ташкент в социально-экономической жизни Сырдарьинской области Туркестанского края. Данная железнодорожная линия рассматривается как механизм, открывший путь к вступлению края в капиталистические отношения. Большая ее часть проходила по территории Сырдарьинской области, которая выделялась своим географическим и социально-экономическим положением из областей, входящих в Туркестанский край, тем, что на ее территории было очень мало городов и промышленных очагов.

Подавляющее большинство жителей вело полукочевой образ жизни. Крестьянам было трудно добиться перевозки своих товаров в другие потребительские среды. Можно утверждать, что данная тенденция развития резко изменилась со строительством железной дороги. На основе архивных материалов дана оценка деятельности новых железнодорожных станций и промышленных объектов, сформировавшихся на территории Сырдарьинской области. Кроме того, большое внимание уделено явлению диверсификации трудовой сферы, вызванному функционированием железной дороги. В ходе исследовательской работы был выявлен объективный подход к факторам строительства железной дороги Оренбург–Ташкент. В работе делается вывод о том, что строительство магистрали осуществлялось не из-за конкуренции между империями (как отмечалось во многих исследованиях), а с целью вовлечения в интеграционные процессы социально и экономически изолированной части империи. В связи с деятельностью железной дороги увеличился экспортно-импортный потенциал региона. Сырдарьинская область получила широкие возможности по экспорту соли, сантонина, шерсти, сухофруктов. В целом железнодорожная линия оказала существенное влияние на переход края от старых феодальных отношений к частично аграрно-индустриальной форме.

Ключевые слова: железная дорога Оренбург–Ташкент, Туркестанское генерал-губернаторство, Сырдарьинская область, Центральная Азия, социально-экономический фактор, железнодорожники.

* Корреспондирующий автор

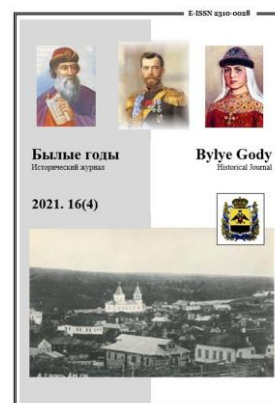
Адреса электронной почты: dinash-lyazzat@mail.ru (Л.С. Динашева),
gulmira28@mail.ru (Г.Е. Сабденова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1867-1876
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1867

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Land Issue on the Territory of Modern Kazakhstan and Its Reflection in Legislative Documents (1870–1890s)

Nurlan Y. Yessetov^{a, *}, Aleksey I. Kortunov^b

^a Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Republic of Kazakhstan

^b M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article considers the land issue on the territory of modern Kazakhstan as the most important part of the national policy of Tsarism of the second half of the 19th century. The authors focused on the legislative and regulatory acts of 1870–1890s, which determined the approaches to the regulation of land relations during the indicated period. The reforms of 1867–1868, aimed at the effective management of the Kazakhs and their lands, became the critical stage in all spheres of the life of the Kazakh society. The large part of the region favored the lands distribution and the establishment of peasants-migrants there, which Russia especially needed after the abolition of serfdom in 1861. The interest of the Tsarist Government in such redistribution is also due to the fact that the significant part of these lands were subsequently entered into the state land fund. After analyzing a number of studies and materials, it can be concluded that the main purpose of the Tsarist Government's adoption of the legislative documents on the land issue in the Kazakh region is the withdrawal of land from the Kazakh population for the resettlement of peasants-migrants. "The steppe regulations" strengthened this idea, recognizing all lands as state. At the same time, the Government's land policy was based on the distribution and resettlement of the Kazakhs with the determination of the nomadic places and the transition of nomadic Kazakhs to settled life. In addition, while implementing plans of the resettlement of peasants, the Government had strengthened the legal framework for land distribution, land use and land management of the native, Cossack and planned resettlement population. As a result, the regulatory legal acts adopted by the Tsarist monarchy had finally transferred the Kazakh lands to the ownership of the State. The introduction of new regulations and laws governing land relations and consequently, land management and use on the territory of Kazakh nomads and of peasants-migrants lands, had not only changed the previously existing system of governance of Kazakhs, but also forced them to obey the newly introduced laws. The main purpose of the analyzed regulatory documents was to prevent the land claims of the Kazakhs and secure the right to land use for the local Cossacks. Accordingly, the Government not only regulated the land use of the native population, but also managed it administratively, organizing the population into separate agricultural societies.

Keywords: land issue, legislation, land management, land use, Cossacks, modern territory of Kazakhstan, nomadic Kazakhs, displaced peasants, regulatory legal acts, the Russian Empire.

1. Введение

Актуальность решения земельного вопроса назрела во второй половине XIX века, в период нового этапа осуществления российским правительством реформаторской политики на юго-востоке страны. Реформы 1867–1868 гг., целью которых было эффективное управление казахами и их землями, стали переломным этапом во всех сферах жизни казахского общества. Обширная территория казахских степей с коренным населением около 3,5 млн человек благоприятствовала

* Corresponding author

E-mail addresses: emen80@mail.ru (N.Y. Yessetov), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov)

распределению земель и устройству на них крестьян-переселенцев, в чем Россия нуждалась после отмены крепостного права во второй половине XIX века. Думается, что заинтересованность царского правительства в подобном перераспределении связана и с тем, что впоследствии большая часть этих земель вошла в земельный фонд государства.

Несмотря на постоянный интерес исследователей к изучению периода XIX – начала XX вв. и наличие представительного списка как казахстанских, так и российских ученых, занимающихся проблемами реформаторской политики на современной территории Казахстана, законодательство по земельному вопросу в качестве самостоятельной проблемы все еще остается недостаточно изученным, хотя в советской историографии существует ряд работ по аграрной истории второй половины XIX века, касающихся как территории современного Казахстана, в частности, так и России в целом.

2. Материалы и методы

2.1. В своем исследовании авторы опирались на архивные материалы, извлеченные из фонда 6 (Канцелярия Оренбургского военного губернатора) Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а также из фонда 25 (Тургайское областное правление) и коллекции копий документов по истории Казахстана, поступивших из зарубежных архивов, Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГАРК). В соответствии с темой исследования использованы опубликованные законодательные материалы ([Полное собрание..., 1874](#); [Полное собрание..., 1880](#); [Полное собрание..., 1884](#); [Полное собрание..., 1890](#); [Полное собрание..., 1894](#)). При анализе источников и документов по земельному вопросу необходимо было сопоставление теорий и сравнение выводов других исследователей, занимавшихся проблемами аграрного развития и вопросами землеустройства в крае. Особое внимание уделено работам современных исследователей, труды которых были мало изучены в рамках представленной в статье темы.

2.2. Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности, приемы анализа и синтеза, а также логический подход к изучаемым явлениям, позволившие на основе обобщения обширного эмпирического материала провести исследование законодательной базы на предмет отражения земельного вопроса Казахского региона в нормативно-правовом пространстве Российской империи 1870–1890-х гг. При проведении исследования авторский коллектив преимущественно использовал историографический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы. Метод историографического анализа позволил изучить и систематизировать архивные материалы и научную литературу, относящиеся к сфере земельной политики российского правительства на юго-востоке страны в 70–90-х гг. XIX столетия, дать характеристику реформаторской политике в регионе. Проблемно-хронологический метод помог нам в полной мере проследить логическое развитие имперской политики на юго-востоке России в обозначенный период, а историко-сравнительный метод дал возможность определения общего и различий в тенденциях развития региональной государственной политики последней трети XIX в.

3. Обсуждение

В исторической науке земельный вопрос указанного периода всегда находил своего исследователя. В дореволюционный, советский и современный период ряд ученых историков занимались изучением вопросов землепользования на территории современного Казахстана. В дореволюционных работах земельный вопрос, как правило, затрагивался в ходе анализа и характеристики землепользования и землеустройства или был представлен в виде отчетных материалов. В ряду таких работ можно отметить труды А.А. Кауфмана и И.И. Крафта, которые дали характеристику некоторым законодательным документам по земельному вопросу ([Кауфман, 1904](#); [Кауфман, 1903](#); [Крафт, 1898](#)). Основное содержание их работ затрагивает проблему формирования переселенческого земельного фонда на территории современного Казахстана. Актуальность такой проблемы в конце XIX – начале XX вв. выражалась в необходимости выяснения достаточности количества земель для переселения крестьян. Государство со своей стороны формировало правовую основу для внедрения предлагаемых в их работах мер.

Законодательные документы по земельному вопросу рассматривались также и в работах некоторых советских ученых, исследовавших аграрную политику царизма, среди которых можно отдельно назвать П.Г. Галузо, А. Абишева и Б. Сулейменова ([Галузо, 1965](#); [Абишев, 1969](#); [Сулейменов, 1963](#)). Отдельно можно отметить работу Б. Сулейменова. При характеристике аграрной политики самодержавия он обращается к некоторым законодательным документам, уделив особое внимание Временному положению 1868 г. и нормативно-правовым актам, регулирующим процесс переселения и наделения землей переселенцев.

Основная масса исследователей при освещении проблем аграрного развития в крае обращалась к законодательным документам по земельному вопросу как к аргументу для обоснования фактов. Лишь единицы уделили внимание анализу законодательных документов по земельному вопросу в эпоху царизма. Заявленная проблема была представлена в работах таких современных исследователей, как Г.Е. Отепова, Ұ. Исмағұлов, М. Кул-Мухаммед, Б. Абдрахманова, Е.В. Тарасова, А. Мамаев, Н.Н. Сорока,

И.А. Суздальцева и др. (Отепова, 2012; Отепова, 2019; Исмағұлов, 2018; Кул-Мухаммед, 2000; Абдрахманова, 1998; Тарасова, 2012; Мамаев, 2019; Сорока, 2011; Суздальцева, 2009).

Ученый Г.Е. Отепова, посвятившая одну из своих научных публикаций законодательству в данном вопросе, представила широкий обзор и анализ документов из Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ). Изучая царское законодательство по земельному вопросу на территории современного Казахстана в XIX в., она приходит к выводу о том, что вся правовая база самодержавной политики в крае работала на утверждение прав Российской империи на казахские земли (Отепова, 2019).

Другой исследователь И.А. Суздальцева, обращая внимание на законодательство о переселенческой политике, заключает, что основная задача самодержавия заключалась в освоении новых земель, которое сопровождалось переселением крестьян и проводилось под жестким контролем государства и регулировалось изданными для этого процесса нормативными документами (Суздальцева, 2009: 42). К сожалению, отражение земельного вопроса в законодательных документах не нашло отдельного специального изучения среди историков.

4. Результаты

Отметим, что заявленная проблема освещается в работах советских авторов П.Г. Галузо, А. Абишева и Б. Сулейменова. Исследуя аграрное законодательство царского правительства, П.Г. Галузо характеризует особенности Положений 1886 г. и 1891 г. и приходит к выводу о том, что царское законодательство по земельному вопросу пронизано крепостным духом и направлено на установление военно-феодальной власти помещичьего государственного аппарата над землями кочевого и ведущего оседлый образ жизни крестьянства юго-востока Российской империи (Галузо, 1965: 91).

А. Абишев посвятил свою работу проблемам земельных преобразований на территории современного Казахстана и описал формирование земельных отношений и землепользования в крае. Вместе с этим, описывая «Временное положение» 1868 г. и упоминая о «Степном положении» 1891 г., исследователь заостряет внимание на переселении крестьян, формировании переселенческого фонда и проблемах, связанных с оседанием казахов (Абишев, 1969: 17).

В фундаментальном исследовании Б. Сулейменова об аграрной политике царской власти в Казахской степи земельное законодательство представлено отдельной главой. Ученым подробно анализируются статьи «Временного положения» 1868 г. по земельному вопросу, указываются особенности землепользования и землевладения. Анализ «Временного положения» автор завершает выводом о том, что царское правительство не учитывало интересы крестьян и шаруа, защищая лишь интересы байской верхушки (Сулейменов, 1963: 97).

В работах современных исследователей земельный вопрос затрагивается попутно с анализом социально-экономических проблем, а также исследованием идеологической составляющей и политических вопросов проведения имперской политики, в то время как вопросы земельной политики в законодательстве царского самодержавия находят отражение лишь у немногих ученых. К примеру, они освещаются в работах таких современных казахстанских исследователей, как Г.Е. Отепова, Ұ. Исмағұлов, М. Кул-Мухаммед, Б. Абдрахманова и др. (Отепова, 2012; Отепова, 2019; Исмағұлов, 2018; Кул-Мухаммед, 2000; Абдрахманова, 1998). Некоторые российские исследователи также уделяли внимание данной проблеме, в их числе Е.В. Тарасова, А. Мамаев, Н.Н. Сорока, И.А. Суздальцева и др. (Тарасова, 2012; Мамаев, 2019; Сорока, 2011; Суздальцева, 2009). В соответствии с целью исследования при обзоре литературы основное внимание уделено современным работам, взгляды авторов которых имеют особый интерес не только для историографии, но и для изучения истории земельной политики и законодательных документов царизма по земельному вопросу на современной территории Казахстана.

В ряду современных исследовательских работ и научных публикаций по вопросам аграрной и переселенческой политики выделяются труды Б.С. Токмурзаева, в которых высказывается мнение о том, что продвижение русской оседлости на юг осуществлялось в сложных обстоятельствах (Токмурзаев, 2015: 6). В научной литературе эта сложность и сегодня порождает противоречивые взгляды исследователей на земельный вопрос в регионе в рамках имперской политики. Некоторые российские и казахстанские ученые оценивают земельные преобразования и сам процесс проведения аграрной политики как «абсолютное благо», другие – как «абсолютное зло» (Токмурзаев, 2015: 6-8).

В научной публикации Г.Е. Отеповой, включающей анализ Полного собрания законов Российской империи и других законодательных материалов, дана характеристика основных видов законодательных актов, приведены их особенности и классификация (Отепова, 2019). Анализируя архивные и нормативные документы, касающиеся земельного вопроса и его отражения в царском законодательстве XVIII–XIX вв., ученый приходит к мнению о том, что последовательность земельной политики царизма привела к закреплению юридических прав на казахские земли.

М. Кул-Мухаммед отмечает, что начиная с 60-х гг. XIX в., принятые царской монархией нормативно-правовые акты окончательно придали казахской территории статус колониальной части России. Кроме того, он отметил, что превращая казахские земли в государственную собственность, власти как будто учитывали особенности отношения казахов к земле и проявляли «заботу» о беднейшей части казахского крестьянства (Кул-Мухаммед, 2000: 8).

В дороссийский период скотоводство как основной вид хозяйства казахов зависело от экосистемы и места кочевания, аридности и континентальности. В фундаментальной монографии Н.Э. Масанова подробно описана рациональность использования пастбищ, предопределенная их скудной растительностью (Масанов, 1995: 114-115). Землепользование казахов разграничивалось родовыми погребениями предков, устройством ими колодцев и мест для водопоя скота, лесами и другими топографическими и географическими особенностями местности. В подтверждение этому приведем архивный документ, в котором написано: «...Не означено, на какое именно место (брод, могилу и т.п.) Тургая должна проходить граничная черта...» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8439/1. Л. 60б.). Кроме того, владения не регламентировались документами, заверяющими право собственности. Земля была в общественном пользовании казахских родов и аулов, а земельные отношения регламентировались традиционным обычным правом вплоть до XVIII в. В обычном праве общинная собственность распространялась на зимние пастбища и водные источники искусственного происхождения, на пастбищные угодья нескольких общин (Масанов, 1995: 163).

Мнение Г.Е. Отеповой об отсутствии подтверждающих документов на собственность земли у казахов доказывает общинную форму землевладения. А. Абишев также указывал на родовое землевладение у казахов (Абишев, 1969: 10). Аналогичное мнение высказывал и Н.Э. Масанов, который отмечал, что каждый род и отдел имел свой определенный участок. На данном пространстве каждый член общины мог иметь свои пашни, летовки и зимовки, при этом род ревниво следил за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель (Масанов, 1995: 166). В одном из царских указов имеется подтверждение этому: «Киргиз-кайсаки, нанимавшие прежде у казахов Уральского (войска – Авт.) земли между реками Большим и Малым Узеньями, также присвоили себе сии земли по давнему якобы владению, но никаких крепостей и актов на принадлежность оных не предоставили...» (Отепова, 2019: 38).

Внедрение новых положений и законов, регулирующих земельные отношения, а следовательно, земельное устройство и землепользование на территории казахских кочевий и земель крестьян-переселенцев, не только изменило ранее существовавшую систему управления казахами, но и вынуждало их подчиняться вновь введенным законам. Так, в архивных документах сказано: «Найдя неудобным, чтобы киргизы, живущие в различных странах, пользовались различными положениями и правами, Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать новые законы, общие всем киргизам, живущим в Оренбургском крае, и в степях Западной Сибири, и в Туркестане. Отныне все киргизы, где бы они ни жили, должны управляться одинаковыми законами» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8210. Л. 13).

Такое нововведение вызвало недопонимание в казахском обществе, привыкшем решать все вопросы, и земельные в том числе, в соответствии с традиционным правом. Уместно будет отметить, что с целью подавления каких-либо проявлений недовольства со стороны казахов император соизволил, чтобы их поземельное владение как на зимовках, так и на летовках, а также и право перекочевок сохранены были без изменений и чтобы вообще права казахского народа, его быт и свобода вероисповедания остались неприкосновенными (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8210. Л. 14).

Можно предположить, что указанная в документе императорская воля, хоть и была проявлением бескорыстной заботы о благополучии казахов, на деле оставалась формальностью. А. Каппелер в своем исследовании отмечает, что после того как степная окраина была занята преимущественно казаками, сотни тысяч переселенцев устремились на юг. Они получали в свое владение плодородные пастбищные земли на северной окраине степи, которые были так необходимы для выживания скота в период летней засухи. Сезонная смена пастбищ была, таким образом, ограничена, и пастухи-кочевники были оттеснены в южные засушливые районы степи, что создало для казахов тяжелые экономические проблемы (Каппелер, 2000: 140-141). Таким образом, несмотря на изъявленную волю императора, чиновники для землеустройства большего количества переселенцев отбирали кочевые владения казахов.

Все реформы, проводившиеся царским правительством на территории современного Казахстана с 60-х гг. XIX столетия, подкреплялись изданными нормативными актами и документами, в результате чего, как справедливо считает современный государственный деятель и политик М. Кул-Мухаммед, был создан целый комплекс законов для усиления переселенческой политики Российской империи (Кул-Мухаммед, 2000: 8). Действительно, после принятия и введения Временного положения 1868 г. в Казахской степи для решения проблем землеустройства и землепользования был принят ряд документов, регулирующих земельные вопросы и возникшие земельные конфликты между местным населением и казачеством. Характер таких документов носил форму указов, регламентов, уставов, инструкций и т.д.

29 марта 1871 г. Государственным советом было принято два законодательных акта о землепользовании казаками и Уральским казачьим войском, которые определяли основные детали пользования землей, включая ее границы, и регулировали земельные отношения на пограничных территориях между казаками Уральского войска и казаками. По предписанию документа «О разграничении земель между Уральским казачьим войском и Букеевскими киргизами» казахи Букеевской орды должны были уступить земли и водные пространства казакам. В документе читаем: «С проведением границы между Уральским казачьим войском и Букеевскими киргизами по

означенному в 1 пункте направлению, сохранить за казаками право рыболовства в водах Каспийского моря вдоль берега от Курхайского прорана до Пороховинского бугра..., а для пристанища ловцов и устройства рыболовных промысловых заведений на упомянутом берегу предоставить в пользование Уральского войска одноверстную в ширину берега полосу земли, начиная от заплесков при самой высокой воде» ([Полное собрание..., 1874: 275](#)).

Как видим, при разграничении территории казачество не было обделено в рыбном промысле, для занятия которым казакам отводилось отдельное место. В документе «О распределении долины левого берега реки Урала между казаками и Зауральскими киргизами» на основе ранее принятой карты (1865 г.) были определены территориальные пределы казаков и зауральских киргизов (казахов – Авт.): «...Земли, признанные за казаками, оставить в безсрочном пользовании Уральского казачьего войска, а луговые отводы ... предоставить в пользование киргизов». Вместе с этим документ определял порядок пользования источниками водопоя для скота казахов, причем эти источники также устанавливались «по усмотрению» оренбургского генерал-губернатора. Кроме того, указанное в документе Черхальское озеро, располагавшееся «вне пределов войсковых дач», оставалось в пользовании казаков. Киргизы же допускались к озеру для водопоя скота также «положительными правилами, по ближайшему усмотрению Оренбургского Генерал-Губернатора» ([Полное собрание..., 1874: 276](#)).

Предоставляемое казачеству преимущество в пользовании землей и водными источниками надо полагать, могло быть связано с ростом численности населения в Уральском казачьем войске. Во второй половине XIX в. казаки составили 19 % населения Уральской области, а в конце столетия только военное сословие насчитывало более 110 тыс. человек, в 1912 г. – более 155 тыс. человек, а население в целом было уже более 200 тыс. человек ([Центральная Азия..., 2008: 215-216](#)).

Основное назначение анализируемых нормативных документов заключалось в предотвращении земельных притязаний казахов и закреплении права на землепользование за казачьим войском. В дальнейшем эти документы обеспечили правовую основу при распределении земель в пользу переселенцев. Аналогичный подход встречается и в принятом 23 мая 1878 г. документе «Об отводе в пользование киргизам земли на территории Оренбургского казачьего войска», который предписывал выделение казахам Новолинейного района от 800 тыс. до 1 млн. десятин земли из территорий Оренбургского казачьего войска ([Полное собрание..., 1880: 361](#)).

Образованный в 1835–1837 гг. Новолинейный район занимал территорию общей площадью 4 млн 13 тыс. десятин. До появления вышеуказанного документа на этих землях кочевали казахи родов Кыпшак и Жагалбайлы, «с числом около 12 тыс. кибиток» ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5661. Л. 34](#)) (около 54 000 душ обоего пола – Авт.). Стратегический характер устройства в этом районе казачьего войска и отеснение казахов подтверждает исследователь В.С. Кобзов. Он утверждает, что существовавший в районе воинский контингент гарантировал безопасность не только для организации хозяйства переселенческим населением и казаками, но и обеспечил сохранность земель с золотыми залежами для их новых владельцев, так как, «по сведениям горнопромышленного комитета, в районе степных речек Суюндук и Бирсуат были обнаружены богатые золотоносные участки, обещавшие их владельцам немалые доходы» ([Кобзов, 1992: 26](#)). Подчеркнем, что выделяемая площадь земель для казахов в «миллионном отводе» была явно недостаточной для полноценного ведения скотоводческого хозяйства и землеустройства казахов.

Для подтверждения приведем следующие цифры. Переведем десятичную меру в современную метрическую систему, получаем примерно от 872 тыс. га до 1 090 000 га земли. Здесь уместно будет привести расчеты, сделанные Н.Э. Масановым, который, изучив традиционное хозяйство казахов, рассчитал нормы содержания скота. Приняв во внимание возможности заготовки кормов на различных территориях республики, он вычислил, что годовая норма для одной овцы требует 507 га пастбищ с 1314 кг сухой массы пустынных кормов и 1,5 м³ воды. Однако из-за разнообразия природных условий и колебаний климата фактически на одну овцу требуется в зоне полупустынь региона 15–24 га, пустынь 18–24 га, а в среднем – 20,5 га пастбищных угодий ([Масанов, 1995: 65](#)).

Принимая в расчет среднюю цифру площади пастбищ у Н.Э. Масанова (а на одного казаха при среднем подсчете приходилось выпасных пять овец – Авт.), можно заключить, что указанная в документе площадь позволяла разместить там от 8507,3 человек, или 1701,46 кибиток, соответственно до 10634,14 (2126,8), с возможным содержанием овец в количестве от 42536,6 до 53170,7 голов.

Областное правление обвинило в фальсификации статистики о количестве кибиток оренбургское казачье начальство, принимая во внимание данное утверждение, можно заключить, что уменьшение местными органами власти доли земли на казахские кибитки в «миллионном отводе» имело преднамеренный характер. Очевидно, что это не позволяло создать более или менее комфортные условия для занятия скотоводством и разместить на отводимом участке 12 тыс. кибиток. По данным историка А.И. Картунова, количество казахского населения в районе разнилось от 6 193 кибиток (14 258 муж. пола и 13 161 жен. пола, или 27 419 душ обоего пола – Авт.) до 9 631 кибитки (43 тыс. душ обоего пола – Авт.) ([Картунов, 2014: 480](#)). Если первые данные представлены от оренбургского казачьего начальства, то вторые – от Областного правления оренбургских казахов.

Царское правительство, которое с XVIII в. осуществляло функции контроля и регулирования вопросов кочевки казахов, в 1880 г. утвердило документ, регулировавший кочевки казахов и правила

кочевания с указанием мест кочевки. Исключение было сделано для казахов, пожелавших перейти к оседлости: они имели право кочевания и на других территориях, однако с оплатой по установленному тарифу. Так, в документе «О дозволении киргизам кочевок на землях Алтайского горного округа» указано, что казахам разрешено заниматься кочевым скотоводством только в пределах Кулундинской степи, а тем казахам, которые решались на переход к оседлому хозяйству, власти предлагали другие территории за определенную плату (по 40 коп. за десятину в год) ([Полное собрание... 1884: 653-654](#)).

Кроме того, правила закрепляли идею правительства по отводу и изъятию земель у казахов с целью ее дальнейшей передачи в собственность государства. Определив казахам места их землепользования, сокращая при этом их пастбищные угодья, правительство постепенно превращало коренное население в дешевую рабочую силу и долговых арендаторов. В правилах отчетливо прописано, что казахи, перешедшие к оседлости и организовавшие земледельческое хозяйство, обязаны наравне с другими крестьянами оплачивать налог по строго установленному тарифу – «по 6 рублей с души» ([Полное собрание... 1884: 653-654](#)).

Правила не только предписывали казахам пользование, но и регулировали владение землей. Так, если они занимались разведением скота, земледелием или иными видами сельского хозяйства на отведенных им для этого участках, то данные участки не подлежали аренде субъектами иных родов. Таким образом, правительство не только регулировало землепользование коренного населения, но и управляло им в административном порядке, организуя население в отдельные сельскохозяйственные общества ([Полное собрание... 1884: 653-654](#)).

Кроме того, стало очевидным, что правила демонстрируют заинтересованность правительства в изъятии земель у казахов, нахождение которых в Кулундинской степи было временным явлением, и при необходимости генерал-губернатор мог распорядиться о переводе «кочевников в степную область». Вместе с тем правила демонстрируют интересы правительства в незамедлительном проведении земельной политики в жизнь.

Тяжелое положение было и у крестьян-переселенцев, поскольку вопросы их переселения также регулировались жесткими законами. К примеру, в «Правилах о поземельном устройстве оседлого населения области» (документ был утвержден 1 июля 1885 г. для Семиреченской области – Авт.) переселенцам втрое был сокращен земельный надел и увеличены налоги и повинности за счет сокращения сроков их выплаты в пять раз. Для сравнения, во «Временных правилах о крестьянских переселениях в Семиречье» 1868 г. переселенцам предлагалось «наделение землей в размере 30 дес. на душу (муж.), освобождение переселенцев от налогов... сроком на 15 лет...» ([Сулейменов, 1963: 99](#)).

Главным поводом для подобного сокращения наделаемых земель явился недостаток свободных земель в Семиречье. Именно этот фактор повлиял на принятие ряда документов с ограничительными мерами в наделении землей крестьян. Так, в соответствии с принятым в 1889 г. положением «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» крестьяне не имели права самовольного переселения; размеры и место их земельных участков устанавливались местными чиновниками ([Полное собрание..., 1891: 535](#)).

Но были некоторые льготы от правительства: крестьяне освобождались от военной службы на три года, могли получить продовольственные и семенные ссуды. Характеризуя тенденциозность ограничения прав крестьян в переселенческой политике, российский исследователь И.А. Суздальцева пишет, что за администрацией осталось право в каждом отдельном случае решать вопрос о возможности и условиях переселения, а выдача разрешений переселенцам ставилась в зависимость от наличия свободных земель на местах водворения. Это приводило к массовому отклонению ходатайств крестьян ([Суздальцева, 2009: 3](#)).

Сущность администрации также заметно выражается и в ее отношении к казахам, особенно в принимаемых ею мерах по изъятию земель. Администрация решала удобность расположения коренных жителей на тех или иных участках ([Полное собрание... 1884: 653-654](#)).

Важным документом анализируемого периода является «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиречинской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края», или так называемое «Степное положение», принятое правительством 25 марта 1891 г., сыгравшее существенную роль в процессе перевода казахских земель в государственную собственность. Данный документ как законодательный акт по управлению степными областями региона в 119 ст. признал все кочевые земли казахов с их богатствами и лесами государственной собственностью. Особой тяжестью легло на плечи казахов первое примечание к 120 ст. закона, по которому все излишние земли казахов переходят во владение земельного хозяйства и Министерства государственных имуществ ([Полное собрание... 1894: 143](#)).

Характерно и то, что землепользование кочевых казахов в соответствии с этим документом регулируется положением, а земельные права казахских войск определяются особыми узаконениями. Отметим, что если термин «положение» означает нормативный документ, определяющий основные функции, обязанности, правила организации и деятельности отдельных подразделений, то узаконение – это какое-либо распоряжение, имеющее юридически большую силу. Таким образом,

если правила владения казахами земель формируются и регулируются документом, определяющим эти правила, то казачье войско имело такое право, закрепленное законом.

«Степное положение» регулировало и арендные отношения. Так, в ст. 126 казахам разрешалось сдавать земли в наем «лицам русского происхождения». В этой связи В. Жемчужников писал: «Почему казахи сдают земли в наем? ... Такое действие является результатом экономической нестабильности, в ходе которой казахи вынуждены были часть своих земель сдавать в наем на определенный срок. Кроме того, пользуясь неграмотностью местных жителей и подкупая родовых правителей и влиятельных людей среди казахов, заставляли население сдавать земли в аренду» (Жемчужников, 1927: 15-16).

С этим утверждением невозможно не согласиться: были случаи, когда некоторые казахские баи сдавали в аренду земли целой волости, игнорируя мнение других казахов. Договорившись с баем, зажиточный крестьянин мог получить приглянувшиеся ему участки. Подобное самовольство со стороны казахских баев в итоге привело к тому, что в аренду сдавались земли постоянного пользования казахов-скотоводов (ЦГАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1365. Л. 80).

В этой связи уместно вспомнить, что именно зажиточные крестьяне могли и имели возможность аренды большого количества участков, чтобы в результате были образованы целые селения. Например, в Мендикаринской волости образовался поселок Гребенские с количеством 600 душ, а в Кенаральской волости – поселки Каменский и Белоярский с количеством 700 душ. Даже в начале XX в. представители некоторых партий, выступавшие в Думе по аграрному вопросу, по словам Б. Сулейменова, выражали интересы различных слоев крестьянства, главным образом его зажиточной части и кулачества (ЦГАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1365. Л. 80; Сулейменов, 1963: 112).

С увеличением количества переселенцев на землях казахов степные районы поэтапно подключались к российской правовой структуре, а законодательные документы подкрепляли процесс управления территорией. Следовательно, коренному населению необходимо было подчиниться новым нормативно-правовым требованиям царского правительства, постепенно отступая от старых, традиционных устоев быта и административного управления.

5. Заключение

Таким образом, проанализировав ряд исследований и материалов, которые являются основой для изучения вопросов законодательного регулирования земельных отношений и, в частности, землеустройства и землепользования на территории современного Казахстана в царский период, можно заключить, что основная цель принятия царским правительством законодательных документов по земельному вопросу в регионе – это изъятие земель у казахского населения для расселения крестьян-переселенцев. «Степное положение» укрепило эту идею, признав все земли государственными. Вместе с тем основой земельной политики правительства являлось распределение и расселение казахов с определением мест их кочевок и переход кочевых казахов к оседлости.

Рассматривая и анализируя законодательные акты Российской империи по земельному вопросу, также можно заключить, что «де-юре» землепользование и владение землей организовывалось без всякого ущемления юридических прав коренного населения, но «де-факто» бедные слои коренного населения и крестьянства были сильно закабалены налогами и оплатой за аренду земли.

Кроме того, при реализации планов по переселению крестьян правительство укрепило юридическую основу распределения земель, землепользования и землеустройства коренного, казачьего и планируемого переселенческого населения. В результате принятые властью нормативно-правовые акты окончательно перевели казахские земли в собственность государства.

Внедрение новых положений и законов, регулирующих земельные отношения, а, следовательно, земельное устройство и землепользование на территории казахских кочевий и земель крестьян-переселенцев, не только изменило ранее существовавшую систему управления казахами, но и вынуждало их подчиняться вновь введенным законам. Основное назначение анализируемых нормативных документов заключалось в предотвращении земельных притязаний казахов и закреплении права на землепользование за местным казахством.

Таким образом, правительство не только регулировало землепользование коренного населения, но и управляло им в административном порядке, организуя население в отдельные сельскохозяйственные общества.

Изучение законодательной базы в развитии земельных отношений и исследование земельного вопроса – важная, но на сегодняшний день недостаточно изученная страница аграрной истории, хотя в социально-экономическом развитии Казахского региона аграрная тематика – это не просто связующий элемент, но и главное звено в истории государства, что подчеркивает особое значение исследования земельного вопроса для исторической науки.

Литература

Абдрахманова, 1998 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Полиграфия, 1998. 137 с.

Абишев, 1969 – Абишев А. Земли Казахстана и их использование. Алма-Ата: Кайнар, 1969. 114 с.

- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Жемчужников, 1927** – Жемчужников Н.Н. Движение на Восток. К вопросам переселения, землеустройства и колонизации. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1927. 144 с.
- Капеллер, 2000** – Капеллер А. Россия – многонациональная империя / Пер. с нем. С. Червонная, ред. Анри Мартен. М.: Традиция, 2000. 344 с.
- Кауфман, 1904** – Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. СПб.: Типография В.О. Киршбаума для М-ва финансов на Дворц. Площ., 1904. 866 с.
- Кауфман, 1903** – Кауфман А.А. К вопросу о колонизации Уральской области. Отчет члена Ученого комитета М-ва ЗиГИ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. Ч. 1. СПб.: Типография В.Щ. Киршбаума для М-ва финансов, на Дворц. Площ., 1903. 79 с.
- Кобзов, 1992** – Кобзов В.С. Новая линия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 1992. № 1. С. 12-26.
- Кортунов, 2014** – Кортунов А.И. К вопросу о земельных спорах оренбургских казаков и киргизкайсаков (казахов) Новолинейного района Оренбургского казачьего войска (1835–1861 гг.) // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 6 (49). С. 477-481.
- Крафт, 1898** – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типолитография И.Н. Жаринова, 1898. 532 с.
- Кул-Мухаммед, 2000** – Кул-Мухаммед М. Колониальный режим в Казахстане (1868–1917). Алматы: Атамура, 2000. 48 с.
- Мамаев, 2019** – Мамаев А. Имперский проект заселения Голодной степи // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 4. С. 1259-1274.
- Масанов, 1995** – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Отеева, 2012** – Отеева Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX вв. Павлодар: Изд-во Павлодарского государственного педагогического университета, 2012. 161 с.
- Отеева, 2019** – Отеева Г.Е. Царское законодательство XIX века о земельном вопросе в Казахстане // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2019. № 4(08) январь–март. [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/564> (дата обращения: 06.01.2021).
- Полное собрание..., 1874** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLVI. Отд. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. 935 с.
- Полное собрание..., 1880** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. LIII. Отд. 1. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. 464 с.
- Полное собрание..., 1884** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. LV. Отд. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1884. 966 с.
- Полное собрание..., 1891** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. IX. СПб.: Государственная типография, 1891. 1490 с.
- Полное собрание..., 1894** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XI. СПб.: Государственная типография, 1894. 1410 с.
- Сорока, 2011** – Сорока Н.Н. Процесс формирования индивидуального пользования сенокосными угодьями в казахском ауле Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. (По материалам экспедиционных исследований 1896–1903 гг.) // *Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках* // Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 157-162.
- Суздальцева, 2009** – Суздальцева И.А. О формировании российского законодательства по переселенческому вопросу во второй половине XIX века // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2009. № 3 (8). С. 40-42.
- Сулейменов, 1963** – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начала XX вв. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 412 с.
- Тарасова, 2012** – Тарасова Е.В. Вопрос о нормах киргизского землепользования в политике Российской империи в Степном крае и Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // *Известия Алтайского государственного университета. Серия «История»*. 2012. № 4-2(76). С. 199-201.
- Токмурзаев, 2015** – Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 1 (33). С. 5-9.
- Турсунбаев, 1950** – Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1950. 102 с.
- ЦГАРК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Центральная Азия..., 2008 – Центральная Азия в составе Российской империи / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова (отв. ред.) и др. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

Исмағұлов, 2018 – Исмағұлов Ұ.Ш. Ресейдің Батыс Қазақстандағы жер саясаты (1869–1917 жж.). «Жұбанов кітапханасы» сериясы. Ақтөбе: «Жұбанов университеті» баспасы, 2018. 126 б.

References

Abdrahmanova, 1998 – *Abdrahmanova, B.M.* (1998). Istoriya Kazahstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustrojstvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana. [in Russian]

Abishev, 1969 – *Abishev, A.* (1969). Zemli Kazahstana i ih ispol'zovanie [Lands of Kazakhstan and their use]. Alma-Ata. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo, P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazahstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The State Archive of the Orenburg region].

Zhemchuzhnikov, 1927 – *Zhemchuzhnikov, N.N.* (1927). Dvizhenie na Vostok. K voprosam pereseleniya, zemleustrojstva i kolonizacii [Movement to the East. On the issues of resettlement, land management and colonization]. Moskva. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – a multinational empire: The Emergence. History. Disintegration]. Moskva. [in Russian]

Kaufman, 1904 – *Kaufman, A.A.* (1904). Svod trudov mestnyh komitetov po Kavkazu, oblasti vojska Donskogo, Sibiri, Stepnomu krayu i Turkestanu [A set of works of local committees on the Caucasus, the Don Army region, Siberia, the Steppe Region and Turkestan]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Kaufman, 1903 – *Kaufman, A.A.* (1903). K voprosu o kolonizacii Ural'skoj oblasti. Otchet chlena Uchenogo komiteta M-va ZiGI A.A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g. [On the question of colonization of the Ural region. Report of a member of the Scientific Committee of the Moscow State University A.A. Kaufman on a business trip in the summer of 1903]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Kobzov, 1992 – *Kobzov, V.S.* (1992). Novaya liniya [New line]. Chelyabinsk. [in Russian]

Kortunov, 2014 – *Kortunov, A.I.* (2014). K voprosu o zemel'nyh sporah orenburgskih kazakov i kirgiz-kajsakov (kazahov) Novolinejnogo rajona Orenburgskogo kazach'ego vojska (1835-1861 gg.) [On the issue of land disputes between Orenburg Cossacks and Kirghiz-Kaysaks (Kazakhs) Novolinear district of the Orenburg Cossack Army (1835-1861)]. Gorno-Altajsk. [in Russian]

Kraft, 1898 – *Kraft, I.I.* (1898). Sbornik zakonov i ukazov o kirgizah stepnyh oblastej [Collection of laws on Kyrgyz steppe regions]. Orenburg. [in Russian]

Kul-Muhammed, 2000 – *Kul-Muhammed, M.* (2000). Kolonial'nyj rezhim v Kazahstane (1868–1917) [Colonial regime in Kazakhstan (1868–1917)]. Almaty. [in Russian]

Mamaev, 2019 – *Mamaev, A.* (2019). Imperskij proekt zaseleniya Golodnoj stepi [Imperial settlement project of the Hungry Steppe]. Ekaterinburg. [in Russian]

Masanov, 1995 – *Masanov, N.E.* (1995). Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [Nomadic civilization of Kazakhs: fundamentals of nomadic society]. Almaty; Moskva. [in Russian]

Otepova, 2012 – *Otepova, G.E.* (2012). Hronologicheskij ukazatel' zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj imperii po istorii Kazahstana XVIII – nachala XX vv. [Chronological index of legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan of the XVIII – early XX centuries]. Pavlodar. [in Russian]

Otepova, 2019 – *Otepova, G.E.* (2019). Tsarskoe zakonodatel'stvo XIX veka o zemel'nom voprose v Kazahstane [Tsarist legislation of the XIX century on the land issue in Kazakhstan]. Almaty. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1874 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1874). [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1880 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1880). [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1884 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1884). [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1891 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1891). [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1894 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1894). [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Soroka, 2011 – *Soroka, N.N.* (2011). Process formirovaniya individual'nogo pol'zovaniya senokosnymi ugod'yami v kazahskom aule Stepnogo kraja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (Po materialam ekspedicionnyh issledovanij 1896-1903 gg.) [The process of formation of individual use of hayfields in the Kazakh aul of the Steppe region in the second half of the XIX – early XX centuries (Based on the materials of the expedition studies of 1896-1903)]. Novosibirsk. [in Russian]

Suzdal'ceva, 2009 – *Suzdal'ceva, I.A.* (2009). O formirovanii rossijskogo zakonodatel'stva po pereselencheskomu voprosu vo vtoroj polovine XIX veka [On the formation of Russian legislation on the resettlement issue in the second half of the XIX century]. Mahachkala. [in Russian]

Sulejmenov, 1963 – *Sulejmenov, B.* (1963). Agrarnyj vopros v Kazahstane v poslednej treti XIX – nachala XX vv. (1867-1907 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX centuries (1867-1907)]. Alma-Ata. [in Russian]

Tarasova, 2012 – *Tarasova, E.V.* (2012). Vopros o normah kirgizskogo zemlepol'zovaniya v politike Rossijskoj imperii v Stepnom krae i Turkestane (konec XIX – nachalo XX vv.) [The question of the norms of Kyrgyz land use in the policy of the Russian Empire in the Steppe Region and Turkestan (late XIX – early XX centuries)]. Barnaul. [in Russian]

Tokmurzaev, 2015 – *Tokmurzaev, B.S.* (2015). Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraja v kontekste gosudarstvennoj pereselencheskoj politiki vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian colonization of the Steppe Region in the context of the state resettlement policy of the second half of the XIX – early XX centuries]. Tomsk. [in Russian]

Tursunbaev, 1950 – *Tursunbaev, A.B.* (1950). Iz istorii krest'yanskogo pereseleniya v Kazahstan [From the history of peasant resettlement in Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]

CGARK – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Central'naya Aziya..., 2008 – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2008. [in Russian]

Ismagulov, 2018 – *Ismagulov, U.Sh.* (2018). Resejdin Batys Kazahstandagy zher sayasaty (1869–1917 zhzh.) [Land policy of Russia in western Kazakhstan (1869–1917)]. Aktobe. [in Kazakhstan]

Земельный вопрос на территории современного Казахстана и его отражение в законодательных документах (1870–1890-е гг.)

Нурлан Есетович Есетов ^{a, *}, Алексей Иванович Кортуннов ^b

^a Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Республика Казахстан

^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье земельный вопрос на территории современного Казахстана рассматривается как важнейшая часть внутренней политики царизма второй половины XIX столетия. Основное внимание авторы сосредоточили на законодательных и нормативно-правовых актах 1870–1890-х гг., которые определяли подходы к регулированию поземельных отношений в обозначенный период. Реформы 1867–1868 гг., целью которых было эффективное управление казахами и их землями, стали переломным этапом во всех сферах жизни казахского общества. Большая часть региона благоприятствовала распределению земель и устройству на них крестьян-переселенцев, в чем Россия особо нуждалась после отмены крепостного права в 1861 г. Заинтересованность царского правительства в подобном перераспределении связана и с тем, что впоследствии значительная часть этих земель вошла в государственный земельный фонд. Проанализировав ряд исследований и материалов, можно заключить, что основная цель принятия царским правительством законодательных документов по земельному вопросу в Казахском регионе – это изъятие земель у казахского населения для расселения крестьян-переселенцев. «Степное положение» укрепило эту идею, признав все земли государственными. Вместе с тем основой земельной политики правительства являлось распределение и расселение казахов с определением мест их кочевков и переход кочевых казахов к оседлости. Кроме того, при реализации планов по переселению крестьян правительство укрепило юридическую основу распределения земель, землепользования и землеустройства коренного, казачьего и планируемого переселенческого населения. В результате принятые царской монархией нормативно-правовые акты окончательно перевели казахские земли в собственность государства. Внедрение новых положений и законов, регулирующих земельные отношения, а следовательно, земельное устройство и землепользование на территории казахских кочевий и земель крестьян-переселенцев, не только изменило ранее существовавшую систему управления казахами, но и вынуждало их подчиняться вновь введенным законам. Основное назначение анализируемых нормативных документов заключалось в предотвращении земельных притязаний казахов и закреплении права на землепользование за местным казачеством. Таким образом, правительство не только регулировало землепользование коренного населения, но и управляло им в административном порядке, организуя население в отдельные сельскохозяйственные общества.

Ключевые слова: земельный вопрос, законодательство, землеустройство, землепользование, казаки, современная территория Казахстана, кочевые казахи, крестьяне-переселенцы, нормативно-правовые акты, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

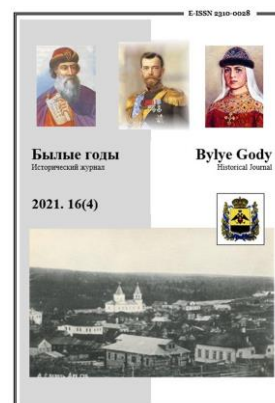
Адреса электронной почты: emen80@mail.ru (Н.Е. Есетов), kortunov@rambler.ru (А.И. Кортуннов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1877-1885
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1877

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Folk Readings as one of the Forms of Organization of Rural Extracurricular Education in the Orel Province in the second half of the XIX – early XX centuries

Oksana V. Klevtsova ^{a, *}, Nikolay A. Zhirov ^a

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the situation in the field of literacy among the rural, mainly peasant population through holding public readings. The authors made an attempt to study the legislative framework, to study the state policy and recommendations on the methodology for organizing mass public readings. The relevance of the study lies in the poor knowledge of the out-of-school form of education in the Russian Empire, including within the framework of the Oryol province, in the period under study.

Particular attention was paid to holding readings on the territory of the Oryol province, analyzing the demand for this area of work among the peasant population.

In the course of the research, the following methods were used: general scientific methods of analysis and synthesis, the principle of historicism, comparative historical, mathematical and other methods.

As a result of the study, the reasons for the popularity of folk readings among the villagers were established. At the same time, there is a noticeable lack of consistency in the conduct of this work, a plan for the organization and dissemination of religious and moral education of young people has not been formed. The reasons that hinder this process are identified: a lack of funds, a meager material and technical base of libraries, a lack of qualified teachers. The state has shifted the responsibility to the local authorities and the public. At the same time, throughout the entire period under study, there has been a steady increase in interest among the peasant population in folk readings and books.

Keywords: religious and moral readings, national library, extracurricular education, peasantry, zemstvo, the Orel province.

1. Введение

Система начального образования Российской империи к середине XIX в. была представлена двумя основными типами школ – государственными земскими и учебными заведениями духовного ведомства. Частные школы, особенно в сельской местности, были редким явлением. Все перечисленные школы давали минимум знаний, а ученики в большинстве случаев после завершения обучения оставались полуграмотными, с трудом могли читать и писать. Но это не означало, что крестьянство не тянулось к знаниям, наоборот, потребность в грамотных людях росла, и осознание необходимости получения образования стало повсеместным явлением.

Специфика крестьянской сельской жизни, где ребенок достаточно рано вовлекался в аграрный цикл работ и к подростковому возрасту становился полноценным работником в своей семье, не предполагала иного пути получения знаний, кроме обучения в начальной школе. Потребность в чтении, как правило, возникала в более осознанном возрасте, но школ или иных учебных курсов для взрослого крестьянства не существовало. Для возмещения пробела в образовании взрослых жителей села и их детей был выбран путь распространения грамотности через систему внешкольного массового образования, а основной формой внедрения и популяризации знаний стали народные чтения.

* Corresponding author

E-mail addresses: ksenijmel@yandex.ru (O.V. Klevtsova), zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

В настоящее время возникла потребность воссоздания целостного представления о наследии отечественной педагогики, ее успехах в разные исторические периоды, в том числе и дореволюционную эпоху. Изучение истории внешкольных форм обучения, в том числе посредством организаций народных чтений, распространения библиотечной сети, позволяет раскрыть процесс распространения грамотности среди населения нашей страны. В этой связи особый интерес заслуживает региональная история становления провинциальной библиотечной системы и распространения грамотности в сельской местности. Изучение роли религиозно-нравственных чтений в крестьянской среде на примере отдельно взятого региона позволит детализировать процесс и выявить специфику региона в решении данного вопроса.

2. Материалы и методы

В качестве источников авторами были использованы архивные документы и опубликованные материалы по предложенной теме. В первую очередь это различные статистические сборники по системе школьного образования региона, а также периодическая печать, а именно газета «Орловские епархиальные ведомости». В этой газете помещались заметки учащих священно- и церковнослужителей о школах духовного ведомства, о методиках преподавания, о составе учебной литературы и т.д. В рамках изучаемой темы особенно ценными являются очерки с описанием организованных нравственно-религиозных чтений для крестьян (какая литература освещалась, популярность этих чтений, с какими проблемами сталкивались местные священники при проведении мероприятий). Основная методика исследования заключается в комплексном изучении документальных материалов, хранящихся в Государственном архиве Орловской области, а также в детальном анализе научной литературы, посвященной исследуемой тематике.

В Государственном архиве Орловской области (г. Орел, Россия) в фондах канцелярии губернатора Орловской губернии (Ф. 580) и губернской земской управы (Ф. 525) имеется ряд документов, содержащих информацию о внедрении и развитии внешкольного образования в исследуемом регионе. В этой связи напрашивается мысль, что внешкольные формы просветительской деятельности были под бдительным контролем губернатора и земства и имели важнейшее значение в распространении грамотности среди широких масс населения.

Нами были использованы следующие методы:

- сравнительно-исторический, который позволил проследить становление и развитие народных библиотек в конце XIX – начале XX вв. на территории Российской империи, и в частности в Орловской губернии, и дал возможность выявить как закономерности в процессе организации народных чтений, так и различия;

- математический – статистические данные позволили раскрыть динамику процесса внедрения народных чтений как одной из важных форм внешкольного образования;

- метод историзма предоставил возможность рассмотреть явления в их историческом развитии в связи с социальными, политическими и общекультурными процессами и выявить предпосылки становления народных чтений на территории Орловской губернии, а также детально изучить этапы организации чтений.

3. Обсуждение

В современной отечественной исторической науке тема дореволюционного школьного образования представлена достаточным количеством научных исследований, значительная часть которых освещает региональные особенности этого вопроса на уровне губерний и отдельных уездов (Белослудцева, 2009; Ивако, 2002). В этих работах в основном изучалось функционирование гражданских школ и учебных заведений духовного ведомства, проводился анализ материально-технического состояния школ, педагогических кадров, финансирования и т.д.

Исследования зарубежных историков по представленной тематике немногочисленны и в основном освещают не столько систему сельского образования или внешкольного обучения в империи, сколько степень ее воздействия на жизнь крестьян (Eklöf, 1990).

К работам общероссийского характера стоит отнести публикации А.В. Буганова и других историков (Буганов, 2008; Зайцева, 2010; Маркаръян, 2013), в которых была затронута тема внешкольного образования в Российской империи, но касалось это в основном городских слоев населения.

По истории дореволюционного образования Орловской губернии в настоящее время существует немало научных работ, представленных крупными диссертационными исследованиями, а также отдельными статьями в научных журналах (Барынкина, Барынкин, 2015; Хабалева, 2015). Отдельно отметим вклад в изучение системы сельского образования в Орловской губернии авторов данной статьи, посвятивших этой теме более 15 научных публикаций, в том числе и монографии в рамках исполнения грантов (Жиров, 2020: 99-108; Клевцова, Жиров, 2019; Клевцова, Жиров, 2020).

В то же время вопрос изучения внешкольного сельского образования, особенно на региональном уровне, в том числе в рамках Орловской губернии, все еще мало исследован. В последние годы стали появляться отдельные публикации (Козлов, 2012; Першина, 2016), но их количество явно недостаточно, что обуславливает актуальность исследований по этой тематике.

4. Результаты

Либеральные реформы второй половины XIX в. способствовали возникновению необходимости распространения основ грамотности среди сельских жителей, в первую очередь получивших свободу бывших владельческих крестьян. Организовать массовое внедрение школьного образования было невозможно по целому ряду причин: отсутствию финансов, недостаточному количеству учителей, непониманию крестьянством смысла получения самого образования и т.д. Перераспределение обязанностей по распространению основ грамотности среди освобожденного крестьянского населения между государством, церковью и местными органами самоуправления не могло принести скорейших положительных результатов. Особую проблему вызывал постоянный дефицит квалифицированных педагогических кадров (Филоненко, 2004: 137-142). Учителей начальных земских школ к 1914 г. было вполне достаточно, но большая часть преподавателей в школах духовного ведомства, особенно в школах грамотности, была представлена местным клиром (дьяки, причетники). Большая часть из них имела либо домашнее, либо неоконченное семинарское образование, была поверхностно знакома с педагогическими методами.

Вследствие этого для решения проблемы безграмотности населения доступными средствами и для последующей мотивации в получении образования подрастающими поколениями сельских обывателей в 1871 г. в Петербурге было издано Первое Высочайшее повеление об устройстве народных чтений. Религиозно-нравственные чтения должны были стать одной из форм организации внешкольного обучения крестьянской молодежи и взрослого малограмотного населения дореволюционной России.

Инициатива распространения народных чтений принадлежала Санкт-Петербургскому градоначальнику генерал-адъютанту Ф.Ф. Трепову, который считал, что «только постепенным путем смягчения в народе грубых нравов, возвышением в нем нравственного и умственного уровня он может быть отвлечен от пагубной страсти к вину» (Вахтеров, 1897: 43-44).

8 декабря 1871 г. была организована комиссия для обсуждения доклада генерала-адъютанта Трепова. Она определила, что народные чтения должны стать занимательными и полезными для народа, понятными простому человеку, должны содержать наглядные пособия и интересные опыты. Каждое чтение должно представлять собой законченное занятие, рассчитанное на то, что посетитель мог здесь присутствовать случайно и мог не прийти на следующий сеанс.

Комиссия приняла решение о том, что контролировать работу чтений станет Министерство народного просвещения. В 1876 г. в свет вышли правила устройства чтений в губернских и уездных городах, а также сельской местности. В соответствии с документом чтения можно было устраивать с разрешения попечителей учебных округов и с согласия местного губернатора. Книжные пособия для чтений рекомендовались ученым комитетом Министерства народного просвещения, а духовную литературу определял Священный синод (Вахтерова, 1897: 5-46).

В 1876 г. были опубликованы «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними». В соответствии с этими правилами библиотеки составляли список допустимой для чтения литературы, одобренной Министерством народного просвещения (Сборник справок..., 1899: 163).

Надзор за народными чтениями осуществляли уездные предводители дворянства и земские начальники, председатели земских уездных управ, уездные исправники (Першина, 2016: 192). Они должны были следить за тем, чтобы в читальни не попадали nereкомендованные книги, а сами библиотеки не служили местом собраний и совещаний.

В городах чтения организовывались под надзором директоров народных училищ или инспектора губернии. Местами устройства чтений могли быть дома, где располагались училища, школы или помещения в казенных и общественных зданиях. При этом не допускалось организовывать чтения на фабриках. Публичные чтения для рабочих устраивались с разрешения губернатора (Сборник справок..., 1899: 166).

Для неграмотного населения единственным способом получения информации были чтения произведений вслух. Для организации чтений было необходимо получить разрешение. Его давали благонадежным гражданам. Место проведения чтений располагалось вдали от продажи спиртного. Время сеанса должно было быть удобным для посещения большей части населения (Сборник справок..., 1899: 29).

В 1891 г. последовало распоряжение Министерства народного просвещения об устройстве народных чтений в помещениях училищ в дни, свободные от процесса преподавания (Сборник справок..., 1899: 28).

В Орловской губернии организаторам религиозно-нравственных чтений было рекомендовано начинать беседы на темы, близкие народу. Необходимо было подбирать для изучения повествования, имеющие религиозный характер, «которые удовлетворяли любознательность» народа. Потом можно было приступать к изучению литературы исторического и беллетристического содержания. Такая форма организации чтений позволяла разнообразить обучение и сохранить интерес к занятиям среди большего числа слушателей. Рекомендовалось концентрировать внимание на изучении важных событий Российской истории, подчеркивая заслуги перед Отечеством отдельных исторических личностей (ОЕВ, 1899: 554).

Перед религиозно-нравственными чтениями были поставлены важные задачи: при подборе материала необходимо ориентироваться не на то, чтобы сообщать прикладные знания, а рассказывать слушателям «материал воспитательный». Чтения должны дать «пищу для умственно-сердечной жизни» (Вахтеров, 1897: 31).

Чтения организовывались в рекомендованных помещениях при помощи так называемого волшебного фонаря. Этот прибор проецировал на белую стену или кусок материи изображение текста или рисунка в увеличенном размере. Сам фонарь можно было сделать из подручных средств, кроме самого проектора или увеличительного стекла (Котомина, 2016: 16-17).

Необходимо было проверить качество картинки, поэтому до начала чтений включали фонарь и фокусировали изображение, делая его более четким и ярким. За работой устройства следил техник, распорядитель чтений рассаживал слушателей, а чтец располагался возле фонаря и читал заранее подготовленный отрывок или произведение (Сборник справок..., 1899: 28-29).

На сельских чтениях все технические и организационные моменты ложились на плечи священника или учителя, ответственного за проведение чтений (Сборник справок..., 1899: 28-29). Такие мероприятия имели еще одну цель – заставить читателей полюбить произведения отечественных классиков. Особо востребованной в крестьянской среде была духовно-нравственная литература. Она составляла 60 % от общего числа книг, хранящихся в сельских библиотеках. Постепенно популярность набирала светская историческая и художественная литература. Крестьяне любили читать и слушать произведения А.С. Пушкина («Капитанскую дочку», «Дубровского», «Историю пугачевского бунта», «Полтаву»), Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, басни И.А. Крылова, стихи В.А. Жуковского, А. Кольцова, Н. Некрасова (Буганов, 2008: 56).

Земства и общества грамотности и трезвости устраивали книжные склады или библиотеки, а с помощью чтений усиливали интерес к отдельной книге. В письмах, направленных от волостных и губернских правлений, сообщалось, что в сельской местности с низким уровнем потребности в образовании взрослого населения народные чтения смогут разбудить интерес к «знанию и доверие к книгам» (Вахтерова, 1897: 31).

Низкая платежеспособность населения затрудняла самостоятельное приобретение книг крестьянством. Единственный способ повышения грамотности после окончания школы состоял в массовых общественных чтениях книг из казенного или земского фонда, о чем красноречиво свидетельствует переписка уездных земств с канцелярией губернатора, а также руководства дирекций народных училищ Орловской губернии с губернскими и уездными органами власти, отраженная в делопроизводственной документации (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 180).

Одним из важных инициаторов проведения массовых чтений в рамках внешкольного образования являлась Орловская духовная семинария. Она возникла в 1778 г. при епископе Амфросии Подобедове. Епископ Амфросий был ревностным поборником духовного просвещения, прославился заботой об образовании духовенства во всех епархиях, где ему приходилось служить. Первым ректором семинарии стал игумен Досифей (ОЕВ, 1899: 705-706).

Орловская семинария с 1896 г. взяла на себя обязанности еженедельно устраивать воскресные чтения. Инициатором данного направления просвещения стал ректор семинарии протоиерей Владимир Антонович Сахаров. Он взял на себя заботу по подбору литературы для чтений и составлял списки лекторов из числа воспитанников семинарии. Протоиерей Владимир лично присутствовал на занятиях и контролировал проведение чтений, а также посещаемость простого населения.

Большой интерес вызывали произведения отечественных писателей. В 1898 г. на народных чтениях в Орловской духовной семинарии читали отрывки из поэмы «Полтава» А.С. Пушкина, стихотворения Алексея Толстого и других (ОЕВ, 1899: 554).

С целью повышения интереса к занятиям чтения составлялись из двух частей – религиозного содержания и историко-литературного. Каждая часть длилась не более часа. Были проведены исследования и доказано, что простой народ не может внимательно слушать более 60 минут (ОЕВ, 1899: 554).

Сеансы чтений были востребованными. Каждый раз их посещало около 200–400 человек. Интерес не останавливали «даже дурная и грязная погода». Чтения при семинарии являлись для жителей «подходящим средством провести вечер праздничного дня с интересом и пользой» (ОЕВ, 1899: 554).

Посещение сеансов народных чтений удовлетворяло потребности в духовном, нравственном развитии людей разных возрастов и полов. Они отвлекали народ от праздного шатания по вечерним улицам, от похода в питейные заведения. Таким образом, чтения выполняли поставленную перед ними задачу – «дать разумно-нравственное развлечение простому народу, отвлечь его от погружения в тину низкопробных и часто безнравственных занятий и увеселений». Чтения помогали в антиалкогольной борьбе (ОЕВ, 1899: 555).

В выборе источников пользовались рекомендациями Министерства народного просвещения. Особое внимание уделяли рекомендациям Харьковской комиссии по устройству народных чтений. От Харьковского общества по народным чтениям бесплатно или по приемлемым ценам получали картинки для волшебных фонарей. Предлагалось подобрать такой материал, который бы

«дисциплинировал ум... и сообщал прикладные знания из областей, например арифметики» (*Сборник справочк..., 1899: 104*).

Народные чтения устраивались в воскресные дни в земских и церковно-приходских школах. Общее число земских школ, где проводились такого рода занятия в 1896 г., составило 37, или 8,6 % от всех школ данного типа. Сеансы проводились и в церковно-приходских школах губернии (в 12, или 13,7 %). В среднем на чтениях присутствовало от 111 до 114 человек (*Сборник справочк..., 1899: 104*).

Организаторы чтений пытались решить проблемы скученности слушателей. Так, в 1893 г. в городе Орле провели эксперимент. С 18 апреля было принято решение проводить чтения два раза в день. На первый утренний сеанс пускали детей. Именно они часто создавали неудобства при проведении вечерних чтений своими разговорами и хождениями по аудитории. Утром на чтения в этот день пришло 66 человек, а вечером – 83. Но случались дни, когда посещаемость утренних сеансов была низкой (*Вахтеров, 1897: 202*).

В городах чтения обычно устраивали в Народных домах, представлявших собой культурно-просветительные государственные учреждения (например, земские и муниципальные дома попечительства о народной трезвости), однако часто были и негосударственные Народные дома, построенные и финансируемые частными благотворителями. В сельской местности чтения проходили в волостных конторах, в школах, а также при церковных сторожках (*Першина, 2016: 197*).

Основными трудностями, с которыми приходилось сталкиваться при организации народных чтений, являлись теснота помещений, отсутствие книг и картин для волшебного фонаря. Некоторые организаторы народных чтений шли на различные эксперименты. Например, учитель В.Д. Рыжиков из села Подмаслова Мценского уезда сообщал, что изготовил волшебный фонарь в домашних условиях, но проблема возникла с поиском картинок: их просто невозможно было приобрести. В продаже имелись стекла с изображением карикатур. Учитель пытался самостоятельно расписать стекла картинками, но они не давали качественного изображения (*Вахтеров, 1897: 117*). Стоимость хорошего волшебного фонаря варьировалась от 30 до 50 руб. в зависимости от аудитории, на которую рассчитана демонстрация картинок и производителя. Самый дорогой волшебный фонарь был куплен воронежским земством в Лондоне за 550 руб., и 100 руб. стоила доставка. Этот фонарь поразил всех отчетливостью и яркостью изображений. Для закупки 500 демонстрационных картинок было выделено 300 руб. (*Вахтеров, 1897: 121-122*), что было значительной суммой, и позволить ее могло не каждое земство.

Из имеющихся данных за 1898 г. видно, что в губернии существовало 189 школьных библиотек при земских школах и 47 – при церковно-приходских. При этом 56 % земских и 46 % церковно-приходских школ вообще не имели библиотечного фонда, а, следовательно, не проводили народных чтений (*Сборник справочк..., 1899: 105*). Только министерские школы в Орловской губернии были оснащены библиотеками.

В этой связи стоит немного уделить внимания развитию библиотечного дела в губернии во второй половине XIX в. Открытие сельских библиотек-читален началось в 1890-х гг. и во многом было связано с проблемой дефицита книжного фонда в образовательных учреждениях (порой на целый класс имелось в наличии всего несколько учебников, а с художественной литературой дела обстояли еще хуже). Взрослые крестьяне даже если и имели тягу к чтению, но не могли этого сделать, так как в личном пользовании книги были редкостью, предметом роскоши. Именно поэтому открытие общественных библиотек стало важным шагом в развитии внешкольного образования (*Стояновская, Стояновская, 2016: 38-48*).

Основными источниками пополнения книжного фонда уже существующих библиотек являлись пожертвованные книги. Меценатами стали местные земские управы и частные лица. Епископ Александр Орловской и Севской епархии призывал помогать приходским библиотекам: «пусть богач-благотворитель щедро отпустит на нее средства». «Служить приходу – это дело не только одного пастыря, а каждого» (*ОЕВ, 1909: 722*).

Так как сфера народного просвещения была в орбите наблюдения силовых структур Российской империи, то МВД было вынуждено курировать народные чтения. В рамках этой политики в 1876 г. в МВД были изданы «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними», согласно которым местные органы власти не только следили за организацией работы библиотеки, но и могли назначать на должность библиотекаря ответственное лицо, определяли книжный фонд и т.д. Народная библиотека, как правило, открывалась при имеющемся учебном заведении, а местный учитель совмещал свою работу с обязанностями библиотекаря (*Сборник справочк..., 1899: 163*).

Для книжного фонда существовали строгие цензурные правила, целью которых была охрана общественного порядка посредством нераспространения среди населения агитационной, «вредной для режима» литературы. Все печатные книжные пособия для чтений рекомендовались ученым комитетом Министерства народного просвещения. Духовную литературу рекомендовал Священный синод (*Вахтеров, 1897: 45-46*).

По этой причине массовое открытие народных библиотек-читален было очень затруднено. В качестве примера можно привести опыт открытия в 1902 г. типичной сельской библиотеки при земской школе в с. Навесном Ливенского уезда Орловской губернии. Сохранность архивных

материалов по этому делу в подробностях описывает все сложности, с которыми пришлось столкнуться сельскому обществу местных крестьян, тяготевших к знаниям (ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 2932. Л. 19).

Орловское земство ежегодно проводило мониторинг заинтересованности крестьян книгами и на основании этого писало отчеты «Что читает крестьянское население Орловской губернии и как оно относится к книге» (История..., 1897: 102). К началу XX в. сложилась определенная статистика, в которой, в частности, отмечалось: «Итак, мы располагаем сведениями относительно 11 773 книг, зарегистрированных в 1 296 дворах, что составит в среднем по губернии 9 книг на один двор, имеющий книги. К этой по губернской величине близко подходит среднее количество книг, приходящихся на один двор в уездах: Брянском, Ливенском, Малоархангельском, Мценском и Трубчевском; выделяются по количеству книг, приходящихся на двор, уезды: Елецкий, Орловский и Кромской; остальные уезды стоят ниже среднего» (Кузовлев и др., 2006: 50).

Большой популярностью пользовались домашние чтения. Здесь роль организатора брал на себя новый нарождавшийся тип просветителя – грамотный крестьянин. Он жил полной крестьянской жизнью, но являлся более грамотным, чем его односельчанин. Он хотел делиться своими знаниями, именно поэтому устраивал в своей избе публичные чтения (Сборник справок..., 1899: 73).

Народные домашние чтения пользовались успехом и устраивались по воскресеньям в зимнее время, а в период сельскохозяйственных работ проводились в праздничные дни. Из-за тесноты помещений и устойчивого спроса эти мероприятия посещало мужское население деревни, женщины приходили, если оставались места (Сборник справок..., 1899: 73).

Общими усилиями на территории Орловской губернии с 1896 по 1900 гг. было проведено 235 сеансов в среднем по 47 чтений в год. В первое десятилетие XX в. число ежегодных постоянно проводимых чтений увеличилось более чем в два раза. К сожалению, события 1905–1907 гг., а также масштабные аграрные преобразования в Столыпинский период отвлекли как население, так и местную власть от дальнейшего расширения внешкольного образования в губернии, но стоит отметить, что число учебных заведений в сельской местности вплоть до начала Первой мировой войны ежегодно увеличивалось. При этих школах, а также при библиотеках-читальнях фактически в каждой волости на периодической основе, реже регулярно проводились бесплатные чтения для народа.

По сравнению с концом XIX в. произошло существенное увеличение школьных библиотек. В 1899 г. из 1 507 сельских школ библиотеки имелись лишь в 1/3 учебных заведений (Обзор..., 1899: 76). К 1 января 1914 г. в Орловской губернии в уездах функционировало 1 710 учебных заведений и более 70 % из них были оснащены небольшими библиотеками с количеством экземпляров, не превышавшим 50 единиц. Таким образом, прослеживалась положительная динамика увеличения учебных заведений, имевших библиотеки, но ограниченный книжный фонд не позволял осуществлять широкую просветительскую деятельность среди крестьянства.

5. Заключение

Само понятие об уровне грамотности для исследуемого периода и выбранной категории населения является условным: грамотными считались как получившие образование в рамках начальной школы, так и без официального образования, но умевшие читать и писать. Начальное образование получали далеко не все дети, так как специфика аграрного производства, да и в целом ритм сельской жизни втягивали ребенка в хозяйственную занятость с раннего детства, а необходимость приобретения школьных знаний имела второстепенное значение. Несмотря на это, тяга к чтению среди сельских жителей региона к началу XX в. стала ощутимой. Именно поэтому стоит отметить важную роль внешкольного образования для крестьянства.

Религиозно-нравственные чтения стали одним из востребованных и приемлемых методов распространения грамотности среди сельских жителей. Методика организации чтений в воскресные дни позволяла охватить большую аудиторию. Соединение религиозного компонента и научных текстов позволяло не только нравственно воспитывать людей, но и обогащать их культурно и научно. Организация церковного и государственного контроля, с одной стороны, тормозила процесс, с другой – давала гарантии, что данные собрания не станут трибуной для антигосударственной пропаганды.

Орловская губерния стала одним из примеров в организации качественной работы чтений. Местные органы власти поддержали инициативу общественности, оказывали материальную помощь особо заинтересованным гражданам, поддерживали инициативу крестьян в организации чтений. Внедрение волшебных фонарей и музыкального сопровождения привлекали значительную часть молодежи, старшее поколение, воспитывали эстетически.

Народные чтения провели колоссальную работу в деле распространения грамотности среди населения, привлекли внимание общественности к проблеме школьного образования.

Литература

Барынкина, Барынкин, 2015 – Барынкина И.В., Барынкин В.П. Распространение начального образования и просвещения на селе в Центральной России в конце XIX – начале XX вв.

(по материалам Калужской, Орловской и Смоленской губерний) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2015. № 1. С. 22-24.

Белослудцева, 2009 – Белослудцева В.В. Церковно-приходская школа в системе начального образования в России во второй половине XIX в. // *Вестник Пермского университета*. 2009. Выпуск 4 (11). С. 95-96.

Буганов, 2008 – Буганов А.В. О грамотности и чтении русских крестьян XIX – начала XX веков // *Преподаватель XXI века*. 2008. № 2. С. 50-57.

Вахтерова, 1897 – Вахтерова В. Народные чтения. СПб.: «Русская школа», 1897. 209 с.

ГАОО – Государственный архив Орловской области (ГАОО).

Жиров, 2020 – Жиров Н.А. Сельская школа в повседневной жизни крестьянства аграрного центра России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории*. 2020. № 11. С. 99-108. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi39

Зайцева, 2010 – Зайцева Н.Е. Становление внешкольного образования в России в XIX – начале XX вв. // *Проблемы и перспективы развития образования в России*. 2010. № 6. С. 37-42.

Ивако, 2002 – Ивако Н.В. Уездное земство и развитие начального образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Орловской губернии) // *Вопросы гуманитарных наук*. 2002. № 2. С. 10-12.

История..., 1897 – История начальной школы в Орловской губернии. Очерки деятельности уездных земств по народному образованию. Орел, 1897.

Клевцова, Жиров, 2019 – Клевцова О.В., Жиров Н.А. Сельский социум и образование во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Елецкого уезда Орловской губернии) // *История: факты и символы*. 2019. № 4 (21). С. 119-126. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-119-126

Козлов, 2012 – Козлов К.В. К истории православного внешкольного образования в России во второй половине XIX – начале XX вв.: церковные воскресные школы // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2012. Т. 23. № 13. С. 134-140.

Котомина, 2016 – Котомина А.А. Археология интермедиальности: публичные народные чтения с «волшебным фонарем» в России в 1872–1915 гг. // *Практики и интерпретации*. 2016. № 1 (4). С. 16-35.

Кузовлев и др., 2006 – Кузовлев В.П., Перцев В.В., Саввина О.А. Развитие гимназического образования в Орловской губернии: Монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 235 с.

Маркарьян, 2013 – Маркарьян Т.В. Развитие внешкольного образования в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2013. № 6 (27). С. 167-172.

Обзор..., 1899 – Орловской губернии за 1898 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 77 с.

ОЕВ, 1899 – Орловские епархиальные ведомости. Орел: Типография губернского правления, № 14.

ОЕВ, 1909 – Орловские епархиальные ведомости. Орел: Типография губернского правления, № 32.

Першина, 2016 – Першина Ю.В. Народные чтения в Вятской губернии в начале XX в. как средство внешкольного просвещения населения // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2016. № 10. С. 191-199. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16230.htm>

Сборник справок..., 1899 – Сборник для справок в служебной практике причта: «календарь священника». Самара: Типография Духовной консистории, 1899. 410 с.

Стояновская, Стояновская, 2016 – Стояновская И.Б., Стояновская М.А. Общественно-педагогическое движение в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах г. Ельца и его уезда) // *История: факты и символы*. 2016. № 1 (6). С. 38-48.

Филоненко, 2004 – Филоненко Т.В. Развитие школьного образования в России в начале XX века // *Вопросы истории*. 2004. № 9. С. 137-142.

Хабалева, 2015 – Хабалева Е.Н. Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере Орловской губернии) // *Научный диалог*. 2015. Выпуск № 8 (44). С. 97-114.

Eklof, 1990 – Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Peasant Pedagogy 1861-1914, Berkeley: University of California Press, 1990, 652 p.

Klevцова, Zhiron, 2020 – Klevцова O.V. Zhiron N.A. Training Teaching Staff for National Schools in Russian Empire in the second half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2580-2587. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2580

References

Barynkina, Barynkin, 2015 – Barynkina, I.V., Barynkin, V.P. (2015). Rasprostranenie nachal'nogo obrazovaniya i prosveshcheniya na sele v Tsentral'noi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam Kaluzhskoi, Orlovskoi i Smolenskoi gubernii) Distribution of primary education and education in the village

- in the Central Russia at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries (on materials of the Kaluga, Oryol and Smolensk province)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 22-24. [in Russian]
- Belosludtseva, 2009** – *Belosludtseva, V.V.* (2009). Tserkovno-prikhodskaya shkola v sisteme nachal'nogo obrazovaniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [Parish school in system of primary education in Russia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 4(11): 95-96. [in Russian]
- Buganov, 2008** – *Buganov, A.V.* (2008). O gramotnosti i chtenii russkikh krest'yan XIX – nachala XX vekov [About literacy and reading of Russian peasants of the XIX – early XX centuries]. *Prepodavatel' XXI veka*. 2: 50-57. [in Russian]
- Eklof, 1990** – *Eklof, B.* (1990). Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Peasant Pedagogy 1861-1914, Berkeley: University of California Press, 652 p.
- Filonenko, 2004** – *Filonenko, T.V.* (2004). Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Rossii v nachale XX veka [The development of school education in Russia in the early twentieth century]. *Voprosy istorii*. 9: 137-142. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO) [The Russian state historical archive].
- Istoriya..., 1897** – *Istoriya nachal'noi shkoly v Orlovskoi gubernii. Ocherki deyatel'nosti uездnykh zemstv po narodnomu obrazovaniyu* [History of elementary school in the Oryol province. Sketches of activities of district zemstvos for national education]. Orel, 1897. [in Russian]
- Ivako, 2002** – *Ivako, N.V.* (2002). Uездное земство i razvitie nachal'nogo obrazovaniya v rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na primere Orlovskoi gubernii) [The county district council and the development of primary education in the Russian province in threesome half XIX – early XX century. (On an example of the Oryol province)]. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2. S. 10-12. [in Russian]
- Khabaleva, 2015** – *Khabaleva, E.N.* (2015). Osobennosti organizatsii nachal'nogo obrazovaniya v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orlovskoi gubernii) Features of the organization of primary education in the Russian Empire in the second half of XIX – the beginning of the 20th century (on the example of the Oryol province)]. *Nauchnyi dialog*. 8(44): 97-114. [in Russian]
- Klevcova, Zhirov, 2020** – *Klevcova, O.V. Zhirov, N.A.* (2020). Training Teaching Staff for National Schools in Russian Empire in the second half of the XIX century. *Bylye Gody*. 58(4): 2580-2587. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2580
- Klevtsova, Zhirov, 2019** – *Klevtsova, O.V., Zhirov, N.A.* (2019). Sel'skii sotsium i obrazovanie vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (po materialam Eletskego uезда Orlovskoi gubernii) [Rural society and education in the second half of the XIX – early XX centuries. (based on the materials of the Yelets district of the Oryol province)]. *Istoriya: fakty i simvol'y*. 4(21): 119-126. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-119-126. [in Russian]
- Kotomina, 2016** – *Kotomina, A.A.* (2016). Arkheologiya intermedial'nosti: publichnye narodnye chteniya s «volshebnyim fonarem» v Rossii v 1872–1915 gg. [Archeology of Intermediality: Public Folk Readings with a "magic lantern" in Russia in 1872–1915]. *Praktiki i interpretatsii*. 1(4): 16-35. [in Russian]
- Kozlov, 2012** – *Kozlov, K.V.* (2012). K istorii pravoslavnogo vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: tserkovnye voskresnye shkoly [On the History of Orthodox Extracurricular Education in Russia in the Second Half of the XIX – early XX centuries: Church Sunday Schools]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 23. 13: 134-140. [in Russian]
- Kuzovlev i dr., 2006** – *Kuzovlev, V.P., Pertsev, V.V., Savvina, O.A.* (2006). Razvitie gimnazicheskogo obrazovaniya v Orlovskoi gubernii: Monografiya [The development of gymnasium education in the Orel province: monograph]. Elets: EGU im. I.A. Bunina, 235 p. [in Russian]
- Markar'yan, 2013** – *Markar'yan, T.V.* (2013). Razvitie vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX vv. [The development of extracurricular education in the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(27): 167-172. [in Russian]
- Obzor..., 1899** – *Obzor Orlovskoi gubernii za 1898 god. Izdanie Orlovskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta* [The review of the Oryol province for 1892. Edition of the Oryol Provincial Statistical Committee]. Orel: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 77 p. [in Russian]
- OEV, 1899** – Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. Orel: Tipografiya gubernskogo pravleniya, № 14. [in Russian]
- OEV, 1909** – Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. Orel: Tipografiya gubernskogo pravleniya, № 32. [in Russian]
- Pershina, 2016** – *Pershina, Yu.V.* (2016). Narodnye chteniya v Vyatskoi gubernii v nachale XX v. kak sredstvo vneshkol'nogo prosveshcheniya naseleniya [Folk readings in the Vyatka province at the beginning of the XXth century as a means of extracurricular education of the population]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*. 10: 191-199. [Electronic resource]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16230.htm> [in Russian]
- Sbornik spravochnik..., 1899** – *Sbornik dlya spravochnik v sluzhebnoi praktike prichta: «kalendar' svyashchennika»* [Collection for references in the official practice of the clergy: "the calendar of the priest"]. Samara: Tipografiya Dukhovnoi konsistorii, 1899. 410 p. [in Russian]

Stoyanovskaya, Stoyanovskaya, 2016 – Stoyanovskaya, I.B., Stoyanovskaya, M.A. (2016). Obshchestvenno-pedagogicheskoe dvizhenie v rossiiskoi provintsii vtoroi poloviny XIX – nachala KhKh vv. (na materialakh g. El'tsa i ego uezda) [The public and pedagogical movement in the Russian province of the second half of the XIX beginning of the 20th centuries (on materials of Yelets and its county)]. *Istoriya: fakty i simvol'y*. 1(6): 38-48. [in Russian]

Vakhterova, 1897 – Vakhterova, V. (1897). Narodnye chteniya [Folk readings]. SPb.: «Russkaya shkola», 209 p. [in Russian]

Zaitseva, 2010 – Zaitseva, N.E. (2010). Stanovlenie vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii v XIX – nachale XX vv. [The formation of extracurricular education in Russia in the XIX-early XX centuries]. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii*. 6: 37-42. [in Russian]

Zhirov, 2020 – Zhirov, N.A. (2020). Sel'skaya shkola v povsednevnoi zhizni krest'yanstva agrarnogo tsentra Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Rural school in the daily life of the peasantry of the agrarian center of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Voprosy istorii*. 11: 99-108. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi39 [in Russian]

Народные чтения как одна из форм организации сельского внешкольного образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Оксана Владимировна Клевцова ^{a, *}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации в области распространения грамотности среди сельского, преимущественно крестьянского населения, посредством проведения народных чтений. Авторами предпринята попытка изучить законодательную базу, исследовать государственную политику и рекомендации по методике организации массовых народных чтений. Актуальность исследования состоит в слабой изученности внешкольной формы получения образования в Российской империи, в том числе в рамках Орловской губернии, в исследуемый период.

Особое внимание было уделено проведению чтений на территории Орловской губернии, анализу востребованности данного направления работы среди крестьянского населения.

В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также принцип историзма, сравнительно-исторический, математический и другие методы.

В результате исследования были установлены причины популярности народных чтений у жителей села. При этом было замечено отсутствие системности в проведении данной работы, плана организации и распространения религиозно-нравственного воспитания молодежи. Выявлены причины, тормозящие данный процесс: дефицит средств, скудная материальная и техническая база библиотек, отсутствие квалифицированных педагогов земских школ. Государство переложило ответственность на местную власть и общественность. При этом на протяжении всего исследуемого периода наблюдался устойчивый рост интереса среди крестьянского населения к народным чтениям и книгам.

Ключевые слова: религиозно-нравственные чтения, народная библиотека, внешкольное образование, крестьянство, земство, Орловская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ksenijmel@yandex.ru (О.В. Клевцова), zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1886-1897
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1886

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sport Societies and Leisure Time in Rostov-on-Don at the turn of the 19th–20th centuries

Maria V. Bratolyubova ^{a,*}

^aSouthern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an important component of Rostov-on-Don city life – leisure time at the end of XIX – beginning of XX century. Within the framework of the article the sports aspect of the history of leisure in Rostov-on-Don is considered. It shows how at the end of the 19th century the middle-class citizens were inclined to spend their free time together and to choose reasonable and developing forms of leisure activities. In Rostov-on-Don, the development of forms of leisure associated with participation in physical education and sport was rapid. Physical training and sports were becoming popular, taking public forms: societies of skaters and cross-country skiers, cyclists and football players.

The author concludes that since the last quarter of the 19th century sports in Rostov-on-Don became a fashionable and universal hobby, the first sports clubs were formed and the first competitions were organized. Some types of sport evolved into professional sports and by the turn of the 19th–20th centuries they turned into mass spectacles generating excitement among fans (running and horse-racing, wrestling). The article shows how sporting activities were also an opportunity for like-minded people to socialise. Leisure activities created opportunities for self-realisation of citizens and contributed to the development of civil society institutions.

On the eve of the First World War, the fashionable sporting pastime of the townspeople began to take on the features of a sporting competition. However, this trend was interrupted by World War I and the revolutionary upheaval in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: Rostov-on-Don, provincial town, sports leisure activities, sports public organizations and clubs.

1. Введение

Крупные города в пореформенной России были не только центрами оживленной торгово-промышленной деятельности, но и местом формирования образа жизни, принципиально отличавшегося от жизни сельского обывателя. Этому способствовали и более отчетливое разделение ежедневного времени горожанина на рабочее и досуговое, и возможности организации этого досуга, которые предоставлялись городскими культурно-досуговыми учреждениями. Структура последних включала в себя как развлекательные заведения, так и учреждения, способствующие личностному росту и развитию. Чем крупнее и населеннее был город, тем более широким спектром досуговых организаций он обладал.

При этом следует заметить, что достаточное время для отдыха имели прежде всего те горожане, которых можно отнести к средним слоям населения: предприниматели, высокооплачиваемые служащие в административных учреждениях и в частном бизнесе, инженерно-техническая интеллигенция и лица свободных профессий. Именно в этой среде горожан к концу XIX в. отчетливо обозначились как тенденции к объединению для совместного проведения свободного времени, так и к разумным (развивающим) формам досуговых занятий, к которым можно отнести и организации

* Corresponding author

E-mail addresses: mvbratolyubova@sfedu.ru (M.V. Bratolyubova)

для совместных занятий спортом – спортивные клубы и общества спортсменов-любителей. Спорт как активная форма проведения свободного времени удовлетворяет те потребности человека, которые не удовлетворяются иными формами досуга, обеспечивая отдых и восстановление организма, развитие физических возможностей человека. Спортивные занятия – это прекрасная возможность для общения единомышленников. А некоторые виды спортивных занятий, эволюционируя в профессиональный спорт, уже на рубеже XIX–XX вв. превращались в массовые зрелища, генерировавшие азарт болельщиков (бега и скачки, борьба).

На рубеже XIX–XX вв. Ростов-на-Дону, крупный торговый центр на юге России, обладал всеми необходимыми предпосылками для возникновения здесь спортивных любительских клубов и обществ. К концу XIX в. среди жителей города средние слои составляли, по оценочным подсчетам, 27–30 %. (Самарина, 2019: 112) Преобладающую часть их составляли предприниматели и собственники городских доходных домов. Среди организаторов первых спортивных обществ и клубов именно они и обнаруживаются в первую очередь. Показательно и то, что спортивные увлечения этих слоев горожан были весьма дорогостоящи и требовали немалых затрат на оборудование и аксессуары.

2. Материалы и методы

Источники для изучения сюжета немногочисленны и имеют спорадический характер; их сбор и систематизация – весьма трудоемкое занятие. Об одних спортивных организациях можно узнать лишь по сохранившимся уставам, о других – по единичным отчетам или памяткам для членов общества. Очевидно, что большая часть таких документов просто утрачена. Определить перечень спортивных организаций Ростова помогают городские справочные издания «Весь Ростов-на-Дону» и «Весь Ростов и Нахичеван-на-Дону». С конца XIX в. они публиковались ежегодно, но издатели были разные, как и массив и качество представленных в указателях сведений. К сожалению, не все эти ежегодные издания сохранились.

Интересную информацию о городских спортсменах и их достижениях содержат газетные публикации, но они носят случайный характер. Значительная часть упоминаний о деятельности ростовских спортивных организаций – это объявления о проводимых соревнованиях, которые публиковали их устроители. Внимание газетных хроникеров и фельетонистов обычно привлекали либо спортивные рекорды ростовцев, либо забавные казусы, связанные с действиями их обществ. Очень часто фотографии в газетах, сопровождаемые лаконичными подписями, являются единственной информацией о прошедших соревнованиях или интересных достижениях городских любителей спорта. В иллюстрированном издании, посвященном 260-летию города, относительно компактно опубликованы любительские фото З. Рыгельского, участника по крайней мере двух ростовских спортивных обществ начала XX в. – Азовско-Донского яхт-клуба и кружка любителей спорта. Ранее эти визуальные источники, характеризующие занятия ростовцев спортом, не публиковались (Ростов-на-Дону, 2009).

Обширную группу источников представляет опубликованная официальная документация местных спортивных организаций. Спортивные клубы публиковали свои уставы и издавали отчеты о деятельности. Особо следует отметить личный фонд Михаила Борисовича Краснянского (ф. Р-2613), историка и краеведа, основателя ростовского краеведческого музея. Фонд хранится в Государственном архиве Ростовской области, содержит личные записки и комментарии М.Б. Краснянского о досуговой жизни, культурных мероприятиях Ростова-на-Дону в начале XX века, список действующих в городе обществ, клубов, музеев, парков и коллекцию уставов общественных объединений донских городов.

При разработке темы применялись социокультурный, историко-сравнительный и историко-типологический методы. Социокультурный подход позволил изучить спортивный досуг как часть городской культуры и повседневной жизни Ростова-на-Дону в конце XIX – начале XX вв. Социокультурный метод помог определить, как в спортивных общественных организациях интегрировались представители разных социальных слоев Ростова-на-Дону, как выстраивалась коммуникация, а также проследить влияние модернизационных процессов начала XX века сквозь призму спортивных увлечений горожан. Историко-сравнительный метод используется для сравнения досуговых организаций в столичных городах и провинции. Также этот метод позволяет соотнести спортивные развлечения с другими досуговыми практиками в городском пространстве Ростова-на-Дону. Историко-типологический метод позволил выявить содержание изучаемых объектов по совокупности признаков.

3. Обсуждение

Работы, посвященные изучению культуры повседневности (Литягина, 2007; Ловелл, 2005; Малышева, 2011; Ульянова, 2011) затрагивают вопросы досуга, в том числе и спортивных развлечений. Авторы показывают, как горожане проводили свое свободное время и какое место занимал спорт в их жизни (Войтик, 2013; Гончарова, 2007; Некрылова, 2004; Позняк, 2015; Хмельницкая, 2011; Яхно, 2019).

Специальных историко-краеведческих исследований по данной теме не проводилось. Вопросы, связанные с развлекательной, праздничной культурой Ростова-на-Дону, затрагивались в ряде работ донских исследователей: Волошиновой, Самариной и др. (Волошинова, 2013; Греков, 1912; Краснянский, 1912; Сидоров, 1996; Чалхушьян, 2002; Чеботарев, 1912; Самарина, 2019).

Ростово-нахичеванское общество поощрения рысистого коннозаводства – единственная организация, удостоившаяся в начале XX в. краткого исторического очерка, явно заказанного его руководством и опубликованного, начиная с первого номера газеты этого общества «Ростовские-на-Дону бега и скачки». В нем кратко изложены основные вехи развития организации, а описанные факты ценны своей репрезентативностью. (Исторический очерк, 1910). Затем более полувека сюжет не привлекал внимания краеведов. В книге «Спорт на Дону», опубликованной в 1977 г., помещен и краткий очерк о спортивных организациях и спортсменах дореволюционного Ростова. К сожалению, он содержит много фактических неточностей и ошибок, которые выявляются при сопоставлении с доступными репрезентативными источниками, что заставляет настороженно относиться к тем фактам, которые проверить невозможно. Ссылок на источники не приводится, да это и не требуется от популярного издания. В итоге наиболее репрезентативно выглядят несколько опубликованных фото спортсменов-ростовцев. Они сделаны в начале XX в. и подписаны (Кулжинский, Красиловец, 1977: 5-6).

4. Результаты

Первыми тягу к объединению обнаружили местные любители конских бегах. В исторической справке о деятельности общества отмечено, что идея объединения для устройства ипподрома и организации регулярных бегах и скачек вызывалась потребностями совершенствования селекционной работы и улучшения породы рысистых лошадей. «Мысль об устройстве таких испытаний в Ростове принадлежит трем лицам: И.М. Шапошникову, Н.И. Шпехту и А.Е. Корнелио, которые, интересуясь рысистым спортом, образовали в 1878 году из своей среды кружок любителей конского бега, вошедший в тот же год с ходатайством в городское управление об отводе участка земли под ипподром. Городская дума удовлетворила это ходатайство, и с этого времени кружок под наименованием «Любительского кружка Ростово-Нахичеванского на Дону общества конского бега» начал функционировать, причем деятельность его выразилась в устройстве ежегодных беговых испытаний» (Исторический очерк, 1910).

Таким образом, любители конского бега были крупными предпринимателями Ростова и Нахичевани, связанными, помимо прочих областей бизнеса, и с коннозаводским делом. И.М. Шапошников, один из инициаторов и лидеров кружка, в 1910-х годах содержал призовые конюшни. Его лошади регулярно участвовали как в беговых состязаниях, так и в скачках (Состав призовых, 1911). Кружок как форма объединения любителей рысистого коневодства просуществовал в течение 12 лет, организуя ежегодные состязания на обустроенном в городе ипподроме. В 1890 году он был переименован в «Ростово-Нахичеванское общество охотников конского бега». Общество действовало на основе так называемого «нормального» устава, выработанного Главным управлением государственного коннозаводства. С 1903 года, получив новый типовой устав, оно называлось «Ростово-Нахичеванским обществом поощрения рысистого коннозаводства» (Исторический очерк, 1910).

К концу XIX в. общество включало в себя два отдела – беговой и скаковой. В газетных объявлениях о состязаниях и на афишах каждый из отделов назывался проще и короче: поощрительное беговое общество и поощрительное скаковое общество (Объявление о скачках, 1907). Каждый отдел отвечал за организацию и проведение на ипподроме своей части сезона. Решение всех принципиальных вопросов развития относилось к компетенции общего собрания Общества поощрения рысистого коннозаводства. С 1907 г. его президентом был ростовский градоначальник И.Н. Зворыкин, а вице-президентом – Е.Г. Кундури, наследник знаменитого ростовского табачного фабриканта Я.С. Кушнарева (Исторический очерк, 1910).

Весьма быстро ипподромные соревнования приобрели атрибуты профессионального спорта: с лошадьми работали специально подготовленные тренеры и жокеи, с которыми заключались контракты; призовые суммы владельцам лошадей-победителей генерировали азарт хозяев конюшен, а тотализатор – азарт зрителей. В работе тотализатора общество, неизменно именовавшее себя спортивным, было очень заинтересовано. Оно получало процентные отчисления от сумм, обращавшихся на тотализаторе в тот или иной день состязаний и чаще всего превышавших призовой фонд дня. Газета «Бега и скачки» скрупулезно отчитывалась о суммах, поступивших обществу в виде процентов, и о разыгранных призовых. Даже выборочный и беглый просмотр этой хроники объясняет и прибыльные сезонные балансы общества, и быстрый рост призовых сумм на соревнованиях. Например, 3 ноября 1911 года призов на скачках было разыграно на сумму 3 100 рублей, а отчисления обществу от тотализатора составили 4 000 рублей (Хроника, 1911). Сезонная призовая сумма в начале работы ростовского ипподрома составляла всего 3 тыс. рублей, а в 1912 году достигла уже 60 тысяч (Хроника, 1912).

С убытками общество завершило лишь сезоны 1905–1906 гг. (Исторический очерк, 1910). С одной стороны, повлияли события Первой российской революции. Революции неизменно несут

бизнесу убытки, даже бизнесу азартных развлечений. С другой – в 1905–1906 гг. в Ростове появились и успешно действовали конкуренты ипподромного тотализатора – борцовские турниры с объявленными премиями для победителей. Устраивались они содержателями гастролировавших в городе цирков, и шапито на углу Малой Садовой и Ткачевского переулка стало центром притяжения азартных завсегдагаев городского ипподрома, «тотошников», как их называли фельетонисты ростовских газет. Свой азарт эти люди поддерживали стихийно сложившейся системой ставок на исход того или поединка борцов. Впрочем, популярность поединков оказалась недолговечной, в отличие от ипподромных соревнований. Уже к 1907 году «тотошники» вернулись в привычный мир бегов и скачек, обеспечивая поощрительно обществу рысисто коннозаводства экономическое процветание. Положение его было настолько прочным, что, продлив в 1913 г. договор на аренду у города земли, общество подвело к территории ипподрома водопровод и обновило постройки.

Еще один вид спортивных увлечений состоятельных горожан – содержание яхт и гонки на них. Азовско-Донской яхт-клуб объединил ростовских представителей этого спорта для богатых в 1903 г., когда яхтсменам удалось арендовать гавань для содержания судов в станице Гниловской. Единственный сохранившийся текст устава клуба датирован 1912 г., что не исключает, конечно, и существования его более ранних вариантов. В 1913 г. «Приазовский край» опубликовал краткое описание празднования 10-летнего юбилея яхт-клуба. Программа торжеств, подготовленных яхтсменами, включала молебен и юбилейный обед 26 мая в летнем помещении клуба в станице Гниловской, а также вечернюю прогулку членов клуба и их гостей на пароходе. Юбилейные гонки для парусников всех классов были 2 июня, для моторных судов – 3 июня, за которыми следовал вечерний банкет (В Яхт-клубе, 1913).

Уставные цели общества заключались в популяризации плавания на парусных, гребных и паровых судах, а также улучшении их постройки: «выработка наилучшего типа судов, плавающих по Дону и Азовскому морю и занимающихся рыболовством, а также практическое приготовление опытных шкиперов и матросов» (Азово-Донской, 1912: 3-4). Наряду с целями практическими, полезными для бизнеса, которых не могли не поставить перед собой ростовские судовладельцы, судостроители, экспортеры хлеба, были цели физического совершенствования: «изучение всякого рода гимнастических упражнений и между прочим плавания, катания на коньках, стрельбы в цель, фехтования и т.п.» (Азово-Донской, 1912: 3-4).

Членство в яхт-клубе могло быть почетным и действительным и, в сравнении с другими клубами, относительно дорогим. Почетные члены освобождались от уплаты вступительных и годовых взносов; а действительные платили вступительный взнос 100 руб. и ежегодные в размере 50. Общее собрание имело право изменять размер единовременного взноса от 50 до 200 руб. Члены-сотрудники клуба из числа специалистов, необходимых для решения технических и иных профессиональных задач, избирались на два года и могли бесплатно посещать клуб. В Азовско-Донской яхт-клуб принимались только лица мужского пола всех сословий. Не допускались низшие воинские чины, несовершеннолетние, исключенные из Азовско-Донского и иных яхт-клубов, лица «опороченные по суду», воспитанники учебных заведений (Азово-Донской, 1912: 5-6).

В первый год навигации у клубной пристани стояли только две яхты. Однако уже в 1906 году яхт-клуб располагал девятнадцатью судами, среди которых 10 гребных, 4 моторных и 5 парусных (Отчет Азовско-Донского, б.г.: 3). Благодаря постройке моторного катера с бензиновым мотором, стали возможны ежедневные рейсы от города до клубной пристани и обратно для перевозки членов яхт-клуба и их гостей.

Клуб регулярно проводил соревнования по парусному спорту и гребле, известные за пределами Ростова и привлекавшие иногородних участников. В октябре 1905 г. «Приазовский край» сообщил о начале работы атлетической секции яхт-клуба в летнем помещении Коммерческого клуба, так как клубным помещением в Ростове яхтсмены не сумели обзавестись. «Гимнастические упражнения будут проходить четыре раза в неделю – по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам, врачебная гимнастика для дам – по средам и субботам. Число членов секции все растет. Особенно много их дают кредитные учреждения и крупные конторы, где много служащих иностранцев» (Хроника, 1905). Вполне возможно, что работать в полном объеме именно осенью–зимой 1905 года атлетической секции клуба не удалось из-за революционных событий в Ростове, но характер занятий и контингент лиц, ими заинтересованных, уже вполне определился на все последующее время.

Очевидно, участники атлетической секции яхт-клуба были активными посетителями катков, которые функционировали зимой на открытом воздухе, несмотря на все капризы ростовской погоды. Яхт-клуб заливал свой каток на арендуемой в городском саду площадке. В 1913 г. З. Рыгельский, геодезист и фотограф, представлял Азовско-Донской яхт-клуб на Первой российской олимпиаде в Киеве. В соревновании по академической гребле он занял третье место (Ростов-на-Дону, 2009: 276).

На посту командора клуба представители крупного бизнеса чередовались с начальниками ростовского порта. Первым командором был управляющий концессионными предприятиями в Ростове Р. Раевский, способствовавший становлению клубных спортивных соревнований. Его сменил В.И. Асмолов, крупный табачный фабрикант и известный в городе меценат, один из учредителей яхт-клуба (Отчет Азовско-Донского, б.г.:4-5).

В последнем десятилетии XIX в. распространенным увлечением жителей Ростова и Нахичевани стала езда на велосипеде. Время объединения любителей велосипедной езды и велотуризма выяснить пока не удалось, но в справочнике «Весь Ростов на 1896 год» указаны Ростово-Нахичеванское общество велосипедистов-любителей и Общество велосипедистов-туристов. Последнее позиционировало себя как отделение Российского общества туристов в Донской области ([ГАРО. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 71. Л. 35](#)).

Уставные документы обществ не сохранились. В цитируемом справочном издании кратко указаны цели обоих обществ и способы их достижения. Цели велосипедистов-любителей заключались в сближении любителей езды на велосипеде и усовершенствовании в ней, а также в распространении велосипеда «как здорового, удобного, практичного и приятного способа передвижения». Для реализации их предполагалось устройство экскурсий, состязаний, «бега на призы» и проч. Отделение Российского туринг-клуба в качестве цели заявляло «распространение употребления велосипеда для дальних поездок и облегчение их устройства» и предполагало организацию не только экскурсий на велосипедах, но и дорожных гонок ([Весь Ростов н/Д, 1896: 194-195](#)).

Таким образом, направления действия обеих организаций в ряде аспектов совпадали, в связи с чем любители велосипедной езды могли участвовать в поездках, организуемых туристами, а последние – принимать участие в гонках на велосипедах, которые устраивали любители велосипедной езды. Способствовала этому и жесткая регламентация передвижения на велосипедах по улицам города, которую установила ростовская городская дума в середине 1890-х. Владельцы велосипедов должны были получать в городской управе именное разрешение и номерной знак на велосипед. Правилами запрещалась быстрая езда по улицам и езда вперегонки; при обгоне экипаже или пешехода должен был даваться звонок, а сам обгон производиться только с левой стороны и «умеренным ходом»; передвижение велосипедистов, даже в спешенном виде, по тротуарам, пешеходным дорожкам, бульварам, скверам и садам запрещалось ([Весь Ростов н/Д, 1896: 74](#)).

Неудивительно, что при столь жестких ограничениях ростовские и нахичеванские велосипедисты предпочитали дальние экскурсионные поездки и организацию гонок в специально обустроенных для занятий спортом местах. Первоначально любители соревновались в велогонках на ипподроме Ростово-Нахичеванского общества поощрения рысистого коннозаводства, используя то обстоятельство, что скачки и бега проводились лишь два дня в неделю, а между сезонами бегов и скачек существовал интервал чуть более месяца. Разумеется, беговые дорожки ипподрома не вполне подходили для велосипедных гонок. Летом 1895 г. ростовский купец В.И. Асмолов на принадлежавшем ему незастроенном месте – на восточной окраине города, однако на главной улице Ростова – устроил циклодром специально для велосипедных гонок. Это обстоятельство стимулировало городских велосипедистов-любителей. «Предстоящий велосипедный сезон в Ростове обещает быть очень оживленным, причем на одном из треков предполагается устроить состязание двух бензиномоторов и затем гонки с довольно крупными призами, с участием известных иногородних спортсменов», – сообщал «Приазовский край» в 1897 г. ([Хроника, 1897](#)).

Велосипедные гонки и состязания на прообразах мотоциклов на Асмоловском циклодроме продолжались десять лет. Общество велосипедистов затратило довольно много сил и средств для устройства здесь трека, удовлетворявшего требованиям гонок, а в расходах участвовало и местное отделение туринг-клуба. Однако популярность велосипедных гонок оказалась непродолжительной, интерес публики к ним стал падать; устройство прочих спортивных соревнований и околоспортивных развлечений удерживало внимание зрителей еще какое-то время. Судя по газетной хронике, летний сезон 1904 г. был последним для циклодрома, расходы по которому не окупались доходом, получаемым от платы за вход и за развлечения. В 1905 г. циклодром был ликвидирован ([Хроника. Циклодром, 1905](#)).

Ликвидация циклодрома практически не отразилась на деятельности местных любителей велосипедного туризма, а вот общество велосипедистов-любителей после 1905 года не упоминается ни в справочных книгах по городу, ни в газетной хронике. Какая-то часть его членов могла пополнить состав ростовского туринг-клуба, другая – войти в ростовское общество «Унион». Оно образовалось в Ростове осенью 1904 г. ([В обществе «Унион», 1914](#)), когда на циклодроме заканчивался последний, убыточный для общества велосипедистов-любителей, сезон. Со времени образования «Унион» существовал стабильно, в 1914 отметил свое десятилетие. В справочных книгах по городу и в прессе именовали его по-разному: и спортивный кружок, и спортивное общество, и отделение общества велосипедистов «Унион» ([Чеботарев, 1911-1912: 197](#)). Ростовское отделение Российского общества туристов объединяло тех, кто предпочитал путешествовать на велосипедах. Практически с момента основания его и вплоть до Первой мировой войны вице-командором, а затем командором его был Н.Н. Роговский, что, видимо, во многом обеспечивало стабильность работы организации. Командоры занимались планированием поездок, но, кроме того, и это – главное, руководили ими. В единственной сохранившейся «Справочной книге» представительства Общества туристов в Донской области на 1904 год описаны полномочия командора и вице-командора во время поездок. Порядок следования велосипедистов, скорость их движения и время остановки определялась

командорами, которые подавали команды определенным количеством свистков или звонков ([Справочная книжка, 1904: 9](#)).

Самым подробным образом изложена также программа местных и дальних поездок членов клуба. В 1904 г. планировалось проведение сорока поездок, которые проводились в основном в города и села Донской области. В качестве дальней поездки на 1904 год предлагался тур Новороссийск–Туапсе ([Справочная книжка, 1904: 10](#)). Очевидно, одна в сезон продолжительная поездка проводилась ежегодно. В 1910 г., сообщая об открытии Обществом туристов летнего сезона, газета информировала, что в конце мая предлагается экскурсия по Военно-Грузинской дороге – «от Владикавказа до Тифлиса. Предварительная запись у командора Н.Н. Роговского» ([В обществе туристов, 1910](#)).

В 1906 г. Ростовский туринг-клуб впервые организовал экскурсионные поездки для учащихся городских народных училищ, показав пример организации познавательного и интересного отдыха для детей. Скорее всего, инициатором этой новации выступил А.М. Ильин, вице-командор общества и одновременно преподаватель пятиклассного городского народного училища. В 1907 г. он был избран председателем правления Ростовского туринг-клуба ([Хроника, 1907](#)) и, судя по справочным ежегодникам 1910-х гг., не раз на этот пост переизбирался.

Экскурсии лета 1906 г. были бесплатными для школьников, что немаловажно, поскольку в городских народных училищах обучалось немало детей из малообеспеченных ростовских семей. В июне провели пароходную экскурсию в Азов ([Хроника, 1906](#)). В июле аналогичную поездку, но уже на поезде, предприняли в Новочеркасск. Более сотни учащихся в двух вагонах, специально прицепленных к дачному поезду, прибыли в Новочеркасск, где их встречали представители Новочеркасского отделения туринг-клуба ([Хроника, 1907](#)). Несмотря на положительную оценку этой инициативы правлением общества ([В обществе туристов, 1907](#)), дальнейшего развития она не получила. Причинами могли быть и сложности чисто материального характера, и восстановление жесткого внешкольного контроля за учащимися со стороны школьной администрации в постреволюционное время.

Летом 1907 года «Южный телеграф» сообщил о прошедшем в ростовском городском саду состязании любителей тенниса из Ростова и Таганрога, которое закончилось общим счетом в пользу ростовских теннисистов. Судя по фамилиям, среди участников преобладали представители греческих купеческих семейств обоих городов. По сведениям хроникера, соревнование устроил кружок любителей игры в лаун-теннис, который образовался в Ростове в 1906 году. «Учредители его хотят зарегистрироваться как самостоятельное спортивное общество» ([Хроника. Лаун-теннис, 1907](#)).

Устав ростовского клуба «Лаун-теннис» был зарегистрирован и опубликован в том же 1907 г. Для города это второй (после Азовско-Донского яхт-клуба) случай, когда спортивная организация была оформлена в виде клуба с разделением членства на почетное, пожизненное и действительное. Почетное членство предоставлялось решением клуба и было выражением его «уважения и признательности» тому или иному лицу. Пожизненное членство можно было купить, если тот или иной действительный член клуба в первый год его существования сделает единовременный взнос, установленный общим собранием клуба. Размер этого взноса сохранившийся устав не приводит, а прочие документы клуба утрачены. Действительными членами могли быть только «лица мужского пола всех званий, состояний и национальностей» с традиционными для всех клубных уставов исключениями. К последним было добавлено, что в клуб не могут быть приняты «профессионалы в спорте». Женщины могли играть в теннис на клубных кортах и участвовать в соревнованиях в качестве посетителей или гостей и обязательно по рекомендации кого-либо из членов клуба.

Цель организации определена была довольно локально: «распространение в Ростове и Нахичевани н/Д игры «Лаун-Теннис» как полезного для здоровья удовольствия». При этом в уставе зафиксировано было право устраивать и другие спортивные мероприятия – футбол, крикет, кегли, фехтование и т.п., а также музыкальные и танцевальные вечера, балы, маскарады, спектакли и другие увеселения для достижения поставленной цели ([Устав, 1907: 3-6](#)).

Клуб объединял относительно небольшое число местных любителей тенниса: летом 1913 их насчитывалось 60 человек ([Хроника. Лаун-теннис, 1913](#)). В основном это иностранные предприниматели и менеджеры, проживавшие в городе. Бессменным председателем правления клуба был М.Л. Эвморфопулос ([Чеботарев, 1911-1912: 198](#)).

Соревнования на кортах общества в городском саду проводились регулярно. В августе разыгрывался приз первенства Юга России. Так, в 1912 г. в состязании приняли участие представители ростовского, таганрогского и казанского клубов лаун-тенниса и английского клуба г. Баку. «От Ростова принимали участие гг. Ботта, Эдвардс, Скараманга и Шашин. Первый приз – серебряный кубок и большой золотой жетон выиграл г. Шашин, победив Эдвардса в финальной игре 6–4, 6–1 и 6–2» ([Спорт, 1912](#)). Судя по их составу, состязался на ростовских кортах относительно узкий круг лиц.

Летом 1908 года в городе было организовано общество любителей-конькобежцев под председательством Я.К. Шкатины. Уже в зимний сезон 1908–1909 гг. стали проводиться гонки на катке Коммерческого клуба. Так, 27 января 1909 г. соревновались 30 человек, в том числе гонщик из

Москвы Южин. Для тренировок и бега общество использовало катки Коммерческого клуба и яхт-клуба. В 1912 г. в городском саду был устроен еще и каток «Спорт» (Ростов-на-Дону, 2009: 252).

В состязаниях конькобежцев принимали участие и члены других спортивных организаций города. 5 января 1914 член яхт-клуба З. Рыгельский, состоявший также в Кружке любителей спорта (Кулжинский, Красиловец, 1977: 10), с тремя коллегами совершил пробег Ростов – Таганрог на коньках по льду Дона и Таганрогского залива. За 2 часа 55 мин. было пройдено очень большое, по тем временам, для конькобежцев расстояние – более 70 верст. Инициатором пробега был Рыгельский (Ростов-на-Дону, 2009: 282).

Ростовский кружок любителей спорта возник в 1909 г. и способствовал развитию гимнастики, легкой атлетики, футбола. Занятия с гимнастами и легкоатлетами проводил приглашенный в качестве тренера С. Теодоратис, чемпион Олимпийских игр 1906 года. В 1910 г. членами кружка была организована футбольная команда, в 1912 г. – секция гимнастики и легкой атлетики для женщин. К этому времени кружок объединял 200 чел. (Ростов-на-Дону, 2009: 256). Среди ростовских учеников С. Теодоратиса выделялся Г. Бреев, бронзовый призер I Российской олимпиады (1913 г.) в беге на 100 м и серебряный призер в прыжках в длину с места (Кулжинский, Красиловец, 1977: 8). Он участвовал также в упомянутом выше пробеге конькобежцев.

Справочные книги по городу сообщали, что зимой кружок квартировал в клубе приказчиков, а летом – в здании сельскохозяйственной выставки (Весь Ростов, 1914: 425). На поле, где она устраивалась и которое большую часть весенне-летнего сезона пустовало, спортсмены-любители проводили и футбольные матчи, и спортивные гимнастические праздники. Это не исключало организацию матчей и на площадке Южнорусского общества любителей правильной охоты, расположенной на незастроенном поле между Ростовом и Нахичеванью.

Информация о состязаниях представлена газетными материалами начала 1910-х годов. Преобладают объявления о «Матчах в футбол», о месте их проведения и ценах на билеты для зрителей; реже – краткие сообщения об итогах состоявшейся игры, совсем редко – фото команды кружка. И уж совсем единичные случаи – сообщения о других спортивных акциях ростовских футболистов-любителей. Так, в июле 1912 г. в спортивной хронике отмечалось, что футболисты команды «Маккаби» организовали туристическую группу, «которая отправится пешком 5 августа из Ростова в Таганрог. В экскурсии примут участие все участники предыдущей прогулки 12 мая» (Спорт, 1912). Эта заметка позволяет говорить о том, что в городе накануне Первой мировой войны существовало две команды футболистов; возможно, «Маккаби» – команда Русского общества пароходства и торговли, имевшего контору в Ростове-на-Дону. Номером первым считалась команда под названием «Эспуар», созданная кружком любителей спорта, которая чаще проводила игры как дома, так и на выезде.

По версии очерков «Спорт на Дону», с 1912 г. команда кружка была зарегистрирована во Всероссийской футбольной лиге и принимала участие в первенстве России (Кулжинский, Красиловец, 1977: 10). Объявлениями об играх это не подтверждается. Игры проводились от случая к случаю, когда удавалось договориться о проведении матча в Ростове или на выезде. Из объявлений о матчах известно о существовании футбольных команд в Нахичевани (Футбол, 1914), Таганроге (Перед матчем, 1913), Екатеринодаре (Футбол-матч, 1914), на Сулинском металлургическом заводе (Объявление о матче, 1910).

Посещение футбольных матчей было удовольствием не из дешевых. На матч на площадке Общества любителей правильной охоты ложа стоила 2,5 рубля, что сопоставимо с ложей в городском театре или в кафешантанах, на трибунах – 50 коп., входные билеты – 35 коп. На выставочном поле билеты на футбол в первый ряд стоили 1 рубль, во второй – 75 коп, входные – 50 коп.; бесплатно проходили лишь члены самого кружка любителей спорта. Входные билеты для учащихся были вдвое дешевле, чем для взрослых. (ГАРО.Ф. 2613. Оп. 1. Д. 71. Л. 36).

В 1910-х годах своеобразным увлечением ростовской и нахичеванской молодежи стали гимнастика и катание на роликовых коньках. Первая культивировалась преподавателями гимнастики средних учебных заведений города, среди которых были представители Сокольского спортивного движения из Чехии (Кулжинский, Красиловец, 1977: 10). Способствовала распространению спортивных увлечений и деятельность спортивных обществ любителей, периодически проводивших спортивные праздники. Устраивались и гимнастические выступления учащихся, более или менее публичного характера. Практически ежегодно проводились они учащимися коммерческого училища Ростова. 40-летие Петровского реального училища в 1913 г. также было отмечено гимнастическим представлением, подготовленным реалистами (К 40-летию, 1913).

В 1910 г. в центре города, неподалеку от здания городской думы, был открыт скетинг-ринг – специально оборудованное помещение для катания на роликовых, или, как их тогда называли, «колесных» коньках. Отрыт он был в любую погоду и в любой сезон с 11 утра до 12 ночи. Катание проводилось тремя трехчасовыми сеансами, во время которых играл оркестр. Утренний и дневной сеанс стоили 35 коп, вечерний – 50 коп. Для учащихся и военных вход на любой сеанс составлял 25 коп; за прокат коньков нужно было дополнительно заплатить полтинник (Рекламное объявление, 1910). В итоге

удовольствие покататься на роликах обходилось недешево и было рассчитано на горожан как минимум среднего достатка. Однако ростовцев, желавших покататься, похоже, оказалось немало.

В мае 1911 года открыли скетинг-ринг и в Нахичевани. Заявленная стоимость входных билетов и проката коньков была ниже, чем в Ростове в 1910 г., особенно цена на прокат коньков (25 коп) (*Скетинг-ринг, 1911*). Видимо, таким в итоге оказался и уровень цен на ростовском катке. Предприниматели обоих торговых городов в начале XX в. хорошо понимали, что устойчивую прибыль приносит массовость продаж, обеспеченная ценами, приемлемыми для большинства покупателей. И обычно стремились к уравниванию цен Ростова и Нахичевани.

Летом 1912 г. «Приазовский край» сообщал: «27 июля на Нахичеванском скетинг-ринге состоялось фигурное состязание при участии местных роликофигуристов. ...В исполнении своих фигур Н. Емельянов остался неподражаем. Большим успехом пользовался Я. Розеншток, считающийся вторым роликофигуристом Ростова и Нахичевани». Присуждение приза Емельянову было неоспоримо, но получение второго приза Д. Афанасьевым вызвало недовольство собравшейся на соревнование публики, посчитавшей, что Я. Розенштока судьи не оценили должным образом (*Спорт. Лаун-теннис, 1912*).

5. Заключение

Урбанизационные процессы рубежа XIX–XX веков, экономические изменения повлияли на распространение новых форм времяпрепровождения горожан. С конца XIX века в Ростове-на-Дону сложился устойчивый интерес к спортивным занятиям и оздоровлению организма. Но спорт воспринимался горожанами исключительно как сфера досуга. Спортивная форма досуга объединяла жителей Ростова-на-Дону по интересам, в спортивных клубах. Модное спортивное развлечение горожан, предмет колкостей, острот и сарказмов для фельетонистов ростовских газет, начало обретать накануне Первой мировой войны черты спортивной состязательности. Однако эта тенденция была оборвана войной и революцией 1917 года.

Литература

- Азово-Донской, 1912* – Азово-Донской Яхт-клуб. Ростов-на-Дону. Устав Азовско-Донского Яхт-Клуба: утвержден 5 января 1893 года. Ростов-на-Дону: Типолит. М.И. Осадченко, 1912. 20 с.
- В обществе «Унион», 1914* – В обществе «Унион» // *Приазовский край*. 1914. 24 июня.
- В обществе туристов, 1907* – В обществе туристов // *Южный телеграф*. 1907. 29 марта.
- В обществе туристов, 1910* – В обществе туристов // *Приазовский край*. 1910. 1 мая.
- В Яхт-клубе, 1913* – В Яхт-клубе // *Приазовский край*. 1913. 26 мая.
- Весь Ростов н/Д, 1896* – *Весь Ростов н/Д на 1896 год*. Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга / Изд. А.И. Тер-Абрамиан. Ростов н/Д.: Типолит. И.А. Абрамиан, 1896. 132 с.
- Весь Ростов, 1914* – *Весь Ростов. Нахичевань н/Д*. 1914 г. Ростов н/Д. Т-л Р. Радомышельского. Харьков. 1914. 640 с.
- Войтик, 2013* – *Войтик Е.А.* Роль российской печати в раскрытии спорта как явления досуговой жизни общества во второй половине XIX в. // *Журналистский ежегодник*. 2013. № 2–1. С. 23–26.
- Волошинова, 2013* – *Волошинова Л.Ф.* Два века городского сада. Серия «Судьбы улиц, площадей, парков». Ростов н/Д.: Донской издательский дом. 2013. 144 с.
- ГАРО* – Государственный архив Ростовской области.
- Гончарова, 2007* – *Гончарова О.В.* Организация досуга в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков (по материалам Нижнего Поволжья) // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2007. № 1 (36). С. 228–232.
- Греков, 1912* – *Греков А.М.* Приазовье и Дон: очерки общественной и экономической жизни края. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза». 1912. 208 с.
- Исторический очерк, 1910* – Исторический очерк // *Ростовские-на-Дону бега и скачки*. 1910. 18 апреля.
- К 40-летию, 1913* – К 40-летию Петровского реального училища, 1913 // *Приазовский край*. 1913. 9 июня.
- Краснянский, 1912* – *Краснянский М.Б.* Духовная жизнь старого Ростова-на-Дону: историч. изыскания по данным Ростовск. н/Д. гор. Музея. Ростов н/Д.: Типография юж. телеграфа, 1912. 16 с.
- Кулжинский, Красиловец, 1977* – *Кулжинский И.П., Красиловец Э.Н.* Спорт на Дону: Очерки. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1977. 127 с.
- Литягина, 2007* – *Литягина А.В.* Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вопросы истории*. 2007. № 10. С. 136–142.
- Ловелл, 2005* – *Ловелл С.* Досуг в России: «свободное» время и его использование // *Антропологический форум*. 2005. № 2. С. 136–173.
- Мальшева, 2011* – *Мальшева С.Ю.* Праздничный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М.: АCADEMIA, 2011. 192 с.

- Некрылова, 2004 – Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
- Объявление о матче, 1910 – Объявление о матче // *Приазовский край*. 1910. 23 сентября.
- Объявление о скачках, 1907 – Объявление о скачках // *Южный телеграф*. 1907. 27 сентября.
- Отчет Азовско-Донского, б.г – Отчет Азово-Донского Яхт-клуба за 1906 г. Б. м. Б. г.
- Перед матчем, 1913 – Перед матчем // *Приазовский край*. 1913. 1 сентября.
- Позняк, 2015 – Позняк Т.З. Развезть скуку провинциальной жизни: общественный досуг в городах Дальневосточной окраины в 1850–1870 гг. // *Россия и АТР*. 2015. № 1 (87). С. 81-93.
- Рекламное объявление, 1910 – Рекламное объявление // *Ростовские-на-Дону бега и скачки*. 1910. 18 апреля.
- Ростов-на-Дону, 2009 – Ростов-на-Дону: страницы истории (1749–2009) / [Ред.-сост.: И.Н. Васильева и др.]. Ростов н/Д.: Омега Паблишер: Золотое сечение, 2009. 831 с.
- Самарина, 2019 – Самарина Н.В. Ростовъ – самый удивительный уездный город России. Ростов н/Д.: Донской издательский дом. 2019. 162 с.
- Сидоров, 1996 – Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 4: Великий Курган – Гурвич. Ростов н/Д., 1996. 403 с.
- Скетинг-ринг, 1911 – Скетинг-ринг // *Приазовский край*. 1911. 22 мая.
- Состав призовых, 1911 – Состав призовых конюшен к предстоящему сезону // *Ростовские-на-Дону бега и скачки*. 1911. 22 апреля. 24 апреля.
- Спорт, 1912 – Спорт // *Приазовский край*. 1912. 30 июля.
- Спорт. Лаун-теннис, 1912 – Спорт. Лаун-теннис // *Приазовский край*. 1912. 8 августа.
- Справочная книжка, 1904 – Справочная книжка главного представительства на Донскую область: Сезон 1904 г. / Рос. о-во туристов. Рус. туринг-клуб. Ростов н/Д.: Б. и., 1904. 16 с.
- Ульянова, 2011 – Ульянова Г.Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры / Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М: Изд-во Московского университета, 2011. 880 с. 455-459.
- Устав, 1907 – Устав ростовского н/Д клуба «Лаун-теннис» в Ростове н-Д: [Утв. 3 нояб. 1907 г.]. Ростов н/Д.: Б. и., 1907. 19 с.
- Футбол, 1914 – Футбол // *Приазовский край*. 1914. 3 июля.
- Футбол-матч, 1914 – Футбол-матч // *Приазовский край*. 1914. 17 мая.
- Хмельницкая, 2011 – Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый хронограф, 2011. 335 с.
- Хроника, 1897 – Хроника // *Приазовский край*. 1897. 15 февраля.
- Хроника, 1905 – Хроника // *Приазовский край*. 1905. 5 октября.
- Хроника, 1906 – Хроника // *Южный телеграф*. 1906. 19 июля.
- Хроника, 1907 – Хроника // *Южный телеграф*. 1907. 1 апреля.
- Хроника, 1911 – Хроника // *Ростовские-на-Дону бега и скачки*. 1911. 6 ноября.
- Хроника, 1912 – Хроника // *Ростовские на Дону бега и скачки*. 1912. 22 апреля.
- Хроника. Лаун-теннис, 1907 – Хроника. Лаун-теннис // *Южный телеграф*. 1907. 26 июня.
- Хроника. Циклодром, 1905 – Хроника. Циклодром // *Приазовский край*. 1905. 28 сентября.
- Чалхушьян, 2002 – Чалхушьян Г.Х. История города Ростова-на-Дону. Гл. 31. Ч. 1. 1909 // *Донской Временник*. 2002. С. 164-212.
- Чеботарев, 1912 – Чеботарев Г.А. Ростов-Нахичевань на Дону: Справ. кн.: С пл. г. Ростова, рис., портр. и видами / Г.А. Чеботарев. Ростов-на-Дону: Скл. изд. у авт., 1911–1912. 391 с.
- Яхно, 2019 – Яхно О.Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // *История: факты и символы*. 2019. № 1 (18). С. 73-84.
- Bratolyubova et al., 2019 – Bratolyubova, M.V., Bryzgalova, I.G., Ponomareva, M.A. (2019). Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 54(4): 1726-1736.

References

- Azovo-Donskoi, 1912 – Azovo-Donskoi Yakht-klub. Rostov – na – Donu. Ustav Azovsko-Donskogo Yakht-Kluba: utverzhden 5 yanvary 1893 goda. [Azov-Don Yacht Club. Rostov - on - Don. Charter of the Azov-Don Yacht Club: approved on January 5, 1893]. Rostov-na-Donu: tipo-lit M.I. Osadchenko, 1912. [in Russian]
- Bratolyubova et al., 2019 – Bratolyubova, M.V., Bryzgalova, I.G., Ponomareva, M.A. (2019). Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 54(4): 1726-1736.
- Chalkhush'yan, 2002 – Chalkhush'yan, G.Kh. (2002). Istoriya goroda Rostova-na-Donu. Gl. 31. Ch. 1. 1909. [History of Rostov-on-Don. Ch. 31. Part 1. 1909]. *Donskoi Vremennik*. Pp. 164-212. [in Russian]
- Chebotarev, 1912 – Chebotarev, G.A. (1912). Rostov-Nakhichevan' na Donu: Sprav. kn.: S pl. g. Rostova, ris., portr. i vidami [Rostov-Nakhichevan on the Don: Right. Book: From pl. Rostov, Fig., Portraits and Views]. Rostov-na-Donu: skl. izd. u avt., 1911-1912. 391 p. [in Russian]
- Futbol, 1914 – Futbol (1914). [Soccer]. *Prizovskii kraj*. 1914. 3 iyulya. [in Russian]

- Futbol-match, 1914** – Futbol-match. (1914). [Football match]. Priazovskii krai. 1914. 17 maya. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of Rostov region].
- Goncharova, 2007** – *Goncharova, O.V.* (2007). Organizatsiya dosuga v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX-XX vekov (po materialam Nizhnego Povolzh'ya) [Organization of leisure in the provincial city at the turn of the 19th-XX centuries (according to the materials of the Lower Volga region)]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1(36): 228-232. [in Russian]
- Grekov, 1912** – *Grekov, A.M.* (1912). Priazov'e i Don: ocherki obshchestvennoi i ekonomicheskoi zhizni kraja. [Priazovye and Don: essays of social and economic life of the region]. SPb., tip. t-va «Obshchestv. pol'za». [in Russian]
- Istoricheskii ocherk, 1910** – Istoricheskii ocherk (1910). [Historical essay]. *Rostovskie-na-Donu bega i skachki*. 1910. 18 aprelya. [in Russian]
- K 40-letiyu, 1913** – K 40-letiyu Petrovskogo real'nogo uchilishcha (1913). [To the 40th anniversary of the Petrovsky Real School]. *Priazovskii krai*. 1913. 9 iyunya. [in Russian]
- Khmel'nitskaya, 2011** – *Khmel'nitskaya, I.B.* (2011). Sportivnye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala KhKh veka: Peterburg i Moskva. [Sports societies and leisure in the capital city of the beginning of the twentieth century: Petersburg and Moscow]. Moskva: Novyi khronograf. [in Russian]
- Khronika, 1897** – Khronika (1897). [Chronicle]. *Priazovskii krai*. 1897. 15 fevralya. [in Russian]
- Khronika, 1905** – Khronika (1905). [Chronicle]. *Priazovskii krai*. 1905. 5 oktyabrya. [in Russian]
- Khronika, 1906** – Khronika (1906). [Chronicle]. *Yuzhnyi telegraf*. 1906. 19 iyulya. [in Russian]
- Khronika, 1907** – Khronika (1907). [Chronicle]. *Yuzhnyi telegraf*. 1907. 1 aprelya. [in Russian]
- Khronika, 1911** – Khronika (1911). [Chronicle]. *Rostovskie-na-Donu bega i skachki*. 1911. 6 noyabrya. [in Russian]
- Khronika, 1912** – Khronika (1912). [Chronicle]. *Rostovskie na Donu bega i skachki*. 1912. 22 aprelya. [in Russian]
- Khronika. Laun-tennis, 1907** – Khronika. Laun-tennis [Chronicle. Lawn Tennis]. *Yuzhnyi telegraf*. 1907. 26 iyunya. [in Russian]
- Khronika. Tsiklodrom, 1905** – Khronika. Tsiklodrom (1905). [Chronicle. Tsiklodr]. *Priazovskii krai*. 1905. 28 sentyabrya. [in Russian]
- Krasnyanskii, 1912** – *Krasnyanskii, M.B.* (1912). Dukhovnaya zhizn' starogo Rostova-na-Donu: istorich. izyskaniya po dannym Rostovsk. [Spiritual life of old Rostov-on-Don: historian. Research according to the data of Rostov]. n/D. gor. Muzeya. Rostov n/D: tipografiya Yuzh. Telegrafa. [in Russian]
- Kulzhinskii, Krasilovets, 1977** – *Kulzhinskii, I.P., Krasilovets, E.N.* (1977). Sport na Donu: Ocherki [Sports on the Don: Essays]. Rostov n/D: Kn. izd-vo. [in Russian]
- Lityagina, 2007** – *Lityagina, A.V.* (2007). Dosug v gorodakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Leisure in the cities of Russia in the second half of the XIX - the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. 10: 136-142. [in Russian]
- Malysheva, 2011** – *Malysheva, S.Yu.* (2011). Prazdnichnyi den', dosuzhii vecher: kul'tura dosuga Rossiiskogo provintsial'nogo goroda vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. [Holiday, evening: culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19th – the beginning of the 20th century]. M.: ACADEMIA. [in Russian]
- Nekrylova, 2004** – *Nekrylova, A.F.* (2004). Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha. Konets XVIII - nachalo XX veka. [Russian folk city holidays, entertainment and spectacles. End of the XVIII – beginning of the XX century]. SPb: Azbuka-klassika. [in Russian]
- Ob'yavlenie o matche, 1910** – Ob'yavlenie o matche. (1910). [Match announcement]. *Priazovskii krai*. 1910. 23 sentyabrya. [in Russian]
- Ob'yavlenie o skachkakh, 1907** – Ob'yavlenie o skachkakh. (1907). [Horse Racing Announcement]. *Yuzhnyi telegraf*. 1907. 27 sentyabrya. [in Russian]
- Otchet Azovsko-Donского, b.g** - Otchet Azovo-Donского Yakht-kluba za 1906 g. (b.g). [Report of the Azov-Don Yacht Club for 1906]. B. m. B. g. [in Russian]
- Pered matchem, 1913** – Pered matchem. (1913). [Before the match]. *Priazovskii krai*. 1913. 1 sentyabrya. [in Russian]
- Poznyak, 2015** – *Poznyak, T.Z.* (2015). Razveyat' skuku provintsial'noi zhizni: obshchestvennyi dosug v gorodakh Dal'nevostochnoi okrainy v 1850-1870 gg. [Dispel the boredom of provincial life: public leisure in the cities of the Far Eastern outskirts in 1850-1870]. *Rossiya i ATR*. 1(87): 81-93. [in Russian]
- Reklamnoe ob'yavlenie, 1910** – Reklamnoe ob'yavlenie (1910). [Advertisement]. *Rostovskie-na-Donu bega i skachki*. 1910. 18 aprelya. [in Russian]
- Rostov-na-Donu, 2009** – Rostov-na-Donu: stranitsy istorii (1749-2009). [Rostov-on-Don: history pages (1749-2009)]. Rostov-na-Donu: Omega Publisher: Zolotoe sechenie, red.-sost.: I.N. Vasil'eva i dr. 2009. [in Russian]
- Samarina, 2019** – *Samarina, N.V.* (2019). Rostov – samyi udivitel'nyi uezdnyi gorod Rossii [Rostov – the most amazing county city of Russia]. Rostov-na-Donu. Donskoi izdatel'skii dom. [in Russian]

Sidorov, 1996 – *Sidorov, V.S.* (1994). Entsiklopediya starogo Rostova i Nakhichevani-na-Donu. [Encyclopedia of old Rostov and Nakhichevan-on-Don]. T. 4: Velikii Kurgan – Gurvich. Rostov n/D. [in Russian]

Sketing-ring, 1911 – Sketing-ring (1911). [Roller-skating rink]. *Priazovskii krai*. 1911. 22 maya. [in Russian]

Sostav prizovykh, 1911 – Sostav prizovykh konyushen k predstoyashchemu sezonu. (1911). [Composition of prize stables for the upcoming season]. *Rostovskie-na-Donu bega i skachki*. 1911. 22 aprelya. 24 aprelya. [in Russian]

Sport, 1912 – Sport [Sports]. *Priazovskii krai*. 1912. 30 iyulya. [in Russian]

Sport. Laun-tennis, 1912 – Sport. Laun-tennis [Sports. Lawn Tennis]. *Priazovskii krai*. 1912. 8 avgusta. [in Russian]

Spravochnaya knizhka, 1904 – Spravochnaya knizhka glavnogo predstavitel'stva na Donskuyu oblast': Sezon 1904 g. Ros. o-vo turistov. Rus. turing-klub..(1904). [Reference book of the main representative office in the Don region: 1904 season/Growing. about tourists. Rus. touring club]. Rostov n/D: B. i., 1904. 16 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2011 – *Ul'yanova, G.N.* (2011). Dosug i razvlecheniya. Zarozhdenie massovoi kul'tury. [Leisure and entertainment. The birth of mass culture]. Ocherki russkoi kul'tury. Konets XIX nachalo XX veka. T. 1. Obshchestvenno-kul'turnaya sreda. M: Izd-vo Moskovskogo universiteta, pp. 455-459. [in Russian]

Ustav, 1907 – Ustav rostovskogo n/D kluba «Laun-tennis» v Rostove n-D. Utv. 3 noyab. 1907 g. [Charter of the Rostov N/A club "Lawn Tennis" in Rostov N-D: Utv. Nov 3. 1907]. Rostov n/D: B. i., 1907. [in Russian]

V obshchestve «Union», 1914 – V Obshchestve «Union». (1914). [In the Union Society]. *Priazovskii krai*. 1914. 24 iyunya. [in Russian]

V obshchestve turistov, 1907 – V obshchestve turistov (1907). [In the society of tourists]. *Yuzhnyi telegraf*. 1907. 29 marta. [in Russian]

V obshchestve turistov, 1910 – V obshchestve turistov (1910). [In the society of tourists]. *Priazovskii krai*. 1910. 1 maya. [in Russian]

V Yakht-klube, 1913 – V Yakht-klube (1913). [At the Yacht Club]. *Priazovskii krai*. 1913. 26 maya. [in Russian]

Ves' Rostov n/D, 1896 – Ves' Rostov n/D na 1896 god. Adres-kalendar', torgovo-promyshlennaya spravochnaya kniga. (1896). [All Rostov n/A for 1896. Calendar Address, Commercial and Industrial Reference Book/ed. A.I. Ter-Abramian]. Rostov n/D: tipo-lit. I.A. Abramian, 1896. [in Russian]

Ves' Rostov, 1914 – Ves' Rostov. Nakhichevan' n/D. 1914 g. (1914). [All of Rostov. Nakhichevan n/D. 1914.]. Rostov n/D. T-l R. Radomyshel'skogo. Khar'kov. 1914. [in Russian]

Voitik, 2013 – *Voitik, E.A.* (2013). Rol' rossiiskoi pechati v raskrytii sporta kak yavleniya dosugovoi zhizni obshchestva vo vtoroi polovine XIX v. [The role of the Russian press in the disclosure of sports as a phenomenon of leisure life in society in the second half of the XIX century]. *Zhurnalistskii ezhegodnik*. 2-1: 23-26. [in Russian]

Voloshinova, 2013 – *Voloshinova, L.F.* (2013). Dva veka gorodskogo sada. Seriya «sud'by ulits, ploshchadei, parkov». [Two centuries of the city garden. Series "fate of streets, squares, parks"]. Rostov-n/D: Donskoi izdatel'skii dom. [in Russian]

Yakhno, 2019 – *Yakhno, O.N.* (2019). Dosug v provintsial'nom gorode nachala XX veka: novye formy organizatsii. [Leisure in the provincial city of the beginning of the 20th century: new forms of organization]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(18): 73-84. [in Russian]

Спортивные общества и досуг в Ростове-на-Дону на рубеже XIX–XX веков

Мария Викторовна Братолобова ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена важной составляющей городского образа жизни Ростова-на-Дону – досугу в конце XIX – начале XX вв. Рассмотрен спортивный аспект истории досуга в уездном Ростове-на-Дону. Показано, как в среде средних слоев горожан к концу XIX в. отчетливо обозначились как тенденции к объединению для совместного проведения свободного времени, так и к разумным, развивающим формам досуговых занятий. К последним автор относит организации для совместных занятий спортом. В Ростове-на-Дону шло быстрыми темпами развитие форм досуга, связанных с приобщением к физкультуре и спорту. Популярными становились занятия физкультурой

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mvbratolyubova@sfedu.ru (М.В. Братолобова)

и спортом, принимавшие общественные формы: общества конькобежцев и лыжебежцев, велосипедистов и футболистов.

Автор делает вывод о том, что с последней четверти XIX в. спорт стал модным и всеобщим увлечением в Ростове-на-Дону, создавались первые спортивные клубы и организовывались первые соревнования. Некоторые виды спортивных занятий, эволюционируя в профессиональный спорт, уже на рубеже XIX–XX вв. превращались в массовые зрелища, генерировавшие азарт болельщиков (бега и скачки, борьба). В статье показано, как спортивные занятия были еще и возможностью для общения единомышленников. Досуг создавал возможности для самореализации горожан и способствовал развитию институтов гражданского общества.

Модное спортивное развлечение горожан накануне Первой мировой войны начало обретать черты спортивной состязательности. Однако эта тенденция была оборвана Первой мировой войной и революционными потрясениями в России в начале XX века.

Ключевые слова: Ростов-на-Дону, провинциальный город, спортивная досуговая деятельность, спортивные общественные организации и клубы.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1898-1909
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1898

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of China and the Chinese in Late Imperial Russia (based on Materials from the “Niva” Journal)

Andrey A. Avdashkin ^{a,*}, Tatyana V. Raeva ^a, Igor V. Sibiryakov ^a

^aSouth Ural State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the images of China and the Chinese in the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries on the example of “Niva” journal. This journal published news articles, reports from the scene, portrait sketches, literary works on the “Chinese theme”, biographical and ethnographic essays. Texts and numerous illustrations showed the history of China, the way of life and traditions of its population to a wide audience. The authors came to the conclusion that the publishers, editors, and authors of the journal, as well as, probably, the pre-revolutionary Russian public failed to form a complete image of the Chinese and state of China. In the aggregate of various, sometimes mutually exclusive, ideas about them, depending on the Russian and world socio-political context of the second half of the XIX – early XX centuries certain elements were updated. This explained the volatility of public opinion in Russia in relation to China, the problem of “yellow labor”, gave dynamics and flexibility to Russian policy in the Far East and its representation in public space. The images of the state of China and the Chinese were multifaceted and dynamic.

Keywords: image, China, chinese, Niva, yellow peril, migration, Russian empire.

1. Введение

Зарождение и трансформация образа «другого» в российской истории приобретает особую значимость для понимания эволюции и преемственности идентичности российского общества, создания круга «друзей» и «врагов». Большое значение в содержательном наполнении образа Китая и китайских мигрантов играла пресса. Тексты, разоблачающие образ «другого» в позднеимперской России, часто имели более влиятельный и долгосрочный мировоззренческий эффект, нежели планировали их авторы (Дятлов, 2014). Так в массовое сознание внедрялись националистические максимы, отразившие напряженность модернизации и формирования национальной идентичности.

Роль дореволюционной периодики в выработке отношения к китайцам уже подробно изучена, но мы по-прежнему наблюдаем ряд содержательных лакун. В фокусе внимания историков остается ограниченный массив наиболее известных текстов. Расширение источниковой базы позволит ответить на важные вопросы: насколько массово и интенсивно внедрялись в общество представления и образы китайцев, в каких контекстах и как они конструировались, какие сюжеты и оценки являлись основополагающими для российского общества того времени.

2. Материалы и методы

Журнал «Нива» относится к наиболее популярным и при этом слабо изученным изданиям дореволюционной России. Он выходил еженедельно в Санкт-Петербурге с 1870 по 1918 гг. В отличие от аналогичных общественно-литературных (литературно-политических) журналов, таких как «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русский вестник» и др., «Нива»

* Corresponding author

E-mail addresses: adrianmaricka@mail.ru (A.A. Avdashkin)

издавалась регулярно, постоянно наращивая тираж: к началу XX в. он составлял более 200 тыс. экземпляров. Благодаря довольно качественному контенту, многочисленным изображениям и относительно низкой подписной цене, журнал быстро завоевал популярность у широкой аудитории, принадлежавшей к разным сословиям и политическим взглядам. Он позиционировал себя как издание для семейного чтения, которое «не допускало ничего противного требованиям религии и нравственности..., никакой полемики, проистекающей из борьбы политических мнений и социальных вопросов». Специфика «Нивы» дает возможность предположить, что она отражала взгляды широкой части образованного российского общества и, в свою очередь, оказывала влияние на формирование ее представлений. На основе материалов журнала возможна достоверная реконструкция наиболее массового образа «другого» в лице китайцев.

В основу работы положен метод исторической имагологии. Образы китайских мигрантов интерпретируются как одно из проявлений «образа другого», играющего важную роль в истории многих культур. У каждой из них есть образ «Другого», выполняющий важную роль в игре смыслов и значений, определяющих ее Я-концепцию» (Журавлева, 2021: 12). Сочетание контент- и дискурс-анализа позволяет определить частотность тех или иных вербальных конструкций в больших текстовых массивах, выявить устойчивые обороты, характеризующие особенности восприятия «образа другого», как в общественном сознании, так и в официальном государственном дискурсе, выявить языковые конструкции, ключевые для формирования «образа другого». В работе с художественными текстами доказал свою высокую научную эффективность метод литературоведческого анализа, а при изучении эго-документов – биографический и историко-культурный методы.

3. Обсуждение

На рубеже XIX–XX вв. Китай и мигранты из стран Азии воспринимались отечественными политиками, исследователями и публицистами в основном как источник угрозы (См.: Дятлов, 2000). Так, в российском публичном пространстве впервые появилось и обрело широкое употребление понятие «желтая опасность» как иносказание «о набегах народов желтой расы на Европу» (Михельсон, 1902: 225). Организация «желтого труда» и предотвращение «желтой угрозы» обрели мощное влияние на общественно-политическую ситуацию, способствуя разработке проектов «защиты» рынка труда и границ (Левитов, 1900; Панов, 1912).

Несмотря на скудость источников, современные историки оставили немало информативных описаний социальной организации китайской общины в России (Шрейдер, 1897; Граве, 1912). После войны с Японией идея «экономического освобождения от желтых» занимала все более видное место в политической повестке (Унтербергер, 1912). Первая мировая война и революция в России на долгие годы изменили ракурсы восприятия восточного соседа, а новый всплеск интереса к образам китайцев произошел только после распада СССР.

В современной научной литературе к исследованию образов Китая и китайских мигрантов конца XIX – начала XX вв. обращались многие ученые (Лукин, 2004; Дятлов, 2010; Титаренко, 2014). Образ китайцев, выработанный в позднеимперской России, характеризовался как противоречивый, сочетающий, казалось, несовместимые черты. Так оформилась его несущая конструкция: обезличенность, неприхотливость, антисанитария и нищета, «заискивающая» модель поведения, высокая конкурентоспособность и быстрое освоение новых сфер деятельности (Восток России..., 2011: 464).

Значительный пласт литературы посвящен отражению событий боксерского восстания в печати и карикатурах (Eskridge-Kosmach, 2013; Старовойтова, 2017). Восстание ихэтуаней и Русско-японская война 1904–1905 гг. существенно расширили сферу применения термина «желтые» в публичном пространстве Российской империи (Гузей, 2013: 174). Пристальное внимание уделяется историками развитию дискуссий о «желтой опасности», их долгосрочному влиянию на язык описания китайских мигрантов (Dyatlov, Dyatlova, 2020), внутреннюю и внешнюю политику России и европейских держав (Ođijie, 2017; Авилов, 2020).

В трудах, подготовленных в последние десятилетия, показано, как китаефобию подпитывали ощущения слабости контроля над дальневосточными окраинами, страхи перед китайцами как сильным конкурентом в сфере предпринимательства, освоения природных богатств обширного края и др. (Yin Hsu, 2006; Дятлов, 2000; Ходяков, 2018). Уже подробно реконструированы особенности трудовой миграции китайцев в годы Первой мировой войны и реакция российского общества на вынужденное расширение географии применения «желтого труда» (Alexeeva, 2018; Ходяков, 2019a). В сложившейся историографической ситуации все более пристальное внимание уделяется технологиям создания образа «другого» в периодической печати второй половины XIX – начала XX вв.

4. Результаты

О Китае и китайцах длительное время практически ничего не было известно. Уважение и признание успехов развития, достигнутых задолго до европейцев, соседствовали с пренебрежением. Как сказано в одной из заметок «Нивы», «китайцы изобрели порох. Книгопечатание и компас были известны им задолго до нас. Они же ввели в употребление фарфор и шелковые ткани. Во всех же

остальных отношениях это ничтожная нация, которая питается рисом, крысами и собачьим мясом, а гостям преподносит змеиные яйца и жаркое из ящерицы. Вот все, или почти все, что нам было до сих пор (1887 г.) известно об обитателях Небесной Империи» (Нива, 1887: 1123).

В этом сложном контексте происходило складывание образа Китая и китайцев. Отпечаток накладывала краткость периода, в ходе которого шло его формирование, эпизодичность и локальность контактов между сторонами. Все это делало образ Китая и китайцев амбивалентным и лишенным бинарности. Отдельные его черты при определенных обстоятельствах приобретали положительную коннотацию, в иных случаях интерпретировались отрицательно и воспринимались как угроза.

Характер публикаций «Нивы» второй половины XIX – начала XX вв. позволяет проследить динамику отношения авторов и части аудитории издания к проблеме российского присутствия на Дальнем Востоке. Если в публикациях 1880-х – 1890-х гг. транслировалась тревога относительно беззащитности границ в регионе, господства в нем китайцев (См.: Максимов, 1880; 1881; Ингеницкий, 1897), то на рубеже XIX–XX вв. на первый план выдвинулся успешный опыт освоения Дальнего Востока и Ляодунского полуострова (появление каменных зданий, развитие торговли, строительство железных дорог и, главное, переселение тысяч людей всевозможных профессий) (Нива, 1899; Орлов, 1902). Однако после поражения России в русско-японской войне авторы «Нивы» оценивали притязания на Маньчжурию как авантюризм, приведший к позору и жертвам, сокращению возможностей для освоения богатств собственных территорий, осложнению отношений с Китаем (Нива, 1907).

Последствия Синьхайской революции, падение Цинской династии вновь актуализировали претензии на Маньчжурию. На страницах журнала зазвучали призывы к российской власти стать просветителем и устройтеlem жизни народов Востока, активизировать моральные силы и необычайные ассимилирующие способности русского народа (Нива, 1912). Тем самым вопрос о том, где пределы Российской империи и где заканчивается «наша» земля на востоке, остался открытым.

Отчасти его решению препятствовало представление об особой роли России в Азии, отличной от хищнической политики других западных держав. В публикациях «Нивы» подчеркивался миролюбивый характер российских действий, невмешательство во внутреннюю политику Китая, уважение к местным традициям, религиозным верованиям и др. Это, по мнению авторов, давало Российской империи исключительную возможность исполнить культурную миссию сближения европейцев и азиатов, способствовать распространению доверия и дружбы между ними, транслировать передовые европейские достижения (Орлов, 1902).

Противоречивые представления о российском присутствии на Дальнем Востоке умножались на неоднозначный опыт непосредственных контактов русских и китайцев. Собственный корреспондент «Нивы» В.А. Табуриин, проведший в Китае более года, так охарактеризовал типичное отношение русских офицеров и солдат к местному населению: «Признавать за китайцем человеческие права считается наивностью и слабостью, потому что это не человек, а животное» (Табуриин, 1905).

Главными, пугающими авторов «Нивы» отличиями, были многочисленность населения Китая и отсутствие у него черт, по их мнению, неотъемлемо присущих всем людям. В тематических статьях даже одного номера численность китайцев определялась как в 300 млн, так и в 600 млн человек. Эта неисчислимая масса людей не имела страха смерти, обладала неиссякаемым трудолюбием, живучестью и аскетизмом, уникальными способностями к адаптации. Такие представления о китайцах, как машинах «без чувств и без нервов» (Миль, 1913), транслировались аудитории «Нивы». Представления авторов относительно стратегий взаимодействия с ними пролегли в широком диапазоне – от призывов к укреплению европейского единства и подготовке к столкновению с «желтой опасностью» до предложений сближения с Китаем, узнавания его культуры и выстраивания отношений на мирной, взаимоуважительной основе.

Страх, присущий восприятию китайцев русскими, сопровождался сложной гаммой чувств, включающей типичное для к. XIX – н. XX вв. высокомерие европейца перед «ничтожным азиатом». Оно проявлялось в уничижительных обращениях («макаки», «бродяги», «китаёзы») и одновременно – в раздражении, обиде и растерянности в ответ на ненависть к иностранцам («заморским чертям») (Нива, 1876; Нива, 1882).

Конструирование образа начиналось с репрезентации внешнего облика и образа жизни китайца. Благодаря сотрудничеству с художниками-иллюстраторами, «Нива» давала возможность своей аудитории не только прочесть об этом, но и взглянуть на изображения китайских мандаринов, крестьян, торговцев, типичные бытовые сцены. Это оживляло образ, делало его более многогранным. В нем отчасти воспроизводились стереотипные представления об уродстве китайцев (Максимов, 1881), но они дополнялись описаниями умных красивых лиц и хорошо сложенных фигур: «Китайцы как тип гораздо совершеннее японцев. Они выше ростом, лучше сложены. В них видна порода» (Табуриин, 1904с: 954).

Нашла свое отражение в публикациях «Нивы» тема антисанитарии (китаец никогда не покидает своей одежды, это она его покидает) (Нива, 1913а: 720). Грязь, мрачность, теснота в китайских поселениях увязывалась авторами с нищетой, бесправием значительной части населения и

жесточайшей эксплуатацией со стороны цинских властей. При этом подчеркивалось колоссальное трудолюбие, умеренность китайцев, их необычайное терпение и настойчивость, хитрость и алчность.

Столь же противоречиво описывался быт китайцев. Жилище китайца «покрыто грязными одеялами, лоснящимися от жирной грязи». Зимой под лежанку, расположенную в центре дома, ставится жаровня с пылающими углями, от чего «смад распространяется по всему дому». Отсутствие отхожих мест приводило к тому, что все вокруг оказывалось «загажено» и «заражено». В этих условиях беспрерывно свирепствовали эпидемии, что преподносилось и как фактор, способствующий высокой «живучести китайской расы». При огромной рождаемости те, кто в детстве пережил эпидемии, становятся устойчивы к болезням и этим «застрахованы от смерти» (Нива, 1913а). Контрастируют с этими мрачными картинами описания просторных, красиво убранных домов китайских крестьян, заметки о достижениях традиционной медицины (Нива, 1893: 906).

Образ китайцев рассматривался вне привычного современникам конфессионального континуума. Религиозность представителей «желтой расы» являлась важным маркером их архаичности, отсталости от остального «культурного мира». «Другой» в лице китайцев и японцев жил в атмосфере «религиозной пустоты». За все время мы обнаружили только одну заметку, посвященную их религиозным верованиям. С первых строк сказано: «...Китайцы и японцы в религиозном отношении стоят на очень низкой ступени, а их верования крайне примитивны и детски наивны». Это иллюстрируется устрашающими фотографиями китайских «кумирен», мучений, ожидающих китайца за грехи. Как резюмировал автор «насчет всяких мучительств, фантазия китайцев неистощима» (Нива, 1905а).

Обычай и традиции китайцев привлекали европейцев своей причудливостью. Маркируя их как жестокие, варварские и примитивные, некоторые корреспонденты «Нивы» старались увидеть в них рациональное зерно, понять историческую и религиозную обусловленность. Так, описывая обычай хоронить заживо преступников, неисправимых игроков, курильщиков опиума, прокаженных, автор объяснял его заботой о близких и устранением опасного человека из общества, а также религиозными верованиями китайцев, которые убеждены, что после смерти человек будет располагать тем же телом, с которым принял смерть. Дикий, с точки зрения европейца, обычай интерпретировался как приемлемый вид казни (Нива, 1893: 905-906).

В публикациях об устройстве китайского общества и семейных традициях читатели узнавали, что даже беднейший из крестьян мог получить образование в Китае, сдать экзамены и претендовать на государственные должности, а знатность человека зависела только от его личных заслуг и детям не передавалась. Все члены китайской семьи должны были оказывать друг другу помощь и покровительство (Штельцнер, 1887).

Несущей конструкцией образа Китая в российском массовом сознании являлись представления о неподвижной, спящей «Желтой империи» и «пробуждающемся Драконе». В единый комплекс их собирал нарратив о том, что еще в древности Китай достиг высокого уровня развития культуры, став самым просвещенным государством мира. Затем он словно застыл в «неподвижности» и отстал от передовых стран Запада. Такой «метарассказ» не отягощался поиском причин того, почему произошло «торможение» некогда успешной державы, но дополнялся представлением об исключительной способности Китая учиться у Европы, перенимая и усваивая ее достижения. Толчок, полученный Срединной империей от передовых стран, помноженный на ее «многотысячелетний опыт и умение бесследно переживать даже самые страшные потрясения», обусловил быстрый рывок Китая по пути обновления и превращения в одно из самых мощных государств. Это убеждение составило основу концепта о «пробуждении Дракона», о котором немало писала «Нива» (Нива, 1906а: 622; Нива, 1910: 457). Лишь после Синьхайской революции стали высказываться сомнения относительно способности Китая усваивать западный опыт (Нива, 1913b: 939-940).

Представление об устойчивости китайской цивилизации формировало у европейцев ощущение неразрушимости и нераспадаемости Китая, даже при слабой маньчжурской власти и колониальном давлении. Автор одного из немногих экспертных материалов «Нивы», исследователь Японии и Дальнего Востока П. Чечин, в качестве факторов прочности единства Китая указывал огромность и однородность населения, способность «окитаивать» иностранцев. В случае, если какая-то держава рискнет овладеть Китаем, она будет поглощена «желтым морем населения» (Чечин, 1913).

Страх перед «пробуждающейся» и неодолимой Китайской империей, надвигающейся на Европу и Россию «желтой опасностью», заставляли размышлять о воинственности китайцев. Журнал «Нива» не раз сообщал читателям о миллионной армии Китая, ее реформировании по западным образцам. Однако доминировало представление о военной слабости и трусости китайцев: «...их солдаты хилые, болезненные, калеки. На эту службу берут людей окончательно ни к чему неспособных. Военная служба считается унижительной. Нация с такими воззрениями не может быть воинственной» (Табурин, 1904с: 954). Другой автор пояснял причину подобного положения дел противоречием военного духа китайской философии, традициям, идеям и нравам народа. Более опасным ему виделся мирный Китай – непобедимый в борьбе за свое существование (Нива, 1885: 987).

При описании действий великих держав и России в Китае, вызванных восстанием ихэтуаней, первостепенная роль отводилась обоснованию высокой цивилизаторской и христианской миссии России. Так, при назначении маршала Вальдерзее командующим войсками Альянса восьми держав, боровшихся с восставшими, заявлялось, что Россия ограничила свободу его действий «лишь нравственным требованием соблюдать человеколюбивые христианские заветы, которых придерживается Россия не только в мирное время, но и на войне» (Нива, 1900g: 662). Ведь именно спасение христиан, гонимых китайцами, презентовалось одной из основных целей борьбы русского военного контингента в Китае (Нива, 1900d: 563).

Акцентировалось немалое внимание и на ведущей роли России в «китайских делах», поскольку всякая катастрофа в «Небесной империи» напрямую касалась ее интересов (Нива, 1900a: 504). Особо подчеркивалось, что с союзными войсками сражается не весь Китай, а именно движение «Большого кулака» – партия враждебная иностранцам (Нива, 1900f: 601). Так очерчивались политические границы конфликта, не акцентируя его конфессиональный или цивилизационный характер. Русский солдат, суворовский «чудо-богатырь», героически проявлявший себя в боях с шайками китайских разбойников-хунхузов, одновременно был милосерден к страдающему народу, нищим и сиротам в Китае. На страницах журнала не раз встречались истории о китайских «детях полка», взятых на воспитание русскими солдатами и матросами (Нива, 1900k: 1004; Нива, 1902: 342-343).

Основной причиной происходивших в Китае событий показан тяжелый внутривосточный кризис империи Цин, противоборство между немногочисленными сторонниками «просвещения» и народными массами, выступающими за сохранение прежних устоев. Это преподносилось как борьба цивилизации и варварства, современности и прошлого. Тем самым «Небесная империя» ставилась перед вопросом: остаться «недвижимой» или последовать примеру Японии и приобщиться к европейской культуре (Нива, 1900c: 542). Завершение вооруженной борьбы и начавшееся урегулирование положения трактовались как первый шаг к разрушению преград, которые отделяли Китай от «культурного мира» (Нива, 1900j: 864).

Тексты и визуальные дополнения к ним показывали сторонников движения «Большого кулака» в образах средневековых воинов, вооруженных копьями, луками и саблями. С помощью иллюстраций подчеркивалось их сходство с варварами-кочевниками (Нива, 1900c: 602; Нива, 1900f: 544). Иллюстрации, опубликованные в материалах о восстании боксеров, демонстрировали читателям дикость, нецивилизованность и варварство китайцев. Эту же роль играли изображения публичных казней иностранцев и плакат движения «Большого кулака», призывающий убивать иноземцев (Нива, 1900d: 564; Нива, 1900i: 781). На нем детально изображены пытки, применявшиеся восставшими к «заморским дьяволам». Особо подчеркивалась многочисленность мятежников («громадные полчища, толпы и скопища»), но они в силу приписанной им архаичности оказались плохо вооружены, слабо организованы и небоеспособны, поэтому быстро обращались в бегство даже без боя (Нива, 1900g: 661-664).

Китайская миграция характеризовалась не как социальный процесс, а скорее как стихийное бедствие («наплыв», «переселение целыми массами», «желтый потоп»). Со страниц «Нивы» все более настойчиво звучали опасения того, что многочисленная «желтая раса» может усилиться, объединиться, а затем разгромить и поработить Европу, как когда-то монголы – Русь, разделенную на удельные княжества (Нива, 1895: 390). Транслировалась мысль о необходимости сплочения европейских держав перед лицом опасности с Востока. В особенности после победы Японии в русско-японской войне, когда «желтый мир» почувствовал свою силу», а Россия оказалась перед лицом «желтой опасности» (Нива, 1905b). Тем не менее расистский дискурс в его крайнем выражении, настаивающий на тотальной природной несовместимости «желтой» и «белой» рас, которая не предполагала возможности мирного сосуществования (См.: Дятлов, 2014: 24), не был характерен для материалов «Нивы».

Современники осознавали, что, с одной стороны, «желтая» рабочая сила являлась жизненно важной для строительства экономической и военной инфраструктуры на Дальнем Востоке (Ходяков, 2019b: 999), с другой – привлечение большого количества «желтых» рабочих создавало серьезные препятствия для заселения региона русскими, вело к его постепенному окитаиванию. Все эти оценки, колебавшиеся от пренебрежения к китайцам до ощущения зависимости от их труда, формировали противоречивую оптику восприятия «желтого труда».

Конкуренция местных рабочих с китайцами на рынке труда признавалась невозможной, поскольку белый рабочий не мог «жить в грязи и питаться горстью риса». К остальным категориям китайцев, изображенным на страницах «Нивы», относились банды хунхузов и хищники-золотоискатели («сброд», «скопища», «чуждые», «нашествие китайской сволочи») (Нива, 1881: 930-932). Вот один из характерных отрывков: «Несметные толпы желтого пролетариата идут на заработки в пределы России..., китайцы, как более приспособленные к местным условиям и более сильные хозяева, оказываются наиболее способными колонизаторами и настоящими завоевателями. Волна китайских переселенцев страшнее китайских армий» (Нива, 1908: 302).

Концепция о «желтой опасности» предполагала визуализацию территориальных плацдармов экспансии. «Китайский» квартал и «китайская» улица получили множество детальных описаний в

публицистике того времени. При этом тональность текстов варьировалась от восторга прикосновения к экзотике и посещения настоящего Китая до «разбойного логова», «улья», «клоаки», «дна». «Китайский квартал» расценивался как логичное продолжение организации пространства в самом Китае. Вот короткое описание одной из типичных улиц в китайском городе: это непременно «грязные, узкие и извилистые улочки, покрытые толстым слоем черной пыли», китайское жилище всегда до ужаса грязно, мрачно, темно и печально (1900. № 26; 1913. № 36).

С началом русско-японской войны почти в каждом номере «Нивы» в рубрике «Политическое обозрение» публиковались тексты под заголовками «Отклики войны», посвященные патриотическим настроениям в тылу, описанию состояния русской и японской армий и т.д.; в рубрике «С театра военных действий» появлялась хроника происходящего с обязательными портретными и видовыми изображениями, «Державы и война» освещала положение в мировой политике. С марта 1904 г. журнал организовал сбор средств на нужды армии и флота и в пользу раненых.

В первые месяцы войны многие тематические материалы «Нивы» полностью или частично представляли собой перепечатки из «Правительственного вестника» и были проникнуты официозом. Но уже в мартовском номере 1904 г. редакция сообщила об отправке на театр военных действий собственных корреспондентов – В.А. Табурина, постоянного сотрудника «Нивы», довольно известного иллюстратора и прозаика (близкого к литературно-общественному кругу В.Г. Короленко и М. Горького), и В.К. Буллу, фотографа, сына знаменитого петербургского фотодокументалиста К. Буллы. Их первые репортажи из Иркутска появились в апрельском выпуске журнала.

В текстах о войне патриотический подъем и возмущение вероломством Японии первоначально вытеснили «китайскую тему», несмотря на то, что конфликт развернулся именно в Китае. Маньчжурия для авторов публикаций этого периода представлялась как «самая отдаленная часть нашей территории» (Нива, 1904а: 136). С марта 1904 г., наряду с сообщениями о перемещениях войск, высоком боевом духе русских солдат и неперемкнутой победе над Японией, появились заметки о трагических последствиях войны: эвакуации населения из прифронтовой полосы, хаосе и беспорядке при выезде, личных трагедиях людей, штурмующих билетные кассы, бросающих багаж, который не удавалось взять в вагон, голоде в пути (Нива, 1904б).

В это же время встречаются и первые упоминания о китайцах в материалах «Нивы», где их обвиняли в шпионаже в пользу японцев, подавая это как важную причину успехов последних, но подчеркивали, что «простой народ» все же симпатизировал русским. Чуть позже в журнале поместили большой текст, в котором осмысливалась не только общая расстановка сил в условиях войны, но и позиция Китая в противостоянии России и Японии. Тревогу авторов вызывала проблема сохранения китайского нейтралитета. Доминирующее в российском политическом дискурсе представление о тайной помощи Китая японцам позволяло утверждать, что открытое союзничество «желтых империй» для России менее опасно, т.к. Китай в военном отношении довольно слаб. Ответить на объединение сил азиатских держав автор призывал сплочением европейских стран по примеру коалиции 1900 г., а после ее победы окончательно разделить Поднебесную. Тем самым предполагаемое развитие военных действий с включением в них Китайской империи и превращением конфликта России и Японии в противостояние Востока и Запада вписывалось в идеологию о «желтой опасности».

Однако полной уверенности в том, что роковой час столкновения «белой» и «желтой» рас действительно настал, у автора не было. Он допускал сохранение Китаем нейтралитета, что способствовало бы развитию дружеских отношений держав и приносило выгоду и России, закреплявшей за собой свободный выход к незамерзающим портам Тихого океана, и Китаю, избавленному от новых территориальных притязаний (Нива, 1904с).

После сражений весны–лета 1904 г. тон журнальных публикаций начал меняться. Акцент смещался на японские успехи и их причины: хорошо поставленную разведку, умелое применение артиллерии и коммуникаций на воинских позициях, позволяющих координировать действия и т.д. Шапкозакидательские настроения по поводу судьбы Порт-Артура сменились тревогой, отмечались большие потери, которые несли японцы и русские. Но заметки о поражениях русской армии уравновешивались сведениями о локальных успехах, примерами героизма и благородства русского солдата, описаниями мощи защитников Порт-Артура. Продолжающееся отступление войск А.Н. Куропаткина подавалось как реализация стратегического плана командования. «Японцы – это враг опасный своею хитростью, тщательной подготовкой к войне, но не страшный, – утверждалось в одном из текстов «Нивы», – у него нет надлежающей отваги, он раб плана и базы» (Нива, 1904f: 594).

Благодаря В.А. Табурина, на страницах журнала регулярно появлялись очерки, посвященные жизни местного населения в условиях войны, быту российских офицеров и солдат, взаимоотношениям китайцев и европейцев. Его острый взгляд публициста точно подмечал высокомерие и презрение, с которым «белые» обращались к местным, но оно отнюдь не свидетельствовало об их превосходстве, а скорее наоборот:

Публика в Ин-коу, восседающая на террасе [ресторана] «Манчжур-Гауза» развлекается иногда бросанием мелких денег в толпу проходящих кули. Полуобнаженные, коричневые тела набрасываются на мелькнувший в воздухе двугривенный с таким азартом и с таким упорством

борются в общей массе, давя друг друга, что, кажется, не обойдется дело без полома рук и ног. На самом деле все обходится благополучно и не переходит в драку. Монеты делятся между всеми поровну..., для чего же столько азарта? А очень просто – если бы монеты просто подымались и делились, иностранцы перестали бы их бросать. Кто дикарь в этом случае – кули или европеец? (Табурин, 1904а: 610).

Проникнувшись переживаниями населения Поднебесной, Табурин объяснял, что шпионаж и предательство китайцев, столь болезненные для русских, это результат тяжелого и двусмысленного положения, в котором оказались мирные манзы¹. Они, не поддерживая ни одной из воюющих сторон, находятся в районе военных действий и бывают свидетелями операций неприятеля. Это используют и русские, и японцы, насилием и страхом добывая сведения у китайцев. Добровольно же они шпионят редко, а если служат русским (переводчиками, проводниками и даже добровольцами), то всегда верно и преданно. Большинство мирных китайцев старались укрыться в горах (Табурин, 1904а).

В очерках о Китае страдания местного населения от войны, разрушающей их хозяйство, разоряющей дома, от насилия и несправедливости, уничтожительного отношения к ним европейцев становятся для Табурина лейтмотивом. Он описывает пытки и убийства мирных китайцев как японцами, так и русскими, мародерство солдат, хозяйничанье в деревнях и требование от жителей прислуживать военным, презрение к культуре Китая и нежелание учить китайский язык и т.д. При этом не только из гуманистических побуждений, но и здравого политического расчета он призывал относиться к китайцам человечно. По его мнению, в условиях войны это позволило бы избежать шпионажа, а в целом, в отношении китайцев к русским преодолеть недоверие и затаенную злобу (Табурин, 1904b; Табурин, 1905а; Табурин, 1905b).

В августе–сентябре 1904 г. произошел определенный перелом в журнальной риторике о войне. После сражения под Ляояном, на которое пришелся пик публикаций, их количество снижается. Все чаще начинает звучать мысль о возможной сдаче Порт-Артура, тяжелых последствиях поражений и отступлений для боеспособности армии и российского общества, а после Мукдена – о просчетах командования. На первый план постепенно выдвинулась тема мирных переговоров и последствий войны. Дискурсивной рамкой для ее обсуждения продолжала оставаться идея «желтой опасности».

Неслучившаяся победа России, которая должна была не допустить подъема и сплочения Азии, воспрепятствовать распространению панмонголизма (Нива, 1904g), по мнению авторов «Нивы», лишь отдалила момент «столкновения цивилизаций» и обусловила поиск новой европейской стратегии, средств сдерживания «желтого моря». Одним из таких способов представилось налаживание дружеских и миролюбивых российско-китайских отношений. За Китаем признавалось право считать себя «обиженной и пострадавшей стороной», а потому, утверждал корреспондент журнала, в ходе мирных переговоров и дальневосточной политике России, в целом, не принимать в расчет желаний пробуждающегося к политической жизни четырехсотмиллионного народа было бы недалеко видно (Нива, 1905c: 560).

Само завершение русско-японской войны и условия Портсмутского договора оценивались по-разному. Некоторые считали выход России из войны благом, ведь в противном случае страна продолжала бы страдать от кровопролития, колоссальных военных расходов и риска новых неудач, не обладая достаточной боевой мощью армии и флота, путями сообщения с театром военных действий и т.д. Мирные условия казались им не столь уж обременительными и невыгодными, т.к. уступленные территории не имели большого практического значения, их богатства слабо разрабатывались и не оправдывали значительных расходов по их управлению (Нива, 1905d: 718). Другие авторы шли дальше, утверждая, что поражение России, эта «великая национальная беда», была закономерным исходом авантюристичной политики (Нива, 1905g).

На страницах журнала высказывались и иные позиции. Причем они становились заметнее, чем более исторически отдалялись события русско-японской войны, а революция в России утихала. Речь, в частности, шла о преждевременном заключении Портсмутского договора и необходимости Российской империи продолжать войну (Нива, 1906b: 91), а также об эффектах и символическом значении японской победы, пробудившей дремлющую гордыню Азии. Авторы подобных текстов предрекали опасность нового столкновения цивилизаций и призывали российские власти основывать свою политику «на прочных расчетах предвидения и заранее готовиться к тяжелой и трудной борьбе, которая уготована нашим детям деяниями их отцов» (Нива, 1905f: 738).

К концу 1905 года тема русско-японской войны вытесняется из повестки журнала иными проблемами, однако в течение нескольких лет после заключения мира на страницах «Нивы» продолжали появляться изображения российских участников войны и батальных сцен.

5. Заключение

Журнал «Нива» создавал для своих постоянных читателей понятный образ Китая и его жителей. Однако эти образы были многогранны и динамичны, меняясь в зависимости от внутрисполитической ситуации в Российской империи и событий, происходивших на международной

¹ Китайское население Маньчжурии.

арене. Но всякий раз данные образы оставались ярким воплощением «другого», инструментальная роль которого состояла в формировании у широких слоев населения собственной идентичности. Важное место в публикациях «Нивы» отводилось визуальным и антропологическим характеристикам китайцев. При этом умело задействовались стереотипные представления о китайцах, существовавшие у населения империи еще до появления журнала, эти шаблоны укреплялись и расширялись, встраивались в новый исторический контекст.

6. Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FENU-2020-0021).

Литература

- Авилов, 2020** – Авилов Р.С. «Какой вздор!»: военный министр А.Н. Куропаткин о трудах японских националистов // *Новейшая история России*. 2020. № 4. С. 875-891.
- Восток России..., 2011** – Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Научный редактор В.И. Дятлов. Иркутск, 2011. 624 с.
- Граве, 1912** – Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912.
- Гузей, 2013** – Гузей Я.С. Категория «желтые» в контексте расового дискурса в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2013. № 2. С. 167-178.
- Дятлов, 2000** – Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 63-89.
- Дятлов, 2010** – Дятлов В.И. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие (опыт России) // *Идеи и идеалы*. 2010. № 2. Ч. 1. С. 51-63.
- Дятлов, 2014** – Дятлов В.И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // *Идеи и идеалы*. 2014. № 2. С. 23-41.
- Журавлева, 2021** – Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2021.
- Ингеницкий 1897** – Ингеницкий И.В. Два дня в Китае. Из путевых заметок // *Нива*. 1897. № 49. С. 1166-1167.
- Левитов, 1900** – Левитов И. Желтая раса. СПб., 1900.
- Левитов, 1905** – Левитов И. Желтороссия, как буферная колония. СПб, 1905.
- Лукин, 2004** – Лукин А.В. Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // *Полис*. 2004. № 6. С. 70-88.
- Максимов, 1880** – Максимов А.Я. По поводу последних событий на китайской границе // *Нива*. 1880. № 22. С. 442-443.
- Максимов, 1881** – Максимов А.Я. На острове Аскольде // *Нива*. 1881. № 42. С. 930-932.
- Милль, 1913** – Милль П. Китаец (рассказ) // *Нива*. 1913. № 22. С. 435-437.
- Михельсон, 1902** – Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1902.
- Нива, 1876** – *Нива*. 1876. № 20.
- Нива, 1881** – *Нива*. 1881. № 42.
- Нива, 1882** – *Нива*. 1882. № 41.
- Нива, 1885** – *Нива*. 1885. № 41.
- Нива, 1887** – *Нива*. 1887. № 45.
- Нива, 1893** – *Нива*. 1893. № 40.
- Нива, 1895** – *Нива*. 1895. № 16.
- Нива, 1899** – *Нива*. 1899. № 27.
- Нива, 1900a** – *Нива*. 1900. № 25.
- Нива, 1900b** – *Нива*. 1900. № 26.
- Нива, 1900c** – *Нива*. 1900. № 27.
- Нива, 1900d** – *Нива*. 1900. № 28.
- Нива, 1900f** – *Нива*. 1900. № 30.
- Нива, 1900g** – *Нива*. 1900. № 33.
- Нива, 1900i** – *Нива*. 1900. № 39.
- Нива, 1900j** – *Нива*. 1900. № 43.
- Нива, 1900k** – *Нива*. 1900. № 50.
- Нива, 1902** – *Нива*. 1902. № 17.
- Нива, 1904a** – *Нива*. 1904. № 7.
- Нива, 1904b** – *Нива*. 1904. № 12.
- Нива, 1904c** – *Нива*. 1904. № 19.
- Нива, 1904f** – *Нива*. 1904. № 30.
- Нива, 1904g** – *Нива*. 1904. № 47.

- Нива, 1905a – Нива. 1905. № 6.
 Нива, 1905b – Нива. 1905. № 20.
 Нива, 1905c – Нива. 1905. № 28.
 Нива, 1905d – Нива. 1905. № 36.
 Нива, 1905f – Нива. 1905. № 37.
 Нива, 1905g – Нива. 1905. № 41.
 Нива, 1906a – Нива. 1906. № 6.
 Нива, 1906b – Нива. 1906. № 39.
 Нива, 1907 – Нива. 1907. № 8.
 Нива, 1908 – Нива. 1908. № 16.
 Нива, 1910 – Нива. 1910. № 25.
 Нива, 1912 – Нива. 1912. № 30.
 Нива, 1913a – Нива. 1913. № 36.
 Нива, 1913b – Нива. 1913. № 47.
 Панов, 1912 – Панов А.А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье. СПб., 1912.
 Орлов, 1902 – Орлов В.И. Город Дальний (очерк) // Нива. 1902. № 23. С. 454-456.
 Старовойтова, 2017 – Старовойтова Е.О. «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // *Новейшая история России*. 2017. № 2. С. 81-97.
 Табурин, 1904a – Табурин В.А. На войне // Нива. 1904. № 31. С. 610-614.
 Табурин, 1904b – Табурин В.А. На войне // Нива. 1904. № 34. С. 672-673.
 Табурин, 1904c – Табурин В.А. Война // Нива. 1904. № 48. С. 954-959.
 Табурин, 1905a – Табурин В.А. На войне // Нива. 1905. № 7. С. 129-131.
 Табурин, 1905b – Табурин В.А. Презренная китайщина // Нива. 1905. № 46. С. 897-902.
 Титаренко, 2014 – Титаренко А.С. Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 «Гуманитарные науки»*. 2014. № 2. С. 243-251.
 Унтербергер, 1912 – Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906–1910 гг. СПб., 1912.
 Ходяков, 2018 – Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история*. 2018. № 4. С. 880-897.
 Ходяков, 2019a – Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 60. С. 78-83.
 Ходяков, 2019b – Ходяков М.В. Попытки рабочей колонизации восточных окраин империи в начале XX в. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // *Вестник архивиста*. 2019. № 4. С. 995-1006.
 Чечин, 1913 – Чечин П. Будущность Китая (очерк) // Нива. 1913. № 31. С. 615-617.
 Шрейдер, 1897 – Шрейдер Д. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.
 Штельцнер, 1887 – Штельцнер А. Новейшие сведения о «Срединном царстве». Из записок китайца // Нива. 1887. № 45. С. 1123-1124.
 Alexeeva, 2018 – Alexeeva O.V. Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // *The Chinese Historical Review*. 2018. Vol. 25. Is. 1. Pp. 46-66.
 Dyatlov, Dyatlova, 2020 – Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. From the «Influx of the Yellow Race» to «Migrant Workers»: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13. No 5. Pp. 623-638.
 Eskridge-Kosmach, 2013 – Eskridge-Kosmach A. The Boxer Rebellion and the Standpoint of the Russian Press // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2013. Vol. 26. Is. 3. Pp. 414-438.
 Odijie, 2018 – Odijie M. The Fear of 'Yellow Peril' and the Emergence of European Federalist Movement // *The International History Review*. 2018. Vol. 40. Is. 2. Pp. 358-375.
 Yin Hsu, 2006 – Yin Hsu Ch. A Tale of Two Railroads: «Yellow Labor». Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s.1910s // *Ab Imperio*. 2006. № 3. Pp. 217-253.

References

- Alexeeva, 2018 – Alexeeva, O.V. (2018). Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War. *The Chinese Historical Review*. 25(1): 46-66.
 Avilov, 2020 – Avilov, R.S. (2020). «Kakoi vzdor!»: voennyi ministr A. N. Kuropatkin o trudakh yaponskikh natsionalistov [“What nonsense!”: Minister of War A. N. Kuropatkin about the works of Japanese nationalists]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 4: 875-891. [in Russian]
 Chechin, 1913 – Chechin, P. (1913). Budushchnost' Kitaya (ocherk) [The future of China (sketch)]. *Niva*. 31: 615-617. [in Russian]
 Dyatlov, 2000 – Dyatlov, V.I. (2000). Migratsiya kitaitsev i diskussiya o «zheltoi opasnosti» v dorevolyutsionnoi Rossii [Migration of the Chinese and the discussion about the “yellow danger” in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii*. 1: 63-89. [in Russian]

Dyatlov, 2010 – *Dyatlov, V.I.* (2010). «Velikie ksenofobii»: vzaimovliyanie i vzaimodeistvie (opyt Rossii) [“Great xenophobia”: mutual influence and interaction (experience of Russia)]. *Idei i idealy*. 2: 51-63. [in Russian]

Dyatlov, 2014 – *Dyatlov, V.I.* (2014). Ekzotizatsiya i «obraz vraga»: sindrom «zheltoi opasnosti» v dorevolyutsionnoi [Rossii Exotization and the “image of the enemy”: the syndrome of “yellow danger” in pre-revolutionary Russia]. *Idei i idealy*. 2: 23-41. [in Russian]

Dyatlov, Dyatlova, 2020 – *Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V.* (2020). From the «Influx of the Yellow Race» to «Migrant Workers»: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 13(5): 623-638.

Eskridge-Kosmach, 2013 – *Eskridge-Kosmach, A.* (2013). The Boxer Rebellion and the Standpoint of the Russian Press. *The Journal of Slavic Military Studies*. 26(3): 414-438.

Guzey, 2013 – *Guzey, Y.S.* (2013). Kategoriya zheltye v kontekste rasovogo diskursa v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Category yellow in the context of racial discourse in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 2: 167-178. [in Russian]

Grave, 1912 – *Grave, V.V.* (1912). Kitaitsy, koreitsy i yapontsy v Priamur'e [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur region]. St. Petersburg. [in Russian]

Ingenitsky 1897 – *Ingenitsky, I.V.* (1897). Dva dnya v Kitae. Iz putevykh zametok [Two days in China. From travel notes]. *Niva*. 49: 1166-1167. [in Russian]

Khodyakov, 2018 – *Khodyakov, M.V.* (2018). Zheltorossiia kontsa XIX – nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity [Yellow Russia of the late XIX – early XX century in the geopolitical plans of the Russian military elite]. *Noveishaya istoriya*. 4: 880-897. [in Russian]

Khodyakov, 2019a – *Khodyakov, M.V.* (2019a). Rossiiskoe zakonodatel'stvo nachala KhKh veka ob ispol'zovanii zheltogo truda v ekonomike Dal'nego Vostoka [Russian legislation of the early twentieth century on the use of yellow labor in the economy of the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 60: 78-83. [in Russian]

Khodyakov, 2019b – *Khodyakov, M.V.* (2019b). Attempts by workers to colonize the eastern outskirts of the empire at the beginning of the 20th century. According to the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East [Popytki rabochei kolonizatsii vostochnykh okrain imperii v nachale XX v. Po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka]. *Vestnik arkhivista*. 4: 995-1006. [in Russian]

Levitov, 1900 – *Levitov, I.* (1900). Yellow race [Zheltaya rasa]. St. Petersburg. [in Russian]

Levitov, 1905 – *Levitov, I.* (1905). Zheltorossiia, kak bufernaya koloniya [Zheltorossiia as a buffer colony]. St. Petersburg. [in Russian]

Lukin, 2004 – *Lukin, A.V.* (2004). Obraz Kitaya v rossiiskom obshchestvennom soznanii: preemstvennost' i evolyutsiya [The image of China in the Russian public consciousness: continuity and evolution]. *Polis*. 6: 70-88. [in Russian]

Maksimov, 1880 – *Maksimov, A.Ya.* (1880). Po povodu poslednikh sobytii na kitaiskoi granitse [Regarding the Recent Events on the Chinese Border]. *Niva*. 22: 442-443. [in Russian]

Maksimov, 1881 – *Maksimov, A.Ya.* (1881). Na ostrove Askol'de [On the island of Askold]. *Niva*. 42: 930-932. [in Russian]

Mill, 1913 – *Mill, P.* (1913). Kitaets (rasskaz) [Chinese (story)]. *Niva*. 22: 435-437. [in Russian]

Mikhelson, 1902 – *Michelson, M.I.* (1902). Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazanii [Russian thought and speech. Yours and someone else's. Experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories]. St. Petersburg. [in Russian]

Niva, 1876 – *Niva* (1876). № 20. [in Russian]

Niva, 1881 – *Niva* (1881). № 42. [in Russian]

Niva, 1882 – *Niva* (1882). № 41. [in Russian]

Niva, 1885 – *Niva* (1885). № 41. [in Russian]

Niva, 1887 – *Niva* (1887). № 45. [in Russian]

Niva, 1893 – *Niva* (1893). № 40. [in Russian]

Niva, 1895 – *Niva* (1895). № 16. [in Russian]

Niva, 1899 – *Niva* (1899). № 27. [in Russian]

Niva, 1900a – *Niva* (1900). № 25. [in Russian]

Niva, 1900b – *Niva* (1900). № 26. [in Russian]

Niva, 1900c – *Niva* (1900). № 27. [in Russian]

Niva, 1900d – *Niva* (1900). № 28. [in Russian]

Niva, 1900f – *Niva* (1900). № 30. [in Russian]

Niva, 1900g – *Niva* (1900). № 33. [in Russian]

Niva, 1900i – *Niva* (1900). № 39. [in Russian]

Niva, 1900j – *Niva*. (1900). № 43. [in Russian]

Niva, 1900k – *Niva* (1900). № 50. [in Russian]

- Niva, 1902 – *Niva* (1902). № 17. [in Russian]
- Niva, 1904a – *Niva* (1904). № 7. [in Russian]
- Niva, 1904b – *Niva* (1904). № 12. [in Russian]
- Niva, 1904c – *Niva* (1904). № 19. [in Russian]
- Niva, 1904f – *Niva* (1904). № 30. [in Russian]
- Niva, 1904g – *Niva* (1904). № 47. [in Russian]
- Niva, 1905a – *Niva* (1905). № 6. [in Russian]
- Niva, 1905b – *Niva* (1905). № 20. [in Russian]
- Niva, 1905c – *Niva* (1905). № 28. [in Russian]
- Niva, 1905d – *Niva* (1905). № 36. [in Russian]
- Niva, 1905f – *Niva* (1905). № 37. [in Russian]
- Niva, 1905g – *Niva* (1905). № 41. [in Russian]
- Niva, 1906a – *Niva* (1906). № 6. [in Russian]
- Niva, 1906b – *Niva* (1906). № 39. [in Russian]
- Niva, 1907 – *Niva* (1907). № 8. [in Russian]
- Niva, 1908 – *Niva* (1908). № 16. [in Russian]
- Niva, 1910 – *Niva* (1910). № 25. [in Russian]
- Niva, 1912 – *Niva* (1912). № 30. [in Russian]
- Niva, 1913a – *Niva* (1913). № 36. [in Russian]
- Niva, 1913b – *Niva* (1913). № 47. [in Russian]
- Odijie, 2018 – *Odijie, M.* (2018). The Fear of ‘Yellow Peril’ and the Emergence of European Federalist Movement. *The International History Review*. 40(2): 358-375.
- Orlov, 1902 – *Orlov, V.I.* (1902). Gorod Dal'nii (oчерk) [City Dalny (sketch)]. *Niva*. 23: 454-456. [in Russian]
- Panov, 1912 – *Panov, A.A.* (1912). Bor'ba za rabochii rynok v Priamur'e [Struggle for a labor market in the Amur region]. St. Petersburg. [in Russian]
- Schrader, 1897 – *Schrader, D.* (1897). Nash Dal'nii Vostok [Our Far East]. St. Petersburg. [in Russian]
- Starovoitova, 2017 – *Starovoitova, E.O.* (2017). «Moi bol'shoi kulak eshche pri mne!»: bokserskoe vosstanie v Kitae v rossiiskikh satiricheskikh izdaniyakh nachala XX veka [Boxer Rebellion in China in Russian Satiric Press in the Beginning of 20th century]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 2: 81-97. [in Russian]
- Stelzner, 1887 – *Stelzner, A.* (1887). Noveishie svedeniya o «Sredinnom tsarstve». Iz zapisok kitaitsa [The latest information about the “Middle Kingdom”. From the notes of the Chinese]. *Niva*. 45: 1123-1124.
- Taburin, 1904a – *Taburin, V.A.* (1904). Na voine [In the war]. *Niva*. 31: 610-614. [in Russian]
- Taburin, 1904b – *Taburin, V.A.* (1904). Na voine [In the war]. *Niva*. 34: 672-673. [in Russian]
- Taburin, 1904c – *Taburin, V.A.* (1904). Voina [War]. *Niva*. 48: 954-959. [in Russian]
- Taburin, 1905a – *Taburin, V.A.* (1905). Na voine [In the war]. *Niva*. 7: 129-131. [in Russian]
- Taburin, 1905b – *Taburin, V.A.* (1905). Prezrennaya kitaishchina [Despicable China]. *Niva*. 46: 897-902. [in Russian]
- Titarenko, 2014 – *Titarenko, A.S.* (2014). Predstavleniya o Kitae v russkom narodnom soznanii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Ideas about China in the Russian national consciousness (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*. 2: 243-251. [in Russian]
- Unterberger, 1912 – *Unterberger, P.F.* (1912). Priamurskii krai, 1906 – 1910 gg. [Amur Territory, 1906 – 1910]. St. Petersburg. [in Russian]
- Vostok Rossii..., 2011 – Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX-XX i XX-XXI vekov [East of Russia: Migration and Diaspora in a Migrant Society. The frontiers of the XIX-XX and XX-XXI centuries]. nauchnyi redaktor V. I. Dyatlov. Irkutsk, 624 p. [in Russian]
- Yin Hsu, 2006 – *Yin Hsu, Ch.* (2006). A Tale of Two Railroads: «Yellow Labor». Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s. 1910s. *Ab Imperio*. 3: 217-253.
- Zhuravleva, 2021 – *Zhuravleva, V.I.* (2021). Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881-1914. [Understanding Russia in the USA: Images and Myths. 1881-1914]. Moscow. [in Russian]

Образ Китая и китайцев в позднеимперской России (по материалам журнала «Нива»)Андрей Александрович Авдашкин ^{a,*}, Татьяна Витальевна Раева ^a, Игорь Вячеславович Сибиряков ^a^a Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье предпринята попытка исследовать образы Китая и китайцев в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков на примере журнала «Нива», в котором публиковались новостные статьи, репортажи с места событий, портретные зарисовки, литературные произведения на «китайскую тему», биографические и этнографические очерки. Тексты и многочисленные иллюстрации позволяли знакомить широкую аудиторию с историей Китая, бытом и традициями его населения. Методологическую основу исследования составили методы исторической имагологии, контент- и дискурс-анализ. Авторы пришли к выводу, что издателям, редакторам и авторам журнала, а также, вероятно, дореволюционной российской общественности не удалось сформировать целостный образ Китая и государства Китай. В совокупности различных, порой взаимоисключающих, представлений о них в зависимости от российского и мирового общественно-политического контекста второй половины XIX – начала XX вв. некоторые элементы были обновлены. Этим объясняется непостоянство общественного мнения в России по отношению к Китаю, проблеме организации «желтого труда», что придает динамику и гибкость российской политике на Дальнем Востоке и ее репрезентациям в публичном пространстве империи. Образы китайского государства и китайцев были многогранными и динамичными, но всякий раз воплощали в себе яркие черты «другого». Его инструментальная роль заключалась в формировании у широких слоев населения Российской империи собственной идентичности. Существенную роль в публикациях «Нивы» играли визуальные и антропологические характеристики китайцев.

Ключевые слова: образ, Китай, китайцы, «Нива», «желтая опасность», миграция, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adrianmaricka@mail.ru (А.А. Авдашкин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1910-1921
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1910

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province)

Aleksander E. Epifanov ^{a, b, *}, Evgeniya M. Pavlenko ^a

^a Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^b Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The formation of a culture of human rights in the Russian Federation is faced with difficulties, which can be overcome only by relying on an in-depth analysis of the historical development of the concept of human rights in Russian society. An important stage in this development was the turn of the late 19th – early 20th centuries, however, due to the lack of a holistic concept of human rights during this period, changes in ideas about the dignity of an individual, his rights and freedoms were reflected primarily in normative legal acts focused on practical application in specific situations. The system for the execution of punishments, which requires the most detailed regulation of its activities, is an object on the example of which changes in ideas about the personality are especially noticeable.

From a historical and legal standpoint, the article reveals the regulation and practice of ensuring the rights of prisoners in Russian penitentiary institutions at the turn of the 19th – 20th centuries on the example of the Saratov province, with an emphasis on human rights of the "second generation", which in the second half of the 19th century acquired special relevance in Russia.

The article was prepared on the basis of extensive literature, as well as departmental regulations and archival materials, many of which were introduced into scientific circulation for the first time. The article uses general scientific (analysis, synthesis, dialectical method of scientific knowledge, systems approach) and specific scientific (historical) research methods.

It is concluded that this period, despite the specific historical conditions of the socio-economic, managerial and value nature, is characterized by the deepening and development in Russian society of ideas about human rights and the responsibility of the state for their observance.

Keywords: rights of prisoners, prisoners, convicts, Main prison administration, prison committees, Russian Empire, Saratov province.

1. Введение

Развитие культуры прав человека в разных странах опирается на специфику их исторического развития и, следовательно, происходит не только с различной скоростью, но и с различными приоритетами. В то же время особенности опыта каждой страны в данной сфере составляют наследие всего человечества, так как могут оказаться полезными в сходных условиях и ситуациях. Задача как историков, так и правоведов – систематизировать и обобщить данный опыт и сделать из него правильные выводы.

Одним из исторически значимых направлений развития культуры прав человека в России является гуманизация пенитенциарной системы. Особую актуальность данный вопрос приобрел в Российской империи на рубеже XIX–XX веков, в период, когда была осуществлена попытка капиталистической модернизации всех сфер жизни российского общества, следствием которой стало

* Corresponding author

E-mail addresses: mvd_djaty@mail.ru (A.E. Epifanov), PavlenkoEM@mgpu.ru (E.M. Pavlenko)

отделение от крестьянской общины с ее неизменным укладом, основанным на обычном праве, значительного числа свободных индивидов, что часто приводило, в первую очередь в городах, к их десоциализации и, как следствие, нередко к тюремному заключению.

Существенно важным представляется тот факт, что в указанный период расширение прав заключенных, как и вообще прав человека, происходило в России не в контексте заимствования или самостоятельного развития идей и тенденций, свойственных «пионерам» капиталистической трансформации, а на основе глубокого осознания традиций национальной культуры, что, вероятнее всего, является общим фактором для целого ряда «догоняющих», или в современной терминологии – «развивающихся» обществ.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирического материала авторами был использован широкий круг разнообразных источников, в том числе обширная литература, имеющаяся по теме, и ведомственные нормативные акты. Основное внимание при подготовке статьи было уделено архивным материалам, многие из которых были введены в научный оборот впервые. В фонде № 446 Государственного архива Саратовской области (Саратов, Российская Федерация) хранятся служебные документы Саратовской губернской тюрьмы и исправительно-арестантского отделения № 2 Тюремного отделения Саратовского губернского правления за период 1803–1918 гг. Фонд № 655 ГАСО «Тюремное отделение Саратовского губернского правления» содержит аналогичные материалы за 1890–1917 гг. В значительной степени они дублируются в фондах № 290 Камышинской и № 161 Царицынской уездных тюрем (1867–1917 гг.) Государственного архива Волгоградской области (Волгоград, Российская Федерация), по территориальности также обслуживавших Саратовскую губернию и подчинявшихся органам ее управления.

Еще одной важной группой источников, позволивших раскрыть затронутую тему, явились опубликованные собрания документов, а также отдельные нормативные акты и отчетность, касающиеся организации и деятельности дореволюционных пенитенциарных учреждений. В частности, были использованы Свод законов Российской империи (том четырнадцатый); уставы о паспортах, предупреждении преступлений, цензуре, о содержащихся под стражей и ссыльных СПб., 1890 (*Свод..., 1890*); собрание узаконений и распоряжений правительства № 49 от 22 мая 1890 г. (*Собрание..., 1890*); сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 1. СПб, 1911 (*Сборник..., 1911*); Отчет по Главному тюремному управлению за 1902 год. СПб, 1904 (*Отчет, 1904*); Тюремные вестники 1910. № 3 (*Тюремный вестник, 1910*) и 1916. № 6–7 (*Тюремный вестник, 1916*); Общая тюремная инструкция. Утверждена Министром юстиции 28 декабря 1915 г. Пг, 1916 (*Общая..., 1916*).

В статье используются общенаучные (анализ, синтез) и частнонаучные (исторический) методы исследования. Анализ архивных документов позволил обобщить материал, сопоставить его с историей развития России в соответствующий период и на основе полученных новых данных сделать вывод о постепенном формировании зачатков культуры прав человека в российском обществе. Системный подход обеспечил возможность выделить из общей структуры изучаемых государственно-правовых явлений отдельные существенные признаки и неповторимые особенности российского государства и его правовой системы. Также в работе применяется общенаучный диалектический метод научного познания, позволивший рассматривать процессы реформирования пенитенциарной системы Российской империи в их единстве и противоречивости.

3. Обсуждение

В Российской империи тюремное дело традиционно рассматривалось в качестве составной части уголовного права. Именно с этих позиций подходили к организации и деятельности пенитенциарных учреждений крупнейшие дореволюционные отечественные правоведы Н.С. Таганцев (*Таганцев, 1902*), И.Я. Фойницкий (*Фойницкий, 1884*) и др. Такие российские ученые, как В.Н. Никитин (*Никитин, 1880*), С.В. Познышев (*Познышев, 1915*), Д.А. Линева (*Линева, 1880*), Н. Николаевский (*Николаевский, 1898*), Н.М. Ядринцев (*Ядринцев, 1872*), С.К. Гогель (*Гогель, 1897*), М.И. Красовский (*Красовский, 1900*), предпринимали попытки раскрыть, в основном с позиций истории отечественного права, становление и развитие российской пенитенциарной системы, а также связанного с ней законодательства.

С началом советского периода интерес к истории отечественной пенитенциарной системы существенно возрос, что было вызвано, с одной стороны, стремлением пришедших к власти сил зафиксировать следы преступлений свергнутого ими режима, а с другой – потребностью популяризации революционного движения и его выдающихся деятелей. При этом наиболее характерной чертой исследований в изучаемой сфере являлась их идеологическая направленность. В довоенных работах С.К. Сизова (*Сизов, 1928*), С.А. Кудрявцева (*Кудрявцев, 1936*), Н.М. Гернета (*Гернет, 1930*) и других режим отбывания наказания в царских тюрьмах однозначно оценивался как бесчеловечный и преступный, героизировалась борьба его узников за свои права и революционные идеалы. В доперестроечный период внимание советских авторов по проблемам отбывания наказания

в царской России было акцентировано в основном на положении политических заключенных. Проведенные в этой связи исследования, в том числе диссертационные, И.А. Сенченко (Сенченко, 1963), Э.Ш. Хазиахметова (Хазиахметов, 1978), Р.С. Мулукаева (Мулукаев, 1964), Н.И. Биюшкина (Биюшкин, 1964), В.Г. Смольякова (Смольяков, 1979) и других посвящались главным образом истории политической каторги и ссылки. Крупнейшим трудом данного периода по проблемам организации и деятельности мест заключения Российской империи следует признать неоднократно переиздававшееся в 50–60-е гг. исследование «История царской тюрьмы» М.Н. Гернета (Гернет, 1961), в котором наиболее полно и систематизированно нашли свое отражение важнейшие аспекты правового положения заключенных российских тюрем.

Новейший период применительно к исследованиям организационных и правовых основ российских пенитенциарных учреждений, правового положения их контингента характеризуется отказом от идеологической составляющей. Работы М.Г. Деткова (Детков, 1994), И.П. Упорова (Упоров, 2004), Л.П. Рассказова (Рассказов, 1999), Л.Ф. Пертли (Пертли, 2011), В.И. Алексеева (Алексеев, 2004), А.Ю. Сибилевой (Сибилева, 2018) (сноски) и других раскрыли многие важные аспекты отбывания наказания в дореволюционных местах заключения, в том числе региональных.

Что касается Саратовской губернии, то, несмотря на ее важнейшее социально-экономическое значение для России, а также развитую пенитенциарную систему, необходимо признать, что научные исследования по затрагиваемой проблематике в основном обошли ее стороной. Упоминания достойно лишь библиографическое исследование изданий о дореволюционных местах заключения Саратова, принадлежащее перу В.А. Сушицкого (Сушицкий, 1933).

В целом, применительно к теме настоящей статьи следует признать, что упомянутые исследования не являются комплексными и носят фрагментарный характер.

4. Результаты

Развитие системы пенитенциарных учреждений в Российской империи, начиная со второй половины XIX века, непосредственно связано как с общественно-экономической трансформацией, освободившей значительное количество населения не только от крепостной зависимости, но и от механизмов социального регулирования, присущих крестьянской общине, так и с ростом революционного движения в России. Насущные потребности государственной карательной политики вызвали не только ужесточение, но и дифференциацию условий содержания определенных разрядов заключенных, учитывая степень их общественной опасности. Совершенно особую категорию при этом составили государственные преступники, представлявшие угрозу для государственного строя и подлежавшие строгой изоляции как от внешнего мира, так и от прочих заключенных.

Установленные тюремной администрацией быт заключенных, прежде всего относящихся к числу политических противников царского режима, система надзора за ними, условия их содержания и обращения с ними на практике представляли собой средство их физического подавления, зачастую приводя их к непоправимому подрыву здоровья и мучительной гибели в застенках. Со временем, по мере развития культуры прав человека и общественно-политической ситуации в стране, обстановка в пенитенциарной системе стала постепенно меняться.

Несмотря на то, что правовая система Российской империи не ставила во главу угла правовой статус личности и не рассматривала ее как обладающую неотъемлемыми правами, которые должны гарантироваться при любых обстоятельствах, проблемы прав человека (в терминологии того времени – «гражданских свобод», «либерализма» и т.п.) были предметом обсуждения и осмысления в образованных слоях российского общества на протяжении всего XIX века. Особую значимость приобрел тогда опыт Великой французской революции: зарубежные исследования по ее истории вначале становились известными в нашей стране на языке оригинала, однако впоследствии были опубликованы и их переводы на русский язык, а через некоторое время появились и работы российских авторов. Значительный вклад в популяризацию подхода, основанного на правах человека, внесла длительная публичная дискуссия «славянофилов» и «западников», а также неподцензурная русскоязычная литература, издававшаяся в эмиграции. В то же время вопросы тюремной реформы рассматривались не с позиций необходимости обеспечения прав и свобод человека, а с позиций христианского гуманизма и, выражаясь словами А.С. Пушкина, «милости к падшим» (Пушкин, 1841: 121). Основной задачей пенитенциарной системы провозглашалось «исправление» осужденных, их последующее возвращение к обычной жизни, что часто оказывалось несовместимым с реальными условиями их содержания.

Стремительный рост политической и общеуголовной преступности, усиливавшееся сопротивление своей участи контингента российских тюрем настоятельно требовали перемен как в стратегии, так и в тактике проведения карательной политики посредством мест заключения. Одним из характерных признаков таких перемен стали регламентация и обеспечение на практике прав заключенных, направленные прежде всего на создание приемлемых условий отбывания наказания. Общая тюремная инструкция закрепляла соответствующие положения и настоятельно предписывала надзорскому составу человеколюбивое, спокойное и справедливое обхождение с заключенными. Употребление в их адрес ругани и оскорблений при этом категорически запрещалось (Общая..., 1916: 87).

В рамках данного исследования особое внимание уделено основам гуманного обращения и обеспечению в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. таких прав заключенных, как право на охрану здоровья и право на труд и его оплату при привлечении арестантов к работам.

Сущность тюремной реформы конца XIX в. сводилась к учреждению центрального государственного органа по управлению всеми тюремными учреждениями империи со специализацией его подразделений в административном и хозяйственном отношении, а также унификации тюремного дела на местах. С учреждением в 1879 г. в структуре МВД Главного тюремного управления местные тюремные органы получили в его лице более эффективную исполнительную и распорядительную инстанцию, способную объединить и возглавить решение стоящих перед ведомством задач. Вместе с тем необходимо отметить, что за недостатком средств (необходимых для тюремной модернизации 42 млн руб. в государственной казне не было) царское правительство вынуждено было проводить намеченные преобразования постепенно. В целом, сама идея всеобщей тюремной реформы властями была отвергнута и была подменена тактикой усовершенствования отдельных, самых уязвимых звеньев пенитенциарной системы, в том числе в изучаемой сфере (Мулукаев и др., 2005: 72).

На губернском и областном уровнях управление пенитенциарными учреждениями в результате названной реформы было сосредоточено у губернаторов, начальников областей и градоначальников, а также полиции (Свод..., 1890: 21). Именно к их компетенции были отнесены контроль за исполнением правительственных постановлений, регулирующих режим содержания заключенных, а также надзор за благоустройством тюрем. Поначалу, однако, администрация губерний самоустранилась от разрешения насущных проблем в сфере отбывания наказания, избегая даже таких проявлений своей власти, как ревизии и контроль.

21 марта 1890 г. с санкции императора в России была учреждена губернская тюремная инспекция (Собрание, 1890: 407). К началу 1913 г., согласно Закону от 31 марта 1890 г., на местах были назначены 35 губернских тюремных инспекторов (еще 21 чиновник исполнял эту должность), которым было поручено заведование тюремной частью на вверенной территории (Органы..., 1996: 133). Все они находились в непосредственном подчинении Главного тюремного управления. Согласно ст. 24 Устава о содержании под стражей, в рамках своих «ближайших обязанностей» губернский тюремный инспектор надзирал за порядком исполнения законодательных норм о порядке содержания заключенных, а также следил за благоустройством пенитенциарных учреждений. В рамках своих полномочий губернские тюремные инспекторы наделялись дисциплинарной властью, необходимой им для наведения должного порядка, правом беспрепятственного доступа во все помещения тюрем, личного общения с их заключенными, а также ознакомления с соответствующей документацией. Тюремные инспекторы проводили ревизии как тюремного хозяйства соответствующих пенитенциарных учреждений, так и порядка содержания арестантов, их бытовых условий.

30 мая 1890 г. министром внутренних дел было внесено предложение № 7887 о введении с 1 июля того же года положения о губернской тюремной инспекции в Саратовской губернии. Руководствуясь названными нормативными актами, Саратовское губернское правление образовало в своем составе особое тюремное отделение. Данное учреждение, состоящее в ведении губернского тюремного инспектора под непосредственным руководством губернатора, осуществляло функции, связанные с управлением и надзором в местах лишения свободы (касающиеся порядка прохождения службы их личным составом); порядка содержания арестантов в местах заключения; порядка производства арестованными работ; обеспечения ссыльных и арестантов необходимым обмундированием и средствами жизнеобеспечения; ведения связанной с тюремными делами финансово-хозяйственной деятельности (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 4. Л. 59-60).

К началу 1902 г. контингент пенитенциарных учреждений Российской империи составлял 88 851 человек (Отчет, 1904: 12-13). Саратовская губерния насчитывала 1 843 арестанта и была оснащена центральной губернской тюрьмой (434 заключенных), исправительным арестантским отделением в губернском центре (528), а также Хвалынской (52), Камышинской (110), Балашовской (74), Аткарской (102), Петровской (72), Царицынской (237), Вольской (81), Кузнецкой (90) и Сердобской (63) уездными тюрьмами (ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 396. Л. 34). Как и в некоторых других крупных российских городах, в начале XX в. для размещения осужденных каторжников в Саратове была создана специальная временная тюрьма.

Традиционно российские заключенные в тюрьмах содержались в условиях чрезвычайной скученности, преодолеть которые до конца оказалось невозможным. Порой переполнение достигало таких масштабов, что лишало администрацию тюрем всякой возможности обеспечить удовлетворительное содержание арестантов хоть в какой-то мере. Согласно официальному отчету Главного тюремного управления, на 1 января 1882 г. общее количество заключенных превышало число имевшихся тюремных мест на 24 %. В зависимости от социально-экономических условий в регионах, а также уровня преступности в них переполнение тюрем могло иметь различные показатели, порой лишая тюремную администрацию всякой возможности обеспечить хоть в какой-то мере удовлетворительный порядок содержания арестантов. Так, среди наиболее неблагополучных в данном отношении губерний можно назвать следующие: в Петраковской губернии на одно тюремное

место приходилось 5,2 заключенных; Сувалкской – 2,7; Седлецкой и Оренбургской – 2,6; Саратовской – 2,5; Симбирской – 2,3 (Органы, 1996: 123).

К числу требующих незамедлительного разрешения проблем как в центре, так и на местах, относилось крайне неудовлетворительное состояние тюремных зданий и сооружений, а также недопустимые условия содержания заключенных. Порой дело в них доходило до полного отсутствия даже элементарных условий, пригодных как для человеческого существования, так и изоляции арестантов. Необходимые для проведения работ по реконструкции, расширению и совершенствованию тюремных помещений средства повсеместно отсутствовали. В свою очередь названные обстоятельства создавали реальные причины и условия для возникновения массовых беспорядков в местах заключения, а также побегов арестантов. Несмотря на это, МВД, а затем и Министерство юстиции проводили режим жесткой экономии бюджетных расходов по тюремной части, отпускаемых на пропитание и обмундирование заключенных (Органы, 1996: 124).

К числу самых насущных проблем российских пенитенциарных учреждений изучаемого периода относилось обеспечение права арестантов на охрану здоровья. Данная проблема заслуживает отдельного рассмотрения, что и будет сделано нами детально в последующем. Вместе с тем отметим, что как Главным тюремным управлением, так и администрацией пенитенциарных учреждений на местах, невзирая на дефицит необходимых помещений, оборудования и средств, предпринимались настойчивые меры по обеспечению лечения арестантов, противодействию эпидемиологическим заболеваниям, а также медико-санитарной профилактике. Особое внимание при этом Главным тюремным управлением уделялось профилактике туберкулеза (ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. Л. 27). В аналогичном порядке осуществлялась борьба с тифом (ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. Л. 38). Саратовскому губернатору, наряду с прочими, было предложено принять меры по поддержанию в местах заключения вверенной губернии надлежащих санитарных и гигиенических условий (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 15).

Важнейшим элементом тюремной реформы было признано трудовое использование заключенных. Стремясь придать ему организованный характер, Главное тюремное управление установило для ряда их категорий обязательное привлечение к работам; для того чтобы материально заинтересовать трудящихся арестантов, регламентировало порядок начисления им заработной платы. Вместе с тем, учитывая реальные сложности с обеспечением трудового использования арестантов на практике, все директивные указания, адресованные тюремной администрации на местах по этому поводу, носили рекомендательный характер, а само их привлечение к труду осуществлялось в добровольном порядке, что позволяет отнести данную меру именно к числу мер, направленных на обеспечение трудовых прав заключенных.

Попечение о занятии содержащихся в местах заключения арестантов работами и непосредственное заведование последними было отнесено к компетенции руководства мест заключения (Свод..., 1890: 344-345). Размещение заказов для тюремных мастерских, а также обеспечение права заключенных на труд в целом было поручено комитетам и отделениям Попечительного о тюрьмах общества. Названные комитеты и отделения, усмотрев отклонения от установленного законом порядка в данной сфере, обязаны были всякий раз обращать внимание соответствующего начальника (смотрителя) тюрьмы на допущенные «неправильности». На тот случай, если это не вызывало искомого эффекта, предусматривалось обращение по этому вопросу непосредственно к губернатору. Заботясь о постоянном занятии арестантов работами, а также предоставляя им возможность заработать при этом как можно больше, Министерство юстиции по возможности имело право привлекать их к работам при казенных общественных зданиях на условиях вольнонаемного труда.

Наряду с добровольным использованием труда арестантов в пенитенциарных учреждениях, в ряде случаев предусматривалось обязательное привлечение к работам их некоторых категорий, в частности каторжников, заключенных исправительных арестантских отделений, воров, мошенников, растратчиков, а также попрошайек (Свод..., 1890: 345). По распоряжению тюремного начальства арестанты могли быть освобождены от работ по болезни, учитывая соответствующее заключение врача. В случае же стойкой нетрудоспособности Уставом о содержащихся под стражей предусматривалось полное освобождение от работ (Свод..., 1890: 347). При поступлении в тюрьмы женщин, имеющих грудных младенцев, тюремная администрация была обязана строжайшим образом следить за тем, чтобы осужденные этой категории не привлекались к работам, препятствующим исполнению ими своих материнских обязанностей (Свод..., 1890: 348).

Арестанты, не подлежащие обязательным работам, могли работать по желанию, но при условии соблюдения внутреннего и трудового распорядка. Суточная продолжительность работ, согласно установленному распорядку, не превышала 11 часов летом и 10 часов зимой, включая занятия арестантов в школе и прием ими пищи. Уставом о содержащихся под стражей предусматривалось освобождение арестантов всех категорий от работ в праздничные дни (Свод..., 1890: 352).

Практика показала, что тюремная администрация отнеслась к трудовому использованию вверенных им арестантов без особого энтузиазма, вследствие чего их заработок постоянно снижался. Так, например, по наблюдениям саратовского тюремного инспектора, вследствие бездеятельности

«подлежащих начальников» по поиску заказов на труд заключенных и сбыта арестантских изделий в 1904 г. (по сравнению с 1903 г.) их усилия успеха не имели. В результате подобного отношения в Вольской тюрьме общий заработок заключенных снизился соответственно с 511 руб. 55 коп. до 138 руб. 50 коп.; в Камышинской тюрьме – с 542 руб. 15 коп. до 48 руб. 45 коп. В этой связи названным тюремным инспектором руководству региональных пенитенциарных учреждений было отдано циркулярное распоряжение «озаботиться занятием работами» всех вверенных трудоспособных заключенных. Признавая труд вообще одним из наиболее действенных средств исправления арестантов, он рекомендовал обратить особое внимание на развитие в тюрьмах простейших внутренних производств. Получившие прежде широкое распространение в Саратовской губернии внутренние работы при этом признавались наиболее соответствующими тюремному режиму, способными предоставить каждому заключенному по отбытии наказания за короткий срок своим трудом заработать средства «на кусок хлеба». С учетом имеющегося положительного опыта приветствовалось выделение средств из заработного фонда на приобретение инструментов, оптовую заготовку материалов и наем мастеров (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 69).

Условиям арестантского труда как внутри тюремных помещений, так и за их пределами был посвящен целый ряд циркуляров Главного тюремного управления 80-х гг. XIX в., которые внутри помещений рекомендовали организовывать среди арестантов изготовление ширпотреба (не требующего каких-либо навыков или профессиональной квалификации) из местных материалов, дающее достаточный заработок для приемлемого существования после освобождения из заключения. Квалифицированный труд заключенных, требующий применения сложного оборудования и приспособлений, Главным тюремным управлением стал практиковаться лишь с 1902 г., когда в его составе было образовано отделение по организации труда осужденных (Гернет, 1961: 16).

Со временем заинтересованность тюремной администрации в результатах трудоиспользования арестантов, особенно квалифицированных мастеров, возрастала. Порой дело доходило до того, что это оказывало самое пагубное влияние на переполненность мест заключения контингентом. Согласно ст. 284–286 Устава о содержании под стражей, все трудоспособные лица, осужденные на отдачу в исправительные арестантские отделения, в обязательном порядке для отбытия наказания направлялись туда. Лишь в порядке исключения, за неимением в названных отделениях мест либо их отдаленности, осужденных допускалось оставлять в тюрьмах, привлекая их при этом к самым тяжелым из установленных там работ. Согласно особым правилам, распространенным на места при циркуляре от 15 ноября 1893 г. № 18, местному тюремному начальству было предоставлено право задерживать в своем распоряжении тех арестантов, оставление которых было продиктовано производственной необходимостью. Именно этим обстоятельством объяснялось оставление большинства заключенных данной категории в и без того переполненных и недостаточно обеспеченных надзором губернских и уездных тюрьмах. Лишь 1 декабря 1904 г. задержка арестантов в тюрьмах под предлогом производства работ Главным тюремным управлением была окончательно запрещена (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 98).

Уставом о содержащихся под стражей допускалось использование труда арестантов как в пределах тюремной ограды, так и вне ее. При этом Главное тюремное управление непосредственно определяло характер работ, к производству которых арестанты могли привлекаться как в обязательном порядке, так и по собственному желанию (Свод..., 1890: Ст. 253–254). Исправительные арестантские отделения в обязательном порядке снабжались необходимыми инструментами и орудиями труда. Начальники, имеющие в своем ведении арестантов, привлекать их для работы в свою пользу права не имели. На работы за пределами тюремной ограды запрещалось назначать ряд категорий арестантов, в том числе женщин, лишенных всех прав состояния и бродяг.

Необходимо отметить, что обеспечение администрацией российских пенитенциарных учреждений права арестантов на труд не подразумевало мер по его охране и созданию для него соответствующих условий (Свод..., 1890: 355–357). Все без исключения привлеченные к работе арестанты имели право на не облагаемое никакими взысканиями денежное вознаграждение, а также его расходование в установленных размерах (Свод..., 1890: 358, 365, 368). Заработок умершего в местах заключения арестанта выдавался его наследникам.

Согласно ст. 16 и 64 Устава о содержащихся под стражей заботиться об улучшении как нравственного, так и физического состояния заключенных российских тюрем было призвано пользующееся особым покровительством императора и состоящее при Министерстве юстиции Попечительное о тюрьмах общество (Свод..., 1890: 67, 98). В рамках своих полномочий оно призвано было обеспечивать надлежащие для здоровья арестантов условия отбывания наказания; их правильное размещение с учетом пола, звания, возраста и характера преступлений; снабжение их в достаточной мере продовольствием; исправное состояние мест заключения; надлежащее лечение больных заключенных; обеспечение их обмундированием и необходимыми принадлежностями; «исправление нравственности» осужденных; строительство и содержание «в должном благолепии» тюремных церквей; оперативное разрешение участи заключенных, а также иных вопросов, связанных с обеспечением их прав. На предмет этого тюремные комитеты названного общества наблюдали за чинами надзорсостава, с тем чтобы те неукоснительно соблюдали установленные правила отбывания

наказания арестантами и «благочиние» между ними. Заботясь совместно с начальством мест лишения свободы об участии заключенных, согласно ст. 91 Устава о содержании под стражей, они призваны были содействовать нравственному исправлению заключенных и всячески препятствовать их ожесточению (Свод..., 1890: 91–92). Вице-президенты губернских тюремных комитетов и старшие директора уездных тюремных отделений в пределах своей компетенции наделялись правом давать предписания чинам тюремной администрации и надзорсостава. С целью прекращения «беспорядков» с их стороны, а также ненадлежащего исполнения ими своих служебных обязанностей первые лица тюремных комитетов были вправе информировать об этом непосредственно губернатора (Свод..., 1890: 98).

Между тем как должностное, так и социальное положение членов региональных тюремных комитетов оставляли для них мало возможностей для создания приемлемых условий отбывания наказаний, связанных с лишением свободы. Саратовский губернский общества попечительного о тюрьмах комитет квалифицировал себя в качестве учреждения, преследующего высоконравственные и благотворительные цели в интересах заключенных, постоянно нуждающихся в «живом и теплом участии» его членов, добровольно и бескорыстно принявших на себя обязанности попечения и надзора за ними. Наряду с этим, «весьма желательным и существенно необходимым» признавалось то, чтобы директора названного комитета не ограничивались одним только внешним наблюдением за вверенными им пенитенциарными учреждениями, а приняли бы на себя деятельное участие в заведовании хозяйственной частью местной тюрьмы.

28 декабря 1888 г. в составе комитета была образована постоянная комиссия, наблюдавшая за хозяйственными делами саратовской тюрьмы. Полномочия контроля и надзора по отдельным направлениям деятельности комиссии были распределены между губернским архитектором, губернским врачебным инспектором, прокурором окружного суда, двумя советниками губернского правления, губернским воинским начальником, мировым судьей, армейским поручиком запаса, потомственным почетным гражданином, действительным статским советником и двумя купцами (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 4. Л. 12–14).

Регламентация Устава о содержащихся под стражей прав арестантов включала ряд непреложных правил относительно порядка отбывания ими наказания. Так, содержащиеся под стражей по всем уголовным делам в обязательном порядке разделялись по половому признаку (Свод..., 1890: 172). Существенное значение для обеспечения прав осужденных женщин, равно как и для облегчения их участи в целом, имело введение законом от 13 июня 1887 г. в состав стражи тюремных надзирательниц, призванных осуществлять надзор за находящимися в заключении лицами женского пола.

Малолетние и несовершеннолетние подлежали отдельному содержанию от прочих заключенных (Свод..., 1890: 173). Сословными привилегиями при отбывании заключения пользовались дворяне, чиновники, также разночинцы и иностранцы, которых полагалось размещать отдельно от крестьян и мещан (Свод..., 1890: 174). Однако на практике отдельное содержание привилегированного и общеарестантского контингента зачастую оказывалось затруднительным ввиду хронического недостатка соответствующих помещений. Отдельному содержанию подлежали также арестанты, находящиеся под следствием и судом, политические, «важные» преступники, а также «неисправные должники» (Свод..., 1890: 175–177). Кроме того, на период содержания в тюрьмах от иных заключенных изолировались лица женского пола, осужденные на кратковременное заключение в монастыре (Свод..., 1890: 178).

«Правилами содержания политических арестантов в губернских и уездных замках и пересыльных тюрьмах» от 28 февраля 1886 г. был регламентирован режим содержания политических заключенных как самостоятельной категории осужденных. 16 апреля 1904 г. министр юстиции выпустил в свет новые правила, регулирующие порядок содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. Фактически они приравнивали режим отбывания наказания политическими заключенными к уголовному. Вместе с тем им была предоставлена возможность заниматься умственным и физическим трудом. Политзаключенным из непривилегированных сословий запрещалось питаться за свой счет, участвовать в хозработках, избирать из своей среды старост, устраивать кассы взаимопомощи. Курить разрешалось начальником места заключения только с санкции губернатора. Подобного снисхождения согласно ст. 25 названных правил удостоивались лишь те политические арестанты, на состоянии здоровья которых по заключению тюремного врача должно было вредно отразиться прекращение курения (Правила..., 1904: 10).

Согласно Правилам отбывания тюремного заключения политическими арестантами от 16 ноября 1906 г., осужденные этой категории выделялись тюремным ведомством в особый разряд лишь на период состояния под следствием или судом. По вступлении же приговора в силу, все заключенные признавались отбывающими наказание одинаково. Различия наступали лишь с учетом действующего тюремного режима или применяемого вида лишения свободы.

В тех случаях, когда, наряду с государственными, заключенным вменялись общеуголовные преступления (убийство, разбой, грабеж, бродяжничество и т.п.), к ним применялись лишь те положения названных правил, которые касались политзаключенных. Предусмотренные для них особые меры предосторожности включали регулярное производство обысков, изоляцию от других

категорий заключенных, разрешение свиданий исключительно с близкими родственниками, запрещение передач в виде готовых продуктов питания. Вместе с тем арестанты, осужденные за уголовные преступления, не вправе были требовать особой пищи, предусмотренной для чисто государственных преступников, равно как и иных, предусмотренных исключительно для них льгот (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 43. Л. 5).

Следственные арестанты имели право на одиночное размещение в отдельных камерах тюрем и арестантских помещений. Даже при невозможности устройства таковых в пенитенциарных учреждениях с этой целью нанимались частные дома с надлежащим оборудованием (Свод..., 1890: 181).

Арестанты, содержащиеся в тюрьмах гражданского ведомства, имели право на снабжение казенным обмундированием. Имевшиеся на этот счет некоторые исключения в 1887 г. Главным тюремным управлением были устранены из опасения побегов (Свод..., 1890: 191, 193). С этого времени всем без исключения заключенным, содержащимся в тюрьмах, полагалось выдавать казенные постельные принадлежности (Свод..., 1890: 192). Каждая из российских тюрем в обязательном порядке располагала полным комплектом арестантского обмундирования и постельных принадлежностей, рассчитанным по специальным нормативам. В особом порядке осуществлялось снабжение обмундированием арестантов из числа военнослужащих и казаков. С 1887 г. обеспечение права заключенных на надлежащее снабжение одеждой, обувью, бельем и постельными принадлежностями, их исправное состояние и починку было включено в число непосредственных обязанностей начальника тюрьмы (Свод..., 1890: 199).

Все арестанты, какого бы рода и состояния они ни были, без различия военного и гражданского ведомств имели право на питание за счет казны (Свод..., 1890: 205). В каждой губернии и области Российской империи по ежегодно составляемому в губернском или областном правлении и утверждаемому непосредственно губернатором табелю на пропитание арестантов отпускались особые средства. При этом их паек включал обязательный ассортимент продуктов, отпускаемых ежегодно по максимальным рыночным ценам. В случае, если по какой-то причине их оказывалось недостаточно, в указанном порядке принималось решение о необходимой прибавке к определенным по табели «кормовым деньгам». Заключенные, принадлежащие к высшим сословиям, могли рассчитывать на льготные условия продовольственного обеспечения, но при условии, если они не имели собственных средств к своему содержанию (Свод..., 1890: 207). В особом порядке обеспечивались продовольствием заключенные военнослужащие и казаки. С 1887 г. осужденные на тюремное заключение приобрели право с разрешения местного Попечительного о тюрьмах комитета либо местного начальства питаться самостоятельно, за счет собственных средств, не допуская, однако, при этом никаких излишеств (Свод..., 1890: 267).

Значительными преимуществами по сравнению с прочими заключенными в пенитенциарных учреждениях обладали несовершеннолетние, беременные и кормящие матери. Так, находящимся в местах заключения малолетним детям кормовые деньги выдавались наравне со взрослыми арестантами (Свод..., 1890: 209). Тюремные комитеты особо наблюдали за тем, чтобы содержащимся в тюрьмах беременным и особенно имеющим грудных младенцев женщинам пища выдавалась лучшего качества, нежели другим заключенным (Свод..., 1890: 213). Между тем в период Первой мировой войны и без того скудное снабжение арестантов продовольствием ослабело еще больше. 4 июня 1916 г. Главным тюремным управлением впервые была признана недостаточность питания заключенных (Тюремный вестник, 1916: 574).

Просить милостыню арестантам категорически запрещалось, причем ведающее их конвоированием военное начальство обязано было строго следить за тем, чтобы за пределами тюрем заключенные ни в коем случае не просили подаяния у окрестного населения. Вместе с тем при тюрьмах, в церквях, на торговых площадях, рынках, базарах и иных местах для сбора добровольных подаяний в пользу арестантов выставлялись опечатанные тюремными комитетами особые кружки. Кроме того, членами и благотворителями Общества попечительного о тюрьмах практиковались ежегодные и единовременные пожертвования на эти же цели (Свод..., 1890: 219-222).

Таким образом, тюремная реформа конца XIX – начала XX вв. способствовала не только централизации управления и унификации тюремного дела на местах, но и отражала распространяемые в обществе того периода демократические и гуманистические идеи о правах человека и достоинстве личности, что способствовало изменению отношения к заключенному и карательным мерам, которым он должен подвергаться в период отбывания наказания. Вместе с тем проблема формирования культуры прав человека, в том числе прав заключенного, требует комплексного анализа. За рамками настоящей статьи остались проблемы обеспечения целого ряда прав и свобод арестантов, которые гарантировались в данный исторический период, в частности свобода совести, право на связь с внешним миром, свобода от жестокого обращения и многие другие. Они станут предметом исследования в последующих работах авторов статьи.

5. Заключение

Российское общество на рубеже XIX–XX вв. характеризуется значительным интересом к проблемам обеспечения достоинства личности. Происходившая в тот период модернизация

российской экономики, давшая значительный импульс развитию юриспруденции, усилила акцент на необходимости правового закрепления новых представлений о человеке, его правах и свободах, в том числе применительно к системе исполнения наказаний. Вместе с тем этот процесс сталкивался с препятствиями как объективного, так и субъективного характера, в том числе с ограниченностью ресурсов государства в целом и его пенитенциарной системы в частности. Кроме того, в указанный период не удалось системно решить проблему эффективного использования труда заключенных в условиях рыночной экономики. В целом процессы формулирования представлений о правовом статусе личности в Российской империи конца XIX–начала XX вв. следует считать прогрессивными, так как они стали важным этапом становления культуры прав человека в России. Документы Государственного архива Саратовской области и Государственного архива Волгоградской области, впервые введенные в научный оборот в настоящем исследовании, служат значимым подтверждением данного вывода. Отличающимся существенной новизной, по мнению авторов, является комплексное раскрытие аспектов, связанных с организацией и деятельностью пенитенциарных учреждений такого значимого региона Российской империи, как Саратовская губерния, равно как и освещение проблем обеспечения прав заключенных российской тюремной системы в целом.

Литература

- Алексеев, 2014** – Алексеев В.И. Тюремная реформа в России 1879 года. М., 2004. 554 с.
- Биюшкина, 2011** – Биюшкина Н.И. Правовое регулирование условий содержания политических преступников в Российской империи в период правления Александра III // *Вестник Владимирского юридического института*. 2011. № 2. С. 140–146.
- ГАВО** – Государственный архив Волгоградской области.
- ГАСО** – Государственный архив Саратовской области.
- Гернет, 1930** – Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. 2-е издание, дополненное новыми очерками и иллюстрациями. Харьков, 1930. 263 с.
- Гернет, 1961** – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.
- Гогель, 1897** – Гогель С.К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. М., 1897. 134 с.
- Детков, 1994** – Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. 119 с.
- Красовский, 1900** – Красовский М.И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних. С приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. Саратов, 1900. 219 с.
- Кудрявцев, 1936** – Кудрявцев Ф.А. Александровский централ: из истории сибирской каторги. Иркутск, 1936. 97 с.
- Линев, 1880** – Линев Д.А. В пересыльной тюрьме. СПб., 1880. 350 с.
- Мулукаев и др., 2005** – Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов. М., 2005. 335 с.
- Мулукаев, 1964** – Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964. 28 с.
- Никитин, 1880** – Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. СПб., 1880. 674 с.
- Николаевский, 1898** – Николаевский Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М., 1898. 201 с.
- Общая..., 1915** – Общая тюремная инструкция. Утверждена Министром юстиции 28 декабря 1915 г. Пг, 1916. 110 с.
- Органы..., 1996** – Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. 463 с.
- Отчет, 1904** – Отчет по Главному тюремному управлению за 1902 год. СПб., 1904. 397 с.
- Пертли, 2011** – Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России / Под науч. ред. С.И. Кузьмина. М., 2011. 200 с.
- Познышев, 1915** – Познышев С.В. Очерки тюремоведения. М., 1915. 295 с.
- Правила..., 1904** – Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. СПб., 1904. 13 с.
- Пушкин, 1841** – Пушкин А.С. Сочинения. В 11 т. Т. 9. СПб., 1841. С. 121.
- Рассказов, Упоров, 1999** – Рассказов Л.П., Упоров И.Я. Тюремные инструкции в Российской империи. Краснодар, 1999. 57 с.
- Сборник..., 1911** – Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 1. СПб., 1911. 461 с.
- Свод..., 1890** – Свод законов Российской империи. Том четырнадцатый. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей и о ссыльных. СПб., 1890. 909 с.
- Сенченко, 1963** – Сенченко И.А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963. 191 с.

Сибилева, 2018 – Сибилева А.Ю. Правовые основы деятельности тюрем в Таврической губернии (конец XVIII – начало XX вв.). Симферополь, 2018. 251 с.

Сизов, 1928 – Сизов С.К. Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. Армавир, 1928. 22 с.

Смольяков, 1979 -- Смольяков В.Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979. 23 с.

Собрание..., 1890 – Собрание узаконений и распоряжений правительства № 49 от 22 мая 1890 г. СПб., 1890. 94 с.

Сушицкий, 1933 – Сушицкий В. Саратовские тюрьмы // *Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения*. 1933. 3 апр. С. 157-197.

Таганцев, 1902 – Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции Н.С. Таганцева. 2-е издание, пересмотренное и дополненное. СПб., 1902. 256 с.

Тюремный вестник, 1910 – *Тюремный вестник*. 1910. № 3. 193 с.

Тюремный вестник, 1916 – *Тюремный вестник*. 1916. № 6–7. 168 с.

Фойницкий, 1884 – Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора С.-П. Бургского университета И.Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1883–1884 года. Т. 2. СПб., 1884. 664 с.

Хазиахметов, 1978 -- Хазиахметов Э.И. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг.: Облик, организация, революционные связи. Томск, 1978. 183 с.

Ядринцев, 1872 – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 719 с.

References

Alekseev, 2004 – Alekseev, V.I. (2004). Tyremnaya reforma v Rossii 1879 goda [Prison reform in Russia in 1879]. М. 554 p. [in Russian]

Biuyushkina, 2011 – Biuyushkina, N.I. (2011). Pravovoe regulirovanie usloviy sodergania politicheskikh prestupnikov v Rossiyskoy imperii v period pravleniya Aleksandra III [Legal regulation of the conditions of detention of political criminals in the Russian Empire during the reign of Alexander III]. *Vestnic Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2: 140-146. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti [State Archives of the Volgograd Region].

GAVO – Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti [State Archives of the Saratov Region].

Gernet, 1930 – Gernet, M.N. (1930). V tyr'me. Ocherki tyremnoy psikhologii. 2-e izdanie, dopolnennoe novymi ocherkami i ilustratsiyami [In prison. Essays on Prison Psychology. 2nd edition, updated with new sketches and illustrations]. Char'kov. 263 p. [in Russian]

Gernet, 1961 – Gernet, M.N. (1961). Istoriya carskoj tyur'my [The history of the tsarist prison]. Т. 3. М. 430 p. [in Russian]

Gogel', 1897 – Gogel', S.K. (1897). Arestantskiy trud v russkih i inostrannyh tyr'mah [Prison labor in Russian and foreign prisons]. М. 134 p. [in Russian]

Detkov, 1994 – Detkov, M.G. (1994). Nakazanie v Carskoy Rossii. Sistema ego ispolneniya [Punishment in Tsarist Russia. The system of its execution]. М. 119 p. [in Russian]

Krasovskiy, 1900 – Krasovskiy, M.I. (1900). Voprosy ustroystva russkih ispravitel'nyh zavedeniy dlya nesovershennoletnih. S prilozheniem uzakoneniya i rasporyazheniy pravitel'stva, odnosyashihsy k maloletnim i nesovershennoletnim prestupnikam [Questions of the device of Russian correctional institutions for minors. With the attachment of legalizations and government orders relating to juvenile and juvenile offenders]. Saratov. 219 p. [in Russian]

Kudryavcev, 1936 – Kudryavcev, F.A. (1936). Aleksandrovskiy central: iz istorii sibirskoy katorgi [Alexandrovsky Central: from the history of Siberian penal servitude]. Irkutsk. 97 p. [in Russian]

Linev, 1900 – Linev, D.A. (1900). V peres'yl'noy tyr'me [In a transit prison]. SPb. 350 p. [in Russian]

Mulukaev i dr., 2005 – Mulukaev, R.S., Malygin, A.Ya., Epifanov, A.E. (2005). Istoriya otechestvennyh organov vnutrennih del [History of domestic law enforcement bodies]. Uchebnic dlya vuzov. М. 335 p. [in Russian]

Mulukaev, 1964 – Mulukaev, R.S. (1964). Policiya i tyremnye uchrezhdeniya dorevoluzionnoy Rossii [Police and prisons of pre-revolutionary Russia]. М. 28 p. [in Russian]

Nikitin, 1880 – Nikitin, V.N. (1880). Tyr'ma i ss'ylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoe polozhenie zakluchennyh, peresyl'nyh, ih detey i osvobozhdennyh iz pod straghi, so vremeni vzniknoveniya russkoj tyur'my do nashih dney [Prison and exile. The historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, transitory people, their children and those released from custody, from the time of the Russian prison to the present day]. 1560-1880. SPb. 674 p. [in Russian]

Nikolaevskiy, 1898 – Nikolaevskiy, N. (1898). Tyr'ma i ss'lka. Ocherki politicheskoy i religioznoy ss'lki [Prison and exile. Essays on political and religious exile]. М. 201 p. [in Russian]

Obshchaya..., 1916 – Obshchaya tyuremnaya instrukciya. Utverzhdena Ministrom yusticii 28 dekabrya 1915 g. [General Prison Instruction]. Pg., 1916. [in Russian]

Organy..., 1996 – Organy i vojska MVD Rossii. Kratkij istoricheskij ocherk. [Bodies and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief historical sketch] М., 1996. [in Russian]

- Otchyot, 1904** – Otchyot po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1902 god [General Prison Administration Report 1902]. SPb. 1904. [in Russian]
- Pertli, 2011** – *Pertli, L.F.* (2011). Organizacionno-pravovye osnovy usloviy sodержaniya zakluchennykh v dorevolucionnoy Rossii [Organizational and legal foundations of the conditions of detention of prisoners in pre-revolutionary Russia]. pod nauch. red. S.I. Kuz'mina. M. 200 p. [in Russian]
- Poznyshev, 1915** – *Poznyshev, S.V.* (1915). Ocherki tyr'movedeniya [Essays on Prison Science]. M. 295 p. [in Russian]
- Pravila..., 1904** – Pravila o sodershanii v tyr'mah grazhdanskogo vedomstva politicheskikh arestantov. [Rules for the detention in prisons of the civilian department of political prisoners]. SPb. 1904. 13 p. [in Russian]
- Pushkin, 1841** – *Pushkin, A.S.* (1841). Sochineniya [Essays]. V 11 t. T. 9. SPb. 121 p. [in Russian]
- Rasskazov, Uporov, 1999** – *Rasskazov, L.P., Uporov, I.Ya.* (1999). Tyremnye instrukcii v Rossiyskoj imperii [Prison instructions in the Russian Empire]. Krasnodar. 57 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1911** – Sbornik cirkulyarov, izdannykh po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu v 1879–1910 gg [Collection of circulars issued by the General Prison Administration in 1879–1910]. Ch. 1. SPb. 1911. [in Russian]
- Svod..., 1890** – Svod zakonov Rossijskoj imperii. Tom chetyrnadcatyj. Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o sodержashchihsiya pod strazhej, i o ssyl'nyh [Code of laws of the Russian Empire. Volume fourteenth. Charters on passports, on crime prevention, on censorship, on detainees, and on exiles]. SPb., 1890. [in Russian]
- Senchenko, 1963** – *Senchenko, I.A.* (1963). Revolucionery Rossii na Sahalinskoj katorge [Revolutionaries of Russia in the Sakhalin penal servitude]. Yuzhno-Sahalinsk. 191 p. [in Russian]
- Sibileva, 2018** – *Sibileva, A.Yu.* (2018). Pravovye osnovy deyatel'nosti tyrem v Tavricheskoy gubernii (konec XVIII – nachalo XX vv.) [The legal basis for the activities of prisons in the Tauride province (late 18th – early 20th centuries)]. Simferopol'. 251 p. [in Russian]
- Sizov, 1928** – *Sizov, S.K.* (1928). Dorevolucionnaya tyr'ma i sovetskiy ispravinel'no-trudovoy dom [Pre-revolutionary prison and Soviet correctional labor house]. Armavir, 22 p. [in Russian]
- Smolyakov, 1979** – *Smolyakov, V.G.* (1979). Tyremnaya Sistema dorevolucionnoy Rossii, ee reaccionnaya sushnost' [The prison system of pre-revolutionary Russia, its reactionary nature]. M. 23 p. [in Russian]
- Sobranie..., 1890** – Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva № 49 ot 22 maya 1890 g. [Collection of legalizations and orders of the government No. 49 of May 22, 1890]. [in Russian]
- Sushickij, 1933** – *Sushickij, V.* (1933). Saratovskie tyur'my. [Saratov prisons]. *Izvestiya Saratovskogo Nizhne-Volzhskogo instituta kraevedeniya*. 3 apr. [in Russian]
- Tagancev, 1902** – *Tagancev, N.S.* (1902). Russke ugolovnoe parvo. Chast' obshaya: lekciy N.S. Tagantseva. 2-e isd-e, peresmotrennoe i dopolnennoe [Russian criminal law. General part: lectures by N.S. Tagantseva. 2nd edition, revised and supplemented]. SPb. 256 p. [in Russian]
- Tyuremnyi vestnik, 1910** – *Tyuremnyj vestnik*. 1910. № 3. P. 321 p. [in Russian]
- Tyuremnyi vestnik, 1916** – *Tyuremnyj vestnik*. 1916. № 6–7. 574 p. [in Russian]
- Foinickiy, 1884** – *Foinickiy, I.Ya.* (1884). Kurs russkogo ugolovnoho sudoproizvodstva, sostavlennyi po lekciyam professor S.P. Burgskogo universiteta I.Ya. Foinickogo i izdannyi v rukovodstvo slushatelyam 1883 – 1884 goda [A course on Russian criminal justice, based on the lectures of Professor S.-P. Burg University I. Ya. Foinitsky and published as a guide to listeners in 1883–1884]. T. 2. SPb. 664 p. [in Russian]
- Haziahmetov, 1978** – *Haziahmetov, E.Sh.* (1978). Sibirskaya politicheskaya ss'lka 1905–1917 gg.: Oblik, organizaciya, revolucionnye svjazi. [Siberian Political Exile 1905–1917: Appearance, Organization, Revolutionary Ties]. Tomsk. 183 p. [in Russian]
- Yadrincev, 1872** – *Yadrincev, N.M.* (1872). Russkaya obshina v tyr'me i ss'lke [Russian community in prison and exile]. SPb. 719 p. [in Russian]

Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии)

Александр Егорович Епифанов ^{a, b, *}, Павленко Евгения Михайловна ^a

^a Московский городской педагогический университет, Российская Федерация

^b Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mvd_djaty@mail.ru (А.Е. Епифанов),
PavlenkoEM@mgpu.ru (Е.М. Павленко)

Аннотация. На протяжении нескольких столетий формирование культуры прав человека в России сталкивается с трудностями, преодолеть которые возможно лишь с опорой на глубокий анализ исторического развития представлений о правах человека в российском обществе. Важным этапом такого развития стал рубеж конца XIX – начала XX вв., однако из-за отсутствия в указанный период целостной концепции прав человека изменения в представлениях о достоинстве личности, ее правах и свободах находили отражение в первую очередь в нормативных правовых актах, ориентированных на практическое применение в конкретных ситуациях. Система исполнения наказаний, требующая максимально подробной регламентации своей деятельности, представляет собой объект, на примере которого изменения представлений о личности особенно заметны. В статье с историко-правовых позиций раскрываются регламентация и практика обеспечения прав заключенных российских пенитенциарных учреждений на рубеже XIX–XX вв. на примере Саратовской губернии, при этом сделан акцент на права человека «второго поколения», которые во второй половине XIX в. приобрели в России особую актуальность. Статья подготовлена на основе обширной литературы, а также ведомственных нормативных актов и архивных материалов, многие из которых введены в научный оборот впервые. В работе используются общенаучные (анализ, синтез, диалектический метод научного познания, системный подход) и частнонаучные (исторический) методы исследования. Сделан вывод, что указанный период, несмотря на конкретно-исторические условия социально-экономического, управленческого и ценностного характера, характеризуется углублением и развитием в российском обществе представлений о правах человека и ответственности государства за их соблюдение.

Ключевые слова: права заключенных, арестанты, осужденные, Главное тюремное управление, тюремные комитеты, Российская империя, Саратовская губерния.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1922-1934
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1922

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Publicists of the “Russkoe Bogatstvo” about the Experience of Parliamentarism in Western Countries (late 19th – early 20th centuries)

Sergey N. Kastornov ^{a, *}, Yulia Y. Ponomareva ^b, Alexandra P. Chervinskaya ^b, Oksana V. Leonova ^b

^a Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Russian Federation

^b Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The authors, based on the publications of the journal “Russkoe bogatstvo”, consider the views and assessments of legal-populist authors on the problems of parliamentarism in the late 19th and early 20th centuries in Great Britain, France, Germany and Austria-Hungary.

The study of the experience of Western parliamentarism by representatives of the socio-political thought of Russia is intensified at the beginning of the 20th century in connection with the formation of a multi-party system and a Duma monarchy in our country. The publicists of “Russkoe bogatstvo” considered it useful to use the experience of this experience in the process of forming a constitutional state in Russia that guarantees civil and political human rights. The legal-populist authors called for taking into account and adopting the positive experience of Western states, the political structure of which provided the working people within the framework of the existing system with real opportunities to defend their economic, political, ethnic interests and raise the standard of living. This was a typical point of view of the reformist populists, whose worldview contained both socialist and liberal elements. The experience of parliamentarism in Great Britain and France seemed to them more valuable in comparison with the experience of Austria-Hungary and Germany.

The publicists of “Russkoe bogatstvo” were close to an objective assessment of the realities of the social and political life of Western countries in the late 19th and early 20th centuries, and led their readers to the idea that the main direction of the state's development should be progressive, consist of socio-economic and political legal, not revolutionary transformations.

The study shows that the study of the ideas of parliamentarism by legal populists still has its relevance from a practical and scientific point of view.

Keywords: the journal “Russkoe bogatstvo”, public thought, parliamentarism, legal populism, constitutional state, political reforms, Great Britain, France, Germany, Austria-Hungary.

1. Введение

На рубеже XIX–XX веков в большинстве европейских стран закреплялся принцип разделения властей, формировалась парламентская система, осуществлялась демократизация общества, провозглашались права и свободы человека. В Европе складывались новые формы управления обществом, центральной из которых была защита прав и свобод человека (Merkulov et al., 2017). Россия в это время оставалась абсолютной монархией. 29 января 1895 г. император Николай II в очередной раз высказался о необходимости сохранения самодержавия и неизменности политического вектора развития России. Это вызвало резко негативную реакцию со стороны части

* Corresponding author

E-mail addresses: kastsergej@yandex.ru (S.N. Kastornov), ponomarevajulia799@mail.ru (Y.Y. Ponomareva), sasha.m-87@mail.ru (A.P. Chervinskaya), oks980@rambler.ru (O.V. Leonova)

прогрессивной общественности, подвергавшей резкой критике в печати деятельность государственных структур, требовавших сотрудничества монархии с представителями оппозиции.

Обсуждение проблем политического развития стран Запада представителями общественно-политической мысли России активизируется в начале XX века в связи с процессом формирования в стране многопартийности и думской монархии. Русская общественность не могла не обратиться к изучению опыта передовых стран Запада в решении политических и социальных проблем. На страницах отечественных газет и журналов помещались материалы о государственном строе, общественно-политической, экономической и культурной жизни этих государств. Немалое место уделялось и осмыслению процессов развития парламентаризма в западных странах. Не осталась в стороне от этого процесса и редакция легально-народнического журнала «Русское богатство».

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источниковой базы исследования авторы использовали материалы одного из ведущих российских журналов конца XIX – начала XX веков, органа легального народничества «Русское богатство», а именно публикации И.В. Шкловского, Н.С. Русанова, А. Коврова, М.А. Рейснера, В.А. Тимирязева, С.Н. Южакова и ряда других авторов. Статьи и обзоры И.В. Шкловского и Н.С. Русанова позднее были дополнены и переработаны самими авторами и опубликованы в виде отдельных сборников. Большая часть анализируемых журнальных статей, посвященных вопросам парламентаризма, содержала значительные элементы научного анализа, исторические и политические обобщения.

2.2. Работа базируется на основных принципах исторического познания – историзма и объективности. Решение междисциплинарных задач основывается на совокупности исследовательских моделей социальной истории. Интеграция научного познания базируется на методологическом синтезе, который объединяет теоретические выводы, основанные на историческом анализе наблюдений публицистов журнала «Русское богатство» относительно проблем формирования и функционирования парламентаризма в европейских государствах в конце XIX – начале XX вв. При анализе текстов применялся нарративный и контекстуальный анализ.

3. Обсуждение

Первые публикации, посвященные вопросам изучения парламентаризма в европейских странах, относятся еще к дореволюционному периоду. В советский период данная тема не получила достаточного освещения в силу особенностей господствовавшей в стране идеологии. Изучение вопросов, связанных с освещением проблем парламентаризма представителями русской дореволюционной общественной мысли, активизировалось в постсоветский период. Так, британский парламентаризм через призму русской публицистики XIX века рассмотрен в статьях В.В. Борискина, С.А. Кривоноговой, С.А. Зотова, Д.Д. Тетюевой (Борискин, 2010; Кривоногова, 2007; Зотов, 2014; Тетюева, 2016). Вопросам европейского либерализма и парламентаризма с точки зрения русских консервативных мыслителей посвящены статья А.В. Крымова (Крымов, 2012), развитию идеи парламентаризма в отечественном либеральном наследии XIX века – работы А.В. Матюхина (Матюхин, 2018; Матюхин, 2021). Общее и особенное в становлении парламентаризма в Российской и Германской империях конца XIX – начала XX веков выявляется в публикации В.Г. Баева (Баев, 2009).

Вместе с тем отдельные исследования, специально посвященные анализу вопросов отражения публицистами легального народничества опыта парламентаризма в европейских странах в конце XIX – начале XX вв. на страницах российской периодической печати, в исторической науке отсутствуют. Данная работа в некоторой степени призвана заполнить лакуну в изучении этой темы.

4. Результаты

Корреспондентом «Русского богатства», успешно изучавшим общественно-политический опыт Великобритании и считавшимся в России одним из ведущих знатоков, являлся известный публицист легально-народнического направления И.В. Шкловский. С 1897 г. он присылал из Лондона и печатал в журнале (за подписью Дионео) очерки, впоследствии переизданные в переработанном виде отдельной книгой под заглавием «Очерки современной Англии». Он публиковался также в газете «Русские ведомости» и журнале «Вестник Европы».

И.В. Шкловский считал, что в Англии сложились все условия, гарантирующие человеку личные и политические права: «Первое – парламент, опирающийся на всеобщее избирательное право, имеющий контроль над бюджетом; второе – независимая от законодательства судебная власть, принимающая под защиту публичные права граждан; третье – широкое местное самоуправление, избавляющее мирных обывателей от назойливого вмешательства представителей центральной власти» (Дионео, 1914: 598). Он старался объективно информировать русскую общественность о механизме функционирования государственной машины Великобритании. Оценка публицистом эффективности отдельных элементов государственного устройства Англии отличалась.

И.В. Шкловский правомерно считал палату общин центральным звеном государственного механизма. Он писал: «Палата общин – верховный контроль над всем государством, всесильный,

всемогущий, неподкупный законодательный корпус, могущий переделать конституцию» (Дионео, 1903b: 162). Итогом реформ XIX в. явилось то, что среди ее членов были представители различных слоев населения, в том числе «депутаты от английских мужиков и от городских рабочих» (Дионео, 1903b: 196). Публицист отмечал прогрессивность этого процесса.

Народник обращал внимание на то, что многие коммонеры (члены Палаты общин) – «политические эмбрионы, развивающиеся иногда сразу, в одно бурное заседание» (Дионео, 1908: 2). Так, сразу выдвинулся блестящий вождь уэльских депутатов Дэвид Ллойд-Джордж. И.В. Шкловский не отрицал и того, что среди рядовых коммонеров есть и совершенно заурядные, но честолюбивые люди. Однако раньше их набиралось в палате общин гораздо больше, чем в рассматриваемый публицистом период. В прежние времена «гнилые местечки» давали легкую возможность честолюбивому и богатому человеку попасть в парламент. До законов, сделавших подкуп избирателей почти совершенно невозможным делом, результат выборов зависел иногда только от того, у кого из кандидатов толще кошелек (Дионео, 1908: 2).

Русским либералам и легальным народникам по многим вопросам была близка позиция английских либералов. Их противников, тори и лордов, они традиционно обличали, проводя в неявной форме параллель между ними и отечественными консерваторами и монархистами (Кривоногова, 2007: 23; Merkulov et al., 2020). По сравнению с либеральными авторами И.В. Шкловский еще более критично оценивал деятельность палаты лордов.

Дарвиновский закон о естественном отборе, на который ссылались защитники лордов, по мнению публициста, не применим к верхней палате. Ведь палата лордов представляла собой образец закона сохранения «слабых, неприспособленных к жизни и бездарных» (Дионео, 1907a: 38). По его мнению, за некоторыми исключениями, среди них в последние сто лет не было лордов, которые проявили бы себя как талантливые люди. К числу исключений принадлежали выдающиеся ученые – лорды Келвик, Листер и Авербери, а также великий моряк лорд Нельсон. Однако эти деятели «вышли из рядов средних классов» (Дионео, 1907a: 38).

И.В. Шкловский обращал внимание на то, что если в палате общин кворум составляют сорок коммонеров, то в верхней палате даже три лорда составляют кворум и могут приступить к обсуждению законов. Иногда важный законопроект отклонялся горстью титулованных наследственных законодателей. Лорды являлись защитниками религиозной нетерпимости, близко принимая к сердцу интересы господствующей англиканской церкви в католической Ирландии. Они, «как в России теперь помещики», боялись местного самоуправления едва ли не сильнее, чем реформы политической. Только неизбежность революции каждый раз заставляла лордов быть более разумнее и соглашаться на земельные реформы в Ирландии. Едва ли не более реакционно настроены были по сравнению со светскими лорды духовные, т.е. архиепископы и епископы (Дионео, 1907a: 38).

И.В. Шкловский считал несомненным тот факт, что лорды восставали против законодательства нижней палаты только тогда, когда у власти стояли либералы. Когда правительство было консервативным, лорды «засыпали». По словам публициста, верхняя палата «это, своего рода, бак с соляным раствором, в котором консервативная партия вымачивает всегда розгу для либеральной партии, когда она у власти» (Дионео, 1907a: 48-49).

В мае 1911 г. в Великобритании нижней палатой по инициативе правивших в тот период либералов был принят билль о реформе палаты лордов, который ослабил роль палаты, заменив ее абсолютное вето в отношении решений палаты общин отлагательным. В России с большим энтузиазмом отнеслись к реформе палаты лордов (Котов, 1980: 224-225).

Обращаясь к вопросу о положении монарха в государственно-правовой системе Великобритании, И.В. Шкловский писал: «...Общественное и правовое сознание английского народа, укрепленное утвержденным во власти средним классом, приложило современные требования и к монарху: он должен знать свое место» (Дионео, 1915: 104). Публицист разделял точку зрения русских либеральных авторов, считавших, что британский монарх и в дальнейшем сохранит свою роль в системе управления страной в качестве символа единства Британской империи, гаранта государственности и законности. Отношение к институту монархии в Великобритании у него было терпимым ввиду того, что английские монархи не вмешивались в вопросы управления страной (Дионео, 1915: 104).

Публицист затрагивал вопрос о гарантиях свободы политической деятельности в Великобритании. Эта тема была особо актуальна в связи с тем, что после революции 1905–1907 гг. в России стали создаваться политические партии, государство провозгласило свободу слова, собраний. И.В. Шкловский высоко оценивал свободы слова, собраний и печати в Великобритании. По его мнению, митинги и собрания являлись средствами, с помощью которых «народ мог заявить о том, что его в данное время тяготит и волнует» (Дионео, 1908: 111).

Автор акцентировал внимание на том, что в Великобритании даже король, не говоря уже о его уполномоченных, не имел права отменять законы, выработанные и принятые самим народом, а также не мог заменить постоянные законы временными, составленными помимо обычного порядка. Англичане считают законом только такую меру, которую выработал народ через посредство своих выборных представителей (Дионео, 1906: 5-6).

И.В. Шкловский был убежден, что парламентаризм на уровне центральной власти неразрывно связан с системой представительства на местном уровне. Он считал весьма ценным то, что органы городского и сельского самоуправления в Англии действовали автономно, вмешательство центральной власти было строго лимитировано четко определенным кругом вопросов. Позитивным представлялся опыт управления народным образованием и здравоохранением, решения муниципальными структурами социальных проблем населения (Дионео, 1908: 118). Особое внимание привлекал вопрос о деятельности самоуправления на низшем уровне территориальной организации. Ведь в это время в России активно обсуждался вопрос о создании мелкой земской единицы (Мелкая земская единица, 1903). И.В. Шкловский считал полезным для России английский опыт расширения избирательных прав населения на местных выборах, участия в них женщин. Однако он не был уверен в безусловной пользе чрезмерных многоступенчатости и параллелизма органов местного самоуправления в Англии и уж тем более в их применимости в российских условиях.

И.В. Шкловский высоко оценивал деятельность либеральной партии и У. Гладстона в попытке решить ирландский вопрос (Дионео, 1908: 183). Он обращал внимание на то, что прежде «ирландский вопрос» включал в себя требование религиозной терпимости, свободы личности, слова и сходок; право на землю, местное самоуправление и, наконец, политическое самоуправление (гомруль). Теперь он, по мнению публициста, значительно упростился. Свобода совести, личности, слова, сходок – все это было добыто. В 1898 г. ирландцы получили широкое местное самоуправление. Ирландский вопрос состоял теперь из двух пунктов: из требования политического самоуправления (гомруля) и земли (Дионео, 1903а: 5).

Как отмечал народник, с поразительной быстротой, которая «возможна только в Англии», «наступила оттепель». Всех политических заключенных в Ирландии выпустили, Coercion Act (закон об отмене конституционных гарантий) отменили, а вместо него министерство внесло в парламент грандиозный билль о выкупе. По словам публициста, «начался «ледоход»: система, продержавшаяся почти восемь веков, распалась» (Дионео, 1903а: 23). И.В. Шкловский был убежден, что ближайшим следствием выкупа земли у помещиков в Ирландии станет «назначение ирландской центральной власти, облеченной ответственностью за внутренний порядок в стране и получающей свои полномочия от самого ирландского народа» (Дионео, 1903а: 26).

Публицист с излишним оптимизмом оценивал перспективы принятия акта о гомруле. Биллю о гомруле, вносившемуся либеральным правительством в 1912 г. и трижды отклонявшемуся палатой лордов, королевской санкцией 17 сентября 1914 г. была придана сила закона. Его введение откладывалось до окончания войны и не действовало в северной Ирландии (Кареев, 1916: 163-165).

Корреспондентом «Русского богатства» во Франции в конце 1890-х – начале 1900-х гг. был Н.С. Русанов, писавший под псевдонимом Н.К. Кудрин. Следуя совету Н.К. Михайловского, предложившего ему сотрудничество в журнале, он старался останавливаться на «длящихся явлениях французской жизни, предоставляя газетным корреспондентам знакомить публику с текущими событиями и мимолетными фактами» (Кудрин, 1904: V).

Н.С. Русанов обращал внимание на огромное значение парламента и парламентских выборов в жизни Франции. Ведь именно от Национального собрания зависело формирование правительства страны. Народник отмечал, что французский парламента обладает гораздо большими полномочиями по сравнению с парламентами большинства других стран. При этом к организации выборов в Национальное собрание Франции он относился весьма критически. По словам публициста, вначале размещаются афиши избирательных комитетов, в которых повторяется «гипнотизма ради бесчисленное множество раз имя кандидата» (Кудрин, 1904: 537). Затем комитеты публикуют подробные кандидатские программы, содержащие взаимные обвинения и опровержения соперничающих кандидатов. Накануне самых выборов лихорадочно расклеиваются предостережения: «Избиратели, остерегайтесь маневров последнего часа» (Кудрин, 1904: 537). Избирательные комитеты, «вымыв предварительно грязное белье по-семейному», на частных заседаниях единомышленников выбирают наиболее подходящих кандидатов, а затем, «если рассчитывают на популярность протежируемых ими граждан», организуют в их поддержку собрания избирателей либо публичные митинги, на которые, как правило, допускаются исключительно лица, имеющие право голоса. В ходе проведения этих мероприятий претенденты на выборные должности разъясняют свои программы «под перекрестным огнем вопросов, которые ставятся им тут же избирателями, желающими позондировать политическое направление метящего в депутаты» (Кудрин, 1904: 537). В отдельных случаях словесные турниры между соперничающими партиями заканчиваются «кулачными и палочными аргументами» (Кудрин, 1904: 538). Причем, по наблюдению народнического публициста, чаще всего, вопреки мнению благонамеренной толпы, драки затевали представители имущих и правящих классов. Печать «является ...одним из самых могущественных органов распространения избирательной горячки» (Кудрин, 1904: 538). Почти все газеты заняты прямо или косвенно выборами, восхвалениями дружественных кандидатов и нападениями на кандидатов враждебного лагеря.

В то же время, по мнению публициста, в стране на рубеже веков резко возросло число скептиков, отрицательно относящихся к современному французскому парламентаризму (Кудрин,

1904: 539). Автор обращал внимание на то, что причины этого кризиса носят специфический именно для Третьей республики характер.

Н.С. Русанов признавал, что, являясь громадным шагом вперед по сравнению с прежними режимами, парламентаризм не может считаться окончательной идеальной формой политического общежития. В его рамках «развиваются и зреют элементы более живого и непосредственного участия людей в коллективной жизни и деятельности» (Кудрин, 1904: 539). Главный же недостаток современной парламентской системы заключается в том, что депутаты представляют собою «господ всей нации» и в то же время являются прислужниками ее, готовыми исполнять малейшие капризы своих избирателей. Ради популярности французские депутаты «исполняют самые невозможные поручения выбравших их земляков, например, отыскивают им кормилиц, покупают для них столовые и чайные сервизы в столичных магазинах, справляются о лучших модистках в Париже» (Кудрин, 1904: 543).

Как отмечал публицист, парламентский режим Третьей республики подвергается критике как со стороны умеренных республиканцев, стремящихся упорядочить парламентскую деятельность, так и со стороны реакционеров, отрицающих парламентаризм, но не имеющих возможности вернуть страну к прежнему режиму во всей его чистоте. Однако, по мнению Н.С. Русанова, гораздо опаснее для политического строя Франции то, что чувства усталости и разочарования охватили, помимо представителей интеллигенции, и другие слои населения. С 1877 года, когда шла горячая борьба республиканцев против монархистов, и до 1893 года количество абсентеистов возросло с 18,7 % всех избирателей до 30 %. Большинство воздержавшихся принадлежало к более индифферентным имущим группам населения. Это, по словам народнического автора, «озабочивает вожаков „прогрессивной“ партии, которые опираются на эти консервативные элементы и боятся, как бы их воздержание не дало частного торжества более деятельным и более радикальным слоям» (Кудрин, 1904: 545). Как следствие, среди части французских политиков получила популярность мысль о введении обязательного голосования со штрафованием уклоняющихся от участия в выборах. Абсентеизм заметно усилился и среди рабочего населения крупных центров, ранее отличавшегося «гораздо большею отзывчивостью на политические злобы дня» (Кудрин, 1904: 545).

Н.С. Русанов был убежден в том, что причина роста абсентеизма во Франции заключалась в том, что избиратели смешивают три различные функции парламента и, видя несостоятельность одной из них, распространяют свое отрицание на парламентаризм вообще. Эти три функции, по его словам, таковы: «служить показателем и выразителем господствующего общественного сознания в данный момент; удовлетворять интересам, потребностям и неотложным вопросам современности; являться школой будущих, более совершенных форм коллективной человеческой деятельности» (Кудрин, 1904: 545). По его мнению, лишь вторая из этих функций неудовлетворительно выполняется представительным строем, причем не по его вине. Что же касается первой и третьей функций, то в этом отношении парламентаризм имеет решительное преимущество над политическими формами старой Франции (Кудрин, 1904: 545).

Публицист подчеркивал, что возражения по поводу первой из перечисленных функций сводятся в основном к утверждению, будто парламентаризм (в широком смысле этого слова, включая и выборы в генеральные и муниципальные советы) является крайне грубым и несовершенным орудием для выражения общественного мнения. Ведь зачастую выбор того или иного депутата зависит от сравнительно незначительного большинства голосов. Сильное меньшинство может при этом совсем не быть представлено в палате. Даже и при всеобщем голосовании большая часть людей не имеет права участвовать в выборах или же фактически воздерживается от этого участия. Многие недовольны тем, что «при суммировке голосов, голос какого-нибудь знаменитого ученого и голос невежественного поденщика, голос солидного и состоятельного человека и голос бедняка, которому нечего терять, совершенно равноценны, вопреки здравому смыслу и справедливости и т.д., и т.д.» (Кудрин, 1904: 545). Н.С. Русанов, категорически с этим не соглашаясь, указывал на то, что парламент является крайне точным инструментом для определения господствующего настроения в стране, который можно сравнить с «очень чувствительным манометром, показывающим напряжение пара в гигантском котле... общественной жизни» (Кудрин, 1904: 546).

Недостатки парламента в этом отношении, по мнению публициста, устранимы как раз путем расширения его. Он считал необходимой гарантию представительства в парламенте сильного меньшинства путем введения, по образцу Бельгии, пропорциональной избирательной системы. Кроме того, публицист считал целесообразным отменить для избирателей условие шестимесячного пребывания в городе или коммуне (направленное против «наиболее текучих» слоев рабочего населения), а также дать право голоса женщинам. Применительно к французским условиям публицист считал данную реформу отнюдь не утопической (Кудрин, 1904: 546).

Что касается людей, которые воздерживаются от участия в выборах, то, по мнению народнического автора, громадное большинство воздерживающихся состоит из «общественных индифферентистов», которым дела нет до того, как и кем управляется страна. Под предлогом того, что отдельный голос мало значит, они, по словам Н.А. Русанова, «не хотят даже потратить какого-нибудь часа на всю операцию вотирования, ...несмотря на всевозможные увещания и упреки,

расточаемые по адресу таких ленивых граждан» (Кудрин, 1904: 548). Публицист убежден в том, что если мнение таких избирателей не находит себе выражения в представительном строе в силу самого их воздержания, то это как раз говорит в пользу точности регистрирующего аппарата: «те желания, стремления и потребности, которые недостаточно энергичны, чтобы заявить о своем существовании, и не могут претендовать на включение их в число живых общественных сил» (Кудрин, 1904: 548). Что касается отказа от выборов по идейным соображениям, которое пропагандируется анархистами, то его значение в практическом смысле, по мнению автора, равно до сих пор нулю (Кудрин, 1904: 548).

Н.С. Русанов считал возмутительным предложение о предоставлении больших дополнительных голосов людям, по самому своему положению в современном обществе принадлежащим к привилегированному классу. Оно, по его словам, «и без того чересчур повертывает равнодействующую общественных сил в сторону своих классовых интересов» (Кудрин, 1904: 548). Он был убежден, что, чем точнее должен выражать парламентаризм преобладающие стремления целого общества, тем более мы должны стоять за полнейшую равенность голосов избирателей, принадлежат ли они к привилегированному классу, или к трудящемуся большинству (Кудрин, 1904: 549).

Публицист критиковал утверждения о том, что парламентаризм хорошо выполняет функцию показателя общественного сознания, но при этом плохо справляется с функцией орудия коллективной воли. Он считал, что само общество несет ответственность за недостатки парламентского режима. «Утомительную борьбу партий в парламенте; перемины и верченые на одном месте; незначительность той социальной равнодействующей, которая остается для общественного прогресса за взаимным уничтожением враждующих сил, – все это приходится объяснять состоянием самого современного общества» (Кудрин, 1904: 550). Он задает риторический вопрос: «И почему мы должны обвинять парламентаризм в том, что он плохо справляется со своей функцией служить орудием общественной воли и коллективной деятельности, когда в самом обществе есть столько же различных волей, сколько различных интересов, и столько же направлений деятельности, сколько борющихся классов, групп и личностей. Отыскать равнодействующую этих сталкивающихся, усиливающих одно другое и взаимно уничтожающихся течений так же трудно, как и найти квадратуру круга» (Кудрин, 1904: 553).

Рассуждая «о неизбежной порче депутатов и во время кандидатской погони за местом, и во время самого пребывания в парламенте» (Кудрин, 1904: 554), публицист обращал внимание на то, что кандидатам, действительно, приходится подлаживаться под вкусы избирателей и вносить в свою программу взгляды, с которыми они, может быть, не согласны в своей душе. При этом, в случае попадания в палату, одни из них продолжают играть роль «лакеев», другие же, наоборот, становятся в позицию «господ» и «изменяют своим избирателям, разрывая подписанную ими программу» (Кудрин, 1904: 554). Н.С. Русанов подобного рода психологию избранного считал делом вполне житейским, общим для всех времен и народов (Кудрин, 1904: 554). Он подчеркивал, что в современном обществе, где все подлежит купле и продаже, где принцип конкуренции проникает во все отношения, и карьера депутата может стать исключительно коммерческим предприятием. Поэтому измена политического деятеля своим убеждениям или первоначальной программе предполагает существование других программ, отвечающих другим интересам, «которым прилаживается шустрый депутат», а стало быть, «существование классовой, групповой и партийной розни в обществе» (Кудрин, 1904: 555).

Подытоживая, Н.С. Русанов обращал внимание на то, что возражения против парламентаризма являются возражениями против классового характера общества, основанного на борьбе интересов. При этом «представительный строй даже и здесь, в смысле искренности итогов такой борьбы, имеет решительное преимущество перед предшествовавшими ему режимами (Кудрин, 1904: 556).

Приведя доводы в защиту французского парламентаризма и парламентаризма вообще, Н.С. Русанов замечал, что в настоящее время все более становится очевидным, что в старых рамках западноевропейского парламентаризма вырабатываются новые приемы политического общения. При этом сохраняется неискоренимое несовершенство современного парламентаризма, суть которого заключается в том, что сумма голосов избирателей не может в точности выражать различные оттенки мнений, интересов и потребностей всего общества, как и «суммирование депутатских голосов по данному вопросу точно так же не может дать решения, удовлетворяющего всем отдельным воззрениям, представленным в палате» (Кудрин, 1904: 556). Публицист признавал, что устранить это основное несовершенство невозможно, не устраняя классового характера самого общества. Поэтому в перспективе, по его мысли, на первое место должно выйти так называемое прямое законодательство народа, характерное для первобытных демократий и некоторых старых швейцарских кантонов (Кудрин, 1904: 557).

Определенное внимание на страницах «Русского богатства» уделялось и проблемам парламентаризма в Австро-Венгрии. Как и Российская империя, двуединая монархия, являлась сложным, многонациональным и многоконфессиональным государством, с большими диспропорциями в уровне социально-экономического и культурного развития ее регионов.

С.Н. Южаков и Л.В. Василевский отмечали, что представители многочисленных народов двуединой империи использовали парламентскую трибуну для отстаивания своих коллективных национальных интересов (Южаков, 1905; Василевский, 1906b). Одновременно с этим первый из указанных авторов считал «главным, основным недугом» империи Габсбургов «чудовищное развитие национализма», парализовавшего политическую жизнь и всю систему управления страны. Особенно это проявлялось в Австрийской части монархии, Цислейтании (Южаков, 1905: 91). Именно ситуации в этой части Австро-Венгрии уделяли основное внимание публицисты «Русского богатства».

После падения кабинета К. Бадени (1897) в Цислейтании наступил период политической нестабильности, которая была вызвана тем, что законотворческая деятельность австрийского рейхсрата была практически парализована вследствие противостояния депутатов, представлявших различные этнические группы. Особо конфликтными были взаимоотношения между австрийскими немцами и чехами (Шимов, 2003: 377).

Главной проблемой австрийской части двуединой монархии легальные народники считали взаимоотношения чешского и немецкого населений. Чехи проявляли крайнее недовольство Соглашением 1867 г., в соответствии с которым произошла трансформация прежней Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию. Они правомерно считали себя народом, равным венграм. Многие чешские политики выдвигали требование о преобразовании Австро-Венгрии в триалистическую Австро-Венгро-Чехию. Руководители основной политической силы в Чехии, партии младочехов, с одной стороны, не хотели обострять ситуацию и стали на путь компромиссов, с другой – они эффективно использовали тактику парламентской обструкции, состоящую в том, чтобы бесконечно длинными речами и постоянно вносимыми поправками к каждому параграфу рассматриваемого предложения затягивать парламентские прения и не давать правительству провести необходимые проекты. Результатом применения этой тактики являлось то, что правительство нередко шло на уступки чешским депутатам в обмен на их голоса во время принятия важных законов (Василевский, 1906b).

С.Н. Южаков обращал внимание на то, что в борьбе с притязаниями венгерских элит, стремившихся к большей самостоятельности Транслейтании, австрийское правительство могло рассчитывать на все партии, представленные в рейхсрате. Однако его противостояние с чешскими депутатами могло парализовать всякую деятельность парламента. Так, в 1902 году премьер-министр Кербер попробовал разрешить вопрос о языках законом, внесенным в рейхсрат. Этим законом право чешского языка хотя и получало некоторое признание, но государственным языком всех стран чешской короны (Богемии, Моравии и австрийской Силезии) объявлялся язык немецкий. Три чешские партии (феодалы, старочехи и младочехи) объявили, что закон этот нарушает конституцию и открыли против министерства парламентскую обструкцию, которой их «так основательно научили немцы в борьбе с кабинетом графа Бадени» (Южаков, 1902a: 163). Задержка с чешско-немецким соглашением приостановила всякую законодательную деятельность австрийской половины. То немцы, то чехи прибегали в парламенте к обструкции, смотря по тому, на чью сторону склоняется правительство. Следствием подобного «разнузданного национализма» явилось то, что политическая жизнь страны была практически полностью парализована, что, по словам публициста, «ничего, кроме горя и бедствия, не готовило несчастным племенам, давно омраченным дикой нетерпимостью и взаимною ненавистью» (Южаков, 1902b: 142).

Реакцией на усиление роста межнационального противостояния явилась мысль у представителей правящей верхушки Австрии о восстановлении абсолютизма и бюрократического правления. Осуществление этой идеи не произошло, «благодаря в значительной мере невозможности согласовать этот государственный переворот с унией со свободною и парламентарною Венгрией» (Южаков, 1905: 90).

Л.В. Василевский, анализируя позиции политических партий Австрии в связи с обсуждением законопроекта о введении всеобщего избирательного права, предложенного руководителем австрийского правительства бароном Гаучем, констатировал тот факт, что нет ни одной партии, ни одной национальности, которые бы считали законопроект в том виде, в каком он был предложен парламенту 23-го февраля 1906 г., приемлемым (Василевский, 1906a: 90-91). Принципиальных противников вводимых Гаучем всеобщего избирательного права и уничтожения курий не оказалось. Самые крайние элементы среди немецких, чешских и польских консерваторов формулировали свои нападки на законопроект, исходя из других соображений.

Л.В. Василевский отмечал, что социал-демократические депутаты протестовали против крайне тенденциозной так называемой «избирательной геометрии», выражающейся в невыгодной нарезке избирательных округов, при которой часто предместья и пригороды, населенные рабочим классом, прирезались к сельским округам. В более крупных городах центральная часть города, лишенная фабрик и заводов, выкраивалась в самостоятельный округ, гарантирующий выбор не социалистического депутата. Социал-демократы требовали избирательного права для каждого гражданина, достигшего 20 лет, хотя в Австрии совершеннолетним считался только тот мужчина, который достиг 24-летнего возраста. Это мотивировалось тем, что для рабочего настоящая жизнь начинается уже с 18 лет и что средний срок жизни пролетария равняется всего 40 годам. В лице

социал-демократов законопроект барона Гауча приобрел решительных сторонников, и социал-демократические депутаты энергично выступали в парламенте против его противников.

Публицист акцентировал внимание на том, что противники законопроекта выступали против него либо по социальным соображениям, либо по причинам национального характера. Классовые привилегии было легче защищать под национальным знаменем, доказывая, что их уничтожение «вредит национальным интересам данной народности» (Василевский, 1906а: 92).

Л.В. Василевский был убежден, что проведение демократической избирательной реформы в Австрии неизбежно приведет к ослаблению и гегемонии немецкого элемента, к уничтожению его привилегий. Славянские национальности усиливались и оттесняли немцев на задний план при каждом шаге государственного организма Австрии по пути демократизации (Василевский, 1906а: 93-94). Правые же депутаты из числа австрийских немцев соглашались на всеобщее избирательное право только в том случае, если бы за немцами осталась привилегия, выраженная в том, что голос немецкого избирателя имел бы большее значение, нежели голос чеха или словенца. Как отмечал указанный автор, противники законопроекта из числа австрийских немцев заявляли, что демократизированный парламент не совладеет с такими непосильными задачами, как упорядочение отношений к Венгрии, сохранение военной силы и традиционной внешней политики Австрии (Василевский, 1906а: 95).

Что касается немецких антисемитов, то, как отмечал Л. Василевский, они также требовали увеличения количества немецких депутатских полномочий. Они старались «подставить ножку» главным своим соперникам, социал-демократам, выступая, например, за то, чтобы избирательным правом пользовались только граждане, достигшие 30-летнего возраста, или, чтобы выбирать мог только тот, кто живет в общине не менее пяти лет. Большая же часть чехов требовала одновременно с реформой избирательного закона и расширения компетенции областных сеймов, в которые было бы перенесено решение национальных вопросов из центрального парламента (Василевский, 1906а: 95).

Положение, как считал указанный автор, усложнялось тем обстоятельством, что во внутренней жизни Австрии весьма велика была роль Галиции, территории, где польское меньшинство претендовало на управление русинской территорией, его восточной части, а также наличием многочисленного еврейского населения, живущего компактными группами. В рейхсрате активно занимался отстаиванием интересов как Галиции в целом, так и особенно польской части его, влиятельный парламентский клуб – «Польское Коло» (Василевский, 1906а: 95). Названный законопроект был принят с симпатией польскими социалистами и крестьянской народнической партией, а также демократической группой «Кола», которые считали Галицию обиженной тем, что место 78 депутатов она должна была получить, по проекту, 88. Фракция «Кола» выставила требование 95 депутатских полномочий для Галиции (Василевский, 1906а: 96).

Что же касается польских консерваторов, то, как отмечал Л.В. Василевский, они не поддерживали демократизацию закона о выборах. Это объяснялось тем, что господство польских консерваторов в Галиции опиралось исключительно на избирательных привилегиях феодалов. Демократизация избирательного права и особенно упразднение куриЙ являлись для них смертельным ударом (Василевский, 1906а: 96-97).

Л.В. Василевский обращал внимание на то, что представители русинского национального комитета, в целом поддерживая избирательный законопроект, в то же время протестовали против его части, в которой регулировалось распределение депутатских мандатов от Галиции. Они выступали против неравенства прав представительства различных национальностей и особенно против несправедливого отношения к русинам. Представители комитета выступали против расширения автономии Галиции, выгодоприобретателями которого, по их мнению, были в основном поляки (Василевский, 1906а: 97-98).

Барону фон Беку, премьер-министру Австрии с 1906 по 1908 гг., все же удалось провести в жизнь реформу избирательного законодательства. Куриальная избирательная система была ликвидирована. Впрочем, всеобщее избирательное право введено было только для мужчин (Воцелка, 2007: 318).

И.К. Брусиловский рассмотрел результаты первых после введения всеобщего избирательного права выборов в Австрии. *Он отмечал, что участие избирателей в австрийских выборах 1907 года было очень велико. Ни в одной провинции число голосовавших не было ниже 60 %. В большинстве случаев он поднимался до 92 и даже до 96 % (Брусиловский, 1907: 152). Автор приходит к выводу, что введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права в Австрии повлекло за собой усиление притока избирательной массы к политической жизни и «явилось тем оружием, которое оказалось наиболее пригодным для того, чтобы заставить выступить на историческую сцену народные массы» (Брусиловский, 1907: 153). Публицист признавал, что «всеобщее голосование не преобразовало одним ударом физиономию парламента, не обратило его из явно реакционного в явно прогрессивный». Тем не менее оно внесло в него изменения, которые чрезвычайно важны. Он писал, что «всеобщее избирательное право не волшебная палочка, одно прикосновение которой производит чудеса преобразования. Не произвело оно «чуда» и в применении к Австрии». Не было никаких оснований полагать, что клерикально-реакционные элементы будут*

далеко отброшены на задний план, как только в Австрии будет введено всеобщее избирательное право (Брусиловский, 1907: 160).

И.К. Брусиловский обращал внимание на то, что благодаря всеобщему избирательному праву могут вступить в открытое состязание разные политические и социальные программы, разные типы мировоззрений. Борьба их развертывается широко, захватывая «равнодушные» пласты населения (Брусиловский, 1907: 160).

Опыт парламентаризма в Германии на страницах «Русского богатства» анализировали А. Ковров, М.А. Рейснер (псевдоним Реус), В.А. Тимирязев, С.Н. Южаков.

Для политического устройства Германской империи было характерно сочетание бонапартизма и ряда внешних демократических черт, главной из которых было всеобщее право выборов в рейхстаг, но значительная часть населения не могла участвовать в выборах: лица обоего пола моложе 25 лет, военнотруженики, нищие. Функции рейхстага заключались в обсуждении проектов новых законодательных актов и утверждении бюджета (Германская история, 1970: 315-316, 331). Депутаты рейхстага, в том числе представлявшие проправительственные партии, редко назначались на ответственные посты в исполнительный орган. Вследствие этого наблюдались постоянное противостояние между рейхстагом и правительством и постоянная критика парламентскими политиками по поводу и без повода кайзера и правительства (Бюлов, 1934: 40; В.Т., 1893; В.Т., 1894а; В.Т., 1894б).

Публицисты «Русского богатства» обращали внимание на то, что полномочия рейхстага носили усеченный характер в сравнении с аналогичными органами во Франции и в Великобритании. Слабое влияние рейхстага на политическую жизнь объяснялось особенностями его правового статуса и огромным разнообразием представленных в нем политических партий. Так, весьма популярные среди избирателей социал-демократы, деятельность которых вызывала симпатии у народнических публицистов, не могли провести выдвигаемые ими прогрессивные законы ввиду отсутствия у них союзников в стенах рейхстага. Впрочем, и партии, представляющие интересы господствующих классов, зачастую придерживались диаметрально противоположных позиций по важнейшим вопросам жизни государства (В.Т., 1893; В.Т., 1894а; Ковров, 1897а; В.Т., 1894б; Ковров, 1897б; Реус, 1904).

А. Ковров отмечал, что главными факторами, ослаблявшими интерес в народе к рейхстагу, являлись большая зависимость этого органа от «прочих факторов имперского законодательства» (Ковров, 1897а: 140), чрезмерной продолжительности введенного в 1887 году срока легислатуры, а также отсутствия вознаграждения для них. Абсентеизм членов рейхстага автор объяснял невозможностью для них длительное время жить за свой счет в Берлине. Он обращал внимание на то, что нередко «для кандидатуры в рейхстаг приходится завербовывать лиц, состоящих депутатами прусского ландтага, каковое звание оплачивается диетой в 15 марок за заседание» (Ковров, 1897а: 141). С другой стороны, из-за того, что национал-либералы и консерваторы плохо посещали заседания германского парламента, отсутствие депутатского вознаграждения, являвшееся, по замыслу властей, противовесом против усилившегося влияния социал-демократов, сделало последних «чуть ли не господами рейхстага» (Ковров, 1897а: 141).

А. Ковров, М.А. Рейснер, С.Н. Южаков осуждали стремление кайзера Вильгельма II к установлению абсолютной власти. Они отмечали всю тщетность этих попыток. Ведь власть кайзера Германии была ограничена рейхсратом, в котором заседали представители монархов государств, входящих в империю, а также рейхстагом, формировавшимся на основе всеобщего избирательного права и без санкции которого нельзя было распоряжаться средствами имперского бюджета. Прерогативы Вильгельма II как прусского короля также не были неограниченными. Он не мог проводить линию, противоречившую интересам юнкерства. Чиновничий аппарат, вышколенный и дисциплинированный, в ряде случаев действовал автономно. О конституционном характере власти императора, по мнению публицистов «Русского богатства», свидетельствовал и тот факт, что его деятельность подвергалась открытой критике в рейхстаге, на страницах газет и журналов, причем не только социал-демократических, но и консервативных. Император мог критиковаться и на митингах и собраниях, проводившихся вполне легально. Наконец, залогом конституционного характера его власти служил и высокий уровень общей и политической культуры немцев, в массе своей являвшихся противниками диктаторской власти (Ковров, 1897а; Ковров, 1897б; Ковров, 1897а; Южаков, 1902а; Реус, 1904).

5. Заключение

Публицисты легально-народнического журнала «Русское богатство» считали полезным использование опыта парламентаризма западных стран в процессе формирования в России конституционного государства, гарантирующего гражданские и политические права человека. Они считали маловероятным в ближайшей перспективе строительство социализма как в России, так и в странах Запада. Также делом отдаленного будущего они считали переход к прямой демократии. Легально-народнические авторы призывали учитывать и перенимать позитивный опыт западных государств, политическое устройство которых предоставляло трудящимся в рамках существующего строя реальные возможности для отстаивания своих экономических, политических, этнических

интересов и повышения уровня жизни. Это была типичная точка зрения народников-реформистов, построенная на необходимости постепенной демократизации общественной жизни. Публицисты «Русского богатства», будучи близки к объективной оценке реалий общественно-политической жизни стран Запада в конце XIX – начале XX веков, подводили своих читателей к мысли о том, что государство должно развиваться путем легальных мирных реформ.

Литература

- Баев, 2009** – Баев В.Г. Парламентаризм в России и Германии: эпоха становления (последняя треть XIX – начало XX вв.) // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2009. № 3. С. 175-181.
- Борискин, 2010** – Борискин В.В. Британский парламентаризм сквозь призму общественно-политической мысли России 50–60-х годов XIX века // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010. № 1. С. 132-137.
- Брусиловский, 1907** – Брусиловский И.К. Некоторые итоги австрийской избирательной статистики // *Русское богатство*. 1907. № 7. Отд. 2. С. 150-160.
- Бюлов, 1934** – Бюлов Бернгард фон. Воспоминания: пер. с нем. / Бернгард Бюлов; пер. под ред. и с предисл. В.М. Хвостова. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 562 с.
- В.Т., 1893** – [Тимирязев В.А.] В.Т. Хроника заграничной жизни // *Русское богатство*. 1893. № 7. Отд. 2. С. 78-98.
- В.Т., 1894а** – [Тимирязев В.А.] В.Т. Хроника заграничной жизни // *Русское богатство*. 1894. № 1. Отд. 2. С. 128-148.
- В.Т., 1894б** – [Тимирязев В.А.] В.Т. Хроника заграничной жизни // *Русское богатство*. 1894. № 2. Отд. 2. С. 101-124.
- Василевский, 1906а** – Василевский Л. (Плохоцкий). Борьба за реформу избирательного права в Австрии // *Русское богатство*. 1906. № 6. Отд. 2. С. 90-110.
- Василевский, 1906б** – Василевский Л. (Плохоцкий). Национальный вопрос и австрийские социалисты // *Русское богатство*. 1906. № 9. Отд. 2. С. 196-117.
- Вильгельм II, 1923** – Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918 / Перевод Д. Триуса. М.-П.: Издательство Л.Д. Френкель, 1923. 178 с.
- Воцелка, 2007** – Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика / Пер. с нем. В.А. Брун-Цеховского, О.И. Величко, В.Н. Ковалева. М.: Весь Мир, 2007. 512 с.
- Германская история, 1970** – Германская история в новое и новейшее время. [Текст]: В 2 томах. Том 1 / Ред. коллегия: акад. С.Д. Сказкин [и др.]. М.: Наука, 1970. 512 с.
- Дионео, 1903а** – [Шкловский И.В.] Дионео. Ирландский «ледоход» (Письмо из Англии) // *Русское богатство*. 1903. № 4. Отд. 2. С. 1-26.
- Дионео, 1903б** – [Шкловский И.В.] Дионео. Очерки современной Англии. СПб.: Редакция журнала «Русское богатство», 1903. 558 с.
- Дионео, 1906** – [Шкловский И.В.] Дионео. Неприкосновенность личности и жилища. СПб., 1906. 19 с.
- Дионео, 1907а** – [Шкловский И.В.] Дионео. Из Англии // *Русское богатство*. 1907. № 7. Отд. 2. С. 28-57.
- Дионео, 1908** – [Шкловский И.В.] Дионео. На темы о свободе. Ч. 1. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. 352 с.
- Дионео, 1914** – [Шкловский И.В.] Дионео. Письма из Лондона // *Вестник Европы*. 1914. № 4–6. С. 598-604.
- Дионео, 1915** – [Шкловский И.В.] Дионео. Меняющаяся Англия. М.: Кн-во писателей, 1915. 215 с.
- Зотов, 2014** – Зотов С.А. Реформа британского парламента 1867 года по материалам российских журналов 60-х гг. XIX века // *Via in tempore. История. Политология*. 2014. № 21 (192). С. 58-64.
- Кареев, 1916** – Кареев Н. История Западной Европы в начале XX столетия. (1901–1914): Международные отношения до 1907 г. Внутренняя политика отдельных стран до 1914 г.: Ч. 1, гл. 1–8. СПб., 1916. XVI. 388 с.
- Ковров, 1895** – [Ковров А.] А.К. Из Германии // *Русское богатство*. 1895. № 7. Отд. 2. С. 113-128.
- Ковров, 1896** – Ковров А. Из Германии // *Русское богатство*. 1896. № 10. Отд. 2. С. 84-98.
- Ковров, 1897а** – Ковров А. Из Германии // *Русское богатство*. 1897. № 3. Отд. 2. С. 133-142.
- Ковров, 1897б** – Ковров А. Из Германии // *Русское богатство*. 1897. № 6. Отд. 2. С. 83-96.
- Ковров, 1897с** – Ковров А. Из Германии // *Русское богатство*. 1897. № 7. Отд. 2. С. 96-107.
- Котов, 1980** – Котов С.А. Английский политический строй на рубеже XIX–XX веков в освещении русской либерально-буржуазной публицистики // *Проблемы Британской истории*. М., 1980. С. 217-226.
- Кривоногова, 2007** – Кривоногова С.А. Восприятие опыта британского парламентаризма в русской либеральной публицистике конца XIX – начала XX века // *Вестник ЮУрГУ*. 2007. № 8 (80). С. 22-26.

Крымов, 2012 – Крымов А.В. Европейский либерализм и парламентаризм XIX века глазами русского консерватора // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 4–2 (18). С. 108-111.

Кудрин, 1904 – [Русанов Н.С.] Кудрин Н.К. (Н.Е.). Очерки современной Франции. 2-е изд. СПб.: Редакция журнала «Русское богатство», 1904. 612 с.

Матюхин, 2018 – Матюхин А.В. Либеральные проекты социально-политических преобразований в России: идеология и практика. М.: Университет Синергия, 2018. 302, [1] с.

Матюхин, 2021 – Матюхин А.В. Идея парламента в русской либеральной мысли XIX века // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. № 3. С. 225-237.

Мелкая земская единица, 1903 – Мелкая земская единица: Сборник статей. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. XV, 469 с.

Реус, 1904 – [Рейснер М.А.] Реус. Вильгельм II (Письмо из Германии) // *Русское богатство*. 1904. № 1. Отд. 2. С. 106-138.

Тетюева, 2016 – Тетюева Д.Д. Образ Великобритании в интерпретации российских публицистов второй половины XIX в. // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2016. № 3. С. 22-30.

Шимов, 2003 – Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. 606 с.

Южаков 1902a – Южаков С.Н. Политика // *Русское богатство*. 1902. № 10. Отд. 2. С. 150-164.

Южаков, 1902b – Южаков С.Н. Политика // *Русское богатство*. 1902. № 12. Отд. 2. С. 128-145.

Южаков, 1905 – Южаков С.Н. Политика // *Русское богатство*. 1905. № 4. Отд. 2. С. 81-97.

Merkulov et al., 2020 – Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V. The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 226-241.

Merkulov et al., 2017 – Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N. (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: The Question of the National Self-Determination of Scotland // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 764-775.

References

Baev, 2009 – Baev, V.G. (2009). Parlamentarizm v Rossii i Germanii: epokha stanovleniya (poslednyaya tret' XIX - nachalo XX vv.) [Parliamentarism in Russia and Germany: the era of formation (last third of the 19th - early 20th centuries)]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 3: 175-181. [in Russian]

Boriskin, 2010 – Boriskin, V.V. (2010). Britanskii parlamentarizm skvoz' prizmu obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii 50-60-kh godov XIX veka [British parliamentarism through the prism of socio-political thought in Russia in the 50-60s of the XIX century]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 1: 132-137. [in Russian]

Brusilovskii, 1907 – Brusilovskii, I.K. (1907). Nekotorye itogi avstriiskoi izbiratel'noi statistiki [Some results of the Austrian electoral statistics]. *Russkoe bogatstvo*. 7. Otd.2: 150-160. [in Russian]

Byulov, 1934 – Byulov Berngard fon., (1935). Vospominaniya. Berngard Byulov; per. pod red. i s predisl. V.M. Khvostova. [Memories. Bernhard Bülow] M.; L.: Gos. sots.-ekon. izd-vo. 562 p. [in Russian]

Dioneo, 1903a – [Shklovskii I. V.] Dioneo. (1903). Irlandskii «ledokhod» (Pis'mo iz Anglii). [Irish "ice drift" (Letter from England)]. *Russkoe bogatstvo*. 4. Otd. 2: 1-26. [in Russian]

Dioneo, 1903b – [Shklovskii I.V.] Dioneo (1903). Oчерки sovremennoi Anglii [Sketches of modern England]. SPb.: red. zhurn. «Russkoe bogatstvo», 558 p. [in Russian]

Dioneo, 1906 – [Shklovskii I. V.] Dioneo. Neprikosnovennost' lichnosti i zhilishcha. [Personal and home inviolability]. SPb., 1906. 19 p. [in Russian]

Dioneo, 1907a – [Shklovskii I.V.] Dioneo, (1907). Iz Anglii [From England]. *Russkoe bogatstvo*. 7. Otd. 2: 28-57. [in Russian]

Dioneo, 1908 – [Shklovskii I.V.] Dioneo (1908). Na temy o svobode. Ch. 1 [On the topic of freedom. Part 1]. SPb.: izd. M. V. Pirozhkova, 352 p. [in Russian]

Dioneo, 1914 – [Shklovskii I.V.] Dioneo (1914). Pis'ma iz Londona [Letters from London]. *Vestnik Evropy*. 4-6: 598-604. [in Russian]

Dioneo, 1915 – [Shklovskii I.V.] Dioneo. (1915). Menyayushchayasya Angliya [Changing England]. Moskva: kn-vo pisatelei, 215 p. [in Russian]

Germanskaya istoriya, 1970 – Germanskaya istoriya v novoe i noveishee vremya. V 2 tomakh. Tom 1 [German history in modern and contemporary times]. M.: Nauka, 1970. 512 p. [in Russian]

Kareev, 1916 – Kareev, N. (1916). Istoriya Zapadnoi Evropy v nachale XX stoletiya. (1901-1914): Mezhdunarodnye otnosheniya do 1907 g. Vnutrennyaya politika otdel'nykh stran do 1914 g.: Ch. 1, gl. 1-8. [History of Western Europe at the beginning of the XX century. (1901-1914): International relations before 1907 Domestic policy of individual countries until 1914: Part 1, Ch. 1-8.] SPb. XVI. 388 p. [in Russian]

Kotov, 1980 – Kotov, S.A. (1980). Angliiskii politicheskii stroi na rubezhe XIX-XX vekov v osveshchenii russkoi liberal'no-burzhuaznoi publitsistiki [English political system at the turn of the XIX-XX centuries in the coverage of Russian liberal-bourgeois journalism]. Problemy Britanskoi istorii. M., 1980. Pp. 217-226. [in Russian]

- [Kovrov, 1895](#) – [Kovrov A.] A.K. (1895). Iz Germanii [From Germany]. *Russkoe bogatstvo*. 7. Otd. 2: 113-128. [in Russian]
- [Kovrov, 1896](#) – *Kovrov, A.* (1896). Iz Germanii [From Germany]. *Russkoe bogatstvo*. 10. Otd. 2: 84-98. [in Russian]
- [Kovrov, 1897b](#) – *Kovrov, A.* (1897). Iz Germanii. [From Germany]. *Russkoe bogatstvo*. 6: Otd. 2: 83-96. [in Russian].
- [Kovrov, 1897c](#) – *Kovrov, A.* (1897). Iz Germanii [From Germany]. *Russkoe bogatstvo*. 7. Otd. 2: 96-107. [in Russian].
- [Kovrov, 1897a](#) – *Kovrov, A.* (1897). Iz Germanii [From Germany]. *Russkoe bogatstvo*. 3. Otd. 2: 133-142. [in Russian]
- [Krivonogova, 2007](#) – *Krivonogova, S.A.* (2007). Vospriyatie opyta britanskogo parlamentarizma v russkoi liberal'noi publitsistike kontsa XIX nachala XX veka [Perception of the experience of British parliamentarism in Russian liberal journalism of the late 19th early 20th century]. *Vestnik YuUrGU*. 8(80): 22-26. [in Russian]
- [Krymov, 2012](#) – *Krymov, A.V.* (2012). Evropeiskii liberalizm i parlamentarizm XIX veka glazami russkogo konservatora. [European liberalism and parliamentarism of the 19th century through the eyes of a Russian conservative]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4-2 (18): 108-111. [in Russian]
- [Kudrin, 1904](#) – [Rusanov N.S.] *Kudrin, N.K.* (N.E.). (1904). Ocherki sovremennoi Frantsii [Essays on modern France]. SPb.: redaktsiya zhurnala «Russkoe bogatstvo», 612 p. [in Russian]
- [Matyukhin, 2018](#) – *Matyukhin, A.V.* (2018). Liberal'nye proekty sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy v Rossii: ideologiya i praktika. [Liberal projects of social and political transformations in Russia: ideology and practice]. M.: Universitet Sinergiya, 302 p. [in Russian]
- [Matyukhin, 2021](#) – *Matyukhin, A.V.* (2021). Ideya parlamenta v russkoi liberal'noi mysli XIX veka. [The idea of parliament in Russian liberal thought in the 19th century]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 3: 225-237. [in Russian]
- [Melkaya zemskaya edinitsa, 1903](#) – *Melkaya zemskaya edinitsa: sbornik statei*. [Small zemstvo unit: collection of articles]. SPb.: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1903. XV, 469 p. [in Russian].
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov, P.A., Turin, E.A., Savinova, E.N.* (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: The Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. 45(3): 764-775.
- [Merkulov et al., 2020](#) – *Merkulov, P.A., Eliseev, A.L., Aronov, D.V.* (2020). The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation. *Bylye Gody*. 55(1): 226-241.
- [Reus, 1904](#) – [Reisner M.A.] *Reus*, (1904). Vil'gel'm II (Pis'mo iz Germanii) [Wilhelm II (Letter from Germany)]. *Russkoe bogatstvo*. 1. Otd. 2: 106-138. [in Russian]
- [Shimov, 2003](#) – *Shimov, Ya.* (2003). Avstro-Vengerskaya imperiya. [Austro-Hungarian Empire.] M.: Eksmo: Algoritm, 606 p. [in Russian]
- [Tetyueva, 2016](#) – *Tetyueva, D.D.* (2016). Obraz Velikobritanii v interpretatsii rossiiskikh publitsistov vtoroi poloviny XIX v. [The image of Great Britain in the interpretation of Russian publicists of the second half of the 19th century.]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 3: 22-30. [in Russian]
- [V.T., 1893](#) – [Timiryazev V.A.] *V.T.* (1893). Khronika zagranichnoi zhizni. [Chronicle of life abroad]. *Russkoe bogatstvo*. 7: Otd. 2: 78-98. [in Russian]
- [V.T., 1894a](#) – [Timiryazev V.A.] *V.T.* (1894). Khronika zagranichnoi zhizni [Chronicle of life abroad]. *Russkoe bogatstvo*. 1: Otd. 2: 128-148. [in Russian]
- [V.T., 1894b](#) – [Timiryazev V.A.] *V.T.* (1894). Khronika zagranichnoi zhizni [Chronicle of life abroad]. *Russkoe bogatstvo*. 2: Otd. 2: 101-124. [in Russian]
- [Vasilevskii, 1906a](#) – *Vasilevskii, L.* (Plokhotskii). (1906) Bor'ba za reformu izbiratel'nogo prava v Avstrii. [Struggle for the reform of electoral law in Austria]. *Russkoe bogatstvo*. 6: Otd. 2: 90-110. [in Russian]
- [Vasilevskii, 1906b](#) – *Vasilevskii, L.* (Plokhotskii). (1906) Bor'ba za reformu izbiratel'nogo prava v Avstrii. [The national question and the Austrian socialists]. *Russkoe bogatstvo*. 9: Otd. 2: 116-117. [in Russian]
- [Vil'gel'm II, 1923](#) – *Vil'gel'm, II.* (1923). Memuary. Sobytiya i lyudi. 1878-1918 [Memoirs. Events and people. 1878-1918]. M.-P.: Izdatel'stvo L. D. Frenkel', 178 p. [in Russian]
- [Votselka, 2007](#) – *Votselka, K.* (2007). Istoriya Avstrii. Kul'tura, obshchestvo, politika [History of Austria. Culture, society, politics]. M.: Ves' Mir. 512 p. [in Russian]
- [Yuzhakov 1902a](#) – *Yuzhakov, S.N.* (1902). Politika [Politics]. *Russkoe bogatstvo*. 10. Otd.2: 150-164. [in Russian]
- [Yuzhakov, 1902](#) – *Yuzhakov, S.N.* (1905). Politika [Politics]. *Russkoe bogatstvo*. 4. Otd.2: 81-97. [in Russian]
- [Yuzhakov, 1902b](#) – *Yuzhakov, S.N.* (1902). Politika [Politics]. *Russkoe bogatstvo*. 12. Otd.2: 128-145. [in Russian]

Zotov, 2014 – Zotov, S.A. (2014). Reforma britanskogo parlamenta 1867 goda po materialam rossiiskikh zhurnalov 60-kh gg. XIX veka. [Reform of the British Parliament in 1867 based on materials from Russian magazines of the 60s. XIX century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 21(192): 58-64. [in Russian]

Публицисты журнала «Русское богатство» об опыте парламентаризма в странах Запада (конец XIX – начало XX вв.)

Сергей Николаевич Касторнов ^{a, *}, Юлия Юрьевна Пономарева ^b,
Александра Павловна Червинская ^b, Оксана Вячеславовна Леонова ^b

^a Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация

^b Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Авторы, основываясь на публикациях журнала «Русское богатство», рассматривают оценки и взгляды легально-народнических авторов на проблемы парламентаризма конца XIX – начала XX вв. в Великобритании, Франции, Германии и Австро-Венгрии.

Изучение опыта западного парламентаризма представителями общественно-политической мысли России активизируется в начале XX века в связи с процессом формирования в нашей стране многопартийности и думской монархии. Публицисты «Русского богатства» считали полезным использование данного опыта в процессе формирования в России конституционного государства, гарантирующего гражданские и политические права человека. Легально-народнические авторы призывали учитывать и перенимать позитивный опыт западных государств, политическое устройство которых предоставляло трудящимся в рамках существующего строя реальные возможности для отстаивания своих экономических, политических, этнических интересов и повышения уровня жизни. Это была типичная точка зрения народников-реформистов, в мировоззрении которых присутствовали и социалистические, и либеральные элементы. Опыт парламентаризма Великобритании и Франции представлялся им более ценным по сравнению с опытом Австро-Венгрии и Германии.

Публицисты «Русского богатства» были близки к объективной оценке реалий общественно-политической жизни стран Запада в конце XIX – начале XX веков, подводили своих читателей к мысли о том, что основное направление развития государства должно быть поступательным, состоять из социально-экономических и политико-правовых, а не революционных преобразований.

Исследование показывает, что изучение легальными народниками идей парламентаризма и в настоящее время имеет свою актуальность с практической и научной точек зрения.

Ключевые слова: журнал «Русское богатство», общественная мысль, парламентаризм, легальное народничество, конституционное государство, политические реформы, Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия.

* Корреспондирующий автор

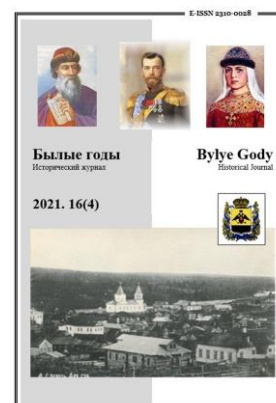
Адреса электронной почты: kastsergej@yandex.ru (С.Н. Касторнов), ponomarev julia799@mail.ru (Ю.Ю. Пономарева), sasha.m-87@mail.ru (А.П. Червинская), oks980@rambler.ru (О.В. Леонова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1935-1946
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1935

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The “Truth” and the “Falsehood” of the Suvorov Soldier: The Problem of Authorship of Ilya Popadichev's Memoirs

Tatiana A. Volodina ^{a, *}, Konstantin A. Podrezov ^a

^aTula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

For the first time in history researches, the article analyzes the specifics of the "Memoirs of a Suvorov Soldier" as a historical source. These memoirs have been widely used in non-fiction history literature and researches since their appearance (1895). On the basis of archival documents for the first time introduced into research the authors study the circumstances of its appearance, writing and publication. The authors analyze the motives and the role of each person who did his part to creating the text: retired soldier Ilya Popadichev, General I. N. Nazansky and military historian D. F. Maslovsky. As a result, the source appears as a comprehensive complicated text, in which various layers with different origins are highlighted. Using the facts of the military biography of real Ilya Popadichev, the authors explain the varying degrees of content accuracy and information completeness inherent in the book. Analyzing the letters of General Nazansky to the historian Maslovsky, the authors reveal the influence of various factors in the general's work on the memoirs: ideological and conceptual reasons as well as pragmatic and commercial considerations. The article reveals the role and significance of the Military-Scientific Committee of the General Staff in the formation mass-market book products intended for circulation in the troops. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that Popadichev's memoirs are not only a reflection of the military-historical realities of Suvorov time. To a large extent, they are evidence of the intentional efforts of the military department to indoctrinate the lower ranks, as well as the fact of the conceptual controversy in the field of military history researches of the late XIX century. The authors prove that was the reason for the serious role of D. F. Maslovsky in promoting Popadichev's memoirs. However, in this case, the positivist principles of science came into collision with the myth. The article reveals the depth of the moral dilemma faced by the military historian Maslovsky. Science demanded from him a critical analysis of the source, and his commitment to the "Russian school" values required the high merits of the memoirs to be claimed and recognized.

Keywords: "Memoirs of a Suvorov soldier", Popadichev, D. F. Maslovsky, military history researches.

1. Введение

Среди мемуарных источников XVIII – первой половины XIX вв. военная тема занимает прочные позиции. Однако только четыре сочинения принадлежат перу тех, кто тянул солдатскую лямку ([Записки Памфила Назарова, 1878](#); [Воспоминания Ивана Меньшого, 1874](#); [Воспоминания, 1895](#); [Старков, 1847](#)). Впрочем, далеко не все из этих воспоминаний выглядят убедительно в отношении «солдатскости» и аутентичности. В данной статье мы попытаемся проанализировать обстоятельства и причины появления «Воспоминаний суворовского солдата», которые очень часто именуется просто – «мемуары Попадичева».

Впервые это сочинение было напечатано в 1895 г. Имени автора на титуле не значилось, зато присутствовал солидный подзаголовок: «Издано при пособии Военно-ученого комитета Главного штаба. Под редакцией покойного Генерального штаба генерал-майора Д.Ф. Масловского».

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A. Volodina), kpodrezov@yandex.ru (K.A. Podrezov)

Повествование велось от лица неизвестного офицера, встретившего в 1854 г. в Пятигорске старика-ветерана, которому перевалило за сто лет. Этот седой отставной солдат, на груди которого красовались различные награды (медали за штурм Очакова, Измаила и Праги, георгиевский крест и медаль за 1812 г.), и рассказывает анонимному автору о своем боевом пути. Рассказчик выступает в книге под именем Ильи Осиповича Попадичева. Воспоминания его разделены на две части: «Драгун», которая посвящена службе в Смоленском драгунском полку, и «Гренадер», где описана его служба в Бутырском пехотном полку. В первой части Попадичев описывает события русско-турецкой войны 1787–1791 гг., сражения против армии Костюшко и штурм Праги, во второй – речь идет об итальянском и швейцарском походе Суворова.

Позднее в издательстве В.А. Березовского вышли два переиздания этой книги (1899 и 1907 гг.). Однако этим дело не ограничилось: в том же издательстве вышло несколько брошюр, которые были представлены публике как отдельные главы воспоминаний того же Ильи Попадичева (*Воспоминания. Очаков и Измаил, 1900; Воспоминания. 1812-й год, 1901; Воспоминания. Аустерлиц, 1903; Воспоминания. Отставка, 1907*). В этих брошюрах (на титуле или на последней странице) появились загадочные инициалы – Н.И.Н.

В связи со всем этим возникает целый комплекс вопросов. Откуда, собственно, взялся текст этих воспоминаний? Существовал ли на самом деле отставной суворовский солдат Илья Осипович Попадичев? Был ли он автором данных текстов? Когда они были написаны? Если в воспоминаниях описываются времена Суворова, то где находился столь драгоценный источник вплоть до конца XIX в.? Каким боком к этому изданию причастен Д.Ф. Масловский? И что за таинственная фигура обозначена инициалами Н.И.Н.? В данной статье мы попытаемся отыскать ответы на поставленные вопросы.

2. Материалы и методы

Помимо собственно воспоминаний Ильи Попадичева, основную роль в исследовании играют материалы, обнаруженные в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва, Российская Федерация) и Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва, Российская Федерация). Нами были использованы документы из личного фонда Д.Ф. Масловского (*ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16; Д. 52; Д. 53*), которые позволили раскрыть его роль в судьбе этих мемуаров. Были также использованы различные документы из фондов РГВИА, которые можно разделить на три тематические группы. Первая – касается документов, связанных с реальным Ильей Попадичевым: формулярные списки Смоленского драгунского полка за 1793 и 1799 гг. (*РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2583; Д. 2587*) и месячные ведомости Бутырского пехотного полка за 1812 г. (*РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Т. 1. Ч. 1. Д. 136*). Вторая – раскрывает реалии деятельности Военно-ученого комитета по рассмотрению сочинений, предназначенных для армии (*РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 26 за 1867 г.; Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 26 за 1894 г.*). Третья же – связана с документами, которые касаются карьеры и биографии представителей семейства Назанских (*РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132782; Ф. 400. Оп. 17. Д. 10466*).

В плане методологии в исследовании использовались общенаучные методы логического анализа, основанные на принципах историзма. При работе с архивными материалами и опубликованными источниками применялись принципы источниковедческого анализа и текстологии для выявления истории создания «Воспоминаний суворовского солдата», а также для реконструкции роли различных людей и институтов в данном процессе. Это позволило проанализировать мемуары Попадичева в контексте взаимодействия научных, идеологических и социокультурных факторов в формировании концептуального осмысления военной истории в конце XIX в.

3. Обсуждение

Судьба «Воспоминаний суворовского солдата» примечательна и парадоксальна. Когда в начале XX в. развернулось настоящее соревнование по написанию полковых историй, то авторы истории Смоленского полка, не мудрствуя лукаво, разделы, посвященные 1780–1790-м годам, писали практически «по Попадичеву» (*Годунов, Королев, 1908: 44-84*). Указания на «Воспоминания суворовского солдата» мы обязательно найдем во всех библиографических указателях литературы о Суворове. За последние десятилетия они даже неоднократно переиздавались (*Богуславский, 1953: 585, 588, 591; Лопатин, 2012: 128-129, 445; Охлябинин, 2004: 274-342; Слово Суворова, 2000: 58-107*). Особенно востребованы мемуары Попадичева среди исторических реконструкторов, которые считают их «непревзойденным источником для изучения истории военных походов, которыми по непонятным причинам пренебрегают академические историки» (*Преснухин, 2021*). Действительно, наблюдается некая закономерность: чем более популярный характер носит та или иная работа, тем более восторга вызывают мемуары Попадичева, в академических же исследованиях к ним относятся с известной настороженностью. Признанный корифей суворовской темы А.Ф. Петрушевский во втором издании своей книги, характеризуя вновь появившиеся публикации, упомянул и эти мемуары, но мягко выразил сомнение насчет достоверности их содержания: «Рассказчик помнит очень немного, ибо слова его записаны через столетие после излагаемых событий» (*Петрушевский, 1900: 806*). Эта туманная фраза Петрушевского порождает вопросы. А кто и когда, собственно, записал эти

рассказы и сколько лет рассказчику, если речь идет о событиях столетней давности, в которых он якобы принимал деятельное участие?

4. Результаты

Имя Масловского, вынесенное на обложку «Воспоминаний суворовского ветерана», безусловно, должно было вызывать у современников доверие к книге, ведь Дмитрий Федорович был известным военным историком, который пользовался заслуженным уважением в ученом мире благодаря прекрасным работам по военной истории XVIII века и глубоким архивным исследованиям. Окончив академию в 1873 г., Масловский был причислен к офицерам Генерального штаба. В боевых действиях он не участвовал, служил в основном при штабе Московского округа. Карьерный рост он обеспечил себе благодаря военно-историческим исследованиям. В 1889 г. этот московский полковник, получив объявленное в приказе «монаршее благоволение за труды по военной истории», был назначен адъюнкт-профессором в Николаевскую академию Генерального штаба. В 1890-е гг. Масловский уже получил чин генерал-майора, стал профессором и занял только что учрежденную в академии кафедру истории русского военного искусства (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 53. Л. 12-19).

В случае с «Воспоминаниями суворовского солдата» его имя добавляло изданию веса и даже создавало иллюзию, что сам Масловский, вероятно, и был тем самым «неизвестным офицером», который в 1854 г. записывал речи седого ветерана. Однако родился он в 1848 г. и, разумеется, никак не мог вести такие беседы в шестилетнем возрасте. Настораживает и еще один факт: Масловский умер в начале ноября 1894 г., а книга была опубликована в 1895 г. По понятным причинам покойный генерал-майор не мог подтвердить или опровергнуть факт своего «редакторства», а также объяснить, в чем именно оно состояло.

В фонде Д.Ф. Масловского сохранилась любопытная переписка, которая позволяет пролить свет на обстоятельства появления этой книги (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16). Письма принадлежат Ивану Николаевичу Назанскому, генерал-майору и командиру 2-й бригады 19-й пехотной дивизии, располагавшейся в Киевском военном округе. Первое письмо датировано 11 октября 1893 г., а последнее – 21 июня 1894 г. В деле, естественно, нет писем самого Масловского, мы слышим только одну сторону этого эпистолярного диалога. Тем не менее эта переписка позволяет нам в определенной степени восстановить историю взаимоотношений петербургского профессора и киевского генерала.

В фондах РГВИА сохранилось дело, относящееся к 1897–1898 гг., – «О производстве с увольнением от службы генерал-майора Назанского» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10466). Оно дает нам возможность ознакомиться с биографией Назанского и до некоторой степени обрисовать его психологический облик. Практика присвоения следующего чина с одновременным выходом в отставку была достаточно распространенной в армии, и Назанскому тоже предназначался при выходе в отставку чин генерал-лейтенанта, однако он принялся хлопотать, и достаточно настойчиво, об усиленной пенсии. В ходе рассмотрения его прошения всплыли некоторые нюансы, о которых речь пойдет ниже.

Родился Иван Назанский в 1822 г., происходил из дворян Новгородской губернии. Образование он получил в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, откуда был выпущен прямым в армию. В 1846–1848 гг. учился в академии Генерального штаба и окончил ее по 1-му разряду. Назанский участвовал в боевых действиях: в 1849 г. – в Австрии, в 1851–1855 гг. – на Кавказе, а в 1863 г. – в сражениях против польских повстанцев (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10466. Л. 62-72). Вероятно, был контужен, ибо в 1861 г. ему было разрешено «для облегчения болезненных припадков головы носить вместо кивера фуражку» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10466. Л. 66). Однако в этом успешном продвижении от прапорщика до генерала было одно темное пятно: в ноябре 1875 г. полковник Назанский попал под суд и был отставлен от службы – «за излишнее требование от казны денег и материалов на содержание нижних чинов и батальонных зданий, незаписание на приход вырученных от продажи экономических материалов, и другие преступления» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10466. Л. 46 об.). Короче говоря, Назанский проворовался. Только три года спустя ему удалось вернуться на военную службу с высочайшим повелением: «Понесенное наказание не считать препятствием к наградам по службе, не относя сего прощения к праву на получение знака о беспорочной службе» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10466. Л. 46 об.). Кстати, в 1898 г. генерал сумел-таки выхлопотать себе пенсию по повышенному разряду.

Какое интересное сочетание черт мы видим: достаточно высокий интеллектуальный уровень (за плечами академия), реальный боевой опыт, умение успешно выстраивать связи и коммуникации (с наименьшими потерями выскользнул из-под суда) и, наконец, не слишком щепетильное отношение к казенным деньгам и отчетной документации. Судя же по письмам его к Масловскому, Назанский был еще и тонким психологом. Он явно имел перед собой некую цель, к достижению которой решительно и устремился.

Первые письма исполнены изощренной лести. Назанский пишет о том, с каким глубоким интересом он следит за статьями Масловского в «Военном сборнике», какую великую задачу выполняет тот, обращаясь к изучению традиций русского воинского искусства, как была бы полезна

профессору помощь учащихся в академии офицеров в составлении карт и как низки его, Масловского, оппоненты, с которыми профессору даже не стоит вступать в полемику. Что могло быть слаще для военного историка, нежели прочесть: «В здешней библиотеке статью Петрова пришлось разрезать, потому что она не прочитана, а ваши статьи в № 8 и 9 «Военного сборника» все разрезаны, значит, офицерство их прочло... Всею виной проклятая компиляция – ваш оппонент нахватался этого духа и размазывает, бумага все терпит» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 9 об.). Здесь имеется в виду полемика между Масловским и военным историком, генерал-майором А.Н. Петровым. Оба занимались проблемами военной истории XVIII в., и в 1893 г. на страницах «Военного сборника» между ними развернулась своеобразная научная дуэль (Масловский, 1892а; Масловский, 1892b; Масловский, 1894; Петров, 1892; Петров, 1893а; Петров, 1893b). Заметим, кстати, что Петров в этой полемике отнюдь не выглядел «слабым компилятором».

Уже в ноябрьском письме Назанского ювелирно замаскирована наживка. Обсуждая тактику Суворова в 1794 г. (стремительность, погром врага, чтобы посеять панику по всей Польше), Назанский приводит текст солдатской песни суворовских времен о Мацеёвичах: «Слух Костюшки достигает, Сераковский в прах разбит...» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 7-7 об.).

Генерал Назанский раскрывает и обстоятельства, при которых он получил эту песню. Когда-то, в 1853 г. (впоследствии в тексте книги будет говориться о 1854 г.), он встретил в Пятигорске 105-летнего старика, чьи рассказы о боевом прошлом молодой офицер скрупулезно записывал, вот со слов этого-то старика и была записана песня. Дальнейшее предугадать нетрудно, не мог военный историк, который занимался XVIII веком, не заинтересоваться такой рукописью, и Назанский отправляет ее в Петербург. Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство: уже в ноябрьском письме Назанский поздравляет своего визави с избранием в члены Военно-ученого комитета (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 5).

Судя по письмам, объем этой рукописи был гораздо больше, нежели текст издания 1895 г. Все, что будет напечатано после 1895 г. отдельными брошюрами (Очаков, Измаил, Аустерлиц, война 1812 г., отставка), – все это в рукописи содержалось изначально. Помимо первых двух частей («Драгун» и «Гренадер»), в рукописи была еще и третья часть под названием «Бабушкин солдат», в которой шла речь о жизни в отставке: как Попадичев встречался с сиятельным князем М.С. Воронцовым и долго беседовал с ним, рассказывая о проезде Екатерины Великой, которую он видел собственными глазами во время ее путешествия на юг; как Воронцов выхлопотал ему пенсию и как сам император Николай Павлович при встрече с Попадичевым тепло назвал его «бабушкиным солдатом».

Если суммировать все тексты, которые печатались как «воспоминания Попадичева», то охват событий, свидетелем которых он был, поистине поражает. Он своими глазами видел, как во время путешествия Екатерины в Крым по бокам ее экипажа идут Потемкин в блестящем мундире и Суворов в скромном кителе. К его костру подсаживается неузнанный Суворов, ест, нахваливая, солдатскую кашу, а потом спит на земле, завернувшись в плащ. Он участвует в осаде Очакова и в штурме Измаила. Он рассказывает о неприязни Потемкина к Суворову. Он сражается при Мацеёвичах и принимает участие в штурме Праги, видит, как попадает в плен раненый Костюшко. Он проходит с Суворовым Италию и Швейцарию. На него накануне Аустерлица глядит в лорнетку император Александр. Он воюет с французами в 1812 г. и попадает к ним в плен. И наконец, как достойное завершение – он беседует с могущественным хозяином Новороссии князем Воронцовым. Родается законное сомнение: не слишком ли много для одного солдата?

И в этой связи мы возвращаемся к вопросу: зачем Назанскому понадобился Масловский? Он ведь и сам мог издать «Воспоминания суворовского солдата». Однако в таком случае это было бы воспринято как еще одно беллетризованное описание суворовских побед, вложенное в уста человека из простонародья. Это была бы далеко не новость, по мере складывания легендарного образа Суворова такого рода популярные сочинения уже не раз были напечатаны (Новаковский, 1867; Полевой, 1852; Потапов, 1845; Петрушевский, 1885). Лучше было не «светить» свое имя на обложке издания, формулировка «под редакцией Масловского» звучала гораздо более весомо, придавая изданию выверенный и академический характер, делая его «историческим источником».

Масловский в глазах Назанского мог являться эффективным драйвером в продвижении мемуаров Попадичева в силу еще двух причин – коммерческой и идейной. Первая, коммерческая, заключалась в том, что Масловский был членом Военно-ученого комитета Главного штаба. В пореформенное время в круг обязанностей этого органа, помимо всего прочего, входило «развитие военного образования в армии и грамотности в войсках», а также «рассмотрение сочинений, предназначенных для войск» (ПСЗРИ. № 46611 от 1 января 1869 г.; № 58773 от 14 августа 1878 г.). Те издания, которые получали одобрение комитета, включались в циркуляры Военного министерства как книги, одобренные к обращению в войсках. На практике, с тех пор как с 1859 г. в военном бюджете стали выделяться деньги на развитие грамотности и солдатского чтения (Библиотеки солдатские, 1911: 537), попадание издания в библиографическую обойму военного ведомства сулило ему коммерческий успех за счет массовости такого казенного спроса. Опытные издатели, представляя на рассмотрение Военно-ученого комитета свои книги, даже спешили прислать солидное количество (4–6 тыс.) отпечатанных рекламных листов, которые Главный штаб рассылал в войска вместе со

своими циркулярами (РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 26 за 1867 г. Л. 101). Косвенно это дает нам возможность представить потенциальную емкость рынка такой продукции.

В письмах Назанского содержится много черточек, которые позволяют думать, что о коммерческой стороне предприятия он думал серьезно. И очевидно, что вырученные деньги они договорились определенным образом разделить с Масловским. Генерал пеняет Масловскому, что с первоначально планируемой цены (50 коп.) тот предлагает снизить цену книжки вдвое, и добавляет: «Я искренне желаю, чтобы ваш высокоценный труд был хорошо оплачен» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 200б.). В это время сын его – Николай Иванович Назанский (вот и всплыл тот, кто скрывался за инициалами Н.И.Н.) – как раз переводился из армии в лейб-гвардию. Согласно послужному списку, поручик Назанский, 1868 года рождения, окончивший Киевский кадетский корпус и Павловское военное училище, летом 1893 г. держал экзамены в академию, но без успеха (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132782. Л. 110-115).

Следовало искать альтернативных путей карьерного роста, и в декабре 1893 г. Назанский-младший переводится в 1-й Лейб-гвардии стрелковый батальон, располагавшийся в Царском Селе. А в середине октября Назанский-старший написал первое письмо Масловскому. Вряд ли это было простым совпадением, связи и протекция в Петербурге сыну бы не помешали. Киевский генерал не скрывал и своего коммерческого интереса: «Желание мое состоит в том, чтобы сын мой при переводе в гвардию извлек из этого [публикации рукописи] средства на обмундирование и на необходимую обстановку» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 17 об.). О перспективах издания в случае его одобрения Военно-ученым комитетом он тоже был прекрасно осведомлен и (во всяком случае, в Киевском военном округе) распространение книги гарантировал. Он сообщал своему корреспонденту: «Сыну моему выслал выписку о частях, в которые Учебный комитет мог бы выслать указанное по числу рот, эскадронов и батарей число экземпляров с представлением за них денег. Таким образом, издание быстро бы разошлось, с избытком вознаградив за труд всех» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 220б.). Кстати, заметим, что ожидания Назанского в этом плане полностью оправдались. «Воспоминания суворовского солдата» попали и в циркуляры Главного штаба, и в серию «Солдатская библиотека», издаваемую В.А. Березовским, и в каталоги книг, рекомендованных кадетам (Каталог, 1907: 77)¹.

Вторая причина, которую можно назвать «идейно-концептуальной», была гораздо серьезнее и глубже. Дело в том, что в военно-исторической науке того времени (которая была сосредоточена в первую очередь в стенах академии) достаточно четко выделялись два крыла: «русская» и «академическая» школа. Вопрос о научных столкновениях и подводных течениях в Николаевской академии мало изучен в исторической науке, если он и рассматривался, то главным образом в контексте вопроса подготовки офицерских кадров или же в связи с историей Генерального штаба (Зайончковский, 1952: 230-233; Mayzel, 1975; Wildman, 1980). Однако еще Л.Г. Бескровный отмечал феномен, который проявился в стенах академии в пореформенное время – развернувшуюся борьбу между академической и русской школой (Бескровный, 1962: 182-188). Представители русской школы делали акцент на самобытности и превосходстве русского военного искусства по отношению к европейскому. Академисты же подчеркивали единые закономерности в развитии военного искусства как такового и связывали эти закономерности с социальными, историческими и техническими факторами. Своеобразной иллюстрацией (конечно, упрощенной), символизирующей различие в подходах этих двух школ, может служить эпизод из жизни молодого М.Д. Скобелева во время учебы его в академии. На практических испытаниях ему было дано задание отыскать и обосновать место переправы через Неман, для чего требовалось провести рекогносцировку всего течения реки. Скобелев не двинулся с места, а когда явилась экзаменационная комиссия во главе с генералом Г.А. Леером, вместо всяких выкладок и расчетов он вскочил на коня и переправился через реку туда и обратно (Немирович-Данченко, 1903: 9).

Масловский как раз и был одним из лидеров русской школы. Это чувствовали и понимали современники, это сознавал и сам Масловский. Недаром он бережно хранил в своем архиве список статьи из «Московского листка» и незадолго до смерти сделал на ней пометку, как будто оставляя завещание: «Эта заметка – для моего Сергея [сын Масловского]. Принадлежит перу Е.В. Барсова. Он чувствовал искренность и даже святость моих убеждений» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 52. Л. 20б.). А статья действительно была прелюбопытная, исполненная гнева и сарказма в адрес академии и Петербурга. В ней московский историк как невиданный случай отмечал первое избрание москвича в адъюнкт-профессоры военной академии, указывая, что работы Масловского кардинально отличаются от «работ петербургской военной фабрикации». История русского военного искусства, по его мнению, находится там в небрежении, пишется «исключительно из немецких книжек и сквозь немецкую призму», а курс военной русской истории и вовсе много лет не преподается. В глазах Барсова появление Масловского в академии послужит «к утешению всех русских сердец» (Барсов, 1889).

Именно поэтому в своих научных исследованиях Масловский обращался к сюжетам XVIII столетия, именно поэтому главными героями в его работах были Петр I, Румянцев, Потемкин и,

¹ Различные части «Воспоминаний суворовского солдата» входили в комплекты серии «Солдатская библиотека» В.А. Березовского (комплект 9, № 175; комплект 13, № 250, 252, 253)

конечно, Суворов. Масловскому «был нужен» Попадичев как подтверждение эффективности формирования особенных нравственных качеств русского солдата и особенных взаимоотношений между солдатами и их полководцами в российской армии. Вот почему Назанский и выбрал его для продвижения «Воспоминаний суворовского солдата». Впрочем, необходимо отметить, что киевский генерал и сам придерживался сходных взглядов. Множество замечаний рассыпаны в его письмах, и явно не только для того, чтобы подольститься к Масловскому: «Наука побеждать» явилась раньше мыслей Наполеона! Но какая-то злая судьба-мачеха всегда толкала нас в неметчину... Главнокомандующий русской армией должен быть природный русский человек! Великая истина!.. Вот те тайны военного искусства, которые не подлежат книжному изучению, а совмещаются в личности самого Вождя [Суворова]» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 16-16 об., 27). У Назанского то и дело проскальзывают нотки скепсиса в отношении постмилютинской армии: «Неужто нынешние военные писатели будут так наивны, что, возмечтав о превосходстве нынешнего скоропеченого солдата над прежним, ...откажут нашим отцам и дедам в их значении» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 22).

В общем, они нашли друг друга. В 1893 г. поручик Назанский (т.е. сын) обратился с ходатайством в Военно-ученый комитет, в котором сообщал, что владеет рукописью воспоминаний суворовского солдата, «достоинство которой засвидетельствовано членом Военно-Ученого комитета генерал-майором Масловским». Поручик просил разрешения напечатать ее в «Военном сборнике» с примечаниями Масловского, а ему, Назанскому, «оказать спомоществование», выдав 4 тыс. экземпляров отдельной книжкой в качестве чтения для солдат (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 26 за 1894 г. Л. 199). Задумано было неплохо: напечатать мемуары Попадичева в самом значительном органе военной периодики, под патронажем Масловского, да еще и получить за казенный счет тираж, который гарантированно разоидется по войсковым частям.

По установленной процедуре два члена комитета должны были дать свое заключение по поводу представляемого сочинения. В данном случае это были Н.Ф. Дубровин и Н.А. Орлов¹. В деле сохранилось письмо Масловского к Орлову (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 26 за 1894 г. Л. 200-203). В письме он дает очень высокую оценку научным достоинствам воспоминаний, которые, по его мнению, «превосходят известные «Рассказы старого воина»². Масловский настаивает, что обычного гонорара за публикацию в «Военном сборнике» в этом случае будет недостаточно, и предлагает выделить Назанскому дополнительно 1600 руб. Он подтверждает, что готов снабдить публикацию примечаниями и просит комитет серьезно подойти к рассмотрению этой рукописи. Масловский в это время уже тяжело болен. Извиняясь перед Орловым за то, что не приехал к нему лично, он объясняет: «Каждая поездка, даже в Главный штаб, вызывает усиление боли от тряски и даже кровь» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 26 за 1894 г. Л. 201).

Казалось, что счастливая судьба «воспоминаний Попадичева» уже решена. И вдруг что-то пошло не так. Отзвук этого мы находим в письмах Назанского, который пишет Масловскому: «Очень сожалею, что Суворовский солдат наделал вам массу беспокойств» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 25). Из писем ясно, что идея публикации в «Военном сборнике» оказалась неосуществима, что при обсуждении рукописи рецензенты стали указывать на явные фактические ошибки и несоответствия в тексте. Масловский и сам был высокопрофессиональным историком, дотошным и скрупулезным, прекрасно знакомым с приемами критики источников. Он обладал большим опытом архивных изысканий и публикации источников. Принявшись за работу над примечаниями, он не мог не заметить странностей текста. Сначала он приходит к выводу, что нужно вообще исключить из публикации Очаков, Измаил, Аустерлиц, 1812-й год и жизнь в отставке (очевидно, эти фрагменты вызывали наибольшие сомнения по части аутентичности). А потом и вовсе пишет Назанскому письмо с обширным перечнем несообразностей, которые ставили вопрос о достоверности воспоминаний в целом. Мы можем судить об этом перечне лишь по ответам Назанского, который всеми правдами и неправдами пытался выгородить своего героя.

Среди вопросов Масловского были, например, следующие. Как мог Попадичев участвовать в штурме Измаила, если Смоленский драгунский полк был выведен с театра военных действий 14 марта 1789 г., а Измаил был взят только в декабре 1790 г.? Да и с итальянским походом все выходило как-то смутно: непонятно, в составе какой части он мог попасть в Италию. Почему Попадичев называет Багратиона и Милорадовича, но не упоминает своих непосредственных командиров? Как он мог понимать смысл стратегических маневров, роль корпуса Корсакова и т.п.?

Вот тут Назанскому пришлось несладко, он пускает в ход различные аргументы. Во-первых, старик за старостью мог многое забыть или перепутать, мог и прихвастнуть для красного словца. И рядом – противоположное: «Думать, как он мог знать то и это – жалкое заблуждение... У Суворова не пустые слова были, что каждый рядовой должен понимать свой маневр, а начальники должны чертежам давать наглядное объяснение... К тому же Попадичев был грамотным унтер-офицером. Был

¹ Генерал-майор Николай Федорович Дубровин и полковник Николай Александрович Орлов – военные историки, оба в это время состояли членами Военно-ученого комитета и были авторами работ по военной истории XVIII в.

² Здесь имеется в виду издание М.П. Погодина: Рассказы Старого воина о Суворове. Москва, 1847.

часто назначаем ординарцем и мог слышать разговоры начальствующих лиц» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 21). В Италию, утверждает Назанский, он попал не со своим полком, а в составе сводного гренадерского батальона Санаева. «Что же касается до того, что батальон Санаева существовал, то в этом я вам поручаю, и отвечаю, чем хотите – военную историю я знаю хорошо... Известно, что тех сводных гренадерских батальонов было всего 4, которые назывались по именам своих командиров... Названия их имеются в оправдательных документах, приложенных к Истории Суворова 1799 г., составленной Милютиним... Где упомянуто его имя [Санаева], там ищите и старика, и приписывайте в текст его участие, округляйте и исправляйте рукопись, иначе обойтись нельзя» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 25 об., 26 об.). Здесь имеется в виду фундаментальная работа Д.А. Милютина «История войны России с Францией в 1799 г.» (2-е изд. 1857 г.), по которой можно было документально проследить боевой путь батальона Санаева (Милютин, 1857: 169, 195, 202, 203, 220, 331, 489, 535, 547, 555, 643).

После таких откровенных советов у Масловского не могло не зародиться подозрение: а уж не делал ли это все сам Назанский, «округляя и исправляя» текст и справляясь при случае с военно-историческими монографиями? А Назанский идет далее и почти сбрасывает маску: «Взгляните на дело несколько хладнокровнее... Вы задались целью прославить русское военное искусство в век Екатерины, Румянцева и Суворова. Я даю вам живой образчик этого. Вы делаете ему примечания, выводите его на пьедестал [подчеркнуто в оригинале]. И вдруг из-за Измаила, который старик мог спутать с другим турецким городом, Вы лишаете его даже права быть предметом прочтения образованными людьми в «Военном сборнике». Кто потеряет? Я или Вы?» (ОР РГБ. Ф. 563. Карт. 2. Д. 16. Л. 37-37 об.). А ведь он тем самым ставил Масловского перед нелегким моральным выбором. Попадичев действительно прекрасно «ложился» в концепцию историка об особом нравственном облике русского солдата, об особенных связях, которые формировались между солдатами и полководцами, об инструментах формирования этих связей. И в то же время от мемуаров Попадичева за версту тянуло «сочинительством».

Перед лицом такой дилеммы ученый все-таки одержал верх над представителем «русской школы». В архивном деле сохранилась телеграмма, которую 18 мая 1894 г. в адрес главы Военно-ученого комитета генерала Ф.А. Фельдмана отправил смертельно больной Масловский: «Подстрочная оценка рассказа Суворовского солдата обнаруживает крупную путаницу. Испрашиваю обождать ходатайством пособия Назанскому» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 26 за 1894 г. Л. 265). Становится ясным, почему «Воспоминания суворовского солдата» с указанием редакторства Масловского были опубликованы только после его смерти. А уже позднее предприимчивый и рачительный поручик Николай Иванович Назанский (Н.И.Н.) представил изначально забракованные Масловским фрагменты (Очаков и Измаил, Аустерлиц, 1812 год, жизнь в отставке) в издательство В.А. Березовского (в самом деле, не пропадать же добру). Издания Березовского никак не претендовали на статус «научности и достоверности». В комплекты «Солдатской библиотеки» целенаправленно отбиралось то, что рассматривалось как поучительное и занимательное чтение для солдат и народа. Однако на этот шлейф популярных брошюр все равно ложился отсвет «Воспоминаний суворовского солдата», которые всегда на титуле имели подзаголовок «под редакцией покойного Генерального Штаба генерал-майора Д.Ф. Масловского».

Остается главный вопрос: а, собственно говоря, был ли Попадичев? Встречал ли молодой офицер в действительности седоусого ветерана в Пятигорске, который рассказывал ему о сражениях прежних времен? Это мы можем проверить. В фондах РГВИА сохранились формулярные списки Смоленского драгунского полка, и в списках за 1793 и 1799 годы значится Илья Осипов сын Попадичев (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2583. Л. 79 об.-80; Д. 2587. Л. 89-91). Наиболее подробная информация о его службе содержится в списке за 1799 г., правда, название полка в это время звучит следующим образом – «драгунский фон Бринкена полк» (при Павле географические названия полков были отменены, они стали называться по имени командиров). Из документов видно, что в 1799 г. Попадичев все еще находился в Смоленском драгунском полку (а не в Бутырском пехотном и не в сводном гренадерском батальоне). В 1799 г. ему было 26 лет, т.е. родился он в 1773 г. Происходил он из дворян Воронежской губернии, о чем в полку имелось выданное от предводителя дворянства свидетельство. Поступил на службу в июле 1786 г. в Смоленский драгунский полк рядовым, а унтер-офицерское звание получил в 1798 г. Попадичев умел «читать и писать по-русски», однако не был аттестован (а это давало возможность для повышения в следующее звание) «за еще недовольную успешность поведения».

Здесь же перечислялось, в каких походах и делах против неприятеля он участвовал: во время турецкой кампании в охранении над бугским и днепровским лиманом (август–ноябрь 1787 г.) и в обсервационном корпусе в укреплении на реке Каланчак (апрель–декабрь 1788 г.). Заметим, расстояние между Каланчаком и Очаковым около двухсот верст. А вот в 1792–1794 гг. Попадичев действительно «находился в неоднократных сражениях с противной фракцией» (на бюрократическом языке так именовались польские войска, боровшиеся против второго раздела Польши). Он участвовал в битве под Щекоцинами, в сражении при Мацеёвицах, в бою под Кобылкой и в штурме Праги. Итак, мы можем с уверенностью сказать, что ни в штурме Очакова или Измаила,

ни в итальянском и швейцарском походе Суворова Попадичев участия не принимал. Что касается службы его в Бутырском полку (Аустерлиц, 1812-й год, попадание в плен к французам), нам удалось разыскать в фондах РГВИА дело, в котором представлены месячные рапорты, именные списки солдат и офицеров и ведомости Бутырского пехотного полка за февраль 1812 – январь 1813 гг. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Т. 1. Ч. 1. Д. 136). Однако в силу технических причин это дело сейчас недоступно для исследователей.

«Выдумать» Илью Осиповича Попадичева для Назанского было абсолютно невозможно. А вот встретиться с ним в Пятигорске Назанский вполне мог. Не будем забывать, что он в эти годы проходил службу в Кавказском корпусе, а Пятигорск был любимым местом лечения и отдыха офицеров, которые приезжали с линии. Пятигорск был полукурортным городом (из-за желающих поправить здоровье на водах) и полувоенным (из-за обилия боевых офицеров). Попадичеву в это время около 80 лет. Он был достаточно прагматичен, чтобы понимать, какой интерес будет возбуждать у военных фигура седого старика с георгиевским крестом и медалями за Очаков и Измаил. Интерес к своей особе, уважение, угощение и выпивку можно было легко обеспечить, рассказывая то, что офицеры желали услышать – «о доблестях, о подвигах, о славе» старого времени. Назанский, естественно, мог сделать конспективные записи рассказов старика, однако он не обладал знанием стенографии и не мог заставить Попадичева «надиктовывать» свои рассказы.

Исходя из всех выявленных нами архивных материалов, можно сделать вывод, что текст воспоминаний Попадичева представляет собой сложную многослойную структуру, некий конгломерат сведений, проистекающих из различных источников. Безусловно, здесь присутствует слой его личных воспоминаний, и особенно значителен этот слой в описании деталей быта. Назанский вряд ли мог бы придумать такую деталь, о которой рассказывает Попадичев, описывая отработку ружейных приемов на зимних квартирах. Чтобы не заниматься этим под дождем и снегом, солдаты выкапывали ямы в крестьянских избах так, «чтобы четыре человека могли стать в них свободно и делать все приемы, не доставая потолка» (Воспоминания, 1895: 7).

Следующий слой – те факты, которые Попадичев мог слышать от своих братьев по полку. Послужные списки Смоленского полка свидетельствуют, что в нем встречаются имена унтер-офицеров, которые участвовали и в штурме Очакова, и в боях под Аккерманом или Бендерами. Хотя состав нижних чинов в полках XVIII столетия был величиной гораздо более постоянной, нежели состав офицеров, перемещения и среди них были возможны. После лазарета отставший от своего полка солдат вполне мог оказаться в составе другой части. А там, конечно, начинались рассказы, информация передавалась и усваивалась. Однако нужно учитывать, что в процессе такой устной коммуникации текст неизбежно начинал приобретать фольклорные черты.

Рассказывая о походе в Италию, Попадичев, например, описывает большой каменный мост, по которому они переправились через Дунай вскоре после Праги. «Мост, я вам доложу, сработан отлично; посредине устроен подъем для прохода судов, и так это все на нем ловко прилажено, что просто загляденье. Такого моста я и не видывал; на противной стороне был большой город, названья его не припомню» (Воспоминания, 1895: 73). Добавим от себя, Попадичев и не мог его видеть. Речь здесь идет о Каменном мосте в Регенсбурге¹. Для того времени это был единственный мост через Дунай между Веной и Ульмом, и в период 1636–1791 гг. на нем действительно был разводной пролет, который из-за дороговизны содержания в 1791 г. был демонтирован, так что после этой даты видеть его было никак невозможно. Не мог такую деталь для убедительности вставить и Назанский. Совершенно ясно, рассказ о такой диковинке (в Петербурге первый разводной мост появился только в 1850 г.) бытовал в солдатской среде еще со времен Семилетней войны и передавался из уст в уста.

Кроме того, мы не можем исключать использование Попадичевым популярной литературы о Суворове для насыщения своего рассказа некими именами и географическими названиями. Такого рода сочинения к середине XIX в., как указывалось выше, уже были опубликованы, а Попадичев был достаточно грамотен, чтобы воспользоваться какими-нибудь «рассказами о Суворове для воспитанников военно-учебных заведений».

Автором же текста как такового выступает в нашем случае Иван Николаевич Назанский. Безусловно, он имел в своем распоряжении какие-то конспективные заметки, сделанные в Пятигорске. Однако, используя эти записи, он «сочинял» мемуары Попадичева, встраивая в них подходящие факты и события. Заимствуя у Милотина сведения о батальоне Санаева, он тем самым «легализовывал» рассказы Попадичева об участии в итальянском и швейцарском походе. Недаром в той части воспоминаний, где речь идет о событиях, в которых Попадичев действительно принимал участие, упоминаются имена командиров Смоленского полка (Г.И. Шевич, Ф.И. Тишинский [правильно – Кишенский], Н.А. Зубов, В.Н. Чичерин). При описании же сражений 1799 г. текст пестрит генералами и командирами корпусов (Милорадович, Багратион, Розенберг, Римский-Корсаков), а вот имен непосредственных своих командиров Попадичев почему-то не указывает.

¹ Авторы приносят искреннюю благодарность сотрудникам музея истории судоходства на Дунае (г. Регенсбург), а также г-ну Лоренцу Байблю (Lorenz Baibl), возглавляющему городской архив Регенсбурга, за справочную информацию касательно Каменного моста.

Трудным представляется вопрос об объеме редакторской правки, сделанной Масловским. Возможно, эта правка была минимальной. Как мы видели, сначала петербургский историк встретил рукопись с воодушевлением, однако по мере погружения в работу над примечаниями, он все более ясно видел несоответствия, для устранения которых требовалось не примечания составлять, а править сам текст. Эйфория сменилась разочарованием, и смертельно больной Масловский вряд ли был склонен тратить последние силы на «переписывание» сочинения генерала Назанского.

5. Заключение

Рассмотренные сюжеты проливают свет на обстоятельства появления «Воспоминаний суворовского солдата». Мы видим, что «мемуары Попадичева» не являются порождением собственно XVIII столетия, в не меньшей степени они выступают и фактом общего развития военно-исторической науки конца XIX в., со всеми присущими ей концептуальными противоречиями и столкновениями. Анализ особенностей этих мемуаров, их многослойной структуры, а также мотивов тех лиц, которые внесли свою лепту в процесс создания текста, – все это должно учитываться при работе с данным источником. И дело отнюдь не сводится к тому, чтобы доказать, что «Воспоминания суворовского солдата» составляют смесь из «баек старика-солдата» и литературного творчества генерала. На наш взгляд, они гораздо интереснее как факт сотворения «мифа о Суворове» – сначала в сознании солдат, а затем и в исторической памяти общества. Пусть Попадичев рассказывал свои небылицы молодым офицерам, перевирая события и даты, но в его рассказах, как в фокусе, отражалось главное – кристаллизация солдатских представлений об идеальном полководце, вслед за которым можно пойти хоть в пекло. Историческая же наука по природе своей (в нашем случае она нашла выражение в фигуре Масловского), проводя критический анализ и верификацию источников, выступает в роли природного оппонента мифа. Она разбирает его по кирпичикам, расчленяет по звеньям, стремясь провести деконструкцию мифа. Однако зачастую наука оставляет за скобками могучую иррациональную силу мифа и не пытается ответить на вопрос: а не сложился в солдатском сознании «миф о Суворове», был бы князь Италийский и граф Рымникский столь же успешен на полях сражений?

Литература

- Барсов, 1889** – Барсов Е.В. О научной деятельности Масловского в связи с избранием его адъюнкт-профессором военной Академии Генерального штаба // *Московский листок*. 1889. № 268 от 26 сентября.
- Бескровный, 1962** – Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. 318 с.
- Библиотеки солдатские, 1911** – Библиотеки солдатские // *Военная энциклопедия*. Т. 4. СПб., 1911. С. 537.
- Богуславский, 1953** – Богуславский Г.А. Перечень русской литературы о А.В. Суворове, 1756–1952 гг. // А.В. Суворов. Документы. Т. 4 / Ред. Г.П. Мещеряков. М., 1953. С. 534–661.
- Воспоминания Ивана Меньшого, 1874** – Воспоминания Ивана Меньшого. 1806–1822 // *Русская старина*. 1874. Том 10. С. 46–59.
- Воспоминания, 1895** – Воспоминания суворовского солдата / Ред. Д.Ф. Масловский. СПб., 1895. 90 с.
- Воспоминания. Очаков и Измаил, 1900** – Воспоминания суворовского солдата. Очаков и Измаил. СПб., 1900. 26 с.
- Воспоминания. 1812-й год, 1901** – Воспоминания суворовского солдата. 1812-й год. Пребывание в плену у французов и освобождение. СПб., 1901. 22 с.
- Воспоминания. Аустерлиц, 1903** – Воспоминания суворовского солдата. Аустерлиц. СПб., 1903. 25 с.
- Воспоминания. Отставка, 1907** – Воспоминания суворовского солдата. Отставка. СПб., 1907. 35 с.
- Годунов, Королев, 1908** – Годунов В., Королев А. История 3-го Уланского Смоленского императора Александра III полка: 1708–1908 г. Т. 1. Либава, 1908. 331 с.
- Зайончковский, 1952** – Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. 368 с.
- Записки Памфила Назарова, 1878** – Записки солдата Памфила Назарова, в иночестве Митрофана. 1792–1839 гг. // *Русская старина*. 1878. Т. 22. № 8. С. 529–556.
- Каталог, 1907** – Каталог книг, одобренных для ротных библиотек кадетских корпусов. СПб., 1907. 143 с.
- Лопатин, 2012** – Лопатин В. С. Суворов. М., 2012. 447 с.
- Масловский, 1894** – Масловский Д. Заметка по поводу статьи «Ларго-Кагульская операция» г. Петрова // *Военный сборник*. 1894. № 2. С. 168–174.
- Масловский, 1892a** – Масловский Д. Ларго-Кагульская операция графа П.А. Румянцева (1769–1770 гг.) // *Военный сборник*. 1892. № 8. С. 191–220.
- Масловский, 1892b** – Масловский Д. По поводу статьи «Нарвская операция 1700 г.» г. Петрова // *Военный сборник*. 1892. № 10. С. 219–231.

- Милютин, 1857** – Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. Т. 3. Приложения. СПб., 1857. 652 с.
- Немирович-Данченко, 1903** – Немирович-Данченко В.И. Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. СПб., 1903. 358 с.
- Новаковский, 1867** – Новаковский В. Рассказы о Суворове. Чтение для народа. СПб., 1867. 69 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Охлябинин, 2004** – Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь Русской армии во времена суворовских войн. М., 2004. 345 с.
- Петров, 1892** – Петров А. По поводу Нарвской операции 1700 г. // *Военный сборник*. 1892. № 12. С. 231-255.
- Петров, 1893a** – Петров А. Ларго-Кагульская операция 1770 года (По поводу статьи г. Д. Масловского) // *Военный сборник*. 1893. № 12. С. 195-214.
- Петров, 1893b** – Петров А.Н. Влияние русско-турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства // *Военный сборник*. 1893. № 5. С. 5-34.
- Петрушевский, 1900** – Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. 2-е изд. СПб., 1900. 810 с.
- Петрушевский, 1885** – Петрушевский А.Ф. Рассказы про Суворова. СПб., 1885. 238 с.
- Полевой, 1852** – Полевой Н.А. Рассказы русского солдата. СПб., 1852. 125 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1830–1885.
- Потапов, 1845** – Потапов В.Ф. Александр Васильевич Суворов. Простонародный русский рассказ. М., 1845. 36 с.
- Преснухин, 2021** – Преснухин М. Краткая биография Ильи Осиповича Попадичева. [Электронный ресурс]. URL: <https://fligel-rota.ru/library/articles/kratkaya-biografiya-ili-osipovicha--poradicheva/> (дата обращения: 26.06.2021)
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Слово Суворова, 2000** – Александр Васильевич Суворов: Слово Суворова. Слово современников. Материалы для биографии / Сост. С.Н. Семанов. М., 2000. 555 с.
- Старков, 1847** – Старков Я.И. Рассказы Старого воина [псевд.] о Суворове. М., 1847. 482 с.
- Mayzel, 1975** – Mayzel M. The Formation of the Russian General Staff. 1880-1917. A Social Study // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1975. Vol. 16. No. 3/4 (Jul. – Dec., 1975), Pp. 297-321.
- Wildman, 1980** – Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, Princeton Univ. Press, 1980. 402 p.

References

- Barsov, 1889** – Barsov, E.V. (1889). O nauchnoi deyatel'nosti Maslovskogo v svyazi s izbraniem ego ad'yunkt-professorom voennoi Akademii General'nogo shtaba [About Maslovsky's scientific activity in connection with his election as an associate professor at the Military Academy of the General Staff]. *Moskovskii listok*. № 268 ot 26 sentyabrya. [in Russian]
- Beskrovnyj, 1962** – Beskrovnyj, L.G. (1962). Oчерки voennoj istoriografii Rossii [Essays on the military historiography of Russia]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 318 p. [in Russian]
- Biblioteki soldatskie, 1911** – Biblioteki soldatskie [Libraries of soldiers]. *Voennaya entsiklopediya*. Т. 4. SPb., 1911. P. 537.
- Boguslavskij, 1953** – Boguslavskij, G.A. (1953). Perechen' russkoj literatury o A.V. Suvorove, 1756-1952 gg. [List of Russian literature about A.V. Suworov, 1756-1952]. *A.V. Suworov. Dokumenty*. Т. 4. Red. G.P. Meshcheryakov. М. Pp. 534-661. [in Russian]
- Godunov, Korolev, 1908** – Godunov, V., Korolev, A. (1908). Istoriya 3-go Ulanskogo Smolenskogo imperatora Aleksandra III polka: 1708-1908 g. [The history of the 3rd Ulan Smolensk Emperor Alexander III regiment: 1708-1908]. Т.1. Libava: Libav. Vestn. Print, 331 p. [in Russian]
- Katalog, 1907** – Katalog knig, odobrennykh dlya rotnykh bibliotek kadetskikh korpusov [Catalog of books approved for company libraries of cadet corps]. SPb., 1907. 143 p. [in Russian]
- Lopatin, 2012** – Lopatin, V.S. (2012). Suworov. М., 445 p. [in Russian]
- Maslovskii, 1892a** – Maslovskii, D. (1892). Largo-Kagul'skaya operatsiya grafa P.A. Rumyantseva (1769-1770 gg.) [Largo-Kagul operation of Count P. A. Rumyantsev (1769-1770)]. *Voennyyi sbornik*. 8: 191-220. [in Russian]
- Maslovskii, 1892b** – Maslovskii, D. (1892). Po povodu stat'i «Narvskaya operatsiya 1700 g.» g. Petrova [About the article "Narva operation of 1700" by Mr. Petrov]. *Voennyyi sbornik*. 10: 219-231. [in Russian]
- Maslovskii, 1894** – Maslovskii, D. (1894). Zаметка po povodu stat'i «Largo-Kagul'skaya operatsiya» g. Petrova [Note about the article "Largo-Kagul operation" by Mr. Petrov]. *Voennyyi sbornik*. 2: 168-174. [in Russian]
- Milyutin, 1857** – Milyutin, D.A. (1857). Istoriya vojny Rossii s Franciej v tsarstvovanie imperatora Pavla I v 1799 g. [The history of the war between Russia and France in the reign of Emperor Paul I in 1799]. 2-nd edit. vol.3. Prilozheniya. SPb., 652 p. [in Russian]

- Nemirovich-Danchenko, 1903** – *Nemirovich-Danchenko, V.I.* (1903). Skobelev. Lichnye vospominaniya i vpechatleniya [Skobelev. Personal memories and impressions]. SPb., 358 p. [in Russian]
- Novakovskii, 1867** – *Novakovskii, V.* (1867). Rasskazy o Suvorove. Chtenie dlya naroda [Stories about Suvorov. Reading for the people]. SPb., 69 p. [in Russian]
- Ohlyabinin, 2004** – *Ohlyabinin, S.D.* (2004). Povsednevnyaya zhizn' Russkoj armii vo vremena suvorovskih vojn [Everyday life of the Russian Army during the Suvorov Wars]. M., 345 p. [in Russian]
- OR RGB** – Otdel rukopisei Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- Petrushevskij, 1900** – *Petrushevskij, A.F.* (1900). Generalissimus knyaz' Suvorov [Generalissimo Duke Suvorov]. 2-nd edit. SPb., 810 p. [in Russian]
- Polevoj, 1852** – *Polevoj, N.A.* (1852). Rasskazy russkogo soldata [Stories about Suvorov]. SPb., 125 p. [in Russian]
- Potapov, 1845** – *Potapov, V.F.* (1845). Aleksandr Vasil'evich Suvorov. Prostonarodnyj russkij rasskaz [Alexander Vasilyevich Suvorov. A simple Russian story]. M., 35 p. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. SPb., 1830-1885.
- RGVIA** – Rossijskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- Slovo Suvorova, 2000** – Aleksandr Vasil'evich Suvorov: Slovo Suvorova. Slovo sovremennikov. Materialy dlya biografii [Alexander Vasilyevich Suvorov: The Word of Suvorov. The word of contemporaries. Materials for the biography]. Ed. S. N. Semanov. M., 2000. 555 p.
- Starkov, 1847** – *Starkov, Y.I.* (1847). Rasskazy Starogo vojna o Suvorove [Stories of an Old Warrior [pseudonym.] about Suvorov]. M., 482 p. [in Russian]
- Vospominaniya, 1874** – Vospominaniya Ivana Men'shogo. 1806-1822 [Memories of Ivan the Lesser. 1806-1822]. *Russkaya starina*. 1874. Tom.10. Pp. 46-59. [in Russian]
- Vospominaniya, 1895** – Vospominaniya suvorovskogo soldata [Memoirs of a Suvorov soldier]. Red. D.F. Maslovskij. SPb, 1895. 90 p. [in Russian]
- Vospominaniya, 1900** – Vospominaniya suvorovskogo soldata. Ochakov i Izmail [Memoirs of a Suvorov soldier. Ochakov and Izmail]. SPb., 1900. 26 p. [in Russian]
- Vospominaniya, 1901** – Vospominaniya suvorovskogo soldata. 1812-j god. Prebyvanie v plenu u francuzov i osvobozhdenie [Memoirs of a Suvorov soldier. The year is 1812. Being held captive by the French and being released]. SPb., 1901. 22 p. [in Russian]
- Vospominaniya, 1903** – Vospominaniya suvorovskogo soldata. Austerlits [Memoirs of a Suvorov soldier. Austerlitz]. SPb., 1903. 26 p. [in Russian]
- Vospominaniya, 1907** – Vospominaniya suvorovskogo soldata. Otstavka [Memoirs of a Suvorov soldier. Retirement]. SPb., 1907. 36 p. (in Russian)
- Zajonchkovskij, 1952** – *Zajonchkovskij P.A.* (1952). Voennye reformy 1860-1870 godov v Rossii [Military reforms of 1860-1870 in Russia]. M., 368 p. [in Russian]
- Zapiski, 1878** – Zapiski soldata Pamfila Nazarova, v inochestve Mitrofana. 1792-1839 gg. [Notes of the soldier Pamphil Nazarov, in the monastic life of Mitrofan. 1792-1839]. *Russkaya starina*. 1878. T. 22. 8: 529-556. [in Russian]
- Mayzel, 1975** – *Mayzel, M.* (1975). The Formation of the Russian General Staff. 1880-1917. A Social Study. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 16(3/4): 297-321.
- Wildman, 1980** – *Wildman, A.K.* (1980). The End of the Russian Imperial Army. Princeton, Princeton Univ. Press, 444 p.

**«Правда» и «ложь» суворовского солдата:
Проблема авторства мемуаров Ильи Попадичева**

Татьяна Андреевна Володина ^{a, *}, Константин Андреевич Подрезов ^a

^a Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые в исторической науке анализируется специфика «Воспоминаний суворовского солдата» как исторического источника. Эти мемуары со времени своего появления (1895 г.) широко использовались в научной и популярной литературе. Впервые вводятся в научный оборот архивные документы, раскрывающие обстоятельства их появления, написания и публикации. Авторы анализируют мотивы и роль каждого из тех, кто внес лепту в формирование текста данного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина),
kpodrezov@yandex.ru (К.А. Подрезов)

источника: отставного солдата Ильи Попадичева, генерала И.Н. Назанского и военного историка Д.Ф. Масловского. В результате источник предстает как сложный комплексный текст, в котором выделяются слои, имеющие разное происхождение. Используя факты военной биографии реального Ильи Попадичева, авторы дают объяснение различной степени информативности и достоверности сведений, содержащихся в его воспоминаниях. Анализируя письма генерала Назанского к историку Масловскому, авторы раскрывают влияние различных факторов в работе генерала над мемуарами солдата: идейно-концептуального, прагматического и коммерческого. Раскрывается роль и значение Военно-ученого комитета Генерального штаба в формировании рынка массовой книжной продукции, предназначенной для обращения в войсках. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что воспоминания Попадичева являются не только отражением военно-исторических реалий времен Суворова, но и в значительной степени выступают свидетельством сознательных усилий военного ведомства по индоктринации нижних чинов, а также фактом концептуальной борьбы в области военно-исторических исследований конца XIX в. Авторы доказывают, что именно с этим связана серьезная роль Д.Ф. Масловского в продвижении воспоминаний Попадичева. Однако в данном случае позитивистские принципы научности пришли в столкновение с базисом мифа. В статье раскрывается глубина моральной дилеммы, перед которой оказался военный историк Масловский. Наука требовала от него критического анализа текста в категориях источниковедения, а принципы «русской школы» – признания высоких научных достоинств этого же источника.

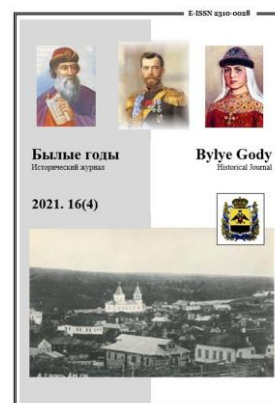
Ключевые слова: «Воспоминания суворовского солдата», Попадичев, Д.Ф. Масловский, военно-исторические исследования.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1947-1954
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1947

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Implementation of the Experience of the Elberfeld System in the Cities of Siberia in the 19th – early 20th centuries (on the Example of Tomsk)

Tatiana A. Kattsina ^{a, *}, Natalya V. Pashina ^a, Ludmila E. Mezit ^b,
 Natalya A. Goncharevich ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev, Russian Federation

Abstract

The Elberfeld system, which originated in Germany's charitable community at the communal level in the middle of the 19th century, represented an innovative breakthrough in the organization of social assistance to the poor in the early industrial era. Thanks to a careful selection procedure for those in need, strict adherence to the principles of individualization and decentralization, it ensured the targeting of permanent and temporary assistance, a wide range of preventive and rehabilitation measures, including the formation of life skills, the ability to leave the care of society and independently support their existence. Elberfeld's experience in solving the problem of poverty was used not only in Germany, but also in the cities of Belgium, the Netherlands, France, Austria, and Switzerland. Many similarities with the German Elberfeld system can be traced in the organization of institutions for the care of the poor in the Russian Empire during the period of industrial modernization of the late 19th – early 20th centuries. In this article, on the basis of office materials, testimonies of contemporaries (lawyers, city public administration officials, charity functionaries), the application of general provisions on social support to those in need, developed by the practice of the Elberfeld system, is considered in Russian reality. The geography of the study covers Tomsk – the administrative, cultural and economic center of the south of Western Siberia.

Keywords: Elberfeld system, city district guardianship for the poor (DG), public charity, help.

1. Введение

В настоящее время в России идет довольно сложный процесс реформирования системы социальной защиты населения, который сопровождается обновлением нормативной базы, расширением числа поставщиков социальных услуг, смещением акцента на своевременное выявление трудной жизненной ситуации, оказание адресной комплексной социальной помощи и профилактику рисков бедности. В ряде муниципальных образований инициативным порядком создаются службы социальных участков, нацеленные на повышение качества и доступности социального обслуживания населения на закрепленном административно-территориальном участке. Динамическое изменение социальной реальности стимулирует научный интерес к историческому опыту решения социальных проблем, имевших некоторую схожесть на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. Важнейшей социокультурной средой, в которой развивалась социальная поддержка в Российской империи, был город. Оценивая практики московской организации городских участковых попечительств о бедных конца XIX в., русский правовед и публицист В.Ф. Дерюжинский отметил их «очень хорошие результаты» и много общих черт с Эльберфельдской системой (Дерюжинский, 1897: 101), зародившейся в Германии среди социально ангажированных буржуа в качестве реакции на

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), mezit@yandex.ru (L.E. Mezit), ngoncharevich@sfu-kras.ru (N.A. Goncharevich)

массовую бедность. Свое название система помощи получила от промышленного города Эльберфельд, где по предложению предпринимателей Д. фон дер Хайдта, Г. Шлипера, Д. Петерса и при поддержке муниципального совета была внедрена новая модель организации социальной помощи (1852 г.), основанная на централизации общего управления, разбивке селитебной части города на участки, самостоятельности каждого попечительства при рассмотрении частных вопросов, на понимании того, что помощь должна оказываться конкретному нуждающемуся с учетом его личных свойств и потребностей, опираться на энергичных добровольцев и элиту, располагающую свободным временем (Katsina, 2013: 388; Павлова, 2016: 365). Помощь бедным, построенная на таких основаниях, признавалась наиболее дешевой и продуктивной (Ди-Сеньи, 1914: 184; Призрение бедных, 1894: 118).

Учитывая опыт московских попечительств о бедных, Министерство внутренних дел издало в марте 1899 г. «Примерные правила о городских попечительствах, учреждаемых для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ними» в двух редакциях: одной – применительно к крупным городским поселениям, другой – к небольшим. К 1914 г. такие попечительства были созданы примерно в 40 городах (это менее 5 % всех городов Российской империи) (Павлова, 2003: 41), включая Харьков, Саратов, Пензу, Тулу, Ставрополь, Санкт-Петербург (Потенциал и пути развития, 2010: 80) и такие отдаленные окраины, как Западная (Томск) и Восточная (Иркутск) Сибирь, Дальний Восток (Владивосток, Никольск-Уссурийский) (Katsina, 2013: 387). Однако в большинстве из них упорядочивание благотворительной деятельности по типу Эльберфельдской системы не произошло (Павлова, 2003: 41; Катцина, 2012: 71). Объяснение причин данного обстоятельства нуждается в определении потенциала и результативности деятельности городских участковых попечительств в применении мер профилактики бедности на местах. Попытке их изучения на примере дореволюционного Томска посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Источниковая база статьи представлена набором документов делопроизводственного характера (отчетами Томской городской исполнительной комиссии по благотворительности, текущими и годовыми отчетами городских участковых попечительств о бедных в Томске, журналами постановлений Томской городской думы), опубликованных в 1910-е гг. в журнале «Известия Томского городского общественного управления». Привлечен разнообразный по содержанию и охвату многих аспектов работы участковых попечительств о бедных материал из дореволюционного журнала «Трудовая помощь». В совокупности они позволили скомпоновать доказательный материал, иллюстрирующий процесс формирования и деятельности томских городских попечительств о бедных начала XX в.

Ключом к объяснению рассматриваемой проблемы послужили научные подходы, свойственные современной многолинейной версии модернизационной парадигмы, включающие возможности национальных и регион-ориентированных моделей развития социальных институтов. Важным фактором социальных изменений признается структурно-функциональная дифференциация, предполагающая выделение различных форм помощи из рамок традиционных семейных, родственных связей и зависимостей. Анализ фактического материала проводился с помощью конкретно-исторических (сравнительно-исторического, синхронного, хронологического) методов, которые позволяют выявить новации в организации социальной помощи, рассмотреть их одновременно с другими явлениями общественной жизни, выделить тенденции развития и динамику изменений форм и практик социальной помощи, генерируемых городскими участковыми попечительствами о бедных на протяжении всего периода их существования. Исследование базируется на принципах историзма и объективности, предполагающих изучение фактов, явлений и событий в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, в их взаимосвязи и взаимообусловленности, разнообразии и противоречивости, совокупности положительных и негативных проявлений.

3. Обсуждение

Осмысление структур для оказания помощи бедным, которые возникали в России наподобие западных образцов, довольно активно шло в конце XIX – начале XX вв. Кроме специальных трудов (Герье, 1896; Дерюжинский, 1897; Залеский, 1912 и др.), особенности функционирования Эльберфельдской системы помощи и ее преломления в провинциальных городах Российской империи освещались на страницах центральных (журналы «Призрение и благотворительность в России», «Варшавские университетские известия», «Трудовая помощь» и др.) и региональных (газеты «Томские губернские ведомости», «Восточная заря» и др.) периодических изданий, рассматривались в отдельных главах учебников полицейского права Н.Н. Белявского, В.Ф. Дерюжинского, И.Т. Тарасова и др. Советскими историками данная тема не изучалась по причине укоренившейся негативной интерпретации социальной политики самодержавия и благотворительной деятельности. В то же время вклад в ее разработку внесли зарубежные исследователи. Так, представленный американским историком А. Линденмейер конкретно-

исторический материал по московским городским попечительствам о бедных (Lindenmeyer, 1982), демонстрирует их значимость в организации общественного содействия, дает ключ к пониманию причин, по которым они все же не имели высокой эффективности в профилактике бедности. В современной историографии проблемы муниципальной опеки бедных конца XIX – начала XX вв. рассматриваются при изучении благотворительных институтов в целом (Ульянова, 2005), дополняются региональными примерами и фактами (Лазарева, 2010; Якубсон, 2010; Катцина, 2012 и др.), но имеются расхождения в оценке их результативности, лакуны с теми сюжетами, которые лежат в основе данной статьи.

4. Результаты

Впервые вопрос о создании городских участковых попечительств о бедных в Томске обозначил губернатор А.А. Ломачевский, в 1899 г. предложивший городской думе его рассмотрение. Однако «отцы города» не спешили приступить к организации новой структуры помощи, решив прежде всего выяснить ее преимущества относительно уже функционировавших учреждений филантропического характера – церковно-приходских попечительств и частных благотворительных обществ (Дагаев, 1912: 83). Вместе с тем рост нищенства, обусловленный в Сибири не только ссыльнопоселенцами, но и притоком переселенцев из европейской части страны, особенно усилившимся в годы Столыпинской аграрной реформы (Быков, 2004; Катцина, 2010), требовал кардинально нового подхода к решению проблемы. Такой подход, по опыту развитых стран и ряда российских городов, могли генерировать участковые попечительства о бедных. В результате спустя десятилетие вопрос о них был вновь включен в повестку дня.

Об открытии городских участковых попечительств о бедных в Томске было объявлено 19 декабря 1910 г., хотя эти структуры еще не были сформированы (Известия, 1913: 6-7). Организацию попечительств (этот процесс занял первую половину 1911 г.), заведование их делами и координирование действий Томское городское общественное управление возложило на вновь учрежденную городскую исполнительную комиссию по благотворительности (ГИК), получившую мощный административный ресурс благодаря своему составу: четыре гласных думы (один из них – председатель), все представители городской управы и потенциальные (на начальном этапе) председатели участковых попечительств. Общественное начало было представлено в состоящих при попечительствах советах. Их председатели, товарищи председателей избирались городской думой по представлению городского головы на четыре года из лиц, пользующихся правом голоса на городских выборах. Все желающие оказать помощь участковому попечительству денежным взносом (единовременным или ежегодным), «хотя бы и малым», могли считаться членами его совета, а заявившие председателю о намерении помогать личным трудом – сотрудниками (Чавыкин, 19 [11]: 98). Таким образом, в совет попечительства (СП) на сугубо добровольных началах рекрутировались ответственные представители администрации и наиболее активные общественники (волонтеры). Кандидаты в члены каждого местного попечительства утверждались городской думой, сотрудников – СП.

Назначение СП – выражать заботу о неимущих и бороться с нищенством, нести ответственность за реализацию этой миссии. На эти структуры возлагалось решение разнородных задач: устройство и содержание благотворительных заведений, привлечение пожертвований, разыскивание и посещение бедных, приискание им занятий, проверка сведений о материальном благополучии, для того чтобы содействовать действительно бедствующим и оказывать помощь в соответствии с характером самой нужды из собственных средств или субсидий городской казны (Чавыкин, 19 [11]: 97-98).

При организации новой системы помощи томские власти не стали опираться на иркутский опыт муниципальной опеки бедных, введенной в 1888 г., где вся работа сосредотачивалась в исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами, возглавляемой городским головой. По мнению современников, явными изъянами иркутской комиссии была ее обособленность от местных благотворительных организаций работа и отказ от деления городской среды на участки, мотивированный тем, что дробление приведет к излишней децентрализации, ненужной канцелярщине, «ведению дела вразброд» (Kacina, 2013: 398). Томичи, в отличие от иркутян, воплотили классическую для Эльберфельдской системы схему деления города на участки и передачу их в ведение отдельных попечительств. Наиболее успешные СП разделили свой район на более мелкие территориальные части (например, Верхне-Еланское – на 14 участков), закрепив каждую из них за отдельными членами СП. Так, по их мнению, можно было персонифицировать ответственность за организацию работы с нуждающимися на каждом участке, обеспечить более качественную регистрацию бедняков и получить подробную характеристику их имущественного положения для дальнейшей разработки профилактических мер реабилитационной направленности.

Общепризнанной особенностью городских участковых попечительств о бедных являлось детальное рассмотрение каждого заявления (как и самостоятельно выявленного случая нужды), нацеленное на обеспечение индивидуального подхода к оказанию помощи. Решение по отдельному случаю принималось коллегиально большинством голосов на заседании СП. Право участковых попечительств относительно свободно распоряжаться собственными средствами позволяло существенно сократить время от подачи прошения заявителем до принятия решения по существу,

благодаря тому, что обращения рассматривались в частном порядке, а не проводились через всю бюрократическую машину городского самоуправления.

Из отчетов ГИК усматривается, что в течение всего периода существования городских попечительств о бедных из общей суммы средств, потраченных ими на меры социальной поддержки нуждающихся, львиная доля шла на денежные пособия. Так, в 1912 г. Верхне-Еланское участковое попечительство выдало пособий на сумму 732 руб., что составило 97,34 % всех его расходов; Мухино-Бугорское – 685 (83,71 %); Болотное – 318 (71,32 %), Петровское попечительство – 626 руб. (79,96 %); всеми же попечительствами о бедных в Томске было оказано пособий на сумму 5 648 руб., или 95,66 % (подсчитано по: [Известия, 1914: 11, 18, 19, 24, 25; Дагаев, 1914: 43](#)).

Выплата денежных пособий осуществлялась единовременно (разово) или постоянно (ежемесячно). Их размер и продолжительность определялись многими факторами, как-то: семейное положение и моральный облик просителя, жизненные обстоятельства, вызвавшие нужду и др. При назначении денежного пособия предпочтение отдавалось единовременным выплатам в пределах 1–5 руб. Так, в 1912 г. участковыми попечительствами г. Томска по 1 руб. выдано в 103 случаях, по 1,5 руб. – в 106, по 2 руб. – в 235, по 3 руб. – в 188, по 5 руб. – в 50 случаях ([Дагаев, 1913: 42](#)). При высокой вероятности растраты пособия на азартные игры или приобретение алкоголя денежные выплаты нуждающимся в помощи назначались посуточно или заимообразно. Разновидностью денежной формы помощи выступала раздача нуждающимся натуральных пособий и организация благотворительных обедов в честь памятных событий. Например, в ознаменование юбилея победы в Отечественной войне 1812 г. бедным было отпущено 1 893 бесплатных обеда на сумму 431 руб. Аналогичная сумма была потрачена на чествование трехсотлетия дома Романовых ([Известия, 1913: 4](#)). Оправдание столь существенным тратам на в целом неперспективные в решении вопроса ликвидации нищенства виды поддержки попечители находили в стремлении оказать (пусть и незначительную) помощь бо́льшему числу нуждающихся, нежели, спасая одного, обрекать других на «голодную смерть».

Оказание нуждающимся денежных форм помощи подвергалось всесторонней критике. Председатели советов попечительств в ежегодных отчетах регулярно отмечали, что раздача мелкими суммами почти всего притока денежных средств не приводит к сокращению нищенства. Некоторые руководители видели в этом одну из причин упадка интереса со стороны общественности к задачам участковых попечительств ([Известия, 1914: 9](#)) и сокращения денежных поступлений от пожертвований и членских взносов. Так, в 1912 г. эти статьи пополнили бюджеты благотворительных организаций только на 1 246 руб., тогда как в 1911 г. их доходность составила 3 009 руб. (подсчитано по: [Известия, 1913: 21–22, 24, 27–29](#)).

Лишь немногие из образованных в г. Томске попечительств могли оказать нуждающимся те формы поддержки, которые действительно могли бы помочь вырваться из порочного круга бедности, в их числе оплата курортного лечения и протезирования для инвалидов; приобретение инструментов (столярных, сапожных, швейных) или требуемой для поступления на службу форменной одежды, т.е. всего того, что помогало людям, не утратившим социальные навыки, обеспечить самостоятельный заработок. Радикальным видом помощи также считалась отправка незадачливых переселенцев, прибывших в Сибирь в поисках лучшей жизни, на родину, где у них оставались родственники и некоторое имущество. Уникальным по размерам затраченных средств случаем помощи за все время существования попечительств в г. Томске считается покупка Верхне-Еланским попечительством в 1911 г. семян, лошадей, сбруи, телеги и прочего инвентаря на сумму в 182 руб. трем нуждающимся семьям, изъявившим желание разработать под огороды городской отвал ([Известия, 1913: 14; Дагаев, 1914: 48](#)). Однако такие случаи поддержки практически все приходится на первый год деятельности попечительств (1911 г.), что объясняется их более стабильным финансовым положением и подогреваемым «новизной дела» интересом томской общественности, обеспечивающей приток членских взносов и пожертвований.

Уже с первых дней деятельности участковых попечительств обнаружилось их стремление к оказанию помощи в учреждениях закрытого типа, что противоречило классическим принципам Эльберфельдской системы, признававшей попечительства исключительно органами открытого призрения, занимавшихся преимущественно тщательным изучением положения нуждающихся, оказанием им помощи и наблюдением за ними. Так, в июне 1911 г. в введение Верхне-Еланского участкового попечительства была принята городская богадельня братьев Королевых для стариков, что позволило значительно улучшить как хозяйственную сторону деятельности учреждения, так и быт призреваемых ([Известия, 1913: 12–13](#)). Попечительства, финансово ограниченные в содержании собственных заведений закрытого призрения, оплачивали пребывание малолетних детей, стариков и других лиц, неспособных к физическому труду, в соответствующих благотворительных учреждениях города ([Известия, 1914: 3](#)).

Другим способом организации закрытого призрения в условиях ограниченности ресурсов являлось участие в совместных благотворительных проектах под руководством ГИК. В октябре 1912 г. на средства ГИК был открыт приют городских участковых попечительств для нищенствующих детей, изъятых с улиц города, в котором они получали временную помощь до устройства на постоянное место попечения. Заведованием приютом и изучением уличного нищенства занимался Комитет по

признанию нищенствующих детей, куда вошло по два представителя от каждого участкового попечительства. Потребность в данном учреждении была настолько высока, что рассчитанный на содержание 20 человек приют уже в первые месяцы своего существования был вынужден более чем в два раза увеличить свою пропускную способность (Ивестия, 1914: 4). Благодаря значимости выполняемой общественной функции, приют вскоре приобрел постоянный источник дохода в виде ежегодной субсидии из городской казны в размере 2 600 руб. и процент с капитала в 7 тыс. руб., что тем не менее не обеспечивало полного покрытия его расходов (Дагаев, 1914: 51).

Несмотря на определенные успехи в сфере социальной поддержки нуждающихся (учреждение детского приюта, организация благотворительных столовых), уже на следующий год с момента создания участковых попечительств в их работе обнаружились первые кризисные проявления. СП едва справлялись с возложенными на них обязанностями, о чем свидетельствуют как сокращение числа удовлетворенных прощений, так и оказание помощи только в виде выплаты на руки незначительных денежных сумм. Начиная с 1912 г., основная деятельность попечительств была сосредоточена в собирании справок о просящих помощи бедняках и в выдаче им пособий к праздникам и памятным датам. К получателям помощи обычно относились завсегдатаи благотворительных организаций: престарелые, обремененные семьей вдовы, дети-сироты и др. (Ивестия, 1914: 9). При этом лица, ходатайствовавшие о том или ином пособии, обследовались иногда по несколько раз, а пособия назначались только пришедшим в крайнюю бедность больным и бездомным (Ивестия, 1914: 11). На закате своего существования попечительства практически прекратили самостоятельный поиск нуждающихся, из-за чего за пределами их внимания оказались те категории населения, которые, даже находясь в бедственном положении, как правило, не обращались в благотворительные организации: многодетные семьи при одном кормильце, семьи, временно лишившиеся заработка единственного кормильца вследствие его болезни или потери работы и др. (Ивестия, 1914: 10).

Одной из причин упадка системы участковых попечительств стал нерешенный денежный вопрос. С первых дней своего существования они оказались лишены действенной финансовой поддержки муниципалитета. Так, из запланированных городской думой на 1911 г. ассигнований в размере 4 500 руб. (по 500 руб. на каждое попечительство) было выдано лишь 618 руб. 46 коп. (Ивестия, 1913: 7). В 1912 г. данная статья расходов и вовсе была исключена из сметы городской управы (Дагаев, 1913: 43), в силу чего попечительства, действующие в крайне неблагоприятных районах города, вынуждены были свернуть свою деятельность уже к концу 1912 г. (Дагаев, 1914: 44). Единственный стабильный источник наполнения бюджетов попечительств – процент с капитала (25 тыс. руб.), завещанный городу А.Ф. Второвым, был обременен условием благотворителя использовать вырученные средства исключительно на выдачу пособий неимущим к праздникам Св. Пасхи и Рождества (Дагаев, 1914: 54).

Но, даже лишившись муниципальных субсидий, участковые попечительства не проявили должной инициативы в поисках альтернативных источников финансирования. Так, по причине инертности большинства членов СП не получил развитие прошедший рассмотрение в городской думе и одобренный городским головой амбициозный проект председателя Воскресенского участкового попечительства К.Р. Кочерженко, направленный на обеспечение автономного дохода от рекультивации и последующего введения в эксплуатацию заброшенного муниципального участка земли. Несмотря на перманентные финансовые трудности, попечительства отвергли предложение ряда банков и торгово-промышленных фирм вносить в кассы попечительств определенные средства на условиях ограждения жертвователей от попрошайничества. Свой отказ они мотивировали отсутствием возможности предоставить нищенствующим гражданам «постоянный стол и угол», а кроме этого сочли неприемлемым лишить профессиональных нищих «скудных доходов, получаемых Христовым именем» (Ивестия, 1913: 22), чем обнаружили как непонимание своего предназначения, так и неготовность выполнять функцию социальных защитников беднейших слоев населения, возложенную на них городским самоуправлением. Таким образом, не желая брать на себя какие бы то ни было дополнительные обязательства, СП пытались пополнить собственные бюджеты широко распространенными в благотворительной среде способами (организация кружечных сборов и лотерей, поквартирные обходы населения и др.). Однако на протяжении практически всего периода деятельности основной доход участковых попечительств составляли средства, полученные от устройства развлекательных мероприятий (лекций, спектаклей, концертов, кинематографических сеансов, литературных и танцевальных вечеров). Первая мировая война отодвинула досуг в жизни общества на второй план, что фактически лишило попечительства средств к существованию.

Деятельность попечительств не нашла широкой поддержки среди местного населения. В 1911 г. в советах девяти попечительств числилось немногим более 1 % населения г. Томска. Но уже в начале 1912 г. списочный состав членов участковых попечительств сократился более чем в два раза (Дагаев, 1913: 41). Помимо характерной для всех дореволюционных благотворительных обществ причины оттока членской массы, такой как «утрата новизны дела», СП уже в первые месяцы столкнулись с убылью своих членов по причине неопределенности собственного статуса. Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что уже после торжественного открытия участковых

попечительств, на котором присутствовали губернатор и архиерей, и начала их функционирования, городской думой был возбужден вопрос о законности существования этих структур, вызванный тем, что устав новой благотворительной организации не был представлен на утверждение Министерства внутренних дел, а прошел лишь через губернскую администрацию. В этой связи городская управа перестала давать попечительствам разрешение на устройство благотворительных сборов, а полиция проявляла пристальное внимание к их деятельности. В таких условиях наиболее осторожные члены попечительств перестали посещать собрания и платить членские взносы (Дагаев, 1913: 40-41). Проявленное безразличие членов СП к задачам попечительств объясняется тем, что, желая получить статус благотворителя, они были согласны платить членские взносы, но оказались не готовы к тяжелому каждодневному труду на благо общества в роли социальных работников. Так, по свидетельству современников, даже в относительно благополучном Мухино-Бугорском попечительстве председатель неделями не мог собрать на заседание трех-четырёх человек, необходимых для принятия решения по текущим вопросам (Дагаев, 1914: 57). Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что инициаторы внедрения системы участковых попечительств в Томске, пытаясь в условиях слабого гражданского общества следовать европейскому образцу Эльберфельдской системы, на деле допустили организационный просчет. Его результатом стало распыление незначительной горстки добровольцев, готовых жертвовать своим трудом на благо общества, по девяти городским участкам, где их инициатива была полностью поглощена безразличием инертной массы, составлявшей большинство подобных организаций.

5. Заключение

Таким образом, воссоздание в сибирской глубинке структур, характерных для Эльберфельдской системы, как и соблюдение установленного ею процедурного порядка предоставления помощи беднякам, на деле не привели к отказу от форм и методов социального призрения, которые уже практиковались в Томске частными благотворительными обществами и церковно-приходскими попечительствами. Из мер социальной поддержки наибольшее распространение получили единовременные денежные пособия, позволявшие удовлетворить жизненную потребность нуждающихся только кратковременно. Лишь в единичных случаях СП создавали условия для того, чтобы социально уязвимый гражданин имел возможность уйти от опеки общества и самостоятельно решать вопросы своего жизнеобеспечения. В силу того что у членов СП не произошло должного понимания профилактики нищенства, достичь нужного реабилитационного эффекта в работе с бедняками им не удалось. *Отсутствие финансовой поддержки со стороны городских властей, дефицит сотрудников и инертность* большинства членов СП, а также ряд организационных просчетов, допущенных при попытке трансферта столичного и европейского опыта решения проблем бедности, привели не только к низкой результативности городских попечительств о бедных в Томске, но и их самоликвидации.

Литература

- Быков, 2004 – Быков А.А. Нищенство в Сибири как социокультурное явление: причины и способы предотвращения (XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281. С. 27-30.
- Герье, 1896 – Герье В.И. Опыт городского попечения о бедных // *Вестник Европы*. 1896. Вып. 10. С. 566-585.
- Дагаев, 1912 – Дагаев Ин. Общественное призрение // *Город Томск*. Томск: Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 79-89.
- Дагаев, 1913 – Дагаев И.В. Общественное призрение в Томске // *Трудовая помощь*. 1913. № 6. С. 36-46.
- Дагаев, 1914 – Дагаев Ин. Городские попечительства о бедных в Томске // *Трудовая помощь*. 1914. № 6. С. 37-57.
- Дерюжинский, 1897 – Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1897. 115 с.
- Ди-Сеньи, 1914 – Ди-Сеньи Н. Эльберфельдская система призрения бедных // *Призрение и благотворительность в России*. 1914. № 3-4. С. 210-226.
- Залеский, 1912 – Залеский В.Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западноевропейских государств. Казань: Электрическая типография Л.П. Антонова, 1912. 311 с.
- Известия, 1913 – Известия Томского городского общественного управления. 1913. № 1-2 (1-15 янв.) С. 6-29.
- Известия, 1914 – Известия Томского городского общественного управления. 1914. № 3-4 (16-31 янв.) С. 3-31.
- Катцина, 2010 – Катцина Т.А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2010. № 3. С. 5-16.

Катцина, 2012 – Катцина Т.А. Городские участковые попечительства о бедных в Восточной Сибири: организационно-правовой аспект (конец XIX в.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7 (21). Ч. 2. С. 69-71.

Лазарева, 2010 – Лазарева С.И. Организация городских попечительств – новый этап в развитии городского общественного призрения на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Россия и АПР*. 2010. № 1. С. 5-13.

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2003. 249 с.

Павлова, 2016 – Павлова И.П. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 3. С. 363-376.

Потенциал и пути развития, 2010 – Потенциал и пути развития филантропии в России // В.Б. Боневолеский, И.В. Мерсиянова, Т.Ю. Сидорина и др. / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 419 с.

Призрение бедных, 1894 – Призрение бедных и благотворительность: [Сочинение] П.И. Георгиевского. СПб.: Типография Морского министерства, 1894. 118 с.

Ульянова, 2005 – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в.: Монография. М., 2005. 415 с.

Чавыкин, 1911 – Чавыкин Г.В. Весь Томск на 1911–1912 гг.: адресно-справочная книжка. Томск, 19 [11]. 384 с.

Якубсон, 2010 – Якубсон Е.В. Городские попечительства о бедных в столице и провинции на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2010. № 4–5. С. 54-57.

Katcina, 2013 – Katcina, T.A. (2013). Das Elberfelder System in Ostsibirien. Idee und Realität um die Jahrhundertwende. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Band 61. Heft 3, pp. 386-410.

Lindenmeyr, 1982 – Lindenmeyr, A. (1982). Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Band 30. Heft 3, pp. 449-451.

References

Bykov, 2004 – Bykov, A.A. (2004). Nishchenstvo v Sibiri kak sotsiokul'turnoe yavlenie: prichiny i sposoby predotvrashcheniya (XIX – nachalo XX v.) [Poverty in Siberia as a Social and Cultural Phenomenon: Causes and Methods of Struggle (XIX – at the Beginning of the XXth century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 281: 27-30. [in Russian]

Chavykin, 1911 – Chavykin, G.V. (1911). Ves' Tomsk na 1911–1912 gg. [The all Tomsk for 1911–1912]: adresno-spravochnaja knizhka. Tomsk, 19[11]. 384 p. [in Russian]

Dagaev, 1912 – Dagaev, In. (1912). Obshchestvennoe prizrenie [Public charity]. Gorod Tomsk. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske, 79-89. [in Russian]

Dagaev, 1913 – Dagaev, I.V. (1913). Obshchestvennoe prizrenie v Tomske [Public charity in Tomsk]. *Trudovaya pomoshch'*. 6: 36-46. [in Russian]

Dagaev, 1914 – Dagaev, In. (1914). Gorodskie popechitel'stva o bednykh v Tomske [City guardianship for the poor in Tomsk]. *Trudovaya pomoshch'*. 6: 37-57. [in Russian]

Deryuzhinskii, 1897 – Deryuzhinskii, V.F. (1897). Zametki ob obshchestvennom prizrenii [Public Charity Notes]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina Grosman i Knebel' (I. Knebel'), 1897. 115 p. [in Russian]

Di-Sen'i, 1914 – Di-Sen'i, N. (1914). El'berfel'dskaya sistema prizreniya bednykh [Elberfeld charity system for the poor]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii*. № 3–4, pp. 210-226. [in Russian]

Ger'e, 1896 – Ger'e, V.I. (1896). Opyt gorodskogo popecheniya o bednykh [The Urban Poor Care Experience]. *Vestnik Evropy*. 10: 566-585. [in Russian]

Izvestiya, 1913 – Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya [Bulletin of the Tomsk City Public Administration]. 1913. № 1–2 (1–15 yanv.), pp. 6-29. [in Russian]

Izvestiya, 1914 – Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya [Bulletin of the Tomsk City Public Administration]. 1914. № 3–4 (16–31 yanv.), pp. 3–31. [in Russian]

Katcina, 2013 – Katcina, T.A. (2013). Das Elberfelder System in Ostsibirien. Idee und Realität um die Jahrhundertwende. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Band 61. Heft 3, pp. 386-410. [in German]

Kattsina, 2010 – Kattsina, T.A. (2010). Ugolovnaya ssylka i problemy nishchenstva v sibirskom obshchestve XIX – nachala XX v. [Criminal Exile and Problems of Beggary in Siberian Society in 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Istoriya Rossii*. 3: 5-16. [in Russian]

Kattsina, 2012 – Kattsina, T.A. (2012). Gorodskie uchastkovye popechitel'stva o bednykh v Vostochnoi Sibiri: organizatsionno-pravovoi aspekt (konets XIX v.) [Urban district boards of guardians of the poor in eastern Siberia: organizational-legal aspect (the end of the XIXth century)]. *Istoricheskie, filosofskie,*

politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 7(21). Ch. 2. Pp. 69-71. [in Russian]

Lazareva, 2010 – Lazareva, S.I. (2010). Organizatsiya gorodskikh popechitel'stv – novyi etap v razvitiy gorodskogo obshchestvennogo prizreniya na Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Organization of trusteeship of the urban poor as the new stage in development of the town social charity in the Far East (second part XIX – beginning XIXth century)]. *Rossiya i APR.* 1: 5-13. [in Russian]

Lindenmeyr, 1982 – Lindenmeyr, A. (1982). Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Band 30. Heft 3, pp. 449-451.

Pavlova, 2003 – Pavlova, I.P. (2003). Sotsial'noe popechenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: monografiya [Social care in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. Krasnoyarsk, 249 p. [in Russian]

Pavlova, 2016 – Pavlova, I.P. (2016). El'berfel'dskaya sistema sotsial'noi pomoshchi neimushchim: ot dobrovol'chestva k professionalizmu [The Elberfeld system of social care to the destitute: from volunteering to professionalism]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki.* T. 14. 3: 363-376.

Potentsial i puti razvitiya, 2010 – Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii [Potential and ways of developing philanthropy in Russia]. V.B. Bonevolevskii, I.V. Mersyanova, T.Yu. Sidorina i dr.; pod red. I.V. Mersyanovoi, L.I. Yakobsona. M.: izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 419 p. [in Russian]

Prizrenie bednykh, 1894 – Prizrenie bednykh i blagotvoritel'nost': [Sochinenie] P.I. Georgievskogo [Charity of the poor and charity: [Composition] P.I. Georgievsky]. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva, 1894. 118 p.

Ul'yanova, 2005 – Ul'yanova, G.N. (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii. XIX – nachalo XX v.: monografiya. Moskva, 415 p. [in Russian]

Yakubson, 2010 – Yakubson, E.V. (2010). Gorodskie popechitel'stva o bednykh v stolitse i provintsii na rubezhe XIX–XX vv. [Urban trusteeship for the poor in the capital and provinces at the turn of the XIX–XIXth centuries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki».* 4-5: 54-57. [in Russian]

Zaleskii, 1912 – Zaleskii, V.F. (1912). Sistemy prizreniya bednykh v zakonodatel'stve i praktike glavneishikh zapadno-evropeiskikh gosudarstv [Systems of charity for the poor in the legislation and practice of the main Western European states]. Kazan': Elektricheskaya tipografiya L. P. Antonova, 311 p. [in Russian]

Реализация опыта Эльберфельдской системы в городах Сибири XIX – начала XX вв. (на примере Томска)

Татьяна Анатольевна Катцина^{a, *}, Наталья Васильевна Пашина^a, Людмила Эдгаровна Мезит^b, Наталья Алексеевна Гончаревич^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский юридический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах делопроизводственного характера, свидетельств современников (юристов, деятелей городского общественного управления, функционеров благотворительности) рассмотрены вопросы приложения к российской действительности общих положений о социальной поддержке нуждающихся, выработанных практикой Эльберфельдской системы помощи (1852–1919 гг.). Данная система, зародившаяся в благотворительной среде Германии на коммунальном уровне, представляла собой научный прорыв в организации социальной помощи бедным. Она включала широкий круг профилактических и реабилитационных мероприятий, направленных на формирование жизненных навыков, возможность уйти от опеки общества и самостоятельно обеспечивать свое существование. Благодаря тщательной процедуре отбора нуждающихся, строгого соблюдения принципа индивидуализации, достигалась адресность постоянной и временной помощи. Опыт Эльберфельда в решении проблемы бедности был использован не только в Германии, но и в городах Бельгии, Нидерландов, Франции, Австрии, Швейцарии. Много общих черт с немецкой Эльберфельдской системой прослеживается и в организации учреждений попечительства о бедных в Российской империи. География данного исследования охватывает Томск – административный, культурный и экономический центр юга Западной Сибири, а временные рамки – период индустриальной модернизации конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Эльберфельдская система, городские участковые попечительства о бедных (УП), общественное призрение, помощь.

* Корреспондирующий автор

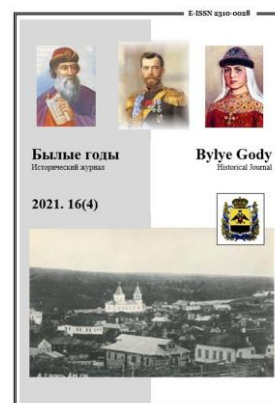
Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина), mezit@yandex.ru (Л.Э. Мезит), ngoncharevich@sfu-kras.ru (Н.А. Гончаревич)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1955-1963
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1955

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Peoples of the Russian Empire's North in the Regional Press of the late XIX century

Daria S. Pchelkina ^{a,*}, Kseniya A. Degtyarenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article aims to determine and analyze the regional image of the northern peoples of the Russian Empire at the end of the XIX century. The research materials are articles of the newspaper "Eastern Review", which was considered one of the leading local print publications of its time. The main attention of the authors is focused on the publications of the ethnocultural topics of the newspaper, in particular, dedicated to the indigenous peoples of the North of the Russian Empire.

The actual material of the study allows us to identify several main elements of the regional image of the peoples who inhabited the territory of Siberia at the end of the last century. These results were achieved during the qualitative content analysis of publications published in the "Eastern Review" issues in 1897.

The authors consider the specifics of the functioning of the periodical press as a historical document of the epoch and its role in creating a regional identity. Unlike generally recognized documents, which are traditionally considered as historical sources – legislative and political documents, scientific works, etc., periodicals record trends and moods that are relevant to society. At the end of the XIX century, the Eastern Review was considered the "voice of truth" for a large number of the population of the Asian part of Russia, representing the local everyday life. The periodical press has always actively participated and is taking part in filling in the gaps in the regional history of culture, in this case, related to the life of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries. Articles, notes and mentions of the northern peoples allow us to analyze not only the events recorded on the pages of the newspaper, but also the context in which they occur, the attitude of the authors of the newspaper publication and readers, which significantly reveals the regional image of the indigenous inhabitants of the territory of Siberia during this period.

Keywords: peoples of the North, the Russian Empire, regional identity, regional press, N.M. Yadrintsev.

1. Введение

Полевые исследования, посвященные этнокультуре коренных малочисленных народов Севера, стали проводиться на регулярной основе с первой трети XX века, в связи с чем наблюдается недостаток исторической информации о предшествующих периодах. Помимо нехватки исторических сведений, остро стоит вопрос достоверности уже имеющихся источников. В рамках данной темы исследования важнейшими информационными ресурсами становятся издания периодической печати Российской империи, в частности региональная пресса.

Региональная пресса представляет интерес как один из важнейших видов исторических источников, позволяющих сформировать образ, отношение к представителям различных этнокультурных групп и происходящим событиям. Официальные источники затрагивают формальные стороны общественных процессов, в том числе нормативно-правовые документы, высказывания официальных лиц. Подобного рода документы обращают внимание на актуальные

* Corresponding author

E-mail addresses: pchelkina.ml@mail.ru (D.S. Pchelkina), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko)

события и создают контекст происходящих событий, воссоздавая более целостную картину явлений. Газетные материалы дают широкие информативные возможности в изучении вопросов повседневности – они раскрывают жизнь обычных людей в определенный исторический период.

Материалы периодической печати, по мнению Б. Андерсона (Андерсон, 2016), являются инструментом конструирования национальной идентичности, так как люди, читая публикации на соответствующую тематику, становились сопричастными общей истории. Периодика позволяет погрузиться в контекст эпохи, атмосферу времени, что дает возможность исследователям подвергнуть анализу внутренние процессы, происходящие в социуме изучаемого периода. И в подобного рода публикациях высока роль субъективных факторов в формировании истории: отражены общее настроение жителей и автора статьи, заметки, чувства и отношения представителей разных слоев населения.

При этом важно понимать, что газеты являлись неотъемлемой частью общественного пространства как столичного, так и провинциального города. Периодика понималась как «зеркало» общества и как инструмент воздействия на людей, будучи доступным источником информации в разных сферах жизни. Содержание публикаций включало в себя раскрытие вопросов развития городов и региона в целом, образования и медицинского обслуживания, благоустройства, культуры и повседневности, т.е. посредством периодики велось региональное историческое бытописание. Период 1890-х годов для русской публицистики является знаменательным. Именно в это время происходит значительное развитие местной периодики. Как правило, каждая губерния обладала официальным печатным отделением. Главная роль в системе прессы конца XIX века принадлежит газетам, чье количество стремительно росло, многие из которых были ежедневными и еженедельными.

Целью данной статьи является определение исторического регионального образа коренных малочисленных народов Севера на основе анализа публикаций газеты «Восточное обозрение» за 1897 год как исторического источника.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов для исследования было выбрано региональное периодическое издание «Восточное обозрение» – еженедельная газета, учрежденная Николаем Ядринцевым в 1882 году. В ходе исследования был проведен общий анализ опубликованных в газете материалов за 1897 год. Для детального анализа отобраны следующие номера: 1–20, 34, 46, 48, 104–105, 109, 125–126, 139, 143, 150, 152.

2.2. В качестве теоретического основания для исследования выбран подход, для которого характерно рассмотрение изданий периодической печати как исторических документов, наравне с источниками личного происхождения, делопроизводственными, законодательными, политико-публицистическими произведениями, научными трудами (Рышков, 2010).

В рамках данного исследования осуществлен качественный контент-анализ, выступающий одним из наиболее удобных инструментов выявления исторических процессов формирования региональной идентичности, изучения отношений внутри общества. Данный метод позволяет обратиться не только к темам публикаций, но и определить их цели и аудиторию.

Качественный контент-анализ не отрицает содержательного анализа документа, а дополняет его. Он позволяет обнаружить в материалах периодической печати не только фактологическую информацию, но и то, что имеет важный историко-социальный аспект, что может ускользнуть при обычном изучении текста. Тематический качественный контент-анализ статей региональной прессы позволяет определить контекст, сформированный спонтанно или целенаправленно, для чего использовались элементы контент-анализа.

Была применена техника сплошной выборки, в которой основным критерием отбора материала выступило упоминание в тексте о народах, проживающих на территориях Сибири и Дальнего Востока Российской империи в конце XIX века.

3. Обсуждение

Исторической динамике народов Севера посвящен ряд классических этнографических трудов (Дамешек, 1989; Долгих, 1970) и современных исследований (Кривоногов, 2017; Скобелев, 2013). «Этноатлас Красноярского края» освещает этногенез всех этнокультурных групп, проживающих на территории края с 1920-х годов. Помимо процесса этногенеза в целом, ученые уделяют внимание истории развития отдельных народов, в частности северных (Головнев, 1995; Копцева, 2018).

Исследователями отмечается высокая роль провинциальной прессы (Ланкина, 2016; Тушканов, 2015; Бочаров, Скобелев, 2013) для формирования социокультурного облика эпохи. Так, локальные средства массовой информации называются коллективным дневником, в котором «подробно фиксируется день за днем весь ход городской жизни» (Ланкина, 2016: 21), а зачастую и единственным сохранившимся документом, по которому возможно изучить и проанализировать контекст развития исторического периода в случае отсутствия источников другого вида (Тушканов, 2015: 78).

Газета «Восточное обозрение» занимала высокую позицию в ряду провинциальной прессы, а на территории Сибири и Дальнего Востока являлась одним из ведущих печатных изданий, по замечанию ряда исследователей (Гольдфарб, 1997; Гольдфарб, Бурдонов, 2011; Астафьев, 2011;

Гончарова, Ягубов, 2019). Ученые отмечают, что для сибирского региона «Восточное обозрение» являлось основополагающим фактором общественной жизни, так как освещало ведущие политические, общественные, экономические и культурные явления. Авторский коллектив газеты представлял «оригинальную точку зрения на происходящие в России и мире процессы» (Гончарова, Ягубов, 2019: 87).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика источника

Еженедельная газета «Восточное обозрение» была основана Николаем Ядринцевым в Санкт-Петербурге в 1882 году. Ее информационное наполнение носит региональный характер: оно отражает актуальные для своего времени исследования азиатской части Российской империи, актуальные известия в области политики, науки и образования, социальной и экономической сферах жизни в Сибири и на Дальнем Востоке.

На **Рисунке 1** представлено оформление первого выпуска газеты «Восточное обозрение», вышедшего из печати 1 апреля 1882 года. На рисунке 2 представлен фрагмент обложки первого номера газеты за 1897 год, который позволяет отметить увеличившееся количество выпусков газеты за год: если в первый год своего существования она выходила один раз в неделю, то в 1897 году – уже 3 раза в неделю (с 1894 года).

Рис. 1. Фрагмент обложки первого выпуска газеты «Восточное обозрение», 1882 год

Рис. 2. Фрагмент обложки первого номера газеты «Восточное обозрение» за 1897 год

Основатель газеты Николай Михайлович Ядринцев – русский публицист, писатель, общественный деятель. Помимо издательской деятельности, он известен как выдающийся ученый: является первооткрывателем древнетюркских памятников в Монголии, а также автором большого количества монографий исторической, этнографической тематики. В 1888 году он перемещает издательство газеты в Иркутск, где ее развитие получает новый виток.

Именно в Сибири вокруг газеты сформировался круг местной и приезжей интеллигенции, политических ссыльных, многие из которых выступали одновременно в нескольких качествах – публицистов, литераторов, общественных деятелей. Также нельзя не оценить вклад активистов газеты «Восточное обозрение» как исследователей Сибири, Центральной и Восточной Азии:

немаловажной частью публикационного материала являлись сообщения и заметки о научных экспедициях и исследованиях сибирских ученых.

«Восточное обозрение» было не столько информационным источником, сколько толкователем «сибирского мирозерцания», «голосом правды» (Яковлев, Шишкин, 2003: 654), направляющим общественное мнение и играющим значимую роль в формировании региональной идентичности большей части читателей. К рубежу XIX–XX веков газета, по сути, заняла положение главного печатного издания Азиатской России, в котором собирались лучшие представители интеллектуальных сил того времени. Помимо Н.М. Ядринцева, среди авторов можно указать Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова и многих других.

4.2. Анализ содержания публикаций газеты «Восточное обозрение»

Структура публикаций, разных заметок, статей носит характер гиперссылки: происходит обращение к предыдущим выпускам, в которых было упоминание какой-либо темы. Тем самым публикация носит не директивный характер, а читатель включается в течение повседневной жизни, описываемой на страницах газеты, формируется контекст.

Можно отметить яркий образный язык, обращение к читателям, использование юмористических оборотов, что создает эффект погружения в описываемые события.

Структура выпуска газеты включает в себя следующие пункты: объявления о купле-продаже, услугах и т.п. на первой и последней страницах; главные правительственные сообщения; информационные обзоры событий общественной и провинциальной жизни, хронику сибирских и восточных окраин Российской империи; происшествия; корреспонденцию из различных населенных пунктов азиатской части России; научное обозрение; литературное обозрение; обозрение русской жизни; обзор заграничной жизни; рекламный раздел. Основные этнокультурные группы Севера, которые упоминаются в выпусках газеты за 1897 год, – якуты, тунгусы, остяки, орочоны, юкагиры, чукчи, анадырцы.

Одним из элементов, который создает региональный образ северных народов, является род деятельности. Авторы публикаций отмечают, что представители коренных народов, с одной стороны, являются охотниками и добытчиками продовольственных товаров и пушнины, с другой – они в равной степени были связаны со сферой торговли, а именно – ярмарками, где происходил сбыт ресурсов. Коренное население понималось как основные поставщики мяса, птицы и пушнины: «Из Колымска пишут, что Анюйская ярмарка прошла «тихо»; чукчей было мало, много анадырцев... Промысел пушнины нынешней зимой был выше среднего. Даже в Верх. ок. местами добывали зайца. Так, на Дулгалахе (1-й Юсальский насл.) хороший промышленник добывал до 300 шт., плохой – 100–150; во 2-м Байдунском насл. и на Тайбалахе – от 200 до 500 шт. Предложение пушнины на Анюе, благодаря удачному промыслу, было значительное. Куниц, бобров и соболей предлагали не дорого» («Восточное обозрение» № 105, 3 сентября 1897). Или: «В Якутске теперь специальная якутская ярмарка, и идет она крайне не бойко: якут обезденежел... Его продукты нынешнюю зиму не в цене: мясо в оптовой закупке 1 р. 80 к., масло 8 р. 50 к. И вот перед рекоставом на том берегу Лены скопилась масса якутов с пяти ближайших наслегов с своими продуктами: маслом, мясом, живым скотом» («Восточное обозрение» № 152, 21 декабря 1897).

При этом новостные сводки «Восточного обозрения» обнаруживают некоторые губительные факторы для традиционных видов хозяйственной деятельности народов Севера России и бытия самих народов в целом: «...вследствие хищнических приемов за последнее десятилетие сильно упал на Командорских островах котиковый промысел (с 55½ т котиков на 17 т), доставлявший главнейшее средство пропитания туземцев, в числе 600 человек» («Восточное обозрение» № 5, 10 января 1897); «летом 62 человека тунгусов отправились с оленями на Лену на рыбный промысел... На беду рыба, на которую они рассчитывали, ...не показывалась, и чтобы только не умереть с голоду, пришлось резать оленей. Но беда никогда одна не приходит: появляется зараза на оленей, сибирская язва или другая какая-нибудь, в точности не знаем. Важно то, что тунгусы ели павших оленей и, судя по слухам, из 52 человек в живых не осталось ни одного» («Восточное обозрение» № 5, 10 января 1897); «по поводу падежа оленей на Северо-Западе Сибири... скот пал, уловы зверя и рыбы плохие, народ питается плохим мясом болевших, исхудалых оленей..., положение аборигенов края печальное. Как бы ни были ограничены их потребности, как бы ни был привычен организм ко всякого рода лишениям и невзгодам, нужно опасаться, чтобы недостаточное питание, да еще мясом «болевших исхудалых оленей», не вызвало худшего бедствия – эпидемии, что очень легко может случиться. Население еще не успело оправиться после эпидемий тифа и черной оспы, свирепствовавшей 3–4 года назад, а если теперь появится что-нибудь вроде голодного тифа, можно с уверенностью сказать, что наших северных инородцев ждет фатальный конец» («Восточное обозрение» № 7, 15 января 1897).

Тематическое содержание показывает важную составляющую этнокультурной идентичности северных народов – регулярно упоминается связь с природой, подчеркивается зависимость качества бытовых и жизненных условий от погодных: «В 14 № «Восточного Обозрения» помещена статья с наставлением, что для якутян должны быть изменены предельные нормы понижения температуры, за которыми посещение школы прекращается. Министром Народного Просвещения уже сделано

распоряжение, которым, на основании представлений директора Якутского реального училища, установлено, при скольких градусах мороза в г. Якутске необязательно для учащихся посещение местных учебных заведений» («Восточное обозрение» № 19, 12 февраля 1897). Городское население тем самым также отмечало подобные обстоятельства: «Весна была у нас маловодна, и, благодаря этому, плохо удались травы заливных мест, и даже водной дичью якут мало полакомится: мало воды – мало дичи, это общее правило. Лесная дичь, по малоснежию не могшая зарываться в снег на ночевки, массами погибала еще зимою. В этом разгадка случаев удивительной дешевизны дичи зимою: глухаря, напр., можно было купить коп. за 30» («Восточное обозрение» № 98, 17 августа 1897); «каждую зиму, вместе с холодами и в их результате обострением борьбы за существование местной бедноты, с правильностью закона природы повторяется дороговизна многих из необходимейших продуктов» («Восточное обозрение» № 104, 31 августа 1897). В этом аспекте жизнь пришлого и местного населения уравнивалась, так как была одинаково подвержена воздействиям природы. Описывается особенность местной культуры – с большим интересом повествуется о зимовье в баргузинской тайге: «Оглядевшись в своем временном помещении, мы нашли в углу опрокинутый большой котел с пробитым дном и с пробитым краем, который заменяет здесь печь..., где отбит край, кладутся дрова..., дым из него выходит вверх через пробитое дно, а где крыша сделана дыра... Это было первое, самое настоящее таежное зимовье!» («Восточное обозрение» № 19, 12 февраля 1897).

Отдельное внимание уделяется этнокультурным, этнопсихологическим особенностям жизни народов Севера, при этом зачастую в публикациях присутствуют слова, обращения на языке северных народов, что показывает заинтересованность в понимании жизненных условий и спецификации территорий, являющихся традиционными для проживания коренных народов: «Ыллыр (отдарок) во всеобщем употреблении у якутов. Он переносит нас к тому времени, когда якутская родовая организация еще не знала мены. Самодовлеющие коллективно-хозяйственные единицы находили все потребное собственными силами. Но если являлась какая-либо нужда, то требуемый предмет не покупали, а несли обладателю его подарок, причем заявляли о своей нужде. Характерным отличием ыллыра от мены служит то, что меняемые таким образом вещи не только не равноценны, хотя бы приблизительно, но отдарок всегда во много раз должен быть ценнее подарка. Этим и пользуются, причем в руках власть имущих обычай этот превращается в обременительное вымогательство. <...> «Что в мыслях держа, ты гостишь» (Туту санагар тутангыгы ыллыгын)? – спрашивает якут. «Убоина нужна». – «Хорошо, подумаем». Сделка окончена» («Восточное обозрение» № 150, 17 декабря 1897).

В разделе литературных обзоров публикуются сказания коренных народов, в частности якутов: «Огневая старуха» («Восточное обозрение» № 9, 19 января 1897; «Восточное обозрение» № 12, 26 января 1897 – окончание); «Счастье Матресь» («Восточное обозрение» № 12, 26 января 1897; «Восточное обозрение» № 13, 29 января 1897 – продолжение; «Восточное обозрение» № 15, 2 февраля 1897 – окончание).

Специфика же диеты коренного населения была довольно чуждой или неприемлемой для горожан: «Говорят: что русскому здорово, то немцу смерть. Доля правды в этом есть. Ни один немец не вынесет безнаказанно потребления мякинного хлеба, не говоря о специально «якутском», или серой капусты, не говоря о потреблении тех трав, которые ест якут даже не в голодное время...» («Восточное обозрение» № 104, 31 августа 1897). «Здесь всегда найдете рыбу с душиком, и привычные якутские желудки отлично переваривают то, что другого уложило бы на месте» («Восточное обозрение» № 139, 21 ноября 1897).

При этом в публикациях этнокультурной направленности явно прослеживается необходимость сохранения уникальной культуры коренных народов северных территорий Российской империи: «В несравненно худшем положении, чем переселенцы, находятся сибирские инородцы, особенно живущие на севере Зап. Сибири. Ученые исследователи уже обратили внимание на вымирающие инородческие племена и указывают на необходимость прийти к ним на помощь и защитить их от эксплуатации промышленников» («Восточное обозрение» № 2, 3 января 1897); касательно возобновления деятельности этнографической секции Иркутского отдела РГО – «первобытные черты и особенности инородч жизни сглаживаются, теряются с каждым днем и наносятся наслоениями пришлой культуры, что стало быть, в его прямую обязанность должны входить заботы о том, чтобы возможно скорее и возможно полнее в то же время зарегистрировать эти убывающие и исчезающие черты» («Восточное обозрение» № 14, 31 января 1897); «якут как огня боится русской колонизации. При мало-мальски серьезных размерах ее местной администрации предстоит серьезная задача: обмежевание и ограждение интересов якута» («Восточное обозрение» № 146, 7 декабря 1897). Отдельным блоком идут информационные сообщения или полноценные очерки, посвященные культурно-просветительской и образовательной деятельности на сибирских и восточных территориях Российской империи, в том числе среди инородческого населения. Так, в первом номере газеты «Восточное обозрение» за 1897 год в начальном разделе статьи «Обозрение сибирской жизни за 1896 г.», посвященном народному образованию, сообщается следующее: «Потребность в высшем образовании с каждым годом увеличивается в Сибири. К нему начали приобщаться такие далекие окраины, как Якутск и Владивосток. В последнем городе мещанское общество дает даже пособие для получения высшего образования. Якуты по своей бедности такого пособия не в состоянии дать,

но сама молодежь, ищущие высшего образования, обладает достаточной энергией, чтобы пробить себе дорогу. Нам передавали, что один якут, будучи томским студентом, летом для приобретения необходимых ему денежных средств, нанимался на сельские работы к окрестным крестьянам» («Восточное обозрение» № 1, 1 января 1897). Этнографическая тема является одной из ведущих в разделе научного обозрения газеты. Так, в четвертом номере за 1897 год размещена рецензия на антропологический очерк Н.Л. Геккера «К характеристике физического типа якутов», опубликованного в Записках Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества по этнографии за 1896 год (т. 3, вып. 1). В том числе автор рецензии публикует основные выводы Н.Л. Геккера с собственными комментариями («Восточное обозрение» № 4, 8 января 1897).

Десятый номер за 1897 год знакомит читателей с результатами экспедиции Вилькицкого, целью которой было исследование устьев Енисея и Оби, где есть упоминание и о северных народах: «На всем 1000-верстном протяжении Обской губы экспедиция не встретила ни одной живой души... Насколько на судах экспедиции велика была радость увидеть, наконец, берега, заселенные человеком, настолько появлением судов были напуганы дикари. Остяки подошли к судам и когда увидели на палубе одного из пароходов проводника, взятого экспедицией с ближайшего рыболовного станка, то поспешно и с беспокойством его спросили: «Чьи это люди, нашего ли они царя?» И только когда рыболов их совершенно успокоил на этот счет, остяки принесли членам экспедиции хлеба и рыбы» («Восточное обозрение» № 10, 22 января 1897). В одиннадцатом номере за 1897 год опубликована рецензия на «Рассказы о Восточной Сибири, т.е. о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском», составленные Ф. Девелем («Восточное обозрение» № 11, 24 января 1897). В двадцатом номере за 1897 год дается обзор основных докладов заседания этнографической секции Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества от 6 февраля 1897 года, в том числе о результатах амурской экспедиции Р.К. Маака и якутской экспедиции И.М. Сибирякова, и этом же номере опубликована рецензия на работу В.В. Бартенева «Понятия обдорских остяков о грехе» («Восточное обозрение» № 20, 14 февраля 1897).

5. Заключение

Результаты анализа публикаций еженедельной газеты «Восточное обозрение» позволяют сформировать представление о региональном образе северных народов в конце XIX века, об особенностях взаимоотношений между представителями коренных этнокультурных групп и пришлым населением, характер их отношений.

В ходе исследования были выделены элементы, составляющие образ коренных народов в конце XIX века, которые были определены в результате проведенного контент-анализа. Среди них можно выделить следующие: представители коренных народов Севера воспринимались жителями городов как часть повседневной жизни, связанной с торговой сферой: они являлись поставщиками и продавцами мяса, пушнины; подчеркнутая этнокультурная уникальность, особенность северных народов; также их образ наделялся особыми этнопсихологическими характеристиками – выполняющими обещания, дорожащими культурой. Основные упоминания связаны с якутами, юкагирами, тунгусами, остяками и т.д., т.е. присутствовала спецификация групп коренных северных народов на уровне повседневной жизни.

Из анализа этих исторических источников следует, что, с одной стороны, в большинстве своем коренное население проживало в крайне тяжелых условиях, но, с другой – отмечается почти невероятная способность этих людей адаптироваться к суровым природным условиям, довольствуясь лишь самым необходимым. При том практически всеми авторами заметок, статей отмечается открытый к взаимодействию и дружелюбный характер.

Отдельно стоит отметить активную образовательную и просветительскую деятельность, развивающуюся на азиатских территориях Российской империи, а также особый интерес к изучению и сохранению этнокультурной специфики народов Севера.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 21-09-43014 «"Великое братство народов" (В.Н. Увачан): национальная политика СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера в Эвенкийском и Таймырском национальных (впоследствии – автономных) округах Красноярского края в 1920–1970-е гг.».

Литература

- Андерсон, 2016 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Москва, 2016. 416 с.
 Астафьев, 2011 – Астафьев П.А. Газета «Восточное обозрение» как орудие общественного контроля в алтайских событиях 1882–1883 годов // *Исторический ежегодник: Сборник статей*. 2011. С. 45–55.
 Бочаров, Скобелев, 2013 – Бочаров А.В., Скобелев К.В. Опыт разработки методики контент-анализа отражения крестьянской жизни в сибирской периодической печати начала XX века

(на примере газеты «Восточное обозрение» за январь 1905 г.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 367. С. 58-63.

Головнев, 1995 – Головнев А.В. Говорящие культуры традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Гольдфарб, 1997 – Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. 216 с.

Гольдфарб, Бурдонов, 2011 – Гольдфарб С.И., Бурдонов Н.В. «Восточное обозрение». Иркутск: 350-летию Иркутска посвящается. Иркутск, 2011. 594 с.

Гончарова, Ягубов, 2019 – Гончарова Т.Н., Ягубов А.Х. Феномен западного колониализма на страницах газеты «Восточное обозрение» // *Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени*. 2019. № 19–2. С. 87-104.

Дамешек, 1989 – Дамешек Л.М. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири в период капитализма (1861–1917) // *Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 1: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма*. 1989. С. 98.

Долгих, 1970 – Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.

Иванова, 2018 – Иванова Л.Д. Система газетной прессы на рубеже XIX–XX вв. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 «Проблемы образования, науки и культуры»*. 2018. 24(2). С. 5-12.

Кискидосова, 2020 – Кискидосова Т.А. «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX – начала XX века: обзор современной историографии // *Гуманитарный вектор*. 2020. № 15 (3). С. 73-81.

Копцева и др., 2012 – Копцева Н.П., Амосов А.Е., Бахова Н.А., Бокова В.И., Булак К.А., Задорожная А.В., Заложнева М.С., Замараева Ю.С., Ильбейкина М.И., Кеуш А.И., Кивкуцан Г.В., Кирко В.И., Кистова А.В., Кривоногов В.П., Либакова Н.М., Лузан В.С., Махонина А.А., Медянцева Н.В., Ноздренко Е.А., Пименова Н.Н., Рафиков Р.Г., Резникова К.В., Савраменко Ю.А., Саймова В.С., Саушкина У.В., Семенова А.А., Синькевич Е.А., Сертакова Е.А., Федина Е.В., Шмидт Ю.В. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Красноярск, 2012. 639 с.

Кривоногов, 2017 – Кривоногов В.П. Этнические процессы у коренных малочисленных народов. Красноярск, 2017. 96 с.

Ланкина, 2016 – Ланкина Ю.С. Социокультурное развитие городов юга Приамурского генерал-губернаторства в 1884–1913 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. 2016. 22 с.

Этноатлас Красноярского края, 2018 – Этноатлас Красноярского края, 2018. Гл. ред. Рафиков Р.Г. Красноярск, 2018. 224 с.

Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

Севостьянова, 2019 – Севостьянова Е.В. «Дряхлый Восток заставил говорить о себе...»: Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в. // *Российско-китайские исследования*. 2019. № 3 (3). С. 62-75.

Скобелев, 2013 – Скобелев С.Г. Демография коренного населения Сибири: объективистское направление в дореволюционной отечественной историографии (материалы для учебного курса) // *Вестник Новосибирского государственного института. Серия «История, философия»*. 2013. № 12 (5). С. 6-11.

Тушканов, 2015 – Тушканов Д.И. Изучение периодической печати Царицына: историографический обзор // *Актуальные проблемы истории – краеведческие исследования: Сборник научных работ*. 2015. С. 78-83.

Фельштинский, Чернявский, 2012 – Фельштинский Ю., Чернявский Г. Усть-Кут и Верхолениск. «Восточное обозрение». М., 2012. 448 с.

Яковлев, Шишкин, 2003 – Яковлев А.Н., Шишкин В.И. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. 672 с.

References

Anderson, 2016 – Anderson, B. (2016). Voobrazhaemye soobshchestva [Imaginary communities]. Moscow. [in Russian]

Astafev, 2011 – Astafev, P.A. (2011). The newspaper "Eastern Review" as an instrument of public control in the Altai events of 1882-1883. *Istoricheskij ezhegodnik: sbornik statej*. Pp. 45-55. [in Russian]

Bocharov, Skobelev, 2013 – Bocharov, A.V., Skobelev, K.V. (2013). Experience in developing a methodology for content analysis of the reflection of peasant life in the Siberian periodical press of the early XX century (on the example of the newspaper "Eastern Review" for January 1905). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 367: 58-63. [in Russian]

Dameshek, 1989 – Dameshek, L.M. (1989). Dynamics and ethnic composition of the indigenous population of Siberia during the period of capitalism (1861-1917). *Istoricheskii opyt sotsial'no-*

demograficheskogo razvitiya Sibiri. Vyp. I: Paleodemografiya i demograficheskie protsessy v Sibiri v epokhu feodalizma i kapitalizma. P. 98. [in Russian]

Dolgikh, 1970 – *Dolgikh, B.O.* (1970). Ocherki po etnicheskoi istorii nentsev i entsev [Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets]. M. [in Russian]

Etnoatlas Krasnoyarskogo kraja, 2018 – *Etnoatlas Krasnoyarskogo kraja, 2018*. Ed. by Rafikov R.G. [Ethnoatlas of the Krasnoyarsk region]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Fel'shtinskiy, Chernyavskiy, 2012 – *Fel'shtinskiy, Yu., Chernyavskiy, G.* (2012). Ust'-Kut and Verholensk. "Vostochnoe obozrenie" [Ust'-Kut and Verholensk. «Eastern Review»]. Moscow. [in Russian]

Gol'dfarb, 1997 – *Gol'dfarb, S.I.* (1997). Gazeta «Vostochnoe obozrenie» (1882-1906) [The newspaper "Eastern Review" (1882-1906)]. Irkutsk. [in Russian]

Gol'dfarb, Burdonov, 2011 – *Gol'dfarb, S.I., Burdonov, N.V.* (2011). «Vostochnoe obozrenie». Irkutsk: k 350-letiyu Irkutskaya posvyashchaetsya [«Eastern Review». Irkutsk: dedicated to the 350th anniversary of Irkutsk]. Irkutsk. [in Russian]

Golovnev, 1995 – *Golovnev, A.V.* (1995). Govoryashchie kul'tury traditsii samodiitsev i ugrov [Speaking cultures and traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg. [in Russian]

Goncharova, Yagubov, 2019 – *Goncharova, T.N., Yagubov, A.H.* (2019). Fenomen zapadnogo kolonializma na stranicah gazety «Vostochnoe obozrenie». *Proceedings of the Department of History of Modern and Modern Times*. 19-2: 87-104. [in Russian]

Goncharova, Yagubov, 2019 – *Goncharova, T.N., Yagubov, A.H.* (2019). The phenomenon of Western colonialism on the pages of the newspaper «Eastern Review». *Trudy kafedry istorii Novogo i Novejshego vremeni*. 19-2: 87-104. [in Russian]

Ivanova, 2018 – *Ivanova, L.D.* (2018). The system of the newspaper press at the turn of the XIX-XX centuries. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 24(2): 5-12. [in Russian]

Kiskidosova, 2020 – *Kiskidosova, T.A.* (2020). «Urban everyday life» in regional periodicals of the second half of the XIX-early XX century: a review of modern historiography. *Gumanitarnyj vektor*. 15(3): 73-81. [in Russian]

Koptseva i dr., 2012 – *Koptseva, N.P., Amosov, A.E., Bahova, N.A., Bokova, V.I., Bulak, K.A., Zadorozhnaya, A.V., Zalozhneva, M.S., Zamaraeva, Yu.S., Il'bejkina, M.I., Keush, A.I., Kivkucan, G.V., Kirko, V.I., Kistova, A.V., Krivonogov, V.P., Libakova, N.M., Luzan, V.S., Mahonina, A.A., Medyancheva, N.V., Nozdrenko, E.A., Pimenova, N.N., Rafikov, R.G., Reznikova, K.V., Savramenko, Yu.A., Sajmova, V.S., Saushkina, U.V., Semenova, A.A., Sin'kevich, E.A., Sertakova, E.A., Fedina, E.V., Shmidt, Yu.V.* (2012). Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyakh global'nykh transformatsii (na materiale Krasnoyarskogo kraja) [Indigenous small-numbered peoples of the North and Siberia in the context of global transformations (based on the material of the Krasnoyarsk region)]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Krivonogov, 2017 – *Krivonogov, V.P.* (2017). Etnicheskie processy u korennykh malochislennykh narodov [Ethnic processes among indigenous small-numbered peoples.]. Krasnoyarsk, 2017. [in Russian]

Lankina, 2016 – *Lankina, Yu.S.* (2016). Sociokul'turnoe razvitie gorodov yuga Priamurskogo general-gubernatorstva v 1884-1913 gg. [Sociocultural development of cities in the South of the Amur General government in 1884-1913]. Irkutsk. [in Russian]

Rynkov, 2010 – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicals: a place in the system of historical sources. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Sevost'yanova, 2019 – *Sevost'yanova, E.V.* (2019). «The decrepit East made us talk about ourselves...»: China and Japan on the pages of the newspaper "Eastern Review" in the last quarter of the XIX century. *Rossijsko-kitajskie issledovaniya*. 3(3): 62-75. [in Russian]

Skobelev, 2013 – *Skobelev, S.G.* (2013). Demography of the indigenous population of Siberia: the objectivist direction in pre-revolutionary Russian historiography (materials for the training course). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo instituta. Seriya: istoriya, filosofiya*. 12(5): 6-11. [in Russian]

Tushkanov, 2015 – *Tushkanov, D.I.* (2015). Izuchenie periodicheskoy pechati Caricyna: istoriograficheskij obzor [Studying the Tsaritsyno periodical press: a historiographical review: collection of scientific works]. *Aktual'nye problemy istorii – kraevedcheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh rabot*. Pp. 78-83. [in Russian]

Yakovlev, Shishkin, 2003 – *Yakovlev, A.N., Shishkin, V.I.* (2003). Process nad kolchakovskimi ministrami. Maj 1920. [The trial of the Kolchak ministers. May 1920]. Moscow. [in Russian]

Северные народы Российской империи в региональной прессе конца XIX века

Дарья Сергеевна Пчелкина ^{a, *}, Ксения Александровна Дегтяренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье поставлена задача определить и проанализировать региональный образ северных народов Российской империи конца XIX века. Материалами исследования выступают статьи газеты «Восточное обозрение», считавшейся одним из ведущих местных печатных изданий своего времени. Основное внимание авторов сосредоточено на публикациях этнокультурной тематики газеты, в частности посвященных коренным народам Севера Российской империи.

Фактический материал исследования позволяет выделить несколько основных элементов регионального образа народов, населявших территорию Сибири в конце позапрошлого столетия. Эти результаты были достигнуты в ходе проведения качественного контент-анализа публикаций, размещенных в выпусках «Восточного обозрения» в 1897 году.

Авторами рассмотрена специфика функционирования периодической печати как исторического документа эпохи и ее роль в создании региональной идентичности. В отличие от общепризнанных документов, которые традиционно рассматриваются в качестве исторических источников – законодательные и политические документы, научные труды и т.п., периодические издания фиксируют актуальные для общества тенденции, настроения. «Восточное обозрение» в конце XIX века считалась «голосом правды» для большого количества населения азиатской части России, представляя локальное бытописание. Периодическая печать всегда активно принимала и принимает участие в заполнении пробелов в региональной истории культуры, в данном случае – связанных с жизнью коренных малочисленных народов Севера Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Статьи, заметки и упоминания северных народов позволяют проанализировать не только фиксируемые на страницах газеты события, но и контекст, в котором они происходят, отношения авторов публикации газеты и читателей, что содержательно раскрывает региональный образ коренных жителей территории Сибири в указанный период.

Ключевые слова: коренные народы Севера, Российская империя, региональная идентичность, региональная пресса, Н.М. Ядринцев.

* Корреспондирующий автор

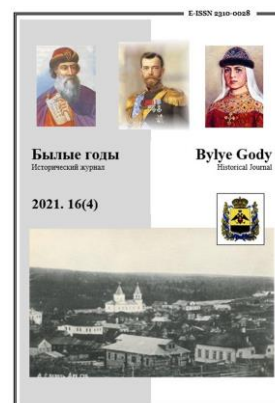
Адреса электронной почты: pchelkina.ml@mail.ru (Д.С. Пчелкина),
akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1964-1971
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1964

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Discussion of the Issue of Obtaining an Ice-Free Port in the Far East by the Leadership of the Russian Empire at the end of the 19th century

Valeriy V. Suvorov ^{a, b, *}, Lyudmila V. Klimovich ^c

^a Saratov State Medical University, Russian Federation

^b National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine, Russian Federation

^c Ulyanovsk State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

Far Eastern policy of the Russian Empire in the second half of the 19th century outlined for the Russian authorities the tasks of providing everything necessary for the Pacific squadron, among which the most important was the receipt of an ice-free port. Searches were undertaken back in the 1880s, but they had no practical result and this issue remained unresolved until the mid-1890s, when it was re-identified in connection with the Sino-Japanese War. The Russian leadership coincided in their views that the use of Japanese ports for the repair and parking of the Russian fleet after the Sino-Japanese war became inconvenient, since Japan could stop it at any time. Maintaining the combat readiness of the Pacific Fleet in the presence of a port and a repair dock only in Vladivostok was a difficult task. In this context, the study of the development of the views of statesmen and the naval command regarding obtaining an ice-free port in the context of their understanding of the military-strategic and cultural-historical tasks of Russia acquires particular importance. At the same time, if the event history is well known enough, then the evaluative side, views and judgments of persons directly related to the solution of the issue of a non-freezing port need further research. Despite the study of the terrain and active discussion of the issue of an ice-free port, neither the naval command, nor representatives of various ministries were able to come up with a solution to this issue. The refusal to take decisive action on this issue was due to fears of a negative reaction from the European powers or Japan, with which it did not seem advisable to enter into an open conflict. It is significant that none of the departments of the state apparatus of the Russian Empire was able to take responsibility and resolve the issue of occupying the ice-free port. The delay in resolving this issue in the context of the provocations of Germany in 1897 and her occupation of the Chinese port of Kia-Chao caught the Russian government by surprise, which resulted in the unplanned occupation of Port Arthur, which, on the scale of the Far Eastern policy, became a turning point that changed the main political vector of “peaceful penetration” to the East, promoted by S.Yu. Witte.

Keywords: Far East, Pacific squadron, ice-free port, Russian empire, cultural and historical tasks of Russia.

1. Введение

Развитие дальневосточного направления внешней политики во второй половине XIX в. поставило перед российским правительством задачу обеспечения всем необходимым Тихоокеанской эскадры, так как единственный морской порт Владивосток не подходил для данных целей в зимнее время из-за замерзания его акватории. Поиски альтернативного варианта были начаты еще в 1880-е гг., однако практического результата не имели и данный вопрос оставался не решенным до середины 1890-х гг., когда был вновь обозначен в связи с японо-китайской войной. Желание

* Corresponding author

E-mail addresses: valeriy_s@inbox.ru (V.V. Suvorov)

получить полностью не замерзающий океанский порт, конкуренция с европейскими державами, а также необходимость решить другие стратегические задачи в итоге привели к занятию Россией Порт-Артура, что стало поворотным событием дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв. Для Российской власти занятие Порт-Артура оказалось незапланированным событием, обусловленным стечением обстоятельств, начало которым было положено активизацией действий Германии в Китае и занятием одного из его портов.

В данном контексте представляет интерес развитие взглядов государственных деятелей и морского командования относительно приобретения незамерзающего порта в контексте их понимания военно-стратегических и культурно-исторических задач России и соотношения сил на Дальнем Востоке в целом. При этом, если событийная история достаточно хорошо известна, то оценочная сторона, взгляды и суждения лиц, непосредственно связанных с решением вопроса о незамерзающем порте для России на Тихоокеанском побережье, нуждаются в дальнейшем исследовании.

2. Материалы и методы

В качестве источников выступает информация из официальной переписки представителей различных ведомств по дальневосточным проблемам (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465; Всеподд, 1932; Депеня, 1938), а также материалы журналов особых совещаний (Журнал 20 января, 1932; Журнал 30 марта, 1932; Журнал 9 августа, 1932), в которых представлена реакция руководства различных министерств и командующих флотом на события, происходившие на Дальнем Востоке, и дальнейшие внешнеполитические планы Российской империи. В рамках подобных обсуждений содержится достаточно обширная информация, связанная с определением необходимости и возможными трудностями при получении Россией незамерзающего порта на побережье Тихого океана.

При исследовании взглядов представителей различных ведомств на проблему незамерзающего порта большое значение имеет применение антропологического подхода. Он позволяет показать понимание государственными деятелями, военными и моряками исторических задач России и способов их достижения в контексте влияния их субъективных представлений на предлагаемые идеи. Большое значение при исследовании понимания задач Российской империи в Азии принадлежит приемам герменевтики, которые дают возможность понимать смысл текста источников личного происхождения, интерпретировать в их общей совокупности. Важную роль для определения содержательной стороны различных взглядов, концепций играет сравнительный метод, сопоставление с подобными текстами. Применение сравнительного метода позволило сопоставить взгляды представителей различных ведомств на проблему незамерзающего порта, определить общие суждения о возможности и препятствиях ее решения, а также выделить индивидуальные предложения по выбору порта.

3. Обсуждение

История международных отношений на Дальнем Востоке, внешнеполитических шагов, предпринимаемых Россией в конце XIX века, привлекала внимание многих исследователей. Событийная сторона, затрагивающая отдельные вопросы, связанные с поиском Россией незамерзающего порта, получила освещение на страницах различных публикаций. Еще в 1918 г. было издано исследование Исторической комиссии, работавшей при Морском генеральном штабе по описанию деятельности русских морских сил накануне Русско-японской войны. В данной публикации был введен в научный оборот комплекс документов, который позволил осветить в том числе и вопросы поиска незамерзающего порта (Русско-японская война, 1918).

В монографии Чой Доккю показана ситуация, которая сложилась в отношении аренды корейского порта Мозампо и находившегося рядом с ним острова Каргодо (Доккю, 1996). Вопрос приобретения незамерзающего порта на Дальнем Востоке более обстоятельно был изучен в статье С.А. Гладких (Гладких, 1998). В исследовании А.В. Чистого, несмотря на подробное освещение вопроса поиска места для обустройства базы для Дальневосточной эскадры российского флота в 1880-е гг., не уделяется внимание данному вопросу применительно к середине 1890-х гг. (Чистый, 2002).

Вопросы поиска незамерзающего порта нашли отражение в обстоятельной монографии И.В. Лукоянова, посвященной дальневосточной политике России в конце XIX – начале XX вв. Автор, наряду с неопубликованными архивными материалами, опирается также на данные издания Исторической комиссии по описанию действий флота накануне Русско-японской войны (Лукоянов, 2008).

В методологическом плане близкими к обозначенной проблематике являются исследования В.В. Суворова, затрагивающие взгляды министра финансов С.Ю. Витте, министров иностранных дел М.Н. Муравьева и В.Н. Ламздорфа, а также ряда других общественно-политических деятелей (Suvorov, 2017; Suvorov, 2018; Суворов, 2017; Суворов, Сулимин, 2019).

Несмотря на достаточно обстоятельное исследование событийной истории занятия Порт-Артура, детально изложенной еще в труде Исторической комиссии по истории русского Тихоокеанского флота на

рубеже XIX–XX веков, недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с представлениями российских государственных деятелей и военных и их оценкой данных вопросов.

4. Результаты

При рассмотрении истории обсуждения возможности занятия незамерзающего порта, различных доводов, высказывавшихся участниками дискуссий, обращает на себя внимание оценка возможного противодействия со стороны других держав. Еще в середине 1880-х гг. была обозначена проблема поиска незамерзающего порта, в котором нуждалась Тихоокеанская эскадра, и уже тогда же была возможность получить такой порт в Корее. Корейский король с конца 1884 г. несколько раз выступал с предложением установить над Кореей покровительство России, за что обещал предоставить незамерзающий порт (Пак, 2004: 145-147). Несмотря на удобную ситуацию, Россия не решилась на установление протектората из-за опасения протестов других держав (Лукоянов, 2008: 230). Российское руководство продолжало считать, что «естественным» союзником России была Япония, в портах которой зимовала Тихоокеанская эскадра, хотя к этому времени уже были обнаружены удобные для стоянки флота незамерзающие бухты и рейды, такие как остров и пролив Гончарова, Гензан, Фузан.

В данном отношении показательно мнение управляющего Морским министерством адмирала И.А. Шестакова, который в 1886 г. настаивал, что необходимо остаться во Владивостоке и отказаться от поисков новой базы и соответственно направить все финансовые затраты на завершение оборудования и обороны Владивостокского порта (Русско-японская война, 1918: 20-21). Министр иностранных дел Н.К. Гирс отмечал, что получение прибрежных пунктов в Корее приведет к осложнению дружественных отношений с Китаем и Японией, а также может дать основания европейским державам для занятия намеченных ими пунктов (Русско-японская война, 1918: 21). По итогам особого совещания 1886 г. было принято решение остановиться окончательно на Владивостоке и никаких других пунктов устройства военных и торговых портов не искать ни в российских пределах, ни вне их.

Несмотря на оборудование Владивостокского порта и поддержание навигации порта в зимнее время с помощью ледоколов, капитальные ремонтные работы для российских боевых судов продолжали производиться в японских портах, где российские суда пользовались полным гостеприимством (Русско-японская война, 1918: 22). Основные силы эскадры находились в летнее время преимущественно во Владивостоке, а зимой – в японских портах, посещая также китайские и корейские (Русско-японская война, 1918: 43). Отсутствие во Владивостоке сухого дока для больших кораблей и слабые средства его адмиралтейства ставили эскадру в зависимость от иностранных портов, преимущественно японских. Замерзание Владивостока заставляло суда базироваться в зимнее время в них.

Положение изменилось после того, как началась японо-китайская война. В записке Министерства иностранных дел 26 июля 1894 г. отмечалось, что для отражения интересов России необходимо было потребовать, чтобы воюющие стороны держались на определенном расстоянии от границ России, не занимая самую северную из корейских провинций Хан-Кион-до. Интересы России были обусловлены тем, что в этой области находились наиболее приближенные к России незамерзающие порты – бухта Гошкевича и порт Лазарева (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 90б.). В третьей записке была отмечена важность для России восточного побережья Кореи, давно признаваемая морским ведомством. Там были расположены незамерзающие порты Лазарева и Шестакова, о занятии которых уже ранее поднимался вопрос. Однако из-за того, что эти порты находились в самом центре Японского моря, они не обеспечивали свободного выхода из него в Тихий океан. Кроме этого, порт Лазарева был слишком обширным, поэтому для его укрепления могло потребоваться занятие достаточно обширной территории (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 140б.).

В записке отмечалось, что абсолютная гарантия свободного плавания через пролив Броутон могла быть обеспечена только приобретением Россией небольшого острова на юге Корейского полуострова, например острова Карюдо. Допускалось, что данный остров мог быть превращен в русское поселение, как это было сделано в южно-китайских водах Гонконга. Однако предъявить подобные требования было бы возможно только при явном нарушении интересов России на Дальнем Востоке в ходе мирных переговоров Китая и Японии (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 15).

В ходе особого совещания 9 августа 1894 г. министр иностранных дел Н.К. Гирс рассматривал Японию как естественного союзника России, а также отмечал, что японские порты были необходимы для российских эскадр даже в мирное время. Однако при этом отмечалось, что недопустимым было завладение Японией Корейского полуострова и ограничение выхода русской эскадры из Японского моря. Тогда же управляющий Морским министерством Н.М. Чихачев отмечал, что в случае вмешательства Англии России необходимо было бы занять остров Гончарова с удобной якорной стоянкой. Однако занятие корейского острова без особых причин не только оказалось бы бесполезным для России, но повлекло бы большие расходы для его укрепления (Журнал 9 августа, 1932: 66).

Вопрос о зимней стоянке эскадры Тихого океана был решен в Петербурге в середине октября 1894 г. Посланник в Токио считал, что приход русской эскадры в Японию «будет только способствовать опровержению всяких ложных слухов» (*Русско-японская война, 1918: 44*). Однако пребывание русской эскадры на Нагасакском рейде было нарушено просьбой японского правительства, чтобы в Нагасаки по возможности не бывало одновременно более двух военных судов одной нации, мотивируя эту просьбу теснотой рейда (*Русско-японская война, 1918: 45*).

На особом совещании (1 февраля) 20 января 1895 г. военный министр П.С. Ванновский сообщил о записке министра иностранных дел, предлагавшего занять один из островов с южной стороны Корейского полуострова у входа в пролив Броутон, что позволило бы гарантировать возможность плавания по нему, если бы интересы России оказались бы нарушены при переговорах Китая и Японии. Ванновским было сообщено об острове Каргодо, где можно было бы создать поселение наподобие военной станции Англии в Гон-Конге (*Журнал 20 января, 1932: 68-69; РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 42-54*). Тем не менее, признавая целесообразность данной меры, военный министр допускал ее исполнение только в крайнем случае, который еще не наступил.

Временно управляющий Министерством иностранных дел Н.П. Шишкин выступил против занятия каких-либо островов, так как России важно было показать отсутствие агрессивных намерений и не потерять дружеских отношений с Европейскими державами и Японией (*Журнал 20 января, 1932: 69*). Шишкин отметил, что основные интересы России находились в Корее и соответственно были бы задеты в большей степени при ее занятии японцами, чем при занятии ими портов Артура и Вей-Хай-Вея (*Журнал 20 января, 1932: 70*).

Занятие острова Каргодо, по мнению управляющего Морским министерством Н.М. Чихачева, было бы более удобным для России, чем занятие части корейской территории, имевшей большую стратегическую значимость для Японии. При этом Чихачев в качестве более целесообразного варианта рассматривал занятие Россией части Маньчжурии, так как после этого оккупация Японией портов Артура и Вей-хай-вея не имела бы для России значения (*Журнал 20 января, 1932: 70*).

Начальник Главного штаба Н.Н. Обручев считал, что занятие удаленных от территории России корейских островов создало бы затруднения при их защите, а потому не обеспечивало в полной мере российских интересов (*Журнал 20 января, 1932: 73*).

Хотя Россия и не стремилась к занятию территории Кореи, морское командование, как следует из письма Н.М. Чихачева Н.П. Шишкину 27 января 1895 г., продолжало рассчитывать на незамерзающий порт на ее побережье (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 18*). Однако подобное желание занять часть территории Кореи с выходом в море не нашло практического отражения в дальневосточной политике России.

В телеграмме от 5 февраля 1895 г. адмирал П.П. Тыртов сообщал, что не был уверен в дружественности японских портов (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 28*). В письме командиру порта во Владивостоке 21 февраля 1895 г. Н.М. Чихачев излагал инструкцию адмиралу Тыртову, в которой отмечалось, что усиление российской эскадры на Тихом океане должно было поддерживать авторитет России во время обсуждения условий между воюющими державами. Характерна неопределенность развития событий: «Предсказать трудно, куда поведет нас отстаивание наших интересов на Востоке» (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 63*). Чихачев писал о необходимости наметить порт на Корейских островах или в Китае как базиса в случае возникновения необходимости скрытно от других держав сосредоточить эскадру (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 63об.*). Кроме этого, надлежало следить за действиями англичан и японцев.

Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский 25 марта 1895 г. отмечал, что в случае активной политики на Дальнем Востоке, направленной на удовлетворение интересов России через наступательные действия, проявляется двоякость ее цели. России нужен был незамерзающий порт и часть Маньчжурии для завершения Сибирской железной дороги (*Всепопд, 1932: 75*). При этом Лобанов-Ростовский понимал, что Китай добровольно бы не уступил ни какой-либо из портов, ни часть маньчжурской территории, а соответственно не мог выступать как «полезный» союзник. Япония же, по мнению Лобанова-Ростовского, будет некоторое время нуждаться в опоре России против Англии (*Всепопд, 1932: 76*), которую министр иностранных дел рассматривал и как самого опасного противника России в Азии. Министр отмечал, что из-за замерзания вод Владивостокского порта порты Японии сохраняли первостепенную важность для Тихоокеанского флота России как в мирное, так и в военное время, поэтому борьба с Англией без них была бы невозможной. В связи с этим Лобанов-Ростовский делал вывод о том, что России не следовало бы демонстрировать враждебные действия в отношении Японии, хотя вместе с другими державами нужно было предпринять меры, чтобы Япония не смогла усилиться слишком сильно в результате поражения Китая (*Всепопд, 1932: 77*).

Особое совещание 30 марта 1895 года подтвердило неоднозначность позиции российской политической элиты. По мнению великого князя Алексея Александровича, следовало сохранить хорошие отношения с Японией, рассматривая ее как естественного врага Англии, поэтому Россия должна была бы выступить на стороне Японии, вступив с ней в соглашение для соблюдения российских интересов. В основе интересов находилось приобретение незамерзающего порта.

В качестве варианта рассматривался порт Лазарева и полоса Маньчжурии по Амуру, занять которые без соглашения с Японией было бы затруднительно. В более выгодных условиях находилась бухта Шестакова (*Журнал 30 марта, 1932: 80*).

П.С. Ванновский полагал, что нельзя было допускать Японию в Маньчжурию, а потому для России целесообразнее было уступить южную часть Кореи, заняв при этом какой-нибудь порт на Корейском побережье. Великий князь Алексей Александрович опасался, что Япония, противодействуя России, превратится в ее постоянного сильного врага, действующего совместно с Англией (*Журнал 30 марта, 1932: 81*).

В апреле 1895 г. российская эскадра на Тихом океане оставила Кобе и Иокогаму и переместилась в китайский порт Чифу. После заключения мира между Японией и Китаем эскадра отправилась во Владивосток. В качестве наиболее удобного порта летом 1985 г. Е.И. Алексеевым был отмечен Киао-Чао (*Русско-японская война, 1918: 66-75*), а также места для желательных баз в корейских портах Мазанпо и Кожедо (Каргодо). При этом все они имели свои недостатки: Кожедо располагался слишком близко к Японии, а Мазанпо требовалось укрепить и обеспечить его связь с Сибирской железной дорогой (*Русско-японская война, 1918: 81-84*). Морским министром Н.М. Чихачевым в качестве альтернативного варианта был предложен корейский порт Шестаков (*Русско-японская война, 1918: 121*).

В телеграмме вице-адмирала Тыртова от 20-го августа 1895 г. был поднят вопрос об опорном пункте для эскадры зимой в случае возникновения натянутых отношений с Японией. Данный вопрос обсуждался им совместно с адмиралами Макаровым и Алексеевым. Владивосток был пригоден для этой цели только до замерзания бухты. Корейские порты, по мнению Тыртова, были неудобны, так как телеграф находился в японских руках. Из северных китайских портов Чифу было трудно защищать из-за его открытости, к тому же зимой он был беспокоен и неудобен для мелких судов. Порт Киао-чао вполне соответствовал требованиям, имел телеграф и провизию, однако был закрыт для европейцев, в связи с чем необходимо было получить право на пользование им, а также бухтами Нимрод и Намкуан (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 252*).

Тыртов отмечал, что предпринять что-либо серьезное можно было только с значительно увеличенными морскими силами и сухопутными войсками: «Было бы желательно иметь все необходимое для захвата Цусимы или части Готских островов и для удержания их как опорный пункт для судов, действующих против Японии» (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 2520б.*). Также Тыртов сообщал, что необходимо было иметь хотя бы на адмиралтейских судах переводчиков японского и китайского языков.

В телеграмме Тыртову от Чихачева от 25 сентября 1895 г. сообщалось, что отношения с Японией были удовлетворительными на тот момент и в выборе нового порта для стоянки судов не было необходимости. Однако требовалось установить постоянное наблюдение за действиями морских держав в портах Китая и Кореи, таких как Лазарев, Фузан, Чемульпо, Чифу, Вей-хай-вей, Тяньцзинь, Чусан, Нингпо, Амоу. При этом посещение и стоянка судов в портах Японии были поставлены на усмотрение Тыртова по соглашению с посланником (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 274*). Кроме этого сообщалось, что полезно было бы командировать судно для изучения порта Киао-Чао, так как, по мнению Министерства иностранных дел, открыть его для России не составило бы затруднений (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 2740б.*). В телеграмме также отмечалась необходимость в подробностях обозреть остров Коргода для составления о нем заключения как военном порте в политическом, стратегическом, тактическом, климатическом отношениях (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 2740б, 282*). В случае военных действий с Японией цель определялась в уничтожении японского военного флота, разгроме морских arsenалов и уничтожении торговых судов (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 282*). Содержание телеграммы было одобрено императором (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 274*).

В письме министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского Н.М. Чихачеву от 16 ноября 1895 г. сообщалось, что китайское правительство после «некоторого упорства» согласилось на зимовку Тихоокеанской эскадры в бухте Киао-Чао на южном берегу Шаньдунского полуострова (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 310*), а также разрешило запастись провиантом и установить телеграф.

В письме 21 ноября 1895 г. А.Б. Лобанов-Ростовский сообщал Н.М. Чихачеву, что китайское правительство разрешило перезимовать Тихоокеанской эскадре в порту Киао-Чао, хотя он и не относился к открытым портам, но чтобы не было претензий со стороны других держав, оно просило при первой возможности найти себе другую стоянку (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 332-3320б.*). В ответном письме в декабре 1895 г. Лобанову-Ростовскому сообщалось, что использование портов Киао-Чао как временной стоянки для Тихоокеанской эскадры на изложенных условиях не представлялось выгодным, так как этим самым обнаружилось бы стремление России занять порт, в котором она не может прочно утвердиться вследствие условий китайского правительства. При этом отмечалось, что было бы желательно, если бы этот порт был открыт для всех наций, а России предоставлено право устройства там поселения по типу французских, английских и американских в Шанхае, Ханькоу и других (*РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 331*).

В зиму 1895–1896 г. русской эскадре пришлось остановиться в Нагасаки, а в Киао-Чао новым командующим Тихоокеанской эскадрой Е.И. Алексеевым был направлен небольшой отряд контр-адмирала Г.П. Чухнина, остававшийся там в течение недели, с 12 (24) по 18 (30) апреля 1896 г. (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1689. Л. 2-20б.). Непродолжительное посещение должно было закрепить за Россией право пользоваться данным портом. Однако Китай намеревался сохранить закрытость порта для иностранных судов, обещая при этом при открытии Киао-Чао признать первенство за Россией в его использовании (Депеша, 1938: 35-36).

Е.И. Алексеев к началу 1896 г. в качестве более приемлемого варианта стал рассматривать Кожедо, однако его использование было затруднительным без укрепления влияния России в Корее (Русско-японская война, 1918: 142). Взгляды Алексеева в целом не противоречили политике министра финансов, однако не способствовали развитию дружественных отношений с Японией. Ф.В. Дубасов, сменивший Алексеева, осенью 1896 г. посетил Корейское побережье, сделав свой выбор на Мазанпо. Дубасов считал, что война с Японией была неизбежной, но в ней он видел способ разрешения противоречий (Русско-японская война, 1918: 197). Данную точку зрения, разделяемую морским командованием, не поддерживали ни в Министерстве иностранных дел, ни в Министерстве финансов (Доккю, 1996: 89-91).

Возобновление интереса морского ведомства к приобретению территории на побережье Корейского залива как для порта, так и для необходимой флоту инфраструктуры было обусловлено принятием корейским королем командира Тихоокеанской эскадры адмирала Ф.В. Дубасова 18 ноября 1897 г. Дубасов просил продать России территорию в Фузане для создания угольной станции (Лукоянов, 2008: 265). Однако после протестов Англии и Японии против получения Россией слишком большой, по их мнению, территории в Мокпо и Циннампо, которые были открыты во второй половине 1897 г. для иностранцев, С.Ю. Витте уменьшил размеры приобретаемых участков настолько, что на них оказалось бы невозможно построить порты, хотя до этого он выступал за их максимальные размеры (Русско-японская война, 1918: 290-291).

Вступление российских кораблей на рейд Порт-Артура 4 (16) декабря 1897 г. было во многом обусловлено многолетними поисками незамерзающего порта. При этом аренда территории Китайской империи шла вразрез с планами С.Ю. Витте, сделав невозможным осуществление изначального замысла по «тихому проникновению» и установлению экономического влияния России в Китае, в то же время среди сторонников более решительных действий на Востоке данный шаг получил ожидаемую поддержку (Suvorov, 2017: 1037-1038).

5. Заключение

Таким образом, при выборе Россией незамерзающего порта предпочтение изначально отдавалось бухтам Корейского побережья, которые казались наиболее удобными, однако возможное противодействие Японии не позволило реализоваться подобным замыслам. Китайские порты расценивались как менее удобные. Порт-Артур изначально как удобная гавань, которую следовало бы занять, не рассматривался.

Взгляды представителей российского руководства совпадали в том, что использование японских портов для ремонта и стоянки русского флота после японо-китайской войны становилось неудобным, так как Япония могла прекратить нахождение русского флота в своих портах в любое время. Поддерживать боеготовность Тихоокеанского флота при наличии порта и ремонтного дока только во Владивостоке было трудновыполнимой задачей. В российском руководстве, несмотря на многолетнее обсуждение вопроса о необходимости незамерзающего порта для русской эскадры, так и не сформировалось единой позиции ко второй половине 1897 г., где нужно занять необходимую гавань.

Отказ от решительных действий в данном вопросе был обусловлен опасениями негативной реакции Европейских держав или Японии, с которыми вступать в открытый конфликт не представлялось целесообразным. Показательно, что ни одно из ведомств государственного аппарата Российской империи так и не смогло взять на себя ответственность и решить вопрос о занятии незамерзающего порта на Тихоокеанском побережье.

Литература

- РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
 Всеподд, 1932 – Всеподд. записка министра ин. дел (6 апреля) 25 марта 1895 г. // *Красный архив*. 1932. № 3 (52). С. 74-74.
 Депеша, 1938 – Депеша поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (20 октября) 1 ноября 1897 г., № 31 // *Красный архив*. 1938. № 2 (87). С. 34-36.
 Гладких, 1998 – Гладких С.А. Проблема приобретения Россией незамерзающего военного порта на Дальнем Востоке // *Гангут*. 1998. Вып. 16. С. 3-16.
 Доккю, 1996 – Доккю Ч. Россия в Корее 1893–1905 гг. (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб.: Зеро, 1996. 159 с.
 Журнал 20 января, 1932 – Журнал Особого совещания (1 февраля) 20 января 1895 г. // *Красный архив*. 1932. № 3 (52). С. 67-74.

[Журнал 30 марта, 1932](#) – Журнал Особого совещания (11 апреля) 30 марта 1895 г. // *Красный архив*. 1932. № 3 (52). С. 78-83.

[Журнал 9 августа, 1932](#) – Журнал Особого совещания (21) 9 августа 1894 г. // *Красный архив*. 1932. № 3 (52). С. 62-67.

[Лукоянов, 2008](#) – *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

[Пак, 2004](#) – *Пак Б.Д.* Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 520 с.

[Русско-японская война, 1918](#) – Русско-японская война 1904–1905 гг. Часть I. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 г. по 1901 г. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Пг., 1918. XIV, 505 с.

[Суворов, 2017](#) – *Суворов В.В.* Культурно-исторические задачи России на Востоке во взглядах С.Н. Сыромятникова // *Самарский научный вестник*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 259-262.

[Суворов, Сулимин](#) – *Суворов В.В., Сулимин А.Н.* Взгляды С.Ю. Витте на культурно-историческое значение железнодорожного сообщения на востоке Российской империи // *Самарский научный вестник*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 185-188.

[Чистый, 2002](#) – *Чистый А.В.* Морская политика Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 200 с.

[Suvorov, 2018](#) – *Suvorov V.V.* The opinion of M.N. Muravyov and V.N. Lamzdorf on the cultural and historical tasks of Russia in the Far East // *Bylye Gody*. 2018. 48 (2): 786-793.

[Suvorov, 2017](#) – *Suvorov V.V.* Views of S.Yu. Witte on the cultural and historical tasks of Russia in the East // *Bylye Gody*. 2017. 45 (3): 1036-1043.

References

[Chistyj, 2002](#) – *Chistyj, A.V.* (2002). Morskaja politika Rossijskoj imperii na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX v. [The naval policy of the Russian Empire in the Far East in the second half of the 19th century]. Dissertacija ... kand. ist. nauk. SPb., 200 p. [in Russian]

[Depesha, 1938](#) – *Depesha poverennogo v delah v Pekine Pavlova ministru inostrannyh del Murav'evu*, (20 oktjabrja) 1 nojabrja 1897 g., № 31 [Dispatch of the Chargé d'Affaires in Beijing Pavlov to the Minister of Foreign Affairs Muravyov, (October 20) November 1, 1897, No. 31]. *Krasnyj arhiv*. 1938. 2(87): 34-36. [in Russian]

[Dokkju, 1996](#) – *Dokkju, Ch.* (1996). Rossija v Koree 1893-1905 gg. (Politika Ministerstva finansov i Morskogo ministerstva) [Russia in Korea 1893-1905 (Policy of the Ministry of Finance and the Ministry of the Sea)]. SPb: Zero, 159 p. [in Russian]

[Gladkih, 1998](#) – *Gladkih, S.A.* (1998). Problema priobretenija Rossiej nezamerzajushhego voennogo porta na Dal'nem Vostoke [The problem of Russia's acquisition of an ice-free military port in the Far East]. *Gangut*. 16: 3-16. [in Russian]

[Lukojanov, 2008](#) – *Lukojanov, I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossija na Dal'nem Vostoke v konce XIX – nachale XX v. ["Keeping up with the powers ..." Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. SPb.: Nestor-Istorija, 2008. 668 p. [in Russian]

[Pak, 2004](#) – *Pak, B.D.* (2004). Rossija i Koreja. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Russia and Korea. Second edition, supplemented]. M.: Institut vostoковедения РАН, 2004. 520 p. [in Russian]

[RGAVMF](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенно-Morskogo Flota [Russian State Archives of the Navy].

[Russko-japonskaja vojna, 1918](#) – Russko-japonskaja vojna 1904–1905 gg. Chast' I. Russkie morskije sily na Dal'nem Vostoke s 1894 g. po 1901 g. Rabota istoricheskoj komissii po opisaniju dejstvij flota v vojnu 1904–1905 gg. pri Morskom General'nom shtabe [The Russo-Japanese War of 1904-1905. Part I. Russian naval forces in the Far East from 1894 to 1901. The work of the historical commission to describe the actions of the fleet in the war of 1904–1905. at the Naval General Staff]. Pг., 1918. XIV, 505 p. [in Russian]

[Suvorov, 2017](#) – *Suvorov, V.V.* (2017). Kul'turno-istoricheskie zadachi Rossii na Vostoke vo vzgljadah S.N. Syromjatnikova [Cultural and historical tasks of Russia in the East in the views of S.N. Syromyatnikov]. *Samarskij nauchnyj vestnik*. 6. 3(20): 259-262. [in Russian]

[Suvorov, 2017](#) – *Suvorov, V.V.* (2017). Views of S.Yu. Witte on the cultural and historical tasks of Russia in the East. *Bylye Gody*. 45(3): 1036-1043.

[Suvorov, 2018](#) – *Suvorov, V.V.* (2018). The opinion of M.N. Muravyov and V.N. Lamzdorf on the cultural and historical tasks of Russia in the Far East. *Bylye Gody*. 48(2): 786-793.

[Suvorov, Sulimin](#) – *Suvorov, V.V., Sulimin, A.N.* *Vzglyady, S.Ju.* (2019). Vitte na kul'turno-istoricheskoe znachenie zheleznodorozhnogo soobshhenija na vostoke Rossijskoj imperii [The views of S.Yu. Witte on the cultural and historical significance of railway communication in the east of the Russian Empire]. *Samarskij nauchnyj vestnik*. Т. 8. 4(29): 185-188. [in Russian]

[Vsepodd, 1932](#) – *Vsepodd*. zapiska ministra in. del (6 aprelja) 25 marta 1895 g. [The most submissive note of the Minister of In. cases (April 6) March 25, 1895]. *Krasnyj arhiv*. 1932. № 3 (52). pp. 74-74. [in Russian]

Zhurnal 20 janvarja, 1932 – Zhurnal Osobogo soveshhanija (1 fevralja) 20 janvarja 1895 g. [Journal of the Special Meeting (February 1) January 20, 1895]. *Krasnyj arhiv*. 1932. № 3 (52), pp. 67-74. [in Russian]
Zhurnal 30 marta, 1932 – Zhurnal Osobogo soveshhanija (11 aprelja) 30 marta 1895 g. [Journal of the Special Meeting (April 11) March 30, 1895]. *Krasnyj arhiv*. 1932. № 3 (52), pp. 78-83. [in Russian]
Zhurnal 9 avgusta, 1932 – Zhurnal Osobogo soveshhanija (21) 9 avgusta 1894 g. [Journal of the Special Meeting (21) August 9, 1894]. *Krasnyj arhiv*. 1932. № 3 (52), pp. 62-67. [in Russian]

Обсуждение вопроса о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке руководством Российской империи в конце XIX века

Валерий Владимирович Суворов ^{a, b, *}, Людмила Валерьевна Климович ^c

^a Саратовский государственный медицинский университет. Российская Федерация,

^b Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России, Российская Федерация

^c Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

Аннотация. Дальневосточная политика Российской империи во второй половине XIX в. обозначила перед российской властью задачи обеспечения всем необходимым Тихоокеанской эскадры, среди которой важнейшей оказалось получение незамерзающего порта. Поиски предпринимались еще в 1880-е гг., однако практического результата не имели и данный вопрос оставался не решенным до середины 1890-х гг., когда был вновь обозначен в связи с японо-китайской войной. Взгляды Российского руководства совпадали в том, что использование японских портов для ремонта и стоянки русского флота после японо-китайской войны становилось неудобным, а поддерживать боеготовность Тихоокеанского флота при наличии порта и ремонтного дока только во Владивостоке было трудновыполнимой задачей.

В данном контексте особое значение приобретает изучение развития представлений государственных деятелей и морского командования относительно приобретения незамерзающего порта в контексте их понимания военно-стратегических и культурно-исторических задач России. Оценочная сторона, взгляды и суждения лиц, непосредственно связанных с решением вопроса о незамерзающем порте, нуждается в дальнейшем исследовании. Несмотря на изучение местности и активное обсуждение вопроса о незамерзающем порте, ни морское командование, ни представители различных министерств не смогли подойти к практическому решению данного вопроса. Отказ от решительных действий в данном случае был обусловлен опасениями негативной реакции Европейских держав или Японии, с которыми вступать в открытый конфликт не представлялось целесообразным. Показательно, что ни одно из ведомств государственного аппарата Российской империи так и не смогло взять на себя ответственность и решить вопрос о занятии незамерзающего порта. Затягивание решения данного вопроса в контексте провокаций Германии в 1897 г. и занятия ею китайского порта Киа-Чао застало правительство России врасплох, следствием чего стало незапланированное занятие Порт-Артура, которое в масштабах дальневосточной политики стало поворотным событием, изменившим основной политический вектор «мирного проникновения» на Восток, продвигаемый С.Ю. Витте.

Ключевые слова: Дальний Восток, Тихоокеанская эскадра, незамерзающий порт, Российская империя, культурно-исторические задачи России.

* Корреспондирующий автор

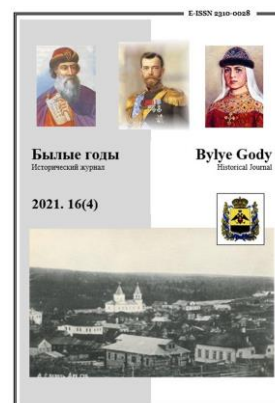
Адреса электронной почты: valeriy_s@inbox.ru (В.В. Суворов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1972-1980
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1972

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Popular Scientific Book for Children “Peoples of Russia” as a Historical Source

Natalia N. Seredkina ^{a,*}, Natalia N. Pimenova ^a, Anna A. Shpak ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

“Peoples of Russia” is a series of ethnographic stories for children. This article analyzes the first issue of the series entitled “Deserts of the North and their nomadic inhabitants” by N. A. Aleksandrov. The book was published in 1898 and was not reprinted during the Soviet and post-Soviet times. It was also not subjected to a scientific description, while the work contains valuable historical material on the ethnography of Russia. In a form that is generally accessible for perception, N. A. Aleksandrov systematizes the historical and ethnographic material about the peoples inhabiting the North of Russia in the XIX century. The purpose of the study is to consider the image of these peoples, to study their ethnic-forming markers, from the standpoint of which the peoples are presented in the source. The research was carried out on the basis of the analysis of six ethnographic stories and the contents of the “Interpreter” section. Source analysis has become the main research method. As a result of the study, ethno-forming markers of such historical peoples of the north of Russia as the Lapps, Samoyeds, Ostyaks, Yukagirs, Chukchi, and Koryaks were identified. Ethnographic markers are manifested through the description of the appearance of members of peoples, their way of life, beliefs, traditions, rituals, social structure, economic situation, interethnic relations, in particular with Russians. It demonstrates not only the territorial remoteness of peoples from civilization, but also the decisive role of the natural and climatic conditions of the North in the formation of the culture of peoples. The systematization of historical data based on the analysis of the first issue of the “Peoples of Russia” publication substantially supplements the available information regarding the processes that took place among the northern peoples of Russia in the XIX century.

Keywords: Peoples of Russia, North, indigenous peoples, stories, ethnography of Russia, Samoyeds, Chukchi, deer, nature of the tundra, N. A. Aleksandrov.

1. Введение

Северные народы России, как и вся территория Севера, с давних времен привлекают к себе внимание историков. Наряду с официальными документами, научными отчетами, различного рода заметками в средствах массовой информации, ценность представляют и художественные научно-популярные тексты. Одним из таких текстов выступает труд замечательного русского ученого, писателя, издателя, этнографа, художественного критика Николая Александровича Александрова (1841–1907) «Пустыни Севера и их кочующие обитатели», изданный в 1898 году. Это первый систематический труд по этнографии России, научно не описанный до настоящего времени.

Цель исследования состоит в реконструкции исторического образа народов Севера России XIX века на основе источниковедческого анализа труда «Пустыни Севера и их кочующие обитатели» Н.А. Александрова.

* Corresponding author

E-mail addresses: nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), annahey@gmail.com (A.A. Shpak)

2. Материалы и методы

2.1. Исследование проведено на основе шести этнографических рассказов и раздела «Толкователь» первого выпуска издания «Народы России» – «Пустыни Севера и их кочующие обитатели» Н.А. Александрова.

2.2. Основным методом исследования стал источниковедческий анализ, предполагающий два этапа: на первом – была изучена история создания текста, его общая структура, цель автора; на втором – был проведен культурологический анализ с элементами пересказа содержания каждого из семи разделов книги. Особое внимание уделялось интерпретации описываемых событий, имеющих отношение к культуре коренных народов Севера.

3. Обсуждение

Среди первых наиболее полных описаний природно-климатических условий севера и народов, проживающих в тундре, являются труды А.Ф. Миддендорфа «Путешествие на Север и Восток Сибири» (Миддендорф, 1878) и П.И. Третьякова «Туруханский край, его природа и жители» (Третьяков, 1871). Наряду с научными отчетами полевых работ в местах компактного проживания коренных народов Севера (Копцева, 2012; Arzyutov, Kan, 2017; Копцева, Резникова, 2015; Григорьева, 2016), источниковедческую базу по истории северных народов России составляют архивные письменные источники различной направленности. К анализу документальных материалов по истории и этнографии Сибири обращаются С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина (Гайдин, Бурмакина, 2019), О.Б. Степанова (Степанова, 2021). Анализу фольклорных, мифологических, шаманских текстов посвящают свои работы Е.Н. Романова, О.Е. Добжанская (Романова, Добжанская, 2019), Е.Р. Батянова (Батянова, 2018). Произведения национальной литературы как источник характеристики мироотношения коренных народов Севера анализируются Ж.В. Бурцевой (Бурцева, 2020), В.С. Лузаным (Лузан, 2016), О.К. Павловой (Pavlova, 2018), К.В. Резниковой, Ю.С. Замараевой (Резникова, Замараева, 2016) и другими (Середкина, 2016; Сертакова, 2016; Ситникова, 2016; Смолина, 2016). Значимость поддержания развития национальной литературы для сохранения традиционной культуры обосновывается в трудах Н.П. Копцевой, Н.Н. Середкиной (Середкина, Копцева, 2018), Ю.С. Замараевой, Н.А. Сергеевой, А.И. Филько (Замараева и др., 2018).

Издания «Народы России» Н.А. Александрова не переиздавались в советское и постсоветское время и не подвергались научному анализу. В статье Д.В. Парыгиной эта книга лишь упоминается как источник для изучения культурного наследия Арктики, ориентированный на детскую аудиторию (Парыгина, 2016).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика источника

«Народы России» – это серия книг Николая Александровича Александрова. В рамках данной серии вышли три выпуска: «Пустыни Севера и их кочующие обитатели» (Вып. 1), «Иногородцы лесов. Сибирь» (Вып. 2), «Иногородцы лесов» (Вып. 3.).

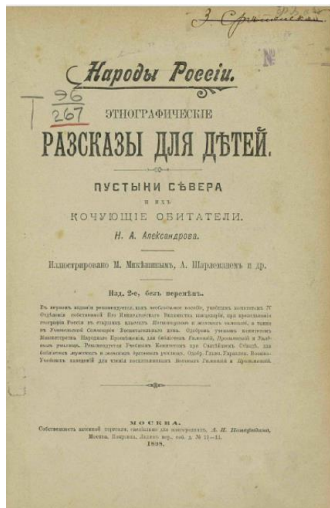

Рис. 1. Титульная страница книги

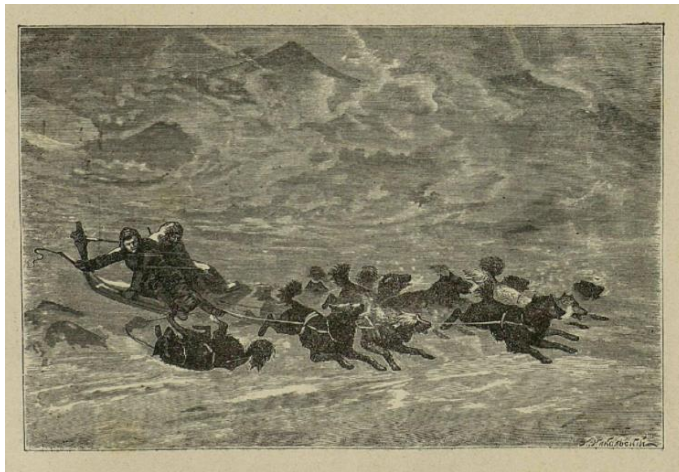

Рис. 2. Иллюстрация П. Никольского в разделе «Земля чукчей и коряков»

Объектом нашего исследования является первый выпуск. Предпосылками к его изданию послужило, по замечанию Н.А. Александрова, наличие «мизерных сведений» о народах, живущих в России среди воспитанников учебных заведений, а также отсутствие всякого понимания об этнографии России в обществе в целом (Александров, 1898: 4).

Несмотря на то, что выпуск состоит из 6 самостоятельных этнографических рассказов, все они объединены единой логикой изложения, разворачивающейся от описания «совершенно дикой и недоступной природы тундры... к более благодатной природе...; и тут же параллельно, начиная с народов диких, бродячих и кочевых, ...к народам оседлым и цивилизованным» (Александров, 1898: 6). Каждый народ описывается с позиции ключевых для его культуры событий. Как пишет автор, «...я беру ...только то, что данный народ более всего характеризует» (Александров, 1898: 7). На протяжении первых трех рассказов сквозным персонажем выступает Кастрен, молодой путешественник. Хронологически рамки его путешествия обозначены периодом с 1838 года (начало путешествия) по 1855 год (год смерти персонажа). В четвертом рассказе таким путешественником выступает ученый естествоиспытатель Мидендорф. Началом его путешествия обозначен 1843 год. В пятом и шестом рассказах меняется характер повествования. Большое место занимают повествования от лица автора и лица сибиряков, которые обращаются к прошлому, к рассказам своих дедов о жизни на севере.

4.2. Анализ содержания источника

Лапландцы или Лопари (осень на тундре)

Этнографический рассказ «Лапландцы и Лопари (осень в тундре)» – это повествование о быте, обычаях, жизни лопарей, которое ведется от третьего лица. Значительное место в повествовании отводится автором описанию природы и климата тундры, называемой «пустыней». Подчеркивается ее сила перед человеком: «...тундра, точно всасывая, постепенно вбирает в себя попавшуюся жертву» (Александров, 1898: 20).

Обитатели этой «пустыни» – лопари – характеризуются как «кочующие, почти еще дикие» (Александров, 1898: 17). Живут они в «деревушке», образованной рядом жилищ, называемых «веже». Это небольшие сооружения с низкими отверстиями для входа. Конструкция веже состоит из тонких жердей и досок, «положенных в наклонном положении и таким образом, что веже шире всего становилась посередине, а на обоих концах она суживалась и образовывала две узкие боковые стены с двумя отверстиями» (Александров, 1898: 26). С целью сохранения тепла веже обкладывалась торфом. Сбоку на высоких столбах располагалась кладовая.

Из беседы Кастрена с русским промышленником читатель узнает о ряде исторических фактов миграции лопарей, в том числе о том, что они мигрировали вместе с другими финскими племенами из Азии, в частности из Алтая. По своему составу лопари делятся на кочующих и некочующих. Кочующие – живут в самой тундре. Дома и избы они не строят, а перевозят с собой доски и жерди. Оседлые же лопари строят себе дома. Они не занимаются оленеводством и живут ближе к морю. Среди лопарей есть вожак, хорошо знающий особенности местности. Он же выступил проводником и для Кастрена.

Владели лопари как своим национальным языком, так и довольно хорошо говорили на русском языке. Помимо языка, от русских, согласно рассказу, они переняли много обычаев и обрядов.

Лопарки характеризуются трудолюбивыми, прекрасными мастерицами. Лопари, наряду с охотой, занимались рыбным промыслом, началом которого считалось 24 июня, день начала весны в тундре.

Одежда у лопарей делилась на летнюю и зимнюю. Летняя – состояла из серой суконной юпы до пят и серого колпака. Зимнюю одежду составляли мешки или рубахи, называемые пески, сшитые из оленьих шкур. Одна рубаха надевалась шерстью вверх, другая – шерстью вниз. На голову надевались оленьи шапки с наушниками шерстью вверх. Они пришивались вплотную к нижней рубахе. Неотъемлемым атрибутом одежды лопарей был кожаный ремень, к которому подвязывались ножи, ключи, мошеники и разные погремушки. Самой ценной вещью был нож: «...без ножа лопарь никуда ни на шаг; с ним он даже ложится и спать» (Александров, 1898: 25). Женская одежда в целом была такая же, что и у мужчин. Единственным ее отличием был декор. Женские рубахи, или пески, декорировались яркими суконными лоскутами, которые пришивались в разных местах. Украшениями служили бусы и цепочки с крестом.

Ключевыми обрядами в рассказе названы свадьба и погребение, имеющие особый ритуальный и театрализованный характер. Несмотря на то, что лопари, согласно Кастрену, были приобщены к христианству преподобным Трифоном Печенежским еще со времен Иоанна Грозного, оставалась сильна их языческая вера.

Самоеды (зима на тундре)

Так же, как и в предыдущем рассказе, главный герой Кастрен выступил наблюдателем жизни самоедов, у которых он пробыл с конца 1842 года по ноябрь 1843 года.

Достаточно подробно описывается одежда самоедов – малица, савик (та же малица только с капюшоном), нимы (национальный вид сапог) и традиционное жилище – чум. Особое внимание обращено описанию священного места – «синекуй», где хранились у самоедов «лучшие вещи и самые лакомые съестные припасы» (Александров, 1898: 46).

Описанию религиозной картины мира самоедов также отведено значительное место. Религиозные воззрения самоедов определяли, согласно наблюдениям Кастрена, отношение к женщинам – инькам, вера в существование определенной иерархии высших существ: Нум, духи –

тадебции, шаман – тадибей. Ритуализирован был также и обряд погребения. Похоронный обряд у самоедов сопровождался возложением в могилу умершего всех необходимых для жизни вещей. Такими вещами был нож умершего, хорей, которым он погонял оленей при жизни, разбитая чашка, из которой он пил. Самого умершего одевали в лучшую одежду. Считалось, что умерший будет еще несколько дней жить в могиле и вещи ему будут нужны. Над могилой возводили курган, на котором приносили в жертву любимого оленя умершего. Могила украшалась также хаге, деревянной фигурой, называемой «болванчиком». Последним действием проходил обряд кормления болванчика: «самоеды мазали свежей оленьей кровью губы болванчика, тыкали ему в рот куски оленьей печенки...» (Александров, 1898: 51).

Остяки (весна на тундре)

Путешествие героя к остякам сопровождается подробным описанием расцвета весны в тундре. Подчеркивается ее быстротечность, определяющая также и динамичный характер жизни остяков в этот период.

Основными видами деятельности у остяков называются рыболовство и охота на птиц. Это был их основной заработок, который они отдавали купцам либо в казну, либо меняли на необходимые для них вещи (как правило, хлеб и водку).

Согласно описанию, остяки были маленькими с большими головами и тонкими худыми ногами. В обществе Кастрена вели себя тихо и боязливо. По мнению автора, это отпечаток влияния сурового мира тундры.

Традиционным жилищем остяков назван «берестяной, низенький, четырехугольный чум, с высокой остроконечной крышей, сделанной из ивовых стволов, обшитых с помощью гибких древесных кореньев берестою...» (Александров, 1898: 71-72). Возле каждого чума на высоких столбах располагались традиционно кладовые. Внутри чума находились идолы, или хаге, по-остяцки называемые «лонг».

Сообщество остяков находилось в зависимости от купцов и самого князя. В казну князя остяки должны были отдавать определенную долю своего улова. Само общество остяков делилось по родам, в каждом из которых был старшина, который собирал ясак.

Верования остяков также описаны в рассказе. Самым почитаемым животным среди остяков был медведь. Клятва, произносимая с упоминанием медведя, считалась самой сильной, нарушить ее было нельзя. Сильна была также вера в идолов, с которыми обращались как с живым существом. Идола «одевали по утрам в костюм покойного, раздевали и клали спать, затем кормили, т.е. ставили во время обеда перед ними пищу» (Александров, 1898: 79). Как и самоеды, остяки клали в могилу с умершим все необходимые для жизни вещи. Считалось, что умерший живет еще в могиле три года и всеми вещами, которые были положены с ним в могилу, он пользуется, как и при жизни.

Таймурская земля и Сибирские Самоеды или Самоядь (Путешествие Мидендорфа и ловля песка)

Рассказ о Таймурской земле раскрывается через путешествие ученого естествоиспытателя Мидендорфа в 1848 году. В команде были и другие: «...ученый Брандт, один топограф и три Туруханских казака...» (Александров, 1898: 89). Описываемые события приходятся на период с апреля по октябрь.

Особое место занимает описание природных явлений, представляющих суровую сибирскую тундру как страшную, неприступную, пустынную и ужасную. В путешествии описываются такие оптические эффекты Севера как снежная слепота. Северные туманы настолько плотные, что поиск дороги мог осуществляться только строго по компасу. Представители животного мира в рассказе также упоминаются: «Они видели начало Таймурской тундры, видели у берегов белых медведей, диких оленей, на море же китов и белуг...» (Александров, 1898: 87).

Самоеды в рассказе представляются следующим образом: «Скудная жизнь, мрачная природа сделали и самый тип сибирского самоеда весьма серьезным, суровым; на вид он кажется каким-то недоступным, диким; узенькие глаза самоеда строго глядят из-под широких век и нависшего лба; безбородый, скуластый, с клоками прямых щетинистых волос на голове, он походит в иные минуты на зверя» (Александров, 1898: 90-91).

Подчеркиваются анималистические воззрения самоедов: «...медведь вовсе не зверь и что под его косматой одеждой срывается человеческий образ, одаренный свыше божественной силой и мудростью» (Александров, 1898: 91).

Быт самоедов кочевой и сравнивается опять же с мезенскими самоедами и связан с переходом оленьих стад, а также с охотой на разного пушного зверя, преимущественно песка: «...самоед придумал для него разные силки, капканы, западни, кулемки, а зачастую охотится на него с ружьем» (Александров, 1898: 92).

Повествование о путешествии Мидендорфа, помимо описания природных и климатических условий жизни на Таймурской земле, включает важные этнографические очерки о быте самоедов. Описываются тонкости охоты, в частности на песка, внешний вид самоедов и верования. Автор выбирает именно охоту на песка в качестве знаковой, так как позднее именно белая шкура песка будет знаком белой и холодной пустыни Севера для путешественника Мидендорфа.

Юкагиры (Лето на тундре и охота на оленя)

Следующий рассказ повествует о жизни юкагиров, коренного народа, проживающего на севере Дальнего Востока. Разворачиваемые события территориально происходят на реке Анюй, притоке Колымы. Время рассказа приходится на весну и лето, когда зимние запасы кончились и юкагиры начинают охоту на дикого оленя. С этнографической точки зрения рассказ содержит особенности быта юкагиров, а именно охоты на дикого оленя.

Описываемое время – весна, но необычная, когда оленья стада не появилось во время весеннего хода, что спровоцировало голод (Александров, 1898: 103). Орудия охоты на оленя – стрелы и нож. Юкагиры на маленьких легких лодках переплыли Анюй и спрятались в засаде за камнями. Не всегда охота на оленя была удачной. Олень ходил несколько раз: «...все помышления его (юкагира) ограничивались следующей засадой, – вторым или осенним ходом дикого оленя. От этого второго хода зависела вся пища на долгую зиму и все его существование. Второй же олений ход, от холодных берегов Ледовитого океана опять обратно в леса...» (Александров, 1898: 106). При переходе оленя через реку юкагиры на лодках забивали поголовье оленя, а на один чум приходилось 100–150 штук оленей.

Приготовление мяса имело разные технологии: «...и только жена брала каждый день сохранявшихся оленей из вод Анюя и то вялила оленья мясо, то коптила его, то морозила» (Александров, 1898: 110).

Оленьи шкуры и рога выделывались и обменивались на необходимые для жизни вещи: хлеб, котлы и пр. (Александров, 1898: 110). Помимо охоты на оленя, пропитание состояло из трав, деревьев, рыбы, морошки, других ягод, гусей, уток, мышей, корней.

Жаркие дни лета предполагают тучи насекомых, юкагиры ставили «дымокуры, или большие кучи сваленного мха, листа и сырого леса, дымилась, зажигаемые около пастбищ и человеческих жилищ; дым отгонял докучливую мошку, но олень, заедаемый ею, бежал, спасаясь, в воду» (Александров, 1898: 105).

Отмечаются фольклорные песни о могущественных предках: «Омаки, предки его, были народ сильный, как они говорили, вели сто лет тому назад войны с соседним храбрым народом чукчами и частью пали на войне, а частью поморила их оспа, от которой и рассеялись они...» (Александров, 1898: 105).

Рассказ знакомит читателя с таким важным аспектом жизни народа юкагиров, как охота. Все рассматривается с точки зрения необычной ситуации, в которой оказались северные народы Дальнего Востока, и как они ведут свой быт, чтобы выжить в таких природных условиях.

Земля Чукчей и Коряков (Ярмарка в селе Островном)

Повествование в этой части книги устроено в большей степени как диалог сибиряков, идущих торговать на Крайний Север и участвующих в ярмарке, которые в пути делятся историями об этих краях и их жителях. Постепенно с момента прибытия торговцев в село Островное начинает доминировать рассказ от автора. В первой его части взгляды торговцев-сибиряков и автора на особенности жизни северян кажутся общими, но как только их голоса разделяются, становится явным, что автор не разделяет взгляда на чукчей и коряков как на дикарей.

В этом рассказе также тщательно описаны климатические и природные условия. Место, куда держат путь торговцы из Колымска, названо краем света. Территория жизни чукчей и коряков описана как предельно обширная – от Колымы до Берингова пролива, от Камчатки до Ледовитого океана, при этом чукчи живут севернее реки Анадырь, а коряки – южнее. Образ этих мест из рассказов торговцев – практически необитаемый, непригодный для жизни. С удивлением путники делятся тем, что и в этих условиях живут люди, и отмечают, что в выносливости им с хозяевами этих мест не сравниться.

В описании образа жизни акцентирована роль оленя: говорится, что у чукчей и коряков есть по 4–5 тысяч оленей и корм для оленей – самое важное для чукчей, «т.к. олень и одевает, и кормит, и возит его». В отношении социального устройства путники дают понять, что чукчи очень своенравны и власти не признают («ясака не платят»), что даже их предводители не являются настоящей властью и что авторитет шаманов также не абсолютен, а решения принимаются племенем совместно. Речь идет в основном о кочующих северянах. Отмечается, что оседлые чукчи и коряки – бедные, находятся в зависимости от кочевых, не имеют оленей и ездят на собаках. Живут они охотой и промыслом. В рассказе описаны способы охоты на моржей и тюленей в воде и на берегу, а также хитрый способ охоты на волка. Из деталей культуры северных народов интерес представляет детальное описание мужского костюма чукчей и двух обрядов – свадебного обряда коряков и похоронного обряда чукчей. С акцентом на почтение и внимание к покойному описывается погребение.

Пока торговцы находятся в пути, образы этих северных народов предстают перед читателем весьма экзотичными и даже пугающими («...на людей не походили: губы у всех были прорезаны, а из прорезей этих торчали моржовые клыки»). Описываются чукчи и как народ воинственный («Якутские воеводы когда пошли на них с войском, так чукчи впереди коряков, впереди всех шли и дрались как бешеные»), и как разбойничающий («только и слышно, что чукчи грабят и разбойничают»), и как те, с кем дело иметь даже опасно («так он тут же того пикой и пырнет»). Когда в тексте встреча торговцев и представителей местных народов состоялась, то автор начинает

описывать их иным образом, в том числе называет чукчей и коряков «северными атлетами». Среди качеств чукчей описываются, например, предприимчивость и ловкость в ведении дел: «...что Чукчи предприимчивее коряков, и что они торгуют даже с Америкой. Туда переплывают они через Берингов пролив на своих легких лодках, или байдарах, и там выменивают у американцев меха и моржовые клыки» (Александров, 1898: 116). Постепенно в тексте нарастает выражение восхищения северянами. Изменение доминирующей оценки в тексте становится явным в момент жертвенного самоубийства тиуна. Торговцы-сибиряки расценивают самоубийство предводителя как проявление дикости («разбойники, душегубцы»). Автор же описывает это событие и реакцию соплеменников как проявление взаимовыручки и поступки, достойные героев: «Но коряки и другие туземцы смотрели на это убийство с благоговением, а сам тиун вполне признавал себя обязанным исполнить этот долг даже при последних предсмертных судорогах. ...Чукчи, видя его мучения, ...доколотили тиуна заботливой и дружеской рукой» (Александров, 1898: 129). В целом народ чукчей и коряков автором характеризуется как наделенный лучшими качествами: «...воинственный, борющийся с этою природой и нисколько не страшщийся ее, умный, смелый и отчаянный народ чукчей и коряков» (Александров, 1898: 130). В том числе качеством искренней веры: «...чукчи думали, что душа тиуна возносится вместе с этим пламенем прямо на небо» (Александров, 1898: 129). Коренные народы противопоставлены русским торговцам в тексте не только за счет того, что оценка сибиряков как людей со стороны оказывается далекой от того, как и что происходит на самом деле. Когда речь заходит о торговом азарте, именно приезжие предстают в описаниях автора немного дикарями, тогда как чукчи ведут себя «с какою-то непоколебимой важностью» (Александров, 1898: 121).

Раздел «Толкователь» – существенная часть издания, занимающая 26 страниц и подробно отвечающая на ряд вопросов. Цель толкователя – охарактеризовать и явления природы Крайнего Севера, и культуры живущих в нем народов. В толкователе 16 разделов, они расположены от более общих вопросов к частным: от краткого введения в то, что представляет собой этнография и на какие группы учеными разделяется население нашей планеты, до особенностей северной природы (длительность лета, северное сияние, особенности флоры и фауны тундры) и культуры (здесь освещены, вероятно, самые волнующие европейского обывателя вопросы – о том, в чем могут заключаться причины людоедства, почему шаманы раздражительны, а северяне любят табак и едят мухоморы, как появилась традиция татуировать лица). Изложение ответов на обозначенные в заглавиях вопросы включает обязательные ссылки на исследователей и их высказывания, при этом тексты ориентированы на восприятие неподготовленной аудиторией, и пояснения даны емко и достаточно простым языком.

5. Заключение

Анализ труда «Пустыни Севера и их кочующие обитатели» Н.А. Александрова позволил сконструировать исторический образ народов Севера России XIX века как особых народностей, жизнь и культура которых всецело зависима от природно-климатических условий тундры. Описанию суровых условий жизни на Севере отведено значительное место в издании. Северные народы показаны в своей динамике развития. Им не чужды процессы трансформации, которые связаны с принятием христианства и развитием практики товарообмена с русскими торговцами. При этом языческая вера показана как определяющая в жизни северных народов. Автором в текстах последовательно продемонстрирована позиция ученого, способного понять иную культуру как функционирующую должным, но особым образом, увидеть в представителях коренных народов «не дикарей» и обосновать причины того, что не все народы находятся на одинаковом этапе развития, показать ценность описываемых культур.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 21-09-43014 «"Великое братство народов" (В.Н. Увачан): национальная политика СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера в Эвенкийском и Таймырском национальных (впоследствии – автономных) округах Красноярского края в 1920–1970-е гг.».

Литература

- Александров, 1898 – Александров Н.А. Народы России: этнографические рассказы для детей. Пустыни Севера и их кочующие обитатели. Москва, 1898. 156 с.
- Батъянова, 2018 – Батъянова Е.П. Визуальные образы в мировоззрении, мифологии и фольклоре народов Севера // *Вестник угроведения*. 2018. № 8 (4). С. 695-704.
- Бурцева, 2020 – Бурцева Ж.В. Крайний Север как геопоэтический образ в литературе малочисленных народов Севера Якутии // *Вестник Удмуртского университета*. 2020. № 30 (2). С. 337-341.
- Григорьев, 2016 – Григорьев С.А. Общественно-политический аспект этнического развития коренных малочисленных народов Северо-Востока России в XX веке // *Исторические, философские,*

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 71-74.

Замараева и др., 2018 – Замараева Ю.С., Сергеева Н.А., Филько А.И. Меры по сохранению языка коренных малочисленных народов по результатам полевых и научных исследований в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2018. № 114. С. 679-694.

Коренные малочисленные народы..., 2012 – Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1: Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края / Отв. ред. Н.П. Копцева. Красноярск, 2012. 639 с.

Лузан, 2016 – Лузан В.С. Советский и постсоветский периоды в истории детской литературы на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 9 (9). С. 2060-2070.

Миддендорф, 1878 – Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. В 2 ч. СПб., 1878.

Парыгина, 2016 – Парыгина Д.В. Ресурсы Президентской библиотеки как источниковая база для изучения культурного наследия Арктики // *Полярные чтения на ледоколе «Красин»*. 2016. Т. 3. С. 160-172.

Резникова, Замараева, 2016 – Резникова К.В., Замараева Ю.С. Долганская детская литература: история и специфика // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 9 (9). С. 2022-2043.

Романова, Добжанская, 2019 – Романова Е.Н., Добжанская О.Е. Антропология холода: методология, концепции, образы (на материалах культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // *Вестник Томского государственного университета. Журнал культурологии и искусствоведения*. 2019. № 35. С. 255-263.

Середкина, 2016 – Середкина Н.Н. Эвенкийская детская литература: история и специфика // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 9 (9). С. 1994-2004.

Середкина, Копцева, 2018 – Середкина Н.Н., Копцева Н.П. Мировые и российские практики в области сохранения и воспроизводства языков коренных малочисленных народов Севера // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2018. № 11 (12). С. 2056-2077.

Сертакова, 2016 – Сертакова Е.А. Ненецкая детская литература: история и специфика // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 9 (9). С. 2013-2021.

Ситникова, 2016 – Ситникова А.А. Нганасанская детская литература: история и специфика // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 99). С. 2005-2012.

Смолина, 2016 – Смолина М.Г. Особенности детской художественной литературы коренных народов // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 9 (9). С. 1945-1976.

Степанова, 2021 – Степанова О.Б. Рукопись Е.Д. Прокофьевой «Рыболовство тазовско-туруханских селькупов» из архива Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) как источник по истории и этнографии Сибири. 1920–1960-е гг. // *Вестник архивиста*. 2021. № 1. С. 168-180.

Третьяков, 1871 – Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. 316 с.

Arzyutov, Kan, 2017 – Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the "Field" in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // *SIBIRICA*. 2017. № 16 (1). Pp. 31-74.

Gaidin, Burmakina, 2019 – Gaidin S.T., Burmakina G.A. (2019). Proposals to Protect the Interests of the Indigenous Peoples of the Turukhansk Region in 1822–1917 // *Bylye Gody*. 52(2): 634-644.

Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Clarification of the Reasons for the Ethnic Migration of the Northern Selkups on the Basis of the Historical Memory of the Indigenous Ethnic Groups of the Turukhansk District of the Krasnoyarsk Territory. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.

Pavlova, 2018 – Pavlova O. K. Mythological Image in Olonkho of the North-Eastern Yakut Tradition: Sacred Tree // *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. 7(3): 79-87.

References

Aleksandrov, 1898 – Aleksandrov, N.A. (1898). Narody Rossii: etnograficheskie rasskazy dlya detei. Pustyni Severa i ikh kochuyushchie obitateli [The peoples of Russia: ethnographic stories for children. Deserts of the North and their nomadic inhabitants]. Moscow, 156 p. [in Russian]

Arzyutov, Kan, 2017 – Arzyutov, D.V., Kan, S.A. (2017). The Concept of the "Field" in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective. *SIBIRICA*. 16(1): 31-74.

Bat'yanova, 2018 – Bat'yanova, E.P. (2018). Vizual'nye obrazy v mirovozzrenii, mifologii i fol'klore narodov Severa [Visual images in the worldview, mythology and folklore of the peoples of the North]. *Vestnik ugrovedeniya*. 8(4): 695-704. [in Russian]

Burtseva, 2020 – Burtseva, Zh.V. (2020). Krainii Sever kak geopoeticheskii obraz v literature malochislennykh narodov Severa Yakutii [The Far North as a geopoetic image in the literature of the small peoples of the North of Yakutia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 30(2): 337-341. [in Russian]

Gaidin, Burmakina, 2019 – Gaidin, S.T., Burmakina, G.A. (2019). Proposals to protect the interests of the indigenous peoples of the Turukhansk region in 1822-1917. *Bylye Gody*. 52(2): 634-644.

Grigor'ev, 2016 – Grigor'ev, S.A. (2016). Obshchestvenno-politicheskii aspekt etnicheskogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severo-Vostoka Rossii v XX veke [Socio-political aspect of the ethnic development of the indigenous peoples of the North-East of Russia in the XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10(72): 71-74. [in Russian]

Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Clarification of the Reasons for the Ethnic Migration of the Northern Selkups on the Basis of the Historical Memory of the Indigenous Ethnic Groups of the Turukhansk District of the Krasnoyarsk Territory. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.

Korennye malochislennye narody..., 2012 – Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyakh global'nykh transformatsii (na materiale Krasnoyar. kraja). Ch. 1: Kontseptual'nye i metodologicheskie osnovy issledovaniya. Etnokul'turnaya dinamika korennykh malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraja [Indigenous small peoples of the North and Siberia in the context of global transformations (on the material of the Krasnoyarsk Territory). Part 1: Conceptual and methodological foundations of the study. Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory]. Otv. red. N. P. Koptseva. Krasnoyarsk, 639 p. [in Russian]

Luzan, 2016 – Luzan, V.S. (2016). Sovetskii i postsovetskii periody v istorii detskoj literatury na yazykakh korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Soviet and post-Soviet periods in the history of children's literature in the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 9(9): 2060-2070. [in Russian]

Middendorf, 1878 – Middendorf, A.F. (1878). Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri [Travel to the North and East of Siberia]. V 2 ch. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Parygina, 2016 – Parygina, D.V. (2016). Resursy Prezidentskoj biblioteki kak istochnikovaya baza dlya izucheniya kul'turnogo naslediya Arktiki [Resources of the Presidential Library as a source base for studying the cultural heritage of the Arctic]. *Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin»*. 3: 160-172. [in Russian]

Pavlova, 2018 – Pavlova, O.K. (2018). Mythological Image in Olonkho of the North-Eastern Yakut Tradition: Sacred Tree. *Journal of History Culture and Art Research*. 7(3): 79-87.

Reznikova, Zamaraeva, 2016 – Reznikova, K.V., Zamaraeva, Yu.S. (2016). Dolganskaya detskaya literatura: istoriya i spetsifika [Dolgan children's literature: history and specifics]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 9(9): 2022-2043. [in Russian]

Romanova, Dobzhanskaya, 2019 – Romanova, E.N., Dobzhanskaya, O.E. (2019). Antropologiya kholoda: metodologiya, kontseptsii, obrazy (na materialakh kul'turnykh traditsii korennykh narodov Severa i Arktiki) [Anthropology of cold: methodology, concepts, images (based on the materials of cultural traditions of the indigenous peoples of the North and the Arctic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnal kul'turologii i iskusstvovedeniya*. 35: 255-263. [in Russian]

Seredkina, 2016 – Seredkina, N.N. (2016). Evenkiiskaya detskaya literatura: istoriya i spetsifika [Evenk children's literature: history and specificity]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 9(9): 1994-2004. [in Russian]

Seredkina, Koptseva, 2018 – Seredkina, N.N., Koptseva, N.P. (2018). Mirovye i rossiiskie praktiki v oblasti sokhraneniya i vosproizvodstva yazykov korennykh malochislennykh narodov Severa [World and Russian practices in the field of preservation and reproduction of the languages of the indigenous peoples of the North]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 11(12): 2056-2077. [in Russian]

Sertakova, 2016 – Sertakova, E.A. (2016). Nenetskaya detskaya literatura: istoriya i spetsifika [Nenets children's literature: history and specificity]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 9(9): 2013-2021. [in Russian]

Sitnikova, 2016 – Sitnikova, A.A. (2016). Nganasanskaya detskaya literatura: istoriya i spetsifika [Nganasan children's literature: history and specificity]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 9(9): 2005-2012. [in Russian]

Smolina, 2016 – Smolina, M.G. (2016). Osobennosti detskoj khudozhestvennoi literatury korennykh narodov [Features of Indigenous Children's Fiction]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 9(9): 1945-1976. [in Russian]

Stepanova, 2021 – Stepanova, O.B. (2021). Rukopis' E.D. Prokof'evoi «Rybolovstvo tazovskoturukhanskikh sel'kupov» iz arkhiva Muzeya antropologii i etnografii (Kunstkamera) kak istochnik po istorii i etnografii Sibiri. 1920-1960-e gg. [The manuscript of ED Prokofyeva "Fishing of the Taz-Turukhan Selkups" from the archives of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) as a source on the history and ethnography of Siberia. 1920-1960s]. *Vestnik arkhivista*. 1: 168-180. [in Russian]

Tret'yakov, 1871 – Tret'yakov, P.I. (1871). Turukhanskii kraj, ego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. St. Petersburg. 316 p. [in Russian]

Zamaraeva i dr., 2018 – Zamaraeva, Yu. S., Sergeeva, N. A., Fil'ko, A.I. (2018). Mery po sokhraneniyu yazyka korennykh malochislennykh narodov po rezul'tatam polevykh i nauchnykh issledovaniy v Evenkiiskom munitsipal'nom raione Krasnoyarskogo kraja [Measures to preserve the language of indigenous minorities based on the results of field and scientific research in the Evenk municipal district of the Krasnoyarsk Territory]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 11(4): 679-694. [in Russian]

Научно-популярное издание для детей «Народы России» как исторический источник

Наталья Николаевна Середкина ^{а, *}, Наталья Николаевна Пименова ^а,
Анна Андреевна Шпак ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. «Народы России» – это серия этнографических рассказов для детей. В данной статье анализируется первый выпуск серии под названием «Пустыни Севера и их кочующие обитатели» Н.А. Александрова. Книга была издана в 1898 году и не переиздавалась в советское и постсоветское время. Она не подвергалась также научному описанию, тогда как труд содержит ценный исторический материал по этнографии России. В общедоступной для восприятия форме Н.А. Александров систематизирует историко-этнографический материал о народах, населяющих Север России в XIX веке. Цель исследования состоит в рассмотрении образа данных народностей, изучении их этнообразующих маркеров, с позиции которых народы представлены в источнике. В работе проведен анализ шести этнографических рассказов и содержания раздела «Толкователь». Основным методом исследования стал источниковедческий анализ. В результате исследования выявлены этнообразующие маркеры таких исторических народов севера России, как лопари, самоеды, остяки, юкагиры, чукчи, коряки. Этнографические маркеры проявлены через описание внешности представителей народов, их быта, верований, традиций, обрядов, социальной структуры, экономического положения, межэтнических отношений, в частности с русскими. Демонстрируется не только территориальная удаленность народов от цивилизации, но и определяющая роль природно-климатических условий Севера в формировании их культуры. Систематизация данных исторических сведений на основе анализа первого выпуска издания «Народы России» существенно дополняет имеющиеся сведения относительно тех процессов, которые происходили среди северных народностей России в XIX веке.

Ключевые слова: народы России, Север, коренные народы, рассказы, этнография России, самоеды, чукчи, олени, природа тундры, Н.А. Александров.

* Корреспондирующий автор

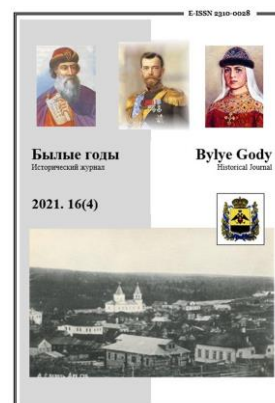
Адреса электронной почты: nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина),
pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова), annahey@gmail.com (А.А. Шпак)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1981-1995
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1981

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Unknown Project of the Reform of Governance of the Russian Cossack Hosts: Report by General N.A. Maslakovets to A.N. Kuropatkin in 1900

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the document, which was not previously involved in scientific circulation, «Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa po voprosu o detsentralizatsii del Glavnogo Upravleniya Kazach'ikh voisk». Contrary to its name, this text proposed a complete restructuring of the administrative structure of the Russian Cossacks, with the granting of broad economic autonomy. It was prepared in 1900, when the War Ministry of the Russian Empire was concerned about the impoverishment of the Cossacks, especially in the Don Host. An authoritative government expert on Cossack issues, the former Orenburg ataman N.A. Maslakovets, said that the administrative structure of the Cossack troops should also contribute to the achievement of Cossack welfare. He proposed giving to the Host's administrations broad economic autonomy and introducing elected delegates from the stanitsas to their composition, so that they defend the economic interests of the Cossacks. The most curious conclusion from the analysis of the text is that many ideas of N.A. Maslakovets coincided with the ideas of the Don opposition figures. The general, like them, believed that the well-being of the Cossacks with their complete submission to the imperial administration was impossible.

Keywords: public thought about the Cossacks, self-government of the Cossack Hosts, the War Ministry, N.A. Maslakovets.

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. для казачьих войск ознаменовался последней попыткой системных реформ, предпринятой до гибели Российской империи. Эта попытка так и осталась нереализованной, а ее история до сих пор не написана. Тем не менее по архивным документам нам удалось восстановить общий ход событий. В 1898 г. донские дворяне подали Николаю II ходатайство о необходимости борьбы с обеднением простых казаков (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 3-5). Ходатайство было удовлетворено, и император постановил создать в Новочеркасске особую выборную комиссию под председательством генерал-лейтенанта Н.А. Маслаковца, призванную выяснить причины обеднения казачества и разработать меры для борьбы с ним (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 6-6об.). Казачьими проблемами заинтересовался лично военный министр А.Н. Куропаткин, к началу следующего, 1899 г., подготовивший список мер, реализация которых могла бы быть полезна казачьим войскам (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 93-98). Вот только большая часть этих мер носила чисто декларативный характер, и конкретные формы их реализации оставались не ясны (например, военный министр призывал безо всякой детализации «окончить поземельные вопросы» на казачьих территориях и научить казаков «более обширной сельскохозяйственной деятельности» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 97). С другой стороны, на тот же 1899 г. приходится деятельность комиссии Н.А. Маслаковца, подготовившей более проработанный и системный, но при этом никак не

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

связанный с предложениями А.Н. Куропаткина проект реформ в казачьих войсках (Маслаковец, 1899). Не вдаваясь в детали этого проекта, еще ждущего своего исследователя, отметим только, что его реализацию крайне затрудняла финансовая сторона вопроса: члены комиссии утверждали, что предложенные ими реформы сократят расходы казаков более чем на 5 000 000 руб., однако за счет роста государственных расходов почти на 1 500 000 руб. (Маслаковец, 1899: 118). Между тем Министерство финансов выступало против дальнейшего увеличения расходов на казачьи войска, сравнивая его с «пополнением недочетов в благосостоянии казаков остальным населением Империи» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4). К 1900 г. А.Н. Куропаткин сумел добиться увеличения финансирования Войска Донского на 538 000 руб. и принял решение отбыть на Дон, чтобы «лично самому ознакомиться на месте с условиями быта донского казака» и «тем самым уяснить большую или меньшую степени важности и неотложности тех или иных из целого ряда намеченных означенной комиссией <Н.А. Маслаковца> мероприятий» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 4). И по итогам поездки военный министр пришел к выводу, что «угрожающего на Дону еще не так много» и в казачьих войсках можно ограничиться частными реформами (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 510б.).

Несмотря на такой скромный результат, первоначально подвергнуть изменениям планировалось многие стороны казачьей жизни, в том числе и взаимоотношения между местными властями и Военным министерством. Инициативу в этом отношении проявил сам А.Н. Куропаткин, отмечавший «сложность центральной организации <Главного Управления Казачьих войск (ГУКВ)>, по 10 лет тянущей дела», и то, что «военный министр завален непосильной работой» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96-96об.). А в 1900 г. вернувшийся с Дона Н.А. Маслаковец представил свои соображения по данному вопросу. Вот только фактически подготовленный им в итоге документ, «Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск», был посвящен далеко не указанной в заглавии теме (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7). Н.А. Маслаковец, почти сорок лет прослуживший в гражданских администрациях казачьих войск и ставший к концу 1890 гг. главным экспертом Военного министерства по казачьим вопросам, представил аналитическую записку, посвященную существующей концепции управления казачьими войсками, причинам появления этой концепции, ее критике и, главное, необходимости замены этой концепции на принципиально другую, предполагающую значительно большую автономию войсковых правлений, их частичную демилитаризацию и расширение выборного элемента в местных казачьих администрациях. На наш взгляд, составленный Н.А. Маслаковцем доклад более интересен вне контекста его появления, не в связи с вопросом о децентрализации ГУКВ, но в связи с общим кризисом управления российского казачества в конце XIX – начале XX вв. Подчеркнем, что данный текст принадлежал высокопоставленному военному чиновнику, неоднократно служившему посредником между Военным министерством и населением казачьих войск (помимо его председательства в упомянутой выше комиссии, можно отметить осмотр Н.А. Маслаковцем Забайкальского казачьего войска (Маслаковец, 1903). Тем не менее Н.А. Маслаковец признавал необходимость срочных реформ казачьих администраций, а его конкретные предложения во многом перекликались с идеями донских оппозиционных деятелей. Но при этом старый генерал хотел совместить традиционную военную администрацию казачьих войск с новыми демократическими элементами, сохранить существующую систему войсковой власти, но дополнить ее в соответствии с требованиями времени. Поэтому, на наш взгляд, «Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск», до сих пор не вовлеченный в научный оборот, заслуживает отдельного внимания историков, как крайне неортодоксальное предложение по реформе российского казачества начала XX в.

Но, прежде чем начинать анализ доклада, нужно отметить некоторые особенности личности и служебного положения Н.А. Маслаковца в 1900 г., без которых восприятие его текста будет неполным. К этому времени генералу оставалось всего несколько лет до семидесятилетия (он родился в 1833 г. (Григоревич, 1911: 262)), и, возможно, в некоторых областях его воззрения отличались определенной старомодностью. В частности, в другом своем докладе он заявлял, что научный труд по любой проблеме должен «представлять описываемые события в глубокой связи между собой, так же и по отношению их к современным явлениям, в связи с соседними с описываемую страню областями и целым государством» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4. Л. 4-4об.). Подобный системный подход был характерен для первых опубликованных исследований казачьих войск, выходявших в 1860–1880 гг. В частности, Войско Донское в это время было отражено в нескольких историко-статистических описаниях, характеризующих все стороны жизни края, от климата до религии, от народонаселения до особенностей казачьей службы (Краснов, 1863; Краснов, 1870; Номикосов, 1884). С другой стороны, системность и научность были характерны для всего Военного министерства в 1860–1870 гг., при Д.А. Милютине, когда отмечалась «внутренняя связь, которая царилла между всеми, даже самыми мелкими, меропрятями» по военному ведомству Российской империи (Военная энциклопедия, 1914: 295). А Н.А. Маслаковец как личность сформировался именно в то время. В 1860 гг. он пытался создать историко-статистические описания Оренбургского казачьего войска, содержавшие призывы к конкретным реформам, но оставшиеся в рукописях (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98-100). В 1870 гг. им

был опубликован двухтомник о донских калмыках, отличающийся, по мнению современных ученых, комплексностью при описании различных сторон жизни этой группы населения (Ряжев, Сангаджиева, 2018: 65). Для нас же особенно важно, что данный двухтомник появился вследствие подготовки к реформам калмыцких кочевий, для проведения которых, как считал Н.А. Маслаковец, было необходимо «подробное исследование страны с ее населением как в физическом, так и в этнографическом отношении» (Маслаковец, 1872: I). Верность системному и научному подходам старый генерал сохранил до конца жизни, и в своих докладах по Военному министерству он пытался в первую очередь выработать некую общую концепцию, исходя из которой уже и озвучивать конкретные предложения (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4). Соответственно, если А.Н. Куропаткин и начальник ГУКВ П.О. Щербов-Нефедович считали возможным децентрализовать дела по управлению российским казачеством путем простого сокращения переписки, то Н.А. Маслаковец находил подобный шаг полумерой и смотрел глубже. Огромный опыт генерала свидетельствовал, что порочна сама концепция существующей системы управления казачеством, и без радикального пересмотра этой концепции децентрализация казачьих войск будет затруднена.

Нужно учитывать и то, что у Н.А. Маслаковца выработались достаточно своеобразные политические взгляды. В молодости он сочувствовал либеральным идеям и высказывался за «движение вперед по пути европейской цивилизации» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 30). Однако опыт реформ казачьих войск в 1860 г. убедил будущего генерала в том, что преобразования, основанные на чужом опыте, могут привести к совершенно непредсказуемым и даже катастрофическим последствиям (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5-50б.). И в конце 1870 г. Н.А. Маслаковец выступил главным противником донских земств, доказывая, что учреждения должны существовать для удовлетворения нужд края, а не наоборот. Он даже прямо адресовал земцам следующий провокационный вопрос: «Должно ли местное население, для поддержания неудавшегося существования известного рода учреждений, нести все невзгоды с ними сопряженные, или же наоборот, применение учреждений к краю должно иметь в виду единственно обеспечение населению всех доступных по местным обстоятельствам способов для достижения возможно более высокого уровня нравственного и экономического преуспеяния?» (Маслаковец, 1880: 106). Донские историки, в частности С.Г. Сватиков, считали подобную риторику прикрытием для консерватизма Н.А. Маслаковца и его нежелания делиться с земствами властными полномочиями (Сватиков, 1924: 379-381). Однако в действительности многие тексты генерала основаны на идее о том, что и преобладание военной администрации, и преобладание местной обществуности равно вредны для казачьих войск. Он считал, что «для того чтобы страна развивалась, просвещалась и богатели, нужно действие двух сил – правительственной и общественной» (Маслаковец, 1880: 98). И в итоге взгляды Н.А. Маслаковца сильно отличаются от взглядов большинства его современников-казачьих деятелей: он резко расходился, например, с донскими либералами-земцами, не считая самоцелью развитие демократии и автономии казачьих территорий, но при этом генерал, в отличие от большинства правительственных чиновников, находил ограниченные автономии и демократизацию казачьих войск необходимыми для решения их насущных проблем. Сам он утверждал, что видит три предпосылки для любых успешных административных преобразований: «историческую или государственную потребность», «удовлетворение местных нужд» и «прочную организацию как самих обществ, так и государственных учреждений» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 2).

Наконец, нужно учитывать, что в 1900 г., как мы показали выше, российское казачество казалось стоящим на рубеже новых системных реформ. Н.А. Маслаковец руководил комиссией, разработавшей план этих реформ, и его деятельность была воспринята благосклонно самим Николаем II: 6 декабря генерал получил в награду «украшенную бриллиантами табакерку с вензелевым изображением Высочайшего имени» (Григорович, 1911: 265). А указание высказать свои мысли по вопросу о децентрализации управления казачьими войсками он получил буквально через месяц, в январе 1900 г. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 1). Более того, Н.А. Маслаковец был назначен председателем соответствующей комиссии, разрабатывавшей этот вопрос (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 1). Неудивительно, что в этих условиях он несколько увлекся и, очевидно, поверил в то, что станет своеобразным идеологом новых реформ казачества. Поэтому генерал счел «весьма тесной рамкой» предварительные планы работ комиссии, хотя эти планы уже были одобрены и А.Н. Куропаткиным, и атаманами казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 1 об.-2). Н.А. Маслаковец фактически попытался предложить идеальную, на основании его многолетнего опыта, концепцию управления казачьими войсками.

Таким образом, рассматриваемый нами текст принадлежит перу не просто крупнейшего эксперта Военного министерства рубежа XIX–XX вв. по казачьим вопросам. Генерал-лейтенант Н.А. Маслаковец не только обладал огромным административным опытом, причем полученным исключительно в казачьих войсках: он еще и был склонен к системному восприятию информации и тщательной проработке реформ, а с идеологической точки зрения руководствовался практикой, а не политическими теориями. Разумеется, это не значит, что Н.А. Маслаковец не совершал ошибок, однако его мнение по казачьим вопросам как минимум заслуживает серьезного внимания. Соответственно и предлагаемая им концепция управления казачьими войсками, хотя и осталась

невостребованной, представляет собой не только интересую, но и значимую альтернативу терявшим эффективность российским казачьим администрациям начала XX в. Возможно, реализация хотя бы некоторых его идей позволила бы несколько смягчить проблемы казачьих территорий в бурные 1900–1910 гг.

Нам остается констатировать, что «Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск» интересен сразу в трех отношениях. Во-первых, с точки зрения событийной истории он был создан во время доселе недостаточно изученной попытки системных реформ казачества и важен для понимания хода этой попытки. Во-вторых, с точки зрения исследования системы управления казачьими войсками заслуживает внимание описание Н.А. Маслаковцем становления этой системы и, главное, ее критика. В-третьих, Н.А. Маслаковец предложил достаточно обоснованную и совершенно оригинальную альтернативу тем предложениям преобразования казачьих войск, которые создавались общественными деятелями и государственными чиновниками в конце XIX – начале XX вв. И в своей статье мы попытаемся коснуться преимущественно последних двух аспектов интересующего нас текста.

2. Материалы и методы

Основным источником нашего исследования стал сам текст «Доклада состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск». Сопоставляя его с другими работами Н.А. Маслаковца, как опубликованными, так и хранящимися в его фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, мы уточним некоторые идеи генерала. С другой стороны, мы сопоставим главные идеи доклада с мнениями по схожим вопросам других лиц, чтобы понять место проекта Н.А. Маслаковца в эволюции отечественной мысли о казачестве. Таким образом, нами будут использоваться преимущественно историко-сравнительный и историко-описательный методы.

3. Обсуждение и результаты

Как мы уже упоминали выше, под децентрализацией управления российским казачеством А.Н. Куропаткин и П.О. Щербов-Нефедович подразумевали исключительно сокращение переписки между ГУКВ и администрациями отдельных казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 2-20б.). Достичь этой цели предполагалось наиболее простым и логичным способом: руководство ГУКВ составило список вопросов, которые, по мнению сотрудников данного управления, могли бы без ущерба для дела решаться на местах (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 2). Нужно отметить, что в итоге именно этот вариант децентрализации управления российским казачеством и был реализован, и Н.А. Маслаковец признавал, что даже подобная полумера оказалась безусловно полезна и благотворна (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 8. Л. 1-50б.). Более того, генерал хорошо понимал, что у Военного министерства уже есть опыт подобного сокращения переписки, и сравнительно недавно была осуществлена аналогичная децентрализация управления российской армии в целом, за счет «увеличения компетенции военно-окружных управлений по выполнению ими распоряжений центральных органов Военного Министерства» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 3). Однако в случае с казачьими войсками Н.А. Маслаковец призывал поставить целью реформы не простое уменьшение документооборота, а обеспечение «экономического благосостояния казачьего населения и тесно с ним связанного возвышения общего уровня имущественной правоспособности казаков» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 20б.).

Подобная чисто экономическая цель административной реформы может показаться странной только в отрыве от того контекста, в котором на начало 1900 г. существовали казачьи войска. А.Н. Куропаткин еще не съездил на Дон и не заявил о преувеличенности заявлений о катастрофическом обеднении казачества. Военный министр еще оценивал экономическое положение казачьих войск так: «Войско Донское надорвано, другие близки к тому же» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 960б.). В числе собранных ГУКВ отзывов строевых генералов на материалы комиссии Н.А. Маслаковца содержались схожие утверждения об опасном обеднении казачества в целом и донских казаков в особенности. Например, генерал П.Г. Дукмасов «признавал имущественную несостоятельность донских казаков к отбыванию государственной службы на теперешних основаниях и считал полное истощение и вырождение их вредною государству крайностью» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 390б.). Если подобные высказывания принадлежали строевым военным, то казачьи общественные деятели и экономисты тем более били тревогу. Вот что сообщал на этот счет, например, донской журналист А.М. Греков: «Область наша переживает болезненный, критический фазис экономического роста – фазис, столь же, впрочем, естественный, сколько естественным должен быть переход края от особенностей всех малонаселенных и слабо колонизирующихся степных частей империи, с их царством ковыльных степей, целины и подножных кормов, к строю, при котором степи и пастбища превращаются в пашни, ковыль уступает место сначала пырею, потом пшенице и, наконец, чему-либо еще более высшему» (Греков, 1905: 143). Таким образом, в казачьих войсках намечался серьезный экономический кризис, пускай разные авторы и акцентировали внимание на

различных его аспектах, от обеднения простых казаков до того, что этот кризис был кризисом роста, кризисом превращения скотоводческой Земли Войска Донского первой половины XIX в. в аграрную область Войска Донского начала XX в. И для сторонника системного подхода, каким был Н.А. Маслаковец, в этих условиях было логично поставить вопрос о том, насколько административное устройство казачьих войск способствовало их экономическому развитию.

Этот вопрос был поставлен Н.А. Маслаковцем еще при подготовке программы комиссии, созданной по ходатайству донских дворян. Генерал посвятил целый отдел программы вопросу об «отношении органов местного административного управления Войска Донского к делам станичного самоуправления и организации общественного станичного хозяйства» (Протоколы..., 1899: 3). Выборные члены комиссии вполне поддержали идею, согласно которой в числе причин обеднения казаков нельзя было не отметить деятельность администрации. Корреспондент Н.А. Маслаковца, А.А. Чигринцев, прямо указывал, что в озвученных комиссией докладах одной из «главных казачьих бед» объявляется «не соответствующее интересам казачьего населения местное управление» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 6). О необходимости коренным образом пересмотреть экономическую политику донских властей писал и А.М. Греков, также ставивший им в вину недостаточное внимание к земельным и хозяйственным проблемам казаков: «Мы хорошо отдаем себе отчет в том, насколько вмешательство, вообще, государственной власти в хозяйственные распоряжки населения должно быть оправдываемо лишь в самых исключительных случаях, в виду совершенно ясно и неотложно выяснившейся потребности в том. Но полагаем также, что пора для такого вмешательства настала на Дону. <...>. В области – необозримый, непочатый еще, можно сказать, край целых пустырей незаселенной и некультивируемой земли частного крупного владения, с которыми донские помещики теперь уже не прочь развязаться, но не находят приобретателей. Очевидно, земельная нужда коренного населения области могла бы, при некотором старании, быть удовлетворена средствами, так сказать, домашними, внутренними» (Греков, 1905: 144). Итак, донские общественные деятели и сам Н.А. Маслаковец осознали необходимость перестройки административного устройства казачества, направленной на то, чтобы войсковые власти реально вмешивались в местную экономику в интересах казаков, выполняли не только собственно административные и военные, но и экономические функции. Но ничего подобного предполагаемая А.Н. Куропаткиным и П.О. Щербовым-Нефедовичем реформа децентрализации управления российским казачеством не предусматривала, зато на войсковые правления механически переносился опыт совершенно иных по самой своей сущности государственных органов, военных округов.

И критику предложенной ГУКВ реформы Н.А. Маслаковец основывал именно на противопоставлении военных округов и казачьих войск. С его точки зрения, военно-окружные управления представляли собой не более чем «подчиненные Военному Министерству местные его органы, сфера деятельности коих заключается в исполнении на местах, в военных округах, распоряжений Военного Министерства по организации и довольствию военных сил в империи» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 3). Соответственно, в интерпретации Н.А. Маслаковца децентрализация военных округов неизбежно имела очень ограниченный характер, поскольку по самой своей сути военно-окружные управления, помимо непосредственного руководства военными частями, могли претендовать только на роль «второстепенных распорядителей денежных кредитов военного ведомства, ассигнуемых в их распоряжение на основании расписаний государственного бюджета» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 3-30б.). Что же из себя представляют казачьи войска, старый генерал не смог даже четко сформулировать, вместо этого перечисляя многообразные области их деятельности и особенности, отличающие их от военных округов. Он начинал с напоминания о том, что каждое казачье войско обладает «собственной войсковой территорией», «выгоды и угоды которой» должны служить источником войсковых доходов и обеспечивать не только существование казачьего населения, но и выход его на службу за свой счет (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 4). Более того, как отмечал Н.А. Маслаковец, положение казака можно было сравнить с положением обычного военнотружашего только во время пребывания в строю: на льготе и в запасе его боеспособность должна была обеспечиваться не государственной казной, но личными средствами, станичными суммами или казной войсковой (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 40б.). Таким образом, если военно-окружные управления распоряжались государственными деньгами, то казачьи войска существовали за счет доходов со своей собственной земли, и даже выплачиваемые им государственные субсидии формально представляли собой «капитализированную доходность отошедших в казну войсковых регалий» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 40б.). Завершал свою характеристику казачьих войск Н.А. Маслаковец указанием на то, что администрации этих войск, в отличие от военно-окружных управлений, осуществляют руководство не только «военной силой», но и «особой областью» во всех сферах ее жизни, причем в состав этой области могут входить сельские местности и города, населенные не казаками и управляемые на основании общеимперских, а не казачьих законоположений (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 5-50б.). Таким образом, Н.А. Маслаковец сформулировал очень важную мысль, не вполне осознанную руководством Военного министерства. Военные округа были только местными исполнительными органами центральной власти по военной части, к тому же полностью финансово зависимыми от государственного бюджета. Казачьи войска

представляли собой полноценные территориальные администрации, причем, в отличие от администраций губернских, они обладали определенной финансовой автономией и должны были за счет местных ресурсов обеспечивать как финансирование местных административных органов, так и содержание льготных и запасных казачьих частей. Поэтому подходить к военным округам и казачьим войскам следовало совершенно по-разному, несмотря на то, что формально, например, атаман Донского Войска имел права и обязанности командующего военным округом (Волвенко, 2017: 173).

Исходя из этой мысли, генерал напоминал, что администрации военных округов и казачьих войск выполняют совершенно разные по сложности и объему работ задачи. Военно-окружные управления должны были только максимально эффективно реализовывать конкретные «распоряжения и планы организации и довольствия войск, вырабатываемые центральными органами Военного Министерства» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 50б.). В противоположность этому войсковые правления часто оказывались вынуждены принимать самостоятельные решения, например «изыскивая все способы для беспрепятственного выполнения со стороны войскового населения и войсковой казны лежащих на них обязательств» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 6). Руководством при этом для них служили лишь «общие указания закона о воинской повинности в казачьих войсках» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 6). Особенно же Н.А. Маслаковец подчеркивал то, что в своей экономической деятельности администрациям казачьих войск надлежало не только «распоряжаться определенными по государственной смете кредитами», но еще активно заниматься «извлечением доходов из местных источников средств войсковой казны» и, главное, «принимать своевременные меры к поддержанию экономического благосостояния и нравственного преуспеяния в среде местного казачьего населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 6-60б.). Вот только, как резюмировал генерал, «установленные в военном ведомстве в силу закона и начальственного усмотрения» отношения между Военным министерством и администрациями казачьих войск на местах породили нездоровую ситуацию: брать на себя ответственность и эффективно регулировать местную экономику войсковые правления просто не могли (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 60б.). Непонимание в ГУКВ специфики казачьих войск и подход к ним с меркой военно-окружных управлений привели к тому, что выработалась «весьма стеснительная зависимость местных казачьих администраций от центральных органов Военного Министерства во всех случаях и сторонах хозяйственно-распорядительной деятельности в крае» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 60б.). В другом своем докладе Н.А. Маслаковец еще более красноречиво описывал эту «стеснительную зависимость» казачьих чиновников на местах: «Для успешной сельскохозяйственной, как и всякой другой промышленной деятельности, необходимы дух инициативы и свобода действий со стороны лиц, ведающих этого рода операцией. Откуда же явиться такому благоприятному для развития местных производственных сил условию, когда такой почин в деле, требующий отступления от заранее установленных навек норм и правил, скорее может привести энергичного начинателя к ответственности по обвинению в превышении власти, чем дожидаться торжества своих начинаний, выраженного в увеличении производительности самого предприятия?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 3 об.-4).

Именно четко и однозначно озвученная мысль о необходимости предоставления казачьим войскам широкой хозяйственной автономии и роднила Н.А. Маслаковца с донскими оппозиционными общественными деятелями. В их текстах конца XIX – начала XX вв. постоянно звучала мысль о том, что Донское Войско не может процветать под совершенно чуждой ему централизованной военной властью. Например, представлявший Войско Донское во II Государственной Думе кадет А.И. Петровский писал после Февральской революции в одном из своих памфлетов, обыгрывая название должности войскового *наказного* атамана: «Пора наказных благодетелей из города Санкт-Петербурга, которыми наказывали Тихий Дон за что-то и в предупреждение чего-то в течение почти двух столетий венценосные разорители великой страны, отошла в вечность; <...> в недалеком будущем старый Дон, всколыхнувшийся, сбросивший с себя ярмо наказа, свободным народным избранием поставит себе любого ему войскового атамана» (Петровский, 1916: 40). Наиболее подробно обосновывал необходимость предоставления широкой автономии Донскому Войску уже в эмиграции социалист и донской казак С.Г. Сватиков. В своем классическом для казачьей историографии исследовании «Россия и Дон» он проводил следующую идею: «Не донское казачество виновато, не его вина в том, что великие начала равенства и свободы, вдохновлявшие его в течение веков, были искажены и нарушены в его родном краю в течение последнего века его существования» (Сватиков, 1924: 579). Любопытно, что и он критиковал Военное министерство второй половины XIX в. за непонимание сущности казачьих войск, за то, что казаков рассматривали исключительно как «служилое сословие», а не как «потомков вольных граждан Дона» (Сватиков, 1924: 340). Хотя тексты А.И. Петровского и С.Г. Сватикова были созданы уже после революции, они только завершали многолетнюю традицию публицистических и краеведческих исследований донских оппозиционеров. И, например, в 1899 г. схожие идеи высказал бывший земец А.А. Карасев, в одной из своих статей противопоставлявший атаманов былых времен из казаков, «радевших о пользах казачьей массы», современным не казачьим правителям края, «хлопочущим о расширении своей власти, об увеличении, на счет войскового капитала, своего жалования, о разных льготах в их административных трудах и проч.» (Карасев, 1899: 115-116).

Однако даже из приведенных цитат видно, что, хотя Н.А. Маслаковец и был в вопросе об автономии казачьих войск ближе к донским оппозиционным деятелям, чем к другим чиновникам Военного министерства, он все же не разделял некоторых важных для этих деятелей положений. Если А.И. Петровский, С.Г. Сватиков и А.А. Карасев считали достижение донской автономии самоцелью, восстановлением попорченной исторической справедливости, то для Н.А. Маслаковца эта автономия была только средством к обеспечению должной эффективности войсковых администраций. Здесь уместно вспомнить полемику генерала с донскими земцами, в ходе которой он доказывал, что учреждения существуют для удовлетворения нужд того края, в котором они введены. Как мы видим, и при рассмотрении вопроса о децентрализации управления российским казачеством генерал продолжал придерживаться подобного инструменталистского подхода и предлагал реформировать администрации казачьих войск, исходя из наиболее актуальных для них задач, а не абстрактных либеральных («великих начал равенства и свободы») или консервативных идей (подобные идеи, например, высказывал главноначальствующий на Кавказе А.М. Дондуков-Корсаков, который считал остро необходимым «устранить разлагающее влияние на казачьи общины посторонних элементов, могущих внести сразу социалистических тенденций в патриархальный строй казачьей жизни» (РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147. Л. 130б.).

И именно в силу инструменталистского подхода Н.А. Маслаковец достаточно оригинально оценивал рост централизации управления казачьими войсками в XIX в. Естественно, что другие сторонники казачьей автономии считали данный процесс ошибкой и даже полноценной трагедией. Характерна уже риторика С.Г. Сватикова о «закрепощенном государстве» казачестве (Сватиков, 1924: 342). Н.А. Маслаковец, напротив, считал, что в исторической перспективе усиление контроля Военного министерства над войсковыми правлениями было необходимо. Он считал, что в 1803–1897 гг. в казачьих войсках происходило «собрание земель в государство», переход некогда независимых органов местной власти «под ведение органов государственного управления» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 7). И именно за эти годы была проделана огромная «законодательно-организационная» работа, благодаря которой для казачьих областей Российской империи было выработано полноценное законодательство «по всем сторонам административной, хозяйственно-бытовой и военно-служебной деятельности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 7-70б.). Нужно сказать, что подобная сдержанно-позитивная оценка законодательной деятельности Военного министерства в казачьих областях была характерна для ряда донских авторов старшего поколения, современников Н.А. Маслаковца. Так, Н.И. Краснов в первом опубликованном историко-статистическом описании Земли Войска Донского так оценивал результаты введения «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г.: «Положение привело в порядок все отрасли донского управления и хозяйства, укрепило судебную и административную власть во всех инстанциях и достигло главнейшей своей цели: централизации и порядка» (Краснов, 1863: 64). Любопытно, что сам Н.А. Маслаковец считал, что наиболее активно создание особого казачьего законодательства началось только с 1860 гг. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 7). Подобное утверждение может показаться странным («Положения» об управлении большинством казачьих войск были введены еще при Николае I), но оно основывалось на личном опыте Н.А. Маслаковца, в 1860 гг. служившего в трех казачьих войсках – Оренбургском, Уральском и Донском. И действительно, многие иногородние чиновники отмечали, что де-факто до эпохи Великих реформ на территории казачьих войск жизнь регулировалась скорее обычным правом, чем законом. «К войсковой собственности казаки относились так, что они все считали своим достоянием даже войсковую казну, на которую простирали свое право самым незатейливым образом и приемами. Но всему этому был положен конец во время управления военным министерством генерал-адъютантом графом Милютиним», – сообщал на этот счет, например, В.Д. Новицкий, служивший чиновником для особых поручений при донском атамане М.И. Черткове (Новицкий, 1991: 52-53). Неудивительно, что авторы старшего поколения, помнившие времена, когда в казачьих войсках царил произвол местного начальства, признавали важность проделанной Военным министерством работы не только по выработке казачьего законодательства, но и по внедрению этого законодательства в жизнь.

И Н.А. Маслаковец считал, что жесткое подчинение Военному министерству всех сфер жизни в казачьих войсках, даже тех, которые «не имели по существу никакой непосредственной связи» с основной задачей этого министерства, было необходимо для «большого удобства» при формировании правового поля, в котором теперь существовало российское казачество (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 70б.). Следовательно, в рамках предлагаемого генералом инструменталистского подхода до тех пор, пока главными проблемами казачьих войск оставались проблемы юридические, а Военное министерство завершало процесс «собрания земель в государство» на казачьих территориях, экономически вредная избыточная централизация войсковых правлений была необходимым злом. Но, как отмечал генерал, 20 декабря 1897 г. был упразднен последний орган, специально представлявший интересы казачьих войск перед имперским правительством, комитет казачьих войск при ГУКВ (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 7 об.-8). И, в интерпретации Н.А. Маслаковца, этим событием собрание казачьих земель и их подчинение имперским органам окончательно завершилось (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 8). Формирование полноценного казачьего законодательства к концу

1890 гг. тоже закончилось: все сферы жизни казаков оказались юридически регламентированы. С другой стороны, на смену юридическим проблемам на казачьих территориях пришли проблемы экономические, для разрешения которых строгая централизация была не только не полезна, но и прямо вредна. И, таким образом, из логики предложенной Н.А. Маслаковцем схемы развития отношений казачьих администраций и Военного министерства следовало, что критика донскими оппозиционными деятелями централизаторской политики имперской власти по отношению к казачеству в XIX в. основывалась на ложных предпосылках: для своего времени подобная политика была оправдана и даже необходима. Однако именно эффективность централизаторской деятельности Военного министерства с 1860 гг. привела к тому, что цели этой деятельности оказались быстро достигнуты, и продолжать ее в изменившихся условиях стало бессмысленно. И, соответственно, Н.А. Маслаковец подходил к своей главной мысли: вопрос о децентрализации казачьих войск следовало ставить не в отношении сокращения переписки, но «по существу», меняя саму структуру взаимоотношений Военного министерства и войсковых администраций (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 8). И так, и из логики исторического развития российского казачества следовало, что систему управления казачьими войсками надлежит подчинить новой цели, а в условиях начала 1900 г. этой целью могло быть только обеспечение должного благосостояния казаков.

И Н.А. Маслаковец утверждал, что в подобных условиях необходимо подчинить реформу устройства казачьих войск трем «главным началам»:

1) Вовсе вывести из-под контроля Военного министерства «те стороны деятельности органов правительственной власти и общественного управления в городах и селениях, которые не входят в сферу компетенции министерства как органа высшей правительственной власти» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 17).

2) Установить «нормальные отношения центральных органов Военного Министерства к органам местной администрации в казачьих войсках, предоставлением последним большей против нынешнего свободы действий в распоряжении подлежащих компетенции их дел по общественному управлению и хозяйству» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 17-17об.).

3) Перестроить саму организацию казачьих войск, установив более тесную связь «между учреждениями общественного управления в станицах, с одной стороны, и органами окружной и войсковой администрации, с другой», и, главное, допустив «к участию в делах общественного и хозяйственного управлений в войске народный элемент, в лице выборных представителей от казачьих обществ» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 17об.).

Таким образом, генерал предлагал провести реформу местного управления в казачьих войсках, основываясь на никогда не применявшейся по отношению к российскому казачеству концепции. Как правило, подобные реформы основывались на усилении централизаторского начала и государственного контроля; донские оппозиционеры конца XIX – начала XX вв., напротив, призывали к расширению автономии Войска Донского во всех областях, что и было реализовано на несколько лет во время Гражданской войны. Н.А. Маслаковец же предлагал совместить строгую централизацию казачьих войск в военной и политической сферах, где она была необходима для соблюдения государственных интересов, с их широкой автономией по хозяйственным и экономическим вопросам. В этом отношении очень показательны его отношение к выборному принципу в устройстве казачьих войск. Генерал считал естественным упразднение последнего органа, хотя бы на бумаге призванного отстаивать интересы казачества перед правительством, – комитета казачьих войск при ГУКВ. Позицию донских оппозиционных деятелей на этот счет хорошо описал С.Г. Сватиков, который, сначала раскритиковав назначаемость, а не выборность членов комитета казачьих войск, затем все же писал: «Депутаты от войск могли быть и бывали защитниками привилегий и интересов казачества. С уничтожением комитета военная бюрократия стала полной вершительницей судеб казачества, даже без того суррогата представительства, которое существовало в течение 32 лет (1865–1897)» (Сватиков, 1924: 437-438). Таким образом, если для некоторых донских деятелей было принципиально важно существование органа, обеспечивающего именно политическую автономию казаков, право представителей последних обсуждать проводимые в их отношении реформы, то Н.А. Маслаковец считал такой орган пережитком прошлого, эпохи, когда казачьи войска не вполне входили в Российскую империю. Но, выступая против политической автономии казачьих регионов и выборных депутатов, обеспечивающих эту автономию, Н.А. Маслаковец, вопреки позиции Военного министерства, отстаивал необходимость автономии хозяйственной и доказывал, что выборные депутаты от казаков нужны для решения не политических, а экономических проблем.

Перейдем теперь к вопросу о том, как же конкретно Н.А. Маслаковец предлагал реализовать указанные им «главные начала». Прежде всего он считал необходимым рассмотреть все «предметы ведения» Военного министерства на территории казачьих войск и разделить их на «имеющие непосредственную связь с вопросами быта местного казачьего населения и отбывания казаками воинской повинности» и посторонние, на казачий быт и военную службу влияния не оказывающие (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 8об.). Под контролем военного ведомства следовало оставить только «предметы», непосредственно влияющие на положение казаков, и притом только такие, которые

было не выгодно передавать в ведение других министерств (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 8 об.-9). Подобная система выглядит сложной и неочевидной, и, вероятно, ее реализация породила бы множество проблем: разные чиновники могли совершенно по-разному оценивать последствия передачи отдельных вопросов по управлению казачьими войсками в гражданское ведомство. Однако логика, которой руководствовался Н.А. Маслаковец, становится понятна из других его текстов. В эпоху Великих реформ уже предпринималась попытка разделить гражданскую и военную власти в казачьих областях и в гражданском отношении подчинить казаков некоторых войск обычным общеимперским органам. И результаты этой реформы Н.А. Маслаковец, будучи оренбургским атаманом, оценивал крайне критически: «Даже по отбыванию лежащей на оренбургском войске военной повинности органы войскового управления по военной части поставлены в такое отношение к казачьим обществам, что все предъявляемые ими казакам требования в конце концов могут получить надлежащее удовлетворение лишь при содействии и непосредственном участии чинов уездной полиции» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 50б.). Однако он же, в бытность свою помощником атамана донского, высказывался за снятие с баланса Донского Войска «расходов, имеющих общегосударственную потребность, как-то: содержание судов, гимназий, полиций, медицинской части и некоторых отделений областного правления» (Номикосов, 1884: 661). И, таким образом, и в вопросе о том, в какой степени войсковые правления должны были подчиняться гражданским органам имперской власти, Н.А. Маслаковец предлагал проявить инструменталистский подход и гибкость: оставив в целом гражданское управление казачьими территориями под контролем Военного министерства, поскольку без этого было сильно затруднено обеспечение исправного выхода казаков на службу, генерал предлагал передать отдельные органы этого управления под контроль других министерств. В результате, как он считал, произошло бы не только сокращение переписки ГУКВ по управлению казачьими войсками, но выиграло бы государственное управление в целом, поскольку целый ряд сфер жизни казачьих войск перешел бы под контроль «соответствующих», т.е., очевидно, более компетентных министерств (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 8 об.-9).

Но, пожалуй, самые интересные рассуждения Н.А. Маслаковца касались второго из указанных им «главных начал». Генерал предлагал четко разделить управление казачьими войсками на две части, «организацию войск» и «войсковое хозяйство» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 90б.). «Организация войск» на казачьих территориях вопросов у него не вызывала, а вот «войсковое хозяйство» он предсказуемо считал совершенно неправильно поставленным. И снова Н.А. Маслаковец указывал, что Военное министерство подходит к казакам с совершенно ложной общеимперской меркой, рассматривая их как аналог «общества государственных крестьян в других местах империи», а войска, соответственно, трактуя как «государственные имущества» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 100б.). Между тем даже официальные акты Российской империи закрепляли войсковую территорию не за государством в целом, а за конкретным казачьим войском (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 100б.). И в результате между самим функционалом государственных и войсковых земель была огромная разница. Казенные земли, как отмечал Н.А. Маслаковец, должны были или «служить источником доходов государственного казначейства», или «удовлетворять другие государственные потребности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 11). Учитывая подобную общегосударственную задачу, генерал считал логичным строгое подчинение этих земель центральному органу, Министерству земледелия и государственных имуществ, и сведение органов местных до роли исполнителей воли центральной власти, подобно военно-окружным управлениям Военного министерства (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 11). В противоположность этому войсковые земли «служили исключительно к удовлетворению потребностей местного войскового населения и всего войска» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 110б.). И Н.А. Маслаковец призывал честно признать их «общинной казачьей собственностью, ничего общего с государственными имуществами ни по цели своего назначения, ни по значению в общегосударственной экономике не имеющей» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 110б.). А из этого следовал неожиданный и невиданный доселе в практике Военного министерства по отношению к казачеству шаг: Н.А. Маслаковец выступил с идеей признать за каждым казачьим войском «неотъемлемое право распоряжаться принадлежащими ему войсковыми землями и другим имуществом», но только до тех пор, пока «соединенные с владением войсковой территорией лежащие на казачьем войске государственные обязательства им выполняются» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 12-120б.).

Таким образом, исходя из задач, для которых использовались войсковые земли, Н.А. Маслаковец предлагал кардинально поменять владельца этих земель. Из собственности государства они должны были стать «вотчинным частным владением» казачьего войска как «коллективной вполне правоспособной личности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 11-120б.). И это полностью изменило бы систему управления хозяйственной деятельностью казачьих войск: если прежде «распорядителями» этой деятельности выступали ГУКВ и Военное министерство в целом, а войсковые правления были только «исполнителями» воли центральной власти, то после реформы за ГУКВ остался бы только «общий надзор и контроль» за казачьим хозяйством на местах, а его «полноправным владельцем» стало бы «войсковое население» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 12 об.-13).

И здесь Н.А. Маслаковец солидаризировался даже не с донской оппозицией конца XIX – начала XX вв., но с большинством донских казаков, неоднократно выражавшим желание о том, чтобы войсковая собственность действительно стала собственностью казачьего населения соответствующего войска. Выше мы приводили цитату В.Д. Новицкого, из которой следует, что до 1860 гг., пока на Дону господствовало обычное право, к войсковой казне и относились весьма свободно, что порождало случаи коррупции и казнокрадства. И когда в начале 1860 гг. к разработке предстоящих реформ допустили представителей станиц, они выступили за решение этой проблемы путем усиления контроля над местными властями, но не со стороны центральной власти, а со стороны выборных депутатов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 2-20б.). В частности, войсковой бюджет предлагалось составлять совместно войсковым правлением и представителями земств от казачьего сословия (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 4). В 1881 г., во время обсуждения судьбы донских земств, представители станиц вообще высказались за то, чтобы «заведование войсковыми хозяйственными делами было вручено хозяйственному выборному гражданскому управлению» (Сватиков, 1924: 383-384). И превращение хозяйственных учреждений казачьих войск в «исполнительных» органов центральной власти в «представителей войсковых интересов», как дословно формулировал Н.А. Маслаковец, безусловно было бы встречено восторгом на местах (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 12 об.-13). О такой серьезной уступке со стороны имперских властей не просили даже выборные члены комиссии, созданной по ходатайству донского дворянства (во всяком случае, в протоколах этой комиссии никаких следов подобных просьб нет).

И здесь мы переходим к одному из наиболее любопытных неочевидных сюжетов, связанных с проектом децентрализации управления российским казачеством Н.А. Маслаковца. Дело в том, что донская оппозиция и вообще значительная часть донских общественных деятелей видела в качестве органа, потенциально способного представлять интересы казачества, преимущественно земства. Снова приведем мнение А.М. Грекова на этот счет: «Только в самоуправляющемся земско-общественном организме общество может рассчитывать хотя и на медленный, но зато верный рост экономического и гражданского развития края. Сам по себе механизм исключительно административного попечения несет уже в себе задатки постоянных скачков и отступлений, ибо каждая смена личности есть в то же время и смена системы, крах ее» (Греков, 1905: 147). Во время обсуждения земского вопроса в комиссии, созданной по инициативе донского дворянства, полное одобрение встретила цитата, приведенная бывшим земцем А.А. Донецким из речей в давно распущенном донском земском собрании: «Земские учреждения служат прочным залогом будущего донской земли. Забота о народном просвещении, предупреждение и устранение народных бедствий, развитие производительных сил края и вообще улучшение хозяйственного благосостояния жителей – все это неоспоримо входит в отрасль настоятельных местных нужд, и удовлетворение их предполагает такую сложную и трудную работу, которая, без участия в ней общественных сил, с успехом выполнена быть не может» (Протоколы..., 1899: 184). Комиссия выступила за восстановление земств 17 голосами против 2 (Протоколы..., 1899: 185). И другие донские комиссии, как выборные, так даже и назначаемые, неоднократно озвучивали мысль о том, что земства необходимы Дону для обеспечения представительства общественных сил перед государством (Волвенко, 2003: 41-46).

Вот только Н.А. Маслаковец считал земскую идею по отношению к казачьим областям бесперспективной. В одном из своих докладов он приводил ряд цитат российских юристов, в том числе и следующее утверждение: «Земские учреждения не введены в общую систему нашего государственного управления, а поставлены подле нее как отдельные государственно-общественные тела, не имеющие никаких органических связей с этой системой, а без этой связи они не могут продолжать развиваться здоровым образом» (Маслаковец, 1880: 96). В итоге, как констатировал генерал, на Дону земским органам изначально не было дано сфер, где они были бы полновластными хозяевами, и земцы постоянно вмешивались в области, давно и успешно администрируемые войсковыми властями, и это вмешательство предсказуемо «оказывалось несостоятельным» (Маслаковец, 1880: 5). При этом, как мы помним, генерал считал невозможным вывести гражданское управление казачьими территориями из-под юрисдикции войсковых властей в силу неразрывной связи мирной жизни казаков и их снаряжения на службу. И поэтому еще во время конфликта вокруг донских земств Н.А. Маслаковец выступал за максимально тесное сращивание последних с войсковой администрацией, включение в состав административной системы Войска Донского (Маслаковец, 1880: 96). В целом, можно констатировать, что Н.А. Маслаковец опасался антагонизма между земствами и войсковыми правлениями на казачьих территориях, поскольку первые получались защитниками интересов казачества перед последними.

И превращение самих войсковых правлений в «представителей войсковых интересов» по управлению частной войсковой собственностью решало не одну, а сразу четыре проблемы. Во-первых, резко уменьшался документооборот, поскольку ГУКВ перестало бы отвечать за войсковое имущество. Во-вторых, была бы уничтожена та «стеснительная зависимость местных казачьих администраций от центральных органов Военного Министерства» в решении хозяйственных вопросов, которая мешала экономическому развитию казачьих регионов. В-третьих, удовлетворены бы оказались давние чаяния казаков, считавших войсковую собственность своей, а не

принадлежавшей государству. В-четвертых, наконец, отпала бы необходимость в создании казачьих земств, потенциальных рассадников недовольства и оппозиционных идей, поскольку «общественные силы» были бы привлечены в сами войсковые правления. Таким образом, огромная уступка, предлагаемая Н.А. Маслаковцем в отношении хозяйственной автономии казачьих войск, делалась в расчете на ответную уступку самих казаков. Он явно рассчитывал, что выборные представители казачества, введенные в состав войсковых органов, станут верными союзниками власти в деле поднятия казачьего благосостояния, что ослабит и оппозиционные политические настроения в казачьей среде.

Однако для того, чтобы все предложения Н.А. Маслаковца заработали, нужно было успешно реализовать третье озвученное им «главное начало» планируемых реформ казачества, укрепив связь между выборными станичными правлениями и вышестоящими органами, а главное, введя выборных депутатов в состав окружных и войсковых органов. В самом деле, разве могли быть «представителями войсковых интересов» люди, назначаемые имперской администрацией и полностью зависимые от нее? Даже если они формально были казаками, это не означало реальной готовности защищать интересы войска с угрозой своей карьере. Уже в 1860 г. в донской публицистике с иронией писали о том, как в различных правительственные комиссии вводили «безгласных» казачьих чиновников только для того, чтобы затем свалить на них все недостатки в работе этих комиссий (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 20б.).

И здесь, нужно признать честно, Н.А. Маслаковец только обозначил пути решения проблемы. Он вполне предсказуемо предлагал разделить органы управления казачьими войсками на три категории. В первую из них должны были войти те, которые следовало передать в ведение других министерств Российской империи и устройство которых, соответственно, вовсе не должно было интересовать Военное министерство (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 13 об.-140б.). Во вторую входили бы органы собственно военного управления, как мы помним, сочтенные генералом вполне удовлетворительными (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 15). И, наконец, третью категорию составляли бы хозяйственные органы, и именно в них надлежало привлечь «народного экономиста в лице представителя казачьих станичных обществ» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 16). Н.А. Маслаковец утверждал, что важнейшей в экономическом отношении единицей в казачьих войсках является именно станичное общество, и для соблюдения «интересов казачьего населения» между этими обществами и административными учреждениями должна существовать «прочная органическая связь» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 15-150б.). К сожалению, он не расшифровывал этого своего высказывания, но, очевидно, речь шла о связи обратной, о возможности как для окружных властей влиять на казачьи станицы, так и для этих станиц влиять на решения чиновников. Об этом можно судить из того, что генерал считал: «прочная органическая связь» между станичными обществами и властями не установилась не только после принятия положения о станичном управлении 1870 г., но и после принятия положения о станичном управлении 1891 г., полностью подчинившего станицы чиновникам (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 15-150б.). И снова интересно обратиться к другим текстам, созданным при участии генерала. Дело в том, что после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Н.А. Маслаковец был помощником донского атамана по гражданской части, в области Войска Донского был проведен опрос всех станичных сходов, чтобы выяснить причины массового выхода на службу неисправных казаков и изыскать меры для борьбы с ним (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 18-180б.). Документ, в котором расписана позиция каждой станицы области Войска Донского по данному вопросу, до сих пор хранится в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85). Любопытно, что, хотя опросы станиц происходили в разгар конфликта войсковой администрации и земств, а земцы пытались говорить от лица всего казачества, многие сходы отнесли к земствам резко критически, связав введенные ими денежные повинности с обеднением казаков (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 29-290б.). И, очевидно, Н.А. Маслаковец считал, что для войсковых властей очень важно подобное знание о реальных настроениях в станицах и пожеланиях их жителей, без него войсковые правления не смогут стать «представителями войсковых интересов», да и достижение реального благосостояния казаков будет затруднительно.

И, чтобы иметь возможность всегда знать о настроениях простых казаков без проведения специальных опросов, Н.А. Маслаковец предлагал создать в каждом казачьем округе особое присутствие, занимающееся исключительно наблюдением за «положением дел общественного управления в станицах» и состоящее как из чиновников, так и из выборных станичных депутатов (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 16-160б.). Аналогичным образом и в общем присутствии войскового правления следовало ввести выборных депутатов, «хотя бы по одному из каждого военного округа или отдела в войске» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 16-160б.). Генерал надеялся, что таким образом в войсковых администрациях окажется представлен «народный элемент», но при этом их общий «строго правительственный характер» не будет нарушен (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 16-160б.). Вероятно, Н.А. Маслаковец опирался на собственный позитивный опыт в комиссии, созданной по ходатайству донских дворян. В ее состав как раз были введены выборные представители от станиц большинства донских округов (кроме Таганрогского, где почти не было казачьего населения) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3-30б.). Несмотря на взаимную критику и даже обвинения, работа

комиссии получилась очень продуктивной, а некоторые материалы, созданные в ходе работ выборными депутатами, хотя и противоречили официальной позиции Военного министерства, были оценены Н.А. Маслаковцем очень высоко. Например, доклад простого (не чиновного) дворянина П.Г. Мордвинцева об экономическом положении казаков был удостоен такой характеристики: «Обстоятельный труд статистико-экономического исследования имущественной правоспособности донского казачьего населения» (Протоколы..., 1899: 163). Позже, оценивая работу комиссии под своим председательством, генерал особенно подчеркивал «всесторонность обсуждения», обеспеченную именно тем, что к свободной дискуссии были приглашены люди совершенно разных рангов и воззрений (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 22. Л. 10б.). Таким образом, несмотря на необычность формы (допуск в государственные учреждения исполнительной власти специальных выборных депутатов, призванных исключительно отстаивать народные интересы), предложение Н.А. Маслаковца могло, теоретически, обеспечить давно потерянный баланс между государственной властью и потребностями общества в казачьих войсках.

Однако на практике этому, скорее всего, помешало бы то, что в поиске данного баланса не были заинтересованы многие чиновники. Так, администрация Войска Донского почти сразу же начала критику закончившей работу комиссии как раз за то, что она «ориентировалась на заявления «компетентных лиц», подразумевая под компетентными в кавычках лицами, очевидно, как раз представителей общественности (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 81). Между тем Н.А. Маслаковец не предлагал никакого механизма, который обеспечил бы влияние выборных депутатов в органы войсковой администрации, и фактически рычаги давления на войсковых атаманов и высших войсковых чиновников оставались бы по-прежнему только у ГУКВ. Тем не менее нужно помнить, что Н.А. Маслаковец набрасывал только общую программу предстоящих реформ, и, на наш взгляд, направление (реальная децентрализация российского казачества, широкая хозяйственная автономия казачьих войск и введение в руководство этих войск выборных депутатов) было выбрано им верно. И хотя поиск оптимальных форм нового административного устройства российского казачества растянулся бы даже не на годы, а на десятилетия, сам факт начала движения в этом направлении, вероятно, способствовал бы улучшению и экономического, и социального положения в казачьих регионах.

4. Заключение

Нам остается констатировать, что «Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск» на самом деле содержал в себе совершенно оригинальный вариант дальнейшего развития российского казачества. Если для имперских чиновников конца XIX – начала XX вв., с некоторыми оговорками, была характерна централизаторская тенденция в казачьей политике, а местные оппозиционные деятели, напротив, выступали за автономию казачьих войск, то Н.А. Маслаковец, практик с огромным опытом службы на Дону и в Оренбуржье, попытался найти рациональные зерна в идеях как тех, так и других, и совместить их, казалось бы, совершенно несовместимые позиции. В этом ему помогла идея, согласно которой учреждения существовали для удовлетворения нужд края, и, соответственно, реформируя устройство казачьих войск, следовало думать не об идеологических предпочтениях и высоких идеалах, но о конкретных задачах, которые администрации этих войск решали. И, исходя из поиска максимально эффективного решения этих задач, выходило, что с военной точки зрения крайняя централизация российских казачьих войск оправданна, но с точки зрения экономической – разрушительна и вредна.

Возможно, именно этим и объяснялось то упорство, с которым в конце XIX – начале XX вв. Военное министерство и донские общественные деятели отстаивали свои точки зрения. Для российского военного ведомства, занятого в первую очередь военными задачами, было естественно исходить из принципа полного подчинения казачьих чиновников вышестоящим лицам, обеспечивающего строгую дисциплину. Для донских оппозиционеров столь же естественно было ставить во главу очевидное обеднение казачьих хозяйств и требовать ограничения военной власти, доведшей многих казаков до разорения. Но Н.А. Маслаковец показал, что в принципе между этими двумя точками зрения нет неразрешимых противоречий, и как Российская империя в целом, так и казачьи войска выиграют от некоей промежуточной, компромиссной реформы, основанной на следующих основных идеях:

1) Военное министерство должно было осознать, что оно совершенно ошибочно подходило к казакам с общеимперскими методами. Несмотря на определенные отличия в деталях, в целом центральные власти переносили на казачьи войска методы управления военными округами, на самих казаков – методы управления государственными крестьянами, а на войсковое имущество – методы управления государственным имуществом. Только осознав принципиальную разницу между обычными имперскими институтами, выполняющими потребности империи в целом, и институтами казачьими, для которых было принципиально важно удовлетворить нужды конкретного казачьего войска, можно было рассчитывать на удачную административную реформу.

2) Кроме того, Военному министерству следовало понять, что проблемы безоговорочного подчинения казаков имперскому центру и создания специального казачьего законодательства были

успешно разрешены. Между тем крайняя централизованность казачьих войск и их подчинение исключительно Военному министерству исторически сформировались именно ради решения этих проблем. В новых условиях сохранение централизаторской тенденции, уместной и логичной в XIX в., превращалось в опасный анахронизм.

3) Новой же главной задачей существования казачьих войск должно было стать восстановление пошатнувшегося благосостояния казаков при условии продолжения несения последними военной службы. Для этого же следовало дать казачьим войскам широчайшую хозяйственную автономию, позволяющую чиновникам на местах быстро принимать сообразные местным условиям решения, и, главное, ввести в состав окружных и войсковых администраций реальных народных представителей, кровно заинтересованных в процветании станиц. При этом в военном и политическом отношении строгая централизация казачьих войск сохранялась, а их хозяйственная автономия и введение выборных чиновников трактовались не как местное самоуправление, но как право казачьего населения распоряжаться своей коллективной собственностью.

Безусловно, конкретные предложения Н.А. Маслаковца носили слишком идеалистический характер. На практике разработанная им схема столкнулась бы со множеством проблем, от сложности в разграничении военной и хозяйственной сфер в управлении казачьими войсками до нежелания чиновников поступаться своими полномочиями ради выборных депутатов. Но именно как концепт, как идея, альтернативная не отвечавшей многим запросам времени политике Военного министерства начала XX в. в казачьих войсках, предложение Н.А. Маслаковца очень интересно. Уже одно официальное заявление о смене правительственного курса, о желании имперских властей дать казачьим войскам реальную хозяйственную автономию, сильно поменяло бы и экономическую, и политическую, и даже социальную ситуацию в казачьих регионах Российской империи.

Вот только именно поэтому идеи Н.А. Маслаковца были обречены с самого начала. Вместо совершенно частного сокращения делопроизводства генерал предлагал организовать полную перестройку российского казачества, с участием посторонних министерств и ведомств, и обреченную вызвать бурную реакцию общественности. При этом сам Н.А. Маслаковец, хотя и был признанным экспертом по казачьим вопросам, не обладал ни рычагами влияния, ни своей командой в Военном министерстве, а аппарат ГУКВ не разделял его идей. На наш взгляд, даже если бы А.Н. Куропаткина и заинтересовал «Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск», сам военный министр не обладал достаточной политической волей, чтобы коренным образом пересмотреть многолетнюю централизаторскую политику Военного министерства по отношению к казакам. И все же текст Н.А. Маслаковца показывает, что у казачьих войск Российской империи были определенные возможности, определенный потенциал к изменениям и адаптации к изменившемуся миру, который не был реализован из-за инерции бюрократической машины и почти полного отсутствия в руководстве военного ведомства людей, в должной мере осознававших специфику казачьих войск.

Литература

- Военная энциклопедия, 1914** – Военная энциклопедия. Т. XV. СПб., 1914. 320 с.
- Волвенко, 2003** – Волвенко А.А. Восстановление донского земства: упущенные возможности (1882–1917) // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2003. № 2. С. 41–46.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Греков, 1905** – Греков А.М. Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской Области. Таганрог, 1905. С. 152.
- Григорович, 1911** – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–266.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атамань за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1870** – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.
- Маслаковец, 1872** – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. Новочеркасск, 1872. 114 с.
- Маслаковец, 1880** – Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1880. 124 с.
- Маслаковец, 1899** – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в

распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.

Маслаковец, 1903 – *Маслаковец Н.А.* Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.

Новицкий, 1991 – *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.

Номикосов, 1884 – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Петровский, 1916 – *Петровский А.И.* Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.

Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ряжев, Сангаджиева, 2018 – *Ряжев А.С., Сангаджиева Е.В.* Н.А. Маслаковец о хозяйстве донских калмыков // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2018. № 14. С. 63-76.

Сватиков, 1924 – *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.

References

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Grekov, 1905 – *Grekov, A.M.* (1905). Ocherki ekonomicheskogo i khoziaistvennogo byta naseleniya Donskoi Oblasti [Essays about the economic and economic life of the population of the Don Region]. Taganrog. P. 152. [in Russian]

Grigorovich, 1911 – *Grigorovich, N.S.* (1911). Pamyati N. A. Maslakovtza [In Memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Issue 23. Orenburg, 1911. Pp. 262-266. [in Russian]

Karasev, 1899 – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. 5: 106-116. [in Russian]

Krasnov, 1863 – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Krasnov, 1870 – *Krasnov, N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Vojska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 290. [in Russian]

Maslakovets, 1872 – *Maslakovets, N.A.* (1872). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Part 1. Novocherkassk. P. 114. [in Russian]

Maslakovets, 1880 – *Maslakovets, N.A.* (1880). Ob'yasnitel'naya zapiska k voprosu o primenении k oblasti vojska Donskogo zemskoi reformy na osnovaniyakh, sootvetstvuyushchikh mestnym usloviyam kraya i bytovym osobennostyam glavnoi (kazach'ei) massy ee naseleniya [Explanatory Note about the Question of the Application of the Reform of Zemstvo to the Don Host Oblast on the Grounds Corresponding to the Local Conditions of the Region and the Everyday Peculiarities of the Main (Cossack) Mass of its Population]. Novocherkassk. P. 124. [in Russian]

Maslakovets, 1899 – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti vojska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

Maslakovets, 1903 – *Maslakovets, N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report about the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. P. 260. [in Russian]

Nomikosov, 1884 – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

ОР РНБ – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Petrovskij, 1916 – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravleniya Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlenym. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to

management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)). Novocherkassk. P. 40. [in Russian]

Protokoly, 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Without a place, 1899. P. 289. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].

Ryazhev, Sangadzhieva, 2018 – Ryazhev, A.S., Sangadzhieva, E.V. (2018). N.A. Maslakovets o khozyaistve donskikh kalmykov [N.A. Maslakovets about the economy of the Don Kalmyks]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. 14: 63-76 [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

Voennaya entsiklopediya, 1914 – Voennaya entsiklopediya. [Military Encyclopedia]. Vol. XV. SPb., 1914. P. 320. [in Russian]

Volvenko, 2003 – Volvenko, A.A. (2003). Vosstanovlenie donskogo zemstva: upushchennye vozmozhnosti (1882-1917) [Restoration of the Don zemstvo: lost opportunities (1882-1917)]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2: 41-46. [in Russian]

Volvenko, 2017 – Volvenko, A.A. (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

Неизвестный проект реформы управления российскими казачьими войсками: доклад генерала Н.А. Маслаковца А.Н. Куропаткину в 1900 г.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу документа, прежде не вовлекавшегося в научный оборот, «Доклада состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца по вопросу о децентрализации дел Главного Управления Казачьих войск». Вопреки названию, данный текст предлагал полную перестройку административного устройства российского казачества с предоставлением ему широкой хозяйственной автономии. Он был подготовлен в 1900 г., когда Военное министерство Российской империи обеспокоилось обеднением казаков, особенно в Донском Войске. Авторитетный правительственный эксперт по казачьим вопросам, бывший оренбургский атаман Н.А. Маслаковец, заявил, что и административное устройство казачьих войск должно способствовать достижению казачьего благосостояния. Он предлагал дать войсковым правлениям широкую хозяйственную автономию и ввести в их состав выборных делегатов от станиц, чтобы они отстаивали экономические интересы казачества. Наиболее любопытным выводом из анализа текста является то, что многие идеи Н.А. Маслаковца совпадали с идеями донских оппозиционных деятелей. Генерал, подобно последним, считал, что благополучие казаков при их полном подчинении имперской администрации невозможно.

Ключевые слова: общественная мысль о казачестве, самоуправление казачьих войск, Военное министерство, Н.А. Маслаковец.

* Корреспондирующий автор

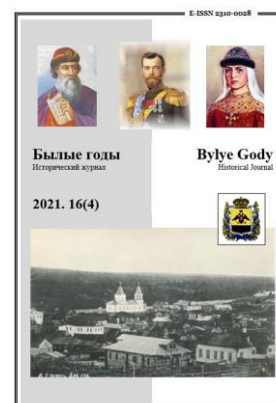
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 1996-2004
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.1996

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Reflection of the Initial Period of the Russian-Japanese War in the Journal “Ogonek” (January – March 1904)

Dmitry S. Sknarev^{a,*}, Zulfira S. Zyukina^a, Ekaterina S. Kozlovskaya^a, Nadezhda M. Suzdalova^a

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the initial period of the Russo-Japanese war (January-March 1904) based on the materials of the weekly Russian journal “Ogonek”.

The authors used the files of the journal “Ogonek” as materials. At the specified time, the journal was a weekly issue which focused on the mass reader. In total, 14 issues of the journal were reviewed (from the 1st to the 14th for 1904), which covered the pre-war period and the initial military period (up to the presentation on the pages of the journal of the events of March 31, 1904 – the death of the armadillo “Petropavlovsk”).

In conclusion, the authors state that the emphasis in the coverage of the events of the initial period of the Russian-Japanese war in the journal was on visualization. Using the photo series, a holistic picture of the events of the war was formed. At the same time, the editor and correspondents of the newspaper tried to present a photo series taking into account the regional specifics. There was a place not only for Russians, but also for Tungus, and Chinese, and Japanese. Trying not to repeat the publication of materials for the weekly journal “Niva”, the editor of “Ogonek” did not publish the official documents about the beginning of the war, but focused on presenting the process of reading the supreme manifesto by the residents of the capital. It was quite an interesting move, which demonstrated the interest of the residents of the capital to the message about the beginning of the war.

Another constant theme that was visualized on the pages of “Ogonek” was the volunteer movement to the front, in which not only the lower ranks of the army, officers, officials and generals took part, but also representatives of the ruling dynasty. This theme formed the image of the unity of the Russian people in the fight against the aggressor. That was also very important in the context of the conflict.

Keywords: Russian-Japanese war, initial period, russian journal “Ogonek”, publications, January – March 1904, visualization.

1. Введение

Влияние периодической печати на массового читателя, особенно в условиях военного конфликта, трудно недооценить, тем более если речь идет о конфликте периода XX века, когда средства массовой информации получили широкое распространение. В этих условиях на периодическую печать возлагались задачи по формированию общественного мнения, героизации жертвенного порыва собственной армии в зоне боевых действий. В данной статье мы хотели бы на примере российского массового журнала «Огонек» рассмотреть начальный период русско-японской войны (январь – март 1904 г.), выявить особенности в отражении на страницах журнала событий на Дальнем Востоке как накануне, так и в начальный период войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: sknar@list.ru (D.S. Sknarev)

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы подшивки российского журнала «Огонек» за период январь – март 1904 г. В это время журнал являлся еженедельным изданием, ориентированным на массового читателя. Всего нами было рассмотрено 14 номеров журнала (с 1-го по 14-й за 1904 г.), которые охватывали предвоенный период и начальный военный (вплоть до представления на страницах журнала событий 31 марта 1904 г. – гибели броненосца «Петропавловск»).

Ввиду специфики нашего исследования в работе был применен метод контент-анализа, предусматривающий подробный анализ контента, в роли которого выступает журнал «Огонек». Также были применены методы сравнительно-исторического и синхронного изучения. Сравнительно-исторический метод позволил сравнить еженедельный журнал «Огонек» с аналогичным изданием «Нива», синхронный – рассмотреть события начального периода русско-японской войны в контексте с другими событиями общественной жизни.

3. Обсуждение

Приступая к обзору историографии, важно сразу пояснить, что рассмотрение военных конфликтов в целом, и русско-японской войны в частности, на примере периодической печати периода войны является достаточно распространенным явлением в современной историографии.

Авторами привлекались в качестве источника информации не только центральные и региональные издания, но и сам журнал «Огонек». К примеру, Л.Г. Полякова рассматривала карикатуру как вид пропаганды в годы Первой мировой войны на материалах журнала «Огонек» (Polyakova, 2016).

Русско-японскую войну на публикациях журнала «Вестник Европы» изучал Н.Ю. Николаев (Николаев, 2012). На материалах «Самарских епархиальных ведомостей» была исследована данная тема таким автором, как А.О. Буранок (Буранок, 2007). В свою очередь В.П. Левина использовала для аналогичной работы газету «Владивостокские епархиальные ведомости» (Левина, 2014). Для изучения темы войны с Японией привлекался и такой авторитетный специализированный источник, как журнал «Война с Японией» (Denisenko et al., 2021).

Из более узких тем исследователями затрагивались действия владивостокского крейсерского отряда на примере периодических изданий 1904–1905 годов, к данной теме обращался С.В. Пышнограев (Пышнограев, 2012); к особенностям организации контроля над периодической печатью на Дальнем Востоке России в начале XX века – М.А. Бордаков (Бордаков, 2013); А.А. Подшивалов и А.И. Подшивалов рассматривали крейсер «Варяг» как пропагандистский символ эпохи (Подшивалов, Подшивалов, 2019); группа авторов А.М. Мамадалиев, Р.М. Аллалыев, Н.В. Мику и А. Медико обратились к теме сравнения боевого состава русского и японского флотов (Mamadaliyev et al., 2020). Е.А. Гладкая исследовала тему русско-японской войны в сознании широких слоев населения России в начале XX века (Гладкая, 2008), а И.А. Хвостова – причины поражения России в войне с Японией на материалах «Нижегородской земской газеты» (Хвостова, 2015). Дальневосточную политику России на публикациях газеты «Санкт-Петербургские ведомости» рассматривал Е.В. Пирайнен (Пирайнен, 2013).

Помимо этого, авторы обращались и к другим темам, связанным с русско-японской войной. Так, например Р.А. Саутин и Е.М. Кунжаров на примере журнала «Кадетская переключка» рассмотрели участие сибирских воинских формирований в военных конфликтах начала XX века (Саутин, Кунжаров, 2016). Н.Ю. Николаев на материалах журнала «Вестник Европы» исследовал тему участия генерала Куропаткина в русско-японской войне (Николаев, 2019). В то же время И.В. Ставецкая и Н.Ю. Гаврилова на материалах газет «Тобольский губернский вестник» и «Сибирская торговая газета» рассмотрели благотворительную деятельность населения Тобольской губернии периода русско-японской войны (Stavetskaya, GavriloVA, 2020), а М.М. Кирилов обратился к изучению национальных частей, принимавших участие в годы русско-японской войны (Kirilov, 2020).

4. Результаты

Хронологические рамки данного исследования охватывают освещение событий января – марта 1904 г. на страницах журнала «Огонек», в связи с чем основная часть работы была разделена нами на предвоенные публикации (1–4-й номера журнала) и публикации военного времени (5–14-й номера журнала).

Предвоенные публикации

Первый номер еженедельного иллюстрированного журнала «Огонек» вышел в свет 9 декабря 1899 г. Журнал в то время являлся литературно-художественным приложением к газете «Биржевые ведомости». Его редактором и издателем являлся Станислав Максимилианович Пропшер. В рассматриваемый нами период журнал издавался на 8 страницах, а с 1908 г. – на 20 страницах.

Рис. 1. «Огонек» – иллюстрированное приложение

К началу 1904 г. российское общество находилось в состоянии ожидания каких-то событий на Дальнем Востоке. Сложно было сказать, было ли это началом открытых боевых действий между Россией и Японией, или все бы и закончилось на уровне дипломатических демаршей.

Так или иначе, но японская или дальневосточная тематика вызывала повышенный интерес у читателя, и в журнале «Огонек» эти материалы постоянно публиковались.

В 1-м номере за 1904 г. от 3 января была опубликована статья К. Военского «Империя микадо» (Военский, 1904: 1-6). Эта публикация заняла больше 60 % площади журнала и, помимо текста, содержала иллюстрированный материал на дальневосточную тематику (например, фотография о передвижении русского отряда по Сибирской железной дороге и фотография «Японская пехота на отдыхе во время маневров»). На последней странице номера была опубликована фотография «Железная дорога из Сеула в Чемульпо».

10 января был издан 2-й номер «Огонька», который отличался уже большей милитаризацией. На первой странице была опубликована фотография о том, как наместник царя на Дальнем Востоке производил смотр частей русской армии в Порт-Артуре, а также группа из шести фотографий, которая иллюстрировала рода войск русской и японской армий (последний рисунок мы решили представить в качестве примера – Рисунок 2).

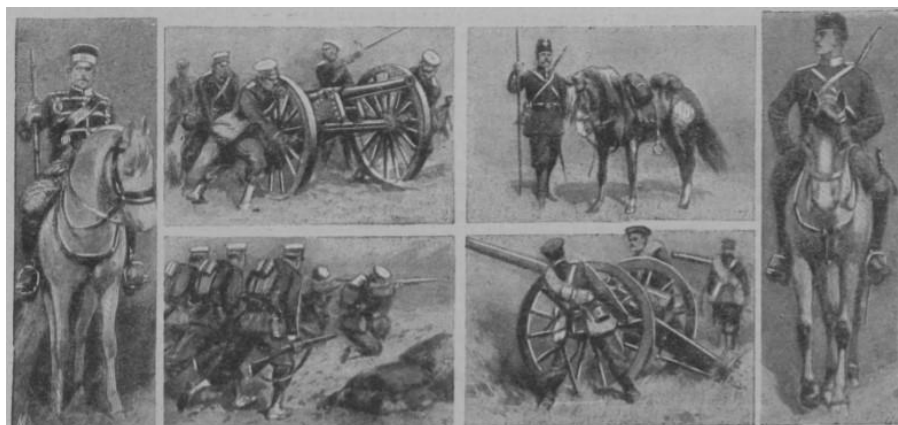

Рис. 2. Типы русских и японских военнослужащих

Публикация [Рисунка 2](#) в журнале «Огонек» свидетельствовала о том, что в ближайшей перспективе может произойти военное столкновение между Россией и Японией. На 12-й странице журнала были опубликованы две фотографии русской армии на Дальнем Востоке: «Русские войска на пути к Мукдену», где представлено движение русских войск с песнями, и «Праздничные развлечения русских войск в маньчжурской деревушке». Обе фотографии рисовали непринужденный и даже беспечный образ русской армии, которая, благодаря своей силе, не чувствовала угрозы неприятеля. В то же время на 13-й странице были опубликованы четыре фотографии японской тематики: две фотографии касались лидеров японских вооруженных сил (генерал Терутчи – японский военный министр и фельдмаршал Катцура – японский министр-президент), на двух других фотографиях были изображены приготовления Японии к войне: на первой – постройка японцами железной дороги между Сеулом и Фузаном, а на второй – новейшие японские крейсера «Ривадия» и «Морено».

На последней странице 2-го номера журнала была опубликована заметка «Японские нравы», в которой редактор впервые упомянул о проблемах во взаимоотношениях между Россией и Японией: «Известный английский путешественник-этнограф Дуглас Слэден прекрасно ознакомился с нравами народа, дерзающего теперь вступить на борьбу с нашим отечеством...» ([Японские нравы, 1904: 16](#)). Иными словами, запах будущей войны уже ощущался и ее начало было лишь делом времени.

В 3-м номере журнала за 17 января было опубликовано продолжение работы К. Военского «Империя микадо» ([Военский, 1904а: 17-22](#)). Что касается иллюстраций, то дальневосточной тематике были посвящены только фотографии на последней (24-й) странице номера. Здесь были представлены представители дипломатических миссий (Барон фон Розен – русский посланник в Токио, Курино – японский посланник в Санкт-Петербурге и А. Павлов – русский посланник в Корее), а также две фотографии из жизни в Японии (торговые ряды и площадь в японской деревне).

Последний предвоенный номер журнала вышел в свет 24 января 1904 г. (№ 4). На обложке журнала были опубликованы две фотографии: первая изображала общий вид Порт-Артура и его гавань, а вторая – дебаты в здании японского парламента в поддержку начала военных действий против России. Уже со следующей страницы продолжалась публикация труда К. Военского «Империя микадо» ([Военский, 1904б: 17-22](#)). Помимо этого, в журнале было опубликовано несколько фотографий, иллюстрирующих события на Дальнем Востоке, среди них были «Вход в порт-артурскую гавань», «Передвижения русских войск в Маньчжурии».

На протяжении января 1904 г. журнал «Огонек» публиковал материалы ознакомительного характера. В первую очередь это касается работы К. Военского «Империя микадо», другие материалы публиковались на уровне заметок о жизни в Японии. Важное значение для информирования читателя о происходящем в Японии отводилось иллюстрациям. Именно от них читатель получал сигналы о надвигающихся событиях (например, [Рисунок 2](#)).

Публикации военного времени

Как известно, в ночь на 27 января 1904 г. 8 японских миноносцев провели торпедную атаку на русскую эскадру, которая стояла на внешнем рейде Порт-Артура. В результате повреждения получили два лучших русских броненосца «Цесаревич» и «Ретвизан» и бронепалубный крейсер «Паллада». В тот же день японская эскадра из 6 крейсеров и 8 миноносцев атаковала около Чемульпо русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», которые в результате боя были затоплены. В тот же день император Николай II подписал Манифест о начале войны.

31 января вышел в свет 5-й номер журнала «Огонек», на обложке которого были опубликованы фотографии: «Общий вид города Владивостока» и «Общий вид Порт-Артура и его восточного и западного бассейнов». Далее было опубликовано продолжение работы К. Военского «Империя микадо» ([Военский, 1904с: 34-35](#)). Из других иллюстраций, посвященных русско-японской тематике, были опубликованы рисунки «Японская артиллерия во время действия», «Военный совет на японском судне», а также «Японский император в военной форме».

7 февраля вышел 6-й номер журнала. «Огонек» не пошел по пути еженедельного журнала «Нива», который напечатал Манифест Николая II на своих страницах. Тем не менее были опубликованы оригинальные рисунки из серии «На улицах Петербурга в дни войны»: «Чтение экстренных прибавлений» и «Чтение Высочайшего манифеста». На обложке журнала были опубликованы первые фотографии из действующей русской армии: «Сторожевые посты в окрестностях Инкоу» и «Передовой кавалерийский отряд на пути к устьям реки Ялу». В начальный период войны интерес со стороны читателя вызывало все, что касалось Японии, но в обществе было смутное представление о географическом положении агрессора. В результате в 6-м номере были опубликованы и две топографические карты – «Карта Маньчжурии и Кореи», а также «Японское море с Японией». Что касается публикаций о Японии, то в этом номере была опубликована заметка «Православие в Японии» ([Православие в Японии, 1904: 43](#)).

14 февраля 1904 г. вышел 7-й номер журнала. На его обложке была опубликована фотография командующего Маньчжурской русской армией генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина. Первой статьей в номере стала работа Б. Павлова «Во что обходятся войны» ([Павлов, 1904: 49-50](#)). В иллюстрациях были представлены и участники боя у Порт-Артура (контр-адмирал князь Ухтомский, старший флагман Тихоокеанской эскадры, капитан 1-го ранга Косович, командир крейсера «Паллада» и капитан 2-го ранга

Н.О. фон-Эссен, командир крейсера «Новик»). Отдельно были представлены и участники боя у Чемульпо (Рисунок 3). В этом же номере была опубликована заметка автора под псевдонимом «Стрелок» «Боевые качества японских войск» (Стрелок, 1904: 54). Внимание было уделено и теме мобилизации. В связи с этим на последней странице номера были опубликованы две фотографии: «Казачи на сборном пункте» и «На пути к мобилизационным пунктам на Дальнем Востоке».

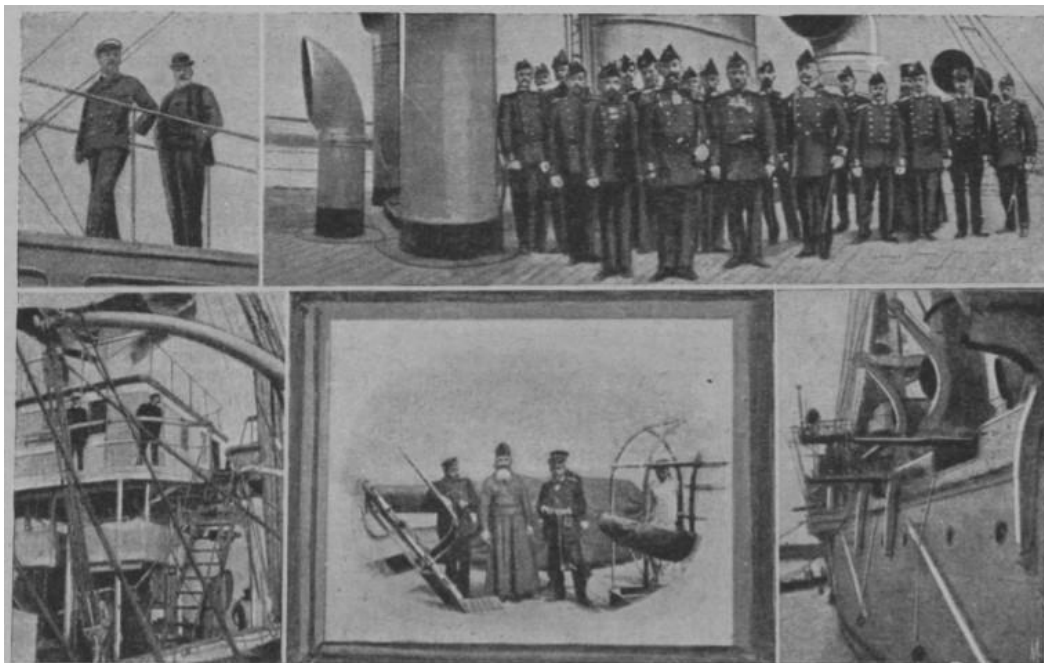

Рис. 3. К героической гибели крейсера «Варяг» в бою у Чемульпо с 14 японскими судами:

- 1) капитан 1-го ранга Григорович на «Варяге»;
- 2) группа офицеров крейсера «Варяг»;
- 3) мостик «Варяга»;
- 4) священник «Варяга»;
- 5) военное снаряжение судна.

Вышедший 21 февраля 8-й номер «Огонька», наряду с иллюстрациями русских командиров разных уровней (генерал-лейтенант К.Н. Смирнов, комендант крепости Порт-Артур; капитан 1-го ранга Н. Рейценштейн, начальник Владивостокской эскадры и капитан 1-го ранга Вирен, командир крейсера «Баян», участник боя у Порт-Артура), опубликовал и рисунки из жизни русской армии: «Привал у устья реки Ялу» и «Расчистка железнодорожного пути в Маньчжурии». На страницах этого номера были опубликованы и фотографии добровольцев. Желание уйти добровольцами на фронт изъявляли как лица императорской фамилии, например великий князь Кирилл Владимирович (4-й в династийном календаре по состоянию на 1917-й год), так и нижние чины, например старший унтер-офицер Алексей Сахаров, кавалер 4 георгиевских крестов, служащий в охране царя.

28 февраля в 9-м номере журнала на обложке была опубликована фотография «Наши военачальники на Дальнем Востоке», на которой были изображены командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин и командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал С.О. Макаров. В этом номере также следовало продолжение работы К. Военского «Империя микадо» (Военский, 1904d: 65-70).

6 марта вышел в свет 10-й номер журнала «Огонек», но обложке которого была изображена высадка японских войск в Чемульпо (10 февраля 1904 г.), а также атака крейсером «Новик» японской эскадры после неудачного нападения на Порт-Артур в ночь на 27 января. В этом же номере была опубликована фотография экипажа канонерской лодки «Кореец», а также впервые использован новый жанр публикации фотоматериалов «Допрос японских шпионов, скрывавшихся под видом кули и пойманных железнодорожным разъездом в Маньчжурии».

13 марта выходит следующий номер журнала. Центральное место в нем уделяется проводам генерала Куропаткина на фронт. В связи с этим на обложке публикуется фотография «Поднесение генерал-адъютанту Куропаткину икон и стяга в зале Благородного собрания в Москве, в присутствии столичных властей и представителей сословия». Очевидно, что война требовала напряжения сил всего российского общества, одними из первых откликнулись женщины – представители дамских кружков и комитетов. В качестве иллюстрации этого примера в журнале был опубликован рисунок

«Приготовление белья и бинтов для нужд войск дамским аристократическим кружком в Санкт-Петербурге». Корреспонденты «Огонька» хотели показать войну во всех ее красках. Так, на 82-й странице был опубликован отъезд (эвакуация) русских крестьян из города Дальнего, который становился театром военных действий. Уделялось внимание и теме подготовительных мероприятий, например выгрузке провианта и военных запасов в Порт-Артуре, а также переправе русских войск через реку Ялу в условиях ледохода.

20 марта был опубликован 12-й номер журнала, который претендовал на освещение роли средних командиров в войне и пехотных подразделений русской армии. Так, на обложке были опубликованы фотографии лейтенантов Зарубаева и Берлинга, а также инженер-механика Блинова. Действия русской пехоты иллюстрировала фотография преследования русскими лыжниками хунзузов в Маньчжурии. Целым циклом фотографий была представлена тема мобилизации в Японии: «Проверка прибывших запасных перед казармами», «Японская пехота в поезде на пути к Сеулу» и «Проводы запасных в Японии». Из иллюстраций о жизни русской армии были представлены фотографии «Передвижение легкораненых на лыжах к ближайшему походному госпиталю» и «Закупка у тунгузов в Сибири оленей для военных транспортов». Также в этом номере была опубликована заметка «Современное положение Японии» ([Современное положение Японии, 1904: 95-96](#)).

Вышедший 3 апреля 13-й номер журнала был посвящен теме возвращения в Одессу экипажей крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». На обложке в связи с этим была опубликована фотография «Торжественная встреча парохода «Малаяя» с экипажами «Варяга» и «Корейца» в Одессе 19-го марта». Эта фотография была подписана – «Первый привет родины героям боя у Чемульпо». Потом были опубликованы как групповые, так и индивидуальные фотографии участников знаменитого боя: «Командующий войсками Одесского военного округа барон Каульбарс приветствует старшего офицера экипажа «Варяга», капитана 2-го ранга В.В. Степанова», «Священник крейсера «Варяг» отец Михаил Руднев, награжденный наперстным крестом на Георгиевской ленте», «Барон Каульбарс поздравляет экипажи «Варяга» и «Корейца» с геройским подвигом у Чемульпо», «Перенесение раненых с «Варяга» на итальянское судно «Эльба», «Старший врач крейсера «Варяг» М.Н. Храбростин» и «Мичман П.Н. Тубонин, раненый на «Варяге» у Чемульпо и награжденный орденом Святого Георгия 4-й степени». Из японской тематики в журнале была лишь одна заметка «Свадьба в Японии» ([Свадьба в Японии, 1904: 103](#)).

10 апреля в 14-м номере журнала «Огонек» с некоторым опозданием приводился материал о гибели 31 марта на рейде Порт-Артура броненосца «Петропавловск», на котором погибли и вице-адмирал С.О. Макаров, и известный художник-баталист В.В. Верещагин. На обложке номера была помещена фотография «Доставка в Дальний продовольственных запасов и товаров на китайских джонках (плоскодонные лодки)». В качестве иллюстрации событий на войне были опубликованы фотографии «Флотилии русских миноносцев на порт-артурском рейде» и «Доставка японцами рельсов в Чемульпо для железнодорожной линии от Сеула к устью реки Ялу». Также были опубликованы две фотографии медицинских отрядов, которые отправлялись на войну. Речь шла о 3-м резервном медицинском отряде и о 5-м резервном санитарном отряде. В этом же номере была опубликована фотография екатеринославского губернатора генерал-лейтенанта графа Ф.Э. Келлера, который также отправился на войну.

В начальный период русско-японской войны ввиду отсутствия собственных корреспондентов на театре военных действий журнал продолжил публикацию фотоматериалов и в целом, на наш взгляд, отразил ими все главные события начавшегося противостояния.

5. Заключение

Завершая, мы хотели бы отметить, что ставка в освещении событий начального периода русско-японской войны в журнале делалась на визуализацию. При помощи фоторяда формировалась целостная картина событий о войне. При этом редактор и корреспонденты газеты старались представить фоторяд с учетом региональной специфики. Здесь нашлось место не только русским, но и тунгусам, и китайцам, и японцам. Стараясь не повторять публикацию материалов за еженедельным журналом «Нива», редактор «Огонька» не стал публиковать официальные документы о начале войны, а сфокусировался на представлении процесса чтения высочайшего манифеста жителями столицы. Это был достаточно интересный ход, который демонстрировал интерес жителей столицы к сообщению о начале войны.

Другой постоянной темой, которая визуализировалась на страницах «Огонька» было добровольческое движение на фронт, в котором принимали участие не только нижние чины армии, офицеры, чиновники и генералы, но и представители правящей династии. Эта тема формировала образ единства русского народа в борьбе с агрессором, что было также очень важно в условиях конфликта.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН. / This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

Бордаков, 2013 – Бордаков М.А. Особенности организации контроля над периодической печатью на Дальнем Востоке России в начале XX века // *Власть и управление на Востоке России*. 2013. № 2 (63). С. 76-84.

Буранок, 2007 – Буранок А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // *Знание. Понимание. Умение*. 2007. № 4. С. 79-86.

Военский, 1904 – Военский К. Империя микадо // *Огонек*. 1904. № 1. С. 1-6.

Военский, 1904a – Военский К. Империя микадо (продолжение) // *Огонек*. 1904. № 3. С. 17-22.

Военский, 1904b – Военский К. Империя микадо (продолжение) // *Огонек*. 1904. № 4. С. 26-30.

Военский, 1904c – Военский К. Империя микадо (продолжение) // *Огонек*. 1904. № 5. С. 34-35.

Военский, 1904d – Военский К. Империя микадо (продолжение) // *Огонек*. 1904. № 9. С. 65-70.

Гладкая, 2008 – Гладкая Е.А. Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2008. № 3 (145). С. 68-72.

Левина, 2014 – Левина В.П. «Владивостокские епархиальные ведомости» о русско-японской войне 1904–1905 гг. // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. 2014. № 20. С. 491-495.

Николаев, 2012 – Николаев Н.Ю. Русско-японская война на страницах «Вестника Европы» в 1903–1905 гг. // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения»*. 2012. № 2 (22). С. 184-188.

Николаев, 2019 – Николаев Н.Ю. Участие А.Н. Куропаткина в русско-японской войне по страницам журнала «Вестник Европы» // *Мир политики и социологии*. 2019. № 6. С. 52-65.

Павлов, 1904 – Павлов Б. Во что обходятся войны // *Огонек*. 1904. № 7. С. 49-50.

Пирайнен, 2013 – Пирайнен Е.В. Из истории дальневосточной политики России 1895–1905 гг. (по материалам газеты «Санкт-Петербургские ведомости») // *Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ*. 2013. № 10. С. 97-100.

Подшивалов, Подшивалов, 2019 – Подшивалов А.А., Подшивалов И.А. Крейсер «Варяг»: пропагандистский символ эпохи // *Военно-исторический журнал*. 2019. № 10. С. 91-95.

Православие в Японии, 1904 – Православие в Японии // *Огонек*. 1904. № 6. С. 43.

Пышнограев, 2012 – Пышнограев С.В. Действия владивостокского крейсерского отряда в периодических изданиях 1904–1905 годов // *Преподавание истории в школе*. 2012. № 6. С. 70-79.

Саутин, Кунжаров, 2016 – Саутин Р.А., Кунжаров Е.М. Журнал «Кадетская переключка» как источник по истории участия сибирских воинских формирований в военных конфликтах начала XX в. // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2016. № 2 (24). С. 118-122.

Свадьба в Японии, 1904 – Свадьба в Японии // *Огонек*. 1904. № 13. С. 103.

Современное положение Японии, 1904 – Современное положение Японии // *Огонек*. 1904. № 12. С. 95-96.

Стрелок, 1904 – Стрелок. Боевые качества японских войск // *Огонек*. 1904. № 7. С. 54.

Хвостова, 2015 – Хвостова И.А. Причины поражения России в войне с Японией 1904–1905 гг. по материалам «Нижегородской земской газеты» // *Достижения вузовской науки*. 2015. № 18. С. 13-17.

Японские нравы, 1904 – Японские нравы // *Огонек*. 1904. № 2. С. 16.

Denisenko et al., 2021 – Denisenko V.N., Bereznyatskaya M.A., Denisenko A.V., Yurova Yu.V. The Journal “Voyna s Yaponiei” as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1491-1500.

Kirilov, 2020 – Kirilov M.M. Native Units in the Imperial Russian Army during the Russo-Japanese War of 1904–1905 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(1): 3-14.

Mamadaliyev et al., 2020 – Mamadaliyev A.M., Allalyev R.M., Miku N.V., Médico A. The Japanese Armored Cruisers and Mine-Torpedo Forces of the Opposing Sides During the Russian-Japanese War // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 295-333.

Polyakova, 2016 – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 12-29.

Stavetskaya, Gavrilova, 2020 – Stavetskaya I.V., Gavrilova N.Yu. Charity Gatherings of the Population of the Tobolsk Province during the Russo-Japanese War: based on the Materials of the Publications “Tobolsk Provincial Gazette” and “Siberian Trade Newspaper” (1904–1905) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 334-344.

References

Bordakov, 2013 – Bordakov, M.A. (2013). Osobennosti organizatsii kontrolya nad periodicheskoi pechat'yu na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XX veka [Features of the organization of control over periodicals in the Far East of Russia at the beginning of the XX century]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2(63): 76-84. [in Russian]

Buranok, 2007 – Buranok, A.O. (2007). Russko-yaponskaya voyna na stranitsakh «Samarskikh eparkhial'nykh vedomostei» [The Russo-Japanese war on the pages of the “Samarskikh eparkhial'nykh vedomostei”]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 4: 79-86. [in Russian]

- Denisenko et al., 2021 – Denisenko, V.N., Berezhnyatskaya, M.A., Denisenko, A.V., Yurova, Yu.V. (2021). The Journal “Voina s Yaponiei” as a Historical Source. *Bylye Gody*. 16(3): 1491-1500.
- Gladkaya, 2008 – Gladkaya, E.A. (2008). Russko-yaponskaya voina v soznanii shirokikh sloev naseleniya Rossii v nachale XX v. [The Russo-Japanese war in the consciousness of the Russian general population at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvenny nauki*. 3(145): 68-72. [in Russian]
- Khvostova, 2015 – Khvostova, I.A. (2015). Prichiny porazheniya Rossii v voine s Yaponiei 1904–1905 gg. po materialam «Nizhegorodskoi zemskoi gazety» [The reasons for the defeat of Russia in the war with Japan in 1904-1905 based on the materials of the “Nizhegorodskoi zemskoi gazety”]. *Dostizheniya vuzovskoi nauki*. 18: 13-17. [in Russian]
- Kirilov, 2020 – Kirilov, M.M. (2020). Native Units in the Imperial Russian Army during the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(1): 3-14.
- Levina, 2014 – Levina, V.P. (2014). «Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti» o russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg. [“Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti” about the Russian-Japanese war of 1904–1905.]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept*. 20: 491-495. [in Russian]
- Mamadaliyev et al., 2020 – Mamadaliyev, A.M., Allalyev, R.M., Miku, N.V., Médico, A. (2020). The Japanese Armored Cruisers and Mine-Torpedo Forces of the Opposing Sides During the Russian-Japanese War. *Bylye Gody*. 55(1): 295-333.
- Nikolaev, 2012 – Nikolaev, N.Yu. (2012). Russko-yaponskaya voina na stranitsakh «Vestnika Evropy» v 1903-1905 gg. [The Russo-Japanese War on the pages of the "Bulletin of Europe" in 1903-1905]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2(22): 184-188. [in Russian]
- Nikolaev, 2019 – Nikolaev, N.Yu. (2019). Uchastie A.N. Kuropatkina v russko-yaponskoi voine po stranitsam zhurnala «Vestnik Evropy» [A.N. Kuropatkina in the Russian-Japanese war through the pages of the journal “Vestnik Evropy”]. *Mir politiki i sotsiologii*. 6: 52-65. [in Russian]
- Pavlov, 1904 – Pavlov, B. (1904). Vo chto obkhodyatsya voiny [What are the costs of wars]. *Ogonek*. 7: 49-50. [in Russian]
- Pirainen, 2013 – Pirainen, E.V. (2013). Iz istorii dal'nevostochnoi politiki Rossii 1895–1905 gg. (po materialam gazety «Sankt-Peterburgskie vedomosti») [From the history of Russia's Far Eastern policy in 1895–1905. (based on materials from the newspaper "St. Petersburg Vedomosti")]. *Izvestiya SPbGETU LETI*. 10: 97-100. [in Russian]
- Podshivalov, Podshivalov, 2019 – Podshivalov, A.A., Podshivalov, I.A. (2019). Kreiser «Varyag»: propagandistskii simvol epokhi [The cruiser "Varyag": a propaganda symbol of the era]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 10: 91-95. [in Russian]
- Polyakova, 2016 – Polyakova, L.G. (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 12-29.
- Pravoslavie v Yaponii, 1904 – Pravoslavie v Yaponii [Orthodoxy in Japan]. *Ogonek*. 1904. 6: 43. [in Russian]
- Pyshnograev, 2012 – Pyshnograev, S.V. (2012). Deistviya vladivostokskogo kreiserskogo otryada v periodicheskikh izdaniyakh 1904–1905 godov [The actions of the Vladivostok cruising detachment in periodicals of 1904–1905]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 6: 70-79. [in Russian]
- Sautin, Kunzharov, 2016 – Sautin, R.A., Kunzharov, E.M. (2016). Zhurnal «Kadetskaya pereklichka» kak istochnik po istorii uchastiya sibirskikh voinskikh formirovaniy v voennykh konfliktakh nachala XX v. [The journal “Kadetskaya pereklichka” as a source on the history of the participation of Siberian military formations in military conflicts at the beginning of the XX century]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2(24): 118-122. [in Russian]
- Sovremennoe polozhenie Yaponii, 1904 – Sovremennoe polozhenie Yaponii [The current state of Japan]. *Ogonek*. 1904. 12: 95-96. [in Russian]
- Stavetskaya, Gavrilova, 2020 – Stavetskaya, I.V., Gavrilova, N.Yu. (2020). Charity Gatherings of the Population of the Tobolsk Province during the Russo-Japanese War: based on the Materials of the Publications “Tobolsk Provincial Gazette” and “Siberian Trade Newspaper” (1904–1905). *Bylye Gody*. 55(1): 334-344.
- Strelok, 1904 – Strelok (1904). Boevye kachestva yaponskikh voisk [The fighting qualities of the Japanese troops]. *Ogonek*. 7: 54. [in Russian]
- Svad'ba v Yaponii, 1904 – Svad'ba v Yaponii [Wedding in Japan]. *Ogonek*. 1904. 13: 103. [in Russian]
- Voenskii, 1904 – Voenskii, K. (1904). Imperiya mikado [Mikado Empire]. *Ogonek*. 1: 1-6. [in Russian]
- Voenskii, 1904a – Voenskii, K. (1904). Imperiya mikado (prodolzhenie) [Mikado Empire (continued)]. *Ogonek*. 3: 17-22. [in Russian]
- Voenskii, 1904b – Voenskii, K. (1904). Imperiya mikado (prodolzhenie) [Mikado Empire (continued)]. *Ogonek*. 4: 26-30. [in Russian]
- Voenskii, 1904c – Voenskii, K. (1904). Imperiya mikado (prodolzhenie) [Mikado Empire (continued)]. *Ogonek*. 5: 34-35. [in Russian]

[Voenskii, 1904d](#) – *Voenskii, K.* (1904). Imperiya mikado (prodolzhenie) [Mikado Empire (continued)]. *Ogonek*. 9: 65-70. [in Russian]
[Yaponskie nrawy, 1904](#) – *Yaponskie nrawy* [Japanese customs]. *Ogonek*. 1904. 2: 16. [in Russian]

Отражение начального периода русско-японской войны в журнале «Огонек» (январь – март 1904 г.)

Дмитрий Сергеевич Скнарев ^{a, *}, Зульфира Салиховна Зюкина ^a,
Екатерина Станиславовна Козловская ^a, Надежда Михайловна Суздолова ^a

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах еженедельного российского журнала «Огонек» рассматривается начальный период русско-японской войны (январь–март 1904 г.).

В качестве материалов авторами были использованы подшивки российского журнала «Огонек», который в указанное время являлся еженедельным изданием, ориентированным на массового читателя. Всего было рассмотрено 14 номеров журнала (с 1-го по 14-й за 1904 г.), которые охватывали предвоенный период и начальный военный (вплоть до представления на страницах журнала событий 31 марта 1904 г. – гибели броненосца «Петропавловск»).

Завершая, авторы отмечают, что ставка в освещении событий начального периода русско-японской войны в журнале делалась на визуализацию. При помощи фоторяда формировалась целостная картина событий о войне. При этом редактор и корреспонденты газеты старались представить фоторяд с учетом региональной специфики. Здесь нашлось место не только русским, но и тунгусам, и китайцам, и японцам. Стараясь не повторять публикацию материалов за еженедельным журналом «Нива», редактор «Огонька» не стал публиковать официальные документы о начале войны, а сфокусировался на представлении процесса чтения Высочайшего манифеста жителями столицы. Это был достаточно интересный ход, который демонстрировал интерес жителей столицы к сообщению о начале войны.

Другой постоянной темой, которая визуализировалась на страницах «Огонька», было добровольческое движение на фронт, в котором принимали участие не только нижние чины армии, офицеры, чиновники и генералы, но и представителя правящей династии. Эта тема формировала образ единства русского народа в борьбе с агрессором, что было также очень важно в условиях конфликта.

Ключевые слова: русско-японская война, начальный период, российский журнал «Огонек», публикации, январь–март 1904 г., визуализация.

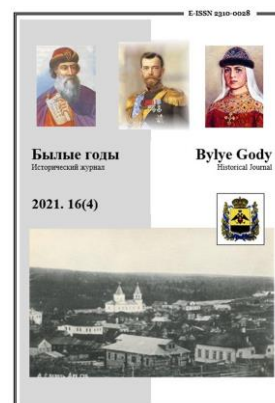
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: sknar@list.ru (Д.С. Скнарев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2005-2013
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2005

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Evolution of the Views of Russian Monarchists on Ensuring Political Stability in the period 1905–1917

Stanislav E. Prokofiev ^a, Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Aleksey V. Fedyakin ^b, Viktor V. Titov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Russian University of Transport, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the topic of changing the views of Russian monarchists on the strategy of ensuring the stability of the political and social regime of the empire in the period 1905–1917. The aim of the study is to identify the main vectors and trends in the evolution of the views of monarchists on the strategy of ensuring political stability in the Russian Empire in the designated chronological period. The source base of the work is formed by attracting materials from the pre-revolutionary periodicals, sources of personal origin and publications of office documents and program materials of political parties. The methodology of the work is built on the basis of a combination of synchronous and diachronic comparative analysis. It is concluded that during the period under review, the views of monarchists on the strategy of ensuring the political stability of the empire were actively evolving. Initially, they did not have their own views on this issue, delegating the function of determining the vector of its decision to the system of the current government. However, as the revolutionary crisis grew, the monarchists began to develop their own position on this issue. Initially, popular were the ideas of a partial limitation of the powers of the recently created parliamentary institutions or the restoration of “primordially autocratic principles” in the system of state administration. However, in the end, the point of view of moderate monarchists prevailed, insisting on the need to create mechanisms to cut off political radicals from participation in legislative activity. In the period 1907–1911 the monarchists promoted the idea of the need to combine moderate reforms with the conservation of social institutions that ensure the functioning of the patriarchal model of Russian society. At the same time, attention was focused on the fact that transformations in the socio-economic sphere should become a priority for the authorities: the transition to political reforms in the absence of an increase in living standards was seen as fraught with the beginning of new revolutionary uprisings. In the future, the monarchists moved to more radical positions. They proposed to rebuild the political and economic models of the organization of society in the spirit of corporatism. During the First World War, they actively discussed projects for the establishment of the post of a dictator, uniting in his hands the supreme powers in the civil and military spheres. Thus, the monarchists went beyond the traditionalist paradigm of autocracy. At the same time, their very perception of political stability was transformed. Initially it was seen as a static state corresponding to the “sacred past”. However, by the end of the period under study, monarchists perceived stability as a state of the political system that allows political and social systems to remain resistant to external and internal challenges through evolutionary transformations or the creation of new extraordinary institutions and forms of management or economic organization.

Keywords: monarchists, conservatives, socio-political thought, political stability, Russian Empire, revolution.

* Corresponding author

E-mail addresses: SEProkofev@fa.ru (S.E. Prokofiev), PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), avf2010@yandex.ru (A.V. Fedyakin), VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

1. Введение

Долгое время дореволюционные монархические организации стигматизировались в научной литературе как «черносотенные», что закономерно негативным образом отразилось на описании и анализе политических воззрений их представителей. В постсоветский период была произведена ревизия политического наследия дореволюционных монархистов. Однако его изучение также зачастую проходило на не вполне объективных основаниях. Взгляды и оценки монархистов интерпретировались с позиций постзнания. На них существенное влияние оказывало и длительное господство либерального дискурса в исторической публицистике в период 1990-х гг., а также попытки описания политических воззрений монархистов в преимущественно философском или религиозном ключе, в отрыве от исторического контекста и политической конъюнктуры.

В результате были сформированы мемориальные рамки, обусловившие восприятие политических воззрений дореволюционных монархистов в ракурсе упрощения их реальной позиции. Последнее проявляется в том числе в крайней степени обобщения их взглядов и фактическом отрицании их эволюции под влиянием динамики внешне- и внутривнутриполитической ситуации. Следствием этого стало появление объяснительных моделей, в рамках которых поведение монархистов на политической арене дореволюционной России описывалось и оценивалось скорее с позиции априори недостоверных стереотипов.

На этом фоне объективная переоценка политических воззрений дореволюционных монархистов представляется важным условием обеспечения сообщества профессиональных историков релевантной эмпирической базой в рамках концептуализации процесса гибели Российской империи. И в первую очередь это касается восприятия монархистами способов обеспечения внутривнутриполитической стабильности, поскольку именно эта задача выступала в их глазах стратегическим приоритетом с начала периода революционных потрясений в 1905 г.

Целью представленного исследования является оценка эволюции взглядов монархистов на стратегию обеспечения политической стабильности в Российской империи в период 1905–1917 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает в себя материалы дореволюционной периодической печати (публикации в таких изданиях, как «Голос долга», «Мирный труд» и «За Россию»), источники личного происхождения (Богданович, 1990; Головин, 2006; Гурко, 2000; Кизеветтер, 2001) и публикации дежпроизводственных документов и программных материалов политических партий (Падение царского режима, 1924; Программы политических партий, 1995; Устав и Основоположения, 1906).

Методология работы выстраивается на основе сочетания синхронного и диахронного сравнительного анализа. Использование первой методики позволяет сопоставить между собой взгляды различных групп монархистов в одно и то же время, применение второй – проследить эволюцию воззрений сторонников монархии на протяжении исследуемого периода.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема изучалась преимущественно косвенным образом, в контексте вопроса об участии партий в работе Государственной Думы первых созывов (Винавер, 1907; Езерский, 1907; Львович, 1906; Мышцин, 1906).

В публикациях советского периода исследователи освещали политические воззрения монархистов как самостоятельный предмет изучения. Однако вместо объективного анализа эмпирического материала они были вынуждены скорее заниматься подбором фактов под заранее сформулированные идеологические положения (Волбуев и др., 1989; Комин, 1965; Спириин, 1968; Спириин, 1977).

В постсоветский период возникла возможность изучения заявленной темы на основе принципа объективности. Однако она исследовалась преимущественно либо в контексте более широких по объему вопросов, либо в ключе разработки ее отдельных аспектов (Боханов, 2006; Вортман, 1999; Кирьяков, 2001; Курицын, 2018; Омельянчук, 2020). Результатом этого является лакунарный характер степени научной разработанности заявленной темы.

4. Результаты

Непосредственному обращению к вопросу о восприятии условий обеспечения политической стабильности представителями монархических партий и движений должен предшествовать анализ соответствующего концепта.

И в зарубежной, и в российской науке исследователями было выработано множество вариантов интерпретации понятия «политическая стабильность».

А.С. Макарычев выделил в работах зарубежных экспертов пять подходов к определению обозначенного термина.

Согласно первому из них, политическая стабильность представляет собой состояние общественно-политической системы, для которого характерно отсутствие каких-либо угроз,

связанных с масштабным распространением нелегитимного насилия, или наличие у властных институтов возможности легко устранить либо купировать подобные риски (Ф. Били, Д. Яворски).

В рамках второго подхода стабильность рассматривается как сочетание сохранения конституционного строя с преимуществом политического курса (С. Хантингтон).

Сторонники третьего подхода определяют политическую стабильность как производную высокой легитимности власти (Д. Заллер, С. Липсет, Д. Истон).

Представители четвертого подхода позиционируют политическую стабильность как отсутствие значимых изменений в политической структуре или наличие механизмов управления данными трансформациями со стороны истеблишмента (Т. Парсонс).

Пятый подход основывается на толковании стабильности как социально-политического состояния, в рамках которого представители конкретного сообщества с высокой долей последовательности и жесткости ограничивают свое поведение социально приемлемыми нормами (Г. Горти) (Макарычев, 1998: 151-153; Хантингтон, 2004: 75).

В зарубежной науке также был выработан ряд оригинальных вариаций интерпретации политической стабильности. В частности, К. Даудинг и Р. Кимбер описывают стабильность как состояние политической системы, в рамках которого она способна успешно купировать внешние и внутренние угрозы. Т. Парсонс позиционировал стабильность как состояние, в рамках которого внутренние связи между элементами политической системы сильнее внешних контактов (Doweling, Kimber, 1983: 32-33).

Обобщение описанных выше подходов позволяет выделить такие существенные характеристики политической стабильности, как наличие релевантных механизмов разрешения внутренних противоречий и устранения внешних угроз, структурная устойчивость институтов управления и инструментов поддержания легитимности существующего политического режима.

Для российской науки также характерно отсутствие конвенционального определения понятия «политическая стабильность».

М.Г. Анохин интерпретирует его как состояние политической системы, которому присущи устойчивость, структурная целостность и способность системы управления успешно функционировать под давлением со стороны внешних и внутренних акторов (Гришин, 2015: 51).

А.И. Соловьев рассматривает политическую стабильность как состояние баланса в сфере и внутри- и внешнеполитических отношений государства, обеспечивающее генерацию потенциала эксплуатации политических механизмов для решения задач сохранения и развития властных институтов и заданной ими социальной системы (Гришин, 2015: 51-52).

М.А. Василик описывает политическую стабильность как состояние социальной устойчивости, формирующее потенциал эффективного функционирования и развития общества в условиях коммуникации с внешними и внутренними акторами, а также позволяющее сохранить его структуру и институты, отвечающие за определение вектора процесса социальных трансформаций (Гришин, 2015: 52).

В.Н. Иванов определяет политическую стабильность как способность политической системы длительное время функционировать в отсутствии резких перемен (Гришин, 2015: 52).

С.И. Бойко оценивает политическую стабильность как состояние политического режима, для которого характерны динамичность, устойчивость, непрерывность в плане основных характеристик и эволюционная модель развития. В рамках данного состояния трансформация политического процесса осуществляется без использования инструментов актуального насилия. Последнее обеспечивает, с одной стороны, наличие адекватной формы конверсии власти в рамках цепочки «государство – общество – государство», а с другой – сбалансированный характер отношений как между группами истеблишмента, так и между элитой и прочими макросоциальными группами. В качестве дополнительных условий поддержания политической стабильности исследователь выделяет наличие «политического равновесия» между основными акторами и «цивилизованных» форм выстраивания диалога между ними (Гришин, 2015: 52-53).

Соответственно, российской научной традиции присуща тенденция расширенного истолкования понятия «политическая стабильность» за счет включения в его объем функции регулирования социальных трансформаций, а также четкая взаимосвязь понятий «политическая стабильность» и «устойчивое развитие». Фактически под состоянием политической стабильности так или иначе подразумевают комплекс факторов, обеспечивающих устойчивое развитие конкретной социально-политической системы, а не просто совокупности взаимосвязанных властных институтов.

Российские исследователи заостряют внимание на решении таких задач, как сохранение структурной целостности политической системы и обеспечение способности эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы. За счет этого функциональное описание политической стабильности в российской и зарубежной научной традициях совпадают, за исключением элемента легитимности, выделяемого западными политологами.

В целом можно заключить, что политическая стабильность представляет собой состояние политической системы, в рамках которого она способна длительное время сохранять структурную

устойчивость, в то же время релевантно реагируя на внешние и внутренние угрозы, адаптируясь к ним без изменений своих фундаментальных характеристик.

Таким образом, стабильность и преобразования не являются взаимоисключающими понятиями. Они, напротив, тесно взаимосвязаны: наличие хотя бы минимального уровня стабильности политической системы является значимой гарантией ее успешного реформирования. Стабильность – парадигмальное свойство поступательного развития. И в то же время принципиальным условием поддержания стабильности любой системы можно назвать изменчивость ее подсистем, их способность к постепенному накоплению новых элементов на пути трансформации при сохранении базовых параметров.

Первоначально у многих организаций монархического толка не было полноценных и четко сформулированных представлений о способах обеспечения политической стабильности в империи. Показательно в этом плане программное воззвание «Союза русских людей». Стратегия данного объединения на политической арене определялась следующим образом: «стараться правильно выполнить царскую волю и без корысти выбирать по первому государеву призыву истинно достойных людей». Таким образом, первоначально многие монархисты отказывали себе в полноценной субъектности и намеревались выступать лишь в качестве проводника воли императора ([Программы политических партий, 1995: 79](#)).

Однако эта установка достаточно быстро начала вытесняться различными вариантами более активной политической позиции. В крайне правых кругах была выработана установка на возвращение к модели самодержавной власти дореволюционного образца («в том неприкосновенном виде, в котором Государь получил ее от своих Царственных предков»). При этом важно подчеркнуть, что это не подразумевало полной отмены «Манифеста 17 октября». Сторонники данной позиции настаивали на необходимости придать как Государственному Совету, так и Государственной Думе законосовещательный характер. Дума в рамках такой конструкции должна была представлять собой инструмент обеспечения прямой связи между монархом и широкими слоями населения, направляющими императору свои просьбы через депутатов в обход высшей бюрократии и ведомственной вертикали. Также предполагалось сохранить за наемными рабочими права на создание профсоюзов, но одновременно запретить для подданных вступление в политические объединения (например, на этом настаивали представители Отечественного союза) ([Богданович, 1990: 49](#); [Винавер, 1907: 35](#); [Устав и Основоположения, 1906: 12](#); [Головин, 2006: 15](#)).

Интересно отметить, что представители данного подхода не нашли поддержки среди высшего политического руководства империи по причине именно излишней (с точки зрения действующей власти) субъектности. Так, описанный подход активно продвигали монархические круги, группировавшиеся вокруг издания «Московские ведомости». Однако в своей риторике они дошли до косвенной критики императора, настаивая на том, что монарх не имел права ограничивать права самодержца, переданные ему предками. Последнее закономерно спровоцировало вспышку раздражения среди высшего политического руководства. Подобные заявления были расценены как попытка «взять опеку» над монархом ([Гурко, 2000: 57](#)).

Вместе с тем многие умеренные монархисты из числа лидеров общественного мнения (к их числу относились, например, В.И. Гурко, А.А. Киреев и А.С. Суворин) пришли к осознанию необратимости политической реформы 1905 г. В.М. Пуришкевич и вовсе полагал, что Государственная Дума могла стать полноценным парламентом, однако этому препятствовало низкое правосознание населения. При этом умеренные монархисты (в частности, А.А. Киреев) настаивали на необходимости реформирования парламентского механизма в ключе, позволяющем отсечь от законодательной деятельности неготовых идти на компромиссы с монархией политиков правого и левого толка. Фактически речь шла о реформе Государственной Думы по сценарию, впоследствии реализованному властями в рамках режима «третьеиюньской монархии» ([Гурко, 2000: 61](#); [Киреев, 1907: 225](#); [Курицын, 2018: 87](#); [Пуришкевич, 1907: 15](#)).

Умеренные монархисты признавали, что в России активно развиваются те же социально-экономические процессы, что и в Западной Европе в XVIII–XIX вв. (в качестве примера можно привести работы А. Швецова и А. Доброхотова). Однако сопутствующие изменения, по мнению умеренных монархистов, вызывали отторжение у основной массы населения. Равным образом российские монархисты отстаивали необходимость сохранения системы сословного деления и разработки мер государственной опеки в отношении конкретных социальных групп – духовенства, дворянства и крестьянства, которые рассматривались в качестве главных носителей национальной модели социально-политического устройства. В то же время декларировалась необходимость экстренной разработки либо усовершенствования крестьянского и рабочего законодательства. Последнее объяснялось тем, что, по мнению большинства мыслителей из числа умеренных монархистов, проведению даже умеренных либеральных преобразований в обязательном порядке должно предшествовать повышение уровня жизни широких масс населения. В противном случае распространение капиталистических отношений и соответствующих форм организации политической власти неизбежно будет провоцировать революционные выступления ([Архиепископ Никанор, 1912: 5](#); [Берман, 1913: 1912](#); [Вараксин, 1912: 20](#); [Доброхотов, 1907: 67](#); [Швецов, 1907: 61](#)).

Отдельно необходимо отметить наличие такого направления в монархической публицистике, как критика коррумпированности государственного аппарата. По мнению многих сторонников монархии, коррупция представляла собой почти такую же опасность для стабильности существующего строя, как и действия политических радикалов из левого и либерального лагеря. Неслучайно накануне открытия заседаний III Государственной Думы М.О. Меншиков в своей речи заострил внимание на том, что именно коррупция, произвол и равнодушие властей входят в число основных факторов, провоцирующих начало «кровавых бунтов» (Омельянчук, 2020: 434).

Тема борьбы с коррупцией достаточно органично сплелась в монархической публицистике с традиционными взглядами на роль императора в системе управления. Монарх, обладающий правом отменить любое решение суда или даже закон в случае наличия опасности для общества, позиционировался как главный фактор, ограничивающий эгоизм элит и вынуждающий их выполнять функцию «служения общему благу» (Ухтубужский, 1912: 14).

Именно эта система представлений стала парадигмальным элементом позднейших воззрений монархистов на механизмы обеспечения внутривластной стабильности империи.

После смерти П.А. Столыпина и начала постепенного свертывания инициированной им программы реформ монархисты, с одной стороны, начали выражать все больше симпатий идеям корпоративизма. В наиболее радикальных формах они сводились к национализации всех «источников труда» и фактическому превращению всех подданных в государственных служащих (Голос долга, 1912: 6; Кизеветтер, 2001: 112; Ухтубужский, 1912: 14).

С другой стороны, уже в период Первой мировой войны в монархической печати все чаще стали публиковать материалы, авторы которых настаивали на создании поста временного диктатора, который объединил бы в своих руках высшую гражданскую и военную власть. Интересно отметить, что впоследствии бывший председатель совета министров Б.В. Штурмер сообщил членам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что в 1916 г. высшее политическое руководство империи действительно обсуждало возможность соответствующего шага.

Однако среди монархистов отсутствовал консенсус относительно того, на кого можно было бы возложить полномочия диктатора. Император уже являлся Верховным главнокомандующим, однако «великое отступление» 1915 г. и неудачи войск Западного фронта в 1916 г. заметно подорвали его авторитет в данном качестве. В то же время вручение этих полномочий другому лицу порождало в перспективе угрозу государственного переворота (За Россию, 1916; Падение царского режима, 1924).

5. Заключение

Таким образом, взгляды российских монархистов на стратегию стабилизации политической ситуации в России в течение рассматриваемого периода претерпели значительную эволюцию. Первоначально у них не было собственных программных воззрений по данному вопросу, определение вектора его решения они целиком доверили действующей власти. Однако по мере разрастания революционного кризиса монархисты были вынуждены выработать собственную позицию по данному вопросу. Первоначально широкой популярностью пользовались идеи частичного ограничения полномочий недавно созданных парламентских институтов или даже полного возвращения к «исконно самодержавным началам». Однако данная позиция соседствовала с критикой действий политического руководства империи, что вызвало резкую реакцию с его стороны. В итоге возобладала точка зрения умеренных монархистов, настаивавших на необходимости блокирования участия политических радикалов в законодательной деятельности. Фактически ими был предложен (в концептуальном виде) политический курс, ставший основой для конструирования режима «третьей монархии».

В период 1907–1911 гг. монархисты продвигали в рамках публичного дискурса тезис о необходимости сочетать умеренные реформы с консервацией социальных институтов, обеспечивающих функционирование патриархальной модели российского общества. При этом подчеркивалось, что приоритетом обладают преобразования в социально-экономической сфере: переход к политическим реформам в отсутствии роста уровня жизни рассматривался как чреватый началом новых революционных выступлений.

Рост социального недовольства и реанимация рабочего движения, наряду со свертыванием программы реформ П.А. Столыпина, подтолкнули монархистов к формулированию более радикальных способов обеспечения политической стабильности, вплоть до проведения корпоративистских реформ. Первая мировая война и вовсе поставила на повестку дня вопрос о создании должности диктатора, объединяющего в своих руках высшие полномочия в гражданской и военной сферах. За счет этого монархисты фактически вышли за пределы традиционалистской парадигмы самодержавия и перешли на идеологическое поле европейских правых. При этом трансформировалось и само восприятие политической стабильности. Если первоначально она рассматривалась как статичное состояние, соответствующее «священному прошлому», то в последующем монархисты воспринимали ее уже как состояние политической системы, позволяющее обществу сохранять устойчивость к нарастающим внешним и внутренним вызовам за счет эволюционных преобразований или создания новых экстраординарных институтов и форм

управления. За счет этого монархисты фактически ушли от профанного понимания стабильности как отсутствия изменений и приблизились к ее научной трактовке.

6. Благодарности

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

Литература

- Архиепископ Никанор, 1912** – *Архиепископ Никанор*. О верноподданнических обязанностях // *Голос долга*. 1912. № 5. С. 4-11.
- Берман, 1913** – *Берман Я.* Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Богданович, 1990** – *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Боханов, 2006** – *Боханов А.Н.* Последний царь. М., 2006.
- Вараксин, 1912** – *Вараксин А.* Царское самодержавие и Государственная Дума // *Голос долга*. 1912. № 5. С. 19-21.
- Винавер, 1907** – *Винавер М.М.* Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
- Волобуев и др., 1989** – *Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В.* Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // *Непролетарские партии России в трех революциях*. М., 1989. С. 10-11.
- Вортман, 1999** – *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.
- Головин, 2006** – *Головин Ф.А.* Николай II // *Николай Второй. Воспоминания*. Дневники. М., 2006. С. 11-25.
- Голос долга, 1912** – *Голос долга*. 1912. № 2. С. 6.
- Гришин, 2015** – *Гришин О.Е.* Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): В 2 ч. Ч. I. С. 51-54.
- Гурко, 2000** – *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Доброхотов, 1907** – *Доброхотов А.* Ближайшая задача духовенства // *Мирный труд*. 1907. № 10. С. 65-71.
- Езерский, 1907** – *Езерский Н.Ф.* Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907.
- За Россию, 1916** – *За Россию*. 1916. 14 февраля.
- Кизеветтер, 2001** – *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Киреев, 1907** – *Киреев А.* Голос старого славянофила // *Мирный труд*. 1907. № 8–9. С. 223-265.
- Кирьяков, 2001** – *Кирьяков Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001.
- Комин, 1965** – *Комин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. 644 с.
- Курицын, 2018** – *Курицын А.И.* Избирательная программа Союза русского народа на выборах в I и II Государственную Думу // *Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Stadia Historica Jenium»*. 2018. № 1 (14). С. 83-93.
- Львович, 1906** – *Львович А.* Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906.
- Макарычев, 1998** – *Макарычев А.С.* Стабильность и нестабильность при демократии // *Полис*. 1998. № 1. С. 149-157.
- Мышцин, 1906** – *Мышцин В.Н.* Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Омельянчук, 2020** – *Омельянчук И.В.* Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 1. С. 428-463.
- Падение царского режима, 1924** – *Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. чрезвычайной следственной комиссии временного правительства*. Л., 1924.
- Программы политических партий, 1995** – *Программы политических партий России (конец XIX в. – XX в.)*. М., 1995.
- Пуришкевич, 1907** – *Пуришкевич В.* Накануне (Политические партии в России перед 3-й Думой) // *Мирный труд*. 1907. № 8–9. С. 12-35.
- Спирин, 1968** – *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.
- Спирин, 1977** – *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.

- Устав и Основоположения, 1906 – Устав и Основоположения Союза русского народа. М., 1906.
 Ухтубужский, 1912 – Ухтубужский П. Наши идеалы и русская современность // *Прямой путь*. 1912. № 10. С. 13-15.
 Хантингтон, 2004 – Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
 Швецов, 1907 – Швецов А. Несколько слов о социал-демократах // *Мирный труд*. 1907. № 10. С. 58-64.
 Doweling, Kimber, 1983 – Doweling K.M., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*. 1983. Vol. II. № 3. Pp. 28-39.

References

- Arkhipiskop Nikanor, 1912 – Arkhipiskop Nikanor. (1912). O vernopoddanicheskikh obyazannostyakh [On loyal duties]. *Golos dolga*. 5: 4-11 [in Russian]
 Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]
 Bogdanovich, 1990 – Bogdanovich, A.V. (1990). Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik [The last three autocrat. Diary]. М. [in Russian]
 Bokhanov, 2006 – Bokhanov, A.N. (2006). Poslednii tsar' [The Last Tsar]. М. [in Russian]
 Dobrokhotov, 1907 – Dobrokhotov, A. (1907). Blizhaishaya zadacha dukhovenstva [The immediate task of the clergy]. *Mirnyi trud*. 10: 65-71. [in Russian]
 Doweling, Kimber, 1983 – Doweling, K.M., Kimber, R. (1983). The Meaning and Use of «Political Stability». *European Journal of Political Research*. Vol. II. 3: 28-39.
 Ezerskii, 1907 – Ezerskii, N.F. (1907). Gosudarstvennaya дума первого созъва [State Duma of the first convocation]. Penza. [in Russian]
 Golos dolga, 1912 – *Golos dolga*. 1912. 2: 6. [in Russian]
 Golovin, 2006 – Golovin, F.A. (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. М. Pp. 11-25. [in Russian]
 Grishin, 2015 – Grishin, O.E. (2015). Politicheskaya stabil'nost': ponyatie, faktory, innovatsii. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie [Political stability: concept, factors, innovation. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. *Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 6(56): v 2-kh ch. Ch. I. Pp. 51-54. [in Russian]
 Gurko, 2000 – Gurko, V.I. (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. М. [in Russian]
 Khantington, 2004 – Khantington, S. (2004). Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh [Political Order in Changing Societies]. М. [in Russian]
 Kireev, 1907 – Kireev, A. (1907). Golos starogo slavyanofila [The voice of the old Slavophile]. *Mirnyi trud*. 8-9: 223-265. [in Russian]
 Kir'yakov, 2001 – Kir'yakov, Yu.I. (2001). Pravye partii v Rossii. 1911–1917. М. [in Russian]
 Kizeveter, 2001 – Kizeveter, A.A. (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914. М. [in Russian]
 Komin, 1965 – Komin, V.V. (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties of Russia during the preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. М. [in Russian]
 Kuritsyn, 2018 – Kuritsyn, A.I. (2018). Izbiratel'naya programma Soyuza russkogo naroda na vyborakh v I i II Gosudarstvennyuyu Dumu [The electoral program of the Union of the Russian people in the elections to the I and II State Duma]. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Stadia Historica Jenium*. 1(14): 83-93. [in Russian]
 L'vovich, 1906 – L'vovich, A. (1906). Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and the peasantry in the State Duma]. Rostov-na-Donu. [in Russian]
 Makarychev, 1998 – Makarychev, A.S. (1998). Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokratii [Stability and instability in democracy]. *Polis*. 1: 149-157. [in Russian]
 Myshtsin, 1906 – Myshtsin, V.N. (1906). Politicheskie partii i ikh idealy. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra [Political parties and their ideals]. Holy Trinity Sergius Lavra. [in Russian]
 Omel'yanchuk, 2020 – Omel'yanchuk, I.V. (2020). Sotsial'nyi aspekt ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX stoletiya [The social aspect of the ideology of Russian conservatives at the beginning of the 20th century]. *Tetradi po konservatizmu*. 1: 428-463. [in Russian]
 Padenie tsarskogo rezhima, 1924 – Padenie tsarskogo rezhima: Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. chrezvychainoi sledstvennoi komissii vremennogo pravitel'stva [The fall of the

tsarist regime: Verbatim records of interrogations and testimonies given in 1917 by the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government]. L., 1924. [in Russian]

[Programmy politicheskikh partii, 1995](#) – Programmy politicheskikh partii Rossii (konets XIX v. – XX v.) [Programs of political parties in Russia (late XIX century – XX century)]. M. [in Russian]

[Purishkevich, 1907](#) – *Purishkevich, V.* (1907). Nakanune (Politicheskie partii v Rossii pered 3-i Dumoi) [On the Eve (Political Parties in Russia before the 3rd Duma)]. *Mirnyi trud.* 8-9: 12-35. [in Russian]

[Shvetsov, 1907](#) – *Shvetsov, A.* (1907). Neskol'ko slov o sotsial demokratakh [A few words about the social democrats]. *Mirnyi trud.* 10: 58-64. [in Russian]

[Spirin, 1968](#) – *Spirin, L.M.* (1968). Klassy i partii v grazhdanskoi voine v Rossii [Classes and Parties in the Civil War in Russia]. M. [in Russian]

[Spirin, 1977](#) – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early XX century – 1920)]. M. [in Russian]

[Ukhtubuzhskii, 1912](#) – *Ukhtubuzhskii, P.* (1912). Nashi idealy i russkaya sovremennost' [Our ideals and Russian modernity]. *Pryamoi put'.* 10: 13-15. [in Russian]

[Ustav i Osnovopolozheniya, 1906](#) – Ustav i Osnovopolozheniya Soyuza russkogo Naroda [Charter and Foundations of the Union of the Russian People]. M. [in Russian]

[Varaksin, 1912](#) – *Varaksin, A.* (1912). Tsarskoe samodержavie i Gosudarstvennaya Duma [Tsarist autocracy and the State Duma]. *Golos dolga.* 5: 19-21. [in Russian]

[Vinaver, 1907](#) – *Vinaver, M.M.* (1907) Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the First Duma]. SPb. [in Russian]

[Volobuev i dr., 1989](#) – *Volobuev, O.V., Miller, V.I., Shelokhaev, V.V.* (1989). Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniya i nereshennye problem [Non-proletarian parties of Russia: the results of the study and unsolved problems]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh.* M., Pp. 10-11. [in Russian]

[Vortman, 1999](#) – *Vortman, R.* (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA.* 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive.* M., Pp. 233-244. [in Russian]

[Za Rossiyu, 1916](#) – *Za Rossiyu.* 1916. 14 fevralya. [in Russian]

Эволюция воззрений российских монархистов на обеспечение политической стабильности в период 1905–1917 гг.

Станислав Евгеньевич Прокофьев ^a, Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}, Алексей Владимирович Федякин ^b, Виктор Валериевич Титов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена теме изменения взглядов российских монархистов на стратегию обеспечения стабильности политического и социального режима империи в период 1905–1917 гг. Целью исследования является выделение основных векторов и трендов в эволюции взглядов монархистов на стратегию обеспечения политической стабильности в Российской империи в обозначенный хронологический отрезок. Источниковая база работы сформирована за счет привлечения материалов дореволюционной периодической печати, источников личного происхождения, публикаций делопроизводственных документов и программных материалов политических партий. Методология работы выстроена на основе комбинирования синхронного и диахронного сравнительного анализа. Сделан вывод о том, что на протяжении рассматриваемого периода взгляды монархистов на стратегию обеспечения политической стабильности империи активно эволюционировали. Первоначально они не имели собственных воззрений по данному вопросу, делегировав функцию определения вектора его решения действующей власти. Однако по мере разрастания революционного кризиса монархисты начали формулировать собственную позицию по вопросу обеспечения стабильности общества. Изначально в их среде популярностью пользовались идеи частичного ограничения полномочий недавно созданных парламентских институтов или реставрации «исконно самодержавных начал» государственного управления. Однако в итоге возобладала точка зрения умеренных монархистов, настаивавших на необходимости создания механизмов, отсекающих политических радикалов от участия в законодательной деятельности. В период 1907–1911 гг. монархисты продвигали идею о том, что необходимо сочетать умеренные реформы с консервацией социальных институтов, обеспечивающих функционирование

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SEProkofev@fa.ru (С.Е. Прокофьев), PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), avf2010@yandex.ru (А.В. Федякин), VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

патриархальной конфигурации российского общества. Также они заостряли внимание на том, что преобразования в социально-экономической сфере должны стать приоритетом для власти: переход к политическим реформам в условиях отсутствия роста уровня жизни населения рассматривался как неоправданный шаг, способный стать катализатором новых революционных потрясений. В дальнейшем монархисты перешли на более радикальные позиции. В условиях начавшейся Первой мировой войны ими активно обсуждались проекты учреждения должности диктатора, объединяющего в своих руках верховные государственно-политические полномочия в гражданской и военной сферах. Таким образом, монархисты вышли за рамки традиционалистской парадигмы самодержавия. Одновременно трансформировалось и само восприятие ими политической стабильности. Первоначально ее рассматривали именно как статичное состояние, соответствующее «священному прошлому». Однако к концу исследуемого периода монархисты интерпретировали стабильность уже как некую адаптивность: сбалансированное, но не константное состояние политической системы, позволяющее государству и обществу сохранять устойчивость к разнообразным внешним и внутренним социальным вызовам за счет поэтапных и последовательных эволюционных преобразований.

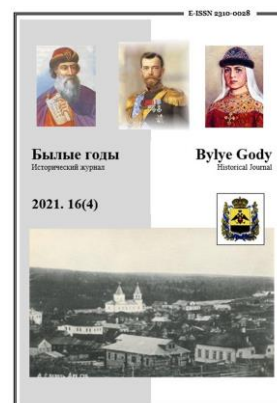
Ключевые слова: монархисты, консерваторы, общественно-политическая мысль, политическая стабильность, Российская империя, революция.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2014-2025
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2014

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Areas of Concern of “the Russian Policy” in the Reports of the German Naval Attaché P. Hintze in 1905–1908

Stanislav N. Sinegubov ^{a, *}, Sergei P. Shilov ^a

^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the messages of the German naval attaché in Russia P. Hintze in 1905–1908. They describe significant actions of the Russian authorities to restore the naval forces harmed in the Russian-Japanese War of 1904–1905. Both the foreign policy of Petersburg and of the German leadership depended on it. P. Hintze's reports were important here as evidenced by his right of direct appeal to Kaiser Wilhelm II – not every naval attaché had this privilege. This was explained not only by the importance of Russia for Germany, but also by P. Hintze's analytical skills and his acquaintances with representatives of the highest Petersburg political and military spheres. As the authors show, in his reports in 1905–1908 the German attaché went beyond the scope of purely naval affairs, although they, of course, remained one of the most urgent for him. P. Hintze not only stated the facts that attracted his attention, but also gave them a comprehensive description to reach a higher level of foreign policy forecasting of the development of German-Russian relations. The analysis of the German naval attaché's reports revealed a number of serious challenges that predetermined the deterioration, rather than the improvement, of the political climate between the two countries.

Keywords: Russia, Germany, foreign policy, German naval attaché, reports of 1905–1908.

1. Введение

Бесславное окончание для России войны с Японией в августе 1905 г. нанесло чувствительный удар по ее имиджу и статусу как великой державы. Вопрос о возможном военном, в том числе и военно-морском, а также политическом союзе с ней, как это было в 1903–1904 гг., в высших кругах Берлина уже не рассматривался даже гипотетически (Синегубов, Шилов, 2016: 233-235). По признанию многих высокопоставленных российских военных представителей, летом 1905 г. страна не могла защитить саму себя по причине полного истощения практически всех видов ресурсов, необходимых для этого (Ковалевский, 2021: 79-81). Финансирование каждого солдата составляло на тот период почти на 50 % меньше того, что тратили Германия и Австро-Венгрия (Российская императорская армия).

Вместе с тем в военном и военно-морском ведомствах кайзеровской Германии понимали, что после поражения русские, несомненно, начнут реформирование сухопутной армии и флота, чтобы не только восстановить их былую мощь, но и приумножить ее. Собственно говоря, события после подписания мирного Портсмутского договора в сентябре 1905 г. подтвердили эти предположения. Реорганизация российской армии, как известно, началась в том же 1905 г. и проходила в два этапа: 1905–1909 гг. и 1909–1912 гг. (Паршин, 2020: 87). В этой связи немецким политикам и военным стратегам требовалась всесторонняя информация не только обо всех деталях, касающихся этого процесса, но и всего, что могло прямо или косвенно влиять на него. От времени восстановления военного потенциала России зависела ее внешнеполитическая линия, а также действия

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

официального Берлина, выстраивавшего основную стратегию в отношении Великобритании, в которой Россия, как и прежде, играла значимую роль в двух возможных ипостасях: скорее всего противника, а при благоприятных раскладах – союзника.

Кроме того, Российская империя даже в своем в военном ослабленном состоянии после 1905 г. по-прежнему обладала одной из самых многочисленных сухопутных армий в Европе ([Численность вооруженных сил...](#)). Учитывая ее союзнические отношения с Францией, жившей в ожидании реваншистской войны после позора 1871 г., и в случае ее начала со Вторым рейхом, могла, согласно расчетам Германского генерального штаба, выставить больше бойцов, чем фатерланд, она, безусловно, представляла угрозу (Куль). Поэтому за ней, как говорится, «нужен был глаз да глаз». И с этих позиций любая информация о военном потенциале России была ценна и важна.

Важным «поставщиком» сведений для Берлина был военно-морской атташе в Петербурге П. Гинце. Он занимал этот пост с 1903 по 1908 гг. и уже зарекомендовал себя профессиональным, глубоко мыслящим военным специалистом. Его донесения в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. носили содержательный, аналитический характер, что было присуще и посланиям 1905–1908 гг. Они, несомненно, представляют большой интерес для понимания выстраивания «русской политики» Германской империи в указанный период. Цель исследования заключается в анализе сообщений немецкого представителя в 1905–1908 гг. и раскрытых им «проблемных факторов», которые реально могли влиять на планирование высшим германским руководством отношений с Россией.

2. Материалы и методы

Основными источниками при написании статьи послужили донесения немецкого военно-морского атташе в России П. Гинце из германского Военного архива во Фрайбурге (ВА-МА). Материалы брались из разных фондов: военно-морского кабинета кайзера Вильгельма II (RM 2), военно-морского ведомства (RM 3), штаба Адмиралтейства (RM 5). Привлекались также данные из опубликованных зарубежных сборников документов. Широко использовалась аналитика отечественных авторов для комментариев привлеченных архивных источников.

В качестве базовых теоретико-методологических принципов исследования выступили принципы объективности и историзма. При решении поставленной задачи использовался комплекс научных методов. Идеографический метод позволил представить целостный взгляд германского атташе на проблемы военно-морской, внешней политики России в период 1905–1908 гг., определить ее характеристики. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить суждения П. Гинце, его оценки с мнениями высокопоставленных российских чинов на те или иные «узкие места» российского политико-военного курса, соизмерить их с данными, имеющимися в научной литературе. Методы синхронизации и сравнения позволили провести параллели между изучаемыми событиями с тем, что происходило в это же самое время в Германии и Великобритании.

3. Обсуждение

Германо-российские отношения в рассматриваемый в статье период (1905–1908 гг.) получили достаточно полное освящение. Еще в дореволюционной литературе этот вопрос косвенно поднимался в работах Д. Сатурнина ([Сатурнин, 1906](#)), И.И. Защук ([Защук, 1908](#)), Э. Рэйх ([Рэйх, 1908](#)). В советской и современной отечественной историографии по этой теме написано немало работ, начиная от фундаментальных исследований, таких как «История дипломатии» под редакцией В.М. Хвостова ([Хвостов, 1963](#)), «История внешней политики России» ([История внешней политики России, 1997](#)), трудов А.В. Игнатъева ([Игнатъев, 1986](#)), ([Игнатъев, 2000](#)), монографий И.И. Астафьева ([Астафьев, 1972](#)), К.Б. Виноградова ([Виноградов, 1964](#)), С.П. Шилова ([Шилов, 2004](#)), Е.В. Романовой ([Романова, 2008](#)) до статей в научных сборниках и периодических изданиях ([Машкин, 2004](#)). Если говорить о немецкой историографии, то «русская тема» поднималась в трудах В. Хубача ([Hubatsch, 1975](#)), Ф.Р. Бергхана ([Berghahn, 1971](#)). Однако специальный анализ донесений германского военно-морского атташе в России П. Гинце в период 1905–1909 гг. в исследовательской литературе не проводился. Представляется возможным закрыть данную лауну.

4. Результаты

В конце 1905 г. Россия переживала сильнейшие революционные потрясения, о чем П. Гинце писал в Берлин отдельно. Помимо анализа причин этих событий, германский специалист обращал внимание и на отношение к ним армии. Это было важно с точки зрения характеристики настроений в армейских кругах, в оценке боеспособности офицеров и солдат. Так, ссылаясь на состоявшуюся в начале ноября 1905 г. беседу с графом генерал-майором В.Н. Орловым, помощником начальника Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии, П. Гинце отмечал, что «русские войска не только благонадежны по отношению к царю и власти в целом, но их с трудом приходится удерживать против забастовщиков и восставших» ([ВА-МА. RM 3/41. Bl. 28-29](#)). Конечно же, германский военно-морской атташе не мог оставить без внимания события, развернувшиеся в Севастополе в ноябре 1905 г., когда в черноморском городе произошло восстание матросов, солдат и рабочих ([Бочаров, 1925: 8-15](#)). По его мнению, все это не явилось чем-то неожиданным для властей,

как это было в Кронштадте в октябре 1905 г., хотя разница между этими «происшествиями» была меньше, чем месяц. Действительно, еще в июне 1905 г. на броненосцах «Князь Потемкин Таврический», «Георгий Победоносец», госпитальном судне «Вежа» и миноноске № 267 произошли революционные выступления. О них узнали не только в России, но и в Европе, поскольку ее участники делали громогласные обращения ко «всеми цивилизованному миру» ([Обращение к иностранным державам..., 1927: 208](#)). Об этом П. Гинце сообщал военно-морскому статс-секретарю А. Тирпицу летом 1905 г. ([Hintze, 1998: 157](#)). Анализируя факторы, обусловившие ноябрьскую севастопольскую «крамолу», немецкий представитель обратил внимание на несколько важных, на его взгляд, обстоятельств: во-первых, социалисты, учитывая негативный кронштадтский опыт, сумели значительно ограничить доступ агитируемых ими масс к водке и не допустить скатывание революционного выступления к «пьяному дебошу»; во-вторых, флот, в отличие от сухопутной армии, формировался на 70 % за счет грамотных рабочих и ремесленников, более восприимчивых к революционной пропаганде, чем крестьяне, которых интересовали только вопросы земли и больше ничего. Однако, по данным Н. Кузнецова, это было не совсем так: на флот из рабочих призывалось порядка 23 %, из полупролетариев – 24 %, а остальные, т.е. больше 50 %, из крестьянства и мелкой буржуазии ([Кузнецов, 2009: 10](#)). Впрочем, П. Гинце был прав относительно того, что большая часть призываемых на флот новобранцев знала грамоту, а потому являлась способной к чтению всякого рода революционных изданий, влиявших на их мировоззрение. В-третьих, формирование обычных, негвардейских флотских экипажей было системно не продуманным, что обуславливало их «разношерстный состав», а следовательно, и отсутствие такого понятия у его членов, как «морское единство»; в-четвертых, в своем большинстве командиры разных уровней основное внимание в работе с личным составом уделяли решению тактических и технических задач, игнорируя или мало заботясь о воспитании подчиненных, зачастую не вникая и не понимая их душевного и физического состояния ([ВА-МА. RM3/2967. Bl.187-194](#)). Пагубность такого отношения, как отмечал П. Гинце, проявилась во время волнения в Кронштадте, когда офицеры, переодевшись в гражданскую одежду, сбегали из экипажей, а в Севастополе некоторые из них допустили обезоружить и арестовать себя бунтовщиками. В-пятых, уровень квалификационной подготовки русских унтер-офицеров, как полагал германский военно-морской атташе, оставлял желать лучшего. Именно они напрямую, непосредственно, в режиме постоянного контакта работали с рядовым составом, и от их профессионализма, умения создавать соответствующий настрой зависело поведение матросов в критической «революционной ситуации».

Проблему «питания», ставшей якобы «детонатором» севастопольских событий в ноябре 1905 г., немецкий атташе называл выдуманной. В этом он, как отмечалось, убедился лично. Однако ее восприятие в качестве таковой в российском обществе, по его словам, объясняется просто. Народ в России, особенно его крестьянская часть, являвшаяся большинством, традиционно, в отличие от Запада, где о массовом голоде уже забыли, начиная с середины XIX в., очень чувствительно и болезненно реагировал на любое проявление даже признаков факта недоедания и всегда становился на сторону «униженных и голодных». И ведь действительно, на службе в 1905 г. находилось немало выходцев из крестьянской среды. Они не только по рассказам дедов помнили о последствиях тяжелейшего голода в России 1891–1893 гг., когда по подсчетам ученых погибло от 350 до 700 тыс. человек, но и сами его прочувствовали ([Массовый голод в 1891–1917 гг.: мифы и реальность](#)). Поэтому слухи о плохом питании на кораблях Черноморского флота вполне могли взбудоражить людей. Бесспорно, по мнению П. Гинце, и то, что отдельно раздутые социалистической пропагандой факты действительно имевшего место воровства продовольствия, побудили, наверняка, экипажи некоторых судов Черноморского флота к возмущению. Однако политические требования бунтовщиков, как говорит П. Гинце, лишней раз доказывают, что причина их выступления как раз заключалась не в «хлебе».

Наконец, одной из причин «потрясающего» действия севастопольского бунта, по глубокому убеждению П. Гинце, была нерешительность действующего правительства. Оно не позволяло военным действовать жестко по отношению к «флотским карбонариям». К тому же с его стороны была допущена агитация в войсках. О чем, по словам атташе, свидетельствовало свободное хождение даже в гвардейских экипажах радикальных изданий. К ним он относил «Русь», «Новую жизнь», «Сына Отечества» и других. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, достаточно непростую ситуацию на Черноморском флоте осенью 1905 г., германский военно-морской атташе не сомневался в благонадежности армии и флота. Они, по его мнению, остаются в целом верны царю и являются его опорой во внутренней и внешней политике.

То же самое он говорил и в середине июля 1906 г. В одном из своих донесений кайзеру Вильгельму II он писал, что обстановка в стране по-прежнему остается сложной, напоминающей, по его словам, то, что было в Пруссии в 1848 г. Однако имеющиеся волнения в войсках ни в коем случае не направлены против российского императора ([ВА-МА. RM 2/1772. Bl. 1](#)). При этом, правда, П. Гинце не мог не отметить и другие настроения на флоте в отношении личности Николая II. Так, в послании Вильгельму II 30 августа 1906 г. он писал, что некоторые представители российского офицерского корпуса считали, что такие черты характера царя, как предусмотрительность, доброта, мягкость, являются не чем иным, как проявлением слабости и ограниченности, повлиявшими не

лучшим образом на ход подавления революционных выступлений. Насколько широко такие умонастроения распространены на флоте, П. Гинце не брался судить, как, впрочем, и том, какие последствия они могли иметь для самого императора и его семьи с учетом истории дворцовых переворотов в России (ВА-МА. № 536/11). Однако, по мнению П. Гинце, подобный настрой умов на флоте является отражением и того, что есть в русском обществе в целом.

С началом 1907 г. содержание донесений П. Гинце в столицу Германской империи меняется, что вполне объяснимо, поскольку революция в России пошла на спад, ее окончание было вопросом ближайшего времени. На первое место стали выходить вопросы внешней политики. Поскольку немецкий военно-морской атташе имел возможность напрямую общаться с Николаем II, он получил поручение из Берлина прозондировать позицию российской стороны по самым насущным вопросам тогдашней международной жизни. Значимой темой для официального Берлина оставалась так называемая «желтая опасность». Именно ее педалирование позволило в 1904 г. сместить внимание российских властей с Запада на Восток. Сохранение такой «прикованности» русских на возможно больший срок было бы крайне выгодно немцам. Поэтому беседа П. Гинце с царем, состоявшаяся в начале января 1907 г., началась именно с обсуждения угрозы для России со стороны прежде всего Японии (ВА-МА. RM5/1505. Bl. 193-197).

Давая оценку реакции российского императора, немецкий представитель отмечал, что царь в принципе признавал активное проникновение японцев под видом мелких торговцев, ремесленников, кустарей, прислуги и т.п. на Дальний Восток, во Владивосток в частности, а также в Восточную Сибирь. Он не отрицал и того, что они занимаются там не только своей профессиональной деятельностью, но и активным шпионажем. Подобное было и в Порт-Артуре перед началом боевых действий. Николай II подтверждал и факт нападений монгольских банд на КВЖД, инспирированных все теми же японцами. Он в принципе соглашался с серьезностью угрозы от Страны восходящего солнца и потребностью объединения «европейских сил» для ее отражения, поскольку в случае нового конфликта его страна первая будет принимать удар с Востока.

В вероятность какого-то серьезного противостояния, выходящего за рамки дипломатии, формирующегося американо-японского антагонизма в ближайшей перспективе российский самодержец не верил. Потому и не рассчитывал на то, что эти противоречия оттянут на себя «желтый натиск». В случае же все-таки наступления конфликта между Вашингтоном и Токио, что для России являлось бы крайне выгодным, Николаю II было интересно, чью сторону займет Великобритания, являясь союзницей обеих стран.

Осознавая всю тяжесть гипотетической новой вражды с Японией, российский император, по словам П. Гинце, принял рекомендацию Вильгельма II о переброске кавалерийского корпуса с западных границ на Урал лишь «к сведению», правда, сопроводив это словами, что Россия не думает о войне с Германией, «совершенно не думает, совершенно» (ВА-МА. RM5/1505. Bl. 193-197).

Невозмутимо российский император отреагировал на возможность предоставления Германией займа для парирования «желтой опасности». Насколько серьезным было такое предложение – вопрос остается открытым. Это было лишь прощупыванием реакции царя, но поскольку никаких конкретных предложений на этот счет со стороны П. Гинце не последовало, то и рефлексия была соответствующая, т.е. очень спокойная. Хотя немецкий представитель оценил это несколько по-другому. По его мнению, Николаю II всегда требовалось время, чтобы досконально изучить все сделанные ему предложения, и только после этого он мог высказать что-либо определенное. Однако, с другой стороны, некая «задумчивость» российского императора объяснялась «прозой» тогдашней ситуации – основными кредиторами российского государства в период 1905–1914 гг. были Великобритания и Франция. На их долю приходилось около 82 % всего внешнего долга страны (Хейфец). И такая «связанность» со странами Антанты не в последнюю очередь определяла внешнеполитические интересы российских правящих кругов.

С отставкой непопулярного в обществе первого морского министра России вице-адмирала А.А. Бирилева, произошедшей 11 января 1907 г., П. Гинце связывал и грядущие изменения в военно-морской и, возможно, внешней политике. Германский представитель сразу определил, что новому министру предстоит кардинальным образом изменить судостроительную политику России. Она, как он полагал, будет теперь вестись «по-немецкому образцу». П. Гинце имел в виду, конечно же, то, что первостепенное внимание будет уделено сооружению линейных кораблей типа «Dreadnought». Однако результаты такой перемены проявятся не скоро, а потому флот русских на Балтике, в Черном и Японском морях на ближайшие 10 лет будет исключительно прибрежным и носить оборонительный характер (ВА-МА. RM5/1505. Bl. 193-197). Об этом свидетельствовал и военно-морской бюджет России на предстоящий год. Его П. Гинце, оценивал как очень скромный, не позволяющий думать о каком-либо реванше за поражение в Цусиме. Действительно, на 1907 г. расходы на флот в германских марках составляли 189 454 000, а во Втором рейхе – 290 883 000. Разница, как видно из приведенных цифр, составляла более 100 000 000 марок (К вопросу о соотношении...). Такое «недофинансирование» флота, правда, диссонировало с решительными настроениями офицеров и матросов на Балтике и Черном море. Однако последнее обстоятельство никак не влияло на политико-военные решения российских властей.

В своих дальнейших рассуждениях на эту тему П. Гинце приходит к убеждению, что Россия не только ограничится обороной трех своих морей, но и сместит акцент своей военной политики с Востока на Запад и явно будет готовиться к европейской сухопутной войне (ВА-МА. RM2/1755. Bl. 21-23), поскольку состояние флота не позволит думать о каких-либо серьезных действиях на море. Этот тезис с определенными корректировками, а также перспективы дальнейшего развития российских военно-морских сил он обосновывал и раскрывал в донесениях весной 1907 г.

Отмеченный немецким представителем «оборонный вектор» развития флота вовсе не означал, что Россия уходит исключительно в «глухую морскую защиту». Констатируя не самые благоприятные настроения в высших морских кругах в пользу больших судов по целому ряду причин, в том числе и финансового характера, П. Гинце писал, что в России все же активно ведутся работы по так называемому проекту «Гуляев». Он предусматривал создание непотопляемого линейного корабля (ВА-МА. RM2/1755. Bl. 21-23). Немецкий военно-морской атташе, конечно же, имел в виду разработку известного русского ученого, кораблестроителя, проектировщика броненосцев береговой обороны генерал-майора Э.Е. Гуляева (Гуляев, Эраст Евгеньевич, генерал-лейтенант корпуса корабельных инженеров), получившего за свои заслуги в 1908 г. чин генерал-лейтенанта. Его труды, в том числе и в ведущем специализированном издании «Морской сборник», были известны не только в России, но и Германии, США, Великобритании и Франции. Одно из его изобретений – подводную защиту кораблей от мин и торпед – успешно реализовали германские и американские специалисты (Страницы военно-морской летописи России). Кроме того, П. Гинце писал в начале 1907 г. о большом внимании русских к созданию подводных кораблей водоизмещением 2000–3000 т. Несомненно, реализация такого проекта было бы огромным шагом вперед в подводном военно-морском строительстве, если учитывать, что первые российские подлодки «Дельфин», «Касатка» 1904 г. имели водоизмещение от 100 до 150 т. Изготовление гигантских подлодок, обладающих большой скоростью в надводном состоянии, позволяло бы осуществлять нападение на корабли противника и затем быстро уходить под воду. Как полагал П. Гинце, субмарины с такими характеристиками могли даже способствовать исчезновению с морей «броненосных колоссов» (ВА-МА. RM2/1755. Bl. 21-23).

Еще до официального утверждения царем Николаем II в июне 1907 г. «Малой судостроительной программы» П. Гинце информировал военно-морского статс-секретаря А. Тирпица и Вильгельма II о ближайших планах русских на море. 13 марта 1907 г. он доносил в Берлин, что Балтийский флот даже в измененном, обновленном состоянии будет подчинен армии и станет выполнять исключительно оборонительные действия. Этому, по его мнению, способствует несколько важных обстоятельств: во-первых, Балтийское море не является основной ареной действия для германского флота Открытого моря. Последний по понятным причинам был нацелен против англичан в Северном море и Атлантике, поэтому русским не имело смысла строить и держать много новых кораблей на Балтике, учитывая потребности в них Тихоокеанского и Черноморского флотов. Во-вторых, как полагал германский атташе, у России в Балтийском море нет ни одного подходящего порта, включая Либаву и Кронштадт, для стоянок и обслуживания больших линейных кораблей. На основании этих рассуждений П. Гинце делал вывод, что русский Балтийский флот будет состоять из подводных лодок, миноносцев и береговых броненосцев (ВА-МА. RM 3/8. Bl. 5-7).

Напротив, как считал немецкий представитель, Черноморский флот должен стать основным «военно-морским орудием», с помощью которого Россия будет решать стратегические внешнеполитические задачи. Для этого в Николаеве возводятся новые доки и верфь для строительства линейных кораблей, развивается Севастополь как главная военно-морская база, разрабатываются планы по переброске больших судов в бассейн Черного моря. Все это делается для того, чтобы решить вопрос с проливами Босфор и Дарданеллы. Как полагал, П. Гинце, переговоры на эту тему Россия уже ведет с Великобританией в трех возможных вариантах: полное открытие проливов; их нейтрализация; передача Босфора русским, а Дарданелл – англичанам. Однако к каким бы результатам ни привели эти переговоры, они со всей очевидностью, как считал германский посланник, показывают намерение России использовать мощь нового Черноморского флота во внешней политике, и о его каком-то оборонительном характере речь уже не идет. В этом отношении он, можно сказать, является исключением по отношению к Балтийскому и Тихоокеанскому флотам. Последний, в оценках П. Гинце, в ближайшие времена также должен был формироваться и развиваться по «лекалам» балтийского.

Интересной представляется оценка германским военно-морским атташе визита русской эскадры в Портсмут в марте 1907 г. и перспектив англо-русских отношений. В отличие от восторженных отзывов некоторых представителей высшего петербургского и лондонского обществ, П. Гинце скептически рассматривал возможность долгосрочного сотрудничества. Он считал, что русские и англичане антипатичны друг другу исторически, они находятся как нации на разных ступенях зрелости и что временное улучшение отношений, в том числе и в виде двух визитов русской эскадры в 1906 и 1907 гг. в Англию, ничего принципиально не поменяет между двумя государствами. России, чтобы проводить самостоятельную политику, нужны мощные вооруженные силы, а таковых, во всяком случае флота (в отношении сухопутных сил П. Гинце прямо признавал свою некомпетентность), нет и не будет в обозримом будущем (ВА-МА. RM 3/2852. Bl. 28-30).

При этом несколько другая тональность звучит в донесении от 9 августа 1907 г. В нем характеризовалось восприятие российскими военными и политиками встречи двух монархов – Николая II и Вильгельма II – в Свинемюнде 1 августа 1907 г. По мнению П. Гинце, на российского государя и сопровождающих его лиц, и в первую очередь товарища морского министра контр-адмирала И.Ф. Бострема, произвели сильное впечатление немецкие корабли, парадным строем встречавшие царя и кайзера. Все лучшее было показано русским гостям с целью убедить их в том, что с германским флотом следует не просто считаться, но и бояться. Как полагал германский военно-морского атташе, не только И.Ф. Бострем, но и многие другие в России недооценивали силу немцев на море. Одно дело теоретически представлять количество кораблей, их тоннаж, вооружение и другие военно-технические параметры и совсем другое увидеть это все в реальности (ВА-МА № 536/11). Как отмечал П. Гинце в послании к кайзеру, из беседы его с И.Ф. Бостремом после встречи в Свинемюнде, русская сторона была впечатлена увиденным. Как общий итог встречи руководителей двух империй, по умозаключению П. Гинце, – в России увеличилось число как друзей, так и недругов Германии.

О последних немецкий посланник говорил особо в донесении Вильгельму II 19 марта 1908 г. Понятно, что все эти рассуждения были важны для политического и военного руководства Германской империи, решавшего в это время важную дипломатическую проблему – вбить клин между странами Антанты, отколов от блока именно Россию. Немцы стремились делать это по такому же принципу, что и Великобритания в отношении Италии – члена Тройственного союза (Zur Europäischen Politik 1897-1914, 1919: 200-201). Как констатировал П. Гинце, в российском обществе в целом, и на флоте в частности, антинемецкие настроения сильны. Причины такого «чувствования» носили комплексный характер. Как считал атташе, русские до сих пор не забыли «предательскую» позицию рейхсканцлера О. Бисмарка на Берлинском конгрессе 1878 г. в вопросе Константинополя и проливов. При этом он ссылаясь на слова адмирала, генерал-адъютанта Н.Г. Шиллинга, адмирала А.А. Бирилева, отмечавших, что «никогда Германия не сможет убедить русских в том, что Бисмарк на Берлинском конгрессе действовал не столько как честный маклер, сколько руководствовался своей неприязнью по отношению к Горчакову. При этом для нас (России – Авт.) был закрыт Константинополь и проливы, в то время как с помощью Бисмарка можно было бы решить один из вопросов в нашу пользу» (ВА-МА. RM 3/2967. Bl. 240-242).

Другим обстоятельством, обусловившим «антигерманизм» в российской флотской среде, как считал германский атташе, является величие военно-морских сил Второго рейха. Подтверждение этого тезиса П. Гинце находит в словах вице-адмирала З.П. Рожественского, который прямо заявлял, что на Балтике единственным врагом для Российской империи может быть только Германия. Ее мощь исключает с ней какое-либо сотрудничество (ВА-МА. RM 5/1440. Bl. 15-17). Однако для России, продолжал дальше П. Гинце цитировать З.П. Рожественского, в ее послевоенном состоянии (Русско-японской войны 1904–1905 гг. – Авт.) следует прежде всего восстанавливать сухопутную армию и только лишь потом флот (ВА-МА. RM 5/1440. Bl. 15-17). Это осознание «беспомощности» перед сильным немецким соседом также не добавляло позитивных чувств к нему. В следующей беседе, состоявшейся между П. Гинце и З.П. Рожественским в конце апреля 1908 г., на вопрос первого о причинах нелюбви в русском обществе к Германии, несмотря на ее лояльное отношение к России в 1904–1905 гг., напоминающее порой даже союзнический характер, вице-адмирал выдал шокирующую тираду. Она несколько обескуражила германского атташе, но и объяснила в какой-то степени «загадочность и необъяснимость русской души». З.П. Рожественский, со слов П. Гинце, сказал буквально следующее: «Это происходит от особенностей характера русского народа. Только через пощечины и унижения Вы можете привести этот народ к дружбе. Посмотрите во время войны (Русско-японской – Авт.) Англия издевалась, преследовала нас, открыто или тайно вредила, а теперь не только наше правительство, но и народ идут за Англией. Это стыдно. Я не хочу дальше говорить. Все во время войны от нас отошли, даже наш союзник Франция, только Германия нам помогала» (ВА-МА. RM 5/1440. Bl. 18-19).

Большое влияние на антинемецкие настроения, по мнению П. Гинце, оказывала и современная политическая конъюнктура. Немецкий представитель имел в виду присоединение России к Антанте и связанные с этим участвовавшие публикации в российской прессе статей проанглийского и, соответственно, антигерманского характера по своей сути.

В одном из своих донесений П. Гинце поднимал и тему вероятных сценариев развития отношений с Россией, когда она приступит к восстановлению своего флота. Германский представитель не исключал и военный вариант, если Петербург сосредоточит основные усилия на Балтике. Он без сомнений был бы победным для немцев. По справедливому мнению П. Гинце, количество российских кораблей, их классификация и боевые возможности не представляли серьезной угрозы германскому флоту. Период такого «благоприятного режима» обещал быть достаточным долгим, поскольку для строительства новых кораблей, профессиональной подготовки экипажей требовалось немало времени. К тому же Государственная Дума 24 мая 1908 г. отказала в финансировании строительства 4-х дредноутов (Афанасьев, 2010: 65-68). На это обратил внимание П. Гинце (ВА-МА № 536/11). Было очевидно, что воссоздание боеспособного российского флота

сместились на неопределенную перспективу. Поэтому для Германии, по мнению атташе, не составит большого труда с помощью сухопутной армии и части флота захватить российский военно-морской порт Либаву и базу на Аландских островах. Как считал немецкий атташе, их вполне можно было использовать в качестве опорных пунктов для организации наступления на прибалтийские провинции и Финляндию с последующей их революционизацией, предоставления им автономии и отрыва от России. Финская территория как нельзя лучше подходила для сухопутного наступления на Санкт-Петербург, так как с моря это затруднял укрепленный порт Кронштадт (ВА-МА. RM 5/1440 Bl. 18-19). П. Гинце замечал, что, конечно, Санкт-Петербург – это не то, что Париж для Франции, олицетворяющий всю страну и завоевание которого означало бы окончательную победу в войне. Ясно, что П. Гинце, делая такое заявление, ссылаясь на исторический пример недалекого прошлого – Франко-прусскую войну 1870–1871 гг.

Вместе с тем, продолжал немецкий посланник, покорение главного города «российского колосса», если и не приведет к моментальному окончанию военного противостояния, то, совершенно очевидно, значительно ускорит достижение этой цели. К тому же это позволило бы захватить и находящиеся на рейде Кронштадта боевые корабли, которые можно было бы использовать против главного врага Германии – Великобритании.

Если российские власти сделают ставку на приоритетное развитие линейного Черноморского флота с тем, чтобы добиваться открытия проливов Босфор и Дарданеллы, тогда ход развития событий не исключал возможности более тесного их сотрудничества с англичанами на основе общности интересов против Германии. П. Гинце не исключал, что Великобритания даже может пойти на отмену статей Парижского договора 1856 г., касающихся режима проливов, в пользу своего российского партнера. Для Германии и Турции это было бы крайне неблагоприятно. Стоит отметить, что при таком раскладе П. Гинце не рассматривал военный вариант разрешения такой коллизии. Однако, в каком бы направлении ни пошло восстановление российских военно-морских сил, оно само по себе, как считал П. Гинце, все равно на определенном временном отрезке будет выгодным для Германии. Логика немецкого атташе понятна: строительство современных боевых кораблей разных типов, и в первую очередь линкоров, потребует серьезных денежных затрат. Как результат – недофинансирование сухопутной армии, урезание бюджета сооружения железных, шоссейных дорог, ослабление в целом мобилизационных возможностей России, а соответственно, вероятная сдержанность в серьезных внешнеполитических акциях.

После такого прогноза германского военно-морского атташе не прошло и нескольких месяцев, как разразился Боснийский кризис 1908–1909 гг., нанесший серьезный политический удар по престижу России как значимой в международных делах державе. В истории его еще характеризуют как «дипломатическая Цусима» российских властей, уступивших откровенному шантажу официальных Вены и Берлина по совершенно очевидной причине – слабости и неготовности армии и флота к боевым действиям (Виноградов, 1964: 142-150).

П. Гинце в своих посланиях не мог не характеризовать реакцию российской общественности на события, связанные с аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Еще 9 октября 1908 г., когда Боснийский кризис был в самом начале и об унижительном дипломатическом поражении России речь еще не шла, немецкий представитель, который не знал о тайной договоренности между министрами иностранных дел А.П. Извольским и А. Эренталем, помимо очевидных антигерманских высказываний в статьях целого ряда петербургских газет и журналов, указывал и на высказывания другой тональности. В частности, он отмечал, что некоторые общественные деятели, а также известные представители флота заявляли о необратимости процесса захвата австрийцами части земель Балканского полуострова, поддержанного Германией. Вопрос, по их мнению, заключался лишь в том, что Россия может получить в качестве компенсации? В качестве таковой рассматривалось открытие черноморских проливов. Однако голоса относительно этого разделились. Одни, по утверждению П. Гинце, в их число входил и бывший первый морской министр адмирал А.А. Бирилев, считали необходимым добиваться именно этого. Другие, напротив, полагали, что открытие Босфора и Дарданелл не сулит ничего хорошего для обороны южных рубежей России, поскольку проливы, а следовательно, и Черное море станут доступными и для потенциальных врагов. Потому безопасней и спокойней будет, если все останется в этом вопросе так, как есть (ВА-МА № 536/13). Работа так называемой «смешанной комиссии», куда входили дипломаты и представители флота, так и не смогла окончательно определиться относительно статуса проливов, хотя, как считал П. Гинце, все-таки была склонна именно ко второму варианту, т.е. к сохранению status quo. И вообще, рассматриваемая дилемма, по его мнению, носит больше морально-нравственный характер для российских властей. Они не могут повлиять на результат «боснийской истории», но хотят убедить самих себя и общество, что держат «порох сухим» и, если надо, то используют его в дело. Как бы в подтверждение этих слов служит донесение германского военно-морского атташе, датированное началом ноября 1908 г. В нем уже звучат нотки настороженности, опасения того, что Россия пытается заручиться поддержкой Франции и привлечь на свою сторону Италию в случае возможной войны из-за балканских событий (ВА-МА № 536/13). Однако буквально через месяц, 9 декабря 1908 г., он доносил в Берлин, что перспективы войны со стороны самих

русских и их друзей оцениваются скептически. Ведь в случае ее возникновения официальному Петербургу придется считаться не только с Австро-Венгрией, но и ее союзником Германией. Поражение в войне будет очень чувствительно для русских. Это может привести к революции, что в свою очередь нарушит столыпинский лозунг о двадцати лет внутреннего и внешнего покоя для России, необходимого для ее возрождения ([Бестужев](#)).

Поэтому в декабре 1908 г. П. Гинце однозначно считал, что, исходя из здравого смысла, Россия не начнет войны, поскольку это не в ее внутривосточных интересах ([Hintze, 1998: 237](#)). Правда, при этом немецкий представитель, по понятным причинам не знал, что для России война была невозможна и ввиду провала попытки разработки боевых действий против Двухединой монархии сотрудниками Главного управления генерального штаба ([Алпеев](#)). Что же касается расчетов Германии и Австро-Венгрии, то если для них война выгодна, писал П. Гинце, то ее следует начинать лучше раньше, чем позже, потому что со временем Россия сможет к ней подготовиться лучше, чем это есть на настоящий момент ([Hintze, 1998: 237](#)). Впрочем, в декабре 1908 г. на аудиенции у Николая II он убеждал российского монарха, что Германия не имеет никаких враждебных намерений по отношению к его стране. Более того, он даже заверял, что не существует никакого «Drang nach Osten». При этом жаловался на антигерманский тон российской прессы ([Hintze, 1998: 238](#)).

Как показали дальнейшие события, Германия не считала нужным пока стремиться к войне с Россией, поскольку в Берлине знали истинное положение ее внутренних дел, состояние сухопутных и военно-морских сил, и потому немцы использовали способ давления для достижения цели – ослабления позиций России на Балканах и внесения противоречий в ряды Антанты. Ведь ни Лондон, ни Париж не поддержали усилия Петербурга по открытию черноморских проливов в качестве компенсации за согласие захвата австро-венграми Боснии и Герцеговины ([British documents on the origins of the war, 1928: 356-830](#)). К тому же, как полагали в высших кругах германского истеблишмента, еще не до конца исчерпан арсенал дипломатических действий по отрыву ее от Антанты ([Романова, 2008: 70](#)).

В этой связи интересно одно из посланий П. Гинце, датированное 28 января 1909 г., когда он был уже в другом статусе – военного представителя кайзера. В нем он рассуждает о «договороспособности» российского императора. В частности, отмечается, что сейчас царь находится в хорошем настроении, поскольку «осознал свое значение как правителя, справившегося с революцией 1905 г., тогда как многие умные и «железные люди» оказались бессильными, устранились от дел» ([Hintze, 1998: 244](#)). Далее германский атташе задает вопрос, сможет ли царь проявить свою волю во внутренней и внешней политике? И отвечает: пожалуй, нет. А причины этого, как он считал, заключаются в том, что монарх слишком интеллигентен, чрезвычайно прилежен, но и чрезвычайно впечатлителен и чужд миру. Царь находится под большим влиянием своего окружения. Его министры в большинстве случаев добивались своего, лишь иногда предоставляя ему свободу действий, чтобы он почувствовал собственную значимость и «уникальность». И тем не менее П. Гинце был убежден, что необходимо «стимулировать» царя к переговорам, поскольку министры приходят и уходят и им на смену могут прийти лояльно настроенные по отношению к Германии люди. От внимательного взгляда немецкого представителя, безусловно, не могла скрыться та борьба, которая шла в верхних эшелонах российской власти по вопросам внешней политики, выбора пути ориентации на того или иного лидера западного мира ([Бестужев, 1960: 60-76](#)). Таким образом, П. Гинце предвосхищал ближайшие «реверансы» Германии в сторону России с целью отрыва ее от Антанты.

5. Заключение

Донесения немецкого военно-морского морского статс-секретаря в России П. Гинце в 1905–1908 гг., поднимавшего значимые вопросы «русской политики», имеют большое значение для понимания германо-российских отношений, для осмысления основного и возможных трендов их развития в указанное время. Условно можно выделить несколько актуальных проблем, на которых было сосредоточено внимание берлинского посланника. В первую очередь речь идет о факторах, обусловивших ноябрьские 1905 г. волнения в Севастополе. Дав им объяснение, указав в том числе и на ментальный фактор восприятия голода в российском обществе, а также на очевидные упущения властей, П. Гинце констатировал все-таки приверженность флота «царю и Отечеству», желание офицеров и матросов воевать с тем, чтобы смыть и позор Русско-японской войны. Другой значимой темой, вызывавшей большой интерес у немецкого атташе, стала возможная программа развития военно-морских сил России на Балтике, Черном море и Тихом океане, а в соответствии с этим и выстраивание основной линии внешней политики официального Петербурга. На основе анализа информации П. Гинце приходит к выводу, что, скорее всего, российские власти в основном сосредоточатся на черноморском направлении с тем, чтобы в последующем решить проблему проливов в свою пользу. Балтийские и Тихоокеанские флоты, по его мнению, будут носить исключительно оборонительный характер. Если же вдруг, по каким-то причинам, акцент будет смещен на Балтику, то вполне вероятен военный сценарий развития российско-германских отношений. Этому в немалой степени могут способствовать и сильные антигерманские настроения в российском обществе вообще, и на флоте в частности, что также не просто констатировалось, но и

объяснялось П. Гинце. Говоря о принципиальных внешнеполитических вопросах российского государства, немецкий атташе констатировал его переориентацию с Востока на Запад, «склонность» к Антанте, а, следовательно, усиление в нем духа антигерманизма. П. Гинце не выражал по этому поводу абсолютного пессимизма, так как не верил в долгосрочность российско-британского сотрудничества в силу «цивилизационной разнородности» государств. Потому призывал Берлин к продолжению попыток ослабить внешнеполитические узы Петербурга с Лондоном, а возможно и Парижем. Он надеялся на «договороспособность» Николая II, полагая, что возможна смена его англофильского окружения на германофильское.

Литература

Алпеев – *Алпеев О.* Сорванный «экзамен». Несостоявшаяся стратегическая военная игра старших войсковых начальников (1910 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.milportal.ru/архив/voenno-istoricheskij-zhurnal-2019-g/voenno-istoricheskij-zhurnal-9-2019-g/> (дата обращения 04.09.2021).

Астафьев, 1972 – *Астафьев И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во МГУ, 1972. 305 с.

Афанасьев, 2010 – *Афанасьев Г.* Вопросы реорганизации управления российскими вооруженными силами в деятельности А.И. Гучкова – председателя комиссии по государственной обороне (I сессия III Государственной Думы, 1907–1908 гг.) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2010. № 1. С. 65–68.

Бестужев, 1960 – *Бестужев И.* Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906–1910 годах // *Вопросы истории*. 1960. № 6. С. 60–76.

Бестужев – *Бестужев И.* Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/usl/XX/1900-1920/Vorba_russ_grav_bosn_krisis/predab4b.php (дата обращения 04.09.2021).

Бочаров, 1925 – *Бочаров Ю.* Севастопольское восстание (ноябрь 1905 г.). М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и сс.-поселенцев, 1925. 36 с.

Виноградов, 1964 – *Виноградов К.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 160 с.

Гуляев – *Гуляев, Эраст Евгеньевич*, генерал-лейтенант корпуса корабельных инженеров [Электронный ресурс]. URL: <http://imha.ru/1144542450-gulyaev-erast-evgenievich-general-leytenant-korpUSA-korabelnyh-inzhenerov.html#.YLNt6lAmw2w> (дата обращения 30.05.2021).

Защук, 1908 – *Защук И.* Германские колонии. Значение их в экономическом, политическом и военном отношениях. СПб.: Типография Г. Скачкова, 1908. 43 с.

Игнатъев, 1986 – *Игнатъев А.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986. 300 с.

Игнатъев, 2000 – *Игнатъев А.* Внешняя политика России 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. 231 с.

История внешней политики России, 1997 – История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. 670 с.

К вопросу о соотношении... – К вопросу о соотношении бюджетов Морского ведомства и Военного министерства Российской империи в начале XX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://alternathistory.com/k-voprosu-o-sootnoshenii-byudzhetov-morskogo-vedomstva-i-voennogo-ministerstva-rossijskoj-imperii-v-nachale-hh-veka/> (дата обращения: 12.08.2021).

Ковалевский – *Ковалевский Н.* История военно-окружной системы в России. 1862–1918 [Электронный ресурс]. URL: https://d8.ebook.surf/knigi_online/r/ (дата обращения: 13.05.2021).

Кузнецов, 2009 – *Кузнецов Н.* Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. 104 с.

Куль – *Куль Г.* Германский генеральный штаб: его роль в подготовке и ведении мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/kuhl/02.html> (дата обращения 13.05.2021).

Массовый голод в 1891–1917 гг. – Массовый голод в 1891–1917 гг.: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/retroprog/massovyj-golod-v-18911917-gg-mify-i-realnost-5d45e54f0ce57b00aedf2e02> (дата обращения: 14.05.2021).

Машкин, 2004 – *Машкин М.* Основные тенденции взаимоотношений России и Германии с XVIII века до Первой мировой войны // *Россия и Германия*. Вып. 3. М., 2004. С. 227–247.

Обращение к иностранным державам..., 1927 – Обращение к иностранным державам, написанное А.П. Березовским // 1905. Армия в первой революции. Очерки и материалы. М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. 391 с.

Паршин, 2020 – *Паршин А.* Правовое регулирование в русской армии в ходе военных реформ 1905–1912 годов // *Вестник Екатеринбургского института*. 2020. № 4 (52). С. 87–93.

Романова, 2008 – *Романова Е.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. М.: МАКС Пресс, 2008. 328 с.

Российская императорская армия – Российская императорская армия [Электронный ресурс]. URL: https://wikichi.ru/wiki/Imperial_Russian_Army (дата обращения 13.05.2021).

- [Рейх, 1908](#) – *Рейх Э.* Современная Германия. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. 192 с.
- [Сатурнин, 1906](#) – *Сатурнин Д.* Германский император и народ. Ростов-на-Дону: «К свету», 1906. 20 с.
- [Синегубов, Шилов, 2016](#) – *Синегубов С., Шилов С.* Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб.: Остров, 2016. 320 с.
- [Страницы военно-морской летописи России](#) – Страницы военно-морской летописи России. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/polk-6/10.htm> (дата обращения 30.05.2021).
- [Хвостов, 1963](#) – *Хвостов В.* История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время, 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963. 820 с.
- [Хейфец](#) – *Хейфец Б.* Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnie-zaumu-i-dolgi-tsarskoy-rossii-istoriya-i-sovremennaya-situatsiya/viewer> (дата обращения 14.05.2021).
- [Численность вооруженных сил...](#) – Численность вооруженных сил Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации с 1877 по 2010 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://orossuu.com/nopers.htm> (дата обращения: 13.05.2021).
- [Шилов, 2004](#) – *Шилов С.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германорусского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. Тюмень: Тюменский гос. университет, 2004. 144 с.
- [BA-MA. RM](#) – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).
- [Berghahn, 1971](#) – *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. – Düsseldorf: Droste, 1971. 640 p.
- [British documents on the origins of the war, 1928](#) – British documents on the origins of the war. 1898–1914. Vol. 5. London. 1928. Pp. 356-830.
- [Hintze, 1998](#) – *Paul von Hintze.* Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918. Berlin: Oldenbourg – Verl., 1998. 754 p.
- [Hubatsch, 1975](#) – *Hubatsch W.* Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. München: In Kommission bei Lehmann, 1975. 572 p.
- [Zur Europäischen Politik 1897–1914, 1919](#) – Zur Europäischen Politik 1897–1914. Unveröffentlichte Dokumente. Bd. 1. Anl. 102. Berlin, 1919. Pp. 200-201.

References

- [Afanas'ev, 2010](#) – *Afanas'ev, G.* (2010). Voprosy reorganizatsii upravleniya rossiiskimi vooruzhennymi silami v deyatelnosti A.I. Guchkova – predsedatelya komissii po gosudarstvennoi oborone (I sessiya III Gosudarstvennoi Dumy, 1907–1908 gg.) [Issues of reorganization of the management of the Russian armed forces in the activities of A.I. Guchkova – Chairman of the State Defense Commission (I session of the III State Duma, 1907-1908)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki»*. 1: 65-68. [in Russian]
- [Alpeev](#) – *Alpeev, O.* Sorvannyi «ekzamen». Nesostoyavshayasya strategicheskaya voennaya igra starshikh voiskovykh nachal'nikov (1910 g.) [Disrupted "exam". Failed strategic military game of senior military chiefs (1910)]. [Electronic resource]. URL: <http://history.milportal.ru/arxiv/voenno-istoricheskij-zhurnal-2019-g/voenno-istoricheskij-zhurnal-9-2019-g/> (date of access: 04.09. 2021). [in Russian]
- [Astaf'ev, 1972](#) – *Astaf'ev, I.* (1972). Russko-germanskije diplomaticheskie otnosheniya 1905–1911 gg. (ot Portsmutskogo mira do Potsdamskogo soglasheniya) [Russian-German diplomatic relations 1905-1911 (from the Portsmouth Peace to the Potsdam Agreement)]. М.: Izd-vo MGU, 305 p. [in Russian]
- [BA-MA. RM](#) – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).
- [Berghahn, 1971](#) – *Berghahn, V.R.* (1971). Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. – Düsseldorf: Droste, 640 p.
- [Bestuzhev](#) – *Bestuzhev, I.* Bor'ba v pravyyashchikh krugakh Rossii po voprosam vneshnei politiki vo vremya Bosniiskogo krizisa [The struggle in Russia's ruling circles on foreign policy issues during the Bosnian crisis]. [Electronic resource]. URL: https://drevlit.ru/docs/usl/XX/1900-1920/Borba_russ_prav_bosn_krisis/predab4b.php (date of access: 04.09.2021).
- [Bestuzhev, 1960](#) – *Bestuzhev, I.* (1960). Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnei politiki v 1906–1910 godakh [The struggle in Russia on foreign policy issues in 1906–1910]. *Voprosy istorii*. 6: 60-76. [in Russian]
- [Bocharov, 1925](#) – *Bocharov, Yu.* (1925). Sevastopol'skoe vosstanie (noyabr' 1905 g.) [Sevastopol uprising (November 1905)]. М.: Vsesoyuz. o-vo politkatorzhan i ss.-poselentsev, 36 p. [in Russian]
- [British documents on the origins of the war, 1928](#) – British documents on the origins of the war. 1898–1914. Vol. 5. London. 1928. Pp. 356-830.
- [Chislennost' vooruzhennykh sil...](#) – Chislennost' vooruzhennykh sil Rossiiskoi imperii, Sovetskogo Soyuzo i Rossiiskoi Federatsii s 1877 po 2010 gody [The number of armed forces of the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation from 1877 to 2010]. [Electronic resource]. URL: <http://opocuu.com/nopers.htm> (date of access: 13.05.2021). [in Russian]

Gulyaev – Gulyaev, E. Evgen'evich, general-leitenant korpusa korabel'nykh inzhenerov [Lieutenant General of the Corps of Ship Engineers]. [Electronic resource]. URL: <http://imha.ru/1144542450-gulyaev-erast-evgenievich-general-leytenant-korpusa-korabelnyh-inzhenerov.html#.YLNt6lAmw2w> (data of access: 30.05.2021). [in Russian]

Hintze, 1998 – *Paul von Hintze* (1998). Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918. Berlin: Oldenbourg – Verl., 754 p.

Hubatsch, 1975 – Hubatsch, W. (1975). Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. München: In Kommission bei Lehmann, 572 p.

Ignat'ev, 1986 – *Ignat'ev, A.* (1986). Vneshnyaya politika Rossii v 1905–1907 gg. [Russian foreign policy in 1905–1907]. M.: Nauka, 300 p. [in Russian]

Ignat'ev, 2000 – *Ignat'ev, A.* (2000). Vneshnyaya politika Rossii 1907–1914: Tendentsii. Lyudi. Sobytiya [Russian Foreign Policy 1907–1914: Trends. People. Events]. M.: Nauka, 231 p. [in Russian]

Istoriya vneshnei politiki Rossii, 1997 – Istoriya vneshnei politiki Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka (ot russko-frantsuzskogo soyuza do Oktyabr'skoi revolyutsii) [History of Russian foreign policy. Late XIX – early XX centuries (from the Russian-French union to the October Revolution)]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. 670 p. [in Russian]

K voprosu o sootnoshenii... – K voprosu o sootnoshenii byudzhetrov Morskogo vedomstva i Voennogo ministerstva Rossiiskoi imperii v nachale XX veka [To the question of the relationship between the budgets of the Naval Department and the War Ministry of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century]. [Electronic resource]. URL: <http://alternathistory.com/k-voprosu-o-sootnoshenii-byudzhetrov-morskogo-vedomstva-i-voennogo-ministerstva-rossijskoj-imperii-v-nachale-hh-veka/> (date of access: 12.08.2021).

Kheifets – Kheifets, B. Vneshnie zaimy i dolgi tsarskoi Rossii: istoriya i sovremennaya situatsiya [External loans and debts of tsarist Russia: history and the modern situation]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnie-zaimy-i-dolgi-tsarskoy-rossii-istoriya-i-sovremennaya-situatsiya/viewer> (date of access: 14.05.2021).

Khvostov, 1963 – *Khvostov, V.* (1963). Istoriya diplomatii [History of diplomacy. T. 2: Diplomacy in a new time, 1871–1914]. T. 2: Diplomatiya v novoe vremya, 1871–1914. M.: Gospolitizdat, 820 p. [in Russian]

Kovalevskii – Kovalevskii, N. Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii. 1862–1918 [History of the military district system in Russia. 1862–1918]. [Electronic resource]. URL: https://d8.ebook.surf/knigi_online/r/ (date of access: 13.05.2021).

Kul' – Kul', G. Germanskii general'nyi shtab: ego rol' v podgotovke i vedenii mirovoi voiny [German General Staff: its role in the preparation and conduct of world war] [Electronic resource]. URL: <http://militera.lib.ru/h/kuhl/02.html> (date of access: 13.05.2021).

Kuznetsov, 2009 – *Kuznetsov, N.* (2009). Russkii flot na chuzhbine [Russian fleet in a foreign land]. M.: Veche, 104 p. [in Russian]

Mashkin, 2004 – *Mashkin, M.* (2004). Osnovnye tendentsii vzaimootnoshenii Rossii i Germanii s XVIII veka do Pervoi mirovoi voiny [Main trends in relations between Russia and Germany since the 18th century before the First World War]. *Rossiya i Germaniya*. Vyp. 3. M. Pp. 227–247. [in Russian]

Massovyi golod v 1891–1917 gg. – Massovyi golod v 1891–1917 gg.: mify i real'nost' [Mass famine in 1891–1917: myths and reality]. [Electronic resource]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/petroprog/massovyi-golod-v-18911917-gg-mify-i-realnost-5d45e54f0ce57b00aedf2e02> (date of access: 14.05.2021).

Obrashchenie k inostrannym derzhavam..., 1927 – Obrashchenie k inostrannym derzhavam, napisannoe A.P. Berezovskim [Appeal to foreign powers written by A.P. Berezovsky]. 1905. Armiya v pervoi revolyutsii. Ocherki i materialy. M.-L.: Gos. izd-vo, 1927. 391 p. [in Russian]

Parshin, 2020 – *Parshin, A.* (2020). Pravovoe regulirovanie v russkoi armii v khode voennykh reform 1905–1912 godov [Legal regulation in the Russian army during the military reforms of 1905–1912]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. 4(52): 87–93. [in Russian]

Reikh, 1908 – *Reikh, E.* (1908). Sovremennaya Germaniya [Modern Germany]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 192 p. [in Russian]

Romanova, 2008 – *Romanova, E.* (2008). Put' k voine. Razvitie anglo-germanskogo konflikta 1898–1914 gg. [The way to war. Development of the Anglo-German conflict 1898–1914]. M.: MAKS Press, 328 p. [in Russian]

Rossiiskaya imperatorskaya armiya – Rossiiskaya imperatorskaya armiya [Russian Imperial Army]. [Electronic resource]. URL: https://wikichi.ru/wiki/Imperial_Russian_Army (date of access: 13.05.2021).

Saturnin, 1906 – *Saturnin, D.* (1906). Germanskii imperator i narod [German Emperor and People]. Rostov-na-Donu: «K svetu», 20 p. [in Russian]

Shilov, 2004 – *Shilov, S.* (2004). Kaizerovskii voenno-morskoi flot i Rossiya: ot idei germano-russkogo soyuza k konfrontatsii v 1897–1914 gg. [Kaiser Navy and Russia: from the idea of a German-Russian union to confrontation in 1897–1914]. Tyumen': Tyumenskii gos. universitet, 144 p. [in Russian]

Sinegubov, Shilov, 2016 – *Sinegubov, S., Shilov, S.* (2016). Kaizerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: al'ternativy i realii voenno-morskikh vzaimootnoshenii v 1897–1906 gg. [Kaiser's Germany–great Britain–Russia: alternatives and realities of naval relations in 1897–1906]. SPb.: Ostrov, 320 p. [in Russian]

[Stranitsy voenno-morskoj letopisi Rossii](#) – Stranitsy voenno-morskoj letopisi Rossii [Pages of the Naval Annals of Russia]. [Electronic resource]. URL: <http://bibliotekar.ru/polk-6/10.htm> (date of access: 30.05.2021).

[Vinogradov, 1964](#) – *Vinogradov, K.* (1964). *Bosniiskii krizis 1908–1909 gg. – prolog pervoi mirovoi voiny* [Bosnian crisis 1908–1909 – prologue of the First World War]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 160 p. [in Russian]

[Zashchuk, 1908](#) – *Zashchuk, I.* (1908). *Germanskije kolonii. Znachenie ikh v ekonomicheskom, politicheskom i voennom otnosheniyakh* [German colonies. Their importance in economic, political and military relations]. SPb.: Tipografiya G. Skachkova., 43 p. [in Russian]

[Zur Europäischen Politik 1897–1914, 1919](#) – *Zur Europäischen Politik 1897–1914. Unveröffentlichte Dokumente. Bd. 1. Anl. 102.* Berlin, 1919. Pp. 200–201.

Проблемные аспекты «русской политики» в донесениях германского военно-морского атташе П. Гинце в 1905–1908 гг.

Станислав Николаевич Синегубов ^{a,*}, Сергей Павлович Шилов ^a

^aТюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются послания германского военно-морского атташе в России П. Гинце в период 1905–1908 гг. В них содержится информация, характеризующая значимые события и действия российских властей после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., связанные с восстановлением серьезно подорванных военно-морских сил. От этого зависело выстраивание внешнеполитической линии официального Петербурга, а следовательно, и политика высшего немецкого политического и военно-морского руководства. В этом отношении донесения П. Гинце имели большое значение, о чем говорит и его право прямого обращения к кайзеру Вильгельму II. Далеко не каждый морской атташе обладал такой привилегией. Это объяснялось не только значимостью России для Германии, но и аналитическими способностями П. Гинце, его широким кругом знакомств с представителями высших петербургских политических и военных сфер. Как показывают авторы, немецкий атташе выходил в своих донесениях в 1905–1908 гг. за рамки чисто военно-морских дел, хотя они, безусловно, оставались для него одними из актуальных. П. Гинце не просто констатировал факты, привлекая его внимание, но и давал им глубокую и всестороннюю характеристику, выходя при этом на более высокий уровень внешнеполитического прогнозирования развития германо-российских отношений. Анализ донесений германского военно-морского атташе выявил ряд проблемных тем, которые скорее предопределяли ухудшение, а не улучшение политического климата между двумя странами.

Ключевые слова: Россия, Германия, внешняя политика, германский военно-морской атташе, донесения 1905–1908 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2026-2033
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2026

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Philanthropy in the Field of Guardianship and Care of Children in the Town of Tsaritsyn of the early 20th century

Irina N. Litvinova ^{a, *}, Oksana A. Karagodina ^a, Elena O. Danilova ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

Based on the materials of Tsaritsyn and partly his district, the specifics of the main forms and directions of charity in the Lower Volga province at the turn of the XIX-XX centuries are considered. The special role of entrepreneurs in improving the work of institutions in the areas of public care and care for orphans, as well as education and assistance to students from poor segments of the population is shown. To a certain extent, the philanthropic activities of public organizations and individuals in the field of healthcare in relation to the category of "babies", as well as rural residents in a lean year, are considered. A new source, introduced into scientific circulation, is analyzed in more detail – a report on the activities of the Tsaritsyn boys' shelter. The purpose of the work is to reveal the content of charitable practices in the field of guardianship and public education in a large district center of the Saratov province, to publish new information about the benefactor – a well-known merchant in the region A. N. Serebryakov and the orphanage opened by him. The materials of the article are necessary for researchers to develop a virtual excursion on one of the important topics – the social history of Volgograd.

Keywords: charitable practices, entrepreneurs, orphans, orphanages, poor pupils.

1. Введение

Вопросы филантропической деятельности на рубеже XIX–XX столетий, как и в начале XXI в., не теряют своей значимости для теоретиков и практиков благотворительной сферы. Актуальность темы связана с осмыслением социальной ценности опыта филантропии прошлого, ее эффективных форм и механизмов реализации в связи с происходящим реформированием современной системы социальной поддержки нуждающихся категорий населения. Более того, в обществе имеется запрос на необходимость выработки стратегии благотворительности и ее стимулирования.

В конце XIX – начале XX вв. в Царицынском уезде Саратовской губернии существовало три основных формы благотворительной деятельности: государственная, общественная и частная. Данная работа посвящена рассмотрению вопросов общественной и частной филантропии открытых форм деятельности – благотворительных организаций, попечительства в сфере образования и закрытой формы – деятельность приютов для детей-сирот.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы фондов государственного архива Саратовской области (Саратов, Российская Федерация). Особый интерес представляют единицы хранения фондов ГАСО № 176 – «Саратовское губернское по делам об обществах присутствие» и № 2 – «Саратовское губернское правление», в частности дело № 9693 «Отчеты благотворительных обществ и учреждений». Привлекались также официальные справочные издания.

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina), danilovaelena@volsu.ru (E.O. Danilova)

Методологической основой исследования являются системный подход и принцип историзма, которые помогли, опираясь на опыт начала XX в., оценить значение благотворительности и роль благотворителей Царицына в системе попечительства социального призрения детей-сирот и народного образования. В работе также применялся междисциплинарный подход, который позволил охарактеризовать итоги общественной помощи детским приютам и учебным учреждениям города, а в уезде – итоги работы «Санитарно-благотворительного Общества при Александровском приемном покое» (лечебница) для отдельных категорий населения. Документальный анализ источников способствовал накоплению информации, сведений и переосмыслению практик филантропической деятельности общественных структур и частных лиц и дал основание полагать, что исторический опыт может быть отчасти применен в современном контексте.

3. Обсуждение

Одной из первых серьезных российских работ, посвященных проблемам благотворительности, является книга сенатора и писателя А.Д. Стога – попечителя Обуховской больницы (Стог, 1818). Автор рассматривает процесс становления организованной помощи и поддержки нуждающихся категорий. Все же основательные научные работы по благотворительной тематике, в которых анализируются не только практические, но и теоретические основы вопроса, появляются в конце XIX – начале XX вв. В данной связи можно отметить двухтомный труд «Благотворительная Россия» (Благотворительная, 1901). В этой монографии под редакцией П.И. Лыкошина представлен анализ истории благотворительности со времен допетровской Руси до периода правления Николая I. В частности, рассматривается деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны и крупных филантропических обществ данной направленности, их попечителей.

Основное внимание в работах дореволюционного периода, в том числе в трудах публициста Е.Д. Максимова, акцентируется на благих делах общественно-государственных структур, находившихся под патронатом членов императорской семьи, – «Императорского Человеколюбивого Общества» Императорской канцелярии учреждений императрицы Марии (Максимов, 1903). В целом дореволюционная литература не рассматривала благотворительность с позиции крупного социального явления жизни России XIX – начала XX вв.

Отношение к благотворительности в советском обществе имело негативный характер из-за доминирующего влияния марксистской идеологии. Поэтому явлениям, относящимся к буржуазному прошлому, в том числе проблемам благотворительности и тесно связанной с ней истории делового мира, советскими учеными уделялось незначительное внимание. Например, филантропия российских предпринимателей рассматривалась односторонне, с позиции корыстных побуждений капиталистов к славе, наградам и званиям при жизни, или же заботой об их вечном поминовении (Лаверычев, 1974; Шепелев, 1977).

Качественно новый этап в освещении проблем благотворительности, как и предпринимательства, связан с научной деятельностью историка А.Н. Боханова (Боханов, 1989). Еще до официально начавшегося постсоветского периода в историографии проблемы автор смог отойти от основной догмы марксистской методологии понимания исторического процесса как постоянной и непримиримой борьбы классов, а также от пристрастного отношения к нашему объекту исследования – филантропии.

Постсоветский этап изучения истории благотворительности в начале 1990-х гг. был связан с усилением значимости социальных практик по поддержке быстро обедневших слоев населения в период так называемых либеральных реформ. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. авторами из различных областей науки издавалось немало литературы, посвященной данной тематике. Одним из первых основополагающих трудов стал очерк историка Л.В. Бадя, в котором дано социологическое определение благотворительности, освещены традиции филантропии и выявлена ее сущность с позиции социального движения и особо значимого вида деятельности (Бадя, 1993). Социолог Э.А. Фомин рассматривает благотворительность как социокультурный феномен и как необходимый значимый общественный институт (Фомин, 1999).

Для нашей работы наибольший интерес представляют исследования регионального характера, т.к. проблема благотворительности ассоциируется сегодня и как часть истории края, а также тесно связанной с данным феноменом истории регионального предпринимательства. В этой связи отметим труды исследователей Н.К. Гуркиной и Г.Н. Ульяновой. В работе проф. Н.К. Гуркиной освещены особенности благотворительности в губерниях Европейского Севера (Архангельская, Вологодская, Мурманская области); рассмотрены система организованной общественной благотворительности в целом, а также роль в филантропии «различных социальных страт провинциального общества» и отдельных частных лиц (Гуркина, 2016). Исследователем Ульяновой Г.Н. на основе массовых первичных данных анализируются объем и динамика пожертвований, структура и мотивы благотворительности московских предпринимателей – со времени введения городского самоуправления и до начала Мировой войны (Ульянова, 1999). Из последних публикаций отметим работу Е.С. Матвеевой, А.В. Меркулова, посвященную проблеме воспитательных домов, а также значимости благотворительных обществ в развитии данных учреждений (Матвеева, 2019).

4. Результаты

Содержание учебных учреждений и приютов Царицына лишь частично осуществлялось за счет средств казны, основные поступления в учреждения социального типа шли от сословных корпораций, коммерческих структур (биржевые комитеты, общества взаимного кредита) и пожертвований от частных лиц, входивших в состав попечительных советов различных организаций. Н.К. Гуркина утверждает, что лишь 25 % финансирования приютских учреждений в стране происходило на государственные средства, а остальные 75 % – за счет добровольных пожертвований предпринимателей и общественных структур (Гуркина, 2016: 112).

Почти все учебные заведения среднего и нижнего звена г. Царицына имели своих попечителей. Например, 6 народных училищ находились в ведении одного попечительного совета. При каждой из четырех гимназий, реальном и коммерческом училищах действовали свои советы. Как правило, помимо членов педагогического состава, в роли попечителей чаще выступали представители торгово-промышленных кругов, они же являлись гласными городской думы. Известно, что филантропическая деятельность в России конца XIX – начала XX вв. была тесно связана с представителями предпринимательской среды. С 1912 г. рамки деятельности попечительных советов были значительно расширены. Они получили право заниматься не только административными, учебно-педагогическими и социально-экономическими вопросами, но и непосредственно воздействовать на сферу содержания образования, т.е. влиять на систему управления образовательными учреждениями. Еще большую значимость приобрела деятельность попечителей на региональном уровне (Закон..., 1912).

В компетенцию земств также входили дела благотворительные, строительство церквей, школ, попечение о народном здравии, образовании и т.д. Земские, сословные, сельские общества и частные лица в форме денежных пожертвований и отчислений от коммерческих организаций участвовали в развитии сети учреждений народного образования. Подобным образом в 1904 г. в посаде Дубовка было открыто высшее начальное училище и при нем ремесленный (слесарно-токарный) класс, в 1906 г. – частная женская гимназия и реальное училище.

В начале XX ст. в отдельных волостях уезда стали активно действовать общественные структуры, в задачи которых входила материальная поддержка нуждающихся или оказание медицинской помощи. Так, в Александровской волости Царицынского уезда с 1906 г. действовало «Санитарно-благотворительное Общество при Александровском приемном покое», созданное по инициативе уездного земства. Согласно Уставу, целью Общества являлось улучшение санитарного положения в Александровской волости, оказание помощи нуждающимся больным и их семьям (ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 9. Л. 14).

В задачи данного Общества входило следующее:

- снабжение выздоравливающих одеждой, обувью, ортопедическими принадлежностями в виде бандажей, костылей, протезов, а также в крайних случаях выдачи больным денежных пособий;
- приискание для нуждающихся подходящих занятий;
- помещение дряхлых, престарелых, неспособных к труду, слепых и хронически-больных в богадельни, приюты и специальные лечебницы;
- устройство приюта «Ясли» для детей тех больных, которые, поступая в больницу, не могли оставить их на чье-либо попечение;
- попечение семейств, которые терпят нужду вследствие заболевания кого-либо из членов семьи;
- забота о школьной санитарии: устройство завтраков в школе и прочее (ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 9. Л. 14).

Совет Общества рассматривал различные вопросы: о выдаче денежных пособий лицам, лечащимся на дому (в т.ч. роженицам); пособий хирургическим больным на поездку в Царицын для дальнейшего лечения. Решались и вопросы непосредственно благотворительного содержания – оказание помощи лицам, «впавшим в нищету» и пострадавшим от неурожая. Например, в неурожайный 1906 г. Общество оказало помощь 48 больным в виде денежного пособия, в сумме 80 руб. 12 коп., на покупку продуктов (молока, мяса), одежды и др. (ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 9. Л. 27).

В 1907 г. данная организация оказала помощь нуждающимся семьям, пострадавшим от неурожая предыдущего года. Из отчета Общества следует, что поддержку на сумму 99 руб. получили более 150 чел. (ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 9. Л. 14). Траты невеликие, но спасали семьи от голода.

Помимо прочих расходов, в 1907 г. советом Санитарно-благотворительного общества было принято решение об оказании материальной помощи Александровской волостной богадельне, где призревалося 12 престарелых человек обоего пола. Следовательно, в Александровской волости имелся приют для престарелых крестьян, и данный факт ранее был неизвестен исследователям социальной истории края.

В целом решение вопросов здравоохранения в уезде и центре нельзя было назвать благополучным. Постоянные вспышки холеры, чумы в волжских городах требовали особого внимания к развитию медицины в городе и уезде. На время эпидемий действовали холерные бараки и врачебная комиссия, работа которых имела государственно-общественный характер. Только в

апреле 1905 г. в Царицыне появилась первая городская Александровская больница, при ней работали лечебница и стационар, рассчитанный на 70 коек (Литвинова, 2011: 122). До этого имелись 2 земские больницы и амбулатория. Построена Александровская больница на средства потомственного почетного гражданина К.В. Воронина и подарена городу. Константин Васильевич Воронин входил в пятерку богатейших людей Царицына, ему принадлежали трехэтажная гостиница, маслозавод, крупное поместье в районе Ельшанки (предместье Царицына). В 1914 г. в Царицыне, благодаря частным пожертвованиям, действовало уже 4 больницы и 4 амбулатории на 135 тыс. жителей (Водолагин, 1968: 113).

В городах благотворительная система развивалась по нескольким направлениям, основными группами призреваемых являлись сироты, престарелые и калеки. В период Мировой войны состав призреваемых расширился за счет вдов и беженцев. Все же первую позицию среди призреваемых в Царицыне занимали дети, а именно – категории «сироты» и «бедные ученики», помощь которым оказывалась как в открытых, так и закрытых формах филантропии. В отношении учащихся – это были открытые формы, проявлявшиеся в выдаче ученикам денежных пособий, стипендий, предоставлении дешевого жилья прибывшим из волостей на учебу, оплате проезда до учреждений санаторного типа, в том числе оплате лечения и др.

Закрытая форма помощи выражалась в обустройстве и содержании детских сиротских приютов. Анализ различных источников показал, что в уездном центре к 1913 г. действовало 6 заведений такого типа и одно в посаде Дубовка. Детям оказывалась материальная поддержка общественными организациями, как правило, местными отделениями столичных структур – «Общества по призрению и попечению детей», Общества «Охраны материнства и младенчества», «Человеколюбивого общества» и др.

Программа учебных занятий в приютах соответствовала требованиям Министерства народного просвещения, т.е. была такой же, что и для городских или сельских училищ, относившихся к категории начальных учебных заведений (Начальные учебные заведения...).

Трудовой подготовке воспитанников в благотворительных учреждениях уделялось много времени и внимания. В обществе, в среде попечителей считалось, что ввиду отсутствия кровной семьи и возможности наблюдать жизненный опыт старших труд как средство воспитания детей был необычайно эффективен. В этой связи при приютах действовали не только общеобразовательные, но и сельскохозяйственные, слесарные, ремесленные школы или курсы, последние – в большинстве своем для мальчиков. Воспитанниц основательно обучали рукоделию, они шили белье для приютов, как, например, в Приюте для девочек под покровительством купцов Губановых – Якова Васильевича и его супруги Анны Ивановны. Это учреждение действовало при Покровском храме.

Трудовые навыки детей впоследствии становились источником их доходов. По выпуску из приютского учреждения барышни умели шить, вышивать, вязать крючком, гладить белье и в целом вести хозяйство. Некоторые из девиц впоследствии получали места экономок, горничных по рекомендации попечителей приюта или же устраивались обычными прачками и швеями. Юноши обучались сапожному мастерству, т.е. простому ремонту обуви, также плетению корзин, снастей для рыбной ловли, особо ценились навыки в плотницком и столярном деле. Воспитанники, отличившиеся в обучении арифметике, имели шансы на получение рекомендации для найма в качестве продавцов или младших приказчиков в магазинах и на складах продукции компаний.

До начала XX в. в городе действовал лишь один приют для младенцев-девочек, в отличие от трех богаделен для призреваемых стариков. В 1908 г. открылся городской приют «Ясли для подкидышей», которым заведовала акушерка Астахова. В начале своей деятельности «Ясли» располагались при городском родильном приюте, но в 1910 г. были переведены в отдельное помещение. Здание было построено на средства частных лиц и специально образованного для данной цели Общества, включая сумму, выделенную по решению городской думы. «Общество по постройке родильного приюта и устройству «Яслей» для подкидышей в г. Царицыне» было создано в 1906 г. Согласно уставу, его целью было, «чтобы младенцы обретали первый приют и нужный уход» (ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 50. Л. 4).

Еще раньше, в 1902 г., в Царицыне стал действовать приют для мальчиков, в котором призревало 40 детей под председательством попечительного совета – Григория Нестеровича Серебрякова. По сведениям «Царицынского вестника», почетный гражданин города Г.Н. Серебряков председательствовал в совете до осени 1915 г. (Царицынский вестник, 1916). Помимо учебной программы, дети здесь осваивали сапожное и малярное ремесла.

В 1904 г. открылся еще один приют для мальчиков по инициативе попечителя Александра Нестеровича Серебрякова – брата Г.Н. Серебрякова.

В процессе исследования материалов Саратовского государственного архива выявлен новый документальный источник, содержащий сведения о работе этого приюта – «Отчет о состоянии Царицынского Приюта для мальчиков за 1907 г.» (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9693. Л. 76-80). Отчет составлен в форме доклада, зачитан на собрании совета попечителей приюта, а впоследствии опубликован отдельным документом для городской думы.

В докладе председатель попечительного совета А.Н. Серебряков отмечает, что помещение приюта рассчитано на пребывание 50 сирот, но из-за недостатка средств в учреждении в отчетном году призревало только 37–40 детей. По мнению докладчика, такое положение связано с равнодушием сограждан. Затем попечитель обращается к состоятельным жителям Царицына с призывом быть более отзывчивыми к чужой беде и содействовать воспитанию сирот, ведь «им жить в нашем городе, за ними будущее, прогресс, а значит, и будущее нашего общества» (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9693. Л. 76).

Далее докладчик рассуждает о главных трудностях, связанных с нехваткой средств на содержание учреждения, однако, основывает свою речь на принципах христианства – всеобщей любви к человечеству. Оратор отмечал: «...Верю в то, что заветы Христа живы и сегодня в обществе, и не заглохли заповеди любви и милосердия. Пусть это выражается не столь ярко как у первых христиан, но малой искоркой они тлеют в душе каждого христианина». Вывод докладчика: он верит, что и царицынское общество не оставит без своего внимания и помощи призреваемых воспитанников и будет оказывать посильную помощь приюту (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9693. Л. 77).

Вероятно, выступление оратора было ярким и эмоциональным, полагаем, это слова человека неравнодушного, отзывчивого, искренне стремящегося улучшить жизнь детей, лишившихся родительского крова. Сведения источника дают возможность понять, что многие представители царицынского общества «не оставляли без внимания нужды воспитанников». Список состава попечительного совета приюта для мальчиков был весьма внушительным. Всего в нем значится 30 фамилий пожизненных членов и 33 – действительных членов, среди которых известные предприниматели Царицына: Мишнин, Воронины, Губанов, Кленов, Серебряковы, Репниковы, Щетинкин, Горбунов, Кожевников, Бондаренко, Сивякова, Рысины, Таппер и др.

Документ содержит благодарности членов совета в адрес некоторых горожан за оказанную помощь приюту как личным участием в виде услуг и труда, так и материалами, продуктами, деньгами. Например, за участие в судьбе сирот отмечены земский врач Л.Б. Шапиро, который всегда проявлял внимание к приютским детям в случае их заболевания, также провизор П.А. Забелло, бесплатно отпускавший лекарства из собственной аптеки для воспитанников (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9693. Л. 79). Согласно источнику, известные благотворители Ю.Д. Репникова и А.А. Репников бесплатно снабжали приют тканью для одежды призреваемых мальчиков в течение 5 лет его существования.

Главной задачей основателей и попечителей подобных учреждений было изыскание денежных средств на их содержание. Так, для улучшения питания воспитанников приюта мальчиков был образован капитал имени А.Н. Серебрякова.

Согласно имеющимся сведениям, А.Н. Серебряков состоял во 2-й гильдии купечества и относился к успешным представителям деловой элиты Саратовской губернии. Совместно с братом он владел семейным акционерным обществом – торгово-промышленной компанией «Братья Г. и А. Серебряковы». Фирме принадлежали завод металлических изделий с основным капиталом в 2 млн руб., конфетная фабрика «Метрополь», карандашная фабрика и сеть винных магазинов (Акционерно-паевые предприятия, 1914: 240). Такими многогранными были интересы у семейной компании.

Документальный анализ архивного источника позволяет подробно рассмотреть деятельность Царицынского приюта А. Серебрякова за отчетный 1907 г., например, из 37–40 мальчиков, находившихся на полном обеспечении приюта, в школе обучались 30 чел. Остальные не учились по малолетству, а также по причине окончания курса школы и продолжению обучения в других учебных заведениях. В 1907 г. в школе приюта, помимо воспитанников, обучалось еще 20 проходящих детей, а еще 9 воспитанников окончили школьный курс полностью. Фактически проходящие дети не были полными сиротами, но весь день они проводили в приюте и получали еду и образование на бесплатной основе.

Следует обратить внимание на такие важные сведения отчета А.Н. Серебрякова, как получение четырьмя выпускниками (из 9 чел.) свидетельств на «льготу по отбыванию воинской повинности», а 5 воспитанников из 9 были пристроены на места в магазины (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9693. Л. 78). Следовательно, подобным образом попечители заботились о дальнейшей судьбе выпускников приюта, устраивая их на работу.

Ранее было отмечено, что, помимо школьного курса, дети постигали различные ремесла. Например, в исследуемом учреждении для обучения детей сапожному ремеслу в штате состоял мастер-сапожник. Согласно документу, в отчетном году у сапожника обучалось 9 мальчиков. Такие меры способствовали формированию полезных бытовых навыков у воспитанников.

В 1913 г. в городе действовало 6 детских приютов, один из них – приют для мальчиков до 7 лет, основанный в том же году при Обществе охраны материнства и младенчества. Председателем попечительного совета учреждения являлся гласный думы, врач по «внутренним и детским болезням» Н.С. Розанов. В его приюте, располагавшемся в собственном доме, призревало 25 детей. Следовательно, в довоенное время из действовавших шести приютов в городе два были организованы благотворительными обществами, четыре – частными лицами из деловых кругов.

Представленные учреждения общественного призрения, попечительские структуры имели определенную цель своей деятельности, исходя из которой выбирались соответствующие методы и формы работы с сиротами, выделялись приоритетные направления в воспитании и образовании детей. Основой для деятельности приютских учреждений являлись христианская концепция помощи и принципы гуманизма. Следует отметить, что многие из гуманистических идей воспитания актуальны и в наши дни:

- заботиться о нравственном воспитании гражданина Отечества;
- принимать во внимание индивидуальные особенности и интересы воспитанников;
- научить воспитанника понимать и ценить прекрасное;
- обучить ремеслу ([Развитие системы учреждений...](#)).

Наряду с государственными учреждениями сферы призрения, воспитательными домами, действовала и разветвленная сеть церковно-приходских, частных, сословных учреждений для сирот.

5. Заключение

Таким образом, в Царицыне существовала разветвленная сеть учреждений для детей, лишенных попечения родителей. Однако количество приютов для сирот было недостаточным даже в мирное время. С началом войны численность осиротевших детей значительно возросла, но и количество учреждений интернатного типа в городе удвоилось, причем 4 детских приюта были организованы благотворительными комитетами беженских организаций – 2 польскими, латышским и литовским. Прибывавших в город сирот-евреев, немцев, армян национальные общины старались пристраивать в семьи.

В общей сложности филантропическая деятельность в отношении детей в Царицынском крае реализовывалась посредством организации и содержания детских приютов, работы попечительств и оплаты образования для бедных учащихся путем создания именных фондов, научно-просветительских организаций.

Часть объектов интернатного типа создавалась и финансировалась за счет государства, т.е. имела статью расходов в бюджете города или волости. Тем не менее на полноценное содержание приютов этих средств не хватало. Поэтому государственная система призрения и благотворительность существовали в смешанной форме, причем такая форма была свойственна российской благотворительности в целом. Царицынские купцы, коммерсанты, церковные общины, сословные организации и многие представители общества оказывали материальную помощь приютским заведениям, школам и училищам, в связи с чем все типы материальной помощи неимущим слоям населения Царицына, его уезда, и прежде всего детям, можно отнести к общественному призрению и частному призрению.

Миссия общественных организаций в зависимости от специфики деятельности также заключалась в реализации социальных функций, поддержке конкретных лиц (учащихся), оказании медицинской помощи нуждающимся в ней или материальной помощи детям-сиротам через приюты.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

Литература

[Акционерно-паевые предприятия, 1914](#) – Акционерно-паевые предприятия в России. М.: Изд-во В.В. Лаврова, 1914. 679 с.

[Бадя, 1993](#) – *Бадя Л.В.* Благотворительность и меценатство в России: Краткий исторический очерк. М., 1993. 201 с.

[Благотворительная Россия, 1901](#) – Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России / Под ред. П.И. Лыкошина. Т. 1. СПб.: Изд. княгини О.Ф. Имеретинской и П.И. Лыкошина, 1901.

[Боханов, 1989](#) – *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 192 с.

[Весь Царицын, 1911](#) – *Весь Царицын.* Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду на 1911 год. Царицын: Царицынская мысль, 1911. 113 с.

[Водолагин, 1968](#) – *Водолагин М.А.* Очерки истории Волгограда 1589–1967. М.: Наука, 1968. 448 с.

[ГАСО](#) – Государственный архив Саратовской области.

[Гуркина, 2016](#) – *Гуркина Н.К.* Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // *Управленческое консультирование.* 2016. № 11. С. 111–119.

[Закон..., 1912](#) – Закон «О высших народных училищах» от 25 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. № 57515. СПб.: Государственная типография.

[Лаверычев, 1974](#) – *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенный период. 1861–1900. М.: Мысль, 1974. 281 с.

Литвинова, 2011 – Литвинова И.Н. Частная форма благотворительности в г. Царицыне // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 «Философия. Социология и социальные технологии»*. 2011. № 3 (15). С. 120-123.

Максимов, 1903 – Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб.: Государственная типография, 1903. 137 с.

Матвеева, 2019 – Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Молоткова Е.Д. Роль благотворительных ведомств и общественных организаций дома Романовых в процессе поддержания быта детей во второй половине XIX – начале XX в. // *Власть*. 2019. № 2. С. 217-224.

Начальные учебные заведения... – Начальные учебные заведения при приютах и благотворительных обществах [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberlesson.ru/obrazovanie-v-rossii-do-1917-goda/> (дата обращения: 02.08.2021).

Развитие системы учреждений... – Развитие системы учреждений призрения детей-сирот [Электронный ресурс] URL: https://studopedia.ru/6_91038_razvitie-sistemi-uchrezhdeniy-prizreniya-detey-sirot.html (дата обращения: 12.08.2021).

Сток, 1818 – Сток А.Д. Об общественном призрении в России. В 2-х т. СПб.: Изд. при М-ве полиции, 1818. 526 с.

Ульянова, 1999 – Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М.: Мосгорархив, 1999. 510 с.

Фомин, 1999 – Фомин Э., Чикадзе Е. Благотворительность как социо-культурный феномен в России. СПб.: Изд-во Чернышева, 1999. 112 с.

Царицынский вестник, 1916 – Царицынский вестник. 17 января 1916 г.

Шепелев, 1977 – Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Ленинград, 1977. 153 с.

Litvinova et al., 2020 – Litvinova I.N., Danilova E.O., Karagodina O.A. Objects of Historical and Architectural Heritage of Volgograd: the Urban Environment of Tsaritsyn at the turn of the XIX–XX centuries. // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2598-2608.

References

Aktionerno-paevye predpriyatiya, 1914 – Aktionerno-paevye predpriyatiya v Rossii [Joint stock and share enterprises in Russia]. Moscow: Publishing House V.V. Lavrov, 1914. 679 p. [in Russian]

Badya, 1993 – Badya, L.V. (1993). Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo v Rossii: Kratkii istoricheskii ocherk [Charity and philanthropy in Russia: A short historical essay]. Moscow. 201 p. [in Russian]

Blagotvoritel'naja Rossija, 1901 – Blagotvoritel'naja Rossija. Istorija gosudarstvennoj, obschestvennoj i chastnoj blagotvoritel'nosti v Rossii [Charity Russia. History of public, public and private charity in Russia]. Edited by P.I. Lykoshin. T. 1. St. Petersburg: publishing house of Princess O.F. Imeretinskaya and P.I. Lykoshin. [in Russian]

Bohanov, 1989 – Bohanov, A.N. (1989). Kollekcionery i mecenaty v Rossii [Collectors and patrons in Russia]. Moscow: Nauka. 192 p. [in Russian]

Fomin, 1999 – Fomin, E., Chikadze, E. (1999). Blagotvoritel'nost' kak sotsio-kul'turnyi fenomen v Rossii [Charity as a socio-cultural phenomenon in Russia]. St. Petersburg: Publishing House Chernyshev. 112 p. [in Russian]

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region].

Gurkina, 2016 – Gurkina, N.K. (2016). Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo v rossiiskoi provintsii na rubezhe XIX–XX vekov [Charity and philanthropy in the Russian province at the turn of the XIX–XX centuries]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 11: 111-119 [in Russian]

Laverychev, 1974 – Laverychev, V.Ja. (1974). Krupnaja burzhuazija v poreformennyj period. 1861–1900 [A large bourgeoisie in the reform period. 1861–1900]. Moscow: «Mysl». 281 p. [in Russian]

Litvinova, 2011 – Litvinova, I.N. (2011). Chastnaya forma blagotvoritel'nosti v g. Tsaritsyne [A private form of charity in Tsaritsyn]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7 «Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii»*. 3 (15): 120-123. [in Russian]

Litvinova et al., 2020 – Litvinova, I.N., Danilova, E.O., Karagodina, O.A. (2020). Objects of Historical and Architectural Heritage of Volgograd: the Urban Environment of Tsaritsyn at the turn of the XIX–XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 58. Is. 4. pp. 2598-2608.

Maksimov, 1903 – Maksimov, E.D. (1903). Osobyje blagot About public charity in Russia About public charity in Russia voritel'nye vedomstva i uchrezhdenija [Special charitable departments and institutions]. St. Petersburg: State Printing House. 137 p. [in Russian]

Matveeva, 2019 – Matveeva, E.S., Merkulov, A.V., Molotkova, E.D. (2019). Rol' blagotvoritel'nykh vedomstv i obshchestvennykh organizatsii doma Romanovykh v protsesse podderzhaniya byta detei vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The role of charitable departments and public organizations of the Romanov house in the process of maintaining the life of children in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Power*. 2: 217-224. [in Russian]

Nachal'nye uchebnye zavedeniya... – Nachal'nye uchebnye zavedeniya pri priyutakh i blagotvoritel'nykh obshchestvakh [Primary educational institutions at shelters and charitable societies]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberlesson.ru/obrazovanie-v-rossii-do-1917-goda> [in Russian].

Razvitie sistemy uchrezhdenii... – Razvitie sistemy uchrezhdenii prizreniya detei-sirot [Development of the system of institutions for the charity of orphans]. [Electronic resource]. URL: https://studopedia.ru/6_91038_razvitie-sistemi-uchrezhdeniy-prizreniya-detey-sirot.html [in Russian]

Shepelev, 1977 – *Shepelev, L.E.* (1977). Otmenennyye istoriej. Chiny, zvaniya i tituly v Rossijskoj imperii [Canceled by history. Ranks, titles and titles in the Russian Empire]. Leningrad. 153 p. [in Russian]

Stog, 1818 – *Stog, A.D.* (1818). Ob obshchestvennom prizrenii v Rossii [About public charity in Russia]. In 2 t. St. Petersburg: publishing house under the Ministry of Police. 526 p. [in Russian]

Tsaritsynskii vestnik, 1916 – *Tsaritsynskii vestnik* [Tsaritsynsky Bulletin]. 17 january, 1916. [in Russian]

Ul'yanova, 1999 – *Ul'yanova, G.N.* (1999). Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimatelei. 1860–1914 [Charity of Moscow entrepreneurs. 1860–1914]. Moscow: Mosgorarhiv. 510 p. [in Russian]

Ves' Tsaritsyn, 1911 – *Ves' Tsaritsyn.* Spravochnik po gor. Caricynu i Caricynskomu uezdu [All Tsaritsyn. Reference book on the city of Tsaritsyn and Tsaritsyn county]. Tsaritsyn: Tsaritsyn thought. 1911. 113 p. [in Russian]

Vodolagin, 1968 – *Vodolagin, M.A.* (1968). Oчерки istorii Volgograda 1589–1967 [Sketches of history of Volgograd 1589–1967]. Moscow: Science. 448 p. [in Russian]

Zakon..., 1912 – *Zakon «O vysshikh narodnykh uchilishchakh» ot 25 iyunya 1912 g.* Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e [Law "On Higher Public Schools" of June 25, 1912. Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Issue 3rd. T. 32. Nr. 57515. St. Petersburg: State Printing House [in Russian]

Филантропия в сфере призрения и попечительства детей в г. Царицыне начала XX века

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}, Оксана Александровна Карагодина ^a, Елена Олеговна Данилова ^a

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. На материалах г. Царицына и отчасти его уезда рассматривается специфика основных форм и направлений благотворительности в нижеволжской провинции на рубеже XIX–XX вв. Показана особая роль предпринимателей в совершенствовании работы учреждений сфер общественного призрения и попечения детей-сирот, а также образования и помощи учащимся из бедных слоев населения. В определенной степени рассмотрены филантропическая деятельность общественных организаций и частных лиц в сфере здравоохранения в отношении категории «младенцы», также сельских жителей в неурожайный год. Более подробно анализируется новый источник, вводимый в научный оборот, – отчет о деятельности приюта для мальчиков г. Царицына. Цель работы – раскрыть содержание благотворительных практик в сфере попечительства и народного образования в крупном уездном центре Саратовской губернии, опубликовать новые сведения о благотворителе – известном в крае купце А.Н. Серебрякове и открытом им приюте для сирот. Материалы статьи необходимы исследователям для разработки виртуальной экскурсии по одной из важных тем – социальной истории Волгограда.

Ключевые слова: благотворительные практики, предприниматели призрение сирот, приюты, бедные ученики.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова), karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина), danilovaelena@volsu.ru (Е.О. Данилова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2034-2042
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2034

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sources on the History of the Yenisei Peoples of the Russian Empire (on the Example of the Analysis of Materials from the Newspaper "Krasnoyarets")

Ekaterina A. Sertakova ^{a, *}, Alexandra A. Sitnikova ^a, Yuliya S. Zamaraeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this study is associated with the importance of studying the history of the indigenous peoples of the north of the Russian Federation, in particular, the Krasnoyarsk krai, which makes it possible to understand the peculiarities of the ethnocultural development of the indigenous peoples of the north from the end of the last century to the present, to see the changes in relations between the Russians and small-numbered peoples of the north that have occurred over a hundred years old. The significance of the study is explained by the fact that the peculiarities of the life and culture of the northern peoples of the Yenisei province at the beginning of the 20th century are studied on the basis of materials from «The Krasnoyarets» newspaper, which were not previously considered by scientists. As an archival source for the study 13 issues of «The Krasnoyarets» newspaper were used, which was published in the Yenisei province from 1906 to 1909, in which feuilletons, articles and notes about the life of the aborigines of the northern territories of the province were published. The main part of the article is the publication of significant extracts and quotes from the newspaper related to the description of the life of the indigenous peoples of the north, with research findings and interpretations. As a result the authors of the article concluded that in newspaper «The Krasnoyarets» journalists are primarily focused on describing the problems of the indigenous population of the Yenisei North – the unfair attitude of merchants to the hunters of the north (to make aborigines drunk with alcohol, low cost of furs exchanged by merchants from hunters, etc.), the spread of destructive diseases among the aboriginal population after contacts with the Russians, the inaccessibility of education for the aborigines, in general, the harsh living conditions in the north, often leading to hunger and other problems. Journalists focus the readers' attention on these problems for the sake of drawing attention to them, for the sake of changing this unfortunate situation in the future.

Keywords: indigenous peoples of the north, Yenisei province, newspaper "The Krasnoyarets", Russian press of the early XX century.

1. Введение

Фонд периодических изданий дореволюционной России в собрании Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края имеет большую историческую и культурную ценность для изучения коренных народов Севера России. В ряде публикаций можно обнаружить не только новостную повестку региона и объявления, но и заметки о жителях отдаленных от крупных населенных пунктов территорий, обычаях проживающих там людей. Такие заметки позволяли жителям Красноярска, Ачинска, Минусинска, а также некоторых других городов и поселков Енисейской губернии (места, где издавались газеты) получать информацию о жизни населения северных территорий губернии и культурных обычаях аборигенного населения Севера и Юга края.

* Corresponding author

E-mail addresses: sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), rybka08@bk.ru (Yu.S. Zamaraeva)

Освещение вопросов жизни коренного населения Енисейской Сибири в Российской империи осуществлялось через ряд источников. Во-первых, через официальные отчеты и публикации научных сборников деятелей Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Информация носила научный характер и была ориентирована преимущественно на просвещенную публику. Публикации выходили в свет после возвращения участников экспедиций и распространялись по подписке. Во-вторых, через средства массовой информации. В газетах и журналах оперативно выходили новости, заметки и статьи, которые освещали данные вопросы для широкой аудитории. Среди них были журналы «Енисейские епархиальные ведомости», «Сибирские вопросы», «Сибирские записки», газеты «Енисейские губернские ведомости», «Красноярец» и др.

Данные периодические издания, за редким исключением, до настоящего времени не были рассмотрены в качестве источников по истории енисейских народов Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Ключевыми источниками для исследования аборигенного населения Енисейской Сибири в начале XX века были выбраны материалы, опубликованные в политической, общественной и литературной газете «Красноярец». Это ежедневное издание выходило в свет с 21 октября 1906 по 16 июля 1909 года и распространялось по всей Енисейской губернии. В связи с публикацией нескольких критических материалов о власти газету закрыли по постановлению суда.

Всего в выборку данного исследования вошли материалы четырнадцати номеров. Это источники, опубликованные в №№ 94–95, 97, 151, 203, 265 за 1907 год, в №№ 42, 65, 127–128 за 1908 год и № 11, 22–23, 33 за 1909 год. Именно в этих изданиях встречается информация о коренном населении Енисейской губернии. Поиск осуществлялся по ключевым словам путем работы с оцифрованными газетами.

2.2. Теоретико-методологической базой для изучения материалов, опубликованных в газете, выступили положения исследователя В.М. Рынкова, описанные в статье «Периодическая печать: место в системе исторических источников» (Рынков, 2010). Автор отмечает, что при работе с газетами и журналами, источником для анализа/единицей исследования является не содержание номера целиком, а только колонки текста и даже фрагменты, содержащиеся в них. Автор выявляет значимость и своеобразие отдельного источника, который может дать полезную для исследования информацию. Также внимание при анализе материалов газеты уделялось таким характеристикам, как «информационный потенциал», «категория достоверности», «категория точности» (Доржиева, 2018: 41–42).

При написании данной статьи были рассмотрены концепции формирования этнической идентичности коренных народов России (Амосова и др., 2019; Замараева и др., 2019), систематизированы источники по интересующей теме, проведен анализ текстов и выявлены ключевые моменты, связанные с освещением жизни и положения аборигенных народов в Енисейской губернии.

3. Обсуждение

Газеты и журналы как источники информации в гуманитарном знании имеют большую значимость. В своих материалах они фиксируют особенности эпохи, культуры, социума и т.д., которые становятся особенно важными в свете осмысления происходящих изменений.

Сибирские периодические издания рассматривались исследователями не часто. Так, новосибирские исследователи В.С. Маркова и И.А. Быкова отмечают, что газетные статьи являются наиболее оперативными источниками, информирующими социум по вопросам истории, культуры и науки Сибири и Дальнего Востока, поэтому их изучение представляется весьма актуальным (Маркова, Быкова, 2000: 346). Отсюда авторы указывают на необходимость составления более обширных библиографий.

Н.В. Жилиякова (Жилиякова, 2002) рассматривала издание «Сибирская газета» с точки зрения формирования литературно-критической мысли в Томской губернии. Изучив содержание номеров, автор утверждает, что газета стала инструментом формирования регионального самосознания, так как многие материалы были связаны с осмыслением положения человека в Сибири.

Исследователь А.П. Миханев, рассматривая периодическую печать Красноярска периода Российской империи, пришел к выводу, что выпуски газет и журналов оказались «одной из самых ярких реалий своего времени и стали одним из важных факторов, во многом отражавших и определявших политическую, социальную и культурную жизнь Красноярска и Енисейской губернии конца XIX – начала XX века» (Миханев, 1998: 34). В выводах А.П. Миханев отметил, что развитие красноярской периодики было вызвано желанием не только осветить, но и преобразовать жизнь в Енисейской губернии. Именно поэтому в публикациях часто появлялись предложения по реформированию общества через выявление его актуальных проблем.

Внимание к жизни аборигенного населения Енисейской губернии через анализ периодических изданий можно обнаружить в статьях красноярских исследователей. Так, Е.В. Комлева, анализируя

выпуски «Енисейских губернских ведомостей» конца XIX – начала XX вв., пришла к выводу, что на страницах газеты достаточно полно были отражены сведения о развитии территории Туруханского края и жизни его населения – как аборигенных народов, так и русских поселенцев (Комлева, 2016: 43).

Н.П. Копцева, К.А. Дегтяренко, А.А. Шпак рассмотрели выпускаемый в Санкт-Петербурге журнал «Природа и люди» как достоверный источник по истории северных народов Российской империи. Этнографические материалы, опубликованные в его номерах, затрагивали, в частности, и жизнь народов Севера Енисейской губернии (Копцева и др., 2021).

Исследователи М.А. Колесник, Н.М. Лещинская, Д.С. Пчелкина изучили этнокультурную динамику коренных малочисленных народов Севера в конце XIX – начале XX веков через анализ публикаций в «Енисейских епархиальных ведомостях», так как данный источник содержит большой статистический материал, собранный за несколько десятилетий (Колесник и др., 2021).

В работах, где материалом для анализа выступала дореволюционная пресса, газета «Красноярец» еще ни разу не фигурировала в качестве источника сведений о Енисейской губернии и его населении.

4. Результаты

На протяжении небольшого периода времени политическая, общественная и литературная газета «Красноярец» выходила в свет под редакцией А.А. Жалудского, Н.В. Скорнякова, В.Н. Полетаева, С.Д. Чадова, Е.К. Жалудской, А.С. Калашникова. Над выпусками работало около двадцати сотрудников. Журналисты подписывали статьи кратко – своей фамилией с указанием инициала имени или еще более кратко – инициалами имени и фамилии без расшифровки, поэтому в тексте настоящей статьи приведены эти краткие данные.

Газета состояла из 4–6 страниц текстового материала. Оформление было простым, иллюстраций и фотографий в ней не предполагалось. Максимум оформления – выделение заголовка крупным и жирным шрифтом (Рисунок 1) и рамки для объявлений за отдельную плату.

Рис. 1. Заголовок газеты. Из фондов ГУНБ Красноярского края

Темы, освещаемые в номерах газеты «Красноярец», были самыми разными. Материалы, посвященные упоминанию представителей коренного населения Енисейской губернии, встречаются в хрониках, новостях и фельетонах. В фокусе внимания здесь прежде всего – актуальное на момент издания газеты состояние их жизни. Зачастую сведения о жизни в северных поселениях губернии публикуются в рубрике «Фельетон». Стоит отдельно обратить внимание на тот факт, что жанр «фельетон», который сегодня связывают с сатирическими историями, обозначал скорее любой дополнительный контент к основному информационно-политическому содержанию газеты – таким и было изначальное предназначение этого жанра в истории журналистики.

Публикации первых месяцев существования газеты были посвящены преимущественно городской жизни и описанию событий больших сельских поселений, но уже в мае 1907 года начинают появляться колонки, нацеленные на освещение жизни аборигенного населения.

Так, в выпусках № 94 (1 мая), 95 (3 мая) и 97 (5 мая) 1907 года был опубликован большой фельетон М. Шарыпова «Хищники на Хатанге». Материал подан читателю как ряд небольших реальных историй взаимодействия коренного населения и русских купцов. В основе фельетона – аллегория: речь здесь идет не о медведях, волках и других реальных хищниках, а о «диком» поведении купцов, приезжающих на Хатангу за пушниной.

«Между тем накачали его водкой до тех пор, пока он не свалился. Они в это время успели еще юрт 5 угостить, обобрать всю пушнину и ничего не заплатить. А когда тунгусы проспались, они уже уплыли дальше вниз по Хатанге» (Шарыпов, 1907с: 2).

«А все-таки с Хатанги всех этих, простите за выражение – купцов выгнать нужно немедленно. Необходимо пока не поздно спасти целое племя первобытных инородцев от физического и нравственного падения и даже гибели. Это племя удивительно склонно ко всевозможного рода заболеваниям, а русские не замедлят заразить их всякими прелестями и тунгусы вымрут в одну неделю» (Шарыпов, 1907с: 2).

«И я вновь высказываю сожаление, что настоящая статья не могла своевременно появиться в печати» (Шарыпов, 1907b: 2), – автор фельетона сожалеет, что не успел выпустить материал до начала экспедиции г. Макаренко к тунгусам, чтобы тот смог провести с ними ряд профилактических бесед.

Журналисты газеты «Красноярец» получали информацию о проблемах северных народов в процессе профессионального общения с членами Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества или в результате личных поездок на остяцкие и тунгусские ярмарки. Становясь свидетелями и очевидцами неравноправия, существующего у русских купцов по отношению к аборигенам Севера, журналисты газеты «Красноярец» пытались исправить ситуацию своими статьями.

В газете № 151 (12 июля) 1907 года опубликована новость о научной командировке Константина Михайловича Рычкова на север Енисейской губернии в Туруханский край для изучения племен, населяющих его. Ранее, с 1903 по 1905 годы, он уже проживал в Туруханско-Тазовском крае и занимался изучением самоедов-остяков, юраков и тунгусов, чем внес ценный вклад в науку в области этнографии, антропологии и морфологии. Интересен тот факт, что в газете поездка К.М. Рычкова обозначена как научная командировка, в то время как в других документах указано, что этнограф К.М. Рычков находился в ссылке в Туруханском крае с 1903 по 1913 годы.

«Маршрут командировки г. Рычкова следующий: на пароходе до устья Енисей (долгане), дальше по Анабару, Хатанге и озеро Ессей (тунгусы), затем с р. Хатанги, по побережью Ледовитого океана до Тазовской губы (юраки) и по р. Таз (самоедо-остяки). На поездку эту К.М. Рычков думает употребить два года» (Хроника, 1908: 4).

В газете № 203 (20 сентября) 1907 года опубликован фельетон «Незаметные труженики» – статья, в которой рассматриваются тунгусы Приангарского края (Педехо, 1907: 2-3). Их положение сравнивается с тунгусами Енисейской губернии. Говорится, что в обоих регионах аборигенное население находится в одинаково сложных жизненных условиях, по сути, эксплуатируется купцами, ведущими торговлю с аборигенами. В данной публикации также описываются люди, в основном политические ссыльные, которые поддерживают инородцев и помогают им, просвещая в вопросах экономики и пытаясь учить их отстаивать свои права.

В газете № 265 (5 декабря) 1907 года обнаружена запись в колонке «Корреспонденция». Здесь сообщается, что убыль зверя в тайге грозит бродячему населению – тунгусам – гибелью. «Ожесточенное и хищническое истребление зверя со стороны ангарца весною нарушает права собственности тунгусов на звероловные места, утвержденных самим законом, безнаказанное истребление лесов пожарами – порождает среди инородцев голодовки, громадную смертность и угрожают им окончательным вымиранием» (Корреспонденция, 1907: 3).

«Весьма жаль, что сибирская печать не помещает своевременно сведений, касающихся требований рынков на разные сорта шкур зверей таежного района. Отсутствие здесь телеграфа и неимение положительно никаких заблаговременно данных на требование пушнины всецело ставит зверолова в кабальную зависимость от разных местных Толстых, Башуровых, Пестряковых, Суздаевых, Кокориных и др. «скупщиков» пушнины... обирающих тунгусов при помощи водки, как липку, и в кочевьях, и в сугланных местах» (Корреспонденция, 1907: 3).

В газете № 42 (20 февраля) 1908 года опубликована заметка в хронике об отправлении в Сибирь нескольких научных экспедиций. Антрополог и этнограф Василий Иванович Анучин поехал в Туруханский край для исследования родственных енисейцам (енисейским остякам) племен. Из этой важной для истории этнографических исследований Севера Сибири поездки В.И. Анучин привез сочинение «В стране черных дней и белых ночей: Туруханский край» (Анучин, 1916), которое сопровождается иллюстрациями красноярского художника Д.И. Каратанова. В другой заметке упоминается этнограф Алексей Алексеевич Макаренко, который отправился на Подкаменную Тунгуску к тунгусам. Также в газете указано, что Министерством земельного и государственного имущества снаряжается большая экспедиция в Туруханский край для изучения рыболовства и вопросов лесного рынка во главе с И.К. Окуличем. Сообщается, что в 1908 году большинство экспедиций, инициированных потребностями Российского государства, работало в Енисейской губернии, на Крайнем Севере и Юге (Хроника, 1908: 4).

В газете № 65 (21 марта) 1908 года в хронике освещены темы здравоохранения северных территорий края. Колонка называется «К вымиранию сибирских инородцев», в ней перепечатана телеграмма министра внутренних дел Рачкова из Туруханского края. Он сообщает депутатам Государственной Думы об ужасном положении дел: «Они (инородцы) вымирают целыми чумами. Эпидемия черной оспы распространяется из тундры, род юраков окончательно вымирает» (Влад. Н., 1908: 4).

Автор колонки Влад. Н. отмечает, что содержание телеграммы не является неожиданной новостью, так как тенденция вымирания инородцев Северной Сибири была зафиксирована писателем, общественным деятелем и исследователем Сибири и Центральной Азии Н.М. Ядринцевым значительно раньше (Ядринцев, 1891). Помимо оспы, на территории Туруханского края распространены занесенные русскими людьми цинга, тиф, проказа, сифилис. Отсутствие медицинской помощи делает их очень уязвимыми перед данными болезнями.

Не только болезни представляют угрозу вымирания коренного населения Севера Сибири, здесь отмечены «постоянные голодовки, порождающие различные формы людоедства, или самоубийства целых племен под влиянием голода». И далее: «Этот каннибализм – не достояние далекого прошлого, а как ни трудно признаться – близкого настоящего нашей северной окраины...» (Влад. Н., 1908: 4).

Для предотвращения вымирания «сибирская группа постановила внести запрос в Государственную думу: известно ли министру внутренних дел о печальной участи инородцев? В настоящее время, когда от Думы нельзя ждать широких реформ в деле самоопределения и защиты инородцев от эксплуататорских тенденций торговцев и самой администрации, подобный запрос заставит лишь русское общество резче реагировать на факты русской действительности» (Влад. Н., 1908: 4).

В газетах № 127 (13 июня) и 128 (14 июня) 1908 года опубликован фельетон об аборигенах Севера. Он состоит из двух дополняющих друг друга материалов – стихотворных напевов и заметки о произошедшей остяцкой ярмарке.

Одно название «грустные» напевы все объясняет. Герои – тунгусы. В тексте сквозит не осуждение, но сочувствие их положению. Указывается ключевая причина этих бед – эксплуатация «младшего брата» купцом.

В описании остяцкой ярмарки автором, который подписывается как В.Б., присутствует много интересных сведений об этносе. Здесь упоминаются территория проживания этноса, их традиционные способы хозяйствования, обычаи и привычки, даются определенные наименования вещей (нарты, чум), расценки шкурок зверей и т.д. «Среди инородцев, бродящих по неизмеримым лесам и тундрам Туруханского края, остяки являются, пожалуй, самым значительным обломком обитавших когда-то здесь многочисленных племен Монгольской расы» (В.Б., 1908а: 2).

Ярмарка становится местом, которое помогает выжить остякам, так как «на самой ярмарке купцы все-таки несколько стесняются (их обкрадывать – Авт.) – слишком уж много посторонних глаз», «все остяки состоят в неоплатном долгу у «своих» хозяев, т.е. купцов, выдающих им кредит. У последних установилась уже такая терминология: «это наш остичишко». Но нужно слышать тон, которым произносятся эти слова: так мы говорим только о собаках, да о лошадях» (В.Б., 1908b: 3). Данные слова выражают вековую зависимость остяков от купцов. Остяки понимают это, но поделаться ничего не могут. «Вообще остяки – лакомый кусок не для одних купцов: самая последняя крестьянская баба считает своим долгом пощипать наивных дикарей» (В.Б., 1908b: 3). Бутылка молока – белка, три калача – две белки – такова цена местных крестьян.

Точно такое же отношение к тунгусам: собирают их и купцы с Ангары, ради наживы они держат до них путь 3 месяца.

«Подати остяки платят сравнительно с туруханскими крестьянами большие. С каждого остяка, достигшего 20 лет, в нынешнем году взяли более четырех рублей, тогда как крестьяне платят только около двух» (В.Б., 1908b: 2).

В газете № 11 (15 января) 1909 года напечатана колонка, посвященная школьному образованию в Туруханском крае, который в дореволюционный период территориально занимал 2/3 площади Енисейской губернии, поэтому достаточно часто освещался прессой.

В номере сообщается, что это самая малолюдная территория в северной приполярной полосе мира, включающая «1 заштатный город Туруханск, 4 села и 74 ставки, не считая инородческих чумов. Коренного населения зарегистрировано около 11000 душ, из коего 2/3 составляют аборигены края: остяки, тунгусы, самоеды, юраки, долгане и якуты, ведущие кочевую и бродячую жизнь» (Положение школьного образования..., 1909: 2).

Описывая положение школьного образования, автор сообщает, что на территории расположено пять церковно-приходских школ. При этом две из них – Дудинская и Тазовская – существуют только на бумаге: там нет учеников. В двух Туруханских и Верхнеирбатской обучались 21 мальчик и 29 девочек.

Образование выстроено плохо, учителя малограмотны, а средства для обучения скудны. При этом насущная потребность в грамоте ощущается сильно, местные добровольно выделяют средства для поддержания их работы.

В газетах № 22 (28 января) и № 23 (29 января) 1909 года опубликован фельетон – конспект лекций об остяках Енисейской губернии В.И. Анучина, прочитанных 15 и 17 января в помещении Красноярского общественного собрания по инициативе местного отдела Лиги образования, то есть спустя неделю после научного мероприятия все материалы были опубликованы и доступны широкой общественности. В лекции рассказывается о происхождении названий сибирских инородцев («пегая орда», «остяк», «динь»), месте их изначального проживания, культуре, быте, промыслах и т.д. Большое внимание уделено теме взаимодействия коренного населения с пришлыми людьми, освещается их современное положение в российском обществе.

«Русское население относится к детям Азии отвратительно, преследуя и выгоняя их с удобных и хороших рыболовных мест. Не редкость – резкие столкновения. На ряду с беспардонной

эксплуатацией инородцы встречают со стороны русских полное презрение и постоянные обиды» (К-н. Л., 1909а: 2).

Продолжение фельетона «Об Енисейских осяках» связано с рассмотрением физических и психических особенностей племени – двумя типами енисейцев: «Хайнъя» и «Богдейгет». В первом варианте все признаки монгольского начала, во втором – арийского.

«Психический мир енисейца узок и несложен. Енисей для него – центр мира, и все содержание жизни вертится вокруг этой великой реки. Представления о протяжении и величине земли очень ограничены. Весь багаж духовной жизни сведен к эпизодам борьбы за существование и к несложным семейным отношениям» (К-н. Л., 1909b: 2).

Описывается обычай вступления в брак. «Брак енисейцы признают только экзогамный и браков в кругу одного рода не существует. Жениться может лишь достигший 18 летнего возраста, при чем за невесту полагается обязательно калым». Обряд сватовства, венчание шаманом и батюшкой – «бесспорно, что низкий уровень развития является в данном случае причиной двойственности. Каждый родившийся младенец подвергается обряду крещения и таким образом является христианином с колыбели. А параллельно с этим ему дается имя на родном языке, как шаманисту» (К-н. Л., 1909b: 2).

«Заболевания трахома (70 %), ревматизм, цынга, оспа и сифилис свили себе прочное гнездо среди этих заброшенных детей сурового Севера. При таких условиях вымирание племени идет быстрыми шагами вперед» (К-н. Л., 1909b: 2).

Таким образом, здесь рассматриваются смертность, рождаемость, динамика численности этноса, гражданское устройство (обычное право, суд, воспитание детей, распределение наследства), постройки осяков, утварь, одежда, словесное творчество, верования, пища.

В газете № 33 (13 февраля) 1909 года встречается следующая запись: «Тунгусов иногда накрывают довольно ловко. Дитя здешних лесов, он бьет массу соболей и белок. Сбывать же ему их приходится не приезжим скупщикам, а здешним торговцам, у которых он в большинстве случаев состоит в долгу» (В-ов. И., 1909: 2). В данной статье вновь подчеркивается существующая несправедливость экономических и торговых отношений между коренным населением северных территорий и купцами, организующими торговлю пушниной на этой территории.

5. Заключение

Анализ источников показал, что тема положения аборигенного населения в Енисейской губернии поднималась в газете нечасто, однако объем текста, в котором освещался данный вопрос, был внушительным и иной раз растягивался на несколько выпусков. Большая часть текстов представлена в жанре фельетона – короткого очерка или статьи, отделенной от других материалов линией отреза. Поскольку жанр «фельетон» в газете «Красноярск» обозначает дополнительный к основному информационно-политическому содержанию газеты материал, то здесь нет никакого сатирического подтекста, напротив, читатель видит, что тема жизни аборигенного населения Севера описана в трагических нотах. Критике подвергаются не аборигены региона, а приезжие.

Важным представляется то, что чаще всего публиковались не литературно-художественные статьи, а сведения научных отчетов, реальных телеграмм, давались репортажи с осяцких ярмарок, публиковались заметки об этнографических экспедициях, то есть достоверные материалы.

Сотрудники газеты «Красноярск», как и в целом русская интеллигенция, проживающая в Енисейской губернии, защищали интересы коренного населения и пытались показать, как не по-христиански, бездушно некоторые недобросовестные купцы поступают с представителями коренного населения, которые очень уязвимы и доверчивы. Жизнь их тяжела, и по многим показателям их можно считать несчастными, однако они добры, открыты и незлопамятны, отчего их так легко обмануть, обидеть, обокрасть. В повестке поднимались вопросы необходимости улучшения качества жизни северных этносов: доступа к медицинской помощи, образованию, «честной» торговле. Также журналисты уже в начале XX века высказывали свою обеспокоенность состоянием численности аборигенов Севера Енисейской губернии, находившихся в ситуации крайне тяжелых условий для выживания – болезней, голода, отсутствия гигиены, нехватки продовольствия и многого другого, в результате чего коренное население северных регионов начало значительно сокращаться.

Авторы данных публикаций хотели вызвать общественный резонанс, чтобы подобные практики осуждались и в норму входило человеческое отношение к коренным жителям севера Енисейской губернии, а политика администрации была более внимательна к ним и решению их проблем.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 21-09-43014/21 «"Великое братство народов" (В.Н. Увачан): национальная политика СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера в Эвенкийском и Таймырском национальных (впоследствии – автономных) округах Красноярского края в 1920–1970-е гг.».

Литература

- Амосова и др., 2019** – Амосова А.А., Копцева Н.П., Ситникова А.А., Середкина Н.Н., Замараева Ю.С., Кистова А.В., Резникова К.В., Колесник М.А., Пименова Н.Н. Этнокультурная идентичность в работах красноярских художников // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2019. 12 (8). С. 1524-1551.
- Анучин, 1916** – Анучин В.И. В стране черных дней и белых ночей (Туруханский край): очерк. Петроград: П.П. Сойкин, 1916. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8348/>
- В-ов, И., 1909** – В-ов, И. По губернии // *Красноярец*. 1909. № 33. С. 2.
- В.Б., 1908a** – В.Б. Фельетон «Остяцкая ярмарка» // *Красноярец*. 1908. № 127. С. 2-3.
- В.Б., 1908b** – В.Б. Фельетон «Остяцкая ярмарка» // *Красноярец*. 1908. № 128. С. 2-3.
- Влад. Н., 1908** – Влад. Н. К вымиранию сибирских инородцев // *Красноярец*. 1908. № 65. С. 4.
- Доржиева, 2018** – Доржиева Д.Ц. Особенности информационного потенциала в газетной статье // *Гуманитарный вектор*. 2018. 13 (5). С. 41-48.
- Жилякова, 2002** – Жилякова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: Дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Наталия Вениаминовна Жилякова; Томск, 2002. 270 с.
- Замараева и др., 2019** – Замараева Ю.С., Лузан В.С., Метляева С.В., Середкина Н.Н., Копцева Н.П., Филько А.И., Хребтов М.Я. Религия эвенков: история и современность // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2019. 12 (5). Р. 853-871.
- К-н. Л., 1909a** – К-н. Л. Фельетон «Об енисейских остяках» // *Красноярец*. 1909. № 22. С. 2-3.
- К-н. Л., 1909b** – К-н. Л. Фельетон «Об енисейских остяках» // *Красноярец*. 1909. № 23. С. 2-3.
- Комлева, 2016** – Комлева Е.В. Туруханский край на страницах «Енисейских губернских ведомостей» (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2016. № 4–5 (16). С. 36-43.
- Корреспонденция, 1907** – Корреспонденция // *Красноярец*. 1907. № 265. С. 3.
- Маркова, Быкова, 2000** – Маркова В.С. Быкова И.А. Региональные газеты как источник информации по истории, культуре и науке Сибири и Дальнего Востока (на примере текущих библиографических указателей ГПНТБ СО РАН) / *Пятые Макушинские чтения*. Тезисы докладов научной конференции, г. Томск. 2000. С. 343-346.
- Миханев, 1998** – Миханев А.П. Периодическая печать Красноярска в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А.П. Миханев. Красноярск, 1998. 34 с.
- Педеко, 1907** – Педеко. Фельетон «Незаметные труженики» // *Красноярец*. 1907. № 203. С. 2-3.
- Положение школьного образования..., 1909** – Положение школьного образования в Туруханском крае // *Красноярец*. 1909. № 11. С. 2.
- Рынков, 2010** – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- Хроника, 1907** – Хроника // *Красноярец*. 1907. № 151. С. 2.
- Хроника, 1908** – Хроника // *Красноярец*. 1908. № 42. С. 4.
- Шарыпов, 1907a** – Шарыпов М. Фельетон «Хищники на Хатанге» // *Красноярец*. 1907. № 94. С. 2-3.
- Шарыпов, 1907b** – Шарыпов М. Фельетон «Хищники на Хатанге» // *Красноярец*. 1907. № 95. С. 2.
- Шарыпов, 1907c** – Шарыпов М. Фельетон «Хищники на Хатанге» // *Красноярец*. 1907. № 97. С. 2.
- Ядринцев, 1891** – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8919/>
- Kolesnik et al., 2021** – Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Pchelkina D.S. “Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 889-897.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.

References

- Amosova et al., 2019** – Amosova, A.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., Seredkina, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Kistova, A.V., Reznikova, K.V., Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 12(8): 1524-1551. [in Russian]
- Anuchin, 1916** – Anuchin, V.I. (1916). V strane chernih dnei i belih nochei (Turuhanskii krai): ocherk. [In the land of black days and white nights (Turukhansk region): an essay]. Petrograd: P.P. Soikin. [Electronic resource]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8348/> [in Russian]
- Dorzhiyeva, 2018** – Dorzhiyeva, D.Ts. (2018). Osobennosti informatsionnogo potentsiala v gazetnoy stat'ye [Features of information potential in a newspaper article]. *Gumanitarnyy vector*. 13(5): 41-48. [in Russian]

- K-n. L., 1909a** – K-n. L. (1909). Fel'yeton «Ob yeniseyskikh ostyakakh» [Feuilleton "On the Yenisei Ostyaks"]. *Krasnoyarets*. 22: 2-3. [in Russian]
- K-n. L., 1909b** – K-n. L. (1909). Fel'yeton «Ob yeniseyskikh ostyakakh» [Feuilleton "On the Yenisei Ostyaks"]. *Krasnoyarets*. 23: 2-3. [in Russian]
- Khronika, 1907** – Khronika [Chronicle]. *Krasnoyarets*. 1907. 151: 2. [in Russian]
- Khronika, 1908** – Khronika [Chronicle]. *Krasnoyarets*. 1908. 42: 4. [in Russian]
- Kolesnik et al., 2021** – Kolesnik, M.A., Leshchinskaia, N.M., Pchelkina, D.S. (2021). "Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti" as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(2): 889–897.
- Komleva, 2016** – Komleva, Ye.V. (2016). Turukhanskiy kray na stranitsakh "Yeniseyskikh gubernskikh vedomostey" (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Turukhansk Territory on the pages of "Yenisei Provincial Gazette" (second half of the 19th – early 20th century)]. *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya*. 4-5(16): 36-43. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A. (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.
- Korrespondentsiya, 1907** – Korrespondentsiya [Correspondence]. *Krasnoyarets*. 1907. 265: 3. [in Russian]
- Markova, Bykova, 2000** – Markova, V.S. Bykova, I.A. (2000). Regional'nyye gazety kak istochnik informatsii po istorii, kul'ture i nauke Sibiri i Dal'nego Vostoka (na primere tekushchikh bibliograficheskikh ukazateley GPNTB SO RAN) [Regional newspapers as a source of information on the history, culture and science of Siberia and the Far East (on the example of current bibliographic indexes of the State Public Scientific Technical Library of the SB RAS)]. *Pyatyte Makushinskiye chteniya. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Tomsk, pp. 343-346. [in Russian]
- Mikhanev, 1998** – Mikhanev, A.P. (1998). Periodicheskaya pechat' Krasnoyarska v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Yeniseyskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Periodical press of Krasnoyarsk in the social and political life of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]: avtoref. dis. ...kand. istor. nauk: 07.00.02. A.P. Mikhanev; Krasnoyarsk, 34 p. [in Russian]
- Pedeko, 1907** – Padeko (1907). Fel'yeton «Nezametnyye truzheniki» [Feuilleton "Invisible workers"]. *Krasnoyarets*. 203: 2-3. [in Russian]
- Polozheniye shkol'nogo obrazovaniya..., 1909** – Polozheniye shkol'nogo obrazovaniya v Turukhanskom krae [Situation of school education in the Turukhansk region]. *Krasnoyarets*. 1909. 11: 2. [in Russian]
- Rynkov, 2010** – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]
- Sharypov, 1907a** – Sharypov, M. (1907). Fel'yeton «Khishchniki na Khatange» [Feuilleton "Predators on Khatanga"]. *Krasnoyarets*. 94: 2-3. [in Russian]
- Sharypov, 1907b** – Sharypov, M. (1907). Fel'yeton «Khishchniki na Khatange» [Feuilleton "Predators on Khatanga"]. *Krasnoyarets*. 95: 2. [in Russian]
- Sharypov, 1907c** – Sharypov, M. (1907). Fel'yeton «Khishchniki na Khatange» [Feuilleton "Predators on Khatanga"]. *Krasnoyarets*. 97: 2. [in Russian]
- V-ov. I., 1909** – V-ov. I. Po gubernii [In the province]. *Krasnoyarets*. 1909. 33: 2. [in Russian]
- V.B., 1908a** – V.B. (1908). Fel'yeton «Ostyatskaya yarmarka» [Feuilleton "Ostyatskaya Fair"]. *Krasnoyarets*. 127: 2-3. [in Russian]
- V.B., 1908b** – V.B. (1908). Fel'yeton «Ostyatskaya yarmarka» [Feuilleton "Ostyatskaya Fair"]. *Krasnoyarets*. 128: 2-3. [in Russian]
- Vlad. N., 1908** – Vlad. N. (1908). K vymiraniyu sibirskikh inorodtsev [Towards the extinction of Siberian aliens]. *Krasnoyarets*. 65: 4. [in Russian]
- Yadrintsev, 1891** – Yadrintsev, N.M. (1891). Sibirskiy inorodtsy, ikh byt i sovremennoye polozheniye: etnograficheskiye i statisticheskiye issledovaniya s statisticheskikh tablits [Siberian foreigners, their way of life and the current situation: ethnographic and statistical studies from statistical tables]. SPb. [Electronic resource]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8919/> [in Russian]
- Zamaraeva et al., 2019** – Zamaraeva, Yu.S., Luzan, V.S., Metlyaeva, S.V., Seredkina, N.N., Koptseva, N.P., Fil'ko, A.I., Khrebtov, M.Ya. (2019). Religion of the Evenki: history and modern times. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 12(5): 853-871. [in Russian]
- Zhilyakova, 2002** – Zhilyakova, N.V. (2002). «Sibirskaya gazeta», g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavleniye literaturnogo regionalizma ["Siberian newspaper", Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]: dis. ... kand. filolog. nauk: 10.01.01. Nataliya Veniaminovna Zhilyakova; Tomsk. [in Russian]

**Источники по истории енисейских народов Российской империи
(на примере анализа материалов газеты «Красноярец»)**

Екатерина Анатольевна Сертакова ^{a, *}, Александра Александровна Ситникова ^a,
Юлия Сергеевна Замараева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность настоящего исследования связана с важностью изучения истории коренных народов Севера Российской Федерации, в частности Красноярского края, что позволяет понять особенности этнокультурного развития коренных народов Севера с конца прошлого века до современности, увидеть изменения в отношениях между русскими и малочисленными народами Севера, произошедшие за сто лет. Значимость исследования объясняется тем, что особенности быта и культуры северных народов Енисейской губернии в начале XX века изучаются на основе материалов газеты «Красноярец», которые не рассматривались учеными ранее. В качестве архивного источника для исследования использована газета «Красноярец», издававшаяся в Енисейской губернии с 1906 по 1909 годы. В ее 13 номерах опубликованы фельетоны, статьи и заметки о жизни аборигенов северных территорий губернии. Основная часть статьи представляет собой публикацию значимых выдержек и цитат из газеты, относящихся к описанию жизни коренных народов Севера, с исследовательскими выводами и интерпретациями. По итогам авторами статьи сделан вывод о том, что в газете «Красноярец» журналисты сосредоточены в первую очередь на описании проблем коренного населения Енисейского Севера: несправедливого отношения купцов к охотникам Севера (спайвание алкоголем, низкая стоимость пушнины, вымениваемая купцами у охотников и т.п.), распространения губительных болезней среди аборигенного населения после контактов с русскими, недоступности образования для аборигенов, в целом суровых условий жизни на Севере, зачастую приводящих к голоду и др. Журналисты акцентируют внимание читателей на этих проблемах ради привлечения к ним внимания, изменения этой неблагоприятной ситуации в будущем.

Ключевые слова: коренные народы Севера, Енисейская губерния; газета «Красноярец»; русская пресса начала XX века.

* Корреспондирующий автор

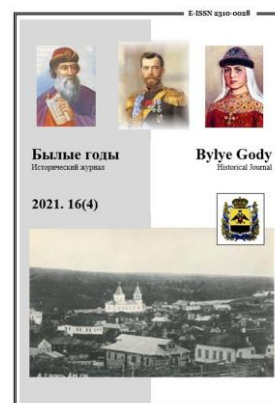
Адреса электронной почты: sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2043-2052
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2043

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Ksenia V. Reznikova ^a, Yulia N. Menzhurenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the possibilities of the materials of the journal “Cine-phono” to act as historical sources on the development of national cinema at the time of its formation. The discussions of the greatest interest for potential researchers, unfolding on its pages, were revealed: about the phenomenon of cinema, about its relationship with the authorities, about the reflection of the main current events in the development of cinematography, etc. by the residual principle. Analysis of the materials of the journal “Cine-phono” made it possible to single out in 1907–1916 three periods in the formation of provincial cinematography (1907–1908 cinematography mastered territories outside the boundaries of capital cities; in the 1909–1914s – active extensive development; decline in the number of references to provincial cities in 1915–1916 associated with the events of the First World War) and rank the regions depending on the level of development of cinematography. The most significant topics in the development of provincial cinema have been identified, these are general issues of the functioning of cinemas; political action in relation to cinema; education; emergencies; charity.

Keywords: journal “Cine-fono”, provincial cinema, 1907, education, Saratov.

1. Введение

Кинематограф как одно из наиболее популярных визуальных искусств в настоящее время представляет собой большой интерес для исследователей. Причем важными оказываются не только его актуальное состояние, но и историческое развитие, включая самые ранние этапы, что связано с возможностью проследить изменение его функций, осмысление его как феномена, его взаимоотношений с различными составляющими культуры. Журнал «Сине-фоно», вероятно, является одним из наиболее значимых источников для исследования отечественного кинематографа периода его становления, более того – одним из редчайших изданий, предпринимавших попытки зафиксировать и даже систематизировать бурное развитие отрасли не постфактум, но непосредственно в процессе не только в столицах, но и в провинциях.

2. Материалы и методы

Основным материалом для данной статьи выступил журнал «Сине-фоно»; всего было использовано 80 номеров 1907–1916 гг., в том числе для анализа материалов о провинциальном кинематографе в аспекте наиболее значимых городов были случайно отобраны по три номера ежегодно с 1908 по 1916 гг. включительно и два номера за 1907 г. – всего 29 номеров: 2–3 (1907); 5, 16, 20 (1908); 4, 6, 23 (1909); 2, 13, 24 (1910); 6, 12, 21 (1911); 7, 17, 24 (1912); 1, 4, 5 (1913); 9, 16, 20 (1914); 2, 9, 18 (1915); 1, 7, 8 (1916) – рубрик «Вести из городов», «Хроника» и «По городам и театрам». Для анализа материалов о провинциальном кинематографе в аспекте наиболее значимых событий –

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

69 номеров: 2–3 (1907); 2–9, 14–21 (1908); 3–6, 23–24 (1909); 2–3, 5–9, 13–24 (1910); 2–15 (1911); 7–8, 17–18 (1912); 1–2 (1913); 3, 7 (1914); 4, 8 (1915); 1, 8 (1916).

В качестве основных методов при работе над статьей выступили системный анализ и контент-анализ. С помощью системного анализа, в фокусе которого находились постоянные рубрики журнала и статьи, появлявшиеся спорадически, на первом этапе удалось выделить представлявшие особый интерес в 1907–1916 гг. аспекты кинематографа. Сравнение объема рубрик и их расположения в журнале, а также анализ их жанровой строгости позволили сделать выводы о значимости каждой из них. На втором этапе применение контент-анализа позволило выделить наиболее значимые провинциальные города с точки зрения развития кинематографа. Длина списка провинциальных городов, попадавших в новостные сводки «Сине-фоно», менявшаяся от года к году, понималась как показатель интереса к провинциальному кинематографу в целом. Частота упоминания городов внутри отдельных регионов была соотнесена с исторической внутренней региональной иерархией. На третьем этапе исследования в качестве смысловых единиц были выбраны тематические блоки рубрики «Провинция», подсчет которых и объединение в укрупненные темы позволили выявить наиболее значимые события в провинциальной кинематографии.

3. Обсуждение

Значение российских средств массовой информации (газет и журналов) в качестве источника по истории Российской империи подчеркивается в ряде современных исследований (см., например, исследования М.А. Колесник, Н.М. Лещинской и Д.С. Пчелкиной ([Колесник и др., 2021](#)), Н.П. Кошцевой, К.А. Дегтяренко, А.А. Шпак ([Кошцева и др., 2021](#)). Взаимобусловленность национальной идентичности и развития различных видов искусств подчеркивается в работе Н.П. Кошцевой, К.В. Резниковой и В.А. Разумовской ([Koptseva et al., 2018](#)). Эти два основания – возможность рассматривать газеты и журналы как исторический источник, с одной стороны, и понимание базовой роли различных искусств в формировании чувства сопринадлежности к нации, народу, различным социально-культурным группам, с другой стороны, позволяют обосновать выбор темы исследования – отражение кинематографического искусства Российской империи в провинциальных средствах массовой информации.

До 1940-х гг. вопросы зарождения и раннего развития отечественного кинопроизводства в Российской империи трактовались в определенном мировоззренческом ключе. Художественно-творческий опыт кинематографистов дореволюционного периода не был отражен в литературе, и не было никакой документации, которая систематизировала бы историю отечественного кино. Одним из пионеров русского кинематографа был А.А. Ханжонков; он занимался созданием мемуаров, которые частично были опубликованы в работе «Первые годы русской кинематографии. Воспоминания» ([Ханжонков, 1937](#)) с ценнейшими примечаниями и фильмографией.

Советский киновед В.Е. Вишневский одним из первых занялся изучением дореволюционного кинонаследия, поставив перед собой задачу сохранить для последующих поколений в печатном виде многолетний опыт первого пятидесятилетия российского киноискусства XX в. Он составил фильмографическое описание «Художественные фильмы дореволюционной России» ([Вишневский, 1945](#)), где отразил все наиболее яркое и значительное для киноискусства того времени. Позднее С.С. Гинзбург выступил автором ряда научных работ и книжных изданий по кинематографу дореволюционной России ([Гинзбург, 1963](#)). Он занимался не только описанием фильмов и анализом их идейного содержания, но и предпринимал попытки выяснить, как отражались на киноискусстве события политической борьбы, как господствующие вкусы отпечатывались на тематике и стиле картин отечественного производства и как деятели кино использовали опыт старших искусств – театра и литературы.

Крупнейший отечественный изобретатель в области кинотехники Е.М. Голдовский издал книгу «От немого кино к панорамному» ([Голдовский, 1961](#)), которая посвящена системам кинематографа, используемым при производстве и демонстрации фильмов различного жанра для кинотеатральной сети. Автор описывает путь развития советской кинотехники, принципы и технику панорамного, широкоэкранного и широкоформатного кинематографа, а также круговой кинопанорамы.

С начала XXI в. ученые продолжают изучать кинематограф Российской империи, кроме того, наблюдается рост интереса исследователей к проблеме регионального кинематографа в этот период. НИИ киноискусства ВГИК под руководством В.И. Фомина в рамках исполнения государственного контракта в 2012 г. сформировал отчет «История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат» ([Фомин, 2012](#)), в котором проведен историко-сравнительный анализ целого комплекса наиболее важных и содержательных источников, отражающих развитие всех звеньев киноотрасли в их взаимодействии. Этот отчет стал своего рода информационным банком данных и документов по истории отечественной кинематографии и ее практической деятельности, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современностью.

Исследователи рассматривают самые разные аспекты развития кинематографа в Российской империи. Е.А. Елисева обращается к вопросу традиции решения экранного пространства, выявляя два его направления – «натурное» и «созданное», которые способствуют формированию

определенного художественного образа и передаче его смысла (Елисеева, 2010). Насколько был успешен кинематограф Российской империи, а также историю международного сотрудничества в производстве кинофильмов, репертуары, способы воздействия на зрителей исследует М.И. Косинова (Косинова, 2013; 2015).

Н. Друбек, изучая данный период, выявляет две взаимосвязанные проблемы: зарождение русского кинематографа и природа возникновения киноцензуры. Анализируются примеры введения первоначального контроля над кино, коснувшегося не только иностранных фильмов, но и кинотехники, например, когда кинокамеры были не допущены в православный храм или когда были конфискованы кинокамеры с материалами, снятыми операторами компании «Люмьер» (Друбек, 2017).

М.А. Ростоцкая рассматривает роль конкретных личностей, который внесли значительный вклад в развитие кинематографа на ранних его этапах. Ею затрагиваются особенности кинематографа Якова Александровича Протазанова – кинорежиссера, сценариста и актера, который был глубоко укоренен в нравственную традицию русской культуры. Его кинокартины носили зрелищный характер и были популярны среди широкой зрительской аудитории (Ростоцкая, 2012). Еще одним ярким представителем российского кинематографа начала XX в. был Евгений Францевич Бауэр. Творчество этого выдающегося театрального художника, сценариста, режиссера немого кинематографа рассматривает М.А. Ростоцкая с нравственных позиций (Ростоцкая, 2011).

Р.Н. Каукина, изучая этапы становления русского кинематографа, показывает, как стремительно новое чудо технического прогресса превращается в феномен эстетической, общественной, научной и экономической жизни Российской империи (Каукина, 2014). Л.В. Преснякова исследует проблемы взаимоотношений кинематографа и церкви в России первого десятилетия XX в. и делает вывод, что Русская православная церковь скорее отрицательно относилась к кинематографу, характеризуя его как явление, отвлекающее общество от христианской веры (Преснякова, 2009).

Среди исследователей, изучающих региональный кинематограф Российской империи, необходимо отметить В.А. Ватолина, Н.Н. Белякова, Т.С. Аверячкина, А.О. Ковалову, Г.Г. Гиберта, М.В. Александрову, Т.Г. Кузьмину, Е.А. Юнину, В.И. Елина и др. А.О. Ковалова обращается к вопросу кинопроизводства в Петербурге–Петрограде 1907–1917 гг., описывает петербургские кинофирмы, фильмографию, работу кинотеатров, вопросы сценарирования (Ковалова, 2012; 2013). М.В. Александрова исследует деятельность ярославского кинопрокатчика и предпринимателя Г.И. Либкена, который основал ярославскую киностудию, функционировавшую в 1914–1917 гг. (Александрова, 2017). Т.Г. Кузьмина посвящает свое исследование начальному этапу истории кино в г. Минусинске (Кузьмина, 2016; Кузьмина, 2017). Взяв за основу ряд периодических изданий и документальные раритетные источники Российской империи, автор представляет ранее неизвестные фактологические данные. Особое внимание уделяется музыкальному сопровождению фильмов, выявляется тесная связь российского кинематографа с академической музыкальной культурой.

Е.А. Юнина изучает историю становления и процесс распространения стационарных кинематеатров в городах Тобольской губернии, работая с архивными документами и осуществляя анализ региональной периодики (Юнина, 2021). Особое внимание уделяется административно-институциональному аспекту открытия электротеатров. Организация сети кинотеатров была связана с работой муниципальных органов власти, губернских учреждений, служащих полиции. Их функционирование подвергалось систематическому контролю чиновников, которые руководствовались принятыми в империи техническими нормативно-правовыми актами. В.И. Елин рассматривает историю развития кинематографического искусства в Самаре в начале XX в. (Елин, 2021).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала «Сине-фоно»

«Сине-фоно» издавался в 1907–1918 гг. в Москве С.В. Лурье дважды в месяц (в 1907 г. – 1–2 раза в месяц). Миссия журнала обозначена С.В. Лурье в обращении редактора в первом номере, датированном 1 октября 1907 г., и состоит в обслуживании кинематографа как отрасли промышленности, достигшей «высшего развития». Журнал призван не только заинтересовать кинематографом даже тех, кто напрямую не связан с кинематографией, но и постоянно обозначать ориентиры в бурно развивающемся новом виде искусства.

В «Сине-фоно» достаточно много места уделялось рекламным кинематографического и звукового оборудования, афишам и аннотациям новых фильмов, причем количество рекламного материала увеличивалось с течением времени. Так, если в № 2 за 1907 г. совокупно рекламные материалы занимают 11 полос из 18 (еще одна – титульная с названием журнала и его содержанием) – 61 %, то в № 2 за 1911 г. – уже 45 из 62 (рекламной становится и титульная полоса) – 73 %, а в № 8 за 1916 г. – 128 из 162 – 79 %

Несмотря на значительную долю материалов коммерческого характера, «Сине-фоно» стал передовой площадкой для освещения кинематографа как важного феномена современной культуры. По составу материалов и рубрик можно судить о широком охвате различных аспектов кинематографа. Стабильно все номера журнала открывались словом редактора, поднимавшего наиболее

злободневные темы. Большое внимание уделялось техническим вопросам кинематографии, объясняемым подробно и скрупулезно, например в статьях «Трансформаторы и мотор-генераторы для синематографических проекционных ламп» (1908, № 6); «Преобразование переменного тока в постоянный, с весьма незначительной потерей, по системе американца Купер-Юита» (1909, № 4) и др. Технические вопросы рассматривались не только теоретически: с 1908 г. постоянными стали рубрики, содержащие практические советы, – «Практические указания для демонстраторов», «Среди механиков» и т.п.

Без выделения в отдельную рубрику в каждом номере «Сине-фоно» присутствовали материалы, посвященные различным аспектам кинематографа как феномена культуры либо поискам сходств и отличий кинематографа от других видов искусств: «Синематограф как развлечение» (1907, № 2), «Художественная театральная постановка и синематограф» (1907, № 3), «Влияние синематографа на зрение» (1908, № 6). «Сине-фоно» стал рупором кинематографистов в сфере политики и обратной связи с властями: в нем публиковались проекты уставов, соглашений и правил, регулирующих функционирование кинематографа в различных его составляющих – «Правила, соблюдение коих необходимо при устройстве и содержании театров-синематографов в гор. Москве» (1908, № 21), «Устав Всероссийского Синематографического Общества» (1909, № 23) и т.д.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют рубрики «Сине-фоно», содержащие материалы о состоянии провинциального кинематографа. В рассмотренных номерах журнала полностью отсутствуют рубрики с региональным содержанием (№ 1–2 1907 г. и № 4 в 1908 г.). В № 3 1907 г. появляются рубрики «Вести из городов» и «По театрам», с 1908 г. – объединенные в «По городам и театрам», а также рубрика «Программы», сохранившаяся на протяжении всего рассматриваемого времени. С 1909 г. к имеющимся добавляется большой раздел «Хроника», в котором выделяются три крупных рубрики – «Москва», «Петербург» и «Провинция». Внутри «Провинции» практически во всех рассмотренных номерах (кроме № 4–6 за 1909 г. и 7–9 за 1910 г.) присутствует разделение на темы, в то время как в рубрике «По городам и театрам» разделение происходит только по населенным пунктам.

Среди всех названных отличается жесткой жанровой спецификой только рубрика «Программы», представляющая собой перечень городов и демонстрируемых на момент выхода журнала в них фильмов. Материалы для данной рубрики предоставляли в редакцию сами прокатчики. Три другие названные рубрики содержательно пересекаются между собой, но, тем не менее, позволяют опираться на материалы, в них содержащиеся, в качестве исторических источников. Помимо содержательного пересечения, обращает на себя внимание расположение рубрик: зачастую между «Хроникой» и «По городам и театрам» присутствует разделение материалами рубрик «Из зарубежных журналов», «Письма в редакцию» и др. Разделение в подавляющем количестве номеров присутствует также и между рубриками «По городам и театрам» и «Программы».

Содержательные пересечения рубрик «Вести из городов», «По театрам», «Провинция», «По городам и театрам» и «Программы», их разбросанность по журналу, вероятно, указывают на то, что отношение к провинциальному кинематографу не было серьезным в издававшемся в Москве журнале. Столичные журналисты, кинематографисты не делали больших ставок на провинцию, развитие кинематографа в которой не шло уникальным путем, а скорее лишь отчасти копировало и то с опозданием столичные тенденции.

4.2. Анализ материалов о провинциальном кинематографе в «Сине-фоно»: наиболее значимые города

В рамках данного исследования в качестве значимых провинциальных городов в аспекте развития кинематографа принимались наиболее часто упоминаемые в региональных материалах «Сине-фоно» (за исключением рубрики «Программы»). Всего в проанализированных 29 номерах было упомянуто 146 оригинальных названий провинциальных населенных пунктов (учитывались только вошедшие в дальнейшим в состав РСФСР). Первые 10 мест по частоте встречаемости принадлежат следующим городам: Саратов (17 упоминаний); Вятка (15); Керчь (14); Пермь, Псков, Ростов-на-Дону, Сарапул (по 12); Красноярск, Нижний Новгород, Феодосия (по 11); Самара, Томск, Уфа (по 10); Воронеж, Казань, Симферополь (по 9); Вологда, Тула (по 8); Екатеринбург, Орел, Челябинск (по 7); Александровск, Владикавказ, Таганрог, Царицын (по 6). Наибольшее количество значимых для развития кинематографа провинциальных городов расположено, во-первых, на берегах Волги и ее притоках; во-вторых, в центральной части страны и в Крыму; в-третьих, в Сибири, на юге и северо-западе. В меньшей степени важными для развития кинематографа оказываются Урал, Кавказ, в то же время территории за Сибирью в перечень наиболее значимых городов не попали, хотя в «Сине-фоно» время от времени встречаются Владивосток и Хабаровск.

Интересным представляется обращение к динамике длины списка провинциальных населенных пунктов, оказывающихся на страницах «Сине-фоно». Так, в проанализированных номерах 1907 г. фигурировало только 9 оригинальных названий; в 1908 г. – 6; в 1909 г. – 35; в 1910 г. – 43; в 1911 г. – 62; в 1912 г. – 42; в 1913 г. – 42 г.; в 1914 г. – 56; в 1915 г. – 14; в 1916 г. – 18. Данная динамика, вероятно, свидетельствует о том, что в 1907–1908 гг. кинематограф еще только осваивал

территории за границами столичных городов, будучи одновременно дорогим по организации, но и потенциально крайне привлекательным для публики, а следовательно – рентабельным для владельцев. В 1909–1914-х гг. нетрудно заметить активное экстенсивное развитие – охват кинематографом все большего количества территорий. Спад количества упоминаний провинциальных городов в 1915–1916 гг. связан с событиями Первой мировой войны, начавшейся еще в 1914 г., влияние которой несколько с запозданием стало заметно в регионах.

Анализ частоты упоминаемости городов в «Сине-фоно» может быть рассмотрен через внутрорегиональную призму. В частности, можно сравнить, совпадает ли распределение губернских городов по значимости, зависящей от частоты упоминаемости в «Сине-фоно», с административно-территориальной иерархией. Для примера можно остановиться на Енисейской губернии, частота упоминаний городов которой выглядит следующим образом: Енисейск – 1 (1912); Канск – 1 (1914); Красноярск – 2 (1909), 1 (1910), 2 (1911), 2 (1912), 1 (1913), 1 (1914), 2 (1915). Приведенное распределение свидетельствует о том, что кинематографическая жизнь в Красноярске была несравненно более активной, чем в столице губернии, что является свидетельством упадка Енисейска и возвышения роли Красноярска в начале XX в., обусловленных как экономическими, так и политическими причинами.

4.3. Анализ материалов о провинциальном кинематографе в «Сине-фоно»: наиболее значимые темы

Далее внимание будет сосредоточено на анализе и систематизации тематических блоков рубрики «Провинция», что позволит обнаружить основные наиболее значимые сферы культуры, связанные с провинциальным кинематографом 1907–1916 гг. Дальнейший анализ будет сосредоточен исключительно на названиях подрубрик внутри «Провинции», на количество упомянутых городов в той или иной из них, а также на принадлежность их к будущему РСФСР внимание обращать не будет.

Анализ названий подрубрик «Провинции» позволяет сразу же отметить, что, во-первых, среди них присутствуют как постоянные, например «Новые театры», «Разное» и др.; так и встречающиеся единично, например «Бенефис механика» (1911, № 3), «Военный кинематограф» (1913, № 2), «Кино-артель» (1913, № 1), «Просьба буфетчиков» (1914, № 7), «Скандал из-за шляпы» (1910, № 3) и др. Во-вторых, подрубрики, встречающиеся периодически, могут быть объединены в более крупные общие темы, к которым можно отнести и единичные новости. В-третьих, одной из популярнейших является подрубрика «Разное», в которую помещаются новости о провинциальном кинематографе, не подошедшие ни под одно из содержательных названий подрубрик, с одной стороны, и недостаточно интересные, чтобы для них была выделена отдельная подрубрика, с другой стороны. Фактически рубрика «По городам и театрам» представляет собой укрупненную подрубрику «Разное», с тем отличием, что в «По городам и театрам» даже не предпринимаются попытки систематизации новостей, хотя очевидно, что многие из них подходят под содержательные подрубрики «Провинции».

Наиболее частой по упоминаемости является тема, связанная с открытием, закрытием кинотеатров, сезонов и т.п., иначе – общие вопросы функционирования кинотеатров. В рассматриваемых номерах подрубрики, относимые к этой теме, встречаются 89 раз, в том числе «Новые театры» (в 41 номере), «Закрывшиеся театры» (в 15 номерах), «Проектируемые театры» (в 4), «Летний сезон» (в 3) и др. 2-е место по частоте встречаемости (35 раз) занимает тема просвещения, организуемого посредством кинематографа в провинции. Сюда относятся следующие подрубрики: «Разумный синематограф» (в 16 номерах), «Синематограф и учащиеся» (в 8), «Синематограф в школе» (в 4), «Научный синематограф» (в 3) и др. 3-е место – 33 раза – у темы чрезвычайных происшествий, как правило пожаров, случившихся от возгорания пленки: «Пожары» (в 26 номерах), «Вспыхнувшая лента» (в 2), «Смерть от ожогов» (в 1 номере) и др.

4-е место – 27 раз – политические действия в отношении кинематографа: «Действия администрации» (в 26 номерах), «Обязательные постановления» (в 1 номере), «Правила открытия синематографов» (в 1) и др. 5-е место – 23 раза – запреты: «Цензура» (в 11 номерах), «Запрещения аттракционных номеров» (в 3), «Запрещение посещать синематографы» (в 1), «Запрещение картины голода» (в 1 номере) и др. 6-е место – 19 раз – благотворительность: «Бесплатные сеансы» (в 8 номерах), «Благотворительные сеансы» (в 3), «Кинематографические сеансы для детей и нижних чинов» (в 1), «В пользу пострадавших от землетрясения» (в 1) и др. 7-е место – 10 раз – отражение актуальных событий: «В пользу голодающих» (в 3 номерах), «Отголосок землетрясения» (в 1), «На борьбу с чахоткой» (в 1), «Развлечения раненых» (в 1) и др.

На 8-м месте (по 9 раз) две темы – религиозные вопросы: «Синематографы накануне Успения» (в 1-м номере), «Синематограф на 4-ю неделю Великого поста» (в 1-м), «Синематограф рядом с церковью» (в 1-м), «Духовенство и иллюзии» (в 1-м); и преступность: «Кража кинематографических фильмов» (в 1-м номере), «Подложное получение кинематографических картин» (в 1-м), «В судах» (в 1-м), «Злоупотребления благотворительными марками» (в 1-м) и др. 9-е место – 6 раз – сельский кинематограф: «Земский синематограф» (в 2 номерах), «Кинематограф в деревне» (в 2), «Кинематограф в уезде» (в 1), «Синематограф в селе» (в 1). 10-е место – 4 раза – важные даты советской истории: «19 февраля и синематограф» (в 1-м номере), «Синематограф и торжество 19 февраля» (в 1-м), «19 февраля» (в 1-м), «К 1913 году» (в 1-м). Интересно, что тема

религиозных праздников оказывается в рассматриваемый период более тесно связанной с кинематографом, чем торжеств, связанных со становлением нового советского государства.

Очевидно, что темы «Политические действия в отношении кинематографа» и «Запреты», занявшие 4-е и 5-е места соответственно, могут быть объединены, поскольку запреты, цензура являются вариантами политических действий. В таком случае эта укрупненная группа, встречающаяся в проанализированных номерах суммарно 50 раз, перемещается на 2-е место, и последовательность наиболее значимых новостных тем из сферы провинциальной кинематографии выглядят следующим образом: общие вопросы функционирования кинотеатров; политические действия в отношении кинематографа; просвещение; чрезвычайные ситуации; благотворительность.

5. Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало крайнюю важность журнала «Сине-фоно» для осмысления становления и развития отечественного кинематографа на ранних этапах, поскольку в его материалах представлены дискуссии о функциях кинематографа, его технических особенностях, о взаимодействии кинематографа с властями и в целом – о кинематографе как феномене. Анализ материалов, посвященных провинциальному кинематографу, позволил обнаружить, что от него не ждали уникальных путей развития, внимание ему уделялось по остаточному принципу.

Анализ региональных материалов «Сине-фоно» позволил выделить 3 основных периода развития провинциального кинематографа в 1907–1916 гг.: в 1907–1908 гг. кинематограф осваивал территории за границами столичных городов; в 1909–1914-х гг. – активное экстенсивное развитие; спад количества упоминаний провинциальных городов в 1915–1916 гг. связан с событиями Первой мировой войны. Наибольшее количество значимых для кинематографа провинциальных городов располагалось в 1907–1916 гг. на берегах Волги и ее притоках; в центральной части страны и в Крыму; в Сибири, на юге и северо-западе.

Проведенное исследование позволило обнаружить, что провинциальный кинематограф в 1907–1916 гг. оказался крайне зависимым от политических сил: одни из наиболее значимых тем связаны с действиями местных администраций и с цензурой, запретами и прочими рамками, налагаемыми на кинематограф; в рассмотренный период кинематограф в регионах понимался как мощное средство просвещения; в силу своих технических особенностей в 1907–1916 гг. кинематограф представлял собой пожароопасное времяпрепровождение.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001

Литература

Аверячкина, 2009 – Аверячкина Т.С. Искусство кино в Забайкалье (по материалам забайкальской дореволюционной периодической печати // Наука и предпринимательство / Сборник научных статей преподавателей и аспирантов. Чита. 2009. С. 5-14.

Александров, 2020 – Александров Е.В. Естествоиспытатели и научный кинематограф России в предреволюционный период (научный отдел фирмы А.А. Ханжонкова) // *Жизнь Земли*. 2020. Т. 42. № 3. С. 355-368.

Александрова, 2017 – Александрова М.В. Пограничность творчества в провинции: Григорий Либкен и первые опыты ярославского кинематографа // *Ярославский педагогический вестник*. 2017. № 6. С. 309-313.

Алексеева, 2004 – Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Казан. гос. ун-т культуры и искусств. Казань, 2004.

Белякова, 2008 – Белякова Н.Н. Кинематограф в дореволюционном Иркутске (1897–1917) // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2008. № 49. С. 6-9.

Ватолин, 1998 – Ватолин В.А. Кинематограф в дореволюционной Сибири (история, место в жизни современников) (начало XX в.) // *Музей и общество на пороге XXI в.* Омск. 1998. С. 109-111.

Ватолин, 2002 – Ватолин В.А. Синема в Сибири: Очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917) // *Киноведческие записки*. 2002. № 61. С. 359-379.

Вишневский, 1945 – Вишневский В.Е. Художественные фильмы дореволюционной России. М.: Госкиноиздат, 1945. 192 с.

Гиберт и др., 2016 – Гиберт Г.Г., Ныркова Д.А. Кавказ в дореволюционном документальном кино // *Наследие веков*. 2016. № 1 (5). С. 70-74.

Гинзбург, 2007 – Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М.: Аграф. 2007.

Голдовский, 1962 – Голдовский Е.М. От немого кино к панорамному. М.: Издательство Академии наук СССР. 1962. 149 с.

Гращенкова и др., 2012 – Гращенкова И.Н., Зиборова О.П., Косинова М.Р., Фомин В.И. История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат. М.: Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова. 2012. 2759 с.

Друбек, 2017 – Друбек Н. Рождение кино в Российской Империи и киноцензура // *Вестник ВГИК*. 2017. № 4 (34). С. 8-21.

Елин, 2021 – Елин В.И. Самарские театры и кинематограф в дореволюционный период // XXXVII зональная конференция литературоведов Поволжья / *Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Самара. 2021. С. 284-289.

Елисеева, 2010 – Елисеева Е.А. «Натурное» и «Созданное» экранное пространство эпохи дореволюционного кино в России // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2010. № 6 (38). С. 212-218.

Иващенко, 2013 – Иващенко А.В. Начало научно-просветительского кинематографа в дореволюционной Самаре // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы / *Материалы II Всероссийского научно-методологического семинара*. Самара, 2013. С. 75-80.

Каукина, 2014 – Каукина Р.Н. Становление кинематографа в дореволюционной России (1896–1917 гг.) // *Гуманитарные науки и образование*. 2014. № 1 (17). С. 125-128.

Ковалова, 2012 – Ковалова А.О. Кинематограф в Петербурге (1907–1917). Кинопроизводство и фильмография. Энциклопедический отдел ИФИ Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2012.

Ковалова, 2013 – Ковалова А.О. Сценарий в русском кино 1910–1920-х годов: к истории вопроса // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2013. № 3. С. 33-47.

Косинова, 2013 – Косинова М.И. Кинопрокат и кинофикация в дореволюционной России (1896–1907) // *Вестник ВГИК*. 2013. № 17. С. 6-21.

Косинова, 2015 – Косинова М.И. Становление и развитие международных отношений в русской дореволюционной кинематографии // *Мировая политика*. 2015. № 1. С. 225-235.

Косых, 1988 – Косых Е.Н. Кинематограф дореволюционного Томска (1908 – октябрь 1917 гг.) // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 73-80;

Кузьмина, 2016 – Кузьмина Т.Г. Музыка и музыканты в дореволюционном кинематографе Минусинска // *Союз искусства и науки / Материалы Международной научной конференции*. Красноярск: Красноярский государственный институт искусств, 2016. С. 95-99.

Кузьмина, 2017 – Кузьмина Т.Г. Неизвестные страницы в истории дореволюционного кинематографа в Минусинске // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7. № 1А. С. 556-562.

Лумпова, 2020 – Лумпова М.А. Становление феномена киноэкранизации (на примере дореволюционного кинематографа России) // *Диалоги о культуре и искусстве / Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. Пермь, 2020. С. 351-359.

Миронов, 2013 – Миронов Г.А. Развитие кинодела в Среднем Поволжье в 1890–1930 гг.: историография проблемы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12–2 (38). С. 137-141.

Преснякова, 2009 – Преснякова Л.В. Церковь и кинематограф в дореволюционной России // *Религиоведение*. 2009. № 3. С. 148-155.

Ростоцкая, 2011 – Ростоцкая М.А. Нравственные аспекты русского дореволюционного кинематографа. Евгений Бауэр // *Вестник ВГИК*. 2011. № 10. С. 8-17.

Ростоцкая, 2012 – Ростоцкая М.А. Нравственные аспекты русского дореволюционного кинематографа. Яков Протазанов // *Вестник ВГИК*. 2012. № 11. С. 6-15.

Русина, 2019 – Русина Ю.А. История советского кино. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 104 с.

Ханжонков, 1937 – Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. Воспоминания. М.-Л.: Государственное издательство «Искусство», 1937. 178 с.

Червяков, 2011 – Червяков С.Ю. Из опыта дореволюционной художественной культуры: кинематограф в Екатеринбурге конца XIX – начала XX вв. // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации / *Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета*. 2011. С. 267-270.

Юнина, 2021 – Юнина Е.А. Процесс распространения и условия открытия стационарных кинотеатров в городах Тобольской губернии в начале XX века // *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 451-471.

Koptseva et al., 2018 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Razumovskaya, V.A. The construction of cultural and religious identities in the temple architecture // *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*. 2018. 11(7): 1021-1081.

Kolesnik et al., 2021 – Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Pchelkina D.S. "Yenisei Diocesan Gazette" as a source on the history of the peoples of the north of the Yenisei province of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 889-897.

Koptseva et al., 2021 – *Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A.* (2021). The Journal "Nature and People" (1910) as a Source on the History of the Peoples of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.

References

Aleksandrova, 2017 – *Aleksandrova, M.V.* (2017). Pograničnost' tvorčestva v provincii: Grigorij Libken i pervye opyty yaroslavskogo kinematografa [Boundedness of creativity in the province: Grigory Libken and the first experiments of Yaroslavl cinematography]. *Yaroslavsky pedagogichesky vestnik*. 6: 309-313. [in Russian]

Alekseeva, 2004 – *Alekseeva, E.P.* (2004). Razvitie i stanovlenie kinematografa v Kazani i Kazanskoj gubernii (1897–1917 gg.) [Development and formation of cinematography in Kazan and the Kazan Province (1897–1917)]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Kazan. gos. un-t kul'tury i iskusstv. Kazan'. [in Russian]

Alexandrov, 2020 – *Alexandrov, E.V.* (2020). Estestvoispytateli i nauchnyj kinematograf Rossii v predrevolyucionnyj period (nauchnyj otdel firmy A.A. Hanzhonkova) [Naturalists and scientific cinematography in Russia in the pre-revolutionary period (A.A. Khanzhonkov's scientific department)]. *Zhizn' Zemli*. 42(3): 355-368. [in Russian]

Averyachkina, 2009 – *Averyachkina, T.S.* (2009). Iskusstvo kino v Zabajkal'e (po materialam zabajkal'skoj dorevolucionnoj periodicheskoj pečati) [Art of cinema in Transbaikalia (on materials of Transbaikalian pre-revolutionary periodicals)]. *Nauka i predprinimatel'stvo*. Chita, Pp. 5-14. [in Russian]

Belyakova, 2008 – *Belyakova, N.N.* (2008). Kinematograf v dorevolucionnom Irkutske (1897 – 1917) [Cinematography in pre-revolutionary Irkutsk (1897 – 1917)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 49: 6-9. [in Russian]

Chervyakov, 2011 – *Chervyakov, S.Y.* (2011). Iz opyta dorevolucionnoj hudozhestvennoj kul'tury: kinematograf v Ekaterinburge konca XIX – nachala XX vv. [From the experience of pre-revolutionary artistic culture: cinematography in Yekaterinburg in the late 19th – early 20th centuries]. 20 let postsovetskoj Rossii: krizisnye yavleniya i mekhanizmy modernizacii. *Materialy XIV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Gumanitarnogo universiteta*. Ekaterinburg, pp. 267-270. [in Russian]

Droubek, 2017 – *Droubek, N.* (2017). Rozhdenie kino v Rossijskoj Imperii i kinocenzura [The birth of cinema in the Russian Empire and censorship]. *Vestnik Vserossijskogo gosudarstvennogo universiteta kinematografii*. 4 (34): 8-21. [in Russian]

Eliseeva, 2010 – *Eliseeva, E.A.* (2010). "Naturnoe" i "Sozdannoe" ekrannoje prostranstvo epohi dorevolucionnogo kino v Rossii ["Natural" and "Created" screen space of pre-revolutionary cinema era in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvu*. 6(38): 212-218. [in Russian]

Gibert et al, 2016 – *Gibert, G.G., Nyrkova, D.A.* (2016). Kavkaz v dorevolucionnom dokumental'nom kino [The Caucasus in pre-revolutionary documentary cinema]. *Nasledie vekov*. 1(5): 70-74. [in Russian]

Ginzburg, 2007 – *Ginzburg, S.S.* (2007). Kinematografiya dorevolucionnoi Rossii [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Agraf. [in Russian]

Goldovsky, 1962 – *Goldovsky, E.M.* (1962). Ot nemogo kino k panoramnomu [From silent cinema to panoramic cinema]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 149 p. [in Russian]

Grashchenkova et al., 2012 – *Grashchenkova, I.N., Ziborova, O.P., Kosinova, M.R., Fomin, V.I.* (2012). Istorija kinootrasli v Rossii: upravlenie, kinoproizvodstvo, prokat [History of the film industry in Russia: management, film production, distribution]. Moscow: All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov, 2759 p. [in Russian]

Ivashchenko, 2013 – *Ivashchenko, A.V.* (2013). Nachalo nauchno-prosvetitel'skogo kinematografa v dorevolucionnoj Samare [The beginning of scientific and educational cinematography in pre-revolutionary Samara]. *Kul'turno-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e: problemy i perspektivy. Materialy II Vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminar*. Samara, pp. 75-80. [in Russian]

Kaukina, 2014 – *Kaukina, R.N.* (2014). Stanovlenie kinematografa v dorevolucionnoj Rossii (1896–1917 gg.) [Formation of cinematography in pre-revolutionary Russia (1896–1917)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 1(17): 125-128. [in Russian]

Khanzhonkov, 1937 – *Khanzhonkov, A.A.* (1937). Pervye gody russkoj kinematografii. Vospominaniya [The first years of Russian cinematography. Memories]. Moscow–Leningrad: The State Publishing House "Art". 178 p. [in Russian]

Kolesnik et al., 2021 – *Kolesnik, M.A., Leshchinskaya, N.M., Pchelkina, D.S.* (2021). "Yenisei Diocesan Gazette" as a source on the history of the peoples of the north of the Yenisei province of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(2): 889-897.

Koptseva et al., 2018 – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A.* (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*. 11(7): 1021-1081.

Koptseva et al., 2021 – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A.* (2021). The Journal "Nature and People" (1910) as a Source on the History of the Peoples of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.

- Kosinova, 2013** – *Kosinova, M.I.* (2013). Kinoprokat i kinofikaciya v dorevolucionnoj Rossii (1896–1907) [Film distribution and cinematography in pre-revolutionary Russia (1896–1907)]. *Vestnik Vserossijskogo gosudarstvennogo universiteta kinematografii*. 17: 6-21. [in Russian]
- Kosinova, 2015** – *Kosinova, M.I.* (2015). Stanovlenie i razvitie mezhdunarodnyh otnoshenij v russkoj dorevolucionnoj kinematografii [Formation and development of international relations in the Russian pre-revolutionary cinema]. *Mirovaya politika*. 1: 225-235. [in Russian]
- Kosykh, 1988** – *Kosykh, E.N.* (1988). Kinematograf dorevolucionnogo Tomsk (1908 – oktyabr' 1917 gg.) [Cinematography of pre-revolutionary Tomsk (1908 – October 1917)]. From the history of the Tomsk region. Tomsk, pp. 73-80. [in Russian]
- Kovalova, 2012** – *Kovalova, A.O.* (2012). Kinematograf v Peterburge (1907–1917). Kinoproizvodstvo i fil'mografiya. Enciklopedicheskij otdel IFI Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. [Cinematography in St. Petersburg (1907–1917). Film production and filmography. Encyclopedic Department of the IPhI of St. Petersburg State University]. St. Petersburg. [in Russian]
- Kovalova, 2013** – *Kovalova, A.O.* (2013). Scenarij v russkom kino 1910–1920-h godov: k istorii voprosa [Screenplay in Russian cinema in 1910-1920s: to the history of the question]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*. 3: 33-47. [in Russian]
- Kuzmina, 2016** – *Kuzmina, T.G.* (2016). Muzyka i muzykanty v dorevolucionnom kinematografe Minusinska [Music and musicians in the pre-revolutionary cinematography of Minusinsk]. Soyuz iskusstva i nauki. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi institut iskusstv, pp. 95-99. [in Russian]
- Kuzmina, 2017** – *Kuzmina, T.G.* (2017). Neizvestnye stranicy v istorii dorevolucionnogo kinematografa v Minusinske [Unknown pages in the history of pre-revolutionary cinema in Minusinsk]. *Kul'tura i civilizaciya*. 7(1a): 556-562. [in Russian]
- Lumpova, 2020** – *Lumpova, M.A.* (2020). Stanovlenie fenomena kinoekranizacii (na primere dorevolucionnogo kinematografa Rossii) [Formation of the phenomenon of film screening (on the example of pre-revolutionary cinematography in Russia)]. *Dialogi o kul'ture i iskusstve. Materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem)*. Perm, pp. 351-359. [in Russian]
- Mironov, 2013** – *Mironov, G.A.* (2013). Razvitie kinodela v Srednem Povolzh'e v 1890-1930 gg.: istoriografiya problemy [Development of cinema in the Middle Volga region in 1890–1930: historiography of the problem]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12–2 (38): 137-141. [in Russian]
- Presnyakova, 2009** – *Presnyakova, L.V.* (2009). Tserkov' i kinematograf v dorevolucionnoj Rossii [Church and Cinematography in Pre-Revolutionary Russia]. *Religiovedenie*. 3: 148-155. [in Russian]
- Rostotskaya, 2011** – *Rostotskaya, M.A.* (2011). Nravstvennye aspekty russkogo dorevolucionnogo kinematografa. Evgenij Baue [Moral aspects of Russian pre-revolutionary cinema. Evgeny Bauer]. *Vestnik Vserossijskogo gosudarstvennogo universiteta kinematografii*. 10: 8-17. [in Russian]
- Rostotskaya, 2012** – *Rostotskaya, M.A.* (2012). Nravstvennye aspekty russkogo dorevolucionnogo kinematografa. Yakov Protazanov [Moral aspects of Russian pre-revolutionary cinema. Yakov Protazanov]. *Vestnik Vserossijskogo gosudarstvennogo universiteta kinematografii*. 11: 6-15. [in Russian]
- Rusina, 2019** – *Rusina, Yu.A.* (2019) Istoriya sovetskogo kino [History of Soviet cinema]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 104 p. [in Russian]
- Vatolin, 1998** – *Vatolin, V.A.* (1998). Kinematograf v dorevolucionnoj Sibiri (istoriya, mesto v zhizni sovremennikov) (nachalo XX v.) [Cinematography in pre-revolutionary Siberia (history, place in the life of contemporaries) (early XX century)]. Muzej i obshchestvo na poroge XXI v. Omsk, pp. 109-111. [in Russian]
- Vatolin, 2002** – *Vatolin, V.A.* (2002). Sinema v Sibiri: Ocherki istorii rannego sibirskogo kino (1896-1917) [Cinema in Siberia: Essays on the history of early Siberian cinema (1896-1917)]. *Kinovedcheskie zapiski*. 61: 359-379. [in Russian]
- Vishnevsky, 1945** – *Vishnevsky, V.E.* (1945). Hudozhestvennye fil'my dorevolucionnoj Rossii [Art films of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Goskinoizdat. 192 p. [in Russian]
- Elin, 2021** – *Yelin, V.I.* (2021). Samarskie teatry i kinematograf v dorevolucionnyj period [Samara theaters and cinematography in the pre-revolutionary period]. XXXVII zonal'naya konferenciya literaturovedov Povolzh'ya. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Samara, pp. 284-289. [in Russian]
- Yunina, 2021** – *Yunina, E.A.* (2021) Process rasprostraneniya i usloviya otkrytiya stacionarnykh kinoteatrov v gorodah Tobol'skoj gubernii v nachale XX veka [Process of distribution and conditions of opening of stationary cinemas in the Tobolsk Province towns at the beginning of XX century]. *Nauchnyj dialog*. 1: 451-471. [in Russian]

**Журнал «Сине-фоно» как исторический источник:
отечественный провинциальный кинематограф в 1907–1916 гг.**

Наталья Петровна Копцева^{а, *}, Ксения Вячеславовна Резникова^а, Юлия Николаевна Менжуренко^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются возможности материалов журнала «Сине-фоно» выступать в качестве исторических источников по вопросу развития отечественного кинематографа времени его становления. Выявлены представляющие наибольший интерес для потенциальных исследователей дискуссии, разворачивающиеся на его страницах: о феномене кинематографа, о его взаимоотношениях с властью, об отражении в развитии кинематографа основных актуальных событий и др. Обнаружено, что от провинциального кинематографа не ждали уникальных путей развития, внимание ему уделялось по остаточному принципу. Анализ материалов журнала «Сине-фоно» позволил выделить в 1907–1916 гг. три периода в становлении провинциального кинематографа (1907–1908 гг. кинематограф осваивал территории за границами столичных городов; в 1909–1914-х гг. – активное экстенсивное развитие; спад количества упоминаний провинциальных городов в 1915–1916 гг. связан с событиями Первой мировой войны) и проанализировать регионы в зависимости от уровня развития кинематографии. Установлены наиболее значимые темы в развитии провинциального кинематографа: это общие вопросы функционирования кинотеатров, политические действия в отношении кинематографа, просвещение, чрезвычайные ситуации, благотворительность.

Ключевые слова: журнал «Сине-фоно», провинциальный кинематограф, 1907 год, просвещение, Саратов.

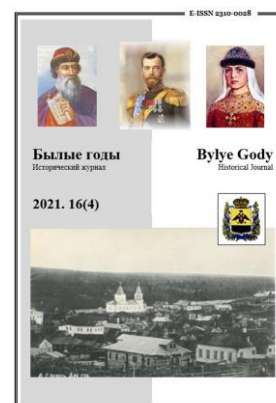
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2053-2062
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2053

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Crafts and Hiring for Agricultural Work of Settlers of the Tomsk Province According to the Results of an Economic Survey Conducted Under the Leadership of V.Ya. Nagnibeda in 1911–1912

Dmitry N. Belyanin ^{a, *}, Viktor N. Razgon ^b, Anton V. Razgon ^c

^aT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russian Federation

^bAltai state University, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article, based on the analysis of the materials of the statistical survey of settlement farms conducted in 1911–1912 under the leadership of the head of the statistical department of the Tomsk resettlement district V. Ya. Nagnibeda, determines the comparative prevalence of various types of crafts among migrants who settled in different geographical zones of the Tomsk province. The relationship between the level of involvement of migrants in crafts and hiring for agricultural work and the duration of their residence in the province is also studied.

The specialization of the crafts of the migrants who settled in various natural and geographical zones of the Tomsk province was determined by differences in the provision of natural resources and the level of development of socio-economic infrastructure in the places of settlement, the zonal specialization of agricultural production.

Hiring for agricultural work was the main economic activity of the settlers outside of agricultural pursuits on their farms. New settlers were most actively involved in this type of economic activity, in groups of migrants with a duration of residence in the places of the new settlement for more than 8 years, the number of settlers living by selling their labor was significantly reduced. The significantly lower prevalence among colonists of some extractive industries (fishing, beekeeping) than among old-timers reflected the incompleteness of the process of their adaptation to the new natural environment.

Keywords: crafts, migration, peasantry, village, hire work, Stolypin resettlement policy, adaptation, V.Ya. Nagnibeda, Siberia, Tomsk province.

1. Введение

Массовые крестьянские переселения конца XIX – начала XX вв. являются важнейшим этапом освоения Сибири, поэтому уже почти 100 лет миграции этого периода привлекают внимание исследователей. Основной акцент в своих работах историки делают на освещении аграрного аспекта крестьянской колонизации, так как абсолютное большинство крестьян-мигрантов переселялись в Сибирь с целью увеличения своего землепользования, расширения посевов, покосов и пастбищ, увеличения поголовья скота и пр. Однако в числе переселенцев были и крестьяне, в хозяйствах которых значительным или даже основным источником доходов были промыслы. Например, из центрально-черноземных губерний Европейской России в Сибирь переселялись шерстобиты и шубники, из лесных нечерноземных губерний – столяры, бондари, колесники, дужники и т.д. (Соловьева, 1981: 80).

* Corresponding author

E-mail addresses: bdn73@list.ru (D.N. Belyanin)

Изучение вопроса о формах, масштабах и территориальной распространенности промыслов крестьян-переселенцев позволит сформировать более полное представление об истории крестьянских переселений в Сибирь.

2. Материалы и методы

Источниковую основу данной статьи составляют материалы экономического обследования переселенческих хозяйств, произведенного в 1911–1912 гг. в Томской губернии под руководством заведующего статистическим отделом Томского переселенческого района В.Я. Нагнибеды. Обследование охватило 291 переселенческий поселок, располагавшийся в четырех природно-географических зонах Томской губернии: степной, лесостепной, переходной от тайги к лесостепи и таежной. В целом было обследовано 20 % семей переселенцев от числа всех водворившихся в Томской губернии к 1 января 1911 г. Подворные сведения собирались статистиками в каждом исследуемом поселке посредством личного опроса домохозяев.

В начале XX в. российскими статистиками при проведении экономических обследований переселенцев нередко использовался типологический метод, предполагавший выбор для наблюдения единичных явлений, считавшихся типичными. В.Я. Нагнибеда, признавая определенные недостатки такого метода, отказался от обследования «типичных» переселенческих поселков и использовал выборочный метод, суть которого состояла в выборе исследуемых переселенческих поселков путем механического (случайного) отбора в расчете, что при случайном, но достаточно большом числе наблюдаемых случаев, взятых в определенном соотношении, неизбежно будут встречены как крайние, так и средние случаи, которые, суммируясь, наиболее точно приблизят результаты исследования к действительно средним величинам.

Все обследованные переселенческие хозяйства были разбиты на пять групп в зависимости от времени водворения: I – поселившиеся менее 3 лет назад (1909–1910 гг.), II – поселившиеся 3 года назад (1908 г.), III – поселившиеся 4–7 лет назад (1904–1907 гг.), IV – поселившиеся 8–18 лет назад (1893–1903 гг.) и V – поселившиеся свыше 18 лет назад (ранее 1893 г.). Абсолютное большинство обследованных хозяйств (14 477, или 78,3 %) принадлежало новоселам периода столыпинских переселений и относилось к числу «молодых», не до конца прошедших адаптацию на новых местах проживания (*Сборник..., вып. I, 1913: I–XIX*). Разделение массы переселенцев на группы с учетом срока их проживания на новых местах поселения позволило представить объективную картину экономического положения переселенцев. Собранные В.Я. Нагнибедой материалы обладают достаточной степенью репрезентативности.

Статистическое обследование переселенцев, проведенное под руководством В.Я. Нагнибеды, помимо собственно добывающих и обрабатывающих промысловых занятий, отнесло к промысловикам также сельскохозяйственных рабочих (сроковых, поденных и сдельных), пастухов, работников на железнодорожном и речном транспорте, шахтеров и крестьян, добывавших соль, глину, известь и пр. Также программой обследования к промысловым были отнесены крестьянские занятия, связанные с торговлей, «доходами с капитала» (сдача в аренду помещений, земли, сельскохозяйственных машин и пр.), с общественной, частной и государственной службой.

Следует заметить, что ряд профессий, квалифицировавшихся как промысловые в начале XX в., сейчас таковыми считаться не могут. В современном мире вряд ли были бы отнесены к промыслам, например, государственная, общественная или частная служба, работа на железнодорожном транспорте, а также принадлежность к таким социальным группам, как пенсионеры, нищие и ряд других. Однако при работе с материалами обследования все профессии, считавшиеся промысловыми в начале XX в., нами также отнесены к промысловым в соответствии с представлениями того времени.

При работе со статистическим материалом, собранным под руководством В.Я. Нагнибеды, нами были использованы аналитический, историко-сравнительный, системно-структурный и статистические методы исследования, которые позволили проанализировать и систематизировать количественные показатели, необходимые для определения степени распространенности различных видов промыслов среди переселенцев, водворявшихся в разные природно-географические зоны Томской губернии, и установления зависимости между масштабами вовлеченности переселенцев в отдельные промыслы и временем их проживания на территории губернии.

3. Обсуждение

Материалы экономического обследования переселенческих хозяйств, собранные под руководством В.Я. Нагнибеды, давно введены в научный оборот и до сих пор нередко используются историками в качестве источника для изучения аграрных миграций в Сибирь. Правда, в основном они привлекаются для изучения сельскохозяйственной деятельности переселенцев: динамики роста посевных площадей (*Дорохов и др., 2019: 286–290*), изменения поголовья скота, обеспеченности сельскохозяйственным инвентарем (*Белянин, 2003: 16–290*) и пр. Вопрос же о промысловой деятельности переселенцев находится в тени исследовательского интереса. Фактически материалы, собранные В.Я. Нагнибедой, как источник по промысловой деятельности переселенцев использовались в очень немногих работах сибирских историков (см., например, *Разгон и др., 2013: 256*).

Отчасти это объясняется тем, что сама проблема промысловой деятельности переселенцев нечасто привлекала внимание исследователей. В советский период эта тема в общих чертах затрагивалась в нескольких фундаментальных трудах (*История Сибири...*, 1968: 31-34; *Крестьянство Сибири...*, 1983: 79-90), а также была предметом отдельных специальных исследований. Причины промыслового переселения в Сибирь изучались В.Н. Большаковым (*Большаков*, 1978: 94-112), обрабатывающие промыслы в сибирской деревне исследовались Г.А. Бочановой (*Бочанова*, 1978) и Е.А. Соловьевой (*Соловьева*, 1981). Занятость сибирского населения в добывающей промышленности, формы организации промыслов, формирование трудовых традиций в промысловой деятельности, связь промыслов с рынком рассматривались в работах З.П. Горьковской, В.П. Зиновьева, Е.Л. Изергиной (*Горьковская*, 1981; *Зиновьев*, 1991; *Изергина*, 1985).

Проблема промысловой деятельности переселенцев изучалась в трудах ряда историков и в постсоветский период (*Мамонтова*, 2012; *Гилько*, 2013; *Разгон и др.*, 2021). Также следует упомянуть статью В.О. Карташовой, в которой был рассмотрен вопрос о поддержке промыслов ведомством Переселенческого управления (*Карташова*, 2018).

В целом, вопрос о промысловой деятельности переселенцев, хотя и получил освещение в ряде трудов историков, исследован далеко не полностью. Недостаточная изученность промысловой деятельности переселенцев в Сибири обуславливает необходимость дальнейшей разработки этой темы.

4. Результаты

Сведения о промыслах крестьян-переселенцев Томской губернии, собранные под руководством В.Я. Нагнибеды, представлены в *Таблице 1*. При ее составлении мы объединили в одну графу близкие по смыслу показания опрошенных переселенцев. Например, «дроворезы», «дровосеки» и «дровяной промысел» нами отнесены к категории «заготовка и продажа дров», а в категории «заготовка и продажа строевого леса» нами учтены такие показания, как «грузчики леса», «грузка леса», «возка леса» и «работы на плотбище». К разделу «добыча минеральных ресурсов» мы отнесли не только шахтеров и приисковых рабочих, но и тех, кто был занят в добыче извести, соли, глины и пр. К категории «прочие» отнесены такие промыслы, доля которых была совсем незначительна в общей массе показаний, например «кровельщики», «стекольщики», «мыловары», «шорники», «тележники» и пр. Ответы опрошенных, не содержащие названия промыслового занятия (из-за опасения возможного увеличения налогов, нелегального характера ведения промысла или его криминальности), сгруппированы нами в отдельную графу «неопределенные виды промысла».

При составлении *Таблицы 1* в графе «число показаний» учтены лица обоего пола, занятые в промысловой деятельности. Подсчет процентных показателей произведен нами.

Таблица 1. Промысловая деятельность переселенцев в различных природно-географических зонах Томской губернии (*Сборник...*, вып. II, 1913: 406-436)

Название промысла	Степной район		Лесостепной район		Переходный район		Таежный район	
	число показаний	%	число показаний	%	число показаний	%	число показаний	%
сельскохозяйственные рабочие	2979	33,1	1714	34,7	3634	31,9	1428	24,6
пастухи	204	2,26	123	2,49	182	1,60	111	1,91
дегтяри и смолокуры	25	0,28	14	0,28	49	0,43	38	0,66
заготовка и продажа строевого леса	–	–	59	1,19	326	2,86	168	2,90
заготовка и продажа дров	13	0,14	120	2,43	625	5,49	22	0,38
сбор орехов, грибов, ягод	–	–	49	0,99	10	0,09	390	6,72
прочие лесные промыслы	84	0,93	11	0,22	208	1,83	38	0,66
добыча минеральных ресурсов	62	0,69	7	0,14	110	0,97	10	0,17
охота	7	0,07	33	0,67	17	0,15	616	10,6
рыболовство	171	1,90	18	0,36	7	0,06	103	1,78
саманщики и кирпичники	403	4,47	20	0,40	39	0,34	21	0,36
кузнецы	143	1,59	37	0,75	94	0,83	57	0,98
столяры	127	1,41	19	0,38	56	0,49	55	0,95
бондари	26	0,28	33	0,67	67	0,59	64	1,10
Пильщики	37	0,41	25	0,51	316	2,78	195	3,36

ткачи и прядильщики	54	0,60	60	1,21	66	0,58	129	2,22
коноплянщики	–	–	4	0,08	193	1,70	66	1,14
лёнщики	–	–	51	1,03	598	5,25	27	0,47
мукомолы	109	1,21	59	1,19	87	0,76	28	0,48
маслоделы	60	0,67	67	1,36	9	0,08	199	3,43
портные	172	1,91	102	2,06	138	1,21	113	1,95
сапожники	200	2,22	84	1,70	161	1,41	100	1,72
пимокаты	21	0,23	7	0,14	64	0,56	93	1,60
землекопы и колодезники	122	1,35	33	0,67	79	0,69	54	0,93
каменщики	17	0,18	16	0,32	74	0,65	21	0,36
печники	71	0,79	37	0,75	46	0,40	29	0,5
плотники	534	5,93	304	6,15	840	7,38	391	6,74
прочие строительные промыслы	311	3,45	67	1,36	62	0,55	23	0,40
торговля	338	3,75	149	3,01	122	1,07	94	1,62
извоз ломовой	872	9,68	341	6,90	633	5,56	235	4,05
ямщина	107	1,19	89	1,80	70	0,62	51	0,88
работа на ж-д. транспорте	22	0,24	220	4,45	567	4,98	32	0,55
старосты	112	1,24	33	0,67	70	0,62	22	0,38
писари	68	0,75	29	0,59	57	0,50	33	0,6
сторожа	17	0,18	4	0,08	26	0,23	12	0,21
прочие общественные служащие	7	0,08	5	0,10	41	0,36	12	0,21
государственная служба	23	0,25	3	0,06	10	0,09	3	0,05
частная служба	78	0,87	24	0,49	36	0,32	16	0,28
домашняя прислуга	116	1,29	84	1,70	128	1,12	127	2,19
сдача в аренду земли	457	5,07	320	6,47	203	1,78	24	0,41
сдача в аренду помещений	120	1,33	109	2,20	89	0,78	52	0,90
сдача в аренду с/х машин	427	4,74	242	4,89	244	2,14	17	0,3
прочие доходы с капитала	19	0,21	10	0,20	54	0,47	7	0,12
нищие	25	0,28	17	0,34	46	0,40	26	0,45
неопределенные виды промысла	17	0,18	23	0,46	614	5,39	154	2,66
прочие	234	2,60	69	1,39	221	1,94	294	5,07
Итого	9011	100	4944	100	11388	100	5800	100

Самой многочисленной группой переселенцев, занятых промышленной деятельностью, во всех природно-географических зонах губернии являлись сельскохозяйственные рабочие. Однако для основной массы таких переселенцев наем на сельскохозяйственные работы был лишь временным занятием. Л.М. Горюшкин отмечал, что батрачество для переселенцев имело обратимый характер, что было связано с переходом основной массы крестьян переселенцев от состояния батрачества к группе мелких землевладельцев. Для рынка наемных рабочих в сибирской деревне была характерна текучесть, связанная с непрерывным притоком переселенцев и обратимостью их батрачества, когда некоторые переселенцы, сумевшие завести хозяйства, исчезали с рынка как продавцы рабочей силы, а их место занимали другие (Горюшкин, 1976: 160-161, 221). О батрачестве как начальной стадии адаптации переселенцев в Сибири упоминается и в источниках конца XIX в. (Материалы..., 1895: 158).

В Таблице 2 представлены данные по занятости наемным сельскохозяйственным трудом переселенцев разных по времени поселения групп.

Таблица 2. Занятость переселенцев наемным сельскохозяйственным трудом (составлено по: Сборник..., вып. II, 1913: 436-437)

Вид промысла	Группы переселенцев по времени поселения				
	I (%)	II (%)	III (%)	IV (%)	V (%)
с/х рабочие	34,2	33,7	30,4	24,8	25,9
пастухи	2,2	2,05	1,85	1,62	1,11
Всего	36,4	35,75	32,25	26,42	27,01

Как видим, переселенцы первых двух групп (проживавшие на месте водворения менее 4 лет) находились на стадии начальной адаптации к новой среде обитания и более трети из них выступали в качестве продавцов рабочей силы. В группе III, включавшей переселенцев, поселившихся за 4–7 лет до проведения обследования, доля сельскохозяйственных рабочих среди лиц, имевших промысловые занятия, снижается на 10 %, а в группах IV и V, включавших переселенцев со сроком проживания 8 и более лет – на 25–27 % в сравнении с новоселами, что свидетельствует о трансформации части переселенческих дворов в полноценные хозяйственные единицы, способные обеспечивать свои потребности без работы в качестве батраков.

Современные исследователи отмечают, что для промысловой деятельности в Западной Сибири была характерна региональная специализация (Шокорова, 2014: 23). Анализ Таблицы 1 подтверждает, что многие промыслы имели природно-географическую специализацию: были хорошо развиты в одних природно-географических районах и почти не получили развития в других. К числу таких промыслов следует отнести маслоделие, заготовку и продажу строевого леса и дров, сбор грибов, орехов и ягод, охоту, саманный и кирпичный промыслы, работу на железнодорожном транспорте, сдачу в аренду помещений, земли и сельскохозяйственных машин, работу пильщиками, коноплянниками, лёнщиками и ряд других. На заготовке и продаже строевого леса специализировались переходный и таежный районы губернии, пильщиками переселенцы работали также преимущественно в переходной и таежной полосах, богатых лесными ресурсами. Конопляный промысел больше был характерен для переходной полосы, чуть менее – для таежной, а в лесостепной и степной зонах – не развит совсем. На льняном промысле, заготовке и продаже дров специализировался только переходный район. Сбор орехов, грибов и ягод, пимокатный, ткацкий и прядильный промыслы, а также охота были заметно развиты лишь в таежной полосе.

Мукомольный и ямской промыслы были наиболее распространены в степной и лесостепной полосах. В степной полосе значительное развитие получили саманный и кирпичный промыслы, а также землекопный и колодезный. Безлесный и безводный характер степных переселенческих участков ориентировал новоселов на строительство саманных построек и искусственных источников водоснабжения – колодцев и водохранилищ, поэтому именно эти профессии были востребованы в степной полосе и почти не встречались в других районах, где в качестве строительного материала использовался лес и имелись естественные водные источники.

Наиболее распространенными у переселенцев торговыми профессиями были лавочники, скупщики хлеба, лошадей и скота. Данные по этим промыслам представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Занятость переселенцев Томской губернии в различных видах торговли (подсчитано по: Сборник..., вып. II, 1913: 410, 426, 418, 434)

Виды торговли	Природно-географические районы			
	степной	лесостепной	переходный	таежный
лавочники	74	24	46	22
скупка хлеба	71	5	6	9
скупка лошадей и скота	85	51	9	41

В степном районе число переселенцев, связанных с лавочной торговлей, скупкой и продажей хлеба, скота и лошадей, составляло 230, или 2,55 %, в лесостепной – 80 (1,6 %), в переходной – 61 (0,53 %), в таежной – 62 (1,06 %) (подсчитано по: Сборник..., вып. II, 1913: 410, 414, 418, 420, 426, 428, 434, 436).

Небольшая доля переселенцев в переходном и таежном районах, занятых в профессии лавочников и скупщиков хлеба, объясняется несколькими причинами. Во-первых, переселенческие участки в этих районах нередко отводились в местах с неразвитой социально-экономической инфраструктурой, торговые лавки во многих переселенческих поселках отсутствовали, поэтому профессия лавочника была слабо востребована. Во-вторых, переселенческие участки в переходной и таежной зонах часто нарезались вдали от дорог и торговых центров, в связи с чем производство зерна ориентировалось не на продажу, а на личное потребление. Заметим, что небольшое число лавочников и скупщиков хлеба в лесостепной полосе компенсировалось более активным участием переселенцев этой природно-географической зоны в других видах торговли: барышничестве, продаже скота и лошадей и пр. (Таблица 1).

Как видно из Таблицы 1, очень неравномерно были развиты такие виды хозяйственной деятельности, как сдача в аренду сельскохозяйственных машин, земли и помещений. Землю и сельскохозяйственные машины в аренду наиболее активно сдавали переселенцы лесостепи и степи, значительно меньше – в переходной полосе, а новоселы таежной полосы этим видом деятельности почти не занимались. Такое различие объяснимо тем, что переселенческие участки в переходной и таежной зонах могли иметь высокий процент лесистости, поэтому расчищенная из-под леса земля в этой местности была дефицитной, и переселенцы предпочитали использовать ее в своих хозяйствах,

а не отдавать на сторону. Более значительную распространенность аренды сельскохозяйственных машин, земли и помещений в степной и лесостепной зонах можно объяснить также и тем, что именно в эти районы Томской губернии происходил основной приток самовольных переселенцев. Не получая официального причисления, они вынуждены были прибегать к аренде жилых помещений, земли и сельскохозяйственного инвентаря.

Занятость на железнодорожном транспорте была в большей степени характерна для переселенцев лесостепной и переходной полосы, так как ветка Сибирской железной дороги проходила в Томской губернии в основном через эти районы.

Самым известным из сибирских промыслов было маслоделие. Однако, по данным обследования В.Я. Нагнибеды, доля переселенцев, занятых в маслодельном промысле, почти во всех природно-географических зонах, кроме таежной, была невелика: в степном районе – 0,67 %, в лесостепном – 1,35 %, в переходном – 0,08% от общего числа лиц, имевших промысловые занятия. И лишь в таежной полосе доля промысловиков, занятых маслодельным промыслом, была заметно выше – 3,43 %. (подсчитано по: [Сборник..., вып. II, 1913: 408, 414, 416, 420, 424, 428, 432, 436](#)). Более интенсивное развитие маслоделия в таежной полосе объясняется тем, что этот район Томской губернии отличался дефицитом пахотной земли и селившиеся здесь мигранты занимались преимущественно не земледелием, а животноводством. Заселялись таежные участки в основном выходцами из «лесных» и нечерноземных губерний Европейской России, где крестьяне традиционно ориентировались не только на зерновое производство, но и на скотоводство.

Следует отметить, что ряд промыслов у переселенцев был либо слабо развит, либо, наоборот, почти равномерно развит во всех природно-географических зонах Томской губернии. Относительно слабо были развиты рыболовство, пимокатный, кожевенный, дегтярный, бондарный, кузнечный, столярный промыслы, а также профессии, связанные с добычей минеральных ресурсов, каменщики, печники и ряд других. Например, доля переселенцев, занятых пимокатным промыслом, варьировалась в диапазоне от 0,14 % в лесостепной полосе до 1,6 % в таежной, а количество переселенцев, занятых в овчинном, шорном и кожевенном производствах, было и вовсе незначительным. Суммарно во всех природно-географических зонах Томской губернии из 31 143 переселенцев, заявивших о промысловой деятельности, шорников было всего 43, овчинников – 45, кожевников – 19. В процентном отношении доля занятых в пимокатном промысле составила 0,59 %, в шорном – 0,14 %, в овчинном – 0,17 %, в кожевенном – всего 0,06 % от общего числа переселенцев, имевших промысловые занятия (подсчитано по: [Сборник..., вып. II, 1913: 440, 448](#)).

Слабое развитие у переселенцев этих видов промысловой деятельности можно проследить и по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. Так, доля столыпинских переселенцев, занятых (по переписи 1917 г.) в пимокатном промысле, составила 1,75 % от числа всех показаний, в овчинном – 1,17 %, в кожевенном – 0,44 %, а в шорном – 0,14 % ([Разгон и др., 2021: 377-378](#)). Данные переписи и обследования Нагнибеды по пимокатам, овчинникам и кожевникам, как видно, примерно сопоставимы, а по шорникам вообще совпадают. Слабое развитие этих видов промыслов у переселенцев конца XIX – начала XX вв. нуждается в пояснении, так как фактически именно переселенцы в пореформенные годы способствовали развитию в регионе кожевенного, пимокатного и шорного промыслов ([Томилова, 1972: 297-298](#)). На наш взгляд, упадок отмеченных промыслов у переселенцев позднимперского периода был вызван следующими факторами: во-первых, после прокладки Транссибирской магистрали на внутренний рынок Сибири стали поступать промышленные товары, ранее производившиеся промысловиками кустарным способом. Кустарное производство постепенно вытеснялось с сибирского рынка промышленными товарами. Во-вторых, пимокатный, шорный и кожевенный промыслы принесли в Сибирь переселенцы из Вятской, Пермской и Казанской губерний в XIX веке ([Томилова, 1972: 297-298](#)), а в период столыпинского переселения доля выходцев из этих губерний была невелика, в общем потоке переселенцев стали преобладать выходцы из Черноземья, малороссийских и белорусских губерний.

Степень вовлеченности самых «молодых» хозяйств переселенцев в промысловую деятельность была неполной. Именно этим можно объяснить, что некоторые достаточно распространенные у старожилов промыслы оказались почти не развиты у переселенцев. Например, в Сибири был хорошо развит рыболовный промысел ([Бочанова, 1978: 94-97; Зиновьев, 1991: 62-81](#)): в большей или меньшей степени рыболовством занималось почти все старожильческое население, проживавшее возле Иртыша, Оби, их притоков и озер ([Горьковская, 1981: 116](#)). Среди старожилов, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в рыболовном промысле было задействовано 4,26 % всех учтенных промысловиков ([Разгон и др., 2021: 377](#)), а у переселенцев этот вид промысла, как отмечалось выше, был почти не развит. При этом возможностей для развития рыболовного промысла у них было достаточно: Томская губерния имела многочисленные реки и озера, богатые рыбой. Например, выделялся Барабинский рыболовный район, ежегодно заготавливавший 0,4 млн пудов рыбы на 1 млн рублей ([Азиатская Россия, 1914: 339](#)).

Незавершенностью процесса адаптации к новой среде обитания можно объяснить и слабое развитие пчеловодства у переселенцев. Во всех природно-географических поясах лишь 95 человек (или 0,3 % опрошенных) показали, что занимаются пчеловодством (подсчитано по: [Сборник..., вып.](#)

II, 1913: 428), тогда как у старожилов доля промысловиков, занимавшихся пчеловодством, составляла 12,6 % (Разгон и др., 2021: 377).

Такие виды добывающих промыслов, как охота и сбор дикоросов, получили заметное распространение в хозяйственных занятиях лишь тех переселенцев, которые оседали в таежных районах губернии (в ходе обследования они были зафиксированы здесь соответственно у 10,6 и 6,7 % всех переселенцев, имевших промысловые занятия) (Таблица 1).

Во всех природно-географических поясах невысоким был процент переселенцев, работавших на государственной и частной службе, а также старостами, писарями, сторожами. Это можно объяснить невысокой долей грамотных среди них и ограниченностью вакансий на указанные профессии. Относительно слабо была распространена работа переселенцев домашней прислугой: доля занятых в этой сфере варьировалась в диапазоне от 1,12 % в переходной полосе до 2,19 % в таежной (Таблица 1).

К числу хорошо развитых во всех природно-географических зонах губернии относились промыслы, удовлетворявшие потребности переселенцев в одежде и жилье – портняжный, сапожный и плотницкий. Они являлись распространенными у переселенцев и по данным переписи 1917 г. (Разгон и др., 2021: 377).

Относительно распространенным промыслом являлся также ломовой извоз, правда, следует отметить неравномерность его развития в разных природно-географических районах губернии. В таежной полосе доля переселенцев-промысловиков, занятых в извозе, составляла 4,05 %, в переходной – 5,56 %, в лесостепной – 6,90 %, а в степной – 9,68 %. Неодинаковая востребованность профессии, связанной с перевозкой грузов, может быть объяснима разной степенью потребности населения в транспортных перевозках грузов, что было обусловлено неодинаковой вовлеченностью переселенческих хозяйств разных природно-географических зон в товарно-денежные отношения. Если переселенческие хозяйства степной полосы Томской губернии были в значительной степени ориентированы на товарное производство, то в переходной и таежной полосах, по мере удаления от торговых центров, уровень товарности сельскохозяйственного производства снижался. Это факт отмечал еще П.А. Столыпин в 1910 г.: вне полосы, прилегавшей к Сибирской железной дороге, переселенческие хозяйства имели натуральный характер (Столыпин, Кривошеин, 1911: 75). Хотя переселенческие участки степной полосы Томской губернии располагались на значительном удалении от Сибирской железнодорожной магистрали, но через степную часть губернии проходили две водные артерии – Обь и Иртыш. Эти реки являлись важными транспортными коммуникациями в степной части Томской губернии и значительно облегчали доставку грузов к железнодорожным станциям, поэтому развитие ломового извоза среди переселенцев степной полосы можно объяснить высоким спросом на доставки грузов к пристаням Павлодара (на Иртыше) и Камня (на Оби).

5. Заключение

Изучение материалов, собранных при обследовании переселенческих поселков Томской губернии, проведенном под руководством В.Я. Нагнибеды, позволяет сделать следующие выводы.

Анализ результатов обследования показывает наличие специализации промысловых занятий переселенцев, водворившихся в разные природно-географические зоны Томской губернии. Эта специализация определялась влиянием нескольких факторов:

- различиями в обеспеченности природными ресурсами природно-географических районов губернии. Так, таежный и переходный районы были богаты лесными ресурсами, что обусловило развитие в них промыслов, связанных с добычей и обработкой древесины. Степная полоса была бедна естественными водными источниками, поэтому в этой зоне были востребованы услуги колодезников и землекопов, недостаток леса на степных участках заставлял новоселов возводить саманные постройки, поэтому в степной полосе были востребованы саманщики, кирпичники и т.д.;

- уровнем развития социально-экономической инфраструктуры – наличием или отсутствием дорог и торговых центров поблизости от колонизируемых районов. Этот фактор влиял на степень вовлеченности переселенческих хозяйств в товарно-денежные отношения, стимулировал или тормозил развитие промыслов, связанных с торговлей, извозом и ряда других;

- зональной земледельческой или животноводческой специализацией сельскохозяйственного производства.

Самой многочисленной группой промысловиков среди переселенцев были сельскохозяйственные рабочие. Однако степень вовлеченности переселенцев в этот вид экономической деятельности была неодинаковой и зависела от времени поселения: «молодые» переселенческие хозяйства чаще, чем семьи с более длительным сроком проживания в Сибири, поставляли своих представителей на рынок труда в качестве сельскохозяйственных рабочих.

Значительно меньшая, по сравнению со старожилами, вовлеченность переселенцев в добывающие промыслы свидетельствует о незавершенности процесса их адаптации к новой природно-географической среде обитания.

Литература

- Азиатская Россия, 1914** – Азиатская Россия. СПб.: Т-во «А.Ф. Маркс», 1914. Т. II. Земля и хозяйство. 638, II с.
- Белянин, 2003** – *Белянин Д.Н.* Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.). Кемерово: КузГТУ, 2003. 176 с.
- Большаков, 1978** – *Большаков В.Н.* Относительное перенаселение в России как объективное условие формирования рынка наемного труда в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 94-112.
- Бочанова, 1978** – *Бочанова Г.А.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 255 с.
- Гилько, 2013** – *Гилько М.А.* Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX веков // *Известия Алтайского государственного университета.* 2013. № 4 (80). Т. 2. С. 51-55.
- Горьковская, 1981** – *Горьковская З.П.* Трудовые традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1981. С. 108-122.
- Горюшкин, 1976** – *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 343 с.
- Дорохов и др., 2019** – *Дорохов В.Г., Карпинец А.Ю., Пьянов А.Е.* Реализация российской миграционной политики в Кузбасском регионе в конце XIX – начале XX веков // *Научный диалог.* 2019. № 12. С. 279-296. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-279-296
- Зиновьев, 1991** – *Зиновьев В.П.* Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Вып. 1. С. 62-81.
- Изергина, 1985** – *Изергина Е.Л.* Добывающие промыслы крестьянства Сибири эпохи капитализма // Земледельческое и промышленное освоение Сибири. XVII – начало XX вв. Новосибирск, 1985. С. 105-113.
- История Сибири..., 1968** – История Сибири. Ленинград: Наука, 1968. Т. 3. 530 с.
- Карташова, 2018** – *Карташова М.В.* Главное управление землеустройства и земледелия и развитие кустарных промыслов на востоке России в начале XX вв. // *Российская история.* 2018. № 2. С. 35-40.
- Крестьянство Сибири..., 1983** – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 400 с.
- Мамонтова, 2012** – *Мамонтова О.С.* Кустарное гончарство Алтайского (Горного) округа в конце XIX – начале XX вв. // *Мир науки, культуры, образования.* 2012. № 4 (35). С. 258-261.
- Материалы..., 1895** – Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1895. Т. I: Историко-статистическое описание. 541 с.
- Разгон и др., 2013** – *Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
- Сборник..., вып. I, 1913** – Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский, Мариинский. Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1913. Вып. I. XXVIII, 280, 29, II с.
- Сборник..., вып. II, 1913** – Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский, Мариинский. Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1913. Вып. II. VIII, 466, II с.
- Соловьева, 1981** – *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 327 с.
- Столыпин, Кривошеин, 1911** – *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. 4, 170 с.
- Томилова, 1972** – *Томилова Н.К.* Влияние переселений на развитие производительных сил Алтайского округа во второй половине XIX в. // Из истории Сибири. Вып. 4. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 290-304.
- Шокорова, 2014** – *Шокорова Л.В.* Художественные промыслы Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 142 с.
- Razgon et al., 2021** – *Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A. V.* Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug // *Bylye Gody.* 2021. 6(1): 375-383. DOI: 10.13187/bg.2021.1.375

References

- Aziatskaya Rossiya, 1914** – Aziatskaya Rossiya. T.II. Zemlya i khozyaistvo [Asiatic Russia. Vol. II. Land and Economy]. St. Petersburg: A. F. Marx Partnership. 638, II p. [in Russian]
- Belyanin, 2003** – *Belyanin, D.N.* (2003). Stolypinskaya pereselencheskaya politika v Tomskoi gubernii (1906–1914 gg.) [Stolypin's resettlement policy in the Tomsk province (1906–1914)]. Kemerovo: KuzSTU. 176 p. [in Russian]
- Bol'shakov, 1978** – *Bol'shakov, V.N.* (1978). Otnositel'noe perenaselenie v Rossii kak ob"ektivnoe uslovie formirovaniya rynka naemnogo truda v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Relative overpopulation in Russia as an objective condition for the formation of the wage labor market in Siberia in the late XIX – early XX centuries.]. Voprosy formirovaniya russkogo naseleniya Sibiri v XVII – nachale XIX vv. Tomsk: Tomsk University Press, pp. 94–112. [in Russian]
- Bochanova, 1978** – *Bochanova, G.A.* (1978). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Manufacturing industry of Western Siberia (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch. 255 p. [in Russian]
- Gil'ko, 2013** – *Gil'ko, M.A.* (2013). Vliyanie Transsibirskoi magistrali na razmeshchenie kustarnykh promyslov Eniseiskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov [The influence of the Siberian railway on the placement of handicrafts of the Yenisei province in the late XIX – early XX centuries.]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4(80). Vol. 2: 51–55. [in Russian]
- Gor'kovskaya, 1981** – *Gor'kovskaya, Z.P.* (1981). Trudovye traditsii russkikh krest'yan v promyslakh Sibiri perioda kapitalizma [Labor traditions of Russian peasants in the Siberian handicrafts of the capitalist period]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma*. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State Pedagogical Institute, pp. 113–122. [in Russian]
- Goryushkin, 1976** – *Goryushkin, L.M.* (1976). Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917) [Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 343 p. [in Russian]
- Dorokhov i dr., 2019** – *Dorokhov, V.G., Karpinets, A.Yu., P'yanov, A.E.* (2019). Realizatsiya rossiiskoi migratsionnoi politiki v Kuzbasskom regione v kontse XIX – nachale XX vekov [The implementation of Russian migration policy in the Kuzbass region at the end of the XIX – beginning of the XX centuries.]. *Nauchnyi dialog*. 12: 279–296. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-279-296 [in Russian]
- Izergina, 1985** – *Izergina, E.L.* (1985). Dobyvayushchie promysly krest'yanstva Sibiri epokhi kapitalizma [Extractive crafts of the Siberian peasantry during the capitalist era]. *Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri. XVII–nachalo XX vv.* Novosibirsk, pp. 105–113. [in Russian]
- Istoriya Sibiri..., 1968** – *Istoriya Sibiri*. T.3 [History of Siberia. Vol.3.]. Leningrad: Nauka, 530 p. [in Russian]
- Kartashova, 2018** – *Kartashova, M.V.* (2018). Glavnoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliya i razvitie kustarnykh promyslov na vostoche Rossii v nachale XX vv. [Main Directorate of Land Management and Agriculture and the development of handicrafts in the East of Russia at the beginning of the XX century.]. *Rossiiskaya istoriya*. 2: 35–40. [in Russian]
- Krest'yanstvo Sibiri..., 1983** – *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism.]. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 400 p. [in Russian]
- Mamontova, 2012** – *Mamontova, O.S.* (2012). Kustarnoe goncharstvo Altaiskogo (Gornogo) okruga v kontse XIX – nachale XX vv. [Artisanal pottery of the Altai (Mountain) district at the end of the XIX – beginning of the XX centuries.]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4(35): 258–261. [in Russian]
- Materialy..., 1895** – *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vo-dvorennykh v Tobol'skoi gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh godov po 1893 g.)*. T. I: Istoriko-statisticheskoe opisaniye. [Materials for studying the life of immigrants settled in the Tobolsk province for 15 years (from the late 70s to 1893). Vol. I: Historical and statistical description]. Moscow: Printing House of the Society for the Distribution of Useful Books, 541 p. [in Russian]
- Razgon i dr., 2013** – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskiye migranty v Altaiskom okruge: reselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul. 348 p. [in Russian]
- Razgon et al., 2021** – *Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V.* (2021). Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug. *Bylye Gody*. 6(1): 375–383. DOI: 10.13187/bg.2021.1.375
- Sbornik... vyp. I, 1913** – *Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii*. Uezdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii, Mariinskii. *Materialy po issledovaniyu pereselencheskikh khozyaistv, sobrannyye i razrabotannyye pod rukovodstvom i redaktsiei V.Ya. Nagnibeda*. Vyp. I [A collection of statistical information about the economic situation of immigrants in the Tomsk province. The counties of Barnaul, Kainsky, Tomsk, and Mariinsky. Materials on the study of migrant farms, collected and developed under the guidance and editorship of V.Y. Nagnibeda. Issue I]. Tomsk: V. M. Perelman Printing House, 1913. XXVIII, 280, 29, II p. [in Russian]
- Sbornik... vyp. II, 1913** – *Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii*. Uezdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii, Mariinskii. *Materialy po*

issledovaniyu pereselencheskikh khozyaistv, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom i redaktsiei V.Ya. Nagnibeda. Vyp. II [A collection of statistical information about the economic situation of immigrants in the Tomsk province. The counties of Barnaul, Kainsky, Tomsk, and Mariinsky. Materials on the study of migrant farms, collected and developed under the guidance and editorship of V.Y. Nagnibeda. Issue II]. Tomsk: V. M. Perelman Printing House, 1913. VIII, 466, II p. [in Russian]

[Shokorova, 2014](#) – *Shokorova, L.V.* (2014). Khudozhestvennye promysly Zapadnoi Sibiri [Art crafts of Western Siberia]. Barnaul: Publishing House AltGU, 142 p. [in Russian]

[Solov'eva, 1981](#) – *Solov'eva, E.I.* (1981). Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyi period [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka. Siberian branch, 329 p. [in Russian]

[Stolypin, Krivoshein, 1911](#) – *Stolypin, P.A., Krivoshein, A.V.* (1911). Poezdka v Sibir' i Povolzh'e [A trip to Siberia and the Volga region]. St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin, 4, 170 p. [in Russian]

[Tomilova, 1972](#) – *Tomilova, N.K.* (1972). Vliyaniye pereselenii na razvitiye pro-izvoditel'nykh sil Altaiskogo okruga vo vtoroi polovine XIX v. [The influence of migrations on the development of the productive forces of the Altai District in the second half of the XIX century.]. *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: Tomsk University Publishing House, pp. 290–304. Is. 4. [in Russian]

[Zinov'ev, 1991](#) – *Zinov'ev V.P.* (1991). Ozernoe rybolovstvo v Sibiri v XIX–nachale XX vv. [Lake fishing in Siberia in the XIX–early XX centuries]. Khozyaistvennoe osvoenie Sibiri: Istoriya, istoriografiya, istochniki. Tomsk: Tomsk University Publishing House, Issue 1. Pp. 62–81. [in Russian]

Промыслы переселенцев Томской губернии по результатам экономического обследования, проведенного под руководством В.Я. Нагнибеды в 1911–1912 гг.

Дмитрий Николаевич Белянин ^{a,*}, Виктор Николаевич Разгон ^b,
Антон Викторович Разгон ^c

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов статистического обследования переселенческих хозяйств, проведенного в 1911–1912 гг. под руководством заведующего статистическим отделом Томского переселенческого района В.Я. Нагнибеды, определяется сравнительная распространенность различных видов промыслов у переселенцев, водворявшихся в разные природно-географические зоны Томской губернии, устанавливается зависимость между уровнем вовлеченности переселенцев в отдельные промыслы и временем их проживания на территории губернии.

Специализация промысловых занятий переселенцев, водворявшихся в различные природно-географические зоны Томской губернии, определялась различиями в обеспеченности природными ресурсами и уровне развития социально-экономической инфраструктуры в местах поселения, зональной специализацией сельскохозяйственного производства.

Самым распространенным промысловым занятием переселенцев во всех природно-географических зонах Томской губернии был наем на сельскохозяйственные работы. В этот вид промысловой деятельности наиболее активно включались переселенцы-новоселы; в группах переселенцев с продолжительностью проживания в местах нового поселения более 8 лет количество дворов, живущих за счет продажи своей рабочей силы, существенно сокращалось. Значительно меньшая, чем у старожилов, распространенность у переселенцев ряда добывающих промыслов (рыболовство, пчеловодство) отражала незавершенность процесса их адаптации к новой природно-географической среде обитания.

Ключевые слова: промыслы, крестьянство, миграция, переселенческая политика П.А. Столыпина, деревня, адаптация, В.Я. Нагнибеда, Сибирь, Томская губерния.

* Корреспондирующий автор

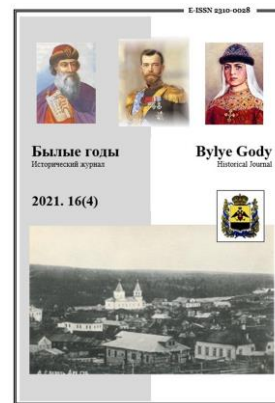
Адреса электронной почты: bdn73@list.ru (Д.Н. Белянин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2063-2072
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2063

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Patriotic Moods of 1914 as a Mobilization Resource of Social Transformations

Pavel A. Merkulov ^a, Svetlana V. Bukalova ^{a,*}, Oksana V. Leonova ^b,
 Nadezhda V. Mironenko ^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch of the Central Russian Institute of administration, Russian Federation

^b Bank College of the Central Russian Institute of administration – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration branch, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the "patriotic upsurge" that accompanied Russia's entry into the World War I. This phenomenon of public consciousness and mass behavior is considered within the framework of the pre-revolutionary evolution of the socio-political sphere in the Russian Empire, which demonstrated the paradoxical dynamics of the transition from the apparent unity of society and authorities to the predominance of anti-autocratic sentiments in the conditions of the external military aggression. The authors points out the weakness of ideological basis of patriotic moods of July-August 1914, which led to the predominance of the emotional component in them and determined the temporary limitation of this phenomenon. The content of the "moods of 1914" is analyzed through their objective external manifestations: patriotic processions, a surge of charity and volunteerism, riots of the mobilized. Each of these phenomena can only be explained to a limited extent by patriotic or "anti-patriotic" motivation. It is concluded that the initial period of the World War I in Russia was accompanied by contrasting manifestations of social activity and opposite emotions, reflecting the transition of society from a stable to an extreme status. The authors come to the conclusion that "patriotic upsurge" by its nature was an independent phenomenon, which allows us to consider it outside of the widespread three-stage periodization of the patriotic sentiments evolution in Russia during the World War I. This point of view removes the problem of the autocracy "guilt", which couldn't use the potential of universal patriotic enthusiasm to mobilize Russian society to the total war.

Keywords: Russian Empire, World War I, patriotism, mobilization, social policy, charity, riots of the mobilized.

1. Введение

Важным элементом формирующейся политической культуры россиян в первые десятилетия XXI века стал патриотизм. Содержание этого понятия при всей мнимой простоте и ясности его значения как «любви к Родине» остается предметом общественно-политических дискуссий, что актуализирует обращение к историческому дискурсу российского патриотизма, особое место в котором занимает период Первой мировой войны. Начало войны сопровождалось всплеском патриотических настроений, отмечаемых как современниками, так и историками.

Патриотизм представлялся значимым ресурсом общественной мобилизации. Однако в течение войны патриотические настроения претерпели впечатляющую трансформацию: от «патриотического подъема» и единения общества и власти летом 1914 года к «патриотической тревоге» осени 1915 года, «атаке на власть» 1916 года, разворачивавшейся под патриотическими лозунгами и увенчавшейся

* Corresponding author

E-mail addresses: stl1612@yandex.ru (S.V. Bukalova), nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), oks980@rambler.ru (O.V. Leonova), mironenkonado@mail.ru (N.V. Mironenko)

падением самодержавия. Весна 1917 года была отмечена новым всплеском лихорадочного «гражданского» патриотизма, на смену которому быстро пришли дезорганизация, анархия, распространение пораженческих настроений. В дальнейших трагических событиях Гражданской войны патриотическую платформу занимал антибольшевистский лагерь, обвинявший большевиков в сговоре с врагом и предательстве интересов России. Таким образом, создается впечатление, что российский патриотизм образца 1914 года не оправдал возлагавшихся на него надежд, не смог сыграть той же мобилизующей и объединяющей роли, что и в других странах-участницах Первой мировой войны. Это вновь привлекает внимание исследователей к анализу особенностей содержания, структуры и факторов трансформации патриотических настроений россиян в годы Великой войны.

2. Материалы и методы

В основу исследования положен принцип историзма, так как понятие патриотизма многозначно по содержанию и исторично по своей сути. Изучение патриотизма как общественного явления и фактора социального управления соотносится с проблемой формирования государственной идеологии, ее индоктринации в общественное сознание и реализации в практических формах. В то же время патриотизм как феномен массовой психологии и отдельные его проявления могут получить объяснение в рамках социальной антропологии.

Особое место в ретроспективных исследованиях феномена российского патриотизма занимает вступление России в Первую мировую войну. Представляется целесообразным сфокусировать внимание на начальном этапе эволюции патриотических настроений, который стал своеобразным «эталоном» и «точкой отсчета» для дальнейшей трансформации массового сознания. Его анализ осуществлен с опорой на метод конструктивизма, предложенный для исследования данной тематики Н.В. Юдиным и О.А. Суховой (Юдин, 2014; Сухова, 2014). Исторический конструктивизм исходит из признания принципиальной неоднородности коллективных представлений и зависимости их интерпретации от социокультурного контекста (Теория, 2014: 226-229).

Поскольку патриотизм является социально-психологическим феноменом, находящим выражение в индивидуальных и коллективных акциях, стоит задача выделения набора паттернов коллективных действий, которые будут соответствовать специфическим проявлениям массовых настроений лета 1914 года. К таковым мы можем отнести массовые мероприятия (митинги и манифестации, молебны), верноподданнические телеграммы, добровольческое и благотворительное движение, беспорядки среди мобилизованных, «борьбу с германизмом».

Проблемным полем исследования стала провинциальная периферия Европейской России как особая социокультурная среда с преобладавшим сельским населением, менее затронутая процессами модернизации, нежели столицы и крупные города, более однородная в этноконфессиональном отношении. Идеи и настроения, родившиеся в центре, распространяются на провинцию, изменяя ее и искажаясь ею. Провинциальный социум менее инициативен и более консервативен, нежели социальная среда метрополии. Эта особенность накладывала свой отпечаток и на патриотический дискурс начального периода войны.

3. Обсуждение

Характеристике особой атмосферы, сопровождавшей начало войны, так или иначе уделяют внимание все авторы, исследующие внутривойсковую ситуацию в Российской империи накануне революции – при этом ее оценки могут быть диаметрально противоположными. Уже в работах В.И. Ленина, опубликованных в эмиграции в годы войны, отмечалось, что «война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики» (Ленин, 1969: 290). Среди них, кроме классовой ненависти сознательного пролетариата к буржуазным правительствам, Ленин выделял отчаяние, влекущее оживление религиозных чувств, и ненависть к врагу, искусно формируемую и разжигаемую в обществе. В советский период, следуя ленинским оценкам, всеобщая поддержка вступления России в Великую европейскую войну оценивалась как «шовинистический угар».

В 1990-е годы начался новый период изучения отечественной истории Первой мировой войны, значительно расширилось проблемное поле исследования; в частности, появилось немало работ в рамках локальной истории, основанных на региональных источниках (Белова, 2011; Леонов, 2014; Поршнева, 2014; Семенова, 2011).

Патриотические настроения россиян периода Первой мировой войны могут выступать как самостоятельный предмет исследования или же рассматриваться как элемент эволюции общественных настроений разных социальных слоев предреволюционного периода.

В наиболее широком контексте феномен патриотических настроений и их проявлений связывается с формированием гражданской политической культуры по образцу западных обществ. Такие авторы, как Э. Лор, Дж. Санборн, рассматривают связь патриотизма и идеологии политического национализма (Санборн, 1999; Лор, 2012).

Немаловажное значение в начальный период войны имело форсированное формирование в массовом сознании образа врага, призванное послужить консолидации общества. Стихийные

антигерманские настроения первых дней войны не только подпитывались пропагандой, но и подкреплялись мерами государственной политики, направленными против подданных враждебных держав и русских подданных немецкого происхождения. Эти действия рассматривались как соответствующие патриотическим запросам масс (Лор, 2012), но в итоге обернулись против самой власти, так как «борьба с германизмом» вылилась в германофобию и шпиономанию, слухи об измене «царицы-немки» (Сергеев, 2020: 49).

В отечественной историографии сложилось два основных подхода к оценке патриотизма: «оптимистический» и «скептический». Представители первого из них, основываясь преимущественно на сообщениях провинциальной прессы, акцентируют внимание на всеобщем энтузиазме, снижении конфликтности, «единении общества и власти». С.Н. Базанов, отмечая мощный всенародный порыв и готовность к самопожертвованию, охватившие в начале войны широкие слои общества, указывает также и на то, что его идейным обоснованием, как и у других стран-участниц, стала защита родины, национальных интересов и национальных святынь (Базанов, 2017: 9-10).

Саратовские историки полагают, что наиболее мощный патриотический порыв в 1914 году показало крестьянство, а сами патриотические чувства имели «естественный характер», основанный на желании защитить свое достояние от врага. Критерием крестьянского патриотизма авторы считают успешную мобилизацию (Демидова и др., 2018: 66).

«Скептическая» линия историографии проблемы, базируясь на привлечении личных свидетельств очевидцев из дневников, переписки и мемуаров, позволяет выявить внутреннюю противоречивость «патриотического подъема», который порой может представлять своей противоположностью.

Так, В.П. Булдаков трактует «настроение 1914 г.» как шовинистическую перверсию устоявшихся форм общественного недовольства, а революционные настроения, в свою очередь, называет извращением патриотизма (Булдаков, 2014: 12, 18). По мнению В.Б. Аксенова, «уместно говорить о психопатологической форме патриотизма (в случаях, когда основанный на страхе и ненависти патриотизм разрушал психику субъекта)». Автор утверждает, что «токсический уровень патриотизма оборачивался психическими отклонениями» (Аксенов, 2018: 242). Однако утверждение автора о всплеске психических заболеваний, сопровождавшем патриотический подъем, опровергается фактами (Сироткина, 2007: 341; Асташов, 2014: 342-343). Такое утверждение больше, чем заблуждение: оценка неких событий как причины болезни означает одновременно и моральное осуждение таких событий.

Если первое направление не принимает во внимание фактор подцензурности печати, то второе – зачастую игнорирует субъективность и фрагментарность индивидуальных оценок происходящего. Кроме того, в арсенале исследователей чаще всего оказываются свидетельства авторов, принадлежащих к элитным столичным кругам (или во всяком случае – к верхним социальным слоям) российского общества.

Начиная, по крайней мере, со статьи И.П. Лейберова, получила распространение трехчастная периодизация патриотических настроений российского общества в годы Первой мировой войны, обрывающаяся на Февральской революции. Первый этап представлен как консолидация вокруг трона и армии в надежде на победоносное завершение войны; второй – после Великого отступления описывается как «растерянность» общества, упадок веры в самодержавие. Наконец, третий, самый короткий (ноябрь 1916 – февраль 1917 года), – характеризуется нарастанием антивоенных и революционных настроений (Лейберов, 1999: 498).

Нередко применительно к периоду Первой мировой войны противопоставляются «имперский» и «гражданский» патриотизм, констатируется нарастающий разрыв в понимании патриотизма правящими и оппозиционными кругами. Е.Ю. Семенова, исследуя трансформацию патриотических настроений городского населения Поволжья, разделяет «стихийный» патриотизм народных масс и «осознанный» патриотизм образованной публики. Первый – под влиянием испытаний военного времени эволюционировал в сторону пацифизма, тогда как второй – революционного оборончества (Семенова, 2011).

Возникает своеобразный парадокс: единение общества и власти, энтузиазм по поводу вступления в войну обернулись своими противоположностями. По мнению И.Л. Архипова, фактор патриотизма послужил почвой для политических спекуляций как власти, так и либеральной оппозиции (Архипов, 2007). Власть, оказавшись в плену иллюзии «всеобщего единения», поощряла возникшие в обществе ксенофобские тенденции. Оппозиция довольно скоро и решительно отказала власти в праве представлять национальные интересы. Таким образом, патриотические чувства становились объектом манипуляции, а их «волновой» характер содержал в себе существенные политические риски.

С.В. Тютюкин видел в патриотических настроениях первых месяцев войны «кредит доверия» и «запас прочности», бездарно потраченные царским режимом, который оказался не в силах удовлетворить скромные, по мнению автора, пожелания Думы и общественных организаций: военные победы, обеспечение тыла всем необходимым, либерализацию внутренней политики и

реформу государственного управления. Без уступок со стороны самодержавия народный и буржуазный патриотизм таял, и крушение монархии становилось неизбежным (Тютюкин, 1999). В этом историк повторяет логику А.Ф. Керенского, который также связывал патриотический подъем с ожиданиями либеральных реформ, включая предоставление автономии Польше, восстановление конституции Финляндии и отмену ограничений для евреев – отказ царского правительства от осуществления этих пунктов ограничивал и патриотические чувства, и помощь армии (Керенский, 1993: 90).

По-иному видит ситуацию Ф.А. Гайда. Он считает, что либерально-реформаторские круги, отстаивая свою политическую состоятельность в условиях ухудшения социально-экономического положения, были вынуждены идти на обострение политического кризиса, фактически используя национально-патриотическую риторику как политтехнологию, раздувая мифы о «темных силах возле трона» (Гайда, 2017: 16).

4. Результаты

Начало Первой мировой войны вызвало эмоциональный всплеск, наиболее наглядным проявлением которого были митинги и манифестации, молебны. Шествия под патриотическими лозунгами начались в провинциальных городах после того, как Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а в России было введено в действие Положение о подготовительном к войне периоде (Белова, 2011: 159). Наивысший подъем манифестационной волны приходится на первые дни и недели войны. Молебнами и манифестациями нередко сопровождалась работа запасных, но столь же часто массовые шествия возникали в вечернее время – когда оканчивалась работа и спадала дневная жара. В уездных городах они собирали почти всех городских обывателей и первых лиц уезда (Молебен, 1914). Нередко оживление на улицах продолжалось до полуночи.

Исследователи отмечают «фестивальный», своеобразный празднично-развлекательный характер этих демонстраций. Так, в Орле первая патриотическая манифестация состоялась вечером 17 июля. Тысячная толпа с пением гимна собралась перед губернаторским домом. По просьбе собравшихся губернатор вынес портрет императора, с которым манифестанты отправились к дому вице-губернатора. По дороге к ним присоединился оркестр из городского сада. От вице-губернатора народ получил несколько национальных флагов и отправился сначала к зданию Городской думы, а оттуда – к казармам (ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5962. Л. 22).

Патриотические демонстрации отражали возросшую популярность государственной власти – как центральной, так и местной. Массовые шествия имели своим ориентиром дом губернатора либо Городскую думу; их участники стремились быть возглавленными кем-либо из представителей администрации, а на манифестации 23 июля собравшиеся качали на руках орловского городского голову (Народная манифестация, 1914). «Единение народа и власти» фиксировали и верноподданнические телеграммы с приветствиями, поздравлениями по поводу одержанных побед в адрес императора и членов императорской фамилии. Важно, что такие телеграфные послания получали от высокопоставленных адресатов ответы с благодарностью, которые освещались местной прессой (Белова, 2011: 163). Таким образом, «информационное эхо» закрепляло тенденцию единения общества и власти.

В.Б. Аксенов считает патриотические шествия искусственно организованными полицией и правомонархическими объединениями (Аксенов, 2020: 48). Такой вывод он делает на основании того, что манифестирующая толпа располагала портретами императора и флагами. Однако, как было показано выше, этому факту можно найти и другое объяснение.

Признаком срежессированности патриотических выступлений В.Б. Аксенов считает и то, что позже манифестации не повторялись. На самом деле, Министерство внутренних дел просило местные власти для поддержания полного порядка впредь не допускать никаких демонстраций, шествий и манифестаций, кроме вызванных совершенно исключительными причинами (ГАОО. Ф. 851. Ст. 1. Д. 153. Л. 24).

Справедливости ради следует отметить, что мы действительно встречаем свидетельства об организованных властью манифестациях в Калуге, Малоярославце, Дмитровске-Орловском (Белова, 2011: 160; ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5962. Л. 111). Но нельзя отрицать и факта возникновения стихийных митингов, равно как нельзя отказывать в искренности патриотических чувств участникам митингов, инициированных властями.

В начале XX века патриотическое воспитание молодежи постепенно входило в практику образовательной политики, однако затрагивало преимущественно узкую социальную прослойку будущих военнослужащих (Merkulov et al., 2020). По мнению А.Б. Асташова, даже массовая армия не стала полноценным институтом модернизации, воспроизводя архаические структуры традиционной патриархальной культуры (Асташов, 2012: 37-39). Таким образом, в первые дни августа 1914 года влияние патриотической пропаганды было минимальным, а патриотическое воодушевление – стихийным. В его основе лежали не рационально осмысленные, а эмоции воодушевления и даже эйфории от сопричастности ходу истории. Вслед за О.А. Суховой этот эмоционально-поведенческий

комплекс можно оценить как механизм перехода структур повседневности из обыденно-стабильного в экстремальное состояние (Сухова, 2014: 106).

Показательно, что как современники, так и исследователи отмечают альтернативную патриотическому воодушевлению реакцию на объявление мобилизации и вступление России в войну, столь характерную для традиционной народной культуры, – плач, публичное выражение горя. Народ смотрел на войну как на природное бедствие или Божью кару, причины которых находятся вне человеческого понимания, а течение не зависит от воли человека.

Констатируя слабую оформленность и укорененность национально-патриотического чувства в народных массах, следует иметь в виду, что на протяжении нескольких столетий необходимость проливать кровь за Отечество была прерогативой привилегированного сословия аристократии и обособленного военного сословия. Переход к всеобщей воинской обязанности не был в полной мере осмыслен простонародьем, о чем может свидетельствовать сохранение на протяжении полувека рекрутских обрядов, предполагавших оплакивание призывника. В отсутствие социальных гарантий со стороны государства преобладающей в крестьянской среде была этика выживания, а отнюдь не самопожертвования. Можно согласиться с О.С. Поршневой, называющей «город» и «деревню» разными социокультурными мирами (Поршнева, 2010: 196).

Ярким явлением, сопровождавшим мобилизацию, стали беспорядки запасных, в которых приняло участие не меньше людей, чем в патриотических манифестациях. Первым, кто обратил внимание на волну беспорядков, прокатившихся по России во время мобилизации, был советский исследователь А.Б. Беркевич. В обширной статье, основанной на отчетах Департамента полиции, он привел данные о 247 погибших (Беркевич, 1947: 40). Дж. Санборн, основываясь на данных Управления по делам о воинской повинности МВД, сообщает о 225 жертвах (Санборн, 1999: 209). В любом случае не менее 100 из них стали жертвами подавления грандиозных беспорядков в Барнауле (к слову, еще около 200 человек тогда погибли в пожарах). А.Б. Беркевич однозначно оценивал бунты мобилизованных как антивоенные, а частично и антиправительственные.

Дж. Санборн рассматривает беспорядки во время мобилизации как публичное выражение несогласия с действиями власти со стороны людей, объединенных принадлежностью к национальному политическому сообществу, политической нации (Санборн, 1999: 210).

В.П. Булдаков увидел в основе «пьяных бунтов» неосознанную ненависть к старому «внутреннему врагу», издавна сковывавшему социальную энергию (Булдаков, 2014: 12).

Несмотря на разброс оценок, наиболее рациональным выглядит представление мотивов «пьяных бунтов» как желания мобилизованных провести предписанный традицией и сопровождавшийся принятием алкоголя ритуал проводов в армию (так называемые «рекрутские обряды», принадлежащие к группе переходных обрядов), а их практически повсеместное распространение свидетельствует о глубокой укорененности традиционного сознания в солдатской массе. Эти архаические мотивы глубже, чем объяснение беспорядков желанием солдат «расслабиться». Релаксирующая функция алкоголя (Сухова, 2014: 108; Аксенов, 2020: 116) не предполагает насильственных действий по ее реализации, тем более – сопряженных с человеческими жертвами.

Следует отметить, что на Урале и в Сибири заметным мотивом протестного движения запасных была тревога об оставляемых семьях (Беркевич, 1947: 14). Важный закон о наделении казенным пособием семейств призванных в армию был принят в 1912 году и впервые введен в действие с началом войны; неудивительно, что большинство мобилизованных не подозревали о его существовании. Разъяснительная работа и выдача пособия (которое выплачивалось за три месяца вперед) заметно смягчили остроту ситуации.

Случаи неповиновения призывников, нарушение ими прав собственности, даже столкновения с полицией не имели антивоенных черт. В отличие от более крупных беспорядков, имевших место за Уралом, в губерниях Европейской России представители власти и государственные учреждения не становились объектами агрессии.

Молебны, шествия и отправка телеграмм были символическими акциями, выражающими сопричастность происходящим событиям. Наряду с ними, поднимается волна «деятельного» патриотизма. Война дала импульс к появлению целого ряда социальных инноваций, традиционно определяемых понятием «благотворительная деятельность». Между тем их осуществление, как и реализация технологических и иных инноваций, требует от государства формирования комплекса институтов правового, финансового и социального характера, отвечающих национальным политическим и культурным особенностям (Stroeva, 2015: 207). В стратегической доктрине государства содержится система приоритетов и мер, направленных на содействие социально-экономическому развитию страны, решению актуальных социальных проблем, укреплению национальной безопасности, причем значимость мер, реализуемых в конкретной области общественной жизни, детерминирована ее вкладом в решение социальных проблем (Golovina et al., 2017: 44-45). Необходимо отметить, что в пореформенный период развитие социальной сферы России осуществлялось во взаимодействии государства, местного самоуправления и институтов гражданского общества (Merkulov et al., 2017). Можно утверждать, что особая эмоциональная

атмосфера начала войны стала существенным стимулом для нового этапа развития системы общественного призрения в России, характерной чертой которого стала интенсификация взаимодействия квазигосударственных (состоящих под высочайшим покровительством), общественных и частных благотворительных структур (Merkulov et al., 2021: 394, 399).

С первых же дней войны по всей стране начинается реализация множества инициатив, направленных на поддержку военных усилий государства. Организуются сборы пожертвований и вещей для госпиталей, продажа флажков союзных России стран, благотворительные спектакли и т.д. В роли системообразующих структур патриотической активности выступали благотворительные общества, в отношении которых государство все шире осуществляло функции целеполагания и организации.

Тема благотворительности тесно связана с темой волонтерского участия. Добровольческое движение не было ограничено так называемыми «охотниками» – добровольцами, уходившими на фронт. В тылу широкое распространение получили практики добровольчества, обусловленные запросами войны. Нередко они были связаны также с трансформацией социальных и гендерных ролей женщин привилегированного класса.

Например, в губернском Орле вскоре после начала войны Дамским комитетом были организованы курсы сестер милосердия. Уже через три дня запись на курсы была прекращена из-за наплыва желающих, причем на 40 мест было подано 200 заявлений. По многочисленным ходатайствам на курсы было зачислено 54 человека (Отчет, 1914: 8). При орловской общине сестер милосердия дважды организовывались бесплатные курсы сестер милосердия военного времени, подготовившие 160 человек (Доклады, 1917: 10).

В.Б. Аксенов последовательно отказывается благотворительности и добровольчеству в роли маркеров патриотизма, акцентируя эгоистические мотивы либо вынужденность таких действий (Аксенов, 2020: 49-52). Другие авторы соотносят их с гуманизмом и «нравственными чувствами» (Борщукова, 2008; Демидова и др., 2018). Следует отметить, что в основе благотворительности лежат чувства альтруизма и гуманизма, сочувствия ближнему и мотивы социальной солидарности. Исходя из этого, благотворительность эпохи Первой мировой войны не может быть однозначно объяснена только лишь патриотическими мотивами.

5. Заключение

Таким образом, мы видим, что феномен патриотического подъема первых месяцев войны в России был сложным, многообразным явлением, развивавшимся под воздействием целого ряда разнохарактерных факторов. Можно поддержать представления о неоднородной, гетерогенной структуре патриотических настроений. Универсальный концепт патриотизма не мог сложиться в Российской империи к началу Первой мировой войны, и в основе патриотических чувств россиян в первые месяцы войны лежали не идеи, а эмоции.

В европейских странах поддержка войны общественным мнением служила правительствам дополнительным аргументом эскалации дипломатического кризиса. В Российской империи вспышки массового стихийного энтузиазма в городах и молчаливое приятие ситуации деревней, отражавшие различия городской и сельской культуры, трактовались правительством как залог внутреннего мира и стабильности в тылу сражавшейся армии.

Можно предположить, что за время войны мировоззрение грамотных слоев эволюционировало от лояльно-патриотических к оппозиционно-патриотическим позициям, т.е. сместилось от безоговорочной моральной поддержки царя и правительства к идее «спасения Отечества» от внешнего и внутреннего врага. Эта интеллектуальная эволюция могла затрагивать образованные круги, имевшие сравнительно объективное представление о государственном устройстве; для крестьянских масс, живших в ином информационном пространстве, был характерен «стихийный», «инстинктивный» патриотизм, своеобразный взгляд на причины войны, ее характер и цели. Смысл происходящих событий было трудно сформулировать рационально даже на официальном уровне. Целевая и ценностно-смысловая структура участия России в войне была определена преимущественно через этические категории, задававшие геополитическому столкновению европейских империй морально-нравственную систему координат. Последовательное обращение к конкретным целям войны ввиду их неопределенности и трудности достижения было редким. Они не могли служить надежным мотивом для патриотической активности населения, и уже к началу 1915 года место славянской солидарности занимает самоценная категория Победы.

На динамику патриотических настроений непосредственно влияла рефлексия по поводу войны: априори она представлялась справедливой, кратковременной, победоносной. Однако война не оправдывала возлагавшихся на нее надежд, став затянувшейся и неудачной. Даже после начала войны ее причины и цели определялись официальной пропагандой в весьма туманных категориях «славы», «долга» и «чести». Мотивы «славянской солидарности» были в значительной степени обесценены Болгарией, разгромившей Сербию.

По мере продолжения войны фактором, напрямую влиявшим на патриотические чувства, становилась складывавшаяся под влиянием военных условий обстановка в тылу, т.е. повседневное

окружение обывателя – тяжесть потерь и новых мобилизаций, рост цен и расстройство снабжения. Пространство патриотизма сжимается, он превращается в удобный аргумент в политической борьбе либеральной общественности с правительством. В широких массах патриотический этос самопожертвования сменяется рациональной стратегией выживания.

«Настроения 1914 года» следует рассматривать как самостоятельный феномен, а не этап эволюции патриотических настроений. Такой подход способен полнее раскрыть его нестабильный характер. Для июльско-августовского общественного подъема была характерна малая осведомленность участников о сути, характере, возможных последствиях разворачивавшихся глобальных процессов. Кроме того, следует иметь в виду, что громадная часть «простонародья» глубоко эмоционально реагировала на происходящее, однако эту реакцию нельзя охарактеризовать как проявление патриотических чувств. Таким образом, общим для российских «настроений 1914 года» был эмоциональный подъем, а оценка происходящего варьировалась в зависимости от социальной принадлежности индивида.

Литература

Аксенов, 2018 – Аксенов В.Б. «Патриотизм-1914»: от историографических противоречий к поиску психологической структуры // *Историческая экспертиза*. 2018. № 3. С. 232-252.

Аксенов, 2020 – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

Архипов, 2009 – Архипов И.Л. Патриотизм в период кризиса 1914–1917 годов // *Звезда*. 2009. № 9. С. 177-204.

Асташов, 2014 – Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый Хронограф, 2014. 740 с.

Базанов, 2017 – Базанов С.Н. Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М.: Академический проект, 2017. 218 с.

Белова, 2011 – Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.

Беркевич, 1947 – Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // *Исторические записки*. 1947. Т. 23. С. 3-43.

Борщуклова, 2008 – Борщуклова Е.Д. Частная благотворительность в России в условиях Первой мировой войны как элемент в выявлении патриотических настроений // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 84. С. 59-65.

Булдаков, 2014 – Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2014. № 4. С. 4-22.

Гайда, 2017 – Гайда Ф.А. Ответы на десять вопросов по истории Февральской революции // *Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии*. 2017. Т. 5. С. 14-19.

ГАОО – Государственный архив Орловской области.

Демидова и др., 2018 – Демидова Е.И., Наумов С.Ю., Захаров А.В. и др. Гуманизм и патриотизм как факторы консолидации российского общества в годы Первой мировой войны // *Власть*. 2018. № 4. С. 64-72.

Доклады, 1917 – Доклады Орловской губернской земской управы 51-му очередному Орловскому губернскому земскому собранию. Книга 1. Орел, 1917. 228 с.

Керенский, 1993 – Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Республика, 1993. 384 с.

Лейберов, 1999 – Лейберов И.П. Патриотические настроения, их проявления и угасание в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. // *Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков*. СПб.: Алетей, 1999. С. 497-501.

Ленин, 1969 – Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 286-291.

Леонов, 2014 – Леонов М.И. Русская провинция в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) (Среднее Поволжье и Заволжье) // *XX век и Россия: общество, реформы, революции*. 2014. № 2. С. 129-142.

Лор, 2012 – Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 301 с.

Молебен, 1914 – Молебен о даровании победы русскому оружию в Болхове // *Орловский Вестник*. 1914. 10 августа.

Народная манифестация, 1914 – Народная манифестация и молебен в Орле // *Орловский Вестник*. 1914. 24 июля.

Отчет, 1914 – Отчет Орловского Дамского комитета попечения о больных и раненых воинах за время с открытия его действий по 1 ноября 1914 года. Орел: Электрическая типография губернского правления, 1914. 33 с.

- Поршнева, 2010** – Поршнева О.С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история*. 2010. № 2. С. 185-200.
- Поршнева, 2014** – Поршнева О.С. «Вторая Отечественная»: общественные настроения в Уральских губерниях в начальный период Первой мировой войны // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки»*. 2014. 33 (130). С. 10-21.
- Санборн, 1999** – Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // *Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 202-216.
- Семенова, 2011** – Семенова Е.Ю. Патриотические и антипатриотические настроения горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.) // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 5. С. 141-149.
- Сергеев, 2020** – Сергеев Е.Ю. Имперский патриотизм и кампания борьбы с «немецким засильем» в России 1914–1917 гг. // *Культуры патриотизма в период Первой мировой войны (сборник статей)*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 39-51.
- Сироткина, 2007** – Сироткина И.Е. Российские психиатры на Первой мировой войне // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны*. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 326-344.
- Сухова, 2014** – Сухова О.А. Социальные настроения и массовое социальное поведение провинциального общества в годы Первой мировой войны // *XX век и Россия: общество, реформы, революции*. 2014. № 2. С. 105-128.
- Теория и методология..., 2014** – Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 575 с.
- Тютюкин, 1999** – Тютюкин С.В. Последний шанс императорской России // *Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год*. М.: Логос, 1999. С. 61-68.
- Юдин, 2014** – Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // *Вестник МГИМО*. 2014. № 4 (37). С. 17-25.
- Golovina et al., 2017** – Golovina T.A., Merkulov P.A., Polyaniin A.V. (2017). Strategic vectors of the development of the state support of youth entrepreneurship in Russia // *Ekonomicheskaya Politika*. 12(5): 42-61.
- Merkulov et al., 2017** – Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V. (2017). The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century. // *Bylye Gody*. 43(1): 257-264.
- Merkulov et al., 2020** – Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V. The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 226-241.
- Merkulov et al., 2021** – Merkulov P.A., Bukalova S.V., Leonova O.V. (2021). Development of the Social Assistance System in the Russian Empire during the World War I // *Bylye Gody*. 16(1): 392-403.
- Stroeva et al., 2015** – Stroeva O.A., Mironenko N.V., Merkulov P.A. et al. (2015). Transformation of National Innovative Systems: Russian and Foreign Experience. // *Asian Social Science*. 11(20): 206-219.

References

- Aksenov, 2018** – Aksenov, V.B. (2018). «Patriotizm-1914»: ot istoriograficheskikh protivorechij k poisku psihologicheskoy struktury ["Patriotizm-1914": from historiographical contradictions to the search for a psychological structure]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 3: 232-252. [in Russian]
- Aksenov, 2020** – Aksenov, V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918). [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians in the years of war and Revolution (1914-1918)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 992 p. [in Russian]
- Arhipov, 2009** – Arhipov, I.L. (2009). Patriotizm v period krizisa 1914-1917 godov [Patriotism during the crisis of 1914-1917]. *Zvezda*. 9: 177-204. [in Russian]
- Astashov, 2014** – Astashov, A.B. (2014). Russkij front v 1914-nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'. [The Russian Front in 1914-early 1917: military experience and modernity]. Moscow, Novyj Hronograf. 740 p. [in Russian]
- Bazanov, 2017** – Bazanov, S.N. (2017). Pervaya mirovaya. Ot «vojny do pobednogo konca» k «miru lyuboj cenoj» [The First World War. From "war to the bitter end" to "peace at any cost"]. Moscow, Akademicheskij proekt. 218 p. [in Russian]
- Belova, 2011** – Belova, I.B. (2011). Pervaya mirovaya vojna i rossijskaya provinciia. 1914-fevral' 1917. [The World War I and the Russian province. 1914-February 1917]. Moscow, AIRO-XXI 288 p. [in Russian]
- Berkevich, 1947** – Berkevich, A.B. (1947). Krest'yanstvo i vseobshchaya mobilizaciya v iyule 1914 g. [The peasantry and general mobilization in July 1914]. *Istoricheskie zapiski*. 23: 3-43. [in Russian]
- Borshchukova, 2008** – Borshchukova, E.D. (2008). Chastnaya blagotvoritel'nost' v Rossii v usloviyah Pervoj mirovoj vojny kak element v vyyavlenii patrioticheskikh nastroyenij [Private charity in Russia in the conditions of the First World War as an element in the identification of patriotic sentiments]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 84: 59-65. [in Russian]

Buldakov, 2014 – *Buldakov, V.P.* (2014). Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroenij [August 1914: the nature of "patriotic" moods]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 4: 4-22. [in Russian]

Demidova i dr., 2018 – *Demidova, E.I., Naumov, S.Yu., Zaharov, A.V. et al.* (2018). Gumanizm i patriotizm kak faktory konsolidacii rossijskogo obshchestva v gody Pervoj mirovoj vojny [Humanism and patriotism as factors of consolidation of Russian society in the years of the World War I]. *Vlast'*. 4: 64-72. [in Russian]

Doklady, 1917 – Doklady Orlovskoj gubernskoj zemskoj upravy 51-mu ocherednomu Orlovskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu. [Reports of the Orel Provincial Zemstvo Council to the 51st regular Orel Provincial Zemstvo Assembly] (1917). Oryol, 228 p. [in Russian]

Gajda, 2017 – *Gajda, F.A.* (2017). Otvetny na desyat' voprosov po istorii Fevral'skoj revolyucii [Answers to ten questions on the history of the February Revolution]. *Rossiya v epohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii*. 5: 14-19. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti [State Archive of the Orel region].

Golovina et al., 2017 – *Golovina, T.A., Merkulov, P.A., Polyagin, A.V.* (2017). Strategic vectors of the development of the state support of youth entrepreneurship in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*. 12(5): 42-61.

Kerenskij, 1993 – *Kerenskij, A.F.* (1993). Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary [Russia at the historical turn: Memoirs]. Moscow, Respublika. 384 p. [in Russian]

Lejberov, 1999 – *Lejberov, I.P.* (1999). Patrioticheskie nastroeniya, ih proyavleniya i ugashenie v gody pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. [Patriotic moods, their manifestations and extinction in the years of the World War I 1914-1918]. *Problemy social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XIX-XX vekov*. St Petersburg, Aletejya. Pp. 497-501. [in Russian]

Lenin, 1969 – *Lenin, V.I.* (1969). O porazhenii svoego pravitel'stva v imperialisticheskoy vojne [On the defeat of own government in the imperialist war]. *Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe*. T. 26. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury. Pp. 286-291. [in Russian]

Leonov, 2014 – *Leonov, M.I.* (2014). Russkaya provinciya v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917) (Srednee Povolzh'e i Zavolzh'e) [Russian province in the years of the World War I (1914-February 1917) (Middle Volga and Zavolzhye)]. *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyucii*. 2: 129-142. [in Russian]

Lohr, 2012 – *Lohr, E.* (2012). Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheskih poddannnyh» v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian nationalism and the Russian Empire: the campaign against "enemy subjects" during the World War I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 301 p. [in Russian]

Merkulov et al., 2017 – *Merkulov, P.A., Sokolov, V.V., Melnikov, A.V.* (2017). The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century. *Bylye Gody*. 43(1): 257-264.

Merkulov et al., 2020 – *Merkulov, P.A., Eliseev, A.L., Aronov, D.V.* (2020). The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation. *Bylye Gody*. 55(1): 226-241.

Merkulov et al., 2021 – *Merkulov, P.A., Bukalova, S.V., Leonova, O.V.* (2021). Development of the Social Assistance System in the Russian Empire during the World War I. *Bylye Gody*. 16(1): 392-403.

Moleben, 1914 – Moleben o darovanii pobedy russkomu oruzhiyu v Bolhove [Prayers for the victory of Russian arms in Bolkhov]. *Orlovskij Vestnik*. 1914. 10 avgusta. [in Russian]

Narodnaya manifestaciya, 1914 – Narodnaya manifestaciya i moleben v Orle [The people's manifestation and prayer in Orel city]. *Orlovskij Vestnik*. 1914. 24 iyulya. [in Russian]

Otchyot, 1914 – Otchyot Orlovskogo Damskogo komiteta popecheniya o bol'nyh i ranenyyh voinah za vremya s otkrytiya ego dejstvij po 1 noyabrya 1914 goda [Report of the Oryol Ladies Committee for the Care of sick and Wounded soldiers for the time from the opening of its operations to November 1, 1914]. Oryol: Elektricheskaya tipografiya gubernskogo pravleniya, 1914. 33 p. [in Russian]

Porshneva, 2010 – *Porshneva, O.S.* (2010). «Nastroenie 1914 goda» v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii [“The Mood of 1914” in Russia as a Phenomenon of history and historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 2: 185-200. [in Russian]

Porshneva, 2014 – *Porshneva, O.S.* (2014). «Vtoraya Otechestvennaya»: obshchestvennye nastroeniya v Ural'skikh guberniyah v nachal'nyj period Pervoj mirovoj vojny [“The Second Patriotic War”: public sentiment in the Ural provinces in the initial period of the First World War]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 33 (130): 10-21. [in Russian]

Sanborn, 1999 – *Sanborn, D.* (1999). Besporyadki sredi prizyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoj nacii: novyj vzglyad na problemu [Riots among conscripts in 1914 and the question of the Russian nation: a new look at the problem]. *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma)*. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. Pp. 202-216. [in Russian]

Semyonova, 2011 – *Semyonova, E.Yu.* (2011). Patrioticheskie i antipatrioticheskie nastroeniya gorozhan Povolzh'ya v Pervuyu mirovuyu vojnu (1914 – nachalo 1918 gg.) [Patriotic and anti-patriotic sentiments of the citizens of the Volga region in the First World War (1914 – early 1918)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5: 141-149. [in Russian]

Sergeev, 2020 – Sergeev, E.Yu. (2020). Imperskij patriotizm i kampaniya bor'by s «nemeckim zasil'em» v Rossii 1914–1917 gg. [Imperial patriotism and the campaign against the "German dominance" in Russia 1914-1917]. *Kul'tury patriotizma v period Pervoj mirovoj vojny (sbornik statej)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Pp. 39-51. [in Russian]

Sirotkina, 2007 – Sirotkina, I.E. (2007). Rossijskie psihiatry na Pervoj mirovoj vojne [Russian psychiatrists in the World War I]. *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoj mirovoj vojny*. St Petersburg, Nestor-Istoriya. Pp. 326-344. [in Russian]

Stroeva et al., 2015 – Stroeva, O.A., Mironenko, N.V., Merkulov, P.A. et al. (2015). Transformation of National Innovative Systems: Russian and Foreign Experience *Asian Social Science*. 11(20): 206-219.

Suhova, 2014 – Suhova, O.A. (2014). Social'nye nastroyeniya i massovoe social'noe povedenie provincial'nogo obshchestva v gody Pervoj mirovoj vojny [Social moods and mass social behavior of provincial society in the years of the World War I]. *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyucii*. 2: 105-128. [in Russian]

Teoriya i metodologiya..., 2014 – Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki : terminologicheskij slovar' [Theory and methodology of historical science: terminological dictionary]. Otv. red. A.O. Chubar'yan (2014). Moscow: Akvilon, 575 p. [in Russian]

Tyutyukin, 1999 – Tyutyukin, S.V. (1999). Poslednij shans imperatorskoj Rossii [The last chance of Imperial Russia]. *Kuda idet Rossiya? Krizis institucional'nyh sistem: vek, desyatiletie, god*. Moscow: Logos. Pp. 61-68. [in Russian]

Yudin, 2014 – Yudin, N.V. (2014). Patrioticheskij pod'yom v nachale Pervoj mirovoj vojny: konstruktivistskij rakurs [Patriotic rise at the beginning of the World War I: a constructivist perspective]. *Vestnik MGIMO*. 4(37): 17-25. [in Russian]

Патриотические настроения 1914 года как мобилизационный ресурс социальных трансформаций

Павел Александрович Меркулов ^a, Светлана Владимировна Букалова ^{a, *},
Оксана Вячеславовна Леонова ^b, Надежда Викторовна Мироненко ^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Среднерусский институт управления – филиал, Российская Федерация

^b Банковский колледж Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Статья анализирует «патриотический подъем», сопровождавший вступление России в Первую мировую войну. Данный феномен общественного сознания и массового поведения рассматривается в рамках эволюции социально-политической сферы Российской империи предреволюционных лет, которая демонстрировала парадоксальную динамику перехода от видимого единения общества и власти к преобладанию антиправительственных настроений в условиях ожесточенного противостояния военной агрессии. Авторы констатируют слабость идейной основы патриотических настроений июля–августа 1914 года, что вело к преобладанию в них эмоциональной составляющей и определяло временную ограниченность этого явления. Содержание «настроений 1914 года» анализируется через их объективные внешние проявления: патриотические шествия, всплеск благотворительности и добровольчества, беспорядки мобилизованных. Каждое из этих явлений лишь в ограниченной степени может быть объяснено патриотической или «антипатриотической» мотивацией. Делается вывод о том, что начальный период Первой мировой войны в России сопровождался контрастными проявлениями общественной активности и противоположными эмоциями, отражавшими переход социума из стабильного в экстремальное состояние. Авторы приходят к выводу, что по своей природе «патриотический подъем» был самостоятельным явлением, что позволяет рассматривать его вне получившей распространение трехэтапной периодизации развития патриотических настроений в России в годы Первой мировой войны. Тем самым снимается проблема «вины» самодержавия, якобы не сумевшего использовать потенциал всеобщего патриотического воодушевления для мобилизации российского общества на ведение войны.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, патриотизм, мобилизация, социальная политика, благотворительность, беспорядки мобилизованных.

* Корреспондирующий автор

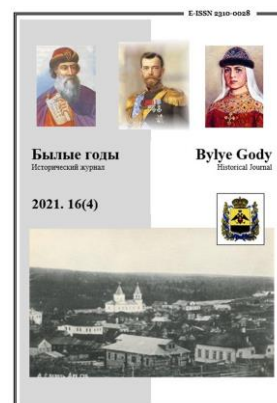
Адреса электронной почты: stl1612@yandex.ru (С.В. Букалова), nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), oks980@rambler.ru (О.В. Леонова), mironenkonado@mail.ru (Н.В. Мироненко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(4): 2073-2083
 DOI: 10.13187/bg.2021.4.2073

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Identification of the Steamer “Granata”, acquired by Izhevsk Factories during the First World War

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The steamers of the Izhevsk Arms and Steel Works had a significant impact on the cultural and economic life in the village of Izhevsk Zavod. In the scientific and local history literature, there is often a mention of the steamer “Granata”, acquired by Izhevsk plants during the World War I. Unfortunately, in most works, information about the ship is reduced only to the very fact that there was such a ship. Analysis of graphic images and textual documentation shows that the Izhevsk steamer “Granata” is apparently a serially built steamer at the Votkinsk plant. But the analysis of biographies according to the data of registers and ship lists unambiguously showed that the Votkinsk plant by 1914 had not built steamers with an unknown fate, with characteristics similar to the “Granata”. On the other hand, the existing steamers “Krasnovodsk” (i) and “Oriet”, whose biography by 1914 is not clear, differ too much in characteristics from the “Granata” and it would take a lot of money and time to rebuild them. This makes a rebuilt version unlikely. So the most promising version is with the use of the Votkinsk plant of the old hull from the steamer “Vyatka”, built by order of the Ministry of Railways. Votkinsk plant has been in litigation with the Ministry of Railways for a long time over the excess of costs for work on the “Vyatka” in excess of the contractual amounts, so the possibility of using the old hull of the steamer is quite likely as a way to partially repay the debt. On the other hand, among the ships attributed to the Votkinsk plant, there is a steamship “Galevskaya Pristan”, the construction documentation of which is absent. And it is quite probable that the former hull of “Vyatka” passes under this name.

Keywords: reconstruction, steamboat, shipbuilding, Votkinsk plant, Izhevsk plants, World War I.

1. Введение

Пароходы Ижевских оружейного и сталелитейного заводов оказали существенное влияние на культурную и хозяйственную жизнь поселка Ижевский завод. В научной и краеведческой литературе часто встречается упоминание о пароходе «Граната», приобретенном Ижевскими заводами в годы Первой мировой войны. К сожалению, в большинстве работ информация о судне сводится лишь к самому факту, что такой пароход был. При детальном знакомстве с делопроизводственной документацией Ижевских заводов можно узнать, что судно построено на Воткинском заводе. Но среди построенных воткинских судов, биографии которых не удастся реконструировать на начало Первой мировой войны, т.е. на дату появления в Ижевске, нет ничего похожего по характеристикам на «Гранату». Соответственно биографии тех судов, которые имеют подобные характеристики, реконструированы на весь период мировой войны, что исключает их даже кратковременное пребывание в Ижевске.

* Corresponding author

E-mail addresses: nicoo2@mail.ru (N.W. Mitiukov)

2. Материалы и методы

Многочисленные публикации о пароходе «Граната» сообщают лишь сам факт появления судна в Ижевске в начале 1915 г. В основном они базируются на мемуарах А.Н. Бердникова и Г.М. Кутузова. Ранее автором были опубликованы обзоры делопроизводственной документации, содержащейся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР). Несмотря на то, что они сообщают о технических деталях парохода, тем не менее не дают возможности установить раннюю биографию судна. Для создания завершённой картины были использованы данные речных регистров и списков судов.

Основным принципом для реконструкции биографий судов на уровне идеологии послужил принцип минимума энтропии, сформулированный Ильёй Пригожиным. Применительно к исторической реконструкции, поскольку в данном случае задача имеет вероятностный характер, его можно сформулировать следующим образом: наибольшую вероятность будет иметь та реконструкция, которая требует наименьших усилий от ее исполнителей. Таким образом, приоритет отдается самым простым для реализации альтернативам. В качестве основных методов выступили историзм и логические методики, позволившие по разрозненным и эклектичным свидетельствам источников предложить логичную реконструкцию ранней биографии парохода «Граната».

3. Обсуждение

Нельзя сказать, что пароход «Граната» обделен вниманием в ижевской краеведческой литературе. Но, к сожалению, информация о нем сводится лишь к самому факту, что такой пароход был. Поскольку библиографический аппарат в подобного рода изданиях отсутствует, можно лишь предполагать, что их источником послужили мемуары, в первую очередь Г.М. Кутузова. Описывая жизнь Ижевска военного периода, мемуарист дословно сообщает следующее: «*Пароход “Граната” в будни перевозил рабочих, живущих в Колтоме, к заводской пристани»* (Кутузов, 2019: 83). И далее, что зимой «*четыре парохода – “Шрапнель”, “Граната”, “Ижонок” и “Шторм” – стояли на причале возле угольных ворот на ревизию»* (Кутузов, 2019: 85). Что интересно, Г.М. Кутузов, характеризуя каждый пароход, подчеркивает, что «Шрапнель» использовалась на буксировке, в то время как «Граната» (это видно из приведенного отрывка) – на пассажирских перевозках.

Интересное уточнение дает краевед О.В. Севрюков. При этом он ссылается на мемуары ижевского рабочего А.Н. Бердникова (1889–1938), по-видимому, в настоящее время утерянные, так что о них можно составить представление исключительно по пересказу О.В. Севрюкова. Цитируя дневники мемуариста, он сообщает: «*Казна купила еще два парохода... Первый везли на 360 лошадях 9 января 1915 г., второй – 23 января на 150 лошадях»* (Севрюков, 1972). Ранее мы уже говорили об интересном совпадении с записью в Журнале заседаний Хозяйственного комитета, высшего органа административного управления Ижевских заводов от 24 января 1915 г.: «*купленные два парохода уже на пути к Ижевцу. Один подвезен к селению, а другой скоро прибудет к Гольянам»*. Из чего сделан вывод, что А.Н. Бердников, скорее всего, описывает один и тот же пароход, который, возможно, начали буксировать из Гольян 9 января, а закончили 23 января. К этому времени заводы действительно приобрели два парохода «Гранату» и «Шторм», и речь явно идет о доставке «Гранаты».

Существенно дополняет историю «Гранаты» делопроизводственная документация Ижевских заводов, ранее обобщенная нами в ряде работ (Mitiukov et al., 2019). К сожалению, составить цельную картину по имеющимся осколкам информации из делопроизводственной документации Ижевских заводов вряд ли возможно. Основной массив документов этого периода отражает разнообразные технологические вопросы, объемы производства винтовок для армии и прочие технические аспекты функционирования заводов, почти обходя вниманием заводскую флотилию. Что, в общем-то, и понятно: водный транспорт справляется со своими функциями, проблем не приносит.

Частично ответить на вопрос о технических характеристиках «Гранаты», ставшей после 1920 г. «Красной звездой», помогает опись заводского имущества на 1 октября 1926 г., в которой за Инв. № 33701 числится пароход «Красная Звезда» постройки Воткинского завода 1902 г. Длина его корпуса 35 м, ширина 5,75 м, высота бортов 1,92 м. «*Скорость 15 верст в час [16 км/ч]. Расположение верхней надстройки имеет: салон на 30 чел. На обоих бортах по две каюты. В носовой части находится общий носовой трюм. В кормовой части находятся четыре каюты. Годность 30 %. Паровой котел пролетной системы длиной 5,5 м, диаметр 1,7 м, площадь нагрева 73,22 м². Рабочее давление пара 12 атм. Годность 30 %. <...> Дымовая труба 1 шт. <...>. Паровая машина компаунд. Мощность 30 л.с., двойного расширения с холодильником, число оборотов 40. Диаметр цилиндра высокого давления 270 мм, тоже низкого 485 мм. Ход поршней 535 мм. Гребные колеса системы Моргана, диаметр 2,134 м. Освещение парохода электрическое» (Mitiukov et al., 2019).*

Это самое подробное описание парохода, встречающееся в заводских документах. Оно частично дополняется еще несколькими документами. Так имеется «*Опись локомотивов завода»*, датированная февралем 1920 г., среди которых упоминаются и пароходы. Под заводским № 15 там числится пароход «Граната». Упомянутые выше сведения дополняются номером котла по котловой книге – № 5553. Местом постройки парохода также указан Воткинский завод, а вот диаметры

цилиндров, приведенные в дюймах, после перевода в метрическую систему получаются 432 и 882 мм, как и ход поршня 840 мм, что явно противоречит приведенному выше описанию, но полностью совпадает с таковым у парохода «Шрапнель». Поэтому можно предположить, что в документе эти размеры ошибочно продублированы с него. Мощность машин указана в 40 л.с. Впрочем, мощность машин по разным документам «гуляет» от 30 до 45 л.с., очевидно, вследствие разного способа подсчета. Но эта мощность неизменно показана большей, чем у «Свободы» – «Шрапнели».

Следующий важный документ того же дела озаглавлен «*В дополнение отношения от 15 декабря за № 2534 <...> сообщаем о площади пароходов*», и далее дается список: «Свобода» 105 футов (32,02 м), «Иж» 57 футов (17,38 м), «Крас[ная] Звезда» 114 футов (34,77 м). Судя по всему, под «площадью» в документе понимается длина пароходов. Дата документа не указана, но понятно, что он составлен как ответ на отношение 15 декабря вскоре после этой даты, т.е. в декабре 1920 г., поскольку дело было закрыто уже в феврале 1921 г. Как видно, в списке приведены новые названия пароходов, что указывает на их переименование в 1920 г. Далее в деле в переписи оборудования снова приводятся сведения о котлах пароходов, где у «Гранаты» снова указан № 5553, что, таким образом, исключает возможность ошибки или опечатки.

Далее в наших работах мы обратили внимание на практическую идентичность внешнего вида «Красной звезды» (позднее «Красного сплавщика» и после «Звезды») с чертежом воткинского парохода в 175 л.с. по заказу Астраханского порта. Причем при наложении фотографии «Звезды» на чертеж парохода они совпадают не только по пропорциям надстройки и корпуса, но и даже по положению ряда второстепенных элементов, таких как сходные трапы (Mitiukov et al., 2018).

Теоретический чертеж корпуса буксирного рейдового парохода в 175 л.с. указывает длину между перпендикулярами 32 м (104' 11 7/8"), ширину 5,5 м (18' 9/16"), высоту борта 2,3 м (7' 6 1/2"), осадку 0,76 м (2' 5 15/18"). Чертеж общего вида рейдового буксирного парохода в 175 л.с. дает длину по ватерлинии 32 м (105'), ширину по мидель-шпангоуту 5,5 м (18'), высоту борта 2,28 м (7'6"), осадку 0,76 м (2'6") (ВМЗ, 2018). Как видно, цифры близки к характеристикам «Красной звезды», хотя и не совпадают один в один.

В 1915 году, когда Астраханский порт заказал в Воткинске четыре парохода, два винтовых (№ 367 и № 368) заказали по типу «Красноводска» (1904 г.), а у двух колесных в 175 л.с. (№ 365 и № 366) явного прототипа не было. Но они явно разрабатывались на основе предыдущего опыта, так что совпадение внешнего вида «Гранаты» и парохода в 175 л.с. только подтверждает наличие общего прототипа.

Подтверждают факт постройки «Гранаты» в Воткинске и некоторые неофициальные документы. Так, нами был ранее опубликован документ из фондов архива музея Воткинского завода, где имеется папка бывшего директора музея А.З. Воротова. Он вел обширную переписку с организациями, имевшими на тот момент в строю воткинские пароходы. Среди писем имеется фотография парохода «Звезда», присланная в заводской музей 15 сентября 1968 г. помощником капитана Серебряковым. На обороте фотографии написан год – 1945, и указано, что пароход построен в 1901 г., а до революции назывался «Гранат» (АВЗ, папка Воротова, письмо 15.09.1968).

Обращает внимание на себя еще одна интересная закономерность. В 1927 г. «Красная звезда» была выведена в отстой. Поскольку какая-либо делопроизводственная документация о расконсервации судна отсутствует, нами был произведен анализ ижевской периодики 1930-х гг. Самая ранняя дата, связанная с судном, относится к лету 1937 г.

«Ижевская правда» 30 июня 1937 г. писала: «*Сегодня на Воложку едут рабочие станкостроительного цеха и отделов Ижстальзавода. Пароходы "Красный флаг" и "Свобода" за один рейс перевезут 1200 человек*» (На Воложку // Ижевская правда. 1937. 30 июня). Название «Красный флаг» возможно, ошибка журналистов. Но летом 1937 г. сразу несколько удмуртских газет описывают участие «Красного сплавщика» в морском празднике 30 июля 1937 г. А в 1938 г. пароход уже фигурирует в Ижлеспромкомбинате.

И именно начиная с 1937 г., имеются подробные фотографии парохода. До этого он был показан или на заднем плане, или полузагороженным какими-то предметами на переднем.

Это все исходные данные для реконструкции ранней биографии «Гранаты».

4. Результаты

Многочисленное упоминание, что «Граната» построена в Воткинске, позволяет предположить, что ошибки в этих сведениях нет и она действительно построена там. Ранее нами был реконструирован список всей продукции судостроительного цеха Воткинского завода (ВМЗ, 2018). Из него можно выделить:

1. Список пароходов, однотипных 175-силному пароходу для Астраханского порта с неустановленной биографией.

2. Список пароходов с неясной биографией к началу Первой мировой войны.

Среди всех колесных пароходов с длиной корпуса чуть больше 30 м есть один, биография которого осталась неустановленной. Это последний воткинский пароход «Сплавщик». К сожалению, информации о нем в заводской документации немного. Известно, что это было судно с мощностью

машины 175 л.с. А поскольку его проектирование заводские конструкторы провели довольно оперативно (это при том, что после революции он стал единственным построенным с нуля пароходом), возникает предположение, что судно построили по слегка доработанным чертежам буксирного рейдового парохода в 175 л.с.

Можно предположить, что судно после постройки ушло в Ижевск. При этом «Красная звезда» после консервации действительно стала «Красным флагом», а потом быстро отправилась на слом. Соответственно «Сплавщик» стал «Красным сплавщиком».

По отчету Воткинского завода 1937 г. в разделе о произведенной продукции имеется запись о пароходе «Сплавщик», стоимость работ по которому составляет 327,6 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 71. Л. 16 об.). В незавершенном производстве этого года значатся следующие строки: Сборка машины парохода – 12 621 руб. 88 коп. на начало года, на конец – 69 114 руб. 80 коп. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 71. Л. 64-66). И далее подобная картина имеется по некоторым другим цехам, из которой понятно, что на конец 1937 г. пароход еще не готов. В Акте прима-передачи завода от бывшего директора Фролова новому – Фирсову от 30 апреля 1938 г. отмечается, что на февраль этого года в постройке находится пароход «Сплавщик», на котором за февраль смонтировано 635 деталей на сумму 454 руб. С начала же года (то есть за январь–февраль) на него смонтировано 1 165 деталей на сумму 1 450 руб. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 82. Л. 11). В графе, посвященной обзору действующих договоров по состоянию на 31.03.1938 г. отмечается, что пароход строится по заказу Омтеуправления со сметной стоимостью 470 тыс. руб. и со сроком готовности в 1937 г. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 82. Л. 13). Так что постройка судна осуществляется с запаздыванием.

Из дальнейшей документации становится понятным, что в 1938 г. судно предполагали передать Главсевморпути, но передаточные акты в фондах завода отсутствуют, поэтому непонятно, ушел он этому заказчику или нет. Таким образом, явно однотипные воткинский «Сплавщик» и ижевский «Красный сплавщик» вполне могут представлять собой одно судно. Но на лето 1937 г., если первый еще находится в незавершенном производстве, второй уже фигурирует на Ижевском пруду, о чем сообщают ижевские газеты. Вероятность того, что доставка столь большого судна в Ижевск прошла незаметно для ижевских газет, близка к нулю. Тем более именно в 1937 г. в прессе активно обсуждались перспективы появления в Ижевске речного трамвайчика. Так что можно уверенно утверждать, что «Красный сплавщик» – это все-таки бывшая «Граната».

Таким образом, список пароходов по пункту 1 исчерпывается.

Далее можно проанализировать в качестве возможных кандидатов суда, чья биография обрывается до 1914 г. Таких кандидатур две, но они обе винтовые: это пароходы «Красноводск» (1-й) и баркас «Орьет». Таким образом, если это «Граната», ее бы пришлось перестраивать.

В 1900 г. Министерство путей сообщения заказало Воткинскому заводу два винтовых парохода «Дербент» и «Красноводск». Строились они фактически по одним чертежам, что отмечает в своих дневниках инженер завода Н.Г. Богатырев (МИКВ № 707). Однако длина корпуса второго в ходе постройки была увеличена с 30 до 32,5 м. В результате, когда судно достроили, в числе прочих недостатков у него обнаружилась низкая остойчивость, что для низовьев Волги и Каспия виделось серьезным дефектом. Поэтому завод вынужден был заложить новый корпус с большей на полтора фута шириной. В заводских документах они иногда упоминаются как «первый», или «старый» «Красноводск» и «второй», или «новый» «Красноводск». Но чаще всего оба просто указаны как «Красноводск», так что зачастую непонятно, какой из двух пароходов имеется в виду. Первый «Красноводск» имел длину корпуса 32,48 м (106'6"), ширину 5,03 м (16'6"), высоту борта 2,59 м (8'6") и осадку 1,68 м (5'6") (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 132), что очень близко к размерениям «Гранаты».

«Красноводск» числится в составе заводской флотилии, изредка безуспешно выставляется на аукцион. С 1904 г. он стоял в Астрахани фактически без использования, постепенно приходя в негодность. Сам пароход обошелся заводу в 61 273 руб., но цена эта для продажи была явно завышенной, и судно в первый раз ставят на аукцион за 30 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10790. Л. 1). Но и она для потенциальных покупателей выглядела слишком высокой. В ноябре 1908 г. завод ходатайствовал о снижении цены до 16 тыс. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10768. Л. 81), но и тогда покупателей не нашлось.

Лишь в 1909 г. судно купил Джевад Велиев с рассрочкой платежа до 1912 г. На 1 января 1910 г. он числился среди дебиторов завода с суммой 4 000 руб. в 1911 г. и столько же в 1912 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10925. Л. 34).

В 1915 г. судно числится в Русском регистре судов Каспийского моря в собственности у Бакинского пароходства «Ислам» в качестве двухвинтового буксирного парохода с железным корпусом. Регистровый № 3692. Место постройки – Воткинский завод, 1903 г., а ширина 5,00 м (16'5"), что однозначно указывает на «Красноводск» (1-й). В феврале 1914 г. судно в Баку осмотрено представителями регистра и собственнику выписано свидетельство сроком на 14 месяцев (Регистр, 1915, Ч. 10: 32-33). Но вот что интересно, в этом же регистре, но в части по Волжскому бассейну, это же судно уже с регистровым № 266 принадлежит Воткинскому заводу и находится в аренде у Д. Велиева. Оно проходило в последний раз осмотр регистром в октябре 1909 г. в Астрахани,

свидетельство выдано сроком на один год. Ширина корпуса показана 5,03 м (16'6"), что снова указывает на «Красноводск» (1-й) (Регистр, 1915, Ч. 7: 176-177).

Понятно, что одна из этих регистраций ошибочная, скорее всего, вторая – судно перешло в другой бассейн, о чем забыли известить представителей регистра по месту бывшего пребывания. И тогда к моменту, когда «Граната» уже находилась на Ижевском пруду, первый «Красноводск», скорее всего, был в Баку. Поскольку с момента прохождения осмотра представителями регистра в феврале 1914 г. судно должно было успеть перейти в Воткинск, где пройти перестройку. Вряд ли это можно было успеть до окончания навигации 1914 г., чтобы судно перед ледоставом уже стояло бы в Гольянах.

Вторая потенциальная кандидатура для «Гранаты» – это барказ «Орьет». Информации о нем в заводских документах тоже немного.

Характеристики судна приводятся в списке продукции судостроительного цеха Воткинского завода, составленном директором Воткинского краеведческого музея В.Н. Ступишиным. Буксирный пароход «Ориет» находится в нем под № 37. Длина корпуса 24,02 м (78'9"), ширина 3,96 м (13'), высота борта 1,98 м (6'6"), осадка порожним 0,95 м (3' 1 1/2"). Машина 100 л.с., тип – компаунд морской. Стояло две машины по два цилиндра с приводом на винты. Диаметры цилиндров 162 мм (6 3/8") и 305 мм (12"), ход поршня – 222 мм (8 3/4"). Котел оборотный, один. Диаметр 1,98 м (6'6"), длина 3,02 м (9' 10 3/4"), поверхность нагрева 46,64 м² (502 кв.ф.), давление пара 9,2 атм. (135 фн/кв.д.). Год постройки 1902, стоимость 23 000 руб. (МИКВ. Д. 4812: 2).

Судя по чертежу «Общий вид двухвинтового полуморского барказа "Орьет"», утвержденного 19 сентября 1902 г., длина судна 24,02 м (78'9"), высота бортов 1,98 м (6'6"), ширина 3,96 м (13'0"), осадка 0,76 м (2'6") (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 188). Эти же размерения указаны на чертеже железных работ «Корпус барказа "Ориет" г. Велиева», утвержденном 26.01.1901 г. (АВЗ. Рулон 2. № 23). Таким образом, судно для превращения в «Гранату» должно было пройти довольно кардинальную перестройку с удлинением и уширением корпуса. На втором чертеже (АВЗ. Рулон 2. № 23) приводятся также поперечные разрезы, на основании которых создается достаточно полное впечатление о теоретическом чертеже корпуса «Орьета». Это плоскодонное судно, расширение и удлинение которого представляет вполне реализуемый процесс. При обрезании оконечностей в центр образовавшейся секции можно вставить довольно простую по очертаниям продольную вставку. После этого остается сформировать лишь поперечные вставки для стыковки с ранее обрезанными оконечностями.

Информация о судне содержится в Русском регистре 1915 г. С регистрационным № 1104 там числится служебный двухвинтовой железный барказ «Ориед» постройки Воткинского завода 1902 г. Капитана у судна нет, в последний раз осматривалось регистром в феврале 1904 г. в Галево, из чего явствует, что свидетельство на судно уже давно просрочено. Характеристики судна полностью совпадают с приведенными выше (Регистр, 1915, Ч. 7: 256-257).

Интересно также дело Астраханского бюро Русского регистра об осмотре барказа «Орьет». В феврале 1904 г. судно было осмотрено в Галево представителями регистра, на этот момент с Рег. № 1104 оно принадлежало Воткинскому заводу (ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1104. Л. 1). А вот актов осмотра 18 сентября 1904 г. в деле два. Оба они идут под МПС № 889. Первое напечатано на бланке Астраханского технического бюро страховых обществ с указанием карандашом, что осмотр проведен в Нижнем Новгороде (ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1104. Л. 2), а второй акт осмотра заполнен на бланке Нижегородского (ГААО. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1104. Л. 3). Но в любом случае получается, что с сентября 1904 г. свидетельство не продлялось.

Поскольку у заказчика возникли финансовые затруднения, в 1902 г. «Орьет» включили в заводскую флотилию. Так что осмотр регистром как раз и проведен с целью эксплуатировать судно в предстоящую навигацию. Судно начало ее уже 29 апреля 1902 г. и завершило 14 октября, став на якорь в Галево (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10525. Л. б.н.). Документы Воткинского завода о действии барказа «Орьет» за следующий 1903 г. дают расходы по нему: на приобретение материалов и вещей 1 936 руб. 65 1/4 коп., на заработную плату 2 037 руб. 82 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10587. Л. 218об.). Кроме того, в течение года з 282 руб. 72 коп. было затрачено на погрузку и разгрузку буксируемых «Орьетом» барж. Общая сумма прибылей за 1903 г. составила 8 950 руб. 32 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10587. Л. 331 об.-332). Чем занимался «Орьет» в 1904 г., из документации завода не понятно, но в этом году на него было затрачено всего 54 руб. 77 коп. полуфабрикатов, изготовленных на самом заводе, 54 руб. 69 1/2 коп. покупных материалов, и 290 руб. 8 коп. пошло на заработную плату команды. Учитывая прочие статьи расходов, на содержание судна в год ушло 418 руб. 65 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10592. Л. б.н.). Так что можно утверждать, что в 1904 г. судно толком не работало. Можно предположить, что оно стоит на каких-то аукционах.

В сводном отчете работы завода за 1905 г. в графе «Списано и принято на счет прибылей и убытков» в строке «Убытков от продажи состоявших на сч[ете] инвентарного имущества» значится «Пароход "Орьет"», рядом с ним в скобках указано: «Телегр[аммой] Гл[авного] Нач[альника] Ур[альских] казен[ных] зав[одов] з мая». Очевидно, имеется в виду документ, по которому разрешена продажа судна по цене, меньшей построечной стоимости. Далее уточняется, что эта телеграмма имела № 293. А далее в графе «на счету прибыток или убыток» значится сумма 8 016 руб. 90 1/2 коп., списанная в убыток завода (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10619. Л. б.н.).

Таким образом, можно заключить, что в мае 1905 г. судно уже продали. При себестоимости 24 тыс. руб. оно ушло за 16 тыс., с убытком в 8 тыс. Общая калькуляция по строительству судна, приводимая В.Н. Ступишиным, подтверждает это. Она выглядит следующим образом: постройка корпуса 23,3 т (1423 п. 28 ф.) – 8 348 руб. 75 коп.; приготовление паровых машин 5,5 т (336 п. 4 ф.) – 7 032 руб. 42 коп.; приготовление котлов 2,5 т (154 п. 36 ф.) – 2 325 руб. 5 коп. Всего по цеховой стоимости 29 665 руб. продажная цена 16 000 руб., общий убыток завода 13 665 руб. (МИКВ. Д. 4812: 90б.).

К сожалению, в документации не приводятся инициалы покупателя, а поскольку на Каспийском море свои суда имели несколько Тагиевых, остается лишь догадываться, какой из них приобрел «Орьет». Скорее всего, речь идет о Гаджи Зейнахе Абдин Тагиеве, в 1904 г. выкупившем построенные также для И.В. Велиева пароходы «Кизил-Агач» и «Бакинец». Очевидно, под эту сделку «Орьет» и осмотрели представители регистра в феврале 1904 г. А вот далее барказ полностью теряется как в заводской документации, так в регистрах и списках судов. Справочник «Русский торговый флот» дает список морских судов России на 1 января каждого года. Он ежегодно обновлялся и издавался. Но, что характерно, ни в одном из выпусков нет парохода «Орьет». Так что дальнейшая судьба судна после 1905 г. неизвестна.

Относительно возможности перестройки судна, в архиве музея Воткинского завода имеется интересная фотография. Подпись к ней гласит: «Камский судостроительный завод. Пароход «Ориет» с отрубленной кормой. Фото 1902 г.» (АВЗ. Альбом Судостроение. № 49). На переднем плане хорошо видна обрубленная корма. Но, если присмотреться, становится видно, что и нос, скорее всего, у судна также отрублен. Таким образом, здесь запечатлено не последствие какой-то аварии, а явно перестройка с удлинением корпуса (Рисунок 1).

Рис. 1. Камский судостроительный завод. Пароход «Ориет» с отрубленной кормой. Фото 1902 г. (АВЗ. Альбом Судостроение. № 49)

Таким образом, поскольку фотография явно указывает на удлинение корпуса, вполне возможно, что это была указанная выше перестройка и с его уширением. Так что размерения судна вполне могли соответствовать таковым у «Гранаты», правда, непонятно, зачем могла понадобиться такая трудоемкая операция.

Но это предположение опровергается текстом контракта на постройку судна. 7 октября 1900 г. «Бакинский житель» (так указано в документе) имам Верди Велиев и горный начальник Камско-

Воткинского горного округа П. Троян заключили контракт на постройку речного двухвинтового барказа «Орьет». Техническое задание на последний гласило: длина 18,3 м (60 футов), ширина 3,96 м (13 футов), высота 1,98 м (6,5 футов) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10399. Л. 22 об.-25). Получается, что изначально планировался более короткий на 6 м барказ. Так что на фотографии, скорее всего, изображено удлинение корпуса, осуществленное действительно в 1902 г., как указано в подписи к фотографии (или на год раньше), под влиянием аварии на пароходе «Маштага».

Так что, скорее всего, «Орьет» также к «Гранате» не имеет никакого отношения: слишком трудоемкая процедура требуется для его перестройки. Поэтому, возможно, Воткинский завод имел в своем распоряжении какой-то чужой корпус, который и стал «Гранатой».

В 1905 г. Воткинский завод получил заказ на «ремонт с заменой корпуса» на два судна МПС – пароход «Вятка» и барказ «Красотка». Предполагалось, что все работы завод проведет зимой 1905/06 гг. и сдает готовый заказ к началу навигации 1906 г., то есть не позднее 12 апреля 1906 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10628. Л. 25). Контракт предусматривал «старый корпус парохода “Вятка” переделать на нефтянку с устройством переборок, мерников и разных насосов для накачивания нефти в мерники и пр.» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10628. Л. 9).

Относительно парохода «Вятка» списки судов сообщают следующие сведения. В списке 1892 г. судно отсутствует (Список..., 1892) и появляется впервые лишь в списке 1897 г. под № 2789. Длина 34,65 м (16 саж. 13 верш.), ширина с кожухами 8,83 м (4 саж. 7 верш.), без кожухов 4,92 м (2 саж. 15 верш.), высота борта 1,91 м (2 арш. 11 верш.), осадка порожним 0,62 м (3 четв. 2 верш.). Судно построено в 1893 г. в Або на заводе «Крейтон и Ко». Информации о машине и котле отсутствует (кроме мощности 45 н.л.с и 180 и.л.с.), а район плавания показан от устья Вишеры до устья Камы (Список..., 1897: 256-257). Характеристики «Вятки» в списке за 1900 г., где судно помещено под № 3211 с районом плавания Кама, Вишера и Колва, сообщаются следующие: длина 34,90 м (114'5"), ширина с кожухами 9,30 м (30'6"), без кожухов 5,01 м (16'5"), высота борта 1,91 м (6'3"), осадка порожним 0,84 м (4 четв. 3 верш.). Машина компаунд без холодильника, мощность 45 н.л.с., 180 и.л.с. Котел по котловой книге № 1202 (запись от 1897 г.), рабочее давление $6 \frac{2}{3}$ атм. Отопление котла смешанное, запас топлива 0,5 куб. саженой дров и 8,5 пудов нефти. Команда 16 чел. (Список..., 1900: 344-345).

В списке 1908 г. судно помещено уже с новыми характеристиками под № 3777: длина 40,26 м (132'), высота борта 2,21 м (7'3"), ширина с кожухами 9,30 м (30'6"), без кожухов 4,95 м (16'3"), осадка порожним 0,89 м (5 четв.). Корпус значится постройкой Воткинского завода 1906 г., а машина и котел – завода Крейтона из Або 1892 г. Команда 14 чел. Район плавания Чердынь – устье Белой (Сборник, 1908: 422-423).

Что интересно, размерения в точности соответствуют таковым на «Гранате». Длина совпадает с точностью до фута: 114' на «Гранате» (в сообщении «о площади пароходов») и столько же у «Вятки» в списке 1900 г. Высота бортов также совпадает с точностью до сантиметров. И лишь ширина немного различается. Так что выходит, Воткинский завод продал в Ижевск бывший корпус «Вятки».

Судя по списку 1912 г., котлы с номерами 555Х произведены около 1912 г. (Сборник, 1912). Возможно, эта дата и определяет год, когда старый корпус «Вятки» снова получил машину и котел. К сожалению, за этот год отсутствует традиционный ежегодный отчет о работе завода, так что проверить по делопроизводственной документации это предположение не получится.

Интересно отметить, что именно в этот период в «Русском регистре» появляется пароход «Галевская пристань» постройки Воткинского завода, который отсутствует в заводских документах. Так что получается пароход с завода, который сам завод не строил. Но единственная информация о судне встречается лишь в «Русском регистре» за 1915–1916 гг., а в списках судов оно отсутствует: его еще нет в списке 1912 г. и уже нет в списке 1917 г. Если ориентироваться на номер котла, в списке 1912 г. судно еще могло не быть. Публикуя характеристики «Галевской пристани» (порядковый № 334), регистр явно дублирует данные по идущему перед ним пароходу «Галево» (порядковый № 333).

Буксирный колесный железный пароход «Галевская пристань» имел длину корпуса 48,8 м (160'), ширину 6,71 м (22'), высоту 2,14 м (7'). Различается осадка: у «Галево» она составляет порожним 0,53 м (3 четв.), с топливом 0,71 м (4 четв.), у «Галевской пристани» – порожним 0,40 м (2 $\frac{1}{4}$ четв.). Корпус имел шесть переборок (у «Галево» – 7), электрическое освещение и деревянную палубу. Машина компаунд с инжектором и холодильником. Диаметры цилиндров 343 мм (13 $\frac{1}{2}$ "") и 635 мм (25"), ход 915 мм (36"). На обоих судах стояло по одному оборотному котлу с нефтяным отоплением и с давлением пара 9,2 атм. (135 фн./кв. д.). Различаются поверхности нагрева: у «Галево» 71,25 м² (767 кв. ф.), у «Галевской пристани» – 68,93 м² (742 кв. ф.).

Регистровый номер «Галевской пристани» – 138, капитан, в отличие от «Галево», отсутствует. Последний осмотр регистром судно проходило в Галево в феврале 1904 г., при этом год постройки корпуса, машин и котлов значится 1904 г. Если у «Галево» осмотр котла проводился в июле 1911 г. и сертификат имел годность шесть лет, то по «Галевской пристани» в этом пункте стоит прочерк. А вот мощности машин снова не совпадают у «Галево» – 180 и.л.с., у «Галевской пристани» – 45 и.л.с. (Регистр, 1915, Ч. 7: 84-85). Информация по «Галевской пристани» один в один повторяется в регистре 1916 г., где «Галево» идет с порядковым № 356, а «Галевская пристань» с № 357 (Регистр, 1916: 86-87).

В публикуемой справке «Русского регистра» есть ряд странностей. Главная: если судно действительно постройки 1904 г., представители регистра никак не могли осмотреть его в феврале этого года в Галево. Обычно корпуса строившихся пароходов сплавлялись по внешней воде (конец апреля, начало мая) из заводского пруда по Вотке и Сиве на Каму. Выходит, судно построено не в 1904 г., а ранее. Отсутствие регистрации котла также очень странно, поскольку означает, что его, скорее всего, не эксплуатировали. Наконец, отсутствие регистрации МПС может означать, что судно находилось в собственности у какого-то казенного предприятия.

Можно предположить, что название «Галевская пристань» как раз и получил корпус парохода «Вятка», информация по которому в Русском регистре ошибочно была позаимствована с практически однозвучного «Галево». В этой связи разночтения с «Галево» как раз и могут указывать на истинные элементы судна. Мощность машин 45 и.л.с. также совпадает с таковой у «Гранаты».

Хотя больше информации о «Галевской пристани» нет ни в заводских документах, ни в регистрах или списках судов, об этом судне упоминает в своей записной книжке инженер Н.Г. Богатырев. Правда, в отличие от других судов, запись его в данном случае предельно лаконичная: «*Пар[оход] “Галевская пристань” В[откинского] К[азенного] З[авода] по типу Седова*» (МИКВ. Д. 707).

Относительно однотипных судов Н.Г. Богатырев обычно ориентируется на корпус. По крайней мере каких-либо несоответствий по его записям найти не удалось. Указанные им однотипные суда действительно имеют схожие размерения, и иногда в заводских чертежах прямо указано, что они строились по одному проекту. Поэтому утверждать, что в данном случае он мог иметь не однотипность корпусов, а, например, машин или котлов, оснований нет.

Для И.П. Седова в 1901 г. завод построил пароход «Владимир», который, судя по «Русскому регистру», имел следующие размерения: длина 33,35 м (109'4"), ширина 5,18 м (17'), высота 2,14 м (7'), осадка порожним 0,71 м (4 четв.), с топливом 1,06 м (6 четв.). (Регистр, 1915, Ч. 7: 62-63). Заводской чертеж общего вида «*Пароход “Владимир” г. Седову*» не имеет в экспликации указанных размерений, но, учитывая масштаб ($1/4" = 1'$), все они вполне определяются. Полная длина судна по чертежу 76 см, что соответствует 36,5 м, длина по ватерлинии – 69,5 см (33,38 м), ширина по кожухам – 21,5 см (10,32 м), ширина корпуса – 10,8 см (5,19 м), осадка – 1,3 см (0,62 м) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 150). Как видно, они довольно близки с размерениями «Гранаты».

На вопрос, где могла эксплуатироваться «Галевская пристань», чтобы не попасть ни в списки МПС, ни в заводские документы Воткинского завода, может ответить еще одно совпадение. В июле 1913 г., среди прочих судов, завод выставляет на продажу пароход «Пушкарь» за 30 тыс. руб., находящийся в Перми (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11210. Л. 129). С одной стороны, в собственности у Пермских пушечных заводов в Мотовилихе в регистрах действительно упоминаются пароходы «Пушкарь» и «Пушкаренко», но, с другой – известно, что во время мировой войны бывший мотовилихинский пароход «Пушкарь» (1873 года постройки) уже принадлежит нефтепромышленному и торговому обществу «Петроль». Но возникает резонный вопрос, с чего это Воткинский завод продает чужой пароход? А вот если предположить, что это все тот же достроенный корпус «Вятки» по заказу Пермского завода, но сделка по каким-то причинам сорвалась, в результате пароход, уже переименованный в «Пушкарь», уходит в 1913–1914 гг. Ижевским заводам, все видится вполне логичным.

Тогда в единую цепочку вполне увязываются следующие факты. Корпус парохода «Вятка» в 1912 г. достраивается по типу практически идентичного по длине «Владимира». Примерно в это же время запись о судне вносится в регистр как пароход «Галевская пристань», часть сведений по которому ошибочно дублируется с якобы однотипного «Галево». Поэтому о судне не сообщают списки 1912 г. и более ранние. Пароход уходит в Пермь, но в итоге стороны не согласовали вопросы оплаты, и в 1913 г. Воткинский завод его уже как «Пушкарь» снова выставляет на продажу. Судно получило в Перми это наименование после продажи своего «Пушкаря». Наконец, в 1914 г. пароход приобретает Ижевскими заводами и становится «Гранатой». Единственная неувязка этой теории в том, что у нее нет прямых документальных подтверждений.

История с ремонтом «Вятки» вполне допускает возможность того, что старый корпус судна попал в распоряжение Воткинского завода. Всего заводские расходы по ремонту парохода «Вятка» и барказа «Красотка» составили 51 233 руб. 86 1/2 коп. Но, когда завод выставил счет на 45 900 руб. (с убытком 5 333 руб. 86 1/2 коп.) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10628. Л. 141), МПС отказался что-либо оплачивать сверх контрактной суммы в 22 900 руб. Дело в том, что об увеличении контрактной суммы была лишь устная договоренность горного начальника с руководством МПС, которую потом МПС отказался признать (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10628. Л. 149). Разбирательство вопроса длилось до июля 1914 г. и закончилось ничем (архивное дело на этой дате обрывается). И, таким образом, использование старого корпуса для частичного погашения долга видится вполне логичным.

Между тем история постройки «Вятки» на заводе Крейтона в Або (Турку) оказывается тоже не столь тривиальной, как казалось бы.

Наиболее фундаментальная работа Пааво Хаавикко по истории завода ничего не говорит о постройке «William Crichton & Co» парохода «Вятка» (Haavikko, 1984). Зато под строительным

номером 372 среди продукции верфи фигурирует колесный пароход «Буг», водоизмещением 42,5 т, заказанный в 1892 г. для Варшавского округа МПС.

Хотя упомянутая работа не дает других деталей о построенном судне, интересные детали сообщаются в газете «Åbo Underrättelser» № 224: «Новый колесный речной пароход. Вчера на верфи W.M. Stichton & Co спустили на воду новый колесный речной пароход, построенный для российской короны. Корабль имеет длину 115 футов [35,1 м], ширину 16 футов [4,88 м] и осадку всего 18 дюймов [0,46 м] в собранном и полностью загруженном состоянии. Двигатель представляет собой машину компаунд диагонального типа с конденсатором, которая дает возможность судну разогнаться до 10,5 узлов. Корпус изготовлен из первоклассной мягкой стали Сименс-Мартин. Колесо запатентованной системы. Кроме того, можно отметить, что судно имеет деревянную палубу по всей длине, элегантной конструкции, удобную для экипажа» (Åbo Underrättelser. 1892. 20 августа). Сравнивая информацию с датой выхода газеты, можно определить, что пароход «Буг» спустили на воду 19 августа 1892 г.

Как видно, характеристики судна достаточно точно совпадают с «Вяткой», поэтому сомнений, что это может быть какое-то другое судно, не возникает.

5. Заключение

Анализ графических изображений и текстовой документации показывает, что ижевский пароход «Граната», по-видимому, пароход серийной постройки Воткинского завода. Но анализ биографий, по данным регистров и судовых списков, однозначно показал, что Воткинский завод к 1914 г. не строил пароходов с неизвестной судьбой, со схожими с «Гранатой» характеристиками. С другой стороны, имеющиеся пароходы «Красноводск» (1-й) и «Орбет», чья биография к 1914 г. не ясна, слишком отличаются характеристиками от «Гранаты» и для их перестройки потребовались бы большие средства и время. Это делает версию с перестройкой маловероятной. Так что наиболее перспективна версия с использованием Воткинским заводом старого корпуса от парохода «Вятка», строившегося по заказу МПС.

6. Благодарности

Автор выражает признание Яри Аромаа (Aalto University, Финляндия) за предоставленные материалы.

Литература

- ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.
 МИКВ – Музей истории и культуры города Воткинска.
 АВЗ – Архив музея Воткинского завода.
 ГААО – Государственный архив Астраханской области.
 ВМЗ, 2018 – Воткинский машиностроительный завод: век судостроения (1847–1945 гг.) / Р.В. Лапшин, Н.В. Митюков, Д.В. Матвеев, А.В. Коробейников. Ижевск: Иднакар; Институт компьютерных исследований, 2018. 434 с.
 Кутузов, 2019 – Кутузов Г.М. История Татарской слободы Ижевска. Ижевск: МарШак, 2019. 244 с.
 Регистр, 1915, Ч. 10 – Судовой список «Русского регистра». Исправлен на 1 января 1915 г. Ч. 10. Паровые суда Каспийского моря. СПб., 1915. 63 с.
 Регистр, 1915, Ч. 7 – Судовой список «Русского регистра». Исправлен на 1 января 1915 г. Ч. 7. Паровые суда Волжского бассейна. Петроград: [б/и], 1915. 415 с.
 Регистр, 1916 – Судовой список «Русского регистра». Исправлен на 1 января 1916 г. Ч. 8. Суда с механическим двигателем Волжского бассейна и Астраханского рейда Каспийского моря. Петроград: Типография А. Лаврова и К°, 1916. 431 с.
 Сборник, 1908 – Статистический сборник министерства путей сообщения. Выпуск 96. Внутреннее судоходство в 1906–1908 гг. СПб.: Типография МПС, 1910. 466 с.
 Сборник, 1912 – Статистический сборник министерства путей сообщения. Выпуск 143. Внутреннее судоходство в 1912–1914 гг. СПб.: Типография МПС, 1917.
 Севрюков, 1972 – Севрюков О. О чем рассказала тетрадь // Удмуртская правда. 1972. 27 августа.
 Список..., 1892 – Список паровых судов, плававших по внутренним водяным путям Европейской России в 1892 г. Вып. II. СПб.: Типография МПС, 1893. 157 с.
 Список..., 1897 – Список паровых судов, плававших по внутренним водяным путям Европейской России в 1897 г. Вып. III. СПб.: Типография МПС, 1898. 256 с.
 Список..., 1900 – Список речных паровых судов европейской России по переписи 1900 г. Вып. IV. СПб.: Типография МПС, 1902. 360 с.
 Åbo Underrättelser – старейшая шведоязычная газета Финляндии, выходящая в Турку.
 Naavikko, 1984 – Naavikko P. Wärtsilä 1834-1984. Helsinki: Oy Wärtsilä Ab, 1984.
 Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyayev S.I. Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s // Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Is. 3: 1307-1320. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Loshkarev A.N., Makarov Yu.N. Steamers of the Izhevsk Plants during WW1 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1896-1906. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1896

Reference

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic].

MIKV – Muzei istorii i kul'tury goroda Votkinska [Museum of History and Culture of the city of Votkinsk].

AVZ – Arkhiv muzeya Votkinskogo zavoda [Archives of the Votkinsk plant museum].

GAAO – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archives of the Astrakhan Region].

Åbo Underrättelser – Finland's oldest Swedish-language newspaper, published in Turku.

Haavikko, 1984 – *Haavikko, P.* (1984). *Wärtsilä 1834-1984*. Helsinki: Oy Wärtsilä Ab. [in Finnish]

Kutuzov, 2019 – *Kutuzov, G.M.* (2019) *Istoriya Tatarskoi slobody Izhevsk* [History of the Tatar settlement of Izhevsk]. Izhevsk, MarShak, 244 p. [in Russian]

Mitiukov et al., 2018 – *Mitiukov, N.W., Bautina, S.L., Adinyaev, S.I.* (2018). Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s. *Bylye Gody*. 49(3): 1307-1320. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307

Mitiukov et al., 2019 – *Mitiukov, N.W., Bautina, S.L., Loshkarev, A.N., Makarov, Yu.N.* (2019). Steamers of the Izhevsk Plants during WW1. *Bylye Gody*. 54(4): 1896-1906. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1896

Registr, 1915, Ch.10 – Sudovoi spisok «Russkogo registra». Ispravlen na 1 yanvarya 1915 g. Ch. 10. Parovye suda Kaspiiskogo morya [Ship's list of the "Russian Register". Corrected for January 1, 1915. Part 10. Steam ships of the Caspian Sea]. St. Petersburg, 1915. 63 p. [in Russian]

Registr, 1915, Ch.7 – Sudovoi spisok «Russkogo registra». Ispravlen na 1 yanvarya 1915 g. Ch. 7. Parovye suda Volzhskogo basseina [Ship's list of the "Russian Register". Corrected for January 1, 1915. Part 7. Steam ships of the Volga basin]. Petrograd, 1915. 415 p. [in Russian]

Registr, 1916 – Sudovoi spisok «Russkogo registra». Ispravlen na 1 yanvarya 1916 g. Ch. 8. Suda s mekhanicheskim dvigatelem Volzhskogo basseina i Astrakhanskogo reida Kaspiiskogo moray [The ship's list of the "Russian Register". Corrected for January 1, 1916. Part 8. Ships with a mechanical engine of the Volga basin and the Astrakhan raid of the Caspian Sea]. Petrograd, 1916. 431 s. [in Russian]

Sbornik, 1908 – Statisticheskii sbornik ministerstva putei soobshcheniya [Statistical collection of the Ministry of Railways]. Is. 96. Vnutrennee sudokhodstvo v 1906–1908 gg. St. Petersburg, 1910. 466 p. [in Russian]

Sbornik, 1912 – Statisticheskii sbornik ministerstva putei soobshcheniya [Statistical collection of the Ministry of Railways]. Is. 143. Vnutrennee sudokhodstvo v 1912-1914 gg. St. Petersburg, 1917. [in Russian]

Sevryukov, 1972 – *Sevryukov, O.* (1972). O chem rasskazala tetrad' [What the notebook told about]. *Udmurtskaya Pravda*. 27 August. [in Russian]

Spisok..., 1892 – Spisok parovykh sudov, plavavshikh po vnutrennim vodyanym putyam Evropeiskoi Rossii v 1892 g. [List of steam ships sailed on the inland waterways of European Russia in 1892] Vol. II. St. Petersburg, 1893. 157 p. [in Russian]

Spisok..., 1897 – Spisok parovykh sudov, plavavshikh po vnutrennim vodyanym putyam Evropeiskoi Rossii v 1897 g. [List of steam ships sailed on the inland waterways of European Russia in 1897]. Vol. III. St. Petersburg, 1898. 256 p.

Spisok..., 1900 – Spisok rechnykh parovykh sudov evropeiskoi Rossii po perepisi 1900 g. [List of river steam vessels of European Russia according to the 1900 census]. Vol. IV. St. Petersburg, 1902. 360 p. [in Russian]

VMZ, 2018 – *Lapshin, R.V., Mitjukov, N.V., Matveev, D.V., Korobejnikov, A.V.* (2018). *Votkinskij mashinostroitel'nyj zavod: vek sudostroenija (1847-1945 gg.)* [Votkinsk machine-building plant: the century of shipbuilding (1847-1945)]. Izhevsk: Idnakar; Institut komp'juternykh issledovaniy. 434 p. [in Russian]

Идентификация парохода «Граната», приобретенного Ижевскими заводами в годы Первой мировой войны

Николай Витальевич Митюков^{a, b, c, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Аннотация. Пароходы Ижевских оружейного и сталелитейного заводов оказали существенное влияние на культурную и хозяйственную жизнь в поселке Ижевский завод. В научной и краеведческой литературе часто встречается упоминание о пароходе «Граната», приобретенном Ижевскими заводами в годы Первой мировой войны. К сожалению, в большинстве работ информация о судне сводится лишь к самому факту, что такой пароход был. Анализ графических изображений и текстовой документации показывает, что ижевский пароход «Граната», по-видимому, пароход серийной постройки Воткинского завода. Но анализ биографий, по данным регистров и судовых списков, однозначно показал, что Воткинский завод к 1914 г. не строил пароходов с неизвестной судьбой, со схожими с «Гранатой» характеристиками. С другой стороны, имеющиеся пароходы «Красноводск» (1-й) и «Орбет», чья биография к 1914 г. не ясна, слишком отличаются характеристиками от «Гранаты» и для их перестройки потребовались бы большие средства и время. Это делает версию с перестройкой маловероятной. Так что наиболее перспективна версия с использованием Воткинским заводом старого корпуса от парохода «Вятка», строившегося по заказу МПС. Воткинский завод долго судился с МПС по поводу превышения расходов на работы по «Вятке» сверх контрактных сумм, так что возможность использования старого корпуса парохода вполне вероятно как способ частичного погашения долга. С другой стороны, среди судов, приписываемых Воткинскому заводу, имеется пароход «Галевская пристань», документация о постройке которого отсутствует. И вполне вероятно, что под этим названием проходит бывший корпус «Вятки».

Ключевые слова: реконструкция, пароход, судостроение, Воткинский завод, Ижевские заводы, Первая мировая война.